

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

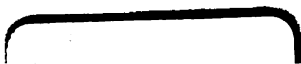
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929189 2

Allen

15 B7

x 20

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐροὶ δὲ τὴν ἀσχυρὸν, τοὺς ἐπίφοιτος μὴ δύνασθαι περὶ
ἑμῶν τὰ δίκαια μήτε γινώσκει μήτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγενεστῶν ἀσθενῶντων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπεῖσθαι τῶν
τε ἀδικεσάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

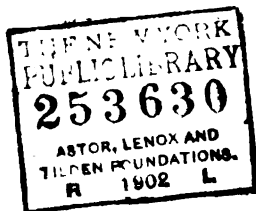
Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ СТО-ТРЕТІЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙНА.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

сз тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 11 сентября 1880.

Ценсоръ Н. Срезневскій,

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С Т О - Т Р Е Т Ъ Я Г О Т О М А .

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Замосковная Лѣтопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и о другихъ. Книги третьи. Статья первая. <i>Лейлы</i>	9
Поездка въ Болгары въ 1849 году. Статья вторая. <i>П. Юрт- кульскаго</i>	63 ✓
Письма изъ Италіи. Сорренто. <i>В. Яковлева</i>	83
Замосковная Лѣтопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и о другихъ. Книги третьи. Статья вторая. <i>Лейлы</i>	117

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Эрнестъ Мальтреверсъ. Романъ Эдуарда Литтона Бульвера. Книги пятая и шестая.....	1 ✓
---	-----

✓ Эрнестъ Мальтреверсъ. Романъ Эдуарда Литтона Бульвера. Книги седьмая, осьмая и девятая.....	83
--	----

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Съверо-американскія древности.....	1
Скульпторъ Иванъ Гужонъ.....	17
О французскомъ романсѣ.....	43
✓ Древнія Гречанки. Статья первая. П. Тихоновича.....	65
Томасъ Кемблъ.....	101
✓ Древнія Гречанки. Статья вторая. П. Тихоновича.....	127

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Промышленность Бессарабской Области. Статья вторая.....	1
Производство дѣлъ и работъ на желѣзныхъ дорогахъ. Статья первая.....	17

V.

КРИТИКА.

Статистическое обозрѣніе внешней торговли Россіи. Григорія Небольсина. Двѣ части. Статья первая.....	1
Тожь. Статья вторая и послѣдняя.....	53

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Августъ, 1850. Новыя книги.....	1
— — Новыя брошюры.....	11
— — Разныя извѣстія.....	22

Сентябрь, 1850.	Новыя книги.....	23
—	— Новыя брошюры.....	29
—	— Разныя извѣстія.....	30

VII.

С М Ъ С Ъ.

СЕНТЯБРЬ.

Ноговозъ, машина для желѣзныхъ дорогъ взамятъ паровозовъ. Изобрѣтеніе вѣды прыскомъ.....	1
Гробница Наполеона.....	5
Тереза Миланоло.....	6
Охота за сернами.....	7
Вѣсти изъ Баносъ-Айреша.....	9
Артистъ въ Калифорніи.....	14
Рекомендательное письмо.....	15
Не всякая репутація справедлива.....	18
Драма изъ супружеской жизни.....	40
Сюжетъ для водевиля.....	69
Французскія книги.....	72
Новыя музыкальныя сочиненія.....	75
Моды.....	79

ОКТАБРЬ.

Еще одна новая планета.....	95
Что такое поэзія.....	96
Оноре де-Бальзакъ.....	101
Бонапарте и Синайскій монастырь.....	107
Алхимикъ Дюбоа.....	110
Бланка.....	115

Вилла Паста	124
Перстень	129
Шелковые чулки	130
Музыкальныя новости	132
Французскія книги	139
Новыя музыкальныя сочиненія	142
Моды	1

=

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЗАМОСКОВНАЯ ЛѢТОПИСЬ

О НАШИХЪ ЖЕНСКИХЪ ДѢЛАХЪ И О ДРУГИХЪ.

=

КНИГИ ТРЕТЬИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

I.

Надо сказать правду, нашему бѣдному городу досталась самая незавидная доля. Заговорите объ этомъ отдаленномъ уголку въ Москвѣ или въ Петербургѣ: вамъ скажутъ, что тамъ живутъ.... ахъ какой ужасъ! Киргизы!... людоѣды!... Къ вамъ ѣдутъ неохотно, уѣзжаютъ отъ насъ безъ сожалѣнія. А между-тѣмъ нигдѣ въ Россіи нѣтъ такой постоянно хорошей погоды, такого яснаго голубаго неба, такихъ яркихъ звѣздъ, такихъ чудныхъ ночей лѣтомъ, такихъ веселыхъ утръ осенью, такого задорнаго виста-преферанса зимою, такого изобилія

шампанскаго и другихъ безцѣнныхъ плодовъ земныхъ какъ въ нашей раздольной сторонѣ. При другихъ условіяхъ мѣстоположенія, эти преимущества нѣбли бы для васъ огромную привлекательность; но въ состояніи ли они выкупить такую убійственную даль? Я не нахожу никакого удовольствія сидѣть да кушать чудеснѣйшіе арбузы въ пустынѣ. Провинціальная жизнь съ своимъ однообразіемъ, съ своей мелочностью и безжизненностью, еще невыносимѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ нашемъ далекомъ городѣ, раскинутомъ среди степей и неудобопроходимыхъ дорогъ, почти на рубежѣ грамотнаго свѣта. Очень рада васъ видѣть, но стану сожалѣть о вашей участи, если судьба заброситъ васъ къ намъ. Свѣтскія удовольствія утомительны здѣсь отсутствіемъ шуму и блеску, разговоръ, не оживляемый новостью предметовъ, фізіономія вая и безцвѣтны, а мыслей у насъ вовсе не водится: онѣ замѣняются отличными виноградомъ, котораго сортовъ у насъ болѣе сорока, и о которомъ мы разговариваемъ между-собою также остроумно, какъ вы о дождѣ и о хорошей погодѣ.

Но бываютъ исключенія и въ нашемъ прозябающемъ существованіи. Бываютъ, хотя и рѣдко, дни полные жизни, веселія, наслажденія. Такимъ днемъ или точнѣе вечеромъ, осталось въ памяти здѣшняго общества тридцатое августа 18** года. Въ этотъ вечеръ, достопамятный въ лѣтописяхъ города, былъ за городомъ балъ; и какой балъ! Такихъ чудесъ прихоти и роскоши ни прежде ни послѣ не видали и не увидимъ мы. Много было интереснаго на этомъ праздникѣ, феноменальномъ явленіи въ странѣ, незатѣливой въ выборѣ удовольствій; много замѣчательнаго, много даже смѣшнаго отъ оригинальныхъ украшеній танцевальной галереи до еще болѣе оригинальныхъ фигуръ степныхъ барынь; но навѣрное прежде и болѣе всего вниманіе посторонняго зрителя обратилось бы на человѣка, сидѣвшаго отдѣльно отъ другихъ въ самомъ уединенномъ уголку. Вокругъ него все такъ суетилось, веселилось, шумѣло, забавлялось, что его разсѣянный видъ и уединеніе поражали зрителя неволью. Можно было бы предположить, что какое-нибудь тайное горе не позволяетъ ему принять участіе въ общемъ весельѣ. Между-тѣмъ

ому, просто, было скучно, что обыкновенно бываетъ у насъ съ рѣзкими. Прибывъ въ городъ наканунѣ и не зная почти никого, Риналковъ сидѣлъ одинъ и не зная куда дѣваться, на что рѣшиться, какъ не заснуть отъ этихъ „куріозныхъ людей“, — такъ называлъ онъ насъ въ своемъ столичномъ мысляницѣ. Въ карты онъ не игралъ, танцевать съ незнакомыми не хотѣлъ, говорить было не съ кѣмъ. Отъ нечего дѣлать онъ началъ дѣлать наблюденія — гадкое занятіе, удовольствіе скверныхъ характеровъ — и, мало-по-малу, то, что онъ увидѣлъ, сообразилъ, отгадалъ, такъ его заинтересовало, что носѣ Риналковъ не промѣнялъ бы своего уединеннаго стула на кресла въ итальянской оперѣ, когда Віардо-Гарсія пѣла партію Розины тѣмъ свѣжимъ голосомъ, съ тѣмъ юнымъ жаромъ, которые принадлежатъ теперь къ преданіямъ старины.

Сначала, повинуясь бессознательному влеченію своего коварнаго пола, онъ принялся разсматривать хорошенькія личики, въ надеждѣ встрѣтить какую-нибудь Грѣзовскую головку, которая доставила бы ему одно изъ любимѣйшихъ наслажденій художниковъ, созерцаніе прекрасной формы. А онъ былъ художникъ и притомъ поэтъ, только не практическій, а теоретическій. Риналковъ не былъ одаренъ способностью создавать художественно прекрасное: онъ умѣлъ только сочувствовать ему и уродовать его отъ полноты души; вотъ почему прекрасное во всѣхъ родахъ и видахъ находило въ немъ восторженнаго поклонника. Карикатуристы — удивительный народъ! Увидавъ прекрасную женщину, они не прежде могутъ въ нее влюбиться, какъ представивъ ее себѣ безобразною, неуклюжею, съ огромнымъ носомъ, съ остроконечнымъ лбомъ, съ журавлиною шеей, съ ушами какъ у летучей мыши. Я не люблю карикатуристовъ. Передъ Риналковымъ мелькало множество миленькихъ лицъ и стройныхъ становъ, но ни въ одномъ не встрѣчалъ онъ той гармоніи въ чертахъ, безъ которой нѣтъ замысловатаго безобразія и настоящаго смѣшнаго въ любимомъ его родѣ искусства, или, быть-можетъ, вдохновеніе къ нему не приходило. Онъ былъ не въ духѣ.

Мнѣ, пожалуй, опять скажутъ, что я отступаю отъ истины, представляя всѣхъ женщинъ такими хорошими. Вотъ

странная привезія! Не добротѣ сердца, а любви карикатуру, не сама никогда не рѣдилась заниматься такимъ родомъ творчества. Я — простая дѣтислица и не виновата въ томъ, что мянщины, перелить исторію аваломъ я речекаеть, были не уроды, а притяжія и милая созданія. Я — того мнѣнн, что на свѣтѣ такъ же мало совершенно безобразныхъ женщинъ, какъ и совершенныхъ красавицъ. У той особенное выраженіе придаетъ прелесть неправильныхъ чертамъ, другая можетъ нравиться граніозными манерами, у этой — не изысканна, но роскошная форма; эта одѣвается со вкусомъ, та кокетничаетъ оборотннательнне, въ той чудесные волосы и ослѣпительные зубы заставляютъ забыть о всенъ прочемъ. Словенъ, каждая планнеть чѣмъ-нибудь, иногда уже темъ самимъ, что она — женщина; каждая хороша на своемъ, въ своемъ родѣ. Въ общей сложности и среднемъ численн, всѣ ны хороши. Красота — сила слабости. Намъ нельзя быть безъ извѣстной доли красоты.

Но Риналковъ былъ выскателемъ, по коренной злоусунности карикатуриста. Скука давила его такимъ тажкимъ гнетомъ, что преодѣть ее могло только что-нибудь необыкновенно прекрасное, истинно достойное быть исковерканнымъ въ его превратномъ воображенн. А въ нашемъ городѣ помнать только двухъ необыкновенно прекрасныхъ женщинъ, но, на бѣду Риналкова, обнхъ на этотъ балъ не было. Грудева оставила городъ, Катя Дюнова находилась съ отцомъ далеко, въ Москвѣ. Была еще третья, которой трегательную исторію представляю я въ одной изъ слѣдующихъ книгъ дѣтисси, на эта третья на-ту-пору умерла.

Какъ ни разсматривалъ Риналковъ всѣхъ вмѣстѣ и каждую отдѣльно, а долженъ былъ сознаться, что изъ этихъ красивыхъ посредственностей нельзя извлечь никакого страшнаго чудовища. Что ему дѣлать! Вся надежда на высокое художественное развлеченіе исчезла. Риналковъ однако не унывалъ. Должна же быть одна, по сравненн, лучше всѣхъ прочихъ? И точно, тутъ была одна молодая дѣвушка, достойная его предпочтительнаго вниманн. И не по одной наружности. Царница преедника, потому что она давала въ честь ее помол-

ши, она умно, по своему положению как невеста, становилась самым замечательным лицом бала, если бы даже ей шариду, приёмовъ, лица, росту, воле, отъ гибкихъ движений стройнаго стана, до гирлянды бѣлыхъ розъ, прикомотой къ волосамъ съ высокими экусомъ, солибы всего этого, говорю я, не было довольно, чтобы рѣзко отделить эту дѣвушку отъ окружающей толпы. Въ другое время, можетъ-быть, два, три разсѣянные взгляда были бы данью Риналкова этому явлению, но не роскошному цвѣтку; но теперь, вслѣдствіе рѣшительнаго недостатка, онъ принялся разсматривать подробно пріятельныя черты невесты. Чѣмъ пристальнѣе онъ вглядывался, тѣмъ болѣе стала она интересоваться его. Голова ея была освѣщена въ четверть ланною, висѣвшею сзади. Не смотря на удобство такого свѣту, Риналковъ замѣтилъ, что она была очень печальна. При одномъ поворотѣ этой красивой головы, тѣнь ея, падая вкось на ближайшую стѣну, нарисовалась съ такимъ длиннымъ носомъ и такъ страшно искривленнымъ ртомъ, что онъ пришелъ отъ нея въ неописанный восторгъ. „Ахъ! какъ хороша!“ воскликнулъ онъ про себя: такъ и хочется выплюнуть счастье, котораго только коснулась губами; живая карикатура блаженнаго состоянія невесты! Нарисовать и подписать: *Горе отъ счастья или брака по любви...* вѣдь они женятся по любви, я слышалъ?... и картинка готова.... хоть въ „Ералашъ“ посылай. Съ этой минуты онъ началъ находить ее красавицей. „Ну, просто, типъ горящей невесты!“ говорилъ онъ не сводя глазъ съ нея: „сладко-горько!... какое чудное сліаніе душевной боли съ радостью и красотой!“ Ему ужасно нравилось это выраженіе горькой скорби на миловидномъ лицѣ среди праздничнаго торжества. Невѣста продолжала глядѣть такъ задумчиво и улыбаться такъ печально, что наконецъ Риналкову стало чрезвычайно жаль ея. Мало того—жаль: эта грусть возбудила въ умѣ его цѣлый рядъ предположеній, подстрекнула любопытство. То, что сказывали ему утромъ объ этой невестѣ, и то, что онъ теперь видѣлъ самъ, было такъ несогласно и непонятно, что Риналковъ пересталъ скучать. Напротивъ, ему показалось даже весело проникать до глубины этого сердца, израреннаго въ гирлянды вѣзъ розъ, разсматривать въ немъ то, чего, можетъ-

быть, не подозревалъ никто, открытъ существованіе скрытной драмы—комедіи тамъ, гдѣ другіе не видали.... ничего!... „Ничего не понимаютъ!“ подумалъ Риналковъ съ улыбкой и пожавъ плечами: „свѣтъ ужасно безтолковъ! Бракъ по любви!... слѣпые! Бракъ вѣрно будетъ.... и любовь—то есть, да только любовь не къ жениху.“

— Смію спросить, о чемъ это вы изволите посмѣиваться? спросилъ нашъ старый знакомецъ, Сергѣй Павловичъ, уже нѣсколько минутъ наблюдавшій за Риналковымъ и заинтересованный его улыбкой. — Простите смѣлость, продолжалъ онъ: я это не то чтобы изъ любопытства, а такъ.... хотѣлось бы узнать.... Чай, вамъ все кажется навыворотъ противъ Петербурга, и платья—то не такъ сшиты, и банты не на той сторонѣ. Да ужъ прошу извинить! мы вѣдь живемъ за двѣ тысячи верстъ отъ Петербурга.... примите это въ соображеніе.... Наши дамы, наприѣръ....

— О! да вы вѣрно здѣшній дамскій угодникъ, отвѣчалъ Риналковъ, улыбаясь еще значительнѣе при внимательномъ обзорѣнн этой новой фигуры, которую онъ мгновенно исковеркалъ, измалъ, изломалъ, живописнымъ уиомъ своимъ, въ забавную карикатуру любопытнаго добряка: а впрочемъ и коверкать было не нужно.... природа въ этомъ случаѣ выручила искусство.

— Я, дамскій угодникъ?... и! что вы это! гдѣ ужъ мнѣ!... а такъ.... вотъ видите ли, я не одобряю несправедливости! Вы, господа петербургскіе модные кавалеры, всѣ таковы. То есть, я говорю не объ васъ.... а такъ... обо всѣхъ. Я говорю вообще. Пріѣдутъ изъ столицы, да и давай все на смѣхъ поднимать!... все карикатурить!

— Вы сами теперь несправедливы, перебилъ Риналковъ, котораго очень удивлялъ инстинктъ этой фигуры, отгадавшей въ немъ записнаго любителя красоты и истинны на выворотъ, не смотря на ея идеальную фізіономію, на его простой, добродушный тонъ. Я вовсе не насмѣшникъ.... Ни въ васъ ни въ вашихъ дамахъ ничего смѣшнаго я не нахожу. Я улыбнулся.... но знаете ли отъ чего? Мнѣ показалось вдругъ, что на свѣтъ очень забавно.... каждый дѣлаетъ не то, чего

ему хочется въ душѣ, а прочіе всё поздравляютъ его съ этимъ несказаннымъ удовольствіемъ.

Сергѣй Павловичъ покачалъ головою.

— Разсуждать по-вашему, по-нынѣшнему, я не мастеръ, отвѣчалъ онъ собесѣду: а позвольте сказать вамъ.... такъ.... по-просту, напрямки: какъ же иначе и быть-то свѣту? Вѣдь у каждаго — своя служба, своя забота, свое дѣло: развѣ есть время заглядывать въ душу ко всякому? Да и чужая-то душа, скажу я вамъ, премудренная вещь!... прошу покорно разгадать! Да и къ чему? Я прожилъ вѣкъ, и ни одной души не разгадалъ.... да и не старался!... не стоитъ!... и всё меня за это любили. Можетъ-статься, по той же причинѣ, и я люблю всѣхъ. Мудрость, сударь мой — суета. Теперь, куда ни по-смотришь — мудрецъ на мудрецъ: а что проку? Бывало, въ ваше время, молодъ, такъ пляши: и свѣтъ былъ лучше. А нынче, чуть за двадцать, и глядѣть на свѣтъ Божій ужъ не хотятъ. „Куда мнѣ, дескать, пускаться въ танцы: я ужъ много испыталъ; натанцовался на своемъ вѣку, наглядѣлся! Поди, чай еще прибавить: любилъ, разлюбилъ, пресытился, разочаровался.... Да не далеко ходить, вотъ вы, напрямѣръ: молодой человекъ, молодецъ собою, столичный гость у насъ.... какъ же вамъ не попользоваться этими, такъ сказать драгоценными дарами? какъ на балѣ разсуждать о людяхъ?... о разной этакой ученой, съ позволенія сказать, галиматии.

— Я вовсе не изъ тѣхъ разочарованныхъ, о которыхъ говорите вы, отвѣчалъ Риналковъ съ тайною досадою. Напротивъ, я люблю и готовъ наслаждаться жизнью. Я и потанцовать не прочь. Но теперь мнѣ больше нечего дѣлать какъ только разсуждать съ такими почтенными практическими философами, какъ вы.... если они, по-счастію, встрѣтятся: я здѣсь никого не знаю, попалъ на этотъ балъ случайно....

— А какимъ это манеромъ, смѣю спросить?

— Я здѣсь проѣздомъ. Заволинъ, съ которымъ я довольно знакомъ, уговорилъ меня поѣхать на этотъ балъ. Онъ предполагалъ, что мнѣ, сѣверному жителю, интересно будетъ взглянуть на эти очарованія юга. Графиня уполномочила его пригласить на этотъ балъ кого угодно, потому что сама никого она почти не знаетъ здѣсь....

— Такъ, такъ! она прѣехала недавно....

— И женить племянника здѣсь?

— Да, да! на удивленіе всѣмъ.

— Растолкуйте, пожалуйста мнѣ это.... люди, которые всѣхъ любятъ, обыкновенно знаютъ все.... Владиславъ Васильевичъ рассказывалъ мнѣ много нынче утромъ.... да теперь прибавилъ Риналковъ, взглянувъ на блѣдное лицо невесты, теперь мнѣ едается, будто я не такъ понимаю.

— Владиславъ Васильевичъ вѣрно сказывалъ вамъ то, что всему городу извѣстно. Здѣсь ужъ кричали, кричали о неслыханной добротѣ графини.... Омо, конечно, рѣдкость, нечего сказать. Позволить жениться племяннику, котораго она обожаетъ, единственному наследнику, богачу, на комъ?... на блѣдой дѣвушкѣ, воспитанной у себя изъ милости! Вѣдь это безпримѣрный случай! Такого безкорыстія.... прежде.... на моей памяти.... за матерями и за тетунками не водилось.

— Вотъ, видите! А вы изволите говорить, что и прежде свѣтъ былъ лучше?... Она прѣехала сюда недавно, говорите вы?

— И мѣсяца еще нѣтъ. Надо вамъ знать, что въ здѣшнихъ стенахъ есть богатѣйшія помѣстья, да никто въ нихъ не живетъ. Скука, знаете, глушь! Графиня до-сихъ-поръ не бывала здѣсь никогда. Вдругъ, глядимъ, прикатила ея сѣдельство, сначала одна, съ воспитанницей, безъ графа племянника, котораго она обыкновенно называетъ своимъ сыномъ, а воспитанницу—то называетъ она не иначе, какъ: *моя Александрина*.... модное имя.... впрочемъ извѣстное и въ нашей губерніи, а тамъ прилетѣлъ и молодой графъ. Сначала о свадьбѣ дѣловъ и не воображали, какъ вдругъ объявлено о предстоящей помолвкѣ, и задалъ пиръ на славу. Вѣдь такой балъ, и въ столицѣ—то, а чай, на рѣдкость!

Удивленіе Мирзюлова Риналковъ раздѣлилъ вселенъ. Онъ не могъ не любоваться на чудный эффектъ виноградной зелени, которую была убрана вся танцовальная, пересыпанная огнями, зала. Огромныя кисти антарнаго, снѣгаго и розоваго винограда, отражая и пропуская свѣтъ, казались тысячею разноцвѣтныхъ фонарей. Видъ былъ очень оригиналенъ; въ комнатахъ вѣяло всей свѣжестью и роскошью поэтической природы юга.

— Этотъ видъ восхитителенъ! сказалъ Риналковъ. Какъ же это графиня до-сихъ-поръ не заглядывала въ такой рай? Два человѣка нужны, чтобы нести одну виноградную кисть.

— Да вѣдь это не графинино помѣстье. Оно принадлежитъ воть той дѣвицѣ, что сидитъ одна въ уголку. Графиня съ ней хорошо знакома; и какъ у ея сѣятельства нѣтъ въ деревнѣ приличнаго дому, то она выпросила позволеніе отпраздновать помолвку здѣсь. Добрая, примѣрная женщина — графиня. А говорить сначала долго не соглашалась. Судите же сами: приняла къ себѣ малюткой племянника мужа; посвятила жизнь воспитанію его, а воспитанникъ-то послѣ влюбился въ ея воспитанницу; а воспитанница — въ него; и давай оба вздохнуть — быть несчастными — умирать отъ любви, по старому положенію. Вѣсто выгодной и ровной партіи видѣть его мужемъ бѣдной сироты неприятно. Она противилась долго, да молодые люди впали въ нюхондрію. Опасно. Александринна чихла. Не чаяла бѣдняжка такого счастья. Графство, богатство, какое родство! Вы опять сѣбаетесь: да что это такое съ вами?

— Опять та же мысль.

— О свѣтъ да о людяхъ?

— Да! Потому что женихъ богатъ и знатенъ, а невѣста бѣдна и незнатна, такъ она непременно и должна быть счастлива?

— Помилуйте, это всѣмъ извѣстно.

— Скажите же, зачѣмъ она не весела, когда такъ счастлива? Если эта страсть ведется у ней давно, безъ надежды быть женою любимаго, отчего сегодня, въ день неожиданнаго благополучія, въ день помолвки съ любимымъ, она... такова, какъ вы изволите ее видѣть?

Риналковъ указалъ Мирвулову на невѣсту.

Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Наклонившись къ вазѣ, съ пышнымъ кустомъ георгины *The Vanity*, алой съ бѣлыми краями, она разсѣянно обрывала листочки одного цвѣтка, рука ея дрожала, и изъ полуоткрытыхъ глазъ какъ-будто готовы были брызнуть слезы. Она была жалка.

— Ну! это ничего! сказалъ Сергѣй Павловичъ: у женщины натура — мудреная; онѣ плачутъ и отъ счастья, и отъ

радости, и отъ разныхъ другихъ оказій. Разбирать дѣвушекъ нѣтъ возможности. Довольно того, что, по сущности дѣла, ей слѣдуетъ быть веселой: а тамъ грустна ли она, задумчива ли, печальна ли, рветъ ли цвѣтки съ досады, щиплетъ ли жениха отъ восторгу, этого въ счетъ не принимается. У дѣвушекъ часто происходятъ въ сердцѣ такія разныя штуки, что — отгадывай кто захочетъ, а я просто пасъ!

— А я готовъ биться объ закладъ, что она жениха своего не любитъ. У ней должна быть тайная страсть къ другому: это видно по лицу. Она выходитъ по принужденію, можетъ-быть изъ благодарности за благодѣянія графини, можетъ даже оттого, что это прекрасная партія: смѣшно бы было отказать...

Риналковъ не договорилъ. Мирвуловъ толкнулъ его логонько и указалъ взглядомъ на невѣсту. Розоватый оттѣнокъ покрывалъ ея, еще за минуту, блѣдное лицо, улыбка невыразимаго блаженства играла на губахъ, а въ глазахъ, устремленныхъ на жениха въ другой конецъ залы, сіялъ лучъ такой глубокой нѣжности, такой великолѣпной страсти, что Риналковъ, смущенный, обернулся къ собесѣднику съ вопросительнымъ взглядомъ. Тотъ усмѣхнулся.

— Не правду ли я сказалъ? Чужая душа — потемки. Я хоть человекъ не ученый, а могу понять, что женщина такъ смотритъ только на того, кто дорогъ ей. Вотъ разберите же теперь ихъ! Влюблена, помолвлена, выходитъ замужъ, а напала на себя похоронное лицо!

— Въ-самомъ-дѣлѣ это непонятно, сказалъ Риналковъ.

— Вѣрно, у ней что-нибудь, какъ говорится, лежитъ на сердцѣ. Этимъ все объясняется. А жаль! она мнѣ нравится; не красавица, а, такъ сказать, преиное лицо. Да, что въпрочемъ и красота безъ другихъ достоинствъ!

— Но красота сама по себѣ ужъ достоинство, перебилъ Риналковъ. Женщина-красавица всегда важное лицо, какъ существо, привилегированное природой...

— Да природа-то выдаетъ свои привилегіи только на дѣсять лѣтъ, много на пятнадцать. Когда привилегія просрочена, къ чему она годится? Иная и красавицей слыветъ, а смотреть на нее не любо. Вотъ, хоть бы эта, напримѣръ:

до сихъ—поръ еще королевой смотреть; чай въ молодость, когда получила привилегію, довольно кого свела съ ума; а я бы за эту красоту не далъ ни гроша. Доброты, такъ сказать, должна-быть безпримѣрной. Согласиться на такой неровный бракъ, не бездѣлица. Такъ вотъ нѣтъ! не лежить къ ней сердце.... глупо! безъ причины.... а что прикажете дѣлать?... не могу себя преодолѣть!

Риналковъ взглянулъ на предметъ разглагольствованій сосѣда: то былъ сама графиня, еще видная собою женщина, лѣтъ сорока пяти. Слѣды красоты, замѣчательной въ свое время, еще довольно сохранились въ ея правильныхъ, гармонически обрисованныхъ чертахъ. Черные блестящіе глаза удивительно согласовались съ нѣсколькими рѣзкими очерченіемъ носа и рта. Утонченное изящество манеръ и бархатистая ласковость взора достаточно смягчали надменное выраженіе лица, но виѣсть съ тѣмъ, что-то сдранное, неумовно неприятное, разлито было во всей ея особѣ. Разсматривая ее кинзательно, Риналковъ чувствовалъ, что эти любезные пріемы должны прикрывать коварство и жестокость, и что тягостное чувство невольно овладѣваетъ тѣмъ, на кого падаетъ этотъ благосклонный взоръ.

— Будь я живописецъ, продолжалъ Мирвуловъ, я бы писалъ съ нея Катерину Медичи. Ужасно какъ похожа! Представляйся лисой какъ хочешь, а страшно говорить съ ней, страшно и отвернуться, того и гляди, что она тебя вдругъ царапнетъ.

Риналковъ не отвѣчалъ. Вниманіе его приковали къ себѣ главныя дѣйствующія лица: графиня, невѣста и женихъ. Александрина еще стояла на прежнемъ мѣстѣ, но молнія счастья, такъ мгновенно оживившая ея лицо, уже исчезла; пропали и улыбка и румянецъ; опять та же странная грусть подернула глаза. На другомъ концѣ залы графиня, наклонившись къ графу, шептала что-то ему на ухо. Онъ всталъ, медленно подошелъ къ невѣстѣ и тихо увлекъ ее въ полурастворенную дверь. Риналковъ могъ видѣть — садъ былъ такъ ярко иллюминированъ — какъ, рука объ руку, они ходили по аллеѣ; какъ остановились и сѣли на скамью, какъ женихъ говорилъ что-то невѣстѣ съ жаромъ, какъ по временамъ под-

носилъ руку ея къ губамъ; какъ Александрина улыбалась, когда глядѣла на него; какъ помрачались ея черты, когда она повертывала голову всторону. Все это разсмотрѣлъ Риналковъ. Ему было нѣсколько досадно, что таинственная грусть счастливой невѣсты останется загадкой для него. Но почтовые лошади уже ждали. Онъ ѣхалъ въ одинъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ за дѣломъ, нетерпящимъ отлагательства, но котораго въ этой книгѣ вамъ не узнать.

II.

Ровно черезъ три мѣсяца послѣ этого бала, былъ въ городѣ другой балъ, не такой великолѣпный, а прѣстой провинціальныи, но очень милый. Запечателенъ онъ былъ особенно своимъ умнымъ, даровитымъ, красворѣчивымъ хозяиномъ. Его давалъ человѣкъ, который слылъ долго за недюдина и вдругъ превратился почти въ весельчака. Одинъ эпизодъ жизни этого человѣка уже вамъ извѣстенъ, но она обильна такими интересными событіями, что я намѣрена посвятить ей въ лѣтописи отдѣльную книгу, а пока буду только, гдѣ нужно, упоминать о Владиславѣ Васильевичѣ.

И такъ, балъ происходилъ у него. Въ началѣ вечера, когда первый вальсъ сѣнялся кадрилию, вдругъ громкій стукъ дорожнаго экипажа на мостовой потрясъ стекла въ окнахъ. Въ сѣняхъ и въ передней засуетились. Камердинеръ Заволина, поспѣшно войдя въ залу, шепнулъ что-то на ухо ему.

— Проси... проси... сказалъ Владиславъ Васильевичъ, торопливо уходя изъ залы.

Многіе бросились спрашивать лакеевъ. Въ нашей губерніи любопытство — мужской грѣхъ; женщины несравненно скромнѣе! Но лакеи не знали, кто пріѣхалъ. Вѣсточка нельзя было поймать. Оставалось ждать, пока гость появится

и Хосинъ скажетъ самъ его чинъ, имя, отчество и фамилию.

Наконецъ Заволинъ показался въ дверяхъ залы. Съ нимъ шелъ молодой человекъ высокаго роста, лѣтъ двадцати семи, смуглый, стройный, съ цѣлымъ пудомъ черныхъ волосъ на головѣ, не дурной собою, только мрачный какъ поэтъ, обманутый въ своихъ надеждахъ на славу или на невѣсту. Такихъ по-крайней-мѣрѣ нашли прїѣзжаго женщины, перешептавшися безъ потери времени между собой:

— Какъ вы душаете, кто это можетъ быть?

— Не знаю... Откуда и какъ онъ вдругъ взялся?

— Пойдите, пойдите! перебила Марья Алексѣевна, я видѣла это лицо....

— Когда?... гдѣ?...

— Кажется... я видѣла его... да... да!... я не ошибаюсь... три мѣсяца тому на балѣ графини....

— Точно... точно... подхватили другія, онъ все сидѣлъ поодаль, въ углу.

— Въ одномъ углу — Надежда Николаевна, а въ другомъ, нанскосокъ, онъ:

— Ваша правда. И тогда нельзя было узнать, кто онъ такой; ни прежде ни послѣ никто его не видѣлъ....

Но Сергій Павловичъ, пробравшися сквозь группы, подошелъ къ прїѣзжему какъ старый знакомый, пожалъ ему руку, и вступилъ въ разговоръ. Что при этомъ вытерпѣло нетерпѣливое любознательство нашихъ красавицъ, предоставляю опредѣлить вашему воображенію. Сергій Павловичъ ядругъ сдѣлался предметомъ самыхъ унылыхъ взглядовъ; киню его то и дѣло мелькали воздушныя платья, бросая мимоходомъ шлое слово. Каждой хотѣлось завладѣть имъ тотчасъ по окончаніи бесѣды, и первой выпытать свѣдѣніе о неизвѣстномъ молодомъ мужчинѣ.

Бесѣда Мирбулова съ прїѣзжимъ продолжалась впрочемъ лишнего: молодой человекъ скоро сталъ разсѣянъ, нехотя давалъ отвѣты, глядѣлъ вовсе не на того съ кѣмъ говорилъ, такъ что Сергій Павловичъ, самъ горѣвшій нетерпѣніемъ пересказать, что зналъ, отретировался понемногу.

— Сергій Павловичъ! Сергій Павловичъ! это вамъ пріятель?

— Кто? онъ?... да!... мой старый знакомый.

— Да кто же онъ? откуда? посыпалось на Мирвулова со всѣхъ сторонъ.

— Это, извольте видѣть, молодой человекъ изъ Петербурга.... ужасно ученый.... разсуждаетъ о людяхъ отлично.... званія и чина его не знаю, а имя и отчество ему—Павелъ Антоновичъ.... фамилія.... погодите!.. забылъ!.. нѣ сказывали и фамилію.... ахъ! да! Риналдо Риналдини....

— Какъ? тотъ самый, о которомъ у папеньки есть старинная русская книга?... италіанскій разбойникъ? спросила одна ученая дѣвица лѣтъ семнадцати.

— Нѣтъ.... не думаю.... важно отвѣчалъ Сергій Павловичъ: должно-быть сынъ того....

— Скажите, пожалуйста! молодой разбойникъ!.. какъ это интересно!

— А физиономія-то?... какая италіанская!.. чудо!

— У нихъ у всѣхъ, Сергій Павловичъ.... у разбойниковъ.... такая куча волосъ на головѣ.... какъ это живописно!

— И! перестаньте! съ досадою возражалъ Сергій Павловичъ. Кто же вамъ говорить, что онъ разбойникъ.... я только вамъ докладываю....

Но половина слушательницъ уже его не слушали, разбѣжались по залѣ, и разсказывали своимъ подругамъ по секрету, что этотъ мрачный молодой брюнетъ — первый италіанскій разбойникъ, бѣжавшій сюда отъ папскихъ сборовъ. Юныя сердца ужасно бились подъ туго затянутыми корсетами страхомъ, любопытствомъ и, у нѣкоторыхъ, желаніемъ воротить этого страшнаго бандита на путь добродѣтели, укротивъ его любовью нѣжной.

— Я только докладываю, говорилъ Сергій Павловичъ, обращаясь къ остальнымъ, что онъ.... такъ сказать.... А! вотъ теперь я вспомнилъ: фамилія его собственно, Риналковъ, а не Риналдо.

— Риналковъ?... какое странное слово!.. Да что же онъ такое?

— Не могу сказать, сударыни.

— Зачѣмъ сюда прїѣхалъ?

— Куда пропадалъ послѣ бала графини?

— Откуда теперь является?

— На балъ графини онъ попалъ случайно. Владиславъ Васильевичъ пригласилъ.

— Послѣ бала онъ тотчасъ и увѣхалъ....

— Куда?

— Не знаю.... позвольте, я спрошу у него.... Какъ мнѣ прїятно встрѣтиться съ вами опять, почтеннѣйшій Павелъ Антоновичъ! сладко сказалъ Мирвуловъ, подходя снова къ гостю. Вы исчезли такъ внезапно. Гдѣ это вы бывали?

— Въ деревнѣ, равнодушно отвѣчалъ Риналковъ и поворотилъ лорнетъ свой въ другую сторону.

— Онъ былъ—въ деревнѣ, шепнулъ Мирвуловъ одной изъ ближайшихъ собесѣдницъ своихъ.

— У него есть деревня въ здѣшней губерніи? спросила она.

— Вы изволили быть въ своей деревнѣ, громко продолжалъ Мирвуловъ. Вы очень хорошо дѣлаете, что сами лично наблюдаете за благосостояніемъ своей отчины. Каковы тамъ урожанъ въ нынѣшнемъ году?

— Я былъ въ деревнѣ госпожи Савориной.... отвѣчалъ Риналковъ, глядя все въ ту же сторону.

— Онъ былъ у Савориной, шопотомъ произнесъ Мирвуловъ, поворачивая голову къ сосѣдкѣ.

— Зачѣмъ?

— Прекрасная женщина, Анна Петровна Саворина! громко сказалъ Мирвуловъ: ангельское сердце!... У васъ, вѣрно, есть дѣло съ Саворинными?... они вѣдь тягуются съ цѣлымъ пирогъ.... четырнадцать дѣлъ у нихъ въ одномъ московскомъ сенатѣ.... въ петербургскомъ недавно еще было двадцать два....

Риналковъ не слушалъ и не отвѣчалъ. Искусный гостеиспытатель оборотился къ своимъ прїятельницамъ съ нѣсколько смущеннымъ видомъ и сказалъ: — У него тамъ есть дѣло съ покойнымъ мужемъ Савориной.

— Какое же это дѣло?

— Ничего.... такъ, дѣло.... разумѣется, такъ.

— Вѣрно, очень важная, когда онъ нарочно приѣхалъ изъ Петербурга.

— О! чрезвычайно важная! серьезно принодевалъ Сергѣй Павловичъ. Что это дѣло необыкновенной важности, въ томъ могу васъ завѣрить, Марья Алексѣевна. Онъ такъ перемѣнился, что узнать его нельзя. На балѣ у графини онъ былъ такой веселый.... приятно было смотрѣть; а теперь, взгляните: ни на что не похоже какой сталъ угрюмый. Вы видите сами, что дѣло кончилось для него пренепрятно....

— Что бы вамъ, Сергѣй Павловичъ, постараться узнать подробности....

— Съ большимъ удовольствіемъ!... непременно!... будьте спокойны, я все узнаю.... только дайте время.

Сергѣй Павловичъ обошелъ залу два раза и снова, какъ бы не нарочно, очутился передъ Риналковымъ. Онъ уже вынулъ табакерку изъ кармана, уже щелкнулъ по ней пальцами, уже готовъ былъ поднести этому гордому носу столицы нюхательное зелье, располагающее смертныхъ къ кротости, добродушію и откровенности; но вмѣсто того, чтобы допрашивать, въ этотъ разъ пришлось ему самому подвергнуться допросу. Риналковъ какъ-будто ждалъ его.

— Скажите мнѣ, спросилъ онъ торопливо....

Но прежде позвольте вамъ сказать, что было причиною разсѣянности Риналкова, когда Сергѣй Павловичъ оставилъ его безъ результата.

Молодая женщина, которой лицо показалось ему знакомымъ, вышла изъ боковой комнаты и сѣла на близъ-стоящій стулъ. Вглядѣвшись въ нее пристальнѣе, Риналковъ очень изумился. Сначала ему показалось, будто онъ узналъ въ ней Александрину, невѣсту графа, теперь вѣроятно его жему, потому что на свѣтлорусые волосы этой женщины была накинута одна изъ тѣхъ фантастическихъ уборовъ, которыя составляютъ драгоцѣннѣйшую привилегію женщинъ къ крайней обидѣ и зависти дѣвицъ. Но нѣтъ, это не можетъ быть Александрина, та, которую онъ видѣлъ три мѣсяца тому, была свѣжа, молода, а передъ нимъ теперь — женщина блѣдная, худая и, по наружности, старѣе той нѣсколькими го-

даже. Черты однако жъ все тѣ же. Странная загадка! Развѣ она была больна?... но болѣзнь не можетъ вѣдать лицу такое несвойственнаго ему выраженія. Въ дамѣ поименно Александрина казалась только грустною; у ней не было ни этого жесткаго взгляду, ни этого презрѣнія на губахъ. Одно страшное горе могло измѣнить ее такъ радикально. Риналковъ посмотрѣвъ кругомъ, отыскивая молодого мужа, чтобы удостовѣриться, не измѣнился ли и онъ? Но графъ не подходилъ въ заѣ.

Вдругъ чей-то голосъ, не очень изящно обработанный, произнесъ:

— Саша, я кончилъ партію, если хочешь ѣхать, другъ мой, я готовъ.

Человѣкъ небольшого росту, съ физиономіей добродушной, вынулъ на плеча загадочной женщины великолѣпнѣйшую изъ шалей всего Кашмира.

— Какъ, Степанъ Ивановичъ? спросилъ его Завалинъ, вы уже домой хотите... такъ рано?

— Да вотъ, ваше превосходительство, женѣ что-то нездоровится; съ утра все жалуется на головную боль.

Вотъ новость! Александрина — жена другаго, а не того молодого графа, съ которымъ ее помолвили!.. Едва Риналковъ успѣлъ опомниться отъ новаго изумленія, какъ оба интересныя лица, жена и мужъ, вышли въ зады. Сергій Павловичъ, который въ ту самую минуту открылъ передъ нимъ народнѣйшую коробочку, долженъ былъ и табакерку и свои распробы положить обратно въ карманъ.

— Скажите, ради Бога, что это значитъ? внезапно спросилъ его Риналковъ. Кто эта дама, что сейчасъ отсюда вышла?

— А! эта? Не знаю.

Риналковъ уставилъ на него оба глаза.

— Вы удивляетесь, Павелъ Антоновичъ? А это, просто. Въ никто здѣсь не знаетъ. Я по-крайней-мѣрѣ, не замѣчалъ ее прежде. Какое-то мистическое лицо, вырваденное изъ забытаго романа.

— Не она ли была невѣстой того молодого графа... какъ звали его?..

— Ахъ! въ-самомъ-дѣлѣ.... вы разсуждаете очень основательно. Должно быть такъ. Каково здоровье почтеннѣйшей Анны Петровны Савориной?... Я чрезвычайно люблю и уважаю эту чудесную даму.... у меня было одно дѣло съ нею....

— Она здорова. Предстоящее для меня гораздо интереснѣе. Вы не знаете, какииъ образомъ эта молодая особа вышла за другаго?... За этого?

— Не могу знать.... какъ-то не примѣтить.

Риналковъ, вообразивъ, что Сергѣй Павловичъ смѣется надъ нимъ, хотѣлъ отойти.

— Вы полагаете, что я осмѣливаюсь шутить? сказалъ съ ужасомъ Мирвуловъ, останавливая его. Видитъ Богъ, я говорю правду: позвольте вамъ подробно разсказать. Недѣли черезъ двѣ послѣ вашего отъѣзду, графиня съ племянникомъ и его невѣстой изволили отправиться обратно въ Петербургъ. Чтò у нихъ тамъ происходило, мы ничего не знаемъ. Вдругъ прїѣзжаетъ къ намъ новый откупщикъ, Степанъ Ивановичъ Тѣстовъ, препочтеннѣйшій человекъ, пребогатый, предобрый — изъ вотомственныхъ почетныхъ гражданъ — и вообразите наше удивленіе: жена у него точь въ точь, какъ двѣ капли воды, невѣста графа! Нѣкоторые предполагаютъ, что это — она, тѣмъ болѣе что и зовутъ ее точно такъ же. Но съ достовѣрностью знать никто не можетъ. Та какъ-будто и моложе и лучше была. Да и когда же, въ такое короткое время; съ тѣмъ разойтись, за этого выйти?... А впрочемъ проказы случаются разныя! Поднялись толки. Спросить прямо, посудите сами, какъ-то неловко, а подлинныхъ документовъ у насъ не имѣется. Такъ дѣло и осталось на справкѣ. Пытались было узнать отъ нихъ обиняками, да не могли добиться до толку. Александра Львовна держитъ себя далеко отъ всѣхъ здѣшнихъ дамъ, ни съ кѣмъ короткаго знакомства не заводитъ: кому же начать съ ней такой щекотливый разговоръ? А Степанъ Ивановичъ почтеннѣйшій, когда кто въ дѣла его заглядываетъ, говорятъ, въ большой приходитъ азартъ. Ну, а какъ онъ большой хлѣбосоль, задаетъ пиры на славу, кому захочется поднасть подъ его гнѣвъ! Такъ и до-сихъ-поръ остается сомнѣнье — она ли,

но она?... А какъ вы изволили, позвольте васъ спросить, покончить свое дѣло съ Савориными?

— Какое мое дѣло? спросилъ Риналковъ, гордо приподнявъ голову.

— Да то дѣло, о которомъ вы мнѣ говорили.

— Я говорилъ вамъ о моемъ дѣлѣ?

— Да какъ же!... Позвольте вамъ доложить.... у меня тоже было одно дѣло съ Савориными.... покойный, прости ему Господи, такой былъ сутяга....

— Я терпѣть не могу процессовъ, важно возразилъ молодой человекъ, и у меня ихъ нѣтъ.

— Это очень благоградушно съ вашей стороны, приподнял Сергѣй Павловичъ, нѣсколько смущенный неудачностью своихъ предположеній и, поднявшись мгновенно на новую хитрость, продолжалъ: — потому что, если бы у васъ былъ процессъ съ ними, то я вамъ скажу, что вы не кончите его благополучно.... развѣ ужъ рѣшитесь жениться на Аннѣ Петровнѣ.... она вѣдь красавица! Какъ она вамъ нравится?

По итѣрѣ того, какъ Сергѣй Павловичъ развивалъ коварную рѣчь свою о Савориной, лицо Риналкова становилось краше и краше. Наконецъ онъ вспыхнулъ, глаза у него засверкали, онъ страшно потрясъ своею львиной гривой и, протягивая жадную руку къ услужливому собесѣднику, приподнял съ величественною осанкою:

— Вы слишкомъ добры!... чувствительно благодарю васъ за совѣтъ....

— О!... помяните!... не-за-что!... сказалъ Сергѣй Павловичъ и добродушно подаль руку, которую Риналковъ сжалъ такъ немилосердо, что маленькій добрякъ прыгнулъ, визгнулъ, облизалъ слезы, брызнувшія изъ обоихъ глазъ на губы, и стремглавъ убѣжалъ въ другой конецъ залы, лишь только тотъ выпустилъ его изъ когтей своей благодарности.

— Чтѣ вы это? чтѣ съ вами случилось, Сергѣй Павловичъ? спросила одна изъ дѣвицъ, останавливая его. Узнали ли вы, зачѣмъ этотъ молодой человекъ ѣздилъ къ Саворинымъ?

— Этотъ разбойникъ? вскричалъ Сергѣй Павловичъ, весь красный отъ гнѣву.

— Что вы говорите?... такъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ разбойникъ?... Ахъ, какъ это мило!

— Да онъ сто разъ хуже разбойника!... измялъ мнѣ руку въ началу.... Этакое невѣжда!... гдѣ это онъ выучился такимъ наперани?... погоди же, голубчикъ! я тебѣ отомщу!... я все знаю!... и расскажу всѣмъ!...

— Да что же вы знаете?... Говорите, говорите!...

— Онъ влюбленъ въ Саворину... по-уши влюбленъ.... и ему отказали....

— Отказали!... И это вѣрно?

— Отказали.... какъ не отказать такому извергу?...

— Такъ онъ еще и извергъ!... Сколько достоинствъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ.... рассказывайте, рассказывайте!

Дѣвцы и дамы окружили Мирвулова. Между-тѣмъ Риналковъ, который съ побѣдительною улыбкою слѣдовалъ за побѣгомъ разбѣдчика, пока тотъ не исчезъ въ толпѣ, невольничко задумался объ Александринѣ. Этой женщинѣ суждено производить на него странныя впечатлѣнія. Два раза видѣлъ онъ ее, и все при обстоятельствахъ до-того карикатурныхъ, что ему почти приходилось благодарить ее за два спасенія, въ первый разъ — отъ скуки, а теперь — отъ печали. А онъ былъ истинно печаленъ. Только просьба Заволена, который взялъ съ Риналкова обѣщаніе остановиться у него на возвратномъ пути, заставила теперь ирачного путешественника принять участіе въ балѣ. Въ самомъ-дѣлѣ иракъ постепенно разсѣялся на его лицѣ. Александрина вытѣснила, пока, всѣ другія мысли изъ его головы. Узкая изъ помысла Савориной, онъ рѣшительно не зналъ куда дѣваться и что предпринять. Теперь таинственная судьба Александрины подавала ему надежду убить кое-какъ время. Ничто и никуда не привлекало его. Онъ рѣшился не уѣзжать, пока не дознается всего достоверно. Отчаянное средство противъ скуки и тоски!

Надо прибавить, впрочемъ, что Риналковъ радъ былъ къ чемунибудь придраться, чтобы имѣть предлогъ передъ самимъ собою не оставлять нашего города, пока въ одномъ изъ уздовъ не совершится дѣло, отъ котораго зависѣла судьба его ума.

III.

Не только познакомиться, но и стать въ домъ короткимъ законцемъ, въ провинціи, очень легко. Сблизившись со всѣми лицами образованнаго круга, — а Тѣстовы принадлежали къ этому кругу, если не по званію, то по богатству, — Риналковъ скоро сталъ съ мужемъ Александрины на самой дружеской ногѣ. Но эта короткость не подвинула его нисколько, а напротивъ еще болѣе перепутала всѣ соображенія. Какимъ образомъ эта женщина, съ тонкимъ умомъ и изящнымъ воспитаніемъ, котораго аристократическія привычки бросались въ глаза, могла привязаться къ человѣку обыкновенному, ограниченному, почти простому, и еще привязаться такъ сильно! — Она въ полномъ смыслѣ слова „обожала“ мужа. Надо было видѣть, съ какою любовью обвивала она руками его шею, съ какимъ страстнымъ порывомъ подносила къ своимъ губамъ его руки, какъ нѣжно смотрѣла на него!

Риналковъ, бывая у нихъ часто, слѣдилъ за всѣмъ съ неусыпнымъ вниманіемъ, не потому чтобы это очень интересовало его, а такъ — изъ празднаго любопытства. Напротивъ, Александра даже не нравилась ему. Въ ея сужденіяхъ, манерахъ, проглядывало что-то рѣзкое, непріятно поразившее въ женщинѣ, такой молодой и, по-виду одаренной всѣми благами міра. У насъ ее звали гордой, но, въ началѣ Риналкова, высокомернаго обращенія Александрины гордостью называть не слѣдовало. Скорѣе это былъ постоянный сарказмъ противъ всѣхъ и всего, какая-то жесткость, неблагоприятность ко всему. Никогда привѣтливая улыбка не озаряла губъ ея; всегда что-то недоброжелательное свѣтилось въ глазахъ. Но если, съ одной стороны, она отталкивала Риналкова неровностью характера, съ другой интересовала его противоположностями. Въ минуты особеннаго раз-

положенія духа, она бывала чудной веселости, остра, легка, неуловима, очаровательна; и вдругъ, послѣ того, безъ видимой причины, становилась тяжелою, сухою, несносною. То ласковая и дружная съ Риналковымъ, котораго остроумный разговоръ, оригинальный взглядъ и пріятное обращеніе не могли ей не нравиться, не считая этихъ большихъ, пылкихъ черныхъ глазъ и этой великолѣпной кучи волосъ; то опять холодная до невѣжливости, задумчивая, разсѣянная, упрямая, даже сердитая, она попеременно приводила его то въ восторгъ, то въ отчаяніе. Они часто ссорились, и это очень привязывало къ ней Риналкова, нуждавшагося въ возбужденіи. Ссоры съ Александриной еще болѣе нравились ему чѣмъ примиренія. Онъ находилъ ее чудесною, когда она зла. Но только для него, какъ домашняго друга, который весь ея альбомъ исчертилъ презлыми, премилыми карикатурами, она соблаговоляла быть такою разнообразною. Для прочихъ она была совершенно недоступною. Нельзя было опять не дивиться, какъ это суровое, дикое для всѣхъ созданіе превращалось въ ангела кротости для своего мужа. Какое выраженіе доброты разливалось по чертамъ, какая вѣжность смягчала взоръ, когда этотъ человѣкъ къ ней подходилъ! Съ нимъ она была удивительно ровнаго и постоянно предестнаго характера. Чего, казалось бы, не достаетъ Александри-нѣ? Мужъ — у ногъ ея, смотритъ въ глаза, только и думаетъ чѣмъ угодить ей, предупредить желаніе, молодость, умъ, богатство и вслѣдствіе его почетъ общества, словомъ, всѣ удобства и преимущества вещественной жизни и къ тому еще счастье домашнее!.... потому что она любила мужа непомерно, непостижимо, какъ въ нашей губерніи никогда еще не любили: а между-тѣмъ она измѣняется замѣтно, лицо ея вянетъ съ каждымъ днемъ, въ глазахъ проглядываетъ по временамъ такое выраженіе тоски, губы сжимаются такою грустною улыбкой, что, казалось бы, несчастіе ея никого на свѣтѣ нѣтъ.

Однажды Риналковъ нашелъ Александрину такой худой, такой блѣдной, что съ искреннимъ участіемъ подвинулъ къ ней стулъ.

— Вы страдаете? сказалъ онъ съ чувствомъ, потому что

точно нельзя было не тронуться болѣзненной наружностью ея: вы больны?

— Совсѣмъ нѣтъ.... я здорова, отвѣчала холодно она.

— Однако вы очень переѣвились въ эти дни....

— Неужели? быстро спросила она, бросивъ взглядъ въ зеркало. Да! Это правда.... я похудѣла.... ничего!.. и, не забывая о гостѣ, она взяла со стола книгу и принялась читать.

Риналковъ, привыкшій къ такимъ безцеремоннымъ выходкамъ своеюравной Александрины, ушелъ къ Тѣстову, съ намереніемъ обратить его вниманіе на здоровье жены. Она не хочетъ сознаться; думалъ онъ, пренебрегаетъ, а онъ — человѣкъ дѣловой, не видитъ, не понимаетъ, что она въ опасности. Съ озабоченнымъ видомъ протянулъ онъ руку откупщику.

— Степанъ Ивановичъ, я пришелъ подать вамъ добрый совѣтъ....

— Что жъ! милости просимъ! очень будемъ благодарны. А на счетъ чего?

— Да на счетъ Александры Львовны....

— То-есть, какъ на ея счетъ?..

— Неужели вы не замѣчаете, что она очень нездорова? Въ последнее время, она стала на себя не похожа.

Тѣстовъ, не отвѣчая, началъ свистать; но Риналкову показалось, что краснощекій откупщикъ сталъ уже не такъ красенъ, что даже нѣчто похожее на слезу повисло у него на ресницѣ.

— Она худѣетъ! да! страшно худѣетъ! сказалъ онъ потомъ, качая головою: и другіе замѣчаютъ.... не я одинъ!..

— Такъ что жъ вы сидите сложа руки? Пригласите доктора, пріймитесь серіозно лечить, началъ Риналковъ, но на первыхъ словахъ долженъ былъ остановиться: въ кабинетъ Тѣстова вошла жена. Никогда не казалась она Риналкову въ такомъ раздраженномъ состояніи. Саркастическое выраженіе, котораго онъ крѣпко не жаловалъ въ ней, выказывалось въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи. На этотъ разъ даже присутствіе мужа не успокоило ея.

— Степанъ Ивановичъ, сказала она, опускаясь на стулъ

съ нервной дрожью: эти брилліанты, которые я сейчас получила съ почты.... Я не могу ихъ никогда надѣть....

— Какъ?... отчего?... не понравились?... Какая досада! Нельзя ли передѣлать?...

— Нѣтъ!... нѣтъ.... о! ради Бога, не нужно!...

И, закрывъ лицо руками, Александрина зарыдала.

Встревоженный Степанъ Ивановичъ всталъ поспѣшно, съѣлъ возлѣ нея, прижалъ къ груди, погладилъ, поцѣловалъ, какъ нѣжно любимаго ребенка; и молодая женщина пришла въ себя. Устремивъ на мужа глаза еще полные слезами, она прошептала умоляющимъ голосомъ:

— Ты позволишь мнѣ никогда не надѣвать этихъ брилліантовъ, не правда ли, другъ мой?

— Какъ о томъ спрашивать! будто ты не знаешь, что я только о томъ и думаю, какъ угодить тебѣ.

Съ выраженіемъ глубокой признательности Александрина поднесла къ губамъ руку мужа и опустила голову на его плечо. Озадаченный этой сценой, Риналковъ не зналъ, оставаться ли ему или уйти. Въ какомъ страшномъ болѣзненномъ состояніи должны были находиться нервы молодой женщины, чтобы могли не подѣйствовать на нее благотвно, такіе чудесные брилліанты, въ сравненіи съ которыми вся сложная цѣлебная сила минеральныхъ водъ Европы и Азии ничтожнѣе десятиліоннаго, гомеопатическаго раствора. О! нѣтъ! она неизлечимо больна. Она — въ крайней опасности. Не только присланные брилліанты не восхитили ея, но еще сильно раздражили. Это показалось Риналкову тѣмъ важнѣе, что Александрина, какъ женщина съ умомъ, со вкусомъ, съ поэзіей въ душѣ, была вовсе не равнодушна къ великому искусству совершенствоваться красотою, то-есть, наряжаться, хотя обыкновенно являлась очень небрежно и мужъ иногда, шутя по-своему, жаловался при ней же Риналкову, что она не женщина — всякихъ вещей у ней тѣма тѣмущая — кладовыя завалены — дѣвать некуда, а она ходитъ рохлей. Риналковъ, въ недоумѣніи, правилъ неприхвѣтно къ двери, чтобы разсудить объ этомъ на-просторѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Но Александрина остановила его рукою:

— Оставайтесь, сказала она. Мнѣ нездоровится... такая

госка!.. Говорите; рассказывайте мнѣ что-нибудь; возьмите карандашъ и мой альбомъ.... будьте злы, очень злы.... чтобы возвратить меня къ кротости, къ пріятнымъ ощущеніямъ.

— Я ужасно добръ сегодня.... никуда не гожусь, сказалъ Риналковъ. Мнѣ стало жаль васъ.... Прощайте.

— Оставайтесь, говорятъ вамъ. Я разсержусь.

— Ну, вотъ дѣло!.. ссорьтесь здѣсь.... а я покажѣсь, съѣзжу въ одно мѣсто....

Степанъ Ивановичъ, бережно поддерживая жену, довелъ ее до дивана, положилъ подъ голову подушку, мигнулъ домашнему другу, и ушелъ. Риналковъ, глядя съ прискорбіемъ на нахмуренный лобъ, сжатые губы, волнующуюся грудь Александрины, присѣлъ возлѣ нея и сказалъ:

— Фи! какъ вы не хороши сегодня!

— Въ самомъ дѣлѣ? Я вамъ не нравлюсь?

— Нисколько. Вы себя убьете.... Можно ли такъ непростительно пренебрегать остаткомъ своихъ жизненныхъ силъ, не слушаться друзей, которые вамъ преданы, не принимать ни какихъ мѣръ?

— Вы мнѣ другъ?

— Ужасный.

— Я не люблю друзей. Мнѣ бы гораздо болѣе нравился ужасный врагъ, который бы меня мучилъ, терзалъ, огорчалъ, приводилъ въ отчаяніе.... Я чувствую, что этого мнѣ нужно.... одно это помогло бы мнѣ....

— Разумѣется, что это бы помогло! вскричалъ Риналковъ.

— Вы всѣ немилосердо приторны, продолжала Александрина, не давая ему говорить; всѣ!.. начиная съ моего мужа.... вы нѣжите меня, холите, лелѣете.... я не могу ничего задумать, чтобы меня тотчасъ не отгадали и всего не исполнили бы по моему желанію....

— А вамъ нужны муки, пытки.... чтобы вытянуть и выправить наши нервы?

— Да, да!

— Горе, досада, ненависть, ищеніе....

— О! да, да!.. ищеніе, ненависть....

— Вамъ хочется жить въ страхѣ, трепетать, ненавидѣть жизнь?

— Непременно.

— Словожъ, нуженъ страшный врагъ.... извергъ.... изменникъ....

— Безчеловѣчный!... неслыханный и неожиданный!...

— Такъ влюбитесь.

Александрина презрительно улыбулась и даже обидѣлась, хотя очень хорошо знала, что весь разговоръ ея съ Риналковымъ была одна только шутка.

— Въ кого? не въ васъ ли? сказала она.

— Пожалуй и въ меня. Я пожертвую собою для вашего спасенія, чтобы доставить вамъ другое направленіе заботамъ, мыслямъ, чувствамъ.... старый адъ замѣнить другимъ, новымъ.

— Нѣтъ, не хочу.... вы будете слишкомъ влюблены въ меня.... сладко добры.... неспособны. Вы не сумѣете замѣнить мнѣ звѣрски, постыдно.... и я буду несчастна.

— Правду сказать, промелькнувъ Риналковъ улыбаясь, я чувствую, что вы слишкомъ сильны противъ меня.... у меня не достанетъ мужества на такіе подвиги съ вами. Вы обладаете удивительнымъ даромъ покорять себѣ чужія воли, не смотря...

— Не смотря на мои капризы, вы хотите сказать?

— Точно такъ. Какая догадливость.... вы затѣваете древняго Сѣинкса ловкостью вашего ума. Вы прелестны.

— Такъ въ эту минуту я очень вамъ правдуюсь?

— А вамъ хотѣлось бы?

— Несказанно!.... Я такая капризная.... Что же нужно сдѣлать, чтобы очаровать васъ совершенно?

— Послать за докторомъ.

— А потомъ?

— Потомъ лечиться.

— Для моей болѣзни, въ аптекахъ, нѣтъ лекарства, сказала Александрина задумчиво и съ сухимъ презрѣніемъ.

— Да кто вамъ говоритъ о лекарствахъ! докторъ нуженъ для Степана Ивановича, а не для васъ. Онъ подастъ хороший совѣтъ. Онъ скажетъ, что вамъ нуженъ другой образъ жизни, перенѣна мѣста, воздуха, воды, людей и вещей.

— Понапрасну!... куда бы я ни уехала, все будеть одно...

— Нѣтъ, не говорите! путешествіе много значить; это — самое могущественное лекарство противъ такой болѣзни, какова ваша. Запершись въ глуши, закупорившись въ общество, которое само заперто въ долгій ящикъ скуки и не позволяетъ вашимъ фибръ нисколько, при отсутствіи всякаго размеченія, ваше воображеніе киснетъ, ваша кровь портится, вы окончательно разстроиваете здоровье....

— Да я же вамъ понравилась съ моею хандрю?

— Чрезвычайно! Но я... вѣдь вы говорите сами... я — оригиналь... я золъ... я змѣя...

— Змѣя символъ мудрости.

— То-то и есть. И по моею змѣиной мудрости, я утверждаю, что безъ хандры, вы бы нравились всѣмъ.

— Я хочу нравиться только одному... моему Степану Ивановичу....

— Вы его не любите, извините.

— Вотъ новости!

— Вѣрьте мудрости змѣи. Вы мучите его ужасно: развѣ это — любовь?

— Такъ что же такое?

— Какая же тогда разница между любовью и враждою?

— Я мучу моего мужа!... вотъ новость! Что? развѣ Степанъ Ивановичъ жаловался, что онъ несчастливъ со мною?

— Никогда!... напротивъ!... онъ не можетъ нахвалиться своимъ блаженствомъ.

— Такъ, вотъ видите!... стало-быть, мужу моему нужно, чтобъ я была такова. А вамъ, сударь, какое дѣло — преобразовывать мое воспитаніе или мой характеръ? Опять я вамъ не нравлюсь?

— О! напротивъ!... ужасно!...

— Такъ чего жъ вамъ болѣе?

— Мнѣ жаль вашего мужа.

— Какой вы добрый!... скажите, пожалуйста!...

— Да ужъ такой добрый, что, по нѣжности сердца моего, я угадываю то, о чемъ вы и не думаете? Куда посылать вамъ мужъ, если вы его не мучите?

— А мнѣ почему знать?... да и какое мнѣ дѣло знать?...

Мой мужъ блаженствуетъ со мною отъ того, что я не вмешиваюсь въ его дѣла, не спрашиваю, куда онъ ѣздитъ, что дѣлаетъ, о чемъ думаетъ.... что я предоставляю ему полную свободу и всѣ блага спокойствія, главнаго счастья мужей.

— Это очень умно. Но я, съ моей стороны, увѣренъ, что онъ теперь въ отчаяніи, не знаетъ, что сдѣлать съ этими брилліантами, возится съ ними по всему городу....

— Вы такъ думаете? спросила Александрина сухо, и лицо ея вдругъ помрачилось.

— И вѣрно я не ошибаюсь. Степанъ Ивановичъ не смѣетъ сказать вамъ своего мнѣнія, но онъ также не можетъ не чувствовать необходимости въ нѣкоторыхъ мѣрахъ къ поправленію вашего здоровья. Теперь весна: поѣзжайте къ водамъ.... примѣрно сказать, на Кавказъ.

— Степану Ивановичу нельзя отлучиться отсюда, грустно замѣтила Александрина.

— Поѣзжайте одна, сказалъ Ринаковъ.

— Я!... одна!... какъ это возможно! Вы хотите, чтобы я съ ума сошла? Развѣ вы не видите, что я не могу жить безъ него?...

— Вижу, отвѣчалъ Ринаковъ, ловко проглотивъ улыбку.

— Что одно его присутствіе поддерживаетъ меня?

— Вижу, вижу.

— Что онъ тоже умеръ бы въ однѣ сутки, бѣдняжка.... голубчикъ.... безъ меня?

— Зачѣмъ умирать, когда есть почта, помощію которой можно поскакать въ погоню за своимъ блаженствомъ? Скажите слово: онъ все броситъ и поѣдетъ съ вами!

— До этого я не допущу! вскричала Александрина. Чтобы онъ изъ-за меня разстроилъ свое состояніе, потерялъ хоть волосокъ изъ этого богатства, которое нажилъ честными трудами, которое даетъ ему и вѣсь и значеніе въ свѣтѣ; нѣтъ, этого невозможно!... да лучше пусть я десять тысячъ разъ умру! Что мнѣ воды! что Кавказъ! что всѣ мѣста на свѣтѣ!... вѣдь память ны всюду увеземъ съ собой, сказала она тихо, едва внятно, остановилась, закусила губы, прижала къ груди руки, употребляя, какъ видно было, сверхъестественное усиліе, чтобы удержать рыданіе и, долго, долго,

сидѣла потушивъ взоръ. Риналкову такъ стало жаль Александрины, что онъ готовъ былъ похитить ее и увезть на Эльбурусъ, гдѣ струятся разныя отвратительныя влаги несравненныхъ достоинствъ. Мало ему собственнаго горя: еще о чужомъ горевать пришлось! Съ искреннимъ состраданіемъ разсматривалъ онъ эту молоденькую головку, такъ рано поблекшую — Александринѣ едва было семнадцать лѣтъ. Ахъ! если бы она, какъ сестра, какъ другъ, повѣрила мнѣ свою скорбы! думалъ онъ: я рассказалъ бы ей мою горестъ; мы стали бы утѣшать другъ друга.... Но, среди этихъ чувствительныхъ напѣреній, дверь отворилась, и вошелъ Тѣстовъ, озабоченный и чѣмъ-то недовольный.

— Вообрази, какая досада, другъ мой! сказалъ онъ, подходя къ женѣ. Я былъ у всѣхъ бриллиантниковъ, чтобы переимѣнить твои вещи.... но не удалось.

— Ахъ!... ты таки былъ у бриллианщика! медленно сказала Александрина, какъ-будто выходя изъ забытья, и, взглянувъ очень странно, но очень живописно, на Риналкова, присокупила въ-полголоса: — Знѣя!

Риналковъ отошелъ къ окну и на вспотѣвшемъ стеклѣ однимъ движеніемъ пальца начертилъ премилую карикатуру сердитой Александрины. Тѣстовъ между-тѣмъ продолжалъ:

— Какъ же, объѣздилъ всѣхъ до одного. Зачѣмъ, дунаю, оставлять у Сашеньки то, что ей не нравится, моей душкѣ! А бросить тоже жаль. Вотъ я и побѣхалъ отсюда, взявъ съ собою футляры, которые ты оставила въ залѣ.... скачу къ одному бриллианщику, къ другому, къ третьему, узнать нѣтъ ли у нихъ чего другаго взаимнѣ этихъ вещей. Ну, что жъ, душа моя, ни переимѣнить, ни купить они не берутся. Что, говорятъ, можемъ мы вамъ промѣнять на нихъ! Ничего подобнаго у насъ нѣтъ, а купить, говорятъ, не выгодно: кому мы ихъ здѣсь продадимъ. А какъ жаль, мой другъ Саша, что не угодили на твой вкусъ! Вѣдь это, просто, прелесть! Ты блондинка, къ тебѣ такъ идетъ голубой цвѣтъ; посмотрите, Павелъ Антоновичъ!

Мужъ вынулъ изъ футляра восхитительную вещьцу — бо-

гатыишій полный уборъ изъ брилліантовъ съ бирюзаю, браслеты, ожерелье, броши, брелочки, кольца, всѣ первыя потребности жизни.

— Позволь прийтѣрить, моя душка, говорилъ Степанъ Ивановичъ, придвигая эти чудеса къ Александриинѣ.

Но она съ страшнымъ лицомъ, съ дрожащими губами, сдѣлала мужу умоляющій знакъ рукою и, прищуривъ глаза, чтобы не видѣть противныхъ игрушекъ, упала на подушку въ истерическомъ припадкѣ, смертельно перепугавъ мужа и его друга, который чувствовалъ, что отъ всѣхъ этихъ таинственностей, у него умъ за разумъ заходитъ, сердце ноетъ такъ больно, ... что и сказать нельзя....

IV.

„Вы очень удивитесь, любезный Александръ, когда узнаете, что, вслѣдъ за этимъ письмомъ я отправляюсь самъ въ дорогу, съ намѣреніемъ провести съ вами нѣсколько недѣль. Я опять — въ Россію, ѣду на Кавказъ, потомъ въ Персію, искать новыхъ вдохновеній; и, если вы меня не совѣтъ забыли, если вамъ пріятно меня видѣть, то отведите двѣ комнаты у себя въ деревнѣ, одну для меня съ женою — Клара со мною — другую для мастерской моей. Простите, что я такъ самоуправно распоряжаюсь вашимъ домомъ: я до-того увѣренъ въ вашей дружбѣ, что смѣю льстить себя мыслью, будто мое долгое молчаніе нисколько не повредило мнѣ въ вашемъ добромъ сердцѣ. Мой странный характеръ и моя художническая жизнь, надѣюсь достаточно извинять въ вашихъ глазахъ, не это забвеніе, нѣтъ, вы знаете мою къ вамъ привязанность, но это запоздалое извѣстіе, о вашемъ старинномъ другѣ, *Эммануэль В*“.

Внизу этого письма, написаннаго очень красивымъ почеркомъ, на французскомъ языкѣ, прибавлено было по-русски другою рукою :

„А бы снѣгъ прѣхалъ изъ вѣка, нѣмамъ Надежда Николѣевна, но вы знаете, въ какомъ мѣстопрѣмѣ находится Франца, невозможно ея оставить“.

Надежда, наклонясь надъ письмомъ, сидѣла неподвижно, и не сводила глазъ съ строкъ, начертанныхъ рукою его — его — Эмиануля.... О! Боже мой! неужели правда, что всѣ плоды ея усилій такъ быстро разлѣтѣлись? Развѣ для-того она употребила все, что только находится во власти человѣка, чтобъ превратить сердце въ камень, а душу въ ледъ? Развѣ для-того жила два года жизнью автомата? Одна минута — и все пропало!

Ей доложили вдругъ, что прѣехали гости.

Тѣстова, Александра Львовна, была уже въ залѣ.

Надежда встала, и, кое-какъ побѣдивъ свое волненіе, вышла къ Александринѣ, которая спѣшила къ ней на встрѣчу. Но Надежда невольно остановилась: видъ Александрины поразила ее. Въ движеніяхъ молодой женщины было что-то вѣтерпѣливое: худоба ея, слѣды слезъ, блѣдность, въ состояніи были встревожить. Надежда подошла къ ней съ выраженіемъ искреннаго участія.

— Надежда Николаевна, сказала вдругъ Александрина послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій: можете ли, хотите ли, прійти мнѣ на помощь, подать совѣтъ?

Этотъ внезапный вопросъ тѣмъ болѣе удивилъ Надежду, что она съ Александриной никогда не была коротка. Она видѣла ее въ Петербургѣ, потому здѣсь, когда Александрина была невѣстой графа; но ихъ сношенія не выходили изъ круга обыкновеннаго знакомства свѣтскихъ дѣвицъ. Правда, возвратившись сюда женою Тѣстова, Александрина отличала Надежду передъ всѣми, бывала у ней чаще чѣмъ у другихъ, но никакой связи между ними не заводилось.

— Я знаю, сказала Тѣстова, что мой поступокъ можетъ мнѣ показаться страннымъ, но я принуждена къ нему необходимостью. Я уничтожена, разбита, готова сойти съ ума! Не прѣжде скажите мнѣ, продолжала Александрина, вывѣзъ за

рушу Надежду, неужели правда, что вы были когда-то очень огорчены? неужели правда, что вы лишились всего вашего счастья въ жизни и могли остаться такою спокойною, не плачоваться, не роптать?... О! научите меня, какъ вы этого достигли?... Или ваше горе далеко не доходитъ до моего?... Ахъ! конечно! никому не доставалось на долю такого страшнаго и страннаго несчастія! Кто могъ бы вынести такой ударъ!

— Вынести можно все, если на это есть добрая воля, отвѣчала Надежда кротко. Возлѣ горя бываетъ почти всегда утѣшеніе. Напримѣръ у васъ.... О! не качайте головою, милая Александра Львовна: посланная вамъ отрада не казалась бы вамъ такою ничтожною въ сравненіи съ вашимъ несчастіемъ, если бы вы чаще думали, что было бы съ вами безъ нея.

— Но вы не знаете, что со мною было.

— Знаю! я была три мѣсяца тому въ К***.

— Такъ это при васъ случилось?

— При мнѣ. Я ѣздила туда продавать мое имѣнье, въ то время какъ вы, на возвратномъ пути, проѣздомъ остановились тамъ. Я занимала комнату въ одной гостинницѣ съ вами. Суматоха въ тотъ день происходила при моихъ глазахъ.

— Что же вы подумали? вскричала Александрина.

— Я ни минуты не сомнѣвалась въ васъ. Ктому жъ, ваше замужство было торжественнымъ оправданіемъ въ глазахъ свѣта. Знаете ли, что я вамъ скажу? Не смотря на весь ужасъ такого несчастія, на вашень мѣстѣ я бы на колѣнахъ благодарила Бога....

— О! знаю, что я неблагодарна передъ Богомъ и.... передъ нимъ! Но что же мнѣ дѣлать?... напрасно я стараюсь утѣшать себя любовью мужа: ни его ласки, ни моя усердная привязанность къ нему, не исцѣляютъ глубоко уязвленной души. Я не умѣю переносить моего горя, безпрестанно возмущаюсь, страдаю, ропщу....

— Вы еще очень молоды! перебила вздохнувъ Надежда: время излечить ваши раны; погодите, забвеніе прійдетъ само собой....

— Какъ можетъ прійти! воскликнула Александрина. Ка-

какимъ образомъ забуду я, когда оба они здѣсь, когда я стану встрѣчаться съ ними?... О, Боже мой! еще этого недостигало къ довершенію всего!

— Кто здѣсь? спросила въ изумленіи Надежда.

— Графиня.... и.... онъ.... графъ.

— Какъ? они пріѣхали?... зачѣмъ?... когда?...

— На-дняхъ.... говорятъ, хлопчуть о своемъ ивѣннн.... Понимаете ли вы теперь, въ какомъ состояніи я нахожусь?... куда мнѣ бѣжать отъ нихъ, куда скрыться?...

— Я не вижу, зачѣмъ вамъ бѣгать и скрываться?... Краснѣть при этой встрѣчѣ навѣрно ужъ не вамъ....

— Ахъ! вы судите по себѣ, милая Надежда Николаевна! Не у всѣхъ такая твердая душа! Я слаба; не умѣю владѣть собою; увидѣть ихъ равнодушно будетъ свыше силъ моихъ.

— На что жъ вы хотите рѣшиться?... ѣхать?...

— Нѣтъ, ѣхать мнѣ нельзя. Мужу моему дѣла не позволяютъ отлучиться, а уѣхать одна я не могу. Во-первыхъ, я не знаю, что будетъ со мною на-единѣ; а кромѣ того и самъ онъ не согласится отпустить меня ни за что на свѣтъ; онъ скорѣе броситъ все. Но вы понимаете, что причинить вѣдѣйшій ущербъ его состоянію, повредить ему, было бы съ моей стороны неблагодарностью ужасной. Навѣрное я этого не сдѣлаю никогда. Остается одно средство: вы можете спасти меня. Позвольте мнѣ переѣхать къ вамъ сюда, въ деревню, подъ предлогомъ разстройства здоровья. Пусть это кому угодно покажется страннымъ; пусть въ городѣ толкуютъ что хотятъ; мнѣ до того никакой нужды нѣтъ; только бы мнѣ не видѣть ихъ. О! не откажите, ради Бога! я не стану васъ безпокоить; ко мнѣ будетъ ѣздить только мой мужъ....

Надежда успѣшила изъяснить согласіе, хотя присутствіе женщины встревоженной, огорченной, въ такое время, когда одиночество, спокойствіе и хладнокровіе самой Надеждѣ были такъ необходимы, не могло составлять особенной пріятности. Отказать такой отчаянной горести она не имѣла силъ.

Александрина на другой же день переѣхала къ Надеждѣ. У обѣихъ такъ много было личныхъ заботъ, что мнѣ не

приходило въ голову наблюдать одной за другою. Иначе, Александриня бы замѣтила, что спокоейшое Надежди не заслуживало ея похвалъ. Въ-самомъ-дѣлѣ страннымъ вѣщи происходили съ разсудительной Надеждой; она не узнавала самой себя.

Лишившись матери, которая умерла вскоре послѣ свадьбы Александра, приведя въ порядок свои дѣла, продавъ двѣ, три деревни для уплаты долговъ, Надежда поселилась въ Угрюминскіе. Близкихъ родныхъ у ней не было. Она жила уединенно, почти не выезжала никуда, но не многихъ короткихъ друзей принимала у себя. Быть принятымъ въ ея домъ считалось большою честью. Тѣ, которые воображаютъ провинцію по однимъ только невѣрнымъ рассказамъ о ней, очень удивились бы, еслибъ имъ случилось ближе познакомиться съ нею. Мужчинъ примѣчательныхъ, правда, тамъ немного, но найдутся и такіе, съ которыми очень приятно — сойтись и отрадно для ума — бесѣдовать. Высшія мѣста занимаютъ люди, жившіе въ лучшихъ обществахъ Москвы и Петербурга. При губернаторахъ, въ палатахъ, служатъ теперь обыкновенно молодые люди, кончившіе курсы въ университетахъ. Между неслужащими, найдете также людей очень хорошо воспитанныхъ, образованныхъ, начитанныхъ. Читаютъ у насъ несравненно болѣе и съ болѣею пользою для ума, чѣмъ въ обихъ столицахъ: собственно сказать, мы, провинція, мы одни только и читаемъ на этомъ свѣтѣ: спросите у книгопродавцевъ! Для насъ, чтеніе — такая же потребность какъ пища и питье. Быть-можетъ, одни мы и принимаемъ горячее участіе въ успѣхахъ отечественнаго ума. Гдѣ энтузіазмъ къ прекрасному, гдѣ восторженное обожаніе талантовъ, гдѣ любовитство ко всему умственному и уму, какъ не въ провинціи? А такъ какъ женщины по-всюду образованнѣе мужчинъ, если не воспитаннѣе, такъ чтеніемъ и способностью чувствовать, мыслить, сравнивать, то не будь у нашихъ женщинъ той робости, которая неразлучна съ уединеніемъ, вы увидѣли бы сами, господа столичные, что въ насъ и проку и основанія болѣе, чѣмъ въ вашихъ бойкихъ красавицахъ: Для совершенства нашего, намъ только не доставъ немножко бойкости. Съ нужной долею этого качества, вы были бы

умно и много многих, прославленных имен. Слова нѣтъ, въ провинціи жить скучно, но оттого, что нѣтъ иногда возможности разнообразить жизнь.

Два, три добрых семейства, трое, четверо умныхъ мужчинъ по четвергамъ собирались у Надежды и всѣмъ нѣтъ было скучно, потому что хозяйка не желала первенствовать. Многие интересныя женщины не любятъ допускать въ свой кругъ другихъ женщинъ интересныхъ, изъ опасенія, что онѣ затмятъ ихъ успѣху. Плохой расчетъ! Чтобы одалать свой домъ очаровательнымъ, ясно, что надо исполнить его очаровательными всѣхъ родовъ. Пусть ваши пріятельницы будутъ красивы и любезны; ни ваша красота, ни ваша любезность нисколько не проиграютъ отъ того: вы все-таки останетесь первою, потому что вы — хозяйка и душа общества. Права и привилегія ваши огромны: ужъйте только пользоваться ими. Надежда Толова это понимала, и съ-тѣхъ-поръ какъ лишилась послѣдней надежды въ жизни, она искала развлеченій въ книгахъ, въ живописи, въ занимательныхъ разговорахъ. Теперь, объ ея любезности наговориться не могли. Конечно ей приходилось иногда и тяжело и трудно, воспоминаніе давило ее порой, но, съ ея твердымъ характеромъ и здравымъ смысломъ, она не способна была принять на себя жалкую роль неузнанной и безнадежной. Если скорбь существовала, то она запрятала ее такъ глубоко, что и догадаться не могли. Предупреждая ея желаніе, друзья никогда не упоминали объ Эммануэлѣ, но ей было извѣстно, что Александръ не получалъ отъ него никакихъ извѣстій. Всѣ письма оставались безъ отвѣту. Наконецъ Александръ узналъ, что Эммануэль уѣхалъ изъ Россіи, но гдѣ онъ былъ, женился ли или нѣтъ, этого не было извѣстно: мало-по-малу Надежда свыклась съ потерей счастья и воображала, что равнодушіе сивило грусть. Но вдругъ письмо Эммануэля, присланное Александромъ, открыло ей глаза. Она поняла, что скорбь только дремала, что сердце не забыло ничего. Волнуясь тысячью различныхъ ощущеній, она дошла наконецъ до того рѣшенія, что всего благоразумнѣе — не видѣть Эммануэля, тѣмъ болѣе, что онъ останется не долго у Александра. Потому чувство, странное, но совершенно правль-

ное, въ экономіи женскихъ чувствъ, заставило ее принять напѣреніе совсѣмъ другаго рода. Клара здѣсь! Увидѣть женщину, которой мы уступили наше счастье: это такъ любопытно! Посмотрѣть, что она съ нимъ сдѣлала: это такъ необходимо! Мужчины этого, я думаю, не знаютъ: имъ, послѣ подобныхъ уступокъ, тотчасъ хочется драться. Такой буйный полъ!.. Какъ-будто нѣтъ средствъ поступить поделкатъе!....

Эта мысль не отходила отъ Надежды, прожигала ее раскаленнымъ любопытствомъ.

Петръ Петровичъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что у Фелицы родилась дочь Настя, не угодно ли Надеждѣ Николаевнѣ пожаловать на крестины.

Она храбро принимала предложеніе.

— Но вы знаете, Надежда Николаевна, говорилъ Хилковский, запинаясь, что у насъ гости издалека.

— Знаю, Вальфлориды?

— И будете?

— Непремѣнно.

Она сказала это такъ спокойно, что Петръ Петровичъ, извѣстный мастеръ на удачныя предположенія, подумалъ съ радостью: „Слава Богу! разлюбила! Какъ я радъ!“

V.

Уже гости собрались. Уже купель готова. Настасья Аванасьевна въ страшныхъ суетахъ. Малютка кричитъ во все горло. Александръ важничаетъ новымъ чиномъ отца. Петръ Петровичъ принимаетъ мѣры къ должному порядку, и вдругъ открываетъ, что не всё еще — тутъ. Ни Эммануэль, ни Клара еще не приходили.

— Послать къ нимъ во флигель поскорѣе, графиня Клара такъ желала видѣть обрядъ крещенія, вскричалъ онъ.

Побѣжали исполнить приказаніе.

Надежда, смиренно забравшись въ уголокъ, съ замираніемъ души, съ сильнымъ біеніемъ сердца, не сводила глазъ съ дверей. Нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ дверь растворилась. Но у Надежды закружилась голова, и взоръ помрачился. Нѣкоторое время она не могла видѣть ничего. Когда прошло это волненіе, понятное однѣмъ только читательницамъ, прямо передъ нею стояла женщина, какъ солнце, разоблачившееся изъ тучъ и тумановъ. Ни одной черты, ни одного движенія, ни малѣйшей бездѣлицы, не укрылось отъ зоркихъ глазъ Надежды. Она строго разобрала все, все, какъ только разбирають послѣ уступки счастья, за вычетомъ снисхожденія.

Нечего сказать! Образецъ усовершенствованной норманской породы, статной, нѣжной и благородной словно одна изъ прелестнѣйшихъ гравюръ на стали, вырванная изъ *The Book of beauty* или другаго лондонскаго альманаха, идеалъ великобританской красавицы выразился чисто и мягко въ аристократической наружности Эмануэлевой жены. Нѣжная, гибкая, стройная, величавая, щеки — кровь съ молокомъ, губки — шпанская земляника съ сахаромъ, зубы — жемчугъ бурмицкій, глаза — два куса неба синяго, Клара была невыразимо хороша съ своей лебединой шеей, съ прозрачною бѣлизною, съ румянцемъ зари, съ свѣтлыми волосами, разбросанными въ локонахъ какъ у дѣвочки, небрежно, живописно; до того хороша, что Надежда заглядѣлась. Желала она, отъ всей доброты уступчиваго сердца, найти что-нибудь для порицанія; да не нашла ничего. Развѣ одно только можно было поставить въ недостатокъ этому вполне прекрасному творенію: оттѣнокъ томности въ лицѣ или, скорѣе, отсутствие той рѣшимости въ взглядѣ, которою отличаются побѣдоносные глаза благородныхъ леди, нѣсколько вредилъ этой чистой красотѣ.

Сознаніе неотразимаго обаянія, которое такая прелестная женщина должна производить на того, кому отдалась съ любовью — а это извѣстно, что Клара любила Эмануэля съ дѣтскихъ лѣтъ — такое сознаніе, не смотря на свою горечь, помогло Надеждѣ на этотъ разъ. Мысль, что Эмануэль дол-

жестъ былъ непремѣнно забыть ее возлѣ Клары, оледенела волненіе. Когда несравненный художникъ подошелъ къ прежней своей невѣстѣ, и, протянувъ дружески руку, сказалъ, что онъ очень радъ здѣсь встрѣтиться съ нею, она отвѣтила, что слѣдуетъ, съ отличнымъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа. Рука, поданная Эммануэлю, не затрепетала въ его рукѣ. Тихо поднялись глаза на черты, нѣкогда такъ сладко знакомыя: Эммануэль былъ все тотъ же, все по-прежнему... болѣе, чѣмъ хорошъ. Двѣ природы сѣмивались въ немъ съ оборотительнымъ контрастомъ. Отъ матери Англичанки получилъ онъ тонкія черты и свѣтлокаштановые волосы; отецъ — завѣщалъ ему единственное — наследство свое, черные испанскіе глаза. Чудный ихъ огонь принадлежалъ лично Эммануэлю, его гению. Пылкій и разнообразный разговоръ очаровательно противорѣчилъ добродушной лѣности осанки. Если на жену можно было заглядѣться, въ немъ можно было утонуть глазами, съ сердцемъ и умомъ. Можете себѣ представить, какъ онъ былъ хорошъ, когда я вамъ скажу, что всѣ мужчины, обыкновенно, спрашивали: да, что вы въ немъ, сударыни, видите такое особенное?... На глаза Надежды онъ нисколько не перемѣнился, только лицо его какъ-будто похудѣло, да легкія морщины появились на высокомъ лбу.

Онъ сѣлъ возлѣ нея, и долго говорилъ о томъ, какъ нынѣшняя Европа, съ своей угрюмой, озабоченной, бухгалтерской образованностью и съ этимъ изяществомъ, состряпаннымъ на акціяхъ, мало представляетъ средствъ для художника, какъ ему пришла фантазія искать живописныхъ людей и живописныхъ чувствъ на Востокъ, гдѣ кровь человѣческая еще сохраняетъ нормальную теплоту свою, несмотря на палевыя перчатки, введенныя Махмудомъ; какъ онъ изъ Персіи думаетъ пробраться въ Константинополь, а оттуда можетъ-быть въ Сирію, въ ливанскія горы, роскошнѣйшія изъ горъ этой планеты, въ пустыню, въ Пальмиру, въ Іерусалимъ. Надежда слушала умно, радушно, учтиво: но кто скажетъ, что происходило въ ней! Отъ одного ничтожнаго обстоятельства рушилась вся ея натянутая бодрость и бывшее остримъ холодомъ проникло душу навсѣвъ. Эммануэль гово-

рилъ съ ней по-англійски, на языкѣ Клары... Прежде ихъ бесѣды происходили всегда на итальянскомъ, который Эмиануэль любилъ какъ художникъ, или на испанскомъ, который обожала Надежда какъ родной языкъ Эмиануэля, и которому она выучилась съ любовью, съ энтузіазмомъ. Напротивъ, старый донъ Хосе, который иностранные языки провозносилъ съ разговоромъ и акцентомъ испанскихъ королей, приобрѣтшихъ такую громкую извѣстность въ филологіи, любилъ изъогда употреблять съ Надеждою языкъ Шекспира и Вальтера-Скотта. Не возможно было не вспомнить при этихъ звукахъ, герцога, послѣднюю встрѣчу съ нимъ и разговоръ ночью въ бесѣдѣ, имѣвшій странное вліяніе на ея судьбу. Охваченная этимъ ѣдкимъ воспоминаніемъ, она едва нашла въ себѣ смѣлу спросить Эмиануэля.

— И вы не боятесь для графини Клары такого дальняго пути ?

— Я готова ѣхать всюду, хоть на край свѣта, съ моимъ добрымъ мужемъ, отвѣчала за него подошедшая Клара, съ любовью положивъ руку на его плечо.

— Позвольте вамъ представить мою жену, перебилъ Эмиануэль, и пока обѣ женщины размѣнивались поклономъ, онъ продолжалъ, обратясь къ женѣ:

— Вотъ съ нимъ ты можешь и говорить здѣсь обо всемъ и подружиться... уверяю-тебя, что многому прекрасному можно выучиться въ бесѣдѣ съ этою дамою, которая изъогда благосклонно позволяла мнѣ наслаждаться прелестями ея очаровательнаго ума. Мисъ Надежда Толовъ, кромѣ ангельской доброты своей, любить и знаетъ искусства, да и сама прекрасно владѣетъ кистью; особа начитанная, *калугушеска*...

Извините слово: это было сказано по-англійски.

Что было сказано потомъ, Надежда уже не могла дать себѣ отчету. Она провела время восхитительно—нигдѣ благо-разуміе не дуться—и уѣхала домой въ лихорадочномъ состояніи, смутно припоминая, что говорила съ Кларой; а она говорила

съ любезностью, съ жаромъ, съ увлеченіемъ. Эммануэль, прѣщаясь, сказалъ ей, что она обворожила Клару. Клара сама просила позволенія бывать часто у нея. Все это горестно помѣила Надежда. Нравственная горячка овладѣла ею съ того дня. Она стала упрекать себя, зачѣмъ отдала Эммануэля другой, когда, при небольшомъ упрямствѣ, можно было оставить его за собою; днемъ бѣгала она въ безпамятствѣ по аллеямъ саду, ночью металась на постели, вся въ огнѣ. Никогда не воображала Надежда, что увидѣтъ своего возлюбленнаго, свое счастье, счастливымъ иначе, на другой ладъ, въ чужихъ рукахъ, такъ тяжело, такъ досадно, убійственно. Увы! она узнала чтѣ такое ревность, это киргизское чувство, которое рветъ внутренности какъ голодъ и колетъ какъ терновникъ. Я раздѣляю ревность на два рода. Одна ревность врожденная, или органическая, какъ говоритъ Владиславъ Васильевичъ Заволинъ: человекъ иногда рождается съ ревностью на душѣ, какъ олень рождается съ рогами на лбу. Ревнивцы этого разряду ревнуютъ всегда, всѣхъ и ко всему — ревнуютъ еще въ колыбели — ревнуютъ безъ причины, безъ предлога, даже и безъ любви — ненавидятъ и ревнуютъ. Другая ревность бываетъ случайная, зависящая отъ расположенія духа, отъ здоровья, отъ состоянія нервовъ, отъ особеннаго настроенія мыслей въ извѣстныя минуты, а по мнѣнію Владислава Васильевича и отъ пищеваренія: вдругъ, не знаешь какъ и откуда, заревнуешь такъ, что хоть въ степь бѣги. Человекъ, прожившій вѣкъ безъ мысли о ревности, можетъ вдругъ, воображивъ, что ему предпочли другаго, страшно взволноваться, изъ сладостныхъ упоеній счастья перейти въ самое горькое несчастье, измучить себя и надобѣсть до-смерти предмету своего обожанія. Къ этой ревности обыкновенно не примѣшивается ни ненависти къ предпочтенному человеку, ни гнѣву къ тому, кто, по нашему понятію, измѣнилъ. Такая ревность — я говорю — не чтѣ иное какъ страшное огорченіе, а Владиславъ Васильевичъ говоритъ — не чтѣ иное какъ болѣзнь, особенное нервное разстройство, которое превосходно излечивается поѣздкою на воды или въ другое мѣсто, гдѣ много танцуютъ, болтаютъ, веселятся. Мы, женщины, когда мы влюблены, обыкновенно желаемъ, чтобы насъ немножко ревновали, но только ни той

ни другой ревностью, а совсѣмъ особенною, третьей, которая нѣжно примѣчаетъ, какъ мы кокетничаемъ, и сердится за это такъ, что душѣ льститъ живостью внушенной нами страсти. Многіе мужчины, въ такихъ обстоятельствахъ, принимаютъ, невѣжды, ревновать вправду самую нормальную ревностью: «и! какъ это мерзко!

Ревность, совершенно случайная, мучила Надежду—случайная, но жестокая. Она не могла подумать, какую отрадную жизнь вѣдетъ Клара съ Эммануэлемъ, чтобы жгучій огонь не разлился по ея жиламъ, чтобы сердце не замерло отъ боли, чтобы руки и ноги не оледѣли, голова не закружилась, дыханіе не сперлось, слезы не брызнули, а между-тѣмъ, ни противъ Эммануэля, ни противъ Клары она не могла сказать ничего. Ей нравилась и прелестная наружность счастливой соперницы, и ея милыя манеры, и добродушная болтовня. Когда Клара, которая бывала у ней часто, откидывая свои длинныя локоны, говорила съ плѣнительнымъ кокетствомъ, что они ей ужасно надоѣли, всегда растрепаны, вѣчно мѣшаютъ, но мужъ такъ любить, и не позволяетъ причесывать иначе, или когда, поправляя криво застегнутую манишку, со сѣхонъ рассказывала, что это мужъ такъ ее нарядилъ, что у него—страсть одѣвать ее самому, голова у Надежды шла кругомъ, она блѣднѣла, отворачивалась, умирала. Но все-таки Клара не была ей ни ненавистной, ни противной: и даже Эммануэль, хоть мужчина, не казался чудовищемъ.

Однажды, измученная безсонной ночью, не зная какъ сладить съ своимъ сердцемъ, изнемогая отъ внутренней борьбы, Надежда велѣла подать коляску и отправилась къ Фелицѣ.... для чего?... Странное направленіе нашей бѣдной женской натуры, для которой каждая радость рождается изъ страданія! Надеждѣ захотѣлось насладиться довершеніемъ своихъ мученій, убѣдясь окончательно, какъ Эммануэль любитъ другую, все вывѣдать, о всемъ подробно распросить. Со дня крестинъ она не видала Эммануэля. Онъ пріѣзжалъ къ ней съ Klarой, но ея не было дома. Клара всегда говорила, что мужъ очень занятъ, что всѣ дни проводитъ онъ въ мастерской. Фелица,

увидевъ ее, радостно бросился къ ней на шею. Выдержавши долготерпимый карантинъ, холода и нѣтъ топились скукою и пріѣздъ Надежды чрезвычайно утѣшилъ ее.

— Неужели вамъ не весело съ графиней Кларою? спросила Надежда: она такъ любезна, такъ мила!

— Я не люблю этой вашей Клары! возразила Фелица съ досадою въ лицѣ.

— Не любите! почему?...

— Она по-русски ни слова не понимаетъ; съ ней надо все по-французски.... а Александръ бранить меня, что я дѣлаю ошибки.

— Такъ только за это? сказала Надежда улыбувшись: ну это еще не большая вина!...

— Нѣтъ не за одно это!

— За что же еще?

— Зачѣмъ она такъ чванится своимъ счастьемъ, зачѣмъ тѣрдить то и дѣло, что мужъ обожаетъ ее.

— А если это правда, милая Фелица, отвѣчала Надежда, слѣгка блѣднѣя, зачѣмъ же ей не говорить?...

— Пусть говоритъ, я ей не мѣшаю; да мнѣ досадно!...

— Почему?

— Потому что я люблю васъ, а не Клару.

— Милая Фелица, съ-тѣхъ-поръ какъ донъ Эммануэль женатъ на Кларѣ, для васъ, для всѣхъ моихъ друзей я должна быть въ сторонѣ; меня тутъ надобно забыть.

— Забывайте сами себя, если это вамъ весело, перебила вспыльчиво Фелица. Вы Минерва! Вы не женщина, а ледъ! Отдали его другой добровольно да и нужды нѣтъ! А я такъ ужъ навѣрное не была бы такая сумасшедшая. Я не могу простить себѣ, что своей глупой болтовнею подала мысль этому старому уроду донъ Хосѣ. И что чваниться Кларѣ? Вѣдь не сама плѣнила: мы ее выдали замужъ за него!

— Другъ мой, ради Бога!... вспомните, что Клара не должна знать ничего....

— Ахъ! какъ вы всѣ обижаете меня, вы и Александръ! сказала Фелица, надувшись. Онъ тоже все говоритъ мнѣ объ этомъ; но я не такъ глуха и, слава Богу, не болтунья, знаю, гдѣ нужно помолчать.

— Молчать еще недостаточно, Фелица; вамъ надо обра-
дяться съ Кларой привѣтливо, мило; надо помнить, что она
ваша гостья, жена друга вашего мужа; не досадовать, а радо-
ваться, если они хорошо живутъ, если онъ ее такъ любитъ....

— Любить-то любить! перебила Фелица, которая была
обманута двухъ-лѣтнимъ спокойствіемъ Надежды и не во-
ображала, какой вредъ приносили ей эти слова: очень лю-
бить!... больше чѣмъ заслуживаетъ она.

— О! не говорите этого, Фелица! Она такъ хороша, ум-
на, добра! Богъ надѣлилъ ее всѣмъ, что нужно, чтобы за-
служить любовь мужа....

— Кромѣ одного.

Надежда взглянула на нее съ удивленіемъ и съ без-
покойствомъ. О! женское сердце! изъ какихъ противорѣчій
состоитъ ты! Умирая на медленномъ огнѣ при мысли, что Эм-
мануэль принадлежитъ другой, Надежда, при первомъ намекѣ,
что эта другая вполне не составляетъ его счастья, пришла
въ тревожное состояніе: ей стало жаль чужаго добра!

— Да! продолжала Фелица, важно качая головою: мой
мужъ — человекъ не знаменитый, я не такъ умна какъ Клара,
и хоть ни капельки не смыслю въ агрономіи, а на посѣвы
тѣхъ, и умѣю приплестъ къ разговору и плодотворность
и своеобразность....

Надежда еще болѣе удивилась, не понимая, къ чему кло-
нется эта рѣчь.

— Да! я не такъ умна, какъ эта Англичанка, а понимаю,
что женѣ должно входить въ занятія, наклонности, привычки
мужа, и не думать все только о своей любви.

— А развѣ Клара?....

— У Клары только любовь въ умѣ и на языкѣ.

Надеждѣ этого было мало, но приходъ Александра пре-
рвалъ разговоръ. Съ пріѣзду Вальфлоридовъ, Александръ не
говорилъ объ нихъ съ Надеждой ни слова, какъ будто Эм-
мануэль не существовалъ. Надежда цѣнила эту вниматель-
ность и никогда не показывала, что хочетъ вывѣдать что-
нибудь. Но теперь, жаждая узнать всю правду, воображая,

что найдетъ отраду, когда вполне убѣдится въ блаженствѣ Эммануэля, она подала Александру руку и предложила прогуляться по саду.

— Милый Александръ, сказала она, собравшись съ духомъ: будете ли отвѣчать мнѣ откровенно, какъ бывало прежде, когда мы были искренними друзьями, когда у насъ съ вами не бывало тайнъ?

— Я думаю, что мы никогда не переставали быть друзьями, и что, по вашему убѣжденію, я не способенъ перемѣниться....

— Но обстоятельства перемѣняются, мой другъ!

— Я не понимаю васъ, сказалъ онъ съ смущеніемъ.

— О! очень понимаете, какъ и я поняла васъ... Изъ всѣхъ близкихъ ко мнѣ, одни вы догадывались, не подавая виду, что происходило въ душѣ моей въ эти два года, что происходитъ теперь; вы молчали, и молчите, чтобы не растревать старой раны. Благодарю, добрый Александръ! Но теперь исполните мою искреннюю просьбу: отвѣчайте откровенно на мои вопросы въ первый и послѣдній разъ. Когда я узнаю, что желаю знать, я попрошу васъ опять никогда не затрогивать этой струны. Отвѣчайте же по чистой совѣсти, умоляю.... говорилъ ли вамъ Эммануэль что-нибудь о прошломъ?... обо мнѣ?

— Нѣтъ.

— Ни слова?

— Только спросилъ, кто вашъ мужъ.

— А когда вы ему сказали, что я не выходила замужъ?

— Онъ ничего не сказалъ.

— Какъ вы думаете, счастливъ онъ съ Кларой?

— Онъ ничего не говоритъ со мною о своей домашней жизни, но, сколько я могу замѣтить.... онъ счастливъ....

— Въ ея характерѣ нѣтъ ничего такого, что бы могло не нравиться Эммануэлю?

— О! нѣтъ, характеръ у нея чрезвычайно ровный; она удивительно кротка....

— Но любить его очень? не взыскательна ли, не требовательна ли отъ излишества любви?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Александръ, подумавъ: сколько я могъ зашѣтить, она только и думаетъ о томъ, какъ ему угодить.

— И вы увѣрены, что онъ ее точно любитъ?

Александръ колебался въ отвѣтъ. Онъ, непримѣтно, по-смотрѣлъ на нее съ глубокимъ участіемъ.

— Правду! ради Бога правду! шептала Надежда: я буду рада, если жертва удалась вполнѣ....

— Думаю, что точно любить, потому что не любить ее нельзя.

— Благодарю! сказала она, и оставила Александра. Повернувъ къ дому, она остановилась на крыльцѣ, передъ растворенною дверью въ залу, гдѣ Клара, раскинувшись въ глубокихъ креслахъ, лежала съ закрытыми глазами въ полудремотѣ. Ея очаровательная поза, ея прелестная головка служили какъ-бы подтвержденіемъ послѣднимъ словамъ Александра.

— Да! нельзя не любить ее, повторила она про себя. — Ну, чтожъ! прошептала она потомъ: пусть его любитъ, пусть будетъ счастливъ!... я сама буду счастлива оттого.

Но когда она произнесла эти слова, сердце ея такъ больно сжалось, что слезы заблестали на глазахъ. Бѣдная дѣвушка! она едва стояла на ногахъ. Холодъ смерти переливался по ея жиламъ.

Въ эту самую минуту, когда душа хотѣла радоваться за дорогого, а сердце съ отчаяніемъ убѣждалось, что все погнбло невозвратно, вдругъ раздалось нѣсколько аккордовъ. Надежда вздрогнула и подняла глаза. Въ залѣ, за роялью сидѣлъ Эмиануэль, перебирая клавиши задумчиво, небрежно. Прежде чѣмъ Надежда успѣла перевести дыханіе, до слуха ея долетѣли слова любимаго ею романа, который Эмиануэль, неправильно, но премило говорившій по-русски, прогнлъ какъ бы въ отвѣтъ на ея мысль:

Нѣтъ, обманула васъ молва;
По прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права

Вы не утратили съ годами.
 Другой куряль я омиамъ
 Но васъ носилъ въ святынѣ сердца....

— Она не дослушала. Взглядъ Эмиануэля, какъ молнія, сразилъ ее черезъ всю заму. Шатаясь отъ упорительнаго головокруженія, она бессознательно сошла съ крыльца, добѣжала до садовой калитки, и, обойдя домъ, приказала подать коляску и ѣхать домой. Цѣлую дорогу была она какъ въ помѣшательствѣ, ничего не видѣла, не слышала, не понимала; только, вмѣсто прежней страшной боли въ сердцѣ, вмѣсто прѣжняго страданія, дрожь восторгу пробѣгала по ея членамъ, слезы сыпались градомъ, но слезы эти были такъ отрадны и легки!

Выходя изъ коляски, она приѣтила, что забыла у Фелицы зонтикъ и перчатки и покраснѣла, подумавъ какъ тамъ перетолкуютъ ея поспѣшный отъѣздъ. Завтра же намѣревалась она послать въ Дубраву, съ извиненіемъ, что уѣхала не простившись, потому что чувствовала приближеніе припадка перемежающейся лихорадки, которою страдаетъ уже вторую недѣлю. Въ нашемъ чудесномъ климатѣ, эти лихорадки такъ же обыкновенны какъ въ Петербургѣ вообще, и въ итальянской оперѣ въ особенности—кашель. Всѣхъ трясеть, и всѣ трясутся: это у насъ принято. Этой мнимой болѣзнию Надежда хотѣла отговориться, чтобы не выѣзжать и не принимать никого до отъѣзда Вальфлоридовъ, который долженъ былъ наступить скоро. Раздуть чувство въ Эмиануэль, если оно не совсѣмъ погасло, Надежда считала неблагоприятнымъ. Пусть уѣзжаетъ, пусть снова забудетъ совсѣмъ Надежду: ей до того нужды нѣтъ. Вырвать эту блаженную минуту изъ ея жизни не въ состояніи ничто въ мірѣ. Она будетъ вѣчно помнить и голосъ и слова и взглядъ этого безцѣннаго человѣка. Великая награда за столько несчастныхъ дней! А что будетъ послѣ, того она не можетъ и не хочетъ соображать: придетъ снова страданіе — тѣмъ лучше: въ страданіи есть наслажденіе. Она счастлива мечтою, парить на золотыхъ крыльяхъ ея подъ облака, па-

дуть и уводять дитя съ немъ въ нѣрѣ невыразимого блаженства, и ничего болѣе ей хотѣть имъ знать ни вѣдѣть. Съ разгорѣвшимися щеками, задыхаясь отъ внутренняго жару, расхаживала она въ тѣнистой аллеѣ передъ домомъ. Легкій вѣтерокъ, шелестя листья винограду, освѣжалъ ея кипящую кровь. Наконецъ изъ этого упорнаго состоянія исторгъ ее чей-то голосъ. Шаги раздавались на песокъ сосѣдней аллеи. Она обернулась и съ изумленіемъ остановилась, не вѣря глазамъ. Къ ней подходила, улыбаясь и дружески протягивая руку, женщина лѣтъ сорока пяти, стройная и одѣтая съ отличными вкусомъ. Вы знаете ее изъ первой главы моего разказа. То была, какъ называлъ ее Сергій Павловичъ, Катерина Медичи или, какъ звали ее въ свѣтѣ, графиня Солтыжева.

Встрѣча съ этой женщиной въ такую минуту, когда даже самыя дорогія особы были бы въ тягость привела Надежду въ досадное смущеніе, однако она скрыла его и поклонилась какъ подобаетъ умной хозяйкѣ, для которой всѣ гости, и вѣрныя и несносныя, должны быть равны. Если бы Надежда находилась въ своемъ обыкновенномъ состояніи, она бы пріятна, что съ графиней происходили какія нибудь удивительныя обстоятельства, потому что она вовсе не походила на себя и на то, чѣмъ привыкли видѣть ее въ свѣтѣ, то-есть, на ослепительную любезность, на неустрашную ласковость, на существо непроницаемое для всѣхъ. Лицо графини, отличавшееся всегда примѣрною ровностью выраженія, странно подергивалось, словно внутреннія ощущенія не слушались державшей ихъ воли; улыбка походила на гримасу; глаза сіяли огнемъ, до того злобѣющимъ, что Сергій Павловичъ непремѣнно увидалъ бы въ нихъ всю исторію Вароламеевской ночи.

Но Надежда не въ состояніи была дѣлать замѣчаній. Она не пріятна даже вѣрному графини, не слышала отуку ее издавна, не видѣла того, что неожиданная гостья сошла къ ней съ балкона, который велъ въ отдѣленіе, уступленное Александричѣ.

Но знаю какъ замѣть спросить у васъ возникшія... а выслу-

нѣ понимаю, что посѣщеніе мое очень не кстати, въ такое время, когда вамъ вовсе не до гостей.

Надежда вздрогнула. Эти слова, вѣроятно сказанныя безъ намѣренія, удачно попали на правду.

— Принимать пріятныхъ гостей у меня всегда время, отвѣчала она вѣжливо. Повѣрьте мнѣ, графиня, я теперь ничѣмъ не занята.

Гостыя улыбулась, но такъ коварно, что Надежду снова обдало холодомъ. Она не могла понять, что у графини на умѣ.

— Я вамъ вѣрю, продолжала Солижѣва все съ тою же значительной улыбкой. Но на счетъ пріятности моего посѣщенія, я должна сказать вамъ, что пріѣхала по дѣлу. Это — дурная рекомендація, я знаю. Отъ васъ зависитъ сдѣлать посѣщеніе мое какъ-нельзя болѣе вамъ пріятнымъ; да! отъ самихъ васъ...

Надежда взглянула на нее съ удивленіемъ.

— Да, доброе дѣло мое; вы знаете это мудрое изрѣченіе, не помню чье: мы всегда любимъ тѣхъ, кому оказываемъ благодѣяніе. Вы можете сдѣлать меня изъ несчастнѣйшей женщины самою счастливою на свѣтѣ, слѣдовательно посѣщеніе мое, по воспоминанію объ оказанномъ добромъ дѣлѣ, можетъ оставить въ душѣ вашей самыя пріятныя слѣды.

— Доброе дѣло! благодѣяніе! повторила Надежда, болѣе и болѣе изумляясь.

— Да! ангелъ мой, да!.. Ужасно сказать, я должна остаться скоро безъ куска хлѣба, если вы не протянете мнѣ руки помощи. Вся надежда моя на васъ.

Эти слова такъ не согласовались съ обычной гордостью графини и съ тѣмъ блестящимъ положеніемъ, которое всегда выказывала она въ свѣтѣ, что Надежда не находила словъ.

— Пойдемте, пойдемте, другъ мой. Разсказъ мой будетъ длиненъ; намъ надобно присѣсть. Пойдемъ куда-нибудь въ уединенное мѣсто.... Разговоры такого роду не должны доходить до чужихъ ушей.... Надо вамъ знать, начала графиня,

когда онъ усѣлся въ гостиной, затворивъ двери: что дѣлаю — въ самомъ плохомъ положеніи, до такой степени, что, если я не найду сто тысячъ серебромъ на этой недѣлѣ, нѣтъ все будетъ продано съ аукціону, и я останусь ровно безъ ничего.

— Принимаю искреннее участіе въ вашемъ несчастіи, но не понимаю, чѣмъ могу быть вамъ полезенъ. Вамъ нужны значительныя деньги, а денегъ у меня нѣтъ.

— Знаю, знаю, что вы этимъ не богаты; да у васъ есть друзья....

— Друзья?...

— Донъ Эмигуэль теперь милліонщикъ; уговорите его дать мнѣ въ займы.

Надежда была жестоко поражена. Слова этой женщины показались ей проникнутыми ядомъ.

— Съ какой стати могу я уговаривать графа Вальфлориду? отвѣчала она сухо. Во-первыхъ, я его не вижу, не нѣтъ съ нимъ никакихъ сношеній, а во-вторыхъ, деньги, если онъ тутъ есть — собственность жены его: я съ ней не такъ знакома, чтобы выпрашивать въ займы. Почему бы вамъ самимъ къ нему не обратиться? Если можно, онъ навѣрное дастъ, если нѣтъ, онъ откажетъ мнѣ точно такъ же какъ и вы.

— Въ томъ-то и дѣло, другъ мой, что я уже просилъ его и онъ отказалъ.... подъ тѣмъ предлогомъ, что не можетъ располагать деньгами жены. Я вздумала обратиться къ графинѣ Вальфлорида, но онъ предупредилъ меня, что это будетъ напрасно: она воспитана такимъ чудачкомъ братомъ, который, умирая, взялъ съ нея честное слово, что если у нея будутъ лишнія деньги въ наличности и кто-нибудь попроситъ занять, то она подаритъ ихъ просителю и возьметъ расписку въ томъ, что онъ подарены, а въ займы не дастъ ему ни подъ какимъ видомъ. Разумѣется, я не могу дать расписки....

— Такъ что же я могу тутъ сдѣлать? перебила Надежда.

Вы можете быть уверены, что если графиня Клара дала такое честное слово, то и самому близкому родному не дастъ она денегъ подъ другія условія.

— Да это глупое честное слово!... одному только сунашедшему Англичанину, который собирается повздорить отъ сдвигна, придетъ въ голову, брать подобныя обещанія съ неопытной питомицы. Англичане... извѣстно... народъ дикій, необразованный... Какъ это можно не давать въ зайцы!.. Я столько разъ въ жизнь свою занимала, и никто еще не предлагалъ мнѣ выдать такую расписку. У насъ въ Россіи это не водится. На то есть законная форма у маклеровъ. Нужно было бы растолковать ей это порядкомъ..

— Растолковать Англичанкѣ, что Англичане народъ дикій и необразованный!!.. Графиня, я за это не берусь!..

— Но вы можете упогреть ваше вліяніе на донъ Эммануэля.

— Мое вліяніе!...

— Да, другъ мой! слушайте меня. Обстоятельства до того важны, до того не терпятъ отлагательства, что объясняться съ вами я должна безъ обиняковъ. Вы понимаете, что если я рѣшилась обратиться къ вамъ съ такою просьбой, то, видно, это осталось моимъ единственнымъ средствомъ... Голова у меня кружится отъ отчаянія.... Я употребила все, все, испытала всѣ пути, всѣхъ просила.... и нигдѣ не нашла благороднаго сердца.... одинъ вы — моя надежда, мой якорь спасенія. Вы, если захотите, можете достать мнѣ эту сумму. Донъ Эммануэль все сдѣлаетъ для васъ.... Онъ возьметъ деньги для себя, если скажете слово. Богатство его жены огромно, это всѣмъ извѣстно. Старый карлистъ, донъ Хосе, которому позволили воротиться въ Испанію, потакаетъ тамъ несметныя суммы на постройки и перестройки въ своихъ окаянныхъ земляхъ, выкупленныхъ на деньги графини Клары.... Они вѣрнѣе и никогда жить не будутъ въ этихъ руинахъ, гдѣ, говорятъ, до-сихъ-поръ водится нечистая сила. Самъ же донъ Эммануэль рассказываетъ, сколько его батюшка потратилъ денегъ своей невестки на изгнаніе моря изъ стараго

заку Валь-лориды: послѣ уничтоженія инквизиціи ни кто въ Испаніи не умѣетъ выпроводить лѣщаго изъ развалины. Когда донъ Эммануэль такъ свободно соритъ деньгами своей жены на пустыя, такъ-что ему значить взять изъ никуда, на вашей просьбѣ, сто тысячъ для себя....

— Вы дурно знаете донъ Эммануэля, перебила Надежда съ трудомъ удерживаясь отъ негодованія и стараясь извинить графиню отчаянностью положенія: для себя онъ навѣрное не возьметъ ничего у жены; деликатность его въ этомъ отношеніи простирается до крайности; обмануть ее онъ не согласится ни для кого въ мірѣ. Ваше предположеніе о моемъ мнѣніи на него.... извините, графиня!... кажется мнѣ такимъ неудачнымъ, что я, право, не знаю даже что отвѣчать....

Графиня подвинулась къ Надеждѣ, взяла ее за руку, и съ улыбкой шепнула:

— Для-чего скрыватья отъ меня, мой ангель?... я знаю все!...

— Все?... вскричала Надежда, отодвигаясь съ отвращеніемъ: потрудитесь объяснить, что значить это все?

— Напрасно! сказала графиня, качая головою: напрасно! вѣтвостворствовать... отталкивать женщину, преданную вамъ душевно.... Не хорошо, Надежда Николаевна! Свѣтъ такъ созданъ, что люди должны поддерживать другъ друга; круговая порука; взаимная услуга.... Ахъ, дитя мое! вы вѣрно еще мало знакомы съ жизнью, если не умѣете этого понять.... Я не рѣшилась бы просить васъ объ одолженіи, если бы не была намѣрена оказать вамъ съ моей стороны тоже услугу, можетъ-быть еще поважнѣе той, о которой прошу сама.

— Тысячу благодарностей, графиня, отвѣчала Надежда съ вѣжливымъ пренебреженіемъ: но....

— Но вамъ ничего отъ меня не нужно, перебила Солгѣева, хотѣла вы прибавить. Напрасно! Меня тоже не слѣдуетъ пренебрегать. Для друзей моихъ я готова смотрѣть на все сквозь пальцы; но вы понимаете, что отказавъ мнѣ въ

пресъбѣ, вы становитесь моимъ врагомъ; а для враговъ я не намѣрена жертвовать счастьемъ тѣхъ, въ комъ принимаю искреннее участіе.... Вы кажется опять не понимаете?... позвольте, я растолкую вамъ. Оказавъ мнѣ такую услугу, вы приобретаете право на мою вѣчную признательность; что бы вы ни сдѣлали, я не только не вправѣ порицать ваши поступки, по стану даже усердно защищать васъ противъ всего свѣта, который золь.... и зорокъ.... очень зорокъ!... видитъ все!... Въ противномъ случаѣ, съ какой же мнѣ стати знать и не сказать того, что говорить другіе?

— Признаюсь, что ваше объясненіе еще больше запутало меня. Я ни слова не понимаю....

— Будто бы? Однако это ясно. Графиня Вальфлорида проста и невинна какъ ребенокъ; здѣсь она одна, безъ родныхъ, безъ друзей; я хорошо познакомилась съ нею въ Петербургѣ, и кромѣ меня некому здѣсь открыть ей глаза.... Понимаете? отъ васъ зависитъ въ тайнѣ наслаждаться.... попожалуй и уѣхать съ ними... какъ вѣрно вы и намѣревались сдѣлать. Вѣдь не даромъ же вы обворожили эту добродушную Клару! Она жить безъ васъ не можетъ.... но когда она узнаетъ.... вы понимаете... такъ всѣ ваши планы разлетятся.... и что скажетъ свѣтъ!... который и безъ того уже говоритъ....

— Плановъ у меня никакихъ нѣтъ, отвѣчала Надежда, вставая съ гордостью и съ гнѣвомъ: извините, если я ничего не стану отвѣчать подробнѣе. Я не привыкла понимать такой языкъ.... а клеветы я презираю.... въ чьихъ бы устахъ онѣ ни раздавались, какъ повторенія.... или какъ первая выдумка.

— Если это ваше послѣднее слово.... сказала графиня, закусивъ поблѣднѣвшія губы....

— Последнее, будьте въ томъ увѣрены, графиня.

— Прощайте, мой другъ.... мнѣ очень жаль васъ.... во всякомъ случаѣ не сомнѣвайтесь въ моей преданности.

Солнѣжева въ обшенствѣ ушла. Вся кровь Надежды хлопотала отъ негодованія: безстыдная рѣчь этой мотовки въ

хлопотахъ вывела ее изъ себя. Спекулировать на предполагаемую любовь ея къ Эммануэлю, требовать именованъ привязанности, которой тайну Надежда запрятала въ самые далекіе изгибы сердца, поступка, несогласнаго съ ея образомъ мыслей, неблагороднаго... какая дерзость! Одна уже мысль сдѣлать намекъ на прошлыя чувства Эммануэлю, покрывала краской ея лицо. Однако, хорошо зная сатанинскій умъ этой женщины, Надежда понимала, что только страшная крайность могла довести ее до такихъ отчаянныхъ происковъ и что слѣдовательно она никогда не проститъ ей неудачи, которой по-видимому и не ожидала, дѣлая этотъ болѣе чѣмъ отважный шагъ. Теперь Надеждѣ можно было всего опасаться отъ Солнѣжевой. Она готова наговорить Кларѣ разныхъ неблицъ.

Надежда рѣшилась тотчасъ написать къ Александру, чтобы онъ приказалъ не принимать Солнѣжевой къ себѣ въ домъ, пока не уѣдутъ его гости, и не уговаривалъ бы ни подъ какимъ видомъ Эммануэла отлагать свой отъѣздъ, который былъ назначенъ на-дняхъ: напротивъ, съ полнымъ усердіемъ дружбы помочь бы во всемъ, что будетъ нужно, для само-скорѣйшаго отправленія въ благополучный путь. Но пока она обдумывала эту мѣру и выраженія письма, пока въ страшномъ волненіи писала, ошибалась въ выборѣ словъ, рвала неудовлетворительныя записки и начинала новыя болѣе осторожныя или болѣе настойчивыя, Клара пріѣхала къ ней сама. Причина поспѣшнаго отъѣзду Надежды отъ Фелицы обезпокоила ее. Она желала навѣстить больную.

Не въ добрый часъ выѣхала Клара съ своимъ добрымъ настроеніемъ. За-версту отъ дому Надежды она встрѣтила Солнѣжеву. Коляски ихъ остановились. Солнѣжева, съ театральными жестами удивленія и радости бросилась къ Кларѣ, которая также поспѣшила сойти наземь. Заемщица отвела ее на нѣсколько шаговъ. Неужели она тутъ же исполнитъ свою перзкую угрозу? Неужели ея безумная ярость не остановится передъ низостью такого ищенія?... Но надежда достать денегъ, когда деньги нужны, способна довести ее до всего. Говорятъ, что это — тайная пружина трехъ четвертей

всѣхъ великихъ событій Всеобщей Исторіи. Солнѣмова и Клара около четверти часа кедили по дорогѣ.

Уже легкая походка Клары раздавалась въ гостиной, когда Надежда изорвала послѣднюю начатую записку и поспѣшила отворить ей дверь своего кабинета. Безжизненное мрамора показалось ей лицо Клары, и когда она взяла ея руку, чтобы привѣтствовать дружескимъ пожатіемъ, рука Англичанки была холодна какъ ледъ....

ЛЕЛА.

ПОВѢДКА ВЪ БОЛГАРЫ ВЪ 1849 ГОДУ.

(Мои записки путешествовавшему по Россіи.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

III.

Я проснулся, на другой день привѣда моего въ Болгары, тогда уже Февъ, „богъ сребролукій, Кроніона сынъ“, какъ называетъ его Гомеръ, горѣлъ на горизонтѣ, съ ослабительной пышностью. Часы показывали половину седьмого. Воздухъ, не смотря на яркіе лучи солнца, былъ свѣжъ и живительнъ, чему конечно много помогали испаренія отъ Волги, вздымавшіяся надъ нею блѣдноглубоватою лентою. Я отворилъ небольшое окошко, выходившее въ поле и полной грудью вливалъ въ себя струи воздуха. Вылиты на меня Анисимовъ, вслѣдъ за тѣмъ, по обыкновенію, два ведра холодной воды, стрихнули послѣдніе слѣды сонной пѣги и вотъ я храбро принялся за дѣло. Первымъ долгомъ мнѣ было осведомиться, черезъ перегородку, о здоровьи сотоварища моего Егора Федосевича; но его не было въ наличности. По собраннымъ справкамъ оказалось, что онъ, поджавшись, на свѣтъ ни заря, отправился куда-то подъ гору, на которой стояло село Болгары. Въ ожиданіи его прибытія, я благополучно совершилъ мой утренній туалетъ

и раскрылъ записную книжку : мнѣ хотѣлось, прежде осмотра столицы Болгаровъ , изложить на бумагѣ , въ порядкѣ , всё , что могъ припомнить я изъ прочитаннаго объ этомъ городѣ и народѣ , въ немъ обитавшемъ . Вотъ свѣдѣнія , уцѣлѣвшія по этому предмету , въ магазинѣ моей памяти :

Народы, населявшіе въ средніе вѣка мѣста, въ которыхъ въ настоящее время находился я, называются въ лѣтописяхъ Воложскими Булгарами, для отличія отъ Булгаръ, обитавшихъ на берегахъ Дуная. Почти не существуетъ никакихъ данныхъ объ ихъ происхожденіи : были ли они древними обитателями этой страны или, какъ предполагаетъ Карамзинъ, переселились съ береговъ Дона, въ VII вѣкѣ, не желая повиноваться хозарскому хану. Первое историческое упоминаніе о Воложскихъ Булгарахъ относится къ X столѣтію и принадлежитъ арабскому путешественнику Ибнъ-Фоцлану, который былъ самъ въ землѣ ихъ и оставилъ весьма любопытное описаніе, сохранившееся до нашего времени, въ переводѣ, на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ. Какъ изъ описанія Ибнъ-Фоцлана, такъ и свѣдѣній, оставленныхъ другими арабскими географами, посѣщавшими послѣ него землю Булгаровъ, видно, что въ X столѣтіи Булгары были уже сильнымъ и трудолюбивымъ народомъ, имѣвшимъ торговныя сношенія съ самыми отдаленными странами, при пособіи рѣкъ Волги, Камы и Каспійскаго моря. На базарахъ городовъ ихъ продавались и драгоценныя ткани Византіи, и блестящее оружіе, вывезенное съ Востока, и пушистыя мѣха отдаленнаго Сѣвера. Что Булгары, уже въ десятомъ вѣкѣ, были сами искусны въ различныхъ ремеслахъ и заботились объ удобствахъ жизни, довольно хорошо доказываетъ, между прочимъ, и отвѣтъ воеводы Добрыни Владиміру, хотѣвшему обложить ихъ данью: „иже вси въ сапозѣхъ, симъ дани не дати, пойдемъ искати въ лапотникъ“. Въ 942 году, Булгары приняли магометанскую вѣру и съ того времени сдѣлались ревностными послѣдователями корана. Исторія не сохранила свѣдѣній объ отношеніяхъ этого народа къ обитателямъ сосѣднихъ странъ, исключая Русскихъ, съ которыми Булгары вели непрерывныя войны, кончавшіяся съ переѣннымъ счастіемъ для обѣихъ сторонъ, что продолжалось до самаго нашествія Монголовъ на Россію. Эти кровожадные поработители нашего

отечества были вмѣстѣ съ тѣмъ и бичами, прекратившими существованіе Булгаровъ, въ видѣ отдѣльной націи. Въ 1236 году, Монголы проникнули до города Болгаръ и предавъ его огню и мечу, сдѣлались властелинами болгарскаго народа, который, въ послѣдствіи слившись съ своими побѣдителями, утратилъ наконецъ и самое имя, составивъ съ ними, такъ называвшуюся *Кичакскую Орду*. Между тѣмъ Русскіе, по мѣрѣ того какъ освобождались отъ порабощенія Татаръ, снова начали всгупать въ болѣе и болѣе упорныя распри съ народами, населявшими землю Булгаръ, хотя она и находилась подъ властью хановъ. Такимъ-образомъ лѣтописцы нашимъ упоминаютъ о походѣ сюда, въ 1389 году, великаго князя Василя Димитріевича, прозваннаго завоевателемъ Булгаріи. Впрочемъ довольно трудно опредѣлить эпоху, когда земля Булгаровъ окончательно перешла въ обладаніе Россіи, хотя по всему должно предполагать, что это произошло при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ въ то же время, когда и Казанское Царство было присоединено къ скипетру Царей русскихъ.

Болгары, столица Воложскихъ Булгаровъ, въ развалинахъ которой въ настоящее время находился я, основана была, по словамъ татарскихъ лѣтописцевъ, Александромъ Великимъ. Разузнется объ этомъ сказаніи, за достовѣрность котораго нельзя поручиться даже въ шутку, можно упомянуть только для того, чтобы не говорить, что время основанія этого города покрыто *мракомъ неизвѣстности*. Какъ бы-то ни было, достовѣрно извѣстно однакоже о существованіи города уже въ десятомъ столѣтіи подъ этимъ именемъ, хотя Абуль-Феда, умершій въ 1331 году, и говорить что...

— Кофе давно готовъ, сударь!

Эти послѣдніе слова были сказаны, впрочемъ, не Абуль-Федой, а моимъ Анисимомъ, давно стоявшимъ предо мною, въ молчаніи, съ стаканомъ кофе и наконецъ рѣшившимся вывести меня, изъ вѣковъ отдаленныхъ, въ настоящій. Я повернулъ голову. Недалеко отъ меня, возлѣ окошка, сидѣлъ въ совершенномъ молчаніи Егоръ Федосѣичъ, прихода котораго я не замѣтилъ.

— Хе, хе, хе! записались, батюшка, сказалъ онъ, увидѣвъ, что я оставилъ перо и записную книжку.

— Ба, Егоръ Федосъичъ! я занялся и не вижу, что кофе готовъ и вы возвратились изъ вояжа. Что же вы не кушаете?

— Покорнѣйше васъ благодарю-сь, отвѣчалъ старичекъ, выколота трубку на подь-оконникъ и набивая ее своимъ варварскимъ табакомъ. Я до этого снадобья не охотникъ; горячить очень-сь. Да при томъ и не привыкъ, знаете-сь. Вотъ если-бы вы попотчивали кофеями мою Анфису Ивановну, то ужъ, батюшка, не получили-бы отказу: она у меня, голубушка, усидитъ не одинъ десятокъ такихъ кофейниковъ-то какъ этотъ. Дѣло другое, прибавилъ Егоръ Федосъичъ послѣ нѣкотораго молчанія, коли-бы вы соблаговолили.... то-есть, такъ сказать.... изъ вашей фляжечки....

— Сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь. Эй, Анисимъ, фляжку!

Принявъ изъ рукъ Анисима дорожную фляжку, Егоръ Федосъичъ очень внимательно осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, какъ будто видя въ первый разъ, потомъ осторожно отвинтилъ серебряный стаканчикъ, закрывавшій пробку, медленно нацѣдилъ его, вровень съ краями, водкой, еще разъ полюбовался самымъ стаканчикомъ и наконецъ душкомъ выпилъ до капли. Кончивъ эту операцію, онъ обтеръ губы кѣтчатымъ платкомъ, прислонилъ фляжку къ рамѣ окна и отыскивая что-то въ карманѣ, сказалъ:

— Ну-сь, теперь я васъ тоже порадую въ свою очередь: извольте-ка взглянуть, что это такое?

Я посмотрѣлъ къ нему въ руку. На ладони Егора Федосъича лежало съ десятокъ обыкновенныхъ рѣчныхъ галекъ, различной величины и небольшая раковинка.

— Что же тутъ особеннаго? спросилъ я съ удивленіемъ.

— А вотъ что, батюшка, отвѣчалъ посмѣиваясь Егоръ Федосъичъ. Мнѣ показалось, что вы вчера не совсѣмъ убѣдились моимъ доказательствомъ, что болото, которое тянется подъ Болгарскою горою, есть мѣсто древняго теченія Волги....

— Признаюсь, что имѣю нѣкоторое сомнѣніе.

— Ну такъ чтобы не было съ вашей стороны этаго сомнѣнія, извольте-ка получить отъ меня на память, вотъ эти

гальки и раковины, которыя я вытащилъ изъ разныхъ мѣстъ болота и за которыми провозился часа три, чтобы только имѣть удовольствіе доказать вамъ прежнее присутствіе на мѣстѣ болота, Волги, потому что вѣдь дѣло извѣстное, что рѣчныя гальки да раковины не будутъ валяться на мѣстѣ, по которому никогда не протекала рѣка....

Я разцѣловалъ почтеннаго старичка за его премудрое доказательство и положилъ подарокъ съ свою шкатулку.

— Скажите, какъ вамъ пришла въ голову эта чудесная мысль? спросилъ я Егора Федосѣича.

— Да это мысль не моя, батюшка, а профессора казанскаго университета В**, съ которымъ я также былъ здѣсь года за четыре. Онъ тогда, набравъ на болотѣ съ горсть галекъ, пришелъ въ такой восторгъ, что словно отыскалъ золотую руду. Вотъ какъ вы, вчера, начали рассказывать, что на болотѣ стоялъ городъ, мнѣ и пришло на мысль поискать для васъ тоже галекъ. Хе, хе, хе!

И старичекъ залился смѣхомъ; я самъ улыбнулся. Признаюсь, что доказательства моего спутника были довольно сильны, чтобы убѣдить всякаго невѣрующаго въ томъ, что Волга дѣйствительно измѣнила свое теченіе и слѣдовательно столица Болгаровъ стояла на ея берегу.

— Теперь, сказалъ Егоръ Федосѣичъ, пожалуй можно отправиться и въ путь-дорогу. Поѣдьте-ка осматривать развалины; благо время хорошее.

Егоръ Федосѣичъ взялъ съ собою двухъ мужичковъ — чичероне, чтобъ показывать ближайшія дорожки и тропинки, а я захватилъ портфель, пачку сигаръ, карманный компасъ и въ футлярѣ походную, десяти саженную тесьму, для измѣреній. Мы вышли на улицу и направили путь къ церкви, отъ которой начинались развалины.

Селеніе Болгары состоитъ, въ настоящее время, изъ 196 дворовъ казенныхъ крестьянъ, которыхъ считается мужескаго полу 609 душъ. Въ немъ одна каменная церковь, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1734 году купцомъ Вихляевымъ. Отъ этой-то церкви начинаются развалины въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Развалины эти состоятъ изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ, сло-

женныхъ изъ дикаго камня, зданій, называемыхъ здѣсь „пятниками“, изъ множества возвышенныхъ бугровъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ по полю и минарета, носящаго названіе „столба“. Другой минаретъ, слмый высокій и притомъ болѣе любопытный, недавно упалъ, какъ я сказалъ выше. Всѣ эти развалины находятся въ чертѣ землянаго вала, сопровождаемаго ровомъ, направленіе которыхъ можно различить вездѣ, хотя съ трудомъ, на поверхности земли. Валъ огибаеть собою неправильный четвероугольникъ, двѣ стороны котораго по четыре и другіе двѣ по осьми верстѣ.

Во время осмотра Болгаръ въ 1768 году Палласомъ и Озерецковскимъ, сопровождавшимъ въ путешествіи академика Ленехина, они видѣли здѣсь до сорока четырехъ, довольно хорошо сохранившихся, древнихъ зданій. Теперь, черезъ восемьдесятъ лѣтъ, остались только *шесть* развалинъ, которыя не представляютъ груды камней и, слѣдовательно, могутъ быть еще предметомъ ученыхъ наблюденій. Развалины эти суть: Малый минаретъ; палатки: Николая Угодника, Черная, Бѣлая и двѣ безымянныхъ. Вотъ все, что въ теченіе вѣковъ, успѣло уцѣлѣть отъ ржавчины времени и — конечно не надолго! пройдетъ еще десять, двадцать лѣтъ, и вмѣсто возвышающихся теперь зданій, только шесть новыхъ бугровъ, присоединясь къ множеству другихъ, предстанутъ глазамъ любопытнаго путника! По этому понятно, что я горѣлъ желаніемъ всмотрѣться въ лицо маститой древности и сохранить въ памяти ея фізіогномію.

Первымъ дѣломъ нашимъ было осмотрѣть церковь и поклониться явленному образу, въ ней находящемуся. Образъ найденъ въ двадцати верстахъ отъ селенія Болгаръ и состоитъ изъ мѣдной доски, на которой, въ нѣсколькихъ кругахъ, изображены древней греческой рѣзбою, дѣянія Святыхъ; въ срединѣ видна Богоматерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Самое зданіе церкви не имѣетъ въ себѣ ничего примѣчательнаго, но ея фундаментъ составляетъ истинную драгоценность для археолога: онъ сложенъ весь изъ камней и плитъ, собранныхъ съ различныхъ мѣстъ пространства, окруженнаго валомъ, а эти камни и плиты покрыты множествомъ надписей на восточныхъ языкахъ, которыя хотя и много пострадали отъ времени, но все-таки могутъ предста-

ить обильную жатву для любознательнаго ума. Обходя кругомъ церкви и осматривая фундаментъ, верхняя часть котораго, изпещренная буквами, огибала ея, какъ бы таинственный колѣсокъ, сомкнутый самою вѣчною, я пожалѣлъ о души, что былъ плохимъ ориенталистомъ. — Мнѣ однако же пришло на мысль скопировать нѣсколько надписей еще другихъ сохранившихся, чтобы предложить для разбору свѣдущимъ людямъ и я исполнилъ это съ пунктуальною точностью. Надобно сказать, что о существованіи этихъ камней съ надписями было одно преданіе и только нынѣ, во время перестройки церкви, обнажили совершенно фундаментъ отъ щекатурки и открыли надписи для всеобщаго любопытства и уразумѣнія немногихъ. Впрочемъ, по всему должно предположить, что они заключаютъ только надгробныя эпитафіи, изсѣченныя на татарскомъ, арабскомъ и армянскомъ языкахъ, такъ какъ плиты и камни брались съ древнихъ могилъ, которыя они покрывали. Объ этомъ можно судить по описанію Озерецковскаго, напечатавшаго въ „Дневныхъ запискахъ“ Лепехина, переводъ надписей, бывшихъ на сорока девяти, видѣнныхъ имъ въ то время, камняхъ. Изъ нихъ сорокъ-шесть были на арабскомъ и татарскомъ и три на армянскомъ языкахъ. Надписи эти, дурно въ то время переведенныя, возбуждали относительно времени своего существованія, много споровъ между учеными, пока наконецъ Клапротомъ и Сенъ-Мартепомъ не было рѣшено, что самыя древнѣйшія изъ нихъ не старѣе тринадцатаго столѣтія.

Мнѣ хотѣлось взглянуть на камни, описанные Озерецковскимъ; но ихъ уже не было въ наличности. Я пожалѣлъ, что время и невѣжество прекратили ихъ существованіе, такъ, что никто изъ крестьянъ-чичероне, водившихъ меня по Болгарамъ, не могъ показать мнѣ и послѣдняго камня съ надписью, видѣннаго здѣсь въ 1813 году академикомъ Френомъ.

Осмотрѣвъ церковь, мы отправились къ мѣсту, на которое возвышался прекрасный минаретъ, такъ недавно упавшій. Минаретъ этотъ стоялъ возлѣ самой церковной ограды, какъ показываетъ оставшійся фундаментъ, изъ обтесаннаго камня. Странно, что при разрушеніи своемъ, онъ упалъ, какъ мнѣ слышали очевидцы, не на одну какую-нибудь

сторону, хотя уже нѣсколько десятковъ лѣтъ видимо клонился на одинъ бокъ, но рассыпался совершенно перпендикулярно, такъ, что представилъ, послѣ паденія своего, груду камней, расположенныхъ въ видѣ огромнаго круга. Нынѣ всѣ эти камни сложены, по распоряженію ближайшаго начальства, въ правильную кучу, возлѣ самаго фундамента, который остался еще, чтобы на старости лѣтъ, повеличаться, предъ любопытными путешественниками, своею особою.

Вотъ свѣдѣнія о „Большомъ столбѣ“:

Минаретъ былъ сложенъ весь изъ дикаго камня, вышиною въ двѣнадцать сажень. Онъ имѣлъ квадратное основаніе, котораго каждая сторона была въ семь съ половиною аршинъ. Входъ въ это зданіе былъ съ южной стороны черезъ небольшую дверь, отъ которой шла лѣстница до самой верхней части минарета. Взобравшись на верхъ по семидесяти четырьмя ступенямъ, можно было любоваться, сквозь небольшія окна, картинными видами, оттуда открывавшимися. Верхняя часть минарета, по приказанію бывшаго казанскаго вице-губернатора Гурьева, была предохранена отъ вліянія времени и непогодъ, желѣзною крышею, и самыя стѣны минарета по возможности исправлены. Вообще о сохраненіи этого памятника древности, прилагаемы были особенныя попеченія, такъ что еще Императоръ Петръ-Первый, при посѣщеніи Болгаръ въ 1722 году, во время персидскаго похода, замѣтя, что фундаментъ минарета былъ поврежденъ, приказалъ его исправить. Вотъ подлинный приказъ его, писанный по этому предмету, изъ Астрахани, къ бывшему въ Казани губернаторомъ Солтыкову, доказывающій, до какой степени Великій Государь обращалъ вниманіе на все, что представлялось его орлиному взору:

„Въ бытность Нашу въ Болгарахъ видѣли Мы, что у стариннаго болгарскаго строенія башни или колокольни фундаментъ испортился, и оной надлежитъ поддѣлать вновь, того для пошлите туда нынѣ человекъ двѣнадцать каменщиковъ съ ихъ инструментами и нѣсколько бочекъ извѣсти, а камня тамъ стараго довольно есть. Такъ же мостъ и старое по времени вели починить.“

Вслѣдствіе этого повелѣнія, тогда же была произведена поправка и верхняя часть столба окована двумя толстыми

жѣлзными обручами. Говорять, что до самаго паденія минарета, можно было еще видѣть, внутри его надъ дверьми, послѣдніе три слова имени Петра, начертанные имъ самимъ на камнѣ, помощью какого-то острія.

Невдалекѣ отъ большаго минарета находится площадь, къ угламъ которой примыкали, нѣкогда, четыре башни; — теперь видны только ихъ основанія. Башни эти соединены были между собою стѣнами, тоже нынѣ не существующими, направление которыхъ впрочемъ можно разсмотрѣть и въ настоящее время. Надобно думать, что упавшій минареть составлялъ съ ними одно зданіе и что башни окружали мечеть, а можетъ-быть и дворецъ ханскій.

Въ одиннадцати саженьхъ отъ ближайшей къ церкви башни высится небольшое осьми-стѣнное зданіе, изъ дикаго камня, съ куполомъ внутри, которое болгарскіе жители называютъ: „Палаткою Николая Угодника.“

Дѣйствительно, при существованіи здѣсь нѣкогда греческаго монастыря, это зданіе обращено было въ церковь во имя Св. Николая Чудотворца, въ которой совершалось служеніе до построенія, въ 1734 году, описанной мною каменной церкви, послѣ чего эта была упразднена. Престолъ, покрытый бѣлою пеленою, показываетъ и нынѣ мѣсто, гдѣ была здѣсь Святая Святыхъ.

Не далеко отъ этой палатки мы видѣли другую, не носящую особаго названія: она сложена изъ чрезвычайно толстыхъ кусковъ дикаго камня и не имѣетъ ни одного окна. Во внутренность ведетъ небольшая дверь; въ стѣнахъ видны основанія сводовъ, которые составляли потолокъ. Все заставляетъ догадываться, что это зданіе было какою-нибудь кладовою, можетъ быть принадлежавшей ко дворцу, который былъ не далеко отъ нея, или хранившей сокровища государства.

Но любопытство влекло меня далѣе: мнѣ хотѣлось поскорѣе взобраться на верхъ малаго минарета, красовавшагося отъ насъ въ полуверстѣ и еще уцѣлѣвшаго отъ разрушенія, не въ притѣрѣ своему большому брату, котораго подножіе мы осматривали. Не теряя времени, я отправился къ предмету моихъ желаній. Правду сказать, это путешествіе обошлось не дешево. День былъ такъ жарокъ, что можно было, ка-

жется, испечь яйцо на открытомъ воздухѣ, не говоря уже о моей бѣдной головѣ, которую даже содоменная шляпа тяготила какъ пудовая гири. Солнце, не довольствуясь тѣмъ, что пышно освѣщало предъ нами развалины бывшихъ дворцовъ и мечетей, еще обильно лило на насъ потокъ лучей своихъ. Но вотъ еще нѣсколько шаговъ — и мы у столба! Малый столбъ совершенно сходенъ былъ съ большимъ въ архитектурномъ отношеніи, такъ, что послѣ паденія послѣдняго, напоминаетъ его всѣмъ, кромѣ размѣровъ: большой минаретъ былъ вышиною двѣнадцать, этотъ девять сажень. Онъ имѣетъ форму колонны, основаніе которой составляетъ четырехъ-угольный фундаментъ, вышиною пять аршинъ, съ срѣзанными на верху углами. На этомъ основаніи виситъ осьмисторонній уступъ, вышиною въ два аршина, на который уже опирается самый столбъ, покрытый желѣзною конусообразною крышею. — Двадцать лѣтъ тому назадъ, этотъ минаретъ находился въ самомъ печальномъ положеніи; а въ настоящее время исправленъ казанскимъ купцомъ Юнусовымъ. Его иждивеніемъ минаретъ былъ починенъ и покрытъ желѣзною крышею снаружи, а внутри обшукатуренъ и снабженъ деревянною лѣстницею, по которой можно подняться до самой возвышенной точки минарета. Лѣстница эта имѣетъ пятьдесятъ ступеней и при освѣщеніи изъ оконъ, пробитыхъ въ разныхъ мѣстахъ минарета, очень удобна для восхода. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы добраться до верхней ступеньки не было утомительно: я особенно при моемъ полнокровіи и настоящей усталости, окончивъ восхожденіе, осмотрѣлся съ самодовольствіемъ, какъ человекъ, совершившій не маловажный подвигъ. Но бросивъ взоръ вокругъ, съ высоты минарета, вознаграждаешься вполне, за труды восхожденія, видомъ, который плѣняетъ своею картинностью: передъ вами какъ будто раскинута искусно составленная карта. Смотришь во всѣ стороны, изъ маленькихъ круглыхъ окошечекъ минарета, какъ въ стекло косморама и не налюбуешься представляющимися предметами. Съ одной стороны темный лѣсъ обрамливаетъ горизонтъ, съ другой, дальнія горы тянутся голубой полосой; кругомъ катится во всѣ концы зеленое поле, по которому тамъ-и-сямъ пестрѣютъ развалины: тутъ стѣна съ обломкомъ карниза, здѣсь насыпь, тамъ остатки башни, нѣкогда увѣнчанной луною, теперь до

полости придавленной въ землю — преклонясь подъ гнетомъ времени, ждутъ окончательнаго разрушенія.... Только храмъ юны Успенія Пресвятыя Богородицы, стройно вознеситъ къ небесамъ главу свою, увѣчанную некрушимымъ символомъ христіанства....

Спускаясь уже съ столба, я пристально всматрѣлся въ стѣны: они были испещрены надписями, частью на русскоиъ и болъшею частью на восточныхъ языкахъ. Всякій изъ восходящихъ на минаретъ, почитаетъ обязанностью оставить по себѣ напомниманіе. Нѣкоторые изъ надписей были довольно оригинальнымъ и я хотѣлъ ихъ списать въ свой дневникъ, но Егоръ Федосѣичъ остановилъ меня, важно объявивъ, что теперь некогда заниматься вздоромъ и что намъ надобно поспѣшить еще осмотрѣть прочихъ развалинъ. Я успѣлъ только черкнуть карандашемъ на стѣнѣ: „Павелъ Юрткульскій“ и поспѣшилъ спуститься.

По выходѣ изъ минарета, мы осмотрѣли развалины башни, находящейся въ одиннадцати сажняхъ отъ столба на сѣверо-западъ отъ входа въ него. Башня эта четырехъ-угольная и почти квадратная, каждая сторона имѣетъ въ длину около четырехъ сажень. Верхъ этой башни былъ сведенъ прежде куполомъ, что доказываютъ стѣнки, на которыхъ онъ покоился. Въ семи сажняхъ отъ этой башни была другая, соединявшаяся съ нею каменною галереею, подъ которою былъ входъ въ подземелье. Теперь этого ничего нѣтъ, кромѣ кучи камней, по которымъ только можно видѣть подтвержденіе о существованіи вѣкогда описанныхъ мною построекъ.

Возлѣ этихъ башенъ лежитъ замѣчательный клочекъ земли, въ сорокъ квадратныхъ сажень, обнесенный рѣшеткою: къ этому-то небольшому пространству стремятся мысли каждаго поклонника Магомета, живущаго въ казанской и сибѣрныхъ губерніяхъ.

Правовѣрные читатели корана, принадлежащіе въ Казани, къ почетному торгующему сословію и обращающіе милліоны свои въ коммерческихъ операціяхъ, и бѣдняки, Татары, живущіе гдѣ-нибудь за Оренбургомъ, и важные, престарѣлые муллы въ почетныхъ чинахъ, и молодые, лихіе Татарчата, только что вставшіе въ водоворотъ жизни—все это спѣшитъ изъ разныхъ мѣстъ, въ извѣстное время года, чтобы совершить мо-

литву и коснуться челомъ къ землѣ, именно на этомъ пространствѣ, огражденномъ рѣшеткою.... Здѣсь было, по сказанію татарскихъ лѣтописцевъ, ханское кладбище, на которомъ погребено десять мужей, чтимыхъ Мусульманами.

При моемъ осмотрѣ этого мѣста, тутъ молилось человекъ двадцать Татаръ, пришедшихъ изъ ближайшихъ мѣстъ на поклоненіе. Я началъ спрашивать одного изъ мужичковъ вожатаевъ, въ какое время наиболѣе бывають здѣсь сборища Татаръ; нѣтъ ли чего замѣчательнаго въ ихъ обрядахъ и, слушая отвѣты его, подивился особому какому-то складу ума русскаго человекъ, по которому онъ умѣетъ удобно примѣняться ко всякому случаю.

Такъ называемая *Черная Палата* или *Судейскій домъ*, есть одна изъ палатокъ, лучше другихъ сохранившихся. Это высокое квадратное зданіе, увѣчанное куполомъ; оно имѣетъ три яруса оконъ и, какъ видно, состояло изъ двухъ этажей, изъ которыхъ верхній былъ въ два свѣта, въ нижнемъ же свѣтъ едва проникалъ черезъ маленькія, чуть видныя окна. Преданіе говоритъ, что здѣсь ханы судили своихъ подданныхъ, отчего собственно произошло названіе судейскаго дома и я готовъ привести доказательства, въ подтвержденіе справедливости этого преданія: именно, маленькія окна нижняго этажа, который, безъ всякаго сомнѣнія, составлялъ темницу для преступниковъ. Это подтверждаютъ еще болѣе стѣны, некогда окружавшія зданіе, слѣды которыхъ видны и теперь. Пространство, обогнутое ими вѣроятно составляло дворъ для заключенныхъ,—самыя же стѣны служили предохранительною мѣрою отъ ихъ побѣга. Верхній ярусъ палаты былъ отщекатуренъ и щекатурка еще и теперь держится на стѣнахъ большими массами. Надъ аркой двери, находящейся на лѣвой сторонѣ отъ входа, остался даже карнизъ, на которомъ видѣнъ кусочекъ лѣпнаго барельефа, превосходно сохранившійся. Что же относится до преданія, будто палата эта получила названіе *черной*, отъ стѣнъ, закоптѣвшихъ во время пожара, произведеннаго Тамерланомъ, при Абдуллахъ-Ханѣ, то мнѣ кажется, что это чистѣйшая сказка. Начать съ того что стѣны совершенно не носятъ на себѣ слѣдовъ пожара, что доказываетъ и оставшаяся щекатурка, сохранившая понынѣ бѣлый цвѣтъ. Скорѣе можно предположить, что наиме-

нованіе палаты Черною, дано въ позднѣйшее время, уже русскими жителями села Болгаръ, въ контрасть съ *бѣлою* палатою, которая внутреннимъ и частью наружнымъ цвѣтомъ стѣнъ, донныѣ подтверждаетъ это названіе.

Эту-то бѣлую Палату и валъ, окружающій всѣ развалины, оставалось намъ еще осмотрѣть, чтобы заключить тѣмъ обзоръ столицы древнихъ Болгаровъ.

Я спросилъ Егора Федосѣича, согласенъ ли онъ съ предположеніемъ, что Черная Палата получила свое названіе уже въ позднѣйшія времена, а не отъ закоптѣлыхъ стѣнъ, со временъ Тамерлана? Но почтенный компаніонъ мой былъ согласенъ со мною только въ одномъ, что давно была пора обѣдать. Въ-самомъ-дѣлѣ часы показывали уже половину пятого и желудокъ мой очень явственно докладывалъ, что онъ не довольствуется моральною пищею, которую доставляло намъ разсмотрѣніе развалинъ, а желаетъ чего-нибудь пошественнѣе. Для удовлетворенія въ одно время аппетита матеріальнаго и умственнаго, мы рѣшили, чтобы Егоръ Федосѣичъ отправился съ мужичками-вожатыми за провизіей и привезъ ее къ Бѣлой-Палатѣ, которую я долженъ былъ осмотрѣть до обѣда, послѣ чего мы хотѣли совершить путешествіе вдоль вала, огибавшаго развалины. А какъ отъ Черной-Палаты, гдѣ мы были, до нашей квартиры было версты двѣ, то Егоръ Федосѣичъ придумалъ отправиться за снѣдью, къ священнику, красивый домикъ котораго, живописно рисуясь возлѣ церкви, привѣтливо поглядывалъ на насъ въ отдаленіи. Мы отправились по предположенному маршруту.

Бѣлая-Палата отстоитъ отъ Черной на восемьдесятъ сажень и заслуживаетъ вниманія по своей постройкѣ: она состояла первоначально изъ трехъ отдѣленій, имѣла въ длину двѣнадцать сажень и увѣнчивалась пятью куполами. Нынѣ осталось лишь среднее отдѣленіе, съ большимъ куполомъ, — все прочее представляетъ груды камней. Изъ сохранившейся части зданія видно, что оно состояло изъ квадратной залы съ большимъ куполомъ, къ каждой сторонѣ котораго примыкала особая комната, соединявшаяся съ нимъ аркою, такъ что все зданіе представляло, внутри, одну храмину, имѣвшую форму равносторонняго креста. Подъ бѣлою Палатою находится подземелье и есть преданіе, что оно ведетъ въ кладо-

вую, расположенную подъ средней залой, но это только преданіе. Въ настоящее же время никто не рѣшался туда проникнуть, хотя, судя по входу, мнѣ кажется это было бы не слишкомъ трудно исполнить. Одна предосторожность, необходимая въ такомъ случаѣ, — это Девіева лампа, которую должно взять съ собою, во избѣжаніе могущаго воспламениться въ подземельи спертаго воздуха, если отправиться туда съ простымъ фонаремъ.

Существуютъ двѣ догадки о первоначальномъ назначеніи Бѣлой-Палаты. Палласъ полагалъ, что это была мечеть и считалъ подземную комнату погребомъ, куда ставились тѣла усопшихъ. Господинъ профессоръ Эртманъ думаетъ, напротивъ, что зданіе было банею, основываясь на сходствѣ расположенія его съ восточными этого рода постройками и на открытыхъ имъ подъ поломъ палаты горизонтальныхъ углубленіяхъ, въ которыхъ, по его предположенію, лежали трубы, для проводу воды. Теперь ничего этого видѣть невозможно, потому что не только не существуетъ никакихъ углубленій подъ поломъ, но нѣтъ даже слѣдовъ и самаго полу. Вездѣ прахъ и запустѣніе. Только одно изъ доказательствъ, приводимыхъ господиномъ Эртманомъ въ подтвержденіе, что зданіе было банею, сохранилось понынѣ: это круглое отверстіе въ правомъ противуположномъ углу отъ входа, ясно свидѣтельствующее, что въ него была вложена нѣкогда труба.... Но для чего именно? — загадка, для разрѣшенія которой, за немѣнѣемъ лучшаго, слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора.

Я въ подробности осмотрѣлъ Бѣлую-Палату внутри и обошелъ раза три кругомъ ея снаружи, и какъ Егоръ Федосѣичъ все еще не являлся съ ѣдобными продуктами, то въ ожиданіи его, прилежъ отдохнуть на травѣ, въ тѣни бросаемой одною изъ стѣнъ палаты. Усталость отъ продолжительной ходьбы и солнечный зной расположили меня мало-помалу ко сну, отъ котораго однако же сначала я храбро отбивался; но природа взяла свое и вотъ мысли мои начали путаться какою-то пестрою вереницею; все, что приходило мнѣ въ тотъ день, на память, изъ прочитаннаго прежде о Болгарахъ, какъ будто возникнувъ изъ праха времени, мелькало вѣзвѣ передъ глазами.... Словно спазнулъ кто ржавчину вре-

меня съ разрушенныхъ зданій, высившихся передо мною: съ былыми стѣнами, изукрашенными узорчатыми арабесками, они стройно глянули на меня, будто вышедшія только изъ рукъ багдадскихъ своихъ строителей.... Вотъ тамъ-и-сямъ замелькалъ народъ, заколыхали цвѣтные ковры и флаги, потянулись арбы съ дорожными товарами по базарамъ и улицамъ.... Гонцы скакали стремглавъ къ дворцу ханскому, дервиши тѣснились возлѣ мечетей, все кипѣло и двигалось.... Я заснулъ....

IV.

Не знаю, долго ли спалъ я, когда почувствовалъ, что меня схватилъ кто-то за руку. Открываю глаза: молодая Татарка обнимаетъ мои колѣна, заливаясь слезами. Было уже темно, только мѣсяць, блуждая между тучами, слабо освѣщаль окрестность, доставляя однако же столько лучей, что я могъ рассмотреть мою гостью. Боже Праведный, какъ была хороша она!! Конечно пламенный Востокъ никогда не производилъ болѣе совершеннѣйшаго существа! Темные, большіе глаза ея, будто металы въ меня искрами, черные волосы лились ручьями изъ подъ красной чадры на ея грудь. А кораллы ея губъ, шелкъ бровей, розы ланить.... Чудныя, обнаженные руки, будто вылитыя изъ античной бронзы?... Я влѣлъ отъ восторга....

— Абзей, братъ мой. говорила она трепещущимъ голосомъ, спаси меня отъ смерти и я буду вѣчно твоею рабынею. Я ушла тихонько изъ дому брата, чтобы жить съ другомъ моимъ Ахметомъ, за котораго родные мои не хотѣли отдать меня волею. Ахъ, вскричала Татарка, ломая себѣ руки въ изступленіи, я сейчасъ видѣла какъ защищая меня, другъ мой палъ отъ руки брата, бросившагося за мною въ погоню, съ моими другими братьями. — Слышишь ли ты, прешптала она съ ужасомъ, дико озираясь кругомъ и прислушиваясь къ глухому ропоту, несшемуся съ дороги; — слышишь ли конскій топотъ и ржаніе коней? Это братъ мой скачетъ, чтобы поразить Фатиму тѣмъ же кинжаломъ, отъ котораго слетѣла голова Ахмета! — О защиты, защиты меня! — И она бро-

силась на грудь мою.... Голова моя закружилась, кровь прибила ключемъ въ голову.... Я сожмулъ глаза и судорожно сжалъ красавицу въ своихъ объятіяхъ....

Страшный конскій топотъ, неистовые крики и громкіе звуки рога, раздавшіеся почти возлѣ самаго моего уха, вывели меня изъ оцѣмнѣнія.... Первымъ долгомъ моимъ было инстинктивно прижать красавицу, чтобы защитить отъ нападенія, — но ея уже не было. Открываю глаза — и вотъ картина, которая представляется моимъ взорамъ: высокій, почтенной наружности мужчина, въ охотничьемъ платьѣ, только что спѣшившись съ коня, прикалываетъ кишжаломъ зайца, затравленнаго собаками, которыя, какъ будто сожалѣя объ отнятой у нихъ добычѣ, завывали неистовымъ голосомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, лихой псарь сосвориваетъ собакъ, призывая остальныхъ знакомыми имъ трелями рожка. Человѣкъ пять охотниковъ несется во весь опоръ, съ разныхъ сторонъ, къ мѣсту побойща....

Дворцы, стѣны, минареты исчезли вмѣстѣ съ моимъ сномъ, только вѣтеръ по старому свистѣлъ въ развалинахъ Бѣлой-Палаты, колыхая пушистый ковыль по долинѣ. Все еще не понимая, что я видѣлъ всю эту фантазмагорію во снѣ, я нищу бессознательно рукою Татарку и схватываю Егора Федосѣича, который только что собрался поднести ко рту чарку съ водкой....

— Что вы! вскричалъ старичекъ, съ неудовольствіемъ подаваясь всѣмъ тѣломъ назадъ, — смотрите, сколько разлили вдругъ! Экъ заспались, батюшка. —

— Ахъ, Егоръ Федосѣичъ, виновать тысячу разъ. Подлинно заспался и видѣлъ во снѣ, чортъ знаетъ, какую гиль. Однако что жъ это такое? вскричалъ я съ недоумѣніемъ, показывая пальцемъ на суетящихся охотниковъ.

— Это, батюшка, заяцъ, какъ изволите видѣть, кончившій свое существованіе; это охотники господина майора, моего старика начальника, котораго деревня въ десяти верстахъ отсюда, а вотъ это онъ самъ изволить сюда шествовать. Вотъ вамъ, батюшка, и знакомство. Вѣдь вы его отыскивали въ Спасскѣ?

Предоставляю судить о моей радости и благодарности случаю, доставившему мнѣ такой пріятный сюрпризъ. Я разкланя-

онъ съ маіоромъ и предъявилъ ему рекомендательное письмо моего друга, которое было, по счастью, со мной въ портфель. Маіоръ Ж** принявъ и обласкавъ меня какъ нельзя лучше, предложилъ присоединить свой походный обѣдъ къ завтраку, взятому Егоромъ Федосѣвичемъ отъ священника и разѣщенному на коврѣ, въ двухъ шагахъ, отъ мѣста моего отдохновенія. Мы съѣли обѣдать.

Я съ любопытствомъ и вмѣстѣ съ почтеніемъ смотрѣлъ на стараго маіора-ветерана, поражавшаго во время оно, противниковъ нашего отечества, а теперь уничтожавшаго длинноухихъ враговъ капусты. Разговоръ, разуетсяя, тотчасъ же перешелъ на Болгары и маіоръ очаровалъ меня своими замѣчаніями объ нихъ, основанными на тонкой наблюдательности. Между-тѣмъ я поглядывалъ на кинжалъ, который онъ во время нашего разговору, обтиралъ о траву, желая уничтожить на немъ слѣды крови отъ недавняго пораженія... Чудная, слоновой кости ручка, серебрянныя ножны, къ нему принадлежавшія и висѣвшія черезъ плечо маіора, на зеленомъ шелковомъ снуркѣ.... Такъ это тотъ знаменитый кинжалъ, чайденный въ Болгарахъ, о которомъ мнѣ столько толковали. Я бросился разсматривать его съ большею жадностію, нежели атаквала, за пять минутъ передъ этимъ, славный пастетъ начиненный дичью.

Кинжалъ этотъ длиною, съ ручкой и ножнами, шестнадцать англійскихъ дюймовъ, одна же ручка около пяти дюймовъ. Онъ сдѣланъ изъ чистой дамаской стали, темной какъ вороново крыло. Безподобная ручка его изъ слоновой кости, украшена по бокамъ ярко-красными сердоликами, въ серебряной оправѣ. Но замѣчательная часть кинжала едва ли не его ножны: вылитыя изъ чистаго серебра, украшенныя сверху тройнымъ поясомъ затѣйливыхъ арабесокъ, филиграновой работы и испещренныя по остальному фону фантастическими узорами, они имѣютъ такое совершенство въ отдѣлкѣ, что ихъ скорѣе можно принять за chef-d'œuvre какого-нибудь извѣстнаго мнѣ золотыхъ дѣлъ мастера, нежели за древность, найденную въ Болгарахъ и пролежавшую нѣсколько столѣтій въ землѣ. По богатой отдѣлкѣ кинжала, должно предполагать, что онъ первоначально принадлежалъ какому нибудь знаменитому болгарскому витязю, въ рукѣ котораго, можетъ-быть, не разъ обогрался кровью нашихъ прашуровъ....

Надобно думать, что древніе Болгары обладали въ высокой степени искусствомъ соединять металлы, судя по слѣдующему обстоятельству: маіоръ Ж** сказывалъ мнѣ, что ножны кинжала найдены съ надломаннымъ нижнимъ концомъ, который онъ хотѣлъ припаять, серебромъ-же. Но два, три лучшіе серебряника въ Казани, не однократно придѣлывая, никакъ не могли достигнуть того, чтобы припаянный ими кончикъ не отламывался при самомъ слабomъ давленіи, хотя не жалѣя серебра на спайку. Ясно, что въ серебрѣ, изъ котораго сдѣланы ножны, находится какая-то неизвѣстная подѣль, увеличивающая его плотность.

На вопросъ мой, находятъ-ли нынѣ здѣсь достопамятности въ родѣ этого кинжала, я узналъ, что теперь болѣе десяти лѣтъ уже, какъ крестьяне ничего не отрываютъ, кромѣ мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, но и тѣ попадаются годъ отъ году рѣже. Однако-же, на объявленное мною желаніе приобрести что-нибудь изъ болгарскихъ древностей, одинъ изъ сопровождавшихъ насъ крестьянъ, посоветовавшись съ другимъ, вынулъ изъ-за пазухи и подалъ мнѣ десятка съ два маленькихъ серебряныхъ монетокъ и какой-то мѣдный сосудъ, чрезвычайно страннаго вида: онъ имѣлъ форму огромной чернильницы, только безъ дна, котораго, кажется, совсѣмъ не было и украшался кругомъ наружныхъ стѣнокъ мѣдными конусообразными шишечками. Мы долго отгадывали, къ чему могла служить эта вещь и ничего не могли придумать; впрочемъ если-бы въ ней находилось дно, то ее можно бы было принять за иготъ. Я рѣшился все это купить и спросилъ хозяина о цѣнѣ.

Мужичекъ посмотрѣлъ изъ подлобья сначала на меня, потомъ на маіора, почесалъ голову и отвѣчалъ:

— Да, золотенькихъ два русскихъ надобно бы взять съ вашей милости.

— Недорого ли будетъ? сказалъ я, желая поторговаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ отправившись за кошелькомъ въ карманъ, чтобы не выпустить находки.

— Что, что? вскричалъ маіоръ, два золотенькихъ? Крестьянинъ, какъ видно, хорошо знавшій маіора, усмѣхнулся, и послѣ того уже прямо обратился къ нему съ вопросомъ:

— А по вашему, что будетъ стоить, ваше высокоблагородіе ?

— А вотъ что, сказалъ маіоръ, вынувъ изъ кошелька два полтинника. Вотъ тебѣ красная цѣна: хочешь—бери; хочешь—нѣтъ ?

Я предполагалъ, что мужичекъ обидится; ничего не бывало. Онъ только спросилъ, какъ будто бы самого себя, не будетъ ли маловато ? и на отвѣтъ маіора, что маловато не будетъ, а если онъ станетъ торговаться, такъ пускай дожидаетъ другаго охотника, съ которымъ, можетъ-быть, помирится, вѣсто двухъ полтинниковъ, и на одномъ двугривенномъ,—взялъ деньги, выговоривъ только рюмочку водки.

Ну, хорошо, магарычи мои, сказалъ маіоръ съ усмѣшкою и пододвигавъ своего псаря, велѣлъ подать крестьянину рюмку водки. Такимъ-образомъ торгъ былъ заключенъ и я, отдавъ съ благодарностью маіору рубль серебра, сдѣлался обладателемъ монеты и куріозной чернилицы.

— Вы не повѣрите, сказалъ маіоръ, показывая на крестьянъ, какъ искусно надуваютъ иногда эти молодцы любопытныхъ, пріѣзжающихъ сюда осматривать Болгары. Они очень хорошо понимаютъ, по какому-то инстинкту, людей, съ которыхъ можно взять больше и часто выманиваютъ значительные деньги за сущія бездѣлки. Случается иногда, разумѣется, и на-противъ. При этомъ почтенный маіоръ разсказалъ любопытный анекдотъ, случившійся здѣсь въ 1816 году.

Давно когда-то жилъ въ Спасскѣ какой-то старичекъ Сосипатръ Васильчъ, скупавшій постоянно наиболѣе замѣчательныя болгарскія находки, для продажи любителямъ. Разъ приносятъ къ нему болгарскій крестьянинъ, только что найденный имъ, во время пахоты, массивный бокалъ изъ чистаго золота, вравосходной цеканной работы, съ барельефомъ и, какъ говорятъ, даже съ надписями, вѣсомъ около фунта. Старичекъ такъ и ажнулъ отъ изумленія. Начинается торгъ. Продавецъ проситъ сто рублей, тогда еще на ассигнаціи, покупатель даетъ *большую*. Слово за слово, мужичекъ слушается до семидесяти-пяти рублей, а любитель надавалъ шестьдесятъ; тѣмъ и дѣло кончилось. Крестьянинъ поѣхалъ домой и Сосипатръ Васильчъ преспокойно отпустилъ его

въ полной увѣренности, что кромѣ его нѣкому купить и что крестьянинъ, какъ это и бывало, черезъ недѣлю отдастъ бокаль по назначенной покупателемъ цѣнѣ. Прошла однако же недѣля, бокаль не привозятъ и старичокъ началъ задумываться. Вероятно находка эта его очень соблазнила, судя потому, что онъ рѣшился велѣть заложить лошадей въ повозку и отправить брѣнное тѣло свое въ Болгары, за поисками. Старичекъ пріѣхалъ прямо на дворъ къ крестьянину, владѣльцу бокала и, зная, что торговаться будетъ напрасно, не говоря ни слова, вынулъ три бѣлыхъ ассигнаціи и положилъ ихъ на столъ передъ хозяиномъ. Посудите объ ужасѣ и горести любителя, когда крестьянинъ съ усмѣшкой отвѣчалъ, что онъ уже немного опоздалъ, потому что бокаль накануне только-что проданъ. Съ этими словами хозяинъ досталъ изъ дарца и показалъ изумленному старичку пачку ассигнацій, полученныхъ за находку. Въ ней была тысяча рублей. Эти деньги даны были за бокаль государственнымъ канцлеромъ, графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, осматривавшимъ за день передъ этимъ Болгары.

Когда начало смеркаться, майоръ предложилъ мнѣ отправиться переночевать въ его деревню, обѣщая свезти меня, на другой день, къ одному изъ помѣщиковъ спасскаго уѣзда, князю Д**, который обладаетъ превосходнымъ собраніемъ древняго оружія и въ томъ числѣ имѣетъ много копій и бердышей, вырытыхъ въ Болгарахъ. Но мнѣ нужно уже было спѣшить въ Казань, и потому я только съ чувствомъ пожалъ его руку, благодаря за пріятный пріемъ. Мы разстались: онъ поѣхалъ съ охотой домой, а я съ Егоромъ Федосвичемъ отправился, на телегѣ, взятой у священника, вдоль вала, окружавшаго развалины, чтобы прослѣдить его направленіе хоть съ одного бока и такимъ образомъ познакомиться съ положеніемъ древней столицы. Когда уже совершенно стемнѣло, мы отправились въ Спасскъ. На другой день, рано утромъ, разцѣловавшись съ Егоромъ Федосвичемъ и оставивъ его восхищаться трубкой изъ лавы, монѣ подаркомъ, я скакалъ назадъ по дорогѣ въ Казань.

ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛИИ.

=

V.

СОРРЕНТО. — КАСТЕЛЛАМАРЕ.

Я на родинѣ Торквата. Пишу эти строки подъ роскошнымъ наметомъ изъ виноградныхъ листьевъ и зрѣющихъ гроздій, которыя, впрочемъ, покуда еще нельзя назвать ни янтарными, ни яхонтовыми. Августъ въ началѣ. Зато авельсины, фиги, абрикосы спѣлы до-нельзя, и ждуть только желающаго протянуть къ нимъ руку. Вѣроятно, мои записки будутъ немножко отрывисты, потому что я довольно часто меду веро, чтобы сорвать персикъ, румяный и пушистый, какъ щечки Тиціановскихъ богинь.

Я пріѣхалъ сюда сегодня, послѣ полудня, когда Итальянцы обыкновенно предаются періодическому *far-niente*, и, конечно, не пытался еще разрѣшить важную проблему — кѣмъ именно основанъ городъ Сорренто, Улиссомъ или финикійскими искателями приключеній; прежде всего, мнѣ хотѣлось уз-

узнать, которая изъ двухъ здѣшнихъ гостинницъ поэтичѣе — гостинница *Сирены* или домъ *Tasso*, la casa della del Tasso. Оказалось, что обѣ до-того удовлетворительны, обѣ обладаютъ такимъ дивнымъ видомъ на море, что Англичане рѣшительно основали въ нихъ свою колонію. Ни у *Tasso*, ни у *Сирены* я не нашелъ себѣ ни уголка, и вынужденъ былъ искать гостепріимства у *Чернаго Орла*, на одной изъ главныхъ здѣшнихъ улицъ, шаговъ въ пять шириною. Мнѣ пришлось довольствоваться коннатою, расписанною фресками, которыя хотя и не принадлежатъ геніальной кисти, однако-жъ несравненно пріятнѣе для глазъ, чѣмъ наши однообразныя бумажныя обои. Комната моя въ бель-этажѣ, но изъ нея я непосредственно выхожу въ садъ: каменный полъ здѣсь въ уровень съ садовой дорожкой, потому что садъ разведенъ на холмѣ, къ которону прилегаеть домъ заднимъ фасомъ. Въ этомъ садикѣ деревья можно пересчитать, но всѣ онѣ цѣнныя: — вотъ перцовое деревцо съ своими узкими листочками, вотъ серебристая маслина, вотъ мирты и розовыя лавры съ огромными букетами цвѣтовъ; а надъ ними красуются три апельсинныя дерева, какихъ я еще не видывалъ: онѣ ростомъ футовъ въ тридцать, и развѣсистыя ихъ вѣтви усыяны крупными плодами, которые здѣсь особенно душисты. Я могъ сорвать себѣ пару апельсиновъ, не иначе какъ приставивъ къ дереву лѣстницу.

Однако, я вѣдь взялся за перо съ цѣлюю подѣлиться съ вами наслажденіемъ, какое доставила мнѣ поэтическая дорога отъ Неаполя до Сорренто, и уже чувствую свое безсиліе. Это рядъ волшебныхъ сценъ, которыхъ не описать холодной прозой.

Я проѣхалъ вдоль всего южнаго берега Неаполитанскаго залива, гдѣ Флора и Помона, Вулканъ и Нептунъ соперничаютъ въ роскоши и великолѣбіи.

Буду доволенъ, если моя блѣдная кенія сколько-нибудь оживитъ въ васъ желаніе увидѣть подлинникъ.

Живописныя городки Портичи, Резина, Торре-дель-Греко, Торре-дель-Аннунціата, съ своими вѣчно-зеленящими вилами, разсыпанными по взморью и по всему подножію Везу-

вид, составляютъ, можно сказать, одинъ городъ вмѣстѣ съ Неаполемъ. Безспорно, въ архитектурной красотѣ своей они далеко уступаютъ зарытому подъ ними Геркулану, съ его сплоскими портиками, креморными статуями, сладострастными фресками, и обогащены не столько искусствомъ, сколько природой; но съ какой-нибудь высокой террасы, или съ моря, нельзя досыта наглядѣться на этотъ неизменно заселенный берегъ, улыбающійся у самыхъ ногъ вѣчно грозащаго волкана.

Ряды бѣлыхъ, сіяющихъ зданій, между ярко-голубыми морями и громадною массою Везувія, оливковыя рощи, лимонные сады, зонгообразныя пинны и мѣстами воехитительныя пальмы, раскинувши свои зеленныя перья въ прозрачномъ воздухѣ, — это картина вѣчно свѣжая, вѣчно нова и пріятельная. У каждаго часу дня и ночи, утра и вечера — свои краски. Не говорю о неаполитанскихъ волнахъ, не говорю о растительности; самый Везувій облекается такими обольстительными красками, что вамъ не прійдетъ и на мысль губительная лава и землетрясенія; то окружается онъ прозрачною золотистою атмосферой, то голубоватымъ туманомъ, то разцвѣчается розовыми оттѣнками, со всѣми переливами красокъ опала, то подергивается фиолетовымъ колеромъ, который переходитъ отъ самаго блѣднаго до самаго густаго.

Такъ-называемая *королевская* дорога въ Портичи можетъ направиться не только живописцу, но даже и путешествующему и инженеру. Эта широкая улица, въ двѣнадцать верстъ длиною, вымощена волканическимъ камнемъ, по образцу знаменитой Аппіевой дороги и начинается въ Неаполь у Магдалинина моста (*ponte della Maddalena*), подъ которымъ струится рѣчка Себето, когда въ ней бываетъ вода.

Лошади, мулы, ослы, коляски, одноколки мчатся здѣсь вслѣдъ во всякое время дня безъостановочно. Всадники галопируютъ на приземистыхъ оселкахъ, что для непривычнаго глаза представляетъ сцены довольно комическія. Верховныя лошади здѣсь предметъ роскоши, доступный только иностранцамъ или туземнымъ богачамъ. При всемъ томъ пѣшеходовъ видно мало. Неаполитанецъ плохой ходокъ и любитъ

прокатиться, хотя бы стоя на оглоблях, или лежа, свернувшись кубаремъ, въ сѣткѣ, прищипленной подъ осью высококолесаго *coffcio*.

Здѣсь-то вы встрѣтите разнообразнѣйшія коллекціи нищихъ, калекъ, слѣпцовъ, прокаженныхъ и даже инвалидовъ, принесшихъ въ жертву своему отечеству руку или ногу. Это настоящій кочующій госпиталь. Но что всего страннѣе, слѣпой здѣсь отличаетъ бѣгъ вула, несущаго на своемъ хребтѣ туриста, и пропускаетъ молча капуцина, который странствуетъ на такомъ же мулѣ за подалнями. Безногіи часто цѣлую версту гонятся за вашимъ экипажемъ, и всѣ хоронъ вопіють: — *La carità!*

Нынче всѣ эти неудобства для путешественника устранены желѣзной дорогой, которая въ тридцать пять минутъ времени переноситъ васъ изъ шумнаго Неаполя въ молчаливую Помпею, и чѣмъ быстрѣе перемѣщеніе, тѣмъ контрастъ поразительнѣе.

Это первая, по времени, желѣзная дорога въ Италіи.

Рельсы проложены по берегу моря, у подошвы Везувія, который почти до половины своей высоты зеленѣетъ богатой растительностью и улыбающимися вилами. Эта вулканическая почва отличается почти тропическою энергіей. Малѣйшій участокъ земли воздѣлывается здѣсь съ особенною любовью. Виноградники, которыми покрыты массы лавы, знамениты виномъ *Lacryma Christi*. Земля здѣсь убрана цвѣтами, какъ жертва на языческомъ празднествѣ.

Каждый оборотъ колесъ развѣртываетъ вокругъ насъ магическую картину. Невольно забываете, что паровозъ здѣсь гремитъ по выровненнымъ пластамъ лавы, подъ которой сохроненъ изящный Геркуланъ, съ своими храмами и театромъ; но выгляните изъ вагона: вы будете поражены близостью волкана, вѣчно дымящагося надъ массами зелени и зданій.... Мѣстами вагонъ летитъ мимо лимонныхъ садовъ и виноградниковъ, мимо олеандровыхъ и миртовыхъ аллей, мѣстами между двумя черными, лоснящимися стѣнами лавы; вотъ поѣздъ

* Первая вѣтвь этой желѣзной дороги, отъ Неаполя до Портчи, открыта въ октябрѣ 1839 года.

нырнуть въ темный туннель, пробитый въ лавъ, которою покрытъ весь этотъ берегъ до Помпей: нѣсколько секундъ летитъ во мракъ, посреди клубящагося пару и оглушительнаго гулу, — и снова мы подъ блистательными лучами солнца, ичнися поперекъ улицъ люднаго селенія, осыпая искрами любопытныхъ, сбѣгающихъ позвать на проѣзжающихъ; вотъ группы домиковъ спустились съ холма, плоскія кровли очутились подъ нами, такъ что мы видимъ, какъ просушиваются на нихъ разложенныя макароны; вдругъ открывается свободный видъ на голубой заливъ съ его сверкающими парусами и величественными горами скалъ далекихъ острововъ, покрытыхъ голубоватыми и розовыми оттѣнками. На морѣ затишье, но это море вѣчно полно жизни, волны дышатъ и мѣрно взбѣгаютъ на берегъ съ шумомъ и пѣной. На этихъ синихъ и прозрачныхъ волнахъ беззаботно покачиваются купающіеся тритоны. Группы нагихъ дѣтей, поражающихъ глазъ своими формами, какъ-будто вылитыми изъ античной бронзы, борются между собою на прибрежномъ черномъ пескѣ, или съ вулканическихъ массъ берега съ гикомъ и хохотомъ бросаются въ море. Вотъ гдѣ художники находятъ модели своихъ тритоновъ и nereидъ. Надо пожить на югѣ, чтобы языческія божества могли быть намъ сколько-нибудь понятны.

Мы ичались, останавливаясь по нѣскольку секундъ на станціяхъ Торре-дель-Греко и Торре-Аннунціата. Въ грохотъ паровоза, въ шумъ моря, намъ слышались отрывистые музыкальные звуки, какъ-будто мелодія эоловой арфы. Это была музыка оркестра, помѣщаемого, въ извѣстные дни, на одномъ изъ вагоновъ, для удовольствія пассажировъ, сколько могутъ они на лету уловить этихъ звуковъ, разрываемыхъ и дробимыхъ сильными порывами воздуха.

По-мѣрѣ удаленія отъ Неаполя, архитектура утрачиваетъ столичный характеръ, зданія мельчаютъ; это, между-прочимъ, предосторожность, указанная ненадежностью вулканической почвы, потому что здѣсь по всему берегу дома строятся на развалинахъ другихъ домовъ, погребенныхъ въ массахъ лавы и пеплу; часто, этихъ отжившихъ слоевъ насчитываютъ по три и болѣе на одномъ мѣстѣ. При открытіи Геркулана, на-

или, что и онъ имѣлъ въ основаніи своемъ вулканическую наносную пещву, даже можетъ-статься, былъ построенъ на другомъ, прежде погубленномъ городѣ.

Городки Торре-дель-Греко и Торре-Аннунціата не строятъ высокихъ зданій. Каменные крыши принимаютъ здѣсь посерединѣ выпуклую форму, что однако не мѣшаетъ жителямъ лежа отдыхать на нихъ въ пору прохлады, дышать вечернимъ морскимъ вѣтеркомъ. На островахъ Искія и Капри — эта архитектура, особенно гдѣ она окружена цвѣтущими кактусами, голубоватыми неподвижными листьями алоя или великолѣпною зеленью финиковой пальмы, обличаетъ характеръ почти африканскій.

Вотъ еще станція: ярко выбѣленный домикъ, и на немъ надпись: Pompei. Помпея — станція желѣзной дороги! За этимъ домикомъ возвышаются холмы сѣраго вулканическаго пепла, который выгруженъ сюда изъ античныхъ домовъ и улицъ. За насыпью этого пепла, весьма похожаго на высохшую землю, скрывается знаменитый мертвый античный городъ. Большая часть его до-сихъ-поръ еще не открыта, и на массахъ пепла и земли, покрывающихъ фронтоны его зданій, зелѣнѣютъ виноградники, зрѣютъ персики и абрикосы.

Широкая, плодородная полоса земли отдѣляетъ нынѣ Помпею отъ моря, на которомъ, до знаменитой катастрофы, по свидѣтельству Тита-Ливія, этотъ городъ имѣлъ значительный портъ.

Рѣчка Сарно излучинами протекаетъ по этимъ мѣстамъ, и между Торре-Аннунціата и Каstellамаре впадаетъ въ заливъ.

У станціи Торре-Аннунціата, желѣзная дорога раздѣляется на двѣ вѣтви: одна идетъ мимо Помпеи до Ночеры (Nocera di Pagani), а другая, параллельно съ моремъ, въ Каstellамаре. Я поѣхалъ было по первой вѣтви, съ намѣреніемъ еще разъ побродить по мертвому городу; но между раскаленнымъ солнцемъ развалинами — жаръ невыносимый, и я вернулся на дорогу къ Каstellамаре.

Вотъ на груди скалъ, осаждаемыхъ волнами, развалины замка, отъ котораго самый городокъ получилъ свое названіе

(Castel a mare). Теперь эта потертѣвшая ишистая руина — пристанище рыбелововъ.

Въ четырехъ миляхъ отъ Помпеи, южный берегъ Неаполитанскаго залива подымается величественными террасами горъ, покрытыхъ богатѣйшею и разнообразнѣйшею растительностью, какую только производитъ почва Италіи. Въ этомъ краѣ, защищенномъ и отъ знойнаго широко, и отъ зѣвннхъ вѣтровъ, царствуетъ вѣчная весна. Говорю это безъ всякой иперболы; если же вы подозрѣваете меня въ энтузіазмѣ, я вынужденъ буду сослаться на свидѣтельство статистиковъ.

Кастелламаре расположенъ на берегу моря, у подножья горъ, по которымъ, посреди восхитительныхъ каштановыхъ рощъ, разсыпаны виллы богачей. Здѣсь кончается неаполитанская линия желѣзной дороги. У станціи, пассажировъ ожидаютъ нѣсколько omnibusъ и коротконогихъ осликовъ, которые неогннмы въ нагорныхъ прогулкахъ. При страшныхъ крикахъ сажусь верхомъ на одного изъ этихъ сѣрыхъ звѣрковъ, и съ помощію каблуковъ, добиваюсь отъ него весьма удовлетворительной рыси, между-тѣмъ какъ проводникъ бѣжитъ вслѣдъ за нимъ, и считаетъ своею обязанностью поощрять бѣдняка тычками и тростью.

Кастелламаре не представляетъ ничего любопытству археолога, не смотря на то, что этотъ городокъ построенъ близъ развалинъ Стабіи и частью изъ матеріаловъ античнаго города. Подземный городъ открытъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. Впрочемъ, извѣстно, что Везувій схоронилъ Стабію подъ своимъ пепломъ, отнюдь не въ цвѣтущую ея эпоху.

По-мѣрѣ откапыванія древностей, эти археологическіе рудники опять заваливались, чтобы не повредить разведенныхъ надъ ними роскошныхъ плантацій и виллъ.

Скелетовъ въ Стабіи найдено немного: доказательство, что жители имѣли время спастись и унести съ собою всѣ драгоценности, и даже лучшую домашнюю утварь. Забыты были одни папирусы во множествѣ. Только такой любознательный ученый, каковъ былъ Плиній старшій, могъ, изъ любви къ науцѣ, задохнуться здѣсь въ сѣрнистыхъ испареніяхъ волакана.

Признаюсь, я не слишкомъ горевалъ о томъ, что остатки Стабін скрыты отъ нашего любопытства. Я былъ утопленъ развалинами. Страшное впечатлѣніе, произведенное на меня Геркуланомъ, погребеннымъ въ мракъ, еще томило мою душу. По пустыннымъ улицамъ Помпей скитался я въ уныніи, какъ послѣдній житель погибшаго города, возвратившійся на родное пепелище. Я усталъ бесѣдовать съ камнями. Мнѣ нужно было освѣжиться въ объятіяхъ вѣчно-молодой природы.

На набережной Каstellамаре окружила меня толпа загорѣлыхъ моряковъ съ обнаженными руками и ногами. Одинъ предлагалъ перевезти меня въ Сорренто, другой на островъ Капри, третій на Искію, которой вершины бѣлѣлись по ту сторону залива. Сколько обольстительныхъ прогулокъ предлагалось мнѣ за безцѣнокъ! Но я оставилъ ихъ на другіе дни, намѣреваясь провести вечеръ въ одной изъ прелестныхъ виллъ, которыхъ такъ много на террасахъ горъ, поднимающихся надъ городомъ.

На добромъ и послушномъ мулѣ я поднялся высоко на гору Аура. Горный путь проложенъ посреди великолѣпной каштановой рощи. Кругомъ, куда ни взглянешь, сцены красоты очаровательной. По дорогѣ я посѣтилъ королевскую виллу Qui-si-sana. Это названіе даю ей по заслугамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, *здесь излѣляются*. По-крайней-мѣрѣ я въ первый же вечеръ почувствовалъ, что нервы мои, разслабленные неаполитанскимъ жаромъ, получили прежнюю энергію, и я освободился отъ всѣхъ симптомовъ сибаритизма, которымъ заразился было въ городѣ ладзароновъ. Casino не великъ и не пышенъ, но сады и паркъ, его отбняющіе, истинно восхитительны.

Сквозь вѣтви вѣчно-зеленѣющихъ лавровъ, далеко внизу, блещетъ голубое море. Прозрачность воздуха невообразима: отдаленнѣйшіе предметы рисуются передъ вами съ поразительною ясностью и отчетливостью.

Вдали, за заливомъ, между лазурью волнъ и неба, бѣлѣтъ Неаполь, точно городъ, построенный изъ карарскаго мрамора. Влѣво отъ него зеленые холмы Позиллипо утопаютъ въ зо-

дѣлаетъ атмосферѣ, а справа дымитъ Везувій. Спокойствіе этой улыбающейся сцены и серебристое облачко дыму, безпрестанно напоминающее катастрофу, которая можетъ возобновиться всякую минуту, все это представляетъ впечатлѣнія новыя и даже волнуетъ душу странника, непривычнаго къ вулканической почвѣ.

Часто, говорить одинъ сѣверный поэтъ, посреди римской пустыни, посреди венеціанскихъ лагуновъ или голубоватыхъ, бархатистыхъ горъ неаполитанской земли, я вздыхалъ по нашимъ массивнымъ деревьямъ, по густой зелени, подъ которой такъ прохладно: я былъ утомленъ солнцемъ. Но каково же было мое очарованіе, когда, на берегу Неаполитанскаго залива, я встрѣтилъ тѣнистыя рощи, достойныя сѣвера, и сквозь ихъ вѣтви видѣлъ море и итальянское небо. Я поднимался версты на двѣ въ этомъ нагорномъ лѣсу, съ цѣлю увидѣть обширнѣйшую панораму: зрѣлище было магическое.

Въ этихъ горныхъ прогулкахъ я находилъ забвеніе всего грустнаго въ жизни; освобождался отъ тревожныхъ мыслей нашей переходной эпохи; въ этомъ легкомъ прозрачномъ воздухѣ одно чувство существованія становится неизъяснимымъ наслажденіемъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы вся туземная и странствующая аристократія удаляется, изъ раскаленныхъ стѣнъ Неаполя, на эти горы. Здѣсь также существуютъ минеральные источники. Эти сѣрныя и желѣзистыя воды, по своимъ цѣлительнымъ свойствамъ, пользуются, какъ водится, значительною славою... у медиковъ. Что же касается до недужныхъ, то многіе изъ нихъ (и это выздоравливающіе) полагаютъ, что достаточно пользоваться здѣшними морскими ваннами и lag-niente.

Каждый разъ, какъ я спускался съ аристократическихъ холмовъ въ плебейскіе переулки Каstellамаре, сердце мое сжималось при видѣ этого разительнаго перехода отъ крайней роскоши къ крайней нищетѣ, отъ блестящихъ видѣлъ къ вчерашнимъ домишкамъ. Ограничивая свои нужды скудными средствами, здѣшніе бѣдняки безсознательно находятся въ

состоянии цивилиза. Для одежды они не знают иной материи, кромѣ парусины; и то еще ею прикрыты не все ихъ члены. Что же касается до пищи, то неаполитанскій простолюдинъ точно также не знакомъ съ мясною пищей, какъ браминъ.

Кастелламаре — это тотъ же Неаполь, въ миниатюрѣ. Здѣсь та же южная жизнь на-распашку. Улица превращена въ мастерскую, въ кухню, въ уборную, въ спальню. Тутъ продаютъ и покупаютъ, стряпаютъ и насыщаются, чешутъ косу и бранятся, пляшутъ, толкуютъ о барышахъ, любятъ на паяцца, — и все это въ одно и то же время.

Однажды, пробираясь въ тѣсной и шумной толпѣ рыболововъ и моряковъ (magiari), мой мулъ толкнулъ и едва не опрокинулъ подвижной очагъ, на которомъ варились макароны; въ другой разъ, голова моего неутомимаго бѣгуна какъ-то неожиданно очутилась за столикомъ, посреди обѣдающей семьи, которая впрочемъ нисколько не была смущена этимъ явленіемъ.

Не разъ также случалось мнѣ споткнуться на улицѣ о корзину, въ которой дремалъ отдыхающій продавецъ овощей.

Вечеромъ, передъ кофейнями на набережной моря, выставлены сотни студевъ, окруженные разными цвѣтущими растеніями. Здѣсь путешественникъ встрѣчается съ итальянскимъ обществомъ, и за порціей безподобнаго мороженаго легко знакомится и съ синьоромъ и съ синьорой. Сладостная мелодія итальянскаго языка здѣсь безпрестанно прерывается англійскими и нѣмецкими фразами: это соловьиная пѣсня, прерываемая стрекотаньемъ перепела.

Вотъ является полуодѣтый факино, ни мало не чувствующій неловкости, посреди собранія; онъ держитъ голову высоко, въ движеніяхъ его зашѣтно врожденное благородство. Онъ цѣлый день носилъ разныя тяжести; онъ хочетъ освѣжиться и, въ припадкѣ сверхъестественной расточительности, требуетъ порцію мороженаго. Ему подаютъ его въ такомъ же видѣ, какъ и всѣмъ, съ такой же серебряной ложкой, и бѣднякъ съ чувствомъ достоинства проглатываетъ свой дневной заработокъ.

Между-тѣмъ луна восходитъ надъ неаполитанскимъ взморь-

онъ, и ночной тишинѣ сообщается серебристая прозрачность. Волны сверкаютъ, пробужденныя легкимъ ночнымъ вѣтеркомъ. Флотилія большихъ лодокъ, нагруженныхъ лимонами и всевозможными произведеніями моря, поднимаетъ свои длинныя косыя рен и готова отплыть въ Неаполь. Пассажиры приглашаются въ корму за одинъ карлино. Переменяющійся огонь Везувіа является блестящимъ маякомъ.

Въ эту пору обыкновенно я купаюсь въ морѣ.

Ночь такъ тепла, что на этотъ разъ даже соленыя волны вѣня не освѣжали.

Въ узкихъ улицахъ и на набережной Каstellамаре существуютъ гостиницы, ни въ чемъ не уступающія неаполитанскимъ, ни въ дороговизнѣ, ни въ отсутствіи излишняго комфорта.

Ночлегомъ въ Albergo Imperiale я остался доволенъ, какъ утомленный путешественникъ, въ которомъ потребность сна убиваетъ слишкомъ мелочную взыскательность; притомъ я собирался въ Сорренто, и по этому былъ въ блистательнѣйшемъ расположеніи.

Утромъ, часу въ десятомъ, я вышелъ на набережную, съ цѣлью принскать себѣ какой-нибудь экипажъ.

Всѣ одноколки, соггіcole, уже разлетѣлись по разнымъ направленіямъ, нагруженныя и обвѣшенныя пассажирами, по неаполитанской системѣ.

Оставались только двѣ коляски, рѣдкіе образцы первобытныхъ форшъ. Веттурины, завидя иностранца издали, бросились ко мнѣ на встрѣчу.

— Въ Сорренто, signore?

— Въ Сорренто, caro mio.

— Три карлина! торопливо проговорилъ одинъ, показывая мнѣ, для бѣльшей вразумительности, три пальца.

Товарищъ его не успѣлъ открыть рта, какъ мы уже заключили торгъ. Четырехколѣсная коляска, тройка лошадей и въ придачу веттурино, весьма учтивый и сговорчивый, все это предлагалось мнѣ верстѣ на четырнадцать горной дороги — за три карлина! Это цѣны золотого вѣка.

— Надо поспѣшить, замѣтилъ я извознику.

— Сейчасъ ѣдемъ. Садитесь поскорѣе, синьоръ!

Веттурино торопливо открылъ мнѣ дверцу, и сталъ взнуздывать лошадокъ. Между-тѣмъ я, сидя на подушкахъ, которымъ недоставало только немножко упругости, замечтался о' предстоящей моей прогулкѣ по странѣ, называемой не иначе какъ европейскимъ раемъ.... а экипажъ не трогался съ мѣста.

— Что же мы не ѣдемъ?

— Минутку, синьоръ! сказалъ веттурино, съ безпокойствомъ поглядывая назадъ.

Дѣло въ томъ, что судьба послала ему еще одного пассажира. На подножку вспрыгнулъ человекъ въ сѣромъ фракѣ, съ скрипичнымъ футляромъ подъ мышкой. Онъ поклонился мнѣ такъ почтительно, съехался такъ скромно, и постарался занять такъ немного мѣста на передней скамеечкѣ, что я не могъ не ободрить его привѣтливой улыбкой. Я былъ радъ, что наконецъ мы двинемся въ волшебный путь.... Но веттурино медлилъ; потомъ, какъ-будто намѣреваясь сѣсть на козлы, сталъ махать своей соломенной шляпой какимъ-то опоздавшимъ и повидимому не слишкомъ торопливымъ пассажиромъ. Это была запыхавшаяся старушка, тащившая за руку мальчишку лѣтъ двѣнадцати. Кашляя и ворча на веттурина, за то, что такъ безбожно ее торопилъ, старушка, при общей нашей помощи, заняла мѣсто подлѣ сѣраго фрака, а тѣсный промежутокъ, остававшійся между ихъ бедрами, былъ плотно заткнутъ мальчикомъ.

Покуда веттурино взбирался на козлы, къ минутѣ отъезда подоспѣлъ тучный, краснощекій камальдулецъ, увидѣвшій съ крайнимъ удовольствіемъ порожнее мѣсто подлѣ меня. Онъ завалилъ мои ноги двумя мѣшками, осыпалъ меня нюхательнымъ табакомъ; но все-же я былъ одоженъ этому веселому спутнику тѣмъ, что экипажъ наконецъ тронулся съ мѣста. Тутъ вспрыгнулъ на козлы какой-то босоногій знакомецъ веттурина, и съ удивительнымъ простодушіемъ помѣстился, между мной и блистательной перспективой дороги, широкую спину, едва прикрытую запачканной парусиной, неизвѣстный гребню затылокъ и шерстяной колпакъ, выслужившій по-крайней-мѣрѣ три срока, двумъ вмѣсто шапки, ночью вмѣсто подушки.

Я покорила своей участи. Правда, у меня еще оставался, сирава, великолѣпный видъ на море.

Экипажъ ичался. Послышались крики, новые пассажиры сцидали насъ на дорогѣ.... Веттурино оглянулся, окинулъ насъ взоромъ и, не найдя между нами ни малѣйшей шолки, отрицательно покачалъ указательнымъ пальцомъ. Камальдулецъ выглянулъ изъ коляски и вскрикнулъ, съ радуніемъ млантрома: — Стой! мѣстечко найдется.

Я не успѣлъ и освѣдомиться, гдѣ было это порожнее мѣсто: у дверецъ коляски стояли три женщины....

— Хоть одну-то возьмите, сказала старуха, указывая на молоденькую и краснощекую соррентинскую горожанку, которая улыбалась съ деревенскою кокетливостью.

И сосѣдъ мой принялъ ее на одно изъ своихъ помѣстительныхъ колѣнъ, къ крайнему удовольствію веттурина. Но, увы! великолѣпный видъ на море былъ окончательно загороженъ отъ моихъ глазъ.... хотя и весьма кругленькими плечами и очевидно упругимъ корсажемъ фіолетоваго цвѣта, однако все таки безпощадно загороженъ. Всѣ артистическіе инстинкты во мнѣ возмутились, притомъ жаръ, и безъ этого корсажа, былъ невыносимый. Я стремглавъ выпрыгнулъ изъ коляски.

Прыжокъ этотъ имѣлъ вліяніе магическое. Коляска оставалась. Пассажиры глядѣли другъ другу въ глаза, точно пораженные землетрасеніемъ.

Я объяснилъ возницѣ, что эта метода путешествія не мнотвѣ соответствуетъ моимъ видамъ, что изслѣдованіе спины его знаконца и фіолетоваго корсажа сельской Форнарины я отлагаю до болѣе удобныхъ случаевъ, и что теперъ мнѣ лестно было бы поглядѣть на горы и на море.

Веттурино пожалъ плечами. Это значило, что пассажирамъ не остается инаго утѣшенія, какъ опорожнить коляску, потому что никто изъ нихъ не хотѣлъ принять на себя чести, которой я былъ удостоенъ, чести платить за всю компанію.

Дѣло въ томъ, что туземные путешественники главную роль въ экипажѣ предоставляютъ желающему, и отдѣляются поклономъ или выдачею на водку.

Негодуя громко на неслыханный эгоизм иностранца, который, платя за экипажъ, хочетъ пользоваться имъ однимъ, мой со-спутники одинъ за другимъ вылезли изъ коляски.

Однакожь измалодулецъ, по-видимому, не могъ еще сдружаться съ идеею поминуть все удобства, представляемая колеской; по-крайней-мѣрѣ, онъ и улыбающаяся горничная держались еще на своихъ мѣстахъ, когда я уже сидѣлъ въ другой коляскѣ и, на просторѣ расправляя свои члены, началъ по живописнѣйшей изъ дорогъ Италіи.

Солнце въ полномъ полуденномъ блескѣ. Море оверкаетъ ослѣпительными искрами. Кругомъ причудливыя громады горъ кажутся кристалльными. Излучистыя промояны и слѣды весеннихъ потоковъ рисуютъ на ребрахъ этихъ вершинъ голубыя и оранжевыя арабески.

Дорога пробита по прибрежнымъ скаламъ, она вьется золотистой лентой, опоясывающей скалы, высоко надъ волнами. Вотъ она нависла надъ моремъ: справа, далеко внизу, трехдечные военные корабли кажутся легкой дѣтской игрушкой; слѣва, надъ моей головой, высокія деревья на верху кажутся тощимъ верескомъ.

Волны, синѣющія внизу подъ утесами и блещущія изумрудами, по серединѣ залива сверкаютъ ослѣпительной игрой солнечныхъ лучей, а на дальномъ горизонтѣ горятъ какъ растопленное золото, и изъ этой золотой пучины вдали, громаднымъ сфинксомъ, лежащимъ у входа въ дивный заливъ, подымается островъ Капри.

На небѣ видно только одно облачко, облачко розоваго дыму, подымающагося съ вершины Везувія; но латвою лазурь этого неба я вижу во всей ея красотѣ только между зубцами горъ, или сквозь полуразрушенную арку, чернѣющую на утесѣ, или между двумя темными кипарисами, потому что солнечныя лучи превращаютъ все небо въ ослѣпительный блескватый куполь.

Но поглядите влѣво. Дивныя декораціи мѣняются магически: то нагія громады скалъ, то цвѣтущая долина, то дымчато-серебристая масляная роща, покрывающая цѣлую гору, то грозная тѣснина, то вѣчно-зеленый садъ, благоухающій тысячами лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ.

Вотъ на широкой платформѣ смаль, выдающейся въ море, заблѣлись граціозныя домики, причудяся въ номеранцевыхъ садахъ. Это городокъ Вико, калущійся ублаженіемъ вѣчнаго мира и благополучія. Сюда надо бы смалать постоль, которые не хотятъ ничего звать, кромя любви и природы.

Вотъ, наконецъ тотъ край, о которомъ мечтають художники! благословенный край —

... гдѣ алый амальонъ
И золотой линовъ цвѣтуть среди долинь.

И всюду, куда ни взглянешь, зеленѣютъ виноградники. Прихотливая лоза то опутываетъ какъ змѣя шелковичныя деревья, то обвивается вокругъ снѣжно-бѣлыхъ пиластръ, связывая ихъ между собой своими фестонами, то роскошными гирляндами бѣжитъ съ вѣтви на вѣтвь, съ дерева на дерево. Эти гирлянды особенно эффектны въ началѣ осени, когда листья виноградной лозы принимаютъ прозрачный цвѣтъ топаза, или незадолго до листопада, когда они блещутъ роскошными оттѣнками рубиновъ и аметистовъ.

На дорогѣ изъ Каstellамаре въ Сорренто я убѣдился, что всѣ описанія и картины южной Италіи не только не преувѣличиваютъ красоты ея, но всѣ неизмѣримо ниже природы.

Каждая излучина этого горнаго пути выставляетъ передъ вами новую деморацию, для вашего наслажденія. Но многинъ-ли доступно это наслажденіе? Туземецъ, окруженный этики волшебными пейзажами, отчасти по привычкѣ къ нимъ, отчасти отъ недостаточнаго развитія эстетическаго чувства, обращаетъ несравненно болѣе вниманія на колоску земли, удобную для посѣва пайса, чѣмъ на живописнѣйшія скалы и пропасти; задумчиво глядитъ на вершины горъ развѣ только съ тою цѣлью, чтобы удостовѣриться, не осталось ли на нихъ снѣгу, который можно бы выгодно сбыть производителю шербетовъ и гранитовъ. Granita — итальянское названіе мороженаго.

Восхищаться красотами природы предоставлено здѣсь исключительно чужеземцамъ; и еще изъ нихъ-то многіе въ выборѣ

предметовъ, подлежащихъ восторгу, руководствуется указаніями путеводаителя. Содержатели гостиницъ и голодные станчичерононь нѣбють свои причины поддерживать этотъ восторгъ, и поддерживаютъ его всѣми зависящими отъ нихъ средствами, утверждая, что право наслаждаться созерцаніемъ природы нѣбють только богатые Англичане.

Итальянцы называютъ всѣхъ чужеземцевъ Англичанами; такъ же какъ у насъ называютъ нѣмцами всѣхъ иностранцевъ; какъ Греки называли ихъ варварами.

Сколько тутъ восхитительныхъ пейзажей, на которые разсѣянный туристъ едва обращаетъ вниманіе. А между-тѣмъ въ Неаполь, въ магазинѣ эстамповъ, тотъ же самый туристъ не можетъ наглядѣться на какую-нибудь скороспѣлку акварель, безуспѣшно пытавшуюся воспроизвести одинъ призракъ этой картины, тогда какъ никакой и гениальный живописецъ не приблизился бы къ совершенству природы. Отчего-же его блѣдная копія находитъ болѣе поклонниковъ, чѣмъ этотъ подлинникъ? Оттого, что подлинныя картины природы слишкомъ высоко-идеальны, не по плечу всякому; а призваніе художника состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать ихъ доступными толпѣ.

Наконецъ всѣ эти картинныя холмы и желтыя скалы, обвѣшанныя плющемъ, остались нѣсколько поодаль, въ золотистой дымкѣ полудня. Море скрылось за разнообразной зеленью юга. Горная дорога незамѣтно превратилась въ садовую аллею; изъ-за каменныхъ оградъ, отдѣляющихъ этотъ путь отъ роскошныхъ виллъ и виноградниковъ, наклонены на насъ вѣтви апельсиновыхъ и лавровыхъ деревьевъ; мѣстами изъ-за бѣлой стѣны стройно подымается темный кипарисъ или раскидываетъ свой наметъ итальянская сосна; мѣстами эти стѣны полуразрушены, но каждая трещина прикрыта фестонами вьющихся растений, на мѣсто каждаго выпавшаго камня природа положила пучокъ зелени или цвѣтовъ.

Все подь этимъ рѣдко хирующимся небомъ заключаетъ въ себя прелесть неизъяснимую. Зданіе, полускрытое массаи зелени, — черноволосая женщина, улыбающаяся изъ окна страннику, — полунагія дѣти, предлагающія вамъ цвѣтовъ и

плодовъ, — вотъ привлекательные эпизоды, на которыхъ от-
дыхали мои глаза, когда они уставали глядѣть на безконеч-
ныя сады, эти массы темной зелени, испещренныя мириадами
лилоновъ, помаранцевъ и апельсиновъ.

Какъ ни желки и невзрачны здѣшніе сельскіе домики, сложен-
ные изъ грубыхъ камней, большею частью безъ всякой сим-
метріи въ рисунокъ, но въ самой этой архитектурной небре-
жидности заключается красота, свойственная только итальян-
скимъ зданіямъ.

Точно также, какъ ни жалки лохмотья, прикрывающія здѣш-
нихъ бѣдняковъ, эти лохмотья обнаруживаютъ формы, кото-
рыми не пренебрегъ-бы античный ваятель.

При въездѣ въ Сорренто, коляска остановилась у кирпич-
наго остова какой-то древней арки, которая антикваріямъ
представляетъ свободное поле для придумыванія названій;
между-тѣмъ какъ современные рыбаки и продавцы овощей
принесли ее къ своимъ нуждамъ и укрываются здѣсь отъ
солнечныхъ лучей.

Едва я ступилъ на вулканическіе камни мостовой, меня
обружила шумная толпа смуглыхъ чернокудрыхъ парней въ
весьма легкомъ костюмѣ, который на многихъ ребятишкахъ
ограничивался однимъ шерстянымъ колпакомъ, что отчасти
изменялось зноемъ, а, можетъ-статься, и нищетою.

Я былъ осыпанъ вопросами и предложеніями.

- Свести синьора въ домъ Тасса?
- Синьору угодно лодку?
- Синьоръ хочетъ видѣть древности?
- Нужно синьору мула, подняться на гору Сантъ-
Анджело?

- Поѣдемъ на островъ Капри?
- Синьоръ желаетъ видѣть лазурный гротъ?

Я не зналъ кому отвѣчать. Какъ вдругъ кто-то выразилъ
сомнѣніе насчетъ возможности видѣть гротъ при настоящемъ
волненіи на морѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ зыбъ шла по заливу со стороны Неапо-
ля, а извѣстно, что въ капрейскую голубую пещеру можно
проникнуть только при затишьи или когда дуетъ широко,

отъ котораго лазейка въ гротъ защищена скалами. Это обстоятельство было поводомъ къ шумному пренію между моряками. Самый запальчивый изъ нихъ вызывался доставить меня на островъ Капри и обратно, безъ всякой платы, если мнѣ не удастся видѣть морскаго грота. Эта рѣшимость вызвала самую крикливую оппозицію. Споръ былъ тѣмъ забавнѣе, что я вовсе и не думалъ въ тотъ день о поѣздкѣ на знаменитую Капрю. Доводы съ обѣихъ сторонъ подкрѣплялись энергическими жестами, жесты могли превратиться во что-нибудь существеннѣйшее, такъ, что спорящіе прибѣгли къ посредничеству сѣдаго и беззубаго моряка, и это отвлекло толпу отъ меня.

Тѣмъ не менѣе еще три человѣка оспаривали другъ у друга честь вести меня въ Тассово убѣжище; которое, для большаго удобства поклонниковъ поэта, превращено въ гостиницу.

Я скромно отказался отъ конвоя, и отдался подъ покровительство одного изъ вожатыхъ, рослаго и мускулистаго моряка, который тутъ-же объявилъ мнѣ, что Богъ благословилъ его полудюжиною ребятишекъ, что каждому изъ нихъ онъ удѣляетъ частицу своей насущной порціи, и что два-три новыхъ участника въ скудной трапезѣ могутъ довести его.... (Бѣднякъ ударилъ себя по подбородку ладонью правой руки, что по неаполитанской системѣ мимики означаетъ голодъ).

Впрочемъ, всю надежду онъ полагалъ на своего патрона, (котораго изображеніе нататуировано у него на груди), и на всѣхъ иностранцевъ вообще, а на меня въ особенности.

Взаявнъ довѣренности, которою меня почтилъ, морякъ предоставлялъ мнѣ право требовать отъ него, Рафаэлю, услугъ всякаго роду. Но остальные двое упорствовали въ твердомъ намѣреніи быть моими проводниками во что бы то ни стало.

Мы шли по тѣсной и невзрачной улицѣ, съ которой, какъ казалось, не была еще сметена пыль среднихъ вѣковъ. Не ожидая ни экипажей ни всадниковъ, жители спокойно расположились на улицѣ съ своими товарами и ремеслами, съ своимъ хозяйствомъ и даже кухнею.

Останавливался я у какой-нибудь подвижной лавченки, об-

нтой померанцовыми вѣтками, съ цѣлью выпить стаканъ замороженной воды, останавливались и мои проводники. Они старались показать всѣмъ, что служили мнѣ, терали свое время—значить нѣтъ полное право на взысканіе съ меня законной платы. Они не слушали моихъ убѣжденій. Что касается до Рафаэло, то онъ и не пытался отстранять своихъ товарищей, такъ естественнымъ казалось ему право сопровождать иностранца.

Мы повернули въ переулокъ на-право; на концѣ его, между двумя бѣлыми зданіями, синѣется море. Одно изъ этихъ зданій, по лѣвую руку, гостинница *Сирены*; другое — *la casa detta del Tasso*.

Сюда-то злополучный поэтъ, въ одеждѣ пилигрима, приходилъ къ сестрѣ, искать убжища отъ заблужденій собственного сердца. Но подлинный домъ, гдѣ Тассъ родился и впоследствии гостилъ, давно уже не существуетъ: онъ, какъ увѣряютъ, обрушился со скалы въ море; мнѣ могли только показать нѣсколько померанцовыхъ и лавровыхъ деревьевъ, которыхъ мѣсто нѣкогда занималъ домъ сестры поэта.

Нынѣшній палаццо напоминаетъ о Тассѣ единственно своимъ названіемъ, да глинянымъ бюстомъ поэта, украшающимъ фасадъ зданія. Но не воспоминаніе о пѣвцѣ Іерусалима привлекаетъ сюда иностранцевъ, а это вѣчно-голубое небо, а это море, воспѣтое Гомеромъ, а эти померанцовыя рощи, и всѣ волшебства южной природы, о которыхъ мы такъ часто мечтаемъ въ туманные ночи на сѣверѣ.

Ничего не былъ я удивленъ, найдя занятыми всѣ уголки въ обѣихъ соперничающихъ здѣсь гостинницахъ; однако это меня не порадовало; Рафаэло, напротивъ, былъ очень радъ продолжить свою службу у синьора *forestiero*. Между тѣмъ насильственные проводники, заставившіе меня вытерпѣть свои услуги, дожидались у воротъ и, не поморщась, потребовали съ меня установленную плату.... Настойчивость этихъ упрямцевъ могла прогнѣвить хладнокровнѣйшаго изъ Англичанъ; меня она только разсѣшила. Веселость моя была встрѣчена грубымъ ропотомъ; я погрозилъ пальцемъ....

Между-тѣмъ Рафаэло, свидѣтель размовки, которую легко могъ прекратить, держался строгого нейтралитета. Про-

хожій туристъ, изъ нѣмцевъ, совѣтовалъ мнѣ прибѣгнуть къ увѣщаніямъ палки, которую называлъ — *ultima ratio*. Босоногій капуцинъ, совѣтуя защититься кошелькомъ, шепнулъ мнѣ отеческимъ тономъ:

— Бросьте, синьоръ, этимъ негодяямъ по карлину, и баста!

Объ эти мѣры показались мнѣ равно крайними, хотя я и не намѣревался простирать далѣе мою снисходительность. Но-счастію, насильственные мои ваятые меня предупредили: они совершенно неожиданно сняли колпаки, и съ улыбкой, можетъ-статься принужденной, но весьма почтительно предложили мнѣ свои услуги на будущее время, и затѣмъ кинулись всторону. Рафаэлло объяснилъ мнѣ этотъ маневръ появленіемъ, изъ за ближайшаго угла, лакированной шляпы и усовъ городского блюстителя порядка.

Такимъ-образомъ, Рафаэлло благополучно довелъ меня до небольшой, но опрятной гостиницы *Чернаго Орла*.

Я чуждъ лукулловской прихотливости. Въ странствіяхъ моихъ я часто довольствуюсь кускомъ хлѣба съ криткой молока, или съ вѣткой винограда; однакожъ мѣстные гастрономическія рѣдкости стараюсь не оставлять безъ вниманія. Возможно ли — быть въ Сорренто, и не отвѣдать телятины, которую прославлялъ еще Бокаччіо! Соррентинская ветчина едва ли не славнѣе въ Италіи, чѣмъ Тассова поэма. Здѣшнее молоко знаменито со временъ древности, и горъ Сантъ-Анжелло не даромъ давнѣе былъ эпитетъ — *Lactarius*. На рыбу, на такъ — называемые *frutti di mare* — неаполитанскія волны невостощимы. Вкусъ, близина и запахъ здѣшной рыбы доставили мнѣ нѣсколько новыхъ гастрономическихъ свѣдѣній; но за то разнообразіе формъ этихъ рыбъ обличили всю бедность моихъ познаній въ ихтиологіи.

Я отвѣдалъ здѣсь сыру *sasio cavaño*, который пользуется своей славой въ королевствѣ совершенно законно. Обманутый названіемъ, одинъ французскій ученый рѣшилъ, что этотъ сыръ готовится изъ молока кобылицы, что и подало ютченному члену многихъ ученыхъ обществъ поводъ къ разглагольствію на счетъ варварства неаполитанскаго народа.

Мажду-гъвъ этотъ сыръ получилъ свое названіе *sasio cavallo*, единственно оттого, что его сушатъ на жердяхъ, которые служатъ тутъ такими же лошадыми, какими слывутъ онѣ у ребятишекъ.

Когда мнѣ поданы были только-что принесенные изъ саду апельсины, хозяинъ пожалѣлъ, что не можетъ угостить меня китайскими апельсинами, которые называются *мандаринами* (*mandarini*) и привозятся въ Неаполь изъ Палермо, но не раньше февраля. Я почелъ слова хозяина чистымъ кокетствомъ, потому что огненный цвѣтъ, сочность и неподобный ароматъ соррентинскихъ плодовъ могли польстить прихоти взыскательнѣйшаго лакомки. Какъ не похожи они на тѣ блѣдые, кислые и вовсе не ароматные плоды, которые доставляются къ намъ на сѣверъ!

Вино здѣсь дешево, по три грана бутылка... но это вино ладзарона. Бѣлое вино, которое мнѣ выдавалось за высшій сортъ, кислогато, почти лишено всякаго букета и по-видимому отнюдь не похоже на древнее фалернское, что почти не понятно при здѣшнемъ изобиліи неподобнѣйшаго винограда.

Я вышелъ прогуляться со всею безпечностью туриста, но Рааэлло меня уже подстерегалъ съ археологическими замыслами.

— Синьору угодно видѣть древности? спросилъ онъ меня, почтительно приподнимая свой колшакъ.

При этомъ вопросѣ, въ умѣ моемъ промелькнули всѣ эти историческіе призраки, называемые Финикіянами, Осками, Этрусками, Пелазгами... Я вспомнилъ, что на этотъ благословенный берегъ занесена была греческая цивилизація пелопонезскими и мало-азійскими колонистами; но до-сихъ-поръ я и не подозрѣвалъ, чтобъ отъ нея остались здѣсь какіе-нибудь слѣды. За истребленіе этихъ колоній, исторія возложила отвѣтственность на воинственныхъ Самнитянъ. Какъ бы то ни было, а отъ Великой Греціи остались только роскошная, щедрая земля, съ живописнѣйшими скалами, въчмо-ясное небо, да поэтическое море.

Я припоинилъ даже, что по изломеніи Самнитянъ, Сорренто превратился въ римскую колонію (*Сингенум*), и сѣба-

риты Лаціума настроили себѣ здѣсь множество великолѣпныхъ лѣтнихъ убѣжищъ; но грозное изверженіе Везувія 79 года, было, какъ кажется, гибельно и для здѣшнихъ античныхъ портиковъ. Потомъ, этотъ городъ переходилъ попеременно къ греческимъ императорамъ, къ Готамъ, къ Лонгобардамъ, испыталъ всѣ превратности судьбы, и можетъ быть доволенъ тѣмъ, что успѣлъ спасти свое имя, плодородіе почвы и красоту мѣстоположенія.

Что сохранили берега Баи отъ своего древняго блеску? Самый воздухъ сталъ заразителенъ въ этой обнаженной пустынѣ. Между-тѣмъ какъ Сорренто до-сихъ-поръ оправдываетъ эпитетъ *amatum*, приданный этому берегу Горациемъ.

Мои размышленія возбудили нетерпѣливость Рафаэло: онъ сталъ увѣрять меня честію, что показываетъ мѣстныя древности всѣмъ иностранцамъ, и что всѣ остаются имъ совершенно довольны.

— Сеньоръ прикажетъ подавать лодку? продолжалъ онъ съ увѣренностью въ томъ, что покорилъ мое любопытство: это стоить бездѣлицу, всего полпіастра.

— А много у васъ тутъ древностей?

— Сеньоръ увидитъ храмъ Нептуна, храмъ Венеры, древнія бани....

Босовогій археологъ показался мнѣ такъ забавенъ, что я согласился на всѣ его предложенія. Дѣло въ томъ, что Рафаэло показывалъ только приморскія древности, для обозрѣнія которыхъ необходима лодка; счастливо соединяя обязанности лодочника и чичероне, Рафаэло могъ соблюсти въ пользу туриста нѣкоторую экономію. Вамъ покажутъ храмъ Нептуна, храмъ Венеры, античныя бани.... за шесть карлиновъ, то-есть, за полпіастра: согласитесь, что это не дорого.

По узкой лѣстницѣ спустились мы къ морю, на пристань. Рафаэло громкимъ свистомъ позвалъ своего сына, полунагаго молодца лѣтъ шестнадцати, который, бродя по поясъ въ водѣ, ловилъ розовыя раковины. Общими силами сдвинули они съ песчаного откоса неуклюжую лодку и пригласили меня прыгнуть въ нее, черезъ колоссальную гряду морской пѣны.

Мы поняли около высокихъ, отвѣсныхъ скалъ берега.

Волны здѣсь такъ прозрачны, что сквозь нихъ видны всѣ

раковины, всё причудливыя растенія, которыми устлано морское дно. Все это сообщает водѣ удивительную эффектность: то она кажется полосато-желтою, какъ тигровая шкура, то зеленою моаре, то кристальною, а дно и всё камешки на весь голубыми.

Однакожь вода, наполнявшая лодку почти до половинны, отнюдь не отличалась особенной красотой, и Рафаэлло обнаружилъ трогательное состраданіе ко мнѣ, вида, что я принужденъ положить мои ноги на бортъ. Морякъ смеялся, что это отчасти не совсѣмъ удобно, а помочь мнѣ не могъ, потому что всё усилія его сына, употребляемыя для отливанія воды, оказались далеко недостаточными. Но... мы были посреди древностей: мѣсто-ли тутъ думать объ удобствахъ?

— Вотъ храмъ Нептуна, сказалъ Рафаэлло, переставъ грести и пріосаниваясь.

Я искалъ глазами это чудо... и уже бросилъ вопросительный взглядъ на моряка.

— Ecco, signore! прибавилъ мой чичероне, ударяя оконечностью весла по грудѣ мшистыхъ камней, ясно видѣвшихся подъ прозрачными волнами.

Море тутъ не глубоко. Я разглядѣлъ полуразрушенное основаніе какого-то зданія... можетъ-быть храма, а также очень можетъ-быть и гавани.

Въ небольшомъ разстояніи отъ этихъ подводныхъ развалинъ, въ скалахъ существуютъ пещеры, которыя мой чичероне, съ тою же непоколебимою самоувѣренностью, рѣшился выдать мнѣ за чертоги Амфитриты.

Теплыя морскія волны набѣгаютъ въ нихъ съ пріятнымъ шумомъ. Эти прохладныя гроты очевидно служили купальнями. По-крайней-мѣрѣ я попытался примѣнить ихъ къ древнему назначенію, и остался совершенно доволенъ.

Можете вообразить, какое наслажденіе, въ часы палящаго зноя, купаться въ морѣ, укрывшись отъ солнечныхъ лучей и отъ любопытныхъ глазъ. По-видимому, всё эти гроты отчасти искусственныя. Овальнй гротъ, который я избралъ моею купальнею, окруженъ скамьею, изсѣченною въ камнѣ. Волны набѣгаютъ сюда двумя ходами, пробитыми въ туфѣ. Небольшое отверстіе служитъ окномъ. Эта ванна имѣетъ футовъ

пятнадцать въ діаметрѣ; а сводъ ея возвышается надъ водою футовъ на двадцать; дно покрыто чистѣйшимъ, самымъ бархатистымъ пескомъ.

Въ извилистой галлерей, которою входятъ сюда волны, стѣна окаймлена узкимъ тротуаромъ, на которомъ можно отдыхать. Здѣсь я видѣлъ въ водѣ нѣсколько камешковъ античныхъ мозаикъ. Проводникъ мой не замедилъ утверждать, что въ этихъ купальняхъ были мозаичные полы. Я, въ свою очередь, могу только засвидѣтельствовать одно: волны въ этихъ морскихъ гротахъ такъ прозрачны, что мозаичные полы, если они тутъ существовали, ни мало не утрачивали подъ водою красоты своего рисунка.

Когда лодка отплыла отъ античныхъ бань, Рафаэлло, замѣтившій, что я не лишился надежды увидѣть еще какія-нибудь развалины, указалъ мнѣ нѣсколько разбитыхъ и разбросанныхъ подъ водою камней, называя ихъ храмами; потомъ принялся спокойно грести къ пристани, какъ человекъ, законнымъ образомъ заработавшій полпіастра. Я не могъ ничего сказать противъ этой поспѣшности, тѣмъ болѣе, что минутъ черезъ десятокъ высота воды въ лодкѣ могла слиться съ уровнемъ моря. Когда мы плыли подъ скалой, на которой стоитъ гостинница Тасса, какіе-то праздные Англичане, вѣроятно наскуча блистательной понорамой, открывавшейся передъ ихъ глазами, забавлялись, кидая съ террасы мѣдную монету, между-тѣмъ какъ отважно ныряющіе ребяташки отъискивали подачку въ волнахъ.

Зрѣлище это въ своемъ родѣ любопытное, особливо для живописца, и только двѣ молоденькія Англичанки, сѣвшія помечтать на камни, выставившіяся изъ воды около береговъ, тщательно укрывались отъ этой потѣхи подъ крошечными зонтиками.

Между-тѣмъ Рафаэлло принялся журить своего сына за то, что у него не пробуждалась охота испытать свои силы въ подводной борьбѣ.

Даромъ время тратишь, а тутъ могъ бы заработать нечуть гнанъ, повторяя морякъ, гнѣвно ударяя веслами въ моряка, а воды боятся.

Самолюбіе молодого моряка было затроуто: онъ поспѣшно сбросилъ съ себя послѣднюю, то-есть единственную свою одежду и выпрыгнулъ изъ лодки, какъ раненый тигренокъ. Онъ легко перепрыгивалъ съ камня на камень, и, также мало чувствуя свою наготу, какъ Антиной или Фебъ-Аполлонъ, съ одиждійскими снокоиствіемъ проскользнулъ между двухъ миссъ, такъ близко, что потревожилъ ногой ихъ платья, и — нырнулъ въ воду.

При выходѣ на берегъ, мы были встрѣчены четырьмя ребятишками, которые, помогая причалить лодку, попросили у меня *qualche cosa*, рекомендуясь въ качествѣ сыновей моего гребца-чичероне.

Послѣ этой археологической экскурсіи, напрасно предлагались мнѣ сухопутныя. Я утратилъ вѣру въ соррентинскія древности; меня нельзя было заманить ни въ храмъ *вирро-лимо* Цереры, ни въ храмъ *можетъ-быть* Геркулеса, ни къ осколкамъ гробницъ, которыя, *по всей вѣроятности*, были украшены великолѣпно.

Всѣ эти развалины храмовъ, дворцовъ, бань, гробницъ, водопроводовъ, цирка, конечно свидѣтельствуютъ о древней значительности города; но все это ничтожные остатки, давно утратившіе послѣднюю тѣнь архитектурной красоты и способные восхищать только антикварія.

Сорренто можетъ обойтись и безъ блестящихъ воспоминаній. Природа здѣсь заставляетъ забывать и искусство и исторію.

Многіе пункты берега сохранили почти ту фязіономію, какъ ихъ описывалъ Гомеръ.

Сорренто занимаетъ прелестное положеніе высоко надъ моремъ, на краю плоской возвышенности, въ двѣ или три милы длиною, которая покрыта померанцовыми и апельсинными плантаціями и съ трехъ сторонъ окружена горами. Дороги отъ города идутъ по всѣмъ направлеціямъ, такъ что прогулки можно разнообразить до безконечности. Я неправильно сказалъ — дороги: это просто тропинки шага въ два, иногда въ три шириною, весьма извилистыя, весьма бугристыя и сфаржонныя съ обѣихъ сторонъ низенькими каменными стѣнками, что было бы довольно скучно, если бъ померанцовыя

вѣтви не перегибались изъ за бѣлыхъ оградъ, отягченныя зрѣлыми плодами.

Однажды, прогуливаясь по этимъ восхитительнымъ мѣстамъ, я встрѣтилъ дѣвушку, граціозно несшую на головѣ объемистую соломенную корзину, изъ которой выглядывали виноградные листья и неподобныя сливы, прозрачно-желтыя съ розовымъ оттѣнкомъ. Узнавъ, что поселанка несетъ ихъ на продажу, я попросилъ плодовъ на одинъ карлино.

Продавица, какъ мнѣ показалось, не безъ иронической улыбочки, наполнила сливами всѣ мои карманы, такъ что поставила меня въ очень неловкое положеніе. Я умолялъ, чтобъ она прекратила нагрузку. Бѣдняжка обнаружила отчаяніе и объявила, что у нея нѣтъ сдачи.

Я догадался, что десерта мнѣ достаточно на два, на три грана.

Что всего поразительнѣе подъ этимъ прекраснымъ небомъ, среди всѣхъ сокровищъ природы, — это бѣдность, являющаяся въ тысячѣ видахъ. Путешественники, часто изучающіе страну на почтовыхъ, обманутые яркими праздничными костюмами и беззаботными лицами поселянъ, имѣютъ обычай блистать фразами на счетъ благополучія итальянскаго народа; отсутствіе размышленія и предусмотрительности опрометчиво принимаются за идеалъ сельской жизни. Но познакомьтесь поближе съ вседневною жизнью поселянина, загляните въ жалкій домишко, въ которомъ едва можетъ помѣститься вся семья, часто вмѣстѣ съ домашними животными, замѣтете нагихъ ребятишекъ, лохмотья, вѣшанныя въ окнахъ и весь беспорядокъ кругомъ жилища, — и вы убѣдитесь, что жизнь этихъ людей исполнена лишеній, которыя впрочемъ они привыкли не замѣчать.

Безпечность эта порождается благопріятностью климата и легкостью, съ какою удовлетворяются первыя нужды жизни.

Одежда здѣсь почти предметъ роскоши; растительная пища предпочитается всякой иной; фи́га, арбузъ и многія овощи родятся здѣсь въ изобиліи, и почти безъ всякаго присмотра; температура позволяетъ оставлять окна безъ стеколъ и даже безъ рѣшетчатыхъ ставней. Природа здѣсь отчасти потворствуетъ лѣни. Зимой солнышко грѣетъ теплѣе

вашего камня; лѣтомъ можно найти тѣнь, горную прохладу и морской вѣтерокъ. Неаполитанскій поселянинъ цѣлые дни проводитъ на открытомъ воздухѣ, и потому онъ силенъ, нскудность, разуменъ, дѣтеленъ и способенъ къ труду, хотя и охотно избѣгаетъ труда тяжелаго. Если ужъ судьба осудитъ Неаполитанца на какое-нибудь ремесло, требующее усидчивости, онъ покоряется своей участи, но очевидно страдаетъ. Воздухъ, солнце и движеніе — вотъ главные элементы неаполитанской жизни. Довольствуясь весьма малымъ, Неаполитанецъ полагаетъ, что имѣетъ полное право не обременять себя трудомъ. Сама природа не требуетъ здѣсь отъ земледѣльца никакихъ усилій. Почва въ окрестностяхъ Неаполя, такъ часто возобновляемая пепломъ Везувія, знаменита своимъ плодородіемъ со временъ гомерическихъ, и притомъ никогда не знаетъ отдыха.

Нищенство даже и въ Неаполитанскомъ королевствѣ съ нѣкотораго времени уничтожается, по-крайности *de jure*, если не *de facto*. Во всякомъ случаѣ, нищіе здѣсь невообразимо изобрѣтательны на способы прикрывать свое ремесло иными, болѣе благовидными ремеслами, хотя бы то было указаніе дороги прохожему или причаленіе лодки къ берегу.

Жалобы Англичанъ на то, что нищіе въ Италіи отравляютъ всякое наслажденіе, имъ кажутся преувеличенными. Путешественники сами создаютъ здѣсь нищихъ. Малѣйшее состраданіе, оказанное вами слѣпцу или убогому, въ мгновение создаетъ вокругъ васъ цѣлый лазаретъ калекъ, уродовъ и прокаженныхъ.

Гостинница „Тасса“ отдѣлена отъ гостинницы „Сирены“ небольшою набережною; каменный балюстрадъ устроенъ на обрывѣ скалъ высоко надъ моремъ. Тутъ есть скамья, на которой я сижу по цѣлымъ часамъ утромъ: отсюда видъ на море очарователенъ. Однажды я засталъ на скамьѣ пожилое волунагое существо, очевидно изъ породы ладзароне; бѣднякъ смялъ съ себя парусинную рубаху и починялъ ее надосугѣ публично, выставивъ свою мѣдно-красную спину подъ солнечные лучи. Неподвижно, какъ натурщикъ, ладзароне допустилъ меня осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, потомъ съ

самоувѣренностью протянулъ руку, какъ чловѣкъ, добросовѣстно заработавшій свою деньги.

На завтра, въ обычный часъ, я нашелъ моего новаго знакома на своемъ мѣстѣ. Онъ, молча, но съ очевиднымъ ожиданіемъ моихъ милостей, снялъ свой дырявый колпакъ. Я не хотѣлъ обмануть его скромныхъ надеждъ, и овать подаль ему одинъ гранъ. Въ слѣдующее утро, нищій считалъ его своимъ неотъемлемымъ дневнымъ пенсіонеромъ. День спустя, вмѣсто одного просителя, я нашелъ двухъ. Оба получили по грану, и на слѣдующее утро у меня было три пенсіонера. Потомъ стали они прибывать по два и по три, такъ что скоро я не иначе выходилъ на утреннюю прогулку, какъ между двумя рядами челобитцевъ и съ дюжиною грановъ въ кармацѣ. Каждого новичка обыкновенно старались оттѣснить, указывали мнѣ какъ на чужаго; но вида, что новоприбывшіе не причиняютъ никому ни малѣйшаго ущерба, бѣдняки обнаруживали все болѣе и болѣе терпимости. Эти люди приходили за пять, за десять верстъ, услыша будто „какой-то московскій синьоръ платитъ за все золотомъ, а мѣдъ бросаетъ за окошко.“ Я замѣтилъ также, что по этому случаю многія жены рыболововъ превратились въ нищихъ.

Фениморъ Куперъ въ своихъ „Excursions in Italy“ приводитъ подобное же доказательство бѣдности и цѣнности звонкой монеты въ этомъ благословенномъ краѣ.

Когда нью-іоркскій романистъ гостилъ здѣсь въ гостинницѣ Тасса, въ Сорренто и его окрестностяхъ распространился слухъ, что *американскій адмиралъ* ежедневно награждаетъ всѣхъ и каждого однимъ граномъ наличными. Стеченіе нищихъ было неизмѣрно. Многіе бѣдняки приходили за десять верстъ, нѣкоторые даже поселились на время въ Сорренто, для удобнѣйшаго полученія пенсій.

Въ одно утро, какой-то усердный пришелецъ изъ загорной деревушки Санта-Агата, получая свой гранъ, имѣлъ нескромность пожелать романисту сто лѣтъ здравствовать.

— Сто лѣтъ! повторилъ съ негодованіемъ предводитель сходбища: ахъ ты негодяй, синьору, который даетъ намъ каждый день по грану, ты желаешь только сто лѣтъ здравствовать? Бей его! Прочь его!

— *Mille anni, signore*, тысячу лѣтъ живите, тысячу! вопилъ провинившійся, посреди шума и свалки, какія случаются только на улицахъ Неаполя вокругъ котла макаронъ, когда онъ оказывается порожнимъ.

— Тысячу лѣтъ, да еще самыхъ долгихъ! кричали бѣдники хоромъ.

Очень сожалѣю, что я не видалъ сумятицы, которую произвели мои пенсіонеры, когда въ одно безоблачное утро услышали, что я отправился на островъ Капри.

Въ окрестностяхъ Неаполя нищихъ тьма, потому что, при случаѣ, всѣ и каждый протягиваютъ руку, но отъявленнаго ладзароне не встрѣтите ни одного.

Истинный ладзароне, ладзароне чистой крови, можетъ существовать только въ Неаполѣ, въ столицѣ. Провинціальныя городки для него слишкомъ мелки, особливо если ни природа ни древности не заманиваютъ туда путешественниковъ, отъ которыхъ въ Италіи есть всѣмъ пожива, отъ малаго до большаго.

Но и въ Неаполѣ ладзароне, этотъ сынъ или точнѣе пасынокъ природы, зашѣтно привыкаетъ къ рубахѣ, хотя и старается сколько возможно болѣе обнажить свою жохнатую грудь, руки и ноги. Трудно, съ какою-нибудь достоверностью, предположить эпоху, когда эти мускулистыя ступни облекутся въ сандаліи: у низшихъ классовъ народа обувь вообще почитается здѣсь обременительною роскошью. Женскія ноги немножко чувствительнѣе къ раскаленнымъ камнямъ мостовой и потому даже бѣднѣйшія женщины могутъ защититься отъ разныхъ неудобствъ толстыми деревянными подошвами, которыя прикрѣпляются къ босой ногѣ съ помощью ремешка. Этотъ образецъ самыхъ первобытныхъ сандалій пріобрѣтается здѣсь, кажется, цѣною двухъ грановъ, не болѣе.

Я не пропускалъ ни одной удобной минуты, чтобы полюбоваться на очаровательную панораму, окружающую со всѣхъ сторонъ Сорренто. Всякій разъ, какъ выхожу на тер-

расу, замѣняющую здѣсь крышу, я испытываю новое наслажденіе.

Неаполь ярко блѣтается вдаль, съ своими башнями и кунами, точно городъ, созданный феями изъ тумана. По темно-голубому заливу разсыпаны скользящіе латинскіе паруса. Вдали берегъ Позилиппо исчезаетъ въ золотомъ туманѣ. Передо мной вправо, надъ мертвой Помпеей, подымается Везувій, съ своимъ спокойнымъ, но вѣчнымъ дымомъ.

Живописецъ, который покусился бы съ точностью передать полотну всѣ эти колера, безспорно былъ бы обвиненъ въ преувеличеніи.

Съ приближеніемъ вечера, краски пейзажа волшебю измѣнились: въ минуту солнечнаго заката, вся эта картина явилась въ блестящемъ розовомъ цвѣтѣ, потомъ смѣнилъ его серебристо-лиловый, потомъ фіолетовый и наконецъ темно-голубой, который все густѣлъ и густѣлъ, покуда ярко заблеставшія звѣзды не возвратили ему прозрачности.

Часто оставался я на террасѣ до полуночи. Синьора Сильвія, моя хозяйка, приводила туда своихъ гостей, все почти такихъ же молоденькихъ и болтливыхъ Итальянокъ, и мы вмѣстѣ наслаждались вечерней морской прохладой.

Ночная прогулка по дедалу соррентинскихъ улицъ представляетъ свою долю поэзіи. При послѣднихъ звукахъ Ave Maria — уже совершенно темно, но улицы оживлены; всѣ окна, всѣ двери только-что открылись настежь, для принятія прохлады, какъ называется здѣсь отсутствіе солнечныхъ лучей. Въ каждой двери свѣтится огонекъ мѣдной лучерны, у каждой двери, и особенно у лавокъ, скопляются группы мужчинъ и женщинъ потолковать о своихъ, а больше о чужихъ, дѣлахъ. Меломаны берутъ гитару, и царапаютъ по струнамъ, глядя задумчиво на небо. Рыболовы сварили свой общій ужинъ посреди площади, покушали при свѣтѣ звѣздъ, и раскидали ненужный костеръ по вулканической мостовой. Толпа веселыхъ ребятишекъ, босоногихъ и даже нерѣдко совсѣмъ нагихъ, бросается съ какимъ-то дикимъ восторгомъ, съ крикомъ и хохотомъ плясать по раскаленнымъ угольямъ. Послѣднія пылающія и дымящіяся головни окончательно одуряютъ своимъ газомъ этихъ маленькихъ плясунуновъ. Особенно

отличался одинъ маленькій плутяга, голый какъ амуръ, но съ огромнымъ краснымъ шерстянымъ колпакомъ на головѣ : онъ не только смѣло прыгалъ по раскаленнымъ головнямъ, но еще бросалъ горячии угольями въ своихъ товарищей. Родители глядѣли на эту пляску маленькихъ дикарей съ одобрительной полуулыбкой.

Но вотъ огни повсюду гаснуть. Я углубляюсь въ тѣсныя, извилистыя и гористыя улицы, при свѣтѣ звѣздъ. Но въ слишкомъ темную ночь, остерегайтесь потревожить сонъ какого-нибудь честнаго горожанина, потому что очень легко наступить ногой на лицо почивающаго поперегъ улицы. Согласенъ, что въ лѣтніе мѣсяцы, — а ихъ здѣсь чуть ли не десять въ году, — улица — самая удобная спальня; тѣмъ не менѣе въ потьмахъ, мнѣ раза два случилось совершенно неумышленно нарушить покой соррентинскихъ гражданъ.

Не смотря на то, что аристократическіе кварталы Неаполя уже освѣщаются газомъ, городъ Сорренто, какъ и многіе другіе города Италіи, доселѣ придерживается обычая среднихъ вѣковъ, и освѣщается по ночамъ единственно лампадами, теплившимися передъ образами Мадонны. Впрочемъ, количество этихъ лампадъ такъ несоразимѣрно съ огромнымъ числомъ набожныхъ, готовыхъ жертвовать свою долю масла, что многія мѣста, въ безлунныя ночи, погружены въ совершенный мракъ.

Скоро замолкаетъ послѣдній звукъ гитары; кое-гдѣ еще слышится нѣжная, монотонная пѣсня матери, убаюкивающей свое дитя; наконецъ и та умолкаетъ; не молчатъ только старинныя соборныя часы, да въ какомъ-то монастырѣ начинается унылый колокольный звонъ ночной службы.

Но въ городѣ все спитъ. Многіе балконы открыты настежь до утра. Гляжу, не крадется ли гдѣ-нибудь изъ-за угла таинственный герой серенады, съ гитарой и шпагой, по старинному рыцарскому обычаю. Гляжу, не привязывается ли гдѣ-нибудь бѣлая ручка шелковую лѣстницу къ желѣзнымъ вериламъ балкона.... Нѣтъ, все тихо и пустынно. Теплый воздухъ, напоенный запахомъ померанцевъ, не приноситъ ни единого звука. Жаль такія ночи тратить на сонъ.

Пойду на свою террасу, ждять восходъ солнца изъ-за Везувія.

Не разъ, вопреки обычаю Итальянцевъ, которые безъ крайней необходимости не выставляютъ своей головы подъ полуденные лучи, я выходилъ за городъ въ часы всеобщей сіэсты. Хозяева мои молча указывали мнѣ на термометръ, и когда я лишь отвѣчалъ, что привыкъ выносить не жаръ, а холодъ въ двадцать-пять градусовъ, то они только покачивали головою. Въ Дантовомъ аду вѣчный ледъ ужаснѣе огня.

На нѣсколько часовъ въ день, всѣ эти холмы, виноградники, маслячныя рощи, облитыя палашимъ солнцемъ, превращаются въ роскошную, благоухающую пустыню. Нигдѣ не видно живаго существа; не слышно ни ноты птичьяго голоса. Раскаленный воздухъ наполненъ только монотоннымъ, непрерывающимся стрекотаньемъ миллионъ кузнечиковъ.

Чѣмъ жарче день, тѣмъ кузнечики шумливѣе и летаютъ быстрѣе; полетъ ихъ не такъ быстръ, пѣсни притихаютъ, лишь только воздухъ начнетъ охлаждаться.

Этотъ металлическій скрежетъ, издавна слышущій пѣсней, подчасъ бываетъ довольно несносенъ. Сосѣдъ мой по номеру, Сѣверо-Американецъ, которому я жаловался на эту нескончаемую пѣсню, замѣтилъ мнѣ, что Европейцы имѣютъ всѣ причины быть довольными этимъ шумнымъ, но безвреднымъ насѣкомымъ, потому что на родинѣ путешественника водится страшная порода кузнечиковъ, которые губельны для растительности; когда самцы начинаютъ пѣть, то производятъ такой оглушительный шумъ, что разговаривающіе принуждены возвышать голосъ, какъ-будто подлѣ большаго водопада. Къ-счастью, самки и здѣсь и тамъ вовсе лишены органа этой пѣсни. Американская порода кузнечиковъ представляетъ странный феноменъ: жизнь ихъ продолжается около семнадцати лѣтъ, но постоянно подъ землею, и только ватъдесятъ дней они живутъ на воздухѣ. Почти въ одно время несметныя легіоны этихъ насѣкомыхъ выходятъ изъ земли, которая становится похожею на рѣшето; горе земледѣльцу, если это случится на нивѣ.

Этотъ рассказъ отчасти заставилъ меня быть поспѣшнѣе къ европейскимъ кузнечикамъ, которые, кажется,

такъ же безвредны, хотя не такъ молчаливы, какъ бабочки и стрекозы; впрочемъ тоже проводятъ нѣсколько лѣтъ въ пракъ подъ землею, и видятъ божій свѣтъ, летаютъ и плодятъ только нѣсколько мѣсяцевъ.

Древніе искали органъ этого шума въ наружныхъ частяхъ пастыкомаге, но Реомюръ терпѣливыми анатомическими наблюденіями доказалъ, что это органъ внутренній, и подобно Феррену, который для доказательства точности своихъ открытій относительно органовъ человеческого голоса, пытался возстановить ихъ дѣйствіе послѣ смерти, — знаменитый натуралистъ также заставлялъ пѣть кузнечиковъ мертвыхъ, дѣйствуя на мускулы, приводящіе въ движеніе весьма сложный приборъ, издающій звуки.

Добрѣкъ Лафонтенъ, можетъ-статься, не написалъ бы своей басни, *la cigale et la fourmi*, еслибъ зналъ, что кузнечикъ обыкновенно умираетъ тотчасъ послѣ той поры, когда перестаетъ пѣть. Впрочемъ, скажу мимоходомъ, и мораль этой басни не слишкомъ-то похвальна; а между-тѣмъ дѣтей заставляютъ затверживать на всѣхъ языкахъ эту басню одну изъ первыхъ. Крыловъ въ своемъ ловкомъ переводѣ замѣнилъ кузнечика стрекозою, и вѣроятно, въ видѣ поэтической вольности, заставлялъ пѣть стрекозу, обыкновенно нѣмую какъ рыба.

Древніе гастрономы кушали кузнечиковъ, какъ лакомство. Нынче, это блюдо, кажется, вышло изъ употребленія, хотя еще водятся охотники и до саранчи. Однако жъ, я не рѣшусь утверждать, что нынѣшніе гастрономы менѣе смыслятъ въ дѣлахъ вкуса, чѣмъ античные.

Бродя за городомъ, по моему обычаю, безъ проводника, куда глаза глядятъ, я очутился передъ открытою дверью прелестнѣйшей виллы. Дворъ благоухалъ цвѣтущими олеандрами и миртами; фіолетовыя горы, подымающіяся надъ Сорренто, представлялись отсюда въ живописнѣйшемъ видѣ. Пользуясь преимуществами путешественника, я овладѣлъ этимъ садикомъ безъ малѣйшаго сопротивленія, отдохнулъ въ немъ, и даже успѣлъ набросать очеркъ этого милаго пріюта. Потомъ, замѣтивъ, что всѣ рѣшетчатые ставни были закрыты, не смотря на то, что были въ тѣни, я подлюбопытствовалъ узнать, кто тутъ живетъ.

Привратникъ отвѣчалъ, что хозяинъ виллы живетъ въ Триестѣ, а вилла отдается въ наемъ.

Посылаю вамъ небрежный рисунокъ этой виллы, которая въ лѣто обошлась бы вдвое дешевле любой чернорѣченской дачи.

Посѣщая виллы, я не забывалъ и монастыри, которые здѣсь расположились надъ моремъ на живописнѣйшихъ скалахъ, которымъ позавидовали бы многіе дворцы.

Монастырскіе дворы въ Италіи рѣдко обходятся безъ нѣкоторой архитектурной роскоши. Часто они вымощены мраморомъ, еще чаще окружены портиками, для которыхъ болѣею частью собраны колонны всѣхъ вѣковъ, всѣхъ стилей и всевозможныхъ родовъ мрамора; тутъ встрѣтите даже витыя колонны такъ-называемаго *соломоновскаго* ордена. Отѣненные миндальными и фиговыми деревьями, или кипарисами, которые, впрочемъ, подъ этимъ улыбающимся небомъ утрачиваютъ свой печальный характеръ, освѣженные фонтаномъ, эти итальянскіе дворыки напоминаютъ античныя.

Все здѣсь охотитъ къ мечтанію, къ размышленію. Очень понятно, что въ средніе вѣка наука укрывалась въ этихъ утѣжищахъ.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

ЗАМОСКОВНАЯ ЛѢТОПИСЬ

О НАШИХЪ ЖЕНСКИХЪ ДѢЛАХЪ И О ДРУГИХЪ.

=

КНИГИ ТРЕТЬИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

VI.

Я оставляю двухъ женщинъ, двухъ соперницъ, подъ вліяніемъ страшнаго впечатлѣнія первой встрѣчи послѣ неожиданнаго обнаруженія тайны. Такія впечатлѣнія бывають слишкомъ продолжительны : языкъ леденѣеть, кровь ударяется о сердце какъ морская волна о холодный гранитный утесъ, слова произнести нельзя. Пока Надежда и Клара молчатъ, дрожа другъ передъ другомъ, можно, и даже нужно для ясности, послушать тайное совѣщаніе двухъ друзей, происходившее за нѣсколько часовъ до этой встрѣчи.

Тѣстовъ, стоя на днѣ пропасти глубокаго соображенія, смотрѣлъ изъ этой темной ямы неподвижно на Риналкова, который лежалъ на диванѣ и курилъ сигару.

— Откуда я получаю эти сигарки?... произнесъ онъ въ раздумь. Эти сигарки.... сударь мой.... Нельзя ли, почтеннѣйшій Павелъ Антоновичъ, какъ-нибудь это распространить?

— Объ этихъ сигаркахъ?

— Ахъ! нѣтъ! объ этой всемірной заецицѣ, о томъ, что мы сейчасъ говорили.... Мнѣ хотѣлось бы, чтобы эти слухи дошли до графини.... Ииѣнне богатѣйшее; если я лично не ииѣю права, такъ жена у меня — дворянка изъ родовыхъ....

— Такъ вы не-шутя намѣрены купить?

— Ну, намѣренъ или не намѣренъ, это особая статья.... а вы, какъ другъ, сдѣлали бы мнѣ одолженіе если, рассказывая всякую всячину, изволили поразсказать и это въ обществахъ, гдѣ бываете.

Надо знать, что послѣ отъѣзду Александрины въ деревню къ Надеждѣ, Тѣстовъ уже нѣсколько разъ обращался къ Риналкову и къ другимъ съ просьбою говорить всюду, что ему желательно купить рыбные промыслы графини.

— Да что вы такъ хлопочете? Зачѣмъ самниъ вамъ къ ней не поѣхать, сказалъ Павелъ Антоновичъ, не объявить прямо о своемъ намѣреніи?

— Я не хочу сдѣлать перваго шагу, отвѣчалъ Тѣстовъ, запинаясь. Но вы уже говорили кому-нибудь?

— Какъ же! Я всѣмъ твержу, что вы спите и видите ея рыбныя ловли; что вы даже похудѣли отъ этого. Такъ страшно вамъ хочется обладать ея стерлядьми!... Я зову всѣхъ къ вамъ на первую уху вашей ловли.

— Да! да! вскричалъ Тѣстовъ радостно: зовите, зовите!... Это хорошее средство къ огласкѣ.

— Но есть еще лучшее: пригласить графиню саму на эту уху. Хотите ли дать мнѣ это порученіе? спросилъ Риналковъ, смѣясь.

— А что жъ вы думаете? важно отвѣчалъ Тѣстовъ: вѣдь оно было бы не дурно....

Но когда Тѣстовъ говорилъ это, молва о желаніи его уже дошла до графини, и часа за два до того, какъ на Надежду свалились такъ неожиданно и странное предложеніе и страшная угроза этой женщины, вдругъ вошедшій слуга доложилъ откушнику, что ея сіятельство изволили пріѣхать и желаютъ съ нимъ переговорить. Надо было видѣть, какииъ восторгомъ озарилось лицо Тѣстова при этомъ докладѣ.

— Проси, проси! вскричалъ онъ засуетившись, подвигая

кресла, потирая руки, улыбаясь, как человекъ, который видитъ исполненіе самого пламеннаго изъ своихъ желаній. Графиня вонзла, Риналковъ хотѣлъ было уйти, но Тѣстовъ удержалъ его.

Не знаю, могло ли быть пріятно графинѣ присутствіе посторонняго при ея дѣловомъ разговорѣ, но ея улыбающееся лицо не измѣнилось. Она сѣла и прямо приступила къ дѣлу, не обращая вниманія на присутствіе посторонняго человека.

— Я пріѣхала къ вамъ узнать, Степанъ Ивановичъ, правда ли то что я слышу со всѣхъ сторонъ? Вы желаете купить мое имѣнье?

— Да, признаюсь, я бы не прочь....

— Что жъ? зачѣмъ же дѣло стало? Я желаю продать, вы желаете купить: такъ мы можемъ, не теряя времени, приступить къ совершенію купчей....

— Позвольте, ваше сіятельство, мы, кажется, еще не уговорились въ цѣнѣ.

— О! я увѣрена, что мы съ вами сойдемся; я дорожиться не стану, вы не потребуете уступокъ, несогласныхъ съ справедливостью; цѣна имѣніямъ болѣе или менѣе всегда извѣстна....

— Ну, нѣтъ! бываютъ обстоятельства, которыя совершенно измѣняютъ самыя постоянныя цѣны. Нѣтъ никакой справедливости платить дорого за то, что, по обстоятельствамъ, можно пріобрѣсть дешево. Великодушіе здѣсь неуиѣстно: порешачивая, я могу сдѣлать благодѣяніе вашимъ кредиторамъ, могу въ случаѣ личной бѣды, нанести ущербъ моимъ. Всякое состояніе глѣнно, ваше сіятельство.... то-есть, подвержено случайностямъ. Я, какъ благоразумный покупатель, долженъ взять въ соображеніе то, что имѣнье ваше поступаетъ въ аукціонъ.

Графиня поблѣднѣла. Она думала, что обстоятельство не было еще такъ гласно. Надежда ея рушилась, и она показала видъ, какъ-будто готовится встать.

— Это расчетъ не совсѣмъ вѣрный, сказала она, застегивая перчатки: имѣнье мое здѣсь на хорошемъ счету; можетъ случиться такъ, что покупателей найдется много и вамъ придется дороже заплатить.

— Покупщики здѣсь, ваше сіятельство, все на переломѣ: кто можетъ много дать?...

— Такъ вы намѣрены дожидаться аукціону? сказала графиня, вставая.

— Нѣтъ! зачѣмъ же? перебилъ откупщикъ, мнѣ все равно купить на аукціонѣ или прямо изъ вашихъ рукъ. Какъ ваша послѣдняя цѣна?

— Полтора ста тысячъ серебромъ дать бы надо.... Вы знаете что имѣнье стоить этого.

— На аукціонѣ болѣе ста не дадутъ; да мнѣ кажется, вамъ ровно сто и нужно. Закладная протестована во стѣ тысячахъ.

— Чтѣ же мнѣ за прибыль продавать вамъ за сто? Такъ лучше дожидаться аукціону; можетъ-быть кто и больше дастъ....

— Полтора ста, ваше сіятельство, много; а сто тридцать дамъ, сказалъ Тѣстовъ.

Графиня засіяла радостью. Но Риналкову показалось очень страннымъ, что имѣя возможность купить за сто тысячъ на аукціонѣ, Тѣстовъ безъ торгу прибавилъ тридцать тысячъ.

— Это ваше послѣднее слово? спросила графиня, только для того, чтобы сказать что-нибудь, но внутренно опасаясь, чтобы Тѣстовъ не отступился отъ поспѣшнаго и совсѣмъ непредвидѣннаго предложенія.

— Послѣднее.... угодно или нѣтъ?

— Я знаю, что вы — человекъ благородный и торговаться со мной не хотите. Я должна полагать, что вы давно обдумали эту цѣну. Дѣлать нечего, я согласна: нужда заставляетъ.... Такъ мы можемъ и заключить торгъ, а на дняхъ и совершить купчую....

— Нѣтъ! такъ скоро нельзя.... у меня теперь нѣтъ лишнихъ денегъ, которыя могъ бы я отклонить отъ моихъ толкучихъ дѣлъ. Дайте мнѣ сроку по-крайней-мѣрѣ мѣсяць или два....

— Это невозможно! вскричала графиня, блѣднѣя снова. Вы сами знаете, я должна или продать имѣнье на-дняхъ или.... лишиться его.

— А я въ эту минуту никакъ не могу, спокойно возразилъ Тѣстовъ.

— Можеть ли это быть, почтеннѣйшій Степанъ Ивановичъ?... вы, такой капиталистъ?...

— Да вѣдь мы капиталисты, ваше сіятельство, дома капиталовъ не держимъ; сто тридцать тысячъ серебромъ не бездѣлица и ни у кого не лежатъ въ ящикѣ.

— Но вы же располагали давно купить это имѣнье: такъ вѣрно и припасли нужную сумму?

— Я располагалъ купить во время аукціону, ваше сіятельство.

— Да мнѣ бы довольно на первый случай и третьей части....

— Да и сорокъ три тысячи не карманные деньги, ваше сіятельство. Я вамъ докладываю, что у меня нѣтъ свободныхъ денегъ....

— Непріятно! сказала Солнѣжева, сильно измѣнившись въ лицѣ.

— Да что же вамъ такъ спѣшно?... Я полагаю, что вамъ желательно предупредить огласку публичной продажи?... такъ еще время терпѣть.

На добродушномъ лицѣ откупщика мелькнула усмѣшка. Риналковъ понялъ, что ему хорошо извѣстны причины торопливости графини, только не догадывался, зачѣмъ Тѣстовъ хитритъ. Графиня, разстроенная отговорками, ничего не замѣтила.

— Какъ время терпѣть?... сказала она въ сильномъ волненіи: если я на будущей недѣлѣ не представлю въ палату росписки почтовой конторы, что на имя моего кредитора отправлена слѣдующая ему сумма, огласки не избѣгнуть, кредитора введутъ во владѣніе заложеннымъ ему имѣньемъ. Вы знаете, что полгода онъ будетъ пользоваться доходами, и если въ это время не найдется покупатель, имѣнье продается съ публичнаго торга.... Вы видите, что мнѣ невозможно ждать....

— Да! да! точно! я теперь вспомнилъ.... мнѣ писали изъ Петербурга, что кредиторъ вашъ уже выслалъ сюда довѣреннаго человѣка для управленія имѣньемъ.... онъ долженъ

прѣхать на дѣльхъ.... Такъ по закладной уже сдѣлано распоряженіе?

— Я вамъ говорю, что мнѣ осталось только нѣсколько дней.... Не ужасная ли это неприятность, скажите сами?.... Если ужъ вы намѣрены купить, такъ зачѣмъ же мнѣ терпѣть такое униженіе.... видѣть, что моннѣ нѣтънѣтъ распоряжается другой.... я даже готова уступить кой-что, только бы недопустить огласки.... Да вы можете достать, когда захотите одолжить лучшаго друга вашей несравненной жены.... которую я воспитала какъ родную дочь.... вы сами знаете.

— Помилуйте, ваше сіятельство! у кого здѣсь достать!.... Да и какъ мнѣ просить! тотчасъ скажутъ, что я банкротъ, деньги занимаю!.... Конечно, это большая неприятность.... и не знаю право какъ быть.... Развѣ вотъ что! продолжалъ Тѣстовъ: мнѣ пришла счастливая мысль въ голову.... развѣ жена моя согласится дать?....

Графиня ничего не отвѣчала, но она слушала съ удвоеннымъ вниманіемъ.

— Я недавно записалъ въ банкъ для нея сто тысячъ серебромъ, продолжалъ небрежно Тѣстовъ: согласится она отдать билетъ, такъ хорошо....

— Отчего же не согласиться?... воскликнула обрадованная графиня, вѣдь нѣтънѣ ей же будетъ принадлежать?....

— Она, видите, у меня немножко прихотлива.... да вы это сами изволите знать, давъ ей великодушно такое прекрасное воспитаніе.... заупрямится.... не захочетъ.... такъ что же я сдѣлаю?

— Помилуйте, Степанъ Ивановичъ, она такъ умна!.... что же она тутъ потеряетъ? вѣдь купчую на ея же имя совершать?....

— Да эти деньги даны ей въ руки и положены въ банкъ по ея приказанію на приращеніе процентовъ....

— Но вѣдь вы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ можете ей отдать! скажите, что она ничего не потеряетъ.... уговорите ее....

— Какъ можно, ваше сіятельство! съ какой же стати мнѣ уговаривать ее? я подарилъ, да я же и скажу; подай,

штука, назадъ деньги! Нѣтъ надежки. Я этого ей никогда не скажу.

Риналковъ хотѣлъ поспѣшить на помощь графинѣ и увѣрить Тѣстова, что предложеніе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ оскорбить жены, но загадочная физиономія откупщика остановила его. Графиня, не смотря на свою проникательность, не понимала цѣли откупщика, съ которымъ она до тѣхъ-поръ не имѣла ни какихъ сношеній. Но Риналковъ, зная его превосходно, не сомнѣвался, что въ этихъ отговоркахъ скрывается тайная затѣя.

— Я нахожу, что вы тутъ слишкомъ деликатны, замѣтила графиня, воображивъ, что Тѣстовъ представляетъ затрудненія для своихъ выгодъ: для меня такъ важно скорое согласіе Александры Львовны, что я готова уступить вамъ сколько угодно.... если бы вы взяли на себя уговорить ее....

— Напрасно изволите, ваше сіятельство, такъ думать: я не изъ корысти это говорю.... моя цѣль только та, чтобы жена моя не оскорбилась.... Это мнѣ важнѣе всего....

— Да ей оскорбиться нечѣмъ!

— Всякой разсуждаетъ по своему, ваше сіятельство. У меня постоянно на умѣ то, что Сашу я взялъ безъ всякаго состоянія, что все это богатство — мое, и что мнѣ надо поступать такъ, чтобы не дать ей того почувствовать. Она должна жить у меня такъ, чтобы ей казалось, будто все — ея, а не мое.... Какъ же послѣ этого, я вдругъ отниму у ней подарокъ? Понадобилось, видите, такъ и отдай! Нѣтъ, какъ угодно, а мнѣ это неидеть!.. вотъ если бы вы рѣшились....

— На чтб? спросила графиня торопливо.

— Съѣздить къ ней.... да представить резоны.... попросите.... въ воспоминаніе прошлаго.... для васъ....

Графиня устремила на Тѣстова испытующій и безпокойный взглядъ, но онъ обтиралъ потъ со лба такъ искусно, что, схитривъ, лица своего не показалъ. Когда рука его опустилась, добродушное выраженіе успокоило графиню. Она тотчасъ же встала, говоря:

— Я сейчасъ къ ней ѣду.... Моя милая Александрина!....

кажется она живетъ въ деревнѣ Головой, у Надежды Николаевны?

— Точно такъ.... Когда же вы наѣзрены?...

— Сію минуту; не забуду даже домой.... вѣдь это только двѣнадцать верстъ отсюда?....

— Двѣнадцать верстъ.

Лишь только графиня вышла, Степанъ Ивановичъ сильно позвонилъ.

— Готова ли моя коляска? спросилъ онъ вошедшаго лакея.

— Давно готова, отвѣчалъ слуга.

— Павелъ Антоновичъ, докажите мнѣ дружбу: поѣзжайте въ этой коляскѣ сейчасъ къ моей женѣ; пока она будетъ говорить съ графиней, не входите, гуляйте гдѣ нибудь въ саду или посидите съ Надеждой Николаевной, а съ Сашей повидаетесь потомъ. Вы человекъ умный: замѣтьте, какое дѣйствіе произведетъ въ ней это свиданіе.... узнайте, что будетъ происходить между ними, и пріѣзжайте рассказать мнѣ. Вѣкъ буду помнить ваше одолженіе.... А что? какъ вы находите? Вѣдь поступилъ хитро?

— Я скажу вамъ это, когда вы мнѣ объясните свою хитрость. Признаюсь, я ничего не понимаю.... Зачѣмъ вы такъ щедро прибавили ей тридцать тысячъ?... да и зачѣмъ не хотѣли сказать вашей женѣ?...

— На это у меня есть свои виды. Я объясню вамъ послѣ все подробно. Поѣзжайте теперь поскорѣе.... для меня это чрезвычайно важно. За такую дружескую услугу я готовъ отдать вамъ....

— Три откупа? сказалъ Риналковъ, надѣвая шляпу передъ зеркаломъ и поправляя огромный бантъ своего галстука à la Joinville.

— Пожалуй, три откупа.

— Нѣтъ, не хочу разорять. Дайте лучше три сигарки на дорогу.

— Извольте, три сигарки.... и мою душу.... Берите весь ящикъ.... я самъ снесу его за вами въ коляску и тутъ же скажу вамъ кое-что.

Тыстовъ въ нѣсколькихъ словахъ рассказалъ Риналкову

то, что онъ давно горѣлъ нетерпѣніемъ узнать. Павелъ Александровичъ выслушалъ его съ жаднымъ любопытствомъ, и прощаясь пожалъ его руку съ чувствомъ и уваженіемъ.... Тѣстоу принялъ совершенно другой видъ въ его глазахъ.

VII.

— Ахъ, Боже мой!... вамъ дурно?... вскричала горничная Александрины, увидѣвъ, что лицо барыни страшно поблѣднѣло.

— Нѣтъ.... ничего.... проговорила Александрина съ нетерпѣливымъ движеніемъ. Графиня одна?...

— Однѣ-съ. Я докладывала, что вы не такъ здоровы, онъ извоили сказать, что пріѣхали отъ Степана Ивановича, что очень нужно видѣть васъ.

— Отъ моего мужа?... Это что такое? Проси.

Александрина бросилась къ столику, гдѣ стоялъ графинъ съ водою, и поспѣшно выпила стаканъ; потомъ, подавивъ тяжкій вздохъ, возвратилась на свои кресла. Она дѣлала страшное усиліе, чтобы удержать волненіе сильно воздымающейся груди.

Выраженіе лица графини, когда она вошла къ Александринѣ, было образцовымъ произведеніемъ искусства: въ чертахъ ея виднѣлось ровно на столько радости, печали и смущенія, сколько было нужно для отношеній ея къ бывшей воспитанницѣ.

— Я давно собиралась навѣстить васъ, моя милая Александрина, сказала графиня, когда молодая женщина съ холодной вѣжливостью встала, чтобы отвѣчать на поклонъ ея: но.... я слышала, что вы нездоровы, и не рѣшалась беспокоить, тѣмъ болѣе, что посѣщеніе мое могло показаться вамъ не совсѣмъ уместнымъ....

— Вы прекрасно сдѣлали, что не беспокоились, графиня: я не принимаю здѣсь гостей....

— Гости? Развѣ вы считаете меня гостей? Полноте, мой милый другъ! Я надѣюсь, что вы сдѣлали бы исключеніе для меня.

— Вы такъ добры, графиня, приютила Александрину съ той убійственной нѣжностью, которою одинъ только нинѣ кроткій полъ умѣетъ высказать : вы такъ меня любите, что, конечно, не требуете исключеній....

Язвительный тонъ Александрины не смущалъ посѣтительницы : она сладко улыбнулась и, взаимно, устремилá на Александрину нѣжный взглядъ. Послѣ минутнаго молчанія она сказала :

— Я, признаюсь, не ожидала отъ васъ такого милого приему. Вы удивительно добры! На ваше прекрасное сердце можно всегда полагаться. Я понимаю, что вы могли бы быть очень недовольны мною. Боюсь даже, что при всей ангельской добротѣ вашей души, мое присутствіе не совсѣмъ вамъ пріятно, потому что напоминаетъ обстоятельства, которыя лучше всего забыть намъ обѣимъ, для нашего счастья. Дорогая моя Александрина! я не могу скрыть, какъ это огорчаетъ меня....

Судорожнымъ напряженіемъ ученыхъ нервовъ она выжала изъ глазъ своихъ двѣ запасныя слезы, поднесла платокъ къ рѣсницамъ и не видѣла презрительнаго взгляда Александрины : этотъ взглядъ вѣроятно остановилъ бы ее.

— Я такъ принимаю къ сердцу все, что касается до васъ, продолжала она : мой покой совершенно рушился съ-тѣхъ-поръ.... и вы не повѣрите какъ меня тронуло желаніе вашего мужа.... Я тотчасъ поняла, что главное лицо тутъ не онъ, а вы. Вотъ, думаю, благородная черта моей Александрины! хочеть купить.... и только за тѣмъ, чтобы никому другому не досталось мое имѣнье, чтобы ей владѣть хоть чѣмъ-нибудь мнѣ принадлежавшимъ.... Благодарю.... благодарю.... Какъ это превосходно съ вашей стороны!

— Позвольте узнать, чѣмъ я заслужила эти похвалы и эту благодарность? Вы говорите о покупке какого-то имѣнья, о какомъ-то желаніи моемъ? Я не понимаю ни одного слова.... Что это за имѣнье, и что за желаніе, позвольте узнать?

Тонъ Александрины встревожилъ нѣсколько графиню, но она собрала всѣ тонкости своего ума и сплела изъ нихъ чудесное кружево дѣловаго краснорѣчія. Она говорила такъ

уверительно, как говорить я не умѣю. Песлушать ее, такъ для Александрины предстоящій случай былъ находкою клада.

— Подумайте, какой вѣсъ придастъ это вашему мужу.... Вы, какъ дворянка, имѣете право покупать, и это, безъ всякихъ поясненій, вѣсъ покажетъ сейчасъ ваше благородное происхожденіе. На васъ и на мужа вашего совѣмъ иначе станутъ смотрѣть въ обществѣ. Степанъ Ивановичъ, какъ я и слышала и сама замѣтила, очень этого желаетъ; да оно и естественно!... Этимъ отличіемъ онъ будетъ обязанъ вамъ.... Какой благородный человекъ, мужъ вашъ! Вообразите, онъ безъ всякаго торгу самъ назначилъ цѣну, которою я очень, очень довольна. Я вѣчно буду благодарна ему, какъ моему избавителю. Несравненная деликатность его въ отношеніи къ вамъ глубоко тронула меня. Ахъ, другъ мой! счастливы вы, что нашли подобнаго человека!... намъ судьба такихъ мужей не посылала.... Она снова прижала платокъ къ глазамъ. Какъ урно, какъ вѣжливо умѣетъ онъ любить!... Впрочемъ, мнѣ кажется, что деликатность, свою въ отношеніи къ вамъ онъ даже преувеличиваетъ въ настоящемъ случаѣ. Тутъ уже онъ могъ бы быть гораздо откровеннѣе съ своей доброю женою, не опасаясь обидѣть ее. Представьте себѣ: ему смерть хочется поскорѣе купить для васъ мое имѣнье, и самъ онъ не рѣшается прямо попросить васъ о позволеніи употребить на это вашъ банковый билетъ.... а посылаетъ меня сдѣлать вамъ это предложеніе.... то-есть, употребить только на время, пока онъ не соберетъ этой суммы, что продлится не болѣе какъ мѣсяць или два.... Ему на эту покупку нужны сейчасъ сто тысячъ серебромъ.

По мнѣнію графини, невозможно было устоять противъ такихъ доводовъ. Она искусно задѣвала за три самыя чувствительныя ея струны вдругъ. Благороднымъ происхожденіемъ молодая женщина чрезвычайно дорожила и очень очень гордилась девятью колѣнами своей родословной. Можетъ-быть, это чувство развилось отъ зависимости ея прежняго положенія. Бѣдной сиротѣ, воспитанной изъ милости знатной и гордой женщиной, было пріятно думать, что она по роду своему совѣмъ не хуже ея. Привязанностью къ мужу Тѣстова также щеголяла. — Графиня прекрасно

объяснила, сколько выиграет Тьстовъ въ итѣннѣ и уваженнѣ, частноиъ и общемъ, пріобрѣтеніемъ болгарскаго иошества. Наконецъ для горделиваго характера Александрины позаботились кстати выставить и то, что она можетъ обязать мужа, проложивъ ему и себѣ путь къ общественному значенію.

Расчетъ былъ бы вѣренъ, если бы Александрина находилась на-счетъ прошлаго въ такомъ ослѣпленнѣ какъ графиня полагала. Но можно вообразить, какъ испугалась она, когда молодая женщина, съ холодной насмѣшкой, сказала ей эти неожиданныя слова :

— Неужели я кажусь вамъ такъ глупа, графиня, что вы могли думать, будто я соглашусь ?

Если бы громовой ударъ разразился въ эту минуту надъ головой Солнѣжевой, онъ не могъ бы больше оглушить ея. Языкъ у ней не шевелился ; губы посинѣли ; на нее было страшно смотреть. Въ первый разъ ужасная мысль мелькнула въ ея воображеннѣ : неужели Александрина постигла всѣ ея продѣлки ?

— Да ! продолжала Тьстова, съ негодованіемъ, не очень лестно мнѣ думать, что я оставила о себѣ такое жалкое итѣннѣ въ вашемъ тонкомъ умѣ. Вы думали, что послѣ всего, что вы сдѣлали со мною, я, какъ простенькая дѣвочка, рас-вѣчусь отъ умиленнѣ при вашей сладкой рѣчи и тотчасъ сдѣлаю все что вы захотите.... Мнѣ очень жаль разрушить ваше пріятное заблужденнѣ, но я не такъ безтолкова какъ вы полагаете.

— Напротивъ, другъ мой ! напротивъ ! вѣрно я сама стала очень безтолкова, отвѣчала графиня съ свойственнымъ присутствіемъ духа, быстро оправившись отъ смущеннѣ : потому что теперь я не понимаю вашихъ словъ.... Почему вы думаете, что я такого объ васъ итѣннѣ?... и что сдѣлала я съ вами?... Объясните мнѣ, мой другъ. Я вижу, что между нами есть какое-то недоразумѣннѣ....

О ! полноте ! вы очень хорошо знаете, о чемъ я говорю. Не употребляйте хитростей со мною : это напрасный трудъ. Я знаю васъ насквозь. Вы всегда считали меня глупенькой, не способной васъ понять, а я давно проникла всѣ ваши

чувства, мысли и дѣйствія, графиня; я давно ожидала отъ васъ того, что вы и въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлали со мной....

— Но что же я такое сдѣлала съ вами?

— И вы еще спрашиваете!.. вскричала Александрина отъ страшнымъ тономъ слѣть.

Горе вало верхъ. Это была пылкая, въ высшей степени яркая и безъискусственная натура, поддававшаяся всегда силѣ впечатлѣній, не умѣвшая владѣть собою, или, явнѣе, притворяться. Теперь, когда присутствіе злобщей женщины, единственной причины всѣхъ несчастій Александрины, растравило еще не зажившую рану, теперь Александрина вдругъ забыла всѣ свои намеренія; забыла, что ей хотѣлось, и даже слѣдовало по правиламъ свѣта, скрыть отъ Софьяховой свое страданіе, отразить ее ироніей, хладнокровно дать почувствовать, что ей извѣстны всѣ жестокія хитрости, которыхъ она сдѣлалась жертвою, и тѣмъ заключить свиданіе. Но, увлеченная отчаяніемъ, пылко и чисто-сердечно начала она высказывать ей все, что было на душѣ.

— Мало того, что вы отняли у меня счастье, говорила она, едва успѣвая отирать слезы, капавшія частымъ дождемъ на вѣлество-вышитый батистовый платокъ: вы наполнили душу мою ненавистью и жолчью.... На что, по вашей милости, стала я похожа въ осемнадцать лѣтъ!

— Я отняла у васъ счастье?... да что вы это говорите, Александрина? вы вѣрно забыли все.... Осмотритесь кругомъ, какое дѣла мое. Въ эти окна видѣнъ садъ, гдѣ происходила ваша помолвка.... Неужели вы не помните, что я открыто и торжественно сама дала согласіе свое....

— Открыто, вы дали, графиня, но тайно сами же уничтожили даръ свой. О! я знаю, что тогда пряталось въ глубинѣ вашей души!... я видѣла все, что приготавлилось для меня въ вашихъ мысляхъ?... Какъ они были вѣроломны!

— Я и не воображала, что все свалится на меня!.. Чѣмъ же я-то виновата?... Успокойтесь, разсудите, милая Александрина. Вѣдь не тогда же я заставилъ Адриана... онъ былъ внѣ себя... вы не знаете въ какомъ положеніи я увезла его.... Мнѣ нельзя было терять ни минуты. Я едва успѣла набросать къ вамъ нѣсколько строкъ....

Видеть васъ тогда, простите, я не могла силм, да и физически не возможно было разорваться на все. Адрианъ находился въ ужасномъ состоянiи: мнѣ надо было прежде всего позаботиться объ немъ.

Александрина вспыхнула еще сильнѣе.

— Не трудитесь оправдываться, графиня; не прибавляйте ко всему еще недостойной жи... Я не вынесу этого! Я уже сказала вамъ, что все знаю, давно поняла я вашъ характеръ и вашъ образъ дѣйствiй; давно была увѣрена, убѣждена, что не бывать мнѣ Адриановой женой.... Прежде я любила васъ.... О да, графиня! когда вы взяли меня сиротой, я привязалась къ вамъ искренно и нѣжно.... потому что Богъ одарилъ меня любящей душой, а некого было любить. Но при всей этой любви мнѣ всегда было страшно съ вами; меня тяготилъ вашъ непреклонный эгоизмъ; ваши ласки не могли побѣдить въ этомъ сердцѣ невольнаго къ вамъ чужданiя. Безъ васъ я васъ горячо любила; въ вашемъ присутствiи меня давило ваше опасное свѣтское искусство. Предчувствiе ли это было того, какъ вы поступите со мною, или моя неспособность къ притворству, только душа моя инстинктивно не сходилась съ вашей. Повторяю, мнѣ было съ вами страшно. Въ этомъ ощущенiи я не могла дать себѣ отчету: да и къ чему было допытываться откуда оно происходитъ! Другое чувство поработало его, чувство признательности къ вамъ.... О! повѣрьте, графиня, оно было велико!... такъ велико, что все зависѣвшее отъ силы воли.... воли, надо сказать, очень шаткой.... все, что только я была способна сдѣлать, было сдѣлано, чтобы не выказать ни вамъ, ни Адриану, какъ онъ былъ дорогъ мнѣ. Я твердо помнила, что вы оказали мнѣ много милости, графиня, что внушить Адриану привязанность ко мнѣ будетъ неблагоприятно и оскорбительно съ моей стороны для васъ. Какъ эти усилiя вамъ показались, не знаю. Не можетъ быть, чтобы съ вашимъ пронизательнымъ умомъ вы не приѣтили моей страсти и моей сердечной борьбы съ нею. Зачѣмъ вамъ было обращать вниманiе на нее? Какая бѣда, что бѣдная дѣвушка тоскуетъ и страдаетъ! Положимъ, я бы погибла. Такъ что жъ! Адрианъ — мужчина: онъ бы не погибъ; онъ забылъ бы меня со-временемъ. Я сама постаралась

бы о томъ, чтобы онъ забылъ. Но вы не имѣли довѣренности къ моему благородству; хитрость казалась вамъ надеждѣ моего великодушія. Вы дали притворное согласіе, о которомъ я васъ не просила. Опасною для вашихъ видовъ и вамъ не казалась: я была такъ ничтожна въ вашихъ глазахъ!... Всегда робка и молчалива; безъ замѣчательной красоты, безъ блестящихъ талантовъ, я не могла привязать къ себѣ свѣтскаго молодого человѣка той непобѣдимой страстью, которая иногда разрушаетъ поприще и жизненную дѣятельность мужчинъ. Самъ Адріанъ былъ, я должна сказать вамъ, очень благородуменъ, доколѣ вы не виѣшались. Вы старались унижить меня въ его глазахъ: душа молодого человѣка приняла горячо мою сторону и вспыхнула. Навѣрно вы были поражены не больше моего, когда страсть Адріана развилась такъ неожиданно и быстро къ крайнему испугу моему. Да! не обрадовалась я, графиня; напротивъ, вы, я думаю, помните, въ какой ужасъ я пришла! какъ я васъ просила отправить меня далеко отъ васъ, отъ Адріана! Зачѣмъ не исполнили вы моей просьбы? зачѣмъ притворились, будто не вѣрите любви Адріана и не хотите разстаться со мной? Вы могли сказать мнѣ прямо, что вамъ непріятна страсть Адріана. За это я бы не винила васъ. У всякаго свой конекъ. Вы тщеславіе ставите выше всего, и для меня было бы понятно, что вы желаете единственному наслѣднику вашего богатства партіи, такъ-называемой приличной. Я бы не осталась при васъ, и все кончилось бы просто и благородно, Адріанъ бы погоревалъ, да и за былъ меня какъ забываютъ все на свѣтѣ, можетъ-быть утѣшилась бы и я. Но нѣтъ! вамъ эта шѣра показалась негѣрной. Отпустить меня тогда значило оставить сожалѣніе въ душѣ Адріана и можетъ-быть желаніе отыскать меня; а вамъ хотѣлось нанести его привязанности разрушительный ударъ, хотѣлось окончательно и навсегда затоптать меня въ грязь, внушить ему отвращеніе отъ меня. О! вашему поступку нѣтъ имени на языкъ людей! Провиски ваши — посрамленіе для васъ самихъ. Комедія, которую съиграли вы здѣсь съ нами, до-того не хороша, что не знаю, какъ вы можете глядѣть не краснѣя на свѣтѣ Божій. Вспомните, какъ обманули вы всѣхъ! Совершить помолвку было бы не такъ-то ловко въ

Петербургъ. Вотъ вы вспомнили, что у васъ есть въ этой глуши деревня... Вы отправились сюда, далеко отъ вашей родни, отъ блистательныхъ связей вашихъ, и задали пиръ себѣ на славу, чтобы здѣшніе вамъ удивлялись, и обручили насъ для сѣтху, чтобы удобнѣе насъ разстроить. Тогда, конечно, я не ясно постигала вашу продѣлку, я только смутно предчувствовала, что мнѣ готовится страшное горе отъ такой страшной доброты вашей, и горе разразилось надъ моей головою!... да какъ ужасно!... О!... чувствуете ли вы, до какой степени я ненавижу васъ!...

Александрина остановилась, подавленная гнѣвомъ и страданіемъ. Солнѣжева, будучи поражена силою этой рѣчи, прямо вылившаяся изъ болѣзненнаго сердца, едва собралась съ духомъ сказать:

— Я тутъ ни въ чемъ не виновата.... это клевета. Вы несправедливы ко мнѣ, Александрина. Съ чего вы могли все это взять?...

— Клевета? возразила съ новымъ припадомъ вспыльчивости Александрина. И вы можете говорить мнѣ это въ глаза?... А кто увѣрилъ Адріана, что я выхожу за него изъ тщеславія, изъ нестолубія, изъ низкой корысти?... что я тайно люблю Любакова, которому я черезъ васъ же отказала? О! вы веди дѣла съ непостижимымъ искусствомъ! У васъ все это шло какъ бы само собой. Вы остановились въ К— на нѣсколько дней, будто бы случайно, подъ предлогомъ, что у васъ тамъ много знакомыхъ, а собственно только потому что тамъ находились Любаковы. Вы отправились съ Адріаномъ на обѣдъ и оставили меня дома, будто бы изъ нѣжной заботливости о моемъ здоровьѣ. Между-тѣмъ Адріану вы сказали, что я не хочу ѣхать изъ каприза, а Любакова, мать, была вами предварена, что я одна, что она и сынъ ея могутъ со мной видѣться, что я люблю ея сына, но только не смѣю обнаружить этого чувства, чтобы не раздражать безумной страсти Адріана, готоваго рѣшиться на всѣ крайности. Я не обвиняю Любаковой за то, что она слѣпо повѣрила вамъ и послѣдовала вашимъ совѣтамъ: она обожаетъ сына, а тотъ изнываетъ отъ любви.... Я прощаю и Адріану, который зналъ васъ лучше, чѣмъ Лю-

бикова, непростительное доверіе его къ вашимъ словамъ, онъ былъ ослѣпленъ ревностью, которую, увѣрилъ, что вы всеумолимо раздвигали въ немъ. Этотъ ужасный день, заранѣе вами подготовленный, долженъ былъ удостовѣрить его въ моемъ коварствѣ. Вы невзначай воротились въ гостиницу съ Адрианомъ, такъ, чтобы еще застать Любаковыхъ у меня и показать Адриану, что я воспользовалась предложеньемъ нездоровья для свиданія съ предметомъ тайной любви. Вы сами поскорѣе выпроводили Любаковыхъ, чтобы придать ихъ быстрому отъезду видъ побѣгу отъ вашего племянника, который будто бы хотѣлъ убить соперника и побѣжалъ за пистолетами въ свой номеръ, тогда какъ онъ, несчастный, побѣжалъ влукать и рвать на себя волосы. Какъ же это вамъ, при такой тонкости ума, не сообразить было, что все это выйдетъ наружу, что люди скоро объяснятся, и предадутъ васъ презрѣвію? Я удивляюсь!... Для подозрительнаго и ревниваго характера Адриана, котораго вы настроили, этого было достаточно. Вы не дали ему времени ни повидаться, ни переговорить со мной, и пока я была въ страшномъ волненіи, перепуганная случившимся, вы потихоньку увезли его съ собой. Вы бросили меня одну въ К—въ, и простерли коварство до того, что еще написали сладенькое, трогательное письмо къ Любаковой, эти черныя страницы, исполненныя ядовитой подложной нѣжности ко мнѣ, вашей жертвѣ, которыми вы свою „дорогую“, „несравненную“ Александрина оставляли на ея попеченіе. Убивая меня, вы еще надѣялись, что свѣтъ, читая это безстыдное письмо, преклонитъ колѣна передъ вашимъ великодушіемъ и станетъ прославлять безпримѣрную доброту вашу. Вы много и очень ловко надували свѣтъ, но на этотъ разъ вы ошиблись: свѣтъ отстранился отъ васъ съ ужасомъ.... Не будь Любакова такая благородная и почтенная женщина, не знаю, гдѣ я бы находилась теперь... Ужасно подумать! Не смотря на обманъ дражайшихъ мечтъ ея, при всемъ съ моей стороны отсутствіи расположенія къ ея сыну, она явилась второю матерью для меня. Но я была невозвратно погублена въ Адриановыхъ глазахъ. Жить подъ одной кровлей съ его соперникомъ, не значило ли оправдать все то, что вы ему наклеветали на

меня? А дѣваться мнѣ было некуда.... Вотъ ваши подвиги!.. Сбѣете ли вы отвергать ихъ?... Но вамъ не пришла въ голову одна вещь : вы не подумали, что можетъ найтись чело-вѣкъ, который разрушитъ ваши ковы, благородно предло-жить свою руку жертвѣ, и дать мнѣ богатство, отъ ко-торого ваша участь будетъ потомъ въ моихъ рукахъ.... Да! среди вашихъ безконечныхъ хитростей, вы забыли еще од-но.... предположить въ людяхъ какую-нибудь догадливость; вы вообразили, что если не я, такъ другіе повѣрятъ за ме-ня той запискѣ, которую при отъѣздѣ вы удостоили при-слать, ко мнѣ и гдѣ такъ наивно желаете мнѣ найти счастье съ тѣмъ, кого я предпочла вашему племяннику. Обо мнѣ и говорить нечего: вы считали меня такой ограничен-ной, что послѣ такихъ продѣлокъ являетесь ко мнѣ какъ ни въ чемъ не бывало, приходите смѣло спросить, не захочетъ ли та, которую вы безсовѣстно уничтожили, спасти васъ отъ позору... потому что для вашего тщеславія бѣдность — по-зоръ. Но, Александрина, по вашей милости, пропитана вся ненавистью и жолчью; ей отрадно вамъ отказать....

И, поклонившись ей гордо, Александрина встала, вышла въ другую комнату и затворила дверь.

Если съ Солнѣжевой не сдѣлался истерическій припадокъ, если она не выцарапала ей глазъ, если не выскочила въ окошко, такъ это только потому, что ей нужны были день-ги. Неотразимое желаніе выпутаться изъ тысячи униженій, которыми угрожали ей ждныя сердца кредиторскія, преодо-лѣло всю досаду. Не моимъ скудоумнымъ перомъ описать, не вашимъ смысленнымъ разумомъ разгадать, какая буря зло-бы и горя бушевала въ ея мрачной душѣ, когда она, почти не владея собою, сошла къ Надеждѣ въ садъ. О! когда бы она предчувствовала, что всѣ тайны ея — въ рукахъ Александрины! Кто знаетъ этотъ изворотливый и ничѣмъ неустрашимый харак-теръ, тонко наслоенный изъ тщеславія, коварства и эгоизма, того не удивить странное обращеніе графини къ Надеждѣ, ко-торое медленно за этимъ послѣдовало. Другаго средства Сол-нѣжевой не оставалось. Дѣяніе Надежды и Эмануэля были до-вольно извѣстны ей по столичнымъ сплетнямъ, которыя по-дробностью и занимательностью своей ничуть не уступаютъ

вѣннѣ провинціалнѣмъ. Теперь его неожиданный прїѣздъ, его пребываніе, дружба жены его съ Надеждою, все это заставляло предполагать Солнѣжеву, плохо вѣрившую въ самоотверженіе, что здѣсь должна происходить одна изъ тѣхъ тайныхъ драмъ, которыя иногда происходятъ въ свѣтѣ, какъ это не только описано въ „Парижскихъ“ и другихъ вѣснѣхъ извѣстныхъ „Тайнахъ“, но и лично было ей вѣдомо изъ опыта. Ей и въ голову не приходило, чтобы въ ту минуту, какъ она будетъ являться къ Надеждѣ съ просьбой о склоненіи Эммануэля къ займу, Надежда рѣшилась не видѣть Эммануэля болѣе во всю жизнь. О поступкѣ ея съ Надеждой и съ Кларой я скажу только то, что она вытерпѣвъ такое страшное униженіе находилась въ раздраженіи близкомъ къ вошшателъству. Когда мы виноваты, надо же, чтобы кто-нибудь воцлатился за это. Когда мы страдаемъ, весь свѣтъ долженъ страдать вмѣстѣ съ нами, если ужъ нельзя заставить его страдать за насъ. Александрина жестоко обидѣла Солнѣжеву, обнаруженіемъ ея гнуснаго предательства: слѣдовательно Надежда и Клара, какъ первыя попавшіяся, должны быть наказаны — тѣмъ справедливѣе, и тѣмъ ужаснѣе, что онѣ не даютъ денегъ. Чтѣ же болѣе дѣлать, когда обанкрутились, какъ не поссорить смертельно съ отчаянія двухъ по-другъ? Скажите сами, чтѣ?

Жена Эммануэля, стоя передъ Надеждой, медленно подняла опущенную головку, и съ выраженіемъ горькой ироніи, сказала небрежно:

— Какъ давно влюблены вы въ моего мужа? мнѣ очень любопытно это знать...

При этихъ оскорбительныхъ словахъ, яркая краска разлилась по щекамъ Надежды; по это была вспышка минутнаго негодованія. Лицо ея почти тотчасъ же приняло свое нормальное, холодное состояніе: только легкое дрожаніе губъ, когда она отвѣчала Кларѣ, показывало, что душа не такъ спокойна, какъ всегда.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказала она горделиво, что я вамъ не дала никакого права сдѣлать мнѣ такой вопросъ.

Голось, выраженіе, вся паружность Надежды были до то-

го исполнены достоинства и благородства, что Клара смутилась. Сомнѣніе въ справедливости наѣтовъ зашло въ умъ. Глаза устремились на Надежду, полные тоски и безпокойства.

— Именемъ всего священнаго! прошептала она: скажите мнѣ по чистой совѣсти, положи руку на сердце, любите вы моего мужа или нѣтъ?

— Я скажу вамъ еще разъ, отвѣчала Надежда съ легкимъ румянцемъ, что такіе вопросы вы не вправе дѣлать мнѣ.

— Такъ это правда! вскричала Клара, закрывая лицо руками: эта женщина сказала правду!

— Я не знаю, что она вамъ сказала, только я не думаю, чтобы вы такъ скоро повѣрили словамъ совершенно чуждой и неизвѣстной вамъ особы.

— Я должна вѣрить поневолю, когда ваши уклончивые отвѣты подтверждаютъ ея слова.

— На такіе вопросы развѣ можно отвѣчать однимъ словомъ? Да и кто можетъ требовать отчета въ моихъ чувствахъ?...

— Кто можетъ?... Та, которую оскорбляютъ эти чувства!

— Оскорблять я не способна, а до моихъ чувствъ никому дѣла нѣтъ.

— Нѣтъ дѣла? вскричала Клара съ огорченіемъ: такъ по вашему я должна равнодушно терпѣть...

— Что терпѣть? прервала Надежда, съ твердостью устремивъ на нее глаза: что должны вы терпѣть равнодушно? Развѣ я подала или подаю вамъ поводъ подозрѣвать меня? Развѣ я сдѣлала хоть одинъ шагъ, противный моей чести или вашему счастью? О! не безпокойтесь; я такъ горда, что не коснусь до чужихъ драгоценностей.

— Но, говорятъ, что эти драгоценности принадлежали вамъ прежде...

— Быть-можетъ. Пока Эммануэль не зналъ васъ, онъ могъ принадлежать всякой, кому угодно. Меня вы не знаете, но знаете его: и я спрашиваю васъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ вы его знаете, дѣлѣ ли онъ вамъ чѣмъ-нибудь право, къ обиднымъ и недостойнымъ его подозрѣніямъ? Неужели съ вашей

неодолима, съ вашей удивительною красотою, съ вашей грацией, вы еще не заставили его забыть о томъ, что было? и полюбить одну васъ, Клара?... Нетъ, этого не можетъ быть, вашъ мужъ долженъ любить васъ непротвѣнно, точно такъ же, какъ вы должны любить этого превосходнаго, рѣднаго человека. А если такъ, что вамъ за нужда знать, кого въ душѣ любить или не любить другія? Съ какой стати обращаете вниманіе на слова злыхъ женщинъ?... Послушайте, вотъ вамъ моя рука.... памятью умершей матери моей кланусь, что способствіемъ вашего не возмущу я никогда. Препреже до васъ не касается нисколько, а за будущее я ручаюсь вамъ....

Клара была еще такъ молода и такъ чиста душою, что послѣ этого торжественнаго увѣренія сомнѣваться она не могла. Съ порывомъ раскаянія протянула она Надеждѣ руку.

— Простите! сказала она: я вижу, что вы благородны и добры; забудьте мои оскорбительныя слова.... я виновата.... забудьте, пожалуйста!

Клара заплакала.

— Затѣмъ же вы плачете, милая Клара? сказала Надежда, ласково обнявъ ее рукой. Вспомните, что вы моложе меня почти десятью годами, и что вы такъ хороши, какъ я не бывала никогда; а любящая красота можетъ многое сдѣлать въ мужины, другъ мой! Красота — сила, мой другъ; сила тѣмъ могущественнѣе, что она — сила нравственная и действуетъ прямо на душу. Она движетъ свѣтъ: все смиряется передъ прекраснымъ, все ему повинуется. О! красота — высокій санъ въ природѣ. Благодарите Бога, что онъ создалъ васъ такою какъ вы есть, вамъ досталась славная доля въ жизни; ваше счастье въ вашихъ рукахъ.

— Да! если бы мнѣ предстояло бороться только съ женщинами! отвѣчала Клара, пренимъ надувъ губки: но что могутъ молодость или красота противъ пристрастій, противъ предпочтеній? Положилъ, что Эмиануэль любить меня одну изъ всѣхъ: все-таки есть на свѣтѣ вещь, которую онъ предпочтетъ мнѣ. О! николю не пожелаю я быть женою знаменитаго мужчины, будь онъ живописецъ, литераторъ, музыкантъ или кто другой.

— Это почему?... перебила Надежда въ изумленіи. Что́ это вы, Клара?... вамъ ли говорить?...

— О! да! скучно женамъ ихъ на свѣтъ! Не только скучно, но и невыносимо....

— Отчего?...

— Оттого, что тогда мысли мужа принадлежать не женѣ, а его дѣлу, искусству. Грустно жить, какъ я живу. Вѣсто того чтобы наслаждаться со мною жизнью, которая могла бы быть очаровательна, если бы только онъ захотѣлъ, мужъ мой не отходить отъ своего малбрета. Для счастья ему недоста-точно одной любви.

— Да вѣдь онъ не женщина, мой другъ! Что же это за мужчина, который занимается одною только любовью? Какая женщина могла бы вынести его? Неужели вы думаете, что ушному и даровитому мужчине, если бы даже онъ не былъ геніальнымъ человѣкомъ, умъ и дарованіе даны только для того, чтобы цѣловаться съ женами? Вы забываете, что дѣйствіе — назначеніе мужчины, элементъ его натуры; мужчина безъ дѣйствія, безъ подвиговъ умственныхъ или физическихъ — кукла, болванъ, ничтожный автоматъ. Мужское дѣйствіе необходимо для собственнаго нашего наслажденія и блага. Каковъ былъ бы свѣтъ, если бы мужчины не дѣйствовали? Даже это милое шелковое платье, которое такъ къ лицу вамъ.... вотъ тюль... эта чудесная ленточка — изобрѣтеніе и произведеніе мужскаго дѣйствія. Ихъ дѣло, Клара — подвизаться, для того чтобы мы ихъ любили. А подвиги развѣ безъ труда совершаются? Сколько нужно науки, терпѣнія, опытности, усилій, чтобы произвестъ что-нибудь хорошее или полезное! Имъ суждено трудиться въ потъ чела: такъ пусть ихъ трудятся — не надо мѣшать имъ — станемте лучше смотреть, да наслаждаться тѣмъ, что они дѣлаютъ славнаго. Отличнѣйшимъ изъ нихъ наградою за успѣхъ отъ насъ — любовь, отъ мужчинъ — слава.... награда, совершенно мужская, украшенная вѣнками, отравленная зависгами, клеветою, преслѣдованіями, терзаніями, и которою въ послѣднемъ результатѣ однѣ мы пользуемся для наслажденія, для чистѣйшихъ и лучншихъ восторговъ души. Мужчины приобрѣтаютъ славу черезъ труды, черезъ пытку, че-

ровъ мученицъ, поддерживая на нее покой, здоровье, жизненныя силы, жертвуя удовольствіями, отказываясь отъ разлѣтчивой и потѣхъ, а мы гордимся славою въ любимомъ человѣкѣ, мы убираемъ ею наши чела, перевивъ алмазомъ и золотомъ, мы черезъ нее получаемъ поклоны и уваженіе свѣта. Даровитый мужчина — краса человѣчества, и тутъ же, жертва ему, избранная рукою самой природы: оно-то должно воспользоваться, для общаго блага, его изобрѣтеніями, его свѣтлыми мыслями, его великимъ искусствомъ; оно-то будетъ жить долго и отрадно его трудомъ, умомъ и словомъ; а онъ!... вся его отрада — наша любовь, нашъ восторгъ!... потому что только нашъ женскій восторгъ чистъ, незапятнанъ завистью, не искаженъ злобою. Слава — горе, мой другъ, но горе необходимое, для одушевленія гевія, ума и таланта мужчинъ и для настоящаго счастья женщинъ. Мы вполне счастливы... совѣстно сказать, Клара!... только изъ великихъ горей. Мужчина долженъ, обязанъ, поддерживать новыми успѣхами однажды пріобрѣтенную славу, а мы обязаны хранить ее свято, въ неприкосновенной дѣлности, какъ залогъ ввѣренный Богомъ нашей нѣжной заботливости, нашему дѣланію. Развѣ Эммануэль поддержитъ свое славное имя, если станетъ проводить жизнь у вашихъ ногъ? Какъ! Богъ призвалъ васъ быть подругою человѣку, которому расточилъ онъ драгоцѣннѣйшіе дары свои, и вы не цѣните этого завиднаго положенія, вы не сочувствуете мужу въ его чудесныхъ трудахъ, не вдыхаете его свѣтлыхъ мыслей, не волнуетесь волненіемъ его вдохновеній, не одобряете того, что онъ такъ благородно преданъ своему искусству, что снѣ такъ добросовѣстно исполняетъ долгъ высокой организаціи, возложенный на него природою, что онъ не зарывается въ землю или не проматываетъ на балахъ сокровищъ своего генія?... Ахъ. Клара!... мнѣ жаль вашего мужа!... вы не поняли его!...

Клара слушала молча, едва переводя духъ. Она постигла все нравственное превосходство Надежды передъ собою. Она поняла, какое впечатлѣніе эта особа должна была оставить въ Эммануэлевой душѣ. Онѣ разстались друзьями, но объ рѣзросившимъ чрезвычайно, та не сомнѣвалась въ благородномъ

общави Надежды, но увѣренная, что не въ силахъ заставить мужа позабыть Надежду, другая, печальная за участь гениальнаго и чудеснаго мужчины, который достался кушави. Теперь слова Фелицы стали ей лены. У Клары было все, что нужно для домашняго блаженства; но для домашняго блаженства Эммануэла въ ней не доставало одного — того одного, безъ котораго и молодость и красота остаются вѣдомъ мебелью, столярною работою, громоздкою и мелочною рухлядью. Это одно зовется сочувствіемъ всему умному. Бѣдный Эммануэль! А между-тѣмъ я знаю очень умныхъ мужчинъ, которые увѣряютъ, что для домашняго обиходу умъ въ женщинѣ не нуженъ!

VIII.

Пока это происходило между Klarой и Надной, Ринальдо совершалъ славный подвигъ, казавшійся ему самому неистовѣйшимъ: геркулесовскій подвигъ — добиться до тѣлу съ избалованной, капризной и раздраженной женщиной.

Когда онъ вошелъ къ Александриѣ послѣ графини, Тьотова такъ горько плакала, такъ страшно страдала, что домашній другъ не осмѣливался первый заговорить съ ней.

— Боже мой! вскричала она съ нетерпѣніемъ: мнѣ и здѣсь покою не даютъ! Я нездорова, я никого не принимаю! Зачѣмъ вы здѣсь? Сдѣлайте одолженіе, подите прочь. Я не хочу васъ видѣть.

— Я не разположенъ уходить, отвѣчалъ Павелъ Антоновичъ, зажигая спичку и раскуривая сигару. Мнѣ было скучно съ вашими мужемъ; я пріѣхалъ къ вамъ.

— Я хочу плакать.... уйдите!...

— Плачьте.... это здорово; и я буду смотрѣть и слышать. Мнѣ кажется, что вы изволите быть ужасно сердиты.... на кого, позвольте узнать?

— На всѣхъ скучныхъ, несносныхъ, нестерпимыхъ, безсовѣстныхъ, безчеловѣчныхъ...

— О! о!... на скучныхъ?... такъ это къ мнѣ не относится.... Вашъ мужъ подарилъ мнѣ отличныя сигарки за то, чтобы

я услокодитъ вѣщъ гнѣвъ, воротилъ васъ къ чувствѣ крот-
 кинь и умилительнымъ. За первую сигарку, я долженъ пред-
 ставить вамъ, что сердиться не хорошо. Самая прекрасная
 женщина въ сердцахъ — уморительная карриатура. Можете
 мнѣ повѣрить: я — знатокъ дѣла. Вы такъ миль, молоды,
 умны, съ душой, сердцемъ, вы могли бы считаться между
 хорошецькими, если бѣ не вредили своей наружности вѣчными
 слезами и вспышками. Зачѣмъ добровольно портить себѣ жизнь?
 разстроивать здоровье, коверкать черты, малодушно изнывать
 въ честь тому, что прошло или чему не бывать. Древняя
 мудрость говоритъ....

— Вы кричали, читать мнѣ нравоченія?

— Это только за первую сигару. Что касается до вто-
 рой, то я хочу, чтобы вы купили мнѣне Сожизнеловой.

— Вы хотите?

— Да! я хочу!... я, или вамъ мужъ... это все-равно: мы
 — одна душа въ двухъ разныхъ тѣлахъ. Что я желаю, то
 желаетъ и онъ.

— Онъ желаетъ, чтобы я купила?

— Этого я не знаю... но долженъ желать, какъ мнѣ при-
 шло такое желаніе.

— А я вовсе не намѣрена исполнять вашего желанія.

— Вы должны.

— Должна?... Что это такое?

— Такъ нужно. Польза ваша огромна и ясна. Купите не-
 временно.

— Не хочу.

— Если вы меня любите.

— Подите вы!

— Если любите меня и мужа.

— Въ эту минуту я всѣхъ ненавижу.

— Вотъ и дѣло! Такъ покупайте изъ ненависти ко всѣмъ,
 то-есть, изъ любви къ самой себѣ. Тутъ столько разныхъ
 выгодъ....

— Никогда! Полноте приставать ко мнѣ съ своими выго-
 дами да пользами. Не хочу купить... не могу!... и дѣло кончено.

— А! дѣло кончено!... Такъ оно, значить, прекрасно на-

чинается. Я люблю все начинать съ конца. Слѣдовательно, вы не покупаете?

— Вы угадали съ удивительною проницательностью.

— Такъ дайте мнѣ вашъ банковый билетъ.

— Зачѣмъ?

— Я покупаю это иштѣе для васъ.

— Вы съ ума сошли, что ли? Говорю вамъ, что я не хочу... не могу... Я сказала бы вамъ даже, этого и невоз-можно, но вы не поймете меня.

— Я такой тупой!

— Хотя не тупой, а все-таки вы не въ состояніи пони-мать, потому что для этого нужно знать разныя обстоятель-ства...

— Которыя мнѣ въ совершенствѣ извѣстны. И потому именно, что знаю эти обстоятельства, я говорю вамъ, что надо купить. Это необходимо, неизбежно, это уже рѣшено.

— Кѣмъ?... позвольте спросить.

— Мною и вашимъ мужемъ!

— Ахъ, я несчастна!... такъ онъ вамъ рассказалъ всѣ наши секреты?

— Развѣ между нами могутъ быть секреты... «и!»... одна душа!... такая дружба, что и ни кто не разберетъ!...

— Какой онъ болтунъ!... Но теперь вы понимаете, по-чѣму я такъ люблю его?

— Я знаю, что онъ предложилъ вамъ свою руку изъ негодованія на эту жепщину, чтобы доставить вамъ неза-висимость, чтобы изгладить изъ вашей памяти ея низкій поступокъ съ вами. Знаю также, какъ вы благородно при-няли благородное предложеніе. Это дѣлаетъ вамъ обонія честь... жаль только, что Степанъ Ивановичъ, будучи погруженъ всю жизнь въ дѣла, не имѣлъ времени ознакомиться съ человѣческимъ сердцемъ, и вздумалъ доставить вамъ горькое в опасное удовольствіе вылить желчь на эту жепщину, ви-дѣть ее униженною вами: вотъ цѣль, для которой онъ прислалъ ее сюда. Мерзкихъ людей не исправишь высказываніями истинъ въ глаза: напротивъ, они становятся еще злѣе. Кто знаетъ! Солнѣжева въ эту минуту, изъ досады на себя, и въ бѣ-шенствѣ на васъ, можетъ-быть сдѣлала уже кого-нибудь

несчастныиъ.... кого-нибудь совѣтъ невиннаго. Змѣй дразнить не надо. Истины должны сидѣть тамъ, гдѣ имъ вѣльно, на днѣ колодца. Вы, я вижу, удивляетесь моей мудрости?

— Какъ же!... ужасно!... Я никогда не предполагала, что-бы вы могли сказать что-нибудь умное.

— Я говорю умное только въ экстренныхъ случаяхъ, это изъ кокетства. Зато вы меня и обожали.

— Не очень.

— Подите! вы не понимаете себя самой. Вы безъ меня жить не можете. Ну, кто бы вамъ преподавалъ, безъ меня, такіе мудреные совѣты?... Слушайте же меня со вниманіемъ, съ умиленіемъ: вы покупаете это имѣнье...

— Не покупаю!... Что это такое? За что это я стану оказывать благодѣяніе, злѣйшему моему врагу, моей губительницѣ? Это значило бы вырвать ее изъ нищеты.

— Именно за тѣмъ, что она врагъ вамъ и что вы ненавидите ее.

— Я еще не дошла до такого нравственнаго совершенства!

— Такъ надо дойти.... слушайте только меня, и вы, подъ моиъ руководствомъ, совершите столько высокаго и прекраснаго.... И такъ я говорю: вы покупаете имѣнье графини, стеряди ея становятся нашими, мы варимъ изъ нихъ славную уху, которою кормимъ всю губернію. Какъ ли велико будетъ это благодѣяніе для графини, все же вы окажете этимъ большое благодѣяніе самимъ себѣ. Это, по моиъ соображеніямъ, единственное средство сдѣлать въ васъ великій нравственный переворотъ, вырвать изъ вашего сердца чувство гадкое, противное, которое, разстроивъ ваше здоровье, испортивъ вашъ характеръ, засушитъ васъ до крайности и напоследокъ убьетъ. Какъ! въ ваши лѣта такъ упорно, такъ ожесточенно ненавидѣть?... Сжальтесь надъ собой!

— Не я развила это чувство въ себѣ.... я не виновата.

— Кто бы не развила злую болѣзнь, а благоразуміе желтъ уничтожить ее какъ-можно скорѣе. Это долгъ нашъ въ отношеніи къ Богу. Надо простить.

— Но, почтеннѣйшій учитель, грустно возразила Александра, простить значитъ забыть; а во мнѣ прошедшее

еще такъ живо, что жалѣйшее напоминаніе выводитъ меня изъ себя.... Помните ли въ какое состояніе привели меня, напримѣръ, эти брилліанты, которые я получила, тогда, при васъ?... Эта вещь предназначалась графиней для невесты графа Адріана, то-есть, будто-бы для меня.... Она случайно попала къ нашему корресподенту.... крайность заставила графиню продавать свои драгоценности и эти брилліанты были куплены для меня. Какъ они ни чудесны, я ужаснулась ихъ какъ змѣи.... я не могла надѣть ихъ.... ни за что на свѣтѣ.... меня язвило одно къ нимъ прикосновеніе.... Видите, до какой степени я раздражена! какъ еще я страдаю!... Могу ли я забыть?...

— Такъ вы думаете что лучше и благоразумнѣе, изъ-за того что на свѣтѣ существуетъ какая-нибудь злая женщина, мучиться всю жизнь, страдать, волноваться, терпѣть желчныя припадки? Нѣтъ, вы ошибаетесь, Александра Львовна; вы дурно знаете себя. Вы религіозны и чувствуете сами, что религія тамъ нѣтъ, гдѣ есть ненависть. Мысль, что вы добровольно заплатили за зло, мысль, что вы спасли тѣхъ, кого имѣли право ненавидѣть, непременно окажетъ то чудесное дѣйствіе, котораго отъ нея ожидаетъ наша религія для нашего же счастья, успокоитъ васъ, изгладитъ изъ сердца если не случайное страданіе, то по-крайней мѣрѣ постоянный ѣдкій, язвительный гнѣвъ?... Если этого не случится, такъ стало-быть въ васъ нѣтъ свѣтлаго, святаго чувства всего добраго и прекраснаго. Но оно въ васъ есть, я понимаю васъ лучше, чѣмъ вы себя понимаете. Вспомните мое слово: мечь, такая какъ вы ее избрали, заставитъ васъ когда-нибудь.... когда вы достигнете моей мудрости.... клянусь вамъ.... краснѣть за себя. Забвеніе — спасеніе! Это говоритъ вамъ Риналковъ.... карикатуристъ.... презлѣйшее и предобрѣйшее сердце подъ дуною.... и притомъ совершенно вамъ преданное.... которое тутъ же и кланяется всенижайше.

Полагая, что сказалъ довольно, Риналковъ дружески пожалъ руку Александринѣ, и уѣхалъ.

Тронутая словами этого страннаго но необыкновенно милого человѣка, котораго мнѣнія, ссорясь съ нимъ до слезъ и хохоча до упаду, привыкла она уважать, Александрина вспо-

инна о покойномъ отцѣ своемъ, нѣкогда благодѣтельствовавшимъ графиней. Это расшевелило сердце ея, уже утомившееся ненавядь. Она вскочила и быстро набросала на бумагу, одна въ тиши ночной :

„Прилагаемый билетъ въ сто тысячъ рублей, я посылаю на выкупъ вашего имѣнія. Мы съ мужемъ не имѣемъ на имѣнія здѣсь поселиться и потому имѣнія этого я не продаю, а прошу принять эту сумму отъ меня, если угодно, въ займы. Выплату капитала безъ процентовъ, я предоставляю вашей возможности, и полагаю только одно условіе : это имѣніе должно быть немедленно переписано на имя графа Адриана и находиться еще при вашей жизни въ распоряженіи одного его.“

IX.

Не знаю, что разсказалъ Риналковъ Тѣстову, возвратившись отъ Александрины, только Степанъ Ивановичъ пріѣхалъ на другой день, къ женѣ, не въ духѣ, недовольный, разсерженный.

— Душечка! сказалъ онъ, цѣлуя блѣдное личико Александрины : виновать я передъ тобой ; хотѣлъ къ лучшему сдѣлать.... прислалъ утѣшать, а онъ вѣсто того, наговорилъ тебѣ всякаго вздору.... этакой чудакъ! А я считалъ его ученымъ человекомъ.... Вотъ поди, разбери нынѣшнюю-то молодежь!

— Про кого ты говоришь, другъ мой?... Что такое?...

— Да про Павла-то Антоновича.... Хорошъ пріятель! какихъ совѣтовъ тебѣ надавалъ! Что, я говорю, словно она отдала графиню? А онъ: Отдѣлать-то, я чай, отдала порядкомъ, да я же и наказалъ ее за это, уговорилъ ее вправду купить имѣнье графини, о которомъ у васъ шелъ торгъ только для смѣху, для мести, для униженія ея. Тутъ и пошелъ мнѣ чепуху такую, что у меня, просто, голова пошла кругомъ. Вы, говорить, будете мнѣ благодарны, да и сами, говорить, должны непремѣнно заставить ее покончить дѣло.... Разстроилъ онъ, я думаю, тебя, моя золотая душка, ужасно такими пустиками! Да ты не слушай его, береги себя....

— Напротивъ, онъ прекрасно присовѣтовалъ мнѣ, другъ мой; я стала спокойнѣе съ-тѣхъ-поръ....

— Съ которыхъ поръ? вскричалъ испугавшись Степанъ Ивановичъ: ужъ онъ, чего добраго, вертопрахъ, точно не взбаламутилъ ли тебя купить?...

— Нѣтъ, зачѣмъ покупать, когда мы здѣсь недолго остаемся?... Я отдала ей эти деньги въ займы....

— Отдала въ займы?... Какъ?... что?...

— Да, другъ мой, я вчера же отослала....

— Отослала.... что?...

— Мой билетъ.

Степанъ Ивановичъ нѣсколько мгновений былъ нѣтъ отъ испугу. Потомъ оцѣматовавшись, вскричалъ:

— Да полно! ты это, такъ, меня пугаешь, Саша!

— Я говорю серіозно, мой другъ.

— Саша! Саша! что ты это надѣлала?... какъ это ты отослала?... безъ векселя, безъ закладной?

— А развѣ это нужно.... въ добромъ дѣлѣ? спросила Александрина, прелестно улыбаясь. Я не знала, другъ мой, извини!...

И она бросилась къ нему на шею. Цѣлуя и ласкаясь, она увѣряла мужа, что предосторожности этого рода излишни въ настоящемъ случаѣ: въ этотъ разъ графиня не обманетъ; она такъ горда, что не захочетъ присвоить себѣ деньги Александрины, но Степанъ Ивановичъ не отвѣчалъ ни на ея слова, ни на поцѣлуи. Онъ сидѣлъ молча съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Боже мой! въ самомъ дѣлѣ, что я надѣлала! вскричала съ огорченіемъ Александрина. Какъ теперь быть?... Послушай.... я согласна не тратить впередъ ни копѣйки, я буду отказывать себѣ во всемъ, я продамъ всѣ мои цѣнныя вещи: только бы пополнить эту сумму, которой тебѣ такъ жаль....

— Жаль мнѣ не денегъ, отвѣчалъ Степанъ Ивановичъ уныло: жаль мнѣ самого себя!...

Александрина не спускала съ него глазъ, не постигая что съ нимъ сталося.

— Надо было сообразить это заранѣе, продолжалъ Тѣ-

своемъ со вдохомъ. Гдѣ ужъ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ тѣпаться за нѣтъшнеею молодежью?... Они все такіе ученые!... а нецѣ по училищу вичоу....

— Радн Бога.... что съ тобою?... говорила встревоженная Александрина. Какая молодежь?... Что тебѣ за дѣло до ученыхъ?... Ты для меня и моложе и ученѣе всѣхъ....

— Гдѣ ужъ мнѣ!... повторялъ Степанъ Ивановичъ. Я не умѣю говорить красно.

— Перестань! шептала Александрина: перестань! Если ты шутишь, то такіе шуточки неумѣстны; если же ты говоришь вправду.... нѣтъ.... нѣтъ.... о! вѣрно нѣтъ!... ты не серьезно говоришь!... И она сильно сжала руку мужа, дрожа, блѣднѣла, готова была зарыдать.

— Что тревожишься? говорилъ Степанъ Ивановичъ, тихонько освобождая свою руку: развѣ я обидѣть тебя хочу? развѣ я не понимаю, что я тебѣ не пара.... Я человекъ прѣстой.... хотѣлъ бы угодить тебѣ какъ слѣдуетъ, какъ должно; да умѣнья нѣтъ.... Вотъ и сгрустнулось мнѣ, Саша!.. Ты не знаешь, какъ ты мнѣ дорога!... дороже золота, дороже всего на свѣтѣ!... Гдѣ тебѣ знать, какъ я тебя люблю!

Степанъ Ивановичъ опустилъ голову и прослезился. Александрина птичкою вспорхнула къ нему на колѣна и нѣжно прижалась къ его груди.

— Не плачь! говорила она, покрывая поцѣлуями его толстыя щеки, не плачь, мой голубчикъ!... если ты такъ любишь жену, дрянную, капризную, больную, то посуди, какъ я должна любить такого добраго, милаго, нѣжнаго мужа.... Скажи, что сдѣлалось съ тобой?

Степанъ Ивановичъ началъ толковать по своему, свою, мѣкъ онъ говорилъ, сердечную зазную. Онъ сталъ увѣрять жену, что она любить его не можетъ: онъ такой дуракъ!... такой болванъ!... у него на умѣ было только то, какъ бы ласковымъ графинѣ, какъ-бы уничтожить ее.... онъ думалъ объ обидѣ и поручилъ Ринакову ищеніе.... а Ринаковъ.... вотъ что значить ученіе!... изъ его мерзкаго злобнаго чувства, сумѣлъ сдѣлать чувство благородное, изъ его коварнаго

поступка — дѣло доброе, благое, христіанское.... дѣло лестное для характера Александрины и для чести откупщика. — Доброе-то сердце у меня есть, повторяя Тьстовъ, да ученя, художества нѣтъ: вотъ мое горе! Не догадался. А посмотри-ка Риналковъ!... на головѣ кажись возъ сѣна, на человѣка не похожъ, а подъ этимъ сѣномъ — какой разумъ! Тотчасъ смекнулъ какъ надо поступить.... пристыдилъ меня!... Я краснѣю за себя передъ тобою. Нѣтъ, ты меня не можешь любить!...

Александрина, въ живѣйшемъ восторгѣ, соскочила на землю и ставъ передъ мужемъ на колѣни, обняла его съ чувствомъ удивленія и преданности, готова была цѣловать его ноги. Но Тьстовъ не унимался. Онъ все горевалъ. Ему казалось, что ученый Риналковъ долженъ непременно нравиться ученой Александринѣ гораздо болѣе чѣмъ онъ, неучъ, чучело! Онъ никакъ не смѣлъ ставить себя съ ихъ домашнимъ другомъ паравиѣ ни въ какомъ отношеніи. Павелъ Антоновичъ такой молодецъ собою, а онъ, Степанъ Ивановичъ, все не красивъ. У Павла Антоновича волосы-то какіе!... всѣ стоятъ вверхъ!... а у него, Степана Ивановича, волоски рѣденькія, вглядъ, голова насквозь, и скоро будетъ совсѣмъ лысая. У Павла Антоновича глаза блестятъ какъ огонь, а онъ Степанъ Ивановичъ не умѣетъ и порядкомъ взглянуть. А главное-то Павелъ Антоновичъ мастеръ подпускать турымы на колесахъ: рѣчь льется у него словно свѣтлый ручеекъ, тогда какъ онъ, Степанъ Ивановичъ, говоритъ просто, не искусно по-русски. — Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ Тьстовъ, женщинѣ никакъ нельзя любить человѣка, который съ ней не по-французски говоритъ. Наверное Павелъ Антоновичъ и растолковалъ тебѣ все это, и уговорилъ тебя по-французски. На русскомъ діалектѣ такихъ вещей не догадаешься, и, догадавшись даже не знаешь, какъ высказать, съ чего начать разговоръ.

Зажавъ мужу ротъ рукою, Александрина не дала ему продолжать, снова повисла у него на шеѣ, съ ласками, съ поцѣлуями, съ умильнымъ взоромъ, насакала тысячу самыхъ лестныхъ, самыхъ обворожительныхъ вещей. Пусть у Риналкова — и глаза и

милосы и рѣчи живописныя : зато ни у него, ни у кого не съѣтъ нѣтъ такой чуднаго добродушія, такой восхитительной готовности къ достойному и честному, такого золотого сердца, какъ у несравненнаго, благороднаго, основательнаго Тьотова, котораго она никогда и не подумаетъ ни съ кѣмъ сравнить.

— Какъ ты милъ! ты ревнуешь, Степанъ Ивановичъ? Съ чего тебѣ пришла въ голову такая идея? Я думаю, ты уже давно ревнуешь къ нему? Такъ зачѣмъ было не предупредить меня?... зачѣмъ принимать его такъ часто?...

— Да вѣдь тебѣ здѣсь скучно. Онъ развлекаетъ тебя: онъ такой умный, забавный.... Я для тебя — не компанія, Саша....

Степанъ Ивановичъ заключилъ періодъ тяжкимъ вздохомъ, и черное облако набѣжало на его лицо. Но это облако не было страшнѣе грозной тучи, которая вдругъ поірачила бѣлымъ и чистымъ лобъ Александрины. Съ порывомъ отчаянія она всплеснула руками и, горько, грустно, полились ея слова:

— Такъ ты даже и свое спокойствіе приносишь мнѣ въ жертву?... О! благородный и несчастный человекъ! Но я этого не хочу, не принимаю. Мало того любимой какъ женщина, я хочу быть уважаемой тобою какъ человекъ. Если я должна лишиться твоего уваженія, такъ зачѣмъ мнѣ и на съѣтъ жить?... Я гадкая, своенравная женщина; ты можешь находить во мнѣ всѣ недостатки, но.... если на одно ипговеніе сочтешь меня способною оскорбить тебя, не только дѣлою, а даже малѣйшею мыслью..... клянусь!.. я этого не переживу!

— Чтѣ ты!... чтѣ ты, Саша! Богъ съ тобою!... мнѣ ли тебѣ не вѣрить?... Да пусть я буду послѣ этого послѣдній негодяй.... Прости, тупость въ голову залѣзла!... Ну, прости же, умоляю.... не сердись!... Какъ эта дурь въ голову пришла?... Я позавидовалъ нашему пріятелю при мысли, что онъ успѣлъ однимъ разговоромъ заставить Сашеньку прекратить свой гнѣвъ, ненависть, озлобленіе.... когда я не могъ ничѣмъ успокоить тебя.... когда самъ я такъ больно ожесточился было

вротить, графини чертъ тебѣ... Увеличать отъ тебѣ, что ты
бросила: стѣблю суну... вотъ тебѣ, думаю, на!.. Стѣблю
быть его слова для Сашеньки драгоцѣнны, когда эту негод-
ную женщину рѣшилась она простить по его желанію... У:
меня и въ глазахъ помутилось... Прости же, думочка, ви-
новатъ, кругомъ виноватъ!

— Степанъ Ивановичъ, сказала Александрина важнымъ
тономъ: ты говоришь, что ты меня не только любишь, но и
уважаешь... Слушай же что я тебѣ скажу: мнѣ могло быть
очень пріятно съ Риналковымъ; я могла послушаться его со-
вѣтовъ когда они показались мнѣ и дѣльными и благородными, но
Риналковъ для меня ровно ничего... это такъ истинно, какъ моя
признательность къ тебѣ... Вѣрь моему честному слову. Ты
одинъ для меня — все. Будь же спокоенъ. Никогда не по-
дозрѣвай меня... ты не знаешь, какая это чувствительная для
меня струна, другъ мой... Послѣ того что ты для меня сдѣ-
лалъ, послѣ того, что я вижу отъ тебя, я должна любить
тебя, и люблю... истинно, душевно...

Степанъ Ивановичъ снова прослезился; въ этотъ разъ уже
отъ восхищенія, и надо было послушать, какими рѣдкими и
неизвѣстными вѣжностями осыпалъ онъ жену. Она вздумала
было извиняться за опрометчивость въ отсылкѣ денегъ не
спросясь у мужа, котораго согласіе не было для нея сомни-
тельно. Тѣстовъ въ свою очередь зажалъ ей ротъ:

— Что деньги! Деньги дрянъ въ сравненіи съ тобою! Ко-
нечно, деньгами человекъ долженъ дорожить. Но когда дѣло
идеть о твоёмъ спокойствіи, когда нужно, чтобы моя Сашень-
ка явилась великодушною, я сто тысячъ выкину въ окошко...
выкину двѣсти тысячъ, если пойдетъ на то. Я тебѣ докажу
это сейчасъ: твое благодѣніе — не полно, душевнѣе. Я пред-
лагалъ сто тридцать тысячъ графинѣ, а ты дала только сто,
и я знаю, что сотнею тысячъ она не изворотится, ей даже
не начто будетъ выѣхать отсюда. Воротясь домой, я тот-
часъ-же пошлю ей отъ себя тридцать тысячъ... поцѣлуй ме-
ня... я не боюсь Риналкова.

— Право? сказала Александрина съ конетливой улыбкою.

— Вотъ, ей-ей!... клянусь тебѣ.... всѣмъ чѣмъ угождо.

Въ этомъ приятномъ расположеніи духа, довольный собою, окурщикъ раскурилъ сигарку и легъ на диванъ отдыхать отъ душевныхъ потрясеній. Вдругъ прѣзжаетъ Риналковъ. Тѣстовъ до-того былъ счастливъ послѣ искорененія тайной ревности, что тотчасъ вскочилъ на ноги и ушелъ, подъ предлогомъ, будто ему пора возвратиться въ городъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы доказать неогцѣненной Сашѣ, оставивъ ее наединѣ съ домашнимъ другомъ, что его подозрѣнія уничтожены совершенно и онъ не думаетъ ревновать.

— А! это вы, Павелъ Антоновичъ? сказала Александрина, ласково кивнувъ Риналкову головой. Я васъ ждала....

— Я былъ въ этомъ увѣренъ, и потому къ вамъ являюсь.

— Неужели? Да это прелесть имѣть дѣло съ такими догадливыми людьми! А знаете ли, зачѣмъ я такъ нетерпѣливо ждала васъ?

— Какъ не знать! Ни зачѣмъ. Это — самое нетерпящее дѣло.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Я хотѣла поблагодарить васъ и, въ свою очередь, отплатить за добрый советъ тоже добрымъ советомъ....

— Вотъ какъ!... Очень радъ! Посмотримъ, что это такое?...

Александрина указала ему мѣсто возлѣ себя на козеткѣ, приняла важный видъ и начала:

— Вы знаете или нѣтъ, что прежде я васъ очень уважала?

— Нѣтъ, не знаю. Я думалъ напротивъ, что вы не умѣете оцѣнить меня по достоинству, что вы меня любите немножко, но советамъ не уважаете.

— О, нѣтъ! я знаю вамъ всю цѣну, и очень, очень уважала васъ.

— Какъ... уважали?... развѣ я чѣмъ-нибудь провинился? Вы все говорите въ прошедшемъ.

— Да! вы провинились тѣмъ, что слишкомъ долго остаетесь здѣсь, что вы здѣсь поселились....

— То-есть, гдѣ?...

— Ну, здѣсь, въ этомъ городѣ...

— Это что-то не ясно. Развѣ я составляю одинъ все здѣшнее народонаселеніе?... Стало-быть вы не уважаете ни себя, ни вашего мужа, ни Надежды Николаевны, ни множества другихъ....

— Постойте, постойте. Я живу здѣсь для моего мужа, онъ живетъ для своихъ дѣлъ, Надежда Николаевна живетъ здѣсь потому, что живетъ въ своемъ помѣстьѣ: а вы-то зачѣмъ?

— Ну, затѣмъ, что мнѣ такъ хочется, что мнѣ нечего дѣлать, что мнѣ весело здѣсь.... Но что же тутъ общаго съ вашимъ уваженіемъ?

— О! очень многое! я нахожу, что съ вашей молодостью, умомъ, образованіемъ, очень стыдно проводить такъ жизнь....

— Стыдно, о! да это — прямое и прекрасное правоученіе. Чтѣ вы постыднаго нашли въ моемъ образѣ жизни.

— То, что вы ничего не дѣлаете.

— Какъ ничего не дѣлаю?... А что-же я долженъ дѣлать?

— Все! все къ чему вы способны по своему уму и образованію.... Служите, занимайтесь чѣмъ-нибудь. Бездѣліе непростительно мужчине. Я уважаю только тѣхъ, кто приносятъ свою дань на общую пользу. Чтѣ можетъ быть противоестественнѣе умнаго мужчины, который проводитъ жизнь въ лѣни?

— Или, яснѣе, въ философіи. Назовите философію лѣнью, или лѣнь философіей, и вы увидите какъ прекрасно я занятъ. У меня, въ самомъ дѣлѣ, такая бездна занятій, все по философіи, что времени нѣтъ поскучать нѣсколько часовъ для отдыха. Я дѣлаю именно то, чтѣ дѣлали величайшіе люди въ человѣчествѣ, чтѣ дѣлали Сократъ, Платонъ, Сенека, Паскаль.... и другіе философы, которые, какъ извѣстно, ничего не дѣлали: подобно имъ я размышляю о прекрасномъ, разѣзжаю по обедамъ и вечеринкамъ какъ Сократъ, гуляю по

сдѣлать какъ Платонъ, нѣтъ кино не хуже Сенеки и вру, то есть, философовъ.

— Остроуміе затѣвваетъ въ васъ скромность, Павелъ Антоновичъ. Вы не видите никакой разницы....

— Разница между кино и этими людьми только та, что они врали удивительно, а я вру, такъ, посредственно. Ну, да это зависитъ отъ сравнительной величины дарованій. Но занятія у меня съ ними совсѣмъ одинаковы, позвольте васъ удостовѣрить. Впрочемъ, я вамъ скажу, что философія мнѣ уже немножко надоѣла, продолжалъ Риналковъ, тайно бросая коварный взглядъ на Александрину и улыбаясь. Я потерялъ здоровье и силы въ этихъ изнурительныхъ отлеченностяхъ лѣтъ, въ этихъ страшныхъ трудахъ бездѣля, и собираюсь вступить въ службу и заняться какими-нибудь предпріятіемъ, и, всего лучше здѣсь....

Александрина смѣшалась.

— Нѣтъ, нѣтъ! съ живостью возразила она, — не здѣсь!... Здѣсь вамъ не мѣсто. Какое тутъ поле для вашего ума или воображенія? Я вамъ совѣтую ѣхать поскорѣе въ Москву или Петербургъ.

— Нѣтъ, здѣсь, въ этихъ степяхъ — удивительное поле для всего. Я тутъ непремѣнно сдѣлаю самую блестящую карьеру. Мнѣ уже предлагаютъ нѣчто такое....

— Подите вы! какой вздоръ! что вамъ тутъ могутъ предложить! Послушайте меня.... я васъ такъ люблю!... поѣзжайте служить въ Петербургъ.... и какъ можно скорѣе!...

— Нѣтъ, я остаюсь здѣсь.

Александринѣ досадна была злая пронизательность молодого челоука, который явно угадывалъ ея мысли и находилъ удовольствіе мучить ее своимъ упорствомъ.

— Послушайте, продолжала она съ важностью: шутки всторону, вы должны воротиться въ Петербургъ. Мнѣ больно видѣть, какъ вы здѣсь теряете время. Поѣзжайте, употребите въ дѣло ваши таланты, отличитесь: вы будете живымъ плодомъ тысячи прекрасныхъ женщинъ.

— Вы увидите соблазнять съ ужаснымъ искусствомъ, от-

вѣчать Риналдовъ насчитываю. Но если шутки отложите в сторону, то зачѣмъ вы хитрите со мною? Зачѣмъ не скажете прямо и откровенно, что вамъ хочется, чтобы я уѣхалъ?

— Да, я кажется, и не скрываюсь и говорю вамъ очень ясно. Гдѣ же тутъ хитрость?

— Ну, ясно-то не совѣтъ. Можно бы подумать, что вы принимаете живѣйшее участіе въ моей судьбѣ, а между-тѣмъ вы заботитесь только о себѣ.

— Вы такъ думаете?

— Такъ смѣю полагать съ совершенною безошибочностію.

— Негодный! Вы злѣе всякой змѣи.

— Мудрѣе, скажите.

— Ну, пожалуй, мудрѣе. Но если бы и въ самомъ дѣлѣ я нежножко заботилась о себѣ, развѣ я не въ правѣ ничего требовать отъ вашей дружбы?

— О! всего! всего на свѣтѣ!... только не этого. Не уговаривайте меня уѣхать отсюда. Чѣмъ жарче станете уговаривать, тѣмъ болѣе сочту я долгомъ остаться здѣсь изъ уваженія къ вамъ.

— Изъ уваженія ко мнѣ? Что́ это значить?

— Да какъ же! Мнѣ никакъ нельзя уѣхать вслѣдствіе вашихъ убѣжденій. Если уѣду, я могу страшно возгордиться, могу сидя въ почтовой кибиткѣ, подумать себѣ, что вы меня выслали отсюда, потому что я становился уже опаснымъ для васъ. Цѣтъ, этого невозможно. Я рѣшительно остаюсь.

— Павелъ Антоновичъ!... я разсержусь на васъ!

— Нельзя сердиться! Пожалуйста, не сердитесь! Это можетъ только усилить мою гордость въ кибиткѣ. По требованію дружбы, я могъ бы исполнить ваше желаніе, несмотря на великую опасность для моей скромности; но какъ причина этого желанія кажется мнѣ не основательною.... не правда ли, вы желаете моего удаленія изъ прекрасныхъ дѣвшихъ мѣстъ,

потому что вамъ показалось, будто я заинтересованъ вами, болѣе чѣмъ должно, чѣмъ это можетъ быть вамъ.... пріятно?

— Мнѣ ничего не показалось.... вы совсѣмъ не понимаете меня. Женщина никогда не ошибется въ томъ впечатлѣніи, которое она производитъ на мужчину; я очень ясно чувствую, что вы совершенно равнодушны ко мнѣ....

— Совершенно нѣтъ! Напротивъ, я васъ люблю очень, и въ другое время можетъ-быть любилъ бы очень страстно, но теперь.... я....

— Теперь вы влюблены въ другую?

— Ну да, влюбленъ!.. и жестоко!

— Въ кого же?... въ кого? вскричала съ женскимъ любопытствомъ Александрина: какъ другу, вы можете, вы должны мнѣ сказать....

— Скажу когда нибудь, погодите. Теперь дѣло не о томъ.... Если вы боитесь, чтобы я не сошелъ съ ума изъ-за васъ, такъ я знаю причину вашего трогательнаго участія во мнѣ. Вы посылаете меня въ изгнаніе.... позвольте вамъ сказать.... очень необдуманно. Преувеличенная деликатность никогда не достигаетъ цѣли. Неужели Степану Ивановичу мало той привязанности, которую вы показываете ему постоянно? Если вы позволите ему запрещать вамъ всякое развлеченіе....

— Вы ошибаетесь... вы ошибаетесь совершенно! Подчиняться запрещеніямъ — не въ моемъ кроткомъ нравѣ. Но вы знаете нашу жизнь: когда же вы видѣли, чтобы мой мужъ запрещалъ мнѣ что-нибудь?

— Стало-быть вы сами вообразили, будто ему будетъ пріятно, когда вы выпроводите меня отсюда. А между-тѣмъ, согласитесь, я вамъ нуженъ. Вы сердитесь, когда я пропущу одинъ день и не прійду дразнить васъ. Это развлеченіе необходимо для вашихъ нервовъ, привычныхъ къ раздраженному состоянію. Ваша мѣра досадна для меня, а для васъ вредна. Кому же вы здѣсь поручите важную должность не даять вамъ задумываться.... все объ одномъ.... Растолкуйте, если угодно, вашему мужу, что никто менѣе меня не можетъ быть опасенъ для него.... потому что не могу въ

васъ влюбиться.... Скажите, что сердце поггло.... это глупо! это гадко!... я бѣшусь на себя!... Влюбиться безнадежно! это годится только женщинамъ, которыя воображаютъ, будто очень весело приносить себя въ жертву... но что же дѣлать?... Меня, видно, околдовали: я начинаю думать, что меня испортили.

— Если вы такъ любите, какъ говорите, то вамъ не трудно понять, какое чувство руководить мною, когда я рѣшаюсь лишиться себя вашего общества, моего единственнаго развлечения, какъ очень справедливо сказали вы.

— Нѣтъ, не понимаю! Какъ же мнѣ понимать васъ, когда вы сами не понимаете себя, съ одной стороны, а съ другой не понимаете вашего мужа! Онъ васъ любить и доврѣяетъ вамъ болѣе чѣмъ самому себѣ.

— Я это знаю, но для меня довольно и того, что онъ, по скромности, по смиренной добротѣ своего сердца, находитъ себя гораздо ниже васъ.... Довольно, что вы кажетесь ему, и умнѣе, и образованнѣе, и моложе. Я не могу допустить этого!

— Охъ! какъ это тонко! Позвольте присовокупить, что и вашъ мужъ не пойметъ васъ. Если всякая жена вздумаетъ не допускать того, чтобы кто-нибудь былъ моложе ея мужа, и приговаривать къ ссылкѣ всѣхъ тѣхъ, которые не обучались въ одномъ училищѣ съ нимъ....

— Но вы забываете, Павелъ Антоновичъ, что я поставлена въ отношеніи къ нему совершенно въ исключительное положеніе.... Я обязана ему всѣмъ, а онъ мнѣ — ровно ничѣмъ. Я не могу доказать ему благодарности даже отрицательно, спокойствіемъ домашнимъ, потому-что я вѣчно больна, вѣчно раздражена, вѣчно сердита.... Предоставьте же мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, счастье угождать ему по своему, какъ могу.... Онъ одинъ сдѣлалъ для меня то, чего ни вы, и ни кто на свѣтѣ, никогда не дѣлали. и не сдѣлаете ни для кого? И отчего вамъ не уѣхать отсюда? Вы же сознаетесь, что не влюблены въ меня? А одна только любовь не допускаетъ мысли о разлукѣ; друзей можно любить издалека.

— А если я не влюбленъ въ васъ потому, что именно здѣсь влюбленъ въ другую? Такое простое обстоятельство совсѣмъ не трудно предположить и принять въ соображеніе при составленіи глубокомысленнаго плана. Наконецъ здѣсь, по какой бы то ни было причинѣ, я пользуюсь вашимъ обществомъ, и странно, что вы до-сихъ-поръ не замѣтили того, какъ ваше общество мнѣ пріятно, какую нахожу я въ немъ отраду? Зачѣмъ я уѣду? куда мнѣ дѣваться отъ злѣйшихъ враговъ моихъ?...

— Отъ вашихъ враговъ?.... что это такое? что же вы мнѣ не говорите?.... Отъ какихъ враговъ?

— Да отъ женщинъ! Куда ни уѣду, я повсюду встрѣчу женщинъ, а всякая другая женщина, кромѣ васъ, тотчасъ захочетъ лечить меня по-своему, по-женски, навязавъ мнѣ на шею бантикомъ дружбы новую любовь на память старой.... А я принялъ радикальную мѣру съ моимъ нѣжнымъ сердцемъ: не хочу любить болѣе!.... полно!.... проигравъ послѣднее сраженіе, желаю отдохнуть на моихъ лаврахъ, и отказываюсь отъ всякихъ попытокъ въ этомъ родѣ, не прогоняйте же меня. Мнѣ такъ хорошо съ вами!

— Эгоистъ!.... Впрочемъ, всѣ мы эгоисты, всѣ хлопочемъ для себя. Дѣйствуйте какъ хотите! Оставайтесь если угодно, только знайте, что я *нашла въ васъ не то, что полагала най-ти....*

Когда всѣ средства возможности исчерпаны, когда ничто не удастся, эту послѣднюю фразу мы женщины дѣлаемъ изъ мужчанъ невозможное. Ничего сильнѣе и вѣрнѣе быть не можетъ противъ ихъ гордости.

По видимому въ этихъ словахъ Александрины не заключалось ни чего особеннаго, а мосьѣ Риналковъ, переломивъ съ досады карандашъ, который всегда былъ у него въ карманѣ или въ рукахъ, вскочилъ съ мѣста и вскричалъ:

— Уѣду! уѣду! не безпокойтесь!.... Это, просто, ни на что не похоже какое вы имѣете вліяніе на меня!

Онъ съ сердцемъ схватилъ шляпу и вышелъ не простясь, между-тѣмъ какъ она, стоя у окна, испуганная и трепещущая, смотрѣла на стройную фигуру молодого человѣка, который всходилъ по ступенькамъ крыльца и поручалъ лакею доложить Александрѣ Львовнѣ, что графъ Адрианъ Александровичъ Солнѣжевъ проситъ позволенія къ ней войти.

ДЕЙЛА.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРЕВЕРСЪ.

=

РОМАНЪ ЭДУАРДА ЛИТТОНА БУЛЬВЕРА.

=

КНИГА ПЯТАЯ.

=

I.

Мой другъ, расправивъ крылья, летитъ туда, гдѣ Британія поквитается на лонѣ Западнаго океана... Вижу я жителей, съ ихъ гордою поступью, неустранными взоромъ, помысломъ о великихъ дѣлахъ на челѣ...

Гольдсмитъ.

Какимъ чувствомъ восторга должно забиться сердце Англичанина, когда онъ възвѣщаетъ въ Лондонъ послѣ продолжительнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ. Общественныхъ зданій въ немъ не много, и они по большей части не поражаютъ своею наружностью; его памятники древности не сравнятся съ тѣми, которыми можетъ похвастать послѣдній городокъ въ Италіи; дворцы его и палаты его веревъ и вельможъ бѣдныя и безобразныя кучи кирпича. Но что жъ изъ этого? характеръ Лондона выражается въ улицахъ и народема-

селеніи. Какое богатство, какая чистота, какой порядокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько движенія! Какъ величественна, и въ тоже время какъ кипитъ жизнь, протекающая по его тысячамъ жилъ. Когда вы провѣзжаете черезъ городъ ночью, при яркомъ свѣтѣ фонарей, и мимо васъ скользятъ улица за улицей, всѣ равно правильныя и стройныя, всѣ равно носящія печать общаго образованія, какъ ясно и невольно вамъ чувствуется, что это столица великаго народа, во-всемъ развитіи его юности и жизненной силы.

Да, сердце Мальтреверса сильно билось, когда почтовые лошади понесли его запыленный экипажъ черезъ Вестминстерскій мостъ, вдоль Вайтголя, по Риджентстриту, къ одной изъ тѣхъ спокойныхъ и удобныхъ гостинницъ, болѣе похожихъ на частные дома, чѣмъ на гостинницы, которыя разсыяны во множествѣ около Гросвеноръ-сквера. А теплота, удобство, исправность прислуги англійской гостинницы! По истинѣ, Англія чудесная страна для богатаго человѣка, но для бѣднаго... кто жъ виноватъ, если вы бѣдны, какъ сказалъ одинъ знаменитый писатель.

Эрнеста ждали. Онъ писалъ изъ Парижа къ Кливленду о скоромъ своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ; и Кливлендъ извѣстилъ его въ отвѣтъ, что нанялъ для него квартиру у Мивара. Слуги, приветливо улыбаясь, отворили ему обширную и свѣтлую комнату, въ которой спокойныя кресла были уже придвинуты къ камину, на столѣ лежало десятка два писемъ и послѣдніе нумера двухъ извѣстнѣйшихъ вечернихъ газетъ. Какъ краснорѣчиво представляютъ эти вечернія газеты кипящую дѣятельность Англіи! Человѣкъ, въ первый разъ пріѣхавшій въ Лондонъ, не поствовалъ бы о томъ, что его не встрѣчало ничье дружеское привѣтствіе; вся комната улыбалась такъ приветливо, такъ гостепріимно!

Мальтреверсъ отдалъ приказанія на счетъ обѣда, и принялся за письма. Въ нихъ не было ничего важнаго: одно было отъ его управляющаго, другое отъ банкира, третье заключало отчетъ о провинціальныхъ скачкахъ, четвертое было отъ человѣка, о которомъ онъ никогда не слышалъ, и который просилъ его голоса и его покровительства, имѣвшаго такое огромное вліяніе въ его графствѣ, на случай если слухъ о скоромъ распущеніи парламента оправдается; этотъ неизвѣстный кандидатъ ссылался на общественное мнѣніе о его образѣ мыслей и способностяхъ, хотя общественное мнѣніе и не ду-

мало заботиться ни о немъ, ни о его правахъ на званіе депутата. Эрнестъ съ досадою бросилъ эти письма, и схватилъ небольшую записку, сложенную треугольникомъ, которой онъ до-тѣхъ-поръ не замечалъ. Эта записка была отъ Кливленда, который извѣщалъ его, что онъ въ городѣ; что здоровье не позволяло ему выходить со двора, но что онъ надвядся увидѣться съ милымъ своимъ Эрнестомъ немедленно по его прибытіи.

Мальтреверсъ былъ въ восхищеніи, провести вечеръ въ такомъ пріятномъ обществѣ. Онъ на-скоро пообедалъ и пробѣжалъ газеты, и отправился, при яркомъ свѣтѣ фонарей, въ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ, морозныхъ вечеровъ, какіе бываютъ въ Лондонѣ въ началѣ декабря, къ своему другу и воспитателю. Кливлендъ занималъ небольшой домикъ, поставленный на скромную, холостую ногу; потому что все свое небольшое, однако же достаточное состояніе онъ употреблялъ на украшеніе своего загороднаго дома. Въ дверяхъ встрѣтила Эрнеста приветливая улыбка стараго камердинера, много лтъ уже усердно служившаго Кливленду; молодой гость только осядомулся о здоровьи своего опекуна, и съ радостью узналъ, что онъ почти совсѣмъ уже оправился отъ болѣзни, и черезъ мгновеніе онъ былъ въ свѣтленькой гостиной и рука его отвѣчала на искреннее пожатіе руки добраго Кливленда.

— Ну, любезный Эрнестъ, сказалъ Кливлендъ, послѣ обычнаго обихва первыхъ вопросовъ и отвѣтовъ, — наконецъ ты здѣсь; слава Богу! и какъ возмужалъ, какъ поправился! И поспѣлъ въ самое лучшее время года для своего дебюта въ Лондонѣ. Я еще успѣю хорошенько познакомить тебя съ людьми до разгара сезона.

— Какъ! а я думалъ скорѣе вѣхать въ свое Бурлейское помѣстье; а не ведалъ его съ самаго дѣтства.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты довольно уже наслаждался уединеніемъ въ Комо, если вѣрить твоимъ письмамъ; пора тебѣ потерѣться въ лондонскомъ большомъ свѣтѣ, а въ Бурлей успѣешь еще съѣздить лѣтомъ.

— Я думаю, что Лондонъ, съ вашимъ большимъ свѣтомъ не много доставитъ мнѣ удовольствія! Онъ очень пльнителенъ, конечно, для юноши, только что вырвавашагося со школьной скамьи; но въ толкотнѣ вашихъ баловъ, въ однообразіи вашихъ клубовъ не много

нищи для того, кому забавы прѣлысь прежде времени. Я много прожилъ въ небольшое число лѣтъ. Въ юности я сляинкомъ щедро пользовался капиталомъ жизни, чтобы меня могли удовлетворять вѣшняя пышность и внутренняя скудость, съ какими ваши великіе люди удаляютъ удовольствіе.

— Не суди, пока не узналъ на дѣлѣ, отвѣчалъ Кливлендъ. Въ великолѣпнн, въ разумной, выдержанной пышности, съ какою вожатамъ англійскаго фэшона умѣютъ вести самыя незаманчивыя удовольствія, есть нѣчто не заслуживающее презрѣнія. Притомъ, тебя никто не осмѣлитъ водиться съ одними мотыльками. Есть много пчель, которыя будутъ, какъ пельзя болѣе, рады познакомиться съ тобою. Прибавь къ этому, любезный Эрнестъ, удовольствіе сдѣлаться виднымъ человекомъ, — получить значеніе въ отечествѣ. Ты молодецъ, хорошаго происхожденія, и довольно не дуренъ собою; твое имя, твое состояніе, твое положеніе въ свѣтъ должны доставить тебѣ уваженіе и доброжелательство всѣхъ мужчинъ, которые будутъ нуждаться въ твоихъ деньгахъ или въ твоемъ влияніи на выборахъ. Нѣтъ, Мальтреверсъ, оставайся въ Лондонѣ; позабавься первый годъ, но потомъ избери себѣ занятіе и поприще на будущее время; прежде сраженія необходимо осмотрѣть мѣстность.

Мальтреверсъ былъ не совсѣмъ прочь отъ того, чтобы послѣдовать совѣту своего друга, тѣмъ болѣе, что онъ могъ пользоваться при этомъ и его руководствомъ и его пріятнымъ обществомъ. Притомъ, ему казалось очень благоразумнымъ и полезнымъ стараться сойтись лицомъ къ лицу съ тѣми замѣчательными людьми Англии, съ которыми, въ случаѣ исполненія того, что онъ обещалъ де-Монтаню, приходилось ему вступить въ лестное состязаніе. Взвѣсивъ все это, онъ безъ труда согласился на предложеніе Кливленда.

Когда часы пробили двѣнадцать и напомнили ему, что пора проститься съ его воспитателемъ и другомъ, онъ остановился на мгновеніе въ дверяхъ, и спросилъ съ нѣкоторымъ замѣнательствомъ и волненіемъ: — А не слышали ли вы чего о — мей — о бѣдной Алицѣ?

— О комъ?... а, помню! объ этой бѣдной дѣвушкѣ! — Нѣтъ, не слыжалъ ничего рѣшительно.

Мальтреверсъ тяжело вздохнулъ, и вышелъ.

II.

По моему мнѣнію, смѣшно хотѣть изучить свѣтъ простымъ зрителемъ.... Въ школѣ свѣта надо прежде всего пережить то, чему хочешь научиться.

И такъ Эрнестъ Мальтреверсъ пустился на широкій океанъ лондонской жизни. У него былъ свой домъ на Симорской площади, къ тому прелестномъ кварталу, который пользуется рѣдкимъ спокойствіемъ въ самомъ центрѣ города и чистымъ воздухомъ парка, безъ его пыли. До-тѣхъ-поръ домъ этотъ отдавался въ наемъ; но какъ къ этому времени постоялецъ очень кстати выхалъ, то Мальтреверсъ съ радостью переселился въ это пріятное жилище; потому что въ душѣ его было еще довольно романтичности, чтобы предпочитать видъ деревьевъ и зелени виду кирпичныхъ домовъ. Кроме того онъ позволялъ себѣ только два предмета роскоши: страсть къ музыкѣ побуждала его имѣть ложу въ оперѣ, а для удовлетворенія другой, чисто англійской страсти, заставляющей каждаго Англичанина гордиться хорошими лошадьми, онъ жертвовалъ такими суммами, что многіе, болѣе богатые охотники, отказывались отъ состязанія съ нимъ, и только завидовали ему. Но четырехъ тысячъ фунтовъ въ годъ за глаза достаточно для челоуька одинокаго, не играющаго въ карты и довольно разсудительнаго, чтобы не смотреть на каждую прихоть, какъ на необходимую потребность.

Свѣтъ, въ своихъ толкахъ и гаданіяхъ, удваивалъ его доходы, представлялъ его старинное помѣстье великолѣпнымъ замкомъ съ безконечными владѣніями, и замѣчалъ даже, что у его старшаго брата, который былъ только тремя или четырьмя годами старше его, не было дѣтей. Свѣтъ носилъ Эрнеста Мальтреверса на рукахъ.

Время было именно такое, какъ говорилъ Кливлендъ, когда общество расположено заводить новыя знакомства. Въ городѣ были открыты только немногіе изъ самыхъ недоступныхъ домовъ, во всѣхъ съ удовольствіемъ встрѣтили молодаго челоуьна, вступавшаго подъ покровительство всѣми любимаго и уважаемаго Кливленда. Эрнестъ былъ представленъ и литераторамъ, и государственнымъ людямъ, и ораторамъ, и философамъ; всѣ были отъ него въ восторгѣ, и онъ

сдѣлался кумиромъ общества, прежде, чѣмъ успѣлъ осмотрѣться. Однако же онъ говорилъ правду; онъ слишкомъ рано началъ жить, и вездѣ встрѣчалъ разочарованіе; онъ познакомился со многими людьми, которымъ могъ дивиться, со многими другими, съ которыми ему пріятно было проводить время; но не встрѣчалъ ни одного человека, съ которымъ могъ бы подружиться, котораго могъ бы полюбить всею душою. И сердце и воображеніе его оставались холодными, всѣ казались ему какими-то искусственными машинками; ему непріятно было смотрѣть на эти существа, которыя всѣ казались живыми, но въ жизни которыхъ все чего-то недоставало. Не разъ вспоминалъ онъ о блестящей, обворожительной Валеріи де-Вантадуръ, разливавшей столько прелести на самое пустое общество; даже дикое, болѣзненное тщеславіе Кастручіо было бы для него отрадою въ это время. Даже на эгонистическую веселость, на сухое, грубое себялюбіе Лумлея Феррера былъ бы онъ готовъ помѣнять чинный лоскъ и скрытный эгоизмъ завистливыхъ гостинныхъ умниковъ и политиковъ, не выдающихъ далѣе своей партіи. — Если это цвѣты свѣта, такъ что будутъ его терніи? думалъ про себя Мальтреверсъ, выходя съ балу, на которомъ онъ видѣлъ цѣлое собраніе самыхъ уважаемыхъ львовъ.

Онъ началъ ощущать всю тяжесть пресыщенія.

Но зима прошла; наступило лѣто, настоящее время жизни лондонскихъ гостинныхъ, и Мальтреверсъ былъ увлеченъ со всеми другими въ вихрь общества.

III.

И когда стала въ тягость толпа, уединеніе начало звать въ свое спокойное лоно.

Шенстонъ.

Пискарь, безъ сомнѣнія, смотритъ на прудъ, въ которомъ онъ живетъ, какъ на большой свѣтъ. Нѣтъ мѣста, какъ бы оно ни было неподвижно, которое не было бы большимъ свѣтомъ для вращающихся въ немъ существъ. Люди, прожизніе весь свой вѣкъ въ деревнѣ, все-таки говорятъ о свѣтѣ, какъ-будто выдали его. Ста-

рушка, выходя въ воскресенье изъ подъ своего соломеннаго крова, также думаетъ, что вотъ и она взглянетъ на великолѣпіе и суету большого свѣта. Следовательно, большой свѣтъ для каждаго изъ насъ ничто иное, какъ тотъ тѣсный кругъ, въ которомъ мы живемъ. Но какъ знатные люди предписываютъ законы моды, управляютъ ею, то общество знатныхъ людей и называется *большимъ свѣтомъ* по преимуществу. Въ сущности, если разобрать хорошенько, большой свѣтъ самъ по себѣ вовсе не дурная вещь, а лондонскій большой свѣтъ ничѣмъ не хуже всякаго другаго. Но мы этого не понимаемъ, какъ и многое другое, въ цвѣтущіе дни молодости, въ эти дни, которые иногда бываютъ самыми сладостными въ жизни, а иногда также самыми грустными, самыми безцвѣтными и скучными. Мальтреверсъ не находилъ еще того общества, которое бы нравилось ему, не находилъ того рода развлечения, который дѣйствительно бы развлекалъ его. По этому онъ блуждалъ во все стороны по этой обширной пустыни, заводилъ множество знакомствъ, бывалъ на балахъ и на объѣдахъ, и скучалъ на тѣхъ и на другихъ, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, неимѣющими въ обществѣ никакой цѣли. А чтобы наслаждаться обществомъ, необходимо имѣть цѣль, имѣть какое-нибудь занятіе и бывать въ свѣтѣ затѣмъ, чтобы тамъ обратить въ развлечение то, что дома было серіознымъ занятіемъ, или чтобы отдохнуть отъ напряженнаго труда. Такъ для члена парламента, политика есть предметъ его занятій дома, а въ свѣтѣ образуетъ связь между нимъ и другими членами общества; тоже самое можно сказать о литературѣ или ученыхъ занятіяхъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что кругъ ученаго или литератора будетъ по необходимости тѣснѣе и малочисленнѣе, потому что гораздо меньшее число людей можетъ толковать объ этихъ предметахъ, чѣмъ о политикѣ. Очень молодой человекъ посѣщаетъ свѣтъ только затѣмъ, чтобы потанцевать; волокита затѣмъ, чтобы поволочиться; это также своего рода цѣль; только она скоро преходяща, потому что такое занятіе не можетъ долго удовлетворять волюнъ ума и сердца, даже самаго легкомысленнаго человека. Какъ ни легкомысленъ человекъ, а въ немъ всегда есть нѣкоторое стремленіе къ тому, чтобы быть полезнымъ; не простое тщеславіе побуждаетъ свѣтскаго льва выдумывать новую уздечку для своей лошади или давать свое имя новому экипажу; во всемъ этомъ проявляется частичка того общаго, таинственнаго стремленія къ пользѣ, которое

составляет одно из главных звеньевъ, соединяющихъ подлинное со всемъ человеческимъ родомъ.

Мальтреверсъ былъ недоволенъ, это вещь довольно обыкновенная; ему было скучно, а это еще вдесятеро нестерпиме. Дружба его къ Кливленду значительно охладѣла, потому что, когда человекъ скучаетъ, онъ чувствуетъ нерасположеніе къ тому, кто можетъ забавляться; ему кажется, что они радуются пустякамъ, которые для его болѣе возвышеннаго ума, ничтожны, которые онъ презираетъ. Кливлендъ былъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда люди вообще болѣе привязываются къ обществу; потому что терпѣшь долго и часто объ огромный камень общества, мы всегда приобретаемъ, во многихъ отношеніяхъ, особенно въ мелочахъ, общее стремленіе съ массою общества; ея мелкія горести и столь же мелкія радости; ея цѣли и занятія, были когда-то и нашими горестями и радостями, нашими цѣлями и занятіями. Старикъ накопилъ въ жизни множество копѣекъ и полушекъ, въ нравственной и въ умственной сферѣ, и для него едва ли найдется такая бѣдная голова, съ которою онъ не могъ бы развѣваться такъ или иначе.

Наконецъ, въ то самое время, когда Лондонъ начинаетъ кипѣть жизнью, уединенныя бесѣды становятся живѣе и прогулки по водѣ чаще, какъ птички веселѣе поютъ въ ричмондскихъ рощахъ и дѣловые люди отправляются въ Гриничъ, отдохнуть отъ трудовъ, Мальтреверсъ внезапно оставилъ столицу, и въ прекрасный июльскій вечеръ вступалъ на поросиній плющемъ подвѣздъ своего сельскаго дома въ Бурлевъ.

Какъ тихъ, какъ теплъ, какъ чудесенъ былъ этотъ вечеръ! Мальтреверсъ вышелъ изъ экипажа у воротъ, и прошелъ небольшою, но живописною паркъ пѣшкомъ и одинъ. Онъ не бывалъ въ этомъ помѣстьѣ съ самаго дѣтства, и совершенно забылъ его. Теперь онъ дивился, какъ могъ онъ жить въ другомъ мѣстѣ. Деревья не стояли, вытянувшись въ строй аллеями, и рога оленей не выказывались изъ за темной зелени кустовъ; это было помѣстье не важнаго вельможи, а простаго англійскаго помѣщика стариннаго роду. Древность бросалась въ глаза и въ порослихъ мохомъ заборахъ, въ тѣнистыхъ купахъ деревьевъ, въ остроконечной крыши и тяжелыхъ льнныхъ украшеніяхъ дома, который предсталъ ему, прислоненный къ подножію холма, покрытаго льсомъ, и скрываясь отчасти за разросшими-

ся въ занужденнѣ кустахъ цвѣтника , отдаленнаго отъ парка невидимомъ въ высокой травѣ рѣшеткою. Тутъ, засіялъ въ сумеркахъ продолговатый прудъ, служившій въ свое время садкомъ, съ прихотливо-раскинувшимися отъ старости ивами по обонмъ концамъ ; тамъ оказался сѣрый, растресканный столбъ съ солнечными часами ; дале длинная терраса , съ облупившимися и изломанными вазами, въ которыхъ однако же красовались померанцевыя и алойнныя деревья, вытасенныя старымъ садовникомъ изъ полуразвалившейся теплицы, въ честь прѣзда его господина. Самые слѣды запущенія, трава, замедъвиная покинутою дорогою , возбуждали въ душѣ Мальтреверса какое-то сожалѣнне, какое-то нѣжное участіе къ этому спокойному и уединенному жилищу. И не обычною своею гордою поступью, не съ величавою осанкою прошелъ онъ изъ сѣней въ одинокую библіотеку, сквозь строй вытанувшихся слугъ. Двое или трое стариковъ, доживавшихъ свой вѣкъ въ домъ, гдѣ служили можетъ-быть съ дѣтства, были ему совершенно незнакомы, и они не привѣтствовали улыбкою любви забывааго ихъ господина.

IV.

— Кто рожденъ быть человѣкомъ, не долженъ и не можетъ быть ничѣмъ высшимъ , или лучшимъ чѣмъ человѣкъ.

— Однако же, любезный Луціанъ, потому самому, что онъ не долженъ стать ниже человѣка, обязанъ всегда стремиться къ чему-то высшему, чѣмъ человѣкъ.

Виландъ.

Когда Мальтреверсъ снова явился въ общество , прошло уже два года съ выезда его изъ Лондона. Этихъ двухъ лѣтъ было достаточно, чтобы произвести совершенный переворотъ въ его судьбѣ. Эрнестъ Мальтреверсъ утратилъ въ это время драгоценныя права частнаго человѣка ; онъ отдался публикѣ ; предалъ свое имя языку людей, и оно стало вещью, которую каждый имѣлъ право хвалить и хулить, разбирать и судить. Однимъ словомъ Эрнестъ Мальтреверсъ сдѣлался литераторомъ.

Никогда не должно пускаться въ печатные столбцы, не взвѣсивъ предварительно всѣхъ послѣдствій своего предпріятія. Тотъ, кто выпускаетъ въ свѣтъ книгу съ нѣкоторымъ успѣхомъ, переходитъ роковую грань. Не разъ будетъ онъ съ сожалѣніемъ обращать взоры назадъ къ странѣ, которую онъ покинулъ навсегда. Прекрасная, усладительная безвѣстность домашней жизни для него уже не существуетъ. Его оскорбленная гордость уже не имѣетъ права ощущать справедливое негодованіе, когда его осмѣиваютъ или поносятъ. Онъ разлучился съ тѣнью своей жизни. Всѣ побужденія его могутъ быть перетолкованы, чувства его оклеветаны; его приемы, наружность, одежда, даже походка дѣлаются пищею насмѣшки и каррикатуры. Ему не возможно ни отступить, ни даже остановиться; онъ избралъ себѣ путь, и всѣ чувства, составляющія пружины жизненной дѣятельности, влекутъ его впередъ. Остановиться, значить упасть. Онъ сказалъ свѣту, что хочетъ составить себѣ имя, и долженъ или пасть со стыдомъ какъ самозванецъ, или трудиться до-тѣхъ-поръ, пока не достигнетъ объявленной цѣли. Никакая подобная мысль однако же не возмущала спокойствія Мальтреверса, когда онъ, упоенный своими мечтами и какимъ-то безотчетнымъ влеченіемъ, рѣшился сдѣлать свѣтъ своимъ повѣреннымъ, когда онъ задумалъ изъ живой природы и изъ книжнаго знанія, изъ соединенныхъ плодовъ внутренняго размышленія и внѣшняго наблюденія, извлечь нечто, что могло соединить его имя съ пріятными воспоминаніями въ умъ ближяго. Независимое состояніе и одиночество позволяли ему исполнять предаваться своимъ мечтамъ и размышленіямъ; они переполнили его умъ и наконецъ должны были излиться на бумагу, этотъ каналъ между уединеннымъ ключемъ и обширнымъ океаномъ чловѣческаго знанія. Мальтреверсъ, какъ мы видѣли, не былъ отъ природы ни раздражителемъ, ни боязливъ. Онъ обрабатывалъ свой трудъ, какъ скульпторъ формируетъ свое изваяніе, имѣя передъ глазами модель, а въ душѣ идеаль. Онъ старался, съ помощью труда и терпѣнія, приближаться все болѣе и болѣе, съ каждымъ усиленіемъ, къ тому совершенству, которое казалось ему доступнымъ разумному стремленію. Когда, наконецъ, трудъ его сталъ удовлетворителенъ передъ собственнымъ его судомъ, онъ отдалъ его съ спокойною самоуувѣренностью на судъ болѣе безпристрастный.

Первое его сочиненіе имѣло успѣхъ, можетъ-быть по той простой

причинъ, что на него лежала печать добросовѣстности и дѣйствительности. Онъ не пускался въ велерѣчивые разсказы о томъ, чего самъ никогда не видалъ, въ длинныя размышленія о томъ, чего никогда не ощущалъ. Спокойнымъ и свѣтлымъ умомъ наблюдалъ онъ жизнь, и описанія его были тѣмъ живѣе, что собственныя его первыя впечатлѣнія еще не успѣли стереться. Опытъ его запалъ глубоко, не на бесплодную поверхность зрѣлаго возраста, а на свѣжую, полную силы почву юности. Другая причина успѣха его перваго опыта заключалась, можетъ быть, въ томъ, что у него былъ болѣе разнообразный и болѣе основательный запасъ знаній, чѣмъ молодые писатели, по болѣе части, считаютъ нужнымъ приобрести. Онъ не хотѣлъ, подобно Цезарини, выводить узоры словами на самой жиденькой основѣ мыслей. Слогъ его былъ ли хорошъ или дуренъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ вѣрнымъ выраженіемъ понятой и вполне усвоенной мысли. Третьею причиною, — мы входимъ во всѣ эти подробности столько же для того, чтобы объяснить успѣхъ нашего героя, какъ и для пользы другихъ молодыхъ людей, — третьею причиною, почему Мальтреверсъ съ перваго разу встрѣтилъ такой благосклонный пріемъ отъ публики, было то, что онъ не избилъ особенностей своего изложенія и взгляды въ столбцахъ журнала, этой худшей изъ школъ для молодаго писателя. Повременныя изданія суть прекрасное средство сообщенія между публикою и установившимся уже писателемъ, который утратилъ прелесть новизны, но взявъ ее пріобрѣлъ весь признаннаго уже таланта, и который желаетъ имѣть частые, постоянные случаи излагать свои собственныя мнѣнія и ученіе по той или другой отрасли человѣческаго знанія и мышленія. Для молодаго же писателя, для начинающаго, ничто не можетъ быть пагубнѣе продолжительнаго употребленія этого средства сообщенія съ публикою; оно необходимо должно имѣть вредное вліяніе и на его будущность, и на его настоящій вкусъ и слогъ, на первую тѣмъ, что знакомитъ ее съ его манерою, — каждый писатель, стоящій чтенія, имѣетъ свою манеру, — въ формѣ, которой публика вообще не придаетъ большой важности. Онъ доходитъ въ нѣсколько мѣсяцевъ до того, что должно бы быть дѣломъ нѣсколькихъ лѣтъ, утомляетъ публику, которой слишкомъ скоро пріедаются одни и тѣ же пріемы. Вкусу и слогу его оно вредно тѣмъ, что пріучаетъ писателя всегда гоняться за минутными эффектами, добиваться какой-то

поддальной бойкости изложения и разсужденія, не простирать желанія долговѣчности своему произведенію даже конца мѣсяца, ожидать немедленной награды за трудъ и пугаться отдаленности надеждъ, которыя представляеть серіозное сочиненіе, требующее много труда отъ автора и много времени отъ публики для его оцѣнки. Въ произведеніяхъ и въ характеръ дѣятельности даже даровитаго писателя, который началъ съ раннихъ лѣтъ свое поприще въ журналистикѣ и долго подвизался въ ней, почти всегда остается что-то рѣзкое, недозрѣлое, не нормально развитое. Онъ дѣлается оракуломъ мелкихъ литературныхъ партій, и трудно освободиться отъ мысли, что заслуги его возводятся на подмостки, и слава его нельзя вполне доверять. Журналистика отняла у Галита и у многихъ его современниковъ, значительную часть той доли славы и признательности потомства, которая должна бы принадлежать имъ по праву дарованія. Но я увлекаюсь въ философствованіе; сколько даровитыхъ людей, которымъ ихъ положеніе не позволяетъ выбирать себѣ поприща. Нельзя, по выраженію Аристотеля и греческой пословицы, нельзя все извѣять рѣзцомъ дельфійскаго рѣзчика.

Второе сочиненіе Мальтреверса, явившееся черезъ полтора года послѣ перваго, было болѣе серіознаго, болѣе возвышеннаго разряда. Оно упрочило его славу, а это уже большой успѣхъ для втораго сочиненія, которое бываетъ обыкновенно самымъ опаснымъ шагомъ въ жизни писателя. Тотъ, кто послѣ успѣха перваго своего произведенія, не разочаруетъ ожиданій публики вторымъ, можетъ смѣло надѣяться занять прочное и почетное мѣсто въ литературѣ. Но съ-тѣмъ-вмѣстѣ начинаются для него всѣ заботы, всѣ мученія его новаго званія. Первый опытъ очень рѣдко возбуждаетъ противъ автора враговъ. Его собратья литераторы еще не приготовились смотрѣть на него, какъ на соперника; если онъ еще къ тому довольно богатъ, то они надѣются, что онъ не посвятитъ себя литературѣ, не запишется въ цѣхъ, по ихъ выраженію; онъ тиснулъ книгу, чтобы заставить поговорить о себѣ, и будетъ съ него, а если онъ и напишетъ другую, пожалуй не удастся, и онъ отступится. Но когда вторая книга явится, и имѣетъ успѣхъ, тутъ-то они начинаютъ осматриваться и страшиться; тотчасъ пробуждается зависть, начинаютъ козни. Вся старая школа, то-есть, всѣ литераторы, сошедшіе съ поприща и отдыхающіе на лаврахъ старыхъ успѣховъ, смотрятъ

на молодого соперника, какъ на выскочку, на него рунутся насмѣшки, недоброжелательныя замѣчанія, колкая иронія, эдикіи критики и еще болѣе эдикія, лицемерныя похвалы. Новичку, незнакому съ этими продѣлками, кажется въ это время, что онъ далѣе отъ цѣли, чѣмъ былъ при самомъ вступленіи своемъ на поприще.

Мальтреверсъ былъ одаренъ достаточнымъ запасомъ терпѣнія и хладнокровія, но онъ былъ гордъ и имѣлъ цекотливость храбраго, благороднаго человека, понимающаго долгъ взаимнаго уваженія, который порядочные люди обязаны соблюдать другъ къ другу во всѣхъ своихъ отношеніяхъ. Ему казалось страннымъ, что на него, какъ на литератора, каждый глупецъ и лжець имѣлъ право безнаказанно всписывать цѣлыя стопы бумаги самою грубою бранью личностями.

Однажды вечеромъ, это было въ самомъ началѣ лѣта, Эрнестъ угрюмо ходилъ взадъ и впередъ по своей террасѣ, погруженный въ неприятныя размышленія, и по временамъ съ грустью посматривалъ на заходящее солнце. Вдругъ онъ замѣтилъ запыленную карету, несущуюся по дорогѣ вдоль рышетки; и руку, дружески махавшую ему изъ опущеннаго окна. Число его друзей было такъ невелико, и они такъ рѣдко посѣщали его, что онъ тиетно ломалъ себѣ голову, чтобы придумать, кто бы могъ быть этотъ нечаянный гость. Братъ его былъ въ Лондонѣ. Отъ Кливленда онъ только что передъ тѣмъ получилъ письмо, изъ его помѣстья. Феррерсъ еще веселился въ Вьнѣ. Кто бы это могъ быть? Говорите, что угодно о прелести уединенія; но послѣ двухъ лѣтъ уединенія какъ отрадно появленіе неожиданнаго посѣтителя. Мальтреверсъ повернулъ назадъ, вошелъ въ домъ, и не успѣлъ еще опомниться, какъ очутился почти въ объятіяхъ де-Монтаня.

V.

— Да, говорилъ де-Монтанъ, я по своему также исполню то, что мнѣ опредѣлено Провидѣніемъ. Я членъ палаты депутатовъ, и приѣхалъ въ Англію на короткое время, по торговымъ дѣламъ. Находясь въ вашемъ сосѣдствѣ, я не могъ устоять противъ искушенія

побывать у васъ, и вы должны позволить мнѣ быть вашимъ гостемъ на нѣсколько дней.

— Поздравляю васъ отъ всей души съ вашимъ почетнымъ званіемъ. Я уже слышалъ, что слава ваша растетъ.

— Благодарю васъ, и въ свою очередь поздравляю васъ такъ же искренно. Вы осуществляете мои предсказанія. Читая ваши сочиненія, я сталъ еще болѣе гордиться вашею дружбою.

Мальтреверсъ вздохнулъ, и отвортился.

— Жажда отличія, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, овладѣваетъ человѣкомъ все болѣе и болѣе, пока не обратится въ недугъ. Сначала намъ кажется достаточнымъ стяжать нѣкоторую извѣстность и привести свою посильную лепту на общую пользу; но когда эта цѣль достигнута, въ душѣ возникаютъ новыя желанія, новыя мечты. Образы умершихъ яснѣе встаютъ на темномъ полѣ времени, и мы начинаемъ мечтать о томъ, чтобы занять осиротѣвшее мѣсто въ великомъ пантеонѣ. Тутъ въ первый разъ постигаемъ мы различіе между извѣстностью и славою, между переходящимъ почетомъ и безсмертіемъ.

— Правда, сказалъ де-Монтанъ; но неужели вы думаете, что умершіе не чувствовали того же самаго, когда первые вступили на путь, ведущій къ жизни въ потомствѣ? Продолжайте просвѣщать свой умъ и развивать свое дарованіе упражненіемъ, старайтесь восхищать и наставлять человечество; и если вы даже далеко не дойдете до образца, который вы себѣ избрали, если имени вашему суждено погибнуть вмѣстѣ съ вашимъ прахомъ, вы все-таки проживете свой вѣкъ лучше и славнѣе праздной толпы. Притомъ, положимъ даже, что вы не достигнете этой обольстительной случайности, извѣстности и славы, можете ли вы положительно сказать, что ваши способности и ваша дѣятельность не будутъ имѣть никакого участія въ вѣчномъ развитіи человечества? Силы ума также бессмертны, и стяжанія его должны жить пока живетъ человечество; поэтому чѣмъ болѣе мы развиваемъ данныя намъ Богомъ силы, чѣмъ болѣе мы приспособляемъ ихъ къ выполненію тѣхъ неисповѣдимыхъ цѣлей, которыя Промыслъ предопредѣлялъ имъ, тѣмъ больше наше значеніе въ судьбахъ міра.

— Но не значитъ ли это жертвовать прямыми наслажденіями дѣйствительной жизни какимъ-то гадательнымъ надеждамъ? что значитъ

каже ничтожное знаніе въ такомъ огромномъ цѣломъ, какъ міръ и его судьбы?

— Отвѣчайте мнѣ откровенно, сказалъ де-Монтанъ, улыбаясь. Точно ли, посвятивъ свои силы стремленію къ высокимъ духовнымъ цѣлямъ, вы жертвуете наслажденіями дѣйствительной жизни? Если такъ, то это значить, что вы попали не на свое мѣсто. Такія занятія, если человекъ къ нимъ призванъ, должны только болѣе располагать его душу и чувства къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя дѣйствительно улаживаютъ жизнь. Этого можно особенно ожидать въ настоящемъ случаѣ, потому что вы, къ счастью, довольно богаты, чтобы не нуждаться въ литературѣ для своего прокормленія; если бы вамъ нужно было занятіе, дающее вамъ кусокъ хлѣба, я посоветовалъ бы вамъ идти хоть въ плотники, но никакъ не пускаться въ литературу.

— Это все очень хорошо на словахъ, возразилъ Мальтреверсъ; однако же вы сами согласитесь, что литературныя занятія совершенно отличны отъ обыкновенныхъ цѣлей жизни, и что невозможно соединить наслажденіе тѣми и другими.

— А я думаю напротивъ, отвѣчалъ де-Монтанъ; но не въ захолустьи, не въ осьмидесяти миляхъ отъ столицы, безъ семейства, безъ общества и безъ друзей, можно удостовѣриться въ этомъ на опытѣ. Послушайте, Мальтреверсъ, я вижу передъ вами чудное поприще, и не могу допустить, чтобы вы остановились въ самомъ началѣ пути.

— Да вы не знаете, сколько клеветъ пущено уже на меня, не говоря даже о всѣхъ увѣреніяхъ, — между прочимъ очень умныхъ людей, — что у меня нѣтъ и тѣни таланта!

— Послушайте. Деннисъ былъ человекъ очень умный, а говорилъ тоже самое о нашемъ поэтѣ Попѣ; мадамъ де-Севинье была женщина необыкновеннаго ума, а увѣряла, что слава Расина не простоятъ двадцати лѣтъ. Мильтонъ не видѣлъ никакихъ признаковъ таланта въ первыхъ опытахъ Драйдена, и смотрѣлъ на него какъ на бездарнаго труженика и рюмоплета. Аристофанъ, конечно, былъ въ состояніи судить о поэзіи, а между-тѣмъ не умѣлъ оцѣнить Эврипида! Все это факты, известные каждому школьнику; слѣдовательно вы приводите доводы, которые опровергнуть каждый школьникъ можетъ.

— Но тяжело переносить несправедливые нападенія , и не отвѣчать на нихъ , не проучить завистливыхъ враговъ.

— Такъ отвѣчайте ; проучите враговъ.

— Да благоразумно ли было бы завязывать перебранку ?

— Если оно можетъ доставить вамъ удовольствіе , такъ почему же этого не сдѣлать ; *миль* , признаюсь , оно не доставило бы рѣшительнаго никакого удовольствія . Но довольно объ этомъ ; уже становится позднечко .

— Когда же супруга ваша прїѣдетъ въ Англію ?

— О , еще не такъ скоро , я думаю . Но вы увидите въ этомъ году или въ будущемъ Чезарини . Онъ вбилъ себя въ голову , что вы съ умысломъ не приняли надлежащихъ мѣръ къ тому , чтобы дѣтищу его былъ сдѣланъ прїемъ по заслугамъ , и собирается сюда , какъ скоро успеетъ стряхнуть лѣнь , чтобы разгромить ваше предательство въ ѣдкомъ предисловіи къ беззубой сатирѣ .

— Къ сатиру !

— Да , къ сатиру . Между вашими поэтами , можно указать не на одного , который пробилъ себя путь къ славѣ сатирою ; Чезарини убѣжденъ , что и онъ сдѣлаетъ тоже . Кастручіо далеко не такъ дальновиденъ , какъ его сомненникъ , князь Лукскій . Между-тѣмъ де свиданія , любезный Эрнестъ .

VI.

Когда , послѣ тяжкихъ усилій , онъ достигнетъ того знанія , которымъ гордится , оно колетъ глаза тѣмъ , кому оно недоступно .

Черчилль.

Въ бесѣдѣ де-Монтаня не было собственной лести , но было въ ней однако же нѣчто , примирившее Мальтреверса съ самимъ собою и съ своимъ призваніемъ . Оно , можетъ-быть , не столько возбуждало , какъ умѣряло и сосредоточивало дѣятельность его ума . Де-Монтанъ едва ли могъ придать чловѣку пылъ ; но онъ придавалъ за то много энергіи и устойчивости . Въ характерахъ обонхъ друзей было нѣсколько сходныхъ точекъ ; но въ Мальтреверсѣ было болѣе

творящей силы и страсти, болѣе плоти и крови, со всеми недостатками и преимуществами плоти и крови. Какъ побужденія получаютъ свои направленія отъ образа жизни, то вслѣдствіе строго-разумнаго образа жизни Де-Монтаня, все побужденія его были направлены къ добру, къ справедливости, и онъ подчинялся имъ также часто, какъ того можно ожидать отъ челоуѣка съ болѣе пылакою душою; но перес побужденіе никогда не влекло его къ чему либо заносчивому или смѣлому. Де-Монтанъ не могъ заходить за опредѣленный кругъ дѣйствія. Онъ не признавалъ умозрѣній, основанныхъ только на гаданіяхъ фантазіи, и былъ совершенно безчувственъ къ нашептываніямъ вдохновенія въ поэзіи и къ философіи.

Мальтреверсъ, напротивъ, не презирая разума, всегда стремился соединить его съ творческою силою фантазіи. Онъ любилъ систему наведенія, но распространялъ ее на предположенія точно такъ же какъ на факты. Онъ утверждалъ, что такимъ путемъ были совершены все великія завоеванія въ области науки, какъ и въ области искусства, что Нютонъ и Коперникъ никогда не достигли бы великихъ результатовъ, которыми они обогатили челоуѣческое знаніе, еслибъ не шли къ нимъ путемъ творческой фантазіи столько же какъ и путемъ разума, еслибъ не угадывали сначала того, въ чемъ потомъ удостоуверялись выкладками и умозаключеніями. Зрѣлость лѣтъ и удивительный практической характеръ воззрѣній де-Монтаня давали ему въ разсужденіяхъ сильный перевѣсъ надъ Мальтреверсомъ, которому послѣдній долженъ былъ невольне покоряться. Съ своей стороны, де-Монтанъ сознавалъ въ душѣ, что другъ его опиралъ свои выводы на гораздо обширвѣйшемъ основаніи, и обнималъ несравненно большій кругъ; что онъ скорѣе могъ впасть въ заблужденіе или въ ошибку, но въ то же время былъ болѣе способенъ къ новымъ открытіямъ. Впрочемъ, какъ пути ихъ въ жизни были различны, то они не сталкивались; и де-Монтанъ, принимая живое, неспиртворное участіе въ судьбѣ Эрнеста, довольствовался тѣмъ, что укрѣпалъ его умъ и душу противъ препятствій, которыя могли встрѣтиться ему на пути, предоставляя все прочее опыту и Провидѣнію.

Они вмѣстѣ поехали въ Лондонъ, и де-Монтанъ скоро отправился въ Парижъ. Мальтреверсъ опять явился въ блестящихъ гостинныхъ лондонской аристократіи. Онъ видѣлъ, что новое званіе его значи-

тельно изменило его положеніе въ обществѣ. Его уже честили и заславили не за случайное богатство, какъ прежде, а за достоинство столь же случайное, и которымъ онъ почти такъ же мало могъ гордиться. Все поклали его знакомства не за его умъ и дарованіе, а за его извѣстность, за современную славу. Онъ сдѣлался моднымъ писателемъ, и все бѣгали за нимъ какъ за всемъ, что въ модѣ; его приглашали, не столько для удовольствія говорить съ нимъ, какъ для того, чтобы взглянуть на него. Онъ былъ слишкомъ гордъ, и стремленіе его было слишкомъ безкорыстно, чтобы самодушіе его могъ мѣстить энтузіазмъ, въ родѣ того, какой возбуждаютъ прѣзкій бирманскій или сіамскій, или ученый блохи. По этому онъ уклонился отъ оказываемыхъ ему почестей, не принималъ навязываемаго ему представительства моды, и такимъ образомъ скоро удостоился непріязни зависшихъ литературныхъ цвѣтелей. Мало-по-малу они начали топтать въ грязь его сочиненія, за то что были недовольны сочинителемъ. Но Мальтреверсъ основывалъ свои успѣхи на одобреніи всей массы читателей; онъ имѣлъ въ виду всю отечественную и иностранную публику; ее признавалъ онъ своимъ судьей; пересуды мелкой партіи, ослѣпленной личностью, не могли оскорблять его.

Удаляясь отъ общества людей, пустыихъ и скучныхъ, онъ однако же старался не отчуждаться совершенно отъ свѣта. Онъ составилъ себѣ общество по сердцу, сталъ принимать участіе въ увлекательныхъ преніяхъ о ежедневныхъ событіяхъ, столь близкихъ каждому гражданину; изощрялъ, какъ поэтъ, свою собственность наблюденія и свой кругъ идей, смѣло и свободно мѣшаясь, какъ частный человѣкъ, во все классы общества. Но литература сдѣлалась для него тѣмъ, что искусство для художника, предметомъ пламенной, всепоглощающей страсти. Она была его призваніемъ, цѣлью и назначеніемъ его жизни, и онъ любилъ ее, какъ свое назначеніе, посвящалъ ей свою молодость, свои силы и мечты, отдавалъ ей умомъ, сердцемъ и душою. Онъ былъ безмолвнымъ, но искреннимъ энтузіастомъ искусства, котораго сдѣлался жрецомъ. Онъ сталъ равнодушнѣе къ терніямъ, усваивавшимъ его путь, къ бурямъ, помрачавшимъ небо. Онъ научился презирать зависть, возбужденную его дарованіемъ, и клевету, которою орудовали его враги. Иногда онъ молчалъ, иногда же отвѣчалъ на нападенія. Мало-по-малу его узнали, и стали бѣдиться. Многіе ненавидѣли и бранили его, но никто не могъ его презирать.

Я вывелъ бы изъ предлговъ настоящей книги, еслибъ хотѣлъ проеадить Мальтреверса, шагъ за шагомъ, черезъ все его поприще. Я описываю только главныя событiя, а не подробности его духовной жизни. О характерѣ его сочиненiй достаточно будетъ сказать, что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, они были по-крайней-мѣрѣ оригинальны, его собственныя. Онъ не писалъ по данному образцу, и не собиралъ свои книги изъ множества другихъ, всѣмъ известнымъ книгъ. Правда, онъ былъ художникъ, — развѣ гений не тоже художество? — но онъ почерпалъ законы, гармонию, порядокъ изъ истины и природы. На свѣтъ нтъ двухъ умовъ тождественныхъ; по этому каждый человекъ, который захочетъ показать намъ откровенно результатъ своихъ впечатлѣнiй, безъ прикрасъ и не подчиняясь рабству подражанiя, будетъ оригиналенъ. Однако же не оригинальностью, хотя это была его преобладающая черта, стяжалъ Мальтреверсъ свою славу, потому что его оригинальность принадлежала не къ тому разряду, который обыкновенно бросается въ глаза толпѣ; у него не было ни странностей, ни причудливостей, онъ не корчилъ ни особой системы, ни особой школы. Многiе изъ его современниковъ въ глазахъ поверхностныхъ читателей были и новые и оригинальнѣе. Глубокое и долговѣчное изобрѣтенiе развивается тонкими, последовательными степенями; оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣми выскочками и скачками, съ удорогами и ломанiями, которые свидѣтельствуютъ не силу и силу жизни, а слабость и хилость литературы.

VII.

Выѣхавши изъ города, я тотчасъ отпустилъ повода, и далъ полную волю своему мулу.

Характеръ Мальтреверса становился постепенно все строже и суровѣе, но нѣтъ того какъ умъ его мужалъ, и воображенiе утрачивало нѣтъ молодости. Однако же онъ сохранялъ еще многiя изъ своихъ прежнихъ склонностей: по прежнему любилъ онъ, отъ времени до времени, убѣгать отъ свѣта, бросать друзей и книги, роскошь и нгу, в одиночiи и вутничкомъ, когда прыжкомъ, когда верхомъ, блуждать во дншнему саду Англии.

Въ одну изъ такнхъ одинокихъ экспедицій, въ прекрасный, теплый майскій день, онъ медленно вхалъ верхомъ по одной изъ проселочныхъ дорогъ графства М**. Карманы плаща и сѣдла заключали всю его поклажу, а передъ нимъ широко раскидывался Божій міръ, представляя на выборъ, гдѣ ему вздумается склонить голову. Проселочная дорога наконецъ поворотила и вывела его на большую дорогу. Едва онъ выхалъ, какъ въ нѣкоторомъ разстояніи показалось веселое общество, скакавшее на прекрасныхъ коняхъ.

Впереди всѣхъ была дама въ темнозеленой амазонкѣ, на кровной англійской лошади, которою она управляла такъ ловко и смѣло, что Мальтреверсъ невольно остановился, чтобы полюбоваться прекрасною навзницею. Онъ самъ былъ превосходный навзникъ и невольно радовался, когда видѣлъ то же искусство въ другихъ. Пока онъ разсматривалъ навзницу, ему показалось, что онъ въ жизни своей встрѣчалъ одну только женщину, которой осанка, на лошади, была такъ полна той невыразимой прелести, которую даетъ тѣлу ловкость и неустрашимость въ чемъ бы то ни было; эта женщина была—Валерія-де-Вантадуръ. Въ то же мгновеніе, къ великому его удивленію, навзница отделилась отъ своихъ спутниковъ, выехала впередъ, и, поравнявшись съ Мальтреверсомъ, сказала голосомъ, котораго онъ сначала не могъ въ точности припомнить. Возможно ли! мистръ Мальтреверсъ?

Она помолчала, потомъ откинула отъ лица воаль, и Эрнестъ увидѣлъ передъ собою — мадамъ де-Вантадуръ. Къ тому времени, высокій, худощавый Англичанинъ нагналъ Француженку.

— Вы, кажется, встрѣтили знакомаго? сказалъ онъ: если такъ, то позвольте мнѣ раздѣлить ваше удовольствіе.

Вмѣнательство посторонняго было, повидимому, для мадамъ де-Вантадуръ облегченіемъ; она улыбнулась и едва замѣтно покраснѣла.

— Позвольте мнѣ представить вамъ мистра Мальтреверса, сказала она;—мистръ Мальтреверсъ — лордъ Донингдель, у котораго я гощу въ настоящее время.

Между-тѣмъ какъ мужчины раскланивались другъ другу, осталная часть повзда нагнала ихъ, и лордъ Донингдель, съ нѣскольکو важною, но искреннею привѣтливостью, пригласилъ Мальтреверса.

присоединиться къ его гостямъ, и ѣхать въ его помѣстье, до котораго было миль четыре. Можно себя представить, что Эрнестъ не отказалъ принять приглашеніе. Все общество пустилось въ дальнѣйшій путь, а Мальтреверсъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы спросить у Валеріи объясненія, какимъ-образомъ она пошла въ граство М... Объясненіе было коротко. У мадамъ де-Вантадуръ была младшая сестра, недавно вышедшая замужъ за сына лорда Донингдэля. Свадьба была празднована въ Парижѣ, а потомъ мосье и мадамъ де-Вантадуръ пріѣхали въ Англию, чтобы погостить недѣлю у своего знатнаго родственника.

Встрѣча была такъ внезапна и неожиданна, что ни Мальтреверсъ, ни Валерія не могли достаточно оправиться для разговора. Давъ Эрнесту желанное объясненіе, Валерія погрузилась въ задумчивое молчаніе; Мальтреверсъ ѣхалъ рядомъ съ нею, также молча и размышляя о странной игрѣ случая, который вдругъ свелъ ихъ опять вмѣстѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки.

Лордъ Донингдэль, занятый до-тѣхъ-поръ другими своими гостями, теперь подѣхалъ къ нимъ, и Мальтреверсъ былъ пораженъ благородствомъ его обращенія, и странною, даже нѣсколько изысканною отборностью его выраженій и пріятствій. Все общество скоро въѣхало въ прекрасный паркъ, котораго состояніе свидѣтельствовало гораздо болѣе почтенія и заботливости, чѣмъ обыкновенно прилагается къ этому роду владѣній, исключительной собственности Англии. Повсюду молодыя посадки рзко отличались отъ вѣковыхъ кустъ; новыя хижины, построенныя по живописнымъ и замысловатымъ рисункамъ, украшали опушки; далѣе, по мѣрѣ приближенія къ дому, встрѣчались, все въ большемъ числѣ,obelisks и колонны, по образцу античныхъ, но очевидно весьма новой работы. Самый домъ былъ ничто иное, какъ огромная масса кирпича, построенная некогда во вкусъ вѣка королевы Анны, но впоследствии передѣланная, снабженная французскими кровлями и окнами и такимъ-образомъ насильно подведенная подъ архитектуру Тюильрійскаго дворца.

— Вы безъ сомнѣнія проводите большую часть года въ своемъ помѣстьѣ, милордъ? сказалъ Мальтреверсъ.

— Да, отвѣчалъ лордъ Донингдэль; это мѣсто мнѣ очень до-

роге. Здесь его величество, король Людовик — Осемнадцатый, во время пребывания своего въ Англіи, ежегодно удостоивалъ меня своего милостиваго посещенія. Въ угоду ему, я перестроилъ свой старинный домъ, и старался придать ему нѣкоторое сходство съ дворцомъ его величества, чтобы усладить ему годы испытанія воспоминаемъ о счастливомъ прошедшемъ. Собственные его покои были убраны совершенно какъ покои, которые онъ занималъ прежде въ Тюильри. Съ-такъ-поръ это мѣсто дорого мнѣ, я съ гордостію вспоминаю это бывшее время.

Мальтреверса отвели въ обширную, щегольски отдаленную убожную, и Французъ камердинеръ пришелъ доложить ему, что въ деревнѣ лордъ Донингдель объѣдетъ въ шесть часовъ, и черезъ нѣсколько часовъ пробьетъ первый звонокъ. Онъ еще не договорилъ, какъ вошелъ самъ лордъ Донингдель, который успѣлъ къ этому времени узнать, что его гость принадлежалъ къ старинному и почтенному дому Мальтреверсовъ, котораго представителемъ въ настоящее время былъ его старшій братъ, и притомъ, что это былъ тотъ самый Мальтреверсъ, о сочиненіяхъ котораго такъ много говорили, кто съ похвалами, кто съ осужденіемъ. Лордъ Донингдель соединялъ двѣ черты характера старинныхъ вельможъ: уваженіе къ знатности рода и уваженіе къ таланту. Поэтому онъ былъ съ Эрнестомъ еще въжливѣе и любезнѣе обыкновеннаго, и такъ убедительно и радушно уговаривалъ его пробить у него нѣсколько дней, что Мальтреверсъ не могъ не согласиться. Собираясь поскитаться, онъ не запасся платьемъ для визитовъ; но онъ мало заботился о своемъ нарядѣ.

VIII.

Способность зрѣнія принадлежитъ душѣ. Вѣрный глазъ представляетъ предметъ, а умъ его воспринимаетъ; отсюда восхищеніе и отвращеніе или равнодушіе.

Крabbъ.

Войдя въ огромную гостиную, обитую штофомъ и убранную тяжелыми украшеніями и мебелью во вкусъ Людовика-Четырнадцатаго, —

своимъ мануризмомъ и барбарскимъ вкусомъ, въ которомъ нѣтъ ни изящества, ни живописности, и которому, не смотря на то, нѣтъ нодрамають такъ ребски, — Мальтреверсъ нанесъ въ ней человекъ нестигдатель. Хозяинъ выступилъ изъ окружившей его группы и цѣрмонно представилъ новоприбылаго прочимъ гостямъ. Мальтреверсъ чрезвычайно поразиле сходство сестры Валерии съ самою Валерисю; тоже самое лицо, но нѣсколько сглаженное, безцвѣтное, — нѣсколькю прекрасное, но не столь поразительное. Мистрисъ Джорджъ Гербертъ, — такъ называлась она, — была хорошенькая, молодая женщина, кроткая, скромная, ребкая, безъ ума отъ мужа. Мальтреверсовъ педлъ нея, и сталъ разговаривать. Ему стало жаль бѣдной молодой женщины, когда онъ узналъ, что она должна была жить въ Дешингдоль-паркѣ, вдали отъ друзей и привычекъ дѣтства, одна, безъ души, съ которою бы могла подѣлиться своими мыслями и чувствами; потому что мужъ ей проводилъ всю жизнь на охотѣ, и, сколько Эрнестъ могъ судить изъ пары словъ, которыми онъ съ нимъ обмѣнялся, въ головѣ его были только три мысли: собаки, лошади и жена. И послѣдняя, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была скорѣ занять третье мѣсто. Тяжело положеніе молодой, живой Француженки, погребенной въ англійскомъ помѣщичьемъ домѣ.

Но вниманіе Эрнеста было скоро отвлечено появленіемъ самой Валерии, которая вошла въ гостиную подѣ руку съ мужемъ. До этого времени, Эрнестъ не успѣлъ еще внимательно рассмотреть перемъну, произведенную въ ея наружности временемъ; можетъ-быть онъ даже боялся увидѣть ее. Теперь же онъ сталъ разсматривать ее съ любопытствомъ и участіемъ. Валерія была еще удивительно хороша, но черты ея лица сдѣлались острѣе прежняго; станъ ея тоньше и угловатѣе; въ выраженіи глазъ и губъ было какое-то недовольство, безпокойство, что-то почти похожее на сварливость. Старшая сестра могла позавидовать участи младшей; что бы ни ожидало ее въ будущемъ, по-крайней-мѣрѣ она любила мужа, со всѣми его недостатками, и если ей суждено было страдать, то ужъ не отъ пустоты сердца.

Мосье де-Вантадуръ, увидѣвъ Мальтреверса, тотчасъ прилавировалъ къ нему; воеъ его былъ динивше, чамъ когда-либо.

— Гдѣ, гдѣ! — какъ ваше здоровье — какъ ваше здоровье? —

весьма приятно в съ видѣть! — Видѣли жену, не видѣвъ меня! — гмъ, гмъ! — подозрительно — подозрительно.

— Министръ Мальтреверсъ, не угодно ли вамъ вести мадамъ де-Вантадуръ къ столу, сказалъ лордъ Донингдель, проходя мимо ея и ведя подь руку какую-то герцогиню.

— И такъ вы оставили Неаполь? сказалъ Мальтреверсъ, совсѣмъ оставили?

— Да, ужъ едва ли поѣдемъ назадъ.

— А это такое чудесное мѣсто! я его очень любилъ и теперь вспоминаю о немъ съ особеннымъ удовольствіемъ, сказалъ Эрнестъ спокойно, не придавая этому замѣчанію никакого особеннаго значенія.

Во все время обѣда разговоръ между Мальтреверсомъ и мадамъ де-Вантадуръ былъ безцвѣтенъ и какъ-то не вязался. Она нѣкогда имѣла вліяніе на него; но новыя вліянія, которыя онъ пережилъ, и то, которое онъ самъ произвелъ, стерли ея образъ. Такова жизнь. Долгое отсутствіе гаситъ ложное пламя, но не истинное. Огни, горѣвшіе такъ ярко на вчерашнемъ пиру, угасли; но пройдутъ тысячи лѣтъ, и звезды, на которыя мы смотримъ нынче, будутъ горѣть все также свѣтло. Мальтреверсъ ужъ не любилъ Валерію...

Мальтреверсъ самъ удивился, когда началъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ; онъ удивился, когда увидѣлъ, что біеніе его сердца нѣсколько не ускорялось отъ прикосновенія той, которая нѣкогда однимъ взглядомъ заставляла трепетать всю его душу. Онъ удивился, но въ то же время радовался. Онъ уже не искалъ, а скорее старался избѣгать увлеченія, и нравственныя понятія его были гораздо чище и возвышеннѣе, чѣмъ въ то время, когда онъ ушнвался обаятельною природою Неаполя.

IX.

Откуда тотъ тихій голосъ, тотъ говоръ сердца, что нашептываетъ о давно минувшемъ?

Вордсвортъ.

Эрнестъ нѣсколько дней гостилъ въ Донингдель-паркѣ. Каждый день выѣзжалъ онъ верхомъ съ Валеріею, но всегда большимъ об-

ществомъ, и каждый вечеръ онъ разговаривалъ съ нею, но весь миръ могъ бы подслушать каждое ихъ слово. То чувство, которое иногда возникло между молодымъ мечтателемъ и гордою, недоволенною своимъ удѣломъ женщиною, почти совсѣмъ исчезло. Мальтреверсъ уже не былъ мечтателемъ съ-тѣхъ-поръ, какъ передъ нимъ открылись благородныя, великія цѣли. Съ другой стороны Валерія, погрузившись въ мелочную жизнь, которую она прежде ненавидѣла, и связавшись съ нею, привела свои мысли и стремленія въ уровень съ мыслями и стремленіями свѣта. Она не имѣла уже передъ Мальтреверсомъ превосходства мудрости; его чувство утратило уже прежній пылъ, а ея ухо огрубѣло для его таинственнаго говору. Однако же Эрнестъ все еще питалъ къ ней вѣжкую, почтительную дружбу, а она, казалось, съ какою-то гордостью смотрѣла на его славу.

Однажды вечеромъ Мальтреверсъ приблизился къ кружку, въ которомъ мадамъ де-Вангадуръ вела рѣчь съ большимъ одушевленіемъ противъ обыкновеннаго, и съ живостью, съ умомъ и игривостью Француженки, перебирала самые разнообразныя предметы, ставя на одну доску и серьезные вопросы и бездѣлушки, судя съ одинаковою смѣлостью и одинаковою поверхностью о философіи, о поэзіи, о сервскихъ фарсахъ, о политикѣ. Эрнестъ слушалъ ее съ удивленіемъ, но уже безъ восторгу. ~~Одинъ~~ же въ Валеріи въ этотъ вечеръ замѣтно было какое-то принужденіе, видно было, что она говорила съ напряженіемъ.

Вдругъ она остановилась среди одушевленнаго описанія французскаго двора, утомленная, можетъ-быть, ролью, которую она разыгрывала весь вечеръ, и сказала: — Смотрите, должны ли мы все спорить отъ стыда? наша болтовня рѣшительно заглушила музыку. Лордъ Доннингтонъ уже не разъ прѣнизко кланялся мнѣ, будто хотѣлъ сказать, съ своею придворною учтивостью: «Не мѣшаемъ ли мы вамъ болтать?» не хочу болѣе быть причастна вашему преступленію безвкусіа.

Съ этими словами она встала, пропорхнула сквозь толпу и удалилась на другой конецъ комнаты. Эрнестъ слѣдовалъ за нею взорами. Она подозвала его знакомъ, и онъ сѣлъ подлѣ нея.

— Министръ Мальтреверсъ, сказала Валерія, съ необыкновенною живостью въ голосъ — я еще не поблагодарила васъ за удоволь-

ствіе, которое вы доставили мнѣ своимъ талантомъ. Благодаря ему я могла въ разлуку бесѣдовать съ вами; книги ваши были мнѣ самыми драгоценными друзьями. Какъ намъ придется снова опять проститься, то позвольте мнѣ сказать вамъ это чистосердечно, безъ лести.

Эти слова естественно должны были повести къ разговору, было ближнему къ прошедшему, чѣмъ вся беседа ихъ въ предвидущіи дни. Но Эрнестъ былъ остороженъ, и Валерія подстерегала каждое его слово, каждый взглядъ, съ волненіемъ, котораго не могла скрыть, и въ которомъ можно было подозрѣвать обманутое ожиданіе.

— Взбираться на крутую гору, говорила Валерія, утомительно, но въ то же время доставляетъ приятное ощущеніе; да, хотя бы тучи не позволяли намъ насладиться прекраснымъ видомъ съ ея вершины, это ощущеніе, однако же, полно невыразимой сладости, которую почти можно принять за проявленіе врожденнаго влеченія людскія инстинкта, заставляющаго ихъ стремиться къ возвышенно, желать вознестись выше торныхъ дорогъ и обыкновеннаго уровня жизни. Нѣчто въ родъ этого обаятельнаго ощущенія должно доставлять отрешеніе высокаго ума къ славы; умъ здѣсь тотъ же путникъ.

— Не слава манитъ въ этомъ случаѣ, отвѣчалъ Мальтреверсъ; удовольствіе тутъ заключается въ возможности идти по пути, среднему нашимъ наклонностямъ, и который скоро дѣлается намъ еще милѣе отъ привычки. Минуты, когда взоры наши обращаются за предѣлъ труда, и когда мы представляемъ себя подъ тѣнію вѣчнаго лавра, рѣдки. Самый трудъ, будь онъ на поприщѣ дѣйствія или литературы, вотъ что занимаетъ человека и возбуждаетъ его дѣятельность. Наконецъ самая сухость работы получаетъ завѣтную прелесть привычки. Но въ умственномъ трудѣ есть еще другая пріятность; мы короче знакомимся съ собственною своею природою. Сердце и душа, такъ сказать, сдружаются; ощущенія одного и стремленія другой сливаются въ одно. Такимъ-образомъ мы никогда не остаемся безъ общества, не бываемъ одни; все, чтò мы читали, все, чему мы научились, все, чтò мы открыли, — наши собесѣдники. Это особенно отрадно, прибавилъ Мальтреверсъ, тому, у кого нѣтъ близкихъ во внѣшнемъ мірѣ.

— И вы себя ставите въ тотъ разрядъ? спросила Валерія съ ребяческою улыбкою.

— Да, отвѣчала Мальтреверсъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я небдалью одно чувство, мнѣ почти кажется, что я пережилъ способность любить. Мнѣ кажется, что когда мы даемъ сильное развитіе способности ума или воображенія, мы притупляемъ, въ некоторой степени, свою юношескую чувствительность къ прекраснымъ впечатлѣніямъ действительной жизни. «Праздноствію, говорятъ древній римскій поэтъ, питается «акадѣ любви».

— Вы еще слишкомъ молоды, чтобы говорить такимъ образомъ.

— Я говорю, что думаю и чувствую.

Валерія не возражала.

Вскорѣ за тѣмъ подошелъ къ нимъ лордъ Донингдель и предложилъ устроить на слѣдующій день прогулку къ развалинамъ древняго монастыря, находившимся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Донингдель-парка.

X.

Если встрѣчу я тебя черезъ много лѣтъ, какъ буду я привѣтствовать тебя?

Байронъ.

На слѣдующій день общество, собравшееся для прогулки, было гораздо малочисленнѣе обыкновеннаго, оно состояло только изъ лорда Донингделя, сына его Джорджа Герберта, Валеріи и Эрнеста. Они возвращались съ развалинъ и солнце, быстро склоняясь къ западу, бросало косвенные лучи на сады и дома небольшого, но живописнаго городка, или скорѣе села, на большой сѣверной дорогѣ. Этотъ городокъ, или это село, одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ въ Англии, и славится превосходною, старинною гостинницею и обширнымъ, искусно расположеннымъ садомъ. Наши всадники медленно ѣхали по длинной, кривой улицѣ этого села, когда небо вдругъ затянуло густыми тучами, и нѣсколько упавшихъ градинъ возвестили приближающуюся грозу.

— Говорилъ я вамъ, что до вечера безъ грозы не обойдется, сказалъ Джорджъ Гербертъ. Вотъ теперь сидите, какъ ракъ на мѣли.

— Джорджъ, какъ можно употреблять такіа простонародныя выраженія? сказалъ лордъ Довингдель, застегивая сюртукъ. Между-тѣмъ, какъ онъ говорилъ это, яркая молнія блеснула огненнымъ змѣею передъ самыми ихъ глазами, а небо становилось все мрачнѣе и чернѣе.

— Не лучше ли намъ обождать въ гостинницѣ? сказалъ Мальтреверсъ; сейчасъ пойдетъ дождь, и мадамъ де-Вантадуръ....

— Вы правы, прервалъ лордъ Довингдель, и подъялъ лошадь въ курць-галопъ.

Въ нѣсколько минутъ они доѣхали до гостинницы. Загремѣли звонки, залаяли собаки, забѣгали слуги. Простая, темная дорожная карета стояла передъ гостинницею; дама, пробужденная можетъ-быть шумомъ, происходившимъ на дворъ, высунула голову въ окно одного изъ номеровъ бель-этажа. Эта дама, владѣтельница дорожной кареты, была въ это время одна въ своемъ номерѣ. Сначала она равнодушно взглянула на подѣхавшихъ всадниковъ; но потомъ взоры ея вперились въ одного, — она поблѣднѣла, вскрикнула замирающимъ голосомъ, и повалилась безъ чувствъ на полъ.

Между-тѣмъ лорда Довингделя и его гостей ввели въ комнату, смежную съ тою, которую занимала прѣзжая дама. По настоящему, обѣ комнаты составляли одну большую залу, употреблявшуюся для баловъ и для провинціальныхъ сѣздовъ, и раздѣлялись только тоненькою деревянною перегородкою, которая въ случаѣ нужды разбиралась и снималась. — Крупный градъ стучалъ обѣ стѣны и обѣ стекла, деревья трещали, громъ страшно грохоталъ; въ огромной, пустой комнатѣ было холодно и сыро. Валерія дрожала, и какъ скоро развели огонь въ каминъ, она съѣла передъ нимъ.

— Васъ промочило, любезная мадамъ де-Вантадуръ, сказалъ лордъ Довингдель. Вы должны бы снять тѣсную амазонку, и велѣть просушить ее.

— Нѣтъ, что за важность, если я промокла! отвѣчала Валерія, съ горечью, и даже почти съ грубостью.

— Очень важно, возразилъ Эрнестъ; прошу васъ, послушайтесь благоразумнаго совѣта.

— Развѣ вы такъ дорожите своимъ здоровьемъ? пробормотала Валерія.

— Как можете вы это спрашивать! отвѣчалъ Эрнестъ, также тихо, съ искреннимъ, дружескимъ участіемъ.

Между-тѣмъ добрый старикъ призвалъ горничную и съ повелительною нѣжностью отца принудилъ Валерію выйти изъ комнаты. Мужчины, оставшись одни, говорили о грозѣ, дѣлали разные предположенія о томъ, какъ долго она можетъ простоять, и разсуждали, не слѣдуетъ ли послать въ Донингдель-паркъ за каретою. Пока они говорили, градъ пересталъ; но тяжелыя, густыя тучи тянулись съ горизонта, предвѣщая новый залпъ не хуже перваго. Джорджъ Гербертъ, нетерпѣливѣйшій изъ смертныхъ, особенно если дождь заставитъ его въ чужомъ домѣ, воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы немедленно скакать въ Донингдель и прислать карету.

— Кажется можно послать какого-нибудь конюха, Джорджъ, онъ справитъ это дѣло не хуже тебя, замѣтилъ отецъ.

— Нѣтъ батюшка, мнѣ будетъ слишкомъ завидно смотрѣть на счастливица. Здѣсь мнѣ тоска смертная. Притомъ Машенька будетъ безпокоиться о насъ. Мой гнѣздо снесетъ меня и принесетъ назадъ въ двадцать минутъ. А дождь и буря мнѣ ни почемъ, вы сами знаете. До свиданія.

И молодой охотникъ вышелъ; а черезъ двѣ минуты, онъ былъ уже на конѣ и весело несся изъ воротъ гостиницы.

— Не странно ли, что судьба наградила меня такимъ сыномъ? пробормоталъ лордъ Донингдель въ раздумьи; сыномъ, который не можетъ пробыть двухъ минутъ въ комнатѣ, не умирая со скуки? А я еще такъ заботился о его воспитаніи. Не понимаю, какъ чело-вѣкъ можетъ быть до такой степени въ тягость самому себѣ, что не можетъ вынести нѣсколькихъ минутъ размышленія; что гроза и ливень ему не такъ страшны, какъ бесѣда съ собственными мыслями.... Истинно непостижимо. — Однако же и то сказать, что за несносный климатъ! скоро ли-то прочистится?

Въ такихъ размышленіяхъ лордъ Донингдель ходилъ, или вѣрнѣе, маршировалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы сюртука; хлыстикъ торчалъ перпендикулярно изъ праваго. Въ это время слуга пришелъ доложить ему, что конюхъ его ждалъ въ прихожей и очень желалъ съ нимъ поговорить. Тутъ лордъ Донингдель имѣлъ удовольствіе узнать, что съ его любимую суюрою лошадыю, на которой онъ ѣздилъ уже пятнадцать лѣтъ, зимой и лѣтомъ, съ-

лжась судороги, что ее корчить такъ, по выраженію коника, какъ будто у нея чортъ въ животъ.

Лордъ Донингдэль поблѣднѣлъ и, не говоря ни слова, бросился опрометью на конюшню.

Мальтреверсъ былъ такъ погруженъ въ думу, что не слышалъ короткаго разговора господина съ конюхомъ. Онъ остался одинъ и сидѣлъ передъ каминомъ, склонивъ голову и сложивъ руки на груди.

Между-тѣмъ дама, занимавшая смежную комнату, медленно осматывалась и сжимала виски руками, какъ бы силясь собраться съ мыслями. Ея прелестное лицо было такъ кротко, такъ невинно, — почти какъ лицо ребенка, а въ радостной улыбкѣ, которая въ ту минуту озарила его, было столько смиренія, что-то такое трогательное, что невозможно было смотреть на нее безъ глубокаго участія; почти больно было видѣть ее. Это была радость сердца, испившаго чашу горести до дна! Вдругъ она вскочила и сказала задыхающимся голосомъ: — Нѣтъ, нѣтъ! это не сонъ! Онъ возвратился, — онъ здѣсь; — теперь опять пойдетъ хорошо! Да, это его голосъ! О, благодарю тебя, Боже, это его голосъ!

Она остановилась, приложила палецъ къ губамъ, склонила голову. Тихіе, невнятные звуки голосаъ доносились до ея слуха изъ-за тонкой перегородки, отдѣлявшей ее отъ Мальтреверса. Она слушала съ напряженіемъ, но не могла разобрать словъ. — Онъ не одинъ, прошептала она печально. — Дождусь, чтобы голоса умолкли и тогда рвнусь войти.

Какой же это разговоръ шелъ за перегородкою? Мы должны возвратиться къ Эрнесту. Онъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи и въ той же задумчивости, когда мадамъ де-Вантадуръ возвратилась. Она покраснѣла, увидѣвъ себя одною съ Эрнестомъ, да и самъ Эрнестъ нѣсколько смутился.

— Гербертъ поскакалъ домой за каретою, а лордъ Донингдэль пропалъ не знаю куда, сказалъ онъ. Надвось, что вы не простудились, промокли подъ дождемъ?

— Нисколько, отвѣчала Валерія.

— Не имѣете ли вы какихъ порученій въ Лондонъ? продолжалъ Мальтреверсъ; — я еду завтра.

— Такъ скоро! вскричала Валерія. — Ахъ, продолжала она послѣ минутнаго молчанія, мы не увидимся много лѣтъ, можетъ-быть.

Мосье де-Вантадуръ назначенъ посланникомъ въ С**, и... и... Но кому до этого дѣло? Куда дѣвалась дружба, въ которой мы вѣлились другъ другу?

— Она здѣсь, отвѣчалъ Мальтреверсъ, прижавъ руку къ сердцу; — здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, та половина этой дружбы, которую долженъ былъ хранить я; и больше чѣмъ дружба, Валерія, — уваженію, благодарности. Въ часъ моей жизни, когда пылъ души и страсти заглушали мой разумъ и могли бы сдѣлать изъ меня пустого и недостойнаго сластолюбца, вы убѣдили меня, что есть на свѣтѣ добродѣтель, и что женщина слишкомъ благородна, чтобы служить вамъ шуткою, быть сегодня кумиромъ, а завтра жертвою. Вашему влиянію, Валерія, обязанъ я тѣмъ, что сталъ человекомъ мыслящимъ и, надѣюсь, лучшимъ человекомъ.

— О, вскричала мадамъ де-Вантадуръ, сильно тронутая, благодарю васъ за эти слова; вы не можете понять, какъ они для меня сладостны. Теперь я узнаю васъ опять. Чего — чего стоила мнѣ моя рѣшимость? Но теперь я награждена!

Эрнестъ былъ тронутъ ея волненіемъ и собственными своими воспоминаніями; онъ взялъ ея руку и, сжавъ ее съ искреннею и почти-тельною вѣжностью, сказалъ: — Давая себѣ отчетъ въ прошедшемъ, я никогда не думалъ, чтобы вы меня любили, — нѣтъ, я не былъ такъ самоуважливъ; но если это правда, то это еще болѣе возвышаетъ васъ въ моихъ глазахъ; сколько прозорливости, сколько мудрости въ вашей добродѣтели! Не блаженнѣе ли мы въ тысячу разъ, въ те-перешнихъ своихъ чувствахъ другъ къ другу, чѣмъ еслибъ мы предались увлеченію преходящей, преступной страсти, которая вмѣсто ожидаемаго блаженства, порождаетъ только угрызения совѣсти и борьбу съ чувствомъ долга. Теперь же....

— Теперь же! подхватила Валерія съ живостью, устремивъ на него свои черные глаза, — теперь вы меня уже не любите! Да, оно и лучше.

— Не говорите этого, Валерія, вы, которую я такъ глубоко уважаю, люблю, — да, люблю, но не страстью, какъ прежде, а глубокою, неумирающею любовью дружбы!

— Эрнестъ, я не могу, я не должна желать, вашей любви, а вслѣдствіе нѣтъ больно подумать, что вы меня болѣе не любите. Молодость моя увядаетъ, красота меркнетъ, умъ мой помрачается отъ

этой безотрадной жизни, я не хочу любить васъ, а хотѣла бы видѣть въ васъ то же чувство, которое нѣкогда питало ко мнѣ ваше молодое сердце! Презирайте меня, Мальтреверсъ, я не то, чѣмъ вы меня считаете, — я лицемерна — презирайте меня....

— Нѣтъ, сказалъ Эрнестъ, схвативъ ея руку и преклоняя передъ нею колено, — нѣтъ, незабвенная Валерія, выслушайте меня.

И онъ цѣловалъ ея руку, между-тѣмъ какъ другою рукою она закрывала лицо, и жгучія слезы орошали его. Эрнестъ дождался, чтобы волненіе ея нѣсколько успокоилось; рука ея была все еще въ его рукѣ, и онъ осыпалъ ее самыми почтительными, самыми чистыми поцѣлуями, какъ рыцарь нѣкогда лобызалъ руку царицы своего сердца.

Въ это время дверь сосѣдней комнаты тихо отворилась. Прелестная женщина — лучше и моложе мадамъ де-Вантадуръ, — явилась на порогъ; минутное молчаніе обмануло ее, она думала, что Мальтреверсъ былъ одинъ. Она пришла съ словомъ восторга на устахъ; надежда, радость билась въ каждой ея жилкѣ, въ каждой мысли; за этимъ порогомъ, мечтала она, жизнь ея снова озарится счастьемъ, тамъ воскреснетъ незабвенное прошедшее, то прошедшее, въ которомъ самый воздухъ казался пропитанъ блаженствомъ. Такъ она вошла: но на порогъ, она остановилась будто окованная волшебною силою, окованная ужасомъ, блѣдная какъ смерть; жизнь оледѣла въ ея жилахъ; юность, надежда, счастье, все исчезло для нея невозвратно! Эрнестъ у ногъ прекрасной дамы, вотъ все, что она видѣла! Никто не замѣчалъ ея, никто не слышалъ ея тяжелаго дыханія. А Эрнестъ былъ въ одной комнатѣ съ нею, и не зналъ этого!

Нѣсколькихъ словъ, которыя она подслушала, было для нея достаточно; она тихо пошла назадъ; при всемъ ея смиреніи, сердце ея было гордо. Дверь затворилась за нею; самое пламенное желаніе ея сердца исполнилось, небо услышало ея молитву: она видѣла еще разъ того, кому предано было ея дѣвственное сердце!

— Выслушайте меня, Валерія! продолжалъ Эрнестъ, не подозревая того, что происходило въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. — Разлученные временемъ и пространствомъ, среди всѣхъ радостей и испытаній жизни, будемъ хранить эту дружбу чистою, непричастною никакому порочному, постыдному помыслу! Какое чувство можетъ быть истиннѣе, возвышеннѣе того, которое основано на чести и

добродетели, какою была бы всякая любовь, если бы сердце и душа не были искажены слабостью плоти.

Въ выраженіи лица Эрнеста было столько благородства, въ голосѣ его столько энтузіазма, что въ душѣ Валеріи пробудилось все врожденныя ей возвышенныя чувства и мгновенно побѣдили минутную слабость. Она посмотрѣла на него съ восторгомъ и благодарностью, и потомъ сказала слабымъ, но спокойнымъ голосомъ: — Эрнестъ, я уважаю васъ; да, ваша дружба мнѣ дороже вашей любви.

Въ это время раздался на лѣстницѣ голосъ лорда Донингдель. Чара была снята, буря отрастей смирилась, часть борьбы и испытанія миновался! Пока лордъ Донингдель взбирался на лѣстницу, Гербертъ возвратился въ гостиницу съ каретой, и черезъ нѣсколько минутъ все общество усѣлось въ нее. Между-тѣмъ, какъ она отъезжала, конюхи надввали хомуты на лошадей, чтобы закладывать темнозеленую, дорожную карету; а изъ окна бельэтажа, грустный, напряженный взоръ слѣдовалъ за щегольскимъ экипажемъ лорда; — взоръ, за который Мальтреверсъ отдалъ бы половину своего богатства. Но онъ не поднялъ глазъ, и Алиція отвернулась. Участь ея была рѣшена!

XI.

Странные порывы страсти видалъ я, и о нихъ-то хочу вести повѣсть.

Вордсвортъ.

На слѣдующій день Мальтреверсъ выѣхалъ изъ Донингдель-парка. Послѣ приведеннаго разговора, ему не случалось болѣе говорить съ Валеріею; но когда онъ прощался съ нею, она вложила ему въ руку записку, которую онъ прочелъ, медленно удаляясь по букovýmъ аллеямъ парка. Содержаніе ея было слѣдующее:

Это была единственная минута слабости въ моей жизни. Никто не можетъ знать, сколько я перестрадала, сколько я выдержала борьбы и унынія, — я, которой столь многіе завидуютъ! Въ разлукѣ, я никогда не забывала васъ, Мальтреверсъ; и образъ вашъ еще болѣе показывалъ мнѣ пустоту и ничтожество всего меня окружающаго. Прошанъ годы, и имя ваше вдругъ раздалось на всѣхъ устахъ. Куда я ни обращалась, вездѣ слышала я о васъ.

Я не могла удалить отъ себя мысли о вашей славѣ; она казалась мнѣ вашимъ голосомъ, бесѣдовавшимъ подлѣ меня. Наконецъ мы встрѣтились, внезапно, неожиданно. Я увидѣла, что вы уже не любили меня, и эта мысль поколебала всю мою твердость: скорбь убиваетъ силы души, какъ болѣзнь убиваетъ силы тѣла. Я забылась, я готова была погубить себя. Но теперь въ душѣ моей снова пробудились болѣе возвышенныя чувства, и если мы когда опять встрѣтимся, я буду достойна вашего уваженія. Я вижу, какъ опасно, какъ грѣшно, давать волю безпокойной мысли, слушать шопотъ недовольнаго сердца, и возвращаюсь къ жизни съ твердой рѣшимостью побороть все, что противно ея требованіямъ и моему долгу. Да хранить и руководить васъ небо, Эрнестъ! Вспоминайте обо мнѣ, какъ о женщинѣ, которую вы могли любить безъ стыда, — которую вы можете, не красясь, представить своей женѣ. Съ вашимъ любящимъ сердцемъ, съ вашею возвышенною душою, вы не рождены, какъ я, для одиночества. Прощайте!»

Мальтреверсъ много разъ читалъ и перечитывалъ это письмо; а возвратившись домой, положилъ его рядомъ съ прядью волосъ Алици. По его мнѣнію, ни та ни другая не могла оскорбиться этимъ соседствомъ.

Затѣмъ онъ съ напряженіемъ возвратился къ своимъ литературнымъ занятіямъ и къ изученію дѣйствительной жизни. Въ сердцѣ его было какое-то безпокойство, побуждавшее его усилить умственную дѣятельность. Этотъ годъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ годовъ его жизни, — годъ наиболее раздражившій его враговъ и завистниковъ, и наиболее упрочившій его славу.

ХП.

Дѣйствительно, онъ вошелъ въ мою комнату... — Меня удивляютъ, сказалъ онъ, прихоти судьбы, которая иногда осмѣляетъ своими благодѣяніями бездарнаго писака, между-тѣмъ какъ столько великихъ писателей умираетъ съ голоду.

Прошло ровно годъ съ послѣдняго свиданія Мальтреверса съ Валерією, и она давно уже выѣхала изъ Англіи. Однажды утромъ, онъ

сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, когда ему доложили, что его желалъ видѣть Кастручіо Чезарини.

— А, любезный Кастручіо, какъ поживаете? вскричалъ Мальтреверсъ съ живостью, когда дверь отворилась, и Итальянецъ показався на порогѣ.

— Мосье Мальтреверсъ, отвѣчалъ Кастручіо съ холодною важностью, и по-французски, — последнее у него обыкновенно означало, что онъ не желалъ вступать съ человѣкомъ въ короткія отношенія, — милостивый государь, я не за тѣмъ пришелъ, чтобы возобновить старое знакомство; вы великій человѣкъ, — тутъ онъ горько усмѣхнулся, — я человѣкъ ничтожный, — при этомъ словъ онъ сказался, — я пришелъ только заплатить вамъ долгъ, который оказывается на мнѣ.

— Что значить этотъ тонъ, Кастручіо? о какомъ это долгъ вы говорите?

— Пріѣхавъ вчера въ городъ, сказалъ поэтъ торжественно, я отправился къ человѣку, которому вы поручили нѣсколько лѣтъ назадъ изданіе моего томика стихотвореній, чтобы справиться объ ихъ успѣхъ, и узналъ, что изданіе стоило сто двадцать фунтовъ, за вычетомъ суммы, вырученной отъ продажи сорока-деяти экземпляровъ. Ваши сочиненія, говорятъ, расходятся въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Оно очень понятно; о нихъ есть кому позаботиться, а мои явились въ свѣтъ мертворожденными, о нихъ никто не старался.... Но какое дѣло! — Поэтъ махнулъ рукою. — Вы издержали деньги на изданіе моего томика; я возвращаю ихъ вамъ; вотъ ордеръ на сумму моему банкиру. Затѣмъ дѣло мое кончено; желаю вамъ счастливо оставаться, и много лѣтъ наслаждаться своими успѣхами и славой.

— Помыслите, Чезарини, то, что вы дѣлаете, изъ рукъ вонъ, какъ глупо.

— Мосье Мальтреверсъ....

— Да, глупо; можетъ ли что быть глупѣе, какъ отвергать дружбу въ мірѣ, въ которомъ и безъ того дружба такъ рѣдка? Вы полагаете, что я своимъ нерадвніемъ виноватъ слабому успѣху вашей книги, но спросите издателя, онъ скажетъ вамъ, что я заботился и хлопоталъ о ней несравненно болѣе, чѣмъ о своихъ собственныхъ.

— Это видно изъ того, что продано сорокъ-девятъ экземпляровъ!

— Садитесь, Каструччио; садитесь и выслушайте хладнокровно!

И Мальтреверсъ начал образумливать, успокоивать, утешать его. Онъ напомнилъ бѣдному поэту, что стихи его были писаны на чужомъ языкѣ, что въ Англии сочиненія самихъ англійскихъ поэтовъ, и пользовавшихся наибольшою славою, расходились въ весьма маломъ числѣ экземпляровъ; — что невозможно же заставить глушую публику платить за то, чего эта глухая публика не понимаетъ и не цѣнитъ. Однимъ словомъ, онъ привелъ все, что могъ придумать для того, чтобы убѣдить и смягчить Каструччио, и говорилъ съ такимъ неопровержимымъ участіемъ, съ такою добротою, что Итальянецъ долженъ былъ наконецъ согласиться, что гнѣвъ его былъ неосновательнъ и неумѣстенъ. Они заключили мировую; Мальтреверсъ отъ искренняго сердца, Цезарини принужденно и съ тайною неприязнью: безсонный поэтъ не могъ простить успехов болѣе счастливаго соперника.

— Долго ли вы думаете пробыть въ Лондонѣ? спросилъ Мальтреверсъ.

— Нѣсколько мѣсяцевъ пробуду.

— Такъ неплатье за овинни вещами, и гостите у меня.

— Нѣтъ, очень благодаренъ; я уже нанялъ себѣ квартиру по сердцу. Вы знаете, что я привыкъ къ уединенію.

— Я полагаю, однако же, что пока вы здѣсь, вы не будете жить отшельникомъ, а станете посѣщать овать.

— Да, у меня довольно много рекомендательныхъ писемъ, а мнѣ говорилъ, что вы, Англичане, умѣете цѣнить заслуги, — даже въ Итальянцѣ.

— Вамъ говорили правду; да и вамъ самимъ, я думаю, будетъ пріятно посмотреть вблизи на наши знаменитости. Васъ вездѣ примутъ очень радушно. Позвольте мнѣ быть вашимъ чичероне.

— Но ваше время такъ драгоценно....

— Мое драгоценное время совершенно къ вашимъ услугамъ. Куда же вы идете теперь?

— Сегодня министръ Д** дастъ сеансъ декламациі, и мнѣ любопытно послушать этого знаменитаго профессора декламациі; говорятъ, что о немъ болѣе кричать въ Лондонѣ, чѣмъ о комъ бы то ни было изъ литераторовъ.

— Это совершенная правда; я пойду съ вами; мнѣ самому до-

онъ-вѣрѣ не удавалось послушать его, и я собирался сегодня удовлетворить свое любопытство.

— Неумоли вамъ не завидно на человека, о которомъ такъ много толкуютъ ?

— Завидно ? — да съ чего же мнѣ будетъ завидно ? вѣдь я не прочу себя въ декламаторы ; между нами нѣтъ ничего общаго.

— Еслибъ я имѣлъ успѣхъ въ литературѣ, я сталъ бы завидовать всему, что отвлекало бы отъ меня вниманіе публики, — даже танцующимъ собачкамъ, еслибъ о нихъ говорили слишкомъ много.

— Нѣтъ, любезный Чезарини, я увѣренъ въ противномъ. Въ настоящее время вы несколько раздражены неудачею ; это очень естественно ; но человекъ, стяжавшій заслуженный успѣхъ, не знаетъ зависти, даже когда встрѣчаетъ соперника на собственномъ поприщѣ. Зависть есть признакъ больной души ; неудача овлабляетъ человеческое сердце ; но пусть только лучъ счастья упадетъ на него, и зависть рассеется, какъ туманъ отъ лучей солнца. Пойдемте, намъ вѣногда терять время.

Мальтреверсъ взявъ шляпу, и молодые люди направили путь къ залѣ, въ которую профессоръ Д** привлекалъ каждое воскресенье множество народа своимъ краснорѣчіемъ. Чезарини сохранилъ привычку причудливости и изысканности въ покровъ платья, только теперь оно было сшито изъ лучшихъ матеріаловъ, и онъ носилъ его отъ большого щегольствомъ и жеманствомъ. Онъ очень понравился нарядностью ; въ Парижѣ имъ очень любовались, говорили, что онъ смотритъ настоящимъ гениемъ, что его черные кудри, распущенные на плечахъ, его борода, испанская шляпа и оригинальный костюмъ придаютъ ему что-то особенное, что-то резко отличающее его отъ прочихъ людей. Онъ усмѣхнулся съ презрѣніемъ, увидѣвъ простой нарядъ своего спутника.

— Я замѣчаю, сказалъ онъ, что вы слѣдуете модѣ ; глядя на васъ, подумаешь, что вы проводите жизнь съ щеголями, а никакъ не съ учеными и литераторами. Не постигаю, какъ вы можете нисходить до такихъ мелочей, какъ модная шляпа и модный покровъ платья.

— По-моему мелочностію было бы гоняться за оригинальностью въ снѣгъ шляпы и покровъ платья ; такъ, по-крайней-мѣрѣ, смотрятъ на вещи у насъ въ Англій. Я по рожденію принадлежу къ порядочному обществу, и одѣваясь, имѣю одѣваться все въ моемъ с основаніемъ

Если я литераторъ, это вовсе не значить, что я долженъ отличатся отъ другихъ людей наружностью.

— Я вижу, сказала Чезарини, что вы не чужды слабости вашего земляка Конгрива, который ставилъ себя болѣе въ честь званіе дворянина, чѣмъ литератора.

— Я всегда подозрѣвалъ, что этотъ анекдотъ нѣсколько переиначенъ. Конгривъ былъ человекъ благородный и гордый; и, по моему мнѣнію, онъ былъ совершенно правъ, изъявляя неудовольствіе на то, что къ нему прѣзжали за тѣмъ только, чтобы взглянуть на него какъ на диковинку.

— Но благоразумно ли показывать свѣту, что писатель такой же точно человекъ, какъ и всѣ люди? Не произведетъ ли онъ сильнѣйшее впечатлѣніе на массу людей, когда на него будутъ смотрѣть какъ на существо, самую даже наружностью не похожее на толпу? Мнѣ кажется, онъ долженъ бы показываться какъ можно рѣже, чтобы не опознать свою особу и являться передъ глазами публики иначе, какъ осыненный искусствомъ, принадлежностью всякой аристократіи: рожденія и ума.

— Пожалуй, что при такомъ небольшомъ шарлатанизмѣ, о писателѣ стануть болѣе говорить, и онъ будетъ лучше годиться для выставки. Но я убѣжденъ, что если онъ дѣйствительно человекъ возвышеннаго ума, то такое возведеніе на ходули сдѣлаетъ его жалкимъ въ собственныхъ глазахъ; а сознаніе своего достоинства, уваженіе къ себѣ, по моему мнѣнію, выше и дороже всякой славы въ мірѣ.

Чезарини презрительно усмѣхнулся и пожалъ плечами. Очевидно было, что наши два писателя не сходились ни въ чемъ и не могли ладить.

Наконецъ они пришли въ залъ и съ трудомъ нашли мѣсто

Профессоръ Д** былъ человекъ съ не оспоримымъ даромъ слова.

Не ясный женскій образъ, въ противоположномъ концѣ залы, привлекалъ вниманіе и поглотилъ всѣ мысли Мальтреверса. Въ залѣ было темно, не смотря на ясную погоду; а лицо женщины, поразившей Эрнеста, было заслонено полями ея шляпки и воалемъ. Но этотъ чудный сгибъ шеи, эти очаровательныя скромность и простота движеній напоминали ему Алицію. Всякому, вѣроятно, случалось замѣчать, что осанка и движенія имѣютъ свою физиогномію, точно также какъ лицо, и что невозможно почти найти два существа совершенно сходныя въ

этомъ отношеніи. Эта фizioгномія преимущественно заключается въ положеніи головы, въ очертаніяхъ плечъ и въ какихъ-то неуклонныхъ примѣтахъ, характеризующихъ позу человека въ минуты совершеннаго самоощущенія. Чѣмъ болѣе Эрнестъ смотрѣлъ на эту женщину, тѣмъ болѣе онъ убѣждался, что это была то незабвенное существо, которое разливало столько сладости и поэзіи на его уединенную жизнь, в которое было похищено у него такимъ ужаснымъ образомъ. Подлѣ нея сидѣлъ съ одной стороны пожилой человекъ, не спускавшій глазъ съ декламатора; съ другой прелестная дѣвочка, съ длинными белокурыми кудрями, съ нѣжнымъ, кроткимъ, выразительнымъ личикомъ; въ родѣ тѣхъ дѣтскихъ лицъ, что живописцы и поэты называютъ ангельскими. Всѣ трое, казалось, пришли вмѣстѣ. Мальтреверсъ дрожалъ отъ нетерпѣнія и волненія. Однако же одежда этого двойника Алиціи, наружность сопровождавшихъ ее лицъ, были такъ несогласны съ ея низкимъ званіемъ, что Эрнестъ не смѣлъ вверить глазамъ и голосу сердца. Возможно ли, чтобы воспитанница Луки Дарвилля, брошенная среди міра безъ защиты и безъ состоянія, умѣла такъ вознестись изъ своего горемычнаго положенія? Наконецъ наступила минута, когда онъ могъ разрѣшить сомнѣніе. Когда начали расходиться, Мальтреверсъ съ усиліемъ и съ нетерпѣніемъ пробивался сквозь тѣсную толпу. Но на каждомъ шагѣ являлась новая преграда въ видѣ растолстѣвшаго господина или трехъ дамъ, шедшихъ стѣною, крѣпко держась подлѣ руки. Онъ совершенно потерялъ изъ виду таинственную незнакомку съ ея проводникомъ, за безчисленнымъ множествомъ шляпокъ съ огромными перьями. Наконецъ однако же, запыхавшись отъ усилій и блѣдный какъ полотно, успѣлъ онъ добраться до выхода. Онъ вышелъ на подвѣздъ только что во-время, чтобы увидѣть, какъ отъѣзжала простенькая карета, съ лакеями въ простыхъ, сѣрыхъ ливреяхъ, и какъ въ ней мелькнули золотыя кудри дѣвочки. Онъ бросился впередъ съ такою поспѣшностью, что едва не попалъ подлѣ лошадей. Кучеръ придержалъ возки, съ сердитымъ восклицаніемъ, очень похожимъ на брань, потомъ ударилъ по лошадямъ и карета покатилась. Но этого мгновенія было достаточно. — Это она — она! Боже, это Алиція! бормоталъ Мальтреверсъ. Вся площадь закружилась въ его глазахъ и онъ невольно, бессознательно ухватился за ближайшій фонарный столбъ, чтобы не упасть. Однако же, вспомнивъ что карета скроется

изъ виду, и что онъ можетъ-быть никогда уже не увидѣть Алицію, онъ перятъ все свои силы, и побѣжалъ какъ сумасшедшій, волею за яретомъ. Но улица была загромождена экипажами и пѣшеходами, потому что мистръ Д** пользовался большою славою, и весь Лондонъ бѣгалъ его слушать. Наконецъ послѣ долгаго и опаснаго преслѣдованія, во время котораго Мальтреверсъ нѣсколько разъ едва не попадалъ подъ лошадей, онъ остановился въ изнеможени и отчаянн. Потомъ онъ каждую недѣлю возвращался сюда, бѣгалъ по разнымъ публичнымъ собраніямъ, въ надеждѣ отыскать Алицію; но все напрасно: онъ ее болѣе не видѣлъ.

XIII.

Скажите, сударь, вы вычислили свое состояніе, оцѣнили свои земли, и находите, что они могутъ выдержать перемѣну?

По мѣрѣ того, какъ Мальтреверсъ оправлялся отъ перваго пораженія, произведеннаго неожиданною встрѣчею и слѣдовавшаго за тѣмъ унынія, онъ началъ ощущать какое-то странное довольство и счастье. Алиція очевидно не была въ бѣдѣ. Онъ видѣлъ ее въ хорошемъ положеніи, даже въ некоторомъ богатствѣ. Мучительная мысль, которая нередко давила ему грудь среди забавъ юности и среди литературныхъ успѣховъ, исчезла. Онъ сталъ дышать свободнѣе, онъ могъ спать спокойно. Совѣсть не шептала ему болѣе: «Та, которую ты пріютилъ и лелѣялъ, скитается, можетъ-быть, по землѣ безъ пристанища и безъ защиты, подверженная всемъ искушеніямъ, — можетъ-быть умираетъ съ голоду и стужи». Одинъ взглядъ, брошенный на Алицію, произвелъ на него тоже дѣйствіе, какъ въ древности явленіе оскорбленнаго умершаго, вызваннаго изъ гробу въ Гераклеѣ, котораго видъ успокоилъ оскорбителя и смирилъ гнѣвныхъ Эвменидѣ, терзавшихъ его совѣсть. Онъ примирился съ самимъ собою, и болѣе смѣлою стопою, съ болѣе гордымъ лицомъ пошелъ на встрѣчу своему будущему. Она можетъ-быть уже забыла его, можетъ-быть.... но лучше лишиться ея, чѣмъ нарушить ея спокойствіе и счастье! Бѣдная Алиція! думала ли она,

что придетъ время, когда Маллроттвастовъ будетъ рѣдѣться мыслью, что она существуетъ съ другими?

Зрѣлость Маллроттвастова чувствовала себя какъ бы обеззвоненная. Въ его литературныхъ трудахъ прониклось болѣе бодрости, болѣе свободы, болѣе увлеченія; они будто зашли второе юность.

Между-тѣмъ Чезарини бросился въ учину свѣта, который, изъ собственному его удивленію, ласкалъ и баловалъ его. Въ самомъ дѣлѣ, Кастручіо принадлежалъ именно къ тому порядку людей, изъ котораго выходятъ львы. Онъ привезъ изъ Париза множество рекомендательныхъ писемъ отъ лицъ, которыя по своему политическому положенію были въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ со всюю аристократіею и со всеми политическими лицами Англіи. Чезарини былъ рекомендованъ вездѣ какъ молодой человекъ, прекрасно образованный и съ замѣчательнымъ дарованіемъ, и притомъ близкій родственникъ одного изъ отличившихся членовъ французскаго парламента. Маллроттвастовъ, съ своей стороны, познакомилъ его со всеми литературными дилеттантами, которые всегда готовы превозносить до небесъ писателя, который не можетъ быть имъ соперникомъ. Причудливость и изысканность Чезарини въ одеждѣ, которая показалась бы смѣшною и глупою въ Англичанинѣ, очень нравилась всѣмъ въ Итальянцѣ. Онъ говорилъ, что онъ смотрѣлъ настоящимъ поэтомъ. Дамы всегда расположены къ тѣмъ, которые пишутъ имъ стишки; Чезарини же мало говорилъ, но зато вѣчно писалъ стишки всѣмъ и каждой. Онъ воображалъ, что было какое-то сходство между его положеніемъ въ Лондонѣ и положеніемъ Петрарки въ Авиньонѣ, и эта мысль вскорѣ совершенно вскружила ему голову. Какъ онъ всегда думалъ, что поэтъ долженъ принимать славу изъ рукъ вельможъ и знатныхъ дамъ, и не имѣлъ никакого понятія о другой публикѣ, то тотчасъ вообразилъ себя на высшей степени славы. А какъ зависть къ Маллроттвастову была одною изъ главныхъ его слабостей, то онъ былъ въ восторгѣ, когда ему говорили, что онъ несравненно интереснѣе этого гордеца, который повязываетъ платокъ на шею какъ вся люди, и не имѣетъ двухъ самыхъ необходимыхъ условій генія — черныхъ кудрей во влечахъ и презрительной улыбки. Знатное общество, въ которомъ, какъ очень умно замѣтила мадамъ де-Стаэль, могучій умъ кривеетъ, а мелкій расслабляется, окончательно уничтожило все, что было мужественнаго въ душѣ Чезарини. Онъ непримѣтно при-

вѣкъ ограничивать всѣ свои желанія успѣха и славы золотыми гостиницами, и тщеславіе его стало довольствоваться тѣми крохами, которыя истинное честолюбіе отвергаетъ съ презрѣніемъ. Этого еще мало. Цезарини завидовалъ Мальтреверсу не только потому, что онъ былъ въ славу, но и потому, что онъ былъ богаче его. Все состояніе самого Каструччіо заключалось въ какихъ-нибудь осьми, девяти тысячахъ фунтовъ капитала; но, попавъ въ самое богатое и расточительное общество въ Европѣ, онъ хотѣлъ, во что бы ни стало, обладать всеми правами на уваженіе этого общества. Онъ началъ говорить о своемъ богатствѣ и молоденькія мисъ стали заслушиваться его съ особеннымъ вниманіемъ и дѣлались тотчасъ необыкновенно любезны; въ короткое время онъ прослылъ ужаснымъ богачемъ, а это льстило его самолюбію. Надо было поддержать славу богатаго человѣка, вдаваясь въ самыя разорительныя крайности моды. Онъ пустился покупать дорогихъ лошадей, дѣлать безъ всякой нужды богатые подарки, сталъ играть въ большую игру; однимъ словомъ, былъ на пути къ совершенному разоренію

КНИГА ШЕСТАЯ.

=

Можетъ быть, ты скажешь, что золото величайшее изъ благъ, и что сладко быть богатѣе?
 Тяжело, невыносимо, сворачивать съ нашего пути, чтобы давать дорогу плутамъ.

Дерриидъ.

I.

Ловкость и хитрость перешли въ мое сердце; кто бы сказалъ, что это платье придаетъ чловѣку столько ума и плутоватости!

Реньяръ.

Однимъ прекраснымъ июльскимъ утромъ, чловѣкъ еще довольно молодой, пробывшій нѣсколько лѣтъ за границею, только что наканунѣ вечеромъ возвратившійся въ Лондонъ, шелъ медленно и задумчиво по великолѣпному проходу, соединяющему Риджентспаркъ съ Сент-Джемсомъ.

Онъ былъ чловѣкъ большаго ума и рѣдкихъ способностей, и потерялъ свою молодость, рыская по свѣту; теперь ему прѣзались всѣ удовольствія и честолюбіе начинало овладѣвать его душою.

— Удивительно, какъ горедъ украсился, говорилъ онъ про себя. Все на свѣтъ идетъ впередъ и успѣваетъ, только бы имѣть немножко твердости воли и дѣятельности, — и люди и вещи. Всѣ мои старыя сверстники не имѣютъ и половины моихъ способностей, а всѣ вышли въ люди. Вотъ, напримѣръ, Томъ Стивизъ, такая была несносная шапка, все нужно было ему пронюхать! — на дняхъ сдѣлался товарищемъ государственнаго секретаря, того и смотри, будетъ самъ министромъ. А Парсонъ, за котораго я писалъ всѣ греческія и латинскія задачи, и который никакъ не могъ разобрать долгаго слога отъ коротка-

го, теперь директоръ и старшій профессоръ въ общественномъ учебномъ заведеніи, издаетъ греческихъ классиковъ и смотритъ въ свисконы. Кольберъ, какъ видно изъ газетъ, водитъ всѣмъ своимъ округомъ, — а Эрнестъ Мальтреверсъ — ну, этотъ такъ былъ малый не безъ способностей! — Эрнестъ Мальтреверсъ составилъ себѣ славное имя въ литературѣ. Ну, а я? Я одинъ стою ихъ всѣхъ вмѣстѣ, а между тѣмъ что я сдѣлалъ? ничего; только при всей своей бережливости спустилъ половину всего своего состоянія! — Нѣтъ, пора этому положить конецъ. И я долженъ поискать счастья въ пучинѣ жизни. На бѣду мою, надо же было моему почтеннѣйшему дядюшкѣ вздумать жениться на второй, въ то самое время, когда онъ мнѣ всего болѣе нуженъ! — Гмъ! — я не рожденъ для этого свѣта, онъ не стоитъ меня.

Погрузившись въ этотъ мысленный монологъ, прѣзкій шелъ не поднимая глазъ, пока не ударился объ недѣлаго ему на встрѣчу высокаго господина, который ужасно закидывалъ голову назадъ и, казалось, вовсе не замѣтилъ, что онъ едва не сшибъ съ ногъ нашего задумавшагося философа.

— Помилуйте, сэръ! что это значитъ? вскричалъ послѣдній.

— Прошу изв..., началъ другой очень смиреннымъ голосомъ; но въ тоже мгновеніе онъ былъ схваченъ за руку и, обиженный, воскликнулъ: — Васъ ли я вижу, дядюшка?

— А, Лумлей?

— Онъ самый; ну что ваше здоровье, дядюшка? какъ поживаете? Я вовсе не ожидалъ встрѣтить васъ въ Лондонѣ; самъ я прѣхалъ только вчера вечеромъ. Да какимъ вы еще молодцомъ смотрите!

— Да, слава Богу, не могу жаловаться на свое здоровье.

— И счастливы въ своемъ новомъ супружествѣ? Вы должны представить меня моей тетушкѣ, мистрисъ Темпльтонъ.

Мистръ Темпльтонъ откашлялся, прочистилъ горло и потомъ сказалъ съ нѣскольکو принужденною улыбкою: — Вотъ ужъ никогда бы я не подумалъ, что женюсь въ другой разъ.

— Любезный дядюшка, сказалъ онъ, я въ свое время былъ легкомысленъ, вертопрахъ; но съ лѣтами человекъ степеннѣется и начинаетъ размышлять; я теперь въ этой порѣ, и надѣюсь, подъ вашимъ руководствомъ, сдѣлаться человекомъ благоразумнымъ.

— Это очень похвальное намѣреніе, Лумлей, отвѣчалъ дядя; и мнѣ чрезвычайно пріятно, что ты возвратился въ свое отечество. Пріе-

ний завтра не смга отбавать. Я живу около Фульгена. Да ужю при-
езжай съ потребою покланено и оставайся у меня погостить на
несколько дней. Ты будешь принятъ съ радостью, какъ родной, осо-
бенно если ты можешь обойтись безъ лакея иностранца. Я, какъ
тебѣ извѣстно, люблю ближняго, не разбирая его племени, но....

— О, любезный дядюшка, на этотъ счетъ вы можете быть спо-
койны. Я не довольно богатъ, чтобы держать лакея иностранца, да
и впрочемъ, объѣхавъ три четверти земнаго шара, усвоилъ уже на-
учиться, что прислуга вообще вовсе не есть необходимость.

— Что касается до средствъ, замѣтилъ мистръ Темпльтонъ съ
видомъ человека, глубоко изучившаго предметъ, о которомъ гово-
рить, — получая семьсотъ девяносто пять фунтовъ, десять шиллинговъ
ежегоднаго дохода, можно держать и двухъ заграничныхъ лакеевъ,
если угодно; во всякомъ случаѣ мнѣ очень пріятно видѣть, что ты
бережливъ, не бросаешь денегъ по пустякамъ. И такъ, до завтра :
жду тебя къ обѣду, въ шесть часовъ.

— Несносный старикъ мой троюродный дядюшка, сказалъ Фер-
рерсъ, когда мистръ Темпльтонъ удалился, — чтобы это значило,
что онъ холоднее ко мнѣ противъ прежняго; не надѣется ли онъ
имѣть наследника, который отобьетъ у меня его денежки? Не дурно
знать это заранее; если наследство уйдетъ, такъ ужъ лучше жить
гдѣ-нибудь на чердакѣ въ Парижѣ.

Размышляя такимъ образомъ, Лумлей прибавилъ шагу и скоро
достигъ Силморской площади. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже си-
дѣлъ въ рабочемъ кабинетѣ, уставленномъ множествомъ книгъ и
украшенномъ мраморными бюстами и группами работы Кановы и
Флаксмана.

— Мистръ Мальтреверсъ воротится немедленно, сказалъ слуга,
впуская его, и Феррерсъ растанулся на софѣ, и сталъ осматривать
кабинету полузаинтересаннымъ, полунаглымъ взоромъ.

Вскоръ дверь открылась, и раздался приветливый голоозъ ко-
злина: — Добро пожаловать, любезный Феррерсъ!

— Какъ поживаете, топ шег? сказалъ гость.

Первые извѣстные привѣтствія, распросы и поздравленія мало-по-
малу привели нашихъ вѣтателей къ болѣе занимательной бесѣдѣ.

— И такъ, Мальтреверсъ, началъ Феррерсъ, вотъ мы опять вмѣ-
стѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки! оба постарѣли, конечно; а

вы, я думаю, еще помудрели. Во всякомъ случаѣ такъ о васъ все говорятъ, а мудрость собственно въ томъ и заключается, чтобы о человѣкѣ говорили, что онъ мудрецъ. Однако же, какъ посмотрю на васъ, вы почти не перемѣнились, кажетесь все такъ же молоды и бодры; только немножко похудѣли и стали блѣднѣе. Толмъ дьявола? посмотрите; давно ли я переступилъ за тридцать, а уже на головахъ пробиваются пльши, на вискахъ образуются гусянныя лапки! Что значить праздность! ничто такъ не старитъ человѣка, какъ праздность.

— Полноте, Лумлей; я никогда не видалъ васъ такимъ молодыцомъ. И такъ, вы точно прѣехали съ намѣреніемъ уже поселиться въ Англию?

— Да, если будетъ возможность. Но въ мои лета, и насмотрѣвшись всего вдоволь, я не могу уже вести праздную жизнь ничего не знающаго и ничего не дѣлающаго холостяка. Я чувствую, что мнѣніе свѣта, которое я прежде презиралъ, становится для меня потребностью. Я хочу быть чѣмъ-нибудь. Но чѣмъ я могу быть?... Пожалуйста, не пугайтесь, я не хочу быть вамъ соперникомъ. Литературная слава, конечно, вещь очень хорошая, но я жажду другаго отличія, болѣе существеннаго и свѣтскаго. Вы хорошо знаете свое отечество: укажите мнѣ пути къ значенію.

— Законовѣдніе, политика, богатство, вотъ они и все тутъ.

— Приниматься за законовѣдніе мнѣ уже поздно, я старъ, чтобы учиться; политика, пожалуй, приналась бы мнѣ въ пору и по сердцу; что же касается до богатства, любезный Эрнестъ, о, какъ бы я желалъ имѣть большіе счеты съ своимъ банкиромъ!

— Потерпите, придетъ время. У васъ есть богатый дядя, у котораго вы единственный наследникъ.

— Такъ было прежде, а теперь... отвѣчалъ Феррерсъ унылымъ голосомъ, почтенный дядюшка на старости вздумалъ жениться; пойдутъ, можетъ-быть, дѣти...

— Жениться! на комъ?

— Я о ней ничего не знаю, кромѣ того, что у нея могутъ быть дѣти; того и смотри, что къ тому времени, когда мнѣ стукнетъ сорокъ, расплодится цѣлая ватага птенчиковъ, которые унесутъ на своихъ крылышкахъ великое темпльтоновское иманіе.

— Ага, какъ я вижу, вы съ досады пускаетесь уже въ остроумію, Феррерсъ; но что вы не возьмете примѣра съ дялюшки, и сами не женитесь? Если наследство васъ только подразнило, то постарайтесь вмѣсто него подхватить богатую невесту.

— Умно сказано; такъ умно, какъ я никогда не ожидалъ бы отъ человѣка, сочиняющаго книги, и еще въ добавокъ стихи. Надо принять вашъ советъ къ свѣдѣнію, и подумать о немъ; потому что я вѣрнѣе всего хочу быть богатымъ, а отцы искони учили подрастающія поколѣнія, что первое дѣло — захотѣть непременно быть богатымъ, а второе уже, придумать къ тому средство.

— А между-тѣмъ, Феррерсъ, надѣюсь, что вы мой гость.

— Сегодня я объѣдаю у васъ; завтра же долженъ взать въ Фульгемъ, представиться тетюшкѣ. Имѣете вы какое-нибудь понятіе о ней? вотъ я вамъ ее опишу: женщина не молодая, порядкомъ распынившаяся, сѣрое гроденаплевое платье, лорнетъ на золотой цѣпочкѣ, двѣ обезьяны и попугай! Не пугайтесь, это портретъ, созданный моею фантазіею. Я еще не имѣлъ удовольствія видѣть свою почтенную тетюшку тѣлесными глазами.... Но, кстати, что у васъ будетъ къ обѣду? Позвольте ужъ мнѣ распорядиться на этотъ счетъ, потому что я знаю, что вы никогда не были мастеромъ заказывать обѣды.

Слушая безумолчную болтовню Феррерса, Мальтреверсъ мысленно переносился за нѣсколько лѣтъ назадъ; бывшее время и давно минувшія дѣла тѣснились въ его память; оба пріятеля провели день самымъ пріятнымъ образомъ. Только на слѣдующее утро, когда Мальтреверсъ сталъ припоминать вчерашніе разговоры, онъ долженъ былъ съ прискорбіемъ сознаться, что прежній лѣнивый эгоизмъ Феррерса сдѣлался еще жестче и обратился въ дѣятельное и систематическое презрѣніе ко всѣмъ правиламъ и убѣжденіямъ, которыя могли сдѣлать его человѣкомъ предприимчивымъ и опаснымъ, какъ скоро обстоятельства побудили бы его къ дѣйствию.

II.

Сэръ, мнѣ нужно поговорить съ вами. Я вашъ родственникъ, котораго вы не хотите знать. —
О, какъ тебѣ угодно, шлемляникъ.

Бенъ-Джонсонъ.

Ея молчаливость лучше всякаго придаваго, — она говоритъ чрезвычайно тихо, такъ скупа на рѣчи, что едва раскладуетъ по шести словъ въ день.

Томъ же.

Длижансъ подвезъ Феррерса къ воротамъ дачи, имая въ трель отъ города. Дворникъ взялъ его дорожный мышокъ, а самъ Феррерсъ, заложивъ, по своему обыкновению, руки за спину, пошелъ черезъ прекрасный, немного изысканно разсаженный садъ.

— Славная дачка, подумалъ Феррерсъ, небольшая, но прелюбная, прехорошенькая, и вѣрно уже укрѣплена за женою! Пускай, я на это ровнять не стану, только бы получить остальное!... Но вотъ, кажется, идетъ первый образчикъ семейства тетушки.

Последнее замѣчаніе было внушено Феррерсу приближеніемъ прелестной дѣвочки, которая выбѣжала ему навстрѣчу со смѣлостью и бойкостью избалованнаго ребенка, и, осмотрѣвъ незнакомца съ ногъ до головы, спросила :

— Вы къ папенькѣ, сэръ?

— Къ папенькѣ!... ужасно какъ пріятно слышать! подумалъ Лумлей; — а кто твой папенька, моя душа ?

— Какъ кто! мужъ моей маменьки. Что жъ, вы къ нему, сэръ ?

— Да, душа моя, къ твоему — папенькѣ, къ мистру Темпльтону.

— Такъ пожалуйста сюда.

— А ты очень любишь своего папеньку, мистра Темпльтона ?

— Очень люблю. Вы не видали еще качающуюся лошадку, которую онъ обещалъ подарить мнѣ ?

— Нѣтъ, душа моя, не видать ! А здорова ли твоя маменька ?

— Ахъ, бѣдная маменька! отвѣчала дѣвочка, и голосъ ея мгновенно измѣнился и на глазахъ выступили слезы. — Она нездорова.

— Знаемъ чѣмъ; часъ отъ часу не легче! пробормоталъ Фер-

рерь, тяжело вздохнувъ ; — но вотъ и почтеннѣйшій троюродный мой дядюшка. Но Ричардъ-Третій и еще другіе дядюшки, о которыхъ говорится въ исторіи, были просто сокровища передъ моимъ жестокосердымъ старикомъ, который обобралъ меня съ своею женою. Вотъ ужъ сядина въ голову, а бѣсъ въ ребро! вздумалъ влюбиться, старый ... Ахъ, любезный дядюшка, какъ мнѣ пріятно васъ видѣть!

Мистръ Темплтонъ былъ человекъ очень холодный въ обращеніи, и всегда смотрѣлъ людямъ черезъ голову, или уставляя глаза въ землю. Онъ едва прикоснулся къ рукѣ, которую протягивалъ ему племянникъ, сказалъ ему, что очень радъ его видѣть, и потомъ заявилъ, что на дворѣ прекрасная погода.

— Безподобная погода, отвѣчалъ Феррерсъ ; — и въ какомъ прекрасномъ мѣстѣ ваша дача!... Кстати, вы видите, что я успѣлъ уже познакомиться съ своею прелестною двоюродною сестрицею. Чудо, что за ребенокъ !

— Да, дѣвочка очень хорошенькая, сказалъ мистръ Темплтонъ съ некоторымъ жаромъ, и взглянувъ съ необыкновенною для него живостью на дѣвочку, которая забавлялась, бросая вверхъ цвѣты и стараясь ловить ихъ. Мистръ Феррерсъ въ душѣ желалъ, чтобы цвѣты, падавшіе ей на голову, были камни.

— Похожа она на мать? спросилъ племянникъ.

— На кого?

— На свою мать — на мистрисъ Темплтонъ.

— Не то, чтобы очень ; если взглянуть, то можно найти въ некоторомъ сходствѣ, но нельзя сказать, чтобъ было разительное сходство. Но не желаетъ ли, передъ обѣдомъ, сходить въ приготовленную для тебя комнату?

— Благодарю. Нельзя ли мнѣ сначала представиться мистрисъ Темплтонъ....

— Вотъ эта дорожка ведетъ къ дому.

И Лумлей былъ почти насильно поселенъ въ мрачной комнатѣ, съ тумазными занавѣсами, оклеенной темно-коричневыми обоями съ звездами подъ цвѣтъ. Онъ опустился въ вольтеровскія кресла и принялся звать и растягиваться съ такимъ усердіемъ, какъ будто онъ могъ этимъ заслужить дядино наследство. Потомъ онъ лѣниво смѣнилъ свой утренній костюмъ скромнымъ чернымъ платьемъ и

очень былъ доволенъ, что при всѣхъ своихъ грѣхахъ, онъ по-крайней-мѣрѣ никогда не былъ щеголемъ, никогда не находилъ удовольствія въ обладаніи дорогимъ, яркимъ жiletомъ, что неминуемо ожесточило бы противъ него сердце дяди до послѣдней степени. Онъ оставался въ своей комнатѣ до втораго звонка къ столу; тогда онъ шелъ въ гостиную, въ которой и въ іюль мѣсяцъ обдавало холодомъ и сыростью. Дядя стоялъ у камина, а молодая, стройная, хорошенькая женщина была почти погребена въ огромныхъ, но очень непри- вольныхъ креслахъ.

— Твоя тетка, мистрисъ Темпльтонъ, Лумлей; жена — мой племянникъ, мистръ Лумлей Феррерсъ, произнесъ Темпльтонъ, указывая рукою поочередно на жену и на племянника. — Джонъ, подавай обѣдать!

— Надюсь, что я не опоздалъ? сказалъ Феррерсъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Темпльтонъ привѣтливо, потому что онъ всегда любилъ племянника, а теперь почти растаялъ, видя, какъ безропотно, безъ малѣйшаго признака досады Лумлей покорялся своей новой судьбѣ. — Нѣтъ, любезный племянникъ, не опоздалъ; но я считаю точность и аккуратность первыми добродѣтелями въ домашнемъ быту.

— Кухать подано, сэръ, провозгласилъ дворецкій, отворяя на обѣ половинки дверь въ противоположномъ концѣ комнаты.

— Позвольте мнѣ имѣть честь, сказалъ Лумлей, вѣжливо подавая руку теткѣ. — Ваша дача истинно восхитительна, продолжалъ онъ, отправляясь въ столовую.

— Мистрисъ Темпльтонъ что-то отвѣчала, но такъ тихо и робко, что Феррерсъ никакъ не могъ разобрать ея словъ.

Если убранство комнатъ отличалось необычайною простотою, то зато склонность мистра Темпльтона къ роскоши и его желаніе выказаться проявлялось въ тяжеломъ серебрѣ, которымъ былъ покрытъ столъ, и въ многочисленности прислуги. Онъ былъ богатъ и гордился своимъ богатствомъ, потому что зналъ, что богатство доставляетъ всеобщее уваженіе, а пользоваться общимъ уваженіемъ за что бы то ни было, онъ считалъ большою заслугою. Что касается до обѣда, Лумлей слишкомъ хорошо зналъ слабость своего дяди, чтобы не приготовить заранее къ блюдамъ и винамъ, отъ которыхъ даже у него, записнаго гастронома, текли слюнки.

Во время обѣда Феррерсъ старался вовлечь свою тетку въ разговоръ, но при всей его изобрѣтательности, это оказалось невозможнымъ. Въ молодомъ, прелестномъ лицѣ мистрисъ Темпльтонъ было выраженіе такой глубокой, хотя и спокойной скорби, что оно навѣдло невѣднующую грусть на самаго нечувствительнаго чловѣка. Очевидно было, что ея молчаливость и равнодушіе ко всему происходили не отъ робости или скромности, а отъ болѣе сильнаго чувства; въ самомъ молчаніи ея было столько врожденной кротости, что Феррерсъ не могъ приписать его надменности или желанію держать все въ повиновеніи. Все это казалось ему только чрезвычайно страннымъ, загадочнымъ. Потому что, думалъ онъ весьма разсудительно, если дядя мой и не молодъ, и не красавецъ, за то онъ очень богатъ; а о чемъ женщины, вышедшей за богатаго чловѣка, ужъ вѣрно во своей охотѣ, печалиться, этого я рѣшительно не постигаю.

Темпльтонъ, напротивъ, говорилъ болѣе обыкновеннаго, какъ бы желая отвлечь вниманіе отъ упорнаго молчанія жены. Онъ пустился въ длинныя разсужденія о политикѣ, и очень сожалѣлъ, что не заѣхалъ въ парламентъ въ такое критическое время.

— Будь я только молодъ и крѣпокъ, какъ ты, Лумлей, я не преобрегъ бы службою отечеству.

— Я и самъ очень желалъ бы засѣдать въ парламентъ, смѣло сказалъ Феррерсъ.

— Вѣрю, что ты желалъ бы; сухо возразилъ мистръ Темпльтонъ; но для того, чтобы быть членомъ парламента, надо быть богатымъ; это почетъ, связанная съ большими расходами и годная только для тѣхъ, у кого есть значительная недвижимость въ государствѣ. Чловѣкъ! шампанскаго мистру Феррерсу.

— Лумлей прикусилъ губы, и уже почти не говорилъ во все продолженіе обѣда. Однако же мистръ Темпльтонъ смягчился и сталъ по прежнему любезенъ, когда подали десертъ; разрывая ананасъ, онъ увѣрялъ Лумлея, что не стоитъ имѣть садъ, если не имѣть при немъ ананасную теплицу. — Если ты, племянникъ, когда-нибудь заведешь-ся дачею и садомъ, сказалъ онъ, непременно построй ананасную теплицу.

— Разумѣется, отвѣчалъ Лумлей, съ горечью; построй ананасную теплицу, заведи псарню, держи Француза-повара; онъ мнѣ какъ разъ во состоянію.

— Ты что-то сталъ болѣе прежняго заботиться о деньгахъ, замѣтилъ дядя.

— Сэръ, отвѣчалъ Феррерсъ торжественно, я скоро буду, что называется, въ степенныхъ лѣтахъ.

— Гмъ! проворчалъ хозяинъ, и затѣмъ опять последовало молчаніе.

— Лумлей, какъ мы уже говорили, превосходно зналъ человѣческую природу, по-крайней-мѣрѣ природу обыкновенныхъ людей, и тотчасъ смекнулъ, какимъ-образомъ ему слѣдовало дѣйствовать съ своимъ богатымъ дядею. Онъ видѣлъ, что въ тонкой борьбѣ дядя имѣлъ передъ нимъ то же самое преимущество, какое имѣетъ въ фехтованіи человекъ большого росту надъ малорослымъ, котораго онъ не допустить къ себѣ на слишкомъ близкое разстояніе, если только умѣетъ держать рапиру въ приличномъ положеніи. Мистръ Темпльтонъ, богатый дядя, имѣвшій возможность осчастливить бѣднаго племянника, держалъ себя такъ важно и холодно, что Феррерсъ, какъ бы онъ ни бился и ни разилъ, никогда не могъ проломить этого щита. Поэтому онъ рѣшился подступить съ другой стороны, тѣмъ-болѣе, что его прямое обращеніе и обманчивая откровенность дѣлали его особенно способнымъ къ новой, избранной имъ системѣ. Едва онъ принялъ это намѣреніе, какъ мистрисъ Темпльтонъ встала, поклонилась мужу и племяннику съ кроткою, печальною улыбкою, и тихо удалилась изъ комнаты. Дядя и племянникъ, оставшись одни, сѣли опять къ столу, и Темпльтонъ придвинулъ къ Феррерсу бутылку.

— Наливай себѣ вина, Лумлей; ты въ своихъ путешествіяхъ, кажется, совсѣмъ утратилъ свою прежнюю веселость; о чемъ ты думаешь, что съ тобою?

— Дядюшка, сказалъ Феррерсъ, съ мгновенною рѣшимостью; я желаю съ вами посоветоваться.

— Посоветоваться? о молодость, молодость! — вѣрно что-нибудь накутилъ, — проигрался — или...

— Нѣтъ дядюшка, я не накутилъ, не проигрался, и вообще ничего не сдѣлалъ такого, чѣмъ могъ бы навлечь на себя ваше неудовольствіе. Повторяю вамъ, я желаю съ вами посоветоваться. Я уже пережилъ беззаботную, пылкую молодость и начинаю живо чувствовать, что свѣтъ налагаетъ на человека нѣкоторыя обязанности.

Способности у меня, кажется, есть; что я могу трудиться, трудиться сильно и настойчиво, я знаю. Мнѣ хотѣлось бы занять въ свѣтъ такое мѣсто, въ которомъ я могъ бы загладить свое прошедшее враздолобіе, и сдѣлать честь своему роду. Однимъ словомъ, я поставилъ себѣ въ примѣръ васъ, дядюшка, и теперь прошу у васъ совета, съ твердымъ намѣреніемъ ему слѣдовать.

Темпльтонъ былъ пораженъ; онъ закрылъ лицо до половины рукою, и устремлялъ испытующій взоръ на высокій лобъ и въ глаза лемянина.

— Мнѣ кажется, что ты говоришь отъ чистаго сердца, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— О, вы можете быть увѣрены въ моемъ чистосердечіи, дядюшка.

— Хорошо, я объ этомъ подумаю. Я люблю въ молодомъ человѣкѣ благородное честолюбіе, не чрезвычайное, потому что тогда оно дѣлается порокомъ. Стремиться же къ почетному положенію въ свѣтъ благородно и похвально, а богатство — продолжалъ богачъ, отрывая еще ломтикъ ананасу, даетъ намъ возможность быть полезными ближнему.

— Въ такомъ случаѣ, дядюшка, сказалъ Феррерсъ съ одушевленіемъ, я могу смѣло сознаться, въ своемъ честолюбіи; оно именно такое, какъ вы говорите. Я человѣкъ неизвѣстный, и хочу, чтобы меня знали и уважали, у меня ничего нѣтъ, а я хочу быть богатъ. Я у васъ ничего не прошу, — я знаю ваше великодушіе и щедрость; но я хочу самъ, собственнымъ своимъ трудомъ проложить себѣ путь.

— Лумлей, вскричалъ Темпльтонъ, никогда я тебя такъ не уважалъ, какъ теперь. Выслушай меня, я открою тебѣ всю свою душу. Мнѣ кажется, настоящее министерство обязано мнѣ кое-чѣмъ.

— Знаю, перебилъ Феррерсъ, и глаза его засверкали удовольствіемъ при мысли о какомъ-нибудь тепломъ мѣстечкѣ безъ всякихъ обязанностей, — такія мѣста въ то время были еще въ Англии.

— И я намѣренъ, продолжалъ дядя, просить одной важной награды....

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да; мнѣ кажется, — слушай меня со вниманіемъ, — мнѣ кажется, съ умнѣемъ и съ осторожностью, мнѣ, пожалуй....

— Чѣмъ же?

— Мне удастся выхлопотать баронское достоинство себя и своему потомству.

Еслибъ Лумлея Феррерса ударили обухомъ по лбу, это не поразило бы его такъ какъ оборотъ, который приняло совѣщаніе, и открытіе честолюбивыхъ видовъ дяди. Онъ опустилъ руки, разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза на цѣлый дюймъ, и не могъ произнести ни слова.

— Да, продолжалъ мистръ Темпльтонъ, я давно думаю объ этомъ. Я богатъ, пользуюсь общимъ уваженіемъ; когда былъ членомъ парламента, принесъ значительную пользу министрамъ; никто въ этой торговой странѣ не имѣетъ большаго права, чѣмъ Ричардъ Темпльтонъ на почести и отличія. Да, любезный племянникъ, я одобряю твое честолюбіе; ты видишь, что я и самъ честолюбивъ, и если ты дѣйствительно твердо вознамѣрился идти по моимъ стопамъ, то я постараюсь, чтобы тебя приняли въ товарищество въ хорошей торговой домъ. Посмотримъ, сколько ты можешь внести капитала, у тебя....

— Извините, дядюшка, перебилъ Лумлей, невольно покрасивъ отъ негодованія; — я очень уважаю торговое званіе, но мои родственныя связи съ отцовской стороны не позволяютъ мнѣ поступить въ это званіе. Позвольте мнѣ также замѣтить, продолжалъ онъ, ловко пользуясь новою слабостью, которую онъ открылъ въ дядѣ, — позвольте замѣтить, что моя родня всегда очень жаловала меня, и что если мы будемъ угождать ей, она можетъ много содѣйствовать къ осуществленію вашихъ желаній, для вашей же собственной пользы, я не желалъ бы возбудить ея неудовольствіе. Лордъ Сексингемъ въ настоящее время министръ, и имѣетъ большой вѣсъ въ кабинетъ.

— Гмъ! пробормоталъ Темпльтонъ, задумавшись, ты, пожалуй, и правъ, Лумлей; надо объ этомъ подумать, — надо подумать. Не прикажешь ли еще вина?

— Нѣтъ, благодарю.

— Ну, такъ я пойду прогуляться, и подумаю о нашей бесѣдѣ. А ты можешь идти къ мистрисъ Темпльтонъ.... А баронское достоинство была бы славная вещь.... какъ ты думаешь? принадлежать къ англійскому перству! — къ англійскому, не позабудь! англійскій перъ, это не то, что какой-нибудь заграничный, у котораго можетъ-быть, гроша нѣтъ за душой!

Съ этими словами онъ позвонилъ, велѣлъ подать шляпу и трость,

и вышелъ въ садъ, совершить свою обычную, послѣобѣденную прогулку.

Феррерсъ отправился къ мистрисъ Темпльтонъ. Онъ отворилъ дверь безъ малѣйшаго шума, какъ дѣлалъ все, скоро но безъ шума, — и увидѣлъ мистрисъ Темпльтонъ въ креслахъ подь окномъ, и по видимому погруженную въ чтеніе какой-то книги, лежавшей передъ нею на рабочемъ столѣ.

— Готовъ биться объ закладъ. «Фордайса наставленія молодымъ замужнимъ женщинамъ». О лукавая кокетка! Однакоже я не долженъ вооружать ее противъ себя.

Онъ пошелъ къ мистрисъ Темпльтонъ, но она не замѣчала его; и только когда онъ приблизился къ самому столу, могъ онъ замѣтить, что крупныя слезы скатывались по ея лицу и смачивали листки книги.

Это его нѣсколько смутило, онъ отвернулся къ окну, кашлянулъ, и потомъ сказалъ, не смотря на мистрисъ Темпльтонъ. — Не обезпочилъ ли я васъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ же тихій, кроткій голосъ, который и прежде отвѣчалъ на всѣ попытки Лумлея завести разговоръ. — Мнѣ было грустно, и можетъ быть не слѣдовало бы предаваться этому чувству.

— Осмѣлюсь спросить васъ, какой это писатель такъ сильно разтрогалъ васъ.

— Это какія-то стихотворенія, а я плохой судья поэзін, но мнѣ встрѣтились тутъ нѣкоторыя мысли, которыя... которыя... Мистрисъ Темпльтонъ вдругъ остановилась, а Лумлей преспокойно кылъ книгу.

— А, сказалъ онъ, взглянувъ на заглавный листокъ, пріятелю моему это должно быть очень лестно.

— Вашему пріятелю?

— Да; это, какъ я вижу, сочиненія Эрнеста Мальтреверса, одного изъ моихъ короткихъ пріятелей.

— Какъ бы я желала его видѣть, сказала мистрисъ Темпльтонъ почти съ одушевленіемъ; — я очень мало читаю; эта книга случайно попала въ руки; но когда я ее читаю, мнѣ кажется, будто я слышу голосъ друга. Какъ бы я желала его видѣть!

— Право не знаю, сказалъ третій голосъ, строго и почти съ

укоромъ, — какая можетъ быть польза вамъ отъ того, что вы увидите челоука, занимающагося бесполезнымъ сочиненіемъ стиховъ, которые я нахожу просто безнравственными. Нынче утромъ я перелисталъ этотъ томикъ, и не нашелъ въ немъ ничего, кроме одного вздору; — все любовные советы и тому подобная дрянь.

Мистрисъ Темпльтонъ не возражала; а Лумлей, чтобы свести на другой предметъ разговоръ, сказалъ, немножко не впопадъ: — Какъ вы скоро воротились, дядюшка!

— Да, я не люблю гулять въ дождь!

— Какъ, развѣ идетъ дождь? въ самомъ дѣлѣ, а я и не видѣлъ.

— Не промокъ ли ты, мой другъ? не слѣдуетъ ли — начала жена робкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, благодарю, я не промокъ. Кстати, племянникъ, этотъ новый сочинитель тебѣ пріятель, говоришь ты? Не постигаю, какъ могло придти въ голову челоуку изъ такой хорошей фамилии сдѣлаться писателемъ. Какой изъ этого выдетъ прокъ? Советую тебѣ бросить это знакомство, — дружба съ сочинителями ни къ чему не ведетъ, развѣ только повредить. И надѣюсь, что я уже не увижу у себя въ домѣ книгъ этого мистра Мальтреверса.

— Однакоже, дядюшка, его очень хвалятъ, и онъ играетъ очень значительную роль въ свѣтъ, сказалъ Лумлей съ гордостью; потому что онъ вовсе не намѣренъ былъ прекратить знакомство съ челоукомъ, который могъ быть ему чуть ли не полезнѣе еще самого мистра Темпльтона.

— Какую бы онъ роль ни игралъ, а я тебѣ скажу: я рѣдко сходилъ на своею вѣку съ сочинителями; каждый же разъ какъ имѣлъ съ ними дѣло, сожалѣлъ о томъ. Всѣ они, любезнѣйшіи, немножко тронуты, у всѣхъ въ головѣ что-нибудь да не такъ. Мою скамейку пора набить вновь, а то колюмятъ больно.... Лумлей, дерни, сдѣлай милость, колокольчикъ.... Мистрисъ Лумлей сегодня очень печальна.

— Такъ вотъ оно какъ, подумалъ Феррерсъ про себя, удалившись вечеромъ въ свою комнату и раздвываясь. — Я вижу, что дядюшка не совсѣмъ доволенъ печальнымъ лицомъ жены, ревнуетъ ее, вѣроятно, за то, что она можетъ думать о чемъ другомъ, кромѣ его: тѣмъ лучше. Надо употребить въ дѣло это открытіе.

III.

Возможно ли, чтобы эти прекрасныя стремленія, эти высокіе помыслы, были даны нѣ только затѣмъ, чтобы нѣ быть низкою работою тщеславія?

Эриеста.

На третій или на четвертый вечеръ върсь описаннаго въ предыдущей главѣ, въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ домовъ Лондона собралось то, что лондонскія газеты называютъ отборнѣйшимъ обществомъ. Молодая дѣвушка, обращавшая на себя все взоры, проходила сквозь толпу, которая провожала ее тихимъ говоромъ восхищенія. Красота ея могла бы послужить художнику образцомъ для Семирамиды или для Зеновіи; она была даже слишкомъ величественна для ея лѣтъ, и такъ классически непогрѣзительна, что ея гордыя черты казались слишкомъ холодными и статуйными. Эта дѣвушка была Флоренція Лессельсъ, дочь знатнаго родственника Лумлеева, графа Сексингема, и была самою богатою невѣстою во всей Англіи.

Когда она проходила мимо лорда Сексингема, онъ отвелъ ее въ сторону, и шепнулъ ей: — Флоренція, герцогъ *** сильно пораженъ твоєю красотою; будь съ нимъ любезна, я сейчасъ представлю его тебѣ.

Сказавъ это, графъ обратился къ маленькому, смуглому, прямому какъ аршинъ человеку, лѣтъ двадцати двухъ, стоявшему по его лѣвую руку, и представилъ герцога *** своей дочери. Герцогъ былъ не женатъ; следовательно это было представленіе самой блестящей партіи самой богатой невѣсты въ высшемъ дворянствѣ.

— Леди Флоренція, сказалъ лордъ Сексингемъ, такая же страшная эхотица до лошадей, какъ и вы, герцогъ, но не такъ хорошо знаетъ къ нимъ толкъ.

— Да, признаюсь откровенно, я страстно люблю лошадей, сказалъ герцогъ простоудшно.

Лордъ Сексингемъ удалился.

Леди Флоренція стояла не говоря ни слова, большіе глаза ея бросили одинъ презрительный взглядъ; губы ея сдѣлали недовольную

ужимку; она полуютвернулась и, казлось, забыла даже о существовании своего новаго знакомаго.

Герцогъ никогда не обижался; да и могъ ли онъ подумать, чтобы кому-нибудь пришло въ голову показать неуваженіе къ нему. Онъ подумалъ однако же, что Леди Флоренці надлежало по настоящему первой начать разговоръ; потому что самъ онъ былъ, не то что застычивъ, а молчаливъ, и привыкъ, чтобы его избавляли отъ труда исполнять мелкія общественныя обязанности. Послѣ нѣкотораго молчанія однако же, увидѣвъ, что Леди Флоренція не намѣрена была начать разговоръ, онъ сказалъ:—Гуляете ли вы иногда верхомъ въ паркѣ, леди Флоренція?

— Очень рѣдко.

— Правда, въ настоящее время слишкомъ жарко, чтобы вздѣть верхомъ.

— Этого я не говорила.

— Гмъ!—я думалъ....

Опять молчаніе.

— Вы, кажется, изволили что-то сказать, леди Флоренція?

— И не думала.

— А мнѣ показалось.... извините.—Знаете, что лордъ Сексингемъ еще смотритъ совершенно молодцомъ.

— Вы находите? Это мнѣ очень приятно.

— Вашъ портретъ на выставкѣ много уступаетъ оригиналу, леди Флоренція; однако же Лоренсъ обыкновенно очень удачно схватываетъ сходство.

— Вы мнѣ льстите, сказала леди Флоренція голосомъ и съ движеніемъ, въ которыхъ явно выражалось нетерпѣніе. Молодая красавица была ужасно избалована. Она обладала въ высшей степени даромъ разговора, но не хотѣла сдѣлать такой чести своему собесѣднику. Она была аристократка по уму еще болѣе, чѣмъ аристократка по рожденію, и вбила себѣ въ голову, что герцогъ былъ невыносимо глупъ. Въ этомъ она однакоже ошибалась. Еслибъ она только потрудилась пробить ледяную кору, она увидѣла бы, что подъ нею была не стоячая вода. Герцогъ, подобно многимъ Англичанамъ, не давалъ себѣ труда и не любилъ выказываться, и имѣлъ очень невыгодную наружность; однако же онъ былъ человекъ начитанный, съ свѣтлой головой и съ благородными чувствами, хотя никого и ничего не любилъ, и былъ

вѣсть въсѣмъ пресыщенъ и въсѣмъ доволенъ; апатія есть соединеніе пресыщенія и довольства.

Но Флоренція судила его, какъ живые люди обыкновенно судятъ людей апатическихъ; притомъ, ей очень хотѣлось показать и ему самому, и всѣмъ присутствовавшимъ, какъ мало она дорожила блестящими партіями; по этому, кивнувъ ему величаво головою, она отвернулась и протянула руку къ молодому человѣку, брютету, который смотрѣлъ на нее съ тѣмъ почтительнымъ вниманіемъ, котораго даже самыя гордыя женщины никогда не презираютъ.

— А, синьоръ, сказала она по-итальянски, мнѣ очень пріятно васъ видѣть; какая отрада, въ-самомъ-дѣлѣ, одинъ человѣкъ съ дарованіемъ и умомъ въ цѣлой толпѣ ничтожностей.

Съ этими словами, богатая невѣста сѣла на одинъ изъ тѣхъ уютныхъ диванчиковъ, на которыхъ можно сидѣть только двоимъ, и указала молодому Итальянцу на мѣсто подлѣ себя. О, какъ забилося тщеславное сердце Каструччіо Чезарини! какія восхитительныя видѣнія любви, знатности, богатства, родемъ носились передъ нимъ!

— Я могу почти вообразить, сказалъ Каструччіо, что воскресить романтическіе вѣка, когда прекрасныя женщины оставляли витязей, чтобы слушать пѣснь трубадура.

— Трубадуры нынче гораздо рже витязей, возразила Флоренція съ веселостью и одушевленіемъ, ярко противорѣчившими холодно-сти, которую она оказывала передъ тѣмъ герцогу ***; — следовательно теперь было бы еще небольшою заслугою бѣжать къ уму и поэзіи.

— Ахъ, не говорите «къ уму», вскричалъ Чезарини; умъ несо-вмѣстенъ съ истиннымъ и глубокимъ чувствомъ; несовмѣстенъ съ энтузіазмомъ, съ обожаніемъ, несовмѣстенъ съ тѣми чувствами, которыя повсюду сопровождаютъ леди Флоренцію Лесельсъ.

Флоренція покраснѣла и приняла изскольکو суровый видъ. Но огромное разстояніе, раздѣлявшее въ обществѣ ее и молодаго иностранца и ея незнаніе дѣйствительной жизни и самодѣянности тщеславнаго сердца, заставили ее скоро забыть лесть, которая отъ другаго человѣка показалась бы ей оскорбленіемъ. Она обратила, однако же, разговоръ на болѣе общіе вопросы, и заговорила объ итальянской поэзіи съ жаромъ и краснорѣчіемъ, достойными предмета. Между-тѣмъ, какъ они разговаривали такимъ-образомъ, явился по-

вый гость, и съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, разговаривая съ лордомъ Сексингемомъ, вперылъ на чѣту провидѣтельный, вскапанный взоръ.

— Леди Флоренція удивительно какъ похорожела, сказалъ новый гость. Я никакъ не воображалъ, чтобы Анджия могла похвалиться красавицею вполнѣнну противъ ея красоты.

— Да, она точно очень хороша, любезный Лумлей, сказалъ лордъ Сексингемъ; — совершенно десельскій типъ, да еслибъ вы знали какъ умна и съ какими талантами! учепа словно профессоръ; настоящій сивій чулокъ! Мнѣ страшно подумать о несмѣтномъ числѣ поэтовъ и живописцевъ, которые составятъ себѣ богатое состояніе изъ ея энтузіазма! Между нами сказать, Лумлей, я желалъ бы выдать ее за челоуѣка солиднаго, разсудительнаго, какъ напримѣръ, герцога ***. Потому что разсудительности-то ей именно и не достаеыъ. Смотрите, вотъ она уже полчаса кокетничаетъ съ какимъ-то полусумасшедшимъ бродягою, сивьоромъ Чезарини, за темъ только, что онъ сочиняетъ сонеты и одѣвается какимъ-то театральнымъ героемъ.

— Слабость общая всему полу, любезный млордъ, сказалъ Лумлей; женщины любятъ покровительствовать; онъ безъ ума отъ чулель, начиная съ фарфоровыхъ уродцевъ и до сумасбродныхъ поэтовъ включительно. Однако же, по безпокойному взгляду, бросаемому отъ времени до времени вокругъ залы, я подозреваю, что у моей прекрасной двокородной сестрицы порядочный запасъ кокетства.

— Въ этомъ вы совершенно правы, Лумлей, отвѣчалъ лордъ Сексингемъ, смѣясь; но я не хочу ссориться съ нею за головы, которыя она кружить и партін, которыя она отвергаетъ, лишь бы она, наконецъ образумилась и согласилась быть герцогинею ***.

— Герцогинею ***, повторилъ Лумлей разсыянно; — хорошо, я пойду, представляюсь ей. Я замѣчаю, что сивьоръ Итальянецъ начинаетъ уже надѣвать ей; постараюсь выведать, что она думаетъ о герцога.

— Постарайтесь, любезный Лумлей, сказалъ отецъ, я не умѣю взяться за это дѣло. Она предобрая дѣвушка, но вы знаете сами, какъ прихотливы и капризны богатые невѣсты! Дрепнуло было со стороны ея матери думать, меня ядра расколотъ ея богатствомъ!

Приходите почаще поговорить со мною, Лумлей; я полагаю, что вы собераетесь выйти за границу?

— Нѣтъ, милордъ, я думаю уже остаться въ Англіи, сдѣлаться осѣдлымъ человѣкомъ, но о моихъ видахъ и планахъ поговоримъ въ другой разъ.

Затѣмъ Лумлей тихонько подкрался къ Флоренціи. Наружность Феррерса была замѣчательна, именно своею необычайною простотою. Его отчетливыя, острые черты, коротко остриженные волосы и высокий лобъ, приличіе и простота его одежды, плавность и мѣрность, непринужденность и спокойствіе всѣхъ его движеній, представляли рѣзкую противоположность изысканной наружности Итальянца, подлѣ котораго онъ стоялъ. Флоренція взглянула съ удивленіемъ на того, кто осмѣливался безъ приглашенія навязывать ей свое общество.

— А, вы не узнаете меня! сказалъ Лумлей шутливо. — О невѣрахъ Имогена, послѣ столькихъ клятвъ въ вѣрности и постоянствѣ! Передъ вами вашъ Алонзо! И не помните, какъ вы трепетали, когда я рассказывалъ вамъ эту истинную повѣсть, бесѣдуя съ вами на лужайкѣ?

— О, вскричала Флоренція, это вы точно, любезный братецъ, любезный Лумлей! сколько лѣтъ мы не видались!

— Не говорите о лѣтахъ, — это прекрасное слово для человѣка моихъ лѣтъ. — Извините, синьоръ, я, кажется, прервалъ вашу бесѣду!

И Лумлей низко поклонился Цезарини и преспокойно занялъ его мѣсто, которое тотъ робко уступилъ ему. Досада и смущеніе были записаны на лицѣ Кастручіо; но Флоренція совершенно забыла о немъ, обрадовавшись Лумлею, котораго она такъ давно не видала, и Цезарини угрюмо удалился, и сѣлъ въ некоторомъ разстояніи.

— Я возвратился на родину, продолжалъ Лумлей, и нахожу васъ царицею красоты и моды, и знаменою кокетною. — Да полно вамъ краснѣть!

— Развѣ обо мнѣ говорятъ, что я кокетка?

— Да, — потому что и свѣту случается иногда говорить правду.

— Можетъ-быть, я и заслуживаю этого обвиненія. О Лумлей, какъ меня не занимаетъ все, что я вижу и слышу вокругъ себя!

— Какъ! даже герцога ***?

— Да, я боюсь, что и герцога не могу исключить изъ общей массы. Я можетъ-быть слишкомъ разборчива и спѣсива.

— Вы для меня загадка; но я буду ломать себѣ голову и не успокоюсь, пока не разгадаю васъ.

— Сомнѣваюсь.

— Благодарю и за то; сомнѣніе все-таки лучше презрѣнія.

— О, вамъ должно очень измѣниться противъ прежняго, чтобы я могла васъ презирать.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какимъ же вы помните меня?

— Я помню васъ откровеннымъ, смѣлымъ, и следовательно, я полагаю, правдивымъ! я помню, что вы приводили въ ужасъ всѣхъ моихъ тетюшекъ и отца своимъ презрѣніемъ къ мелкому лицемерію общественной жизни... О нѣтъ! я не могу презирать васъ!

Лумлей устремилъ взоры въ глаза Флоренціи, и смотрѣлъ на нее долго и пристально; честолюбивыя надежды рождались въ его душѣ.

— Прекрасная кузина, сказалъ онъ, перемѣнивъ свой шутивый тонъ на серьезный; я вижу что въ душѣ вашей есть нѣчто сродное моей душѣ; мнѣ очень пріятно, что вашъ голосъ одинъ изъ первыхъ одобряетъ намѣренія, съ которыми я возвратился въ Англію.

— А эти намѣренія...?

— Достойны Англичанина; смѣлы и честолюбивы.

— Увы, честолюбіе! сколько есть ложныхъ списковъ съ великаго оригинала!

Лумлею казалось, что онъ нашелъ ключъ къ сердцу своей родственницы, и онъ началъ съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ разсуждать о благородствѣ и величій смѣлаго честолюбія. Флоренція слушала его со вниманіемъ, но безъ сочувствія. Лумлей очень ошибался въ своихъ надеждахъ. Не его честолюбіе могло приковать разборчивую, возвышенную душу идеалистки. Его эгоистическая душа слишкомъ ясно проглядывала во всѣхъ чувствахъ, которыя, онъ воображалъ, должны были казаться ей удивительно высокими и благородными. Мѣста, почести, — всѣ эти цѣли были слишкомъ обыкновенны для той, которая видѣла ихъ ежедневно у своихъ ногъ.

Герцогъ ***, сидя поодаль, продолжалъ отъ времени до времени устремлять на Флоренцію свой холодный взоръ. Она едва ли не больше еще нравилась ему отъ того, что не ухаживала за нимъ. Въ душѣ его было много благородныхъ началъ, и онъ могъ понимать

66. Наконецъ онъ увидѣлъ, возмъшная не на шутку о томъ, чтобы просить руки Флоренціи. Не смутницы жизни, не любви желалъ онъ, а хотѣлъ только имѣть жену, которая приняла бы на себя всѣ обременительныя заботы знатности, поддержала достоинство его дома и дала ему преемника для продолженія его рода.

Изъ другаго угла, Кастручіо Чезарини, увлекаясь еще болѣе тщеславными и заносчивыми мечтами, также не спускалъ глазъ съ повелительнаго лица богатой невѣсты. О да, думалъ онъ, у нея есть душа; она можетъ забыть знатность и оцѣнить геній! Какое торжество надъ де-Монтанемъ, надъ Мальтреверсомъ, надъ всѣмъ міромъ, если ему, непризнанному поэту, достанется рука, которой тщетно добиваются вельможи и богачи! При всѣхъ высокомъ понятіи, какое Чезарини имѣлъ о возвышенности и безкорыстїи своей души, онъ преимущественно обожалъ во Флоренціи ея знатное рожденіе и богатство.

А Лумлей, — ближе того и другаго къ цвѣти, хотя еще очень далеко, — продолжалъ бесѣдовать съ красавицею; голосъ его одушевлялся краснорѣчіемъ, глаза сверкали, между-тѣмъ какъ холодное сердце извѣщивало каждое слово, управляло каждымъ взглядомъ, и онъ уже мысленно начерталъ планъ, чтобы проложить себѣ вѣрный, широкій путь къ почестямъ и богатству.

Флоренція же Лесальсь, когда толпа разошлась, и она ушла въ свою комнату, забыла всѣхъ тронхъ, и съ томительною тоскою стала обыкновенною тѣмъ, кому счастье, повидному, наиболѣе улыбается, — мечтала о томъ идеальномъ образѣ, который сердце ея могло бы полюбить!

IV.

Когда бы кто могъ читать въ моей груди, онъ нашелъ бы въ ней тысячу книгъ.

Графъ Стерлинск.

Мальтреверсъ былъ на верху своей славы. Успѣхъ сочиненія, которое, по его мнѣнію, должно было окончательно упредить или уничтожить ее, превзошелъ всѣ прежніе его успѣхи. Конечно, обстоя

тельства содѣйствовали этому почти столько же, какъ достоинство книги, какъ бываетъ по большей части съ каждою книгою, имѣющею успѣхъ при самомъ своемъ выходѣ въ свѣтъ. Можно колотить молоткомъ по ларчику изо всей силы, и все напрасно; а въ другой разъ нечаянно стукнешь по надлежащему гвоздю, и кладь открытъ.

Но въ это же время, въ цвѣтъ лѣтъ, и когда счастье ему повидимому такъ улыбалось, Эрнестъ Мальтреверсъ опасно захворалъ. Его не постигла какая-нибудь опредѣленная, видимая болѣзнь, но онъ страдалъ разстройствомъ и раздражительностью нервовъ, при совершенномъ расслабленіи всего тѣла. Напряженіе умственной дѣятельности; можетъ-быть, начинало дѣйствовать неблагоприятно на здоровье тѣла. Въ юности онъ совершалъ частыя путешествія, нередко пѣшкомъ или верхомъ, любилъ охоту, и эти физическія упражненія противудѣйствовали вліянію безокойнаго, пламеннаго ума. Переходъ отъ такого утомительнаго, суроваго образа жизни къ жизни болѣе сидячей, изнурительная дѣятельность ума, жажда знанія, заставлявшая его просиживать дни и ночи за занятіями, напрягавшими все его способности, все это должно было съ теченіемъ времени разстроить его здоровье, какъ ни крѣпко оно было отъ природы. Бѣдный писатель! какъ рѣдко понимаютъ его, имѣютъ къ нему снисхожденіе и состраданіе! Онъ продаетъ свою молодость и здоровье суровому и неблагодарному хозяину. Слѣпой, себялюбивый свѣтъ требуетъ отъ него, чтобы онъ былъ такъ же спокоенъ и такъ же невозмутимо веселъ, какъ еслибъ онъ велъ самый пріятный, самый здоровый образъ жизни, какой можетъ придумать удовольствіе для противодѣйствія разрушительному вліянію ума, или медицина для удержанія всего механизма тѣла въ надлежащемъ порядкѣ и въ снискательномъ равновѣсіи. Впрочемъ, кромѣ всего этого, была еще другая причина, сильно дѣйствовавшая на здоровье Эрнеста. Сердце его страдало одиночествомъ; ему не съ кѣмъ было отвести душу. Друзья, съ которыми онъ знакомился въ обществѣ, могли доставить ему минутное развлеченіе, но не могли ни раздѣлять его радостей, ни утѣнять его въ минуты грусти. Кливлендъ жилъ, по большой части, въ своемъ помѣстьѣ. Съ братомъ Эрнестъ видался очень рѣдко, какъ читатели могутъ догадываться уже потому, что онъ не былъ имъ представленъ. Полковникъ Мальтреверсъ, одинъ

нѣ самыхъ пріятныхъ и красивыхъ мужчинъ своего времени, женился на знатной и богатой дѣвушкѣ, жилъ преимущественно въ Парижѣ, и пріѣзжалъ только на время охоты въ свое помѣстье и пробывалъ въ немъ нѣсколько недѣль съ толпою пріятелей и записныхъ охотниковъ, съ которыми Эрнестъ не имѣлъ ничего общаго. Братъ исправно переписывался каждыя три мѣсяца, и видался разъ въ годъ; этигь ограничивались всѣ ихъ сношенія. Такимъ-образомъ, Эрнестъ Мальтреверсъ былъ одинъ въ мѣрѣ, съ холоднымъ, мучительнымъ кризисомъ — славою.

Было поздно вечеромъ. Передъ столомъ, установленнымъ учеными и глубокомысленными кнѣгами, сидѣлъ молодой человекъ, блѣдный и изнуренный болѣзнію. Часы мѣрно и уныло считали секунды, пройденныя на пути къ могилѣ. На лицѣ молодаго человека написано было безпокойное ожиданіе; отъ времени до времени онъ смотрѣлъ на часы, и что-то бормоталъ про себя. Чего же онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ? письма отъ любимой женщины или лютнаго посланія отъ какого-нибудь важнаго лица въ ученое мѣрѣ? Нѣтъ, литераторъ исчезъ передъ болѣзнымъ. Эрнестъ Мальтреверсъ ждалъ посвященія своего врача, котораго онъ, мучимый внезапною мрачною мыслью, рѣшился потревожить, не смотря на позднюю пору. Наконецъ раздался знакомый звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ явился врачъ. Онъ былъ особенно хорошо знакомъ съ патологіею людей, посвятившихъ себя умственнымъ занятіямъ, и отличался столько же своимъ прекраснымъ сердцемъ, какъ и искусствомъ.

— Что съ вами, любезный мистръ Мальтреверсъ? какъ вы себя чувствуете? надѣюсь, что съ вами не случилось ничего особеннаго; болѣзнь, кажется, не должна возобновиться.... Дайте руку.... Пульсъ слабъ и неровенъ, однако же лихорадки нѣтъ.... У васъ нервы раздражены.

— Любезный докторъ, сказалъ Мальтреверсъ, я послалъ за вами такъ воздно не изъ пустаго страху, и не изъ какой-нибудь прихоти болѣзнаго. Когда вы были у меня утромъ, вы сказали нѣсколько словъ, которыя не даютъ мнѣ съ-тѣхъ-поръ покою. Многое, о чемъ совѣсть повелѣваетъ мнѣ позаботиться не теряя времени, зависитъ отъ совершеннаго знанія моего настоящаго положенія. Если я хорошо понялъ васъ, мнѣ недолго остается прожить; такъ ли?

— Не знаю, отвѣчалъ докторъ, отворачиваясь; вы дали слишкомъ положительный смыслъ моимъ словамъ. Я не говорилъ, что вы, какъ называется у насъ, въ опасности.

— Стало-быть, вы полагаете, что я могу прожить еще долго?

Врачъ закашлялся. — Этого рѣшить невозможно, любезный другъ, отвѣчалъ онъ послѣ некотораго молчанія.

— Говорите со мною откровенно. Свои планы на будущее человѣкъ долженъ основывать на признанныхъ разсудкомъ вѣроятностяхъ его долговѣчности. Не считайте меня столь слабодушнымъ, чтобъ отступить передъ бездною, къ которой я пришелъ неумышленно. Прошу васъ, заклиная, — требую отъ васъ, чтобы вы высказались яснѣе.

Въ словахъ и въ голосѣ больного было столько покорности и торжественности, что добрый врачъ былъ тронутъ до глубины души.

— Я отвѣчу вамъ откровенно, сказалъ онъ; вы насилуете нервы и мозгъ чрезмѣрнымъ трудомъ; если вы не дадите имъ отдохнуть, вамъ неминуемо угрожаетъ вторичная болѣзнь и преждевременная смерть. Вы непременно должны бросить совершенно литературныя занятія на нѣсколько мѣсяцевъ, — можетъ-быть даже года на два. Развѣ это такой тяжелый приговоръ? вы молоды, богаты, наслаждайтесь жизнью, пока можете.

Мальтреверсъ казался доволенъ отвѣтомъ, перешелъ къ другимъ предметамъ, и нѣсколько минутъ разговаривалъ совершенно свободно. Только, когда врачъ удалился, далъ онъ свободу жгучимъ мыслямъ, которыя тѣснились въ его душѣ.

— О, вскричалъ онъ вслухъ, вставъ и расхаживая скорыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, — теперь, когда передо мною открывается такой широкій и свѣтлый путь, быть осуждену остановиться и обратиться назадъ!

Онъ остановился у окна, открылъ его, и сталъ съ усиліемъ вдыхать свѣжій воздухъ. Небо было ясно, воздухъ тихъ и холодеетъ, звѣзды блѣднѣли передъ наступающимъ утромъ; улицы, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ оживленныя людскими забавами и заботами, были пусты и безмолвны. Все было погружено въ сонъ, кромѣ недремлющей природы.

— А еслибъ, шепталъ Мальтраверсъ, съ глубокою тоскою, — еслибъ я былъ безчувственъ къ величественной красотѣ этихъ звездъ, еслибъ я принадлежалъ бессмысленной и блезорукой толпѣ, я могъ бы жить долго и сойти въ могилу отъ драхлости лѣтъ, проведенныхъ безъ пользы. Силы мои истощаются и жизнь вянетъ преждевременно, какъ захваченный морозомъ листокъ, отъ того, что я стремлюсь къ великимъ цѣлямъ безсмертнаго существа. Прочь отъ меня! не хочу слушать этихъ внушеній слабой плоти и считать жизнь дороже твѣхъ высокихъ цѣлей, для которыхъ я желалъ бы жить. Выборъ мой рѣшенъ, слава убѣдительнѣе могилы.

Онъ съ досадою отвернулся отъ окна; глаза его сверкали, грудь высоко воздымалась; онъ съ гордостью прошелся по комнатѣ. Вся доводы холоднаго разсудка, все строгія, логическія умозаключенія, которыми онъ отъ времени до времени пытался смирить пылъ своей необузданной души и подчинить ея движенія расчитанности механизма, рухнули передъ бурнымъ, стремительнымъ напоромъ овладевшихъ имъ страстей. Скажите человеку, въ то время, когда онъ на высшей степени славы и въ чадѣ успѣха, что онъ носитъ въ себѣ начало смерти: что можетъ сравниться съ тою бурей мысли и страсти, которая поднимется въ немъ?

Мальтраверсъ, какъ мы видѣли, не искалъ славы, пока слава не дала ему сама; но тутъ, на каждомъ шагу стали возникать передъ нимъ новыя трудности, новыя задачи. Каждая раскрытая истина открывала новую истину, которую надлежало раскрыть или доказать. Состязаніе горячило его кровь и не давало его уму на минуту остановиться въ своей дѣятельности. Насмѣшки и осужденія враговъ, еще болѣе одобренія друзей возбуждали его къ новымъ предвиріятіямъ, къ новымъ успѣхамъ; слава сдѣлалась для него потребностью, условіемъ жизни. Когда человекъ разъ пустился на поприще честолюбія, что можетъ остановить его, кромѣ смерти? гдѣ предѣлъ его честолюбію, которое, какъ баснословная птица Востока, кажется всегда на лету и никогда не опускается на землю? Слава наша не можетъ быть установлена до нашей смерти; прошедшія наши дѣянія преслѣдуютъ насъ какъ привидѣнія, обращаются намъ въ кару, если за ними не послѣдуютъ новыя дѣянія, или если послѣднія не удержатъ.

жаты на высоту прежнихъ. Остановиться — значитъ предать себя забвенію, разрушить все сдѣланное прежде, до того времени, когда могла закрыться надъ нами, и человечество, съ своимъ позднѣмъ правосудіемъ, взвѣситъ наши заслуги и заслуги нашихъ соперниковъ, и измѣритъ наши достоинства не по слабѣйшему, а по большому изъ всехъ нашихъ дѣлій. О, какое мучительное чувство безсилія овладѣваетъ человекомъ, когда онъ видитъ, что тѣло его не въ состояніи выдержать дѣятельности его ума, что руки не могутъ болѣе исполнять того, что душа его создаетъ и задумываетъ съ такою же силою какъ прежде!

Мальтреверсъ наконецъ остановился, и опустился на софу въ усталости и изнеможеніи. Невольно, почти безсознательно, какъ за средство укрыться отъ этой мучительной борьбы ощущеній, онъ принялся разбирать разные письма, которыя уже нѣсколько часовъ лежали на его столѣ нераспечатанныя. Каждое письмо, которое онъ пробѣгалъ, казалось ему новою насмѣшкою надъ его настоящимъ состояніемъ; каждое было свидѣтельствомъ его внѣшняго счастья. Нѣкоторыя содержали выраженіе глубокаго почтенія и сочувствія главныхъ представителей искусства и учености; въ другомъ предлагали ему блестящее вступленіе на поприще общественной службы; третье, отъ Кливленда, было полно гордыхъ, восторженныхъ похвалъ друга, котораго предсказанія наконецъ сбываются. Прочитавъ письмо Кливленда, Мальтреверсъ тяжело вздохнулъ и принужденъ былъ отдохнуть прежде, чѣмъ перешелъ къ слѣдующимъ. Самое послѣднее, которое онъ распечаталъ, было писано незнакомымъ почеркомъ и безъ подписи. Мальтреверсъ, какъ и всѣ сколько-нибудь извѣстные литераторы, нѣрѣдко получалъ безъименныя письма съ похвалами или осужденіемъ, совѣтами или убѣжденіями, — но то письмо, которое онъ теперь распечаталъ небрежною рукою, съ первыхъ словъ приковало его вниманіе. Оно было писано мелкимъ, красивымъ почеркомъ; но въ буквахъ было гораздо болѣе отчетливости, смѣлости, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ женскихъ почеркахъ.

«Эрнестъ Мальтреверсъ, гласило это странное посланіе, поняли ли вы себя? сознали ли вы вполне свои силы и свое назначеніе? Чувствуете ли вы, что можете быть болѣе привлекательная слава, чѣмъ

та, которую вы, кажется, доводите до конца? Вамъ ли, которые такъ проникаете въ самыя тонкія извороты человеческого сердца и изучаете природу будто въ микроскопъ; вамъ ли, котораго вся помысли въостранно ратуютъ за истину, какъ омълое, непобѣдимое водостре, безъ малѣйшаго пятна на вашемъ блестящемъ оружіи; вамъ ли, въ ваши лѣта и съ вашими способностями, закапываться среди кривъ и рукописей? Развѣ вы забываете, что жизнь дѣйствія — великое водориче, достойное людей, мыслящихъ подобно вамъ? Неужели строченіе словъ и рисованіе поэтическихъ картинъ, холодное одобреніе редакторовъ и бессмысленныя похвалы празднои толпы, видящей въ литературу одно средство пріятно убивать время, могутъ удовлетворить ваше честолюбіе? Вы не были созданы единственно для кабинета ученаго; грезы поэзии не свойственны зрѣлому возрасту. Въ васъ слишкомъ много практическаго смысла, чтобы вамъ быть только поэтомъ, и слишкомъ много поэзии для мертвой жизни ученаго. Я не видала васъ, однако же знаю васъ, читаю душу вашу въ вашихъ сочиненіяхъ; это стремленіе ко всему великому и благому, которое отражается во всѣхъ вашихъ пламенныхъ изображеніяхъ себя и другихъ, не можетъ быть удовлетворено одними образами, созданными фантазією. Для васъ недостаточно, подобно большей части поэтовъ и историковъ, сдѣлаться великимъ чрезъ одно изображеніе великихъ людей, постиженіе великихъ событій или описаніе великихъ эпохъ. Не достойнѣе ли васъ *быть* тѣмъ, что вы создаете и изображаете? Проснитесь, Мальтреверсъ, проснитесь! Взгляните въ свое сердце, выясните свое назначеніе. — А кто же я, зывающая къ вамъ такимъ образомъ? — Жевщина, которой душа полна васъ; въ которой ваше красноречіе, среди суеты и пустоты общества, пробудило созваніе другой жизни; жевщина, которая желала бы изъ васъ самихъ сдѣлать осуществленіе собственныхъ вашихъ мыслей и мечтаній, и не просила бы для себя болѣе счастливаго удѣла на землѣ, какъ только слѣдовать за вами на пути славы очами сердца. Не перетолковывайте моего поступка; повторяю, я никогда васъ не видала, и не желаю васъ видѣть: вы, можетъ-быть, не то, чѣмъ я васъ воображаю, и тогда я утрачу свою мечту. Вы думаете, можетъ-быть, что я ищу какую-нибудь корыстную цѣль. Нѣтъ, я не по внушенію какой-нибудь агонистической мысли, стараюсь подстрекнуть ваше самолюбіе; и вы должны сознаться, что этимъ письмомъ можно гордиться

не краснѣя. Я сама знаю, что хвала, прнстекающая не изъ чистаго источника чувства, внушаетъ только тоску и отвращеніе! Я также стязала свою долю похвалъ толпы, и только сильнѣе чувствую послѣ нихъ свое одиночество. Я богаче васъ, я молода, всѣ дивятся моей красотѣ; но ни богатство, ни молодость, ни красота, не доставляютъ мнѣ того невыразимаго счастья, которое я ощущаю, когда думаю о васъ, вотъ восхищеніе, которымъ и вы даже можете возгордиться. Помните эти слова, умоляю васъ. Будьте достойны, не мнѣхъ мыслей, а того вида, въ которомъ онѣ представляютъ васъ; и каждый лучъ славы, который освѣтитъ васъ, освѣтитъ и мой путь, вдохновитъ меня соревнованіемъ. Прощайте. Я, можетъ-быть, не разъ еще буду писать къ вамъ, но вы никогда меня не узнаете; а въ жизни я молю объ одномъ; чтобы намъ никогда не встрѣчаться!»

— Ума не приложу, говорилъ кто-то въ кружкѣ молодыхъ людей, остановившихся на ступеняхъ одного клуба Сентъ-Джемской улицы,—ума не приложу, что такое сдѣлалось съ Мальтреверсомъ. Смотрите, вотъ онъ идетъ по той сторонѣ улицы,—замѣчаете, какъ онъ перемѣнился? Ходитъ сгорбившись, какъ старикъ, и даже ни разу не поднимаетъ глазъ съ мостовой! или онъ боленъ, или у него какая нибудь глубокая душевная печаль!

— Нѣтъ, скорее сочиняетъ новую книгу!

— Или тайно женился!

— Или слишкомъ разбогатѣлъ; говорятъ на богатей всегда находятъ хандра.

— А, Феррерсъ, какъ поживаете?

— Такъ себѣ, отвѣчалъ Лумлей, что новенькаго?

— Рэтлеръ проигралъ пари.

— Нѣтъ, что новаго въ политическомъ мнрѣ?

— Провалился она, политика! ужъ не записались ли и вы въ политики?

— Въ мои лѣта, болѣе нечего и дѣлать.

— Я это тотчасъ же угадалъ по вашей шляпѣ. Всѣ политики щеголяютъ въ какихъ-то допотопныхъ шляпахъ. Оно можетъ показаться страннымъ, но это дѣйствительно первый и несомнѣнный признакъ болѣзни.

— Въ моей шляпѣ! тамъ же она допотопная? спросилъ Феррерсъ, осматривая шляпу и разсматривая ее съ большимъ вниманіемъ.

— Да видано-ли гдѣ такое чучело?

— Вы такъ думаете? это мнѣ очень пріятно.

— Почему?

— Потому что въ нашемъ любезномъ отечествѣ благоразуміе повелеваетъ каждому предать одну частицу своей особы общему осмысленію и сужденію. Пока можно осуждать въ человѣкѣ его шляпу или фракъ, или форму его носа, или бородавку на щекѣ, будутъ смотреть сквозь пальцы на многія болѣе важныя статьи. Это мудрость погонщика, который бросаетъ въ ноги верблюду свой кастанъ, чтобы разъяренный зверь не растопталъ самого.

— Откуда вы выкапываете такія странныя мысли, Феррерсъ? Но до свиданія, я иду читать газеты; а вы?

— Я хочу сдѣлать нѣсколько визитовъ и пощеголять въ своей допотопной шляпѣ.

— Такъ прощайте ... Да, кстати: сейчасъ прошелъ вашъ другъ Мальтреверсъ; да такой пасмурный, ни на кого не смотритъ, и все что-то мурлычетъ про себя. Скажите, что съ нимъ такое?

— Кажется ничего; развѣ горюетъ о томъ, что нѣтъ у него допотопной шляпы, чтобы празднымъ людямъ острить надъ нею и оставить его самого въ покое. Прощайте.

И Феррерсъ пошелъ далѣе, и скоро очутился въ паркѣ. Тутъ встрѣтился онъ съ мистромъ Темпльтономъ.

— Ну что, Лумлей, сказалъ послѣдній, — кстати замѣтимъ тутъ, что послѣ разговора, приведеннаго въ одной изъ предъидущихъ главъ, мистръ Темпльтонъ сталъ изъяснять своему троюродному племяннику особенное уваженіе и дружбу; — ну что, Лумлей, видѣлся ты съ лордомъ Сексингемомъ?

— Видѣлся, дядюшка; и съ прискорбіемъ долженъ сказать ...

— Ну, я такъ и думалъ, — зналъ это напередъ, перебилъ мистръ Темпльтонъ; — и отъ кого же я ждалъ благодарности! кто стоитъ высоко, тому какая охота награждать заслуги? Что ему до нихъ?

— Да дайте же мнѣ досказать, дядюшка! лордъ Сексингемъ го-

верять, что онъ поставилъ бы себя за особенное отвѣтство содѣлывать вашия выданы, — что никто болѣе васъ не заслуживаетъ вниманія въ перы, но....

— Ну такъ и есть, всегда какая-нибудь запятая; нельзя-ли бы безъ этихъ *но*.

— Но въ настоящее время столько претендентовъ на это достоинство, что ихъ невозможно удовлетворить; а....а.... но мнѣ кажется, что мнѣ лучше бы не говорить.

— Нѣтъ, Лумлей, продолжай.

— Ну, если такъ, я долженъ сказать все откровенно. Лордъ Сексингемъ очень заботился о выгодахъ своей фамилии; а ваша женитба, — которая мнѣ, любезный дядюшка, доставила неслыханное удовольствіе, — уничтожила всякую вѣроятность, чтобы ваше состояніе и титул, — если вы его доувидите, — перешли къ....

— Къ тебѣ! суко подхватилъ Темпльтонъ. Твой знатный родственникъ вдругъ что-то возымѣлъ къ тебѣ нѣжность, которой никто и не подозрѣвалъ.

— Обо мнѣ лично, мой знатный родственникъ не позаботился бы ни на волосъ: но онъ очень позаботится о томъ, чтобы членъ его фамиліи былъ богатъ и занималъ высокое положеніе въ свѣтъ. Это увеличиваетъ число и силу его связей; а лордъ Сексингемъ вѣдь держится такъ высоко только помощью связей. Однимъ словомъ, дядюшка, лордъ Сексингемъ пальца не шевельнетъ для содѣйствія этому дѣлу, потому что не видитъ, какая можетъ быть изъ этого польза кому либо изъ его родни, и собственному его дому.

— А заслуги! вскричалъ Темпльтонъ.

— Не имѣетъ ли мистрисъ Темпльтонъ родственниковъ, которые могутъ быть вамъ полезны въ этомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ, сэръ, проревѣлъ дядя громовымъ голосомъ.

— Весьма жаль. Но нельзя же требовать всего: вы женились по любви, наслаждаетесь счастіемъ въ семейномъ кругу, имѣете прелестную жену, — это лучше всякихъ почестей и жены съ знатною роднею.

— Мистръ Лумлей Феррерсъ, прошу васъ уволить меня отъ своихъ угашеній и обрлзнованій. Моя жена....

— Справство васъ любить, я въ этомъ увѣренъ, подхватилъ дядюшкѣ съ невозмутимымъ каданокровіемъ. Она такъ чувствительна, такъ любить поэзію! она не можетъ не любить васъ после того, что вы для нея сдѣлали!

— Всего, что я для нея сдѣлалъ! что ты подъ этимъ разумѣешь?

— Да какъ же, дядюшка? съ вашимъ богатствомъ, при вашемъ владѣніи въ свѣтъ, и вашемъ справедливымъ честолюбіи, вамъ стоило только выбрать; всякая пошла бы за васъ съ охотою; мало того, оставаясь вдовцомъ, вы могли рассчитывать на благорасположеніе и вліяніе моей корыстолюбивой эгоистической родни. А вмѣсто того вы женились на женщинѣ безъ связей, безъ знатнаго родства? — могли ли вы сдѣлать болѣе для жены?

Тутъ Темпльтонъ вдругъ наморщился, и послѣ некотораго молчанія продолжалъ: — Думай, я женился, это правда. Ты уже можешь быть во будешь моею наследникомъ; но я не забуду тебя; повѣрь, что я не обижу тебя, если ты только будешь заслуживать моей любви.

— О, любезный дяд...

— Не прерывай меня, я затѣваю кое-что и для тебя. Будемъ же дѣйствовать за одно. Титло еще можетъ перейти къ тебѣ; почему жать, будетъ ли у меня потомство мужескаго полу. А между-тѣмъ ты можешь, когда понадобится, давать векселя на меня, разумется не на безразсудныя суммы. Я знаю, что у молодыхъ людей бываютъ расходы. Только будь остороженъ, а если хочешь выдти въ люди, то не показывай людямъ, что ты бѣденъ. Теперь, прощай.

— Позвольте изъявить вамъ мою чувствительную, искреннюю благодарность.

— Ненужно. Постарайся еще разъ осторожно заговорить съ лордомъ Сексингемомъ; мнѣ далось титло, и я хочу, я долженъ непременно его добыть.

Затѣмъ Темпльтонъ махнулъ племяннику рукою и задумчиво побрѣлъ въ ту сторону, гдѣ ожидалъ его экипажъ. Какъ скоро онъ вступилъ въ свои владѣнія, дочь выбѣжала ему на встрѣчу. Сердце его развѣжилось; онъ велѣлъ остановиться, сошелъ изъ экипажа; ласкалъ девочку, игралъ съ нею, бѣгалъ, смѣялся, какъ самый вѣжливый отецъ.

— Думай Ферреръ малый съ умомъ и талантомъ, сдѣлаетъ честь какому родственнику, — думалъ Темпльтонъ, съ некоторымъ безпо-

койствомъ ; — но онъ, кажется, очень шаткихъ правилъ. Впрочемъ откровенность его ручается за его доброе сердце!

Между-тѣмъ Феррерсъ отправился въ необыкновенно веселомъ духѣ къ своему другу, Мальтреверсу. Эрнеста не было дома, но Феррерсу не нужно было присутствія хозяина, чтобъ быть вездѣ какъ дома. По столамъ было множество книгъ ; но Феррерсъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые читаютъ для удовольствія. Онъ сѣлъ въ большія кресла, и принялся мысленно строить новые честолюбивые замыслы и сплетать новыя интриги. Наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Мальтреверсъ.

— Что съ вами, Эрнестъ? вы кажетесь совершенно разстроены!

— Я былъ очень боленъ, только что начинаю поправляться. А какъ врачи совѣтуютъ обыкновенно больнымъ перемѣну воздуха, то я собираюсь перемѣнить свой образъ жизни. Дѣятельность мнѣ необходима, она для меня первое условіе жизни; но я долженъ на время отказаться отъ литературныхъ занятій. Вы видите меня въ новой должности.

— Какъ?

— Да также; я членъ парламента.

— Это меня удивляетъ; я сегодня еще читалъ газеты, и кажется нѣтъ ни избраній, ни даже ваканцій.

— Все дѣло устроено моимъ стряпчимъ и банкиромъ. Въ другихъ словахъ, я засѣдаю за несвободное мѣстечко.

— Стало-быть не знаете и этой пытки — угождать избирателямъ. Поздравляю, и въ то же время завидую вамъ. Мнѣ самому очень хотѣлось бы быть въ парламентъ.

— Вамъ! я никогда не зналъ, что и вы заражены недугомъ политики.

— Политики — нѣтъ; но это самое честное средство жить на счетъ общества. Лучше, чѣмъ плутовать.

— Любопытное воззрѣніе на предметъ. Но я когда-то считалъ васъ полу-бентамистомъ, приверженцемъ общей пользы; а вашимъ девизомъ: наибольшая польза наибольшаго числа.

— Наибольшее число для меня — единица. Но шутки въ сторону: какъ можете вы смѣшивать основанія мнѣній съ основаніями дѣйствій? Я бентамистъ, приверженецъ пользы и что вамъ угодно въ разсужденіи; но какъ скоро я выхожу изъ кабинета и

вступаю въ свѣтъ, то предоставляю умствование другимъ, а действую за сѣбя.

— Въ этомъ сознаниіи я вижу болѣе откровенности, чѣмъ благоразумія.

— Позвольте вамъ замѣтить, что и тутъ вы ошибаетесь. Лучшее средство снискать доверіе и доброе мнѣніе людей, выставлять себя худшимъ, чѣмъ вы въ-самомъ-дѣлѣ; вась тотчасъ провозгласятъ честнымъ и практическимъ человекомъ. Ошибка моего дяди заключается въ томъ, что онъ лицемѣритъ въ словахъ; это рѣдко ведетъ къ дѣлу. Будьте откровенны на словахъ, и никто не станетъ подозревать лицемѣрія въ вашихъ дѣйствіяхъ.

Мальтреверсъ устремилъ пристальный взоръ на Феррерса; философія его друга, заслуживающая презрѣнія, возмущала его возвышенныя понятія. Но онъ тутъ только почувствовалъ въ первый разъ, что Феррерсъ былъ изъ тѣхъ людей, которые иногда усыпаютъ въ свѣтъ, и онъ вздохнулъ.

Друзья еще разговаривали о разныхъ пустякахъ, когда пріѣхалъ Кливлендъ. Феррерсъ скоро за тѣмъ вышелъ, потому что онъ не могъ извлечь никакой пользы изъ Кливленда, а съ-тѣхъ-поръ, какъ смѣлые замыслы ронились въ его голову, онъ очень дорожилъ временемъ.

— Любезный Мальтреверсъ, сказалъ Кливлендъ, когда они остались одни, — мнѣ очень пріятно тебя видѣть, и особенно потому, что меня радуетъ то, что ты расширяешь свою сферу дѣятельности на пользу ближняго.

— На пользу ближняго! желалъ бы я, чтобы оно было такъ! Жизнь такъ ненадежна и такъ коротка, что нельзя слишкомъ спѣшить положить свою ленту въ великую массу прекраснаго и благого; а они-то составляютъ полезное. Но на политическомъ поприщѣ, и при такомъ искусственномъ развитіи государственныхъ формъ, какъ въ нашемъ государствѣ, сколько сомнѣній, какой мракъ окружаетъ насъ! И какъ ничтожно то, что можетъ сдѣлать въ этой сферѣ одинъ человекъ, не говоря уже о томъ, что самыя способности его могутъ вовсе не годиться для этой сферы дѣятельности!

— Напротивъ, онъ можетъ сдѣлать многое, даже безъ дара крас-

переня и безъ усидѣй; онъ можетъ сдѣлать много уже тамъ, если представить собою, среди толпы эгоистическихъ честолюбцевъ и безразсудныхъ фанатиковъ, примѣръ честности и безпристрастія; еще болѣе сдѣлаетъ онъ, если можетъ собою показать, что отвѣщенное мышленіе и знаніе можетъ соединиться съ практическимъ умѣніемъ, и поддержать славу безкорыстія, которая должна принадлежать мыслителямъ и ученымъ. Но нравственная цѣль ученаго заключается не въ одной пользѣ ближняго, но и въ возможномъ совершенствованіи самого себя. Душа — священный залогъ, данный на попеченіе всей нашей жизни: Ты распространишь свое знаніе челоувческихъ побужденій и дѣятелей исторіи; и все что ты прибавишь къ пракной своей мудрости, равно раскроется, и принесетъ пользу, проявится ли оцѣ въ книгахъ или въ дѣйствіяхъ. — Но довольно объ этомъ, Эрнестъ. Я пришелъ отобѣдать съ тобою и везти тебя сегодня вечеромъ, въ домъ, гдѣ тебѣ будутъ чрезвычайно рады, и гдѣ, я полагаю, будетъ пріятно тебѣ самому. Безъ отговорокъ. Я далъ слово лорду Летимеру познакомить его съ тобою, а онъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ томъ кругу, съ которымъ ты долженъ сойтись на своемъ новомъ поприщѣ.

И къ этой перемѣнѣ дѣятельности, къ этому переходу изъ кабинета ученаго въ общественную жизнь, побуждало Мальтреверса состояніе здоровья, которое для большей части людей послужило бы только предлогомъ къ праздности. Онъ не могъ-быть празденъ; онъ справедливо говорилъ Феррерсу, что дѣятельность была для него первымъ условіемъ жизни. Если дѣятельность мысли, съ своимъ лихорадочнымъ напряженіемъ, слишкомъ сильно дѣйствовала на его нервы и мозгъ, занятія практической жизни должны были успокоить его воображеніе и умъ, развивая въ то же время другія способности и силы, которыхъ дѣятельность одушевляетъ, но не изнуряетъ челоувка. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, надвѣялся Мальтреверсъ. Онъ помнилъ глубокомысленное слово, сказанное однимъ изъ любимыхъ его нѣмецкихъ писателей, «что для сохраненія совершеннаго здоровья ума и тѣла, необходимо мѣняться постоянно въ обыкновенныя людскія дѣла и заботы». А безъименная совѣтница? не имѣла ли и она вліянія на его рѣшеніе? Не знаю. Но когда Кливлендъ вынеслъ, Мальтреверсъ открылъ свою конторку, и снова прочелъ послѣднее письмо, полученное имъ отъ незнакомой. *Послѣднее*, потому что она не

остановилась на первомъ, и къ этому времени писемъ ей накопилось уже довольно много.

VI.

Блескъ вашего ума придаетъ столько блеску вашему лицу и вашимъ глазамъ, что хотя, казалось бы, умъ можетъ действовать только на слухъ, однакоже можно сказать, что вашъ умъ ослабляетъ глаза.

Г-жа де Севинье.

У лорда Летимера собралось нѣсколько сотъ человекъ, рѣдко встрѣчающихся вмѣстѣ въ лондонскихъ обществахъ; потому что дѣла, политика и литература отвлекаютъ все болѣе замѣчательныя головы и оставляютъ домамъ, имѣющимъ приемныя дни почти одну праздную лондонскую знать и надутыхъ богачей. Даже молодые люди, не связанные занятіями, въ настоящее время избѣгаютъ вечеровъ, и находятъ общество невыносимо скучнымъ. Есть однако же небольшое число домовъ, которыхъ хозяева выше моды, и гдѣ пріязней можетъ видѣть водъ одними кровомъ многихъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей дѣятельной Англіи. Лордъ Летимеръ самъ былъ некогда министромъ. Онъ отказался отъ дѣлъ водъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, но въ самомъ-дѣлѣ потому что они требовали дѣятельности и твердости, не сродныхъ его образованному, но лѣнивому уму и его кроткому, нѣсколько слабому характеру. Прекрасная душа и отличный поваръ доставлялъ ему уваженіе не только собственной его партіи, но и всего высшаго общества; и домъ его сдѣлался мѣстомъ сходки немногочисленнаго, но отборнаго круга знакомыхъ, которые пили его вино, разносили его мнѣнія и острые слова, и, можетъ-быть, любили его тѣмъ болѣе, что онъ не былъ ни авторъ, ни министръ, и следовательно не могъ быть имъ соперникомъ.

Лордъ Летимеръ принялъ Мальтреверса съ необыкновенною любезностью и почтеніемъ; предложилъ ему даже участвовать въ собственной его партіи виста, что было самымъ лестнымъ и рѣдкимъ свидѣтельствомъ уваженія знатнаго лорда къ его уму. Когда гость уклонился отъ этой чести, графъ передалъ его графинѣ, какъ

принадлежность женской половины общества, и вскорѣ за тѣмъ погрузился въ свои карты.

Разговаривая съ леди Летимеръ, Мальтреверсъ случайно поднялъ глаза и увидѣлъ противъ себя молодую леди такой поразительной красоты, что онъ едва могъ удержаться отъ восклицанія восторга. — Кто эта молодая дѣвица? спросилъ онъ; хотя я мало бываю въ свѣтъ, однако же и я долженъ узнать имя особы, которой красота вѣроятно уже прославила его повсюду.

— А, это леди Флоренція Лесельсъ; — она только съ прошлаго года начала выѣзжать. Она въ самомъ-дѣлѣ удивительно хороша; но умъ ея еще замѣчательнѣе красоты. Я должна васъ познакомить.

При этомъ предложеніи Мальтреверсъ почувствовалъ въ сердцѣ какую-то странную робость, какое-то недоверіе, родъ предчувствія угрожающей опасности и зла. Онъ отступилъ и хотѣлъ было отказаться на отрывъ отъ предлагаемой чести; но леди Летимеръ не обратила вниманія на его смущеніе и была уже подлѣ леди Флоренціи Лесельсъ. Еще мгновеніе, и она позвала Мальтреверса и представила его. Поклонившись, и свѣтъ подлѣ новой знакомой, онъ не могъ не замѣтить, что щеки ея внезапно покрылись яркимъ румянцемъ, и что она отвѣчала ему со смущеніемъ, рѣдкимъ даже въ дѣвицѣ, въ первый разъ вывезенной въ свѣтъ, и которой представляютъ перваго льва своего времени. Это очевидное смущеніе, насколько схожее съ тѣмъ, что онъ ощущалъ самъ, скорѣе могло смутить его еще болѣе, чѣмъ польстить его самолюбію, и немногія фразы, которыми они обмѣнялись, были неловки и не вязались. Черезъ несколько минутъ, къ удивленію, а можетъ-быть и къ радости Мальтреверса, подошелъ къ нимъ Лумлей Феррерсъ.

— А, леди Флоренція, цѣлую вамъ ручки; — мнѣ очень пріятно видѣть, что вы познакомились съ моимъ другомъ Мальтреверсомъ.

— А вы, мистръ Феррерсъ, отчего такъ поздно? спросила прекрасная Флоренція съ внезапною развязностью, которая непріятно поразила Мальтреверса.

— Былъ на скучномъ обѣдѣ, вотъ и все; другаго извиненія не имѣю.

И Феррерсъ, усѣвшись на порожній стулъ по другую сторону Флоренціи, сталъ говорить такъ словоохотно и съ такимъ одушев-

лѣннѣ, какъ будто хотѣлъ привлечь на себя одного все ея вниманіе.

Впечатлѣніе, произведенное на Мальтреверса бесѣдою Флоренціи было далеко не такъ выгодно, какъ впечатлѣніе, произведенное ея красотою; и какъ скоро онъ увидѣлъ, что она занялась другимъ, онъ всталъ и тихонько удалился. Скоро онъ попалъ въ небольшой кружокъ людей, разсуждавшихъ объ одномъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ; онъ вступилъ въ разговоръ; мало-по-малу занимательность предмета одушевила его врожденное краснорѣчіе, и говорящія сдѣлались слушателями; число ихъ увеличилось вновь пришедшими, и Мальтреверсъ непримѣтно сдѣлался предметомъ общаго, востановительнаго вниманія.

— Какъ показался вамъ мистръ Мальтреверсъ? спросилъ Феррерсъ небрежно; оправдалъ ли онъ ваши ожиданія?

Леди Флоренція была погружена въ глубокое раздумье, и Феррерсъ долженъ былъ повторить вопросъ.

— Онъ моложе, чѣмъ я воображала... и... и....

— И лучше, вѣроятно хотите вы сказать?

— Нѣтъ, не то... Онъ спокойнѣе, въ немъ не столько одушевленія теперь, возразилъ Феррерсъ; видно ваша женская бесѣда не могла воспламенить Прометеевой искры. Примите это лестное утѣшеніе; оно, можетъ-быть, уврачуеъ ваше оскорбленное самолюбіе.

— Да, вы правы; — онъ вѣрно считаетъ меня....

— Первою красавицею, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Красавицею! — я ненавижу это слово, Лумлей. Я желала бы быть уродомъ, тогда можетъ-быть догадались бы, что я не дура.

— Гмъ! отвѣчалъ Феррерсъ недовѣрчиво.

— Вы не вѣрите, скептикъ! сказала Флоренція, качая головою и засмѣявшись.

— Кому до того, вѣрю ли я или нѣтъ! отвѣчалъ Феррерсъ стараясь принять сантиментальный тонъ, — когда лорды и графы, поэты и герцоги преклоняются передъ вами, и стараются наперерывъ отбить у меня мою завидную монополію!

Между-тѣмъ какъ Феррерсъ говорилъ, многіе изъ гостей разсѣянныхъ по залъ, мало-по-малу окружили Флоренцію, и разговоръ сталъ живъ и веселъ. О, какъ остроумна и блестяща была въ эту минуту несравненная Флоренція! съ какою бойкостью, съ какими

огнемъ и съ какою прелестью остроты, мудрыя изреченія и даже гениальныя мысли сыпались съ этихъ алыхъ губокъ! Самъ даже Феррерсъ, не смотря на свою самоуверенность, почувствовалъ, что его тонкій умъ былъ тяжелъ и тупъ передъ ея умомъ, и робко удалился отъ стрѣль ея небрежныхъ и ивтъкихъ возраженій. Остроуміе Флоренціи Лесельсъ чаще оскорбляло, чѣмъ забавляло. Образованная до учюности, неустрашимая почти до отсутствія всякой женственности, — она была въ восторгѣ когда могла бичевать невѣжество, самоуверенность и притязательность, не обращая вниманія на положеніе своихъ жертвъ въ обществѣ. Смѣхъ, который она возбуждала, былъ какъ молнія; никто не зналъ, на кого онъ обратится черезъ мгновеніе.

— Какъ всѣ ни боялись Флоренціи, какъ ни не любили ее, однако же всѣ увивались около нея и льстили ей. Этому были двѣ причины; во-первыхъ, она была кокетка, и во-вторыхъ — богатая невѣста.

Такимъ-образомъ все общество въ залѣ раздѣлилось на двѣ главныя группы, изъ которыхъ въ одной первое мѣсто занималъ Мальтреверсъ, въ другой — Флоренція. Когда первая группа разошлась, Эрнестъ подошелъ къ Кливленду.

— Любезный Лумлей, шепнула Флоренція, вдругъ обратившись къ Феррерсу, — другъ вашъ говорить обо мнѣ, я это вижу. Подите, умоляю васъ, и передайте мнѣ то, что онъ скажетъ.

— Порученіе не очень лестное, прекрасная сестрица, отвѣчалъ Феррерсъ почти съ досадою.

— Напротивъ. Удовлетворить любопытство женщины, это одно изъ самыхъ лестныхъ порученій, какія можно возложить на искуснаго дипломата.

— Нечего дѣлать, надо исполнить ваше приказаніе, хотя я рѣшительно не принимаю за честь.

И Феррерсъ подошелъ къ Мальтреверсу и Кливленду.

— Она точно удивительно хороша, говорилъ Мальтреверсъ; никогда еще не видалъ я такого прекраснаго лица; это первая женщина, въ которой орлиный носъ кажется мнѣ античные греческаго.

— Такъ вотъ ваше мнѣніе о моей прекрасной кузинѣ! вскричалъ Феррерсъ; — вы, кажется, попались!

— Желалъ бы я, чтобы онъ попался, сказалъ Кливлендъ. Эрнестъ уже въ такихъ лѣтахъ, что можно ему думать о семействѣ,

а во всей Англии не найдется болѣе завидной невесты; богата, хорошей фамилии, прекрасна, умна и образованна!

— Что вы на это скажете? спросилъ Лумлей Мальтреверса, почти съ досадою.

— Скажу, что я не видалъ ни одной женщины, которая такъ поразила бы меня красотою, и которая была бы менѣе способна внушить мнѣ любовь, отвѣчалъ Мальтреверсъ, выходя изъ комнаты.

Феррерсъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пробормоталъ что-то про себя; потомъ отправился къ леди Флоренціи, которая тотчасъ встала, и взявъ Лумлея подъ-руку, сказала:

— Я вижу, что отецъ смотритъ во все стороны и ищетъ меня, чтобы вхатъ домой; надо мнѣ идти къ нему. Пойдемте, Лумлей, со мною; я знаю, что онъ желаетъ видѣть васъ.

— Ну что же? спросила Флоренція, вспыхнувъ и почти задыхаясь, проходя съ Лумлеемъ по полуопустыннымъ заламъ.

— Что прикажете, кузина?

— Вы меня бьсите! что говорилъ вашъ другъ?

— Что молва не ошиблась, объявивъ васъ первою красавицею, но что ваша красота не въ его вкусъ; Мальтреверсъ, вы знаете, влюбленъ.

— Влюбленъ!

— Да, въ прехорошенькую Француженку; самая романическая и восторженная любовь! она продолжается уже нѣсколько лѣтъ.

Флоренція отвернулась и не говорила болѣе ни слова.

— Спасибо, любезный Лумлей, сказалъ лордъ Сексингемъ; никогда не вижу я Флоренцію съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ положень-второго ночи, когда появленіе ея есть знакъ, что мнѣ скоро можно будетъ предаться сну, а моимъ несчастнымъ лошадямъ не долго стоять на морозъ. — Кстати, Феррерсъ, приходите ко мнѣ обдѣять въ субботу, вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе.

— Въ субботу? къ сожалѣнію, я далъ слово обдѣять у дяди.

— О, онъ поступилъ съ вами очень благородно.

— Да.

— Здорова ли мистрисъ Темпльтонъ?

— Я полагаю.

— Если бь онъ только назначилъ васъ своимъ наследникомъ, мы подумали бы еще о титулѣ.

— Пойдите, милордъ; сдѣлайте мнѣ одно большое удовольствіе: напишите нѣсколько строкъ, чтобы тонко намекнуть на это.

— Нѣтъ, нѣтъ; писать — ни за что; письма всегда какъ-то попадаютъ въ газеты.

— Можно его такъ осторожно сложить, что нечего будетъ бояться напечатанія; уверяю васъ честью.

— Я подумаю. Прощайте.

=

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРЕВЕРСЪ.

РОМАНЪ ЭДУАРДА ЛЕТТОНА БУЛЬВЕРА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I.

Пренное дитя была она, со свѣжнмъ взоромъ и съ мыслями, которыя на самыя ничтожныя предметы разливали прелесть и красоту собственной ея души.

Перси Шеллей.

Дѣтани молодъ онъ, но старъ опытенъ.

Шекспиръ.

Онъ добивается почестей, я ищу любви.

Шампльеръ.

Луиелъ Феррерсъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ людямъ на свѣтѣ, которые всегда дѣйствуютъ по глубоко обдуманному и разсчитанному плану; такимъ онъ былъ съ самаго дѣтства. Какъ онъ былъ отъ природы неусидчиваго нрава и любилъ перемѣну и путешествія, то онъ и отправился за границу, и пользовался тамъ всеми удовольствіями, какія дозволяло ему его небольшое состояніе. За границею съ этимъ небольшимъ состояніемъ онъ могъ жить лучше и даже позволить себѣ некоторую роскошь, чѣмъ въ своемъ отече-

ствъ, что и побудило его отчасти продать свои путешествія. Теперь же, когда разгуль и страсти молодости улеглись, и его умственные способности созрѣли и развились въ многостороннемъ изученіи человечества, и сосредоточились въ такомъ родѣ честолюбія, какой былъ доступенъ его природѣ, онъ началъ дѣйствовать по такому же обдуманному, такому же отчетливому плану, не теряя его изъ виду даже въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ жизни. Въ немъ не было почти ничего, что могло бы въ практической жизни поперечить его холоднымъ расчетамъ. Осматриваясь вокругъ себя на англійскую жизнь, Феррерсъ ясно увидалъ, что въ его лѣта и при его неопредѣленномъ положеніи въ свѣтъ, не позволявшемъ ему пренебречь никакою благоприятною случайностью, ему необходимо было сбросить съ себя все, что даетъ человеку видъ сантальца, холостяка, видъ неосвѣдости.

— Житье на годовой квартирѣ и кабриолетъ не внушаютъ почтенія, сказалъ себѣ Феррерсъ; — онъ самъ былъ единственнымъ повзрѣвшимъ всѣхъ своихъ мыслей и плановъ; — въ нихъ нѣтъ ничего прочнаго, постояннаго, осѣдлаго; это принадлежности жизни, не выдающей далѣе завтрашняго дня; сегодня есть, а завтра сплыло. Человекъ не можетъ имѣть вѣсу, пока не платитъ акцизовъ и пошанинъ и не ведетъ счета съ своимъ мясникомъ.

Вослѣдствіе этого размышленія, Феррерсъ, не говоря никому ни слова, взялъ большой домъ по контракту, на долгій срокъ, на одной изъ тѣхъ мирныхъ улицъ, которыя ручаются за живущихъ на нихъ въ томъ, что они не желаютъ выдти въ люди съ помощью моды, изъ тѣхъ улицъ, на которыхъ предполагается, что вы живете потому, что ваши средства позволяютъ вамъ тутъ жить и держать большой домъ. Феррерсъ очень дорожилъ тѣмъ, чтобы улица была именно такого рода, и выбралъ Гретъ-Джордж-стритъ, въ Вестминстерскомъ кварталѣ.

Въ обширныхъ, чопорныхъ покояхъ Феррерса не было ни той мишуры, ни тѣхъ игрушекъ, которыми обыкновенно наполнены квартиры молодыхъ одинокихъ людей: ни модной бронзы, ни резныхъ ващицъ, ни кабинетныхъ картинокъ, ни севрскихъ фарфоровъ. Онъ купилъ за сходную цѣну отъ своего предмѣстника всю его старую мебель; кисейные занавѣсы чайнаго цвѣту, стулья и диваны, на которые двадцать пять лѣтъ положили достопочтенный слой пыли. Един-

оливковую часть мебелировки, на которую онъ былъ разборчивее, и въ которой онъ допускалъ даже некоторую роскошь, составляли длинный обитый стволъ и новый буфетъ красного дерева. Кто-то спрашивалъ, зачѣмъ эти предметы у него богаче остальной мебелировки. — Не знаю, отзвучалъ онъ, но я замѣтилъ, что у каждого почтеннаго семейства, лучшая вещь въ домѣ — обитый стволъ и буфетъ; стало-быть въ нихъ должно быть что-нибудь такое; — когда-нибудь на досугѣ я постараюсь это разъяснить.

Въ такомъ-то домѣ поселился Лумлей Феррерсъ съ двумя служавшими почтенныхъ лѣтъ, и слугою безъ ливрона, котораго онъ избралъ изъ большого числа кандидатовъ, за то, что онъ казался отлично хорошо откормленъ.

Устроивъ такимъ образомъ свое хозяйство и сказавъ всемъ своимъ знакомымъ, что онъ взялъ домъ на шестдесятъ-три года, Лумлей Феррерсъ сдѣлалъ свѣту, сколько ему придется проживать на такую ногу, и нашолъ, что при самомъ благоразумномъ образѣ жизни, ежегодные расходы должны одною четвертью превышать его доходы.

— Чего не хватаетъ, я буду брать изъ капитала, сказалъ онъ; можно такъ, для опыта, лѣтъ пять; если не повезетъ, и я не буду еще въ барышахъ, то значить, что свѣтъ ужасно перемѣнился, и не дастъ жить на свой счетъ, или что Лумлей Феррерсъ гораздо глупе, чѣмъ воображаетъ!

Министръ Феррерсъ глубоко изучилъ характеръ дяди, какъ умный спекулянтъ изучаетъ всѣ свойства рудника, въ который онъ хочетъ влить свой капиталъ, и во всякъ приведенныхъ распоряженіяхъ, онъ имѣлъ въ виду дѣйствовать столько же на дядю, какъ и на свѣтъ. Онъ понималъ, что чѣмъ больше онъ приобрететъ вѣсу, не въ вихрѣ свѣта и моды, — онъ зналъ, что такой вѣсъ просто мыльный пузырь, — и болѣе существеннаго вѣсу между людьми солидными, положительными, тѣмъ болѣе будетъ уважать его министръ Темпльтонъ, и тѣмъ болѣе ему надежды быть его наследникомъ; разумется, что онъ тутъ рассчитывалъ на счастливый случай, если министръ Темпльтонъ не разстроитъ плановъ племянника, давъ дядѣ прямыхъ наследниковъ. Впрочемъ, это опасеніе все слабѣло по мѣрѣ того, какъ время уходило и не показывалось никакихъ признаковъ плодородія, и вмѣстѣ съ тѣмъ Феррерсъ все болѣе и болѣе убѣждался, что можно было безъ безразсудства рисковать смѣлѣе въ счетъ бу-

душей женщины, къ которой онъ стремился. Одно обстоятельство, однако же, сильно колебало его увѣренность и нарушало его спокойствіе: мистръ Темпльтопъ, не смотря на его суровое обращеніе съ женою, былъ очевидно очень привязанъ къ ней; а главное, онъ обожалъ свою маленькую Эвелину, души въ ней не считалъ; онъ заботился о ея здоровьи, о ея воспитаніи, даже о ея детскихъ удовольствіяхъ, не только какъ родной отецъ, но какъ отецъ самый добрый, самый страстный. Онъ никогда не простилъ бы тому, кто осмѣлился бы георчить ее, или поверчить ей въ чемъ бы то ни было. Мистръ Темпльтопъ, отъ роду не знавшій что такое баловать кого-нибудь, ничего не жалалъ, чтобы угождать прелестной дѣвчкѣ. И то правда, что трудно было не любить ея; съ каждымъ днемъ красота ея становилась обворожительнѣе; ея детские ласки съ каждымъ днемъ все болѣе опутывали сердце. Правъ ея былъ такъ кротокъ и послушенъ, что самая слѣпая нѣжность и угодиливость, казалось, только развивали прекрасныя свойства ея благородной, любящей души. Можетъ-быть болѣе разсудительная и холодная любовь скорѣе испортила бы существо, котораго вся побужденія стремились къ одному: быть любимымъ и любить. Она была изъ тѣхъ растений, которымъ нужно самое теплое солнце, чтобы они не поблекли и не завяли. Только подъ вѣчно яснымъ и безоблачнымъ небомъ, подъ живительными лучами безграничной любви, могло ея нѣжное, чувствительное сердце распуститься такимъ пышнымъ, роскошнымъ цвѣткомъ.

И всѣ, кто ни видалъ ея, даже люди, вообще не любившіе дѣтей, были въ восхищеніи отъ милой дѣвочки; кромѣ, разумется, мистра Лумлеа Феррерса, у котораго были свои важныя причины коснуться на нее.

Онъ видалъ много примѣровъ, что богатый старикъ, женившись на молоденькой женщинѣ, такъ привязывался къ ней и ея дѣтямъ что отказывалъ имъ все свое имущество; а онъ очень хорошо понималъ, что между нимъ самимъ и Темпльтономъ узлы родственной любви были очень надежны. Поэтому онъ рѣшился стараться всѣми силами охладить привязанность дяди къ жентѣ, надеясь, что по мѣрѣ уменьшенія ея вліянія, уменьшится и вліяніе дочери; и въ то же время подстрекать его тщеславіе и честолюбіе, чтобы въ нихъ имѣть союзниковъ, могущихъ замѣнить недостатокъ привязанности.

Къ этой двойной цѣли онъ шелъ съ удивительнымъ искусствомъ и ловкостью. Прежде всего онъ старался приобрести довѣріе и уваженіе кроткой и печальной супруги; а какъ она была отъ природы очень доверчива, и притомъ столько же неопытна, то ему не трудно было совершить это дѣло съ самымъ полнымъ успѣхомъ. Его откровенное обращеніе, почтительное вниманіе къ ней, искусство, съ какимъ онъ умѣлъ отводить отъ нея угрюмое брюзжаніе мистра Темпльтона въ минуты, когда находила на него хандра, веселость, которую онъ умѣлъ придавать этому мрачному жилищу, прельщали бѣдняжку и заставляли ее желать его посѣщеній и вѣрить его дружбѣ. Можеть-быть, она была рада ему уже и потому, что онъ прерывалъ тяжелыя бесѣды съ глазу на глазъ съ строгимъ и угрюмымъ мужемъ, который не сочувствовалъ горестямъ, точившимъ ея сердце, и который ставилъ себя въ нравственную заслугу сурово осуждать все, что не было вполне согласно съ его понятіями.

Второю заботою Лумлея было — вооружить тщеславіе мистра Темпльтона противъ его жены, безпрестанно напоминая ему, чѣмъ онъ пожертвовалъ для этого брака, и что онъ могъ, безъ всякаго сомнѣнія, достигъ предмета всѣхъ своихъ желаній, еслибъ былъ благоразумнѣе въ выборѣ жены. Возвращаясь безпрестанно къ этому предмету, и всегда съ удивительною ловкостью, онъ, такъ сказать, утвердилъ навсегда раздраженіе въ сердцѣ Темпльтона, и оно стало отзываться во всѣхъ его помыслахъ, касались ли они его честолюбивыхъ цѣлей или семейнаго быта. Однако же, къ великому удивленію и къ досадѣ Лумлея, по мѣрѣ того какъ Темпльтонъ охлаждался къ жевѣ, любовь его къ падчерицѣ возрастала. Лумлей не принялъ въ расчетъ той потребности любви, которая кроется почти въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ. Темпльтонъ, хотя его нельзя было назвать добрымъ и любящимъ человекомъ, имѣлъ однако же нѣсколько прекрасныхъ качествъ. Жажда почестей, соединенныхъ съ званіемъ пѣра, происходила единственно отъ непомернаго, болѣзненнаго желанія пользоваться уваженіемъ свѣта, которое онъ признавалъ себя безсильнымъ заслужить одними своими внутренними достоинствами. Въ сущности же онъ былъ человекъ добрый; онъ былъ сострадательнъ къ бѣднымъ, снисходителенъ къ подчиненнымъ, и въ сердцѣ его была потребность любить и быть любимымъ, одно изъ тѣхъ чувствъ, которыми атомы міра связываются и приводятся въ

гармонію. Еслибъ мистрисъ Темпльтонъ только показала ему нѣсколько любви, тогда вся хитрости Лумлея разпались бы въ прахъ; любовь утѣшила бы его въ неуспѣхъ его честолюбивыхъ мечтаній, и онъ сдѣлался бы добрымъ и даже нѣжнымъ супругомъ. Но мистрисъ Темпльтонъ не скрывала, что она не могла любить его, хотя была примѣрною, терпѣливою, заботливою женою; дочь же любила его, любила наравнѣ съ матерью, и онъ не отдалъ бы за всю блага жизни этой чистой живительной любви. Какъ ни умнѣть, какъ ни промѣцателемъ былъ Лумлей, а онъ не могъ объяснить себѣ этой слабости, какъ онъ ее называлъ. И это очень понятно: мы не можемъ вполне постигать людей, когда не сочувствуемъ всемъ естественнымъ побужденіямъ человеческого сердца; а природа оставила Лумлея существомъ неполнымъ, недоконченнымъ, отказавъ ему совершенно въ способности любить кого-нибудь, кромѣ себя самого.

Но если съ этой стороны Лумлей не могъ быть вполне доволенъ результатомъ своей политики, то въ другой своей цѣли, снискать уваженіе Темпльтона, онъ имѣлъ полный успѣхъ. Онъ принималъ всѣ мѣры, чтобы въ его хозяйствѣ ничто не могло показаться неблагоразумнымъ: все у него дѣлалось скромно, тихо, разсчитливо. Онъ сказалъ дядѣ, что распорядился такъ, чтобы не прожывать болѣе своихъ годовыхъ доходовъ, а Темпльтонъ, видя что Феррерсъ не проситъ у него денегъ, и не зная, что онъ уже за границу успѣлъ поглотить значительную часть своего капитала, вѣрилъ ему. Феррерсъ часто давалъ обѣды; но онъ не смотрѣлъ на нихъ, подобно многимъ людямъ въ наше время, воображающимъ, что они отлично хорошо понимаютъ жизнь, какъ на средство придать себѣ вѣсу, и не лѣзъ изъ кожи, чтобы давать обѣды лучше и пышнѣе другихъ. Онъ зналъ, что если человекъ не имѣетъ милліоновъ или не занимаетъ очень высокаго положенія въ свѣтѣ, то не можетъ сдѣлать болѣе глупости, какъ вздумать смаковать сердца своихъ знакомыхъ необыкновенными супами или самыми дорогими винами. Онъ зналъ, что вставъ изъ за такого обѣда, гости говорятъ: — «Какое право имѣетъ этотъ нищій давать обѣды лучше нашихъ? Что за невѣжество! что за глупая самонадѣянность!»

Нѣтъ; хотя Феррерсъ былъ самый утонченный гастрономъ и чрезвычайно высоко ставилъ удовольствія стола, однако же, какъ онъ самъ говорилъ, онъ угощалъ своихъ гостей только порядочнымъ обѣдомъ. Въ устричный соусъ, маваръ его считывалъ порядочное

вѣдѣнство муки, рѣзкое блѣдо было всегда одно и то же и нѣтъ по-
дережекъ; колодезныя поставлалъ непрожаренъ, и хлѣбчикъ до нихъ не
дотрогивался. Не старался также Феррерсъ собрать вокругъ себя лю-
дей, преобладавшихъ умомъ и разговоромъ; нѣтъ, онъ выбиралъ
людей съ болѣе существенною славой, и вообще старался быть
вѣсть умнѣе въ своемъ обществѣ. Разговоръ онъ обыкновенно обра-
щалъ на важныя предметы, на политику, биржевыя дѣла, тор-
говлю, и заранее подготавливалъ для него матеріалы. Онъ наскла-
дилъ свою безвѣчную, шумную веселость, смѣясь прослыть чело-
вѣкомъ необыкновенно сдѣлающимъ, трудолюбивымъ, мыслящимъ,
однимъ словомъ — человекомъ, который долженъ далеко пойти. Съ
его связями, съ его пріятнымъ, вкрадчивымъ обхожденіемъ, съ
его безпритязательностью и отсутствіемъ всякой надменности, ему
не трудно было привлечь къ своему простому столу, конечно неу-
довольствовавшему прихотямъ гастронома, но за то не оскорблявшему
ни чьего самолюбія, достаточное для его цѣлей число высокихъ са-
возниковъ и извѣстныхъ дѣловыхъ людей. А какъ мѣсто, въ кото-
ромъ онъ поселился, невдалекѣ отъ палаты, было удобно для нихъ
человѣкъ, то мало-по-малу его обширныя, пустыя покои, сдѣлались
однимъ изъ сборныхъ мѣстъ, куда сходились эти господа потѣлко-
вать о тысячахъ мелочахъ, которыя имѣютъ такое большое значеніе
въ парламентской тактикѣ. Такимъ-образомъ Феррерсъ, не будучи
самъ въ парламентъ, сдѣлался будто принадлежностью его, и ми-
нистерская партія, къ которой онъ присталъ, отзывалась о немъ
съ большими похвалами, часто пользовалась его услугами и обѣща-
ла при первомъ случаѣ для него что-нибудь сдѣлать.

Между-тѣмъ какъ этотъ умный, но безсовѣстный, хитрецъ про-
кладывалъ себѣ такимъ образомъ путь, — на что, разумеется, по-
требовалось довольно времени, — Эрнестъ Мальтреверсъ взбирался
по крутой, тернистой, узкой тропѣ, къ той высотѣ, на которой воз-
двигаются людямъ памятники. Усианъ его на парламентарномъ по-
прищѣ не были ни блестящими, ни быстрыми; потому что, хотя онъ
имѣлъ даръ краснорѣчія и былъ образованъ, но презиралъ все
ораторскія ухищренія, и хотя у него было довольно и пылу и энер-
гіи, однако его нельзя было назвать горячимъ поборникомъ партіи.
Онъ встрѣтилъ множество враговъ и много препятствій; а добродуш-
ная, веселая общительность въ нравѣхъ и въ обхожденіи, которая въ

Молодости дала его кумиромъ его сверстниковъ въ школѣ, давши уже вершила въ кроткую, но холодную, уверенную, волевою скрытность, которая не могла распелагать въ его пользу толпу, склонную судить по наружности. Однако же, хотя онъ говорилъ рѣдко и видѣлъ множество людей, которые, не имѣя половины его способностей, были принимаемы съ несравненно бѣльшимъ восторгомъ, однако же онъ долженъ былъ обратить на себя вниманіе и внушить глубокое почтеніе; если онъ не дѣлался любимцемъ какого-нибудь кружка или партіи, то въ массѣ общества, которую одну Мальтреверсъ признавалъ своимъ судьей, какъ въ литературу такъ и въ политическую дѣятельность, росло въ молчаніи и широко пускало ветви убѣжденіе въ благонамѣренности его видовъ, въ его неподкупной честности, и въ основательности и обдуманности его воззрѣній. Онъ чувствовалъ, что слава его была отдана въ верныя руки, хотя вознагражденіе было медленно и умеренно. Но онъ готовъ былъ ждать.

Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе старался заключать весь свой міръ, сколько ему позволить свѣтъ, въ себя самомъ; и въ спокойномъ и ясномъ сознаніи своей правоты и достоинства, онъ чувствовалъ надъ собою живительные лучи солнца, когда подъ нимъ разстилались мрачныя, враждебныя тучи зависти и злобы. Онъ не оскорблялъ мнѣній безъ нужды, не старался оказывать къ нимъ презрѣніе, но также и не потакалъ, не льстилъ имъ. Когда ему по совѣсти казалось нужнымъ снисходить къ совѣту, онъ снисходилъ къ нему; гдѣ было нужно осуждать, онъ осуждалъ. Пауперизмъ, въ противоположность бѣдности, говаривалъ онъ иногда, есть желаніе существовать постороннею помощью, и неохота удовлетворять своимъ нуждамъ собственнымъ трудомъ есть также нравственный пауперизмъ; его-то мы видимъ въ людяхъ, которые ищутъ въ другихъ самой необходимой опоры нравственной жизни — уваженіе къ себѣ и сознаніе своего достоинства.

Мальтреверсъ бодро шелъ по своему трудному и одинокому пути, и чувствовалъ, что когда умрутъ предубѣжденія и зависть, въ сердцахъ человечества найдется оочувствіе его побужденій и дѣятельности.

Что касается его физическаго здоровья, цель его была достигнута. Вся забота, все время дѣловой жизни, позднія засѣданія и скучныя рѣчи не могутъ производить того истощенія физическаго.

силъ, какое слѣдуетъ за напряженіями души и ума, парящихъ въ высокую сферу отвлеченной мысли и творческой фантазіи. Какъ скоро эти способности могли отдохнуть отъ усильной дѣятельности, силы тела стали быстро крѣпнуть и возвращаться къ своему нормальному положенію. Въ своей частной, домашней жизни, Эрнестъ шель мало утѣхъ и развлеченій. Съ своимъ прежнимъ прителемъ Ферреромъ онъ все болѣе и болѣе расходился по мѣрѣ того, какъ расходились ихъ образъ мыслей и цѣли въ жизни. Кливлендъ болѣе тѣмъ когда либо жилъ затворникомъ въ своемъ помѣстьѣ, и былъ слишкомъ доволенъ успѣхами и возрастающею славою своего воспитанника, чтобы докучать ему совѣтами и увѣщаніями. Цезарини сдѣлался совершенно литературнымъ львомъ; журналы разсыпались въ похвалахъ его таланту, по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя побуждаютъ насъ хвалить привѣжныхъ пѣвцовъ или умеренныхъ; надо же кого-нибудь хвалить, а какъ можно хвалить тѣхъ, которые колотъ намъ глазъ! Цезарини сдѣлался нестерпимо надуть и самолюбивъ, клялся, что Англія единственная страна, гдѣ умѣютъ цѣнить истинныя заслуги, и не скрывалъ уже своей завистливой злобы къ Мальтреверсу, которому онъ не могъ простить его славы. Эрнестъ съ прискорбіемъ видѣлъ, какъ онъ моталъ свое небольшое состояніе и тратилъ свои способности на гостинныя бездѣлушки; онъ пытался образумить его дружескими совѣтами, но Цезарини слушалъ его съ такимъ нетерпѣніемъ и съ такою досадою, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своего благаго намѣренія. Онъ писалъ о томъ къ Де-Монтаню, котораго попытки остались также безуспѣшны. Во всѣхъ совѣтахъ и увѣщаніяхъ Цезарини видѣлъ зависть и недобробжелательство. Сначала страсть бросать пыль въ глаза, а потомъ жажда сильныхъ ощущеній, завлекли его въ игру, въ которой онъ каждый день слускалъ остатки своего имѣнія.

Письма Де-Монтаня утѣшали Мальтреверса въ утратѣ дорогихъ ему друзей. Де-Монтанъ былъ уже въ это время человекъ извѣстный и вѣдовавшійся всеобщимъ уваженіемъ; и одно его одобреніе было Эрнесту пріятнѣе и дороже шумныхъ восторговъ толпы. Въ то же время, переписка его таинственной Элеринъ, — если можно назвать перепискою письма, которыя пишутся только съ одной стороны, — также дѣлала его самолюбиво и подстрекала его любопытство. Уже довольно было времени, какъ онъ получалъ эти письма, а онъ все

еще не могъ открыть ихъ автора. Въ послѣднихъ письмахъ онъ замѣтилъ большую перемену въ тонѣ писательницы; въ нѣтъ начала проглядывать глубокая грусть, доходившая иногда до совершеннаго унынія, въ нихъ говорилось уже не объ однихъ радостяхъ славы, но и объ ея пустотѣ; и съ потивно женскимъ чувствомъ намекалось чаще на очастіе быть утѣшителемъ въ горести, чѣмъ на удовлетвѣствіе раадѣлять торжество. Во всѣхъ этихъ письмахъ были несомнѣнные признаки высокаго ума и глубокаго чувства: они сильно подстрекали любовьствво Мальтреверса, однако же если онъ желалъ открыть писательницу, то вовсе не потому, что чувствовалъ къ ней влеченіе. Они были сплошномъ полны ироніи и горечи мужскаго ума, чтобы прельстить человека, который считалъ кротость самымъ существеннымъ условіемъ, основаніемъ женской силы. Въ нихъ наравнъ съ умомъ и съ сердцемъ высказывался и нравъ, а нравъ этотъ былъ не такого рода, чтобы произвести благоприятное впечатлѣніе на того, кто любить въ женщинахъ видѣть женскую природу.

« Я часто слышу о васъ, — писала таинственная незнакомка въ одномъ изъ этихъ странныхъ посланій, — и меня почти одинаково бѣсятъ, когда глупцы дерзаютъ хвалить или порицать васъ. Какъ ненавистенъ, какъ презрителенъ мнѣ этотъ жалкій міръ, въ которомъ мы живемъ! А я все-таки желаю, чтобы вы служили ему и властвовали надъ нимъ! Глупое противорѣчіе, женскій парадоксъ! Не лучше ли въ тысячу разъ вамъ удалиться отъ его мелкихъ искушеній и ничтожныхъ наградъ? Еслибъ вы жили въ пустынь и желали имѣть слугу, я могла бы отказаться отъ всего, отъ общества, отъ дести, отъ почету, чтобы служить вамъ. »

« Я приходила въ восторгъ, читая ваши гениальныя произведенія. Я видала васъ, Эрнестъ Мальтреверсъ, видала много разъ, когда вы вовсе не подозрѣвали, что мои взоры были устремлены на васъ. Тенерь, послѣ того какъ я видала васъ, я васъ лучше воспринимаю. Нельзя судить человека по его сочиненіямъ и дѣламъ. Потомство вовсе не знаетъ дѣятелей прошедшихъ вѣковъ. Тысячу книгъ, которыя никогда не будутъ написаны, тысячу дѣлъ, которыя не будутъ совершены, читаемъ мы во взорахъ и на устахъ такъ немногихъ, которые возвышаются надъ толпою. Въ этомъ холодномъ, задумчивомъ взорѣ, на этомъ блѣдномъ, гордомъ челѣ я вижу арариніе къ.

презрительнаго достойное того, кто уверуетъ въ достиженіи цели. Но глаза мои наполняются слезами, когда я смотрю на васъ; я вижу, тоска, одиночество томить васъ! Если неудачи не оскорбляютъ вашего самолюбія, за то и усилки васъ не радуютъ. О Мальтреверсъ, я, женщина, живущая въ тѣсной сферѣ, — даже я понимаю, по крайней мѣрѣ, что имѣть болѣе возвышенныхъ желаній, стремиться къ болѣе великимъ целямъ, чѣмъ толща, значитъ — отказаться отъ двойственной, полной радостей жизни, для тяжелыхъ, томительныхъ мытаній.»

* * *

«Бывайте болѣе въ свѣтъ, Мальтреверсъ, бывайте болѣе въ свѣтъ, или совсемъ откажитесь отъ него. Вамъ надо стать противъ преговъ; число ихъ умножается, силы ихъ растутъ. Вы слишкомъ свободны, вы слишкомъ медлите на пути къ высокой наградѣ, которая должна принадлежать вамъ. Спѣшите, чтобы удовлетворить моему нетерпѣнію и ожиданіямъ вашихъ друзей! Не будьте такъ разбѣжны въ своемъ честолюбіи, чтобы скорѣе имѣть возможность быть полезнымъ. Пресмыкающіеся, правда, иногда первые достигнуть цели; даже Лумлей Феррерсъ обгонитъ васъ, если вы не просветесь, и не примете мѣръ!»

* * *

«Изъ чего я такъ бьюсь?— вы — вы любите другую, но вы, тѣмъ же менѣе, тотъ идеалъ, который я могла бы любить, еслибъ я когда нибудь кого полюбила! Вы любите, а между тѣмъ — но какое до того дѣло!»

II.

Музыка — единственный талантъ, который находитъ свое наслажденіе въ себѣ самомъ; для всѣхъ прочихъ необходимы свидѣтели.

Мармонтель.

Такъ неповоротливому волю вздумалось бы щеголять въ блестящей сбруѣ.

Гораций.

Мастръ Темилтонъ не получилъ перскаго достоинства, и хотя ему не было прямо отказано, и онъ даже не обращался съ просьбой

ходатайствомъ по надлежащимъ властямъ, однако же эта неудача очень огорчала, даже оскорбляла его не на шутку. Онъ имѣлъ большое влияние въ парламентъ; и притомъ не по какому-нибудь местечку, котораго голосъ можно приобрести черезъ маклера, — такого влияния мистръ Темпльтонъ не признавалъ, — а по своей личности, по богатству, и прочая. Онъ могъ поставить по-крайней-мѣрѣ одного депутата отъ города, — почти депутата отъ графства, а въ трехъ местечкахъ ему стоило только сказать слово, чтобы дать перевѣсъ той или другой партіи на выборахъ. Министерство было сильно, но все-таки не могло пожертвовать такимъ ревностнымъ дотоле приверженцемъ; примѣръ отпаденія заразителенъ: Темпльтонъ началъ дѣйствовать на основаніи этого разсужденія. По городу, котораго онъ былъ въкогда представителемъ, и въ которомъ влияние его было почти неограниченно, открылась вакансія; оппозиція тотчасъ выставила своего кандидата и начала вести интриги; къ крайнему удивленію и страху лорда казначейства, Темпльтонъ своего кандидата не выставилъ, и его партія не принимала никакихъ мѣръ. Лордъ Сексингемъ поспѣшилъ къ Лумлею.

— Что это значитъ, любезнѣйшій? о чемъ думаетъ вашъ дядя? Мы лишимся этого города, одной изъ нашихъ самыхъ твердыхъ опоръ. Дѣло уже теперь клонится не въ нашу пользу.

— Самы виноваты; зачѣмъ вы обидѣли моего дядю? мнѣ очень жаль, но я ничѣмъ не могу помочь.

— Да что ему такъ далось это перство! Неужели его только этимъ и можно удовлетворить? не помирится ли онъ на чемъ другомъ?

— Нѣтъ.

— Такъ нечего дѣлать, надо дать ему пера.

— Ну, теперь не знаю, поможетъ ли это! слѣдовало сдѣлать это прежде.

— Какъ! вы думаете, что онъ будетъ еще недоволенъ?

— Позвольте мнѣ взяться за это дѣло.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я знаю, что вы человекъ необыкновенно ловкій на все, и мы все очень уважаемъ васъ.

— Такъ садитесь, любезный лордъ, и пишите, что я вамъ продикую.

— Извольте, отвѣчалъ лордъ Сексингемъ, садясь въ Лумлеву огромному письменному столу. Я готовъ, диктуйте.

«— Любезнѣйшій и почтеннѣйшій мистръ Темпльтоузъ....»

— Это слишкомъ дружески, замѣтилъ лордъ Сексингемъ.

— Нисколько; продолжайте.

«— Любезнѣйшій и почтеннѣйшій мистръ Темпльтоузъ,» — чтожь дѣло?

«— Намъ весьма желательно, чтобы мѣсто въ парламентѣ не героду С** досталось тому, кому оно принадлежитъ по всѣмъ правамъ; именно, члену вашего семейства, всегда принадлежавшаго въ числу надежнѣйшихъ защитниковъ системы, которую вы удостоили своего содѣйствія. Мы поставимъ себя въ особенное удовольствіе воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы доказать вамъ нашу увѣренность въ благонамѣренности вашего образа мыслей и нашу признательность за ваши безкорыстные услуги.»

— Ужь точно безкорыстные! пробормоталъ лордъ Сексингемъ.

«— Поэтому,» продолжалъ Лумлей, «позвольте мнѣ, пользуясь свободою, которую даетъ мнѣ родство съ вами, просить васъ употребить ваше вліяніе въ пользу нашего общаго родственника, мистра Феррерса.»

Лордъ Сексингемъ положилъ перо, и нѣсколько минутъ хотѣлъ отъ думцъ.

— Славно, Лумлей, чудесно! сейчасъ видно, что мастеръ своего дѣла! и какъ я не догадался объ этомъ прежде!

— Каждый за себя, любезный лордъ, сказалъ Лумлей съ важностью; но извольте продолжать.

«Мы убѣждены, что вы не можете избрать представителя, который усерднѣе защищалъ бы вашъ образъ мыслей и наши интересы. Весною, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ представленіе къ перскому достоинству, и я увѣренъ, что его королевскому величеству особенно пріятно будетъ видѣть въ спискѣ ваше имя: достоинство это, конечно, будетъ распространено на ваше мужское потомство, а за неимѣніемъ его, на вашего племянника.»

«Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,» и прочая.

У — Теперь, запечатайте, и надпишите: «Въ собственныхъ рукахъ, секретное», и пошлите моему дядѣ съ парочками.

— Все будетъ исполнено по вашему желанію, любезнѣйшій Лумсей, и повѣрьте, что содержаніе этого письма мнѣ столько же пріятно, какъ и вамъ самимъ. Вы, действительно, такой человекъ, что сдѣлаете честь нашей партіи. И такъ вы думаете, что теперь все уладится?

— Ручаюсь за это.

— Такъ до свиданія. Да приходите ко мнѣ, Лумсей, когда все будетъ улажено. Флоренція всегда рада васъ видѣть; она говоритъ, что никто не доставляетъ ей такого удовольствія, какъ вы. А такая похвала много значитъ, потому что она ужасно причудливая девушка; — настоящий Тимонъ, мизантропъ, въ женскомъ платьѣ.

Дядя Сексигемъ удалился.

— Флоренція всегда рада меня видѣть! воскликнулъ Лумсей, заложивъ руки за спину и прохаживаясь скорымъ шагомъ по комнатѣ. Не успѣлъ я еще достигнуть первой своей цѣли, какъ вотъ и другая начинаетъ улыбаться мнѣ изъ-за тѣни первой. Только бы удалось мнѣ удалить жениховъ отъ моей прелестной кухни до того времени, когда я самъ буду въ такомъ положеніи, что мнѣ можно будетъ свататься, а тамъ почему жъ бы мнѣ не получить руку богатѣйшей невесты трехъ соединенныхъ королевствъ? Смѣлве, любезный Феррерсъ, не робѣй!

Уже позднимъ вечеромъ пріѣхалъ Феррерсъ на дачу дяди. Онъ засталъ мистрисъ Темпльтонъ одну въ гостиной, за фортепiano. Онъ вошелъ такъ тихо, что она его не слышала, и продолжала пѣть. Голосъ ея былъ такъ неженъ и волонъ, въ пѣніи ея было столько чувства, что Феррерсъ, знавшій толкъ въ музыкѣ, невольно остановился въ изумленіи и восхищеніи. Не смотря на то, что онъ чабто бывалъ въ домѣ, и былъ въ немъ почти какъ домашній, однакоже ему никогда еще не случалось слышать, чтобы мистрисъ Темпльтонъ играла или пѣла что-либо кромѣ церковныхъ моттетовъ; теперь же она пѣла народную пѣсню, полную чувства и тоски. Онъ замѣтилъ, что волненіе наконецъ заглушило ея голосъ, и она вдругъ остановилась; а когда она обернулась, въ лицѣ ея было столько выраженія, столько краснорѣчія чувства, что Феррерсъ былъ пораженъ. Онъ былъ не такой человекъ, чтобы принимать участіе въ вещахъ,

которая не казалась до него легкой; однако же глубокая, ненастная скорбь этой прелестной женщины сильно подстрекала и его любопытство. На ее лицъ было всегда то трогательное выраженіе смиренія и некоррестности, которое свидѣтельствуетъ томительное воспоминаніе горькаго прошедшаго; въ ее взорахъ, въ улыбкѣ, въ медленной, вѣнотной поступи видно было, что сердце ее отцвало, извѣло: предвременно. Однако же она исполняла всѣ свои ежедневныя обязанности съ спокойною заботливостію, которая показывала, что скорбь только давила ее сердце, но не разстроивала ее мыслей. Если тяжело было бремя, вѣнотика вѣнотному научила ее вести его безропотно; вѣнотію же, которое Феррерсъ видѣлъ въ эту минуту на ее красотѣ, прекрасномъ лицѣ, было въ томъ же родѣ, какъ то, которое она видѣла только разъ въ жизни, именно въ тетъ вечеръ, когда она видѣла ее въ первый разъ, и когда поэсія, ключъ памяти, очевидно открыла въ ее умѣ тайникъ, гдѣ крылись печальныя тѣни прошедшаго.

— А, тетунка, сказалъ Феррерсъ, приближаясь къ ней; мнѣ очень жаль, что я васъ потревожилъ; я не совсѣмъ удачно выбралъ время для своего посѣщенія. А дядюшка, гдѣ онъ?

— Онъ съ самаго утра въ городъ; сказалъ, что къ обѣду не будетъ; теперь онъ долженъ скоро прѣхать, я жду его съ минуты на минуту.

— А вы, кажется, старались разсвѣять скуку одиночества. Смыло ли просить васъ продолжать? Рѣдко можно слышать такой чудесный голосъ, соединенный съ такимъ знаніемъ музыки. Вы, безъ сомнѣнія, пользовались уроками лучшихъ итальянскихъ артистовъ.

— Нѣтъ, отвѣчала мистрисъ Темпльтонъ, и едва примѣтный румянецъ покрылъ ее вѣжныя щеки. Я училась въ очень молодыхъ лѣтахъ, у человека, который страстно любилъ музыку и чувствовалъ ее, однакоже онъ былъ не иностранецъ.

— Могу ли надѣяться на вашу доброту, и просить васъ повторить послѣднюю пѣсню? Вы придаете словамъ красоту, которой я въ нихъ никогда не подозрѣвалъ, однакоже они, какъ и музыка, — сочиненія моего добраго друга, котораго мистръ Темпльтонъ, не знаю за что, такъ не жалуется, — Мальтреверса.

— Мальтреверса? подхватила мистрисъ Темпльтонъ съ волненіемъ;

странно, что я этого не знала. Я слышала эту пьесу на улице, и она поразила меня. Я спросила название, и купила ее; — очень странно!

— Чтожъ тутъ страннаго?

— То странно, что въ стихахъ и въ музыкѣ вашего друга, есть нечто такое, что звучитъ мнѣ будто родное, будто отголосокъ словъ, которыя я слышала много, много лѣтъ назадъ! Молодъ онъ, вѣкъ мистръ Мальтросеръ?

— Да, онъ еще довольно молодъ.

— А....

Тутъ слова мистрисъ Темпльтонъ были прерваны приходомъ ей мужа. Въ рукъ его было письмо лорда Сексингема, еще не распечатанное. Онъ казался не въ духъ; впрочемъ это случалось съ нимъ довольно часто. Онъ холодно пожалъ руку Лумлея, кивнулъ головою жонъ, поворчалъ на огонь, не довольно ярко горящій въ каминъ, опустился съ досадою въ волтеровскія кресла, и сказалъ: — Мнѣ кажется, Лумлей, что я ужасно глупо сдѣлалъ, что послушался твоего совѣта, и устранился отъ новыхъ выборовъ. Изъ вечернихъ газетъ видно, что въ непродолжительномъ времени будетъ представленіе къ перскому достоинству. Еслибъ я употребилъ свое вліяніе въ пользу министерства, оно, можетъ быть, устыдилось бы своей неблагодарности.

— А я такъ думаю, что я былъ правъ, возразилъ Лумлей; людей нѣтъ скорѣе можно принудить къ благодарности страхомъ, чѣмъ стыдомъ. Сильные приверженцы, какъ старые друзья, тогда только дороги намъ, когда мы боимся лишиться ихъ; но что у васъ за письмо въ рукахъ?

— Вѣроятно прошеніе отъ какаго-нибудь нищаго.

— Едва-ли; печать министерская.

Темпльтонъ надѣлъ очки, поднялъ письмо и сталъ внимательно разсматривать надпись и печать; потомъ поспѣшно взломалъ печать и пустилъ какое-то восклицаніе сквозь зубы. Дочитавъ письмо, онъ сказалъ: Дай руку, племянникъ, — дѣло улажено, я буду перомъ. — Ты былъ правъ, я буду перомъ — ха, ха, ха! — жена, тебя будутъ величать миледи, слышишь?—чтожъ, это не радуешь тебя? Отъ тебя не добьешься даже улыбки! — Гдѣ дочь? — да гдѣ же она, я спрашиваю тебя.

Она уже вѣтъ, отвѣчала мистрисъ Темпльтонъ, почти со страхомъ.

— Сиди! такъ я пойду поцѣловать ее. Да точно ли она сиди? Нагрудись захвачь свѣчу, Лумлей. — При этомъ мистръ Темпльтонъ возвоинилъ. — Дожди, сказавъ онъ вошедшему слугѣ, завтра утромъ, такъ свѣтъ, пошли Джамза къ Бекстору, сказать ему, чтобы онъ не начиналъ красить мою новую карету, пока не получитъ отъ меня приказанія... Надо мнѣ идти поцѣловать дочку....

— Ужъ эта мнѣ дочка! пробормоталъ Лумлей, подавъ дядѣ свѣчу и возвращаясь къ камину; ей-то какое дѣло до перства?... Какъ сиротальна моя маленькая кузина, тетунка! какъ я люблю ее! и все же удивляюсь, что дядюшка въ ней души не слышитъ.

— Да, онъ очень любитъ ее, сказала мистрисъ Темпльтонъ.

Мистрисъ Темпльтонъ зажгла свѣчу, и, пожелавъ Лумлею доброй ночи, тихо вышла изъ комнаты.

— Ръинительно не понимаю, какъ это мой холодный дядюшка вдругъ такъ развѣжился. Но вотъ онъ самъ.

Когда Темпльтонъ вошелъ, глаза его были влажны и нахмуренныя брови сглажены.

— Ну что вашъ маленькій птенчикъ? спросилъ Феррерсъ.

— Обняла меня своими крошечными рученками, не смотря на то, что я разбудилъ ее; обыкновенно дѣти бываютъ капризны, когда ихъ разбудить.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? — милянка! — Но поговоримъ о дѣлѣ, стало-быть выходить, что я былъ правъ? нельзя ли мнѣ взглянуть на письмо?

— Изволь.

Феррерсъ придвинулъ стулъ къ огню, и прочелъ собственное свое произведеніе со всѣмъ удовольствіемъ автора, скрывающаго свое имя.

— Какъ привѣтливо! какъ почтительно! какъ ловко выражено! это придаетъ двойную цѣну самому предмету! Но, можетъ быть, оно не вполне согласно съ вашими желаніями.

— Въ чемъ, наприимръ?

— Хотя въ томъ, — что касается до меня.

— До тебя? разве тутъ говорится что-нибудь о тебѣ? я этого вовсе не замѣтилъ. — Дай посмотреть.

— Въ дядѣ твоя вѣтъ эгоизма! подумалъ Феррерсъ.

Дядя снова наморщилъ лобъ, прочитавъ письмо.

— Это вещь невозможная, Лумлей, сказалъ онъ отрывисто.

— Конечно: засѣдать въ парламентъ было бы слишкомъ много чести для бѣднаго племянника! возразилъ Лумлей съ горечью; не то, чтобы въ сердце его дѣйствительно была горечь, но въ настоящемъ случаѣ прилично было показать горечь. — Я все сдѣлалъ, что было въ моихъ силахъ, для осуществленія вашихъ честолюбивыхъ желаній, а вы не хотите даже подать мнѣ руку, чтобы помочь мнѣ вступить на открывающееся поприще. Впрочемъ, простите меня, дядюшка, я не имѣлъ никакого права ожидать этого.

— Лумлей, отвѣчалъ Темпльтопъ, съ необыкновенною кротостью и съ участіемъ; ты не понялъ меня. Я имѣю о тебѣ гораздо лучшее мнѣніе и уважаю тебя несравненно больше прежняго. Въ тебѣ есть твердость, хладнокровіе и разсудительность, за которыя нельзя не хвалить тебя; и если ты того хочешь, ты будешь въ парламентъ, только не за городъ С***. Это мѣсто я доставлю кому-нибудь другому изъ приверженцевъ министерства, а оно дастъ тебѣ замѣнъ одно изъ мѣстечекъ, которыми можетъ располагать казначейство. Для тебя вѣдь рвнительно все равно.

Лумлей былъ пораженъ самымъ пріятнымъ образомъ; онъ съ жаромъ сжалъ руку дяди и благодарилъ его отъ искренняго сердца. Министръ Темпльтопъ продолжалъ объяснять ему, какъ неудобно и какъ расходно было бы ему быть депутатомъ города, въ которомъ семейство его не пользовалось большою извѣстностью, и Лумлей согласился на все.

— Что касается перскаго достоинства, условіе совершенно справедливо, сказалъ Темпльтопъ, и погрузился въ размышленіе; но черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ него, повторяя радостнымъ голосомъ: — Да, совершенно справедливо. У меня есть въ головѣ нѣкоторые замыслы, — надежды — авось я ихъ согляну и все будетъ какъ нельзя лучше. — И такъ, ты будешь моимъ преемникомъ въ званіи лорда — да, кстати, какое же будетъ наше титуло?

— Надо выбирать позвонче; поземельной собственности у васъ, кажется, немного?

— Однако же помѣстье даетъ мнѣ доходу двѣ тысячи фунтовъ въ годъ; очень выгодно куплено.

— Какъ называется это помѣстье?

— Грюбли.

— Лордъ Грюбли — баронъ Грюбли изъ Грюбли! — вѣтъ; все не вѣстается, не благозвучно. — А кому оно принадлежало прежде?

— Я купилъ его отъ мистра Шипшенкса; очень старинная фамилия.

— Но не принадлежало ли оно какой-нибудь норманской фамилии?

— Норманской? — какъ же. Король Генрихъ-Второй пожаловалъ его своему бородобрью, Бертраму Корвалю.

— Вотъ оно и есть! Лордъ де-Корваль, — отлично. Теперь бы еще только призвать на помощь игру случая, возвращающую родовое достоянiе въ руки послѣдняго потомка, — сочинить родословную! Герольдмейстерская коллегiя все устроитъ. Лордъ де-Корваль! лучше и желать нельзя. Ввроятно около помѣстья есть и село или хотъ деревушка, сохранившая названiе Корваля.

— Вѣтъ, кажется; — вѣтъ. Есть деревня Кодль-Эндъ.

— Кодль-Эндъ! — ну такъ и есть, Кодль-Эндъ! именно что намъ нужно; Кодль-Эндъ, — чистѣйшее искаженiе Корваля! — Лордъ де-Корваль изъ Корваля, наково! право чудесно, лучше быть не можетъ! Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! захохоталъ Темпльтонъ, чуть ли не въ первый разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ ему минуло тридцать лѣтъ.

Дядя и племянникъ долго еще сидѣли и бесѣдовали о важныхъ дѣлахъ. Феррерсъ ночевалъ у мистра Темпльтона, и сонъ его былъ крѣпокъ и спокоенъ, потому что онъ мало думалъ о планѣ уже задуманномъ и вполонину исполненномъ. Погоня не давала ему сомкнуть глазъ, но какъ скоро добыча была въ его рукахъ, онъ засыпалъ, какъ собака послѣ охоты. Темпльтонъ, напротивъ, не смыкалъ глазъ во всю ночь. — Да, думалъ онъ, непременно надо такъ устроить, чтобы богатство и титулъ въ однихъ рукахъ; съ благоразумiемъ это можно сдѣлать. Феррерсъ достоинъ того, что я предполагаю для него сдѣлать; онъ солиденъ, добръ, открытъ, и непременно выйдетъ въ люди; — о, я это вижу! А между-тѣмъ хорошо я сдѣлалъ, что выбилъ у него изъ головы мысль быть депутатомъ отъ города С***; еще слышался бы тамъ, пожалуй, разныхъ толковъ и сплетенъ, которыхъ ему незачѣмъ знать. О, я тонкая лиса!

III.

- Ну, да, маркизъ, я это сдѣлалъ.
— Сдѣлалъ! ты! хороша же ты вещь надѣлалъ!

Герцогиня Ласальеръ.

Лумлей поспѣшилъ ковать желѣзо, пока оно было горячо. На слѣдующее же утро адъ окричился въ казначейство и явился съ главнымъ секретаремъ, челявѣкомъ левкимъ и прониравымъ, который, подобно Феррерсу, вѣлъ интриги подъ личиною откровенности, безразности и цѣлострой грубоватости.

Феррерсъ объяснилъ, что онъ намѣренъ предложить себя въ кандидаты на должность депутата отъ вольнаго, открытаго города С^{***}, имѣющаго двѣ тысячи пятьсотъ душъ избирателей; — городъ С^{***}, встарину, то-есть, до реформы парламента, былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ для депутата, и считался совершенно независимымъ въ выборахъ. Секретарь поздравилъ будущаго депутата и изъявилъ чрезвычайное удовольствіе.

— Мы понесли, въ последнее время, нѣкоторыя пораженія на выборахъ въ большихъ городахъ, сказалъ Лумлей.

— Да, точно: три города въ теченіе шести мѣсяцевъ. Депутаты иногда умираютъ такъ некстати!

— Лордъ Стоунъ имѣетъ ли городъ? спросилъ Лумлей.

Этотъ лордъ Стоунъ былъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ пэборниковъ министерства, изъ тѣхъ, которыхъ партія выставалетъ впередъ когда нужно нанести сильный ударъ противникамъ среди лицомъ всего народа; изъ тѣхъ людей, которые, не раздѣляя власти своей партіи, готовы защищать ее до послѣдней крайности, и всегда на самыхъ благовидныхъ основаніяхъ. О немъ рассказывали, что онъ не разъ отказывался отъ мести, что онъ человекъ самаго непреклон-

ного права. Онъ вынесъ министерство на своихъ плечахъ, когда оно начинало прохрамывать, и имѣлъ сильное вліяніе во время сосло-
внѣхъ. Лордъ Стончъ имѣлъ небосторожность отказаться отъ за-
крытаго мѣстечка, чтобы вступить въ состязаніе по большому го-
роду, и не успѣлъ. Эту неудачу вездъ приводили въ доказательство
неблагопріятности общаго мнѣнія къ министрамъ и скорого ихъ па-
денія.

— Лордъ Стончъ имѣеть ли городъ? спросилъ Лумлей.

— Старый городъ всегда останется за нимъ, — мѣстечко Три-
дуба. Отличное, преспокойное мѣстечко для депутата; избиратели
самые печенные и давно уже принадлежать къ фамиліи лорда
Стонча.

— Конечно, ему болѣе нечего и желать; однако жъ, жаль, что
онъ не предложилъ себя въ кандидаты по городу С***; съ вліяніемъ
моего дяди, городъ, безъ сомнѣнія, остался бы за нимъ.

— Да, я и самъ думалъ объ этомъ, когда открывалась эта вакан-
сія. Но теперь уже поздно.

— Однако же, славное было бы торжество для министерства, если
бы оно могло показать, что вольный городъ избралъ лорда Стонча
добровольно, безъ всякаго домогательства съ его стороны.

— Безъ домогательства! — о да, конечно; это доказало бы, что
еще есть безкорыстіе въ избирателяхъ, что учрежденія Великобританіи
сохраняются еще въ первобытной чистотѣ.

— Я думаю, это дѣло можно бы еще уладить.

— Какимъ образомъ? я полагалъ, что вы —

— Что я мечу въ депутаты отъ этого города. Это правда. И ска-
зать даже по совѣсти, уломать моего дядю въ пользу другаго, бу-
детъ дѣло не совсѣмъ легкое. Но онъ любитъ меня, — вѣдь я его
наслѣдникъ, какъ вамъ извѣстно, — и я не отчаиваюсь успѣть въ
этомъ; то-есть, если вы полагаете, что отъ того будетъ большая
выгода партіи, что я этимъ окажу ей большую услугу.

— Что партія будетъ отъ того большая выгода, и что вы окаже-
те ей огромную услугу, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, мистръ
Феррьерсъ.

— А я, въ такомъ случаѣ, взялъ бы мѣстечко Три-дуба.

— А, понимаю.... Да, ово было бы очень хорошо; но отказаться отъ большого города, и взять мѣстечко, — это большая жертва, мистръ Феррерсъ.

— Ну, это ужъ мое дѣло. Стало-быть, все будетъ улажено. Къ лорду Стончу немедленно явится депутація съ предложеніемъ. Я же увижусь съ дядею, и нынче же вечеромъ будетъ отправлено распоряженіе въ С***. По-крайней-мѣрѣ я надѣюсь такъ устроить; ругаться я не могу, потому что, какъ вамъ извѣстно, дядя мой человекъ упрямый, и только одинъ умъю я съ нимъ справляться. Я сейчасъ же отправлюсь къ нему и примусь за дѣло.

— Можете быть увѣрены, мистръ Феррерсъ, что министры поймутъ всю цѣну вашего поступка.

Лумлей дружески пожалъ руку секретарю и удалился. Секретарь не дался въ обманъ его мнимому великодушію, да и самъ Лумлей все не думалъ его обмануть. Но когда Лумлей Феррерсъ вышелъ, секретарь зарубилъ себя на память, что Лумлей Феррерсъ ницѣтъ мѣста, и что если ему повезетъ въ парламентъ, то это такой человекъ, котораго слѣдуетъ выводить въ люди. А Лумлей Феррерсъ того только и хотѣлъ.

Вскорѣ послѣ того, во всѣхъ газетахъ было объявлено, что на выборахъ въ городъ С*** лордъ Стончъ, послѣ сильнаго сопротивленія, одержалъ рѣшительную побѣду. Министерскіе журналы прославляли побѣду торжественными днѣрамбами; газеты оппозиціи были въ негодованіи на избирателей, и увѣряли, что мистръ Стоутъ, противникъ лорда Стонча, намѣренъ протестовать противъ неправильности выборовъ; однако же онъ не протестовалъ. А среди всего этого шуму, Лумлей Феррерсъ тиховько, никѣмъ не замѣченный, сдѣлался депутатомъ мѣстечка Трехъ-дубовъ.

Въ самый день своего избранія, онъ явился вечеромъ къ лорду Сексингему; но то, что здѣсь происходило, стоитъ особенной главы.

IV.

Я знаю принцевъ, здѣшнихъ и иностранныхъ, вельможъ, министровъ, сановниковъ, философовъ, которые отказались бы отъ всего изъ любви къ вамъ. Чего вамъ болѣе?

Госпожа де-Севинье.

— Мнѣ кажется... да, я захохоту отъ счастья... я влюбленъ.... Ну, молчи же; молчи, говорять тебѣ! — Вотъ мило! ха, ха, ха! влюбленъ! — Ну смотрите, еще смѣется. — Нѣтъ, не смѣюсь; мнѣ жаль тебя.

Нѣмецкая комедія.

Что тутъ? — Золото.

Шекспиръ.

Въ этотъ вечеръ Мальтреверсъ въ первый разъ явился на многократное, убѣдительное приглашеніе, котораго удостоилъ его лордъ Сексингемъ. Кромѣ того, что почтенный лордъ и Мальтреверсъ принадлежали къ разнымъ политическимъ партіямъ, они не сходились и въ характерахъ и въ воззрѣніи на вещи. Лордъ Сексингемъ былъ, во своему, человекъ очень умный, но ума до того свѣтскаго, что прославился этимъ даже между свѣтскими людьми. Одна наружность его опровергала краснорѣчивое, но не совсѣмъ вѣрное изреченіе, что человекъ рожденъ ходить прямо и смотрѣть на звезды. Онъ казался рожденъ, чтобы ходить согнувшись, и если смотрѣлъ на звезды, то для этихъ звездъ не нужно было высоко поднимать голову. Не смотря на свое славное происхожденіе, на свой высокій санъ и на уваженіе, которымъ онъ пользовался своими личными достоинствами, онъ имѣлъ все мелкое честолюбіе человека, вышедшаго изъ ничтожества. Онъ очень дорожилъ высокими должностями, но не по тому благородному чувству, которое побуждаетъ человека гордиться тѣмъ, что онъ можетъ имѣть значеніе въ судьбахъ своего отечества, а только потому, что это придавало важности ему самому и его дому. Онъ любилъ покровительствовать и выводилъ въ люди всю свою родню, даже самую отдаленную. Однимъ сло-

вотъ, онъ былъ человекъ земной, и думалъ объ одной земной славѣ и о земномъ блаженствѣ. Онъ не понималъ Мальтреверса, а Мальтреверсъ, становясь съ каждымъ днемъ болѣе гордымъ, не любилъ и не уважалъ его. Однако же лорду Сексингему твердили, что это молодой человекъ, который долженъ со временемъ имѣть большое вліяніе, а лордъ Сексингемъ считалъ обязанностью ласкать каждаго будущаго сильнаго человека, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ; притомъ его самолюбію пріятно было имѣть въ своей свитѣ людей, о которыхъ много говорили. Онъ былъ слишкомъ великое и важное лицо, чтобы не вѣрить чистосердечію Мальтреверса, когда Мальтреверсъ, въ своихъ запискахъ, говорилъ, какъ ему весьма прискорбно, что онъ принужденъ отказаться отъ чести обѣдать у лорда Сексингема, или быть у него на вечеръ въ назначенный день. Поэтому онъ продолжалъ приглашать его, пока наконецъ Мальтреверсъ принужденъ былъ покориться судьбѣ, которая такъ часто влечетъ насъ противъ нашей воли, и принять приглашенія.

Онъ явился довольно поздно, когда почти все гости уже съѣхались; поговоривъ нѣсколько словъ съ хозяиномъ, онъ удался въ толпу и неожиданно очутился подлѣ леди Флоренціи Лессельсъ. Леди Флоренція не нравилась Мальтреверсу, потому-что онъ вообще не жаловалъ мужественныхъ героинь и львицъ, а леди Флоренція, по его мнѣнію, была и та и другая; поэтому, хотя онъ нѣсколько разъ встрѣчался съ нею послѣ того вечера, какъ былъ представленъ ей, однако же каждый разъ довольствовался поклономъ ей издали. Теперь же, къ крайнему его удивленію, она сидѣла одна въ углу, и взглядыми въ нее приставивше, онъ былъ пораженъ явными признаками недуга, тайно точившаго ея жизнь. Дѣйствительно, при всей дивной красотѣ ея, въ ея глазахъ и въ самомъ даже ослѣпительномъ разцвѣтѣ этой красоты, было нѣчто такое, что не могло не внушить опасенія опытному врачу; когда же случайное разстройство подергивало блѣдностью пышный румянецъ ея щекъ или сводило съ устъ ея надменную и насмѣшливую улыбку, тогда и самый непроницательный зритель невольно вспоминалъ старое поверье, что тѣмъ выше распускается цвѣтокъ, тѣмъ кратковременнѣе его жизнь. Такого рода ощущеніе мгновенно пробудилось въ сердцѣ Мальтреверса и внушило ему участіе къ гордой красавицѣ. Онъ заговорилъ съ нею любезнѣе обыкновеннаго, и сѣлъ подлѣ нея.

— Вы были сегодня на парламентъ, министр Малтреверсъ? спра-
силъ леди Флоренція.

— Только заходилъ на короткое время; въ сегодняшнемъ засѣ-
даніи мнѣ вѣжливо простили и не ожидается раздѣленія голосовъ. Въ
каждую минуту, я думаю, ужь и начепо.

— Какъ вамъ правится парламентская дѣятельность?

Она имѣетъ свое увлеченіе, отвѣчалъ Малтреверсъ уклончиво.

— И увлеченіе самое возвышенное, самое благородное?

— Не скажу; въ немъ столько молкнхъ и злобныхъ побужденій,
столько заботы успѣвать сверстникамъ и несправедливости ихъ про-
тивникамъ, такая готовность приписывать другимъ дурные помыслы
и пользоваться самыми жалкими хитростями! Цѣль можетъ быть
честна и прекрасна, но средства очень подозрительны!

— Я знала, что вы это скажете, восприняла леди Флоренція, и лице
ей открылось ярннхъ рынандемъ.

— Вы знали? сказала Малтреверсъ съ удивленіемъ и любопыт-
ствомъ. — Я никакъ не предполагалъ, чтобы васъ могло интере-
совать угадываніе такихъ незанимательныхъ тайнъ.

— Въ такомъ случаѣ вы несправедливо судите меня, возразила
леди Флоренція, съ лукавою, но въ то же время грустною улыб-
кою; — потому что, — не я чуть было не оказала вещь неу-
мыслимую.

— Чуть, объясните свою мысль.

— Потому что я считала васъ человекомъ, который не можетъ
судить несправедливо себя самаго.

— А, вы считасте меня самонадвннхемъ, гордымъ; впрочемъ
это общій голосъ; и вы, можетъ-быть, совершенно правы, припи-
маю его за чистую правду.

— А разве возможно, чтобы человекъ не сознавалъ своего до-
стоинства? спросила леди Флоренція съ гордостью. Я увѣрена, что
тѣхъ, кто сомнѣвается въ себѣ, имѣютъ ва те очень хорошія и осно-
вательныя причины.

— Теперь вы хотите смягчить пущенную вами стрѣлу, замѣтилъ
Малтреверсъ съ улыбкою.

— Нисколько; то, что я сказала, можетъ служить оправданіемъ
мнѣ самой, столько же какъ и вамъ. Вамъ не нужно голословнаго
оправданія; вы мужчина, и можете вывести всякое обвиненіе въ гор-

дости. Дѣйствія, — вотъ вани права на гордость. Но я, — я женщина; иногда мнѣ кажется, что природа ошнблась, создавая меня.

— Однакоже, можетъ ли мужчина совершить подвигъ, который увѣнчался бы такою медленною, такою освязательною наградою, какъ торжество женщины, прекрасной и всеми обожаемой, она влаетствуетъ надъ всеми сословіями и всеми партіями!

Леди Флоренція быстро обратилась къ Мальтреверсу и устроимила на него свои большіе, черные глаза, какъ будто хотѣла прочесть въ его душѣ. Потомъ она отвернулась, покраснѣвъ и нахмуривъ брови, и сказала: — Я вижу на вашихъ губахъ, что вы смѣетесь надо мною.

Прежде чѣмъ Мальтреверсъ успѣлъ отвѣчать, дворецкій доложилъ, что кушанье было подано, и какой-то иностранный посланникъ подалъ руку леди Флоренціи, чтобы вести ее къ столу. Мальтреверсу досталась молодая женщина, съ золотыми колосьями въ белокурыхъ волосахъ. Но отправляясь въ столовую, онъ думалъ болѣе прежняго о леди Флоренціи Лессельсъ.

Случайно пришлось ему сидѣть противъ молодой хозяйки, — лордъ Сексингемъ, какъ читателю уже извѣстно, былъ вдовецъ, а леди Флоренція была его единственною дочерью; — а Мальтреверсъ былъ въ этотъ день въ одномъ изъ тѣхъ счастливыхъ настроеній духа, въ которыхъ все способности человека, врожденные и приобретенныя, вырываются безъ вѣдома его, наружу. Онъ говорилъ живо и увлекательно; но однажды, обративъ взоры къ леди Флоренціи, чтобы подвергнуть свое мнѣніе ея суду, онъ увидѣлъ, что ея взоръ былъ устремленъ на него; и съ такимъ выраженіемъ, что веселость его мгновенно разсыялась и онъ погрузился въ глубокую, грустную думу. Этотъ взоръ высказывалъ искреннее, неограниченное уваженіе передъ талантомъ; но въ то же время въ немъ было столько тоски, столько скорби, что восхищеніе не производило своего естественнаго дѣйствія, и не столько было лестно тому, кто былъ его предметомъ, сколько наводило на него невольную грусть.

Послѣ обѣда, возвратившись въ гостиныя, Мальтреверсъ нашелъ ихъ наполненными обыкновенною толпою всѣхъ хорошихъ обществъ. Въ одномъ углу нашелъ онъ Кастручіо Чезарина, съ гитарою, повѣшенною черезъ плечо на голубой лентѣ. Итальянецъ пѣлъ превосходно; его тотчасъ окружила толпа дѣвицъ и молодыхъ дамъ, въ

челъ которыхъ была и Флоренція Лессальсь. Не смотря на страстную любовь Мальтреверса къ музыкѣ, пвнїе Каструччіо было ему непрїятно. Онъ имѣлъ почти донъ-кихотовское уваженіе къ достоинству искусства; и хотя онъ самъ отлично хорошо зналъ музыку и имѣлъ голосъ, который привелъ бы въ восторгъ всѣхъ его прекрасныхъ слушательницъ, однако же онъ скорѣе согласился бы показывать фокусъ-покусы для потѣхи честной компанїи, чѣмъ гоняться за гостинными рукоплесканїями. Мальтреверсъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы быть тщеславнымъ. Похвала въ вещахъ, нестойчившихъ ея, была въ его глазахъ обидою. Но Чезарини думалъ иначе; онъ готовъ бы созвать весь міръ смотреть, какъ онъ сталъ бы играть въ бирюльки, еслибъ только увѣрилъ себя, что играетъ хорошо.

— Прекрасно, неподражаемо! защебетали женскїе голоса, когда Чезарини кончилъ; и Мальтреверсъ замѣтилъ, что Флоренція хвалила усердїе другихъ, и что черные глаза засверкали болѣе обыкновеннаго, и блѣдныя щеки его зардѣлись яркимъ румянцемъ восторга. Флоренція обернулась къ Мальтреверсу, а Итальянецъ, слѣдившїй за ея взорами, пахмурился.

— Вы знаете сньюра Чезарини? сказала Флоренція, подходя къ Мальтреверсу. — Онъ очень интересный человекъ, съ большимъ талантомъ.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнїя. Только я жалью, что онъ тратитъ свой талантъ на почву, которая можетъ родить нѣсколько блестящихъ, скоротечныхъ цветочковъ, но ни одного яркаго растенїя, ни одного полезнаго плоду.

— Онъ хватаетъ время на лету, наслаждается настоящимъ, мистръ Мальтреверсъ.

— Тшь! онъ смотритъ на насъ, сказалъ Мальтреверсъ. Онъ удерживаетъ дыханіе, чтобы не проронить ни одного вашего слова. Я опасаюсь, что вы, не думая о томъ, оковали сердце поэта; если такъ, то онъ дорогою цѣною покупаетъ наслажденїе настоящимъ.

— Нѣтъ, отвѣчала леди Флоренція съ пренебреженїемъ, — онъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ воображенїе замѣняетъ сердце. Если я вдохновлю его, то повѣрьте, что ему будетъ совершенно равно, настрою ли я его лиру на надежду или на скорбь. Сладость его стиховъ вознаградитъ его за всю горечь, какую онъ можетъ испытать въ действительной жизни.

— Любовь бываетъ двоякаго рода; возразилъ Мальтреверсъ; собственно любовь и самолюбіе; раки второго часто бываютъ неизлечимы въ глѣзѣ, которые какъ-то наименѣе чувствительны къ раванамъ порокѣ. Ахъ, леди Флоренція, славабъ я имѣлъ право брать на себя роль наставника, я далъ бы вамъ единъ советъ, хотя онъ, можетъ-быть, оскорбилъ бы васъ.

— А этотъ советъ...

— Удержаться отъ восторга.

Мальтреверсъ произнесъ эти слова съ улыбкою, но въ этой улыбкѣ было нечто серьезное, убѣдительное, показывавшее, что онъ говорилъ отъ искренняго сердца. Въ тоже время онъ хотѣлъ удалиться, но леди Флоренція схватила его руку и удержала его.

— Мистръ Мальтреверсъ, сказала она тихо и почти дрожащимъ голосомъ; мистръ Мальтреверсъ, можно ли осуждать меня за то, что я дорожу вашимъ добрымъ мнѣніемъ? Не судите меня слишкомъ строго. Я озлоблена, я недовольна, я несчастна. Все постыло мнѣ въ міръ. Эти люди, которыхъ вы видите вокругъ меня, — что они такое? девять десятыхъ изъ нихъ безчувственные, раболопные эгоисты, тупые, необразованные, — но хорошо одѣтые; а тѣ немногіе изъ нихъ, которымъ свѣтъ дивится, какъ ворыство ихъ честолюбіе, какъ равнодушны они къ цѣлямъ, къ которымъ повидимому стремятся! Можно ли осуждать меня, если я люблю иногда показать свою власть надъ этими существами, — власть, которая болѣе декларируетъ мое презрѣніе къ нимъ, чѣмъ мое тщеславіе!

— Я не имѣю права учить васъ.

— Напротивъ, учите меня, убѣждайте меня, будьте моимъ руководителемъ; небу извѣстно, что я, при всей своей надменности, нуждаюсь въ руководствѣ.

И слезы, при этихъ словахъ, блеснули въ глазахъ леди Флоренція. Предубѣжденіе Эрнеста противъ нея было сильно поколеблено: онъ былъ даже нѣсколько ослабленъ ея красотою, и тронуть эту важную покорностью; сердце его однако же не было поражено, и послѣ непродолжительнаго молчанія, онъ отвѣчалъ почти холодно: — Леди Флоренція, оглянитесь вокругъ себя. Чья доля завиднѣе нашей? Вамъ дано все, что можетъ одѣлать васъ счастливою и дать вамъ право гордиться своею судьбою. Зачѣмъ же вамъ создавать себѣ источники неудовольствія и горести? Зачѣмъ оказывать презрѣніе къ

знать, почему не тронуть лангосъ нули? зачемъ не вынуть съ свинцовою ниткою на морю: богато: надомонныхъ братьевъ, какъ ни ничтожны они вынуты передъ лангосъ? Какое наследствіе или утѣшеніе можете вы найти въ уздѣснн сердца и освербленіи самолубія башиникъ? Возвышаете ли вы этия даже себя въ обособенныхъ глазахъ? Вы хотите быть выше своего пола, а между-тѣмъ, что все болѣе презираете въ женщинахъ, какъ не ту самую слабую, къ которой вы прибѣгаете, чтобы выместить свою досаду на снать? Самираида не можетъ быть кокеткою.... Но я васъ оскорбляю, — и оказывать правду, мнѣн, которыя вы принудили меня выказать, но отличаюся важностью.

— Мать, вы меня несколько не освербляете, отвѣчала Флоренція съ трудомъ удерживая слезы; и въ то же время тайный голосъ гоняръ:ль се душа: — О, я счастлива! —

Безъ уета, въ который самый даже гордыя женщины отноо слѣпиво оуужденія, потому что оуужденіе устраняетъ мысль о совершенномъ равнодушіи.

Въ это мнрвеніе вошелъ въ комнату Луалей Феррерсъ, еще въ полномъ восторгѣ отъ успѣха сванхъ замысловъ и уащрешій. Радой взглядъ его тотчасъ проанлъ въ тоуъ уполокъ, гдѣ происходила сцена, дававшая ему очень опаснаго кокетничаніемъ его богатой кузины съ Эрнестомъ Малтревверсомъ. Онъ тотчасъ устремился туда и ведалъ обонитъ руку съ обычнаго своимъ оварытамъ, дружелюбнаго видомъ.

— А, милая и прелестная кузина, поздравьте меня и просите у меня первой моей записочки, чтобы вымотить ее въ собраніе ааграфовъ знаменитыхъ мужей; вы увидите, что черезъ нѣсколько дней она будутъ продаваться на весь золота. — Мое почтеніе, мнстръ Малтревверсъ; вотъ будемъ хохотать изподтишка, когда мы съ вами, старые, добрые пріатели въ свѣтъ, чинно усидемя въ парламенте другъ противъ друга, на враждебныхъ камьяхъ.... Кстати, леди Флоренція, отчего это вы до-сихъ-поръ не познакомили меня съ вашимъ итальянскимъ любимцемъ? Представьте меня ему: я не отстану отъ него въ хвалахъ Альфара, котораго оники, означаъ между нами, точно выгочены изъ дерева, — самая твердаго материала для этого рода пидаміа, какой только могъ придумать лавоаческій умъ.

Этия обращеніемъ, Феррерсъ очень лодко, какъ она полагать,

развелъ молодыхъ людей, въ которыхъ онъ выходялъ много ороднаго, и которыхъ короткаго знакомства онъ, поэтому, боялся и не жевалъ. Къ великой радости его, Мальтреверсъ вскорѣ за тѣмъ ушалъ.

Благодаря развязности и внешней пріятности своего вкрадчиваго, хитраго нрава, Феррерсъ скоро довель Чезарини до того, что онъ былъ съ нимъ какъ многолѣтній знакомый; а нѣсколько рѣзкихъ выраженій, пущенныхъ вскользь на Мальтреверса, вмѣстѣ съ неизумренными похвалами Итальянцу, совершенно приобрели ему довѣріе и дружбу поэта. Прекрасная, умная Флоренція была молчаливѣе и задумчивѣе обыкновеннаго; она болѣе робкимъ голосомъ и холоднѣе отвѣчала на краснорѣчивыя, то-есть, напыщенные воззванія Кастручю. Чезарини былъ изъ тѣхъ людей, которые не могутъ говорить просто, а должны всегда нанизывать самыя изысканныя выраженія. Мало-по-малу Лумлей устранился изъ разговору и сталъ прислушиваться къ происходившему между леди Флоренціею и Итальянцемъ, показывая видъ, будто онъ совершенно погруженъ въ созерцаніе рейнскихъ вдовъ, лежавшихъ передъ нимъ на столѣ.

— Ахъ, говорилъ Чезарини, на своемъ пѣжномъ родномъ нарѣчій, если бъ вы знали, какъ я слѣжу за каждой тѣнью, мелькающею на лицѣ, въ которомъ заключается мое счастье! Найдеть ли на него облачко, ночь обхватываетъ меня; прояснится ли, и я подобогъ перондскому Гвевру, созерцающему солнце.

— Зачѣмъ вы говорите со мною такимъ языкомъ? не будьте вы поэтъ, я могла бы оскорбиться.

— Однакоже вы не сердились давеча, когда англійскій поэтъ, этотъ холодный Мальтреверсъ, говорилъ вамъ, можетъ-быть, такія же смѣлыя вещи.

Леди Флоренція закинула свою гордую голову, на устахъ ея уже го товъ былъ гнѣвный отвѣтъ; однако же она удержала свое негодование и сказала съ кротостію:

— Мистръ Мальтреверсъ не ѣститъ и не...

— Нахаль, хотите вы сказать! подхватилъ Чезарини, окрепча зубами. — Положимъ, что я нахаль; но прежде вы были не такъ суровы къ изъявленіямъ моего глубокаго уваженія.

— Никогда, сеньоръ Чезарини, никогда; развѣ только когда я могла приписывать ихъ правамъ и пламенному воображенію вашего народа; позвольте мнѣ те же думать и о настоящемъ вашемъ языкѣ.

— Вътъ, надменная женщина, вскричалъ Чезарини, едва помни себя отъ досады; вътъ, узнайте истину.

Леди Флоренція встала въ негодованіи.

— Выслушайте меня, продолжалъ онъ: — я, я, бѣдный иностранецъ, презрѣнный поэтъ, дерзаю возводить свои взоры на васъ — я люблю васъ!

— Никогда не была леди Флоренція такъ поражена и унижена. Правда, что она не разъ забавлялась самолюбіемъ и тщеславіемъ Чезарини; но она никогда не давала ему, по-крайней-мѣрѣ ей казалось, что она не давала ему поводу вознѣмать дерзкую мысль обясниться ей въ любви, — леди Флоренціи Лессельсъ, первой невесты Англіи, которая могла осчастливить принцевъ и герцоговъ своею рукою. Она готова была признать его не въ полномъ умѣ. Но въ то же мгновеніе она вспомнила совѣтъ Мальтреверса, и ей показалось, что началось уже ея наказаніе.

— Къ будущему разу, что мы встрѣтимся, я надѣюсь, синьоръ, что вы одумаетесь и будете говорить разсудительнѣе, сказала она, и вышла.

Чезарини остался на мѣствъ какъ вкопанный; на смугломъ лицѣ его изображалась буря страстей, какую рѣдко можно видѣть на лицѣ образованнаго человѣка.

— Гдѣ вы живете, синьоръ Чезарини? спросилъ вкрадчивый, дружескій голосъ Феррерса. — Пойдемте часть дороги вмѣствъ; то-есть, когда вамъ наскучитъ задыхаться въ этихъ душныхъ комнатахъ.

Чезарини тяжело вздохнулъ.

— Вамъ, кажется, нездоровится? продолжалъ Феррерсъ: на вольномъ воздухѣ вамъ станетъ легче; пойдемте.

И Феррерсъ тихонько вышелъ изъ комнаты, а Итальянецъ машинально послѣдовалъ за нимъ. Нѣсколько минутъ шли они молча, другъ подлѣ друга, въ тихую, ясную лунную ночь. Наконецъ Феррерсъ началъ:

— Извините меня, любезный синьоръ, но вы вѣроятно уже успѣли замѣтить, что у меня что на душѣ, то и на языкѣ; такой ужъ у меня чудной нравъ, что все на лицо. Я замѣтилъ, что на васъ сильно подействовала красота моей жестокой кузины. Могу ли я быть вамъ чѣмъ полезенъ въ этомъ дѣлѣ?

Человѣку, сколько-нибудь знакомому съ свѣтомъ, въ которомъ онъ

жизнь, такое предложение услуг со стороны родственника богатой невесты жениху, который конечно не могъ быть очень пріятелью ее надменной родни, показалось бы очень страннымъ и подозрительнымъ. Но въ Цезарини, какъ во многихъ плохихъ поэтахъ, не было на грошъ здравого смысла. Ему казалось очень естественнымъ и понятнымъ, что такой восторженный почитатель его стиховъ, какимъ прикидывался Аумлей, принималъ живое участіе въ его судьбѣ, и онъ отвѣчалъ съ жаромъ:

— О, сэръ, это была убійственный ударъ: я воображалъ, что она любила меня. Она говорила со мною всегда такъ пріятливо, такъ ласково, и въ стихахъ я давно уже высказалъ ей свою любовь, и не встречалъ зато ни одного суроваго взгляда.

— И вы въ своихъ стихахъ действительно и прямо говорили о своей любви, и отъ своего лица?

— Ну, это чувство было въ нихъ, можетъ статься, несколько прикрито, вложено въ уста вымышленнаго лица, или представлено въ аллегорическихъ формахъ.

— Право! воскликнулъ Феррерсъ, подумавъ про себя, что прекрасная Флоренція, воспѣваемая сотнею поэтовъ, едва взглянула, вѣрнѣе, на стихи, стояшіе бядному Цезарини столько трудовъ и внушившіе ему такіа заветныя надежды. — Право! а сегодня вздумала вдругъ принять суровый видъ! Нечего сказать, она ужасныйная кокетка, наша несравненная Флоренція! Но, припомните, гдѣ ли у васъ соперника?

— Соперникъ! — я думаю, — да, есть; я это видѣлъ; я знаю, что есть.

— Кого же вы подозреваете?

— Кого же, какъ не этого проклятаго Мальтреверса? онъ всегда тутъ какъ тутъ, на моемъ пути, во всемъ сталкивается со мною. И каждый разъ, какъ я встречаю его, душа моя ноетъ, предчувствуя бѣду. Я чувствую, что онъ будетъ моимъ враждебнымъ рокомъ.

— Если это точно Мальтреверсъ, сказалъ Феррерсъ съ важностью, то опасность еще не можетъ быть такъ велика. Флоренція видала его всегда несколько разъ, а онъ не слишкомъ восхищается ея прелестями. Однако же она — блестящая партія, а онъ честолюбивъ; поэтому должно принять мѣры предосторожности, не теряя времени, Цезарини. Знайте, что я самъ ненавижу этого Мальтреверса не меньше вашего,

и съ радостью буду содѣйствовать вамъ во всемъ, что вы ни предпримете для разрушенія его надеждъ съ этой стороны.

— Благородный, великодушный другъ! — однако же онъ богаче меня, фамилія его знатнѣе....

— Это все очень вѣроятно; но въ положеніи леди Флоренціи, разность между менѣе знатными искателями ея руки почти исчезаетъ; всѣ они становятся въ одинъ уровень. Я буду говорить съ вами откровенно; конечно, я и самъ лучше желалъ бы, чтобы она вышла за соотечественника и за равнаго; но вы мнѣ полюбились, а Мальтреверса я ненавижу. Она дѣвушка мечтательная, романическая, любитъ поэзію до безумія, — я подозреваю даже, что сама пописываетъ стишки. О, вы были бы совершенно по ней! но, увы, какъ же вамъ теперь видѣться съ нею?

— Видѣться съ нею? что вы разумѣете?

— Да вѣдь вы, кажется, объяснились ей нынче вечеромъ въ любви? Мнѣ кажется, будто я слышалъ нѣчто въ такомъ родѣ. Какъ же можете вы полагать, что послѣ такого признанія, леди Флоренція будетъ еще принимать васъ, если она точно намѣрена отвергнуть ваше искательство?

— О, и я сдѣлалъ эту глупость!... Но нѣтъ!... она должна —

— Не горячитесь, если не хотите испортить все дѣло; въ нашемъ отечествѣ силою ничего не возьмешь. Послушайтесь моего совѣта: напишите самое смиренное письмо, покайтесь въ своемъ проступкѣ, просите прощенія, обратитесь къ ея великодушію и состраданію. Увѣрьте ее, что вы отрекаетесь навсегда отъ званія искателя ея руки, и умоляйте, чтобы она позволила вамъ по прежнему считаться другомъ. Не горячитесь, повторяю вамъ, выслушайте меня до конца. Я постарше и опытнѣе васъ, и знаю свою кухню. Такой образъ дѣйствія затронетъ ея гордость; ваше смиреніе обезоружитъ ея гнѣвъ, а холодность кольнетъ ея самолюбіе. А между-тѣмъ вы не спускайте глазъ съ Мальтреверса, слѣдите за каждымъ его движеніемъ; я, съ своей стороны, всегда буду готовъ вамъ содѣйствовать, дать вамъ совѣтъ или помочь дѣломъ. Такимъ-образомъ, мы вдвоемъ собьемъ ему немного спсѣси. Тогда придетъ вашъ чередъ; дорога будетъ открыта, и вамъ можно будетъ дѣйствовать рѣшительно.

Чезарини сначала не хотѣлъ и слушать о медленіи и хитрости; наконецъ, однакоже и онъ понялъ благоразуміе Лумлеевыхъ совѣтовъ. Лумлей разстался съ нимъ не прежде, какъ вбѣивъ ему въ голову свой планъ, и заставивъ его приступить къ его исполненію. Онъ повелъ Каструччіо въ клубъ, продиктовалъ ему письмо къ Флоренціи, и взялся доставить его по назначенію. Этимъ онъ еще не довольствовался.

— Еще нужно непременно, сказалъ Лумлей, послѣ нѣкотораго размышленія, написать письмо къ Мальтреверсу?

— Это зачѣмъ?

— Я имѣю на то свои причины. Просите, откровенно и дружески, его мнѣнія о леди Флоренціи; объясните ему, что вамъ кажется, что она васъ любитъ, и убедительно просите сказать вамъ, какъ онъ полагаетъ, можете ли вы быть счастливы въ такомъ союзѣ.

— Но къ чему это?

— Его отвѣтъ можетъ со временемъ пригодиться, отвѣчалъ Лумлей разсѣянно. — Пойдите, я продиктую вамъ письмо къ нему.

Чезарини колебался; но въ характерѣ Лумлея Феррерса была тайная сила, которая доставила ему уже неограниченную власть надъ поэтомъ, слабымъ и дѣйствовавшимъ всегда подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія. Онъ написалъ, подъ диктовку Лумлея, письмо, въ которомъ, начавъ съ общихъ сомнѣній касательно возможности счастья въ супружествѣ, онъ извинялся передъ Мальтреверсомъ въ холодности, которую оказывалъ ему въ послѣднее время, и просилъ его подъ секретомъ, какъ лучшаго своего друга, сказать ему откровенно свое мнѣніе о характерѣ Флоренціи и о томъ, до какой степени онъ могъ надѣяться на успѣхъ и на счастье съ нею.

За тѣмъ Лумлей запечаталъ оба письма и отправилъ ихъ по назначенію.

— Вы сами должны догадываться, сказалъ онъ потомъ Чезарини, что цель этого письма — заставить Мальтреверса откровенно и безъ утайки высказать свое нерасположеніе къ леди Флоренціи; — впоследствии, если онъ дѣйствительно окажется соперникомъ, можно будетъ воспользоваться его резкими выраженіями. — Теперь идите домой; вы нажестесь разстроены, вамъ нужно отдохнуть. До свиданія же, дражайшій другъ.

— Я давно уже чувалъ, говорилъ Лумлей, отправляясь домой, сво-

ему наперснику и совѣтнику, то-есть, себя, — я давно чуялъ, что эта избалованная дѣвочка, съ своею романтичностью, влюбится въ Мальтреверса. Но я легко могу предотвратить эту бѣду, прежде чѣмъ она совершится. Между-тѣмъ, у меня есть теперь орудіе, именно такое, какъ мнѣ нужно. По чести, что за осель этотъ поэтъ! Но и Кассіо былъ такой же осель, а Яго умѣлъ извлечь изъ него пользу. Родись Яго въ нашъ вѣкъ, и не имѣй онъ этой глупой жажды мести, что за голова вышла бы изъ него! Хоть прямо въ лорды казначейства!

Пройдя множество узкихъ и глухихъ улицъ, Кастручіо Чезарини, бѣдный, исключенный, разстроенный тѣломъ и душою, пришелъ наконецъ къ бѣдному и неопрятному дому въ Чельсийскомъ предместьи. Онъ былъ въ пицетъ; онъ убилъ все свое состояніе на потворство глупому и жалкому тщеславію; убилъ его, сляся казаться тѣмъ, къ чему не назначала его природа, — свѣтскимъ человѣкомъ, украшеніемъ общества, трубадуромъ современной жизни; убилъ его на лошадей и наряды, на карты, на печатаніе нераскупавшихся поэмъ на велевой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ; убилъ все въ завистливомъ желаніи стать выше Эрнеста Мальтреверса, если не въ общемъ мнѣніи, то по-крайней-мѣрѣ въ мнѣніи гостинныхъ! Это общій уделъ тѣхъ несчастныхъ искателей, которые свою славу ограничиваютъ будоарами и гостинными. Будь они поэты или дедки, богатые выскочки или младшіе сыновья аристократическихъ домовъ, все равно доказываютъ истину аксіомы, что ложные пути къ славы усваиваются развалинами спокойствія, состоянія, счастья, иногда даже совѣсти и чести пустившихся по нимъ! И этотъ молодой человѣкъ, безъ имени, безъ положенія въ обществѣ, безъ состоянія, смѣло надѣялся получить руку Флоренціи Лессельсъ. Онъ вбилъ себя въ голову понятіе, общее большей части иностранцевъ, что англійскія молодыя леди ужасно романтичны, выходятъ замужъ по любви, и что въ блаженной Англии богатыхъ невѣстъ, что грибовъ въ лѣсу; сверхъ того, онъ съ дѣтства такъ лелѣялъ свое тщеславіе, что оно наконецъ обратилось въ его плоть и кровь, проникло въ жилки его умственного и нравственного существа.

Подойдя къ дому, въ которомъ онъ жилъ, Чезарини осторожно осмотрѣлся кругомъ: онъ воображалъ, что даже въ этомъ глухомъ закоулкѣ, въ полночь, могли найтись люди, горьвіе любопыт-

ствомъ взглянуть на знаменитаго поэта. Онъ скрывалъ отъ всѣхъ мѣсто своего жительства; обѣдалъ въ скромномъ трактирѣ, когда не бывалъ куда отозванъ на обѣдъ; а адрессъ свой давалъ въ «Гостиницѣ путешественниковъ». Онъ осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ высокаго мужчину, закутаннаго въ длинный плащъ, который давно уже слѣдовалъ за нимъ, изъ болѣе многолюдной части города. Незнакомецъ въ то же мгновеніе поворотилъ назадъ и скрылся. Чезарини взобрался въ верхній этажъ. А на слѣдующій день, человекъ принесъ ему запечатанный пакетъ, и ушелъ, не сказавшись, отъ кого. Въ пакетѣ былъ билетъ въ сто фунтовъ стерлинговъ, безъ записки; надпись на пакетѣ была сдѣлана незнакомымъ почеркомъ. Больно было самолюбію Чезарини получать такую присылку; въ самой глубокой нищетѣ, онъ не просилъ помощи даже у родной сестры. Неужели это отъ нея?—или отъ де-Монтаня? Онъ терялся въ догадкахъ. Нѣсколько дней не прикасался онъ къ этимъ деньгамъ; потому что въ душѣ бѣднаго поэта было еще нѣсколько благородныхъ чувствъ. Но кредиторы становились съ каждымъ днемъ докучливѣе.

На третій день послѣ того, Чезарини принесъ Феррерсу отвѣтъ, полученный имъ отъ Мальтреверса. Лумлей очень справедливо угадывалъ, что благородная душа Эрнеста наполнится негодованіемъ, узнавъ, что кокетство Флоренціи вовлекло Итальянца въ несбыточные надежды, и что онъ прямо и съ жаромъ выскажетъ свою мысль. Дѣйствительно, такъ и случилось; однакоже письмо его было гораздо легче и умреннѣе, чѣмъ Лумлей ожидалъ.

— Не совсѣмъ то, что нужно, сказалъ Феррерсъ, прочитавъ письмо во второй разъ; однако же, какъ оно ни есть, а можетъ при случаѣ сдѣлаться сильнымъ оружіемъ. Надо его сохранить къ тому времени.

И съ этими словами, онъ заперъ письмо въ свой письменный столъ, а Чезарини скоро забылъ даже о его существованіи.

V.

Чуждою тѣнью была она, когда въ первый разъ явилась мнѣмъ взорамъ; прекраснымъ видѣніемъ, посланнымъ для того, чтобы на минуту наполнить душу блаженствомъ.

Вордсвортъ.

Мальтреверсъ нѣсколько недѣль не видалъ леди Флоренціи; а между тѣмъ Лумлей Феррерсъ выступилъ на свое парламентское поприще. Вѣрный своей мысли, — дѣйствовать только по обдуманному плану, и неспособный подвергнуть свой успѣхъ опасности ради минутаго торжества, мистръ Феррерсъ не поддался искушенію, столь увлекательному для болыней части новыхъ членовъ, ознаменовать свое вступленіе блестящею рѣчью. Онъ говорилъ смѣло, бойко, плавно, однакоже не могъ мѣтить въ краснорѣчивые ораторы; притомъ онъ зналъ, что въ важныхъ случаяхъ, когда нужны блестящія рѣчи, вожди партій любятъ говорить сами, и не охотно уступаютъ рѣчь другимъ. Не ударился онъ также въ другой утѣсъ, о который часто разбиваются «многгообъщающіе молодые люди», которые привязываются къ преніямъ, какъ саранча, и безпрестанно заводятъ споры о мелочахъ; за что ихъ немедленно записываютъ въ разрядъ несносныхъ пивокъ, которымъ никогда не сдѣлать ничего порядочнаго. Онъ часто мѣшался въ пренія, говорилъ не много, но смѣло и умно, и охотно вводилъ въ свою рѣчь мѣткую, но не оскорбительную личность. Онъ былъ именно тотъ человекъ, которому можно было поручить сказать вещь, за которую другіе не брались, и онъ исполнялъ такіа порученія съ смѣлостью, съ видомъ добродушія, совершенно уничтожавшими непринчлѣ словъ. Онъ скоро сдѣлался однимъ изъ любимыхъ ораторовъ своей партіи; особенно жаловала его та часть слушателей, которая болѣе требуетъ отъ оратора, чтобы онъ веселилъ ее, чѣмъ чтобы онъ излагалъ самое дѣло. Холодность между нимъ и Мальтреверсомъ очевидно возрастала съ каждымъ днемъ. Мальтреверсъ, которому было извѣстно, что убѣжденія его стараго пріятели во многихъ случаяхъ были совершенно противоположны тѣмъ мнѣніямъ, которыя онъ защищалъ, смотрѣлъ на него, какъ на холоднаго

себялюбиваго лицемера; Феррерсъ же, съ своей стороны, видѣлъ, что ему уже не извлечь никакой пользы изъ знакомства съ Эрнестомъ, и потому радъ былъ прекратить связь, для него не совсемъ приятную. Ему даже приятно было бы, еслибъ представился случай съ нимъ поссориться рѣзительно, потому что это было бы лучшимъ средствомъ удалить навсегда мнимаго соперника изъ дома лорда Сексингема. Но случая къ тому не представлялось, и Лумлей считъ за благоразумное держать только наготовѣ заую выходку, чтобы пустить ее когда понадобится.

Лондонскій сезонъ и парламентскія засѣданія клонились къ концу, когда Мальтреверсъ получалъ убѣдительное приглашеніе отъ Кливленда прѣхать погостить недѣлю въ его помѣсть. Кливлендъ увѣрялъ Эрнеста, что онъ найдетъ у него очень пріятное общество; а какъ всѣ важныя пренія были кончены, то Эрнестъ охотно принялъ приглашеніе, доставлявшее ему случай подышать сельскимъ воздухомъ и проѣздиться. Онъ отправилъ свою поклажу и любимыя книги, и самъ, въ прекрасный августовскій вечеръ, поѣхалъ одинъ, верхомъ, по дорогѣ къ Темпльгрову. Онъ былъ недоволенъ, можетъ-быть разочарованъ, своимъ кратковременнымъ опытомъ парламентской жизни. Судя съ безпристрастною строгостью недостатки другихъ, онъ былъ недоволенъ и собою; осуждалъ себя за излишнюю податливость сомнѣніямъ и колебаніямъ, которыя, въ вихрѣ политики, часто овладеваютъ самыми добросовѣстными и благородными людьми въ началѣ ихъ поприща. Умъ Мальтреверса медленно пробивался къ тѣмъ выводамъ, которые дѣлаютъ нерѣдко самыхъ заносчивыхъ теоретиковъ отличными практическими людьми; и можетъ-быть онъ уже съ удовольствіемъ видѣлъ въ будущемъ осуществленіе предсказанія, которое нѣкогда утѣшало другаго молодого политика, когда онъ жаловался, что былъ слишкомъ честенъ для участія въ партияхъ, именно, что со временемъ и изъ него выйдетъ еще претовскій хитрецъ.

Нѣсколько недѣль уже, Мальтреверсъ не получалъ писемъ отъ своей таинственной увѣщательницы, къ которымъ онъ такъ привыкъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ которыя продолжалась эта переписка, что ему будто чего-то недоставало безъ нихъ; эта странная смѣсь жалобъ и увѣщаній, унынія и пламеннаго энтузіазму отолько разъ утѣшала его въ часы унадка духу, и дѣлала его болѣе чувствительнымъ къ

торжеству. Между-тѣмъ, какъ онъ думалъ о всемъ этомъ, и къ мечтамъ честолюбія почему-то безпрестанно прилетались любопытныя гаданія о танцовщицѣ незнакомкѣ, взоръ его былъ печально пораженъ красотою маленькой дѣвочки, лѣтъ одиннадцати, которая шла съ нянею по вышедшей аллеѣ, таившейся вдоль дороги. Впрочемъ, сказавъ, что онъ былъ пораженъ ея красотою, мы выразились не совсѣмъ точно; его поразила не столько красота чертъ, сколько необыкновенная прелесть во всемъ ея существѣ; для другаго, можетъ-быть, эта прелесть вовсе бы не существовала, но для Мальтреверса она имѣла выразимую привлекательность, столь непохожую на обыкновенное впечатлѣніе красоты, что она точно такъ же подавляла бы на его сердце, еслибъ соединилась съ некрасивыми чертами и облекшимъ лицомъ. Эта прелесть заключалась въ выраженіи новинности и истинно голубиной красоты. Мы все создаемъ себѣ идеалъ того прекраснаго духа, которому желали бы поклоняться на землѣ, и довольно произвольно сравниваемъ свое восхищеніе красотъ действительныхъ существъ потому, въ большей-ли или меньшей степени она осуществляетъ нашъ идеалъ. Красоту не того порядка, съ которымъ мы свиклись въ мечтахъ своей фантазіи, мы признаемъ только холоднымъ разсудкомъ, между-тѣмъ какъ одинъ взоръ, одна черта, осуществляюще и напоминающе какое-нибудь юношеское видѣніе, подходящее издали къ тому образу, который мы носимъ въ своей душѣ, имѣютъ нѣчто особенно обаятельное для нашихъ взоровъ, и пробуждаютъ въ насъ чувство, которое почти можно бы принять за память чего-то дѣйствительно бывшаго, но въ какихъ-то давно прошедшія времена. Это-то, кажется, разумѣли платоники въ своемъ мечтательномъ ученіи, что души, имѣющія взаимное влеченіе на землѣ, были нѣкогда соединены, въ другой жизни. И такую-то невыразимую гармонию съ присущимъ въ душѣ идеаломъ красоты, находилъ Эрнестъ въ дѣтскомъ личикѣ, на которое онъ смотрѣлъ. Много данныхъ мечтативъ осуществлялось въ этихъ кроткихъ, улыбающихся, темноглазыхъ глазахъ, въ этомъ высокомъ лбу, изблещавшемъ понятливость и умъ; въ легко обрисованныхъ дугахъ бровей, въ этомъ прелестномъ носикѣ, не изваянномъ съ тою чистотою и непогрѣшительною правильностью очертаній, которая такъ очаровательна въ мраморъ, но живому существу придаетъ обыкновенно выраженіе твердости и суровости, болѣе приличное мужскому полу, чѣмъ женскому;

въ носикъ не чистаго греческаго типа, и не римскаго, но маленькомъ, нѣжномъ, чуть, чуть вздернутомъ кверху, такъ мало, что это можно было замѣтить только при одномъ известномъ положеніи головы, и что оно придавало только нѣкоторое очаровательное лукавство хорошенькимъ, гибкимъ губкамъ, освѣненнымъ улыбкою, столь кроткою и ясною, что казалось, она была сотворена вмѣстѣ съ этими губками, и происходила отъ ясности души, а не отъ случайнаго веселаго расположенія духа. Такого-то роду красота поразила Мальтреверса въ этой дѣвочкѣ такъ, что онъ невольно обернулся и смотрѣлъ почти съ такимъ же чувствомъ съ какимъ мы смотримъ обыкновенно на картину Рафаэля или на солнечный закатъ Клода-Лоррена. Въ дѣвочкѣ не было и слѣда того преждевременнаго инстинктивнаго кокетства, которое часто проявляется въ дѣтяхъ, когда они видятъ, что ими любятъ; она смѣло и безъ всякаго жеманства встрѣтила выразительный, восхищенный взоръ путника и съ дѣтскою живостью и непринужденностью указала нянь на лоснящуюся шерсть и на крутую гордую шею чуднаго арабскаго коня Эрнеста.

Если мы говоримъ объ этой встрѣчѣ, повидимому столь незамѣчательной, то это потому, что она сопровождалась небольшимъ приключеніемъ, которое можетъ-быть запечатлѣло ее въ памяти дѣвочки; много лѣтъ спустя, она живо помнила и все обстоятельства встрѣчи, и черты Мальтреверса. На ней была соломенная шляпка съ широкими полями, которая такъ идетъ къ дѣтскому личику; а какъ вечеръ былъ довольно знойный, то она развязала ее. Когда поворотъ дороги вывелъ напихъ путниковъ на открытое мѣсто, везапный порывъ вѣтра сорвалъ шляпку съ головки дѣвочки, и отнесъ ее почти подъ самыя ноги Эрнестовой лошади. Дѣвочка, съ быстротою ребенка, хотѣла соскочить съ пѣшеходной дорожки, значительно возвышавшейся надъ провзжею дорогою и побѣжать за шляпкою; но ножка ея оступилась на крутомъ откосѣ, и она вскрикнула отъ боли. Соскочить съ лошади, поднять шляпку и вручить ее хозяйкѣ, было для Эрнеста дѣломъ одной минуты. Дѣвочка, между тѣмъ, не могла ходить; она вывихнула себѣ ступню и принуждена была опираться на няню. Однакоже, замѣтивъ безпокойство и страхъ незнакомца, — дѣйствительно ея жалобный крикъ проникъ въ самое сердце Эрнеста. — она сдѣлала необыкновенное для ея лѣтъ усиліе, чтобы преодолѣть боль и съ принужденною улыбкою стала увѣрять его, что она не

очень больно ушиблась, что это тотчас пройдет, и что ей всего несколько шаговъ до дому.

— О миссъ, жалобно завопила няня, я уверена, что вамъ очень больно; Боже мой, что скажете баринъ! какъ онъ будетъ гнаться! Однако же, я тутъ нисколько не виновата; скажите сами, сэръ, виновата ли я?

— О пать, Маргарита, ты нисколько не виновата; не бойся, маленька не будетъ бранить тебя. Вотъ мнѣ и лучше, гораздо лучше.

И дѣвочка усиливалась ходить, но усиліе было напрасное, и хотя ей доставало силы воли, чтобы удерживаться отъ стонувъ, однако же смертная блѣдность, покрывшая ея лицо, и слезы, противъ ея воли катившіяся по щекамъ, изобличали ужасную боль.

Странное дѣло! Мальтреверсу, конечно, не въ первый разъ было видѣть страданіе, и даже не такое страданіе; однакожь никогда еще не былъ онъ такъ тронутъ страданіемъ; слезы навертывались на его глазахъ. Ему хотѣлось бы взять бѣдную страдалицу на руки; но, хотя она была ребенокъ, онъ не посмѣлъ; какая-то непонятная робость удерживала его. Маргарита, пожалуй что ждала отъ него такой смѣливости, потому что пристально и съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ взглянула ему въ лицо, прежде чѣмъ рѣшилась сама взять ребенка на руки; правда, что ноша казалась не совсемъ по силамъ ея маленькому росту и щедушному сложенію. Однакоже, подождать нипуту, она взяла дѣвочку, которая тотчасъ спрятала головку на ея плечъ, стыдясь своихъ слезъ и не будучи въ остояніи болѣе выдерживать боль. Мальтреверсъ пошелъ рядомъ, а послушная, хорошо вышколенная лошадь послѣдовала за нимъ въ некоторомъ разстояніи ставя отъ времени до времени переднія ноги на дорожку, чтобы нипнуть нѣсколько листьевъ съ живаго огорода.

— О, Маргарита, вскричала вдругъ дѣвочка, я не могу вытерпѣть, право не могу.

Мальтреверсъ тутъ только замѣтилъ, что Маргарита держала дѣвочку такъ неловко, что ушибенная ножка ея висѣла безъ опоры, такъ что боль должна была, дѣйствительно, быть невыносима. Онъ не могъ болѣе удержаться.

— Вамъ не по силамъ нести ее, сказалъ онъ нянь отрывисто; и въ те же мгновеніе дѣвочка была у него на рукахъ. Съ какою нѣжною заботливостію онъ несъ ее! и какъ счастливъ онъ былъ, когда она обра-

целая къ нему свое личико, улыбаясь ему и уверяла, что она уже почти не чувствовала боли. Онъ чувствовалъ на щекахъ ея чистое дыханіе, и ея густыя, блондурыя кудри, развѣсившія вѣтромъ, касались его губъ. Голосъ его обращался почти въ сладостный шепотъ, когда онъ успокоивалъ и утѣшалъ ее съ тѣмъ простыми красноречіями, которое доступно только человеку, любящему дѣтей; а Эрнестъ любилъ дѣтей, и дѣти обожали его; они понимали его, и умали имъ сочувствовать; въ немъ самою было много дѣтскаго, по крайней мѣрѣ грубою корей мужественной холодности и гордости. Наконецъ они пришли къ воротамъ, и Маргарита видимо обрадовалась, когда на бездѣльный вопросъ дома ли герцога, дворникъ отвѣчалъ, что они еще не приехали. Эрнестъ, однакоже, хотѣлъ непременно самъ донести свою жену въ дому, который, какъ обыкновенно бываетъ на подгородныхъ дачахъ, былъ въ высокѣйшихъ оживленіяхъ отъ вѣтра. Взявъ слово съ няни, что она немедленно пошлетъ за врачомъ, онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что положилъ дѣвочку на диванъ въ постинной. Она мило благодарила его и уверяла, что ей гораздо легче. Ребенокъ окончательно околдовалъ его тѣмъ, что въ немъ не было того эгоизма, общаго почти всемъ дѣтямъ, который побуждаетъ ихъ обыкновенно преувеличивать свои страданія для того, чтобы ими занимались и утѣшали ихъ; напротивъ дѣвочка старалась скрывать боль, чтобы не огорчать другихъ. Мальтрверсеръ поцеловалъ ей ручку, со всею почтительностью, съ какою рыцарь целовалъ руку своей дамы; и дѣвочка въ первый разъ некриво улыбнулась, потому что въ первый разъ пробудилось въ ней чувство, что придетъ время, когда она не будетъ уже ребенкомъ. Отчего это? — не отъ того ли, что верный признакъ склонности, внушающей почтеніе, а не фамильярность, обозначаетъ одинъ изъ периодовъ жизни!

Образъ этой дѣвочки долго не выходилъ изъ ума Мальтрверсера; пока перемена мѣста, разлеченіе общества, болѣе серьезные поминки мужества, а главное — рядъ важныя происшествій, которыми будутъ разказаны въ свое время, не стерли мало по малу этого страннаго, обаятельнаго впечатлѣнія. Между-тѣмъ; онъ узналъ, что дача, на которой жила вѣдѣстная дѣвочка, принадлежала мистру Тамматону. Онъ пошелъ къ Ферререу, чтобы сообщить ему эту случай д. совѣдомителю о здоровьи манитки. И въ свое время еще

узналъ отъ послѣдняго, что дѣвочка совершенно поправилась и уѣхала съ мистромъ Томпатономъ и съ матерью въ Брайтонъ, пользоваться морскимъ воздухомъ и морскими ваннами.

—

КНИГА ОСЬМАЯ.

—

Куда идетъ всемудрая Паллада и разставляющая сѣти Киприда?

Деривидъ.

I.

Сосѣдство было первою ступенью къ знакомству и склонности.

Оспидій.

Домъ Кливленда былъ полонъ гостей; и все людей, которыхъ обыкновенно называютъ приятными. Въ числѣ ихъ была и леди Флоренція Лессельсъ. Умный старикъ всегда совѣтовалъ Мальтреверсу не жениться въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ; но онъ не хотѣлъ также, чтобы вѣтонецъ его откладывалъ этотъ важный актъ жизни до той поры, когда сердце отцвѣтаетъ и чувства стыннуть. Онъ полагалъ, подобно древнимъ законодателямъ, что тридцатилѣтній возрастъ лучшее время для заключенія союза, въ которомъ разсудительность мужества должна соединиться съ выломъ молодости. А онъ мало звалъ людей, болѣе Мальтреверса способныхъ наслаждаться радостями семейной жизни. Онъ давно думалъ также, что ни одна женщина не будетъ сочувствовать стремленіямъ Эрнеста, не оцѣнить его характера и достоинствъ лучше прекрасной, умной, даровитой Флоренціи Лессельсъ. Кливлендъ смотрѣлъ снисходительно на многія стран-

ности въ ея образъ мыслей и поступкахъ, и былъ убежденъ, что все эти странности должны скоро сгладиться подъ вліяніемъ чувства, которое производитъ обыкновенно такую огромную перемену въ женщинахъ; онъ зналъ, что если чувство глубоко западетъ въ сердце женщины, то оно заставляетъ непримѣтно самый упорный и странный нравъ принаравляться къ образу мыслей и привычкамъ его предмета, и сродняться съ ними.

А сила воли и власть надъ собою, составлявшія основу характера Мальтреверса, были, по мнѣнію Кливленда, именно тѣ качества, которыя невольно покоряютъ мужчинъ все мысли и чувства любящей его женщины. Съ другой стороны, онъ надвѣлся, что увлеченіе и восторженность Флоренціи придадутъ болѣе нетерпѣнія и практичности честолюбію Мальтреверса, которое въ глазахъ его свѣтской мудрости, было слишкомъ разборчиво на средства и слишкомъ равнодушно къ свѣтскимъ отличіямъ. Притомъ Кливлендъ былъ слишкомъ свѣтски уменъ, чтобы не понимать важности богатства и общественнаго положенія; а положеніе и приданое Флоренціи неминуемо должны были поставить Мальтреверса на такую степень въ обществѣ, которая принудила бы его къ новымъ усиліямъ, и дала бы болѣе простору его дарованіямъ. Въ Феррерсѣ онъ видѣлъ чловѣка, который рано или поздно долженъ добиться власти; въ Мальтреверсѣ — чловѣка, который, если достигнетъ власти, употребитъ ее достойнымъ образомъ, къ великимъ дѣламъ. По этому ничто болѣе возвышенное, чѣмъ заботливость о матеріальныхъ интересахъ Мальтреверса, заставляло Кливленда желать ему сердца и руки богатой невесты; а отъ провинительности его не могло скрыться, что если и встрѣтится препятствіе къ осуществленію его мечты, то оно будетъ никакъ не со стороны леди Флоренціи. Во всякомъ случаѣ онъ благоразумно рѣшился предоставить все дѣло его естественному теченію, и не намекать даже ни о чемъ, ни той, ни другой сторонѣ. Ничто не можетъ быть, для празднаго знатнаго общества, такъ благоприятно для зарожденія любви, какъ пребываніе въ деревнѣ, въ гостяхъ у богатаго и гостеприимнаго помѣщика, къ концу лондонскаго сезона, когда самыя даже холодныя сердца, утомленныя мелкими заботами и пустыми знакомствами, ощущаютъ потребность болѣе вѣжнаго, прочаго и сладостнаго чувства.

Но такимъ ли причинамъ, или случайно, — но послѣ первыхъ

двухъ, трехъ дней, Флоренція и Эрнестъ безпрестанно были вмѣстѣ. Когда она вздѣла гулять верхомъ, Мальтреверсъ всегда вѣхалъ подлѣ нея: въ прогулкахъ по водѣ, они всегда сидѣли въ лодкѣ на одной скамьѣ. По вечерамъ съѣзжались иногда сосѣдніе помѣщики съ семействами, и тогда молодежь устранивала танцы во временномъ павильонѣ, построенномъ подлѣ столовой. Эрнестъ никогда не танцовалъ. Флоренція въ первое время танцевала, но разъ, когда она разговаривала съ Мальтреверсомъ и къ ней въ то время подошелъ ловкій гвардеецъ, напомнить ей обѣщанный туръ вальса, она была поражена внезапною переменною въ лицѣ Эрнеста.

— Вы никогда не вальсируете? спросила она, между-тѣмъ, какъ кавалеръ отъискивалъ уголъ, куда бы безопасно положить шляпу.

— Никогда, отвѣчалъ онъ; впрочемъ, это не значить, что мнѣ не прилично вальсировать.

— А мнѣ, стало-быть, по вашему, неприлично?

— Я этого не говорилъ.

— Не говорили, но подумали.

— Нѣтъ, и не думалъ; если разсужу, я даже радъ, что вы вальсируете.

— Вы говорите загадками.

— Если хотите, я объясню вамъ загадку. Я думаю, что вы именно та женщина, за которую я готовъ поручиться, что никогда не влюблюсь въ нее. И я чувствую, что опасность уменьшается съ каждымъ разомъ, что вы разрушаете одну изъ моихъ мечтъ, или вѣрнѣе, что вы дѣлаете что-нибудь наперекоръ моимъ предубѣжденіямъ.

Леди Флоренція покраснѣла; но партнеръ и музыка не дали ей времени отвѣчать. Однако же, съ того вечера она перестала вальсировать. Всѣ знали, что она была слаба здоровьемъ; она сказала, что врачи не совѣтовали ей танцовать, и вслѣдъ за вальсомъ отказалась отъ кадрили.

Такое уваженіе къ его мнѣнію, конечно, не могло не быть пріятно Мальтреверсу; однако же Флоренція выказывала его такимъ-образомъ, чтобы онъ не могъ благодарить ее, придумавъ совершенно посторонній предлогъ. На другой вечеръ, послѣ того, въ который Эрнестъ отпустилъ приведенную выше наивную грубость, они случайно встрѣтились въ оранжерей, которая была смежна съ бальной

залую. Эрнестъ, подойдя къ ней, чтобы осведомиться о ея здоровьѣ, былъ пораженъ разсвѣтностью и грустью, съ которыми она отвѣчала ему.

— Дражайшая леди Флоренція, сказалъ онъ, я начинаю думать, что ваше здоровье гораздо хуже, чѣмъ вы говорите. Вамъ не должно бы стоять на сквозномъ вѣтрѣ. Вы обязаны для своихъ друзей беречь себя!

— Для друзей! возразила леди Флоренція съ горечью; — у меня пять друзей! — Для друзей! судьба, сдѣлавшая Флоренцію Лессельсъ самую завидную партію, отказала ей въ братьяхъ и сестрахъ, чаше ея рожденія лишилъ ее даже любви матери! Друзья! откуда мнѣ знать друзей?

Сказавъ это съ глубокою грустью, она отвернулася къ створенному окну и вышла на балконъ; по дрожащему ея голосу, Эрнестъ могъ угадать, что она вышла для того, чтобы скрыть или удержать слезы.

— Однако же, сказалъ онъ, послѣдовавъ за нею, есть друзья не столь близкіе, которыхъ сердца, безъ всякаго сомнѣнія, преданы леди Флоренціи Лессельсъ, не смотря на то, что она презираетъ ихъ преданность. Въ числѣ самыхъ смиренныхъ изъ этихъ друзей, прошу позволенія считаться и мнѣ. Позвольте же мнѣ воспользоваться правомъ друга, дать добрый совѣтъ: ночной воздухъ такое наслажденіе, которое вамъ едва ли можетъ быть дозволено.

— Напротивъ, онъ освѣжаетъ, успокоиваетъ меня. Вы не понимаете меня, моя болѣзнь не такого рода, чтобы ей бояться яснаго неба и спящихъ цвѣтовъ.

Мальтреверсъ, очевидно, не былъ влюбленъ въ Флоренцію, однако же, будучи безпрестанно подъ непосредственнымъ вліяніемъ женщины, столь щедро надѣленной всеми наружными и внутренними достоинствами, онъ не могъ не принимать въ ней сильнаго, братскаго участія; самая откровенность и непринужденность, съ какими онъ привыкъ говорить съ нею, и то духовное сродство, которое необходимо должно было сблизать два ума, почти равномогущіе и равно образованные, должны были поставить ихъ взаимныя отношенія на самую короткую ногу.

— Я не могу приказывать вамъ, леди Флоренція, сказалъ онъ, улыбаясь; но совѣсть не позволяетъ мнѣ быть вашимъ сообщни-

комъ въ преступленіи докторскихъ приказаній. Я пойду за тѣмъ, кто имѣеть болѣе меня власти; пришлю лорда Сексингема усовестить васъ.

— Леди Флоренція смотрѣла въ другую сторону и, казалось, не слушала его.

— А у васъ, мистръ Мальтреверсъ, сказала она, не много погоды, быстро обращаясь къ нему, — есть у васъ друзья? Чувствуете ли вы, что есть чувства и обязанности въ жизни, — можетъ-быть не въ общественной жизни, а только въ частной, — въ отношеніи которыхъ жизнь не дана намъ, какъ даръ, а только ввѣрена въ видѣ залога?

— Вы правы, леди Флоренція, у меня нѣтъ друзей! — Есть друзья, если хотите, и первый изъ нихъ, ближайшій моему сердцу — Кливлендъ; но такого друга, который былъ бы жизнью моей жизни, мнѣ вторымъ я, которому я отдалъ бы полное владычество надъ всѣмъ мнѣ существомъ, — такого друга я не знаю. — Впрочемъ, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — впрочемъ рѣдкость ли не имѣть такого друга? оно, можетъ-быть, еще къ лучшему. Я научился полагаться на одну свою душу, и не искать въ другихъ опоры, которую одно дуновеніе вѣтра можетъ переломить.

— Ахъ, это холодная философія, съ которою можно примириться въ свѣтъ, въ вихрь общественной жизни; но въ одиночествѣ, съ глазу на глазъ съ природою? — нѣтъ, никогда! Пока занять одинъ умъ, человекъ можетъ довольствоваться гордостью стоицизма, но бывають минуты, когда сердце пробуждается будто изъ сна, — пробуждается какъ испуганный младенецъ, и чувствуетъ, что оно одиноко, среди мрака ночи.

Эрнестъ молчалъ; и нѣсколько погодя, Флоренція продолжала къившимся голосомъ: — Это странный предметъ для разговора, вы, пожалуй, примете меня точно за сумасбродку, начитавшуюся романовъ, какую я уже прослала въ свѣтъ. Но если я доживу, я — но гдѣ мнѣ! — женщинамъ не дозволено честолюбіе!

— Такая женщина, какъ вы, леди Флоренція, если она когда полюбитъ, то полюбитъ человека, котораго стремленія дадутъ пищу благороднѣйшему изъ честолюбій, — честолюбію доступному однимъ женщинамъ, — именно честолюбію за другаго!

— Можетъ-быть; но я никогда не буду любить, сказала леди

Флоренція, и лицо ея, освѣщенное звѣзднымъ небомъ, стало еще блаженнѣе. — Впрочемъ, почему знать? прибавила она съ живостью, — я, можетъ-быть, узнаю еще блаженство дружбы. Знаете что, — и она приблизилась къ Мальтреверсу, и съ очаровательною доверчивостью положила руку на его руку; — знаете что! отчего намъ не быть друзьями? какъ будто бы на свѣтъ и не существовало такъ называемой любви, а мѣсто ея заступала дружба? Кажется, намъ нечего бояться влюбиться другъ въ друга. Вы не довольно тщеславны, чтобы воображать, что я влюблюсь въ васъ, а я, какъ вамъ извѣстно, кокетка; будемъ друзьями, повѣренными своихъ взаимныхъ тайнъ; — по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока вы не женитесь, или пока я не отдамъ другому права распоряжаться моею дружбою и владѣть исключительно моними тайнами.

Мальтреверсъ вздрогнулъ; чувство, которое предлагала ему теперь Флоренція, то же самое чувство и почти въ тѣхъ же словахъ, онъ самъ предлагалъ нѣкогда Валерію.

И вся душа этого чловѣка, обыкновенно столь холоднаго и непроницаемаго, встрѣтивъ сочувствующую ему душу, излилась въ потоки пламенныхъ рѣчей; всѣ высокіе помыслы, которые онъ такъ глубоко въ своемъ сердцѣ, раскрылись передъ взорами Флоренціи. Глаза Мальтреверса сверкали огнемъ энтузіазма; грудь его высоко воздымалась; всѣ черты его дышали восторгомъ. Никогда еще не являлся онъ Флоренціи въ такой красотѣ, въ такомъ величіи: ей казалось, будто крѣпкая кора, заключающая его мысль, вдругъ распалась, и она могла видѣть насквозь его душу, просвѣтленную вдохновеніемъ.

Въ этотъ вечеръ былъ заключенъ между Эрнестомъ и Флоренціей союзъ дружбы; — дружбы! оба молодые, прекрасные, восторженные, и клялись быть друзьями, и только! Безразсудные!

II.

Одного хотѣть, и одного не хотѣть, вотъ истинная дружба. *Саллюстій.*

— Это письмо.... — О, я уиру; отдайте его сейчасъ. *Шиллеръ.*

Казалось, что уговоръ, заключенный между Мальтреверсомъ и леди Флоренціей, уничтожилъ послѣдніе остатки принужденія и церемонно-

они, существовавшіе еще между ними. Они бесѣдовали съ свободою и откровенностью, весьма рѣдкими между лицами различныхъ половъ, до достиженія великой эпохи въ жизни. Эрнестъ, какъ все люди съ пламенными чувствами и пылкимъ воображеніемъ, въ обыкновенной жизни былъ, если не молчаливъ, то по-крайней-мѣрѣ остороженъ. За то, онъ чувствовалъ, какъ будто ему сняли камень съ груди, когда онъ нашелъ одно существо, которое умѣло понимать его и съ которымъ онъ могъ говорить откровенно; это значило дать голосъ его краснорѣчію, его воззніи, его энтузіазму, который онъ столько времени долженъ былъ заключать въ себя самомъ. Онъ могъ наконецъ говорить съ живымъ существомъ, какъ бы онъ сталъ писать публикъ; а это рѣдкое счастье для книжныхъ людей.

Здоровье Флоренціи начало поправляться, будто какимъ-то чудомъ; и даже глубокая скорбь, овладѣвшая въ последнее время ея душою, почти исчезла. Впрочемъ, во всемъ ея характеръ произошла противъ прежняго большая переменна; она сдѣлалась гораздо кротче, любезнѣе, нѣсколько задумчива; въ ней не было уже прежняго непомернаго желанія блистать и прежняго равнодушія къ чужимъ мнѣніямъ, которыя она оскорбляла. Люди, не видавшіе ея прежде, не могли понять, за что ее такъ боялись въ обществѣ. По временамъ однако же Мальтреверсъ замѣчалъ въ ней еще чрезвычайную неровность и раздражительность нрава, недовѣріе къ чистотѣ побужденій, по которымъ дѣйствовали окружавшіе ее, самовластіе и упорную непреклонность воли; все это, можетъ-быть, служило щитомъ, охранявшимъ неприкосновенность его сердца. Онъ смотрѣлъ на Флоренцію глазами ума, а не чувства, онъ почти не думалъ о томъ, что она была женщина; самыя дарованія ея, возвышенность ея идей и сила воли, восхищавшія его въ бесѣдѣ, не давали его воображенію останавливаться на ея красотѣ. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на существо, совершенно чуждое своему полу, — чудное существо, котораго одно несовершенство, — что оно женщина. Онъ даже сказалъ это однажды, шутя, самой Флоренціи, и она была чрезвычайно довольна этимъ комплиментомъ. Бѣдная Флоренція! твое презрѣніе къ твоему полу отомстило за него, и погубило собственную твою судьбу!

Кливлендъ молча наблюдалъ за ихъ возрастающею дружбою, и съ спокойною, самодовольною улыбкою слушалъ толки сплетниковъ о

овиданіяхъ на терасѣ, объ уединенныхъ прогулкахъ въ паркѣ, и гаданія, что изъ этого что-нибудь да выйдетъ. Лордъ Сексигонгъ ничего не видѣлъ и не подозрѣвалъ. Но дочь его была совершенн-вольгтная, имѣла свое собственное, огромное состояніе, оставленное ей матерью, и отецъ давно зналъ ея гордый нравъ. Почтенный лордъ, однако же, имѣлъ совершенно превратное понятіе о ея гордости, и былъ увѣренъ, что она выйдетъ замужъ никакъ не ниже, какъ за герцога; кокетничаніе же онъ считалъ очень простое, невинною забавою. Притомъ онъ довольно мало оставался въ Темплъ-гровъ. Съ утра, позавтракавъ въ своей комнатѣ, онъ уѣзжалъ въ Лондонъ и возвращался только къ обѣду; вечеромъ игралъ партію въ вистъ, и потомъ отправлялся въ свой кабинетъ, въ сопровожденіи Флоренціи; тутъ онъ минутъ пять говорилъ съ нею о разныхъ вздорахъ, до прихода своего камердинера. Что до другихъ гостей, они могли только разсуждать между собою и пу-каться въ догадки; остальное до нихъ не касалось. Такимъ-образомъ если Флоренція и Мальтреверсъ и не уходили отъ вниманія постороннихъ, то по-крайней-мѣрѣ никто не мѣшался въ ихъ дѣла, и они были совершенно свободны поступать, какъ хотѣли. Мальтреверсъ самъ не былъ влюбленъ и ему вовсе не приходило даже въ голову, чтобъ леди Флоренція любила его, или хоть даже могла бы со временемъ полюбить его. Это ошибка, очень обыкновенная для мужчины, но которой никогда не сдѣлаетъ женщина; правда, что женщина нерѣдко воображаетъ, что ее любятъ, когда этого вовсе не бывало, но зато она всегда знаетъ, когда ее кто любитъ! Флоренція не была, однако же, счастлива, потому что счастье есть чувство спокойное, а ее мучило какое-то неопредѣленное, тревожное, бурное чувство упоенія.

Она знала отъ самого Эрнеста, что Феррерсъ солгалъ, сказавъ ей, что сердце Мальтреверса было отдано другой; любилъ ли онъ ее, или нѣтъ, а въ настоящее время они казались всемъ другъ для друга, и она старалась жить въ одномъ настоящемъ, не думая о завтрашнемъ днѣ.

Послѣ опасной болѣзни, повлекшей за собою такую перемѣну въ образъ жизни Эрнеста, онъ не являлся передъ публикою въ качествѣ писателя. Въ послѣднее время, однако же, его стало крѣпко тянуть къ прежней дѣятельности. Въ сравненіи съ прежнимъ, занятія послѣднихъ годовъ были для него отдыхомъ, почти бездѣйствіемъ. Идемъ и

чувства, которыя такъ скоро накаплиются въ умѣ человека, разъ диннаго имъ волю, вырывались наружу. Писать, — для некоторыхъ, есть не просто удовольствіе и желаніе, но потребность, которую они должны удовлетворить. Разгорѣвшійся огонь долженъ прорваться наружу; у птенца подросли крылышки, и онъ долженъ вылетѣть изъ гнѣзда. Стремленіе высказывать свои мысли, вложено, какъ непреодолимый инстинктъ, въ душу тѣхъ людей, которыхъ Богъ ознаменовалъ печатью генія. Принявшись за новое твореніе, Мальтреверсъ во всемъ совѣтовался съ Флоренціею, а это восхищало ее, потому что она понимала всю цѣну такого довѣрія. Новое сочиненіе было небольшое, но полно энергіи идей, страсти и энтузіазма; младшее, но любимое дитя его творческой фантазіи. И по мѣрѣ того, какъ первая мысль развивалась, расширялась, облекала въ художественныя формы; Флоренціи казалось, что она была перенесена въ чертоги души, и присутствовала при совершеніи всѣхъ тѣхъ таинствъ и чаръ, посредствомъ которыхъ волшебныя силы ума чаруютъ міръ. О, какъ было бы важно это общеніе идей между Эрвестомъ Мальтреверсомъ и женщиною, почти равною ему по силѣ постиженія и познаніямъ, на туманное, неопредѣленное сочувствіе, которое мечтательный юноша думалъ некогда создать между своею поэзіею знанія и поэзіею сердца — Амиччи.

Въ одинъ сентябрскій день, уже подъ вечеръ, когда солнце медленно склонялось къ западу, леди Флоренція прогуливалась по парку съ Кливлендомъ. Все утро она просидѣла въ своей комнатѣ, занимаясь, какъ она сама выражалась, очищеніемъ недоимокъ по части корреспонденцій;— это она дѣлала собственно не для себя, а для лорда Сексвигема, который настоятельно требовалъ, чтобы она исправно переписывалась со всею своею роднею до пятидесятаго колѣна, если только эта родня была богата, знатна, имѣла вліяніе, и вообще занимала видное положеніе въ обществѣ. Окончивъ это занятіе, леди Флоренція гуляла съ Кливлендомъ; они были одни, потому что мужчины не возвращались еще съ поля, куда они пошли поохотиться во уборкѣ хлѣба, а дамы уѣхали прокатиться въ шарабанахъ и на тележкахъ.

По поводу письменныхъ занятій леди Флоренціи, очень естественно зашла рѣчь о той очаровательной отрасли литературы, которая соединяетъ интересъ романа съ историческою истинною; именно о

французских мемоарахъ и письмахъ. Кливленду эта отрасль была такъ знакома, какъ нельзя болѣе; въ ней онъ былъ совершенно въ своей сферѣ.

— Какъ мастерски, говорилъ Кливлендъ, умѣли эти притише, образованные болтуны и сплетники внести природу въ искусство! Самыя искусственныя вещи кажутся имъ совершенно естественными; даже чувствуютъ они какому-то часовымъ механизмомъ, который идетъ едва ли не исправно самого сердца. Какъ милы, напримѣръ, эти обточенные ласки, эти тонкія любезности, которыми мадамъ де-Совиньё осыпаетъ свою дочь; только, какъ угодно, а я не нахожу въ нихъ ничего материнскаго. Что за заключеніе, напримѣръ, для письма матери къ дочери, слѣдующій замысловатый комплиментъ: «Помните, что изъ всѣхъ сердецъ, надъ которыми вы властвуете, ни въ одномъ власть ваша не утверждена такъ непоколебимо, какъ въ моемъ». Я не могу представить себѣ даже лорда Сексиггема, пишущаго подобныя любезности вамъ, леди Флоренція.

— Онъ-то конечно не будетъ такъ писать, возразила леди Флоренція. Да и вообще у насъ въ Англии батюшки и матушки не любятъ говорить любезностей дѣтямъ. Мнѣ однако же, признаюсь, нравятся такое сохраненіе вѣжливости даже въ самыхъ короткихъ, въ родственныхъ отношеніяхъ. Почему не дать мѣста фантазіи во всѣхъ нашихъ чувствахъ?

— Почему—я вамъ сказать не умѣю, отвѣчалъ Кливлендъ, но мнѣ кажется, что отъ этого они утратили бы свой характеръ дѣйствительности. Я человекъ старого покроя. Будь у меня дочь, и я попросилъ бы ее подать мнѣ гусли, мнѣ показалось бы и смѣшно и скучно, еслибъ я долженъ былъ поблагодарить ее какою нибудь затѣяливою любезностью.

Между-тѣмъ какъ леди Флоренція излагала свое воззрѣніе на предметъ, они пришли къ небольшому ручью, который протекалъ между двухъ густыхъ стѣнъ кустарниковъ и деревьевъ и своею мрачностью составлялъ пріятный контрастъ съ прочими частями парка. Тутъ они нечаянно встрѣтили Мальтреверса; онъ ходилъ взадъ и впередъ по берегу, и казался погруженъ въ глубокое размышленіе.

Кливлендъ почувствовалъ, что рука леди Флоренціи, операвшаяся на его руку, сильно задрожала; это заставило его остановиться сре-

ди одушевленнаго толкованія на портретъ кардинала де-Ретца, изъертанный герцогомъ Деларотт-Фуко, и оглянуться.

— А, мой любезный Жакъ, сказалъ онъ словами поэта, какую новую истину выжалъ ты изъ своей головы въ нашемъ Арденскомъ лѣсу?

— О, я очень радъ, что встрѣтилъ васъ; мнѣ нужно посоветоваться съ вами, Кливлендъ. Но прежде всего, леди Флоренція, чтобы доказать вамъ, что мое скитаніе было не вовсе безплодно, позвольте мнѣ поднести вамъ дикую розу, которую я нашелъ въ самой чащѣ лѣса. Это настоящая дикая роза, не выращенная кропотливымъ трудомъ садовника. Теперь, Кливлендъ, съ вами.

— И затѣмъ, мистръ Мальтреверсъ, я лишняя, подхватила леди Флоренція.

— Ивините, леди Флоренція, я не имѣю никакихъ секретовъ отъ васъ въ этомъ дѣлѣ, или вверне въ этихъ дѣлахъ, потому что ихъ дѣлать два. Во-первыхъ, леди Флоренція, поговоримъ о бѣдномъ Цезарини, — вы его знаете, и даже находили его когда-то очень интереснымъ, — чегожъ тутъ краснѣть?

— Развѣ я покраснѣла? если такъ, то вѣроятно отъ воспоминанія упрека, который вы мнѣ когда-то сдѣлали.

— Потому что чувствуете, что упрекъ былъ заслуженный! но къ дѣлу. Я всегда принималъ живое участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Самая болѣзненная раздражительность его нрава усиливаетъ мое безпокойство о его будущей судьбѣ. Я получилъ письмо отъ его шурина, де-Монтаня, который кажется, также сильно встревоженъ на счетъ его. Онъ желаетъ, чтобы Кастручіо немедленно оставилъ Англію, потому что это единственное средство поправить его промотанное состояніе. Де-Монтанъ имѣетъ случай пристроить его къ одному посольству; другой случай не скоро представится! Но вы знаете его сумасбродный характеръ! что мнѣ съ нимъ дѣлать? Я не смѣю ему слова сказать, потому что знаю, что онъ меня не послушается; онъ считаетъ меня соперникомъ, завидующимъ его славу, и подумаетъ что я изъ собственныхъ видовъ хочу удалить его.

— А мое краснорѣчіе, ты думаешь, будетъ убѣдительнѣе? сказалъ Кливлендъ; я вѣдь также литераторъ. Мнѣ кажется, всего лучше поручить это дѣло леди Флоренціи.

— Онъ человѣкъ со способностями и талантомъ; продолжалъ

Мальтреверсъ; нужно только, чтобы время и опытность избавили его отъ некоторыхъ слабостей. Возьметесь ли вы попытаться озаботить его, леди Флоренция?

— Нечего дѣлать! я не могу уклоняться отъ добрата дѣла; я увижусь съ нимъ, какъ буду въ городъ. Это прекрасная черта съ вашей стороны, мистръ Мальтреверсъ, — принимать такое участіе въ человѣкѣ, который васъ....

— Не любить, хотите вы сказать; придетъ время, когда чувства его ко мнѣ переменятся. Притомъ, я много обязанъ ему. Его призывъ указалъ мнѣ некоторыя слабости, въ которыя можетъ впасть каждый литераторъ, если не будетъ строго наблюдать за собою. Наконецъ я долженъ прибавить и то, что его родные были ко мнѣ чрезвычайно добры и имѣютъ полное право на мою благодарность.

— И ты увѣренъ въ благородствѣ его сердца, въ непоколебимости его чести? спросилъ Кливлендъ недѣлчиво.

— Разумѣется, благородство и честь самыя необходимыя основанія поэтической души.

Мальтреверсъ произнесъ эти слова съ убѣжденіемъ; а каждое слово его имѣло въ это время такой вѣсъ для Флоренціи, что отзывъ его, къ несчастію, послужилъ основаніемъ ея сужденію о характерѣ Кастручіо, который прежде стоялъ очень высоко въ ея мнѣніи, но потомъ совершенно упалъ вслѣдствіе своей дерзкой выходки. Она видала его раза три или четыре послѣ извинительнаго письма, которое онъ написалъ ей по совѣту Феррерса, и ей казалось, что въ лицѣ его было болѣе досады и злобы, чѣмъ смиренія. Однако же она сострадала къ самолюбію, которое она же сама оскорбила.

— Затѣмъ, продолжалъ Мальтреверсъ, приступимъ ко второму предмету совѣщанія. Но это уже относится чисто къ политикѣ, и, можетъ-быть, покажется скучнымъ леди Флоренціи.

— Напротивъ, все что относится къ политикѣ, интересуется меня. Политика всегда исполняетъ мою душу восхищеніемъ или презрѣніемъ, смотря потому, для какихъ цѣлей она употребляется. И такъ продолжайте.

— Но, прибавилъ Кливлендъ, будетъ одного совѣтника разомъ. Вы извините меня; я вижу своихъ гостей, которые возвращаются съ прогулки и должны занять ихъ. Вамъ же будетъ оттого сло-

когда беседовать. А Эрнестъ можетъ придти посоветоваться со мною въ другое время.

Кливлендъ удался; но взаимныя отношенія Мальтреверса и Флоренции были такъ непринужденны и свободны, что такая беседа на-
сидитъ нисколько не пугала и не смущала ихъ.

— Леди Флоренція, началъ Эрнестъ, я никого не знаю, съ кѣмъ мнѣ было бы такъ пріятно совѣтоваться, какъ съ вами. Я почти радъ уходу Кливленда, потому что не смотря на его прекрасныя качества, въ немъ слишкомъ много свѣтскаго, и мы расходимся съ нимъ въ самыхъ основаніяхъ своихъ разсужденій. Извините это пред-
дсловіе, и приступимъ къ дѣлу. Я получилъ письмо отъ мистра N°. Этотъ почтенный человекъ, котораго надо коротко знать, чтобы оцѣнить всю красоту его рыцарскаго характера, пишетъ мнѣ, что ему открывается самое славное поприще, о какомъ только можетъ мечтать человекъ его скромнаго происхожденія и предлагаетъ мнѣ прекрасное мѣсто при себѣ; мѣсто это превышаетъ мои теперешнія заслуги, хотя я не отчаиваюсь быть достоинъ его впоследствии; — вы простите мнѣ эту похвальбу, прибавилъ Эрнестъ, съ улыбкою, — потому что вы уже знаете, что я человекъ самонадѣянный и гордый.

— И вы принимаете предложеніе?

— Я еще не знаю, и мнѣ даже кажется, что я долженъ отказать-
ся. Наши воззрѣнія согласны только до извѣстной степени; конечныя цѣли наши совершенно различны. Соединясь съ нимъ, я принужденъ буду отказать отъ девяти идей, чтобы провести одну. Не значить ли это измѣнять совѣсти? Никто не будетъ и не можетъ осуж-
дать меня, потому что въ дѣлѣ партій требуется только согласія въ одномъ временномъ пунктѣ; что лежитъ за предѣлами настоящаго, въ темной и далекой будущности, то не принимается въ расчетъ и никто о томъ не спрашиваетъ. Но въ собственныхъ своихъ глазахъ я буду вдвойнѣ отступникомъ. Съ одной стороны, если я восполь-
зуюсь предложеніемъ, чтобы при содѣйствіи мистра N°. достигнуть одной цѣли, и брошу его, когда онъ остановится, я буду измѣнни-
комъ передъ нимъ. Съ другой стороны, если я останавливаюсь вмѣстѣ съ нимъ, и откажусь отъ дальнѣйшихъ своихъ цѣлей, я буду измѣн-
никомъ передъ собою. Вотъ мое положеніе; оно трудно, потому что сердце мое свачала забилось эгоистическимъ честолюбіемъ.

— Вы совершенно правы, воскликнула Флоренція, и щеки ея ра-

горячее румянцемъ восторга; какъ могла я сомнѣваться въ васъ? Я понимаю, что это трудная жертва, потому что отрадно человеку, вопреки предсказаніямъ враговъ, вознестись на этотъ осязаемый путь почестей, который свѣтъ можетъ видѣть своими близорукими глазами и измѣрить своимъ холоднымъ сердцемъ; но еще отраднѣе, когда онъ можетъ гордо сказать, что онъ не сдѣлалъ ни одного шагу къ цѣли, который онъ желалъ бы исключить изъ своей памяти. Нѣтъ, Мальтреверсъ, ждите, въ твердомъ убѣжденіи, что придетъ то время, когда вашей совѣсти можно будетъ вѣсти рука объ руку съ честолюбіемъ; когда вся цѣль вашего стремленія будутъ передъ вами какъ на картѣ, и вы будете увѣрены, что ни одинъ шагъ вашъ не пропадетъ безъ пользы. Притомъ ваше настоящее положеніе не такое, чтобы вы могли однимъ сомнительнымъ поступкомъ испортить его. Передъ вами прекрасное поприще литературы, въ которой вы не должны терять изъ виду того высокаго мѣста, на которое дастъ вамъ право вашъ талантъ.

Между-тѣмъ, какъ Флоренція Лессельсъ высказывала эти мысли со всемъ увлеченіемъ возвышенной души и женскаго сердца, она въ первый разъ предстала взорамъ Эрнеста въ такой дивной красотѣ, какой онъ еще не подозрѣвалъ въ ней.

— О, воскликнулъ онъ, невольнымъ движеніемъ прижимая руку ея къ устамъ, благословенъ тотъ часъ, когда вы подарили мнѣ свою дружбу! Вотъ рѣчи, которыя я давно желалъ слышать изъ живыхъ устъ, въ часы сомнѣнія и разочарованія.

При этихъ волшебныхъ для нея звукахъ, все существо леди Флоренціи мгновенно измѣнилось; это была уже не гордая, величественная сивилла, а любящая, робкая, восхищенная женщина. Въ своемъ смущеніи она уронила цвѣтокъ, подаренный ей Мальтреверсомъ, и нагнулась, чтобы поднять его; радуясь, можетъ-быть, этому предлогу отвернуться и скрыть свое волненіе. Когда она нагнулась, изъ-за корсажа ея выпало письмо, и Мальтреверсъ, наклонившись, чтобы поднять его, замѣтилъ, что оно было написано на его имя, и тѣмъ же почеркомъ, какъ письма его таинственной советницы. Онъ схватилъ письмо, и съ восхищеніемъ и удивленіемъ смотрѣлъ то на него, то на уличенную писательницу. Флоренція закрыла лицо руками; она была блѣдна, какъ смерть, и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— О, глупецъ я былъ! вскричалъ Эрнестъ, въ увлеченіи; развѣ я

не должно было знать, но должно было понимать, что на святъ не могло быть двухъ Флоренцій! Но ослабъ эта мысль и мелькнула въ моей головѣ, я не восмѣлъ бы остановиться на ней.

— Уйдите, уйдите, рыдала Флоренція; оставьте меня, ради Бога, остаюто.

— Нѣтъ, не уйду, пока вы не прикажете мнѣ встать, отвѣчалъ Эрнестъ, почти не менше ея взволнованный, и падая передъ нею на колѣни.

Нужно ли досказывать? Когда они удалились съ этого мѣста, они уже помѣнялись сладостными признаніемъ, помѣнялись пламенными обѣтами; — Эрнестъ Мальтреверсъ былъ женихъ леди Флоренціи Лессельсъ.

III.

Берегитесь, милордъ; общее ваше благо требуетъ, чтобы мы уничтожили замыслы этого коварнаго человѣка.

Шекспиръ.

О, какъ эта весна любви похожа на ненадежную ясность апрѣльскаго дня; то онъ сіяеть всѣмъ блестящюмъ солнцемъ, то найдетъ туча и все пропаго!

Шекспиръ.

Когда Мальтреверсъ возвратился въ свою уединенную комнату, ему казалось, что все совершившееся было — одинъ сонъ. Онъ увлекся мгновеннымъ, можетъ-быть непреодолимымъ чувствомъ, но совѣсть его была недовольна. Тайный голосъ шепталъ его душѣ: «Ты обмануль ея, и себя самага; ты не любишь ея!» Тщетно онъ вспоминалъ ея красоту, ея умъ, ея странную, восторженную любовь къ нему; голосъ все твердилъ: «Ты не любишь! Простись навсегда съ мѣльными мечтами о болѣе счастливомъ удѣлѣ, чѣмъ какой данъ смертнымъ. Изъ бурнаго моря своей будущности ты долженъ на вѣки вычеркнуть островъ любви. Ты не можешь болѣе на свѣтломъ полѣ своихъ желаній рисовать образъ той, которую ты избралъ бы въ спутницу своей жизни. Ты измѣнилъ своему идеалу, ты отдался на вѣки

другой, ты отрелся отъ надежды, — и долженъ жить отнынѣ съ существомъ, къ которому ты не привязанъ узамъ любви».

— Какое дѣло! вскричалъ Мальтреверсъ, почти со страхомъ удаливъ отъ себя эти мысли; я далъ слово женинѣ, которая любитъ меня; глупо и безчестно было бы теперь каяться и роптать. Я отжилъ лучшие года своей жизни и не находилъ той, съ которою пещера была бы мнѣ прекраснѣе золоченыхъ палатъ. Зачѣмъ жить до гроба какимъ-то духовидцемъ, ищущимъ несуществующаго? Могъ ли я лучше избрать въ действительномъ мѣрѣ?

Между-тѣмъ, какъ Мальтреверсъ разсуждалъ такимъ образомъ самъ съ собою, леди Флоренція поспѣшила въ кабинетъ отца, и тамъ ждала его возвращенія изъ Лондона. Она знала его свѣтскій образъ мыслей, знала также гордость своего жениха, и понимала, что она одна могла быть посредницею между ними.

Наконецъ лордъ Сексингемъ пріѣхалъ, озабоченный, засученный, веселый какъ всегда. — Ну что, Флоренція? что скажешь? мнѣ очень пріятно тебя видѣть; да какъ ты разцвѣла! ну право, я никогда не видалъ тебя такою румяною! теперь ты точно я. Хорошій цвѣтъ лица, румянецъ во всю щеку, и прекрасные глаза, это было у насъ всегда въ родѣ. Но я немножко опоздалъ, уже звонокъ пробилъ къ обѣду; а намъ, съ сѣдной въ головѣ, не одѣваться же такъ проворно, какъ бывало въ молодости. Да и ты, кажется еще не одѣта?

— Дражайшій батюшка, мнѣ надо поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.

— О важномъ дѣлѣ? и теперь же?

— Теперь же.

— Ну, посмотримъ, что это за важное дѣло? вѣрно о своемъ помятѣ Слинггеби?

— Нѣтъ, батюшка; пожалуйста, садитесь, и выслушайте меня со вниманіемъ.

Лорду Сексингему стало и немножко странно, и любопытно. Онъ сѣлъ, и молча, съ безпокойствомъ смотрѣлъ въ лицо дочери.

— Вы были ко мнѣ всегда чрезвычайно снисходительны, начала Флоренція, я съ дѣтства пользовалась гораздо большею свободою, чѣмъ бѣольшая часть молодыхъ дѣвушекъ. Повѣрьте милый батюшка, что я вполне цѣню вашу любовь и ваше довѣріе, и благодарна вамъ за нихъ. До-сихъ-поръ я была взбалмошною дѣвушкою, но я

решалась исправиться; и для первого шагу, я прошу вашего согласія, чтобы избрать себя наставника и руководителя.

— Избрать что? спросилъ лордъ Сексмингемъ.

— Въ другихъ словахъ, я — я — ну, надо же вамъ сказать, я думаю выйти замужъ.

— Герцогъ *** былъ здѣсь сегодня?

— Не знаю. Но я не герцогу обѣщала свою руку, — меня плѣшило болѣе рѣдкое и высокое достоинство. Министръ Мальтреверсъ....

— Мальтреверсъ, — Мальтреверсъ — мнѣ кажется, ты съ ума сошла съ своимъ Мальтреверсомъ! Объ этомъ и не проси, никогда не соглашусь на подобную глупость. Конечно, онъ дворянинъ, очень хорошей фамиліи, — съ состояніемъ, — умнѣ, — все что угодно; но — ну, да что тутъ и говорить! я никогда не соглашусь. Съ твоимъ еще богатствомъ!

— Батюшка, я не выйду замужъ противъ вашей воли, не смотря на то, что мое богатство принадлежитъ мнѣ, по волѣ покойной ма- тушки, и что я совершеннолѣтна.

— Ну, вотъ хорошо; такъ должна думать почтительная дочь. Теперь оставь меня, мнѣ надо одѣваться, не то мы опоздаемъ.

— Нѣтъ, батюшка, еще минуту, сказала леди Флоренція, умилно обнявъ руками шею отца. — Я выйду замужъ за министра Мальтреверса, но съ вашего согласія. Разсудите сами; если я выйду за герцога ***, онъ захочетъ получить за мною все мое богатство, какъ оно есть. Я могу располагать десятью тысячами фунтовъ въ годъ. Если я выйду за Мальтреверса, предоставляю этотъ доходъ вамъ; — это было всегдашнимъ моимъ намѣреніемъ; конечно это щедрое вознагражденіе за ваши попеченія, за вашу любовь, но оно будетъ вамъ служить доказательствомъ, что ваша Флоренція не небогатая дочь.

— Не хочу; слышать не хочу.

— Пойдите, дайте вразумить себя. Вы небогаты, и если когда оставите службу, будете получать очень незначительную пенсію; а жалованіе ваше по мѣсту, я не разъ слышала отъ васъ самихъ, не манжетъ вамъ быть иногда въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Кому дочери давать излишекъ своего имущества, какъ не отцу? и есть кого можно отцу принимать такую помощь, какъ не отъ дочери, которая никогда не будетъ въ состояніи отблагодарить его за

его любовь? Это, впрочемъ, все неважно; но вы никогда еще не отказывали ей ни въ малѣйшей прихоти, — ноусли вамъ становитъ духу разрушить всѣ надежды на счастье, какія можетъ когда либо имѣть ваша Флоренція?

Флоренція плакала, и лордъ Сексингемъ былъ такъ тронутъ, что даже самъ прослезился. Не хотѣвъ обижать его, сказавъ, что денежная часть предложенной сдѣлки совершенно склонила его на желаніе дочери; но она была такъ ловко введена, что первая начала смягчать его сердце. Онъ, можетъ-быть, разсудилъ, что лучше имѣть добрую и благодарную дочь-помощницу, чѣмъ герцогиню, да жадную и неблагодарную. Какъ бы то ни было, а несомнѣнно то, что прежде чѣмъ лордъ Сексингемъ приступилъ къ своему туалету, онъ обещалъ не противиться браку, и просилъ только, чтобы свадьба была назначена не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца. Устроивъ дѣло съ отцомъ, Флоренція вышла отъ него, счастливая и радостная какъ сама Флора, когда весеннее солнце уберетъ землю въ одинъ роскошный садъ. Никогда еще она не думала такъ мало о своей красотѣ, и никогда не казалась такъ прекрасна, какъ въ этотъ вечеръ. Но Мальтреверсъ былъ блѣденъ и задумчивъ и Флоренція напрасно старалась встрѣтить его взоръ во все время объѣда, которое показалось ей нестерпимо долгимъ. Потомъ однако же, они сошлись, и весь вечеръ бесѣдовали одни, поодаль отъ общества. Сердце Мальтреверса начало подчиняться естественному дѣйствию красоты Флоренціи; а для Флоренціи этотъ вечеръ былъ однимъ изъ тѣхъ, которыхъ каждая часть, каждую минуту память наша хранитъ какъ самыя блаженныя мгновенія въ жизни.

Забавно было бы послушать короткое объясненіе между лордомъ Сексингемомъ и Мальтреверсомъ, происходившее въ тотъ же вечеръ, въ кабинетъ лорда. Къ невыразимому удивленію лорда Сексингема, Мальтреверсъ не сказалъ ни слова о томъ, какъ дерзко и самонадвѣнно было отъ него добиваться руки леди Флоренціи; холодно, сухо, почти надменно сдѣлалъ онъ свое предложеніе. Какъ будто, — говорилъ потомъ лордъ Сексингемъ Феррерсу, какъ будто онъ дѣлаетъ мнѣ неслыханную честь тѣмъ, что женится на моей дочери, беретъ первую красавицу во всемъ Лондонѣ съ пятидесятью тысячами фунтовъ въ годъ приданого. Но это было въ характеръ Мальтреверса; еслибъ онъ просилъ руки дочери бѣднаго сельскаго пастора, безъ гроша приданого,

онъ былъ бы смиреннѣйшимъ изъ смиренныхъ. Почтенный лордъ былъ въ ужасномъ замѣнательствѣ, и не зналъ что отвѣчать; гордый видъ будущаго зятя наполнялъ его даже какимъ-то невольнымъ почтениемъ; онъ не упомянулъ даже объ уговорѣ, заключенномъ съ дочерью относительно времени свадьбы. Онъ рассудилъ, что лучше предоставлять устроить все это самой леди Флоренціи. Будущіе тестъ и зять холодно пожали другъ другу руку, и разошлись. Затѣмъ, Мальтреверсъ отправился къ Кливленду; добрый старикъ принялъ вѣсть съ такимъ восхищеніемъ, съ такимъ восторгомъ, и такъ умилно поздравлялъ его, что Мальтреверсъ почувствовалъ, что грѣшно было бы ему не считать себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ къ мистру N**, чтобы отвергнуть его предложеніе.

На слѣдующее утро лордъ Сексингемъ, по обыкновенію, позвалъ по своей должностн въ Лондонъ, а леди Флоренціи и Эрнесту опять представился случай скитаться вдвоемъ по парку.

Тутъ души ихъ раскрылись въ тѣхъ завѣтныхъ признаніяхъ, равно сладостныхъ для говорящаго и для слушающаго. Флоренція говорила о своемъ дѣтствѣ, о томъ, какъ развивалась ея душа въ одиночествѣ и размышленіи, о своихъ отроческихъ надеждахъ и мечтахъ. Вокругъ нея не было ничего, что могло бы возбуждать въ ней участіе или удивленіе; ничто не давало пищи ни высокимъ потребностямъ энтузіазма, ни болѣе нѣжнымъ потребностямъ сердца, и она должна была обратиться къ созерцаціи и къ книгамъ. Такое соединеніе способности ума съ чувствомъ, не находящимъ себя пищи въ вѣннемъ мірѣ, поражаетъ поэзію, дѣтя мысли и чувства. По этому, отрокъ, надвѣнный большими способностями, чѣмъ его сверстники, и брошенный въ одиночество, почти всегда дѣлается поэтомъ и Флоренція также была поэтъ. Въ такихъ душахъ, первая книга, въ которой они находятъ осуществленіе своихъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ и чувствъ, всегда возбуждаетъ восторгъ. Одинокая, гордая, тоскливая душа Мальтреверса, проглядывавшая во всѣхъ его сочиненіяхъ, открыла Флоренціи тайны собственной ея души. Она почувствовала непреодолимое, таинственное влеченіе къ человѣку, котораго умъ имѣлъ такое могущественное вліяніе на собственный ея умъ. Она стала ближе знакомиться съ его стремленіями, съ его дѣятельностью, находить какое-то соотношеніе между его

внѣшнюю и духовную жизнь; ей казалось, что она понимала въ немъ тѣ черты, которыя другимъ казались темными и необъяснимыми. Она никогда не видала его, однако же онъ былъ неотлучнымъ ея другомъ. Его стремленіе, его слава сдѣлались для нея какъ бы ея собственными. Въ увлеченіи своего юнаго, пылаго воображенія, она вздумала писать къ нему, никакъ не предполагая, чтобы это могло открыться, даже не думая о послѣдствіяхъ своего поступка; вскорѣ, писать ему—сдѣлалось для нея такою же потребностью, какъ для поэта—высказать передъ публикою мысли, тѣснящіяся въ его душѣ. Наконецъ она увидѣла его, и дѣйствительность не разрушила ея мечты. Она не поддавалась бы очарованію, еслибъшла его въ числѣ другихъ своихъ поклонниковъ. Но смѣсь откровенности въ рѣчахъ и холодности въ обхожденіи, подстрекнула ея самолюбіе, и оно сдѣлалось союзникомъ ея воображенія. Наконецъ они встрѣтились опять у Кливленда; разговоры ихъ стали свободнѣе, они поклялись въ дружбѣ, и тогда только Флоренція повѣдала, что она добровольно погубила свое будущее счастье, давъ волю своимъ мечтамъ; однако же ей все казалось, что Мальтреверсъ любилъ ее, не смотря на то, что онъ никогда не говорилъ о любви. Во всѣхъ его словахъ, въ обхожденіи, она видѣла столько преданности и почтенія; въ обхожденіи Мальтреверса съ женщинами и въ чувствахъ его къ нимъ было вообще много стариннаго, рыцарскаго характера, а что относилось ко всему полу, Флоренція, привыкшая покорять и побѣждать все вокругъ себя, приписала себѣ одной. Довольно естественно было предположить, что ея богатство и высокое положеніе въ свѣтѣ удерживали гордаго и безкорыстнаго Мальтреверса отъ призванія; она надѣялась, вѣрила, что это было главною причиною его молчанія; но въ то же время она видѣла опасность, и наконецъ гордость ея встревожилась. Въ этихъ обстоятельствахъ она рѣшилась приняться за прежнюю роль; написала къ Мальтреверсу и хотѣла на слѣдующій день взять въ городъ, чтобы послать письмо къ нему на квартиру, откуда она знала, что оно будетъ немедленно доставлено ему. Въ этомъ письмѣ она говорила о пребываніи его у Кливленда и объ отношеніяхъ его къ ней самой, и убѣждала его, если онъ ее любилъ, открыть ей; если же нѣтъ, — то удалиться отъ нея. Письмо было искусно придумано и краснорѣчиво; ей хотѣлось однимъ ударомъ рѣшить свою судьбу. Это—то письмо было при ней во время

сидѣнія ея съ Мальтросерсомъ; остальное читателю уже известно. Все это Флоренція открыла своему возлюбленному, краснѣя отъ стыдливости и счастья. И мудро ли, что когда она заключила признаніе въ кривизнѣ, робкнмъ вопросомъ, не поступила ли она слишкомъ опрометчиво, не нарушила ли приличій и женской скромности, Мальтросерсъ крѣпко прижалъ ее къ груди, и принявъ шопотъ благодарности и восхищеннаго самолюбія за любовь. И эти чувства непримѣтно должны перейти въ любовь, если только позволятъ судьба и обстоятельства.

Въ это мгновеніе они пришли къ ручью. Все напоминало имъ вчерашній день; солнце также медленно склонялось къ западу; день былъ такой же ясный, очаровательный осенній день; они были одни, водѣмъ холма скрывалъ отъ нихъ домъ. Среди пустыни не могли бы они быть въ большомъ уединеніи. Они сидѣли на скамьѣ подъ столѣтнимъ вѣсомъ, который широко раскинулъ надъ ними свое дрожащее лѣтѣе. Не безмолвіе царствовало вокругъ нихъ, а слышались голоса природы, которые еще обаятельнѣе безмолвія; щебетаніе птицъ, тихій звонъ колокольчика среди стада овецъ, паснагося на противоположномъ берегу, шелестъ вѣтра между деревьевъ, и тихое журчаніе волнъ, обмывавшихъ у ногъ ихъ душистый тростникъ и стройную водяную лилію. Оба они нѣкоторое время молчали; Флоренція заговорила первая, но голосъ ея былъ тише и нѣжже обыкновеннаго.

— Такихъ минутъ счастья, сказала она, обращаясь къ Мальтросерсу, не можете доставить многолюдный свѣтъ, въ который зоветъ васъ ваше назначеніе. Для меня, кажется, честолюбіе уже не существуетъ; я достигла всего, чего могла желать; и меня не мучитъ болѣе стремленіе къ какой-то неясной цѣли, жажда какого-то неосязимаго владычества, которое называется славою и властью. Одна мысль, прерывающая еще подъ часъ безмятежное блаженство моей души, это — опасеніе утратить частицу того счастья, которымъ я теперь обладаю.

— О, я отъ души желаю, чтобы всѣ ваши опасенія были такъ же несбыточны, какъ эти!

— Такъ вы точно любите меня! Со вчерашняго вечера я безпрестанно повторяю себѣ эту одну фразу. Было время, когда я могла бы еще свыкнуться съ мыслью, что вы меня не любите; но теперь

эта мысль убила бы меня. Я уже отчаявалась быть когда-нибудь любимой ради себя самой. При моем богатствѣ, въ каждомъ словѣ любви я подозрѣвала корысть: во всѣхъ сердцѣхъ, преклоняющихся передо мною, мнѣ казалось будто я видѣла низкую змѣю свѣта. Но вы, Эрнестъ, — да, я чувствую, что вы никогда не стали бы выкапывать свое сердце на вѣсь золота, и если вы меня любите, то любите ради меня самой.

— И буду любить болѣе и болѣе, съ каждымъ часомъ.

— Не знаю, возразила Флоренція, грустно покачавъ головою; я боюсь, что вы будете любить меня менѣе, когда узнаете корочо. Я боюсь, что покажусь вамъ слишкомъ взыскательною, — я уже теперь начинаю чувствовать ревность. Давеча, когда вы сидѣли подлѣ леди Т^т, я почти уже ревновала васъ къ ней. Я хотѣла бы, чтобы каждый вашъ взоръ, каждое ваше слово принадлежало мнѣ одной.

Это признаніе не понравилось Мальтреверсу, а можетъ-быть, вохитило бы его, еслибъ онъ точно былъ влюбленъ. Дѣйствительно, ревность въ женщинѣ столь пламенной и властолюбивой, была такая страсть, передъ которой можно было призадуматься жениху.

— Не говорите этого, милая Флоренція, сказалъ онъ, съ задумчивою улыбкою; первымъ условіемъ истинной любви должна быть безграничная увѣренность; ревность же есть сомнѣніе, а сомнѣніе убиваетъ любовь.

Печаль мелькнула на слишкомъ выразительномъ лицѣ Флоренціи, и она тяжело вздохнула.

Въ это время Мальтреверсъ, случайно поднявъ глаза, увидѣлъ Лумлея Феррера, который приближался къ нимъ съ противоположной стороны те, расы; въ то же мгновеніе, густое облако заволочило небо, журчаніе воды стало жалобнѣе, и вѣтеръ стихъ; какое-то странное предчувствіе зла вонзилось въ сердце Эрнеста и обдало его холодомъ; онъ, какъ многіе люди съ пламеннымъ воображеніемъ, вѣрилъ предчувствіямъ.

— Мы не одни, сказалъ онъ вставая; вашъ двоюродный братъ слышалъ, вѣроятно, о нашей помолвкѣ, и вотъ онъ идетъ поздравить вашего счастливаго жениха.

— Скажите мнѣ откровенно, продолжалъ онъ разсѣянно, когда они пошли навстрѣчу Ферреру, очень вы любите Лумлея? что вы думаете о его характерѣ? Меня онъ рѣзительно сбиваетъ съ толку

иногда мнѣ кажется, что онъ чрезвычайно переизменился съ-тѣхъ-поръ, какъ мы съ нимъ разстались въ Италіи; иногда я нахожу, что онъ не переизменился, а только созрѣлъ.

— Я знаю Лумлея съ самаго дѣтства, отвѣчала Флоренція, и нахожу въ немъ много прекрасныхъ качествъ. Мнѣ нравятся его смѣлость и откровенность, его презрѣніе къ мелочности в лицемѣрїю свѣта; я люблю его за веселый и безпечный нравъ, и думаю, что сердце его гораздо лучше, чѣмъ кажется поверхностному наблюдателю.

— Мнѣ однако же кажется, что онъ эгоистъ и не имѣетъ никакихъ нравственныхъ убѣжденій.

— Это отъ того, что благородное презрѣніе къ порокамъ и слабостямъ людей приучило его въ дѣйствіяхъ своихъ соображаться только съ своею волею; и что, считая все, что дѣлается на шумномъ поприщѣ дѣйствія, ложью и обманомъ, онъ подвелъ и свое честолюбіе подъ общую личину. У него, конечно, нѣтъ генія; однако же онъ добьется почестей, которыя даются только немногимъ гениальнымъ людямъ.

— Потому что гениальный человекъ ставитъ честность выше всего, сказалъ Мальтреверсъ. Впрочемъ, вы научаете меня смотреть на него снисходительнѣе. Мнѣ подозрительны откровенность и прямота тѣхъ людей, которые являются лицемѣрами въ общественной жизни; можетъ-быть, я взялъ слишкомъ строгое мѣрило для своихъ сужденій.

— Лишній гость рѣдко бываетъ непріятенъ въ деревнѣ, сказалъ Феррерсъ, подойдя къ гуляющимъ; — и я надѣюсь, что именно меня только и не доставало, чтобы довершить очаровательность вашей прогулки.

— Вы удивительно какъ скромны, братецъ.

— Вы знаете, что скромность всегда была моею слабостью; но съ лѣтами и съ развитіемъ разсудка, я надѣюсь исправиться. — А, любезнѣйшій Мальтреверсъ, какъ поживаете?

И Феррерсъ съ удивительною любезностью просунулъ руку подъ руку Эрнеста.

— Кстати, вы, можетъ-быть, находите, что я сталъ фамильяренъ, — это отъ того, что я теперь принадлежу отчасти къ большому свѣту. Я попалъ въ тотъ разрядъ, надъ которымъ вы, потомки ста-

рынокъ домовъ, постигается; однимъ словомъ я послѣдствую ве-
ваго перскаго дома. Честное слово, мнѣ кажется, что я вырву изъ
полтора вершка!

— Какъ, мистръ Темпльтонъ....

— Уже не мистръ Темпльтонъ; мистръ Темпльтонъ уже не суще-
ствуетъ, умеръ; а изъ праха его вышелъ неумирающій сеньоръ,
лордъ Варгревъ. Мы хотѣли было выбрать себѣ титулъ повозче; Де-
Корваль, напримѣръ, было бы важнѣе, да въ дядюшкѣ нѣтъ рѣши-
тельно ничего норманскаго, такъ что оно вышло бы невозмож-
но. Такъ мы его и бросили. Варгревъ и благозвучно и прилично;
у дядюшки есть помѣстье, носящее это имя; онъ нынѣ баронъ Вар-
гревъ изъ Варгрева.

— Вотъ что! поздравляю.

— Благодарю. Однакоже не оглязьте; неравно леди Варгревъ изд-
мается еще разрушить всѣ мои надежды! Но не рисковать, такъ и
въ вѣкъ ничего не добиться! Завтра будетъ объявлено въ газетѣ
о пожалованіи дядюшки. Въ какомъ онъ восторгѣ, — этого и не
рассказать! А какъ онъ въ этомъ дѣлѣ много обязанъ мнѣ, то я
надѣюсь, что онъ не забудетъ поблагодарить меня; — а можетъ-
быть и возненавидитъ! — одно также возможно, какъ и другое. Сдѣ-
лаешь челоуку добро, а тамъ будетъ ли онъ тебѣ благодаренъ или
подниметъ носъ, это также невѣрно, какъ то, что карта непременно
ляжетъ направо, а не налево!

— Стало-быть эта хорошенькая дѣвочка — дочь мистрисъ Темп-
тонъ, то есть леди Варгревъ? спросилъ Мальтреверсъ разсѣяно.

— Да; и онъ ее очень любитъ. Правда, что дѣвочка оченъ мила.
Кстати, Мальтреверсъ, послѣднее засѣданіе было, противъ всякаго ожи-
данія, очень бурно. Голоса оченъ дѣлились, и насъ, было, довольно кря-
ко прижали. Я произнесъ отличную рѣчь, которая вѣскольке попра-
вила наши дѣла. Однакоже, можно ожидать нѣкоторыхъ переменъ;
пожалуй, что умѣренные вступятъ въ министерство. На будущій годъ
нелуудно, что васъ можно будетъ поздравить.

Говоря это, Феррерсъ устремилъ на Мальтреверса испытующій
взоръ. Но Эрнестъ отвѣчалъ холодно и уклончиво, а вскорѣ къ нимъ
присоединилось нѣсколько другихъ гостей, гулявшихъ по саду въ
ожиданіи звонка къ обѣду. Кливлендъ былъ оченъ занятъ выборомъ
мѣста для новаго фонтана и позвалъ Мальтреверса, чтобы рыска-

вопросъ, долженъ ли онъ бить изречеи цѣвника, или подъ огро-
вою, смоленившюся на одну сторону нвою. Между-тѣмъ какъ все
были заняты разсужденіями по этому важному предмету, Феррерсъ
отвелъ двоюродную сестру въ сторону и, нѣжно сжавъ ей руку,
сказалъ такимъ, томнымъ голосомъ :

— Милая Флоренція, я видѣлъ сегодня въ Лондонѣ лорда Сек-
сигема, и онъ сказалъ мнѣ, что вы невѣста Мальтреверса. Не смо-
тря на свои многочисленныя занятія, я не могъ не послышать сюда,
чтобы поздравить васъ и отъ искренняго сердца пожелать вамъ вся-
каго счастья. Вы, можетъ-быть, считаете меня человѣкомъ беспече-
нымъ, другіе называютъ меня эгоистомъ, но сердце мое горячо да-
тъ, кого я дѣйствительно люблю. А никогда родной братъ нево-
сылалъ такихъ усердныхъ молитвъ о счастьи любимой сестры, какъ
миланты бѣднаго Лумлея Феррерса о счастьи Флоренціи Лессельсъ.

Флоренція была и удивлена и тронута; въ голосъ и въ выражені-
яхъ Лумлея было нѣчто, столь непохожее на его обычную рѣчь.
Она съ жаромъ помала ему руку и благодарила его въ немногихъ
словахъ, но съ чувствомъ.

— Никто не можетъ-быть слишкомъ великъ и слишкомъ хорошъ
для васъ, Флоренція, продолжалъ Феррерсъ, — никто; и я думаю
безкорыстно и великодушно вашего выбора. Въ послѣднее время я
былъ во сговѣнъ въ ладахъ съ Мальтреверсомъ, однакоже я ува-
жаю его, какъ и васъ. Въ немъ много прекрасныхъ качествъ, и есть
благородное честолюбіе. Кромѣ искренней и страстной любви, кото-
рую вы, вѣроятно, возбуждали въ его сердце, онъ пойметъ, что онъ
обязанъ вамъ вѣчною благодарностью. Въ нашемъ аристократи-
ческомъ отечествѣ, рука ваша открываетъ ему самое блестящее, самое
высокое поприще. Теперь способности его будутъ измѣряться по дру-
гому масштабу; ему уже не нужно будетъ проходить черезъ нѣжныя
степени, онъ съ разу займетъ самыя высокія; а въ немъ еще болѣе
верности, чѣмъ честолюбія. По этому, какъ онъ долженъ благосло-
вить ту, которая вознеситъ его такъ высоко!

— О, онъ и не думаетъ о такихъ свѣтскихъ выгодахъ, онъ для
того слишкомъ безкорыстенъ, слишкомъ благороденъ! сказала Фло-
ренція съ горячностью. Въ душѣ его нѣтъ никакого корыстнаго,
продажнаго помысла!

— Конечно, нѣтъ; въ этомъ вы судите его совершенно справед-

ливо; да и не говорилъ, чтобы въ дунѣ его было какое-нибудь низкое чувство, потому что я убежденъ въ противномъ. Самыя цѣли, съ которыми онъ стремится, такъ высоки, въ немъ столько благородной гордости и поэзіи, что если онъ и помышляетъ о вашемъ богатствѣ и о вашей знатности иначе, то только развѣ какъ о средствахъ къ достиженію этихъ цѣлей.

— Вы и въ этомъ ошибаетесь, сказала Флоренція съ принужденною улыбкою, и блѣднѣя.

— Нѣтъ, продолжалъ Феррерсъ, будто не слышавъ ея возраженія, и слѣдуя нити своихъ мыслей. — Нѣтъ; я всегда говорилъ, что Мальтреверсъ сдѣлаетъ блестящую партію. Онъ не влюбится безразсудно въ дѣвушку бѣдную и низкаго званія; его любовь должна протекать столько же изъ его гордости, какъ и изъ сердца. Онъ великій человекъ, вы справедливо оцѣнили его. Да благословить Богъ вашъ выборъ и пошлетъ вамъ счастье, котораго вы оба достойны!

Съ этими словами Феррерсъ оставилъ ее и Флоренція явилась къ обѣду съ разстроеннымъ и пасмурнымъ лицомъ. Феррерсъ прогостилъ у Кливленда три дня. Онъ былъ чрезвычайно пріятенъ и даже дружелюбенъ къ Мальтреверсу, и мало говорилъ съ Флоренцію. Но зато-то небольшое, что онъ говорилъ ей, каждый разъ болѣе изощряло въ ея сердца ревность и тревожную раздражительность, къ которымъ она была склонна уже отъ природы. Чтобы вполне понять Флоренцію Лессельсъ, должно вспомнить, что при всѣхъ ея рѣдкихъ качествахъ, ее вовсе нельзя было назвать милою женщиною; въ ней не было ни одного изъ тѣхъ свойствъ, которыя внушаютъ любовь. Съ самаго ея дѣтства, въ ней была какая-то надменная суровость, которая удаляла отъ нея сердца окружающихъ ее. Лишенная нѣжныхъ ласкъ матери, не видѣвъ почти никогда около себя дѣтей своихъ лѣтъ, воспитанная оначала чопорной и сухой гувернанткою, а потомъ бѣдною и высокомерною родственницею, откуда взяла бы она ту мягкость и кротость обхожденія, которыми рождаются обыкновенно изъ взаимной родственной любви? Въ гордомъ сознаніи своего умственного превосходства и преимуществъ рожденія, общественнаго положенія и богатства, которыми ей вѣдали въ утробѣ почти съ колыбели, она выросла одинокою, нелюдимкою, властолюбивою и надменною. Отецъ болѣе гордился ею, чѣмъ исти-

но любить ее; дочадацы ее боялись и ненавидѣли, да и не могли любить ее, потому что она имѣла слишкомъ мало уваженія къ другимъ, слишкомъ мало снисхожденія къ ихъ слабостямъ и сочувствія къ ихъ нуждамъ и понятіямъ, чтобы снискать любовь подчиненныхъ; наконецъ общество молодыхъ дѣвицъ было для нея скучно и пошло; потому что она была слишкомъ учена и слишкомъ привыкла къ размышленію, чтобы довольствоваться ихъ рзвою болтовнею. Однимъ словомъ, куда она ни обращалась, нигдѣ ни одного существа, которое бы ее любило и которое бы она могла любить; ни одного существа, которое она могла бы назвать другомъ. А между тѣмъ сердце ея было способно къ любви самой пламенной, самой безграничной, и жаждало ея. Она чувствовала свое одиночество; но это сознаніе возбуждало въ ней не чувство скорби, а чувство досады, мести; оно озлобляло ее. Она хотѣла быть любимой, но не старалась снискать любовь. Ей казалось, будто судьба обрекла ее на то, чтобы никогда не быть любимой, и она винила судьбу, а не себя.

Когда, со всею гордою, чистою и благородною откровенностью своей души, она призналась Эрнесту въ своей любви, она ожидала отъ него любви такой же пламенной, такой же восторженной; она не могла довольствоваться меньшимъ. Но опытъ, память прошедшаго породили въ ея сердцѣ подозрительность; безпрестанный страхъ, что ее не любили, этотъ червь, точившій ея душу, готовъ былъ проснуться при малѣйшемъ признакѣ корысти въ ея возлюбленномъ. Мысль, что Мальтреверсъ могъ видѣть въ ея богатствѣ и знатности, что другое, кромѣ преграды его любви, была для нея невыносима. Если сердце ея жениха было подвижно чистою любовью къ ней самой, то ей уже все-равно было, было ли оно подвижно мелкою страстью къ деньгамъ, или другими побужденіями, какъ бы они ни были возвышенны. Феррерсъ очень хорошо зналъ чувствительныя струны ея сердца, и мастерски умѣлъ своими коварными похвалами Эрнесту возбудить противъ него ревность и подозрительность ея больной души.

— Удивительно, говорилъ онъ однажды вечеромъ, бесѣдуя съ Флоренцію, удивительно, какую полную и блестящую побѣду вы одержали надъ сердцемъ Эрнеста! Повѣрите ли? съ перваго разу, какъ онъ увидѣлъ васъ, онъ возымѣлъ противъ васъ сильное пред-

убиженію, и дѣло говорилъ, что вамъ можно только дивиться, но что любить васъ невозможно.

— Какъ, онъ говорилъ это? — впрочемъ, правда, онъ почти такъ говорилъ и въ самой.

— А теперь какъ онъ васъ любитъ! по-крайней-мѣрѣ, если судить по признакамъ.

— Какіе же это признаки, глубокомудрый Лумлей? спросила Флоренція, смялся шутить.

— Да во-первыхъ, вы вѣроятно уже и сами замѣтили, что онъ ни на минуту не спускаетъ съ васъ взоровъ; съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ, чѣмъ бы ни занимался, а глаза его все рыщутъ съ беспокойствомъ и нетерпѣніемъ, чтобы уловить одинъ каинъ взглядъ.

Флоренція вздохнула, и невольно устремила взоры въ противоположный конецъ комнаты, туда, гдѣ женихъ ея разговаривалъ съ Князьендомъ. Глаза Мальтреверса ни разу не обратились къ ней.

Феррерсъ, казалось, и не замѣтилъ явнаго противурѣчія, которое его теорія встрѣчала на опытѣ, и продолжалъ:

— Во-вторыхъ, оказалъ онъ, характеръ его совершенно измѣнился; въ лицѣ нѣтъ уже того невозмутимаго величія, въ голосѣ нѣтъ той твердости и того спокойствія. Онъ сталъ задумчивъ, робокъ, раздражителенъ; дышетъ, кажется, вамією у-ыбкою; чуть вы взглянете на другаго, его лицо дѣлается пасмурно; сойдетъ съ вашихъ устъ улыбка, и онъ становится печаленъ; весь сомѣнію, страхъ, трепетъ, беспокойство; — изъ прежняго властелина міра сдѣлался рабомъ призрака! Вотъ истинная любовь! такая любовь, какую должны внушать вы, и къ какой способенъ Мальтреверсъ. Что онъ способенъ къ такой любви, это я знаю, потому что самъ видѣлъ, какъ онъ любилъ другую. — Однако жъ, прибавилъ Лумлей, востынно, будто опасаясь, что высказалъ слишкомъ много, — лордъ Сексингемъ ищетъ меня, чтобы составить свою партію. Я уезжаю завтра утромъ; а вы, когда будете въ городѣ?

— На недѣль, отвѣчала Флоренція машинально. Лумлей удалился.

Черезъ минуту, Мальтреверсъ, который гораздо болѣе замѣчалъ за Флоренцію, чѣмъ она думала, приблизился и сѣлъ подле нея.

— Милая Флоренція, оказалъ онъ съ участіемъ; вы сегодня весь вечеръ ужасно блѣдны; здоровы ли вы?

— Сдѣлайте милость, увольте меня отъ изъясненія участія, ко-

чюраго вы не чувствуете! отвѣчала Флоренція. И губы ея приняли выраженіе презрѣнія, между-тѣмъ какъ изъ глазъ готовы были брызнуть слезы.

— Котораго я не чувствую, Флоренція?

— Не-крайней-мѣръ, вамъ въ первый разъ вздумалось такъ заботиться о моемъ здоровьи. Впрочемъ, и не стоить заботы!

— Милая Флоренція, что значать эти рѣчи? чѣмъ я оскорбилъ васъ? Луилей ужъ не —

— Луилей говорилъ о васъ, какъ нельзя лучше. Не бойтесь, вы изъ тѣхъ людей, о которыхъ никто не отвѣтетъ безъ самой лестной похвалы. Но я не хочу удерживать васъ здѣсь! пойдите къ кознику, — вы оставили его одного.

Леди Флоренція не дожидаясь отвѣта, а Мальтреверсъ не стараясь удерживать ее. Онъ казался огорченъ, и когда она обернулась, чтобы уловить хоть одинъ его взоръ, его уже не было. Леди Флоренція была недовольна собой и встревожена; она говорила, смѣялась; но она сама не знала что говорила, а смѣхъ ея былъ судороженъ. Однако же, она еще довольно владела собою, чтобы убѣдить Кливленда, что она была въ необыкновенно веселомъ духѣ.

Нѣмого погодя, она встала, и прошла черезъ весь рядъ комнатъ; сердце ея просилось къ Мальтреверсу, но его нигдѣ не было. Наконецъ она вошла въ оранжерею, и въ открытое окно увидѣла его въ саду; онъ ходилъ медленно, сложивъ руки, при свѣтѣ луны. Нѣсколько мгновѣній происходила въ ея сердцѣ борьба, — между женскою гордостью и женскою любовью; послѣдняя одержала верхъ, и она пошла къ нему.

— Простите меня, Эрнестъ, сказала она, протягивая руку, а низвѣта.

Эрнестъ поцѣловалъ протянутую ему руку и сказалъ трогательнымъ голосомъ: — Флоренція, вамъ дана сила оскорблять меня, не употребляйте ее легкомысленно. Богъ мнѣ свидѣтель, что я никогда не захочу, изъ желанія показать свою власть надъ вами, причинить вамъ ни малѣйшаго огорченія. О, не воображайте, будто въ ссорахъ любящихся есть сладость, искупающая ихъ мученіе.

— Я говорила вамъ, Эрнестъ, что я слишкомъ взыскательна; я говорила, что вы не будете такъ любить меня, когда узнаете меня короче.

— И предсказаніе вамъ не оправдалось. Съ каждымъ часомъ, я люблю васъ болѣе, Флоренція; я люблю васъ болѣе, чѣмъ прежде думалъ, что буду въ состояніи васъ любить.

— Стало-быть, вскричала причудливая дѣвушка, будто съ умысломъ стараясь мучить себя, стало-быть, вы прежде не любили меня?

— Флоренція, я буду говорить съ вами откровенно: — я прежде не любилъ васъ. Теперь вы быстро приобретаете надо мною власть, большую, можетъ-быть, чѣмъ разсудокъ мой желалъ бы допустить. Будьте осторожны въ пользованіи этою властью; если вы точно желаете моей любви и дорожите ею, не вооружайте противъ себя моего разсудка. Я человекъ гордый. Самая мысль, что вы могли бы найти много партій, несравненно болѣе блестящихъ, не позволяетъ мнѣ быть такимъ смиреннымъ женихомъ, какими могли бы быть другіе. Я былъ бы недостоинъ васъ, еслибъ не умѣлъ сохранить уваженія къ себѣ.

Сердце Флоренціи отозвалось на эти слова. — Ахъ, вскричала она, простите меня на этотъ разъ; повѣрьте, что я сама не такъ скоро прощу себя.

Эристъ чувствовалъ, какъ дорога становилась ему эта женщина; и онъ боялся не быть въ состояніи наградить ее такимъ счастьемъ, какаго заслуживали ея жертвы. Въ душѣ онъ зналъ, что она не могла сдѣлать его счастливымъ; но не о томъ была его забота, не о томъ былъ его страхъ. Ея любовь вырвала изъ его благороднаго сердца всякій помыслъ о себѣ самомъ. Онъ думалъ только о томъ, какъ отплатить ей за ея любовь.

Они долго ходили по аллеѣ молча и въ размышленіи; Флоренція была задумчива, но спокойна и счастлива.

— Это ясное небо, эти свѣтлыя звѣзды, сказалъ наконецъ Мальтреверсъ, не научаютъ ли насъ, что покой составляетъ первое условіе человѣческаго достоинства, сущность человѣческой души? Мелкія развлеченія и самосозданныя заботы не свойственны нашей истинной природѣ; самая тяжесть ихъ доказываетъ, что они враждебны намъ. О, милая Флоренція, будемъ учиться у этихъ небесъ, надъ которыми поэзія древнихъ Грековъ простирала крылья первобытной невозмутимой любви, — чѣмъ должна быть земная любовь; чиста какъ свѣтъ, безмятежная какъ вѣчность, она должна бдѣть надъ бурнымъ міромъ, который она должна пережить и на-

рять влоско надъ тучами и туманами, свлочищимся внизу. Пусть мелкіе умы вносятъ въ чистѣйшее изъ чувствъ всю горечь, вся тревоги ежедневной жизни! а мы, — будемъ любить, какъ существа, знающія, что они будутъ никогда обитать тамъ, въ горнихъ селеніяхъ!

IV.

Ловкій и хитрый малый, который вездѣ найдеть лазейку, держать всегда ухо остро, чтобы не упустить выгоднаго случая.

Шекспиръ.

— И такъ, любезный Лумлей, говорилъ лордъ Сексингемъ племяннику, когда они оба, на другой день, ѣхали въ Лондонъ, въ экипажъ графа, — и такъ, ты самъ видишь, что это замужство Флоренци, съ какой стороны на него ни смотреть, не можетъ меня радовать.

— Конечно, оно имѣетъ свои невыгоды. Мальтреверсъ дворянинъ и человекъ съ талантомъ, но дворянинъ не рѣдкость, а отъ таланта его вамъ же хуже, потому что онъ никогда не будетъ изъ нашихъ.

— Именно; ну что будутъ говорить люди, когда зять мой станетъ дѣйствовать противъ меня?

— Человекъ разсудительный, практическій, перемѣнилъ бы свой образъ мыслей, но отъ Мальтреверса этого не жди; черезъ это замужство все помѣстїя, все влїяніе въ парламентъ, все богатства, которыя должны бы оставаться въ фамиліи и въ партіи, — выйдутъ изъ фамиліи и обратятся противъ партіи. Вы совершенно правы, любезный лордъ, — это замужство ужасно досадно.

— А могла бы выйти за герцога ***, у котораго сто тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода. Изъ рукъ вонъ какъ глупо!

— Даже въ обращеніи этотъ Мальтреверсъ человекъ ужасно неприятный, тяжелый! не правда-ли? Такой чопорный и важный.... онъ очень перемѣнился въ послѣдніе годы; сталъ поднимать носъ и скрытничать.

— Знаешь ли Лумлей; если бы хоть выбралъ въ свои друзья, то я, право, лучше желалъ бы знать зятюмъ тебя.

Лумлей вздрогнулъ.

— Вы шутите, милордъ! Эрнестъ богатъ, а у меня ничего нтъ; мнѣ нечего укрѣпить за женою; да и фамилія моя, по-крайней-мѣрѣ по матери, не такого стариннаго происхожденія.

— Имѣнья у Флоренціи достаточно и оно будетъ, укрѣплено за нею, а не за мужемъ; что же касается до роду, то въ наше время связи гораздо болѣе значать, чѣмъ нормандская кровь. Ты же, притомъ, почти навѣрное будешь наследникомъ старика Темпльтона, стало-быть самъ будешь перомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получишь порядочную сумму денегъ; а наличныя деньги никогда не мѣшаются; — въ палатѣ тебѣ везеть; ты принадлежишь къ нашей партіи, не сегодня, такъ завтра получишь хорошее мѣсто; и вдобавокъ, говоря безъ лести, ты предобрый малый. Честное слово, по моему въ тысячу разъ лучше было бы, еслибъ Флоренція вздумала влюбиться въ тебя.

Лумлей Феррерсъ наклонилъ только голову, но не говорилъ ни слова. Онъ задумался, а лордъ Сексингемъ раскрылъ свой красный портфель, и, погрузившись въ чтеніе бумагъ, совершенно забылъ и о дочери, и о предстоящемъ ей замужствѣ.

Когда карета въѣхала въ улицу Поль-моль, Лумлей дернулъ суворокъ и велѣлъ высадить себя передъ клубомъ «Путешественниковъ». Между-тѣмъ, какъ лордъ Сексингемъ отправился рѣшать государственныя дѣла, хотя не въ состояніи былъ справиться съ домашними дѣлами, Феррерсъ освѣдомился о жителствѣ Кастручіо Чезарини; швейцаръ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, потому что Кастручіо всегда самъ приходилъ за письмами, присылавшимися на его имя, и никто не зналъ его адреса. Феррерсъ написалъ ему записку, прося его зайти къ нему, отдалъ ее швейцару и отправился домой. Онъ вошелъ въ свой кабинетъ, открылъ письменный столъ, и вынулъ письмо, которое, если читатель не забылъ, Мальтреверсъ писалъ къ Чезарини, и которое Лумлей хранилъ у себя. Онъ со вниманіемъ перечиталъ его два раза, и лицо его просіяло, глаза засверкали отъ радости. Пора познакомить читателя съ содержаніемъ этого письма, оно было слѣдующее:

«Секретно».

«Любимый Цезарини!

«Дружеское ваше расположеніе мнѣ чрезвычайно лютно и пріятно. Я долженъ оглянуться съ вами, хотя съ прискорбленіемъ, во многое, что вы говорите о супружествѣ. Что же касается до леди Флоренціи, никто лучше ея не умаетъ обворожить человека, ослабить его и вскружить ему голову. Не можетъ ли она доставить счастье мужу въ семейномъ быту? — можетъ ли она любить и сочувствовать, тогда какъ она привыкла только повелевать? способна ли она понинуть причуды и неровность нрава, „свойственныя раздражительному племеніи поэтовъ, и покоряться мнѣ? — будетъ ли дозволяться поклошеніемъ одного сердца. Я не довольно знаю ее, чтобы рѣшить эти вопросы, но довольно видѣлъ ее, чтобы жалѣть ея, и чтобы опасаться за счастье того человека, который ввзрять его такой самолюбивой, тщеславной и надменной женщиной. Вы напоминаете мнѣ о ея богатствѣ, о ея положеніи въ свѣтъ; вы скажете, что для честолюбивой души эти условія отырываютъ путь къ почестямъ, и следовательно къ счастью. Увы! Я боюсь, что тотъ, кто женится на леди Флоренціи, долженъ будетъ ограничить свои мечты о счастьи этою жалкою и обманчивою существенностью. Но Цезарини, не то еще сказалъ бы я вамъ, еслибъ былъ съ вами короче. Я сомнѣваюсь въ существованіи нѣжныхъ чувствъ, которыя вы полагаете, будто она питаетъ къ вамъ; она любитъ играть жертвами, которыя завлекло ея кокетство. Ея самолюбію пріятно показать свою власть надъ чувствами мужчинъ; конечно, когда-нибудь она будетъ его жертвою, но не думайте, чтобы это время уже пришло. Во всякомъ случаѣ умоляю васъ быть очень осторожнымъ. Больше сказать вамъ я не могу.

«Вашъ

«Э. Мальтреверсъ».

— Ура, паша взяла! вскричалъ Лумлей, бросивъ письмо на столъ, и вотиралъ руки въ восторгъ. — Когда я спряталъ это письмо на всякій случай я и не думалъ, чтобы оно пришлось такъ хорошо къ моментъ плаванья. Измѣненій потребуется меньше, чѣмъ я полагалъ, и такіа, что каждый сумалъ бы ихъ сдѣлать. Пробѣгу еще разъ.... Глянь! вотъ первая перемѣна: «но довольно видѣлъ ее, чтобы

жалеть о васъ, и опасаться» и прочая. Вместо о васъ оставили о себѣ. Далѣе все какъ слѣдуетъ до словъ: «важныя чувства, которыя вы полагаете, что она питаетъ къ вамъ — въсто къ вамъ, — ко мнѣ. Остальное пройдетъ. Теперь подчистить число, означитъ текущимъ мѣсяцемъ и — готово. Скорѣе бы принять этотъ полюбившій Итальянецъ! Если только удастся въ конецъ посорить ее съ Мальтреверсомъ, то мнѣ уже, кажется, нечего будетъ бояться; въ своемъ негодованіи, въ досадѣ, она выйдетъ за перваго, кто посватается, чтобы только отомстить Мальтреверсу. А если я и промазусь, — чего никакъ нельзя ожидать, — все-таки и то будетъ выиграно, что Флоренція останется по прежнему завидною невѣстою для какаго-нибудь герцога, изъ нашихъ. Такое родство принесетъ мнѣ большую пользу; между-тѣмъ какъ выйдя она за Мальтреверса, — для меня одна потеря, а выгоды ровно никакой. — Но нѣтъ, не отобьютъ ее у меня ни герцоги, ни графы. — Флоренція Феррерсъ; поэтъ можетъ быть найдеть это сочечаніе неблагозвучнымъ, но для меня эти два имени будто созданы другъ для друга.

Лумлей важно придвинулъ чернилицу: — Ай, ай! Нѣтъ даже перочиннаго ножичка.... впрочемъ пемудрено, я никогда не чищу перьевъ; досадно, надо еще послать купить!

Онъ позвалъ слугу и велѣлъ ему купить ножичокъ; но слуга не успѣлъ еще воротиться, какъ раздался звонокъ и вслѣдъ за тѣмъ явился Чезарини.

Лумлей встрѣтилъ его съ печальнымъ видомъ. — Ахъ, вскричалъ онъ, какъ я радъ, что вы пришли; вы извините, что я такъ нецеремонно писалъ къ вамъ. Вы получили мою записку? — Садитесь, пожалуйста. — Какъ ваше здоровье? вы что-то кажетесь разстроены! — Чѣмъ прикажете угостить?

— Вина, отвѣчалъ Чезарини отрывисто; — вина! въ вашѣмъ климатѣ непременно нужно пить вино!

Въ эту минуту явился слуга съ перочиннымъ ножикомъ и получилъ приказаніе подать вина и закуску. Въ ожиданіи ихъ Лумлей сталъ говорить о разныхъ пустякахъ. Когда же вино было подано, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что Чезарини опоражнивалъ стаканъ за стаканомъ, какъ бы чувствуя потребность искусственнаго возбужденія. Наконецъ онъ поставилъ стаканъ на столъ и устремивъ свои

черные глаза на Феррерса, сказалъ ; — Вы желаете что-нибудь сообщить мнѣ ; я вижу это по вашему лицу. Говорите, я васъ слушаю :

— Такъ слушайте. Ваши подозрѣнія оправдались ; ревность самый верный гадатель. Я увѣренъ, что Отелло былъ совершенно правъ, а Дездемона была не лучше, чѣмъ ей следовало быть. Мальтреверсъ сватался къ кузинѣ и получить ея согласіе.

Чезарини поблѣднѣлъ какъ смерть ; все тѣло его задрожало какъ листъ ; нѣсколько минутъ, казалось, будто у него отнялся языкъ.

— Проклятіе ! проревѣлъ онъ наконецъ съ усиліемъ и скрежеща зубами : — я проклинаю его изъ глубины своей разтерзанной души !

— И послѣ такого письма, какое онъ писалъ къ вамъ ! — помните ? — предостерегалъ васъ противъ нея, для того, чтобы самому воспользоваться ею ! Вотъ такъ вѣроломство !

— Адское вѣроломство ! но я Итальянецъ, вскричалъ Чезарини, вскочивъ на ноги и съ лицомъ, въ которомъ горѣли все огненные страсти юга ; — я Итальянецъ, и отомщу ему ! Я разоренъ, обманутъ въ своихъ надеждахъ, сердце мое разтерзано горестью, но мнѣ остается еще — месть !

— Ужъ не хотите ли вызвать его на дуэль ? сказалъ Лумлей спокойно и съ разстановкою. — Вы увѣрены, что не промахнетесь ? если такъ, то пожалуй, можно подумать о дуэли ; если же нѣтъ, то это просто дурачество ! Вы промахнетесь, онъ выстрѣлитъ на воздухъ, секунданты вступятся и вы разойдетесь, въ восхищеніи, что все обошлось такъ дешево. Дуэли — одно фанфаронство !

— Мистръ Феррерсъ, гнѣвно сказалъ Чезарини, здѣсь шуткамъ не мѣсто.

— Я и не думаю шутить, Чезарини, сказалъ Лумлей, съ выраженіемъ твердой рѣшимости, передъ которымъ ярость Итальянца была просто ребячествомъ ; тѣмъ болѣе, что я самъ ненавижу Мальтреверса ; его превосходство, его холодная гордость, его успѣхи, такъ бьютъ меня, — а всего болѣе мысль, что онъ будетъ мужемъ леди Флоренціи, — что я готовъ отдать руку на отсѣченіе, еслибъ это могло разстроить свадьбу ! Я не шучу, Чезарини, но въ ненависти я не теряю разсудка, и дѣйствую съ размышленіемъ ; таковъ нашъ англійскій обычай.

Чезарини мрачно взглянулъ на Феррерса, крикомъ сжалъ его руку, пробормоталъ что-то, и сталъ быстро ходить по комнатѣ.

— Вы хотите мщения, я тоже. Но чѣмъ же вы будите мести? сказала Феррерсъ.

— Возьмѣ ему книжалъ въ сердце!... вы!...

— Бросьте эти трагическія замашки; не жмурьте бровей, не топайте ногами; — садитесь, и будьте разсудительны, или оставьте меня и дѣйствуйте за себя одни.

— Мистръ Феррерсъ, сказалъ Чезарини, и взоры его такъ засверкали, что испугали бы челоуька не столь холоднаго и рѣшительнаго характера, какъ Феррерсъ; — не забывайте, что затрогивать челоуька въ отчаяніи — опасно.

— Вы въ отчаяніи, и не хотите моей помощи; вы разорены, а говорите какъ поэтъ, когда должны бы придумывать и устроить средства къ достиженію несмѣтнаго богатства. Я вѣрю, что вы честолюбивы, и жаждете мести; но для удовлетворенія этихъ двухъ страстей осторожность также необходима, какъ смѣлая рука.

— Чего же хотите отъ меня? Чѣмъ могу я довольствоваться, кромѣ его жизни?

— Убивайте его, если можете, и если это вамъ пріятно! я этому не противлюсь; ступайте, но подумайте объ одномъ: если вы промахнетесь, или если онъ, будучи сильнѣе и ловче васъ, останется побѣдителемъ, васъ заключать въ домъ умалишенныхъ на годъ или на два, по-крайней-мѣрѣ! Я не желалъ бы провести зиму въ такомъ мѣстѣ, признаюсь откровенно. Впрочемъ, это ваше дѣло, поступайте, какъ знаете.

— Вы! — вы! — да чтожъ вы такое для меня? Прощайте, сэръ, мнѣ некогда убивать время на разсужденія!

— Постойте, сказала Феррерсъ, видя что Чезарини собирался выйти изъ комнаты; — востойте немного, садитесь и слушайте: не лучше ли....

Чезарини сначала колебался, но потомъ машинально повиновался и сѣлъ.

— Прочтите письмо, которое Мальтреверсъ писалъ вамъ. Прочли? хорошо. — Теперь слушайте. — Если бы Флоренція видала это письмо, она никогда не вышла бы, не могла бы выйдти за того, кто его написалъ. Покажите ей письмо.

— Ахъ, мой добрый другъ! теперь вижу въ чемъ дѣло! Въ самомъ

дня, въ званіи письма осьмь выразованіи, которыхъ такая гордая женщина никогда не проститъ ! Дайте письмо, я отвезу его осьмь же минутой.

— Передайте, вы все испортили своею горячностью. Развѣ вы не знаете, что писаніе написано за пять мѣсяцевъ, когда Мальтреверсъ почти не зналъ леди Флоренціи. Онъ самъ признался ей, что тогда она не нравилась ему; следовательно она только болѣе будетъ гордиться своею побѣдою надъ нимъ : Флоренція усмѣхнется при видѣ этого письма и скажетъ : «Теперь онъ уже не то обо мнѣ думаетъ!»

— Вы хотите меня съума свести? Что вы хотите сказать? Но мы же говорили сейчасъ, что если она увидитъ это письмо, то не выйдетъ за того, кто ее писалъ?

— Да, говорилъ; но это письмо надо переправить. Надо подсчитать старое число, и поматить его сегодняшнимъ числомъ ; — да, сегодняшнимъ ; Мальтреверсъ долженъ возвратиться сегодня въ городъ. Притомъ оно не можетъ быть отвѣтомъ на письмо, въ которомъ вы просите его совета и его мнѣнія на счетъ *вашего* брака съ леди Флоренціею; оно должно быть представлено, какъ отвѣтъ на письмо, въ которомъ вы поздравили *ее* съ предстоящею его женитьбою. Для этого стоитъ только переименовать два мѣстоименія и письмо принимаетъ совершенно другой видъ. Прочтите его еще разъ и увидите ; — или нѣтъ, стойте ; я самъ прочту его вамъ вслухъ.

Феррерсъ прочелъ письмо, и съ измѣненіями, которыя онъ придумалъ, оно действительно вполне соответствовало цѣли, для которой онъ думалъ употребить его.

— Что касается до совета быть осторожнымъ, продолжалъ Феррерсъ, это можетъ значить, что онъ проситъ васъ не проболтаться пометъ письма, въ которомъ онъ открывается вамъ, какъ другу. Вы знаете ли теперь, чего я хотѣлъ? Съумаете ли вы справиться съ этимъ деломъ, которое требуетъ тонкости, осторожности, ловкости, а главное — присутствія духа ; — качества, которыми вообще достаточно надѣлены ваши соотечественники.

— Я на все готовъ, можете положиться на меня. Оно, можетъ, и нѣтъ, и плохо, но мнѣ все равно, не потерплю, чтобъ Мальтреверсъ преграждалъ мнѣ путь, торжествовалъ надо мною во всемъ.

— Гдѣ вы живете?

— Гдѣ? не далеко, за городомъ.

— Оставайтесь у меня на несколько дней; я боюсь оставить васъ

одного. Помните за своими вещами, у меня есть свободная комната, которую я охотно отдаю вамъ.

Цезарини хотѣлъ было отказать, но человекъ, рѣшившійся на преступленіе, боится одиночества и нуждается въ обществѣ. Онъ отпра-вился самъ за своими вещами и обѣщалъ воротиться къ обѣду.

Въ нѣсколько минутъ, съ помощью ножичка и пера, подчистки и поправки были благополучно кончены, за исключеніемъ перемѣны числа, которую Феррерсъ разсудилъ повременить, чтобы сообразиться съ обстоятельствами.

— Кажется я мастерски поддѣлялся подъ его руку, — подумалъ онъ, — тѣмъ-болѣе, что никогда не учился такимъ вещамъ. Однакоже, при внимательномъ разсмотрѣніи, можно замѣтить подчистки. Цезарини долженъ самъ прочесть письмо, а тогда, если она даже и станетъ разсматривать его сама, негодованіе и досада отуманятъ ей глаза и она ничего не увидитъ. Главное — не оставлять ей письма, и взять съ нее слово хранить ненарушимо тайну. Она благородна, и ни за что не нарушитъ слова. — Стало быть, дѣло и устроено. Я какъ разъ успѣю еще до обѣда съѣздить къ дядѣ и поздравить старика.

V.

Затѣмъ лордъ имѣетъ еще многое сказать вамъ.

Краббъ.

Лордъ Варгревъ сидѣлъ одинъ въ кабинетѣ, разсматривая свои счетныя книги. Онъ тщательно подводилъ итоги суммамъ, пущенымъ въ разные обороты. Результатъ, повидимому, былъ самый удовлетворительный, потому что богатый лордъ бросилъ перо съ радостнымъ видомъ.

— Сто двадцать тысячъ фунтовъ употреблю на покупку земель, — только сто двадцать тысячъ, болѣе не дамъ. Куплю также прекрасный домъ — домъ приличный дворянину, — великолѣпный, старинный домъ елисаветинскихъ временъ, — домъ чѣмъ-нибудь памятный въ исторіи. Будутъ при немъ лѣса и озера — а главное паркъ съ оленями. Олени — самая дворянская потѣха. Де-Клифорды, — я знаю, —

принять свой родовый домъ, но они просятъ дорого; впрочемъ на-
личныя деньги соблазнительны. Я могу торговать — я на это всегда
былъ мастеръ. Былъ ли бы я теперь лордъ баронъ Варгревъ, еслибъ
всегда давалъ людямъ, цѣну, которой они просятъ? Удвою также
свои пожертванія въ пользу благотворительныхъ обществъ. Никто
не скажетъ, что Ричардъ Темпльтонъ не достоинъ своего высокаго
званія. Я... Войдите; кто тамъ? войдите.

Дверь тихо отворилась, и показалось кроткое лицо новой миледи.

— Я вамъ помѣшала? — извините, — я сейчасъ....

— Войдите, войдите, мнѣ нужно съ вами поговорить, миледи;
садитесь, пожалуйста.

Леди Варгревъ повиновалась.

— Вы сами должны понимать, началъ перъ, поглаживая объ-
емъ руками по лѣвому колену, между-тѣмъ какъ его важная особа
покачивалась въ креслахъ взадъ и впередъ.

— Вы должны понимать, что пожалованное мнѣ титуло повлечетъ
за собою большую перемѣну въ нашемъ образѣ жизни, мистрисъ
Темплъ.... леди Варгревъ, хотѣлъ я сказать. Эта дача хороша, —
мое помѣстье также недурно для провинціального помѣщика; но те-
перь мы должны поддержать свое званіе. Мое помѣстье перейдетъ
въствѣ съ титуломъ Лумлею, — а я куплю другое, которымъ я могъ
бы располагать, которое будетъ совершенно моимъ; это будетъ
великолѣпное имѣніе, леди Варгревъ.

— Для меня и эта дача слишкомъ великолѣпна, отвѣчала леди
Варгревъ боязливо.

— Слишкомъ великолѣпна! полноте дурачиться, леди Варгревъ,
вора вамъ понять, что такія скромныя понятія вамъ уже неприличны.
Леди Варгревъ, вы молоды, и слѣдовательно вамъ не трудно принять
новыя привычки, можетъ быть легче чѣмъ мнѣ; у васъ отъ при-
роды благородная наружность; у васъ есть вкусъ, вы говорите мало,
не выказываете своего невѣжества — чѣмъ же вы не леди? Вы дол-
жны быть представлены ко двору, леди Варгревъ, — мы должны да-
вать большіе объѣды, леди Варгревъ. Абонированная ложа въ оперѣ
очень прилична вашему званію, леди Варгревъ, и я думаю....

— Любезный мистръ Темпльтонъ....

— Лордъ Варгревъ, миледи, позвольте вамъ это напомнить.

Т. СМ. — Отд. II.

— Выхвата! Дай Богъ вамъ долго наслаждаться этими поцелунами; но и, любезный лордъ, — не могу раздаться иль съ женою; только при прежнемъ скромномъ и уединенномъ образѣ жизни, могла и забывать прошедшее. Вы будете меня, когда поверите о дѣлѣ, — о....

— Леди Варгревъ! не всему можно привидѣться. Ну хотя, волюмъ ли я на челоузка, который стоялъ некогда за конторкой? А наша дочь, — наша милая Эвелина! весь Лондонъ будетъ любоваться ею, будетъ носить ее на рукахъ; — она будетъ первою красавицею, богатою невѣстою, — о! она будетъ нашею гордостью и нашимъ счастьемъ!

— Правда, правда! сказала леди Варгревъ, и слезы выступили на ея глазахъ.

Лордъ Варгревъ былъ тронутъ; онъ всталъ, взявъ руку жены и нежно поцеловалъ ее въ лобъ.

— Ты одна мать не заслуживала любви своей дочери, болѣе тебя.

— Я надѣюсь, что я исполнила все свои обязанности въ отношеніи къ ней, отвѣчала леди Варгревъ, отирая слезы.

— Папаша, папаша! слышалась нетерпѣливый голосокъ надъ окномъ, сопровождаемый стукомъ въ стекло.

— Поидемъ играть со мною, папаша, поидемъ играть въ мячки.

Подъ окномъ стояла прелестная дѣвочка, цвѣтущая здоровьемъ и счастьемъ; белокурые волосы разивались вокругъ головки, и улыбка изрыла около ея рѣткихъ очаровательныхъ ямочки.

— Хорошо, душенька, поиди на лугъ; да не бѣгай слишкомъ много, — ты еще не совсемъ поправилаь отъ ушиба; я сейчасъ прииду къ тебѣ. Поиди!

— Не оставайтесь слишкомъ долго, папаша, — ничто не умѣетъ играть въ мячки лучше васъ.

И дѣвочка, прыгая и смеясь, убѣжала какъ маленькая фея.

Лордъ Варгревъ обратился къ жемъ.

— Какъ вамъ кажется мой племянникъ, Лумлей? спросилъ онъ вдругъ.

— У него очень доброе сердце, открытая и прямая душа.

Лордъ Варгревъ задумался.

— Я тоже думаю, сказала онъ послѣ некотораго размышленія, — и я надѣюсь, что вы одобрите то, что я хочу сдѣлать. Вы знаете,

то Лумлей верась въ мысли, что онъ будетъ моимъ наследникомъ; я долженъ дать ему что-нибудь кроме помѣстья, которое соединено съ моею титуломъ, но которое не можетъ поддержать его съ надлежащимъ блескомъ. Надо позаботиться о чести фамилии, о славу родоваго титула. Но большую, главную часть своего состоянія, я оставляю нашей милой дочери. Нельзя ли бы соединить богатство и титулъ? Это дало бы ей знатное званіе, и такимъ-образомъ исполнятся бы все мои желанія и все мои обязанности.

— Но, сказала леди Варгревъ, съ большимъ удивленіемъ, — если я васъ хорошо понимаю, разность лѣтъ....

— Такъ что жъ? это ничего не значить, леди Варгревъ! Развѣ есть разности лѣтъ между нами, еще большій разности чѣмъ между Лумсеємъ и этою дѣвочкою? Лумлей еще молодъ, очень молодъ, ему всего тридцать-пять лѣтъ; будетъ немного болѣе сорока, когда онъ женится; мнѣ было болѣе пятидесяти, когда я женился на васъ, леди Варгревъ, а я, кажется, былъ для васъ очень хорошимъ мужемъ.

— Да, правда; однако жъ....

— По моему, ничего нѣтъ глупѣе, какъ женить мальчишку на ребенкѣ; мужъ долженъ быть старше жены. Но у васъ такія романическія мысли, леди Варгревъ. Притомъ, Лумлей такой веселый мальшій, недурень собою и долго будетъ моложавъ. Была у него почти зазноба, правда, но она, я думаю, уже забыта. Они непременно полюбятъ другъ другу. Вы не будете дѣйствовать мнѣ наперекоръ, леди Варгревъ, и если Богу будетъ угодно.... жизнь ненадежна...

— О, не говорите этого, мой другъ, мой благодѣтель!

— Благодаря Бога, продолжалъ лордъ съ смущеніемъ, — я еще здоровъ и крѣпокъ, — даже чувствую себя будто моложе прежняго; однакожъ жизнь чловѣка не въ его рукахъ, и если вы меня переживете, я надѣюсь, что вы не захотите разстроить моего великаго замысла.

— Я — нѣтъ, нѣтъ; вы имѣете полное право рѣшать ея судьбу; но она такъ молода, у нея такое любящее сердце! если она полюбитъ кого-нибудь своимъ лѣтъ.

— Полюбитъ! какой вздоръ! любовь не придетъ въ голову дѣвушкѣ, если ее не вложимъ. Мы приучимъ ее любить Лумлея.

Лордъ Варгревъ говорилъ торжественно и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Сказавъ еще въ полголоса: да, это нужно для об-

щей пользы! — онъ взялъ шляпу и вышелъ. Онъ пошелъ на лутъ къ своей Эвелинъ. Онъ бѣгалъ, игралъ съ нею; куда дѣвалась его лордская чопорность и важность! онъ смѣялся громче ея, и бѣгалъ почти также скоро какъ она. А когда она устала и запылалась, онъ посадилъ ее подлѣ себя въ маленькой бесѣдкѣ, и приглаживая съ материнскою любовью ея разстрепанные волосы, сказалъ:

— Ты выбила меня изъ силъ, душа моя; я слинкомъ старъ, чтобъ играть съ тобою. Лумлей долженъ замѣнять меня. Ты любишь Лумлея?

— О, очень люблю! онъ такой веселый, такой добрый! и подарилъ мнѣ такую чудесную куклу, съ такими глазами!

— Когда ты подроснешь, мы женимъ его на тебѣ; хочешь быть его женою?

— Женою? нѣтъ; вѣдь мамаша твоя жена, а она не такъ счастлива, какъ я.

— Твоя маменька не совсѣмъ здорова, душенька, отвѣчалъ лордъ Варгревъ, не много смутившись. А развѣ не хорошо быть женою, имѣть свою карету и прекрасный домъ, и много бриллантовъ, и много денегъ, и дѣлать все что хочешь? Лумлей будетъ тебя очень любить.

— Да, я хочу имѣть все это.

— Онъ будетъ твоимъ защитникомъ, когда меня не будетъ на свѣтъ.

Голосъ отца, болѣе чѣмъ его слова, поразилъ сердце дѣвочки. Эвелина подняла глаза, устремила на него пристальный взоръ, обняла его и заплакала. Лордъ Варгревъ также отеръ глаза, и расцвѣловалъ ее.

— Да, ты будешь женою Лумлея, будешь знатною леди и наследницею моего имени, моего богатства.

— Я все сдѣлаю, чего папаша захочетъ.

— Ты будешь леди Варгревъ, а Лумлей будетъ твоимъ мужемъ, повторилъ отецъ торжественно. — Всегда помни мои слова и думай о томъ, что я тебѣ говорю. Теперь пойдемъ къ маменькѣ. Ахъ! да! вотъ и самъ Лумлей. Теперь еще не время говорить съ нимъ объ этомъ. Желательно только, чтобы ему не удалось съ леди Флоренцією.

VI.

Прекрасная чета, достойныхъ другъ друга
сердцецъ!

Шекспиръ.

Между-тѣмъ Мальтреверсъ и леди Флоренція возвращались въ Лондонъ. Тихая и прекрасная погода побудила ихъ отправиться верхомъ. Какой-то писатель сказалъ, что женихъ и невеста никогда не такъ хороши, какъ когда они вѣдьтъ; а Флоренція и Эрнестъ, вдобавокъ, никогда не были такъ хороши, какъ на статныхъ коняхъ. Ихъ стройная и гибкая осанка, правильныя черты лица, гордое положеніе головы придавали имъ нѣкоторое сходство другъ съ другомъ, хотя сравнивать ихъ было невозможно, потому что никакая красота не выдержала бы сравненія съ красотою Флоренціи. Когда они выѣзжали изъ воротъ Кливлендовой виллы, всѣ гости провожали ихъ; всѣ съ умиленіемъ смотрѣли на молодую чету; всѣмъ казалось, что она непременно должна быть счастлива, потому что оба казались созданными другъ для друга, и по душѣ, и по наружной красотѣ. Положеніе жениха и невесты всегда внушаетъ окружающимъ особенное участіе, и Мальтреверсъ и Флоренція сдѣлались кумирами всѣхъ своихъ знакомыхъ. Когда старикъ Кливлендъ отвернулся со слезами на глазахъ, и пробормоталъ: пошли имъ Богъ счастья! — не было ни одного человѣка во всемъ собраніи, который не желалъ бы этого.

Флоренція почувствовала неизъяснимую тоску, покидая мѣста, замечательныя такими пріятными воспоминаніями.

— Будемъ ли мы когда такъ счастливы? сказала она тихо, оборачиваясь назадъ, чтобъ взглянуть въ послѣдній разъ на ландшафтъ, который съ своими цвѣтами и кустарниками, съ своею зеленью, ярко какъ она бываетъ только въ Англіи, казалось, улыбался имъ какъ прекрасный садъ.

— Мы постараемся, чтобъ мое старое помѣстье, съ своими мрачными окрестностями, напоминало намъ эти мѣста, милая Флоренція.

— Опишите мнѣ общій характеръ вашего помѣстья. Мы будемъ проводить большую часть своего времени тамъ, не правда ли? Я уверена, что оно мнѣ гораздо болѣе понравится, чѣмъ Марсденъ.

Кортъ, это огромное соединеніе аркъ и колоннъ, въ тяжеломъ вавбургскомъ вкусъ, которое скоро будетъ принадлежать вамъ.

— Боюсь только, что въ моемъ скромномъ и тѣсномъ Бурлей, негдѣ будетъ размѣстить вашу огромную свиту, вашихъ камердинеровъ, швейцаровъ, великановъ лакеевъ, и прочая, сказалъ Эрнестъ, улыбаясь. И онъ началъ описывать свой старый помѣщичій домъ, съ самодовольствіемъ образованнаго помѣщика, а Флоренція слушала, и оба составляли планы своему будущему жилищу, перестраивали, пристраивали, надстраивали, рисовали въ будущемъ самыя очаровательныя картины. Отъ этого предмета они перешли къ другому, столь же занимательному для Флоренціи. Сочиненіе, которымъ Мальтреверсъ занимался у Кливленда, было окончено, и уже въ рукахъ издателя, и Флоренція старалась угадать, какъ оно будетъ встречено критиками. Она была увѣрена, что все, что ей нравилось, будетъ недоступно для толпы, потому что она не могла себя представить, чтобы кто другой, кромѣ ея, могъ понимать Мальтреверса. Такъ прошло время, пока они не подъѣхали къ мѣсту, гдѣ Эрнестъ встрѣтился за нѣсколько недель съ дочерью мистрисъ Темплтонъ. При этомъ воспоминаніи, Мальтреверсъ вдругъ остановился среди краснорѣчиваго періода, и сталъ осматриваться вокругъ съ любопытствомъ и даже съ безпокойствомъ. Но прекрасное видѣніе не явилось въ другой разъ; и впечатлѣніе, произведенное этимъ мѣстомъ, исчезло мало-по-малу, когда они вѣхали въ предместья столицы. Двое другихъ спутниковъ, и молодая дама лѣтъ тридцати трехъ, — я чуть было не забылъ ихъ, — вѣхали вмѣстѣ съ ними; но они имѣли догадливость нѣсколько отставать, почти во всю дорогу, а какъ молодая дама была умна и кокетка, то ей хватило сплетень и кокетства, чтобы занять обоихъ кавалеровъ.

— Будете вы у насъ нынче вечеромъ? робко спросила Флоренція.

— Къ сожалѣнію, мнѣ едва ли удастся. Я долженъ устроить нѣкоторыя дѣла до отъезда своего въ Бурлей, на будущей недѣль. Трехъ мѣсяцевъ, милая Флоренція, едва будетъ достаточно для того, чтобы принарядить Бурлей для принятія его новой госпожи; я уже созвалъ разныхъ художниковъ по обойной части, чтобы посоветоваться съ ними, какъ мнѣ обратить свой замокъ въ дворецъ, достойный быть жилищемъ его молодой хозяйки. Надо повидаться также съ стряпчимъ:

Словамъ словомъ, я буду звать по горло. Но завтра въ три часа я буду у васъ, и если будетъ хорошая погода, то мне можно въ про- ругаться вернымъ.

— Посмотрите, это не смелъ ли Чезарини идти такъ? сказала Флоренція; — какъ онъ перевернулся! словно сумасшедшій!

Мальтреверсъ посмотралъ въ ту сторону, куда показывала Флоренція, и увидѣлъ Чезарини; онъ выходилъ изъ переулка въ сейро- вадоннѣ человека, веселаго несомненно кнѣзь, и судящій. Итааль- лецъ невиданному разсуждалъ самъ съ собою, и такъ жарно, что не слышалъ ихъ.

— Бѣдный Кастручио! онъ, кажется, съзнаетъ съ квартиры, по- думалъ Мальтреверсъ. Я думаю, онъ уже успѣлъ потратить по- слѣднія деньги, которыя я ему послалъ; — надо послать отыскать его и пополнить его кошелекъ! — Не забудьте, продолжалъ онъ вслухъ, повидаться съ Чезарини, и убедите его принять мѣсто, о которомъ я вамъ говорилъ.

— Не забуду; я увижусь съ нимъ завтра же, до вашего прихода. Въ это тѣлостное порученіе, Эрнестъ.

— Согласенъ, но вы не можете отъ него отречься, Флоренція, потому что вы не совсемъ правы передъ Чезарини. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ воображалъ никогда, будто имѣлъ право питать надежды, которыхъ несбыточности онъ, какъ иностранецъ, незнакомый съ на- шими обычаями, не могъ понимать.

— Поверьте, что я не давала ему права питать такія надежды.

— Но и не старалась показать ему, что онъ невозможенъ. Ахъ, Флоренція, не считайте бездѣлицею мученій обманутой надежды и отвергнутой любви.

— Да, они ужасны, сказала Флоренція, почти содрогаясь. — Стран- но, но прежде совѣсть никогда не упрекала меня.. Съ-тѣхъ-поръ толь- ко, какъ я полюбила, поняла я, какъ преступно то существо, ко- торое....

— Какъ преступна кокетка! подхватила Мальтреверсъ. Но, зачѣмъ намъ еще много говорить о прошедшемъ! лучше постараемся, если можно, возратить челоѣкѣ съ дарованіемъ, который столько обя- щилъ въ молодости, независимости и прежнее спокойствіе души. Мнѣ Чезарини никогда не проститъ; онъ вѣбьетъ себя въ голову, что я отбилъ васъ у него! Не для васъ, мужчина; женщина, которую ми

всегда любил, всегда сохранялъ на насъ некоторое вліяніе, дано послѣ того, какъ она насъ отвергла; и ваше распоряженіе, которое столько разъ возбуждало меня, не можетъ не подѣйствовать на всю душу, которая еще впечатлительнѣе моей.

Простившись съ Флоренціею у ея дома, Мальтреверсъ пошелъ домой, позвалъ своего довѣреннаго слугу, далъ ему адресъ Чезарини въ Чальси и велѣлъ отыскать его новое жительство и отнести ему туда, или, въ случаѣ неотысканія его квартиры, оставить въ клуба «Путешественниковъ» пакетъ, въ который онъ вложилъ довольно значительную сумму денегъ, и на которомъ надпись онъ велѣлъ сдѣлать своему слугѣ. Если читателю покажется страннымъ, что Мальтреверсъ принялъ на себя обязанность тайно благодѣтельствовать Итальянцу, то я долженъ сказать ему, что онъ не совсѣмъ понимаетъ Мальтреверса. Чезарини былъ не единственный литераторъ, котораго слабости возбуждали его состраданіе, и которому онъ помогалъ въ нуждѣ. Хотя его имя рѣдко являлось въ пышныхъ стихахъ пожертвованій на благотворительные предмѣты, хотя онъ не думалъ разигрывать Мецената, или поощрителя талантовъ, однакоже онъ понималъ лучше многихъ другихъ любовь къ ближнему, и принималъ особенное участіе въ тѣхъ, которые стремились къ великой задачѣ просвѣщать или восхищать человечество. Будучи самъ литераторомъ, онъ могъ вполне цѣнить то, чѣмъ міръ обязанъ поэтамъ, и что онъ уплываетъ имъ клеветою при жизни и безплодными лаврами по смерти. Самая любовь его ко всему прекрасному дѣлала его сердце кроткимъ и мягкимъ, сострадательнымъ и щедрымъ.

VII.

— Чѣмъ же можешь ты поѣмать этой свадьбѣ?
— Не совсѣмъ чистыми средствами, сударь; но такъ тайно, что никто не будетъ подозрѣвать насъ нечестоты.

Шенкверъ.

Феррерсъ и Чезарини сѣдали за бутылкою вина, и оба молчали, — потому что между ними былъ одинъ только предметъ общій, — когда Лумлею подали записку отъ леди Флоренціи.

— Вотъ какъ нельзя болѣе кстати! сказалъ онъ, прочитавъ ее. Леди Флоренція желаетъ васъ видѣть и прилагаетъ записку, которую проситъ меня передать вамъ. Вотъ она.

Чезарини взялъ записку дрожащими руками; она заключалась въ немногихъ словахъ, изъявляла только желаніе ея видѣть его на другой день, въ два часа.

— Что это значитъ? воскричалъ онъ; хочетъ ли она извиниться, оправдаться передо мною?

— Нѣтъ, нѣтъ! Флоренція этого не сдѣлаетъ, но изъ нѣкоторыхъ ее словъ, сказанныхъ мимоходомъ, я угадываю, что она хочетъ передать вамъ выгодное предложеніе, которое устроитъ вашу будущность!... Да... кстати!... чудесная мысль!

Лумлей позвонилъ. — Человѣкъ леди Флоренціи ждетъ отвѣта?

— Ждетъ, сэръ.

— Хорошо, вели ему еще подождать.

— Теперь, Чезарини, успѣхъ вѣренъ. Пойдите въ другую комнату. Садитесь къ столу, и пишите къ Мальтреверсу, что я вамъ продиктую.

— Мнѣ писать!

— Да, положитесь на меня и пишите. Когда напишете, я вамъ все объясню.

Чезарини повиновался и написалъ слѣдующее:

«Любезный Мальтреверсъ!

«До меня дошла вѣсть, что вы женитесь на леди Флоренціи Лесельсъ, и что свадьба должна быть въ скоромъ времени. Позвольте мнѣ поздравить васъ отъ искренняго сердца. Что касается до меня, я давно уже побѣдилъ глупую страсть, и могу смотреть на ваше счастье безъ зависти и безъ сожалѣнія.

«Я много размышлялъ о супружествѣ, и убѣдился, болѣе чѣмъ когда либо, что первое условіе счастья въ немъ — совершенное согласіе нравовъ и умственныхъ стремленій. А какъ рѣдко такое согласіе! въ нашемъ супружествѣ оно будетъ; прекрасная невеста ваша способна къ самой пламенной любви, и сердце ея принадлежитъ вамъ!

«Напишите мнѣ нѣсколько словъ, чтобъ я могъ убѣдиться, что вы питаете ко мнѣ прежнее дружеское довѣріе.

«Вашъ

«К. Чезарини.»

— Теперь перепишите это письмо, мнѣ нужны копии. — Носкорно: Теперь запечатайте поединное и надпишите адресъ, предвѣдѣль Феррерсъ; — такъ, хорошо; идите въ порядкомъ, отдайте его сами ладко леди Флоренци, и всѣмъ отнесите записку Мальтреверсу, поддѣлать отвѣта и привести его сюда; между-тѣмъ вы приготовили записку къ леди Флоренци. Скажите ему, что я напишу милости, что удержалъ его, и дайте ему на волю. Ступайте.

— Я тутъ ничего не понимаю, сказала Чезарини, воросившись; объясните ли вы мнѣ, къ чему всѣ эти хитрости?

— Сейчасъ; копию съ записки вашей къ Мальтреверсу, я покажу нынче вечеромъ леди Флоренци, въ доказательство вашего благородства и вашей разсудительности; замѣьте, что она написана такъ, что старое письмо вашего соперника можетъ служить ей отвѣтомъ. Завтра, вѣроятно, зайдетъ рѣчь о вашей запискѣ, и намъ легче будетъ привести наше предпріятіе въ исполненіе. Если вы хотите послѣдовать моимъ советамъ, то не показывайте письма добровольно, какъ мы прежде думали; а притворитесь, будто вы это дѣлаете по ея настояніямъ, въ порывѣ великодушія, желая спасти ее отъ недостойнаго мужа и несчастной участи. Случай подтасовалъ карты и открылъ намъ подъ туза. Можно побиться объ закладъ о трехъ противъ одного, что наша продѣлка будетъ имѣть полный успѣхъ. Мальтреверсъ же сидитъ дома. Я заходилъ къ нему, возвращаясь отъ дяди, и мнѣ сказали, что онъ не выйдетъ со двора во весь вечеръ.

Нѣсколько времени спустя принесли отвѣтъ Эрнеста; онъ былъ коротокъ и написанъ съ поспѣшностью; но показывалъ всю мужественную доброту его сердца. Онъ радовался и удивлялся писемъ Чезарини, отказываясь отъ всего, что онъ писалъ прежде противъ леди Флоренци, сознавался, что первое его сужденіе было слишкомъ строго и несправедливо; старался всеми средствами утѣшить Чезарини и примиряться съ нимъ, и кончалъ письмо такими искренними увѣреніями въ дружбѣ и предложеніями овыкъ услугъ, безъ всякаго притязанія на покровительство, что даже самъ Чезарини, ослабленный и озлобленный несчастною страстью; былъ тронутъ. Лумлей замѣтилъ перемѣну въ его лицѣ; вырвалъ у него изъ рукъ письмо; прочелъ его и бросилъ въ огонь, говоря: — Мы должны снискать мрамъ предосторожности! — Потомъ онъ дружески ударилъ Итальянца по плечу, и прабвлялъ: — Теперь совѣсть не можетъ болѣе упрекать

васъ; — я отъ роду не читалъ болѣе лицемѣрнаго и обиднаго письма! Гдѣ ваша записка къ леди Флоренціи? Только кланяйтесь, и скажите, что будете у нея въ два часа. — Теперь роли розданы и утверждены, сцены подготовлены, остается мнѣ только одѣваться и идти открыть нашу трагико-комедію прологомъ.

VIII

На слѣдующій день, Чезарини явился въ назначенный часъ на роковое свиданіе съ леди Флоренціею. Ея лицо, какъ бываетъ обыкновенно у людей, не умѣющихъ управлять своими чувствами, всегда слѣпкомъ вѣрно высказывало то, что происходило въ ея душѣ. Въ настоящую минуту оно выражало сильную тревогу. Лумлей сказалъ вскользь нѣсколько словъ, которыя вошли въ ея сердце, и не давали ей сомкнуть глазъ во всю ночь.

Когда Чезарини вошелъ и важно поклонился ей, она встала съ дивана въ судорожномъ волненіи, и оба нѣкоторое время хранили тягостное молчаніе. Наконецъ, однако жъ, ода оправилась, и съ женскою тонкостью и ловкостью стала доказывать ему необходимость принять предложеніе де-Монтаня, которое должно было обезпечить его на будущее время.

— У васъ есть талантъ, сказала она, есть друзья, вы молоды; пользуйтесь этими дарами природы и судьбы, и посвятите ихъ такому поприщу, — прибавила леди Флоренція съ улыбкою, — которое самъ Данте находилъ достойнымъ поэта.

— Я согласенъ на всякое занятіе, отвѣчалъ Чезарини съ усмѣшкою, — которое удалитъ меня отъ страны, давно утратившей для меня всякую прелесть. Благодарю васъ за ваше участіе, и обещаю повиноваться вамъ. Все на землѣ отдалъ бы я для вашего счастья, — а между-тѣмъ — но нѣтъ! — Небо не допуститъ, чтобы вы были несчастны. Даже онъ рано или поздно будетъ смотрѣть на васъ своими глазами.

— Я знаю, подхватила Флоренція запинаясь, что вы благоразумно и великодушно отказались отъ несбыточныхъ надеждъ. Мистръ Феррерсъ позволилъ мнѣ прочесть ваше письмо къ Эрн... къ мистру Мальтреветсу. Оно достойно васъ, и глубоко меня тронуло; — но позвольте

мнѣ надѣяться, что вы когда-нибудь откажетесь отъ вредубьдннхъ противъ....

— Какъ! перебилъ Цезарина, такъ Феррерсъ показывалъ вамъ и отвѣтъ на это письмо?

— Нѣтъ.

— Слава Богу.

— Что это значить?...

— Ничего, право ничего. Будьте счастливы, прощайте!

— Нѣтъ, — я васъ умоляю, не уходите еще! — Что такое было въ этомъ письмѣ, что могло меня огорчить? Лумлей намекалъ о чемъ то, но не хотѣлъ высказаться яснѣе.... будьте окровеннѣе его.

— Нѣтъ, не могу — это значило бы извинить Мальтреверсу, да и надо быть слишкомъ жестокииъ, чтобы огорчить васъ!... впрочемъ... жестокость ли это?...

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ. Долгъ состраданія и дружбы повелѣваетъ вамъ показать мнѣ это письмо.... Покажите мнѣ его, — оно при васъ.

— Вы не перенесете этого пораженія; вы возненавидите меня за нанесенное вамъ огорченіе. Позвольте мнѣ удалиться.

— Вы клеветаете на Мальтреверса, теперь я все понимаю. Вы предательски черните намеками того, кого вы не можете уличить въ глаза. Прощайте, — глупо было съ моей стороны слушать васъ, прощайте!

— Леди Флоренція, помните, что вы сами, своими настоящими и несправедливымъ обвиненіемъ принудили меня вывести васъ изъ заблужденія. Вотъ вамъ письмо, — его рука; — хотите прочесть? — не советую вамъ.

— Я повѣрю только собственнымъ своимъ глазамъ. Дайте мнѣ письмо.

— Нечего дѣлать! возьмите, но на двухъ условіяхъ. Во-первыхъ, общайте мнѣ не говорить Мальтреверсу, безъ моего согласія, что вы видѣли это письмо. Не думайте, что я боюсь его гнѣва. Но дуэль на смерть, которая послѣдуетъ за тѣмъ, можетъ повредить вашему доброму имени въ глазахъ свѣта; и обо мнѣ самомъ скажутъ, не зная оправдывающихъ меня обстоятельствъ, что я поступилъ плохо, повиновавшись вашему требованію, и не предупредивъ васъ, ко-

гда еще было время, что вы отдаете свою любовь низкому корыстолюбцу. Общайтесь.

— Общаю, клянусь.

— Во-вторыхъ, вы не будете удерживать письма у себя, и тотчасъ же возвратите его мнѣ.

— Общаю. Дайте же его.

— Вотъ оно.

Флоренція съ жадностью схватила и прочла подчищенное письмо. Голова ея кружилась, въ глазахъ ея помутилось, въ ухахъ страшнѣе звенѣло; она едва стояла на ногахъ отъ волненія, но она читала и пошмыгала. Письмо служило очевидно отвѣтомъ на записку Кастручіо, которую Лумлей показывалъ ей наканунѣ. И въ этомъ письмѣ Мальтреверсъ говорилъ, что ему не нравился ея нравъ, что ее невозможно любить, — ясно высказывалъ, что женится на ней только изъ корыстныхъ видовъ. Такъ даже для того, кому она отдала свое сердце, она была не Флоренція, прекрасная, возлюбленная женщина, а леди Лессельсъ, богатая, знатная невеста. Весь миръ блаженства, который она строила на любви Матреверса, рушился въ прахъ передъ нею. Письмо выпало изъ ея рукъ; судорожная дрожь сводила въ ея члены, зубы крѣпко стиснулись; щеки были блѣды и холодны, какъ мраморъ.

— Что я надѣлалъ! вскричалъ Чезарини, терзаемый угрызеніями совѣсти, — Флоренція! — да скажите же одно слово, Флоренція! Я одинъ всему виноватъ, Флоренція! позабудьте это проклятое письмо, я солгалъ!

— Вы солгали? повторите еще разъ — вы солгали? — О нѣтъ, нѣтъ; я помню, онъ самъ говорилъ, — а онъ такъ уменъ, такъ верно судить людей! — онъ говорилъ, что ручается за васъ, что въ вашей чести, въ вашихъ благородныхъ чувствахъ нельзя сомнѣваться! Стало-бытъ, все это правда. Благодарю васъ, — вы спасли меня отъ ужасной участи.

— О леди Флоренція — дражайшая, незабвенная леди Флоренція! — я отдалъ бы — она и не слушаетъ меня! стоналъ Кастручіо, между-тѣмъ какъ Флоренція, сжавъ голову обѣими руками, почти въ безпамятствѣ ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Нанонецъ она остановилась противъ Чезарини, посмотрѣла ему прямо въ лицо, отдала письмо, не говоря ни слова, и указала на дверь

— Нетъ, нѣтъ, не умоляйте меня еще! умолять Цезарина. Состраданіе и совѣсть терзали его; но въ то же время эта очевидная любовь къ сопернику разжигала его кровь ревностью и близостью и мучила его разсудокъ.

— Другъ мой, идите, сказала Флоренція, удивительно кроткимъ и тихимъ голосомъ. Не бойтесь за меня; во мнѣ еще болѣе гордости, чѣмъ любви; но въ сердцахъ женщины бываютъ страданія, которыхъ она не должна показывать никому, — никому, кромѣ матери.... Господи, дай мнѣ силу! у меня нѣтъ матери! — Идите, когда вы опять увидите меня, я буду спокойна. — Прощайте.

Говоря это, она протянула руку; Итальянецъ ухватилъ на полтона, судорожно щеплявалъ руку и, боясь, чтобы твердость не измѣнилась ему, выбѣжалъ изъ комнаты.

Едва онъ ушелъ, какъ Мальтреверсъ подъѣхалъ къ дому. Сѣдя съ лошади, онъ взглянулъ въ окно, и послалъ молчаливой леди Флоренціи, стоявшей у окна въ ожиданіи его прѣзда, но совсѣмъ не съ тѣмъ чувствомъ, каковъ онъ предполагалъ. Онъ весело вошелъ въ комнату.

Флоренція не тронулась съ мѣста. Онъ подошелъ и взялъ ее руку; но она отдернула ее судорожнымъ движеніемъ.

— Что съ вами, Флоренція, не больны ли вы?.

— Напротивъ, я выздоровѣла.

— Что значать эти слова? зачѣмъ вы отворачиваетесь отъ меня?

Леди Флоренція устремила на него испытующій взоръ; глаза ея блистали, какъ молніи, губы дрожали презрѣніемъ.

— Мистръ Мальтреверсъ, наконецъ-то я васъ знаю; наконецъ-то я понимаю чувства, которыя побудили васъ искать моей руки. Возьмите мои богатства, возьмите ихъ, мистръ Мальтреверсъ, если вы ихъ только и добываетесь! Богъ мнѣ свидѣтель, что я отдамъ ихъ охотно; но оставьте несчастную, которую вы такъ долго обманывали, и которая, какъ она ни несчастна, отъ васъ отрекается и презираетъ васъ!

— Леди Флоренція, васъ ли я слышу? Кто очернилъ меня передъ вами?

— Никто, сэръ, никто; я никому бы не повѣрила. Будьте довольны тѣмъ, что я убѣдилась, что мы не можемъ быть счастливыя

никогда. Но требуйте от меня другихъ объясненій, всякое отношеніе между нами отнынѣ кончено навсегда.

— Остановитесь, сказалъ Мальтреверсъ холодно и торжественно, — еще одно слово, и васъ раздѣлитъ непроходимая бездна! — Одумайтесь.

— Не принимайте вида оскорбленной гордости, вскричала несчастная молодая дѣвушка, еще болѣе раздраженная тѣмъ, что она принимала за верхъ лицемерія; — я уже не дамъ въ другой разъ въ обманъ. Я готова была сдѣлаться вашею рабою, пока любила васъ; — теперь все кончено. Я свободна, я презираю и ненавижу васъ! Ваше корыстолюбіе, ваша низкая жадность, возобновляетъ между нами границу, положенную рожденіемъ. Съ этого дня, мистръ Мальтреверсъ, я леди Флоренція Лессельсъ, и прошу васъ знать меня только подъ этимъ именемъ. Вы можете удалиться, сэръ.

Въ то время, какъ она это говорила и гнѣвъ искажалъ все черты ея лица, вся ея красота мгновенно исчезла въ глазахъ гордаго Мальтреверса, будто по волшебству; и холодеѣтъ, убійственно-спокоюсь былъ взглядъ, который онъ устремлялъ на нее.

— Выслушайте меня, леди Флоренція Лессельсъ, сказалъ онъ, спокойно; вы произнесли слово, котораго сами не можете никогда воротить. Ни мужчине, ни женщине не прощаль Эрнестъ Мальтреверсъ ни какого слова, оскорбляющаго его честь! Прощайте навсегда; и при последнемъ свиданіи, я обрѣкаю васъ ужаснѣйшему изъ наказаній — позднему раскаянію.

Медленно и гордо вышелъ онъ изъ комнаты; и когда дверь затворилась за нимъ, Флоренція почувствовала, что его проклятiе уже сбывалось! Она бросилась къ окну еще разъ, — въ послѣдній, — успѣла взглянуть на него, но лошадь быстро унесла его. Увидятъ ли они? когда, и какъ?

IX.

И я еще живу! о, зачѣмъ должна я жить, когда каждый вздохъ мой есть мольба о смерти.

Вордсвортъ.

Въ тотъ же день, около девяти часовъ вечера, Мальтреверсъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Экипажъ стоялъ у крыльца, олуш

укладывали вещи, онъ вхалъ въ Бурлей. Лондонъ, общество, свѣтъ, все стало ему ненавистно; глубоко уязвленная душа его трбовала одиночества. Въ это время неожиданно вошелъ Лумлей.

— Извините, что я вхожу безъ доклада, сказалъ онъ съ обычную развязностью; — по....

— Но, что же, сэръ? — Я занять.

— О, я не задержу васъ. Мальтреверсъ, мы были когда-то приятелями, я люблю и уважаю васъ по прежнему, не смотря на то, что различіе мнѣній и цѣлей отдалили насъ другъ отъ друга. Я сейчасъ отъ кузины, — отъ Флоренціи; между вами произошло, кажется, какое-то недоумвіе. Я заходилъ къ ней послѣ васъ; горестъ ея тронула меня до счесть. Кто-то ей насплетничалъ какой-то вздоръ, — женщины такъ легковѣрны! — объяснитесь съ нею, и я увѣренъ, что она все забудетъ, и все пойдетъ по старому.

— Феррерсъ, если бъ мужчина сказалъ мнѣ то, что сказала леди Флоренція, одинъ изъ насъ двухъ обогривилъ бы землю своею кровью. Неужели вы думаете, что слова, которыя, произнесенныя мужчиною, подняли бы мою руку, такъ ничтожны на устахъ той, которая должна быть моею женою, что я могу забыть ихъ? — Нѣтъ, никогда!

— И, полноте, бабы слова все-равно, что взтеръ. Не упускайте такой выгодной партіи изъ-за пустикавъ.

— Такъ вы, сэръ, приписываете мнѣ такіе же корыстолюбивые виды?

— Вы знаете, что я не трусь, но я, право, не хочу съ вами драться. Будьте разсудительны.

— Я увѣренъ, что вы желаете добра; но все уже кончено, — и напоминаніе о прошедшемъ можетъ только растравлять рану, а ни къ чему не поведетъ. И такъ, позвольте мнѣ съ вами проститься.

— Это вашъ рѣшительный отвѣтъ?

— Рѣшительный.

— Даже если леди Флоренція будетъ просить извиненія?

— Ничто со стороны леди Флоренціи не перемѣнитъ моего рѣшенія. Женщина, которую благородный человекъ избралъ въ подруги своей жизни, не должна слушать ни одного слова обиднаго для его чести. Его честь принадлежитъ ей; и если та, которая должна бы утѣшить его въ клеветѣ, сама будетъ разносить ложь, — какъ бы

она ни была хороша, умна, богата и знатна, она будетъ карою его жизни. Я избѣжалъ такой кары.

— И это отвѣтъ, который я долженъ передать двоюродной сестрѣ?

— Какъ вамъ угодно. Теперь, Лумлей Феррерсъ, побудьте здѣсь и выслушайте меня. Я васъ не обвиняю и не подозреваю; не хочу читать въ вашей душѣ, да и не могу, въ настоящемъ случаѣ, проникнуть вашихъ тайныхъ побужденій. Но если когда окажется, что вы, какими бы то ни было образомъ, внушили леди Флоренці Лессельсъ сомнѣніе на счетъ моей чести и моего безкорыстія, вамъ придется дать ужасный отвѣтъ, и рано или поздно наступитъ день расчета между нами.

— Мистръ Мальтреверсъ, между нами не должно быть ссоры, изъ уваженія къ доброму имени моей кузины; еслибъ не то, то мы теперь не разстались бы безъ приготовленія къ болѣе непріязненному свиданію. Я не оскорбляюсь вашими словами; я хотя и не философъ, однакоже также умѣю прощать. Вы теперь разгорячены, озлоблены, — все это очень понятно. Разстанемся друзьями, дайте руку.

— Если вы можете взять мою руку, Лумлей, это значитъ, что вы виновны, и я виновенъ передъ вами.

Лумлей улыбнулся и дружески пожалъ руку своего стараго пріятеля.

Онъ сошелъ съ лѣстницы, и Мальтреверсъ послѣдовалъ за нимъ; и въ то время какъ Лумлей повернулъ въ улицу, гдѣ жилъ лордъ Сексингемъ, мимо его быстро пронеслась карета, и при свѣтѣ лампъ, онъ увидѣлъ въ ней блѣдное, печальное лицо Мальтреверса.

Шелъ мелкій, частый дождь; — это было въ одну изъ тѣхъ холодныхъ, нездоровыхъ ночей, которыя такъ обыкновенны въ Лондонѣ къ концу осени. Феррерсъ, повидимому, не замѣчалъ дурной погоды; онъ шелъ медленно и задумчиво къ дому двоюродной сестры. Онъ игралъ въ большую игру; и до-сихъ-поръ ему везло; однакожъ какое-то смутное предчувствіе тревожило его. По удаленіи Мальтреверса, онъ не сомнѣвался, что съ своимъ знаніемъ человѣческаго сердца и съ своими изрядными уловками, добьется руки леди Флоренці, предмета своего честолюбія. Не на любовь ея рассчитывалъ онъ, а на ея досаду и оскорбленное самолюбіе. Когда женщина думаетъ, что человѣкъ, котораго она любитъ, пренебрегаетъ ею, первый, кто будетъ къ ней сватать-

си, долженъ быть набитый дуракъ, если не получить ей руки. Такъ рассуждалъ Феррерсъ. Не смотря на то, онъ не былъ ни доведенъ, ни спокоешь; оказать правду, его смелость, его наглость, его самоуверенность и высокомеріе, покидали его, онъ упалъ духомъ передъ мощнымъ духомъ Мальтреверса. Онъ боялся пробудить дикую природу этого чловька. Въ характеръ его было много женскаго малодушія, — малодушія женщины безаравственной, но способной, честолюбивой и гибкой; и онъ невольно преклонился передъ превосходствомъ твердой, прямой и мужественной души Мальтреверса. Его страшила мысль о неминуемомъ часъ расчета и мести, — мести гнъ заслуженной, и которая могла угаснуть только въ крови одного изъ нихъ.

Между-тѣмъ какъ онъ приближался къ дому лорда Сексингема и, благодаря упругости своего характера, мало-по-малу сбрасывалъ съ себя бремя этихъ тягостныхъ размысленій, онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за руку. Онъ оглянулся, и съ удивленіемъ узналъ въ закутанной женщинъ, остановившей его, Флоренцію Лессельсъ.

— Возмъ жпо ли? вскричалъ онъ, — вы, однь на улицъ, такъ поздно, и въ такую погоду? Какъ это можно, какое безразсудіе!

— Не говорите, я ужъ и безъ того, кажется, сойду съ ума. Я не могла сидѣть на мѣстѣ, — не могла перевести этой пытки, этого уединенія, не могла выдержать взора отца! — Нѣтъ, это выше моихъ силъ! — Но скорѣе, что онъ говорить? — Чѣмъ оправдывается? Скажите мнѣ все, — я ужвчусь за каждую соломенку.

— И это говорить гордая Флоренція Лессельсъ?

— Нѣтъ, униженная, растерзанная Лессельсъ. Гордость моя давно смирилась. Чго же? да говорите же!

— Ахъ, что за сокровище такое сердце! И онъ можетъ пролетѣть имъ!

— Чго же? онъ оправдывается?

— И не дума ть; онъ говоритъ только, что очень радъ, что полюбилъ — это его выраженіе — союза, къ которому сердце никогда не клонило его. Онъ не достоинъ васъ, забудьте его.

Флоренція задрожала; Феррерсъ взялъ ее подъ руку; коснувшись ей руки, онъ почувствовалъ, что она была холодна, какъ ледъ.

— Что подумают люди? Какой бы предлог намъ придумать? сказалъ Ферреръ, когда они вошли на подъездъ.

Флоренція не отвѣчала, но когда дверь отворилась, она сказала слабымъ голосомъ:

— Я больна, — очень больна! — и оперлась на руку Феррерса съ такою тѣлостью, съ такою расслабленіемъ членовъ, которыя представляютъ оборокъ.

Вдругъ яркій свѣтъ ослѣпилъ ее; слуги смотрѣли на нее, но скрыли своего удивленія. Флоренція собрала все свои силы, — гордость ея еще не совсѣмъ смирилась, — и прешла мимо ихъ съ обычнымъ величіемъ. Медленно взшла она по широкой лѣстницѣ и пошла въ свою удивившую комнату; но едва переступила она порогъ, какъ грохнулась безъ чувствъ на полъ.

=

К Н И Г А Д Е В Я Т А Я.

=

Иду, невѣста Ахерона...

Софокль.

Вотъ тутъ-то дѣло, тутъ оно въ настоящемъ свѣтѣ... Чтожъ? что теперь дѣлать?

Шекспиръ.

На дворъ стояла отличная декабрьская погода, когда Лумлей Ферреръ, часовъ около трехъ пополудни, выходилъ изъ дому Лорда Сексингема. Звонки были обтянуты сукномъ, окна въ третьемъ этажѣ завѣшаны. Видно было, что въ домъ былъ больной.

Лумлей былъ необыкновенно мраченъ и даже печаленъ. — Такъ молода — такъ хороша! шепталъ онъ про себя. Если я когданибудь любилъ женщину, то развѣ ее! — эта любовь должна слу-

жить мнѣ оправданіемъ; я раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлалъ, — но могъ ли я вообразить, что прѣстая хитрость влюбленнаго будетъ имѣть такіе послѣдствія? Метафизики правду говорятъ, что можно понимать только тѣ чувства, которыя самъ разделяешь. Для меня неудача въ любви была бы вздоромъ, который я забылъ бы на другой день; отчего же на нее это дѣйствуетъ такъ сильно? Мнѣ рѣшительно не везетъ ни въ чемъ; старикъ Темпльтонъ, — извините, милордъ, — лордъ Варгревъ, — кстати онъ съ каждымъ днемъ молодеетъ, здоровъ какъ быкъ! — лордъ Варгревъ за что-то дуется на меня. Ему не хочется, чтобы я женился на леди Флоренціи, — говорятъ, что я-де разстранваю какіе-то его планы! ума не приложу, что это такіе за планы! — И въ тоже время другая дѣсада! Мальтреверсу предложено мѣсто, на которое я самъ былъ. Такъ-таки, рѣшительно не везетъ. А бѣдная Флоренція! чего бы я не далъ, чтобы она выздоровѣла! конечно я сдѣлалъ подлое дѣло, но думалъ, что оно разыграется по умнѣ. — Вотъ легокъ на поминъ! заговори только о глупцахъ, Чезарини какъ тутъ.

Дѣйствительно, Чезарини, блѣдный, исхудалый, болѣе похожій на мертвеца чѣмъ на живаго, съ надвинутою на глаза шляпою, въ безпорядочной одеждѣ, съ какою-то звѣрскою мрачностью на лицѣ, перешелъ черезъ улицу и приблизился къ Лумлею.

— Мы убили ее, Феррерсъ; — духъ ея будетъ преслѣдовать насъ до самой смерти!

— Говорите въ прозѣ; — вы знаете, я не поэтъ. Что вы хотите сказать?

— Ей сегодня хуже, сказала Чезарини глухимъ голосомъ. — Я брожу какъ мертвецъ вокругъ дома, останавливаю и спрашиваю каждого, кто выйдетъ изъ дому. Скажите мнѣ, ради Бога, есть ли надежда?

— Есть, будьте спокойны, сказалъ Феррерсъ твердымъ голосомъ. Болѣзнь лишь въ послѣднее время приняла опасный ходъ. Сначала это была только сильная простуда, схваченная вслѣдствіе безразсудной мысли идти прогуляться пынкомъ въ дождливый вечеръ. Врачи боятся, чтобы болѣзнь не бросилась на легкія; но стоитъ только отправиться за границу, и она спасена.

— Вы такъ думаете? по чести?

— Увѣрю васъ. Не унывайте, другъ мой, не упрекайте себя;

мы тутъ ни чѣмъ не виноваты. Она захворала просто отъ простуды, а ничуть не отъ письма!

— О нѣтъ! я сужу о ней по себѣ. Чего бы не отдалъ я за то, чтобы воротить прошедшее! Посмотрите, меня нельзя узнать, день и ночь преследуетъ меня мысль объ обманѣ.

— Пустяки! вотъ мы поведемъ вмѣстѣ въ Италию; подъ вашимъ прекраснымъ небомъ, любовь смѣнится любовью.

— Я почти рзынился, Феррерсъ.

— На что?

— Написать къ ней, — открыть ей всю истину.

Феррерсъ измѣнился въ лицѣ. Онъ поблѣднѣлъ, брови его нахмурились, глаза запылали яростью.

— Извольте, а на другой день падете отъ моей руки; я еще ни разу не промахивался, хотя бы дрался отъ пустяковъ.

— Вы смѣете грозить мнѣ?

— А вы хотите измѣнить мнѣ? Измѣнить тому, который хотѣлъ доставить вамъ первую невѣсту въ Англии, съ княжескимъ приданымъ! котораго вся вина передъ вами состоитъ въ томъ, что онъ не властенъ надъ жизнью и смертью.

— Простите меня, сказалъ Итальянецъ съ чувствомъ; — простите меня и не перетолковывайте моихъ словъ. Я никогда не думалъ измѣнить вамъ, у подлоцовъ есть своя честь. Я хотѣлъ только признать въ своемъ преступленіи; вашего же я никогда не открою. И зачѣмъ мнѣ открывать его? отъ этого не можетъ быть ни какой пользы.

— Въ самомъ дѣлѣ? и вы не обманываете меня?

— Клянусь.

— Теперь я вижу, что вы достойны моей дружбы; вы рзынитесь принять на себя весь подлогъ? — слово ужасное, но теперь гонять-ся за словами некогда! — Вы примете все на себя?

— Приму все.

Феррерсъ задумался на минуту, и потомъ вдругъ остановился.

— Клянитесь.

— Клянусь.

— Такъ послушайте, Чезарини. Если завтра леди Флоренціи будетъ хуже, я не стану противиться вашему сознанию, — если только вы точно рзынитесь; я употреблю даже все свое вліяніе, чтобы

смигнуть ильну ильну. — Но, признаюсь, отказать бы такому обрешенъ отъ всякой надежды, — отдать такъ пламенно любимую женщину въ объятья ненавистному сопернику, — это благородно, — это прекрасно, — но это ильно моихъ силъ. Делайте, что хотите.

Цезарини хотѣлъ отвѣтить, когда верховой, неснѣйши во весь опоръ, выскочилъ изъ за угла; увидѣвъ Лумлей, онъ удержалъ поводья и соскочилъ съ лошади.

— Министръ Ферреросъ, сказалъ онъ задыхаясь, я былъ у васъ въ квартирѣ, мнѣ тамъ сказали, что вы у лорда Сексингема, — и я пошелъ туда.

— Что такое? что вамъ нужно?

— Блудный министръ Томпс... — милордъ, хотѣлъ я сказать, сэръ...

— Чтожъ милордъ?

— Ударъ, сэръ! доктора уже тамъ; барыня — милордъ не можетъ говорить, — барыня послала меня за вами.

— Дай мнѣ свою лошадь; — хорошо, только отпусти немного времени.

Пока онъ возвращался съядо, Ферреросъ обратился къ Цезарини. Не делайте ничего споряча, сказалъ онъ; не мыслите бы даже воспользоваться со мною, прежде нежели къ чему-нибудь приступите. Во всякомъ же случаѣ, помните что вы мнѣ обещали, помните свою клятву.

— Можете быть спокойны, отвѣчалъ Цезарини мрачно.

— Такъ до свиданія, сказалъ Лумлей, садясь на лошадь, и черезъ минуту скрылся изъ виду.

II.

Миръ былъ лѣсомъ этой лави... а теперь ты лежишь здѣсь?

Шекспиръ.

Когда Лумлей сошелъ съ лошади, онъ былъ пораженъ безвраздкомъ и суматохою, овладѣвшими домомъ, въ которомъ бдительный глазъ хозяина всегда водворялъ такую правильность и тишину, какъ будто вся домашняя жизнь двигалась у него какимъ-то часовымъ механизмомъ. На лужайкѣ передъ домомъ, бабы, подметавши дорожки и счищавши съ нихъ траву, собрались въ кружокъ, инстинктивно

также покачивали головами и шепотомъ передавали другъ другу свои гаданія и предположенія. Въ снѣгахъ встрѣтилъ онъ слугаку, первую, какую встречалъ въ домѣ, такъ невидимы были признаки домашней жизни лорда Варгрева; — она стояла, опершись на штору и разинувъ ротъ слушала сказанія, которыя давалъ ей камердинеръ. Словно, при первомъ движеніи руки, державшей поводья, челоушеская природа вырвалась изъ подъ ярма условной тишины и безмолвія, наложеннаго на нее въ этомъ домѣ.

— Какъ онъ себя чувствуетъ?

— Лучше, саръ; кажется даже, начали говорить.

Эвелина, вся въ слезахъ, выглянула съ верху лѣстницы, и, увидѣвъ Лумлея, выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Лумлей, приходите поскорѣе; да скажите мнѣ, вѣдь онъ не умирать? не правда ли, что онъ не умирать? — Онъ не можетъ умереть, не правда ли? Возьмите меня съ собою; меня не впускаютъ къ нему.

— Хорошо, хорошо, думачка, только тихонько; войди за мною, тихонько! — вотъ такъ.

Лумлей постучался въ дверь и вошелъ; ребенокъ прокрался за нимъ, какимъ не замѣченный. Лумлей отдернулъ занавѣсы; новоприведенный лордъ лежалъ на постелѣ, поддерживаемый со всѣхъ сторонъ подушками; глаза его были на выкатъ, неподвижны и блестали, какъ стекло; однако же еще видѣли. Все лицо его было обезображено. Дѣла Варгревъ стояла на колыняхъ съ другой стороны кровати и въ одной рукѣ держала мужа, а другою терла ему виски; крупныя слезы быстро, но безъ рыданія, катились по ея блѣднымъ щекамъ.

Два доктора совѣтовались въ углубленіи окна, между-тѣмъ, какъ медсестра у стола приготовляла лекарства, а двѣ пожилыя служанки, старшія надъ женскою прислугою, стояли подлѣ врачей, стараясь подслушать ихъ разговоръ.

— Дядюшка, дражайшій дядюшка, какъ вы себя чувствуете? спросилъ Лумлей.

— Это ты? — наконецъ! сказалъ больной, слабымъ но внятнымъ голосомъ. — Спасибо, что пришелъ, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Не теперь, не теперь! — ты слишкомъ слабъ! сказала жена умиравшимъ голосомъ.

Доктора подошли къ постели. Лордъ Варгревъ махнул имъ рукою и подыялъ голову.

— Господа, сказалъ онъ, я чувствую, что смерть быстро приближается; я долженъ, пока еще въ полной памяти, переговорить съ племянникомъ. Могу ли это сдѣлать теперь? если я отложу, увѣрены ли вы, что другой удобной минутъ уже не быть?

Доктора переглянулись между собою.

— Милордъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, разговоръ съ племянникомъ, можетъ-быть, успокоитъ васъ, сниметъ заботу съ вашей души. Послеъ того вы, можетъ-быть, спокойно заснете.

— Примите для подкрѣпленія это лекарство, сказалъ другой.

Больной повиновался. Одинъ изъ докторовъ подошелъ къ Лумлей и отвелъ его въ сторону.

— Не послать ли за нотариусомъ милорда? шепнулъ онъ.

— Я его законный наследникъ, подумалъ Лумлей. — Нѣтъ, сэръ, неужно; развѣ онъ самъ того пожелаетъ; — безъ сомнѣнія бѣдный дядюшка мой уже распорядился своими мирскими дѣлами. Каковъ онъ?

Докторъ покачалъ головой. — Мнѣ нужно съ вами поговорить, сэръ, когда вы выйдете отъ милорда.

— Что тамъ за разсужденія? закричалъ больной съ нетерпѣнiемъ и досадою. — Выйдите изъ комнаты, я хочу остаться одинъ съ племянникомъ.

Доктора вышли, старухи неохотно послѣдовали за ними; только маленькая Эвелина вдругъ подбѣжала къ постели и бросилась на грудь умирающаго, рыдая, какъ будто сердечко ея надрывалось.

— Дитя мое! — милое дитя мое! — душа моя, прохрипѣлъ лордъ Варгревъ, слабыми руками прижимая ее къ груди; — благослови тебя Господь Богъ, какъ я тебя благословляю. Жена, продолжалъ онъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какимъ Лумлей никогда не слышалъ, чтобы онъ обращался къ леди Варгревъ, — жена, если это послѣднiя слова, которыя ты услышишь отъ меня, то пусть они будутъ выраженiемъ моей благодарности къ тебѣ; за то, что ты всегда верно и безропотно исполняла свой долгъ; ты не любила меня, правда, и эта мысль, въ дни здоровья и гордости, часто дѣлала меня несправедливымъ къ тебѣ; я былъ суровымъ мужемъ, — ты много терпѣла отъ меня — прости меня.

— О, не говори этого, ты былъ ко мнѣ великодушнѣе, снисходи-

только, чѣмъ я заслуживала! — чѣмъ обязана я тебѣ! и что одѣлала, чтобы отблагодарить тебя!

— Этого я не хочу слышать; оставь меня, душа моя, оставь меня. — Я могу еще выздоровѣть, — я надѣюсь, мнѣ нужно еще жить. — Богъ милостивъ. Чаша можетъ пройти мимо! Поди, — поди, — душа моя, и возьми съ собою дочь.

— О, позвольте мнѣ остаться.

Лордъ Варгревъ нѣжно поцѣловалъ малютку, которая обхватила его шею и страстно прильнула къ нему; потомъ онъ отдалъ ее на руки матери, и въ изнеможениі упалъ на подушки.

Лумлей, съ платкомъ въ рукѣ, проводилъ леди Варгревъ до двери, заблаговременно затворилъ дверь и занялъ свое прежнее мѣсто у постели дяди.

Когда Лумлей вышелъ изъ комнаты больного, лицо его было скорѣе мрачно и озабочено, чѣмъ печально. Онъ поспѣшно отправился въ комнату, которую обыкновенно занималъ, и пробылъ въ ней все время, пока его дядя спалъ долгимъ и крѣпкимъ сномъ. Но мать и дочь заняли его мѣсто у изголовья больного и не покидали его.

За часъ до полуночи старшій докторъ пришелъ за племянникомъ.

— Мистръ Феррерсъ, лордъ Варгревъ спрашиваетъ васъ; ему остается прожить очень недолго. Мы сдѣлали все что могли, но искусство наше бессильно противъ законовъ природы.

— Знаетъ ли онъ свое положеніе?

— Знаетъ, и послѣдніе часа два провелъ въ молитвѣ; — истинно христіанская смерть, сэръ.

Феррерсъ молча послѣдовалъ за докторомъ.

Въ комнатѣ было почти темно: на столѣ горѣла одна лампа, тщателью заслоненная, а подъвѣ лежало Евангеліе. Мать и ребенокъ стояли на колынахъ у постели, и глубокое благоговѣніе смѣнило на время, на ихъ лицахъ, выраженіе горести.

— Подойди сюда, Лумлей, сказалъ умирающій; здѣсь никого нѣтъ, кроме васъ троихъ; — которые одни милы и близки моему сердцу. Лумлей, ты теперь все знаешь, — жена, онъ все знаетъ. Дочь, дай руку Лумлею; съ этой минуты вы обручены. Когда ты подростешь, Эвелина, знай, что послѣднимъ моимъ желаніемъ и послѣднею молитвою было, чтобы ты сдѣлалась женой Лумлея Феррерса. Отдавая тебѣ Эвелину, Лумлей, я вознаграждаю тебя

за минуту несправедливости. А тебя, дочь, обеспечено знание и почести, до которыхъ я достигъ съ такими трудами, и которыми не пришлось мнѣ насладиться. Люби ее Лумсой, у тебя доброе и открытое сердце, — будь ей защитомъ, она никогда не съжала стуроваго слова. Да благословитъ васъ Богъ, дети, и да проститъ Огъ мнѣ мои прогнѣшя! — молитесь за меня. Лумсой, завтра ты будешь лордъ Варгревъ, а со временемъ, — чуть слабая, но радостная улыбка озарила лицо удивленнаго, — ты будешь леди Варгревъ. — Леди Вар.... да, леди Вар....

Слова замерли на его дрожащихъ устахъ. Огъ отвернулся, и хотя думалъ еще безъ часа, но уже не могъ вымолвить слова.

III.

Смутно встають страхъ и надежда, и смотрять на узкій предѣлъ жизни! — смотрять — куда? — въ непознаваемую вѣчность!

Юнгъ.

Прости надменность и дѣвическая гордость! прости!

Шекспиръ.

Рана, нанесенная сердцу Мальтреверса, была глубока и мучительна. Правда онъ никогда не былъ, что называется ужасно влюбленъ въ Флоренцію Лессельсъ; однакоже съ этой минуты какъ онъ, почти самъ не зная какъ, отдавался ей женихомъ, онъ считалъ долгомъ видѣть одну только блестящую сторону ея свойствъ и дарований и старался, такъ сказать, влюбить свое воображеніе въ ея красоту, въ ея умъ, въ ея пламенную любовь. Такимъ образомъ, она сосредоточивала въ свои мысли и надежды на одномъ предметѣ, и Флоренція и будущность сдѣлались для него какъ бы тождественными понятіями. Можетъ-быть ея неожиданное, оскорбительное обвенчаніе, высказанное притомъ такъ прямо и резко, было для него тѣмъ важнѣе, что она поражала его гордость, а не сердце; что это не было омѣчено тѣми сотнями оправданій и пріятныхъ воспоминаній, которыя создава или вызвала бы болѣе каменистая любовь. Это было глубокое чувство незаслуженнаго оскорбленія, которое нанес-

эти горючие злы его мысли и чувства, унижало его самолюбіе, его гордость, его честь. И ударъ этотъ обрушился на него, притомъ, въ такое время, когда онъ былъ въ излохотъ стесненъ недовольствъ всеми другими сторонами своей жизни. Малочность дѣятелей и ярминтъ англійской политической жизни внушала ему отвращеніе; онъ была утомленъ литературною славой и презирала ее суету. Въ тридцать лѣтъ, онъ нечасто не могъ сохранить восторженности и гибкости первой молодости, а горькій опытъ разбилъ уже для него многія изъ тѣхъ жемчужинъ честолюбія, которыми мы тѣшимся въ лѣта мужества. Душа его всегда жаждала чего-то слѣшкомъ высокаго и слѣшкомъ чистаго для человеческой природы, и каждое новое свидѣтельство ничтожности людей его окружавшихъ, ихъ немисловъ и стремленій, наполняло тоскою и недоуваніемъ душу, не дошедшую еще до того довольства міромъ, какъ онъ есть, которому долженъ научиться философъ и поэтъ, если онъ хочетъ, чтобы философія его была приложима къ практикѣ, и чтобы гевій его далъ такую же богатую жатву, какъ пыщонъ его лезть. Гордый, необщительный, Эрнестъ Мальтреверсъ не могъ найти себя утѣшенія въ тѣхъ предметахъ, къ которымъ обыкновенно уривгаются люди, разочарованные и недовольные дѣйствительностью. Онъ жилъ отшельникомъ въ своемъ помѣстьѣ, ни съ кѣмъ не видался, проводилъ все дни въ одинокахъ, грустныхъ скитаніяхъ; вѣтромъ принимался за книги, но умъ его былъ утомленъ, и книги ему постыли. Онъ уже столько перечиталъ, что книги немного могли представить, чего бы онъ не зналъ. А біографіи писателей, этихъ волупризраковъ, полулюдей, которые, кажется, не имѣли другой жизни, кромѣ неосязаемой тѣни своей безомертной мысли, не обращали вдохновеніе, которое онъ могъ бы почерпнуть въ ихъ страшицахъ. Какъ мало они наслаждались жизнью, какъ мало они жили, эти рабы труда, эти труженники мысли! Именами были они при жизни, и именами должны жить по смерти, воздушными, не осязаемыми призраками. Мальтреверсъ въ это время любилъ испытующимъ взоромъ вѣривать въ темныя, полубабьтыя философіи древняго міра. Какъ волна гонится за волною, такъ въ душѣ его мысль гнала мысль, и каждое новое заключеніе смывало предъидущее, и само вочесало, не оставляя по себѣ следа. Это состояніе очень обыкновенно у людей съ пламеннымъ воображеніемъ въ тѣ критическія минуты жизни, когда переворотъ въ стремленіяхъ

и надеждах разрушаетъ гармонию элементовъ, сливаясь чувствительныхъ къ каждому вышнему навору. Слабыя души въ этой борьбѣ погибаютъ; сильныя, послѣ тяжелыхъ, тайныхъ страданій, крѣпнутъ.

Изъ этой борьбы вырвало Мальтреверса письмо Флоренціи Лесалье. Содержаніе его было слѣдующее :

«Три дня и три бессонныя ночи размышляла я о томъ, должна ли я идти къ вамъ или нѣтъ. О, Эрнестъ, еслибъ я была еще та, что прежде, въ дни здоровья и гордости, я боялась бы, что вы, при своемъ великодушіи, превратно поймете мои слова; но теперь это невозможно. Союзъ нашъ уже невозможенъ, и всѣ мои надежды слились въ одну сладостную, грустную надежду, что вы снимете съ моихъ послѣднихъ часовъ мучительную казнь — сознанія вашего гнѣва. Мы оба были жертвою ужаснаго обмана, жестокаго предательства. Три дня назадъ узнала я козни, опутавшія насъ. И тогда ваша клятва совершилась, Эрнестъ! — но среди мученій поздняго раскаянія, я хоть на мгновение почувствовала невыразимое, несравненное блаженство! Эрнестъ Мальтреверсъ, предметъ моихъ мечтаній, тотъ, кого я любила, — былъ такъ же чистъ и благороденъ, какъ прежде; онъ былъ достоинъ моей любви, — за него не тяжело страдать и умирать! Мнѣ представили письмо вашей руки, какъ кажется, подчищенное и переправленное; но я не могла замѣтить подлога. Только свидѣтельство собственной вашей руки могло убѣдить меня въ дѣйствительности того низкаго поступка, въ которомъ васъ обвиняли! не ужели вы могли думать, что я убѣдилась бы другимъ доказательствомъ, что я повѣрила словамъ — даже клятвѣмъ другихъ? Если такъ, то вы были несправедливы ко мнѣ! Но я заслуживала этого наказанія, — я сама связала себя клятвою хранить тайну! теперь клятва моя разрѣшена — моя смерть разрываетъ ее! Эрнестъ, возлюбленный Эрнестъ — мой возлюбленный до послѣдняго біенія моего сердца, — напшите мнѣ одно слово, — слово утѣшенія и прощенія. Вы повѣрите тому, что я пишу съ трудомъ и такъ нестройно, потому что если вы всегда осуждали мои недостатки, за то признавали всегда мою правдивость. Я теперь спокойнѣе и счастливѣе, одно ваше слово довершитъ мое блаженство! Судьба, можетъ-быть, милостивѣе къ намъ обоимъ, чѣмъ мы воображаемъ въ своей человѣческой слѣпотѣ и строптивости; потому что, теперь, когда тѣло мое удручено болѣзью, въ одиночествѣ

моей комнаты, я могу съ смиреніемъ вопрошать свое сердце, и вижу въ настоящемъ ихъ свѣтъ недостатки, которые я нѣкогда считала добродѣтелями. Я вижу, что еслибъ сбылось ваше желаніе, я всегда любила бы васъ; но можетъ-быть, не могла бы составить ваше счастье, и — можетъ-быть, — узнала бы горестъ лишиться вашей любви. Тотъ, который предназначилъ васъ на такую славную, — еще не совершившуюся, — судьбу, да укрѣпитъ васъ, когда мои глаза не будутъ уже блеснуть радостью вашему торжеству, или плакать надъ каждымъ вашимъ огорченіемъ. Идите твердою стопою по широкому и свѣтлому пути, куда ведетъ васъ ваше призваніе. Еще нѣсколько лѣтъ, и память моя, можетъ-быть, будетъ являться въ прошедшемъ, какъ пережитая мечта, — какъ разсѣявшійся сонъ! — Но — я не могу болѣе писать. Простите — да хранитъ васъ Богъ!»

IV.

О, удержите стремленіе вашего великодушія; оно слишкомъ внезапно поражаетъ слабѣющую душу.

Драйденъ.

Врачъ только что сдѣлалъ свой вечерній визитъ; лордъ Сексигемъ отправился на министерскій обѣдъ, потому что дѣйствительная жизнь всегда должна идти своимъ путемъ, не обращая вниманія на смерть; леди Флоренція Лессальсъ оставалась одна. Она сидѣла въ комнатѣ, прилегавшей къ ея спальнѣ, — въ той самой комнатѣ, гдѣ, бывало, она, баловень судьбы и богатства, любила предаваться всѣмъ прихотямъ своей причудливой фантазіи. Здѣсь она обыкновенно мечтала, писала, занималась, — здѣсь она въ первый разъ была поражена новизною и величіемъ идей, высказанныхъ въ оригинальныхъ сочиненіяхъ Эрнеста; здѣсь она впервые задумала свой дѣвическій романъ, свою безыменную переписку съ нимъ; здѣсь же она въ первый разъ внутренно созналась что-то, что было сперва одною прихотью, породило любовь; — здѣсь прошла она всѣ быстро-смѣняющіеся степени любви; — сомнѣніе, надежду, восторгъ; потомъ страхъ, уныніе, убійственное отчаяніе! И здѣсь же, теперь, она печально, но покорно ожидала неизбѣжной смерти. Книги, картины, инстру

менты, мраморные бюсты, полузакрытые классическими драпировками — и вся прелесть мелочи женской роскоши, по прежнему украшала комнату и придавала ей такой вид веселости и изящества, какъ будто юность и красота должны были вечно обитать въ ней — будто мракъ и безмолвіе могли бы единственная надежная обитель для всего земнаго.

Флоренція Лессельсъ умирала; впрочемъ не совсѣмъ отъ той довольно обыкновенной, хотя и загадочной болѣзни — сердечнаго сокрушенія. Здоровье ея всегда было слабое, потому что всегда было подъ вліяніемъ безпокойнаго и раздражительнаго характера; она медленно, незамѣтно разрушалась гораздо прежде еще, чѣмъ Эристъ открылся ей въ любви. Человѣкъ опытный давно уже могъ бы признать, въ странномъ блескѣ ея огромныхъ глазъ, въ необыкновенной прозрачности ея пылаго румянца, признаки смертельнаго недуга. Въ тотъ вечеръ, когда она, томимая нетерпѣніемъ и тоскою, такъ безразсудно выбѣжала на встрѣчу Лумлею, котораго послала къ Мальтреверсу, сама едва зная зачѣмъ, и въ какой надеждѣ, — въ тотъ вечеръ она была уже въ сильномъ жару. Дождь и холодъ вогнали болѣзнь внутрь, душевное напряженіе и раздраженіе ускорили ея развитіе — послѣдовалъ бредъ. По одному изъ тѣхъ пагубныхъ предразсудковъ, отъ которыхъ еще не освободилась медицина, и которые побуждаютъ ее отнимать у тѣла главный источникъ жизненной силы въ то время, какъ оно наиболѣе нуждается въ ней, ей тотчасъ пустили кровь, и тѣмъ доставили временное успокоеніе, и свертгли ее въ неизлѣчимуую слабость. Ее пользовали первые врачи въ Лондонѣ, и лордъ Сексингемъ былъ твердо убѣжденъ, что болѣзнь была вовсе не опасна. Не въ его характеръ было думать, что смерть позволить себѣ подобную дерзость съ леди Флоренціею Лессельсъ, тогда какъ на свѣтъ было столько бѣдныхъ людей, которыхъ жизнь была далеко не такъ драгоценна. Но Флоренція понимала опасность и ея высокая душа не страшилась смерти. Только когда Чезарини, терзаемый угрызениями совѣсти, написалъ ей и признался въ своемъ предательствѣ, принимая все на себя, какъ обещалъ, и не упомянувъ даже о сообщничествѣ другаго лица, — только тогда стало ей жалъ жизни, только тогда почувствовала она желаніе, еще разъ взглянуть на прекрасный міръ глазами любви и восторга. Но физическія страданія обнаруживаютъ обыкновенно твердость и силу души, которыхъ

человѣкъ и не подбирала въ себя въ здоровомъ состояніи. Богъ, въ милосердіи своемъ, положилъ законныя природы, чтобы по-мѣрѣ приближенія нашего къ могилѣ, скользкій путь становился передъ нами гладкимъ и пріятнымъ, и чтобы по-мѣрѣ оладенія въ нашихъ глазахъ земныхъ заввоъ, смерть съ каждымъ днемъ теряла свою личину страха, такъ что мы, наконецъ, нидаемся въ ея объятія, какъ утомленный ребенокъ на грудь матери.

Тяжело было леди Флоренціи слушать одиобразный бой часовъ, считавшій убыль немногихъ и нерадостныхъ часовъ, остававшихся ей жить. Закрывъ лицо руками, и эмершись на столыкъ, стоявшій у дивана, сидѣла она, погруженная въ грустныя думы. Куда дѣвались гордая осанка и величественная погусть, которыя недавно еще придавали ей такой повелительный, такой царотвенный видъ! Около нея не было друзей, потому что у Флоренціи ихъ никогда не бывало. Одинокa была ея жизнь, и одиоко должна была она провести предемертныя часы.

Въ то время когда она такъ сидѣла, погруженная въ горькую думу, стукъ колесъ по мостовой заставилъ слегка задрезжать стекла въ ея окнахъ. Стукъ умолкъ, карета остановилась у подъезда. Флоренція встрениулась и подняла голову. — Ничъ, ничъ, невозможно! прошептала она, и легкий румянецъ набивалъ на ея скулашнія, блѣдныя щеки, и грудь ея заволновалась подъ платьемъ, сдѣланнымъ на ней мѣлкою. Последовало молчаніе, которое казалось ей цѣлымъ вѣкомъ; сердце ея замерло, и она отвернулась въ глубокомъ вздохѣ.

Въ это мгновеніе вошла ея горничная въ ужасныхъ яелькахъ.

— Извините, миледи, но....

— Что такое?

— Министръ Мальтреверсъ пріѣхалъ, и желаетъ васъ видѣть. Буртошъ послалъ за мною, и я стѣчала, что миледи нездоровы, и ни кого не могутъ принять; но министръ Мальтреверсъ хочетъ непременно васъ видѣть, — сказалъ, что подождетъ въ библиотекѣ, и требовалъ, чтобы я доложила.

Мистрисъ Шинвилль была не мастерица говорить и голосъ ея былъ не изъ самыхъ пріятныхъ; однакоже никакое красовѣрчье никогда не производило на Флоренцію такого пріятнаго впечатлѣнія, какъ ея слова въ эту минуту. Юность, любовь, красота, все окруило въ одинъ мгно-

вопіе; глаза ея заблестали и щеки зардѣлись обманчивымъ румянцемъ.

— Хорошо, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, проси мистра Мальтреверса сюда.

— Сюда, миледи? — хоть позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, пригласить сначала ваши волосы — вы въ такомъ неглижѣ!

— Все равно, Шинфельдъ; мистръ Мальтреверсъ не вздыхаетъ съ большой. Поди, проси его.

Мистрисъ Шинфельдъ пожала плечами и вышла. Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги на лѣстницѣ, потомъ скрипъ дверей, — Мальтреверсъ и Флоренція были опять одни. Онъ остановился неподвижно на порогѣ. Флоренція невольно встала; они стояли другъ противъ друга, и свѣтъ лампы ударялъ ей прямо въ лицо. О, это зрѣлище никогда не изгладится изъ памяти Мальтреверса! никогда не перестанетъ это искаженное страданіемъ лицо являться ему какъ привидѣніе, въ толпѣ и въ одиночествѣ, среди сіянія дня и во тьмѣ ночной, всегда съ тѣмъ же выраженіемъ покорной любви и тихаго укора! Оно разъ заглянуло въ его сердце и навѣки оставило тамъ свой образъ! Не забыть ему никогда этихъ щекъ, нѣкогда такъ прекрасно округленныхъ, а теперь обратившихся въ угловатыя линіи и впадины — этой темной черты подъ глазами, этихъ побѣлѣвшихъ губъ, — этого безнормальнаго истомленнаго выраженія, замѣниваемаго гордымъ и яснымъ взглядъ, полный жизни, генія и женской нѣжности!

— Мальтреверсъ стоялъ пораженный состраданіемъ и ужасомъ. Наконецъ глубокій вздохъ вырвался изъ его груди; — онъ бросился къ ногамъ Флоренціи, схватилъ обѣ ея руки и, громко рыдая, покрывалъ ихъ поцѣлуями. Желѣзная твердость его души была совершенно уничтожена и страшно было смотреть на этотъ потокъ чувствъ, такъ долго удерживаемыхъ и наконецъ съ необузданною силой вырвавшихся на волю.

— Не плачьте такъ, шептала леди Флоренція, испуганная его волненіемъ, я очень перемѣнилась, но я сама виновата, Эрнестъ! какъ могла я быть такъ безразсудна! — и вы меня прощаете! Я опять ваша, — опять, хоть на короткое время. Ахъ, не печальтесь такъ, когда я такъ счастлива!

Въ то время, какъ она говорила, слезы — только не жгучія, не горькія слезы какъ его, — тихо падали на его наклоненную голову и на руки, еще судорожно сжимавшія ея руки. Мальтреверсъ пе-

чужно взглянулъ на нее и содрогнулся при видѣ ея принужденной улыбки. Онъ быстро всталъ, бросился въ кресла и закрылъ лицо руками. Онъ старался усиліемъ воли превозмочь свое волненіе и только движеніе его груди, сильное, прерывистое дыханіе изобличали борьбу, происходившую въ его душѣ.

Флоренція съ минутой смотрѣла на него съ горькимъ, почти съ ироническимъ сожалѣніемъ. — И этотъ человѣкъ могъ казаться мнѣ неспособнымъ ни къ какому мягкому чувству, — вотъ сердце, которое я поправа — душа, которой я не довѣрала!

Она подошла къ нему слабыми и дрожащими шагами, положила руку на его плечо; но любовь превозмогла и она обвила свои руки около его шеи.

— Такова наша судьба, — моя судьба! сказалъ наконецъ Мальтреверсъ, глухимъ но спокойнымъ голосомъ, будто просыпаясь отъ страшнаго сна.

Въ голосѣ и въ мысляхъ Эрнеста было какое-то неестественное, раздражающее спокойствіе, которое ужаснуло Флоренцію гораздо болѣе, чѣмъ прежняя его бурная горестъ. Онъ всталъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, бормоча что-то про себя, и будто не замѣчая ея присутствія. Дѣйствительно онъ не видѣлъ ея въ эту минуту. Наконецъ онъ остановился, вперилъ неподвижный взоръ на леди Флоренцію, и сказалъ почти шопотомъ, но голосомъ, отъ котораго стыла кровь въ жилахъ:

— Имя, — имя предателя?

— Нѣтъ, Эрнестъ, никогда! Вы не узнаете его, пока не дадите мнѣ слова отказаться отъ намѣренія, которое я читаю въ вашихъ глазахъ. Онъ признался — поклялся, — я простила его, и вы должны простить также.

— Его имя, повторилъ Мальтреверсъ; и лицо его, до-тѣхъ-поръ очень одушевленное, стало блѣдно, какъ смерть.

— Простите его! дайте мнѣ слово, что вы простите.

— Его имя? я хочу знать его имя! и Мальтреверсъ съ яростью боднулъ ногою.

— Хорошо ли это? вы меня пугаете, — вы убьете меня! сказала Флоренція слабымъ голосомъ, и въ изнеможеніи падала на диванъ. И

безъ того уже слабая, она не могла выдержать этой раздирающей оцѣны; она заломила руки и зашлась горькими слезами.

— Вы не хотите сказать мнѣ его имени? сказалъ Мальтреверсъ громкимъ и твердымъ голосомъ. — Какъ угодно. Я болѣе не стану спрашивать. Я могу и самъ отыскать его. Богъ, каратель неправды, откроетъ мнѣ его имя.

Съ этой мыслью онъ нѣсколько успокоился; видъ плачущей Флоренціи, мало-по-малу укротилъ порывъ бышенства, несвойственного его мягкой душѣ. Онъ свѣлъ подлѣ нея, и старался всеми средствами, какія могъ придумать, утѣшить и успокоить ее! И тутъ, когда смерть уже держала надъ ихъ головами свой погребальный покровъ, они возобновили свои клятвы вѣрности, и опять говорили о своей любви, съ болѣею вѣжностью, чѣмъ когда-либо.

V.

И Эрхтона напечатываетъ ему свои страшныя рѣчи, и повелѣваетъ нести свои роковыя тайны къ духамъ ада.

Марло.

Тяжелыми стопами взобрался Мальтреверсъ въ этотъ вечеръ въ свою одинокую квартиру; и тяжело вздохнувъ, опустился въ первыя попавшіяся кресла.

Былъ сильный морозъ. Во время продолжительнаго его свиданія съ леди Флоренціею, слуга поспѣшилъ на квартиру, чтобы на скорую руку приготовить ее къ возвращенію хозяина. Но спальня казалась голой и пустой, завѣсы и ковры были сняты; ключницы холостяковъ удивительно заботливы на этотъ счетъ; едва успѣвъ баринъ обернуться, онъ уже все чистятъ, прибираютъ, переставляютъ, въ восхищеніи, что есть случай поважничать и похлопотать. Даже огонь въ каминѣ какъ-то не разгорался; сырой уголь только тлѣлся и трещалъ. Комната была обширна, и свѣчи скудно освѣщали ее. На столѣ лежали парламентскія записки, памфлеты, счета, книги, поднесенныя молодыми авторами, — свидетельства вѣчно кипящей дѣятельности того непрерывнаго механизма, который мы называемъ свѣтомъ. Мальтреверсъ ничего не примѣчалъ: даже зимній морозъ не

могъ освѣжить крови въ его жилахъ. Камердинеръ его, очень любимый Мальтреверса, какъ и всѣ хорошо знавшіе его, съ безпокойствомъ ходилъ изъ угла въ уголъ, то поправлялъ огонь, то приносилъ теплый халатъ, то ставилъ бутылку вина на столъ, дѣлалъ вопросы, на которые не было отвѣта, и навязывалъ свои услуги, на которыхъ никто не смотрѣлъ. Мелкія колеса жизни продолжаютъ дѣйствовать попрежнему, хотя бы главное было разбито. Мальтреверсъ былъ, такъ сказать, въ какомъ-то душевномъ онемѣніи. Буря чувствъ совершенно истощала его силы. Онъ впалъ въ то безчувственное состояніе, которое обыкновенно сопровождаетъ сильное горе и иногда предшествуетъ ему. Наконецъ онъ остался одинъ и одиночество непримѣтно возвратило ему сознаніе горести. Потому что, можно замѣтить, что когда насъ настигнетъ сильное горе, присутствіе посторонняго будто раздвѣляетъ память и сердце; удалите это препятствіе и поднятый молотъ падетъ мгновенно на наковальню. Когда слуга заперъ за собой дверь, Мальтреверсъ вскочилъ и сдвинулъ шляпу съ нахмуренныхъ бровей. Нѣсколько времени ходилъ онъ взадъ и впередъ, но и холодный воздухъ комнаты казался ему душенъ.

Бываютъ случаи, когда горе снѣдаетъ насъ, что все окружающее пространство кажется намъ тѣснымъ. Какъ раненая лань, хотѣли бы мы бѣжать безъ остановки; мы чувствуемъ какое-то невыразимое, почти безумное желаніе бѣжать отъ себя самихъ. Душа рвется вонъ, — рвется улетѣть въ безпредѣльность.

Мальтреверсъ наконецъ съ нетерпѣніемъ отворилъ окно на балконъ, съ котораго открывалась, съ нѣкоторой высоты, значительная часть парка. Онъ вышелъ на балконъ и открылъ грудь, чтобы освѣжить ея. Темныя, тяжелыя облака, тянулись въ холодномъ воздухѣ, почти сливаясь съ туманомъ, который стлался по землѣ и окутывалъ, будто саваномъ, голыя сучья деревьевъ и кустарниковъ. Все окружающее впитало въ души Мальтреверса грустную думу объ увяданіи красоты, о краткости жизни, о могилѣ. Ему казалось, будто смерть, подъ видомъ всеразрушающей зимы обхватывала его своими ледяными объятіями. Изнуренный борьбою съ жгучими ощущеніями, терзавшими его сердце, онъ предался имъ безъ сопротивленія. Такъ стоялъ онъ, недвижно, и не слышалъ, ни шума у подъезда, ни шаговъ на лестницѣ — и только тогда замѣтилъ, что кто-то вошелъ въ комнату, когда почувствовалъ чью-то руку на плечъ. Онъ обернулся и уви-

дать передъ собою блудной, какъ открылась, лице Кастручіо Чезарини.

— Странная ночь и странный часъ, Мальтреверсъ, сказали Итальянецъ, съ злобницею улыбкой, какъ разъ для нашего свиданія съ вами.

— Оставьте меня! возразилъ Мальтреверсъ съ досадою. — Мин, право, не до того, чтобы слушать ваше панъищонное пустословіе.

— Вы должны, однакоже, выслушать меня до конца. Я надидалъ вашего прихода, считалъ каждую минуту, которую вы пробыви съ мною. — последовалъ за вами домой. Если вы человекъ, если у васъ есть страсти, то всякое человецество должно быть убито въ данной душѣ и встрѣтиться съ вами должно быть отравлено, тамъ войти въ берлогу мѣстаго звѣря. По этому я пришелъ къ вамъ, и не боюсь вашей ярости. — Слушайте. Леда Флоренція отырыла ли вамъ имя того, кто васъ обманывалъ, и одѣлался виновникомъ съ смерти?

— Какъ! вскричалъ Мальтреверсъ, поблгднвъ отъ ужаса и устремивъ на Чезарини испытующій взоръ: — Неужели это вы? — нать — мои подозрѣнія пали на другаго.

— Это я самъ. Дѣлайте, что хотите.

Когда Чезарини произнесъ эти слова, какъ Мальтреверсъ съ дикимъ воплемъ бросился на него; схватилъ его обими руками, поднял на воздухъ будто ребенка, размахивая имъ какъ игрушкою; еще минуту, и можетъ-быть, Мальтреверсъ, ослѣпленный жаждою мести, бросилъ бы преступника съ высоты, на которой они стояли. Но минута искушенія прошла, — Чезарини стоялъ, опираясь объ стѣну, цѣль и довердимъ, но едва помня себя отъ страху и быненства.

Онъ былъ одинъ. Мальтреверсъ бѣжалъ отъ самаго себя, въ свою комнату, бѣжалъ отъ бури своего сердца, подъ защиту Вездозущаго.

— Отецъ, престоналъ онъ, бросаясь на колѣна, поддержи меня, — спаси меня, безъ Тебя я погибъ!

Но скоро Чезарини пришелъ въ себя; вспомнившись, онъ возвратился въ комнату. Онъ былъ уже не въ полномъ умѣ, и съ яркимъ остервененіемъ бросился дразнить льва, пощадившаго его жизнь. Мальтреверсъ уже окончилъ свою короткую молитву. Твердо и спокойно стоялъ онъ, сложивъ руки на груди, надѣвъ Итальянца, который бросился на него съ яростію и угрозою въ лицо и къ дн-

женить, — но незвольно остановился передъ змѣй холодеющимъ, по-
вѣстельнымъ взоромъ.

— Стало быть это вы! сказали наконецъ Мальтреверсъ, тихимъ
и спокойнымъ голосомъ; — извольте же продолжать, — какія сред-
ства употребилъ вы для этого?

— Собственное ваше письмо! Помните, нѣсколько мѣсяцевъ тому
назадъ, я писалъ вамъ о своихъ надеждахъ, и просилъ вашихъ со-
ветовъ и вашего мнѣнія о той, которую я любилъ? Помните, что
вы мнѣ отвѣтили? Съ сомнѣнiемъ, съ притворною неприязнiю и почти
съ презрѣнiемъ отзывались вы тогда о женщинѣ, которой сердце вы
потомъ коварнымъ обманомъ похитили у меня! Я подчистилъ это
письмо; сомнѣнiе, которое вы изъявляли на счетъ моего счастья,
вышло безпокойствомъ о собственномъ вашемъ счастии. Я перема-
нилъ число — такъ что письмо казалось написаннымъ не во время
перваго вашего знакомства, но уже послѣ того, какъ вы просили ея
руки и были признаны ея женихомъ. Собственное ваше письмо одѣ-
лалось вашею улыкою въ низкомъ корыстолюбiи и коварствѣ. Вотъ
средства, которыя я употребилъ.

— Они удивительно благородны. И вы находите, что вы были
правы? не каетесь?

— Въ поступкѣ своемъ относительно тебя я не каюсь; даже считаю
тебя первымъ виновникомъ. Ты отнял у меня ту, которая
была для меня всемъ въ мiрѣ, и чѣмъ бы ты ни оправдывался, я по-
навѣжу тебя! Мнѣ отраднo видѣть твои страданiя! — Не она — несчаст-
ная, — умираетъ! О Боже, Боже! мое мнѣнiе обратилось на меня!

— Умираетъ! повторилъ Мальтреверсъ глухо и съ содроганiемъ; —
умираетъ! и ты ея убійца! — а я, — я буду ея мстителемъ!

Истощенный душевною бурей, Чезарини упалъ на стулъ и закрылъ
лицо руками. Мальтреверсъ угрюмо ходилъ взадъ и впередъ по ком-
натѣ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчанiе.

Наконецъ Мальтреверсъ остановился противъ Чезарини и сказалъ:
— Вы пришли сюда не столько для того, чтобы созваться въ самомъ
низкомъ преступленiи, какое можетъ обезчестить человека, какъ для
того, чтобы посмѣяться надъ моими страданiями и возбудить меня къ
отмщенiю! Но ступайте; жизнь ваша теперь въ безопасности. Пока
она жива, я не властенъ отдавать мою жизнь на волю случая, —
если она встанетъ, то я могу еще васъ простить и сожалѣть о

васъ. Для меня совершенно, ванг не ступокъ, какъ онъ ни гнусенъ, ниже моего презрѣнiя; одни только послѣдствiя его въ отноше- нии этой благородной, несчастной женщины, могутъ возвысить его до оскорбленiя, требующаго мести; они одни дѣлаютъ жизнь вашу достойною и необходимою жертвою, — не мщенiю, а правосудiю.

— Нѣтъ, я не позволю вамъ съ вашей холодною надменностью, располагать мною по своему произволу, и присвоивать себѣ право карать и прощать! — Нѣтъ, продолжалъ Чезарини, топая ногою, этого не будетъ! Я не хочу вашей пощады, напротивъ, я самъ вызываю васъ! Вы воображаете, что я васъ обидѣлъ; я же говорю, что обидчикъ — вы! Если бъ не вы, она полюбила бы меня, — была бы моею. Но оставимъ это. Если бы не вы, то я, по-крайней-мѣрѣ, никогда не запятналъ бы своей души гнуснымъ преступленiемъ и не свелъ бы ее, благороднѣйшую изъ женщинъ, въ могилу! Если она умретъ, то убийца, можетъ-быть, — я, но вы были тому первой причиною — вы демонъ искушитель, вовлекшiй меня въ преступленiе. Я васъ презираю, во мнѣ нѣтъ болѣе состраданiя — жилы мои объаты пламенемъ; — сердце жаждетъ крови! Вы — вы — еще можете видѣть, утѣшать ее — ходить за нею — а я, — я, который такъ любилъ ее, — я, который готовъ былъ лобызать землю, на которую она ступала — я — но не въ томъ дѣло! — Я ненавижу васъ, — обещаю васъ, — объявляю васъ трусомъ и подлецомъ, чтобы именемъ чести принудить васъ къ удовлетворенiю, въ кото- ромъ вы мнѣ отказываете!

— Иди домой — безумецъ — пади на колѣни и моли Бога о про- щенiи, — своди свой страшный расчетъ — и не ропщи на дни, ко- торые еще оставлены тебѣ для того, чтобы смыть съ души это гну- сное пятно. Между-тѣмъ, какъ я говорю съ тобою, я очень хорошо вижу, что дни ея сочтены, а съ ея жизнью неразрывно связана твоя. Не пройдетъ дня послѣ ея смерти, и мы увидимся съ тобою: но те- перь я буду безчувственъ какъ ледъ или камень — и ты ничѣмъ не поколеблешь моего рѣшенiя. Я не могу помрачить послѣднихъ ча- совъ ея жизни зрѣлищемъ кровопролитiя, — ни даже мыслью о не- избѣжной мести. Вонъ отсюда, или слуги вытолкнутъ тебя, ты слиш- комъ гнусенъ, чтобы уста твои могли вдыхать одинъ воздухъ съ честными людьми. Убирайся — говорю тебѣ, убирайся!

«Хотя ни одинъ мускулъ не пошевелился въ лицѣ Мальтреверса,

ни одна морщина не подернула его гордаго чела, ни одна искра не блеснула въ его пронизательномъ и презрительномъ взорѣ, однако же въ его осанкѣ, въ движеніи его руки, въ силѣ и твердости его голоса, было столько непреклонной воли, что несчастный, обезсмысленный собственными страстями, былъ не въ состояніи долже съ нимъ бороться. Онъ хотѣлъ отвѣчать презрѣніемъ на презрѣніе, но губы его дрожали и голосъ замеръ въ груди глухимъ рычаніемъ. Мальтреверсъ взглянулъ на него съ убійственнымъ презрѣніемъ. Стыдъ и бѣшенство тщетно боролся въ душѣ Итальянца съ безсиліемъ; холодный, пронизательный взоръ, устремленный на него, оковалъ его волшебною силою, и Чезарини не могъ свергнуть съ себя этого вліянія, ни даже бороться съ нимъ. Манинально пошелъ онъ къ двери, обернулся, чтобы только погрозить Мальтреверсу сжатымъ кулакомъ, и съ дикимъ, безумнымъ хохотомъ выбѣжалъ изъ комнаты.

VI.

Душа, готовясь въ разлукѣ, прижимается къ возлюбленной груди.

Грей.

Не проходило дня, чтобы Мальтреверсъ не былъ у Флоренціи. Онъ приходилъ рано и сидѣлъ у ея изголовья до поздней ночи. Онъ сталъ по прежнему ея нареченнымъ женихомъ, не объяснившись даже о томъ съ лордомъ Сексингемомъ. Эта забота была предоставлена Флоренціи, и она, безъ сомнѣнія, очень хорошо устроила дѣло, потому что лордъ казался доволенъ; впрочемъ онъ былъ задумчивъ и даже печаленъ, — чуть ли не въ первый разъ въ жизни. Мальтреверсъ не упоминалъ о причинахъ несчастной размовки. И ни разу, съ этого вечера, не давалъ онъ воли чувствамъ, терзавшимъ его душу, не упрекалъ себя, и даже не позволялъ себѣ бесполезныхъ сожалѣній о предстоящей разлукѣ. Какихъ усилій оно ему ни стоило, однако жъ онъ съ стонческою твердостью подавлялъ въ сердцѣ горестъ и страданіе. Единственною его цѣлю, единственнымъ желаніемъ, единственною надеждою, было — оградить послѣдніе часы Флоренціи Лессельсъ отъ всякаго огорченія, облегчить, усладить ей по возможности переходъ отъ жизни къ безсмертію. Его предусмотрительность,

его присутствіе духа, его нѣжная заботливость переходили за гробъ, доступный обыкновенно мужчинамъ; онъ умѣлъ усвоить себѣ все тѣ неслучайныя мелочи, которыя дѣлаютъ женщину ангеломъ-утѣшителемъ въ скорби и страданіи. Казалось, будто все силы его души устремились къ исполненію одной обязанности, которая была еще сильнѣе любви; будто онъ рѣшился заставить Флоренцію забыть, что у нея не было матери.

А Флоренція, какъ она любила его! какъ несравненно сладостнѣе была теперешняя ея благодарная, нѣжная любовь, противъ прежней, — взыскательной и ревнивой. Ея характеръ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ болѣзняхъ, становился мягче и кротче, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ гробу. Она любила, чтобы онъ читалъ ей вслухъ, любила бесѣдовать съ нимъ. Они бесѣдовали о жизни за гробомъ, о той жизни, въ которой должны были снова соединиться, чтобы уже не разлучаться. Эти бесѣды возносили ихъ души и проливали неизъяснимую усладу на ихъ горести и страданія.

Среди такой бесѣды, прервалъ ихъ однажды слуга, приходившій доложить о лордѣ Варгревѣ, и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ въ комнату Лумлей Феррерсъ, наследовавшій это достоинство послѣ дяди. Флоренція еще не видала его послѣ смерти дяди, а Мальтреверсъ съ роковаго вечера для Флоренцій. Оба невольно вздрогнули, Мальтреверсъ всталъ и отошелъ къ окну. Лордъ Варгревъ взялъ руку двоюродной сестры и молча поднесъ ее къ губамъ; на лицѣ его была написана глубокая горестъ, — въ первый разъ, можетъ-быть, не поддѣльная.

— Вы видите, Лумлей, я покоряюсь судьбѣ и даже счастлива, сказала Флоренція съ кроткою улыбкой.

Лумлей взглянулъ на Мальтреверса и встрѣтилъ такой холодный и пронизательный взоръ, что онъ смѣшался и невольно отступилъ. Однако же онъ тотчасъ же оправился.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ онъ съ притворнымъ участіемъ, опять видѣть здѣсь Мальтреверса. Теперь надо надѣяться, что все будетъ къ лучшему.

Мальтреверсъ медленно подошелъ къ Лумлею. — Подадите вы мнѣ руку *теперь*? спросилъ онъ голосомъ, изблѣчившимъ то, чего не договаривали слова.

— Охотнѣе, чѣмъ когда-либо, отвѣчалъ Лумлей; и даже не смутился.

— Я довелась, сказала Малюткина после некоторого молчания: Близость таких благородных души; что благородство убивает в них провинительность. Малюткина не могъ вообразить; чтобы эта откровенность была одною личною; такое лицемеріе было выше его воляти. Онъ скорее рывался бы удавить противника; чѣмъ подать руку человеку, противъ котораго онъ былъ бы виновенъ въ предательствѣ.

— Мнѣ пріятно видѣть васъ друзьями, сказала Флоренція, съ любовью смотря на обонхъ, — для васъ, Лумлей, эта дружба должна бы быть величайшимъ счастьемъ. Я всегда любила васъ, Лумлей, какъ брата, не смотря на то, что мы часто не сходились въ мнѣніяхъ и характерахъ.

Лумлей заморгалъ глазами. — Прощу васъ, вскричалъ онъ, не говорите такъ вѣжно; я не могу этого вынести. Слышать такіа рвчи, и думать....

— Что я умираю? Последнія слова наши должны бы всегда быть словами любви. Но довольно объ этомъ. — Я принимаю большое участіе въ вашей утратѣ, Лумлей!

— Да, бѣдный дядя! отвѣчалъ Лумлей, радуясь случаю перемѣнить предметъ разговора; — только это внезапное пораженіе и прискорбныя обязанности, которыми я былъ заваленъ, могли поминать мнѣ до этого времени навѣстить васъ. Но я каждый день посылалъ справляться о вашемъ здоровьи, и мнѣ было весьма утѣнительно слышать, что Эрнестъ возвратился, и что онъ при васъ. Что касается до меня, прибавилъ онъ съ томною улыбкою, дядя завѣщалъ мнѣ мнѣсть съ почестями и важными обязанностями; онъ назначалъ меня опекуномъ надъ наследницею его богатства и помолвилъ меня съ ребенкомъ.

— Это какъ?

— Да такъ же; дядя такъ любилъ дочь, что оставилъ ей почти все свое состояніе; только небольшое помѣстье, — тысячки въ двѣ доходу, -- переходить съ лордскимъ достоинствомъ, — и въ добавокъ свѣжее титуло, которое требуетъ вдвое болѣе издержекъ для придачи ему надлежащаго блеску! — Но, чтобы разомъ достигнуть двухъ цѣлей, то-есть, доставить титуло своей Эвелинѣ и вознаградить племянника за потерю состоянія, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я женился на дѣвцѣ, надъ которой назначенъ опе-

купить, когда ей минуло восемнадцать лѣтъ! — Но увы! мнѣ тогда будетъ уже за сорокъ! И, если она не захочетъ такого пересыпалаго жениха, то лишается только тридцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ изъ назначенныхъ ей двухъ сотъ тысячъ. Эти тридцать тысячъ отойдутъ въ такомъ случаѣ ко мнѣ, какъ конюшка, въ утѣшenie за ея отказъ. Вотъ вамъ и все. Вдовъ своей, — прекраснѣйшая женщина — онъ оставилъ полторы тысячи фунтовъ ежегоднаго дохода и свой загородный домъ. Это немного, но она и тѣмъ довольна.

Равнодушіе, съ какимъ говорилъ новый лордъ, взбѣсило Мальтреверса, и онъ отвернулся съ негодованіемъ. Но лордъ Варгревъ, рѣшившись не допускать разговоръ до печальныхъ предметовъ, которые онъ ненавидѣлъ, обратился къ Эрнесту, и сказалъ: — Кстати, любезнѣйшій Эрнестъ, я видѣлъ по газетамъ, что вы получили мѣсто Н** — это мѣсто поведетъ васъ далеко. Позвольте васъ поздравить.

— Я отказался, отвѣчалъ Мальтреверсъ сухо.

— Возможно ли? — зачѣмъ?

Эрнестъ закусилъ губы и нахмурилъ брови; взоръ его невольно обратился на Флоренцію. Лумлею показалось, что онъ угадывалъ отвѣтъ на свой вопросъ, и онъ замолчалъ.

Разговоръ затѣмъ шелъ вяло и несвязно. Лумлей удалился при первой возможности, а леди Флоренція къ ночи стало хуже, и она не вставала во весь слѣдующій день. До-тѣхъ-поръ, пока она чувствовала въ себѣ нѣсколько силъ, она вставала и выходила изъ своей комнаты на нѣсколько часовъ; но съ каждымъ днемъ эти промежутки становились короче и рѣже. Смерть приближалась съ ужасною быстротою. Самъ даже лордъ Сексингемъ наконецъ понялъ печальную истину, съѣлъ у постели больной дочери, и забылъ на время, что онъ важный человекъ.

VII.

Оставьте меня, друзья! зачѣмъ такъ заботиться о томъ, что скоро будетъ указывать одна каменная плита въ церкви?

Красьбъ.

Оно можетъ показаться страннымъ, но Мальтреверсъ никогда не любилъ леди Флоренціи такъ, какъ въ настоящее время. 8 Была ли

то слабость человеческой природы; которая заставляет насъ болѣе и болѣе привязываться къ умирающему предмету по мѣрѣ того, какъ увидимъ наши надежды? или это происходило отъ того, что красота души всегда дѣйствовала на него сильнѣе красоты тѣлесной, а душа Флоренціи пышнѣе раскрывалась по мѣрѣ того, какъ тѣло ея склонялось въ могилу? Для гордости мужскаго сердца нѣтъ ничего дороже существа, которому онъ можетъ служить опорой, утѣшеніемъ, покровомъ! гордая женщина, которой сердце не нуждается въ опорѣ мужчины, утрачиваетъ все свое вліяніе на насъ полъ.

Я не намѣренъ описывать всѣхъ степеней этого горестнаго процесса разрушенія человеческой жизни; тѣмъ болѣе, что не моему холодному, пытливому перу подѣ силу такая задача. Наконецъ наступилъ день, когда врачи могли сосчитать часы, оставшіеся до окончательнаго отршенія души отъ ея земныхъ оковъ. Тутъ уже не время было соблюдать чинныя правила высшаго общества. Мальтреверсъ каждый день хоть нѣсколько часовъ сидѣлъ у постели, которую леди Флоренція Лессельсъ уже не покидала. Твердость и покорность не оставляли ея до послѣдней минуты; до послѣдней минуты она безропотно страдала, любила, надѣялась. Однажды, когда Мальтреверсъ уходилъ, она просила его торжественнѣе и убѣдительнѣе обыкновеннаго, посвятить ее вечеромъ. Она назначила ему даже часъ, и когда онъ вышелъ, она тяжело вздохнула. Мальтреверсъ остановился въ прихожей, чтобы поговорить съ врачомъ, выходящимъ изъ кабинета лорда Сексингема. Эрнестъ говорилъ очень спокойно, и когда выслушалъ приговоръ врачей, ни одно движеніе губъ не изобличило его чувствъ! Я не долженъ еще оплакивать ея! шепталъ онъ, выходя изъ дому. Отсюда онъ отправился къ одному изъ своихъ знакомыхъ; изъ тѣхъ, съ которыми знакомство не можетъ никогда дойти до пріятельства, но основывается на взаимномъ уваженіи, и которые не рѣдко готовы оказать услугу, чѣмъ пріятель. Полковникъ Данверсъ сидѣлъ обыкновенно въ парламентѣ рядомъ съ Мальтреверсомъ; они вмѣстѣ подавали голоса и были одинаковаго мнѣнія, какъ въ политическихъ вопросахъ, такъ и въ частныхъ. Они всегда готовы были дать другъ другу въ займы какую угодно сумму безъ заемнаго письма и даже безъ росписки; и всегда съ жаромъ защищали друга, если кого либо изъ нихъ поносили за спяноу. *Однакоже образъ жизни и привычки ихъ были несхожи, и, встрѣтася*

на улице; они никогда не спускали блз, лишь два принталя : президе-
дствъ дошъ вмѣстѣ. Такия планы не редкость между людьми, ко-
торые уже опредѣляли себя образъ жизни и цѣль, и не могутъ жерт-
вовать ими даже для друга. Полковника Данверса по было дома,
Мальтреверсу сказали, что онъ долженъ быть въ клубъ. Мальтре-
версъ отиралился туда, но и тамъ не засталъ его ; Данверсъ вынелъ
за полчаса, и обещалъ быть въ скоромъ времени назадъ. Мальтреверсъ
вошелъ и сѣлъ въ углу, чтобы дожидаться его. Комната была полна
народу ; но онъ не обращалъ вниманія на телу, онъ не чувствовалъ
потребности уединенія, потому что оно было въ его сердцѣ. Передъ
каминномъ стояло нѣсколько извѣстныхъ политическихъ лицъ, и мно-
жество людей, проводящихъ свое время въ погонѣ за политическими
новостями. Они разговаривали съ большимъ одушевленіемъ, потому
что время подходило къ сильному столкновению партій. Странно по-
кажется, можетъ-быть ; но хотя Мальтреверсъ въ эту минуту былъ
совершенно не въ состояніи внимать разговоръ, однако же онъ со-
вершенно живо припомнилъ его впоследствии, въ первые часы хо-
лоднаго размышленія о будущиъ своихъ дѣйствіяхъ. И воспоминаніе
это еще болѣе усилило его отвращеніе къ политической дѣятельности.
Бесѣда шла о характеръ одного человека, котораго возвышенныя
стремленія нинто изъ этихъ господъ не могъ постигнуть, и которому
они придавали вою мелочность своихъ собственныхъ возбужденій и
воззрѣній.

Одинъ изъ посѣтителей ; увидѣвъ Мальтреверса, угрюмо сѣдшаго
въ углу, подаль ему газету : — Второе изданіе, сказалъ онъ ; въ
немъ напечатана послѣдняя телеграфическая депеша изъ Франціи.

— Благодарю, отвѣчалъ Мальтреверсъ ; и незнакомецъ содрогнул-
ся, услышавъ этотъ короткій отвѣтъ ; столько было глубокой скор-
би и унынія въ голосъ !

Взоры Мальтреверса машинально пробѣжали столбцы газеты, и
остановились на собственномъ его имени. Сочиненіе, которое онъ
писалъ съ такимъ удовольствіемъ въ Темльгровѣ, совѣтуясь на каж-
дой страницѣ съ Флоренціо, это сочиненіе, котораго каждая строчка
была неразрывно связана съ ея воспоминаніемъ, только что вышло
въ свѣтъ. Оно давно уже было отпечатано ; но издатель до этого
времени задерживалъ его по какимъ-то своимъ расчетамъ. Мальтре-
версъ не зналъ о выходѣ книги ; но возвращеніи въ городъ, онъ

всегда водить спящую медалью, чтобы хоть не вынулъся ей, но другія, тяжкія мысли совершенно вытѣснены для работательнѣе нѣе ея ума. И вотъ одна вышла въ свѣтъ со всею торжественностью новаго сочиненія известнаго писателя! Теперь, когда печалью ея могло почтѣться неуваженіемъ къ умирающей, осмръяніемъ, какъ часто жизнь аистава бываетъ въ совершенномъ разладѣ съ жизнью человека! какъ настѣ минуты видимаго торжества для первого, сулъ минуты невыносимаго тайнаго страданія! Книга, писанная съ воотворгомъ и любовью, можетъ явиться въ такое время, когда для насъ нѣтъ радости на землѣ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Это сочиненіе было любимымъ произведеніемъ Мальтреверса; оно было задумано въ минуту высокаго энтузіазма и исполнено подъ глазами Флоренціи; какъ хорошо понимала она, — и она одна, — бѣнне ея сердца въ каждой строкѣ! А теперь! Въ газетѣ, которую онъ держалъ въ рукахъ, былъ разборъ книги, или скорѣе грубая споробитальная статья противъ сочинителя. Все побужденія, какія могутъ очернить писателя, были въ ней приписаны ему; какой-то лижотный инсидка измѣлъ въ ней все, что могла анушить ему желчь. Каждый рецензентъ зналъ, какой ударъ долженъ обрушиться на Мальтреверса въ одно время съ выходомъ книги, онъ вероятно продадеъ бы его; но въ томъ-то и дѣло, что жизнь писателя часто въ совершенномъ разладѣ съ жизнью человека. Первый всегда отдадеъ въ нашъ произволъ, а второй мы почти ничего не знаемъ. Въ настоящемъ своемъ положеніи, Мальтреверсъ не могъ ощущать къ этимъ медкимъ уязвленіямъ ни презрѣнія гордой души, ни гавва тщеславной. Все, что происходило вокругъ и внутри его, было олодно сошь; но какъ сны ивогла вразываются въ память, такъ и онъ, пробудившись изъ этого состоянія, вынесъ изъ него отвращеніе къ прежнимъ своимъ цвляхъ и къ наградамъ своимъ трудомъ. Съ первого года воступленія его на литературное поприще, онъ въ первый разъ былъ чувствителенъ къ оскорбленіямъ критики; зато, чапа была въ это время такъ молна, что при первой лишей каплѣ должна была идти черезъ край.

Наконецъ полковникъ Данверсъ принялъ. Мальтреверсъ отвелъ его въ сторону, и вслѣдъ за тѣмъ они оба вышли изъ клуба.

— Данверсъ, сказалъ Мальтреверсъ, время, е которомъ я гово-

рять вамъ, что нѣтъ-будетъ нужно вамъ сдѣлать, приближаста.
Нельзя ли мнѣ помидаться съ вами ничто вечеромъ?

— Можно ; я пробуду въ палатѣ до одиннадцати часовъ, вы заста-
нете меня дома.

— Благодарю.

— Послушайте, нельзя ли бы уладить дѣло мировою ?

— Нѣтъ, невозможно ; это ссора на жизнь и на смерть.

— Однако же въ нашъ просвѣщенный вѣкъ эти блѣдныя копн
съ старинныхъ поединковъ, неумвѣстны. Древнѣе были, можетъ-быть,
еще погорячѣе насъ, сказалъ Данверсъ съ улыбкою, а обходился
безъ дуэли !

— Когда мы съ вами увидимся, вы узнаете все дѣло. Между-
тѣмъ до свиданія.

— Какъ, вы уже уходите ? — Мальтреверсъ, вы болжны, у васъ
лихорадочный пульсъ, — вамъ надо поберечься.

Мальтреверсъ грустно улыбнулся, покачалъ головою и послѣшно
удалялся.

Трое лондонскихъ городскихъ часовъ пробѣли, одни за другими,
девять, когда мужчина, высокаго росту и повелительной осанки шелъ
по улицѣ къ дому лорда Сексингема. Домовъ за пять не доходя,
примыкаетъ къ улицѣ переулочекъ ; тутъ стоялъ очень молодой, но
взмощенный, изстрадавшійся человекъ. Это было третьяго марта :
погода стояла необыкновенно холодная, даже для этого суроваго мѣ-
сяца. Все утро шелъ снѣгъ и лежалъ по улицамъ, разметанный
вѣтромъ въ прихотливыя бѣлыя полосы и сугробы ; вѣтеръ не имѣлъ
уже спокойной остроты морозной зимы, а рвался и завывалъ по
пустымъ перекресткамъ, колебля и почти задувая огни въ-фоярияхъ.
Дѣйствіе вѣтра, можетъ-быть, усиливало блѣдность и видъ истоще-
нія въ молодомъ человекѣ. Волосы его, гораздо длиннѣе, чѣмъ въ
обыкновенно носить, въ беспорядкѣ разлетались вокругъ его иску-
далыхъ, впалыхъ, сморщенныхъ и носившихъ щекъ ; а тонкій, ще-
душный станъ, казалось, едва могъ противустоять напору вѣтра.

Когда высокій мужчина, который своимъ мужественнымъ сложени-
емъ и величественною осанкою представлялъ разительную противо-
положность молодому человекѣ, встрѣтился съ нимъ на перекресткѣ,
онъ вдругъ остановился.

— Вы опять здѣсь, Каструччіо Чезарини ! сказалъ тихій, но су-

рокий голосъ Эрцеста Мальтреверса: — Хорошо; это, я думаю, будетъ не послѣднимъ нашимъ свиданіемъ нынче вечеромъ

— Прошу васъ, сэръ, сказалъ Чезарини голосомъ, въ которомъ гордость боролась съ глубокою горестью, — умоляю васъ сказать мнѣ, что она? — известно ли вамъ — я не могу выговорить.

— Ваше дѣло подходитъ къ концу, отвѣчалъ Мальтреверсъ. — Еще нѣсколько часовъ, и ваша жертва, — да, ваша жертва — умретъ. Тренци, убійца, — и твой часъ скоро наступитъ!

— Она умираетъ, а я не могу даже видѣть ея! *самъ* дано это счастье, встрѣтить послѣдній ея взоръ, — *самъ*, которые никогда не любилъ ее вполонину такъ какъ я, вамъ, — котораго я не...

Чезарини не договорилъ; голосъ его замеръ; онъ задышался отъ бѣшенства. Мальтреверсъ бросилъ на него свысока холодный, презрительный, безжалостный взоръ.

— Жалкій злодѣй! сказалъ онъ, выслушай меня. Ты встрѣтилъ во мнѣ снисхожденіе, участіе друга, заботливость брата. Когда ты собственнымъ безразсудствомъ ввергъ себя въ нищету, моя рука невидимо спасала тебя отъ голодной смерти и отъ тюрьмы. Я старался спасти тебя, возвысить твою душу, возбудить въ ней желаніе почета, укрѣпить ее къ разумной дѣятельности. Леди Флоренція Лессельсъ согласилась содѣйствовать мнѣ въ этомъ. И чѣмъ же ты отплатилъ намъ? гнуснымъ подлогомъ очернилъ мою честь, и свелъ ее въ могилу. Совѣсть твоя наконецъ заговорила, ты открылъ ей свое преступленіе; искра мужества, оставившаяся въ твоихъ сердцахъ, побудила тебя открыться и мнѣ. Не смотря на то, что я только за минуту передъ тѣмъ видѣлъ плоды твоего предательскаго поступка, я превозмогъ чувство, побуждавшее меня уничтожить тебя тутъ же, на мѣстѣ. Я сказалъ тебѣ, что жизнь твоя зависитъ отъ ея жизни; что если она встанетъ, я могу еще простить тебѣ; если же умретъ, что я буду ея мстителемъ. Мы заключили это условіе, и черезъ нѣсколько часовъ наступитъ минута его исполненія. Кастручіо Чезарини, не обманывайся пустыми надеждами, — ты падеши отъ моей руки. Когда наступитъ часъ, ты получиши обо мнѣ свѣдѣніе. Теперь пропусти меня, мнѣ ничего болѣе говорить съ тобою.

Каждое слово этой рѣчи было произнесено такъ явственно и выразительно, какъ бы вся душа говорящаго вылилась въ его голосъ

Но Назарини, не видящему, не понималъ нкъ смысла. Онъ вонюкъ на руки Мальтреверса и устремилъ на него грозный, безумный взоръ.

— Да говорите же, она умираеть? кричалъ онъ; я васъ только о томъ спрашиваю, чтожь вы не отвъчаете? — Да, кстати, вы грозите мнъ мстью. Развъ вы не знаете, что я давно жажду сойтисъ съ вами лицомъ къ лицу, сразитисъ съ вами не на жизнь, а на смерть? Развъ не говорилъ я вамъ этого? не я ли силился разооролить вашу холодную кровь! не я ли старался оскорбленіями принудить васъ къ бою, который покроеть меня славою? Но вы были тогда неуязвимы, какъ мраморъ.

— Потому что свою обиду я могу простить; насчетъ же преступленія вашего противъ нея, еще была надежда, что оно не потребуетъ мести. Оставь меня!

И Мальтреверсъ стряхнулъ съ руки повисшаго на ней Итальянца, и пошелъ далъе. Вслъдъ за нимъ послышался рзкій, дикій крикъ отчаянія, который раздавался еще въ его ушахъ, когда онъ входилъ по слабо освъщенной, пустынной лъстницъ, ведшей къ покоямъ леди Флоренціи Лессельсъ.

Мальтреверсъ вошелъ въ комнату передъ ея спальнею, въ ту свтълую, изящно убранную комнату, гдъ онъ имълъ первое свиданіе съ Флоренціею послъ ихъ примиренія.

Тутъ засталъ онъ врача, дремавшаго въ креслахъ. Леди Флоренція уснула часа за два передъ тъмъ. Лордъ Сексингемъ былъ въ своемъ кабинетъ и передавался глубокой, шумной горести. Въ ужъ задалъ, что леди Флоренція не пережить ночи.

Мальтреверсъ сълъ на диванъ. Передъ нимъ на столъ лежало нъскольکو рукописныхъ книжекъ въ роскошныхъ переплетахъ. Онъ машинально открылъ ихъ. На каждой страницъ встръчалъ онъ красивый, итальянскій почеркъ Флоренціи. На каждой строкъ проявлялся ея высокій, дятельный умъ, ея поэтическая мысль, ея лобознате, какъ твни отжившей. Въ разныхъ мьстахъ видълъ онъ выписки изъ собственныхъ своихъ сочиненій, съ коротенькою отмыткою, выражавшею восторгъ читательницы; а рядомъ съ ними собственныя ея размышленія, столь же вярныя и глубокія; кой-гдъ отрывки неконченыхъ стихотвореній, полныхъ оригинальности и силы мысли, радко лагающей женщинамъ—поэтамъ; короткія, но мьткія сужденія о кни-

гахъ, не входящихъ въ обыкновенный кругъ женскаго чтенія. Каждая строка въ этихъ небрежно набросанныхъ мысляхъ свидѣльствовала рѣдкія способности, которыми была одарена эта странная двунка. Это было еловно собраніе увядшихъ цвѣтовъ, обшавшихъ въкогда дивный плодъ. Кое-гдѣ, среди этихъ изліяній высокаго ума и переполненнаго сердца, мелькали намеки на него самаго, полныя нѣжности и любви, его черты, набросанныя въ разныхъ положеніяхъ бойкимъ карандашемъ, воспоминанія о прошедшихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ, причемъ съ женскою точностью былъ означенъ день и часъ! При видѣ всѣхъ этихъ памятниковъ ея способностей и любви тайный голосъ говорилъ въ его душѣ: — И это существо утрачено для тебя на вѣки! ты не умѣлъ оцѣнить его до-тѣхъ-поръ, пока не пробилъ непреложно часъ вѣчной разлуки!

Мальтреверсъ тяжело вздохнулъ; все прошедшее предстало взорамъ его души. Ея восторженная любовь къ незнакомцу, ея участіе къ его успѣхамъ, — къ жизни его жизни, славному и незапятнанному имени! Казалось, будто вѣсть съ нею умирали для него слава и высокое стремленіе; будто отнынь останутся на землѣ только прахъ и великія побужденія!

Какъ внезапно обрушился на него ударъ! Правда, онъ нѣсколько мѣсяцевъ не видалъ ее, и въ эти нѣсколько мѣсяцевъ совершилась эта перемена. Но онъ не помнилъ разлуки, ея какъ будто не существовало. Онъ оставилъ ее здоровою, на верху счастья и гордости. А когда увидѣлъ опять, — страданіе, тѣлесное и душевное, смирило ея гордый духъ и она, убитая, съ покорностью ждала смерти! И какъ любила она его! Только въ одномъ существѣ, будто сквозь сонъ, припоминалась ему подобная любовь, и уже не видать ему такой любви на землѣ въ другой разъ! Ему было душно; все въ этой комнатѣ давило его душу! все говорило о ней, — о ней одной! Здѣсь! афа, на которой она изливала томныя думы своего женскаго сердца! тамъ картины, только-что вышедшія изъ подъ ея кисти! вездѣ и во всемъ отзывалась ея высокая, поэтическая душа!

Ждать съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, съ тревожнымъ сердцемъ ея послѣдняго взора, — ждать не минуты восторга, а минуты отчаянія, — чувствовать на сердцѣ, какъ молотъ, медленный бой минутъ и часовъ, и въ тоже время страшиться собственнаго своего нетерпѣнія,

желать, чтобы это смертное страданіе могло продлиться вѣчность, — вотъ картина ощущеній сердца, картина одного изъ самыхъ великихъ и страшныхъ моментовъ неисповѣдимой человѣческой жизни, которая была бы достойнѣе генія поэта скорби!

Наконецъ дверь отворилась, и вошла любимая горничная леди Флоренціи.

— Мистръ Мальтреверсъ здѣсь? О сэръ, миледи проснулись и желаютъ васъ видѣть.

Мальтреверсъ всталъ; но ноги его будто приросли къ полу; сердце его лежало неподвижно какъ камень, вся жизнь въ немъ онѣмѣла. Онъ сдѣлалъ усиліе, тяжело вздохнулъ, и пошелъ къ постели Флоренціи.

Она сидѣла, окруженная подушками; когда онъ сѣлъ подлѣ нея, и взялъ ея худую, прозрачную руку, она устремила на него взоръ, полный любви и тоски.

— Вы были добры, очень добры ко мнѣ, и Богъ наградитъ васъ! сказала она послѣ нѣкотораго молчанія; голосъ ея примѣтно ослабѣлъ съ утра. Благодаря вамъ, мои послѣдніе часы жизни были самыми счастливыми часами моей краткой и бесполезной жизни. О мой возлюбленный Эрнестъ, да наградитъ тебя Богъ!

И нѣсколько слезъ благодарности скатились на руку, надъ которою она наклонилась, сляясь прижать ее къ устамъ.

— Не здѣсь, не среди шумныхъ жилищъ суетнаго свѣта, и не въ это суровое, мертвое время года желала бы я въ послѣдній разъ взглянуть на міръ Божій! О, какъ бы хотѣлось мнѣ видѣть вокругъ себя неподдѣльную природу, еще разъ взглянуть на лѣтнее солнце въ тѣхъ очаровательныхъ мѣстахъ, которыя мы такъ любили; тогда я ожидала бы смерти, какъ сна! Но что дѣлать! — впрочемъ, съ тобою мнѣ вездѣ лѣто и природа!

Мальтреверсъ поднялъ голову, и взоры ихъ встрѣтились въ молчаніи; но этотъ долгій, неподвижный взглядъ высказывалъ болѣе, чѣмъ можно выразить словами. Голова ея тихо склонилась на его плечо, и нѣсколько минутъ неподвижно лежала на немъ. Тихіе, медленные шаги послышались въ комнатѣ; — это были шаги несчастнаго отца. Онъ подошелъ съ другой стороны къ кровати больной, судорожно рыдая.

Она приподнялась, и легкая краска пробьжала по предсмертной блѣдности ея щекъ.

— Добрый, милый батюшка, сказала она, какъ утѣшительна будетъ для васъ мысль о томъ, какъ вы любили, какъ лелѣли свою Флоренцію!

Лордъ Сексингемъ не могъ отвѣчать; онъ сжалъ дочь въ своихъ объятіяхъ, и горько рыдалъ надъ нею. Потомъ онъ вдругъ оставилъ ее, посмотрѣвъ на нее съ содроганіемъ, и вскричалъ: — Боже! она умерла! — умерла!

Мальтреверсъ вздрогнулъ, и съ нетерпѣніемъ махнулъ рукою, чтобы вывести старика: Врачъ съ участіемъ подошелъ къ лорду Сексингему, взявъ его подъ руку, и повелъ въ другую комнату. Бѣдный отецъ повиновался, какъ ребенокъ.

Но борьба жизни съ смертью еще не кончилась. Флоренція еще разъ открыла глаза, и Мальтреверсъ почти вскрикнулъ отъ радости. Смерть уже туманила эти глаза, но они все еще, сквозь туманъ, искали возлюбленнаго образа, который наклонялся надъ нею, какъ будто желая вдохнуть жизнь въ умирающее тѣло. Два раза уста ея смѣлились что-то сказать, но голосъ замиралъ, и она печально покачала головою.

Мальтреверсъ поспѣшно подалъ ей крѣпительнаго лекарства, стоявшаго подлѣ нея на столикѣ; но едва успѣла она омочить уста, какъ тѣло ея начало тяжѣть въ его объятіяхъ. Голова ея опять опустилась на его грудь — три раза дохнула она съ усиліемъ, — и наконецъ воздѣла руку къ небу, и послѣдній лучъ жизни вспыхнулъ на ея лицѣ, на которомъ сіялъ небесный восторгъ.

— Тамъ, — на небесахъ! — Эрнестъ — это имя — Эрнестъ!

Да, это имя было послѣднимъ словомъ, которое она произнесла на землѣ. Это было, очевидно, ея послѣднею мыслью, потому что когда голосъ ея замолкъ, улыбка, — свѣтлая, блаженная улыбка, какую можно видѣть только на лицахъ умирающихъ и мертвыхъ, — улыбка не отъ здѣшняго міра, — медленно озарила ея чело, уста, и все лицо. Она еще дышала, но дыханіе ея все слабѣло, — слабѣло — наконецъ, безъ стона, безъ страданія, безъ усилія она перестала дышать. Голова ея скатилась съ его груди, тѣло выпало изъ его объятій — все было кончено!

VIII.

Два часа спустя послѣ того, Мальтреверсъ вывелъ изъ дому лорда Сексингема. На банить пробилъ часъ по полуночи. Вторъ, стѣная и забывая, пронеслся порывами между высокихъ рядовъ домовъ. Мальтреверсъ шелъ по опустынившимъ улицамъ въ какомъ-то полуснѣ, будто вызванный изъ гроба къ жизни силою волшебства. Онъ жилъ какою-то неестественною, бессознательною жизнью, точно лунатикъ, который движется и дѣйствуетъ, не видя, не слыша и не понимая окружающей его жизни. Однако же поступъ его была тверда и свободна; одна мысль овладѣла всею его существомъ, мысль спокойная, мрачная, торжественная; мысль о мести, казалось, слилась съ его душою. Онъ пришелъ къ дому полковника Данверса, взшелъ на лѣстницу, и спокойно сказалъ другу, вышедшему ему на встрѣчу: — Теперь пора.

— Но что же вы хотите дѣлать?

— Пойдемте, вы все узнаете.

— Хорошо, карета моя готова. Потрудитесь отдать нужныя приказанія моимъ людямъ.

Мальтреверсъ кивнулъ головою, отдалъ приказанія полусонному слугѣ, и черезъ минуту оба друга помчались по самымъ отдаленнымъ и безлюднымъ улицамъ города. Дорогою Мальтреверсъ разсказалъ Данверсу въ немногихъ словахъ предательскій поступокъ Чезарини.

— Теперь мы поѣдемъ къ нему, сказалъ Мальтреверсъ въ заключеніе. Надо отдать ему справедливость, онъ не трусъ; онъ не колебался дать мнѣ свой адресъ, и не станетъ [уклоняться отъ требуемаго удовлетворенія. Я подожду у подъезда, пока вы сговоритесь съ нимъ на счетъ дуэли, которая должна быть нынче же, на разсвѣтѣ.

Удивленіе и даже ужасъ объяли Данверса, когда онъ выслушалъ разсказъ Мальтреверса. Во всемъ дѣлѣ было нечто странное и непостижимое. Они продолжали путь въ молчаніи. Наконецъ карета остановилась въ узкомъ переулкѣ какаго-то глухаго предместья. Все окружныя дома были погружены въ глубокий мракъ; но въ верхнемъ этажѣ дома, гдѣ жилъ Чезарини, огни быстро и суетливо перебѣгали изъ окна въ окно, и тяжелый ударъ лакея въ звонокъ еще раскатывался по пустынному переулку, какъ дверь отворилась. Данверсъ выскочилъ изъ кареты и вошелъ въ корридоръ.

— О, сэръ, какъ я рада, что вы прѣехали! сказала старуха, будная, и дрожа взявъ тѣломъ. — Съ минуты на минуту все хуже!

— Да куда ли мы прѣехали? спросилъ Данверсъ, остановившись; здѣсь живетъ одинъ прѣзжій Итальянецъ, по имени Чезарини?

— Здѣсь, сэръ! будняжка! я послала просить васъ къ нему; по-тому, говорю я сынникъ, — потому....

— Да за кого вы меня принимаете?

— Какъ за кого, сэръ? за доктора; вѣдь вы докторъ?

Данверсъ не отвѣчалъ. Онъ начиналъ подозрѣвать, что Чезарини хотѣлъ обманомъ уклониться отъ удовлетворенія. Онъ сдѣлалъ знакъ старухѣ, чтобы она указала дорогу, и послѣдовалъ за нею.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился къ каретѣ, и сказалъ: — возьмите домой, Мальтреверсъ, онъ не въ состояніи развѣдаться съ вами.

— Какъ! вскричалъ Мальтреверсъ, нахмутивъ брови, и негодованіе пламенемъ пробѣжало по всемъ его жиламъ. — Неужели онъ трусить? — И оттолкнувъ Данверса, онъ выскочилъ изъ кареты и бросился на лѣстницу. Данверсъ послѣдовалъ за нимъ.

Въ негодованіи, въ бѣшенствѣ ринулся Мальтреверсъ въ маленькую, грязную комнатку, угадавъ по свѣту, проникавшему сквозь щели притворенной двери, что тутъ долженъ быть его противникъ. И первый предметъ, представившійся его взорамъ, были глаза Чезарини, горѣвшіе огнемъ безумнаго изступленія. Мальтреверсъ остановился на порогѣ, какъ вкопанный; кровь застыла въ его жилахъ.

— Ха, ха, ха, раздался рѣзкій, изступленный голосъ, оставившій ужасную противоположность мягкости тосканскаго нарѣчія, — на которомъ онъ произносилъ свои безумныя рѣчи. — Кто идетъ сюда въ окровавленной одеждѣ? Меня нельзя винить, — мой ударъ не пролилъ крови, онъ вошелъ прямо въ сердце! — мы, Итальянцы, отравляемъ своихъ враговъ! Гдѣ ты, Мальтреверсъ, гдѣ ты? Я готовъ. — Чтожь, ты не идешь, ты трусишь? — О, воръ, вотъ онъ! вотъ! — и пистолеты? зачѣмъ? я не хочу оружія, мнѣ не нужно оружія. Я свирѣпый зверь; мы будемъ рвать другъ друга зубами и когтями!

Сомкнутый, какъ кипа безжизненныхъ, недействующихъ членовъ, валился несчастный въ углу, въ ужасномъ припадкѣ бѣшенства. Два челоузка держали его; по временамъ, бѣшенство придавало ему ужасную силу, онъ однимъ движеніемъ отбрасывалъ отъ себя державшихъ

его; но вслѣдъ за тѣмъ падалъ на полъ безъ чувствъ и силъ. Глаза его были налиты кровью и выкатывались, будто готовы были вывалиться; пѣна была изо рта; черные волосы его стояли дыбомъ, вънзныя, правильныя черты были обезображены, какъ лицо Горгоны. Ужасное и поучительное зрѣлище представляла эта встрѣча противниковъ. Съ одной стороны Мальтреверсъ, сильный, здоровый, съ сознаниемъ своего превосходства и съ жаждою мести, готовый встрѣтить противника во всеоружіи; человекъ, который, не устрашился бы никакой толпы враговъ; а противъ него, — сумасшедшій въ припадкѣ бѣшенства. Местъ его разбита въ прахъ; онъ понялъ ничтожество человека и человеческого гнѣва, увидѣвъ передъ собою несчастнаго, котораго постигла небесная кара жесточе всего, чтъ можетъ придумать мсть человека.

— Да, да! кричалъ Чезарини; — говорятъ, она умираетъ, — а онъ подлѣ нея; — оторвите его отъ ея постели, — онъ не тронетъ ея руки, — не получить ея благословенія! — она моя, — если я убилъ ее, я же вырвалъ ее у него, — она моя въ могилѣ. Впустите меня, — я хочу видѣть ее!

Съ этими словами онъ сдѣлалъ усиліе, рванулся изъ рукъ державшихъ его, и въ одинъ прыжокъ очутился въ другомъ концѣ комнаты, лицомъ къ лицу противъ Мальтреверса. Мальтреверсъ побѣднѣлъ и отступилъ. — Онъ! онъ! кричалъ сумасшедшій, и какъ тигръ схватилъ противника за горло. Мальтреверсъ проворно схватилъ его руки, и Чезарини тяжело ударился объ полъ, нѣмъ, безъ чувствъ, и въ ужасныхъ корчахъ.

Святое Провидѣніе! шепталъ Мальтреверсъ, ты справедливо смирило гордыню человека, хотѣвшаго присвоить себѣ право кары и мести! Прости грѣшника, о Боже, какъ я его прощаю, — какъ Ты научилъ прощать мое надменное сердце.

Нѣсколько минутъ спустя, когда явился врачъ, голова безумца лежала на кольнахъ его противника, рука Мальтреверса отирала пѣну съ его рта; голосъ Мальтреверса старался успокоить его, и слезы Мальтреверса орошали его горячій лобъ.

— Пекитесь о немъ, какъ бы о моемъ родномъ братѣ, сказалъ Мальтреверсъ, закрывая лицо руками. — Ничего не щадите, для его излеченія и спокойствія — перевезите его отсюда въ болѣе удобное мѣсто. — Ничего не щадите, — спасите его, и

Онъ не могъ договорить, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Впослѣдствіи было доказано, что послѣ своего короткаго свиданія съ Мальтреверсомъ, Чезарини остался на улицѣ; потомъ онъ хотѣлъ войти въ домъ лорда Сексингема, въ то самое мгновеніе, какъ больная смежала глаза на вѣки. Онъ слышалъ эту вещь, и хотѣлъ вломиться въ покои; его выгнали. Чтò было потомъ, никто не могъ сказать; знали только, что онъ пришелъ на свою квартиру за часъ до пріѣзда Данверса и Мальтреверса, въ ужасномъ бреду и безуміи. Вѣроятно, въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ, бывающихъ обыкновенно у сумасшедшихъ, онъ вспомнилъ о назначенномъ свиданіи съ Мальтреверсомъ, и по инстинкту дотащился до квартиры.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

СВВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

=

Этнологическое Общество, существующее въ Соединенныхъ-Штатахъ, сочло необходимымъ бросить свѣтъ на самыя древнѣйшія племена, населявшія материкъ Америки. Чтобы разсвѣтъ мракъ, покрывающій этотъ вопросъ, два Членотца изъ штата Огіо, господа Девисъ (Davis) и Сквиръ (Squier), предприняли изслѣдовать остатки, въ изобиліи встрѣчающіеся въ странѣ ихъ и въ особенности въ долинѣ рѣки Скіото (Scioto).

Извѣстно, что въ этой области существуетъ множество кургановъ (mounds) и земныхъ валовъ, которые окружали значительное количество акровъ земли. Тамъ видны кромѣ рововъ, дорогъ, стѣнъ и другихъ работы. Девисъ и Сквиръ занимались разрытіемъ кургановъ и снятіемъ точныхъ плановъ съ другихъ земляныхъ построекъ. Хотя во время ихъ изысканій, происходившихъ весной 1845 года, они могли странствовать по области еще въ большую неизвѣстность и темноту; но они были богато вознаграждены своими послѣдующими трудами. Они могли

попасть на слѣды какой-нибудь системы въ этой явной запутанности, и найти законы тому, что съ разу показалось бы случайнымъ для наблюдателей менѣе опытныхъ.

Замѣчено, напримѣръ, что во множествѣ кургановъ, нѣкоторые изъ нихъ состояли изъ различныхъ слоевъ земли, а другіе были однородные; повторявшіяся замѣчанія доказывали, что слоеобразные курганы занимали, относительно другіхъ построекъ, положеніе совершенно чуждое курганамъ втораго рода. Потомъ внутренности этихъ двухъ родовъ кургановъ постоянно и существенно различны.

Поэтому рѣшено, что не все курганы имѣли одну постройку и одно назначеніе.

Господа Девисъ и Сквиръ изслѣдовали болѣе 90 городищъ и валавъ и разрыли 115 кургановъ. Въ числѣ первыхъ были оборонительныя работы и мѣста, посвященныя религиознымъ обрядамъ идо-лослуженія.

Вообще все курганы можно раздѣлять на три большіе отдѣла.

- 1) *Могилы*, заключающія каждая по одному остову, замкнутому въ деревянномъ гробѣ грубой работы, или завернутому въ рогажу, сдѣланную изъ коры; онѣ обыкновенно лежатъ отдѣльными группами.
- 2) *Курганы-жертвенники*, всегда съ слоеобразною внутренностью, обнесены земными валами или лежатъ непосредственно въ ихъ составѣ и заключають въ себѣ симметрически расположенные жертвенники, состоящіе изъ камня или изъ горшечной глины.
- 3) *Мѣста обсервационныя*, лежащія на возвышенностяхъ.

Разрытія этихъ памятниковъ доставили разную домашнюю утварь и украшенія изъ серебра, мѣди, свинца, камня и слоновой кости и изъ горшечной глины, самыхъ разнообразныхъ видовъ, и которыхъ выдѣлка свидѣтельствуетъ степень искусства, не существовавшего уже во времена открытія Америки Европейцами. Морскія раковины, слюда, извлеченная изъ Аллеганскихъ гранитовыхъ горъ, природная мѣдь и серебро съ береговъ Верхняго Озера, свинцовый блескъ съ верховьевъ Миссиссипи, зубы китообразныхъ породъ, жемчуги изъ Мексиканскаго залива и орудія изъ агата, получаемого изъ Мексики, показываютъ до какихъ мѣстъ простирались торговыя сношенія древнихъ

обитателей страны. Немногіе ремесленники въ состояніи превзойти скульптурныя изображенія звѣрей, пресмыкающихся и различныхъ птицъ, которыя встрѣчаются во множествѣ. Изображенія человеческой головы показываютъ черты лица, костюмъ и прическу строителей этихъ кургановъ. Жельзо нигдѣ не было открыто.

Незначительными средствами, повторенными въ долинѣ Огіо, доказано было, что насыпи эти составляли ограды, однѣ совершенно кругообразныя, другія четырехугольныя. Ихъ довольно сохранилось, и замѣчено, что часть этихъ построекъ походила на *теокали* (teocallis) или этажные храмы Мексики и Юкатана, хотя для постройки ихъ употреблялось только дерево и земля.

Мы обязаны господамъ Девису и Сквирю открытіемъ другаго рода древностей, представляющихъ изображенія, довольно хорошо исполненныя, человека, птицъ и другихъ животныхъ, изваянныхъ на скалахъ; во всякомъ случаѣ это эскизы, которыхъ величина бываетъ отъ половины до трехъ четвертей дюйма ширины и равной толщины. Трудно получить въ такое короткое время результаты болѣе занимательныя. Они достаточно доказываютъ, что древніе обитатели этой страны принадлежали къ племени, которое въ древности населяло великую долину Миссиссипи, построило эти занимательныя памятники, и существенно отличались отъ того племени, которое нашли тамъ въ послѣдствіи Европейцы. Они должны были быть многочисленны, великую жизнь, занимались хлѣбопашествомъ, достигли известной степени въ искусствахъ и гражданственности, и были въ большихъ сношеніяхъ съ древними жителями внутренней Америки.

Эти памятники, кажется, указываютъ на тѣ же предрасудки, то же уваженіе къ старшинамъ, какіе были у древнихъ Мехиканцевъ. Шулькрафтъ также нашелъ въ штатахъ Индіаны и Мичигана доказательство, что обширные округи, нынче покрытыя лѣсами и лугами, были воздѣланы въ самую отдаленную отъ насъ эпоху.

Уже два года какъ общее вниманіе Соединенныхъ Штатовъ было обращено нѣсколько разъ на изслѣдованія, предпріятыя Сквиромъ и Девисомъ относительно западныхъ древностей и въ особенности долины Огіо. Они дали имъ большіе размѣры и были вознаграждены за то

результатами, такими разнообразными, что тамошнее Этнологическое Общество не имело возможности взять на себя издание ихъ въ разгаръ, соответствующемъ ихъ важности. Этотъ трудъ принялъ на себя Смитсонъ, издавшій уже одинъ великолѣпный томъ этихъ изслѣдованій. Этнологическое же Общество издало только общій обзоръ, ограничивающійся фактами, которые могутъ дать точное понятіе объ объемъ этихъ остатковъ древности, ихъ разнообразіи и ихъ общихъ свойствахъ.

Мѣстность, избранная для этихъ изысканій есть часть долины Скіото, въ серединѣ которой находится городъ Чиликота, страна истинно славная по своей красотѣ, безпримѣрному плодородію, какъ равно по количеству, величинѣ и разнообразію своихъ древностей. Находясь въ южной части штата Огіо и пользуясь пріятнымъ и здоровымъ климатомъ, эта долина была, кажется, средоточіемъ древняго народонаселенія, и ни какая другая часть бассейна рѣки Миссиссипи не представляетъ на такомъ же пространствѣ столь богатаго и столь занимательнаго поприща для изыскателя древностей. Памятники первобытныхъ жителей долины Миссиссипи разсыяны на обширномъ пространствѣ; предѣломъ ихъ на востокъ служитъ цѣпь Аллеганскихъ горъ, источники рѣки того же имени и озеро Онондага въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Они идутъ черезъ Мичиганъ, долины Огіо и Усконсины (Ousconsine) и Юбы; Клеркъ нашелъ ихъ также на западѣ отъ Миссиссипи, вдоль Миссури, въ тысячѣ миль отъ ея устья. Достоверно, хотя и мало извѣстно, что они во множествѣ находятся на территоріи Орегона, по ту сторону Скалистыхъ горъ. Они тянутся по берегу Ріо Жила, Ріо Колорадо и по всему берегу Мехиканскаго залива, начиная отъ Ріо Браво и Техаса до самой Флориды и Каролины. Сѣверный ихъ предѣлъ, кажется, находится у водопада святаго Франциса у верховьевъ Миссиссипи.

Количество этихъ памятниковъ поразительно. Не менѣе десяти большихъ группъ сложныхъ городищъ, исключая значительнаго числа кургановъ, находится по теченію Скіото, не болѣе какъ на четырехъ миляхъ въ окрестностяхъ города Чиликоты, и двадцать четыре кургана разсыяны въ одномъ изъ этихъ городищъ. Около ста городищъ и пяти-сотъ кургановъ находится въ одномъ изъ семидесяти-четы-

рѣкъ графствъ штата Огіо, именно въ графствѣ Россъ, въ которомъ главное мѣсто — Чиликота. Сквиръ и Девисъ полагаютъ, что въ одномъ штатѣ Огіо находится до десяти тысячъ кургановъ и отъ тысячи до тысячи пяти-сотъ городищъ. Величина ихъ не менѣе поразительна какъ и число ихъ; эти валы обыкновенно возвышаются отъ пяти до пятнадцати футовъ, и часто обхватываютъ пространство въ пятьдесятъ, во сто и въ двѣсти акровъ. Люисъ (Lewis) и Клеркъ описываютъ одинъ изъ такихъ валовъ, который замыкалъ собою поверхность въ шестисотъ акровъ на берегахъ Миссури. Развитие этихъ валовъ такъ же какъ и ихъ постройка должна была стоить невѣроятныхъ трудовъ. Ихъ находятъ въ графствахъ Гайлендъ (Highland) и Уарренъ (Warren), на берегахъ рѣкъ Ското и Малой Міамы; тутъ они имѣютъ отъ двухъ до четырехъ миль протяженія. Группа городищъ, лежащая при устьѣ Ското, заключаетъ ихъ до двадцати. Во всякомъ случаѣ нѣтъ правильной пропорціи между протяженіемъ валовъ и пространствомъ, которое они заключали и защищали; и по ихъ характеру болѣе или менѣе воинственному, требовалось оборонъ болѣе или менѣе сложныхъ, сообразно жившему тамъ народонаселенію.

Величина кургановъ весьма не постоянна; самыми большими считаются грев-крикскіе (Grave Creek), въ Виргиніи, которыхъ окружность простирается до тысячи футовъ и имѣютъ 70 футовъ въ высоту, и кагокійская (Cahokia) усыпальная пирамида, въ Иллинойсѣ (Illinois), менѣе знаменитая чѣмъ первый, но которая возвышается до 90 футовъ, имѣя въ основаніи болѣе двухъ тысячъ футовъ въ окружности. Большой мiamsбургскій (Miamisburgh) курганъ, въ графствѣ Монгомери (Ohio), имѣетъ 68 футовъ высоты, 852 въ окружности при основаніи, и содержитъ въ себѣ до 311,353 кубическихъ футовъ.

Видъ укрѣпленныхъ городищъ чаще всего бываетъ кругъ, квадратъ, эллипсисъ, многоугольникъ и квадратъ, соединенный съ кругомъ. Самыя неправильныя бывають тѣ, которыхъ положеніе чисто военное и благоприятное для защиты. Иногда они сообщаются съ берегомъ рѣкъ дорогами въ видѣ зигзаговъ.

Въ двадцати миляхъ къ западу отъ Чиликоты, въ графствѣ Россъ, есть селеніе Бурнхилъ, есть городище, на постройку котораго дост

жно быть употреблено несмѣтное количество камня; оно лежитъ на холмѣ, утесистомъ со всѣхъ сторонъ и даже на вершинѣ въ известныхъ мѣстахъ, и, имѣя протяженія двѣ съ половиною мили, обнимаетъ пространство въ 140 акровъ. Камни во многихъ мѣстахъ носятъ слѣды огня и даже отчасти превратились въ стекло. Множество прудовъ, кажется, служили водохранилищами для жителей этого городища, котораго поверхность покрыта теперь стариннымъ лѣсомъ.

Укрѣпленіе Гайль (Fort Hill), въ графствѣ Гайлендъ, въ штатѣ Огіо, лежитъ на вершинѣ одного холма, имѣющаго до 500 футовъ въ вышину, утесистаго со всѣхъ сторонъ и совершенно почти обнутаго извилистымъ теченіемъ рѣки. Городище его имѣетъ не менѣе 9,400 футовъ въ окружности; въ немъ сдѣлано 33 отверстія, изъ которыхъ по-крайней-мѣрѣ 11 вѣроятно служили воротами и одно каштановое дерево, которому можно дать 600 лѣтъ, свидѣтельствуетъ о его древности.

Замѣчательно, что тѣ изъ городищъ, которые менѣе всего имѣютъ оборонительный характеръ, въ особенности многочисленны въ наносныхъ округахъ, самыхъ обширныхъ и самыхъ плодородныхъ въ долину рѣки Огіо и другихъ рѣкъ, указывая на первобытное густое народонаселеніе, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обстоятельства, благоприятствующія торговлѣ и земледѣлю, кажется, должны были больше всего умножить поселенія и города новѣйшаго англо-американскаго племени. Таковы окружности Маріетты, Ципципаты, Сирквали, Чиликоты, Портсмаута, Нью-арка въ штатѣ Огіо, Франкфурта, въ Кентуки, и святаго Людовика въ Миссури; берега Вебеша (Wabash), Миами, двухъ Кевгавъ, Кумберленда и Тенессы (Tennessee).

Памятники долины Миссиссиппи имѣютъ много сходства между собою и потому могутъ быть разсматриваемы какъ произведеніе одного и того же племени; но замѣчательно, что они увеличиваются въ объемѣ и въ правильности, но не въ количествѣ, по мѣрѣ того какъ спускаешься на югъ, къ Мексиканскому заливу. Сквиръ видитъ въ этомъ поводъ предполагать, что племя, которому они принадлежали, подвигалось впередъ въ образованіи, идя съ сѣвера на югъ. Однако жъ съ такою же вѣроятностью можно бы сказать, что это племя достигло гражданства на югъ, въ Мехикѣ, напримѣръ, и подвигало свои

жителей и постройки оттуда на северъ, но меньшей величины, по мѣрѣ того, какъ онѣ удаляются отъ средоточія, точо такъ же какъ Римляне не оставили такихъ великолѣпныхъ памятниковъ въ своихъ отдаленныхъ провинціяхъ Британіи, Бельгіи и по Дунаю, какъ въ Африкѣ и Италіи.

Видя умноженіе оборонительныхъ работъ въ сѣверовосточныхъ частяхъ Огіо, Сквиръ полагаетъ, что въ этомъ направленіи первобытные жители сражались съ болѣе варварскими племенами, были ими разбиты и уничтожены, и пришли, быть-можетъ, отъ рѣки Святаго Лаврентія. Относительно времени, въ которое эта борьба происходила, единственнымъ фактомъ можетъ служить то, что въковыя деревья пустили свои корни на большомъ числѣ кургановъ, даже менѣе замѣчательныхъ; и тѣмъ болѣе, что постройки, которыя представляютъ городища или укрѣпленія, никогда не встрѣчаются на наносной почвѣ, сравнительно новѣе, но напротивъ того на крутыхъ берегахъ, которые показываютъ самое древнѣйшее теченіе рѣкъ.

Нельзя не удивляться знанію, съ какимъ укрѣпленія эти были помѣщаемы на хребтахъ или на возвышенностяхъ съ крутыми спусками, и что ихъ положеніе въ извилинахъ рѣки уединяло ихъ со всѣхъ сторонъ, исключая узкаго перешейка. Тамъ, гдѣ паранетъ окружалъ утесистый холмъ, его не укрѣпляли вышнимъ рвомъ. Напротивъ того, искусственныя работы умножаются на приступныхъ мѣстахъ, гдѣ сдѣланы ворота и въ особенности въ направленіи къ перешейкамъ, которые связываютъ укрѣпленное мѣсто съ остальною равниною. Обширныя и многочисленныя полукружія покрываютъ апропи; сопротивленія, умноженныя впереди и позади воротъ, поддерживаютъ и продолжаютъ оборону болѣе сложнымъ образомъ, и можетъ-быть лучше придуманнымъ чѣмъ работы, которыми мы защищаемъ иногда проходъ нашихъ новѣйшихъ бастионовъ. Эти препоны входятъ одни въ другія въ видѣ арабесковъ, и если они сверхъ-того были укрѣплены палисадами, то взять ихъ приступомъ было дѣло кровавое; даже встрѣчаются рвы посреди дороги, которая извиивается въ ихъ промежуткахъ. Круглый редутъ, вставленный въ ретраншаменты, между которыми извиивается входъ въ укрѣпленіе, встрѣчается близъ Гамильтона, на большой Міамъ, въ графствѣ Бутлеръ. Глазкальтеки не употребляли столько же-

искусства для обороны воротъ и длиннаго ретраншаанта; вострѣннаго Кортесомъ на пути, идущемъ черезъ ихъ страну.

Есть еще родъ построекъ, въ которыхъ Сивиръ и Девиоъ видятъ мѣста, предназначенныя для жертвоприношенія; мы опишемъ ихъ въ послѣдствіи, говоря объ изслѣдованіяхъ доктора Диксена. На берегахъ Огіо эти насыпи гораздо меньше и своеобразной постройкѣ, частью встрѣчаются внѣ укрѣпленій городовъ, частью группируются во множествѣ въ городища, которое, кажется, было мѣстомъ жилищъ жрецовъ. Они встрѣчаются на равнинахъ и вовсе не имѣютъ притязанія на военное назначеніе. Ихъ ровъ, если онъ существуетъ, находится внутри. Жемчужины съ дырочками, частью превратившіяся въ известь, были иногда находимы на жертвенникахъ. Другія были вставлены въ впадины глазъ въ разныхъ изображеніяхъ животныхъ.

Въ числѣ открытій этого рода, ни одно не занимательно въ такой степени, какъ открытіе доктора В. Диксена, Начеза, на Миссиссиппи, въ южныхъ штатахъ Алабамы, Миссиссиппи, Луизианы и Техаса. Онъ вскрылъ и изслѣдовалъ 150 холмовъ и кургановъ, составилъ огромную коллекцію различныхъ вещей, могущихъ насъ познакомить съ обычаями древняго народа, воздвигнуваго ихъ. Эти курганы различаются вышиною и бываютъ отъ 3 до 90 футовъ, при основаніи отъ 13 до 300 футовъ въ діаметрѣ. Зельцертоунскій курганъ имѣетъ, на своей вершинѣ, площадь въ 8 акровъ. Вскрытіе его доставило безчисленное множество скелетовъ, которыхъ черепы были почти всегда сплюснены; длина скелетовъ доходила обыкновенно до 6 англійскихъ футовъ. Тамъ найдены также многочисленныя образчики глиняной посуды, вазъ, тщательной выдѣлки и наполненныхъ пепломъ, индѣйскимъ перцемъ и зерномъ.

Сѣверная сторона этого холма поддерживается стѣною изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ; они толщиною въ два фута и наполнены листьями тростника и сухимъ дерномъ. Чтобы удостовѣриться, искусственный ли этотъ холмъ или нѣтъ, докторъ Диксенъ вырылъ въ немъ колодець въ 42 фута глубины, и нашелъ тамъ наносную почву и въ чрезвычайномъ изобиліи остовы людей и животныхъ, между прочимъ скелетъ одного величайшаго медведя.

Эти названія вообще обозначаютъ группы (отъ 4 до 10), между которыми Диксенъ отличаетъ свая-посты, городки, сигналы, краны, кладбища и лагеря. Первые рѣдко возвышаются на 30 футовъ и имѣютъ пирамидальную и коническую форму. Вторые окружены стѣнами и высота ихъ различна, отъ 10 до 15 футовъ при основаніи отъ 40 до 50 футовъ въ ширину. Сигналы рѣдко имѣютъ менѣе 60 футовъ вышины. Диксенъ изслѣдовалъ ихъ до 90 штукъ. Вообще они увѣличиваютъ холмы и встрѣчаются на большихъ равнинахъ наносной почвы, орошаемыхъ рѣками и называемыхъ въ Америкѣ bottom lands. Сигналы возвышаются надъ ними до 300 футовъ и лежатъ довольно близко другъ отъ друга, такъ что сверху одного можно замѣтить на горизонтѣ другіе.

Въ курганахъ, которые докторъ называетъ храмами, были замѣчены слои золы, земли, хряща и во всѣхъ гумно изъ битой земли. Въ нихъ вовсе не встрѣчались скелеты, исключая одного только случая, и Диксенъ думаетъ, что это скелетъ индѣйскаго шактаса (Indian shactas), лежавшій горизонтально и принадлежащій новѣйшему времени, потому что въ древнихъ индѣйскихъ кладбищахъ скелеты обыкновенно встрѣчаются въ сидячемъ положеніи.

Кладбища. Онѣ всегда овалныя, имѣютъ отъ 6 до 10 футовъ вышины, наполнены костями, лежащими съ востока на западъ; даже если они заключаются въ саркофагахъ, то и тогда лежатъ въ такомъ же направленіи. Въ некоторыхъ изъ нихъ докторъ видитъ погребеніе *vulgaris ruscus*, смѣшаннымъ образомъ, котораго останки должно быть были навалены въ кучу. Хотя остовы обыкновенно встрѣчались въ грунтъ, благопріятствовавшее ихъ сохраненію, но все же ихъ находятъ разложенными гораздо болѣе чѣмъ тѣ, которые отрываютъ въ курганахъ древнихъ Бретонцевъ, и называемые *saigns* и *barrows*, и которыхъ древность простирается по-крайней-мѣрѣ до 1500 лѣтъ. Не указываетъ ли это на древнѣйшую еще эпоху?

Лагеря (*Tent or structure mounds*), обыкновенно бываютъ малы; множество кирпича и цемента встрѣчаютъ нѣсколько ниже ихъ поверхности съ остатками глиняной посуды, а иногда и скелеты. Число этихъ послѣднихъ никогда не превышаетъ 10, и они, кажется, были тамъ положены съ бѣлымъ стараніемъ, чѣмъ на кладбищахъ.

Въ одномъ изъ этихъ Топи монада четырехугольной формы, Диксенъ отрылъ четыре угла фундамента, хорошо сохранившагося, и построенные изъ кирпича съ отпечаткомъ простертой руки. Этотъ родъ символа болѣе обыкновенный кореннымъ жителямъ Америки, встрѣчается также на храмахъ и въ гробницахъ Юкатана. Онъ еще употребляется племенами кочующими и обитающими къ сѣверу отъ Техаса, между Скалистыми горами и Миссиссиппи.

Храмы встрѣчаются на холмахъ, окруженные рвами, укрепленные стѣнами и валами, которые обхватываютъ иногда пространство до тридцати акровъ. Большой троникій валъ, состоящій отчасти изъ сушеннаго кирпича, обхватываетъ собою сто пятьдесятъ акровъ. Въ помѣстьи Шамберлена, въ штатъ Миссиссиппи, одинъ изъ такихъ храмовъ прикрытъ съ боковъ множествомъ бастіоновъ, полукругами и рвами съ крутыми покатосями. Встрѣчаются на протяженіи нѣсколькихъ миль рвы, служащіе соединеніемъ цѣпи прудовъ и небольшихъ озеръ, на которые Диксенъ смотритъ, быть можетъ, ошибочно, какъ на вѣшнія обороны. Они обдѣланы въ основаніи и по бокамъ кирпичемъ; въ нихъ встрѣчаются украшенія и другія древнія вещи.

Въ Луизианѣ встрѣчаются колодцы и пруды, совершенно обдѣланные глиною, превратившеюся въ извѣсть, и всегда находятся въ сосѣдствѣ группы кургановъ; бывають даже такіе изъ нихъ, которые до того правильны и крѣпки, что были избираемы для притока шаеками пиратовъ и разбойниковъ, которые, по истребленіи Французами Начезовъ, поселились въ нихъ къ большому вреду первыхъ здѣсь колоній. Начезы равнымъ образомъ умѣли избрать себѣ мѣста, мало доступныя, которыя они старались укрепить еще стѣнами изъ сухаго камня, съ боковыми прикрытіями, состоящими изъ кургановъ, размыщенныхъ съ знаніемъ. Диксенъ нашелъ въ нихъ тоже изобиліе глиняныхъ вещей, идоловъ, украшенія изъ мѣди и серебра, глиняныя печати, металлическія кольца, зеркала изъ слюды и шары изъ янны, халцедона и агата, похожіе на мексиканскіе и перуанскіе шары. Страннымъ кажется открытіе пѣско-лькихъ жемчужинъ самой чистой воды и живаго блеска, имѣющихъ до одного дюйма въ поперечникъ.

Исследование череповъ показало Диксену степень утонченности, ко-

торой достигло тѣмъ искусство зубодѣлія, до того, что тогда уже были известны искусственные зубы. Онъ нашелъ въ челюстяхъ одного черепа до пяти такихъ зубовъ.

Открыли также горны, служившіе для обжиганія глиняной посуды, и наполненные вещами, на половину превратившимися въ известь, и находящаяся на три фута глубины отъ поверхности земли; древность этого промысла доказывается тѣмъ, что деревья, которымъ можно дать до пяти сотъ лѣтъ, поросли сверху надъ этими постройками. Склады наконечниковъ стрѣлъ доставили ихъ до двадцати бушелей (семь гектолитровъ); онъ были разсыпаны на пространствѣ нѣсколькихъ футовъ. Докторъ Диксенъ нашелъ въ одномъ небольшомъ курганѣ, въ графствѣ Адамсъ, три большіе кувшина, которые заключали десять галлоновъ (сорокъ пять литровъ) наконечниковъ стрѣлъ, сдѣланныхъ съ совершенствомъ. Изваянія, представляющія собаку, похожую на англійскаго бульдога, верблюда, льяму, были имъ найдены на глубинѣ 40 и 60 футовъ ниже поверхности кургана.

Куски, о которыхъ мы уже упоминали, различаются цвѣтомъ; одни свѣтлокраснаго, другіе темнокоричневаго, иные представляютъ отъѣвки розоваго и желтаго цвѣту. Диксенъ добылъ ихъ до 40 ведеръ, изъ горшечной глины, и употребляемыхъ туземцами для клейменія кожи. Куски металла, похожіе на монеты, имѣли на лицевой сторонѣ изображеніе птицы, а на оборотъ — четвероногого.

Глиняная посуда встрѣчалась въ такомъ изобиліи, что вскрытіе одного кургана доставляло иногда болѣе 60 вазъ; одни изъ нихъ были разукрашены, другія — очень простой формы. Глина, изъ которой онъ сдѣланы, часто наполнена слюдою, а поверхность ихъ совсѣмъ не муравлена. Несмотря на великодушіе, съ которымъ докторъ Диксенъ отдалъ большую часть своей добычи въ пользу многихъ общественныхъ и частныхъ музеевъ, собственное его собраніе богато еще множествомъ разнообразныхъ вещей, въ числѣ которыхъ находится:

6000 наконечниковъ стрѣлъ изъ яшмы, халцедона, кварца, обсидіана, и такъ далѣе.

150 наконечниковъ стрѣлъ, шлифованныхъ и по-крайней-мѣрѣ длиною въ дюймъ.

25 острій стрѣлъ, въ поддюйма длины.

- 1600 наконечниковъ стрѣлъ и шпиль, грубо сдѣланныхъ.
- 250 небольшихъ каменныхъ топорковъ.
- 40 кружковъ, въсовъ и такъ далѣе.
- 20 пестиковъ для растиранія красокъ.
- 10 жернововъ.

3 большіе каменные ступки, въсколько статуй и человѣческихъ годовъ, каменныхъ и изъ горшечной глинды, украшенія изъ яшмы, калцедона, браслеты, скульптуры изъ кости, каменные рѣзцы, ножи, зеркала изъ слюды, лампы изъ глины, жемчугъ, булавы и алебарды, вазы съ ручками, цилиндрическія трубы изъ яшмы, украшенія изъ перлы и наконецъ одинъ мастодонтовъ клыкъ, длиною въ шесть футовъ, на которомъ изображены змѣя и двѣ человѣческія головы, вырѣзанныя очень искусно. Можно считать тожественною форму сѣкиръ, выдѣлываемыхъ Мехиканцами изъ обсидіана съ сѣкирами изъ роговика, отрытыми на берегахъ Миссиссипи и сѣкиръ изъ кремня, оставленныхъ Скандинавами.

Вездѣ одинакія вужды и одинакія средства предшествовали приготовленію этихъ вещей и орудій только-что зараждающейся образованности.

Кромѣ того Диксенъ составилъ собраніе изъ 60 череповъ, весьма интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи, и которые, по его мнѣнію принадлежатъ древнему поколѣнію. Долгій опытъ заставилъ Диксена, равно какъ Девиса и Сквирра, непосредственно отличать эти остатки древнихъ племенъ отъ того, что можетъ принадлежать новѣйшимъ племенамъ. Нѣкоторые курганы представляли постепенныя работы трехъ различныхъ племенъ, на вершинѣ ихъ находились работы новѣйшихъ Индѣйцевъ, подъ ними, ниже, вещи, полученныя туземцами отъ первыхъ поселенцевъ, пришедшихъ сюда изъ Испаніи, а въ основаніи кургановъ — остатки самаго древняго племени. Сѣкиръ и Девисъ также весьма часто находили въ верхнихъ слояхъ кургановъ скелеты паразитовъ, которые были тамъ захоронены новѣйшими Индѣйцами.

На основаніи результатовъ изысканій, въ которыхъ мы только что дали отчетъ, позволяемъ себѣ допустить между этими остатками прошедшаго географическое раздѣленіе на три области. Въ первой, лежащей къ сѣверо-западу, въ соседствѣ озеръ Верхняго и Мичигана, древнѣя

искусственный обугленный камень, который давал форму различным знакам. В окрестности Огю, греческия городища и укрепления уничтожены, такъ же какъ и конусообразныя курганы и *теокалы* въ видѣ усеченныхъ пирамидъ. Въ послѣдней области, лежащей у Мексиканскаго залива и низовой Миссиссиппи, городища встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ, какъ равно и конусообразныя курганы, но за то *теокалы* пирамидальной формы построены въ гораздо большихъ размѣрахъ.

Камень съ надписью, найденный въ Виргини, въ Гривъ-критъ-маундъ, и о которомъ уже объявилъ Шулькраутъ, возбудилъ общее вниманіе. Жомаръ, въ запискѣ, поданной академіи надписей, говорить, что письма американской надписи ничто иное, какъ ливійскія письма, найденныя на тугскомъ (Tugge) памятникѣ, и доселѣ еще употребляемыя Туариками въ соседствѣ Феццапа. Замѣчательно также что Гудсонъ (Hodhson) пришелъ къ тому же заключенію, вовсе не зная о трудахъ Жомара.

Вспомнимъ также, что Кетервудъ (Catherwood) познакомилъ насъ съ памятникомъ ливійскаго происхожденія, найденнымъ въ Туггѣ, главномъ городѣ тунисскаго дѣйства, имѣвшемъ двойную надпись, финикійскую и ливійскую. Первая, переведенная. Ф. де Сольси, оказала большія услуги наукъ, выведши изъ того значеніе соотвѣтственной надписи, какъ иероглифичная часть розетской надписи была объяснена греческою надписью. Этимъ открытіемъ, которое сообщаетъ рѣшительный толчекъ наукъ этнографіи, объяснены два замѣчательные вопроса: что ливійскимъ языкомъ говорили въ Нумидіи, въ тѣ времена, когда тамъ поселились Финикіяне, и что уже въ эту отдаленную эпоху Нумидійцы имѣли собственныя письма или знаки. Сюда должно прибавить, что эти же самыя буквы и въ наше время употребляются Туариками, представителями древняго нумидійскаго или берберійскаго племени. Они имѣли обыкновеніе вырѣзывать на камняхъ надписи историческаго или эротическаго содержанія, и Денемъ (Denham) и Клаппертонъ скопировали многія изъ этихъ надписей.

Северо-американское этнологическое общество не ограничило своихъ изысканій одними только исчезнувшими поколѣніями. Авторъ послѣдняго сочиненія: о Калифорніи, Новой-Мехикѣ и такъ далѣе *

* Подъ заглавіемъ: «Scenes in the Rocky Mountains, Oregon, California, etc. by a New Englander», стр. 198.

познакомить насъ съ однимъ индѣйскимъ племенемъ, Munchis (Mákis), или *Бѣлыхъ Индѣйцевъ*. Этотъ замѣтный родъ занимаетъ долину Сиерра-де-лосъ-Мимбросъ, на однихъ токахъ рѣки Гила (Gila), близъ границы сѣверо-запада Соноры. Страна ихъ окружена высокими горами, очень хорошо орошена. Число ихъ не превышаетъ 800 душъ; ихъ присловены къ наклонамъ холмовъ и часто высѣченны. Бѣлые Индѣйцы занимаются земледѣліемъ и содержатъ скота: стада барановъ, быковъ и лошадей. Многія вѣтви достигли до нихъ, равно какъ и предметы роскошныхъ народовъ. Женщины ихъ прядутъ, ткутъ, плетутъ масло и сыръ. Правы ихъ честны. Черты ихъ походятъ на лица Европейцевъ, равно какъ свѣтлый цвѣтъ лица и обычаи и промышленность не напоминаютъ новѣйшей Европы даже преданій о ихъ происхожденіи.

Другое мало известное племя Индѣйцевъ, называемое (Navijos), занимаетъ пространство между Рио-дель-Порте-Авагуакъ, въ провинціи Сонора, и представляетъ ту же независимость; они даже строятъ каменные дома. Ихъ военная одежда прочнее краской и тканьемъ, чѣмъ одежда Испанцевъ. Образъ правленія у нихъ имѣетъ цѣлью благополучіе, поощряетъ промышленность, гостепріимность и проступки. Они чрезвычайно храбры на войнѣ. Приданы ихъ страны позволили имъ до-сихъ-поръ остаться въ независимости не смотря на неравенство ихъ силъ въ войнахъ противъ Недовольныхъ тѣмъ, что совершенно воспретили доступъ къ ихъ природнымъ укрѣпленіямъ и страшнымъ дефиле. Они переступаютъ иногда, чтобъ навести страхъ на земли Испанцами и возвратиться съ стадами, которыя они угоняютъ въ свои неприступныя мѣста. Въ сношеніяхъ съ соседями дражая имъ, заключаютъ и нарушаютъ договоры, смѣлая что выгоднѣе.

Это извѣстіе согласно съ разсказами, распускаемымъ нами до времени охотниками и траперами на Навихосовъ. башмаки, чулки и другую одежду своего рукодѣлія, ру-

стѣлы: жилеты, панталоны и стѣблеты изъ оленьей кожи, бумажныя матеріи, которыхъ приготовленіе также имъ знакомо. Статья Обуръ и Баннера, написанная въ 1837 году, сообщаетъ, что у нихъ волосы свѣтлые, лохотенные и курчавые, голубые глаза, кожа необыкновенной бѣлизны и нежна.

Нельзя отвергать, что эти рассказы кажутся романтическими; во всякомъ случаѣ они подкрѣпляются авторитетомъ знаменитаго ученаго. Гумбольдтъ говоритъ въ своемъ (*Essai Pol. sur la Nouv. Espagne*, II), что Индѣйцы, живущіе между Рио-Колорадо и Рио-Гла, образуютъ поразительный контрастъ съ вѣроломными племенами, живущими къ востоку отъ Новой-Мехики. Отецъ Гарсъ удивился, найдя у Мокисовъ городъ съ большими площадями и прямыми и параллельными улицами, унизанными двухэтажными домами. Постройка этихъ зданій такая же, какъ и *Casas Grandes*, на берегахъ рѣки Гла.

Гумбольдтъ и другіе писатели считаютъ Навихосовъ и Макисовъ или Мокисовъ потомками одного и того же племени, покоренаго въ Мехикѣ Кортесомъ и его сподвижниками. Во всякомъ случаѣ онъ утверждаетъ, что миссіонеры коллегій Кверетаро, изучившіе нарѣчіе Астековъ, находятъ его существенно отличнымъ отъ нарѣчія Индѣйцевъ Мокисовъ. Эти народы приняли въ семнадцатомъ столѣтіи миссіонеровъ, которые были ими убиты во время большаго возмущенія Индѣйцевъ, происшедшаго въ 1680 году. Они находятся въ вѣчной враждѣ съ нынѣшними жителями Мехики; но нѣкоторые кровавыя стычки внушили имъ большой страхъ къ англо-американскимъ охотникамъ. Докторъ Лайменъ (*Lyman*) говоритъ (*Life and Travels in California*), что осенью, въ 1841 году, одинъ американскій купецъ, въ обществѣ 35 человекъ отправился изъ форта Бента въ страну Навихосовъ, сдѣлалъ ретраншаментъ изъ своихъ тюковъ съ товарами, и объявилъ удивленнымъ Индѣйцамъ, что онъ пришелъ въ ихъ страну торговать или сражаться, и что имъ предстоитъ выбирать любое.

Воспоминанія о вторженіи древнихъ траперовъ были еще въ памяти туземцевъ, и они не долго оставались въ нерѣшимости, и дѣлательно вступили къ мѣнѣ съ чужестранцами.

Было бы слишком рано основывать на трудах американских археологов систему происхождения обитателей Нового Света. Во всяком случае нельзя утверждать, что решение этого вопроса не было прямою целью этих изысканий, и что все, что было сделано в течение сорока лет тому назад, чтобы достигнуть этой цели, не приближало нас къ окончательному выводу.

=

СКУЛЬПТОРЪ ИВАНЪ ГУЖОНЪ.

=

Намъ ничего неизвѣстно ни о жизни ни объ ученіи Ивана Гужона; годъ и мѣсторожденіе его также неизвѣстны. Надѣялись—было отыскать некоторыя свѣдѣнія объ этомъ превосходномъ художникѣ въ одномъ мансонскомъ семействѣ, которое носитъ его имя; но эта надежда вскорѣ оказалась тщетною: одинъ только фактъ, кажется, достоверенъ, именно, что Гужонъ былъ убитъ изъ пищаля 24 августа 1572, въ день святаго Вароламея; но мнѣнію однихъ въ Луврѣ, а по другимъ при фонтанѣ Нимфъ, — нынче фонтанъ Невинныхъ (des Innocens), — находившемся тогда на углу улицъ Saint-Denis и Aux-Fers.

Такъ какъ фонтанъ Нимфъ былъ оконченъ спустя 22 года и какъ, по мнѣнію біографовъ, Гужонъ былъ убитъ съ рвцомъ въ рукахъ, то вѣроятно, что онъ трудился надъ украшеніемъ Лувра, въ день святаго Вароламея. Что было причиною его смерти? Былъ-ли онъ убитъ какъ Гугенотъ? и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ-ли онъ Гугенотъ? Двойной вопросъ, остающійся нерышеннымъ. Извѣстно, что при Карлъ-Девятомъ обвиненіе въ расколъ служило достаточнымъ поводомъ ко многимъ преслѣдованіямъ. Смерть Гужона должна ли быть приписана кому-нибудь изъ его соперниковъ? Былъ ли онъ убитъ изъ

зависти? Преданіе молчать въ этомъ отношеніи. Какой городъ былъ его колыбелью, Парижъ, Алансонъ, или Руанъ? То же молчаніе, та же неизвѣстность. Какихъ лѣтъ онъ умеръ? Одни говорятъ на 52, другіе на 62 году; но ни одно изъ этихъ двухъ извѣстій не доказано. Извѣстно, что Гужонъ работалъ въ царствованіе Франциска-Перваго, Генриха-Втораго, Франциска-Втораго, Карла-Девятаго; но не извѣстно съ точностью время первыхъ его трудовъ. Въ Руанѣ ли слѣдуетъ отыскивать перваго проявленія его таланта? Руанцы утверждаютъ это обстоятельство, не будучи въ состояніи доказать его справедливость. Они приписываютъ Гужону врата святаго Маклу и равнымъ образомъ не представляютъ никакого доказательства для поддержанія этого преданія. Нѣкоторые приписываютъ ему также гробницу Брезе, но доказавъ довольно ясно отношеній между трудомъ и его виновникомъ. По-крайней-мѣрѣ пока неожиданное обстоятельство, смерть, напримеръ, какого-нибудь стараго библіофила, скрывавшаго свое богатство, не откроетъ неизданныхъ еще матеріаловъ, до-тѣхъ-поръ надобно будетъ отказаться отъ всякаго намѣренія узнать когда-нибудь съ достовѣрностью жизнь Гужона, и довольствоваться только изученіемъ его произведеній. Неизвѣстенъ даже хронологическій порядокъ его работъ, и нѣтъ возможности утвердить его точнымъ образомъ, хотя знаемъ, что скульптурныя работы замка Экуанъ, исполненныя для коннетабля Монморанси, предшествовали скульптурамъ замка Анэ, заказаннымъ Гужону, по мнѣнію однихъ Діаню де-Поатье, по другимъ, и болѣе достовѣрно, — Генрихомъ-Вторымъ. Окончаніе фонтана Нимфъ достовѣрно извѣстно; оно послѣдовало на четвертомъ году царствованія Генриха-Втораго. Касательно же работъ въ Луврѣ, исполненныхъ частью внутри, частью во дворѣ дворца, одни изъ нихъ относятся ко времени царствованія Генриха-Втораго, между-прочимъ лестница, носящая его имя, другія же ко времени царствованія Карла-Девятаго, то-есть, скульптуры сосѣдняго флигеля съ часами. Этихъ извѣстій достаточно для того, чтобы изучить съ пользою труды Гужона, слѣдовать шагъ за шагомъ за развитіемъ его генія. Барельефы, снятые съ дверей святаго Антонія, и находящіеся теперь въ ангулемскомъ музее, не могутъ быть отнесены съ достовѣрностью къ какому-нибудь времени; но это еще не важно, потому что они носятъ тотъ же отпечатокъ, что и барельефы фонтана Нимфъ. Наконецъ дворецъ Карнавале раскрываетъ намъ талантъ Гужона въ новомъ видѣ, и не

имѣть ничего общаго съ трудами, находящимися въ Экуанъ, Анз и Лувръ.

Кто былъ учителемъ Гужона, мы хотимъ сказать, каковъ былъ его первый учитель? Этотъ вопросъ, предлагаемый съ давняго времени, до-сихъ-поръ еще не рѣшенъ. Руанцы говорятъ, что первымъ учителемъ Гужона былъ одинъ скульпторъ изъ Нормандіи, по имени Кене, но подкрѣпляя этого факта никакимъ положительнымъ доказательствомъ; и такъ о первомъ учителе Гужона, также какъ и о вратахъ саятаго Маклу существуетъ только догадка и болѣе ничего. Только ученымъ, проводившимъ всю жизнь съ книгами, позволено сказать, что Гужонъ образовался, изучая древніе образцы. Это мнѣніе, въ-самомъ-дѣлѣ не обосновательно. Труды Гужона, каковы бы ни были впрочемъ ихъ грація и изящество, не возвышаются до древности. Надо было никогда не изучать, никогда не видѣть памятниковъ греческаго искусства, чтобы видѣть въ Гужонѣ ученика Фидія или Лизиппа. Такая ошибка, простительная библиографу, была бы не извинительна чело-вѣку, живущему среди остатковъ Партеона. Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, найти малѣйшее сродство между Панаеенеями и фонтаномъ Нимфъ? Дана замка Анз имѣетъ ли хотя случайно что-нибудь общее съ Церерою, Прозерпиною и Парками Фидія? Фавны и сатиры лѣстницы Генриха-Второго изъ того-ли семейства, изъ какого Илоссъ и Тезей? Кто можетъ сказать это, не подвергаясь упреку въ невѣжество, и заслуживъ его?

Первый учитель Гужона, каково бы ни было его имя, вѣроятно не былъ ревностнымъ ученикомъ древности. Всякій сколько-нибудь знакомый съ важнѣйшими памятниками древняго и новѣйшаго искусства со временъ Перикла до Юлія-Второго, безъ труда узнаетъ, что Гужонъ далеко не принадлежитъ антической школѣ, а школѣ флорентинской. Между этими двумя школами такая разница въ началахъ, что онѣ никакъ не могутъ быть смѣшиваемы. Если Гужонъ ученикъ Фидія, то Филибертъ Делормъ ученикъ Икитина; второе мнѣніе стоитъ перваго, то-есть, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть доказано. Также не рѣшимся мы доказывать, что Гужонъ неизучалъ древнихъ образцовъ. Подобные вопросы занимаютъ только людей просвѣщенныхъ, а просвѣщенные люди не имѣютъ надобности въ нашемъ мнѣніи для рѣшенія ихъ.

Неизвѣстно также былъ ли Гужонъ въ Италіи: въ этомъ случаѣ

мы приведены къ догадкамъ; но, чтобы объяснить его тѣсную связь съ флорентинскою школою, нѣтъ надобности заставлять его путешествовать въ Италию. Гужонъ умеръ восемь лѣтъ спустя послѣ Микель-Анджело, и двадцать пять лѣтъ послѣ Франциска-Перваго. Но известно, что Францискъ-Первый призывалъ во Францію многихъ итальянскихъ художниковъ, живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ. Достаточно назвать Да-Винчи, Андрея дель Сарто, Россо, Приматиче. Многимъ изъ этихъ художниковъ поручено было приобретать на счетъ короля и привозить во Францію произведенія школы, которая господствовала тогда въ скульптурѣ, то-есть, флорентинской школы. Бенвенуто Челлини трудился для Франциска-Перваго въ Фонтенебло и его примѣръ былъ авторитетомъ для Гужона. Если бы намъ пришлось назвать наставника французскаго скульптора, нашъ выборъ не былъ бы сомнителенъ, мы не долго колебались бы; канелла Медичисовъ во Флоренціи ясно указала бы намъ на учителя и образецъ Гужона, и мы назвали бы Микель-Анджело.

Если въ-самомъ-дѣль легко показать между этими двумя знаменитыми людьми большое различіе, если французскій скульпторъ отличается скорѣе граціею, чѣмъ силою выраженія, тогда какъ флорентинскій скульпторъ часто ищетъ энергіи насчетъ граціи; однако жъ невозможно не признать родства связывающаго ихъ. И такъ въ канеллѣ Медичисовъ должно искать происхожденія и объясненія стилу Гужона.

Должны ли мы благодарить Франциска-Перваго зато, что онъ призывалъ во Францію итальянскихъ художниковъ? Должны ли мы быть ему благодарны за то, что онъ поставилъ образцомъ для французской скульптуры — флорентинскую? Надобно ли намъ присоединять свои похвалы къ похваламъ, расточаемымъ историками тому, котораго они называютъ отцомъ наукъ и искусствъ? Мы предоставляемъ трудъ отвѣчать на это людямъ, которые могутъ сравнивать искусство греческое съ флорентинскимъ. Если бы *отецъ наукъ и искусствъ* ясно понималъ выгоду французской школы; онъ поставилъ бы ее лицомъ къ лицу съ древностію, вмѣсто того, чтобы подчинять ее флорентинской дисциплинѣ. Это значитъ худо понимать возрожденіе искусства въ Италиі, не добираясь до настоящей причины этого возрожденія. Спрашивать совета у Италиі, которая по своему толковала все греческое и искажала смыслъ многихъ правилъ, вмѣсто того, чтобы спрашивать

сознать у самой же Греціи, это не значитъ быть довольно проникательнымъ. Еслибы отецъ наукъ повѣрилъ воспитаніе французскаго гения — гению греческому, предоставивъ природѣ, то-есть, животрепещущему образцу, трудъ смягчать и разнообразить стиль предписываемый эрудіціею, мы не сомнѣваемся, что судьбы французской школы были бы лучше и плодотвѣе. Предложить вопросъ въ этихъ выраженіяхъ, не будетъ ли это, съ другой стороны, показаться довольно строгимъ. Можемъ ли мы требовать отъ Франциска-Перваго совершеннаго знанія или даже общаго понятія началъ и стилей, которые раздѣляютъ исторію искусствъ? Между Мариньяномъ и Палиею могъ ли онъ имѣть время думать объ изученіи этихъ тонкихъ задачъ? Въ числѣ произведеній Гужона есть одно, которое пользуется по справедливости славою народною; мы уже назвали Диану изъ Поатье. Хотя это произведеніе далеко не сосредоточиваетъ въ себѣ весь талантъ художника, хотя каріатиды залы Cent-Suisses, лестница Генриха-Второго и фонтанъ Нимфъ представляютъ намъ его гений подъ различными видами, однакожъ Диана заслуживаетъ особеннаго вниманія. Чтобы хорошо понять ее, чтобы достойно оцѣнить, надобно знать, кто былъ образецъ, стоявшій передъ Гужономъ. Пренебрегая этимъ предварительнымъ знаніемъ, самый трудолюбивый умъ подвергнулся бы страннымъ ошибкамъ. Еслибы онъ хотѣлъ, на примѣръ, найти въ Дианѣ зѣмка Анэ языческую богиню, прославленную древними поэтами, если бы онъ попытался сравнить ее съ статуями Ватикана и Капitolія, онъ пришелъ бы къ несправедливому заключенію съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ. Прежде чѣмъ приступимъ къ изученію этой статуи, нужно быть проникнуты истиною, которая должна преобладать надъ споромъ: Диана зѣмка Анэ не есть произвольное произведеніе фантазіи, это портретъ живой женщины, представленной съ атрибутами языческой богини, которой она носила имя. Поэтому дѣло идетъ объ оцѣнкѣ этой фигуры, не по поэтическимъ даннымъ, освященнымъ съ давнихъ временъ въ скульптурѣ, но по общимъ правиламъ рисунка, давая себѣ отчетъ въ возрастѣ образца.

Но, какого возраста былъ образецъ? Диана изъ Поатье имѣла тридцать-одинъ годъ, когда потеряла мужа; въ 1547 году, ей было сорокъ-семь лѣтъ. Поэтому мы должны полагать, что Диана зѣмка Анэ есть произведеніе, исполненное послѣ смерти Франциска-Перваго. Вѣроятно ли, что женщина сорока-семи лѣтъ была образцомъ для

Діаны замка Анэ? Наверно нѣтъ, а между-тѣмъ вся современники согласно описываютъ намъ Діану изъ Поатъе, которая считалась чудомъ молодости и красоты долго послѣ смерти своего мужа. Анна де-Пислэ (Pisseleu), принцесса д'Этанъ (Etampes), несправедливо утверждала, что родилась въ тотъ день, въ который Діана вышла замужъ, эта ужасная насмѣшка не доставила ей победы надъ соперницею. Говоря о соперничествѣ принцессы д'Этанъ и Діаны изъ Поатъе, не бывшей тогда еще принцессою Валентиною, мы понимаемъ здѣсь придворное ихъ соперничество. И такъ вѣроятно ли, чтобы женщина этихъ лѣтъ служила образцомъ Гужону? Разсудокъ говорить: нѣтъ, а фактъ говорить: да. Правда, мы знаемъ, по свидѣтельству современниковъ, что Діана тщательно занималась своею красотою, которую нынѣшнія женщины большею частью пренебрегаютъ. Она храбро боролась противъ навздничества старости, и всякій день пробуждалась съ твердымъ намѣреніемъ увѣковѣчить свою молодость. Она вставала въ шесть часовъ утра, скакала верхомъ по лѣсамъ цѣлыхъ два часа, послѣ чего опять отправлялась спать до двѣнадцати часовъ; она мыла лицо холодною водою, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, чтобы сохранить свѣжесть и крѣпость тѣла. Для Діаны, красота была не только драгоценный даръ неба, но и наука, ежедневный трудъ. Она умерла на шестьдесятъ шестомъ году и ей удивлялись, ей завидовали самыя красивыя и самыя молодыя женщины.

Мы не думаемъ, что Діана знала составъ воды Жуванса. Однако жъ историки шестнадцатаго столѣтія, и въ особенности протестантскіе, видятъ въ этой упорной красотѣ, которой не могло овладѣть время, — дѣло чародѣйства.

Теперь, когда колдовство исключено изъ списка вѣрованій, мы должны отыскивать въ другомъ обстоятельствѣ слово этой замѣчательной загадки, и находимъ его на страницахъ, оставленныхъ намъ Брантомомъ. По свидѣтельству этого историка, который, безъ сомнѣнія, не всегда правдивый, но котораго слово пользуется законнымъ авторитетомъ, всякій разъ, когда онъ не ищетъ въ злорѣчій случая выказать свой ѣдкій и язвительный умъ, Діана не только была красавицей, но также необыкновенною умницею и острячкою, съ живымъ воображеніемъ и ровнаго характера; наконецъ это была натура, повелѣвавшая любовью и соединявшая въ себѣ всѣ рѣдкія каче-

ства, которыя, безъ сомнѣнiя, никогда не замѣнили бы молодости, и которыхъ помощью молодость никогда не пренебрегаетъ безнаказанно. Діана не забывала на минуту, что она хотѣла, что она должна быть любимой, и всегда находила въ прiятности своего ума вѣрное средство возобновить, отмолодить прелести своего тѣла.

Гужонъ представилъ намъ Діану де-Поатъе въ видѣ Діаны-Охотницы. Первая вещь, поражающая насъ въ этой статуѣ, то, что лицо и положеніе тѣла выражаютъ скорѣе беззаботность и роскошь, чѣмъ характеръ, приписываемый языческой богинѣ. Всякій знаетъ, что Діана по общему вѣрованію Грековъ, жила непорочно, и съ жаромъ предавалась тѣлеснымъ упражненіямъ. Ея лицо выражало стыдливость и гордость вмѣстѣ. Яснымъ доказательствомъ, что Гужонъ не хотѣлъ измѣнять образца, находившагося передъ нимъ, служить то, что онъ не давалъ никакого отчета въ физиогноміи, приписываемой Діанѣ древнею мифологіею, и не старался выразить ни во взглядѣ, ни во рту эти два чувства. Если онъ не заботился объ нихъ, то навѣрное потому, что онъ видѣлъ въ этомъ преобразованіи трудъ выше своихъ силъ; а въ то время, когда онъ дѣлалъ портретъ Діаны изъ Поатъе, онъ былъ уже слишкомъ лѣзкомъ со всеми средствами, со всеми хитростями своего искусства. Онъ хотѣлъ прежде всего представить вѣрное изображеніе этой прекрасной женщины. Говоря о вѣрномъ изображеніи, мы разумемъ здѣсь лицо. Весьма трудно, въ-самомъ-дѣлѣ, допустить, что тѣло Діаны изъ Поатъе было, въ сорокъ-семь лѣтъ, такое, какимъ мы его видимъ въ мраморной статуѣ ангулемскаго музея. Самые прилежные труды, самая ожесточенная борьба противъ нападковъ времени, не объяснили бы этой особенности. Что онъ плутовалъ, передавая намъ тѣло своего образца, это фактъ, который, въ нашихъ глазахъ, не можетъ быть оспариваемъ. Что онъ ограничился однимъ только сходствомъ лица, мы не сомнѣваемся ни на минуту. И такъ, допустивъ разъ это двойное данное, дѣло идетъ о томъ, чѣмъ тутъ воспользовался Гужонъ. Мы отказываемся судить его по условіямъ, возложеннымъ на скульптуру греческою мифологіею, если не хотимъ, чтобы насъ обвиняли въ несправедливости.

Глаза Діаны покрыты томностью и роскошью. Но отъ языческой богини уцѣляли только принадлежности охоты. Безпечное положеніе, которое Гужонъ далъ своему образцу, вовсе не идетъ къ сестрѣ Аполлона, но очень хорошо согласуется съ выраженіемъ лица.

Если бы причудливое учение такъ, которое видятъ въ Гужонъ ученика древности, имѣло нужду въ опроверженіи, достаточно бы было указать на линіи, которыя она представляетъ зрителю, ставшему для разсмотрѣнія ея по правой сторонѣ пьедестала. Никогда аэнискій художникъ не придумалъ бы подобнаго сочетанія линій, столь неудачныхъ и противныхъ всемъ законамъ гармоніи. Напрасно говорить, что движеніе это естественно, что оно вѣрно и живо схвачено; умъ, долго наблюдавшій и изучавшій произведенія древней Греціи, не принимаетъ этого довода. Между истинною, которую могутъ встрѣтить наши глаза, и истинною, которую должно избирать искусство, есть большое различіе, которымъ скульпторъ никогда не пренебрегаетъ безнаказанно. Конечно, художникъ, возвысившійся до нивала Фиды, прежде чѣмъ опредѣлить движеніе фигуры, долженъ задать себѣ вопросъ, представляютъ ли линіи даннаго образца гармоническое цѣлое. Гужонъ, такъ счастливо одаренный въ многихъ другихъ отношеніяхъ, но образовавшійся въ особенности во флорентинской школѣ, привыкшій видѣть въ языческой древности оболстительное проявленіе человеческого генія, скорѣе чѣмъ строгое ученіе, ни одной минуты не призадумался о различіи, о которомъ мы только-что говорили. Онъ схватилъ и безпечно воспроизвелъ движеніе, которое ему представилъ образецъ; онъ не задалъ себѣ вопроса, одобритъ ли вкусъ это движеніе или нѣтъ. Справившись съ своими воспоминаніями, онъ нашелъ въ флорентинской школѣ не одинъ примѣръ, который оправдывалъ случай, на которомъ онъ остановился, и принялся за дѣло съ полною безпечною. Еслибъ онъ послушался совѣтовъ Аэниъ вмѣсто совѣтовъ флорентинскихъ художниковъ, Диана, которой мы такъ восхищаемся, была бы еще удивительнѣе. Гармонія линій придавала бы новую цѣну всемъ достоинствамъ, которыми она отличается. Чистота стиля придавала бы новый блескъ этому граціозному произведенію.

Разсматриваемая нами Диана заслуживаетъ тѣмъ болѣе строгаго вниманія, что она сосредоточиваетъ въ себѣ все недостатки и все хорошія качества художника. Полное изученіе Дианы, преследуемое съ постоянствомъ, даетъ возможность судить безъ труда о всехъ другихъ произведеніяхъ Гужона; вотъ почему мы не страшимся утомить вниманіе читателя, изучая Диану въ различныхъ отношеніяхъ. Это изученіе можетъ показаться ребяческимъ только для умовъ, питаю-

ищетъ сильное отграниченіе на вожкой сорванной миломъ ; напротивъ того все тѣ, которые видятъ въ красотѣ, взятой самою-по-себѣ и въ различныхъ ея проявленіяхъ, достойный предметъ для размышленія, безъ труда и безъ скуки выслушиваютъ разборъ этого капитальнаго творенія. Мы не хотимъ искать въ древности предмета нашему сравненію ; очень легко осудить Діану Гужона, принимая за главное правило Венеру Милоскую. Это несравненное твореніе, которое мы должны Франціи отъ тридцати лѣтъ, принадлежитъ ли оно руке Фидія или Праксителя, Лизиппа или Скопаса, соединяетъ въ гармоническомъ единствѣ столько драгоценныхъ качествъ, изъ которыхъ каждаго достаточно для славы одного скульптора, что несправедливо было бы оцѣнять произведеніе французскаго художника по этому образцу, вместо того, чтобы оцѣнять его самое по себѣ, то-есть, совѣтуясь только съ природою, которая безъ сомнѣнія не есть верховная цѣль искусства, но которую искусство должно однако жъ всегда принимать за точку исхода. Вся Венеры, украшающія европейскіе музеи, начиная съ Венеры Медичи, находящейся во флорентійской трибунѣ, до Венеры Капитолійской, до Венеры Арльской, суть, собственно говоря, только второстепенныя произведенія, если ихъ сравнить съ Венерою Милоскою. Однако жъ забудемъ ее на минуту, эту удивительную статую, чтобы изучать безпристрастнымъ глазомъ Діану Гужона. Мы сказали уже свое мнѣніе о головѣ ея и намъ не захотѣть возвращаться къ ней. Плечи и спина вѣрнѣе схвачены чѣмъ грудь и бедра, такъ какъ они представляютъ болѣе единства, вызываютъ однако жъ замѣчаніе, которое легко можетъ быть повѣрено : кажется, что кожа очень узка, для тѣла, которое она покрываетъ ; спрашивается, какъ Діана могла бы поднять руку, — такъ и боишься, чтобы не лопнула и не разодралась кожа при первомъ ея движеніи. Плечи и спина Діаны очевидно лишены того качества, которое Итальянцы называютъ *morbidezza* — нежностью въ отдѣлкѣ.

Члены Діаны отличаются неоспоримому изящностью. Бедра, ноги и руки исполнены съ рѣдкимъ искусствомъ ; однако жъ отдавая полную справедливость достоинству этихъ частей, мы въ правѣ сказать, что Гужонъ далъ членамъ своей статуи извѣстную длину. Конечно разстояніе отъ бедра къ колену, и отъ колена къ стѣпѣ содѣйствуетъ въ особенности изящности формы ; по этой-то причинѣ, надобно признать превосходство природы итальянской надъ испанскою

натурою. Во всякомъ случаѣ, какъ не очевидно это правило, искусство не должно употреблять его во зло. Ноги Дианы не имѣютъ можетъ-быть той молодости, которую обнаруживаютъ грудь и бедра, ея форма хороша, сводъ, заключающійся между пяткою и началомъ сустава представляетъ счастливаю линію; но лодыжки очень мало округлены, слишкомъ мало закрыты и не одного возраста съ бедрами и грудью. Касательно рукъ, должно сказать, что не смотря на ихъ дивную гибкость, не смотря на очаровательныя ихъ ямочки, находящіяся при зарожденіи пальцевъ, ихъ надобно считать необыкновенно вѣрными. Длина лодыжекъ очевидно преувеличена, и хотя мы предпочитаемъ руки, исполненныя по этому правилу, рукамъ моделированнымъ Кусту, который очень часто жертвовалъ малости истиннымъ изяществомъ, мы замѣчаемъ въ рукахъ Дианы преувеличеніе превосходнаго правила.

Послѣ Дианы, самое важное произведеніе Гужона есть, безспорно, хоры въ залѣ, называемой Cent-Suisses, которая послѣ служила для собраній французской академіи, и теперь заключаетъ самыя драгоценныя древности. Если справедливо, что барельефныя работы не менѣе важны тѣмъ самыя статуи, не менѣе справедливо однако жъ, что статуи представляютъ болѣе частые случаи и, охотно скажемъ, болѣе рѣшительные, чтобы судить о знаніи художника. Кариатиды залы Cent-Suisses, хотя прислонены къ стѣнѣ, но не прикрѣплены въ основаніи, и художникъ, желающій изучить ихъ, свободно можетъ рассмотреть ихъ со всѣхъ сторонъ. Это выгода, которая позволяетъ оцѣнить достоинства и недостатки произведенія безъ большихъ трудовъ. Въ фигурахъ барельефовъ, многіе вопросы могутъ быть разрѣшены только догадочно. Напрасно опираться на самыя первоначальныя правила рисованія, то-есть, на понятія самыя точныя, надобно отказаться давать отчетъ въ условіяхъ перспективы. Кариатиды залы Cent-Suisses, состоящія изъ статуй, представляютъ болѣе удобный случай для изученія: вотъ почему мы попытаемся разобрать ихъ также строго, также подробно какъ и Диану. Конечно, эти статуи носятъ на себѣ отпечатокъ гармоническаго величія. Мы позволяемъ себѣ утверждать безъ надменности, что со времени появленія изваянныхъ фигуръ въ Паросѣ, въ правленіе Перикла, никогда они не выходили величественнѣе и могущественнѣе изъ подъ рѣзца художника. Однако жъ, не смотря на наше глубокое уваженіе къ этимъ кариатидамъ, которыхъ достоинство рѣ-

еще давно, мы считаемъ себя въ правѣ оспаривать и даже хулить многія составныя ихъ части. Такъ напримеръ, головы, исполненныя впрочемъ съ особенною вѣрностью, имѣютъ характеръ слишкомъ анекдотическій. Намъ нѣтъ надобности объяснять смыслъ, который мы придаемъ ихъ выраженію: всякій пойметъ, что говоря объ анекдотическомъ характерѣ головъ, мы намѣкаемъ на распределение чертъ лица, которыя кажутся скорѣе заимствованными, чѣмъ прямо скопированными у дѣйствительности, свободно истолкованной, произвольно преобразованной мыслью, но въ искусствахъ рисовальномъ и скульптуръ, слишкомъ удаляющихся отъ условій видимаго міра, который не имѣетъ другой цѣли кромѣ выраженія отвлеченной формы, анекдотическій характеръ не можетъ быть допущенъ. Мы знаемъ, что противное ученіе было гораздо чаще весьма ловко поддерживаемо; знаемъ, что враги, впрочемъ весьма извинительные, линій, священныхъ преданій, поддерживали необходимость давать всемъ головамъ особенную физиогномію, и что они видѣли во внимательномъ изученіи, въ буквальномъ списываніи живыхъ образцовъ, самое вѣрное средство избѣгнуть однообразія преданія. Мы охотно принимаемъ все истинное въ этомъ ученіи, но не согласны принимать его безъ исключеній. Мы очень хорошо понимаемъ опасность преданія, отдѣленнаго отъ тщательнаго изученія природы, но мы понимаемъ какъ истину, равнымъ образомъ очевидную, опасность-исключительнаго изученія природы. Это послѣднее изученіе, безъ котораго нѣтъ истиннаго искусства, искусства твердаго, которое, собственно говоря, составляетъ основаніе всехъ произведеній, бросающихся въ глаза, недостаточно однако жъ для постигновенія, для выраженія красоты. Изученіе живаго образца, преслѣдуемое съ самымъ упорнымъ постоянствомъ, въспомоществуемымъ самою глубокою проникательностью еще далеко не составляетъ всехъ средствъ скульптуры. Скульпторъ никогда не отвергаетъ безнаказанно важность преданія; онъ никогда безнаказанно не закрываетъ уха советамъ прошедшаго. Считать живой образецъ единственнымъ наставникомъ, спрашивать природу какъ единственнаго совѣтника, способнаго просвѣтить насъ, значитъ добровольно пренебрегать пользою, которую намъ представляетъ исторія въ попыткахъ предпринятыхъ, въ попыткахъ исполненныхъ и увѣчавшихъ нашихъ предковъ. Это не значитъ, какъ вообще полагаютъ, привести искусство къ истин-

нѣмъ его обязанностямъ и ограничить съ скромностью поладъ свѣ- его честолюбія: это напротивъ, — думать, хотѣть, и дѣйствовать съ неограниченнымъ гордостью; это — идти къ своимъ силамъ безграничное доверіе; это значило бы смотрѣть на прошедшее какъ на неудачившееся еще, и опять начинать въ новое дѣло, какъ-будто человекъ надѣется найти въ себѣ довольно силы и постоянства всѣхъ поколѣній, предшествовавшихъ намъ. Мы не приписываемъ Гужону подобную надменную мысль. Хотя намъ неизвѣстно, у кого онъ учился, мы знаемъ по-крайней-мѣрѣ, и довольно вѣрно, въ какой школѣ онъ образовался, и самыя его произведенія засвидѣтельствуютъ, что не одна природа была наставницей, которой онъ слушался. Въ этомъ отношеніи, всякій споръ былъ бы бесплоденъ. Мы охотно признаемъ, что Гужонъ слѣдовалъ преданію во многихъ случаяхъ, и вотъ именно почему мы удивляемся, находя въ головахъ его каріатидъ анекдотическій характеръ. Спрашивается, какъ такой умъ какъ его, знакомый съ истинными условіями скульптуры, могъ ошибаться до того, что давалъ монументальнымъ фигурамъ физиогномію, которая возвышается надъ дѣйствительностью и вовсе не можетъ спорить съ преобразованиями, которыя мысль налагаетъ на живой образецъ. Мы отдаемъ полную справедливость таланту, который раскрылъ художникъ въ исполненіи головъ; восхищаемся простотою, могуществомъ, которыя онъ выказалъ въ списываніи формы, замѣчаемъ въ этихъ головахъ особенную способность подражать; но мы не можемъ не сожалѣть чистосердечно, видя столько таланта, потраченного на подражаніе и имъ только ограничивающагося, столько могущества, столько вниманія, посвященныхъ буквальному списыванію дѣйствительности. Если одной дѣйствительности недостаточно для скульптуры, когда дѣло идетъ объ оконченной статуѣ, освященной исторіею или поэзіею, то еще по сильнѣйшей причинѣ недостаточно ея одной для скульптуры монументальной, которой первое условіе — величіе. Также мы не колебались сказать, что Гужонъ ошибался, давая головамъ своимъ каріатидъ характеръ анекдотическій.

Торсы и члены каждой изъ этихъ каріатидъ превосходно выражаютъ силу и могущество, принадлежащія этому роду фигуръ, и, вещь замѣчательная, вещь истинно достойная похвалы, и встрѣчающаяся нынѣ весьма рѣдко, что художникъ умѣлъ примѣрить силу съ

внѣществомъ. Въ торсѣ и члѣнахъ замѣчается сила совершенно мужская, и однакожь изгибныя линіи очень замѣтно характеризуютъ нѣгъ фигуры и показываетъ намъ женщину, со всеми ея признаками. Чтобы рѣшить эту трудную задачу, чтобы выразить силу, соединенную съ внѣществомъ, чтобы показать въ одной фигурѣ могущество мужчины и грацію женщины, надобно совершеннаго знанія, чуднаго постиженія всѣхъ условій скульптуры, и то, что можетъ развить изученіе, но не даетъ провидѣтельный гений, который угадываетъ точную границу, гдѣ оканчивается могущество, и гдѣ начинается нежность формъ. Всѣми этими драгоценными способностями владѣлъ Гужонъ, и, если другія произведенія, которыми мы обязаны его рѣзку, не доказываютъ того довольно ясно, то достаточно бы было кариатидъ залы Cent-Suisse, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ. Тѣсное единство, еще тѣснѣйшій союзъ силы и граціи, составляютъ въ нашихъ глазахъ капитальное достоинство этихъ красивыхъ фигуръ. Съ искусствомъ, которому мы не перестаемъ удивляться, художникъ умѣлъ обогатить, пополнить женскія формы, чтобы сообщить имъ характеръ могущества, и произвольное преувеличеніе, которое онъ избралъ для выраженія своей мысли, не отнимаютъ ничего у легкости, внѣщества, которыя должна всегда сохранять женщина. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ какой стороны не станешь изучать эти кариатиды, всегда и вездѣ находишь то же богатство, ту же полноту, тоже могущество, и въ тоже время ту же грацію, то же изящество. Возрастъ, данный Гужономъ этимъ фигурамъ, выбранъ необыкновенно удачно: это возрастъ молодой матери, которая носила въ своей мощной утробѣ первый плодъ счастливаго союза; и именно въ этомъ возрастѣ, женщина самымъ лучшимъ образомъ выражаетъ связь силы и граціи. Плечи, грудь, и бедра чудно согласуются и передаютъ съ необыкновенною чистотою тонъ, созданный воображеніемъ художника. Разстояніе, заключающееся между бедромъ и коленкомъ, означаетъ кривою линією, которой значеніе и достоинство поражаютъ всѣ опытные глаза. Въ этой линіи, такъ искусно, такъ отважно проведенной, виднѣтъ явный признакъ силы и плодовитости. Трудно ошибиться въ значеніи этой могущественной кривой линіи. Манера, съ которою исполнена лядвея, не менѣе ясно указываетъ на силу, которую скульпторъ хотѣлъ надѣлать каждую изъ этихъ фигуръ.

Почему Гужонъ не окончилъ этихъ дивныхъ каріатидъ? Отчего у нихъ руки отсѣчены на нѣсколько дюймовъ отъ плеча? Хотѣлъ-ли художникъ съ большою свободою исполнить и лучше показать во всемъ его богатствѣ, торсъ каждой фигуры? Очень возможно, что онъ руководствовался этой мыслью. Въ-самомъ-дѣлѣ мы вовсе не видимъ другаго повода этому произвольному искаженію. Каково бы ни было достоинство нашихъ догадокъ, мы не одобряемъ намъренія Гужона. Если отсутствие рукъ доставило ему, быть можетъ, болѣе свободы для исполненія и выказанія торса каждой фигуры, не мнѣе справедливо и то, что это искаженіе не согласуется съ назначеніемъ, приписываемымъ каріатидамъ. Зритель не можетъ забыть, что эти фигуры заступаютъ мѣсто колоннъ. Но такая обязанность можетъ ли быть исполнена фигурами изувѣченными? что касается до насъ, то мы сомнѣваемся въ возможности этого. Мы лучше желали бы видѣть руки гордо скрещенными на груди или крѣпко опертыми на бедра, смотря по вѣсу тяжести. Такъ-какъ хоры залы Cent-Suisses довольно легкое бремя для каріатидъ въ 12 футовъ вышины, то умъ и вкусъ совѣтовали бы художнику сложить имъ руки накрестъ на груди. Если бы даже исторія и представляла нѣсколько примѣровъ подобныхъ увѣчій, эти примѣры не измѣнили бы нашего убѣжденія.

Драпировки каріатидъ самаго превосходнаго стиля; они обвиваютъ фигуру вовсе не скрывая формъ ея. Такимъ-образомъ греческое искусство всегда понимало драпировку, и это единственный способъ понимать ихъ. Всякая драпировка, въ-самомъ-дѣлѣ, придуманная не по этимъ даннымъ, нарушаетъ основныя условія скульптуры. И такъ какъ первое изъ этихъ условій есть выраженіе формы, по этому всякая драпировка, которая маскируетъ форму, скрывая ея, отвергается вкусомъ. Гужонъ, моделируя свои каріатиды, ни на минуту не забылъ повелительный характеръ этого правила. Онъ понималъ, подобно Грекамъ, что только ленъ и шерсть образуютъ свою гибкостью складки, которымъ скульптура можетъ подражать съ успехомъ, и онъ избралъ ленъ, котораго прозрачность и легкость позволяли ему свободнѣе выказать формы фигуры. Одежда такъ искусно расположена, что глазъ преслѣдуетъ и ласкаетъ все части образца свободно, а гибкость льна предоставляетъ зрителю угадать форму, вмѣсто того, чтобы показать ее прямо, и такимъ-образомъ представляетъ ему

новую прелесть. Однакожъ, если мы восхищаемся или хвалимъ манеру, принятую Гужономъ въ драпировкѣ каріатидъ, то принуждены порицать образъ, которымъ одежды завязаны на каждой фигурѣ. Сколько складки имѣютъ гибкости и граціи, столько узловъ, удерживающихъ одежду поражаетъ насъ своею величиною и тяжестью. Мы не ослабляемъ искусства рѣзца въ самомъ исполненіи этой второстепенной подробности; но не можемъ считать этой детали красивою, какъ ни тонко она исполнена, потому что ей не достаетъ простоты и она нарушаетъ общій характеръ фигуры.

Однако жъ мы не желаемъ никого вводить въ заблужденіе смысломъ нашихъ словъ. Если мы порицаемъ въ каріатидахъ залы Cent-Suisses, многія детали, которыя кажутся несообразными съ монументальнымъ стилемъ, зато мы никогда не имѣли въ мысли приписывать этимъ деталямъ большую важность. Хотя головы каріатидъ не имѣютъ величія и простоты, какихъ мы бы желали; хотя драпировки превосходятъ въ общемъ ихъ расположеніи, не такъ привязаны, какъ бы намъ хотѣлось; хотя Гужонъ, кажется намъ, сдѣлалъ большую ошибку изувѣчивъ руки этихъ четырехъ женщинъ, такихъ сильныхъ и красивыхъ, всѣ эти предосторожности, предписанные изученіемъ, размышленіемъ, не уменьшаютъ нашего удивленія къ хорамъ залы Cent-Suisses. Если бы эти хоры не были въ нашихъ глазахъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній французскаго искусства, можно бы даже сказать, европейскаго искусства, мы не задали бы себѣ труда разбирать ихъ съ такимъ вниманіемъ, разсматривать всѣ ихъ части съ такою строгостью; но именно потому, что мы восхищаемся хорами Cent-Suisses, мы говоримъ о нихъ, не слегка, но со всею основательностью. Прекрасныя части этого произведенія преобладаютъ надъ частями, которыя, кажется намъ, заслуживаютъ нѣкоторый упрекъ, и мы вовсе не затрудняемся сказать, что именно намъ не нравится; сказавъ прежде, что намъ полюбилось. Должны ли мы, не позволивъ себѣ, говоря о трудахъ Гужона, свободно и полно выражать свою мысль? Не думаемъ. Если преданіе приняло подъ свое покровительство ложныя мнѣнія, по-крайней-мѣрѣ, какъ мы полагаемъ, отчего же намъ ихъ не опровергнуть? Если мы ошибаемся въ свою очередь, то рано или поздно найдется кто-нибудь, который выведетъ насъ на прямую дорогу, и мы не станемъ скрывать или

показывать свои впечатлѣнія, для того только, чтобы не оскорбить кого-нибудь. Мы говоримъ о Гужонъ, какъ бы говорили о нашемъ банкирѣ, въ Римъ, увѣчанномъ известною наградою. Естьли это съ нашей стороны надменность? Мы предоставляемъ здравому смыслу публики решить этотъ вопросъ. Виновникъ херъ Cent-Suisse, отдѣленъ отъ насъ нѣсколькими поколѣніями: достаточно ли это, чтобы его судить съ трепетомъ. Въ этомъ отношеніи, мы не разделяемъ мнѣнія большинства. Мы не понимаемъ, чтобы можно было взять перо, для того только, чтобы говорить о художникъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, безъ твердаго намѣренія судить его со всюю свободою. Кто бы не рѣшился преслѣдовать свою мысль до конца, показывать ее такою, какою она образовалась въ глубинѣ его совѣсти, чтобы не подвергнуться перичаію, гнѣву читателя, тотъ дѣйствовалъ бы гораздо благоразумнѣе краія молчаніе; потому что совершенно бесполезно писать, если должно ограничиваться повтореніемъ въ сотый разъ того, что уже было сказано, предшествовавшими намъ поколѣніями. Конечно, не надобно имѣть претензіи говорить отъ себя, во имя своей мысли, не советуясь ни съ кѣмъ, не стараясь просвѣтиться сравненіемъ высказанныхъ уже мнѣній, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, объ этомъ же предметъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если полезно совѣтоваться о прошедшемъ съ предшествовавшими намъ поколѣніями, то не менее полезно спрашивать о прошедшемъ прямое, полученное нами объ немъ впечатлѣніе. Занимаясь слишкомъ много выпискою свидѣтельствъ, можетъ случиться и случается очень часто, что забываешь свое собственное мнѣніе, и не признаешь его, чтобы присоединиться къ чужому мнѣнію. Если бы мы захотѣли дать своей мысли всю очевидность факта, намъ бы достаточно было сослаться на Ланци. Конечно, никто не думаетъ оспаривать знаніе, терпѣніе, остроуміе этого умнаго писателя, однако жъ его *Historia живописи* не то, чѣмъ бы она должна быть, потому что онъ очень не доверялъ самому себѣ, потому что онъ смотрѣлъ съ большимъ уваженіемъ и снисхожденіемъ на мнѣнія, высказанныя до него, и не придавалъ большой важности прямымъ впечатлѣніямъ, которыя онъ получалъ въ музеяхъ и галереяхъ Италіи. Сравнивая мысли, изложенныя назадъ тому два вѣка о Рафаэлъ, Микель-Анджело, Каррачіо, Доменикино, пришлось бы замѣчать свое собственное мнѣніе только сквозь облако пыльной учености. Трудъ

Личи, столь похвальный во многихъ отношеніяхъ, столь похвальный за усердное изслѣдованіе, на которомъ онъ опирается, за разнообразное чтеніе, котораго онъ требовалъ, вѣроятно имѣлъ бы больше достоинства, еслибъ авторъ чаще говорилъ о томъ, что видѣлъ, что чувствовалъ и гораздо рѣже о книгахъ, которыя онъ перелистывалъ, о судьяхъ, съ которыми онъ совѣтовался. Что до насъ, то несмотря на наше уваженіе къ учености, мы считаемъ ее весьма опасною въ вопросахъ, которые относятся къ красотѣ. Если дѣло идетъ о свѣдѣніяхъ филологическихъ или біографическихъ, мы исполнены любопытства, и стучимъ во все двери, съ жадностью раскрываемъ все книги, которыя могутъ насъ просвѣтить о жизни и учености поэта или скульптора; но какъ только находимся лицомъ къ лицу съ его произведеніями, тогда обращаемся къ самимъ себѣ, чтобы узнать, что намъ должно сказать о нихъ. У насъ нѣтъ притязанія находить всегда истину; если мы ошибаемся, то по-крайней-мѣрѣ то не ошибка, что мы изучали челоуька, котораго приступаемъ судить. Такимъ-образомъ, мы говоримъ о хорахъ въ залѣ Cent-Suisses, давая отчета въ мнѣніяхъ, высказанныхъ за два вѣка тому назадъ объ этомъ произведеніи. Мы забываемъ, что люди, впрочемъ, очень просвѣщенные, имѣющіе право судить о другихъ предметахъ, видятъ въ каріатидахъ Гужона превосходство, чуждое всякой украшности, чистоту и простоту, которыя напоминаютъ самыя прекрасныя произведенія Фидія. Мы не теряемъ времени на сравненіе этихъ преувеличенныхъ похвалъ съ жалкими порицаніями, высказанными объ этомъ же предметѣ. Мы повѣряемъ своимъ словамъ только наше личное убѣжденіе и принимаемъ безъ досады все упреки, которые убѣдятъ насъ въ заблужденіи.

Мы опять встрѣчаемъ въ фонтанѣ Нимфъ все прекрасныя качества, все заслуги, которыя насъ поражали въ Діанѣ и въ каріатидахъ. Здѣсь мѣсто полагать, по свидѣтельствамъ самымъ достойнымъ вѣры, что Гужонъ былъ столько же архитекторомъ, сколько и ваятелемъ этого удивительнаго памятника. Фонтанъ, который мы теперь видимъ, не тотъ, что построилъ творецъ Діаны. Произведеніе возрожденія искусствъ, перенесенное въ 1785 году изъ улицы Fers au marché des Innocens было увеличено, но не украшено, однимъ древнимъ пансіонеромъ изъ Рима, очень искуснымъ практикомъ, но совер-

менно неспособнымъ отыскать, воспроизвести стиль возрожденія. Съ трудомъ можно понять, какъ Пажу принялъ подобное предложеніе и не чувствовалъ, что оно выше силъ его. Пажу въ продолженіе многихъ лѣтъ ознакомился съ памятниками Рима и Флоренціи. Онъ могъ прямо совѣтоваться съ школою, которой Гужонъ слѣдовалъ правламъ, но ему не доставало вдохновенія. Онъ не суммалъ ни показаться оригинальнымъ, ни приобщиться къ мысли художника, тѣмъ болѣе, что этотъ памятникъ, передванный спустя 233 года послѣдняго приѣма рѣзца Гужона, представляетъ теперь человека съ двумя лицами. Мы не хотимъ говорить о скульптурныхъ работахъ Пажу. Касательно же рѣзныхъ работъ Гужона достаточно одного слова для характеристики его: это идеалъ граціи. Нимфы и тритоны, украшающіе этотъ фонтанъ, начертаны съ изяществомъ, которое никогда не было превзойдено и исполнены съ такою простотою и богатствомъ, которыя удивляютъ и приводятъ въ отчаяніе всѣхъ знатоковъ. Эти фигуры, придуманныя въ порывѣ восторга, съ произволомъ, которые не противорѣчатъ себѣ ни на минуту, заслуживаютъ по справедливости названія барельефовъ въ этимологическомъ смыслѣ слова. Онѣ едва представляютъ нѣсколько выпуклыхъ линій, но эффектъ такъ хорошо рассчитанъ, законы перспективы такъ верно соблюдены, что глазъ обманывается и никогда не думаетъ измѣрять ихъ дѣйствительную толщину. Столько легкости во всѣхъ движеніяхъ, столько граціи и небрежности въ положеніяхъ тѣла, что зритель смотритъ на нимфы и тритоновъ, какъ на существа, одаренныя жизнью. Во всѣхъ линіяхъ царствуетъ гармонія такая могущественная, такъ хорошо понятая, что въ нихъ ничего не возможно, кажется, измѣнить безъ оскорбленія вкуса и здраваго смысла. Однако жъ, мы должны сознаться, и это признаніе не уменьшаетъ нашего восхищенія, что нимфы кажутся намъ превосходить тритоновъ. Гений Гужона, не смотря на то, что мы говорили о силѣ, выраженной въ каріатидахъ, лучше понимаетъ грацію, чѣмъ силу. Подъ его рѣзцомъ мужская натура, очень часто женственнѣетъ и напоминаетъ изящную изысканность Антонио. Въ особенности, кажется, женщина возбуждаетъ, воодушевляетъ, воспаляетъ творца Дяны; только для женщины онъ сохраняетъ и истрачиваетъ все средства своего плодovitаго воображенія; для нея онъ истощаетъ свои сокровища

живія и искусства. Видя удивительное изящество, которое Гужонъ далъ всемъ своимъ нимфамъ, начинаешь жалеть о молчаніи современниковъ о превосходномъ художникѣ, который такъ искусно передалъ намъ черты принцессы Валентиноа. Мы не перестаемъ удивляться нимфамъ этого граціознаго фонтана. Глазъ не можетъ желать ничего болѣе изящнаго, болѣе роскошнаго, и однако жъ, эти удивительныя фигуры остаются чисты и непорочны въ блестящей ихъ наготѣ. Никакая сладострастная мысль не пробуждается въ воображеніи зрителя, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается торжество генія и искусства. Красота, такова какъ ее понимаетъ, какъ ее выражаетъ Гужонъ, до того возвышенная, до того идеализирована, что удивленіе изгоняетъ изъ головы всякую другую мысль, кромѣ мысли о ней одной. Фонтанъ Нимфъ, можетъ-быть, названъ безъ преувеличенія николю скульптуры. Мы не говоримъ, что этой николи достаточно для воспитанія художника; но навѣрно, каждый, изучившій внимательно нимфы фонтана, каждый разсматривавшій внимательнымъ глазомъ разумную гармонию, которая управляетъ всеми линіями этихъ фигуръ, если только въ немъ есть чувство истинно прекраснаго, будетъ отлично приготовленъ этимъ созерцаемъ къ истолкованію живаго образца. Превосходство твореній Гужона состоитъ въ особенности въ отсутствіи буквальной дѣйствительности. Нимфы фонтана чрезвычайно вѣрны, потому что они красивы, а красота не возможна безъ истины; но у нихъ нѣтъ ничего дѣйствительнаго, ничего буквальнаго: образецъ увеличился, смягчился подъ рѣзцомъ скульптора; дѣйствительность потеряла все то, что ее безобразитъ, и приобрѣла то, чего ей не доставало. Вотъ почему фонтанъ Нимфъ кажется намъ достойнымъ предметомъ изученія для нашихъ молодыхъ скульпторовъ.

Скульптуры дворца Карнавале, не имѣя той же важности, что фонтанъ Нимфъ, не представляя такого гармоническаго цѣлаго, заслуживаютъ однако жъ вниманіе умовъ просвѣщенныхъ. Мы не хотимъ допускать никакого сравненія между этими двумя памятниками, и будемъ довольствоваться характеристикой, состоящею изъ нѣсколькихъ словъ о четырехъ временахъ года, которыя украшаютъ первый этажъ въ глубинѣ двора. Между этими четырьмя фигурами, исполненными съ равнымъ искусствомъ, мы предпочитаемъ однако жъ, вторую и четвертую, мы хотимъ сказать Зиму и Лѣто. Мы

не оспариваемъ достоинства первой и третьей, — Весны и Осени; но не находимъ въ этихъ послѣднихъ фигурахъ того же изящества, той же удачи въ выборъ принадлежностей. Такъ напимъ, признавая вполне молодость, блистающую въ Веснѣ, не одобряемъ цвѣтовъ, которые выются вокругъ ногъ и разскаютъ ихъ на двѣ части. Невѣроятно, чтобы подобное украшеніе имѣло эффектъ и въ живописи; будучи же изваянное изъ камня, оно вовсе не нравится. Осень, представленная въ видѣ чловѣка въ зрѣломъ возрастѣ, неудачно раздѣлена на двѣ части, почти равныя, листьями и фруктами, которые выются вокругъ ногъ. Общій характеръ Осени такой, какъ и долженъ быть, рисунокъ твердый безъ сухости, сила видна въ торсѣ и въ членахъ; но поясъ изъ листьевъ и фруктовъ не прельщаетъ глазъ, и неприятно ломаетъ линіи фигуры. Вещь замѣчательная и встрѣченная нами во второй разъ, что Весна и Осень, представленные въ видѣ мужчинъ, имѣютъ меньше достоинства и изящества, какъ Зима и Лѣто, представленные въ видѣ женщинъ. Фонтанъ Нимфъ представляетъ намъ то же различіе. Если Весна и Осень дворца Карнавале, нравятся намъ меньше, чѣмъ Зима и Лѣто, то мы должны сознаться, что Весна и Осень нарисованы ничѣмъ не хуже. Единственное правильное заключеніе, которое можно вывести изъ сравнительнаго изученія этихъ фигуръ, то, что Гужонъ, по природѣ своего генія, по привычкамъ своей мысли, и можетъ-быть, также по движенію своего сердца, скорѣе былъ способенъ къ выраженію граціи, чѣмъ къ выраженію силы; и то, что мы сказали о силѣ, замѣчаемой въ каріатидахъ хоръ залы Cent-Suisses, не противурѣчить мысли, которую мы только что выразили, потому что въ этихъ каріатидахъ, сила умѣрена, почти предписанная граціею.

Зиму и Лѣто должно считать въ числѣ лучшихъ произведеній Гужона. Зима въ видѣ старушки, такъ искусно покрыта складками инертной епанчи, движеніе рукъ ея, проведенныхъ на грудь, исполнено съ такою вѣрностью, что невозможно обмануться въ природѣ и названіи существа. Вся части этой фигуры исполнены съ такимъ же стараніемъ, такъ же счастливо. Если отъ изученія линій этого произведенія перейдемъ къ разбору поэтическаго выраженія, то эта вторая попытка подтвердить заключенія первой. Мысль, созерцающая эту фигуру, переносится между льдовъ Норвегіи. Старушка дрожитъ такъ нату-

рально, что смотря на нее, дрожь переходитъ къ вамъ и оцѣвнваетъ кровь въ жилахъ. Художникъ, изображая Зиму, не забывъ своего обычнаго пристрастія къ изяществу и граціи; нижніе члены представляютъ удачныя очертанія. Матерія, покрывающая тѣло, щедро раскинута и складки не оказываютъ ничего случайнаго.

Относительно Лѣта, надобно сказать, что это одно изъ вѣрнѣйшихъ твореній новѣйшаго искусства. Улыбающееся лицо, роскошныя волосы, изящно поднятыя, гибкость стана, богатство формъ, оконечности тонкія и нѣжныя, все сосредоточивается въ этой фигурѣ. Это бьюкурая Церера, приносящая изобиліе и счастье. Во всемъ фантазъ Нимфъ нѣтъ фигуры, болѣе граціозной и легкой, какъ Лѣто дворца Карнавале. Прозрачная ткань, покрывающая это прекрасное произведеніе ваянія, не скрываетъ его. Ноги и руки исполнены удачно, и соединяютъ въ себѣ силу и изящество. Нога, поставленная на землѣ, стоитъ твердо, а другая, поднятая, отдѣляется отъ земли сильнымъ движеніемъ. Пробѣжавъ внимательнымъ взглядомъ всѣ части этой пріятной фигуры, мы приходимъ къ заключенію, что она еще лучше Зимы, хотя эта послѣдняя исполнена необыкновенно вѣрно. Для насъ ясно, что выраженіе счастья легче давалось Гужону, чѣмъ выраженіе страданія, и что мраморъ, обрабатываемый его разцомъ, охотнѣе принималъ черты юности, нежели черты зрѣлаго возраста. Если времена года отеля Карнавале не сосредоточиваютъ въ себѣ всего генія Гужона, то они могутъ по-крайней-мѣрѣ служить вполнѣ для его характеристики. Весна и Осень, въ видѣ мужчинъ, хуже чѣмъ Зима и Лѣто въ видѣ женщинъ, а Лѣто, молодое и улыбающееся, лучше чѣмъ Зима, дрожащая отъ стужи въ своей эпанчѣ.

Мы не говоримъ о скульптурныхъ работахъ Экуана, по самой простой причинѣ: потому что никто до-сихъ-поръ не доказалъ основательно, что Гужонъ былъ виновникомъ или по-крайней-мѣрѣ единственнымъ творцомъ этихъ работъ. Мнѣнія ученыхъ и знатоковъ на этотъ счетъ различны. Одни приписываютъ эти работы Ивану Булану, а другіе Гужону. Впрочемъ, такъ какъ произведенія Экуана не представляютъ того же изящества, той легкости, какъ произведенія о которыхъ мы говорили выше, то мы не охотно приписываемъ ихъ Гужону. Характеръ сюжетовъ, исполненныхъ въ экуанскомъ замкѣ,

также не согласуется съ языческими привычками, которые встрѣчаются во всехъ разобранныхъ нами произведеніяхъ. Эти произведенія приписываются Гужону нѣкоторыми слишкомъ усердными его поклонниками, которые стараются, не извѣстно почему, умножить число его произведеній, какъ-будто подлинныя его творенія не довольно многочисленны. Они вовсе не походятъ ни на фонтанъ Нимфъ, ни на каріатидъ, ни на времена года, находящіяся въ отелѣ Карнавала. Наконецъ лѣстница Генриха-Второго, также приписываемая Ивану Гужону и Павлу Понсу, возбуждаетъ въ насъ тѣ же сомнѣнія. На этой лѣстницѣ стоитъ Діана, которой одежда, волнующая вѣтромъ, кажется приличнѣе кавалеру Бернену, чѣмъ Гужону. Единственныя фигуры этой лѣстницы, которыя могутъ принадлежать Гужону, это сатиры и фавны. Не бесполезно также замѣтить, что виновникъ этихъ фигуръ, по примѣру древнихъ живописцевъ, которые центаврамъ придавали центаврокъ, не убоился присоединить къ сатирамъ сатирокъ, и должно сознаться, что онъ весьма ловко распорядился въ этомъ случаѣ. Остается еще сказать нѣсколько словъ о слуховыхъ окошкахъ луврскаго дворца, которыя также неоспоримо принадлежать Гужону. Изъ этихъ слуховыхъ оконекъ, числомъ пять, два оканчиваются на сѣверномъ фасадѣ, а остальные три начинаютъ восточный фасадъ, то-есть тотъ, въ которомъ находится флигель съ часами, поддерживаемыми каріатидами Якова Саразена. Первое изъ этихъ слуховыхъ оконъ представляетъ Побѣду, которая пишетъ стилемъ на дощечкахъ, дѣянія, которыя она хочетъ передать потомству, и Исторію, держащую корону и пальму. Эти двѣ фигуры, при всемъ ихъ изяществѣ, исполнены не въ довольно строгомъ вкусѣ и кажутся намъ ниже фонтана Нимфъ. Геній Войны и Торговля, въ слѣдующемъ кругломъ окошкѣ, исполнены гораздо полнѣе, гораздо проще. Драпировка не запутана, не своеобразна, какъ на Исторіи и Побѣдѣ. Побѣда и Слава, представленныя на первомъ слуховомъ окнѣ восточнаго фасада, одѣты въ воздушное и легкое платье, котораго исполненіе отличается утонченностью и граціею, и не заставляютъ желать ничего болѣе. Историки Лувра видятъ въ полулуиш, находящемся на чель Побѣды, данное художникомъ Діанѣ зѣмка Авз, что мы охотно допускаемъ. Касательно же Славы, которую звучитъ труба, мы съ трудомъ вѣримъ, чтобы Гужонъ, исполняя ее;

комышлять о Ронсаръ. Что онъ удивлялся Ронсару, что онъ видѣлъ въ немъ величайшаго поэта въ свѣтъ, это вопросъ, который не подлежитъ сомнѣнью; что онъ раздѣлялъ или отвергалъ пристрастie современниковъ къ этому мнимому новатору, что намъ до того за дѣло; но намъ кажется, что если бы Гужонъ хотѣлъ прославлять Ронсара по-своему, онъ постарался бы яснѣе выразить мысль свою. Но есди дума, находящаяся на лбу Победы, напоминаетъ всѣмъ имя Дианы, то трудно понять, какъ слава, безъ свойственнаго ей атрибута, можетъ ясно напоминать Ронсара. Исторiя и Победа, изображенныя на слѣдующемъ барельефѣ, скорѣе миловидны, чѣмъ красивы, и не много романнаго стиля. Пятый и послѣднiй барельефъ, Миръ и Фортуна, во нашему мнѣнiю лучшiй изъ всѣхъ пяти. Въ этой работѣ замѣчается болѣе важности, болѣе умеренности, чѣмъ въ предъидущихъ произведенiяхъ. Хотя вообще принятое преданiе говоритъ, что смерть Гужона послѣдовала въ луврскомъ дворцѣ, но господинъ Калле утверждаетъ, что Гужонъ былъ убитъ въ день сятаго Вареоломея, не въ Луарѣ, а въ отелѣ графа Шоату (въ улицѣ, называемой нынче улицей Ла-Гарна), котораго онъ украшалъ дворъ, и что убийцы были предводимы товарищемъ Гужона, по имени Предо, которому онъ отказалъ за какой-то проступокъ.

Мы окончили разборъ трудовъ Гужона; остается намъ сдѣлать общее заключенiе этому этюду. Не имѣя возможности утвердить, вѣдлиннымъ и вѣрнымъ образомъ, хронологiю произведенiй Гужона, намъ кажется, что мы слѣдовали въ этомъ изслѣдованiи, скорѣе случайному, нежели обдуманному порядку и при всемъ томъ ничего не предоставили случаю. Отдавая преимущество Дианѣ и кариатидамъ, мы повиновались своему разсудку, мы желали уловить въ этихъ статуяхъ тайны маэстро, всѣ его побужденiя, всѣ его привычки; мы думаемъ, что его барельефы не обнаруживаютъ этого такъ ясно. Должно ли предлагать Гужона, какъ неукоризненный образецъ, какъ непогрѣшимаго руководителя, неспособнаго ввести въ заблужденiе тѣхъ, которые ему послѣдуютъ? Не такова наша мысль и мы надеемся, что читатель уже предчувствовалъ ее. Мы питаемъ къ Гужону глубокое уваженiе; но уваженiе это не закрываетъ намъ глаза передъ очевидностью. Если славный представитель французской школы отличается здравымъ смысломъ, изящностью, гибкостью, выраже-

ниемъ частью утонченнымъ, частью важнымъ, его фигуры, остроумными и разнообразными линиями драпировокъ; если, кажется, что онъ достигъ послѣднихъ предѣловъ граціи въ нимфѣхъ фонтана, то это не значить, не смотря на удивительное соединеніе всѣхъ этихъ рѣдкихъ заслугъ, что онъ ни въ чемъ не подлежитъ упреку. Граціи его фигуры не всегда чужда жеманства, въ чемъ можно убѣдиться, не выходя изъ луврскаго дворца. наброски его драпировокъ недостатъ иногда простоты; въ желаніи его придать изящество и легкость торсу и членамъ своихъ женщинъ, онъ не всегда останавливается во время; онъ соблюдаетъ слишкомъ упорно приложеніе превосходнаго правила, — преувеличеніе разстояній, которыя отдѣляютъ различныя части человѣческаго тѣла. Конечно съ Гужономъ хорошо совѣтоваться; — это художникъ, котораго произведенія исполнены наставленій. Мы говоримъ и думаемъ, что фонтанъ Нимфъ есть истинная школа скульптуры; но какова бы ни была плодовитость, каковъ бы ни былъ геній этого славнаго маэстро, мы никому не совѣтуемъ слѣдовать его правиламъ. Извѣстно, что случилось въ Италіи съ школою Микель-Анджело; школа, основанная на исключительномъ изученіи Гужона, подвергла бы скульптуру не меньшимъ опасностямъ. Даже въ лучшихъ произведеніяхъ этого художника есть нечто, что можетъ быть оспариваемо хорошимъ вкусомъ, что не можетъ быть одобрено разумомъ. Этого довольно, чтобы отнюдь не предлагать исключительнаго изученія Гужона. Хотя французскій скульпторъ отличается очень явственно отъ флорентинскаго скульптора, однако жъ невозможно не замѣтить родства, которое ихъ соединяетъ. Хотя характеръ ихъ работъ не одинъ и тотъ же, хотя Пльнники гроба Юлія-Второго не внушили каріатидъ залы Cent-Suisses, хотя Микель-Анджело поражаетъ насъ въ особенности силою и величіемъ, тогда какъ Гужонъ удивляетъ только легкостью и граціей, однако жъ трудно не вспомнить о капеллѣ Медичисовъ, смотря на Діану Гужона. И такъ, если капелла Медичисовъ, не смотря на геній, который блеститъ въ этомъ удивительномъ произведеніи, невѣрное для изученія молодыхъ художниковъ, то Діана и нимфы Гужона темъ болѣе не должны имѣть подражателей....

Не надобно полагаться ни на Микель-Анджело ни на Гужона, когда дѣло идетъ о чистомъ и разумномъ выраженіи человѣческой фор-

мы: эти два могущественные художника, безъ сомнѣнiя, истолковали природу самымъ краснорѣчивымъ образомъ, но языкъ, которымъ они такъ искусно выражаются, не всегда довольно простъ, довольно строгъ. Вотъ почему мы не боимся совѣтовать скульпторамъ изучать греческое искусство, какъ болѣе полезное и болѣе плодотворное, чѣмъ изучать лучшiя произведенiя новѣйшаго искусства. Не бесполезно совѣтоваться съ Донателло и Гиберти, Микель-Анджело и Гужономъ, Пюже и даже Кусту; но никогда не надобно забывать, что Аенны оставили намъ произведенiя болѣе чистаго вкуса, болѣе блистательной простоты, болѣе истиннаго величiя, чѣмъ всѣ произведенiя, исполненныя въ Европѣ, со времени возрожденiя искусствъ. Однакожъ мы не хотѣли бы также предлагать исключительно изучать греческое искусство. Если Церера, Прозерпина, и Парки далеко оставляютъ за собою карiатиды Гужона, если Иллисъ и Тезей гораздо возвышеннѣйшаго стiля, нежели нѣкоторыя произведенiя рѣзца Микель-Анджело, это еще не достаточный поводъ, чтобы въ тимпанахъ Пареенова искать полнаго наставленiя скульптуры. Изученiе древняго искусства не освобождаетъ художника отъ изученiя природы. Это значило бы худо понимать генiй древности, подражать его произведенiямъ, не слѣдуя его методу. Но нѣтъ сомнѣнiя, что Фидiй постоянно имѣлъ въ виду изученiе природы и изученiе прекрасныхъ работъ, исполненныхъ до него. Онъ не придерживался рабски уроковъ эгинской или сикiонской школы; а пользовался прекрасными трудами этихъ двухъ школъ, чтобы глубже понять природу, которую имѣлъ передъ глазами, и пользовался не съ меньшею выгодною самою природою, чтобы лучше понимать прекрасныя произведенiя. Въ этомъ двойномъ трудѣ, въ этомъ двойномъ изученiи, преслѣдуемомъ съ ревностью, съ постоянствомъ, надобно отыскивать тайну, не генiя, но знанiй Фидiя. Если Фидiй положилъ основанiе аеннской школы, отыскивая въ природѣ то, чего Эгина и Сикiонъ еще не замѣтили, представитель будущей школы, каково бы ни было его отечество, учился ли онъ на берегахъ Арно, Тибра или Сены, долженъ послѣдовать примѣру Фидiя, и предложить себѣ, какъ тотъ, попеременно, истолкованiе произведенiй природою, а природы — произведенiями. Только съ этимъ условiемъ, ему позволено будетъ ожидать для своего имени, долгой и законной славы. Всякое рабское подражанiе останется бесплоднымъ.

Хотя Фидий стоитъ выше Гужона, но смотря на то, вовсе не слѣдуетъ подражать Фидію и Гужону, потому что это было бы самымъ важнымъ средствомъ не сравниться ни съ тѣмъ ни съ другимъ. Надобно положиться на греческое искусство, справиться съ осторожностью съ новымъ искусствомъ, и никогда не забывать изученія природы, чего никогда не забывали ни Фидій ни Гужонъ.

=

О ФРАНЦУЗСКОМЪ РОМАНСѢ.

=

Романсъ — родъ пѣсни, раздѣленной на многіе куплеты, съ простымъ, наивнымъ и нѣжнымъ мотивомъ, выражающимъ обыкновенно желаніе или скорби любви. Онъ такъ же древнѣе, какъ и самый французскій языкъ; его исторія самымъ тѣснымъ образомъ связана съ исторіею французской литературы, французскихъ нравовъ и французской образованности.

Романсъ, котораго названіе указываетъ на сочетаніе музыки съ простонароднымъ или *романскимъ* языкомъ, есть выраженіе чувствительности, граціи и французской любезности. Онъ появляется въ концѣ десятаго столѣтія, когда французскій языкъ сталъ выходить изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ, переставъ быть латинскимъ, еще не сдѣлался французскимъ языкомъ. Онъ возвышается, очищается и идеализируется вмѣстѣ съ формами французской лирической поэзіи и французской общечеловѣчности, обогащается прогрессами гармоніи и постепенно отражаетъ въ себѣ всѣ тонкости ума и чувства. Сначала наивный и состоявшій изъ одной фразы, почти всегда писанный въ минорномъ тонѣ, онъ пользуется изобрѣтеніемъ модуляціи, прибавляетъ къ своей небольшой сферѣ дополнительную фразу, которая, переходя въ соответствующій мажорный тонъ, подготавливаетъ желанный возвратъ первоначальной идеи. Потомъ, онъ становится драматическимъ, страстнымъ, мощнымъ, увлекательнымъ, сложнымъ, принимаетъ всѣ тоны и образы выраженія и не отступаетъ ни передъ какими вѣдальностями поэзіи и музыкальнаго искусства.

Онъ состоялъ подъ покровительствомъ всѣхъ правительствъ; его писали самые великіе и знаменитые люди, графы, маркизы, герцоги, принцы и короли. Королевы повѣрили вѣжному романсу тайны своего сердца, и даже важные философы, государственные люди, не считали для себя униженнымъ заплатить дань скромному романсу. Карно не утѣшалъ ли себя въ изгнаніи, въ Магдебургѣ, распѣвая музыку Романьези:

Que ne peut-on rêver toujours!

а Фабръ д'Эглантинь не написалъ ли премиленькую піесу:

Il plait, il plait, bergère;
Presse tes blancs moutons....

Въ-самомъ-дѣлѣ, романсъ самая существенная форма народнаго французскаго ума. Но пора приняться за дѣло и поговорить о происхожденіи романса, котораго исторію мы изложимъ до конца осемнадцатаго столѣтія, и отъ конца осемнадцатаго до 1850 год.

Всѣ народы міра имѣли навныя пѣсни, *prole sine matre creata*, плодъ инстинкта и чувства. У Грековъ, этихъ учителей въ искусствѣ говорить, пѣть и преобразовывать красоту, пѣсни имѣлись для всѣхъ случаевъ и условій жизни. Римляне, ихъ грубые побѣдители, у которыхъ все было чужое, даже первыя начала образованности, имѣли также древнія пѣсни Ладіума, которыя Титъ-Ливій и Виргилій слушали съ глубокимъ благоговѣніемъ. Эти пѣсни древности, передаваемыя изъ вѣка въ вѣкъ устами пастуховъ, были собраны Церковью и дошли до нашихъ временъ въ этихъ прекрасныхъ и важныхъ мелодіяхъ, которыя еще такъ насъ трогаютъ въ католическихъ храмахъ. Раннимъ образомъ, у всѣхъ новѣйшихъ народовъ, при самомъ началѣ ихъ происхожденія, есть уже народныя пѣсни, гдѣ эпическій рассказъ смѣшанъ съ изображеніемъ внутреннихъ влеченій человѣческаго сердца. Эти пѣсни были произведеніями того класса поэтовъ, который имѣлъ связь съ гомерическими раскодами, по цѣлѣстному сцѣпленію идей, никогда не прерывавшихся. Они назывались *трубадурами* на югѣ Франціи и *труверами* по-се-сторону Лоары. Съ десятаго столѣтія, простонародный языкъ, только-что начинившій устанавливаться, соединяется съ музыкой. Франкъ, изъ Кёльна, бывшій учителемъ богословія въ Литтлѣхъ, около 1055 года, оставилъ намъ въ своемъ разсужденіи о

нѣромъ пѣніи («Ars cantus mensurabilis») нотные отрывки пѣсень на простонародномъ языкѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи, пѣсли эти умножились, а въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, вслѣдствіе движенія, увлекшаго народы къ крестовымъ походамъ, онѣ размножились и распространились по всей Европѣ. Ихъ пѣли въ Германіи, Италіи, Испаніи, Англии, при дворѣ королей и подъ кровлею бѣдняка; онѣ сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Подобно распедамъ, бардамъ и всѣмъ первоначальнымъ народнымъ поэтамъ, труверы и трубадуры пѣли стихи, внушенные имъ или историческимъ фактомъ или какимъ-нибудь замѣчательнымъ событіемъ домашней жизни. Долгое время они принарождали эти стихи къ какой-нибудь извѣстной *кантиленѣ*, какъ это теперь дѣлается сочинителями пѣсень, или они изобрѣтали мелодію, которую имъ послѣ аранжировалъ какой-нибудь музыкантъ, — *harmoniseur*, какъ ихъ тогда называли. Это раздѣленіе труда *веселой науки* (*gai savoir*) продолжалось до конца тринадцатаго столѣтія. Однако жъ и между трубадурами были люди, переключивавшіе на ноты созданное ими пѣніе, и даже такіе, которые произвели нѣчто въ родѣ переворота, не въ музыкальномъ искусствѣ, но собственно въ изобрѣтеніи нѣкоторыхъ легкихъ мелодій. Таковъ былъ Петръ Овернскій, котораго романсъ:

Aux courtes journées, long est le soir,

произвелъ, какъ извѣстно, сильное впечатлѣніе на современниковъ. Хотя положительно ничего не извѣстно о музыкальныхъ достоинствахъ трубадуровъ и труверовъ, однако жъ можно съ достовѣрностью предполагать, что мелодія ихъ романсовъ была самая коротенькая, съ неопредѣленнымъ ритмомъ, безъ опредѣленнаго тона, состоявшая въ нѣсколькихъ жалобныхъ и монотонныхъ нотахъ, которыя самой однообразностью своею поражали слухъ и трогали сердце. Все достоинство этихъ мелкихъ произведеній заключалось въ словахъ и въ интересѣ исторіи, которая рассказывалась. Доказательствомъ нашему мнѣнію о музыкѣ труверовъ и трубадуровъ, выведенному изъ исторіи музыки, могутъ служить пѣсни боярина Куси, знаменитаго трувера двѣнадцатаго столѣтія, котораго мелодіи были переложены на новѣйшія ноты Первомъ и находятся въ изданіи Франциска Мишеля; также пѣсни Адама де-ла-Галь, прозваннаго Арраскимъ Горбуномъ, одного изъ знаменитѣйшихъ труверовъ тринадцатаго столѣтія. Этотъ романсъ включенъ въ одно произведеніе нѣчто въ родѣ маленькой

насторали, «Le jeu de Robin et de Marion», которое было представлено въ Неанолѣ, около 1285 года; оно вертится все на одной квинтѣ и выраженіе его просто и наивно. Жеганно Лесюрелъ, французскій музыкантъ, въ началѣ четырнадцатаго столѣтія сочинилъ много романсовъ, которые находятся въ рукописи. Фениль перележалъ на новѣйшую нотацию мнеленькое рондолетто:

A vous, douce débennaire,
Ai mon cuer donné,

мелодія котораго болѣе развита и указываетъ на приближеніе новѣйшихъ временъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ пятнадцатаго столѣтія искусство писать и сочетать звуки сдѣлало большіе успѣхи подъ терпѣливою рукою контрапунктистовъ. Мелодія оживляется, расширяется и освобождается отъ оковъ, наложенныхъ на нее неподвижностью тоновъ пѣнія и строгостью учителей. Романсъ не могъ избѣгнуть вліянія эпохи возрожденія; онъ сдѣлался веселѣе и сталъ заимствовать у балетныхъ арій ритмъ болѣе рѣзкій, а у страсти, его вдохновлявшей, акцентъ болѣе живой. Французская любезность шестнадцатаго столѣтія придала ему самую изящную грацію, чрезъ которую онъ вошелъ въ моду у всѣхъ европейскихъ народовъ, и въ-особенности у Итальянцевъ, принявшихъ также *delle canzoni alla francese*. Поэты, великіе умы, благородныя дамы, принцы, короли, все образованное общество Европы прибирало рюшмы, сочиняло и пѣло нѣжные и милые романсы. Музыканты, наиболее отличившіеся въ этомъ родѣ, были сначала Нодъ, Фенъантъ, Guilaume le Heurteur, Петръ Вермонъ, имя котораго стоитъ у Раблѣ въ прологѣ второй книги Пантагрюэля; потомъ Болиѣ, Деманъ, Клоденъ и самые знаменитые поэты-шляды оставили истинно-образцовыя произведенія въ этомъ, высшей степени французскомъ родѣ. Они принаровляли ихъ къ мотивамъ уже извѣстнымъ, которые всякій могъ нѣтъ.

Кто не знаетъ:

Charmante Gabrielle,
Percé de mille dards....

Слова эти сочинены вовсе не Генрихомъ-Четвертымъ, такъ же, какъ музыка не есть произведеніе его капельмейстера Франсоа-Густава дю-Горроа. Эта мнеленькая арія есть не что иное, какъ древній воаль, авторъ котораго не извѣстенъ. На мотивъ этотъ

Генрихъ Четвертый велѣлъ написать придворному поэту, можетъ-быть Дешорту, эти миленькіе куплеты, которые онъ адресовалъ своей возлюбленной въ тотъ день, когда его внутреннее сердце имѣло нужду въ прощеніи. Есть также романсы Людовика-Тринадцатаго, который лучше зналъ музыку, нежели умѣлъ любить и управлять Франціею. Его учитель музыки, Петръ Гедронъ, сочинялъ много прелестныхъ романсовъ; изъ нихъ одинъ, всѣмъ известный, былъ недавно изданъ и начинается слѣдующими словами:

Aux plaisirs, aux délices, bergères!
Il faut être du temps ménagère.

Мелодія его довольно-продолжительная и состоитъ изъ двухъ частей, которыя повторяются попеременно и исполнены самой изящной наивности. Приведемъ еще придворныя аріи Боассе, директора музыки Людовика-Тринадцатаго и кантаты Ламбера, тестя Лулли. Андрей Даниканъ Филлдоръ, скрипачъ Людовика Четырнадцатаго, составилъ собраніе древнихъ народныхъ французскихъ пѣсень, которыя онъ собственноручно переписалъ и посвятилъ своему государю. Эти собранія, заключающія въ себѣ сокровища наивныхъ мелодій, находятся до-сихъ-поръ въ библиотекѣ парижской консерваторіи. Бервьё, Коленъ де-Боамонъ, де-Буръ, Кампра, Коласъ, писали романсы съ успѣхомъ, во времена регентства; но во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія романсъ размножается, становится граціознѣе, испаряетъ благоуханіе нѣжности и восхитительной меланхоліи. Прислушайтесь къ этому сладостному шепетанью нѣжныхъ поэтовъ и легкихъ музыкантовъ, они поютъ красоту вечера, пріятности сельской жизни, счастье любить въ тѣни прохладныхъ рощъ на берегу тихаго ручья. Вотъ сначала милая идиллія: «Que ne suis-je la fougère!» Слова ея приспособлены Рибуттё, любителемъ поэзіи, къ старинной аріи, которую несправедливо приписываютъ Перголезе; «O ma tendre pizette!» дикое и трогательное вдохновеніе холоднаго и педантическаго Лагарпа, оживленное звуками музыки Мопсиньи; «Il plait, il plait, bergère» Фабра д'Эглантина, музыка Симона, который былъ впоследствии директоромъ театра des-Variétés; «L'amour est un enfant trompeur»; «Plaisirs d'amour ne durent qu'un moment», истинно образцовыя произведенія, въ особенности послѣднее, Жанъ-Поля Мартини, который былъ директоръ королевской музыки, во время возстановленія Бурбоновъ; «Les petits oiseaux», произведеніе Ригеля, имѣвшее огромный

успѣхъ; его пѣли на французскомъ театрѣ, и въ Александри, во время египетской экспедиціи; «L'amour fait passer le temps, le temps fait passer l'amour», истина, положенная на музыку Солиѣ, актеромъ и композиторомъ комическихъ оперъ; «L'amour craintif, Annette et Lubin», слова Фавара, музыка мадамъ Фаваръ. Не забудемъ также «J'ai vu Lise hier au soir», гобониста Гарниѣ; «J'aime à voir les Livandelle», извлеченное изъ «Estelle et Némoirs», этой овчарни Флоріана, куда никогда не провникалъ волкъ: музыка Девиенна, автора «Visitandines».

Среди этихъ вдохновенныхъ минутой счастья, небольшихъ образцовыхъ произведеній, были композиторы, писавшіе романсы съ нѣкоторою послѣдовательностью и съ величайшимъ успѣхомъ. Такимъ былъ, между прочимъ, Албанезъ, пѣвецъ итальянскаго издѣлія, для службы въ капеллѣ короля, гдѣ онъ исполнялъ партію сопрано; онъ издалъ множество легкихъ и милыхъ мелодій, которыя пѣли во всѣхъ собраніяхъ образованнаго общества.

Кто не помнитъ этой маленькой пьесы:

Tircis, je n'ose écouter ton chalumeau.
Sous l'ormeau,
Car on en cause déjà dans le hameau?

Въ одномъ собраніи романсовъ, подъ заглавіемъ: «Mes Consolations», есть самыя нѣжныя музыкальныя вдохновенія одного извѣстнаго человѣка; такъ, напримѣръ:

Au fond d'une sombre vallée
Dans l'enceinte d'un bois épais,
Une humble chaumière isolée
Cachait l'innocence et la paix.

Мелодія этого милого романса, состоящая изъ одной фразы въ fa-mineur, изображаетъ чуднымъ образомъ безмолвіе и прохладу лѣсовъ; а въ аккомпаниментѣ, состоящемъ изъ двоякихъ нотъ, слышится журчаніе ручейка, извивающагося между деревьями.

Мы чуть-было не позабыли другаго небольшого образцоваго произведенія того времени:

De mon berger volage
J'entends le chalumeau.

Какъ услзнительна эта мелодія! какъ наполняетъ она сердце той неопредѣленной грустью, той глубокой и безпредметной мечтательностью, которая всвольно нагоняетъ слезу. Авторъ этой трогательной арии нашелъ въ глубинѣ своей души мелодію, достойную Перголезе или Паззіелло. Осмнадцатому столѣтію принадлежитъ также извѣстный романсъ, который Шатобрианъ слышалъ однажды вечеромъ въ Овернскихъ горахъ, и жалобная мелодія котораго, исполненная удивленнымъ пастухомъ, внушила ему эти слова трогательной простоты:

Combien j'ai douce souvenance
 Du joli lieu de ma naissance!
 Ma sœur, qu'ils étaient beaux les jours
 De France!
 O mon pays! sois mes amours
 Toujours.

Романсъ этотъ, появившійся въ началѣ настоящаго столѣтія подъ заглавіемъ: «*Montagnard émigré*», былъ помѣщенъ Шатобрианомъ въ его исторической повѣсти «*Le Dernier Abencerrage*», гдѣ поетъ его кавалеръ Лотрекъ. Но очевидно, что романсъ этотъ, исполненный меланхоліи и вѣжности и состоящій изъ двухъ фразъ, которыя повторяются попеременно въ одномъ тонѣ, какъ эхо, отражающее звуки жалобнаго голоса, есть произведеніе вѣка, создавшаго:

De mon berger volage
 J'entends le chalumeau.

Это тотъ же акцентъ трогательной меланхоліи, то же мечтаніе, которое испаряется и выходитъ какъ сожалѣніе.

Позднѣе только Глюкъ могъ найти такую изящную и глубокую мелодію. Мы должны еще упомянуть о знаменитомъ романсѣ Гавиніеза. Петръ Гавиніезъ, родившійся въ Бордо, 25 мая 1726 года, и умершій въ Парижѣ 9 сентября 1800 года, былъ отличный скрипачъ, основатель французской школы. Молодой, умный, пріятной наружности, одаренный чувствительностью и талантомъ, онъ влюбился въ одну знатную придворную даму сочинилъ мелодію безъ словъ, въ которой выразилъ скорбь своего сердца. Онъ объѣхалъ Францію, и давалъ вездѣ концерты, въ которыхъ игралъ на скрипкѣ свой любимый романсъ.

Во времена директоріи любили спектакли, концерты, балы, уни-

вались чувственностью, въ боскетахъ Тиволи, въ паркѣ Монсо, въ Паросскомъ саду. «Bouton de rose», поэтический казанбуръ мадамъ де-Сальмъ, былъ положенъ на музыку Прадеромъ и имѣлъ огромный успѣхъ. Домникъ, профессоръ волторны въ консерваторіи, издалъ «Ces bois éraies ont caché ma bergère, Charmant guisseau». Плантадъ, Карбонель, Ланберъ, Бозьдїе и множество другихъ принялись сочинять и пѣть, въ анакреонтическомъ тонѣ, «Feuille de Rose», «Halline du printemps». Концерты Фейдо и улыцы Клерм доставили Гарà случай выказать болѣе высокій стиль; тамъ пѣлись произведенія Глюка и собственные романсы Гарà, изъ которыхъ самые знаменитые: «Je t'aime tant», напоминающій нѣсколько знаменитую арію оперы «Свадьба Фигаро»: «Non so più cosa son e cosa faccio»; «Belisaire», прекрасная мелодія, и «Le chèvrier», исполненный прелести.

Во время консульства, нравы, костюмы и привычки жизни не имѣли опредѣленнаго и рѣзко-обозначавшагося характера. Коронаваніе же Наполеона, исполненное величія, пробудило въ воображеніи поэтовъ, артистовъ и великихъ умовъ, колоссальный образъ Карла Великаго, всю мнѳологию романовъ круглаго стола, рыцарство, трубадууровъ, крестовые походы, феодальныя замки. Послѣдись эпическія поэмы.

Изъ числа самыхъ модныхъ композиторовъ романсовъ того времени, мы должны поставить выше всѣхъ Карла - Генриха Плятада, который дебютировалъ во время директоріи, вмѣстѣ съ Гарà, Бозьдїе и Прадеромъ. Плятадъ издалъ огромное число ихъныхъ и отчасти страстныхъ мелодій, которыя отличались нѣкоторыми драматическими претензіями въ аккомпаньментѣ. Самые извѣстныя изъ нихъ: «Ma reine a dévancé l'aurore», первая часть которой въ la-mineur дышетъ нѣжною задумчивостью, характеризующею романсы осемнадцатаго столѣтія. «Le jour s'élève, amour m'inspire», написанный въ sol-mineur, не имѣетъ достоинствъ первой, но «Languir d'amour, gémir de ton silence», — мелодія, развитая и вся исполненная слезъ. Образцовое же произведеніе Плятада, это извѣстный романсъ: «Te bien aimer, ô ma chère Zélie»!

Необыкновенный успѣхъ этого легкаго произведенія доставилъ ему мѣсто профессора пѣнія у мадамъзель Богарнѣ, которая, ставшая голландскою королевою, назначила его своимъ капельмейстеромъ. Всѣ гостиныя императорской аристократіи были ему открыты. Во время возстановленія Бурбоновъ онъ былъ

сдѣлавъ кавалеромъ ордена почетнаго легіона и кнѣзьмейстеромъ въ капеллѣ Людовика-Осемнадцатаго.

Карбоннель и Ланберъ, два профессора пѣнія, бывшіе въ славу, также занимались сочиненіемъ романсовъ; первый написалъ «Brigitte» и «Pauvre Lise à quinze ans», послѣдній — «Bords de la Loire» и «De ma Céline amante modeste», — очень граціозную вещь. Но великой знаменитостью въ этомъ родѣ былъ Мартинъ-Петръ Дальвинмаръ, артистъ опернаго театра и частной музыки императора. Невозможно исчислить всѣхъ нѣжныхъ, живыхъ и кокетливыхъ мелодій, которыя вышли изъ-подъ его пера. Издавали брали ихъ на расхватъ. Человѣкъ свѣтскій и умный, виртуозъ съ большими достоинствами и ученый музыкантъ, Дальвинмаръ былъ съ восторгомъ принимаемъ въ высшемъ обществѣ того времени, гдѣ его романсы доставляли усладу чувствительнымъ сердцамъ. Самые извѣстные романсы Дальвинмара: «Un jeune troubadour, qui chante et fait la guerre», щеголеватая и легкая мелодія; «Mon sœur sourit», мотивъ болѣе страстный, напоминающій нѣсколько удивительную арію «Свадьбы Фигаро» Моцарта; наконецъ, «Chant héroïque du Cid: Prêt à partir pour la rive africaine», мелодія широкая и торжественная.

Изъ романсовъ этого рода, появившихся около 1809 года, одинъ обогналъ весь свѣтъ, — это «La Sentinelle», Александра Шорона. Этотъ музыкантъ, родившійся въ Канѣ, въ 1772 году, и умершій въ Парижѣ въ 1834 году, былъ человѣкъ рѣдкихъ качествъ, основатель знаменитой школы, изъ которой вышли Дюпрè, мадамъ Штольцъ, Ипполитъ Монпу и пропасть замѣчательныхъ артистовъ. Прежде, чѣмъ онъ сталъ ученымъ теоретикомъ, онъ дебютировалъ многочисленными тетрадами романсовъ. Замѣтимъ, мимоходомъ, что между романами и романсами была нѣкоторая тѣсная связь, съ самыхъ первыхъ временъ французской литературы.

«La Sentinelle» появился въ одномъ музыкальномъ журналѣ который издавалъ Ледюкъ. Слова были написаны вѣконнмъ Вгаулъ, изысканнымъ писателемъ, который сочинилъ ихъ для своего друга, Эдуарда Рожè. Музыка Рожè была уже съ полгода отпечатана и издана, когда Шоронъ, найдя слова Брота по своему вкусу, усвоилъ ихъ себѣ и написалъ съ нотъ новую мелодію. Бротъ, сорви-голова, захотѣлъ отмстить обиду, нанесенную его другу Шорономъ. Но послѣдній, человѣкъ миролюбивый, укротилъ своего страшнаго противника хорошимъ завтракомъ. Съ-тѣхъ-поръ не было и помину о романсѣ Рожè.

«*La Sentinelle*» Шорона былъ пѣтъ на всѣхъ театрахъ и переведенъ на всѣ европейскіе языки. Онъ варьированъ для всѣхъ инструментовъ, отъ скрипки до флейты, и въ продолженіе двухъ лѣтъ разошелся до 20,000 экземпляровъ. Благодаря этой прекрасной мелодіи, Шоронъ сдѣлался знаменитымъ и такъ гордился этимъ успѣхомъ, что подписывалъ совершенно ученые сочиненія объ исторіи музыки такимъ образомъ: Александра Шорона, автора «*La Sentinelle*». Въ самомъ дѣлѣ, это прекрасное вдохновеніе, мелодія съ широкимъ ритмомъ, выражающая гордость солдата, жертвующаго собой для отечества, и скорбь человѣка, мечтающаго о своей возлюбленной, вдали отъ родной страны. Сюжетъ этотъ составляетъ поэтическую картину, совершенно въ духѣ той эпохи, когда этотъ романсъ появился, смѣсь гордости и рыцарской вѣжности.

Разъ вечеромъ, когда Шоронъ шелъ по тампльскому бульвару, слѣпой нищей пиццъ на скрипкѣ романсъ «*La Sentinelle*». Разсерженный такимъ дурнымъ исполненіемъ, Шоронъ подходитъ къ слѣпому артисту, вырываетъ изъ рукъ его скрипку, сказавъ ему: Несчастный! кто позволилъ тебѣ такъ уродовать образцовое произведеніе? Вотъ тебѣ десять франковъ, но съ условіемъ, чтобъ ты выучился лучше играть романсъ, который знаетъ наизусть вся Европа.

Если со времени Лудви до Россни, Итальянцы много способствовали возстановленію и развитію французской драматической музыки, то они также занимались и французскимъ романсомъ съ большимъ успѣхомъ. Послѣ Албанезе, о которомъ мы уже говорили и который славился во второй половинѣ осемнадцатаго столѣтія, явились романсы Годфрида Феррари Ровередо: «*O toi que mon cœur adore!*», «*A l'ombre d'un myrthe fleuri*», и проч.; Лампарелли: «*Rose à l'agonie, au vent brûlant d'Arabie*»; Менгоцци авторъ ромдо, которое всѣ пѣвцы знаютъ наизусть. «*Je m'abandonne*», и очень извѣстнаго романса: «*Les trois parties du jour*». Баллоки: «*Amoudeier*», и въ особенности Бланджени, введшіи во французскій романсъ тотъ вѣжннй оттѣнокъ, которымъ отличаются итальянскія канцонетты. Онъ родился въ Туринѣ, 8 ноября 1781 года, прибылъ въ Парижъ въ 1797 году, за годъ до консульства. Одаренный пріятной наружностью и сильнымъ голосомъ тенора, отличный пѣвецъ, прекрасный аккомпаниаторъ и ученый музыкантъ, онъ вскорѣ вошелъ въ моду и сдѣлался учителемъ пѣнія у всѣхъ знаменитыхъ дамъ того времени.

Одна знатная особа похитила его вскорѣ у многочисленныхъ

его ученицъ и увлекла въ уединенный уголокъ міра. Тамъ-то, въ Ницца, въ тѣни апельсиновыхъ деревьевъ, подъ говоръ волкъ Средиземнаго моря, Бланджини сочинилъ тѣ усладительныя пьесы, которыя пѣли во всей Европѣ, отъ Лондона до Петербурга.

Бланджини издалъ много французскихъ романсовъ, которые имѣли огромный успѣхъ, и которые до-сихъ-поръ ничего не потеряли изъ своей свѣжести и изящности. «Il est trop tard pour qu'amour nous engage», съ словами Купиньи, люющая и нѣжная мелодія, украшенная множествомъ блестящихъ *gruppetti*, которые показываютъ искуснаго маэстро пѣнія.

«Я продалъ этотъ романсъ Ледюку, пишетъ авторъ въ одномъ небольшомъ сочиненіи, гдѣ изложилъ свои воспоминанія, за сто-двадцать франковъ печатными нотами, что въ дѣйствительности не составляло болѣе шестидесяти франковъ. Ледюкъ мнѣ признавался въ послѣдствіи, что онъ за этотъ романсъ получилъ болѣе двадцати тысячъ франковъ. Другіе романсы Бланджини болѣе извѣстные: «Les souvenirs»; «Pluton, chien fidèle»; «M'aimes-tu?» и въ особенности: «Il faut partir»; «Le ménestrel Por-donne».

Послѣ литературы и живописи, женщины, съ большимъ успѣхомъ занимались музыкой. Въ четырнадцатомъ столѣтіи мадмоазель де-ла-Герръ сочинила оперу въ пяти дѣйствіяхъ «Céphale et Procris», которая была представлена въ королевской музыкальной академіи, въ 1694 году. Эта опера поставила автора почти на ряду съ Колассами и Кампра, учениками и преемниками Лулли. Мадмоазель де-ла-Герръ оставила также три книги очень уважаемыхъ кантатъ. Сорокъ-два года спустя, въ 1736 году, на оперномъ театрѣ было играно нѣчто въ родѣ оперы-балета въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе пѣвицы этого театра, мадмоазель Дюваль. Произведеніе это заключаетъ въ себѣ нѣсколько граціозныхъ идей. Въ 1800 году, была поставлена на сцену съ успѣхомъ опера въ одномъ дѣйствіи, «Praxitèle ou la ceinture de Vénus», сочиненіе мадамъ Девинъ, супруги директора. На театрѣ Комической. Оперы женщины были еще счастливѣе. Въ 1758 году, тамъ произвела впечатлѣніе опера въ одномъ дѣйствіи, «Fleur d'épine» мадамъ Лум. Поздѣе дочери двухъ знаменитыхъ композиторовъ, мадмоазель де Зедъ и мадмоазель Люцилія Гретри имѣли успѣхъ на той сценѣ, гдѣ такъ прославились ихъ отцы. Мадамъ Савонъ - Кавдель сочинила поэму, въ двухъ дѣйствіяхъ, «Ida ou Korheline de Berlin», которая была играна на театрѣ Коми-

ческой оперы, гдѣ появились нѣсколько лѣтъ спустя «Deux jalousies», мадамъ Гайль, которая, впрочемъ, приобрѣла себѣ блестящую извѣстность сочиненіемъ и романсовъ. Женщина съ умомъ, хорошаго общества, превосходная музыкантша, чудесно аккомпанировавшая, и пѣвица съ хорошимъ вкусомъ, она пѣла сама свои легкія произведенія, которыя отличались отъ современныхъ болѣе музыкальными оборотами. Наиболѣе извѣстные романсы мадамъ Гайль: «La jeune et charmante Isabelle», «Heures du soir», тирольская арія: «Celui qui sut toucher mon cœur», «N'est-ce pas elle?» съ страстнымъ выраженіемъ, и въ особенности «Vous qui priez, priez pour moi», слова, написанныя Мильвоа, за нѣсколько дней до его смерти. Мелодія мадамъ Гайль широкая, патетическая, превосходнаго выраженія. Укажемъ также, мимоходомъ, на прекрасное вдохновеніе мадамъ Софій Ге, матери мадамъ Жюарденъ — «Moeris».

Среди ослѣпительнаго блеска имперіи, среди шуму оружія и побѣдъ, жила очаровательная женщина, королева, напоминавшая царственныхъ особъ временъ Валоа, соединявшая съ очарованіемъ величія грацію наружности и вкусъ къ прекраснымъ талантамъ. Свѣтлорусая, добрая и нѣжная королева Гортензія часто прѣзжала изъ Голландіи въ Парижъ, гдѣ сердце искало пищи, которой не доставало ей въ ея холодномъ королевствѣ; она собирала въ своемъ дворцѣ всѣхъ замѣчательныхъ артистовъ, поэтовъ, музыкантовъ и людей свободныхъ, которыхъ не поглотилъ вихрь дѣловыхъ занятій. Тамъ говорили о любезности, о театрѣ, живописи, но въ особенности о музыкѣ. Когда пріятное или тягостное чувство, надежда или печаль овладѣвали сердцемъ королевы, она садилась за фортепіано и старалась выразить въ простой и живой мелодіи, скорбь своей души. Отыскавши мелодію, она общала ее слушателямъ, давая имъ полную свободу порицать или хвалить; потомъ обращалась къ Карбонелли или Пантаду, съ просьбою прибратъ аккомпаниментъ. Точно также въ двѣнадцатомъ или тринадцатомъ вѣкѣ благородная боярыня просила гармонизера положить на ноты романсъ, вдохновенный любовью. Очень естественно, что романсы королевы Гортензіи пѣли во всѣхъ гостинныхъ и шарманки играли ихъ во всѣхъ концахъ Европы. Самыя извѣстныя изъ нихъ: «Vous me quittez pour aller à la gloire»; «Colin se plaint de ma rigueur»; «Partant pour la Syrie» и въ особенности «Reposez-vous, bon chevalier», простая и трогательная мелодія.

Вотъ какъ рассказываетъ о происхожденіи этого романса мад-

показель Кошлѣ, которая долго была при королевѣ Гортензiи: «Не смотря на легкій кашель и запрещенiе медиковъ, королева продолжала пѣть. Утромъ, она одна сочиняла романсы, вечеромъ пѣла ихъ въ своей гостиной, позволяя критиковать ихъ. Она давала больше преимуществва словамъ Александра де-Лабурда Слова романа: «Partant pour la Syrie», его сочиненiя. Легкость, съ какою королева Гортензiя сочиняла свои романсы, была причиною, что она не имѣла большой претензiи. Она чуть было не уничтожила: «Reposez vous, bon chevalier», потому что вечеромъ когда его пѣла, многiе слушатели нашли, что онъ дуренъ. Къ счастью, Карбонель былъ призванъ на судъ, и объявилъ, что музыка этого романа лучшая изъ всѣхъ, какiя сочиняла до того королева. Такимъ-образомъ было спасено лучшее вдохновенiе этой очаровательной женщины.

Королевѣ Гортензiи Францiя обязана изданiемъ перваго альбома; она первая придумала помѣстить при каждомъ романсѣ рисунокъ и передать карандашомъ мысль поэта и музыканта.

Во времена имперiи, романсъ имѣлъ характеръ общiй всѣмъ искусствамъ той эпохи славы и геронзма: нѣжный и плавный, какъ «Весталка» Спонтини, черезъ-чуръ чувствительный, какъ романсъ мадамъ Коттенъ, исполненный рыцарской любезности, истинной наивности, съ томной мелодiей, слишкомъ слабо аккомпанируемой.

Пятнадцать лѣтъ царствованiя Бурбоновъ составляютъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ периодовъ въ исторiи изящныхъ искусствъ. Съ возвращенiемъ мира настало сильное развитiе мысли. Литература возобновила свои ослабѣвшiя формы, стали изучать прошедшее съ ученымъ и страстнымъ любопытствомъ; живопись, скульптура и въ особенности музыка были щедро покровительствуемы государствомъ; старая аристократiя собрала воспоминанiя предковъ, пробудила набожныя легенды среднихъ вѣковъ, воздвигла феодальную башню, у подножiя которой романсъ запѣлъ о новой любви.

Въ самомъ началѣ возстановленiя Бурбоновъ дѣлается извѣстнымъ, по части романсовъ, Романъези, происходившiй по прямой линiи отъ Цевтiо Романъези, бывшаго въ числѣ труппы итальянскихъ актеровъ, вызванныхъ во Францiю кардиналомъ Мазарини. Онъ родился въ 1782 году, сначала былъ хористомъ въ церкви святаго Северина, гдѣ ему давалъ уроки Шоронъ, потомъ былъ прикащикомъ, солдатомъ, секретаремъ у Дарю, наконецъ страстующимъ пѣвцомъ, изъ города въ городъ, изъ деревни въ

деревню. Романьези декламировалъ около 1807 года. Скромный любитель музыки, онъ сталъ извѣстенъ только въ 1816 году. Въ 1820 году, онъ былъ въ полной славѣ и его граціозныя мелодіи пѣли и въ гостинныхъ маркизъ и въ хижинахъ ремесленника. Самое счастливое его вдохновеніе; «Faut l'oublier, disait Colette», распѣвались на всѣхъ углахъ Парижа, въ 1819 году.

Романьези сочинилъ болѣе трехъ-сотъ романсовъ и пѣсенокъ, въ которыхъ самыя замѣчательныя: «L'Attente», живое выраженіе нетерпѣнія любви, появилась въ 1807 году; «Je l'aime encore», и «La Dormeuse», начало которой въ ut mineur полно мистерій «Depuis longtemps»; «J'aimais Adèle»; «Ce que j'éprouve en vous voyant». «Le champ d'asile», появившійся въ 1816 году, имѣлъ огромный успѣхъ. «Faut l'oublier», «La Petite mendicante», «Paris et le village» свѣжія идиллія, небольшія картины трудолюбивой жизни народа. «Gloire et bonheur», — разговоръ между солдатомъ и пастухомъ, гдѣ каждый выказываетъ, какъ въ эклогѣ Виргилія, превосходство своего состоянія и идеалъ своего счастья, и романъ Карно «le Rêve».

Произведенія Романьезв, въ ихъ скромномъ размѣрѣ, заслуживаютъ вниманія критики, которая судитъ о вещахъ не по величинѣ рамки, а по относительному ихъ музыкальному достоинству. Мелодіи его чисты, легки; расположены въ порядкѣ, хорошо написаны для голоса, до крайнихъ нотъ котораго онъ никогда не доходитъ; безъ претензій на честолюбивые эффекты; аккомпаниментъ ихъ написанъ со вкусомъ; натуральныя и хорошо веденныя модуляціи, время отъ времени разнообразятъ первоначальный тонъ и возвышаютъ выраженіе чувства. Романьези не добивается ни чрезмѣрной веселости, ни увлеченія страсти; ему особенно удается изображеніе полуулыбки и умѣренныхъ волненій французской любезности. Одаренный личными преимуществами, достойный полного уваженія, съ образованнымъ умомъ, приспособленнымъ къ обычаямъ хорошаго общества, Романьези самъ пѣлъ тамъ свои романсы съ большимъ вкусомъ и успѣхомъ. Такимъ образомъ, онъ прожилъ тихо и мирно, съ челою, увѣчаннымъ розами, съ друзьями, которые остались ему вѣрны и съ вѣтренными сердцами, которымъ онъ простилъ *. Мы теперь приближились къ современному романсу. Подлѣ Романьези слѣдуетъ поставить Амедея де Бопланъ свѣтскаго и умнаго чело-

* Онъ родился въ Парижѣ, 1 сентября 1782 года и умеръ тамъ же 9 января 1850 года.

гика; онъ одолженъ своею извѣстностью романсу, которому впрочемъ онъ много разъ измѣнялъ. Амедей де-Бопланъ принимался попеременно за живопись, комедію, комическую оперу и готовъ былъ бы постоянно заниматься тѣмъ или другимъ, да ему все не удавалось. Композиторъ этотъ, исполненный страсти, откровенной и важной веселости, а иногда также нѣжнаго и мечтательнаго чувства, издалъ множество живыхъ и острыхъ пѣсенекъ, между которыми упомянемъ объ одной: «Mon petit François», шуточный урокъ вальса, данный маркитантшей своему неопытному любезному. Въ болѣе возвышенномъ родѣ, извѣстны: «Bonheur de se revoir», «Le pardon», «Taisez-vous» и въ особенности, прелестный ноктурнъ: «Dormez, nos chères amours», появившійся въ 1820 и обошедшій весь свѣтъ.

Эдуардъ Брюгьеръ принадлежитъ также къ группѣ романсисто-въ по возстановленіи Бурбоновъ. Онъ родился въ Лионѣ, въ 1793 году, явился въ Парижъ, около 1824 года и сталъ извѣстенъ множествомъ романсовъ, исполненныхъ граціозной и трогательной чувствительности. Самыя замѣчательныя изъ нихъ «Ma tante Marguerite», «Mon léger bateau», «L'Enlèvement» и въ особенности «Laissez-moi le pleurer, ma mère», который заставляетъ проливать слезы въ гостиницѣ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія.

Какъ композиторъ романсовъ, Пансеронъ принадлежитъ также къ эпохѣ Бурбоновъ. Воспитаникъ консерваторіи, получившій первую награду въ Римѣ, онъ возвратился въ Парижъ и, протискиваясь съ драматической карьерой, гдѣ поскользнулся съ самаго начала, онъ принялся пѣть очень хорошенькіе романсы, которые имѣли большой успѣхъ; такъ напримѣръ: «Petit blanc», «Appelez-moi, je reviendrai.»

Жаденъ, директоръ парижской капеллы, тоже писалъ пѣсенки и романсы. «Dites-moi grand'mère, que disiez-vous aux amans?», «La Bergère», «Monsieur Colas, soyez plus sage», легкія, шуточные пьесы; ихъ много пѣли въ свое время.

Упомянемъ, мимоходомъ, о Менгалѣ, который написалъ «Le Chevalier errant»; о Доливѣ, сочинившемъ «La Viennoise», «Goulé», авторъ «La Suisse du lai».

Бертонъ, сынъ автора «Mentano et Stéphanie», и профессоръ консерваторіи, съ успѣхомъ занимался романсомъ и написалъ одинъ съ трогательнымъ выраженіемъ.

Скажемъ еще о «Fleure du Tage», Полле, «C'est une larme», знаменитаго скрипача Лафона, который сочинилъ также «Départ du jeune marin», широкая и драматическая мелодія; — и наконецъ

«Pêcheur», особенно же «Portrait charmant», Карла Ли, брисельскаго дипломанта.

Знаменитая пѣвица Малибранъ, которую жестокая смерть похитила такъ рано для восторговъ Европы, оставила также много изящныхъ мелодій, проникнутыхъ нѣжностью ея сердца и свѣжестю воображенія: «Le Réveil d'un beau jour», «La résignation», «Le retour de la Tyrolienne» и «La voit qui dit je t'aime».

Но въ ту эпоху, безъ всякаго сомнѣнія, мадамъ Полиня Дюшанбжъ пользовалась самою заслуженною извѣстностью, какъ сочинительница романсовъ. Она была креольскаго происхожденія, и прѣехала во Францію, въ концѣ прошедшаго столѣтія, будучи еще совершеннымъ ребенкомъ. Она занималась музыкой сначала для развлечения. Окруженная самыми замѣчательными артистами того времени, она изучала игру на фортепiano съ Дюссекомъ и приобрѣла довольно замѣчательный талантъ исполненія на этомъ инструментѣ. Она узнала также Обера, тогда молодого и блестящаго кавалера, который не подозрѣвалъ, что будетъ современемъ одною изъ музыкальныхъ знаменитостей Франціи. Превратности судьбы сдѣлали автора «Чернаго домино» знаменитымъ композиторомъ; тоже самое случилось и съ мадамъ Дюшанбжъ. Она издала сначала нѣсколько пьесъ для фортепiano, а потомъ, побуждаемая потребностями сердца, которыя производятъ поэтовъ, она сочинила свои первыя мелодіи, и предложила ихъ издателямъ съ тою неловкостью и стыдливостью благородной женщины, которая боится, чтобъ не открытъ тайны ея вдохновенія. Романы мадамъ Дюшанбжъ сочинены, большею частью, на слова мадамъ Дебордъ Вальморъ. Въ самомъ различіи формы, въ которой каждая изъ этихъ замѣчательныхъ женщинъ высказалась передъ публикой, видна родственная связь между ними, — связь поэтовъ.

«Я сочиняла мои романы со слезами, говорила однажды вечеромъ мадамъ Дюшанбжъ, въ своемъ скромномъ убѣжищѣ, украшенная повсюду благочестивыми и нѣжными воспоминаніями, и я обязана ихъ народностью Адольфу Нурри. Онъ любилъ пѣть ихъ, и его удивительный талантъ придавалъ имъ прелесть, которая удивляла и восхищала меня. Нурри былъ вѣтанный артистъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ жизни поступалъ съ тѣмъ нѣжнымъ, благороднымъ вдохновеніемъ, которое отличало его талантъ».

Изъ произведеній мадамъ Дюшанбжъ болѣе другихъ замѣчательны: «L'Ange gardien», «La Brigantine», «Le bouquet de bal».

«La séparation» и «Penses-tu que ce soit aimer», высокий возгласъ сердца, которое оставляютъ мечты.

Во время Бурбоновъ, романсъ измѣнилъ свой характеръ. Мелодія стала вообще лучше, длиннѣе и выразительнѣе. Каденцы мѣтче однообразны, модуляціи чаще и аккомпаниментъ не переставалъ быть простымъ, какъ и слѣдуетъ въ романсѣ, сдѣлался разнообразнѣе и богаче. Послѣ 1830 новая школа, прозванная *романтической*, развившаяся въ первые годы возстановленія Бурбоновъ, бросилась на театральныя представленія съ великимъ шумомъ историческихъ претензій и ложной наивности. Поэзія, романсъ и драма сѣбно попали на старыя идеи, старыя нравы, старыя учрежденія, и въ своемъ сильномъ стремленіи они очутились въ невозможномъ мірѣ, гдѣ царствовали вѣчныя причуды, нестерпаемая фантазія и всеобщая похвала удовольствію. Романсъ не могъ не подчиниться этому влиянію, и Иполитъ Монпу сообщилъ ему этотъ новый характеръ.

Монпу родился въ Парижѣ и воспитывался въ школѣ Александра Шорона, гдѣ узналъ великихъ мастро прошедшихъ столѣтій и въ особенности познакомился съ грандіознымъ гениемъ Генделя. Не изучая правилъ композиціи, онъ началъ изданіемъ легкихъ произведеній, которыя были приняты благосклонно его друзьями и знакомыми.

Произведенія Монпу: «Joli-cœur», «Chauvin et Jeanneton», «La Mîse», «Il était trois chasseurs» — прелестныя пѣсенки, совершенно новаго роду, гдѣ неселость соединена съ чувствомъ. Но пьеса: «L'Andalouse», слова Альфреда де-Мюссэ, появившаяся въ сентябрь 1830 года, доставила вдругъ громкую популярность Монпу. Мелодія эта съ такимъ свободнымъ оборотомъ, съ рѣзкой и звучной каденцой, напоминающей манеру Генделя, была продана за двадцать пять франковъ, ровно за столько, сколько нужно, чтобъ купить пару сапоговъ. Послѣ «Andalouse» появилась «Le lever», имѣвшая такой же большой успѣхъ, потомъ «Le voile blanc», «Sara la Baigneuse», «Madrid», «Les trois marteaux», «Les deux archers», «La chanson de Mignon», и пропасть мелодій и драматическихъ сценъ. «Le ton de Tolède», послѣднее вдохновеніе этого молодого композитора, умершаго къ несчастію, въ самую ту пору, когда талантъ его, зрѣлый опытомъ, началъ принимать новое и блестящее направленіе.

Съ живымъ и рѣзкимъ умомъ и пылкимъ и цвѣтистымъ воображеніемъ, съ сердцемъ горячимъ и благороднымъ, Иполитъ Монпу былъ увлеченъ самыми безумными ученіями той школы

которой онъ былъ пѣвцомъ. Онъ не отступалъ напередъ какинъ предметомъ, какъ бы шероховатъ онъ не былъ; онъ украшалъ свои произведенія странными и высокопарными эпитетами, заимствованными у поэтовъ того кружка, одобренія котораго онъ болѣе всего добивался. Оттого его мелодіи, полныя блеска и иногда оригинальнаго оборота, болѣе произведенія оа-тазицъ, чѣмъ выраженія чувства; онъ отличаются въ некоторой мѣ-рѣ исканностью въ сочетаніи ритмовъ, симетрію которыхъ онъ ча-сто уничтожаетъ такъ, что невозможно хорошо понять эфектъ, который онъ хочетъ произвести. Написанныя съ претензіей, раз-битыя на маленькія неровныя фразы, не соответствующія другъ другу, романсы Момпу пляшутъ да прыгаютъ и, часто вздернувъ ногу, повисаютъ надъ пропастью, въ чемъ его справедливо упре-кали. Но многочисленныя достоинства, о которыхъ мы говорили, вознаграждаютъ достаточно эти недостатки въ талантѣ Момпу. Онъ живъ, смѣлъ, цвѣтнсть въ своихъ небольшихъ картинахъ, гдѣ онъ въ особенности чудесно изображаетъ сіяющее пространство, отдален-ную лазурь моря, сладкія таинства сумерекъ, блаженство любви, блуждающей на послушной волнѣ въ поискахъ за счастливымъ островомъ.

«Ah! si tu voulais m'entendre, mon bien aimé!» Эта милая фра-за, которою Миньона выражаетъ тоску по родинѣ, можетъ также дать идею о талантѣ и воображеніи Момпу. Его романсы трудно хорошо исполнить; они относились къ той избранной публикѣ поэтовъ и артистовъ, которыхъ онъ былъ любимымъ музыкантомъ.

Около 1832 и 1833 года, когда Момпу былъ въ полной славѣ, когда романтическая школа занимала стоустую славу, — появи-лась молоденькая дѣвушка, съ бѣлокурыми волосами, живая, острая, посившая имя знаменитое въ искусствахъ, приобрета-ющая вскорѣ большую извѣстность среди композиторовъ роман-совъ. Мадмоазель Луиза Пюжэ обратилась сначала къ публикѣ, совсѣмъ отличной отъ той, которая аплодировала съ увле-ченіемъ пѣснямъ Ипполита Момпу. Она принялась пѣть ма-ленькіе эпизоды скромной жизни, умѣренность желаній, доволь-ство сердца въ скромной долѣ, миръ, невинность, любовь къ тру-ду и покорность Провидѣнію.

Ея маленькія драмы, хорошо выбранныя и со вкусомъ рено-вированныя умнымъ человѣкомъ, котораго сотрудничество она навсе-гда приобрѣла, потому что онъ сталъ ея мужемъ, проникли во всѣ гостинныя улицы Сенъ - Дени, и въ женскіе пансіоны, гдѣ ихъ пѣли передъ начальницей. Мелодіи ея свѣтлыя, живыя, съ

рѣзвымъ ритмомъ, съ нотами не слишкомъ высокими и не слишкомъ низкими и не трудными для самыхъ первыхъ ученицъ, имѣли удивительный успѣхъ и продавались тысячами. Альбомы ея разбирали на разхватъ: они развозились по всѣмъ провинціальнымъ городамъ и первымъ европейскимъ столицамъ. Новый свѣтъ требовалъ ихъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько бутылокъ шампанскаго. Это потому, что Лонза Пюжэ соединяла съ дарованиями музы очень пріятный талантъ виртуоза и какое то умѣніе промышленника. Одинъ только Пансеронъ выше ея въ искусствѣ умѣлъ выгодно продавать ощущенія сердца. Она сама пѣла свои романсы съ большимъ умомъ, акомпанируя сама себя на фортепіано; все это вмѣстѣ съ голосомъ, нѣсколько пронзительнымъ, съ оригинальной наружностью и граціозной пантомимой, составляло интересное цѣлое.

Мадмоазель Пюжэ сочинила отъ трехъ до четырехъ тысячъ романсовъ и пѣсенокъ. Это цѣлая эпопея мѣщанской жизни, гдѣ протаяла подбирательница колосеевъ рассказываетъ свою *тратательную исторію*. Угольщикъ предполагаетъ выдать замужъ дочь свою за сына сосѣда мельника, гдѣ дочь продавца москотильныхъ товаровъ мечтаетъ о званіи графини. Страсть и фантазія не блещутъ въ произведеніяхъ мадмоазель Пюжэ. Характеристическое отличіе ея таланта состоитъ въ нѣжной чувствительности, умѣряемой здравымъ смысломъ, и этой коварной веселостью, которая создала водевиля.

По роду ея легкихъ и хорошо рѣмованныхъ мелодій, по легкости и правильности акомпанимента, по увлеченію и веселости ума, Лонза Пюжэ принадлежитъ къ той семьѣ любезныхъ композиторовъ, въ главѣ которой стоитъ знаменитый Оберъ, и которая считаетъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ Адама.

У Мазини талантъ совершенно другаго рода. Онъ родился во Флоренціи и воспитанъ въ удивленіи тѣмъ учителямъ, которые составляютъ славу его прекрасной страны. Человѣкъ съ тонкимъ и деликатнымъ умомъ, ученый музыкантъ, Францискъ Мазини двадцать лѣтъ тому назадъ, основалъ свое мѣстопробываніе въ Парижѣ. Въ его милыхъ мелодіяхъ есть грація и чистота, отличающія итальянскій геній. Онъ любимый трубадуръ жень первостатейныхъ бавкировъ и той части средняго класса, которая еще такъ не давно корчила аристократію. Его романсы поютъ во всѣхъ позолоченыхъ гостиныхъ, въ избранныхъ концертахъ, въ самыхъ задушевныхъ tête-à-tête. Это бардъ операчеленныхъ сердецъ, душъ разбитыхъ; это музыкантъ подав-

ленныхъ вѣздоховъ, неутѣшной скорби; словомъ, это Бельгия романа. Онъ сочинилъ много небольшихъ, образцовыхъ произведеній въ этомъ родѣ, замѣчательныхъ какъ по изящности мелодіи, такъ и по рѣдкому достоинству акомпанимента. Назовемъ наиболѣе извѣстные романсы Мазини: «Une chanson bretonne», «Dieu m'a conduit vers vous», «La sœur des anges, où va mon âme», «Il lamento», «Ton image», превосходныя произведенія. Романсы Мазини почти все вдохновенныя словами Эмилія Барато, котораго изящная легкость достаточно оцѣнена въ этомъ родѣ. Но онѣ не имѣютъ довольно свободнаго ритма и выражаютъ слишкомъ ищныя чувства, а можетъ быть также имъ не достаетъ разнообразія для того, чтобъ нравиться наимной публикѣ. Мазини есть и будетъ сочинителемъ романсовъ для дилетантовъ высшаго круга.

Лабарръ имѣетъ болѣе свободный и цвѣтистый талантъ, нежели Мазини. Его прекрасныя и широкія мелодіи «Jeune fille aux yeux noirs», «La pauvre Nègresse», «Le Kiste», успѣшно соперничали съ произведеніями Момиу, и можетъ быть Лабарръ превзошелъ бы его въ этомъ родѣ, еслибъ не бросился въ проуличенный драматизмъ, въ мелодраму, и не сталъ черезъ-чуръ обременять своихъ идей напичканными модуляціями и даже модуляціями негармоническими.

Гризаръ извѣстенъ болѣе, какъ авторъ романа: «La Folle», образцоваго произведенія страсти и истинной декламаци; Нурри заставилъ узнать его, а Малибранъ и потомъ мадамъ Шпарръ сдѣлала его народнымъ въ цѣлой Европѣ. «L'Arrivée du régiment», «Adieu, beau rivage de France» также прекрасныя вдохновенія этого композитора, который имѣетъ одинъ недостатокъ — маленькую лѣность.

Берá, который столько пѣлъ свои «Normandie», и «Il a tu le joug», натуральный и легкій композиторъ, исполненный чувства и откровенности, очень любимый публикою, потому что умѣетъ трогать ея сердце и возбуждаетъ веселость. «Ma Normandie» была продана въ числѣ 30,000 экземпляровъ! «Le Départ», «La montagnarde au retour», «A la frontière», «C'est demain qu'il arrive», того же автора, трогательные романсы, назначенныя прямо для наимной публики, для которой они и были созданы. Берá какъ истинный трубадуръ двѣнадцатаго столѣтія, сочиняетъ

слова и музыку для своихъ маленькихъ драмъ, также довольно счастливъ въ саркастическихъ и шуточныхъ пьескахъ; тутъ онъ имѣетъ только двухъ опасныхъ соперниковъ, Амедея де-Боплана и Карла Плантада.

Послѣ Беря слѣдуетъ упомянуть о Латурѣ, который поетъ также свои «Bretagne», гдѣ онъ родился, съ чувствомъ и успѣхомъ; — о Тисѣ, композиторѣ немного жеманномъ, сочинившемъ «L'Oiseau bleu», «La jeune mère», и въ особенности «Dollette», которую нѣсколько лѣтъ тому такъ часто ворковала мадамъ Сабатье; Лажоанеръ, болѣе трогательный музыкантъ, который произвелъ «Adieu ma mie!» «Pietro», «La Brigantine», — два милые nocturna.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вдохновеніяхъ, которыя въ свое время долго путешествовали по свѣту; такъ напримѣръ: «Nana m'appelle», Пецца; «Ma nacelle», Дюпати; «Le Dilcge», Гателъ; «Tradita» Граціани; «Le Soupir», Монсора; «Le Borysthène», Штрунца, и «La brise du matin», Лоренцо Филиберти.

Въ другой группѣ мы замѣчаемъ Фогеля, автора «Ange déchiré», прекрасную мелодію для баса. Шерѣ, известный своей «La mère de chasseur»; Юснѣ Вимѣ, написавшій «Le trappiste», «Le Cavalier hadjoute» и особенно «Le pêcheur surpris par l'orage», Августъ Морель искусный композиторъ. Въ другомъ болѣе возвышенномъ и серьезномъ родѣ, мы должны упомянуть о Реберѣ, котораго «La captive», «La Chanson du pays» — произведенія замѣчательныя сколько по мелодической концепціи, столько и потому, что хорошо написаны.

Въ самомъ свѣтломъ уголку прелестнаго міра мы видимъ автора «Ame chrétienne», «Hirondelle et prisonnier», «Bluets», «Réignation», «Chant vénitien», «Chant ionien», «La Sérénade parolitaine» и многихъ другихъ мелодій. Да позволено намъ будетъ замѣтить, что многія изъ этихъ произведеній имѣютъ европейскую извѣстность, и что всѣ отличаются нѣкоторою возвышенностью стиля.

Вотъ краткая исторія романа, съ десятого столѣтія до нашего времени. Эта легкая форма, которая современна французскому языку, слѣдовала всѣмъ измѣненіямъ музыкальнаго искусства и

участвовала во всѣхъ движеніяхъ французской поэзіи. Это рудникъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнныя сокровища и истинно образцовыя произведенія. Но, вы, важные философы, знаменитые композиторы, которые съ высоты академической кathedры смотрите съ презрительнымъ видомъ на все, что не составляетъ по крайней мѣрѣ одноактной оперы или школы о софеджіо, знайте, что есть мелодіи, которыя идутъ прямо отъ сердца и будутъ жить гораздо дольше многихъ толстыхъ партитуръ.

=

ДРЕВНЯЯ ГРЕЧАНКА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

О древней Греции писано очень мало, если принять въ соображеніе все, что писано и говорено о другихъ предметахъ и сторонахъ древней жизни, разобранной и объясненной во многомъ до мельчайшихъ подробностей. Филологамъ, углублявшимся въ критику и толкованіе древнихъ писателей, равно какъ и занимавшимся разработкою политическаго быта древнихъ обществъ, на который преимущественно было устремлено вниманіе, некогда было заняться женскою стороною греческаго міра; не-этологи же, и подавно не могли писать объ ней безъ предварительной разработки первыхъ; если же что и писано, то весьма поверхностно и ошибочно. И потому, только изрѣдка появлялись, — и то съ конца прошедшаго столѣтія, — статьи уясняющія положеніе древней Греции. Но, къ сожалѣнію, часть этихъ статей написана подъ вліяніемъ односторонняго и ложнаго взгляда, видѣвшаго въ древней женщинѣ рабу, безмолвное орудіе желаній и воли мужа; другая обращала вниманіе только на известную сторону, или на из-

вѣстное только положеніе и отношеніе женщины въ Греціи, хотя и старалась защитить ее отъ несправедливыхъ нападковъ и нареканій; третьи говорили о женщинахъ Греціи только мимоходомъ, по случаю рѣшенія какого-нибудь вопроса изъ греческаго міра, такъ, что каждая изъ статей, отдѣльно взятая, не заключаетъ въ себѣ полного изложенія внутренней и внешней жизни и отношеній женщинъ въ Греціи; нѣкоторыя же даютъ объ нихъ понятіе ложное и одностороннее. Исключеніе дѣлаетъ одинъ Беккеръ, германскій филологъ, который въ своемъ «Хариклесь», греческомъ романѣ, вышедшемъ въ 1840 году, старался обнять жизнь древней женщины во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Этотъ романъ его имѣетъ мало достоинствъ, хотя въ немъ и видно усиліе ученаго придать ему занимательность, разнообразіе и завязать интригу: но за то приложенія и примѣчанія къ роману составляютъ богатую находку; но только для филолога, а не для большинства читателей, потому что, для чтенія этихъ приложений и примѣчаній нужно кромѣ знанія греческаго и латинскаго языковъ, еще и предварительное приготовленіе. Въ этихъ-то примѣчаніяхъ и приложенияхъ, Беккеръ со всею нѣмецкою точностью и ученостью посвятилъ много страницъ разъясненію жизни древней женщины и тѣхъ отношеній, въ какихъ она состояла къ своему семейству и тогдашнему обществу. При всемъ томъ, намъ кажется, что ученый этотъ слишкомъ строго судилъ о Гречанкѣ, слишкомъ доверялъ нѣкоторымъ древнимъ писателямъ, и не хотѣлъ подумать объ отступленіяхъ, которыя бывають въ жизни каждаго народа, а тѣмъ болѣе въ жизни женщины, не хотѣлъ принять въ расчетъ того вліянія, которое женщина могла имѣть и дѣйствительно имѣла на мужичину и на общество, и которое указано даже греческими писателями. Кромѣ того, отъ Беккера ускользнули нѣкоторыя отношенія древней женщины, необходимыя для возможно-полнаго понятія объ ней; о нѣкоторыхъ же онъ говоритъ вскользь, какъ бы мимоходомъ, больше намѣкаетъ, чѣмъ объясняетъ, такъ что, въ этомъ отношеніи, и его «Хариклесь» не представляетъ вполне удовлетворительнаго описанія древней Гречанки.

Правда, и то надобно сказать, что изобразить вполне древнюю греческую женщину и невозможно: потому что сами Греки ничего не оставили намъ полнаго о своемъ домашнемъ бытѣ и житейскихъ отношеніяхъ, а только вскользь, тамъ и сямъ, упоминали объ нихъ

не считая, безъ сомнѣнія, необходимымъ говорить объ этомъ много, какъ о предметъ всѣмъ и каждому известномъ и не требовавшемъ объясненія. Изъ этихъ-то намековъ, извѣстій и замѣтокъ, разбросанныхъ у поэтовъ, ораторовъ, историковъ и прочихъ писателей, въ разныхъ мѣстахъ, нужно было черпать свѣдѣнія о древней Гречанкѣ; — трудъ кропотливый, стоившій многихъ усилій, часто неблагодарный, не вознаграждавшій потеряннаго времени, и гдѣ изслѣдователь долженъ былъ бороться со многими противорѣчiami, примирять и улаживать, или отстранять ихъ; не говоря уже о предварительныхъ занятіяхъ и приготовленіяхъ, необходимыхъ для того, чтобы самая разработка матеріаловъ сдѣлалась доступною и возможною.

Благодаря этимъ-то предварительнымъ трудамъ ученыхъ, которые собрали матеріалы, привели ихъ въ порядокъ, старались объяснить и оцѣнить ихъ, хотя часто и противорѣчили другъ другу, — благодаря-то имъ, можно составить болѣе или менѣе вѣрное, болѣе или менѣе полное изображеніе греческой женщины. Опытъ этого рода мы предлагаемъ нашимъ читателямъ. Мы не беремъ на себя представить полную исторію греческой женщины, съ указаніемъ перемѣнъ, имѣвшихъ мѣсто въ ея жизни въ известное время, въ известную эпоху, съ указаніемъ перехода отъ одного положенія къ другому, отъ худшаго къ лучшему, или на оборотъ, однимъ словомъ: съ указаніемъ на все то, что постигало Гречанку, что она испытала, перечувствовала, передумала и пережила отъ самыхъ древнѣйшихъ до позднѣйшихъ временъ, по-крайней-мѣрѣ до Рождества Христова. Этого рѣшительно нельзя сдѣлать, при недостаткѣ извѣстій. Мы даже исключаемъ изъ этой статьи гомерическую эпоху, не потому, чтобы объ ней нельзя ничего сказать, но потому, что она составляетъ особое цѣлое, изученіе котораго исключительно основывается на Гомеровыхъ поэмахъ, доступныхъ теперь и для незнакомыхъ даже съ греческимъ языкомъ, въ переводахъ Гвндича и Жуковского*.

Обработывая эту статью хотя и при помощи новыхъ пособій, но по источникамъ предварительно изученнымъ, почтеннѣйшій авторъ снабдилъ свое сочиненіе множествомъ ссылокъ на писателей греческихъ и римскихъ. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, воспользоваться ими здѣсь, въ журналѣ, и потому не можемъ не желать, чтобы сочиненіе господина Тихавонича вышло отдѣльнымъ изданіемъ со всею ученою роскошью, каково оно достойно.

I.

Жилище, одежда и наряды древнихъ Грековъ.

Въ греческихъ домахъ, — разумется въ порядочныхъ, — было, какъ и у насъ, особое отдѣленіе, назначенное для женщинъ — женская половина, которая называлась *гинеконъ*, *гинеконитесъ*. Въ гомерическія времена она помѣщалась въ верхнемъ этажѣ дома; въ историческія же — обыкновенно въ нижнемъ. Отъ мужской половины *андронъ андронитесъ*, помѣщавшейся съ прикладомъ или съ улицы, отдѣлялась женская половина, занимавшая весьма часто заднюю часть дома, дверью, черезъ которую входили въ женскую половину; дверь эта называлась *месаалосъ* въ тѣхъ домахъ, гдѣ обѣ половины, мужская и женская, имели свой собственный перестиль; въ такомъ случаѣ эта дверь была, какъ-бы въ серединѣ между однимъ и другимъ перестилемъ. Такъ объясняютъ и Витрувій: *inter duo peristina itinera sunt, quae mesallae dicuntur, quod inter duas aulas mediae sunt interpositae*. Отсюда уже видно, что женская половина не слишкомъ была отдѣлена отъ мужской, что она не была наглухо забита, а довольно легко сообщалась съ мужскою, въ которую замужнія женщины могли входить, во всякое время, исключая тѣхъ только случаевъ, когда на мужской половинѣ были гости, или вообще посторонніе люди; одѣвъ только дѣвушки обязаны были сидѣть постоянно на женской половинѣ и выходить оттуда считалось имъ неприличнымъ. Греческіе дома такъ строились, что сообщеніе одной половины съ другою легко можно было прервать, заперши дверь, которая вела къ женщинамъ. Само собою разумется, что на женской половинѣ помѣщалась и спальня *оаламосъ*, въ которой иногда хранились разнаго рода дорогія или цѣнныя вещи, принадлежавшія семейству и составлявшія его достояніе, какъ это дѣлается и у

насъ. Не всегда, впрочемъ, придерживались подобнаго порядка въ расположеніи дома и комнатъ; иногда мужская половина помещалась въ верхнемъ этажѣ, и здѣсь же устранивалась спальня. Такъ было въ домѣ Эвонета, у котораго жена спала въ верхнемъ этажѣ, откуда переходила въ нижій — къ дѣтямъ. Многое можно было бы сказать о греческомъ домѣ, о расположеніи въ немъ комнатъ, объ украшеніяхъ, о мебели и прочемъ; но мы говоримъ объ нихъ только мимоходомъ, сколько нужно для нашей цѣли.

Одежда у древнихъ вообще не имѣла того разнообразія въ покроѣ, какъ у насъ; она не измѣнялась такъ быстро и не слѣдовала такъ рабски модѣ. Главныя части одежды постоянно оставались одны и тѣ же, отъ древнѣйшихъ до позднѣйшихъ временъ, безъ существенныхъ перемѣнъ. Причинъ подобнаго явленія надобно искать отчасти въ природѣ, среди которой жили Греки, отчасти въ самомъ характерѣ древняго Грека. Живучи подъ вѣчно-голубымъ и яснымъ небомъ, согрѣваясь лучами южнаго солнца, умѣряемаго влажными вѣтрами, и не подвергаясь такимъ рѣзкимъ и часто вреднымъ перемѣнамъ климата, какъ мы, Греки не нуждались и въ одеждѣ, столь разнообразной и тяжелой, какова наша. Для Грека она была бы излишнею и не нужною вещью, въ то время, какъ для насъ, это самое разнообразіе и многосложность есть нерѣдко необходимость, обуславливаемая требованіями окружающей насъ природы. Съ другой стороны, руководимые врожденнымъ чувствомъ къ простотѣ, Греки удержались отъ изысканности и, если можно такъ выразиться, отъ педантизма въ одеждѣ, которымъ щеголяемъ мы, выдумавшіе для прикрытія одного человѣка такое множество одеждъ, онуютъвающихъ разныя части тѣла, отнимающихъ нерѣдко всю свободу движеній и всю красоту формъ, и требующихъ такое множество всякаго рода матеріаловъ. Отсюда, впрочемъ, ничуть не слѣдуетъ заключать, что Греки и Гречанки не умѣли одѣваться нарядно и изящно. Дѣйствительно, они не умѣли одѣваться такъ узко и сжато, какъ мы; но умѣли своей крайне простой и незатѣливой одеждѣ придать на тѣлѣ изящную нарядность и щеголеватость, умѣли выказать въ ней и красоту формъ, и ловкость движеній, и гибкость членовъ; однимъ словомъ, они такъ умѣли драпироваться въ своихъ легкихъ хитонахъ, какъ мы не можемъ въ нашихъ тяжелыхъ пинцеляхъ и шубахъ. Жен-

ская одежда у Грековъ, какъ и у насъ, была нѣсколько разнобразнѣе, чѣмъ мужская; но въ сущности, она оставалась той же, что и мужская. Это также составляетъ одно изъ существеннѣйшихъ различій греческой одежды отъ нашей.

Женщины, какъ и мужчины, носили хитонъ, котораго надобно отличать два рода — дорическій и іоническій. Дорическій хитонъ былъ крайне простая, шерстяная рубашка, вовсе безъ рукавовъ, или съ очень короткими рукавами; состояла она, вѣроятно, изъ двухъ короткихъ половинокъ одной и той же матеріи, которую сшивали почти до груди, — такъ, по-крайней-мѣрѣ, можно заключить по статуямъ. Въ частяхъ, покрывавшихъ грудь и спину, дѣлались разрывы для отверстій, въ которыя продвѣвались руки и которые застегивались на плечахъ. Особенный видъ этого хитона составляли разрывные *схистос* хитоны, назначавшіеся для употребленія двушккамъ. Что касается до іоническаго хитона, то это была широкая, со многими складками, до ногъ ниспадающая рубашка, съ широкими рукавами, которые дѣлались то длиннѣе, то короче, смотря по желанію и прихоти. Вотъ какъ Геродотъ описываетъ эту одежду: «Аѳинянки носили прежде дорическую одежду, очень похожую на коринѣскую; потомъ перемѣнили ее на холстяной хитонъ, чтобы не употреблять пряжки. Говоря впрочемъ правду, это не была іоническая одежда, по происхожденію, но карійская; одежда же всѣхъ Гречанокъ въ древности была та, которую теперь называемъ дорическою.» У Геродота разсказана также и причина, заставившая Аѳинянокъ перемѣнить свою одежду: «Аѳиняне, говоритъ онъ, потерпѣли сильное пораженіе отъ Эгиветовъ и Аргивянокъ, такъ что изъ всего войска остался въ живыхъ одинъ только Грекъ, который воротившись въ Аттику, принесъ вѣсть о несчастіи, постигшемъ Грековъ. Узнавши объ этомъ, Аѳинянки, въ досадѣ на то, что онъ одинъ только спасся, обступили его; каждая изъ нихъ, вынувъ пряжку изъ своей одежды, начала колоть его, спрашивая: гдѣ мой мужъ? — и такъ умертвили несчастнаго. Аѳиняне, негодуя на поступокъ своихъ женъ, наказали ихъ тѣмъ, что перемѣнили одежду ихъ на іоническую».

Необходимую принадлежностью, нѣрвдко же частью іоническаго хитона была дипломсъ, или диплоидіонъ, гемидиплоидіонъ, эпomisъ.

Иногда это была особаго рода мантилья, которую надввали на хитонъ съ разръзными рукавами и съ отверстіемъ, куда просовывали голову. Большою же частью дипломсъ не составляла особой одежды, она принадлежала, какъ часть, къ хитону, образуя отворотъ или пазуху его. Такъ какъ хитонъ дѣлался длиннѣе тѣла, которое имъ покрывалось, то, когда онъ застегивался на плечахъ, изъ остатковъ его, виспускавшихся внизъ отъ пояса, которымъ обхватывали хитонъ около тѣла, составлялись отвороты и складки или пазуха, доходившія иногда до бедръ, иногда же виспадавшіе и ниже. Въ іоническомъ хитонѣ рукава, кажется, были вообще не разръзные и широкіе, какъ въ нашихъ такъ называемыхъ греческихъ пальто; иногда же они разръзывались сверху отъ плечей во всю длину, такъ что сквозь разръзъ можно было видѣть руку, продвную въ рукавъ, и перехватывались пражками, или застѣжками, которымъ Греки любили давать какую-нибудь изящную форму, дѣлая ихъ то въ видѣ головы какого-нибудь звѣря, то въ видѣ раковины, то въ видѣ мужской или женской фигуры. Такъ какъ іоническій хитонъ была длинная и широкая одежда, то, чтобы онъ не волочился по землѣ, подъ грудь, или ниже, смотря кто какъ любилъ и кто какъ находилъ удобнѣйшимъ, подбирали его и обхватывали поясомъ, опуская только до ступней ноги. Впрочемъ, это не было общимъ обычаемъ; вѣрѣдко носили хитонъ безъ пояса и въ такомъ случаѣ называли его *оростоидіосъ*; подпоясанный же хитонъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *сиртосъ*. Иногда хитонъ обшивали снизу фалбарою, и тогда онъ назывался *сталидѣтосъ*. Поясъ, которымъ подпоясывались женщины, назывался собственно *зоніонъ*, или *строфіонъ*; мужской *зоно*. Отъ пояса надобно отличать повязку подъ хитономъ вокругъ груди, имѣвшіую разныя названія, изъ которыхъ самыя употребительныя: *тенія*, *литоръ*, *аподесмонъ*, *стеводесмосъ*; ее употребляли иногда для того, чтобы остановить большое развитіе груди, какъ у Римлянъ *fascia pectoralis*, чаще просто какъ грудную повязку. Гречанки не шнуровались, и мы не знаемъ, были ли онѣ знакомы съ этимъ искусственнымъ средствомъ давать своей формѣ талию и стройность; если же и знали о шнуровкѣ, то, по всей вѣроятности, не употребляли. Хитонъ надввали не на голое тѣло, но на рубашку, которая дѣлалась изъ тонкой прозрачной матеріи и доходила только до коленъ. На-

бывалась она *ситоніонъ*, или *энсомісъ*. Въ ли Гречаники носили подобную рубашку, не знаемъ.

Верхняя одежда Гречанокъ была таже, что и у мужчинъ, — таже называемый *гиматіонъ*; и потому Гречанки, жившія просто и по древнему обычаю, часто надввали верхнюю одежду съеихъ мужей; и это нисколько не считалось неприличнымъ. Такъ поступала жена Фокіона, пошившая *гиматіонъ* своего мужа и вообще одѣвавшаяся чрезвычайно просто; и это не только не послужило ей въ упрекъ, но доставило еще извѣстность. Эту одежду называли еще *ампехтоне* и *ампехтоніонъ*. Она соответствовала римской тогѣ; употребляли для нее большой четверугольный кусокъ шерстяной матеріи, который набрасывали сначала на лѣвое плечо и, придерживая рукою, закидывали на спину черезъ правую руку, или протягивали подъ нею на спину, и потомъ снова перебрасывали черезъ лѣвое плечо, или черезъ лѣвую руку. Это называлось *эпи дексія анаваллесое*, или *амписхисное*. Надввать, или справедливѣе, набрасывать этимъ способомъ верхнюю одежду и умѣть удерживать ее на себѣ прилично и красиво, считалось признакомъ ловкости и франтовства. Безъ сомнѣнія были и другіе способы надвванія или набрасыванія *гиматіона*, но всѣ они считались деревенскими, мужицкими, или нетуземными. Верхняя одежда доходила до коленъ; иногда же дѣлали ее и длиннѣе; носить короче было не въ обычаѣ и считалось неприличнымъ. Носить верхнюю одежду слишкомъ низко, такъ, чтобы она волочилась по землѣ, признавали тоже неприличнымъ. — Гречанки носили еще *пеллонъ*; но это не была особая какаинибудь одежда, а общее названіе одежды всякаго рода. Если же въ древнѣйшія времена подъ *пеллономъ* разумѣли одежду особаго рода, то она или выпала въ послѣдствіи изъ употребленія и, следовательно, значеніе ея для насъ утратилось, или это была та же одежда, только подъ инымъ названіемъ. Разумѣется, отъ этого *пеллона* надобно отличать такъ называемый панаѳенскій *пеллонъ*, составлявшій существенную принадлежность праздника панаѳенеевъ. Это былъ кусокъ матеріи, приготовленный избранною нарочно для этого дѣяціею; онъ имѣлъ, или по крайней мѣрѣ долженъ былъ имѣть форму паруса; украшали его различнаго рода вышиваніемъ, которое изображало разныя предметы аттической мифологіи, особенно

во время торжественных днйя; во время праздника носили его съ торжественною процессію.

Кромъ шерсти и холста, для женской одежды употреблялись и другіе матеріалы. Сюда относятся: биссусъ, спорное имя, значеніе котораго довольно трудно опредѣлить, тѣмъ болѣе, что уже въ древности, по всей вѣроятности, такъ назывались разнообразныя, хотя и сходныя матеріи. Подъ биссомъ для платья надобно разумѣть произведенія изъ растительнаго царства, матерію приготовленную изъ волоконъ известнаго рода растеній. Съ этимъ согласны и древніе и новыя писатели; но трудность уразумѣть точное значеніе бисса и противорѣчія въ опредѣленіи его возникаютъ изъ неточности, съ какою говорятъ о немъ древніе писатели. Впрочемъ большинства ученыхъ разуметь подъ биссомъ хлопчатую бумагу; но прибавлять, что или сортовъ ея было больше, чѣмъ у насъ, или подъ биссомъ, древніе разумѣли не только хлопчатую бумагу, но и другой матеріалъ, схожій съ нею. Обыкновенный биссусъ, какъ и наша хлопчатая бумага, имѣлъ бѣлый цвѣтъ; однако изъ многихъ жветъ у писателей видно, что былъ и желтый биссусъ, который воздвльвался въ Элидѣ и продавался чрезвычайно дорого, почти что на вѣсъ золота — *quaternis denariis scrupula ejus permutato quondam, ut auri, geretio*, говоритъ Плиніи. При таковой дороговизнѣ можно было употреблять его только на нѣкоторые шаряды и украшенія, но не на одежду всякаго рода. Былъ, кажется, биссусъ и другихъ цвѣтовъ, кромъ желтаго. Вообще же, надобно признаться, что всѣ усилія ученыхъ не могли уяснить этого предмета; да иначе и не могло быть, потому что по словамъ не такъ-то легко составить себѣ понятіе о предметѣ, не видѣвши его самаго. Когда Греки познакомились съ одеждою изъ хлопчатой бумаги, или лучше, изъ бисса, трудно сказать что-нибудь достовѣрное. Знаемъ, что въ гомерическія времена употреблялись на одежду только шерсть и ленъ; у перваго же Геродота встрѣчаемъ названіе *синдонъ биссине*, и то какъ особенность, какъ вещь мало знакомую. И потому, навѣрно можно думать, что Греки познакомились съ биссомъ не раньше Геродота.

У Грековъ упоминаются еще аморгинскія одежды. Что это были за одежды, изъ какого матеріала и какого цвѣта, "какой цвѣты

и доброты, тоже не знаемъ на вѣрное. Можно предполагать, что для нихъ употребляли не клочатую бумагу, а что-то иное, хотя и похожее на нее. Быть можетъ, аморгинская матерія приготовлялась изъ тонкаго льна, который разводился и обдѣлывался лучше и удачѣе всего на островъ Аморгосъ. Знаемъ, что изъ этой матеріи приготовлялись тонкія и прозрачныя одежды; но есть также поводъ думать, что аморгосъ имѣлъ сходство съ биссомъ.

Еще темнѣе и запутаннѣе исторія выдѣлыванія шелку въ древнія времена. Не удивительно, что до Александра Великаго Греки имѣли о шелкѣ темное и сбивчивое понятіе: отдаленность мѣстъ, гдѣ приготовлялся шелкъ, неясныя и спутанныя географическія понятія, обманы самыхъ торговцевъ, доставлявшихъ его въ Грецію, — все это весьма много содѣйствовало къ тому, чтобы объ этомъ предметѣ распространить свѣдѣнія сбивчивыя, странныя, перепутанныя съ удивительными расказами. Но то замѣчательно, что даже походы Александра Великаго, распространившіе и уяснившіе въ многомъ географическія знанія древнихъ Грековъ, ни мало не объяснили и не распутали вопроса о шелкѣ. Вообще же можно принять, что шелкъ получался въ Грецію въ двухъ видахъ, частью сырецъ, частію уже въ издѣльяхъ. Сырецъ обдѣлывался въ Греціи и, по словамъ Аристотеля, прежде всего на островъ Ко. По всему вѣроятію употребленіе шелковыхъ издѣлій и одеждъ нашло доступъ въ Грецію довольно поздно, — все-таки шелкъ былъ не въ больномъ употребленіи, потому что дороговизна шелковыхъ издѣлій дѣлала его доступнымъ только для немногихъ богатыхъ людей.

Женщины избирали для своихъ одеждъ преимущественно бѣлый цвѣтъ, который считался самымъ приличнымъ для нихъ. Впоследствии, именно послѣ персидскихъ войнъ, вошло въ обыкновеніе носить разноцвѣтныя платья, — желтыя, зеленыя, голубыя и прочія. Бѣлый цвѣтъ, правда, по прежнему признавался наиболее приличнымъ женс. ому полу: но это было только по теоріи, на самомъ же дѣлѣ мода и обычай вытѣснили его и замѣнили другими цвѣтами. Съ этого же времени возникло и развилось стремленіе разнообразить и пестрить одежды разными украшеніями, которыя ткались или вышивались на матеріи, и которыя состояли въ обшивкахъ по краямъ, въ верти-

кальнхъ волосахъ, расположенныхъ въ разныхъ направленіяхъ и наконецъ въ разнородныхъ узорахъ. Обшивки по краямъ дѣлались во нижнему концу хитона, или же вокругъ выемки для шеи въ видѣ простыхъ цвѣтныхъ полосъ, или въ видѣ узорныхъ украшеній, которыя иногда ткались, а болѣею частью вышивались. Эти полосы бывали одного или разныхъ цвѣтовъ. Если же онѣ отъ времени оглаживались и теряли яркость и свѣжесть, то ихъ поновляли. Вертикальныя полосы дѣлались по обѣимъ сторонамъ хитона, тамъ, гдѣ края его сшивались; и потому всегда приходилось по двѣ полосы по обѣимъ сторонамъ шва, частью же спереди тоже двойными полосами, и притомъ или на всемъ хитонѣ до подола, или только на диплодионѣ. Эти полосы назывались *редон*, или *парифои*. Гиматионы и женскіе и мужскіе обыкновенно украшались подобнаго рода бордюрами, которыя шли или вокругъ всего гиматиона или только по обѣимъ сторонамъ, составлявшимъ края этой продолговатой одежды. Иногда одежда обкладывалась бахрамою; иногда по концамъ прикрѣпляли кисти, не столько для нарядности, сколько для того, чтобы тяжестью ихъ удерживать одежду на плечахъ. Къ третьему классу украшеній принадлежали вышитые или вытканые по всему платью звезды, цвѣты, насѣкомыя и прочая, и такого рода платье называлось «хитонъ катастиктосъ». Наконецъ были платья, на которыхъ вышивались или ткались цѣлые узоры; были одежды, шитыя золотыми нитками, тончайшею проволокою изъ чистою золота, — то, что перимски называется *augum paludamentum, chlamis, stellis aureis distincta*: но эти одежды принадлежали къ рѣдкостямъ и составляли какъ бы исключеніе изъ обычной одежды, какъ бы подражаніе чужеземному, именно азіатскому вкусу, съ которымъ Греки не могли гармонировать. Кромѣ упомянутыхъ одеждъ были еще и другія, которыхъ употребленіе отчасти неизвѣстно, отчасти же принадлежитъ къ позднѣйшему времени и занесено въ Грецію отъ другихъ народовъ.

У Грековъ, какъ и у насъ, была особая обувь для мужскаго и для женскаго пола. Названій женской обуви встрѣчаемъ у писателей, особенно у Поллукса, очень много; но большая часть изъ нихъ совершенно неопредѣлима для насъ, такъ что мы должны довольствоваться одними названіями, не имѣя возможности объяснить значеніе ихъ. Вообще же вся обувь, и мужская и женская, была двухъ

родовъ: обувь, не покрывавшая ноги, а употреблявшаяся только какъ подкладка подъ подошву ноги, чтобы предохранить ее отъ поврежденія на дорогѣ, или чтобы не обжечь ее лютыми отъ раскаленной земли солнечными лучами, и обувь, покрывавшая всю ступню ноги. Перваго рода обувь была самая старинная, съ всю познанными Греки довольно рано, и она составляла принадлежность и мужскаго и женскаго пола. Она не представляла трудностей къ пробытію; не требовала даже особиыхъ сапожниковъ, или башмачниковъ; всякій могъ смноторить ее; стоило только вырвать кожу, продеть ее ремнями, прикрѣпить къ ногъ, — и обувь готова; даже можно было замѣнить ее дощечкою изъ пробковаго или другою дерева, что часто и дѣлалось. Греки, разумется, по своей изобретательности и снѣплености, не могли навсегда остаться при такой обуви, и потому стали употреблять другую, которая покрывала всю ступню ноги. Перваго рода обувь называлась *гиподема*, втораго *сандаліонъ*. Но между обоими родами было много переходовъ и измѣненій; тутъ заключаются все виды обуви отъ самой незатѣйливой и грубой до самой прихотливой и изящной. Замѣтимъ при этомъ, что *сандаліонъ* по значенію тѣснѣе, нежели *гиподема*: *сандаліонъ* означало одинъ родъ обуви, исключительно употреблявшійся Гречанками, а *гиподема* напротивъ заключалъ въ себя много видовъ обуви для обоихъ половъ. О сандаліяхъ мало знаемъ: известно только, что они украшались разнаго рода шитьемъ, золотомъ и прочимъ, и вѣроятно похожи были на наши туфли. *Гиподема* же въ первоначальномъ видѣ, какъ мы замѣтили, была ничто иное, какъ подошва ременная, пробковая и другаго рода, которую подвязывали подъ ножную ступню, и которая, въпоследствии, подвергаясь различнымъ измѣненіямъ и переворотамъ, получила болѣе изящную и разнообразную форму. Къ ногамъ прикрѣпляли эту обувь различнымъ образомъ: самый обыкновенный способъ состоялъ въ томъ, что между большимъ и вторымъ пальцами проходилъ отъ *гиподемы* ремень; онъ при помощи пряжки, имѣвшей видъ сердца, лямка и прочая, прикрѣплялся къ другому ремню, который шелъ по верхней части ступни, и съади соединялся съ подошвою *гиподемы*, или къ двумъ ремнямъ, выходившимъ изъ-подъ подошвы. Вместо ремней бѣдняки употребляли бычовку изъ прутьевъ лозы. Въ послѣдствіи въ эту простую обувь стали вносить болѣе

разнообразія, стали употреблять гораздо болѣе ремней, которыми обвивали не только ступню, но и часть ноги до самыхъ лодыжекъ. Но на этомъ не остановились и пошли далѣе: стали дѣлать обувь, похожую во многомъ на наши женскія полусапожки; она не только покрывала всю ступню или большую часть ея и доходила иногда до икры; сверху по среднимъ ступнямъ она имѣла разрывъ, въ который вставлялись ремни, перелетавшіе и стягивавшіе обувь, составлявшіую общую принадлежность обоеихъ половъ. Кромѣ этой обуви женщины употребляли еще персидскую обувь, особенно часто упоминаемую Аристофаномъ; по всей вѣроятности, она принадлежала къ самымъ простымъ видамъ обуви и отличалась не изяществомъ и красотой, но просторомъ; ее шили, не снимая съ ноги мерки, и на одну ногу одинаковую. Къ женской обуви относились также и котурны, которые приходились равно на оба ноги. Изящнѣйшую форму имѣли, особенно *баукидесъ*. Обувь дѣлали обыкновенно изъ кожи. Для защиты отъ холода во время зимы надевали на ноги обувь изъ войлока или изъ шерсти, въ родѣ нашихъ шерстяныхъ чулокъ. Обувь носили не только черную, которую чистили губкою, но и цветную.

Древнія Гречанки, прилагали много заботъ къ убору волосъ, которымъ природа щедро надѣлила ихъ: онъ съ любовью и внимательностью лелѣли и ухаживали за этимъ украшеніемъ, которому умѣли давать самыя разнообразныя виды и формы. Если прически волосъ не имѣли для Гречанокъ политическаго значенія, какъ для древнихъ Грековъ, у которыхъ по волосамъ различались племена, состояніе и возрастъ, то волосы имѣли у нихъ другое значеніе, не менѣе важное въ ихъ жизни. Гречанки прекрасно понимали, до какой степени волосы, извѣстнымъ образомъ расположенные, могли возвышать природную красоту, которой живо сочувствовали, и которую высоко цѣнили тогдашніе мужчины, умѣвшіе понять и выразить это словомъ и формами. Обыкновенный цвѣтъ волосъ у древнихъ Грековъ и Гречанокъ былъ черныи, однако не рѣдко приходится читать о блондурыхъ и русыхъ волосахъ. Уже у Гомера упоминаются блондурые волосы, подобныя цвѣту гіацинта. Извѣстно, что этого цвѣту волосы составляли украшеніе идеальной красоты и молодости, какъ можно заключить изъ того, что Аполлону, олицетворенной идее красоты, давали подобныя волосы, и что на афинскомъ театрѣ ру-

сье или блѣднокурые волосы были признакомъ молодыхъ героинь. Греки были знакомы съ искусствомъ подкрашивать волосы въ черныя и блѣднокурый цвѣтъ. Этимъ пользовались и мужчины и женщины. Грекамъ извѣстенъ также былъ секретъ подкрашивать волосы такъ, что, при содѣйствіи солнечныхъ лучей, они принимали свѣтлый цвѣтъ, преимущественно любимый женщинами. Гречанки любили намазать волосы благовонными маслами; иногда же, чтобы помочь рощенію волосъ и доставить имъ мягкость и гибкость, употребляли вмѣсто благовоній чистое масло.

Къ сожалѣнію для насъ потеряны многія тайны туалета древнихъ Гречанокъ; и потому, хотя прическа у нихъ была вообще разнообразна, однако, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, нельзя ни обозначить господствовавшихъ тогда модъ, ни опредѣлить названій, встрѣчающихся тамъ и сямъ у писателей и относящихся къ головнымъ уборамъ, или къ прическамъ. Судя по памятникамъ, можно предполагать, что Гречанки чаще убрали голову просто, то-есть, рассыпали волосы по плечамъ, не давая имъ никакой искусственной формы, не заплетая въ косы и въ локоны; иногда же собирали ихъ въ пучокъ и завязывали на затылкѣ, или на серединѣ головы. Впрочемъ встрѣчаются и болѣе искусственныя прически; такъ напримѣръ. Гречанки распускали иногда волосы по плечамъ въ длинныхъ локонахъ, заплетали въ косы, влетали въ нихъ жемчугъ, золотыя цѣпи, цвѣты и прочее. Онѣ любили также напускать волосы низко на лобъ, такъ, что между волосами и краями лба оставалось небольшое пространство. По взгляду Гречанки, усвоенному впоследствии и Римлянками, небольшой лобъ у женщины — *frons tenuis*, *frons brevis*, считался красотою; и потому старались закрывать его волосами, которые иногда напускали до самыхъ ресницъ. Встрѣчаются на памятникахъ образцы еще болѣе искусственныхъ причесокъ: одна изъ нихъ состояла изъ длинныхъ, завитыхъ кольцами локоновъ, расположенныхъ вокругъ головы въ родъ вѣнка, спереди короче, а сзади длиннѣе. Нѣкоторыя изъ причесокъ считались приличными скромнымъ и пристойно себя ведущимъ женщинамъ; другія только гетерамъ, напримѣръ длинныя локоны, расположенныя на вискахъ по объѣму сторонамъ головы.

Если будемъ судить по памятникамъ, то волосы придерживались не головою большею частью или повязкою, имѣвшею различный видъ и форму, или шапочкою, сдѣланною въ родъ сѣтки также разнообразной формы. Къ повязкамъ принадлежала *сфендоне*— особаго роду повязка, по серединѣ широкая, а по сторонамъ уже; она дѣлалась изъ металла, изъ позолоченной кожи носили ее различно. Повязокъ такого рода у Грековъ было много разнаго вида и формы, съ различными украшеніями, нерѣдко изъ чистаго золота, или позолоченныя. Кромѣ того голову покрывали разнаго рода шапочками, которыя извѣстны были у Грековъ подъ общимъ именемъ *кекрифалось*. Говоря же строго, подъ нимъ надобно разумѣть сѣтку, которую надѣвали на голову не только на ночь, чтобы удержать волосы въ порядкѣ, но чтобы они не нависали на глаза и небезпокоили. Это тоже самое, что у Римлянъ сѣтки—*reticulum*. Шапочки такого рода дѣлались изъ нитокъ; были плетенныя и вязанныя; иногда приготовлялись изъ золотой канители, шелку, изъ дорогаго золотистаго элейскаго бисса; но также изъ дешевыхъ матерій. Онѣ, безъ сомнѣнія, имѣли подраздѣленія или виды, и потому носили еще и другія названія; причемъ, по всему вѣроятію, принимали въ расчетъ матеріалъ, изъ котораго приготовлялась шапочка, или форму, по которой она была дѣлана, и прочая. Другаго роду шапочки дѣлались изъ плотной матеріи и не походили на сѣтку, а скорѣе на малороссійскіе *очипки*, и назывались мышками. Дѣлались они различно: иногда ими покрывали всю голову, и волосы собирались на затылокъ, какъ и до-сихъ-поръ дѣлаютъ тѣ, что носятъ очипки; иногда онѣ покрывали только заднюю часть головы, а передняя оставалась свободною; волосы собирались на середину головы и тутъ связывались въ пучокъ; иногда, напротивъ, затылокъ оставался открытымъ, и туда собирались волосы, а передняя часть покрывалась шапочкою. Эти шапочки украшались по краямъ кистями и приготовлялись изъ различной матеріи: изъ шелку, бисса, шерсти, большею частью, цвѣтной, то гладкія, то узорчатыя, то клетчатыя. Иногда для подобныхъ шапочекъ употреблялись пузыри. Въ подобномъ же родѣ шапочки приготовлялись изъ цвѣтныхъ матерій и покрывали иногда всю голову, иногда же только часть. Первоначально такая шапочка была ничто иное, какъ повязка, лента вокругъ головы, употреблявшаяся для того,

чтобы удерживать въ порядкѣ волосы. Греки переняли съ у восточныхъ народовъ, и впоследствии преобразовали по своему, сначала въ широкую повязку, а потомъ въ кусокъ матеріи въ родѣ нашихъ головныхъ платковъ, наконецъ въ головную шапочку, похожую на наши чепчики.

Въ жизни древнихъ Грековъ встрѣчается одна странность, которую трудно объяснить себѣ, и которая, повидимому, рѣшительно противорѣчитъ художественному вкусу и развитію Грековъ, именно уважавшихъ человеческую красоту: — это румяны, которыми прикрашались Гречанки. Что Римлянки румянились, — тутъ есть ничего непонятнаго; это явленіе вытекало изъ позднѣйшей жизни римскаго народа, особенно при императорахъ, упитавшей восточнымъ величіемъ и роскошью, совершенно утратившей чувство прекраснаго, которое было замѣнено изысканнымъ, но дорогимъ, пострывомъ и заглаживаньемъ, вместо простаго и изящнаго. Съ Гречанками же этого не было; по крайней-мѣрѣ съ Гречанками древнѣйшими, а не временемъ Птоломеевыхъ. А между-тѣмъ навѣрное знаемъ, что Гречанки румянились. Еще бы, куда ни шло, если бы дѣлали это только известные классы Гречанокъ, напримѣръ гетеры, для которыхъ необходимо было сохранить на долге свѣжесть молодости и прелесть красоты. Конечно, также, если къ румянамъ прибѣгали безобразныя Гречанки, обремененныя природою и кокетки-старухи, утратившія красоту отъ лѣтъ: тутъ по крайней-мѣрѣ, это явленіе можно объяснить живымъ ощущеніемъ и потребностью красоты, желаніемъ нравиться, свойственнымъ и древней и новой женщинѣ. Но чтѣ заставляло румяниться женщинъ красивыхъ, свѣжихъ, молодыхъ, здоровыхъ? рѣшительно не знаемъ. Была-то мода или капризъ, или постоянная потребность, обратившаяся въ привычку, не беремоя рѣшить. Быть можетъ, отъ сидячей жизни, которую вели болѣею частью Гречанки, красота ихъ скоро увядала, свѣжесть замѣнялась блѣдностью; и потому, чтобы продлить обаяніе и прелесть красоты, чтобы долге нравиться мужу, Гречанки прибѣгали къ искусственнымъ средствамъ. Поэтому-то Исмакъ у Космофонта советуетъ своей женѣ, которая тоже румянилась, двигаться, чтобы не нуждаться въ постороннихъ средствахъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что дома Гречанки рѣдко румянились; чаще же употребляли

румяны, выходя изъ дому, или при особенныхъ случаяхъ, напримеръ если хотѣли понравиться мужу, или обратить на себя вниманіе. Разумѣется, если румянились молодыя, то тѣмъ болѣе прибѣгали къ этому средству старухи-кокетки. Такъ у Аристофана говорить старуха: «Что же не идутъ мужчины? пора уже. А я нарумянившись и разодѣвшись стою, ничего не дѣлая, и напѣваю про себя пѣсеньку. Впрочемъ, не все мужья были довольны этимъ; было безъ сомнѣнія много и такихъ, которые старались образумить своихъ женъ и давали имъ замѣтить, что природная красота лучше искусственной. Такъ, по крайней мѣрѣ, выражается Исомахъ въ наставленіяхъ своей женѣ: «Однажды, говорить онъ въ бесѣдѣ съ Сократомъ, увидѣвъ мою жену, совершенно покрытую бѣлилами и румянцами, чтобы казаться бѣлѣе и румянѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, наодѣвшую высокую обувь, чтобы быть выше, чѣмъ создала ее природа, я спросилъ ее: скажи мнѣ, когда я покажусь тебѣ достойнѣе любви, тогда ли, когда буду показывать тебѣ только то, что имѣю, я не буду ни преувеличивать моего состоянія, ни скрывать его, или тогда, когда стану обманывать тебя, рассказывая, что у меня гораздо больше состоянія, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, показывая тебѣ поддѣльное серебро, дешевыя ожерелья и полинялыя пурпуровыя одежды, и выдавая ихъ за драгоценныя и неподдѣльныя? Тогда ли, когда внимательно заботясь о себѣ, буду имѣть тѣло въ самомъ дѣлѣ здоровое, сильное и свѣжое, или тогда, когда покрывшись сурикомъ и подкрасивши глаза румянами, буду приходить къ тебѣ и стараться обманывать тебя, выдавая сурикъ за мою природную красоту?—На отвѣтъ ея, что она желала бы прикасаться не къ сурику, а къ мнѣ, желала бы видѣть природный мой цвѣтъ, а не поддѣльный, я сказалъ ей: знай же, что и мнѣ нравится не цвѣтъ бѣлалъ, или румянъ, но твой собственный; знай, что эти поддѣлки могутъ обмануть нѣкоторымъ образомъ людей незнакомыхъ; тѣ же, которые живутъ вмѣстѣ, если вздумаютъ обманывать другъ друга, непременно будутъ пойманы; румянъ нельзя скрыть: румяны изобличаются или тогда, когда жены только что встаютъ съ постели, и не успеютъ еще принарядиться; или потъ выдаетъ ихъ, или слезы обнаруживаютъ, или умыванье открываетъ». Это наставленіе такъ подѣй-

ствовало на молодую жену Исомаха, что она съ-тъхъ-поръ броси румяны и старалась одѣваться просто, прилично и не прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ.

И у Грековъ было обыкновеніе носить на рукахъ кольца и перстни, перешедшее къ нимъ, по всей вѣроятности, съ Востока. Времени перехода не знаемъ; заподлинно же известно, что въ гомерическія времена Греки не были знакомы съ этимъ обыкновеніемъ; у перваго Геродота встречаемъ извѣстіе о Поликратовомъ перстнѣ; при Соловѣ это было уже общимъ обычаемъ, основаннымъ на законѣ, по которому свободнорожденный, если только онъ не принадлежалъ къ бѣднякамъ, носилъ перстень, не для украшенія впрочемъ, но чтобы имѣть печать, которую онъ могъ прикладывать къ своимъ письмамъ, запискамъ и всякаго рода бумагамъ, для удостовѣренія въ подлинности документа, и которою припечатывалъ свое имущество. На подобнаго рода перстняхъ вырѣзывались часто изображенія какого-нибудь языческаго божества, портреты предковъ, ликъ царя, или какое-нибудь замѣчательное событіе изъ жизни того лица, кому принадлежалъ перстень. Греческія женщины любили также носить кольца и перстни, только съ другою цѣлью, чѣмъ мужчины, именно: для украшенія, для чего, впрочемъ, употребляли ихъ и мужчины. Женскія кольца и перстни, кромѣ металла, дѣлались изъ янтаря, слоновой кости и прочая. Перстнямъ давали разную искусственную форму, напримѣръ дѣлали ихъ въ видѣ змѣйки и прочая, вставляли камни, напримѣръ агаты, гранаты и другіе, на которыхъ вырѣзывали изображеніе богинь: Минервы, Юноны, Венеры и прочихъ, изображеніе воиновъ, юношей, головы женщинъ, животныхъ и прочая; иногда вырѣзывали слова, напримѣръ *лара*.

Кромѣ перстней и колецъ женщины носили еще и другаго рода украшенія, какъ-то: серьги, цѣпи, ожерелья, браслеты. Серьги дѣлались самымъ изящнымъ образомъ, разнаго виду и величины: такъ напримѣръ были серьги съ висячими амурчиками, несущими на плечахъ барана, съ висячими крылатыми геніями, въ рукахъ которыхъ новизна и кастаньеты и прочая; серьги съ висячими головками по концамъ разныхъ звѣрей; серьги съ висячими вазочками, съ подвѣсками, украшенныя бирюзой, гранатомъ, сердоликомъ; серьги съ шариками чешаной

работы и съ цѣпочками, серьги изъ золотой крученой проволоки и прочая. Цѣпи и ожерелья дѣлались нерѣдко изъ чистаго жемчугу, котораго одна нитка часто стоила около ста тысячъ рублей — uno lino decies sestertium inseritur; кромѣ того, изъ другихъ матеріаловъ, какъ-то: изъ золотыхъ бусъ, изъ поддѣльныхъ камней и подкрашеннаго стекла. Этотъ послѣдній матеріалъ былъ въ такомъ всеобщемъ употребленіи въ древнемъ мірѣ, что даже женщины самаго низкаго класса носили ожерелья изъ стеклянной массы съ разными символическими украшеніями и фигурками. Ожерелья тоже дѣлались разной формы, напримѣръ ожерелья изъ бусъ съ застежками, изящной отдѣлки, со львиными головками по концамъ и Гордиевымъ узломъ по серединѣ; ожерелья изъ мелкихъ шариковъ, на которыхъ была маленькая вазочка съ крышечкою, въ видѣ бычачьей головы, увѣнчанной виноградными листьями, подѣ эмалью. Вазочка такъ устроивалась, что въ ней можно было носить благовонную мазь; ожерелья изъ тончайшей золотой проволоки съ розетками и висячими стрѣлочками; ожерелья изъ маленькихъ бусъ разной формы, изъ золотой цѣпочки съ разными украшеніями. Къ ожерельямъ придѣлывались медальоны съ камнями по серединѣ, на которыхъ вырѣзывались головы женщинъ и прочая. Кромѣ того ожерелья украшались камнями, обманчаными въ золото. Браслеты тоже были изящной и дорогой работы съ разными украшеніями. Даже на ноги, повыше лодыжекъ, древнія Гречанки надѣвали золотыя цѣпи, пряжки и прочее, которыя отчасти служили для того, чтобы поддерживать обувь, отчасти же для украшенія, которое, впрочемъ, считалось неприличіемъ, недостойнымъ скромной женщины. Это было тоже, что у Римлянъ *vincula*, *ognameta stigmum* и прочая. На эти-то украшенія намекаетъ Аристофанъ, у котораго въ комедіи говоритъ женщина: «Ну, дочка, смотри же, хорошенько носи корзину, гляди важно, ступай впередъ; но берегись, чтобы въ толпѣ кто-нибудь не стянулъ твоего золота.» Разумѣется, эти украшенія стоили не дешево; и потому нерѣдко случается встрѣчать у греческихъ писателей жалобы на роскошь и расточительность Гречанокъ, любившихъ особенно золотыя вещи, въ выдѣлкѣ которыхъ Греки были отличные мастера. Впослѣдствіи, когда Греки познакомились съ стекломъ и начали готовить зеркала, то Гречанки такъ полюбили ихъ, что не хотѣли разставаться съ ними

и носили ихъ при себѣ, чтобы, когда вѣдунается, можно было спрятать въ нихъ.

Замужняя Гречанка, на которой, какъ увидимъ ниже, лежала обязанность довольно хлопотливая и трудная, упрямая весь домъ, имѣла у себя для помощи, кромѣ невольниковъ, еще и невольницъ, число которыхъ, само собою разумеется, зависѣло отъ состоянія и образа жизни. При умѣренной жизни, которую вели древніе Греки до персидскихъ войнъ, невольницъ держали только для домашнихъ потребностей, для рукодѣлій, и то не для всѣхъ, потому что высторыя женскія работы исполнялись иногда невольниками, какъ-то тканье и вышиванье. Впоследствии же, когда Греки познакомились съ восточною жизнью и успали приобрести гораздо болѣе средствъ, чтобы разнообразить жизнь и сдѣлать ее роскошнѣе и утонченнѣе, жизнь прислуга въ домѣ увеличилась, тѣмъ болѣе, что многія вещи, которыя у насъ покупаются готовые, у Грековъ приготовлялись дома, или изъ экономическихъ расчетовъ, или потому, что промышленность и ремесла еще не были развиты у Грековъ въ такой степени, чтобы можно было достать за деньги все нужное и во всякое время. Потому-то въ богатомъ домѣ обыкновенно держали невольницъ для исполненія работъ на мѣльницѣ, кухнѣ, для поддержанія порядка и чистоты въ домѣ; кромѣ невольниковъ имѣли особыхъ невольницъ для исполненія женскихъ работъ, напримеръ: шитья; для ухаживанія за дѣтьми — мамокъ, нянекъ, и наконецъ собственно для услуживанія женской половины господъ. Вообще о прислугѣ у Грековъ надобно замѣтить, что, если невольниковъ и невольницъ было вѣ много у нихъ, но между ними очень мало встрѣчалось такихъ, которые бы не были заняты какою-нибудь работою, или ремесломъ. Собственно для прислуги, для ухаживанія за господами, безъ обязанности исполнять какую-нибудь особенную работу, у Грековъ сравнительно съ Римлянами было не много рабовъ. Греки никогда не располагали такими огромными средствами, какъ Римляне, чтобы, подобно имъ, вести такую же жизнь и въ такихъ чудовищно-страшныхъ размѣрахъ, какъ послѣдніе. Греку не для чего было имѣть цѣлую толпу туземцевъ мужскаго и женскаго пола, потому что, при системѣ постройки домовъ у Грековъ, всѣмъ было бы дѣлать и помѣщать ихъ. Гречанка никогда не могла дѣлать

до такой роскоши, почти баснословной, какою окружали себя римскія дамы, державшія цѣлыми толпами невольницъ, изъ которыхъ каждая имѣла особенное занятіе, своей кругъ обязанностей при одѣваніи, раздѣваніи и украшеніи своей повелительницы, мановенія которой онѣ ждали съ робко-внимательнымъ и безмолвнымъ, которой желанія слышали онѣ отдавать и предупредить, прежде чѣмъ онѣ были выражены словомъ или движеніемъ. Не боясь упрека въ пристрастіи, можно утвердительно сказать, что самая роскошная и богатая Гречанка не могла дать и приблизительной идеи о требованіяхъ, удобствахъ, потребностяхъ и безумной роскоши, которыми окружали себя римскія дамы во времена имперіи.

Экипажки и взда въ экипажахъ были у Грековъ не въ большомъ употребленіи: и вообще вздять по городу считалось не только неприличнымъ для мужчинъ и женщинъ, но даже признакомъ последней извѣженности и гордости. Потому-то ораторъ Бикурсъ предложилъ законъ, запрещавшій женщинамъ вздять въ Элевзисъ и позволявшій ходить туда пѣшкомъ, для того, чтобы бѣдняки, ходившіе пѣшкомъ, не были пристыжены богачами. Однако его собственная жена преступила этотъ законъ, и онъ принужденъ былъ заплатить талантъ сиккоантамъ, чтобы заставить ихъ молчать. Но за то и у Грековъ, какъ у Римлянъ, употреблялись носилки, или лучше, восточные паланкины, съ которыми Греки познакомились, вѣроятно, довольно рано. Разумѣется, сначала, при простотѣ образа жизни древнихъ Грековъ, носилки рѣдко были употребляемы; впоследствии удобства жизни и знакомство съ ними ввели ихъ въ общее употребленіе. Надобно признаться, что онѣ были исключительною принадлежностію жепскаго пола, которому не вѣнялось въ стыдъ и неприличіе, какъ мужскому полу, употреблять ихъ и въ городъ и за городомъ. Дѣлались они совершенно на подобіе римской лектики, то-есть, это былъ диванъ, или еще вѣрнѣе, деревянная кровать, перетянутая ремнями, на которыхъ лежалъ матрацъ и, безъ сомнѣнія, головная подушка, такъ что, лежа, или сидя въ этихъ носилкахъ, можно было читать, писать и вообще заниматься работою. Дѣлали ихъ такъ, что можно было закрываться въ нихъ; закрывали кожею, а для большихъ удобствъ употребляли другой какой-либо матеріалъ. Имѣли ли

греческія носилки, подобно римлянамъ, окна, не знаемъ. Впоследствии, когда Греки познакомились съ восточною роскошью, стали употреблять носилки съ разнаго рода украшеніями изъ золота и серебра, а для занавѣсъ избирали дорогую матерію. Подъ носилки употребляли четырехъ дюжихъ невольниковъ.

Къ необходимымъ потребностямъ греческой женщины, особенно Аѳинянки, принадлежалъ зонтикъ *скиадейонъ*, который, при будничномъ выходѣ изъ дому, несли невольницы, а при выходѣ во время праздниковъ, несли за свободными Гречанками дочери метойковъ. Древніе зонтики, какъ видно изъ памятниковъ, совершенно были схожи съ нашими; они также складывались и раскладывались. Впоследствии, для защиты отъ солнца, стали употреблять вмѣсто зонтиковъ, что-то въ родѣ нашихъ шляпъ, какъ это видно изъ Поллукса.

II.

Бракъ и свадебные обряды.

На бракъ Грекъ смотрѣлъ во-первыхъ, какъ на необходимость имѣть дѣтей, во-вторыхъ какъ на обязанность, не исполненіе которой дѣлало Грека виновнымъ противъ боговъ, государства и собственнаго рода, въ-третьихъ, какъ на возможность и средство достигнуть известнаго рода выгодъ отъ взаимной заботливости о домѣ и помощи другъ другу по хозяйству. По этому-то Аристотель говоритъ: «люди же-

* Метойки были иностранцы поселившіеся въ Аѳинахъ, пользовавшіеся покровительствомъ аѳинскихъ законовъ и правомъ гражданства; число ихъ въ Аѳинахъ было довольно значительно; въ ихъ рукахъ преимущественно находилась аѳинская торговля и промышленность; они платили известнаго рода подати (*эйсфора*), отъ которыхъ иногда освобождались; могли служить въ военной службѣ, исключая всадниковъ, въ число которыхъ не принимались. Они также обязаны были избрать себя покровителя (*протектесся*) изъ коренныхъ аѳинскихъ гражданъ.

«Идетъ не только для того, чтобы имѣть дѣтей, но и для житейскихъ выгодъ, потому что въ брачной жизни занятія раздѣляются; изъ нихъ одни лежатъ на обязанности мужа, другія на женѣ, такъ что они взаимно помогаютъ другъ другу.» Взглядъ проникнутый эгоистическимъ расчетомъ, и господствовавшій у Грековъ до позднѣйшихъ временъ, когда сталъ замѣняться болѣе возвышенными понятіями о бракѣ. Впрочемъ, этотъ взглядъ ничуть не исключилъ возможности и случаевъ заключенія браковъ по склонности, а не по расчетамъ; онъ не сдѣлалъ Грека не чувствительнымъ къ красотѣ и не заставилъ его совершенно отказаться отъ благороднѣйшаго стремленія искать въ будущей женѣ душевныхъ достоинствъ, а не состоянія. Это подтверждается рассказомъ о Калліасѣ, который, полюбивши Кимонову сестру, рѣшился заплатить за Кимона отцовскій долгъ и, следовательно, взялъ ее совершенно безъ приданаго. Бывали и другіе подобнаго рода случаи, какъ видно изъ словъ Демосфена, въ одной изъ его рѣчей. Это же подтверждается и комиками, написавшими такъ много комедій, основанныхъ на сильной страсти одного пола къ другому, которая часто оканчивается бракомъ. Древніе комики строго держались дѣйствительности, вносили въ свои комедіи только то, что замѣчали въ жизни, что соответствовало ихъ цѣлямъ и не рѣшались выдумывать своего, хотя позволяли себѣ преувеличивать событіе; по этому еслибы въ Греціи не было браковъ по любви, не было бы ихъ и въ комедіи. А любовь Гэмона къ Антигонѣ въ Софокловой драмѣ, безкорыстная, въ высочайшей степени благородная, не хотѣвшая пережить любимую женщину, которую онъ защищаетъ съ такимъ самоотверженіемъ и съ теплымъ убѣжденіемъ, такъ смѣло и отважно, стараясь избавить его отъ предвѣстной Креономъ смерти.

Бракъ, какъ обязанность, требовался у Грековъ язычниковъ, по троякому отношенію: по отношенію къ богамъ, къ государству и къ своему роду. Въ первомъ случаѣ, то-есть, по отношенію къ богамъ, Греки думали, что не вступившій въ бракъ грѣшилъ противъ боговъ. Этотъ взглядъ прямо вытекалъ изъ жизни древнихъ Грековъ, которые, подобно древнимъ Римлянамъ, всякое занятіе и дѣйствіе начинали съ богомъ, которые привыкли располагать и основывать всю жизнь на религіи, и которые, поэтому, и бракъ — союзъ домашней жизни — по-

ставили подъ благословеніе и покровительство боговъ. Оттого-то Платонъ въ тишявъ причинитъ брачной жизни считаетъ и следующее : «Каждый долженъ оставлять на мѣсто себя богамъ служителей въ своихъ дѣтяхъ, а не женатый не можетъ этого сдѣлать». Въ такомъ же смыслѣ говоритъ и Плутархъ : «Нѣтъ и не можетъ быть святыя союза, какъ союзъ мужа и жены въ бракѣ». По мнѣнію Антипатра у Стобѣя : брачное состояніе необходимо для сохраненія и процвѣтаніе государства, но еще болѣе для прославленія боговъ. — Во второмъ случаѣ, государство и общество, по взгляду Грековъ, много терпятъ отъ безбрачной жизни, потому что только въ законныхъ бракахъ находятъ они нужныя силы для поддержанія своего существованія и для увеличенія силъ матеріальныхъ и нравственныхъ. Наконецъ и для семейства нужны браки, — съ одной стороны для того, чтобы продлить существованіе его, а съ другой стороны для того, чтобы исполнить требованія и обряды религій Грековъ относительно умершихъ, которая обязываетъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ приносить жертвы усопшимъ въ воспоминаніе объ нихъ и для выраженія любви къ нимъ, а этого нельзя достигнуть, если умершій не былъ женатъ и не оставилъ по себѣ дѣтей. Оттого-то и бездѣтные Греки, за недостаткомъ собственныхъ дѣтей, старались усыновлять чужихъ, чтобы только избѣгнуть неисполненія этого обряда, тѣсно связаннаго съ греческими вѣрованіями. Таковы были побужденія, вмѣнявшія Греку въ прямую обязанность брачную жизнь. Разумѣется, къ этому присоединялось еще и то обстоятельство, вытекавшее изъ экономическаго разсчета, что, имѣя жену, можно имѣть въ ней и вѣрную хозяйку, которой вполне можно доверять управленіе домомъ и хозяйствомъ : и, правду сказать, такая расцѣтливость принималась во вниманіе большинствомъ, искавшимъ въ бракѣ не чувства, не мысли и согласія, но наличности. Отсюда впрочемъ, просимъ не выводить заключенія, о совершенномъ отсутствіи у Грековъ хоть предчувствія, хоть намека на то, что бракъ можетъ имѣть лучшее и высшее назначеніе. Вчитываясь въ писателей, можно встрѣтить и такой взглядъ, по которому въ брачномъ союзѣ предполагается внутреннее сліяніе обѣихъ личностей, гдѣ все нераздѣльно и обще, — и тѣло, и душа, и состояніе.

Выборъ невесты не основывался на предварительномъ зна-

любовь возникла от него; но—крайней—мярз навязное можно сказать, что это знакомство, если оно случалось, не могло быть близко и продолжительно, такъ чтобы оба стороны въ состояніи были изучить склонности и привычки другъ друга; оно могло начаться какъ—нибудь случайно, гдѣ—нибудь на праздникъ и въ другомъ мѣстѣ и не требовало много времени на сближеніе молодыхъ особъ. При выборѣ невесты обращали вниманіе преимущественно на ея состояніе и на семейство, и, однако жъ, при всемъ желаніи обогатиться или поправить свои дѣла женитьбою, у Грековъ почти общимъ правиломъ было выбирать невесту равную жениху по всемъ жизненнымъ отношеніямъ. «Ты ошибаются, говоритъ Окемъ, которые, вступая въ бракъ, не обращаютъ вниманія на общее благо, но только на богатство и знатное происхожденіе; и потому вмѣсто молодой и цвѣтущей супруги, избираютъ старую и безобразную, вмѣсто одинаково мыслящей и чувствующей, берутъ богатую и знатную. Оттого происходитъ дома вмѣсто гармоніи—раздоръ, вмѣсто согласія—ссора, и супруги спорятъ другъ съ другомъ о первенствѣ: потому что жена, которая стоитъ выше мужа по богатству, благородству и знатности, захочетъ вопреки законамъ природы обладать надъ нимъ, — и хотя онъ со всею справедливостію противится этому и не хочетъ быть вторымъ, но первымъ, однако не въ состояніи достигнуть желаемой власти. Это зло разстроиваетъ домъ». Замѣтимъ, что не одинъ Окемъ такъ думалъ; правильно выбирать ровню такъ было обще у Грековъ и такъ срослось съ жизнью греческаго народа, что вошло въ пословицу: бери по себѣ (*тень ката саутонъ гела*), которая часто встрѣчается у Платона и особенно замѣтна изъ многихъ мѣстъ у комиковъ, которые ловко и удачно умѣли пользоваться для своихъ цѣлей неравенствомъ браковъ. Такъ напримѣръ у Плавта, — въ этомъ случаѣ можно пользоваться римскими комиками, бравшими содержаніе для своихъ комедій изъ греческой жизни, — бѣднякъ Эвклию говоритъ богачу Мегадору, искавшему руки его дочери: «Пришло мнѣ на мысль Мегадоръ вотъ что: ты человекъ богатый, въ связяхъ, я же бѣднѣйшій бѣднякъ. Такъ, вотъ если выданъ за тебя мою дочь, приходишь мнѣ сравнить тебя съ воломъ, а себя съ осломъ; когда съ свянуешь съ тобою, и когда не буду въ состояніи нести бремени

«наравнѣ съ твоимъ, тогда я, осоловъ, буду лежать въ грязи, а ты, «быкъ, не обратишь на меня никакого вниманія, хоть я тебя и рече-«дичь; тогда и у тебя не встрѣчу я привѣта, и мое осоловѣе будетъ «издѣваться надо мной; нигдѣ не найду я постоянного столпа, если «случится разладъ; ослы загрызутъ меня зубами, а быкъ забодаетъ «рогами. Столько-то велика опасность переходить отъ ослонъ къ «быкамъ». — Конечно, не все думали подобнымъ образомъ, но все искали равенства въ супружествѣ; разумѣется, и у Грековъ были люди, которые хотѣли въ женитьбѣ не равенства отношеній, но по-«больше приданаго и связей. Если то и другое состояло на лицо, то будь невѣста уродъ уродомъ, она считалась выгодной партией, и на ней, или лучше, на ея мѣнкахъ и связяхъ основывались женихомъ великія надежды. Безъ сомнѣнія, это было исключеніемъ, хотя и часто случалось, особенно въ позднѣйшее время; обыкновенно же богатѣй не охотно рыскался жениться на бѣдной; но и бѣднякъ, съ своей стороны, колебался принять предложеніе богача и руку его дочери. На подобномъ колебаніи основана завязка одной изъ лучшихъ комедій Платта. При подобномъ взглядѣ на женитьбу у Грековъ ни чуть не удивительно, если часто, а можетъ-быть и постоянно, отецъ выбиралъ сыну невѣсту, и если случалось, что женикъ не только не былъ знакомъ съ будущею своею супругою, но и не видалъ ее въ глаза. Отсюда видно, что на склонность молодыхъ людей не обращали ни малѣйшаго вниманія; это входило въ расчетъ у родителей, которые держались правила, что поживется — полюбится, что любовь придетъ сама собою, что отъ привычки вмѣстѣ жить и отъ времени родится и страсть. Послѣ этого ни чуть не удивительно, если браки бывали неудачны, если молодые супруги разнаго характера и разныхъ склонностей не свыкались, не сдруживались, если любовь не приходила, а холодность между тѣмъ болѣе и болѣе поселялась между ними, и благо еще, если все это оказывалось только равнодушіемъ, а не доходило до неудовольствій, раздоровъ, упрековъ и слезъ. Еще рѣже спрашивали и заботились о склонности дѣвницы, которую выдавали замужъ; у нея не спрашивались, желаетъ ли она выходить, или нѣтъ. Отсюда естественно вытекала, по-крайней-мѣрѣ, на первыхъ порахъ, недовѣрчивость между супругами, совершенно незнакомыми другъ съ другомъ. Платтъ

небо понималъ это неудобство греческихъ браковъ, и потому въ законахъ советуе знакомить молодыхъ людей, чтобы знать, за кого выдають, кто и отъ какихъ родителей беретъ, чтобы избѣгнуть будущихъ недоразумѣній; для этого онъ советуе учредить общія игры и хороводы, на которыхъ могли бы участвовать молодые люди обоюго пола и знакомиться другъ съ другомъ.

Первымъ требованіемъ, на что аѳинскій гражданинъ, приступая къ женитьбѣ, обращалъ особенное вниманіе, было то, чтобы невѣста его была также гражданка, и на оборотъ. Только дѣти отъ такого брака считались законными. Браки между гражданиномъ и иноземкою, и на оборотъ, совершенно запрещались. «Если, говоритъ законъ, иноземецъ женится на гражданкѣ какимъ бы то ни было образомъ, хитростию, или же обманомъ, то каждый изъ Аѳинлянъ, кому позволяется, можетъ обвинить его передъ судомъ; и если виновный будетъ уличенъ, то продать и его самого, и его состояніе, третью же часть отдать обвинителю. Точно также поступать слѣдуетъ, если иноземка выйдетъ замужъ за гражданина». Другой законъ говорить: «если кто выдастъ за аѳинскаго гражданина иноземку вмѣсто своей дочери, то да будетъ безчестенъ; да будетъ продано его состояніе съ публичнаго торга, и третья часть да достанется тому, кто уличилъ его». Впрочемъ не всегда держались этого закона; иногда отступали отъ него; но въ какихъ случаяхъ и въ какой степени, не знаемъ.

Но аѳинскими законамъ допускались браки на родственникахъ и съ родственниками. Въ Аѳинахъ позволялось также дядямъ жениться на своихъ племянницахъ. Впрочемъ, предполагаютъ, что браки съ сестрами, съ племянницами, исключая древнѣйшихъ временъ, не всегда одобрялись и допускались. По-крайней-мѣрѣ у Эврипида называется это варварскимъ обычаемъ. У Платона въ законахъ исчисляются самымъ точнымъ образомъ всѣ степени родства, которыя не препятствуютъ взаимному сочетанію бракомъ.

Не смотря на упадокъ нравственности, — которому подверглась Греція послѣдствіи, двоеженство рѣдко встрѣчается у Грековъ и, говоря строго, это злоупотребленіе осталось чуждымъ для Гре-

ции до времени Александра Великого; но и от этого времени оно встречается, как редкость, как исключение только у македонских царей, и в тех государствах, которые возникли на развалинах Александровой монархии. В Спарте встречались только единичные примѣры въ Александридѣ, имѣвшемъ двухъ женъ, и то потому, что онъ не желалъ отвергать своей первой жены, какъ требовали эорсы, и женившись на другой, удержалъ первую. Діонисій тиранъ имѣлъ тоже двухъ женъ. Говорятъ, что и Сократъ имѣлъ двухъ женъ; но это извѣстіе принадлежитъ къ числу сказокъ и вымысловъ, незаслуживающихъ никакого довѣрія. Говорятъ также, что и Эврипидъ, извѣстный греческій трагикъ, имѣлъ двухъ женъ; по Свидасу онъ дѣйствительно имѣлъ ихъ, только не въ одно время, а одну послѣ другой. — Если двоеженство не допускалось греческими законами, то тѣмъ не мѣше могло быть допущено многоженство, бывшее совершенно не въ духъ греческаго народа. Одна только Македонія составляла въ этомъ отношеніи исключеніе. Македонскіе цари, ближе познакомившись съ Востокомъ, усвоили себѣ нѣкоторые его обычаи, и въ томъ числѣ многоженство, по примѣру Александра Великаго. Еще прежде Филиппъ, царь македонскій, отецъ Александра, имѣлъ тоже много женъ; слѣдствіемъ этого были беспорядки въ его семействѣ. — Многоженство Александра объясняется впрочемъ его политикою, стремившеюся къ тому, чтобы сблизиться съ восточными народами и привязать ихъ къ себѣ, подражая правамъ ихъ и привычкамъ.

По греческимъ законамъ вдовамъ вступать во вторичное замужество, которое иногда совершалось по требованію покойнаго мужа, выраженному въ завѣщаніи. Разумѣется, и въ этомъ случаѣ, вдова была страдательнымъ лицомъ, котораго не спрашивали, хочетъ ли она снова выйти замужъ, и выдавали, за кого хотѣли. Если же Андромаха въ Эврипидовыхъ Троянкахъ (663 ст.) говоритъ: «Презираю ту, которая, потерявши перваго мужа, любить другаго въ новомъ бракѣ», то отсюда ничуть не слѣдуетъ заключать, что вдовы не могли вторично выходить замужъ, или что это считалось неприличнымъ и несообразнымъ съ господствовавшими обычаями страны; слова Андромахи были личнымъ ея возмущеніемъ, сердечною данью привязанности къ покойному ея мужу

Фактору, котораго она не могла забыть, и потому считала вторичное замужество оскорбленіемъ памяти его.

Относительно лѣтъ, когда можно было жениться и выходить замужъ, у Грековъ, исключая Спартацевъ, не было, кажется, никакого положительнаго правила. Вступали въ бракъ раньше и позже, смотря по разнымъ обстоятельствамъ. Кажется, впрочемъ, молодые Греки приступали къ браку не раньше шестнадцати и осьмнадцати лѣтъ; дѣвушки же выходили замужъ не раньше пятнадцати. Вообще же обращали вниманіе на то, чтобы невеста была значительно моложе жениха, потому что, говоря словами Эврипида, и женская молодость проходитъ быстро. Оттого-то и у Грековъ устарѣлую дѣвушку постигала неприятная участь; она не могла отискать себя жениха; на это-то намекаетъ Лизистрита: и мужчина, говоритъ она, даже съдой, женится на молодой дѣвушкѣ; удобное же время для дѣвушки коротко, и если она не воспользуется имъ, то потомъ никто не женится на ней. Впрочемъ, у Грековъ, отцы и матери облегчались, при выдачѣ своихъ дочерей замужъ, услужливыми свахами—*промнестриэ*, *промнестридесэ*, которыя успевали иногда сбывать товаръ довольно удачно, такъ что обѣ партіи оставались довольны; иногда же и свахъ постигала неудача. Мѣсто свахъ заступали нерѣдко вѣрныя и услужливыя рабыни, хотѣвшія оказать добрую услугу своимъ господамъ. Въ позднѣйшія времена сами женихи заискивали вниманія у служанокъ и нянекъ. — Впрочемъ, ремесло греческихъ свахъ не пользовалось добрымъ мнѣніемъ.

Брачные обряды у Грековъ были многочисленны и разнообразны, и связаны со многими юридическими формами. Браку предшествовали сговоры, двухъ родовъ: предварительные, не имѣвшіе никакого юридическаго значенія, но исполнявшіеся только съ тою цѣлью, чтобы узнать, согласится ли родитель, или кто имѣлъ на это право, выдать свою дочь, или сестру замужъ. Если получался одобрительный отвѣтъ, то совершались втораго рода сговоры (*огнезисэ*), имѣвшіе уже юридическое значеніе, такъ что безъ нихъ бракъ не могъ пользоваться полною и законною силою. Объ этихъ сговорахъ мы знаемъ очень мало. Кажется, тутъ-то отецъ, или дѣдъ, или братъ, или, если не имѣлось ихъ, кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ мужскаго

пола, или опекутъ, представляли ручательство, что выходящая замужъ есть действительно гражданка. Какъ это дѣлалось, вовсе невѣстно. Знаемъ впрочемъ, что эта помолвка была такъ важна по аѳинскимъ законамъ, что, если ея не совершали, то дѣти, родившіяся отъ такого брака, считались не законными и не могли объявлять своихъ требованій на наследство. Ложные, на обманъ основанные сговоры, напримѣръ, если кто не гражданку выдавалъ за гражданку, строго наказывались законами.

Тутъ же на сговорахъ опредѣлялось и приданое (*ферне*) невесты, которое впрочемъ, не составляло столь необходимаго условія брака, какъ сговоры; и требованіе приданого не имѣло, кажется, законнаго основанія; оно не оправдывалось правомъ, но условливалось обычаемъ, который отъ старинной давности получилъ почти законную силу, такъ что въ случаѣ неустойки со стороны выдаваемаго дѣвицу замужъ, можно было отыскивать приданое законнымъ путемъ и судомъ требовать выдачи его. Въ Греціи жена съ приданнымъ имѣла гораздо болѣе вѣсу и значенія въ домѣ и въ лицѣ сосѣдей, нежели безприданная. Оттого-то нерѣдко случалось, что богатые Аѳиняне, любившіе оказать благодѣяніе своимъ согражданамъ, складывались и давали приданое дочерямъ или сестрамъ людей небогатыхъ. Эту благородную черту находимъ у Эпаминонда, который узнавъ, что совершеннолѣтняя дѣвица не могла выйти замужъ по бѣдности, собиралъ совѣтъ изъ друзей и назначалъ, кому сколько дать, смотря по состоянію каждаго; собранная сумма выдавалась тому, кто нуждался въ ней. Известно, что и дочерямъ Аристеда, по смерти его, выдано было приданое изъ казны.

Когда возникъ у Грековъ обычай давать и требовать приданое, навѣрное не знаемъ. Въ гомерическія времена, какъ известно, было совершенно иначе; тамъ невеста приносила приданое, а женихъ долженъ былъ купить невесту дарами. Знаемъ также, что въ Спартѣ, въ древнѣйшія времена, не было и помину о приданомъ: но въ послѣдствіи и тамъ изменились обычаи, и стали давать приданое. Въ Критѣ приданое составляло половину наследства одного изъ братьевъ, если они были живы. Въ Аѳинахъ обычай требовать и получать приданое, существовалъ уже гораздо прежде Солона, кото-

рый нашлся вынужденнымъ ограничить это требованіе на томъ основаніи, что бракъ, по его понятіямъ, не есть торговая сдѣлка, приносящая выгоду, но совершается для того, чтобы имѣть дѣтей на радость и любовь мужа и жены. Въ послѣдствіи, это Солоново узаконеніе, какъ и многое другое, потеряло свою силу и пришло въ забвеніе, такъ что, если и встрѣчаются браки безприданые, то все рѣже и рѣже.

Само собою разумѣется, что приданое было различной цѣнности и совершенно зависѣло отъ состоянія и воли выдававашаго замужъ невѣсту; считалась впрочемъ недостаточнымъ десятая часть состоянія. Знаемъ фактически, что приданое простиралось отъ десяти минъ до двухъ талантовъ (мина стоила около двадцати трехъ рублей серебромъ, въ талантъ считали шестьдесятъ минъ); пять талантовъ рѣдко встрѣчаются, а десять вовсе неслыханное. Только у комиковъ. вѣроятно преувеличивавшихъ дѣло, читаемъ о приданомъ отъ десяти до двадцати талантовъ. Приданое не только состояло въ деньгахъ, но иногда въ помѣстьяхъ, въ одеждахъ и драгоценностяхъ. Приданое дѣлалось законнымъ достояніемъ молодыхъ супруговъ только послѣ формальнаго соглашенія свидѣтелей о стоимости его, которыхъ впрочемъ для этого приглашали, и которые, въ случаѣ неустойки, могли быть законными свидѣтелями. Приданое тотчасъ же выплачивалось наличными деньгами. Если же состояло въ недвижимости, то недвижимость тогда же была передаваема молодой четѣ; иногда часть приданого оставалась въ рукахъ выдававашаго замужъ (*куріось*). Если же мужъ былъ не надежный человекъ, или, если дѣла выдававашаго были въ дурномъ и разстроенномъ положеніи, то приданое не было выплачиваемо тотчасъ, а оставалось въ рукахъ выдававашаго, и назначались съ него проценты, которые получалъ мужъ. Впрочемъ, приданое не дѣлалось собственностью мужа; онъ только могъ пользоваться имъ, получать съ него доходъ: въ обезпеченіе же дателя, мужъ представлялъ подъ залогъ какую-нибудь недвижимость. Въ случаѣ развода, мужъ долженъ былъ возвратить женѣ приданое тому, кто на ту пору былъ ея куріось, или же платить за него проценты. Это узаконеніе имѣло силу и тогда, когда приданое было выдано жениху, а онъ отказался отъ невѣсты. Въ случаѣ смерти мужа, вдова или оставалась при дѣтяхъ, если они были, или воз-

вращалась въ домъ своего прежняго курюса. Въ первомъ случаѣ, приданое ея дѣлалось достояніемъ дѣтей, которыя обязывались кормить свою мать; во второмъ случаѣ, оно переходило къ курюсу съ тѣмъ же обязательствомъ. Если же прежде умирала жена, то приданое ея доставалось тоже дѣтямъ, если они были; въ противномъ случаѣ переходило въ руки курюса.

Когда условія о приданомъ были кончены, то приступали къ выбору времени, въ которое лучше всего назначить свадьбу, потому что, на взглядъ Грека, не всякое время могло быть равно годнымъ для этого. Лучшимъ и удобнѣйшимъ признавали зиму; и потому-то зимою было много браковъ въ Греціи. Отсюда, вѣроятно, получилъ имя греческій мѣсяцъ, соответствовавшій по нашему концу января и началу февраля, *гамелионъ* отъ *гамелиосъ*, брачный. Столько же важнымъ условіемъ для брака былъ выборъ дня, потому что не всѣ дни были равно благопріятны. Такое различіе дней находимъ уже у Гезіода, который совѣтуетъ вводить въ домъ жену въ четвертый день: неизвѣстно только, какъ разумѣетъ онъ день, четвертый ли съ конца, или четвертый съ начала, потому что выше въ стихъ 798, онъ говоритъ о четвертомъ днѣ съ начала и съ конца каждаго мѣсяца. По мнѣнію Прокла, Аѳиняне считали начало мѣсяца благопріятнымъ для браковъ; по Пиндару полнолуніе имѣло такое же значеніе; и потому, когда Клитемнестра спросила Агамемнона въ Эврипидовой трагедіи: «Июгенія въ Авлидѣ», въ какой день будетъ свадьба ихъ дочери, онъ отвѣчалъ: когда наступитъ счастливое полнолуніе.

Дню свадьбы предшествовали многіе торжественные обряды, между ними самымъ замѣчательнымъ была жертва, приносимая всѣмъ богамъ, покровителямъ брака, которые поэтому назывались брачными божествами — *θεοι γαμηλιου*; жертву называли *προγήμεναι*. Судя по названію, надобно полагать, что эта жертва совершалась прежде брака. Но въ какой именно день, не знаемъ; можетъ быть даже въ тотъ-же самый день, а можетъ быть и раньше. Жертву приносилъ отецъ невесты. Впрочемъ, жертва была приносима не только Зевесу, Юнонѣ и Артемидѣ — покровителямъ брака, но часто и другимъ божествамъ, особенно же мѣстнымъ, такъ-называемымъ

«*επιτάφιος*». Вторымъ и, кажется, всеобщимъ обрядомъ было кушанье, которое совершалъ въ день свадьбы женихъ и невеста въ водѣ источника, или рѣки, имѣвшихъ въ томъ мѣстѣ особенное значеніе. Въ Аѣнахъ напимръ, имѣлъ такое значеніе источникъ Каллироэ, называвшійся также Эннеакруность, по обдѣлкѣ, сдѣланной Пизистратомъ; изъ него-то черпали воду для брачнаго омовенія жениха и невесты, которые назывались по-гречески *λutron* и *νυμφικον*. Воду черпалъ для жениха мальчикъ, ближайшій родственникъ жениха; для невесты исполняла это дѣвочка, тоже ближайшая родственница. Въ Фивахъ черпали воду для этого случая изъ источника Исмене. Къ вечеру женихъ увозилъ невесту въ колесницѣ, въ которую запрягали муловъ, воловъ, или лошадей. Невеста сидѣла посерединѣ между своимъ женихомъ и дружкой (шаферомъ, *παραινυφός*, *παροχός*), которымъ избирался обыкновенно одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ, или одинъ изъ довѣреннѣйшихъ друзей. На это-то намъкаетъ Эврипидъ въ «Еленѣ», когда вѣстникъ говорить ей: «Теперь снова припоминаю твою свадьбу, помню факелы, которые я держалъ сидя въ колесницѣ, запряженной въ четыре лошади, а ты вѣдала невестою имѣть со своимъ женихомъ Менелаемъ, покинувъ счастливый домъ отца». Въ некоторыхъ мѣстахъ употребляли еще при этомъ обычай — сожигать послѣ прѣзда ось колесницы, на которой привезли невесту. Это дѣлалось именно въ Беотіи; ось сожигали передъ дверьми дома, въ которомъ должна была жить невеста. Значеніе обычая то, что невеста должна остаться въ домъ своего жениха за недостаткомъ экипажа, на которомъ можно было бы ей возвратиться. На театрѣ, по самой мѣстности, нельзя было удержать этого обычая, и потому у Аристофана несутъ жениха на рукахъ, и хоръ говорить: «Мы стояще въ первомъ ряду, поднимаемъ и понесемъ жениха.» Это торжественное привезеніе невесты въ домъ жениха исполнялось только послѣ перваго брака; въ противномъ случаѣ невесту приводилъ въ домъ жениха одинъ изъ родственниковъ, или изъ друзей, называвшійся *νυμφαγωγός*. Свадебный перевозъ сопровождался многими лицами, составлявшими торжественный повозъ, впереди котораго несли горящіе факелы, называвшіеся брачными факелами. На кого возлагали обязанность нести факелы, не знаемъ. Известно впрочемъ, что сама мать зажигала ихъ. На это указываетъ Эврипидъ,

у котораго Иокаста съ грустнымъ упрекомъ говоритъ своему сыну Полинику, женившемуся на чужой сторонѣ : « Ты, сынъ мой, слышу «и женать уже, и супружеское удовольствіе вкушаешь въ чужомъ «домѣ, и связанъ ты родствомъ на чужбинѣ; я же ни огня не «возжигала на твоей свадьбѣ, какъ слѣдуетъ счастливой матери, «ни воды Исмена не купали тебя, принесенныя съ торжествомъ, «ни приходъ твоей невесты не прославлялся въ пѣсняхъ по Фив- «скому городу». По нѣкоторымъ мѣстамъ у писателей видно, что для этого торжественнаго провожанія зажигали не одинъ, а много факеловъ, что оно сопровождалось пѣснями и танцами, что многіе принимали въ немъ участіе. Такъ Ламетъ въ Эврипидовой драмѣ «Алкеста», воротившись съ погребенія своей супруги и припоминая радости свадебнаго дня, говоритъ : « Тогда-то (во время свадьбы) во- «дѣлъ я въ домъ съ пелійскими факелами и пѣснями, держа руку милой «супруги; насъ провожала голосистая толпа друзей, величавшая ста- «стлицами покойницу и меня; а теперь иная пѣсня раздается и вмѣсто «бѣлыхъ одеждъ сопровождаютъ меня черныя». Невѣста и женихъ были одѣты въ праздничныя одежды, какъ и весь поѣздъ. Разумѣется, одежда и другія украшенія зависѣли совершенно отъ состоянія молодой четы, которая чѣмъ была богаче, тѣмъ роскошнѣе и великолѣпнѣе одѣвалась; на невесту надѣвали жемчужное ожерелье, пурпуровую одежду, прошитую золотомъ, украшали ее драгоценными камнями и прочая. Невѣста всегда была одѣта въ цвѣтное платье; женихъ же и мужской поѣздъ надѣвали иногда бѣлое. Женихъ и невеста имѣли вѣнки, такъ какъ и ихъ спутники. Двери домовъ у жениха и невесты обвивались вѣстонами изъ листьевъ пальмы и оливы. На голову невесты набрасывали ей длинное покрывало. Въ такомъ-то нарядѣ отправлялись женихъ и невеста изъ дому послѣдней, сопровождаемые пѣснями и игрою на флейтѣ. Встрѣчавшіеся на улицѣ привѣтствовали ихъ и желали имъ счастья и блага. Приближаясь къ дому жениха рассыпали, какъ и въ Римѣ, всякаго рода лакомства — *камизмата*. Затѣмъ слѣдовалъ свадебный пиръ болѣею частью въ домѣ жениха, или его родителей; иногда же отецъ или ближайшій родственникъ невесты давали также пиръ. Надобно замѣтить, что этотъ пиръ имѣлъ великое значеніе у Грековъ; онъ заступалъ мѣсто юридическихъ формъ и засвидѣтельствованій разныхъ

лицъ при бракахъ: лица, участвовавшія въ немъ, могли въ случаѣ нужды свидѣтельствовать, что бракъ действительно былъ, что такаго-то действительно законная супруга (*гамете*) такого-то; и потому старались приглашать на этотъ пиръ какъ можно больше гостей, чтобы многіе, говоря словами Плутарха, знали и были свидѣтелями брака. Замѣчательно еще также, что на этомъ пирѣ присутствовали женщины и принимали участіе въ немъ наравнѣ съ мужчинами. Платонъ въ своихъ законахъ не совѣтуетъ пускать за него, какъ и на родины, вообще людей развратнаго поведенія. У Лукіана женщины возлежатъ за особымъ столомъ и среди ихъ невѣста, закрытая покрываломъ. За обѣдомъ подавались пироги (*пеммата*), особенно изъ сезама, имѣвшіе значеніе плодородія. Эти пироги пекла особеннаго рода женщина, называвшаяся *деміургосъ*, подъ которымъ вообще разумѣли мастерицу готовить тѣсто. Въ Аѳонахъ существовалъ еще старинный законъ, значеніе котораго затеряно не только для насъ, но даже и для Грековъ, не смотря на усилія Плутарха объяснить его, именно: невѣста должна была съѣсть айву. Законъ этотъ приписывается Солону. Хоръ двѣшекъ пѣлъ женику и невѣствъ свадебную пѣсню—эпिताламіумъ. Мысль и содержаніе этихъ свадебныхъ пѣсней больше или меньше была одинакова и, если судить по единственному, прекрасному образцу, дошедшему до насъ у Теокрита, то въ нихъ прославлялись достоинства невѣсты и жениха, счастье, которымъ они наслаждались; потомъ просили боговъ ниспослать благословеніе на молодую чету, даровать ей согласіе и домашнее спокойствіе. Пѣвніе свадебныя пѣсни на другой день снова являлись и снова пѣли молодымъ супругамъ эпिताламіумъ. Съ голосами двѣшекъ соединялись звуки флейтъ, вторившіе пѣснямъ. На другой день послѣ свадьбы, молодая жена получала отъ своего супруга подарки, называвшіяся *діанапароенейя*. Того же дня приносили ей подарки родственники. Подарки были подносимы съ торжественною церемоніею, которой предшествовалъ мальчикъ, одѣтый въ бѣлую одежду; за нимъ слѣдовала *канефоросъ*, несшая корзинку, а потомъ всѣ остальные члены этого торжества, несшіе подарки. Въ этотъ же день получалось иногда и приданое. На третій день принимались новые подарки обоими молодыми супругами, называвшіеся *анакалюптерія* отъ *анакалюпто*, открывая показываю, потому что молодая жена

тогда въ первый разъ являлась предъ всѣми безъ покрывала. Этимъ оканчивалась свадьба и свадебный праздникъ; молодая Гречанка вступала въ новую жизнь, въ которой наставали для нея новыя связи и новыя отношенія. Безъ сомнѣнія не во всей Греціи были одинаковы свадебные обряды; было много областного, мѣстнаго; но, къ сожалѣнію, намъ ничего объ этомъ не известно.

ТОМАСЪ КЕМБЛЬ.

=

Скорость, съ которою часто старѣютъ знаменитости — очевидный фактъ, не разъ записанный на всѣхъ страницахъ исторiи. Человѣкъ умеръ, всѣ его прославляютъ, общiй восторгъ провозглашаетъ его гениемъ поэзiи, царемъ живописи, мудрымъ философомъ, а едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ образцовыя его произведенiя шкуются намъ уже устарѣлыми. Мы уже потеряли смыслъ этихъ словъ или красокъ, мы уже не понимаемъ какъ человѣкъ могъ такъ выражаться, ни каковъ былъ человѣкъ, который такъ выражался. Будь это участь общая, ее можно бы изъяснить быстрымъ развитiемъ человѣчества, но нѣтъ. Возмѣ покойниковъ, скоро старѣющихся, есть другiе, одаренные пенсiонной юностью, пусть творенiя ихъ носятъ отпечатокъ времени, которое уже прошло и никогда не воротится, пусть они являются намъ какъ изображенiя, уже не выражающiя того, что мы чувствуемъ и глумимъ сами: эти творенiя все-таки сохраняютъ видъ жизни; мы тотчасъ узнаемъ въ нихъ то, что непремѣнно должно было происходить въ человѣческой душѣ.

Откуда же это различiе въ судьбѣ знаменитыхъ людей? Отъ чего одни скоро становятся почти такъ же смѣшными какъ старая картинка модъ? Не потому ли, что они также походили на юдныя картинки? что творенiя ихъ или мысли были не точными *опредѣленiемъ* одной личности, то-есть, вѣрнымъ портретомъ существа, такого, какъ Богу угодно было создать его, а

только отвлеченнымъ типомъ, модою, то-есть, чѣмъ-то среднимъ между различными личностями одной эпохи, можетъ быть еще чѣмъ-нибудь меньшимъ: формулою, которую различныя существа условились между собою принять на нѣкоторое время въ видѣ эмблемы ихъ несогласнаго образа мыслей.

Вопросъ важный; онъ касается нѣсколькихъ литературныхъ проблемъ, какую цѣну должно приписывать общей похвалѣ? Да, какую цѣну? что значить одобреніе, засвидѣтельствованное большинствомъ? Мы думаемъ, что необходимо дѣлать различіе между великими людьми, которые навсегда остаются въ памяти народовъ и людьми великими или малыми, которыхъ общій голосъ спѣшатъ прославить.

Употребляя простое сравненіе, мы скажемъ, что намъ стѣтъ только открыть глаза и мы увидимъ вокругъ себя два рода существъ: тѣхъ, которые стараются лучше всѣхъ подражать модѣ, одѣваться всегда по послѣдней модѣ и тѣхъ, которые носятъ костюмъ, приличный ихъ вкусу, привычкамъ, удобствамъ. Точно такъ и людей замѣчательныхъ можно раздѣлить на два рода: на тѣхъ, которыхъ достоинство состоитъ въ томъ, чтобы волнѣ другихъ выказывать идеи и направленіе настоящаго времени, обладать болѣе другихъ способностью проявить словомъ все уже родившееся и ищущее средствъ изобразиться; превосходство другихъ, напротивъ, состоитъ въ томъ, чтобы примѣтять то, чего никто не примѣтилъ въ ученomъ или вообще въ литературномъ мiрѣ.

Эти размышленія служатъ необходимымъ предисловіемъ къ критическому взгляду на сочиненія Томаса Кембла. Къ которой изъ двухъ категорій должно его причислить? Въ его время, можетъ быть ни одного писателя не приняли съ такимъ энтузіазмомъ. Томасу Кемблу стоило только явиться, чтобы быть превозглашеннымъ гениемъ; онъ былъ поэтомъ, прославленнымъ въ «*Эдинбургскомъ Обзорнiи*»; онъ былъ надеждою Англіи; каждое сочиненіе его и въ прозѣ въ стихахъ служило поводомъ къ триумфу. И вотъ теперь, спустя едва нѣсколько лѣтъ, въ немъ едва можно различить какую-нибудь черту личной физиогноміи. Въ преобразованіяхъ, которымъ подвергался его талантъ отъ «*Наслажденій надежды*» до «*Гертруды Вуаймингъ*» и

«Ученія» можно теперь найти только преобразованія общихъ мнѣній и вкусовъ въ Англіи съ того времени какъ появились «Наслажденія надежды» до появленія «Гертруды Вуаймингъ». Кемблѣ не вѣкъ, а слѣдовалъ: какъ человѣкъ специальный, онъ уже не существуетъ.

Однако это только увеличиваетъ интересъ его сочиненій. Воспоминанія Кембла любопытны, потому что позволяютъ цѣнить въ немъ характеръ его времени. Посмотримъ же, что узнаемъ мы объ этомъ изъ литературной жизни человѣка, бывшаго вѣрнымъ изображеніемъ своего времени.

Томасъ Кемблѣ родился въ Глазговѣ, 27 іюля 1777 года. Онъ происходилъ отъ древнихъ начальниковъ клана Кембловъ и дѣдъ его владѣлъ еще помѣстьемъ Кирнакъ на границѣ Аргайльскаго графства; но послѣ эта фамилія пришла въ упадокъ и отецъ поэта, сначала приобрѣтшій богатство изъ торговли, послѣ разными неудачами доведенъ былъ до стѣснительнаго положенія. Въ дѣтствѣ будущаго писателя, стоитъ только упомянуть о дружбѣ отца его съ докторомъ Ридомъ, философомъ. Впослѣдствіи увидимъ, что Томасъ Кемблѣ вступилъ въ другія сношенія съ Томасомъ Броукомъ и особенно съ Дугальдомъ Стюартомъ и можетъ-быть въ поэзіи Кембла есть много сходства съ эклектизмомъ шотландской школы. Сынъ многочисленной семьи, любимый какъ послѣднее дитя, Томасъ Кемблѣ оставался до восьми лѣтъ подъ надзоромъ матери, которая любила ему пѣть шотландскія баллады. Начавъ ученіе съ большимъ успѣхомъ въ grammar school Аллисона, онъ вступилъ тринадцати лѣтъ въ Глазговскій университетъ и пробылъ въ немъ пять лѣтъ, или скорѣе пять курсовъ, потому что въ шотландскихъ университетахъ учебный годъ продолжается только съ октября до мая. Въ продолженіе всего курса наукъ, молодой человѣкъ отличился между всѣми, особенно въ языкахъ. Способности у него были огромныя и страсть къ поэзіи выказалась очень рано. Десяти лѣтъ онъ сочинялъ уже стихи, между прочими стихотворенія, которыя послѣ вошли въ «Повѣсть о временахъ года»; Кемблѣ начиналъ становиться ученикомъ и почитателемъ Томсона.

Уже въ приготовительной школѣ Аллисона, онъ почувствовалъ къ греческимъ классикамъ влеченіе, никогда его не по-

видавшее. Двѣнадцати лѣтъ переводилъ онъ стихи изъ Анакреона, заданныя ему для урока. Въ продолженіе шестилѣтней университетской жизни не только онъ стихотворилъ сатиры, прошенія, піесы на разные случаи, но и перелагалъ въ стихи свои переводы, рассказы и даже философскія сочиненія. Все это доставляло ему множество похвалъ, множество академическихъ почестей. Онъ, буквально, выросъ съ привычкой слышать, какъ учителя и товарищи провозглашали его facile princeps. Мало того, похвалы другихъ присоединялись къ профессорскимъ. Ему было тогда шестнадцать лѣтъ, когда поэма его «О провѣжденіи зла» доставила ему на роднѣйшій титулъ *гласговскаго Нѣна*.

Въ его первыхъ поэтическихъ опытахъ поражаетъ совершенное ихъ приличіе: они удивительно хорошо составлены, въ нихъ все въ равновѣсіи и прежде чѣмъ поэтъ познакомился со стихомъ онъ говоритъ о людяхъ, словно пріобрѣлъ уже полную опытность. Это можетъ служить доказательствомъ, что преждевременное развитіе не есть признакъ натуръ оригинальныхъ, разуметель, что мы говоримъ о томъ развитіи, которое состоитъ болѣе въ способности *выражаться чѣмъ въ потребности научиться*. Быть можетъ также, что слишкомъ ранній разумъ просто приваждаетъ этимъ ловкимъ и изыскательнымъ умамъ, которые не ищутся собственными ощущеніями, а набираютъ скоро множество образовъ возрѣнія, и у которыхъ есть скорѣе направленіе совокуплять идеи, а не составлять ихъ. У Кембла все подтверждаетъ это мнѣніе. Въ молодости его нельзя найти ничего рѣзкаго, неумѣреннаго и неодолимаго; ни восторженности, ни грусти ни неслюдимости, которыя иногда увлекаютъ молодыхъ людей къ мраку и уединенію. Онъ любитъ природу спокойно, не упирается ни чувственностью, ни знаніемъ.

Кембль остроуменъ и живъ, впечатлительнъ и охотникъ разсуждать. Онъ добръ, дружелюбенъ, хотя язвительнъ и иногда старается высказать свое превосходство. уважаетъ своихъ учителей, восхищается ими. Одно въ Кемблѣ рѣзко выказывается: страсть писать стихи. Есть еще одно направленіе, довольно впрочемъ обыкновенное въ первой молодости, но которое управляетъ имъ съ излишествомъ: увѣренія и изъясненія дружеской привязности, наполняющія его письма. Конечно, всѣ эти привязанно-

онъ всароши, но Кемблѣ постоянно заботится, какое дѣйствіе произвести оя. Безпрестанно бонтея, чтобы не перетолковали его надтаніе; что онъ не довольно высказалъ сколько ояъ любить. Ояъ неумѣреннѣ заботится объ одобреніи другихъ.

Бѣдые студентаы, которыхъ такъ много въ шотландскихъ университетотахъ, обыкновенно во время продолжительныхъ ваканцій дають уроки, чтобы добыть себѣ средства продолжать ученіе. Послѣ своего четвертаго академическаго курса, Кемблѣ послѣдовалъ этому приѣзру. Пронгрышь тяжбы еще болѣе стѣснилъ старика отца его и рекомендація профессоровъ доставила сыну должность учителя на одномъ изъ Гебридскихъ острововъ, островѣ Муллі. Уединенный домикъ на вершинѣ острова покинутого на границахъ міра, вдали глухой шумъ морской бездны, и орлы, сидящіе на берегу, среди облаковъ:—тутъ было отчего поставить ояую душу лицомъ къ лицу съ природой. Кембломъ дѣйствительно овладѣли порывы энтузіазма: онъ запасся образами, но грусть и сожалѣнія мѣшали ему. «Я написалъ, говорить онъ самъ, поэму, такую же грустную, какъ «Овидіевы элегіи».

Во всю его жизнь въ немъ скорѣе видна способность наслаждаться недѣйствительностью, чѣмъ сила наслаждаться помужски дѣломъ. Уже заранѣе онъ мечтаетъ и воспламеняется при мысли найти предметы, сообразно грезамъ, которыя онъ составилъ самъ себѣ передъ предметами такими какъ Богъ далъ; онъ сожалеетъ о прошедшемъ и думаетъ о томъ чего у него уже нѣтъ.

При окончательномъ выходѣ изъ университета, Кемблѣ опять сталъ давать уроки, но ненадолго. Весь этотъ періодъ половъ для него тоши. Онъ чувствовалъ необходимость составить себѣ независимое положеніе и не зналъ за что приняться. Послѣ похвалъ, полученныхъ въ университетѣ, ему оставалось узнать жизнь; онъ вступалъ въ нее съ неумѣренными требованіями и надеждами, съ повліетіемъ очень неточнымъ о томъ, что люди должны были для него сдѣлать. Кемблѣ надѣялся на покровителей, а они ему измѣнили. Сколько разъ говорить онъ съ колкостью объ эгонизмѣ людей, долго долженъ онъ былъ платиться за чужіе грѣхи. То онъ хотѣлъ сдѣлаться пасторомъ, то врачомъ, купцомъ, адвокатомъ, химикомъ. Не потому чтобы молодой человекъ былъ непостояненъ, нѣтъ, въ немъ только было отсутствіе всякаго опредѣленнаго призна-

віа. Съ притязаніями, которыя ему внушили, трудно было найти то, что хотѣлось. И здѣсь идеаль правился ему болѣе дѣйствительности, онъ увлекался разными званіями только потому, что въ нихъ представлялось ему вѣчто поэтическое, потому что вызывалъ воображеніемъ то положеніе, которое это званіе могло ему дать. Когда онъ думалъ о торговлѣ, то любопытно видѣть какъ онъ доказываетъ самъ себѣ, что торговля вещь благородная, могучее орудіе образованности. Изучать нравы пришло ему на мысль послѣ курсовъ профессора Джона Миллера, котораго мнѣнія увлекли его. Но когда вмѣсто того, чтобы вдругъ достигнуть цѣли, потребно было трудиться—наступало уныніе. Въ училищныхъ успѣхахъ ужасно то, что они развиваютъ у получившихъ первыя награды сладостное убѣжденіе, что они уже достойны славы; съ этой увѣренностью вы уже предвзначены въ литераторы, уже потому, что не способны подчиниться долгову приготовленію, нужному для всякаго другаго званія.

Между тѣмъ приближались лучшіе дни. Единбургъ считалъ тогда въ числѣ своихъ замѣчательныхъ гражданъ доктора Андерсона, автора «Жизни англійскихъ поэтовъ». Кемблѣ случайно встрѣтился на улицѣ съ пріятелемъ, который шелъ къ Андерсону и проводилъ его до воротъ доктора. Въ эту минуту дочери Андерсона стояли у окна и примѣтили Кембла, который былъ очень красивый молодой человекъ. Натурально гостя спросили объ его товарищѣ, онъ говорилъ о стѣсненномъ положеніи Кембла и о его талантахъ, показалъ Андерсону стихи Томаса, которые были съ нимъ. Стихи понравились Андерсону, онъ захотѣлъ, чтобы молодой поэтъ былъ ему представленъ и Кемблѣ, познакомившись съ нимъ, довершилъ свою побѣду. Черезъ нѣсколько времени онъ готовилъ для книгопродавца Менди сокращеніе сочиненій Бріана Эдуардса «О западной Индіи», за двѣдцать фунтовъ стерлинговъ (сто двадцать рублей серебромъ). Съ издателемъ свелъ его Андерсонъ и не ограничился этимъ усердный покровитель литературы и центръ кружка писателей; онъ свелъ своего молодого protégé въ литературный единбургскій міръ.

Поэзія была тогда въ ходу или, лучше, умы сильно работали. Полуостровъ, полупровинція, Единбургъ болѣе Лондона сохра-

илъ вкусы осемнадцатаго столѣтїа или, по-крайней-мѣрѣ гостинные разговоры сохранили тамъ болѣе важности. Стихами въ рукописи составляли славу, совѣтовались съ просвѣщенными судїями о своихъ посланїяхъ и поэмахъ. Кемблъ, разумѣется, нашелъ тутъ пищу для своей постоянной идеи. Къ счастью для него, полученные имъ одобренїя должны были привести его къ успѣху, а не къ мученїямъ безсильнаго честолюбія. Давая уроки, необходимыя для существованїа, онъ окончилъ свою поэму «*Наслажденїа надежды*». Каждый день прогуливаясь, читалъ онъ громко свои стихи или уходилъ на вершины, соудїя съ Эдинбургомъ, разговаривать съ своей музой на вольномъ вѣтру. За три мѣсяца до появленїа его поэмы, друзья не иначе называли его какъ *пльцомъ надежды*. Рукопись его переходила изъ рукъ въ руки; онъ долго поправлялъ ее по совѣтамъ просвѣщенныхъ друзей. Андерсонъ гордился своимъ прогнѣбѣ, искренно вѣрилъ гевїю Кембла и предсказывалъ ему блистательный успѣхъ. Поэма наконецъ была кончена; Андерсонъ уговорилъ Мендла купить ее за пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ (триста рублей серебромъ).

Томасу Кемблѣ былъ тогда двадцать одинъ годъ. Это происходило въ 1799 году. Число здѣсь важно. Въ 1799 году Пѳъ и его школа еще господствовали въ Англїи. Чтобы дать болѣе ясную идею о тогдашнихъ писателяхъ, лучше всего прибѣгнуть къ свидѣтельству Вордсворта. «Достойно замѣчанїа, говоритъ онъ, въ дополнителючь предисловіи *Лирическихъ балладъ*, что за исключенїемъ «*Nocturnal reverie of lady Winchelsea*», и одного или двухъ мѣстъ въ «*Windsor Forest*» Пѳа, вся поэзія отъ Мильтона до Томсона, не содержитъ ни одного новаго образа внѣшней природы. Еще болѣе, изъ всѣхъ уже извѣстныхъ образовъ, которые эта поэзія употребляетъ для изображенїа природы, нѣтъ ни одного, изъ котораго можно бы вывести заключенїе, что поэтъ пристально смотрѣлъ на предметъ, о которомъ хотѣлъ говорить и еще менѣе видно, чтобы впечатлѣнїя рѣшались въ немъ усилїе воображенїа, чтобы воспроизвести эти образы. Какъ низко упало знанїе самыхъ важныхъ и самыхъ очевидныхъ феноменовъ, можно судить потому, какъ Драйданъ выполнилъ описанїе ночи въ одной изъ своихъ трагедїй, или какъ Пѳъ перевелъ лунное сіяніе изъ Иліады. Если бы слѣпецъ нѣмѣлъ привычку слушать внимательно

что вѣкругъ него говорится, онъ безъ всякаго труда изобрѣдалъ бы съ большимъ правдоподобіемъ виды природы.»

Это производитъ дѣйствіе. Черезъ нѣсколько времени послѣ того начался знаменитый споръ, возбужденный Боулзомъ и его теоріей. Боулзъ признавалъ истинную поэзію только въ изображеніи естественнаго и не заимствованнаго отъ вещей искусственныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ очень дурно опредѣлялъ, чтó чувствовалъ. Кемблѣ отвѣчалъ ему очень справедливо, что корабль, спущенный въ море, могъ служить предметомъ для высокой поэзіи. Мысль, которую пововодитель не умѣлъ выразить, состояла въ томъ, что его и многихъ другихъ оскорбляло то, зачѣмъ поэзія не была уже языкомъ, усиленъ для выраженія впечатлѣній, волненій, безпокойствъ душевныхъ, зачѣмъ она не брала цѣлью передавать эти внутреннія явленія, которыя и предметы искусственные могли произвести такъ же какъ природа, но которыя вовсе — не идеи и не сужденія. «Господствующая школа, говоритъ Колриджъ, не столько отличалась поэтическими мыслями, переданными языкомъ поэзіи; превосходство роду состояло въ сущности; въ справедливыхъ и тонкихъ замѣчаніяхъ о людяхъ и нравахъ среди искусственнаго общественнаго быта — а въ формѣ, въ логикѣ остроумія, выраженной полустипсимъ плавнымъ и эпиграмматическимъ. Даже когда предметъ обращался къ воображенію или разуму, читатель ждалъ остроты въ концѣ каждаго втораго стиха, а цѣлое было какъ бы собраніе отдѣльныхъ эпиграммъ.

Поэзія предположила себѣ выражать то, чтó выражаетъ проза, мнѣнія, и размышленія, она добивалась только выражать ихъ иначе, особеннымъ образомъ, совсѣмъ не простымъ и не точнымъ. Искусство рѣмача заключалось единственно въ искусствѣ хорошо говорить, въ искусствѣ облекъ всякую идею по извѣстному и неизмѣнному типу фразеологіи, который былъ общимъ и безсловнымъ правцомъ прекраснаго. Теперь чтó же это былъ за типъ, который поэзія считала неуклонной обязанностью осуществлять, и еще систематически. Всѣ слова и всѣ дѣйствія осемнадцатаго столѣтія могутъ намъ показать это. Главное притязаніе эпохи было вливать море въ наперстокъ, заключать тысячу фактовъ въ одну категорію. Любили только общее и красный стипъ

состояла въ отбѣдѣ личности, у предметовъ, въ избѣжаніи всякой точной черты, великаго образа, способнаго дать чѣрное и подробное понятіе о фактѣ. Говорили *крылатый рой* вместо *пчелы*; воспринималась любезной, остроумной женщиной, не объясняя чѣмъ, собственно, она была очаровательна и въ чемъ, отличалась отъ всѣхъ другихъ способовъ очарованія; пѣли на западную интонацію, которая тщательно избѣгала выразить отличительные отбѣды воспріемаемаго чувства. По примѣру мысли, изложеніе силлось давать только понятіе о вещахъ, представляя ихъ ввергда, какъ выходящія изъ рода, чрезвычайно обширнаго; метафизика была вездѣ. Ответственности производили фуроръ. Писали оды *страсти, состраданію, удовольствію*; сочинили поэмы *дружбѣ, воображенію, памяти, антузіазму*. Личные отбѣнки и дѣйствительность, были торжественно уничтожены. Аллегорію обожали.

Наконецъ зло само зародило въ себѣ лекарство. Болѣе и болѣе преобразяла поэзію въ искусство прикрывать общія аксіомы и безличныя типы рѣчью общою и безвещественною, искусственность достигла невыносимой степени. Природа наконецъ примѣтила, что ей очень неловко подъ всѣми правилами, опредѣленными общимъ вкусомъ, и что ей обойдется гораздо выгоднѣе быть такъ какъ она есть, не обращая вниманія на общепринятые мѣтѣнія. Предѣлъ условныхъ нравовъ, начинало входить въ моду прославлять деревянные башмаки и пастушество. Это еще была только цвѣтная мода, но она уже показывала великое преобразование. Конечно изъ отвращенія къ великимъ правиламъ о *человѣкѣ вообще* и о томъ, какъ должно заслуживать любовь женщины, Вадполь и Перси возвѣщали честь средніе вѣка и народную поэзію. Вкусъ къ древностямъ сѣвера и влеченіе ихъ выказывались мало по малу. Съ литературной кафедрой, занимаемой въ Оксфордѣ, Томасъ Бартонъ, авторъ *Исторіи англійской поэзіи* поворачивалъ своихъ учениковъ къ авторамъ шестнадцатаго столѣтія. Одинъ изъ учениковъ, Лиль Боульзъ, скоро долженъ былъ издать (въ 1789 году) сонеты, сдѣлавшіе переворотъ въ умѣ Колриджа. Съ другой стороны, Бурке выдавалъ въ свѣтъ свой, *Опытъ о прекрасномъ* и теорія, въ которой онъ прославлялъ неопредѣленное и безпредѣльное, была собственно сказанъ ясное начало запросу, на поэзію живописующую внутреннія страсти, а не идея, потому что впечатлѣнія замно-

чаютъ въ себѣ безпредѣльность и симпатически связываются со всѣмъ, что мы чувствуемъ, а идея — дѣло опредѣленное и ограниченное. Съ другой стороны, Куперъ заставлялъ любить поэтический слогъ, уже довольно новый, одинъ изъ этихъ переходныхъ слоговъ, какіе есть только въ Англіи. Глубоко серьезный, онъ старался выразить ясно, что хотѣлъ сказать и, самъ того не подозревая, чрезвычайно измѣнилъ поэтическое положеніе. Наконецъ явился Борнсъ и «*Лирическія баллады*» Вордсворта вышли въ свѣтъ за годъ до «*Наслажденій надежды*».

Кемблѣ вступилъ на поприще въ минуту преобразованія. Вступленіе его было блестяще. Мы не скажемъ, чтобы ни одно сочиненіе никогда не производило столько впечатлѣній какъ его поэма, но это вѣрно, что ни одно сочиненіе съ перваго разу такъ высоко не поставило неизвѣстнаго поэта. Экземпляры «*Наслажденій надежды*» были буквально расхвачены. Множество изданій послѣдовало въ одинъ и тотъ же годъ. Въ 1803 году книга была перепечатана уже седьмой разъ. Одинъ лондонскій книгопродавецъ, чтобы получить право собственности, предлагалъ автору пожизненную пенсію въ двѣсти фунтовъ стерлинговъ (тысячу двѣсти рублей серебромъ). Ничего не можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ цифръ. Къ несчастію, Кемблѣ продалъ свои права и безъ великодушія своего издателя не извлекъ бы большой пользы изъ своей народности. Но Мондтъ былъ великодушнѣе. За каждое новое изданіе онъ предлагалъ поэту *благодарность* въ пятьдесятъ фунтовъ (триста рублей серебромъ); послѣ онъ представлялъ ему право два раза издать свое сочиненіе по подпискѣ. Право въ этомъ случаѣ имѣло свою цѣну, потому что во второй разъ доставило Кемблу болѣе тысячи гиней (шести тысячъ осьми сотъ рублей серебромъ). Подписка была почти національнымъ происшествіемъ. Питтъ также выставилъ свое имя, за нимъ послѣдовала вся знать политическая, литературная и аристократическая.

Однѣжды докторъ Грегори, очень извѣстный въ Эдинбургѣ, пошелъ къ книгопродавцу Мендлу. Подъ рукой у него случился экземпляръ новой поэмы, онъ раскрылъ ее, самъ не думая о томъ что дѣлаетъ.

— Вотъ что называется поэзіей, истинной поэзіей! вскричалъ онъ вдругъ и безъ остановки дочелъ всю поэму до конца.

Вамплицію докторъ неосторжилось такъ сказать всѣмъ, кто читалъ «Наслажденіе надежды». За дебютантомъ стали ухаживать, сочувствія его свели съ Скоттомъ, Генрихомъ Эрсайномъ, Дугальдомъ Стюардомъ, Ализонъ, авторомъ «Опыта о вѣсѣ», Сидни Смитомъ. Онъ былъ уже друженъ съ Джеффри, Томасомъ Броуномъ и Генрихомъ Броугамомъ. Въ Лондонѣ и въ Ливерпулѣ было то же что и въ Эдинбургѣ. Чудесное могущество поэмы доставило Кемблу дружбу и покровительство Чарлза Фокса, лорда Голланда, лорда Митто, Мекинтоша, Байрона, мадамъ де-Сталь. Надо прибавить еще почти всѣ знаменитости, авглійскія и иностранныя. Въслѣдствіи общій восторгъ еще увеличился. Послѣ литературныхъ знаменитостейъ, съ знаменитымъ авторомъ пожелала познакомиться принцесса крови. Послѣ лестныхъ отзывовъ журналовъ, поэту воздало почести правительство, назначивъ ему пенсію въ двѣсти фунтовъ (тысячу двѣсти рублей серебромъ). Короче, черезъ десять лѣтъ, не написавъ ничего новаго, исключая нѣсколькихъ отдѣльныхъ піесъ, онъ еще держался на вершинѣ славы своего перваго произведенія. При жизни онъ преобразовался въ одного изъ этихъ гениевъ, которыхъ никто не позволяетъ себѣ судить.

Что же заключалось въ «Наслажденіяхъ надежды», что могло произвести такое впечатлѣніе? Вначалѣ нѣсколькихъ гармоническихкихъ стиховъ воспѣвается отдаленіе, которое придаетъ прелесть горизонту и облакаетъ горы лазурью. Потомъ поэтъ прославляетъ надежду какъ мать дѣятельности, пружину подымающую гениевъ къ исполненію его предназначенія. Онъ сказалъ, какъ она внушаетъ любовь и украшаетъ домашнее счастье. Наконецъ показалъ надежду, утѣшающую умирающаго обѣщаніемъ будущей счастливой жизни. Въ родѣ избранномъ новымъ поэтомъ, при превосходствѣ содержанія поэмы, не заключалось, какъ видно, ничего новаго, напротивъ: онъ шелъ по слѣдамъ старой школы, по правиламъ которой, дѣломъ поэзіи было олицетворять понятія разума о вещахъ. Чтобы развить свой собственный темъ, Кемблъ поступалъ по примѣру прежней школы. Въместо подражанія природѣ, которая представляетъ глазамъ нашимъ феномены дѣйствія, предоставляя намъ самими трудъ отгадывать тому причину, поэзія Кембла ставалась представити причины, дѣйствующія сами собою. Къ тому же многія мысли, выраженныя по-

этомъ, не имѣя формальнаго устремленія къ совершенству. Что да его изложилъ, то оно тогда воспроизводило обычныя формулы, расточало фигуры, восклицанія и оттѣнки, восходило часто до принужденнаго энтузіазма классическаго поэта, который далъ себя слово имѣть за извѣстный тонъ; больше всего оно любило вытѣшкать въ драмскія дѣла весь обора отвлеченностей, и уместившихъ бытій. Впрочемъ надо прибавить, что въ поэзіи новаго поэта заключалось не одни только повторенія. До нѣкоторой степени докторъ Амдерсонъ былъ правъ, восклицаясь «изящными модуляциями этого слога, который, возвышается и понижается сообразно предмету, то растрогивается съ грустными звуками скорби, то паритъ на крыльяхъ страстнаго краснорѣчія». Слогъ Кембла дѣйствительно умѣлъ воспламеняться и растрогиваться. Онъ высшею только относительно къ настоящему; но въ отношеніи прошлаго онъ точно былъ оригинальнымъ усиліемъ къ большей естественности и искренности; мѣстами первоначально замѣчался яснотъ и картаннымъ выраженіемъ. Во многихъ стихахъ нагура была сказана вѣрно, сквозь напыщенность пробиралась чистая струя сладостныхъ волненій. Юный писатель почти обогатилъ поэзію новымъ даромъ, научивъ ее передавать душевные ощущенія, которыми она съ давняго времени рѣдко откликалась.

Словомъ «Наслажденія Надежды» были совершеннымъ зеркаломъ времени. Своими нововведеніями и вѣрностью обычаемъ, Кемблъ съ точностью воспроизвелъ общій вкусъ той эпохи, когда прошдеое боролось съ будущимъ, когда преданія и нравы сближались съ неопредѣленнымъ стремленіемъ къ чему то другому. Нѣтъ ничего удивительнаго, что юнаго поэта приняли съ такимъ восторгомъ: во веѣхъ отношеніяхъ онъ не протпворѣчилъ своему времени. Развородность началъ слога была новою прелестью, она звучала на одинъ тонъ съ тѣми опредѣленіями, которыя тогда дѣлали вещамъ; своимъ слогомъ онъ успѣлъ выразить господствующія понятія, умѣлъ указать всѣ оттѣнки, которые читатели его привыкли видѣть въ своихъ чувствахъ и все это, но выходя изъ нотации, требуемой поэтическими привычками своего времени, тогдашними идеями о поэзіи. Съ одного разу онъ высказывалъ все, что общій разумъ могъ сказать. Обидренній успѣхамъ своей книги, Кемблъ задумалъ позданіе до свѣту. Изъ

Гембурга, куда слеза его опередила, онъ имѣровался отправиться въ иенскій университетъ, но эпидемическая холера 1800 года прекратила дѣйствія между Франціей и Германіей, заставила его довернуться на Регенсбургъ. Едва пріѣхалъ онъ туда, явились и Французы. Съ высоты укрѣпленій онъ даже былъ свидѣтелемъ битвы и, задержанный въ Регенсбургѣ войной, умасно сучилъ и вавонецъ зенемогъ. Послѣ краткой поѣздки въ Баварію, воротился провести зиму въ Альтонѣ, гдѣ велъ жизнь, полную грѣзъ, желаній и сожалѣній. Къ этому печальному препровожденію времени присоединилось безпокойства другаго рода. Предпринявъ путешествіе, онъ поступилъ, какъ часто это дѣлалъ, не разсчитывая, не заботясь огласить свои средства съ цѣлью, или гдѣ съ средствами и у него не достало денегъ. Тоже случилось съ впечатлѣніями, которыя онъ надѣялся найти въ Германіи. Передъ отъѣздомъ онъ обязался доставить своему книгопродавцу одна два тома «Путевыхъ разсказовъ» и новую поэму. Ему не приходило и въ голову, что онъ будетъ не въ состояніи одержать свое обѣщаніе; онъ еще не научился сомнѣваться въ самомъ себѣ, еще вѣрилъ и повторялъ, что съ вѣстойчивостью можно достигнуть всего. Но скоро принужденъ былъ замѣтить, что бываетъ и не такъ. Какъ бы то ни было, путевые разсказы и поэма не хотѣли явиться въ свѣтъ. Не думаю, чтобы онъ послѣ сожалѣлъ о томъ. Поэма, во всякомъ случаѣ, была слабостью автора, избалованнаго слишкомъ рано, одинъ изъ тѣхъ литературныхъ плановъ, которые исключительно внушены желаніемъ написать хорошую книгу.

Возвратившись изъ Германіи, Кемблъ подвергся новому испытанію. Отецъ его умеръ и съ старикомъ кончилась пожизненная пенсія, которая давно уже была единственнымъ пособіемъ всего семейства. Съ этой минуты поэтъ далъ себѣ слово содержать мать и сестеръ. Долгъ этотъ исполнилъ онъ благородно. Преданность составляла одну изъ хорошихъ сторонъ его характера. Сначала онъ съ своимъ братомъ помогалъ матеря, потомъ, когда улучшилъ свое собственное положеніе, положилъ ей ежегодную пенсію въ семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ (четыреста двадцать рублей серебромъ). Когда Томасъ Кемблъ лишился отца, веро его было единственнымъ его капиталомъ. За недостаткомъ

лучшаго, онъ обязался написать въ трехъ томахъ продолженіе исторіи Смолетта, подъ заглавіемъ «Великобританскія лѣтописи». Это сочиненіе должно было доставить ему большія деньги и было условлено, что оно останется безыменнымъ. Кемблъ очень дорожил этимъ условіемъ, изъ опасенія лишиться правъ стихотворнаго соловія. Съ этой работой на столѣ онъ переселился въ Лондонъ, въ надеждѣ извлечь тамъ легче пользу изъ своего таланта. Нѣсколько стихотвореній, присланныхъ изъ Германіи, поставили его въ сношенія съ Перри, редакторомъ «Morning Chronicle». Это было первое средство, онъ надѣялся добиться и до другихъ; онъ надѣялся, что будетъ писать статьи для «Philosophical Magazine», онъ надѣялся очень многого и поспѣшилъ жениться на своей кузинѣ, миссъ Матильдѣ Синклеръ, которая не принесла ему никакого приданаго. Ему было тогда двадцать шесть лѣтъ и въ радости онъ писалъ сестрѣ: «На ваши дружескіе вопросы о моихъ надеждахъ, я не могу отвѣчать положительно; могу только сказать, что если какія-нибудь особенныя причины и несчастія не возмутятъ моего душевнаго спокойствія, я чувствую себя въ состояніи поддерживать себя въ Лондонѣ съ честью и блестяще. Мое литературное положеніе таково, что съ малымъ количествомъ денегъ въ карманѣ, я могу самъ предписывать условія книгопродавцамъ».

Такая увѣренность выражала только, что прошлыя разочарованія еще не принесли пользы и что поэтъ еще далеко не зналъ себя. Самыя жестокія испытанія его жизни еще не кончились, а напротивъ того, начинались. Самъ онъ оставил намъ горестныя признанія о первыхъ годахъ пребыванія своего въ Сейднемѣ, гдѣ онъ поселился вскорѣ послѣ женитьбы.

«Не могу сказать, писалъ онъ, чтобы мы страдали собственно отъ бѣдности. Скорѣе насъ тяготило опасеніе, а не дѣйствительная нищета, но я никогда не забуду, что я почувствовалъ въ тотъ день, когда мой старшій братъ написалъ мнѣ, что ввергъ стѣсненныя обстоятельства не позволяютъ ему содержать матушку и что отнынѣ я долженъ взять на себя обязанность содержать ее... И такъ у меня было на рукахъ два хозяйства: одно въ Эдинбургѣ, другое въ Сейднемѣ; въ то время жизнь стояла цѣлою дрятью дороже чѣмъ теперь... Чтобы удовлетворить свои нужды

я принялъ литературныя обязательства, но скоро мною овладѣла болѣзнь, которая сдѣлала для меня невозможнымъ всякую поэзію, всякое произведеніе воображенія. Опасеніе чтобы не проспать, и чтобы рано садиться за работу, заставляло меня не спать всю ночь и мало-по-малу я совершенно потерялъ сонъ.... а волки все были въ карманѣ.... и кромѣ обычныхъ расходовъ, я долженъ былъ платить огромные проценты на сумму двухъ сотъ фунтовъ, которую принужденъ былъ занять на покупку мебели.

Съ приливомъ крови въ голову, оглушенный бьеніемъ висковъ, послѣ бессонныхъ ночей, я долженъ былъ трудиться каждый день безъ отдыха надъ единственной работой, къ которой я былъ способенъ: дѣлать компиляціи и сокращенія въ прозѣ. Я писалъ о всѣхъ предметахъ, даже о земледѣліи.

Я пріѣхалъ въ Лондонъ настоящимъ искателемъ приключеній: въ литературныхъ обязательствахъ у меня не было недостатку, но камень, о который я разбился, было преувеличенное понятіе о выгодахъ, какія я могъ изъ нихъ извлечь. Я замѣтилъ, что писатели и художники подвержены такимъ же ошибкамъ. Писатель, я это знаю по опытности, начинаетъ работу, которая должна привести ему столько-то съ листа; въ одинъ день онъ можетъ-быть окончить десятую часть своей работы и, обрадовавшись, дѣлаетъ про себя разсчетъ: «Очень хорошо, такимъ образомъ я могу надѣяться выработывать столько-то въ день», но случаются непредвидѣныя остановки и кромѣ того, написанное сего-дня придется, можетъ быть, завтра написать другимъ образомъ».

Рожденіе втораго сына, который одинъ только и остался у него въ живыхъ, еще увеличало расходы поэта и здоровье его такъ разстроилось, что нѣсколько разъ онъ принужденъ былъ перемѣнить воздухъ и брать морскія ванны. Нельзя однако сказать, чтобы заработки его были ничтожны: онъ получалъ двадцать пять рублей серебромъ въ недѣлю за переводъ иностранныхъ извѣстій для газеты «Star», доставлялъ статьи въ «Philosophical Magazine» и поэма его «*О надеждѣ*» время отъ времени способствовала къ увеличенію его доходовъ; но онъ любилъ жить на извѣстную ногу и не умѣлъ разсчитывать.

Всѣмъ этимъ непріятностямъ однако пришелъ конецъ. Если

первую ушибки холодного писателя были ему натубы, потому что взяли въ слѣдкомъ вышней крутъ и можетъ быть разши въ немъ слѣдкомъ большую взыскательность, но за то они доставили ему друзей, которые не дремали.

Въ первый годъ женитьбы Кемблу были предложены двѣ профессорскія катедры, которыя онъ не принялъ по неизвѣстнымъ причинамъ. После этихъ первыхъ успѣй, сдѣланы были болѣе удачныя попытки: почти въ тоже время друзья его составили для новаго изданія его поэмы огромную подписку, доставившую ему болѣе тысячи фунтовъ стерлинговъ (шести тысячъ рублей серебромъ). Правительство назначило ему пенсію въ тысячу двѣсти рублей серебромъ и онъ никогда не зналъ чьему податейству былъ ей обязанъ. Съ этой минуты борьба поэта съ нищетою кончилась. Вскорѣ появилась «Гертруда Вуаймингъ» тоже одинъ изъ его родственниковъ, тоже Кемблъ, оставилъ ему пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, въ знакъ удивленія къ проданности, съ которою онъ содержалъ мать; знаменитый андверъ Томасъ Телфордъ, тоже завѣщалъ ему значительную сумму; наконецъ ему хорошо платили за сочиненія. Пора перейти отъ челоуѣка къ его твореніямъ.

Отъ «Наслажденія надежды» до Гертруды Вуаймингъ, то-есть, въ продолженіе девяти лѣтъ, Кемблъ написалъ только нѣсколько отрывковъ. Всѣ они составляли довольно скудное достояніе, в стоили поэту не малыхъ трудовъ. Слѣдующій анекдотъ покажетъ это. Во время поѣздки въ замокъ Минто, Кемблъ обдумывалъ свою «Ballade of Lochiel». Разъ ночью онъ вдругъ проснулся, повторяя: *Будущія происшествія бросають передъ собою тѣнь*. Извѣсно за этой мыслью гонимся онъ пѣлую ведѣлю. На звонокъ его явился слуга. Поэтъ сидѣлъ, спустивъ ногу на полъ, съ нетерпѣливымъ и вдохновеннымъ видомъ.

— Не больны-ли вы, сударь? спросилъ слуга.

— Болень? я никогда не былъ здоровѣе. Подай мнѣ свѣчу и сдѣлай чай.

Бросившись къ столу, онъ написалъ свою счастливую идею. Было два часа утра.

Друзья Кембла ходили на него; малѣйшая его рукопись вышновала ихъ всѣхъ. Лордъ Минто удивлялся и брался за перо, что-

бы возложить свои сомнѣнія въ одномъ словѣ. Телфордъ, инженеръ, писалъ въ 1802 году доктору Алисону: «Никогда и ничего не было такого какъ онъ: это квинтъ-эссенція Парнасса. Видѣли вы его Lochiel? Онъ превзойдетъ всѣхъ и старыхъ и новыхъ. Я того и жду, что онъ будетъ шотландскимъ Мильтономъ, Шекспиромъ или еще лучше. Отрывки, возбуждавшіе такой восторгъ, могутъ позволить намъ опредѣлить преобразованія въ Кемблевой наперѣ. Въ тѣхъ, которые скоро послѣдовали за «Наслажденіями надежды», чувствуешь уже влияніе Вальтеръ-Скотта и можетъ-быть нѣмецкихъ поэтовъ. Lochiel показываетъ еще яснѣе, что времена перемѣнились. О Пѣнѣ и разглагольствующей, систематической поэзіи уже не было рѣчи и въ юной словесности образовались уже двѣ различныя школы: задушевная школа *озерниковъ* или *лакистовъ*, искавшая безпредѣльнаго въ дѣйствительномъ, и школа историческая, пристрастная ко всему живописному, къ мѣстному колориту, къ преданіямъ, ко всему вызывающему физиономіи отдѣльныя и низкія. Эта-то послѣдняя школа увлекла Кембла въ своемъ движеніи; она же овладѣла и публикой, по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ-поръ, потому-что Чайльдъ-Гарольдъ еще не появился. Поэтъ, прежде разсуждавшій въ стихахъ, писалъ теперь баллады и древнія преданія.

Хотя Кемблъ произвелъ мало, однако-жъ онъ оставался въ сношеніяхъ или скорѣе въ сочувствіи съ своей публикой: «Гертруда Вуаймингъ» была какъ-бы болѣе яснымъ подтвержденіемъ этого союза. Дитя англійскаго происхожденія, спасенное индѣйскими начальникомъ, который пришелъ съ опасностью собственной жизни, возратить его другу его отца; прелестная долина, гдѣ выросшее дитя влюбилось въ дочь своего покровителя; бракъ молодыхъ людей, любовь, которой они долго наслаждались въ виду природы; потомъ возгнѣ этихъ картинъ счастья, война съ своими ужасами; Улассю, индѣйскій полководецъ, выходящій изъ своего уединенія, чтобы увѣдомить объ опасности того, кого прежде спасъ; Гертруда, пораженная пулей въ глазахъ мужа, и Улассю, затагивающій надъ ея трупомъ угрожающую пѣснь: вотъ содержаніе новой поэмы. На этотъ разъ уже не было подвиговъ и чудесъ отвлеченности; дѣло идетъ о любовной исторіи, о живописномъ и патетическомъ разсказѣ, вшущемъ даже мѣстнаго ко-

лорита, и особенной поэзии дикаря съ его стоицизмомъ, върваніями и одеждой.

Исторія Гертруды довершила славу Кембла. Похвалы сыпались почти безъ исключеній. «Такой восторгъ, пишетъ Томасъ Телфордъ, сведеть съ ума Кембла или заставитъ его окончить поэму свою о *Бруси*. «Никогда, писалъ Телфорду докторъ Алисонъ, никогда вы не оказывали намъ столько удовольствія, какъ прислать «Гертруду»: я боялся ея появленія, но увидѣлъ ее и захожу, что она еще прелестнѣе, чѣмъ я смѣлъ надѣяться и такъ же безсмертна какъ ея авторъ... Дугальдъ Стюартъ настоялъ, чтобы ему дали прочесть ее одному и воротился въ гостиную, блѣдный какъ привидѣніе и буквально заболѣвшій отъ слезъ. Восхищеніе мистрисъ Стюартъ возрастало съ каждымъ стихомъ. Когда я осмѣлился замѣтить, что не худо бы побольше развить сюжетъ, она положительно объявила, что за всю вселенную никогда не могла-бы прочесть больше ни одной страницы.»

«Эдинбургскоеобозрѣніе» было не менѣе щедро на похвалы. «Новое сочиненіе, говорило оно, стоитъ наравнѣ съ «Замкомъ Глинъ; оно написано съ бѣльшимъ чувствомъ чѣмъ у Томсона, съ бѣльшей сжатостію и оконченностью чѣмъ у Спенсера.» Дѣлая намекъ на народныхъ повѣйшихъ поэтовъ, критикъ продолжалъ: «Нѣсколько разъ уже имѣли мы случай отдавать справедливость слѣдъ и оригинальности этихъ блистательныхъ произведеній; но не можемъ не сказать, что «Гертруда» Томаса Кембла еще болѣе приближается къ тому, что мы называемъ чистотою и идеальнымъ совершенствомъ поэзіи.» Далѣе: «Есть два благородныхъ рода поэзіи, поэзія патетическая и поэзія высокая; мы думаемъ, что авторъ выказалъ талантъ высшаго разряда въ обонхъ родахъ.» Нисколько не памѣреваясь унижить достоинство «Гертруды» которое очень важно, кажется мы можемъ утвердительно сказать, что успѣхъ Кембла зависѣлъ въ особенности отъ того, что авторъ не заходилъ слишкомъ далеко, не оскорблялъ идей, которыя хотя исчезали, однако не совсѣмъ еще исчезли. Его любили не только потому, что онъ имѣлъ даръ очаровывать, но и потому еще, что могъ служить оружіемъ для мщенія и удовлетворенія нѣкоторыхъ враждъ и досадъ, какія всегда причѣшнваются къ удивленію, возбуждаемому въ насъ тѣмъ, что слишкомъ для насъ неже-

дино. Тогдашніе литературные нововводители не чужды были кой-какихъ преувеличеній молодости, и обладали качествами, которыхъ большой порокъ состоялъ въ затѣяхъ, дотолѣ не слыханцыхъ, противныхъ всему, что видѣли и даже подозрѣвали возможнымъ. Передъ такими нововведеніями, тщеславіе часто оскорбляется, и чтобы не признаться себѣ въ нужномъ превосходствѣ, любитъ противопоставлять нововводителямъ талантъ менѣе необыкновенный, типъ совершенства, не представляющій странности, которая не вращается въ тѣхъ, и который къ тому же не имѣетъ ничего такого устарѣлаго, въ чемъ оно само упрекаетъ прошедшее. Эти два достоинства встрѣчались въ высшей степени у автора «Гертруды». У него не было уже церемониальной холодности и жеманнаго тона старой школы, но не было тоже и того, что называли презанкомъ *лакитовъ*. Онъ былъ натураленъ и между тѣмъ цвѣтистъ; въ немъ былъ колоритъ, безъ той пестрой мелочности, отъ которой многія романтическія картины походятъ на списокъ платьевъ стараго гардеробу. Будучи эклектикомъ въ полномъ смыслѣ, онъ въ тоже время принадлежалъ и къ школѣ задушевной и къ школѣ исторической.

Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ имѣлъ однако свою собственную оригинальность. Зародышъ уже находился въ «Наслажденіяхъ надеждъ». Въ «Гертрудѣ» разсвѣтъ превратился въ ясный день. Тѣ страницы поэмы исполнены сладостныхъ волнѣній души, вѣжной чувствительности, которая до него никогда не находила такого гармоническаго выраженія. Разсказъ увлекалъ, трогалъ, ставилъ душу въ такое положеніе, что нечего было болѣе желать. Онъ еще сохранилъ эти преимущества, очаровываетъ до сихъ поръ; можно предпочитать другой родъ поэзіи, но въ своемъ родѣ онъ очень близокъ къ совершенству. Его можно прекратить только въ легкихъ недостаткахъ, которые очень хорошо обозначены въ письмѣ Френсиса Джеффри:

«Я видѣлъ вашу *Гертруду*», пишетъ онъ Кемблу; въ ней заключаются большія красоты, много чувства и воображенія. Заключение удивительно патетическое, и цѣлое твореніе отгѣнено этими вѣжными, воздушными цвѣтами чистоты и истины, которые восхищаютъ всѣ умы, способные цѣнить эти вещи.... Но у васъ тоже есть недостатки, за которые должно васъ побранить... Преж-

де всего сочиненіе слишкомъ коротко, не только для удовольствія читателя, но также и для развитія разсказа. Есть пропуски, не позволяющіе сценамъ прозвезсти весь ихъ эффектъ; кажется даже, что вы много выпустили и оставшіеся отрывки не хорошо связаны между собою.... Однако самые опасные недостатки — промахи вашего изложенія. Нѣкоторыя мѣста очень неясны, въ другихъ выраженія принужденны и неестественны; чувствуешь мучительное усиліе труда. Вы куете желѣзо до того, что оно лшается своей упругости.

• Эти пятна маловажны, но первый дуракъ ихъ откроетъ, а ротозѣи ихъ подхватятъ, какъ скоро имъ укажутъ. Я бы желалъ, чтобы вы имѣли мужество поправить это или скорѣе избѣгать его. Ваша робость, вашъ слишкомъ изысканный вкусъ или другое какое злое качество недопускаютъ васъ передавать намъ ваши идеи такъ, какъ онѣ вамъ представляются, со всѣмъ ихъ блескомъ и свѣдостью. Вы вѣрно ихъ сглаживаете, утончаете, до того, что слышите съ нихъ половину величія и характера. Повѣрьте, любезный Кемблъ, свѣтъ никогда не узнаетъ, какой вы великій и оригинальный поэтъ, пока вы не бросите передъ нимъ необдѣланные алмазы вашего воображенія. Напишите одну или двѣ вещи, не думая о томъ, что публика объ нихъ подумаетъ и покажите ихъ, итъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, если не хотите пустить ихъ дальше. Я быюсь объ закладъ, что онѣ будутъ вдвое выше всѣхъ вашихъ дѣтщизъ въ праздничномъ нарядѣ.»

Джесфри попалъ мѣтко, и критика его относится не къ одной Гертрудѣ: даже въ самыхъ братскихъ и самыхъ полныхъ писанъ Кембла, есть что то обрѣзанное; составляющія ихъ начала хорошо соглашаются между собою, это отрывки одного цѣлага, только цѣлому недостаетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ частей; признано, что поэтъ не все сказалъ. Онъ слышалъ въ себѣ гармонію, аккордъ нѣсколькихъ голосовъ, но до того утомился, записывая нѣкоторыя мѣста концерта, что забылъ другія; для него каждое записанное мѣсто производило должный эффектъ, потому что сопро-
вождаюсь подразумѣніями: для читателя подразумѣнія не существуютъ, и сложность голосовъ кажется тощей.

Кемблъ передѣлывалъ свой трудъ безпрестанно; всѣ его современники это подтверждаютъ; для него производить было трудно, такъ тру-

дно, что его жизньъ походитъ на долгую муку: онъ провелъ ее желая писать не будучи къ тому опоспособенъ. Въ девять лѣтъ, предшествующіе появленію «Гертруды», онъ безпрестанно отыскивалъ сюжетъ: то составлялъ планы, которые не осуществлялъ, то просилъ Вальтеръ Скотта и другихъ указать ему, какія поэмы переводить, что сочинять. Борьба его была такъ жестока, что преждевременно сдѣлала изъ него старика и часто доводила до изнеможенія, и совершенный покой становился необходимымъ для его здоровья.

Очевидно недостатокъ въ деньгахъ и безпокойства, болѣе или менѣе причиненныя его неблагоразуміемъ, много способствовали къ утомленію его духа. Думаемъ также, что на это имѣла вліяніе тѣлесная слабость; онъ былъ человѣкъ нервный, скоро вспыхивалъ и скоро упдалъ духомъ. Былъ больше Кемблъ чѣмъ Англо-Саксъ и конечно вслѣдствіе этого причудливаго темперамента, вдохновеніе давалось ему скупю.

Мало того, Кемблъ страдалъ болѣзненнымъ опасеніемъ чужаго мнѣнія, онъ немножко былъ похожъ на дѣвушекъ, которыя молчатъ, со страху не показаться умницами. Такъ думалъ Джефри, разбирая сочиненія Кембла; это было также мнѣніе Вальтеръ-Скотта и можетъ быть онъ попалъ на главную причину этой болѣзни, когда говорилъ общему ихъ пріятелю:

— Кемблъ страшнѣе для самаго себя; блескъ его первыхъ успѣховъ можетъ остановить въ немъ всякое новое усиліе: онъ боится тѣни, которую бросаетъ передъ нимъ собственная его слава.

Семнадцать лѣтъ послѣ «Гертруды» явился «Теодорикъ» (1821) и незадолго до смерти Кемблъ издалъ еще поэму «The Pilgrim of Glencoe» (1842). Изъ всѣхъ его сочиненій эти два имѣли менѣе другихъ успѣху; они прошли почти незамѣченными. Авторъ однако считалъ первое лучшимъ своимъ произведеніемъ, и во многихъ отношеніяхъ онъ былъ правъ, хотя «Теодорикъ» содержитъ въ себѣ два эпизода, не совершенно согласующіеся между собою и происшествія, изъ которыхъ одни кажутся слишкомъ мелочными возлѣ другихъ; исторія однако рассказана тамъ съ послѣдовательностью и простотою, какихъ онъ не выказалъ въ «Гертрудѣ». Тамъ менѣе театральной изысканности, болѣе того добродушія, которое принадлежитъ оконечностямъ жизни, дѣтству и старчеству; потому

что въ промежуточномъ періодѣ человѣкъ не подчиняется чувству, а рѣшаетъ какъ онъ долженъ чувствовать. «Гертруда» была еще поэмой надежды и желанія, «Теодорикъ» скорѣе поэма воспоминаній и опытности.

Онъ называлъ эту поэму «Домашней исторіей». И въ самомъ дѣлѣ, не одно мѣсто напоминало тамъ Вордсворта, такъ долго презираемаго потомъ и доказывало, что Кемблъ опять послѣдовалъ за общимъ вкусомъ; но прошло то время, когда такія качества какъ его, могли волновать всю Англію.

Неудача была для него великою новостью. Испытаніе однако не очень ему повредило. Во всякомъ случаѣ приписать ли это первому охлажденію публики или годамъ, только въ зрѣломъ возрастѣ его менѣе мучила лихорадка безсильной воли. Въ то время, когда я писалъ «Наслажденія надежды», говорилъ онъ самъ, слава была для меня все; если бы мнѣ предсказали, какъ я сдѣлаюсь впоследствии равнодушнѣе къ славѣ и мнѣнію другихъ, я бы ни за что этому не повѣрилъ». Можетъ-быть онъ представлялъ себя бѣльшимъ стонкомъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ, все таки прежнія опасенія потеряли силу, а во второй половинѣ жизни онъ былъ довольно плодovitъ, по крайней-мѣрѣ для такой капризной и веровой природы. Но хотя бѣльшая часть его отрывковъ, а по нашему мнѣнію самыхъ лучшихъ стихотвореній, появились послѣ «Гертруды», однако же должно считать апогеемъ и концомъ его поэтическаго сіянія. Для него началась эра прозы. «Отъ двадцати-пяти до тридцати лѣтъ, чувствительность и размышленіе совокупляются въ человѣкѣ самымъ сильнымъ образомъ, писалъ онъ. Собственная его переписка подтверждаетъ это мнѣніе. До конца молодости, письма его не изобиловали высокими мыслями. Едва найдешь тамъ пять или шесть мѣстъ, которыя похожи на сужденія и въ нихъ не слишкомъ ясно видно, составилъ ли онъ себѣ точное мнѣніе о характерѣ своихъ корреспондентовъ. Послѣдующія письма интереснѣе, заключаютъ въ себѣ наблюденія, чужды пустыхъ разглагольствій». Въ юныхъ лѣтахъ Кемблъ былъ уже очень знающъ въ дѣлѣ классическихъ древностей. Двадцати-пяти лѣтъ началъ онъ серіозно изучать англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ поэтовъ, читалъ книги сотнями. Изъ всѣхъ атихъ трудовъ произошли его «Чтенія образцовыхъ англійскихъ

поэтовъ» и «Письма объ исторіи англійской литературы.» Перваго мысли объ *образцахъ* пришла ему въ 1805 году и Вальтеръ-Скоттъ сначала условился взять на себя половину этой работы, которая кромѣ избранныхъ выписокъ изъ всѣхъ знаменитыхъ поэтовъ, должна была содержать ихъ біографіи, и критико-историческій опытъ объ англійской поэзіи до Попа. Вальтеръ-Скоттъ скоро отсталъ и Кембль одинъ окончилъ этотъ трудъ. Во время этой работы, онъ снова припалъ за идею, давно задуманную, именно читать публично исторію литературы. Планъ этого чтенія былъ огромный, онъ обвинялъ сначала теоретическіе виды поэзіи и три ея начала, прекрасное, высокое и живописное, потомъ обширный обзоръ еврейской и греческой литературы, трубадуровъ, рыцарскихъ романовъ, итальянскихъ поэмъ, французскаго театра и всего англійскаго парнасса. Королевскій институтъ предложилъ съ удовольствіемъ свои залы (1812), и сто фунтовъ стерлинговъ за пять вечеровъ. Какъ ораторъ, Кембль произвелъ столько же впечатлѣнія какъ и поэтъ. Восторгъ былъ до того великъ, что королевскій институтъ пригласилъ его опять начать чтенія и со всѣхъ сторонъ изъ Ливерпуля, Манчестера, Эдинбурга писали къ нему, добиваясь чести его услышать. Въ Ливерпуль вызвалъ его Роско, увѣривъ, что подписка превзойдетъ сто тридцать шесть фунтовъ стерлинговъ. Кембль безпрестанно дополнялъ первыя рѣчи, прибавляя къ нимъ плоды многочисленныхъ изученій. Цѣль его, которой онъ частью достигъ, состояла въ томъ, чтобъ не оставить безъ вниманія никакой изъ главныхъ литературъ Европы.

Въ 1821 году народный ораторъ принялъ управленіе надъ «New-Monthly-Magazine», которое сохранилъ до 1830 года. Это занятіе доставляло ему 500 фунтовъ стерлинговъ, не считая платы за статьи, но оно было утомительно и наконецъ онъ отказался, придавъ значительное достоинство этому изданію въ отношеніи къ литературно-политическимъ правиламъ. Нѣсколько времени былъ онъ издателемъ другаго журнала «Metropolitan». Какъ въ «New Monthly» онъ помѣстилъ тамъ множество статей, впрочемъ неважныхъ. Съ его склонностью къ свѣту и съ вихремъ литераторовъ, толпившихся вокругъ него, онъ видѣлъ, какъ время убѣгло и не могъ ни на чемъ остановиться; только сдѣлавшись свободнымъ, написалъ онъ три или четыре сочиненія, заключающія рядъ

его произведеній: «*Біографію мисль Сайдонсъ*», *Письма съ Юга* (объ Алжиріи) «*Жизнь Петрарки*», и издавъ Шекспира съ примѣчаніями. Какъ прозаикъ, Кемблъ обладаетъ большими достоинствами. Въ его *біографіяхъ* и «*Письмахъ съ Юга*», слогъ живой, пріятный, живописный, точный. Въ критическихъ сочиненіяхъ находимъ еще болѣе достоинства. Конечно большаго глубокомыслія у него нѣтъ; судя писателя, онъ смотритъ на него со сторонъ, получившихъ уже опредѣленное названіе, каковы остроуміе, чувство, воображеніе, планъ, но съ другой стороны онъ очень ученъ, богатъ точками сравненія и разбираетъ дѣло превосходно въ томъ отношеніи, какъ онъ его понимаетъ. Критики его не распространяютъ умственного горизонта, но тѣмъ не менѣе онъ справедливѣе и полезнѣе многихъ другихъ для здоровой оцѣнки сочиненія и для уразумѣнія книгъ, которыхъ вы сами не читали.

Здѣсь кончается жизнь Кембла въ томъ, что она можетъ имѣть для насъ интереснаго. Теперь остается только упомянуть о многихъ перемѣнахъ мѣста жительства, о путешествіяхъ во Францію, Германію, Алжирію. Куда ни ѣздилъ поэтъ, онъ былъ не одинъ: слава всюду приготовляла ему торжество. Въ Шотландіи женщины бросались къ окнамъ, когда онъ проходилъ, а на пароходахъ и въ публичныхъ мѣстахъ привѣтствовали его восклицаніями.

Чаша однакожъ не была безъ горечи. Онъ лишился младшаго сына въ юномъ возрастѣ, а старшій получилъ растройство въ мозгу. Въ 1828 году смерть жены свергла его въ одиночество, въ которомъ онъ часто походилъ на страдальца. Въ это время онъ былъ ректоромъ въ университетѣ своего роднаго города. Званіе ректора, который тамъ избирается ежегодно, исправлялъ онъ три года, очень прилежно. Это замѣчательно, потому что его предшественники почти не являлись къ должности. Изъ своихъ денегъ назначалъ онъ награды за лучшія поэтическія сочиненія, потомъ вдругъ объявлялъ поэзію не нужною и покровительствовалъ положительному ученію. Жизнь его, впрочемъ, полна такихъ противорѣчій. Студенты его любили, а онъ столько дорожилъ ихъ привязанностью, что желалъ увѣковѣчить память своего ректорства, особеннымъ сочиненіемъ «*History of learning*», гдѣ онъ эти три года представляетъ самыми важными годами своей жизни.

У него были однако болѣе достойныя привычки радоваться ро-

ли, которую онъ игралъ въ другомъ обстоятельствѣ. Мы говоримъ объ участіи его въ 1825 году въ основаніи «*Лондонскаго университета*». Въ Англіи были университеты только въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, и въ оба не принимались студенты другихъ исповѣданій, кромѣ англиканскаго. Послѣ втораго путешествія въ Германию, Кембль задумалъ и привелъ въ исполненіе съ настойчивостью, чрезвычайно у него рѣдкою, планъ новаго академическаго заведенія, которое соединяло въ себѣ выгоды германскихъ и шотландскихъ системъ. Онъ поѣхалъ изучить на мѣстѣ берлинскій университетъ, и благодаря его усиліямъ, въ Лондонѣ учредилось главное учебное заведеніе, открытое для всѣхъ исповѣданій.

По смерти свою Кембль усердно занимался благотворительностью. Онъ сдѣлалъ много добра бѣднымъ всѣхъ состояній и всѣхъ націй, но и здѣсь, какъ всегда, онъ руководствовался впечатлѣніями. Помнѣнію его самое лучшее правило поведенія было то, которое — болѣе всего заключало въ себѣ поэзіи. Въ шестьдесятъ какъ и въ двадцать лѣтъ онъ принадлежалъ къ тому классу людей, которые судятъ не по опыту, но а ргіогі. Онъ оставался поэтомъ женщины и часто самъ говаривалъ: «Мужчины ужасно холодны, однѣ женщины умѣютъ чувствовать все благородное, все блестящее; онѣ тотчасъ примѣчаютъ.» Какъ у него не было молодости, такъ не было и старости. До конца жизни былъ онъ пристрастенъ къ суетамъ міра, любилъ общество, веселые обѣды, заводилъ литературныя общества, обожалъ дѣтей и влюблялся во всякое красивое личико. Мы уже говорили, до чего доходила неосмотрительность его щедрости; не смотря на значительную прибыль отъ своихъ сочиненій, не смотря на полученныя наслѣдства, онъ на послѣднихъ дняхъ своей жизни чуть было не былъ принужденъ снова издать свои сочиненія по подпискѣ. Неожиданное наслѣдство избавило его отъ этой необходимости, но не отъ тяжкаго испытанія умереть вдали отъ родныхъ, въ Буловъц, куда онъ удалился, чтобы жить экономнѣе съ одной изъ своихъ племянницъ, которую взялъ къ себѣ.

Умеръ онъ 15 іюня 1844 года. Кончина его была исполнена покорности Провидѣнію и ясности душевной.

Кембль былъ характера веселаго, дружелюбнаго и очень ос-

троумпъ. Съ неизмѣнной преданностью содержалъ родныхъ, съ постоянствомъ любилъ друзей.

Въ заключеніе, что должно думать объ его сочиненіяхъ? Поэзія его не передаетъ этихъ глубокихъ ощущеній, въ которыхъ сжата цѣлая жизнь Кембла. Кембль былъ вообще пѣвецъ блестящихъ мечтъ, сладкихъ обмановъ сердца. Когда онъ выходилъ изъ этого круга, ему не рѣдко случалось говорить съ горестью и несправедливо объ идеальномъ, сердиться на то, что не все на свѣтѣ сходно съ возмечтанными типами совершенства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ отчасти смягченный Байронъ. Если въ его поэзіи смотрѣть только на умственные и нравственные способности, которыя въ ней выказываются, на степень развитія, до котораго человѣческое существо дошло въ поэтѣ, надо сказать, что ея достоинство не велико, потому что въ немъ, конечно, не было того высокаго превосходства, состоящаго въ томъ, чтобы чувствовать сильнѣе другихъ. Если, напротивъ, смотрѣть въ его стихотвореніяхъ на талантъ передавать впечатлѣнія, рисовать картины, все измѣняется и Кембль является какъ великій художникъ. Онъ въ совершенствѣ обладаетъ даромъ выбирать и согласовать. Касательно обстановки его небольшія піесы верхъ искусства. Съ *«Гогенлинденомъ»*, *«Спускомъ военнаго корабля на воду»* и первыми строфами *«Мертваго судна геллиголандскаго»*, ничто не сравнится. Когда онъ описываетъ сраженіе, его поражаютъ черты, которыя могли поразить и другихъ, но онъ одинъ умѣетъ видѣть вдругъ всѣ черты, не съ перваго взгляду примѣченныя другими, умѣетъ оставить въ сторонѣ вещи безполезныя и напишетъ картину, которая уловитъ, сосредоточитъ, вызоветъ тысячу ощущеній и въ умѣ читателя произведетъ гармонию.

Этого много, но довольно ли для того, чтобы огромный успѣхъ поэта не казался теперь чѣмъ то необыкновеннымъ. Не думаемъ. Слава теперь уже не можетъ доставаться такъ дешево.

ДРЕВНІЯ ГРЕЧАНИКИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

3. Взглядъ на древнюю Гречанку самихъ Грековъ, воспитаніе ея, отношенія къ семейству и къ обществу, значеніе и права ея.

Нельзя не согласиться, что уваженіе къ женщинѣ въ Греціи, а равно и то положеніе, на которомъ она поставлена въ обществѣ, чрезвычайно много обуславливаются господствующимъ взглядомъ на женщину и тѣми понятіями объ ней, которыя имѣются въ наличности и обращаются въ обществѣ. Съ этой стороны любопытно взглянуть на нее у Грековъ. Мы не станемъ, въ этомъ случаѣ, основываться на поэтическихъ мѣстахъ, въ которыхъ съ отличною похвалою говорится о женщинахъ, какъ напримѣръ у Теогниса, по мнѣнію котораго ничего нѣтъ пріятнѣе доброй женщины. Мнѣніе поэта, какъ бы оно ни было выгодно для Гречанокъ, все же остается личнымъ мнѣніемъ, личнымъ убѣжденіемъ его, которое, измѣняясь часто по самой натурѣ поэта раздражительной и непостоянной, не можетъ ни въ какомъ случаѣ служить доказательствомъ въ защиту женщины и

выраженіемъ общаго мнѣнія. Лучше поискать въ сочиненіяхъ философовъ, историковъ и ораторовъ, а равно и въ постановленіяхъ и законахъ, мѣсть и свидѣтельство, которыя бы объяснили намъ по возможности взглядъ на Гречанку современнаго ей общества. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи мы должны довольствоваться отрывочными свѣдѣніями и извѣстіями о нѣкоторыхъ только государствахъ древней Греціи; о полнотѣ же не смѣемъ и гадать. Такъ, между прочимъ, мы знаемъ, что Элене изъ уваженія къ семейству Каллипатеры и къ матерней любви, которая заставила ее перерядиться въ мужчину, и въ этомъ видѣ сопутствовать своему сыну на олимпійскія игры, освободили эту нѣжную мать отъ наказанія, которому подвергалась женщина, осмѣлившаяся присутствовать на олимпійскихъ играхъ. Извѣстно также, что въ Афинахъ жена втораго архонта, носившая имя царицы (*басилисса*), обязана была совершать жертвоприношенія за спасеніе отечества вмѣстѣ съ другими женщинами, которыхъ она была представительницею и которыхъ приготавливала къ этому. Жители Аргоса, изъ признательности за услугу, оказанную ихъ городу Телцилою, которая своимъ мужествомъ и неустрашимостью спасла его въ то время, когда напали на него Спартавцы подъ начальствомъ Кисомена и Дамарата, даровали всему женскому полу своего государства право одѣваться по-мужески и носить оружіе въ день праздника, установленнаго на память этого случая; мужчины же обязаны были надѣвать въ этотъ день женскія покрывала и украшаться лентами, какъ бы въ ознаменованіе того безславія и той трусости, которыми посрамили себя ихъ предки, не умѣвшіе отстоять роднаго города.

Но самое замѣчательное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ намъ одна изъ древнѣйшихъ философскихъ школъ въ Греціи, именно пифагорейская, которая считала неотъемлемымъ достояніемъ и непременною принадлежностію чистой и высокой нравственности уваженіе къ женщинамъ. Пифагорейцы поняли, что съ уваженіемъ къ женщинамъ связано самое благотворное вліяніе на смягченіе нравовъ грубыхъ и безчеловѣчныхъ, на развитіе людскости, на внушеніе мужскому полу чувствъ болѣе че-

древесныхъ и справедливыхъ, къ женеюй, подобнѣ рода человеческого, которой люди одолжены столькими благодѣяніями. Безъ сомнѣнія никто до того времени во всей Греціи не говорилъ еще такъ почитательно о жещидѣ, какъ заговорилъ о ней Пифагоръ въ городѣ Кротонѣ; никто до него не писалъ и не высказывалъ такого высокаго уваженія къ ней. Софтуя, а не приказывая, жещицамъ быть добродѣтельными, благочестивыми и вѣрными своимъ мужьямъ, скромными и благотворительными, онъ отнюдь не только выразилъ то горячее участіе, которое онъ принималъ въ ихъ состояніи, не только доказалъ, что онъ понималъ ихъ природу, но внушилъ имъ уваженіе къ себѣ самимъ и старался пробудить въ душѣ ихъ то убѣжденіе, что и онѣ владѣютъ сокровищами бодѣ драгоцѣнными, нежели золото и серебро, которыми онѣ украшаются. Безъ сомнѣнія счастливѣе убѣдительное его ученіе было то, что Кротонцы рѣшились посвятить Юдонѣ свои драгоцѣнныя убранства и украшения и, согласившись довольствоваться простою одеждою, совершенно посвятили себя своимъ домашнимъ обязанностямъ. Любя мужей и радѣя объ ихъ благѣ, онѣ приобрѣли атимъ взаимную любовь своихъ супруговъ и наслаждались постоянною вѣрностію ихъ въ награду за ту жертву, которую онѣ принесли, чтобы обезпечить счастіе и благосостояніе своихъ семействъ. Само собою разумется, что этому же участію Пифагора въ судьбѣ жещиды было обязано и то явленіе, что ни одна философская школа въ Греціи не считала столько жещинъ между своими последователями, какъ Пифагорейская. Уже одни имена: Фило, Филетидъ, Миди, Азары, Периктионы и многихъ другихъ Пифагореечекъ, которыхъ Ямбликъ насчитываетъ до двадцати семи, и которыя были замѣчательны не только по жизни, но и по своимъ сочиненіямъ, доказываетъ эту истину лучше всякихъ рѣчей и разсказовъ. Само собою разумется, что эти имена не дошли бы до насъ и погибли бы въ потоцѣ времени, какъ множество другое изъ древняго міра, если бы сами Пифагорейцы не передали ихъ намъ, побуждаемые къ тому желаніемъ почтить доблесть и мудрость въ лицѣ своихъ жещъ и дочерей, равно какъ и въ лицѣ своихъ друзей и учениковъ. Мы ни сколь-

ко не ручаемся за достоверность всего того, что передано намъ о благородствѣ Пифагорейнокъ, за вѣрность всѣхъ тѣхъ словъ и изреченій, которыя имъ приписываются, и которыя свидѣлствуютъ о душѣ возвышенной и сильной, о благородныхъ помыслахъ этихъ женщинъ: но все-таки замѣтимъ, что столько свидѣтельствъ, столько рассказовъ и анекдотовъ, столько намековъ, перешедшихъ къ намъ изъ древности, столько разъ повторявшихся, переходившихъ изъ устъ въ уста, не могли не имѣть какого-либо основанія, не могли быть передаваемы изъ рода въ родъ, какъ преднамѣренная выдумка, или какъ пустая болтовня, какъ бессмысленный слухъ, ни на чемъ не основанный, а зародившійся такъ, безъ всякой причины и повода.

Уваженіе къ женскому полу, которое въ Кротонѣ было слѣдствіемъ наставленій и ученія Пифагора, въ Локрахъ возникло и образовалось вслѣдствіе древняго обычая, по которому тѣ только семейства въ этомъ государствѣ были благородны, изъ которыхъ выбирались дѣвцы, посылаемыя по опредѣленію оракула, ежегодно въ Трою. Кромѣ того Локряне блестящимъ образомъ мы сказали и свое довѣріе и уваженіе къ женскому полу и слѣдующимъ распоряженіемъ: переживъ у Сицилійцевъ одинъ религиозный праздникъ, они поручили дѣвицѣ одну изъ самыхъ почетныхъ должностей на этомъ праздникѣ, — должность фазеоры, постоянно исполняющуюся въ Сициліи юношею.

Но ни въ одномъ греческомъ государствѣ женщины не достигли такого высокаго уваженія, какъ въ Спартѣ; и этимъ они обязаны Ликурговымъ учрежденіямъ. Проникнутый съ одной стороны убѣжденіемъ въ благотворной силѣ вліянія, которое можетъ имѣть женщина на благосостояніе и права человѣка, обязаннаго ей не только жизнью, но и первыми началами воспитанія и образованія, почерпаемыми изъ словъ и наставленій матери, Ликурзь обратилъ особенное вниманіе на воспитаніе и развитіе тѣхъ, которыя должны исполнять важныя обязанности матерей, супруговъ и помощницъ въ жизни его соотечественниковъ. Съ другой стороны, увѣренный въ той истинѣ, что женщина, приученная съ самой нѣжной юности къ трудамъ и тѣлеснымъ упражненіямъ, столько же осваивается съ ними, какъ и мужской полъ, и, допу-

стивь женщину заниматься гимнастикой, онъ далъ ей въ спарта-скомъ обществѣ гораздо высшее и почетнѣйшее мѣсто, нежели то, которое она занимала въ другихъ государствахъ Греціи. Любимою мыслью Ликурга было стремленіе укрѣпить организмъ молодыхъ дѣвушекъ: чтобы достигнуть этой цѣли, онъ предписалъ имъ участвовать въ играхъ, учиться плаванію и бѣганію, бросать дискъ и копье, и совершенно воспретилъ имъ извѣщенный образъ жизни, усвоенный женщинами въ другихъ странахъ; онъ хотѣлъ, чтобы женщина производила на свѣтъ сильныхъ и здоровыхъ дѣтей, которыя впоследствии пригодились бы на пользу и службу государству, и чтобы они въ состояніи были мужественно переносить боли, неминуемыя при родахъ. Оттого жизнь прекрасной Спартанки — а Спартаки славились красотою — проходила совершенно въ иныхъ занятіяхъ, чѣмъ жизнь другихъ Гречанокъ, и лучшею женщиною считалась не та, которая лучше всѣхъ умѣла приготовить ткани или стряпать кушанье, но та, которая могла похвалиться ловкостью движеній, быстротою бѣга, искусствомъ управлять оружіемъ. Своими законами касательно воспитанія и выдержки женскаго пола, Ликургъ ясно доказалъ, что онъ прекрасно понималъ, какое сильное вліяніе можетъ имѣть женщина на душу чловѣка; — и къ чести Ликурга надобно сознаться, что ни одинъ законодатель древности не былъ такъ сильно проникнутъ этою истиною. Ликургъ не столько возвысилъ Спартанку, чѣмъ уравнивалъ ее съ мужщиною. При извѣстныхъ праздникахъ, въ пѣсняхъ и припѣвахъ не только упрекать, но даже издѣваться надъ юношами, показавшими себя не столько ловкими и не столько прилежными къ упражненіямъ и къ своимъ обязанностямъ; напротивъ хвалить и прославлять смѣлость, мужество и ловкость ихъ. Можно себя представить, какое дѣйствіе производили на лакедемонскую молодежь эти похвалы и эти упреки, особенно высказанные въ присутствіи почетныхъ стариковъ, уважаемыхъ начальниковъ или родителей. Какъ высоко стояла лакедемонская женщина, когда мѣсто ея было употреблено, какъ поощреніе, какъ награда или наказаніе для спартавской молодежи, когда похвала ея ободряла и живила юношу, дѣлала его счастливымъ и гордымъ, а порицаніе стыдило, уни-

жало его и падало тяжелымъ бременемъ на его душу! Плу-
тархъ говоритъ, что тѣ, которыхъ прекрасныя дѣйствія были хва-
лмы и которыхъ имя прославлялось этими дѣвушками, возвра-
щались домой гордые похваламъ; а упреки и насмѣшки, которымъ
подвергались другіе, были для нихъ тяжелѣе, чѣмъ самые стро-
гіе выговоры; тѣмъ болѣе, что все это дѣлалось въ присутствіи
всѣхъ гражданъ, сенаторовъ и даже царей. — Ликургъ думалъ
что вездѣ, гдѣ женщина не исключена изъ присутствія мужчины,
гдѣ соединеніе и общительность между обоими полами не изво-
лются законами или обычаями, гдѣ женщина имѣетъ равныя пра-
ва съ мужчиною, — тамъ похвала и одобреніе, сказанныя пре-
красными устами, составляютъ могущественное орудіе, самое дѣ-
ствительное средство побудить къ благороднѣйшимъ поступкамъ
и доблестнымъ подвигамъ. Ликургъ прекрасно понималъ то вы-
ліе, какое можетъ имѣть доблесть, заслуга женщины и уваженіе
къ ней на общественные нравы, и слѣдовательно на благососто-
яніе государства. Онъ понималъ это и умѣлъ поддержать по-
становленіемъ, по которому вновь избранный сенаторъ подавалъ
собственными руками половину двойной порціи, опредѣленной ему,
трѣй изъ женщинъ; которую считалъ наиболѣе достойною такой
почести, — и при этомъ провозносилъ громкимъ голосомъ, что онъ
уступаетъ ей часть опредѣленной ему награды для того, чтобы
хвалили и прославляли ее подруги. Въ это время всѣ другія же-
нщины, присутствовавшія при этомъ, принимали ее, отводили въ
домъ при восклицаніяхъ и похвалахъ въ честь ея.

Отсюда впрочемъ ни чуть не слѣдуетъ, что всѣ Ликурговы по-
становленія и узаконенія относительно женщинъ достойны одо-
бренія; напротивъ, мы думаемъ, что Ликургъ и въ этомъ случаѣ,
какъ и во многихъ другихъ, слишкомъ далеко зашелъ, слишкомъ
многого требовалъ и часто не сообразно съ женскою природою,
и что поэтому онъ не достигъ вполне своей цѣли. Но все это ни
чуть не опровергаетъ прежде сказаннаго, именно: что онъ возвы-
силъ Спартанку въ гражданскомъ значеніи до такой степени, до
какой не возвышалась Гречанка другихъ областей. Впрочемъ Ар-
истотель и Плутархъ замѣтили гибельныя слѣдствія свободы, кото-
рою пользовались женщины въ Спартѣ, особенно же послѣдній

западаетъ на манеру одѣваться, совершенно неприличную женскому полу.

Какъ бы то ни было : положимъ, что Лякурзь и ошибался и заходилъ слишкомъ далеко, и слишкомъ много требовалъ; но все таки ни въ одной области изъ всей Греціи не находимъ столько женщинъ, какъ въ Спартѣ, которыя бы ознаменовали себя мужествомъ, великодушіемъ и исполненіемъ своихъ обязанностей къ родителямъ и супругамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Какою благородною гордостію дышать слова Горго, жены Леонида, когда ей сказали: только вы, Лакедемонянки, умѣете управлять людьми. Она отвѣчала: за то мы только одни и рождаемъ на свѣтъ людей! — Хелонида, которой отецъ Леонидъ и супругъ Клеомбротъ держались въ политикѣ разныхъ партій, послѣдовала сначала за своимъ отцомъ въ ссылку; а потомъ, когда онъ, возвратившись въ отечество побѣдителемъ, поразилъ въ свою очередь непріятелей ищениемъ, и между ними Клеомброта, она, выпросивши сперва ему жизнь, оставила во второй разъ отечество и отправилась съ своимъ супругомъ въ изгнаніе. Хелонида, которая не задумалась оставить своего супруга и своихъ дѣтей, чтобы служить необходимою подпорою и утѣшеніемъ своему отцу въ ссылкѣ, не хотѣла остаться въ Спартѣ, а рѣшилась послѣдовать за тѣмъ, кого считала наиболѣе нуждавшимся въ ея заботахъ и утѣшеніи; и потому, взявши дѣтей, одного на одну руку, другаго на другую, пошла съ мужемъ въ изгнаніе. — Какую высокую доблесть, какую благородную жертву представила Кратизиклея, мать Клеомена, когда для обезпеченія своему сыну и разоренному отечеству помощи могущественнаго египетскаго царя, она рѣшилась, по требованію само царя, отправиться заложницею въ эту отдаленную страну, и даже выговаривала сыну съ нѣжною кротостію за то, что онъ колебался передать ей требованіе египетскаго царя. Когда насталъ день ея отъѣзда, весь спартанскій народъ, вооруженный, провожалъ ее къ Тайвару, гдѣ Клеоменъ, чтобы скрыть слезы отъ толпы, простился съ матерью и сыномъ въ храмѣ Посейдона. Какая пламенная любовь и какая неустрашимость въ послѣднія минуты Панден, молодой женщины, сопутствовавшей въ походахъ тому-же Клеомену. Мы не приводимъ другихъ

примѣровъ доблести спартавскихъ женъ, считая достаточнымъ и того, что сказано.

Отсюда видно, что Гречанка историческихъ временъ успѣла уже пріобрѣсть значительное уваженіе во мнѣніи Грека и тогдашняго общества, хотя не во всѣхъ государствахъ въ одинаковой степени, но въ одномъ больше, въ другомъ меньше. При всемъ томъ и въ историческую эпоху было много людей, и притомъ самыхъ образованныхъ, которые смотрѣли недобрымъ окомъ на женщину, которые смѣялись и издѣвались надъ нею, унижали ее. Одною изъ причинъ неуваженія къ женщинѣ былъ страшный, даже смѣшной, по нашему, взглядъ на нее, именно: Греки считали одного мужчину началомъ жизни себѣ подобныхъ существъ. Это понятіе ясно высказано и признано всею Греціею въ томъ мнѣніи, которымъ вся древность почтила Минерву, рожденную отцомъ безъ соучастія матери. Минерва сама говоритъ о себѣ у Эсхила: « Не мать родила меня, я вся принадлежу отцу; и потому не стану заботиться объ убійствѣ женщины, погубившей мужа, владыку дома».

Чтобы доказательно убѣдиться въ томъ, какъ невыгодно думали объ женщинѣ многіе изъ образованнѣйшихъ Грековъ, мы не станемъ указывать на сатиры Симонида, на рѣзкія выходки противъ женскаго пола многихъ трагическихъ и комическихъ поэтовъ, которыхъ мнѣніе не можетъ похвалиться постоянствомъ, но часто измѣняется переходя отъ похвалы къ упреку и на оборотъ, и зависить отъ времени, мѣста, обстоятельствъ, нерѣдко отъ природы самаго предмета, избраннаго для драмы; не станемъ основываться и на сатирахъ Эврипида, не любившаго женщинъ, быть можетъ потому, что самъ былъ несчастливъ въ своей женитьбѣ, или потому, что эта ненависть, существовавшая только въ трагедіи, а не на самомъ дѣлѣ, доставила Эврипиду нѣсколько блестящихъ и краснорѣчивыхъ выходокъ противъ женскаго пола, къ которымъ можно отнести и слѣдующія слова Меду: « Мы женщины отъ природы совершенно неспособны къ добру, но мы самыя искуснѣйшія изобрѣтательницы золь», или слова Язона въ той же трагедіи: « Нужно, чтобы смертные другимъ какимъ-нибудь способомъ рождали

« дѣтей, и чтобы не было женскаго пола; въ такомъ случаѣ не
 « было бы никакого зла людямъ. Или слова Гипполита:» Зевесъ,
 « на что ты послалъ подъ солнце женщинъ, — это коварное зло
 « людямъ на бѣду. Если уже ты хотѣлъ распространить родъ
 « человѣческой, то слѣдовало бы сдѣлать это не отъ женщины;
 « но пусть бы люди, платя золотомъ, или желѣзомъ, или мѣдью,
 « покупали бы въ твоихъ храмахъ дѣтей; а въ своихъ домахъ
 « жили бы свободно они безъ женщинъ; теперь же вводя въ
 « домъ это зло, мы губимъ счастье домовъ.» Подобныхъ мѣстъ
 можно набрать у Эврипида много и нѣкоторыя изъ нихъ выра-
 жаютъ не столько личное мнѣніе автора, сколько взглядъ цѣлаго
 общества на женщину; но мы оставляемъ ихъ потому, что въ
 подтвержденіе высказаннаго можемъ привести мнѣнія людей мы
 слашихъ, стоявшихъ гораздо выше обычнаго времени взгляда на
 предметы, мнѣнія философовъ, которые, не высказывая горькаго
 презрѣнія къ женскому полу, не издѣваясь надъ нимъ, подобно
 комикамъ и трагикамъ, старались указать приличное, по ихъ взгля-
 ду, мѣсто женщинъ въ тогдашнемъ обществѣ. Замѣчательно,
 впрочемъ, что изъ Грековъ, жившихъ послѣ Пифагора, никто не
 воспользовался его взглядомъ на женщину и непримѣнилъ его къ
 дѣлу. Извѣстно также что Сократъ не уважалъ своей жены и уда-
 лялъ ее изъ своего присутствія, хотя и былъ убѣжденъ, что дѣти
 должны любить свою мать, за ея попеченіе и заботы объ нихъ.
 Ксантппа была женщина сварливая, неуживчивая, вовсе непони-
 мавшая Сократа. Всякому, конечно, знакомы рассказы объ ихъ до-
 машнихъ ссорахъ, если только вѣрять имъ: и не смотря на то,
 когда Сократа заключили въ темницу, она приходила выразить
 ему свое сожалѣніе и участіе. Въ Менонѣ — самъ Менонъ, обра-
 щаясь къ Сократу, говоритъ: Если тебѣ угодно знать, чтѣ та-
 кое добродѣтель мужчины, скажу: она есть способность испол-
 нять общественныя должности и, исполняя ихъ, добротот-
 ствовать друзьямъ, и смотрѣть, какъ бы не обидѣть самого
 себя; а когда хочешь опредѣлить добродѣтель женщины, то не
 трудно разобрать, что ея дѣло хорошо править домомъ, бере-
 гая, что въ немъ есть и слушаясь мужа». Аристотель иногда
 невыгодно думаетъ о женщинѣ въ своей естественной исторіи, обо-

значая различіе между мужчиною и женщиною, онъ говоритъ, что женщина больше чувствительна къ бѣдствіямъ другаго и болѣе дѣтельна, но она же больше увлекается къ зависти, досадѣ, злословію, и столько же способна обманываться, какъ и обманывать. Впрочемъ, не смотря на это незавидное мнѣніе о женщинѣ и не смотря на то, что, по его мнѣнію, мужчина выше женщины въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ, что мужчина есть начальникъ, а женщина подчиненное существо, Аристотель перипраждаетъ варваровъ, которые помѣщаютъ женщину на одну степень съ невольникомъ. Наконецъ Плутархъ, сообразовавшійся во многомъ со взглядомъ Римлянина на женщину и въ общихъ чертахъ приближавшійся къ нашему времени, требуетъ однако жъ, чтобы женщина не имѣла ни желанія, ни отвращенія собственнаго, чтобы она и въ шуткѣ, и въ важныхъ дѣлахъ, и въ радости, и въ горести совершенно принадлежала мужу, во всемъ сообразовалась съ его желаніями, чтобы она не имѣла другихъ друзей, кромѣ друзей своего мужа, чтобы не чтала другихъ боговъ, кромѣ боговъ своего мужа, чтобы она была снисходительна къ его проступкамъ. Но онъ же самъ говоритъ: «Мужу слѣдуетъ господствовать надъ женою, но не такъ, какъ владѣтелю надъ собственностью, но какъ душѣ надъ тѣломъ, сочувствуя ей, и какъ бы срастаясь съ ней въ благорасположеніи. Какъ душа заботится о тѣлѣ, не служа впрочемъ рабски его похотямъ, такъ и владычество мужа должно быть ласково и пріятливо.

Сообразно этимъ понятіямъ о женщинѣ и тѣмъ требованіямъ, которые условливались домашнею и семейною жизнью древняго Грека, бывшею постояннымъ поприщемъ дѣятельности Гречанки, старались доставлять ей и воспитаніе. Говоря строго, женщина у Грековъ не получала такого воспитанія, какъ получаютъ его теперь болѣею частью, и сообразно тому требуютъ; для нея не наняли учителей разныхъ наукъ и искусствъ; ее не отдавали въ женскую школу или въ женскій пансіонъ, какихъ у насъ много, и какихъ у Грековъ совершенно не было. У Грековъ были только школы для мальчиковъ; для дѣвочекъ же ихъ не было, хотя Платонъ и желаетъ особенныхъ мѣстъ, гдѣ бы дѣвочки и мальчики отдѣльно могли учиться и заниматься гимна-

стиною; онъ же требуетъ танцовальныхъ учителей для мальчиковъ, а для дѣвочекъ учительницъ. На самомъ дѣлѣ этого не существовало; это было одно изъ Платоновыхъ предположеній, одна изъ его идей. Ни откуда не видно, чтобы Греки имѣли особыя женскія школы; даже самыя понятія о женской скромности и стыдливости, бывшія въ ходу у Грековъ, противорѣчили бы этому: считалось бы неприличнымъ дѣвущкѣ, еслибы она училась не дома, а въ другомъ мѣстѣ, отдѣльно отъ родительскаго дома. Отсюда впрочемъ ни чуть не слѣдуетъ заключать, что дѣвущекъ не учили. Напротивъ, ихъ учили, только дома; ученіемъ завѣдывала или мать, или какая-нибудь старуха, напримѣръ няня; ученіе ограничивалось чтеніемъ и письмомъ. Кромѣ того учили необходимому женскому рукодѣлю, — шить, вышивать, ткать, прясть и прочая; при такомъ воспитаніи едвали могли быть у Грековъ ученые образованныя женщины, хотя изъ нѣкоторыхъ намековъ видно, что и между Гречанками — были довольно образованныя женщины. Но зато у нихъ не было и такихъ несносныхъ и вздорныхъ болтунь, образецъ которыхъ передалъ намъ Ювеналъ изъ римскаго міра: « Эта знаетъ, говорить онъ, что дѣлается въ цѣломъ мірѣ, что замышляютъ Серы и Фракіицы; за обѣдомъ хвалитъ Вергилія, толкуетъ о влюбленной Андонѣ; сравниваетъ и сличаетъ поэтовъ; разбираетъ достоинства Марона и Гомера, ей уступаютъ грамматикки; передъ нею умолкаютъ риторы и все безмолвствуетъ: ни страницему, ни глашатаю не переговорить ее; — такое множество словъ льется у нее изъ устъ! Подумаешь, что звучатъ тазы и колокольчики!» — При воспитаніи женщины Греки обращали особенное вниманіе на развитіе у дѣвущекъ стыдливости и скромности, переходившей иногда въ робкую застѣнчивость, которая усиливалась еще и отъ того обстоятельства, что дѣвущку рѣшительно старались удалить отъ всякаго знакомства съ мужчиною до замужества и содержать ее въ женскомъ отдѣленіи дома, гдѣ она жила въ совершенномъ уединеніи и невѣдѣніи того, что происходитъ на свѣтѣ. Слѣдовательно, дѣвущки Гречанки далеко были отъ того, чтобы усвоить себѣ тѣ качества, которыми отличается молодая женщина нашего времени и которыя у Грековъ, по всей вѣроятности, не пригодились бы; потому что

у нихъ не было ни выѣздовъ въ свѣтъ, ни баловъ, ни концертовъ, ни собраній. Вышедши замужъ, Гречанка продолжала учиться и пополнять свое недостаточное образованіе въ бесѣдахъ и наставленіяхъ добраго мужа — если таковой попадался ей, — который для молодой жены былъ не только властелиномъ, господиномъ, но, по выраженію одного поэта, отцомъ, братомъ, матерью, наставникомъ; отъ него-то она узнавала многое, чего прежде не могла передать ей мать, и что въ дѣвическомъ состояніи не было ей необходимымъ.

Гречанки совершенно были подчинены волѣ своихъ отцовъ, которые, не спрашивая своихъ дочерей, распорядились ихъ рукою по собственной волѣ и выдавали ихъ за тѣхъ, кому угодно было. Въ героическія времена рука дочери доставалась тому, кто обладалъ большими физическими силами, или большею ловкостью, или смѣлостію и прочая теперь не тѣлесная сила доставляла Греку невѣсту по другимъ средствамъ. При всемъ томъ, однако жъ, въ выборѣ жениха невѣста почти что не участвовала. Чтобы убѣдиться въ истинѣ нашего замѣчанія, приводимъ слѣдующій рассказъ Геродота: «Клисеенъ Сикіонскій извѣстляя черезъ глашатая: кто
« считаетъ себя достойнымъ сдѣлаться его зятемъ, пусть явится къ
« нему въ Сикіонъ, въ шестидесятый день послѣ объявленія; тамъ
« онъ выберетъ достойнѣйшаго и выборъ свой объявитъ черезъ
« годъ послѣ шестидесятаго дня. На приглашеніе сошлось со всей
« Греціи, кто считалъ себя достойнымъ выбора. Явилось всѣхъ со-
« искателей руки Клисееновой дочери тридцать: отъ каждого
« Клисеенъ отбиралъ свидѣнія, какого рода и изъ какой онъ земли;
« потомъ, оставляя у себя, давалъ убѣжище въ своемъ домѣ,
« чтобы, въ продолженіе срочнаго времени испытать достоинства
« и склонности, нравы и образованность каждого, отчасти въ бе-
« сѣдахъ, которыя Клисеенъ имѣлъ съ каждымъ отдѣльно, от-
« части въ общихъ бесѣдахъ, въ гимнастическихкихъ упражненіяхъ,
« особенно же за пирахъ, на которые онъ приглашалъ ихъ. Тамъ
« поступалъ онъ съ ними во все время испытанія, и содержалъ
« ихъ великолѣпно. Въ назначенный срокъ для объявленія вы-
« бора, Клисеенъ заклалъ сто быковъ, и угостилъ не только ис-
« кавшихъ руку дочери, но и всѣхъ Сикіонцевъ. Послѣ оконча-

« нѣ шра женихи забавлялись музыкою и другими увеселеніями. Клицсена, возстановивши тишину и молчаніе, сказалъ собратію: Женихи моей дочери, хвалю васъ всѣхъ и, еслибы было возможно, желалъ бы услужить всѣмъ вамъ, не хотѣлъ бы брать одного, а отказать всѣмъ прочимъ. Но такъ какъ немогу удовлетворить всѣмъ, потому что у меня одна только дочь; то въ замѣнъ этого, каждому изъ васъ, на кого не палъ мой выборъ, я дарю по таланту серебра въ знакъ благодарности за оказанную мнѣ честь и за путевыя издержки на проѣздъ сюда изъ дому; выбираю же Мегаклеса». Во всемъ этомъ разказѣ ни разу не упоминается о дочери: объ ней ни сколько не думаютъ; видно, что искашіе ея руки не были знакомы и не имѣли никакого сообщенія съ нею; по этому, безъ всякаго сомнѣнія, они даже и не позаботились о томъ, чтобы понравиться ей. Отецъ угощаетъ ихъ; отецъ дѣлаетъ для нихъ великолѣпныя игры; они упражняются съ ними; они бесѣдуютъ съ нимъ, стараются приобрести его довѣріе и вниманіе; дочери какъ будто не существуетъ, какъ будто они сошлись не для нея, какъ будто она постороннее лицо, такъ что, когда въ послѣдній день выбранъ былъ зять, она, по всей вѣроятности, и не знала назначеннаго ей жениха. Все это можетъ показаться намъ довольно страннымъ; мы можемъ, по всей справедливости, вывести, что участь дѣвушки-Гречанки была очень и очень незавидна: однако, при всей очевидности нашего вывода, мы замѣтимъ, что сравнительно съ предшествующими вѣками, цивилизація сдѣлала значительные успѣхи и имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу греческой женщины. Въ первую эпоху, гомерическую, судьбу дѣвушки, какъ мы сказали, рѣшала тѣлесная сила, или тѣлесная ловкость жениха, а теперь обращаютъ вниманіе на способности, наклонности, на характеръ будущаго мужа, такъ что одинъ изъ сонскателей, именно Гиппокладъ, начавшій танцовать и показывать всякаго рода ловкость въ движеніяхъ и танцахъ, чтобы окончателно привлечь на свою сторону Клицсена, совершенно не понравился отцу невесты, который отвѣчалъ ему: « Ты протанцовалъ свой бракъ.»

Отсюда уже видно, что отцы совершенно располагали рукою своихъ дочерей, и на это право смотрѣли, какъ на неоспоримую

принадлежность отцовской власти, освященную и вѣками и обычаями, и даже законами, такъ что позволеніе, данное Калліасомъ дочерямъ, которыхъ у него было три, выбрать супруговъ, было разсматриваемо, какъ неслыханное обстоятельство, и Геродотъ, говоря о Калліасѣ, прибавляетъ слѣдующее: «Этотъ Калліасъ достоинъ того, чтобы объ немъ всегда помнили, отчасти за то, что онъ пламенно любилъ свое отечество, отчасти за то, что онъ былъ два раза побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ, и разъ на панаэнейскихъ, гдѣ превзошелъ всѣхъ состязателей, отчасти за обхожденіе со своими дочерьми, которыми, когда онъ достигъ совершеннѣйшаго, далъ богаче приданое и позволилъ каждой изъ нихъ выбрать супруга, кого захочетъ, — и за того выдалъ.» И потому, мы ни сколько не погрѣшимъ, если скажемъ, что подобныхъ случаевъ въ Греціи было чрезвычайно мало; иначе Геродотъ не сталъ бы выставлять Калліасова поступка заслуживающимъ особеннаго вниманія. Теперь понятно, отчего Страбонъ и Діодоръ ясно выражаютъ свое удивленіе, рассказывая объ обычаяхъ одного индійскаго народа заключать браки согласно выбору молодыхъ людей. Право отца, въ этомъ случаѣ, такъ было сильно и неопровержимо въ Греціи, что отецъ, умирая, по завѣщанію даже могъ располагать рукою дочери и назначить ее тому, кого онъ признавалъ достойнымъ или приличнымъ для своей дочери. Такъ мы знаемъ изъ завѣщанія Аристотеля, упоминаемаго у Діогена Лаэртія, что этотъ философъ завѣщаетъ своей дочери выйти за мужа за Никанора, и позволяетъ Теофрасту жениться на ней, если Никаноръ умретъ прежде прижитія съ нею дѣтей. Даже мать не принимала никакого участія въ этомъ, и ее столь же мало спрашивали относительно замужества дочери, какъ и самую дочь. Въ приведенномъ нами рассказѣ Геродота, постоянно говорится только о Клизменѣ, а о женѣ его не упоминается ни слова. Авторъ экономіи, приписываемой Аристотелю, требуетъ, чтобы жена, въ этомъ случаѣ, совершенно не имѣла своего мнѣнія, а подчинялась бы вполне своему мужу. Въ романѣ Лонга Мегаклесъ, отецъ Хлоя, которую онъ, бывши не въ состояніи воспитать по бѣдности, покинулъ въ пещерѣ тотчасъ послѣ рожденія, и которую впоследствии нашелъ взрослою

уже дѣвушкою, является въ романѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, на первомъ планѣ, а мать ея Роде какъ-бы не существуетъ; она приходитъ только тогда, когда отецъ приказалъ позвать ее; такъ что встрѣча найденной дочери съ матерью, которую какой-нибудь романистъ непременно воспользовался бы, и изъ которой извелъ бы занимательную сцену, пропущены въ молчаніи. Но лучше всякихъ примѣровъ доказываетъ истину нашихъ словъ, по крайней мѣрѣ относительно Аениа, законъ, упоминаемый Демосеевомъ въ одной изъ его рѣчей, именно въ рѣчи противъ Стеана. Поэтому закону отецъ располагалъ рукою дочери, а по смерти отца брать его; при недостаткѣ же брата — дѣдъ. Сирота же наследница (*эпиклеросъ*) состояла по-праву во власти того изъ своихъ родственниковъ, который смотря, по степени родства, опредѣленнаго закономъ, долженъ былъ жениться на ней, и въ томъ только случаѣ, когда не было родственниковъ, дочь могла выбрать себя кого ей угодно.

Слѣдовательно, Алкифронъ вѣрно изобразилъ нравы Грековъ историческаго періода въ одномъ изъ своихъ писемъ. Мать пишетъ къ своей дочери, предпочитавшей прекраснаго молодого чело-вѣка съ изящными манерами, сыну кормчаго, которому отецъ общалъ ее въ супружество, — и совѣтуетъ ей послушаться отца: «Ты глупа, моя милая, пишетъ мать, у тебя не достаетъ людскаго толку; тебѣ нужно чемрицы*, не какой нибудь обыкновенной, но самой лучшей, именно анкирской.» И потомъ немного далѣе: «И такъ будь умна, мое дитя, прійми въ разсужденіе волю отца: будь увѣрена, что онъ не задумается ни минуты надъ тобою, схватитъ тебя и броситъ въ море на съѣденіе огромнымъ чудовищамъ, плавающимъ въ его водахъ.» Повсему видно, что Алкифронъ, хотя жилъ по однимъ между третьимъ и четвертымъ столѣтіями, по другимъ нѣсколько позже, живо помнилъ причты необычайной строгости отцовъ къ своимъ дочерямъ, когда онѣ рѣшались сопротивляться ихъ распоряженіямъ.

По смерти отца брать располагалъ рукою сестры, и получалъ

* Чемрица употреблялась у древнихъ, въ разныхъ болѣзняхъ, какъ-то въ сумасшествіи, эпилепсін, мигренозѣ и пр.

такую же власть надъ нею, какую имѣлъ отецъ надъ дочерью. Такъ напримѣръ дочь Полларата, о которой говоритъ Демосоевъ въ одной изъ своихъ рѣчей, была отдана отцомъ своимъ въ супружество Клеомедону, сыну Клеона, и потомъ по смерти своего отца и своего первого супруга получила новаго мужа изъ рукъ братьевъ Мавексена и Баомла. Изей въ одной рѣчи упоминаетъ о двухъ братьяхъ, которые, по смерти отца, сами выдали замужъ своихъ сестеръ; младшую изъ нихъ выдали за какого-то Менеклеса, желавшаго жениться на ней. Известный Кимонъ, сынъ Мильтіада, отдалъ свою сестру Элпинику, Калліасу, съ условіемъ заплатить нею, къ какой приговоренъ былъ отецъ его Мильтіадъ. По словамъ Аюеня, она вышла замужъ въ то время, когда Кимонъ находился въ изгнаніи. Изъ Плутарха видно, что Калліасъ влюбился въ Элпинику, и женился на ней; нельзя только рѣшить изъ его разсказа, добровольно-ли Элпиника вышла за него, или по настоянію своего брата Кимона.

Выше сказано, что отцы назначали въ завѣщаніи руку своихъ дочерей известнымъ лицамъ; точно также и мужья умирая передавали по завѣщанію свою жену другому. Такъ, отецъ Демосоева, умирая завѣщалъ Аюбу, кромѣ известной суммы денегъ, и жену свою, а Демосонту свою дочь. Деньги то они взяли и завладѣли всѣмъ, чѣмъ можно было поживиться отъ малолѣтняго Демосоева, оставшагося послѣ отца семи лѣтъ, но матери и сестры они не взяли. Плутархъ разсказываетъ, что Алкивіадова жена Гиппарета была женщина, замѣчательная своими добродѣтелями; не могла своимъ его невѣрности, оставила его дочь и удалась къ своему брату. По законамъ слѣдовало женѣ, оставшей мужа, самой лично, а не черезъ опекуна представить архонту разводную. Гиппарета явилась, чтобы исполнить требованіе закона, тутъ же паходился и самъ Алкивіадъ, который схватилъ ее поперегъ тѣла, поднялъ на себя, прошелъ съ всю площадь, и увезъ ее къ себѣ въ домъ, — и никто не осмѣлился помѣшать ему въ этомъ. Плутархъ прибавляетъ: «это насиліе не считалось протнвымъ ни закону, ни гражданственности и никто слишкомъ не порицалъ его; законодатель для того только позволялъ женщинамъ являться публично съ жалобой, что-

«бы дать возможность мужу говорить съ нею и взять ее обрат-но.» Этими обычаями и учреждениями ни сколько, по нашему, не противорѣчатъ слова Алкмана, греческаго лирика, жившаго за 670 или 640 лѣтъ до Рождества Христова; по его мнѣнію, мужу можно все говорить, что считаетъ онъ приличнымъ, жена же должна находить все, что онъ ни скажетъ, достойнымъ одобренія.

По семейнымъ понятіямъ Грековъ — первымъ условіемъ домашняго счастья и спокойствія были повиновение и молчаніе женъ, такъ что въ числѣ эмблемъ, украшавшихъ гробницы женщинъ, находятся не только пѣтухъ — эмблема дѣятельности и неуспѣшности, и узда — эмблема благоразумія и осмотрительной осторожности въ управленіи хозяйствомъ; но даже намордникъ — эмблема молчаливости. Аристотель говоритъ, что мужъ черезъ свои достоинства господствуетъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ слѣдуетъ ему господствовать, и уступаетъ женѣ то, что ей прилично. Если же мужъ захочетъ властвовать надъ всѣмъ, то домашній бытъ измѣняется, потому что мужъ поступаетъ вопреки своему достоинству. Безошибочно можемъ причислить къ послѣднему классу и тѣхъ мужей, на которыхъ въ Аристофановой комедіи «Фесмофорія зусы» жалуются женщины за то, что они не даютъ имъ никакой власти въ домѣ, запираютъ ихъ на замокъ въ женскихъ половинкахъ, стерегутъ, не даютъ ключей, сами выдаютъ муку, масло, вино, и распоряжаются всѣмъ хозяйствомъ.

Женщина, по-крайней-мѣрѣ въ Афинахъ, не имѣла никакой самостоятельности; во всю жизнь смотрѣли на нее, какъ на несовершеннолѣтнюю; и потому передъ правомъ и передъ закономъ она почти не имѣла значенія, такъ что все, что мужъ сдѣлалъ по совѣту или по просьбѣ жены, могло быть недѣйствительно. Женщины въ Афинахъ, подобно дитятѣ, не позволялось располагать ни завѣщанію стоимостью выше одного медимна ячменя, запрещалось заключать какія-либо значительныя сдѣлки, совершать покупки или продажи. Если же Платонъ говоритъ: «Свободной женщиной, пережившей сорокъ лѣтъ, если у нее нѣтъ мужа въ живыхъ, можно быть свидѣтелемъ и говорить передъ судомъ, представлять обвиненіе и жалобу; при жизни же мужа позволялось ей только свидѣтельствовать»: то это личное мнѣніе Платона, выска-

занное имъ не какъ основанное на дѣствительности и жившее законную силу, но только какъ возможное, существовавшее у него въ идѣй. Далѣе, сирота — наследница, которая при недостаткѣ родственниковъ, могла выбрать себѣ супруга, переходила въ состояніе подчиненности и совершенной зависимости, какъ скоро въ лицѣ избраннаго ею мужа давала себѣ господина и повелителя.

Таково было отношеніе Гречанки, опредѣленное закономъ къ мужу, братьямъ и прочая. Передъ закономъ она была безотчѣва, въ обществѣ безъ значенія, въ домѣ въ совершенной подчиненности. Греческіе законы не давали женскому полу никакого вѣсу; нужи требовали безусловнаго повиновенія своей волѣ и своимъ распоряженіямъ; женщины не могли совершать никакого завѣщанія; молчаніе считалось первѣйшею добродѣтелью женщинъ, — все это такъ: но кто можетъ поручиться, что женщины дѣйствительно не имѣли вліянія на тѣхъ, которые совершали завѣщанія. Кто можетъ утвердительно сказать, что онѣ не могли дѣйствовать на волю и расположеніе своихъ мужей? Всегда ли молчали женщины, когда угодно было мужьямъ, и когда сами мужья бесѣдовали, толковали, болтали, рядили и судили между собой? Правда-ли, чтобы Гречанка, надѣленная отъ природы столькими дарами, совершенно отказалась отъ желанія, врожденнаго женскому полу всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, подчинить своему вліянію мужчину, который былъ Грекъ, столько умѣвшій пѣвить красоту, столько удивлявшійся тѣлесному совершенству? Позволяемъ себѣ совѣтоваться въ этомъ. Успѣхи цивилизаціи должны были имѣть, и безъ сомнѣнія имѣли, вліяніе на Грековъ въ этомъ отношеніи. Въ героическій вѣкъ, когда физическая сила рѣшала все, первенствовала и составляла самую важную принадлежность и самую отличительную сторону человѣка; когда жизнь тогдашняго челоѣчества, проходившая въ борьбѣ съ людьми и съ природою, бѣдная, неустроенная, сопряженная съ тяжкими трудами и постоянными опасностями, рѣшительно не способна была къ благотворному смягченію нравовъ и развитію нѣжныхъ чувствъ, вліяніе женщины, даже безъ всякаго препятствія и запрещенія со стороны законовъ, не могло быть слишкомъ сильно и важно. Жен-

щина, какъ существо слабое, бессильное, не могшее стоять само за себя, но постоянно нуждавшееся въ посторонней помощи, была презираема и безъ всякаго значенія. Но съ тѣхъ - поръ, какъ Грекъ познакомился съ пріятностями домашней жизни, когда устройство общества, огражденное законами и властями, привело его къ иррынымъ занятіямъ и познакомило съ удобствами ихъ, когда умственные труды и духовныя наслажденія сдѣлались доступны обществу и заступили мѣсто грубыхъ занятій, основанныхъ на силѣ и составлявшихъ наслажденіе прежняго человѣка, когда даже роскошь проникла въ общество и создала потребности удовлетворенія которыхъ непременно требуетъ помощи и совѣта женщины, однимъ словомъ: когда домашняя жизнь развилась и организовалась въ необходимую потребность каждаго, какъ отдохновеніе, успокоеніе, улада и утѣха, и составила завѣтный кругъ, въ которомъ женщина находитъ столько случаевъ принимать на себя роль то хозяйки и распорядительницы, то благотворнаго существа, утѣшающаго въ горѣ, сочувствующаго въ радости: съ тѣхъ - поръ стали представляться ей тысячи случаевъ присвоить себѣ ту власть и то вліяніе, которыхъ она не могла имѣть, пока человѣкъ былъ грубъ и жилъ въ лѣсу или на поляхъ, или не въ устроенномъ обществѣ. Всмотриваясь въ древнихъ Грековъ, мы найдемъ это вліяніе довольно сильнымъ и значительнымъ; оно отразилось и на литературѣ и на обществѣ. Доказательствъ этому достаточно и въ романахъ и въ другихъ греческихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ многое написано совершенно подъ вліяніемъ женщины. Приводимъ нѣсколько примѣровъ изъ греческихъ романовъ. Влюбленный Каллисѳенъ называетъ себя рабомъ прекрасной Каллигоны, и отдаетъ ей и себя и свое состояніе, какого не могъ доставить ей отецъ. Діонисій въ романѣ Харитона, написанномъ неизвѣстно когда, но не раньше четвертаго или пятаго столѣтія, обходится со своею возлюбленною Каллиргою чрезвычайно почтительно, старается уловить ея вниманіе и благорасположеніе предупредительностью, услугами и заботливостью, и наконецъ, когда она согласилась ошастливить его своею рукою, онъ даровалъ ей полную власть, въ своемъ домѣ, позволялъ ей обогатить храмы самыми дорогими вкладами и угостилъ

всѣхъ своихъ согражданъ. Можно бы и больше привести примѣровъ нѣжности и внимательности къ женщинамъ изъ греческихъ романовъ; но мы довольствуемся и этими, и замѣтимъ только, что совершенно несправедливо было бы предполагать, что эти черты нѣжности и внимательности къ женщинамъ составляютъ только цвѣты поэзіи, необходимыя украшенія въ романъ, которому они придаютъ болѣе занимательности и прелести, и что въ жизни было совершенно иначе. Мы думаемъ напротивъ, что, если изъ этихъ описаній и прибавлено кое-что къ дѣйствительности, взято кое-что изъ реторики для приличнаго украшенія, только очень многое выхвачено прямо изъ жизни, изъ отношенія одного пола къ другому, изъ чувствованій, которыя внушала тогдашнему Греку женщина, изъ уваженія и власти, которыми сталъ пользоваться женскій полъ того времени. Наша мысль оказывается еще болѣе справедливою, когда читаешь у многихъ греческихъ писателей сильныя предостереженія противъ женскаго властолюбія, какъ напримѣръ у Менандра, который говоритъ: «Домъ, въ которомъ превентствуетъ жена, непременно погнубить»; когда мы знаемъ, что женское самовластіе въ домашней жизни было необходимымъ слѣдствіемъ превратнаго образа мыслей молодыхъ людей, которые женились не по истинной привязанности, а по прихоти, по однимъ разсчетамъ. Далѣе, развѣ не въ пользу нашей мысли говорить горькія жалобы комическихъ лицъ на своевольныя и упрямые капризы женъ, на раздражительность и пренебреженіе ими своихъ должностей, какъ напримѣръ у Аевеня: «О воплиѣ мы несчастные супруги, которые, родившись свободными, сдѣлались рабами своихъ жонъ; и приданое-то, полученное нами, о которомъ толкуютъ, исполнено женской желчи, сравнительно съ которою мужская желчь—настоящій медъ. Управляютъ тѣмъ, надъ чѣмъ не имѣютъ права; надъ чѣмъ имѣютъ, то оставляютъ въ преобращеніи.» Станемъ ли отрицать, что Гречанки не имѣли никакого значенія въ домѣ и въ глазахъ мужа, когда читаешь, что недостатки общіе женскому полу сдѣлались неисправимы въ богатыхъ невѣстахъ—которыя, вступивши въ права женъ, и гордясь своимъ богатствомъ, принесеннымъ въ приданое супругамъ, смотрѣли на себя какъ на полныхъ властительницъ дома и не

только дѣлали и устроивали все по своей фантазіи и прихоти, по саную жизнь мужа обращали въ непрерывную цѣпь непріятностей Менандръ говоритъ: «Счастливъ, кого сдѣлало богатымъ оставленное наследство; богатства же переходящія за порогъ дома вмѣстѣ съ женою, доставляютъ невѣрное и не сладкое обладаніе; и въ другихъ мѣстахъ: «кто беретъ въ жены богатую наследницу, тотъ наказывается или гнѣвными богами, или подвидомъ счастья навязываетъ себѣ бѣду»; и далѣе: «бѣднякъ, какъ скоро женится на богатой, отдаетъ себя ей въ рабство, а не ее беретъ.» Это оправдывается словами Аристотеля, который говоритъ, что женщины иногда владѣютъ, потому что онѣ богаты, хотя онѣ существа подчиненныя, и власть ихъ основана на вѣншихъ предметахъ. — Сообразивъ все это, нельзя не видѣть огромнаго разстоянія между женщинами стараго времени Грековъ и тѣмъ, о которомъ теперь говоримъ; нельзя не замѣтить, что Греки-мужья историческихъ временъ весьма часто бывали подъ башмаками у своихъ женъ, и что Гречанки вчастую употребляли свои сандаліи для того, чтобы ими отподчивать мужей. Такъ, хоръ женщинъ въ Аристофановой комедіи Лизистрата, обращаясь къ хору стариковъ, говоритъ между прочимъ: Если ты подошьшь мнѣ, то я побью тебя этимъ невидѣаннымъ котурновомъ.» Впрочемъ, греческіе мужья могли утѣшать себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что не только съ ними, простыми и слабыми смертными, обходятся такъ невѣжливо ихъ супруги, но что подобную же участь испытывалъ и Геркулесъ, которымъ до такой степени управляли женщины, что въ Лидіи заставили его одѣться въ пурпуровую одѣжду и пряхъ шерсть, а Омфала даже бивала его золотыми башмаками.

Эти жалобы такъ часто повторяются у поэтовъ, что ихъ однихъ достаточно было бы для того, чтобы доказать, что Гречанки очень часто оставляли подчиненную роль и пріобрѣтали сильную власть и надъ мужемъ, и надъ семьей, и надъ домомъ. Но когда исторія подтверждаетъ тѣ же самые факты, когда она представляетъ многихъ женщинъ, служившихъ какъ будто образцомъ для характеровъ, изображенныхъ поэтами, то всякое сомнѣніе рѣшительно неумѣстно и, волею или неволею, а

нужно вѣрить тому, что читаемъ у поэтовъ о женщинахъ. Извѣстный Питтакъ Митиленскій, одинъ изъ семи мудрецовъ, возстановившій порядокъ въ своемъ отечествѣ, имѣлъ жену такого упрямаго и раздражительнаго характера и столь мало обращающую вниманіе на важность, силу и значеніе мужей, что однажды, забывъ всякое уваженіе къ приличію и достоинству своего супруга, въ припадкѣ ярости, она вошла въ комнату, гдѣ Питтакъ бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, и однимъ ударомъ ноги опрокинула столъ, вокругъ котораго они сѣдѣли. Питтакъ, по всей вѣроятности, привыкшій къ подобнаго рода сценамъ и выходкамъ своей супруги, успокоилъ гостей, устранившихъ и въ то же время негодовавшихъ на такой поступокъ, сказавши имъ: «всякій смертный получилъ въ жизни на свою долю какое-нибудь несчастіе — потому и онъ, какъ смертный, ниѣтъ его и переноситъ съ терпѣніемъ въ той мысли, что могло быть что-нибудь худшее». Съ такимъ же характеромъ, а можетъ быть еще и съ болѣе раздражительнымъ, была жена извѣстнаго Хлидона. Плутархъ рассказываетъ, что однажды Хлидонъ, задумавшій отправиться куда-то, долго проискалъ узду, которою хотѣлъ зануздать лошадь; жена притворилась, будто и сама ищетъ ее; потомъ призналась, что на канунѣ отдала ее своей сосѣдкѣ, выпросившей ее для того, чтобы зануздать мужа. Хлидонъ выразилъ ей свое неудовольствіе за такую дерзость выговоромъ; но супруга не только не замолчала, а стала негодовать на то путешествіе, которое онъ предпринималъ. Фемистоклъ, извѣстный Аѳинянинъ, имѣлъ сына, который говаривалъ: Аѳиняне исполняютъ, что ему вздумается, потому что его мать хочетъ того, а отецъ, знавшій средство заставить Аѳинянъ уважать свою волю, всегда дѣлалъ то, чего хотѣла жена его. Тотъ же Фемистоклъ говорилъ, что сынъ его — самое могущественное существо во всей Греціи: потому что Аѳиняне управляютъ всею Греціею, онъ самъ управляетъ Аѳинянами, жена управляетъ имъ самимъ, а сынъ его женою, которая его очень любитъ.

Спартанки, стоявшія гораздо выше другихъ Гречанокъ въ политическомъ отношеніи, имѣли также и большее вліяніе на политическія дѣла, — и этимъ онѣ обращали на себя особенное вни-

маніе греческихъ политиковъ. Агисъ-Четвертый понималъ это очень хорошо, и потому, задумавши преобразовать Спартанцевъ и возстановить во всей полнотѣ и строгости Ликурговы законы: рѣшился, для полного достиженія своихъ плановъ, привлечь на свою сторону Спартанокъ. Агисъ хорошо зналъ, что Спартанки, живо сочувствовавшія гордости стариннаго и славнаго дѣлами благогородаго сословія, вполне сохранившія се и съ великою ревностью оберегавшія свои родовыя права, имѣли въ своихъ рукахъ болѣе двухъ пятыхъ всѣхъ земель и пользовались сильнымъ вліяніемъ на своихъ мужей, которое тѣмъ болѣе увеличивалось, чѣмъ болѣе мужья удалялись отъ древняго образа жизни, свойственнаго стариннымъ Спартанцамъ и терявшего мало-по-малу свое значеніе для позднѣйшихъ. Чтобы склонить на свою сторону Спартанокъ и выиграть ихъ помощь въ дѣлѣ преобразованія, Агисъ рѣшился сначала заинтересовать своими намѣреніями свою мать Агасистрату, имѣвшую огромное вліяніе на общественныя дѣла, поддерживаемое ея богатствами, множествомъ друзей, должниковъ и другихъ лицъ, обязанныхъ ей вспоможеніемъ. Однакожъ не безъ труда успѣлъ онъ достигнуть того, что она согласилась помогать его планамъ. При всемъ томъ, усилія ея въ пользу своего сына и желаніе склонить на его сторону другихъ Спартанокъ, остались безуспѣшными. Клеоменъ-Третій также нашелъ сильную поддержку и огромныя пособія не только въ богатствахъ своей матери Кратизиллен, но и въ супружествѣ съ Агіатидою, одною изъ могущественнѣйшихъ женщиаъ въ Спартѣ того времени, которая чрезвычайно много помогла ему въ его планахъ.

Впрочемъ, мы погрѣшили бы противъ истины, еслибы сказали, что одиѣ только Спартанки были полезны своему отечеству. И въ другихъ государствахъ греческаго міра можно отыскать не одну женщину, посѣтлившую на помощь своей родинѣ въ godzinу бѣдствій, и спасшую ее отъ позора, или отъ смятенія, или отъ другаго несчастія, или выказавшую благоразуміе въ дѣлахъ политическихъ и мужество, равное силѣ и мужеству мужчины, во дни опасности и безпорядковъ. Такъ, Дамарете, супруга сиракузскаго царя Гелона, была главною виновницею мира, заключеннаго съ Кароагенянами, которые выразили ей свою признательность

золотою короною, поднесенною ей. Эллиника была главною посредницею въ примиреніи Перикла съ ея братомъ, Кимонъ, возвращеннымъ черезъ то на службу отечеству. Фила, дочь Антипатра, выказывавшая съ самой нѣжной юности блестящіе опыты своего благоразумія въ управленіи гражданскими дѣлами, часто была приглашаема на совѣты своимъ отцомъ, который самъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ того времени. Въ юнѣлѣтствіи она, по выходѣ замужъ за Деметрія, Антигонова сына, употребляла свои богатства на пользу родины и своего мужа, издерживая ихъ на обезпеченіе приданого дочерямъ и сестрамъ тѣхъ изъ туземныхъ солдатъ, которые заслужили подобное отличіе; она умѣла быть постоянно необходимою своему мужу во все продолженіе его царствованія, бурнаго и сопряженнаго съ великими опасностями. Кратезиполисъ, по смерти своего мужа Александра, Полосперхонтова сына, умѣла сама управиться съ Сикіономъ и его жителями. Прекрасная и смѣлая Кратезиполисъ успѣшила обезпечить себѣ вѣрность войска, на которое она могла положиться; оно любило ее за ея доброту и попеченія о ближнихъ, за ея милости къ сиротамъ и вдовамъ. Съ дѣлами же своего мужа она была знакома совершенно и, по обычаю тогдашняго времени, прекрасно владѣла оружіемъ. Поэтому, когда Сикіонцы, узнавши, что Александръ умеръ, собрались вооруженные, чтобы отстать отъ Коринѳа, она сама лично явилась во главѣ своего войска, двинулась противъ Сикіонцевъ, побѣдила ихъ, велѣла тридцать главныхъ виновниковъ погнѣтъ и заставила городъ признать себя неограниченною властительницею. Городомъ Сикіономъ и Коринѳомъ она владѣла отъ 344 до 306 года до Рождества Христова. — Пирръ обязанъ былъ своей жепѣ Антигонѣ и войскомъ и необходимыми пособіями для возстановленія своей власти, въ Эпирѣ. Можно бы еще болѣе привести примѣровъ, но мы считаемъ и этихъ достаточными, — желающимъ совѣтуемъ обратиться къ Плутарху и Полубену.

Дѣятельность Гречанки, какъ хозяйки, ограничивалась управленіемъ хозяйства и воспитаніемъ дѣтей, изъ которыхъ мальчики до поступленія въ школу, а дѣвочки до замужества, состояли исключительно на ея попеченіи. Изъ этого уже видно, что Гре-

чанка-жена занимала немаловажное мѣсто въ домѣ, что она не была рабынею мужа, какъ многіе толкуютъ, не понимая того, о чемъ толкуютъ; но что она имѣла въ своихъ рукахъ много средствъ, чтобы заставить уважать себя въ семействѣ и имѣть вліяніе, значеніе и голосъ въ немъ. Должность ея была не легкая; обязанности ея были многосложны. Женщинамъ, по словамъ Калловники въ Аристофановой комедіи, трудно удалиться изъ дому: одна изъ нихъ ухаживаетъ за мужемъ, другая побуждаетъ слугу, та укладываетъ дѣтя въ постель, эта моетъ и кормитъ его. Дѣйствительно на женѣ, кромѣ воспитанія дѣтей, лежало управленіе всѣмъ домомъ, распоряженіе хозяйствомъ и домашнею экономіею, надзоръ за всею домашнею движимостью, состоявшею въ утвари всякаго рода, одеждахъ, запасахъ, невольникахъ; и потому, ничуть не удивительно, если молодая Гречанка, вышедши замужъ, не вполне была знакома со своими обязанностями и если, — особенно при большомъ хозяйствѣ — нужны были и время и наставленія мужа, и опытность, приобретаемая съ лѣтами, чтобы вполне войти въ свою сферу. Разсмотрѣвши внимательнѣе кругъ домашней дѣятельности Гречанки, мы ничуть не удивляемся, если мужа на первыхъ порахъ не имѣли довѣрія къ своимъ молодымъ женамъ, если они, подобно Эфмету у Лизія, наблюдали за женами, изучали ихъ, приучали довольно долгое время и потомъ уже поручали имъ управленіе всѣмъ домомъ. Безъ сомнѣнія, въ большихъ домахъ, гдѣ силы одной жены недостаточны, ей давалась помощница. Особенно надзору жены подлежали невольники, жившіе въ домѣ, ихъ занятіе въ употребленіе ихъ, распоряженіе ими, назначеніе работъ и прочая. Чрезвычайно удачно, въ этомъ отношеніи, сравниваетъ Исмахъ жену хозяйку съ пчелиною маткою въ ульѣ: «Матка, говоритъ, онъ, не выходя изъ улья, не допускаетъ пчелъ оставаться безъ занятій, но высматъ на работу тѣхъ, кому слѣдуетъ работать; знаетъ, что каждая пчела приноситъ и, принимая, хранитъ его до тѣхъ поръ, пока придетъ время употребить его; а когда наступаетъ время, то раздаетъ каждой слѣдующую ей порцію; матка управляетъ устройствомъ сотовъ, чтобы скоро и хорошо они были сдѣланы; она заботится о воспитаніи молодаго поко-

« дѣлнн, которое, когда вырастаетъ и дѣлается способнѣе изъ
 « труду, то она отдѣляетъ изъ него колонію и даетъ ей вождя.
 « Такъ и жена, продолжая оны, должна оставаться дома, вы-
 « сылать тѣхъ рабовъ, которымъ слѣдуетъ работать внѣ дома,
 « управлять тѣми, которые работаютъ въ домѣ, принимать те,
 « что приносится, раздавать имъ порціи, смотрѣть за тѣми, что
 « остается и заботиться о томъ, чтобы принасленное на годъ не
 « было потреблено въ мѣсяцъ. Когда доставлена шерсть, то хо-
 « зянкѣ нужно позаботиться о томъ, чтобы, кому слѣдуетъ, при-
 « готовлены были изъ нея одежды», и прочая. Оттого-то Платонъ
 требуетъ, чтобы жена служила примѣромъ для всѣхъ домашнихъ
 въ дѣятельности и неусыпности, и говорить, что постыдно для хо-
 зяйки, если ее будятъ служанки, а не она служанокъ и весь
 домъ. — Жена завѣдывала кухнею, понимала поварское дѣло и,
 не будучи сама кухаркою, распорядилась всѣмъ, что касается оѣ-
 домага и варимаго. Знаніе, что и какъ дѣлается по кухнѣ, сколько
 и чего употребляется, принадлежало къ числу обязанностей
 Гречанки жены, тѣмъ болѣе, что у Грековъ долго не возникъ
 обычай держать своихъ поваровъ, вмѣсто кухарокъ. Наконецъ къ
 обязанностямъ жены принадлежало превосходное занятіе, именно:
 ухаживаніе за больными и попеченіе объ нихъ. Видно, что уже
 древній міръ, давая это назначеніе жевщннѣ, сознавалъ ту исти-
 ну, что женщины несравненно лучше, заботливѣе, внимательнѣе
 и неутомимѣе умѣютъ ухаживать за больными, нежели мужчины.
 Къ чести Гречанки надобно замѣтить, что она не ограничивала
 эту обязанность одними только близкими себѣ, то есть, дѣтми и
 мужемъ, но свою заботливость и вѣжвую попечительность она
 простирала и на рабовъ. Такова-то была дѣятельность Гречанки
 въ домѣ. Замѣтимъ, что этими занятіями Гречанки не тяготились,
 не жаловались на нихъ. Съ Гречанками бывало совершенно про-
 тивное: онѣ горевали, когда у нихъ отнимали эту дѣятельность,
 когда не давали имъ воли распорядиться въ домѣ, когда связы-
 вали имъ руки. Само собою разумѣется, что въ богатыхъ домахъ
 Гречанки-хозяйки имѣли помощницъ въ родѣ нашихъ эконо-
 мокъ. Простыя же и небогатыя Гречанки сами исполняли всѣ ра-
 боты, даже воду носили отъ колодца, какъ это дѣлается и у насъ

до сихъ поръ у простаго народа. Въ древнѣйшія времена, — во времена гомерическія, исполняли эту обязанность даже дочери знатныхъ лицъ, — такова была простота нравовъ! Впослѣдствіи, въ домахъ зажиточныхъ этимъ занимались невольницы.

Грекъ мужъ въ нравственныхъ отношеніяхъ къ своей женѣ, иногда не забывалъ того высокаго значенія, которое онъ какъ мужъ, какъ глава и начальникъ семейства, имѣлъ и по законамъ, и по обычаямъ; и потому передъ глазами и въ присутствіи жены онъ заботливо избѣгалъ всего того, что могло уронить его важность, нанести ей ущербъ, или положить на ней пятно. Эта прекрасная черта, на которую слѣдовало-бы обращать особое вниманіе, у Грековъ доходила иногда до педантизма. Увлекались стремленіемъ казаться во всѣхъ случаяхъ *элеверои*, они дѣлались иногда совершенными рабами этого стремленія. До какой степени доходило оно, видно изъ Демосеена, который въ одной рѣчи говорить: «Какъ вы думаете, Афиняне, о томъ человѣкѣ, который будучи бѣденъ, или даже и богатъ, но разорившись на издержки, « а быть-можетъ и не совѣмъ по своей винѣ, не имѣя въ наличности денегъ, чтобы не попасть въ тюрьму, либо уходить къ сосѣдямъ по крышѣ, либо прятется подъ кроватью, либо преле дѣлаетъ, что неприлично мужу, и притомъ въ глазахъ своей жены». При всей несправедливости, поступокъ мужа, избѣгавшаго грозившей ему опасности, въ присутствіи жены, считался неприличнымъ. Теперь легко понять, какъ далеко могло впростираться у Грековъ желаніе вести себя прилично, какъ слѣдуетъ передъ своею женою. Слѣдствіемъ его могла быть, и часто была, принужденность и холодная важность, не допускавшая ни откровенной и задушевной бесѣды, ни шутки, ни свободнаго, безцеремоннаго обхожденія, и вообще всего того, что могло нарушить эту важность (*сежнотесь*). Но съ другой стороны, и то надобно сказать, что степени этой важности зависѣли отъ характера и образованности супруга; что въ одномъ бракѣ она соблюдалась строго со всѣми приличіями, въ другомъ она нисколько не мѣшала откровенности и задушевности въ отношеніяхъ обоихъ супруговъ, допускала шутку, остроту. Вообще же мужьямъ-Грекамъ надобно отдать справедливость въ томъ от-

ношеніи, что они, уважая женщину, старались держаться прилично въ присутствіи ея, и если они не знали той утонченной вѣжливости и предупредительности относительно женскаго пола, которыми щеголяютъ новѣйшія времена, за то строго соблюдали уваженіе къ брачнымъ отношеніямъ. Оттого то считалось грубѣйшимъ неприличіемъ и тяжкимъ оскорбленіемъ супружескихъ правъ, если мужчина входилъ въ женское отдѣленіе въ отсутствіи мужа. Разительное доказательство этой совѣстливости встрѣчаемъ въ томъ случаѣ, когда призываемые даже на помощь другъ или родственникъ, не рѣшались проникнуть въ женское отдѣленіе. Подобный случай пересказанъ у Демосоена: однажды хозяйна не было дома, оставалась только женщины, и имъ грозила опасность; слуги сосѣдей, услышавъ шумъ и грабежъ дома, одни изъ своихъ домовъ звали на помощь, другіе, вышедши даже на другую улицу и увидѣвши Газнофила убѣждали его прійти; онъ подошелъ къ дому, но въ домъ не рѣшался войти, потому что считалъ это неприличнымъ дѣломъ въ отсутствіе мужа. На этомъ то основаніи Лизіасъ считалъ тяжкимъ оскорбленіемъ семейныхъ правъ вторженіе Симона въ женское отдѣленіе. Приводимъ слова Лизіаса: «Прійсѣдши ночью къ моему дому пьянымъ, Симонъ вышибъ дверь и вошелъ въ женское отдѣленіе, гдѣ были на ту пору моя сестра и племянницы, которыя жили такъ скромно, что даже красивы, когда смотрѣли на нихъ родные.» Изъ этой рѣчи видно, что проступокъ Симона состоялъ не только въ томъ, что онъ вошелъ пьяный насильно въ домъ ночью, но что онъ выпустилъ изъ виду уваженіе къ женскому полу. На этомъ же уваженіи основывалась и та прекрасная черта Грека, что онъ въ присутствіи женщинъ удерживался отъ неприличныхъ рѣчей, въ противномъ случаѣ подвергался наказанію по законамъ. Въ этомъ состоялъ обвинительный пунктъ Демосоепа противъ Мейдіаса (540). Прекрасный обычай, откуда бы онъ ни возникъ, и на чемъ бы онъ ни основывался, на уваженіи ли къ женщинамъ, или на уваженіи къ собственному достоинству и сохраненію приличной мужескому полу важности.

Впрочемъ, судя по требованію законовъ и по тѣмъ предостереженіямъ, которыя приняты были для того, чтобы удалить жен-

щны отъ общества и держать ихъ постоянно дома, можно было бы подумать, что съ ними обходились не слишкомъ вѣжливо и ласково, что состояніе, въ которомъ держали ихъ, не только не доставляло имъ удовольствій, пріятности и разнообразія, необходимыхъ для жизни, но было тяжело, обременительно и однообразно. Все это такъ съ перваго взгляда, но присматриваясь ближе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и жизни, какъ гражданской, такъ и частной, увидимъ, что эта сторона въ жизни древней Гречанки была не столь достойна порицанія и сожалѣнія, какъ хотять сдѣлать ее, и какъ описываютъ. Не отвергаемъ, что въ греческихъ домахъ было особое женское отдѣленіе, въ которомъ жили женщины, и что оно состояло подъ надзоромъ гинеконома. Но замѣтимъ, что все, что мы читаемъ о отдѣленіи женщины, и преимущественно въ Афинахъ, — потому что не вездѣ оно было въ одинаковой и въ равной строгости, — не можетъ быть примѣнимо къ женщинамъ всякаго званія и состоянія. Оно могло имѣть мѣсто только въ тѣхъ домахъ, гдѣ женщины жили съ нѣкоторыми удобствами въ помѣщеніи, въ домахъ людей богатыхъ, или зажиточныхъ; гдѣ же не было удобства и простора, гдѣ помѣщеніе было тѣсное, состоявшее въ одной, двухъ, либо трехъ комнатахъ, какъ въ жилищахъ гражданъ небогатыхъ, простыхъ или и совсѣмъ бѣдныхъ, тамъ самая тѣснота, самое неудобство помѣщенія исключали всякую возможность этого раздѣленія обоего пола и поставляли непреодолимую преграду приведенію въ исполненіе тѣхъ мѣръ, которыя могли употреблять Греки лучшаго состоянія; тамъ во неволѣ нужно было помѣщаться всѣмъ въ одномъ отдѣленіи, безъ различія пола и безъ соблюденія раздѣлительныхъ обычаевъ. Эту мысль подтверждаетъ и Аристотель, который увѣряетъ, что гинекомъ не имѣетъ примѣненія у народа, что нѣтъ возможности запретить женамъ бѣдныхъ выходить изъ дому. Въ одномъ изъ писемъ Алквѳона, у котораго довольно вѣрно изображены нравы Грековъ, встрѣчаемъ поселанина, который пригласилъ своего сосѣда придти къ нему съ женою и дѣтьми отпраздновать сельскій праздникъ. Сосѣдъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ самъ придти, но отпустить свою жену и дѣтей. Въ пастушескомъ романѣ Лонга, Дрюасъ и Напе

живутъ въ одной комнатѣ; тутъ находятъ Дафнисъ и свою Хьюю; при входѣ и выходѣ онъ привѣтствуетъ всѣхъ присутствующихъ равно какъ и своихъ мнимыхъ родителей, и пѣлуетъ въ щекъ молодую дѣвушку. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ томъ, какъ мало были скованы обычаями молодые поселавки въ Греціи, стоить только прочесть, что рассказываетъ Аэсней о спорѣ между двумя сестрами, которыя, чтобы рѣшить его, призвали на судъ понавшихся на дорогѣ.

Систему же отдѣленія женщинъ особенно наблюдали, кажется, относительно молодыхъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, можно заключить изъ словъ Лизіаса, въ одной рѣчи, гдѣ онъ говоритъ: молодыя лица женскаго пола жили такъ уединенно, что избѣгали даже общества самыхъ близкихъ родственниковъ. По всей вѣроятности, это дѣлалось съ благою цѣлью, именно: чтобы предохранить молодую и неопытную дѣвушку отъ сѣтей соблазнительей и сохранить ее въ невѣдѣніи всего того, что дѣлалось дурнаго въ мірѣ. Съ этою цѣлью на комнату дѣвушки смотрѣли, какъ на убужище, проникнуть въ которое считалось величайшимъ безстыдствомъ. Нерѣдко впрочемъ случалось, что съ дѣвушки поступали и строже относительно надзора, такъ что иногда и въ самомъ дѣлѣ запирали ихъ въ женскомъ отдѣленіи, отчего онѣ назывались *катаклеистои* — запертыми, заключенными; стерегли ихъ, подсматривали за ними во всѣхъ поступкахъ, едва давали имъ случай и время бросить хоть украдкою взглядъ на улицу и невыпускали ихъ изъ *thalamias*, отчего онѣ и назывались еще *оаламеноменс*. Не знаемъ, была ли эта строгость въ всеобщемъ употребленіи, или только составляла принадлежность вѣдорыхъ лицъ, исключеніе изъ общаго правила. Что для молодыхъ дѣвушекъ считалось неизлѣпимею необходимостью, то для замужнихъ женщинъ и для дѣвушекъ въ лѣтахъ измѣнялось: и потому отъ нихъ требовали только домовитости, заботливости о хозяйствѣ и прочая, такъ что онѣ имѣли гораздо болѣе свободы. Эту мысль подтверждаетъ и Плутархъ, который рассказываетъ, что Фидіасъ въ атрибуты дѣвственной Аеннѣ далъ бдѣщаго дрекона, а Афродитѣ черепуху, желая увѣзать на то, что дѣвушкѣ необходима защита и обереженіе, а замужней женщинѣ заботливостъ о

домѣ и молчаливость. Правда, и замужнія женщины во многомъ были ограничиваемы законами. Солонъ, говорятъ, издалъ уже законы относительно выхода женщинъ изъ дому, которые, по словамъ Плутарха, направлены были къ той цѣли, чтобы удержать неприличные поступки женскаго пола. Эти законы состояли въ слѣдующемъ: если женщина выходитъ изъ дому, она должна брать не больше трехъ платьевъ, пища не больше какъ на одинъ оболь и корзину мѣрою не длиннѣе локтя; не можетъ одна выходить ночью, но только въ сопровожденіи слуги съ факеломъ. Отсюда мы нисколько не можемъ заключить, что женщины были слишкомъ ограничены и стѣснены законами: имъ позволялось выходить изъ дому, только съ необходимыми предосторожностями. Вставку въ законѣ о платѣ и пищѣ различно объясняютъ и примѣняютъ; быть можетъ здѣсь говорится о путешествіи, или по крайней-мѣрѣ, о кратковременномъ отсутствіи изъ города. И въ другихъ мѣстахъ Греціи существовали законы, если не совершенно подобныя, то имѣвшіе близкое отношеніе къ женскому полу. Такъ, Залевкъ позволялъ благородной женщинѣ являться въ сопровожденіи одной только служанки, запретилъ выходить ночью изъ города, если она дорожитъ своимъ добрымъ именемъ, носить золотыя украшенія и одежду прошитую золотомъ. Законы Спратузия, о которыхъ упоминаетъ Филархъ, имѣли много сходнаго съ Залевковыми даже въ выраженіяхъ: они запрещали женщинамъ выходить изъ дому послѣ солнечнаго заката и даже днемъ безъ позволенія сановниковъ, имѣвшихъ надзоръ за женщинами; запрещали женщинамъ украшаться золотомъ, носить цвѣтныя одежды.

Если судить по Аристофану, можно подумать, что общественное мнѣніе было еще строже, чѣмъ законы, что оно запрещало женщинамъ видѣться съ посторонними лицами, отнюдь не позволяло, особенно молодой женщинѣ, выходить изъ дому безъ согласія мужа, и вмѣняло женщинѣ въ непремѣнную обязанность оставаться дома и заботиться только о мужѣ. Сами женщины, составляющія хоръ въ Аристофановой комедіи «Θεσμοφορίазυς» говорятъ: «Если мы зло, то зачѣмъ вы, женитесь на насъ, если

« только въ самомъ дѣлѣ мы зло? А если выйдетъ жена куда
 « нибудь, и если вы найдете ее внѣ дома, вы бѣснуетесь безу-
 « нѣйшимъ образомъ, между-тѣмъ, какъ вамъ слѣдовало бы бла-
 « годарить боговъ и радоваться, что ваше домашнее зло уходитъ
 « изъ дому». На эту выходку Афинянокъ противъ мужей, мы ду-
 маемъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исключеніе, а не какъ на
 общее правило, имѣвшее примѣненіе во всѣхъ домахъ и у всѣхъ
 Афинянъ. Это мѣсто мы ставимъ на ряду съ тѣми мѣстами, въ
 которыхъ авторъ, въ ныду поэтическаго увлеченія или прови и
 сарказма, преувеличиваетъ событіе, или же свое личное убѣжде-
 ніе, свой личный взглядъ выдаетъ за взглядъ и убѣжденіе цѣлаго
 общества, или по крайней-мѣрѣ замѣчательной части его. Если
 же въ отрывкахъ Менандра, одинъ мужъ говоритъ своей женѣ:
 « Ты переступаешь границы жены—дверь дома, за которую не
 « слѣдуетъ выходить ни одной порядочной женщицѣ», то мы, не
 зная предшествующихъ словъ и мыслей этого мѣста, думаемъ,
 что не слѣдуетъ принимать его за норму, за общее правило, ко-
 торымъ руководились и уполномочивались всѣ мужья въ отноше-
 ній къ своимъ женамъ. Другое дѣло слова пифагорейки Филитисъ,
 которая въ своемъ сочиненіи о женской скромности, даетъ со-
 вѣтъ женщинамъ никогда не выходить изъ дому, кромѣ какъ
 днемъ, и то только съ опредѣленною цѣлю купить что-нибудь
 или отправиться въ назначенное мѣсто, и притомъ въ сопровож-
 деніи одного либо двухъ невольниковъ. Тутъ предлагается только
 совѣтъ, правило благоразумія, которому можно слѣдовать и не
 слѣдовать, а не законъ, который обязываетъ всѣхъ къ исполне-
 нію и который вытекаетъ изъ общественной потребности. Вообще
 же, мы думаемъ, что всякая Гречанка, заботившаяся сколько-ни-
 будь о своемъ добромъ имени, добровольно подчинялась нѣкото-
 рымъ правиламъ приличія, какъ относительно времени своихъ
 выходовъ и прогулокъ, такъ и относительно мѣстъ, чтобы не
 попасть въ разрядъ женщинъ съ дурною репутаціею. Разумѣет-
 ся, и въ этомъ случаѣ рѣшительно нельзя положить границъ, ко-
 торыхъ можно или должно было держаться: одно лицо, одно об-
 щество, или одно время могли въ Греціи такъ понимать ихъ, а дру-
 гое лицо, другое общество, или другое время — иначе. Этихъ мы
 объясняемъ себѣ и тѣ случаи изъ жизни древнихъ Гречанокъ, когда

тоска и забота заставляли ихъ выходить изъ дому, — и однакожъ онѣ оставались у дверей своихъ домовъ, отъ которыхъ не удалялись. Такова была минута, когда въ Афинахъ получена была вѣсть о херонейскомъ пораженіи; тогда, по словамъ оратора «Ликурга, можно было видѣть свободныхъ женщинъ у дверей своихъ домовъ, перепуганныхъ и встревоженныхъ, изъ которыхъ одни спрашивали о своихъ мужьяхъ, другія объ отцахъ, третьи о братьяхъ, живы ли они?» На этомъ же основаніи, нѣкоторые Гречанки могли не позволять себѣ слишкомъ изысканныхъ нарядовъ, — и только нѣкоторыя, потому что многія изъ нихъ носили и дорогіе наряды, и дорогія украшенія, — могли считать прличіемъ набрасываніе покрывала, какъ скоро замѣчали, что взоры постороннихъ обращались на нихъ, и что онѣ дѣлаются предметомъ празднаго любопытства, или безстыднаго вахальства. Набрасывать на себя покрывало, не было, кажется, общиннъ обычаемъ въ Греціи; по-крайней-мѣрѣ, такъ можно заключить по тому, что пишетъ Дикеархъ о афинскихъ женщинахъ. Онъ говоритъ, какъ объ особенностяхъ достойной замѣчанія, что Афинянки такъ закутывались, что изъ всего лица можно было видѣть одни только глаза; онъ же хвалитъ ихъ за умѣнье держаться и за скромную походку, чѣмъ онѣ превосходили всѣхъ Гречанокъ. Слова, которыми описываетъ Демосоевъ пребываніе афинскихъ войскъ въ Афинахъ, доказываютъ, что Афиняне имѣли великое довѣріе къ добродѣтели своихъ женъ, которыя были столь же достойны вниманія, какъ и ихъ гости.

Замѣтимъ, что между законами и обычаями относительно женскаго пола, находились и такіе, которые запрещали женщинамъ доступъ въ мѣста, посвящаемыя гимнастическимъ упражненіямъ. Такъ напримѣръ, во многихъ греческихъ государствахъ не позволялось женщинамъ присутствовать при гимнастическихъ играхъ и быть зрительницами ихъ: даже во все время, какъ праздновались олимпійскія игры, не позволялось имъ переходить за рѣку Алей; въ противномъ случаѣ, виновницъ бросали по закону съ утесистой Тюпейской скалы. Одинъ только случай встрѣчаемъ, составляющій исключеніе изъ общаго правила, именно: Ференика (она же Калипатира), дочь Диагора, мать Пензидора, была единственною женщиною, преступившею законъ безнаказанно. Она сама, въ

мужской одеждѣ, подъ видомъ учителя гимназiи (гимнаста), провозжала своего сына на олимпійскiя игры, и открыла себя въ ту минуту, когда побѣда досталась ея сыну. Однако ея простили въ уваженiя къ ея дому, въ которомъ считалось пять или шесть олимпійскихъ побѣдителей.

Само собою разумѣется, что, если женщинамъ не позволялось быть зрителями, тѣмъ менѣе могли онѣ быть участниками въ играхъ и состязателями. Если же упоминается, что женщины выиграли награду на играхъ, на ристалищахъ, то это значитъ, что не сами онѣ присутствовали и правили колесницами, а посылали туда своихъ лошадей и колесницы подъ управленiемъ опытныхъ и искусныхъ возницъ; въ случаѣ побѣды награда доставалась владѣльцамъ, которыхъ имена провозглашались съ такимъ же торжествомъ, какъ имена прочихъ побѣдителей. Первая, одержавшая такую побѣду, была Кюпниска, сестра Агезилая; въ честь ей построенъ былъ въ Спартѣ Негооп, — такъ назывались храмы, воздвигавшіеся въ честь героевъ и знаменитыхъ людей. Въ Олимпiи стояла ея статуя, работы Апеллеса. Примѣру ея послѣдовала Лакедемонянка Эврилеонида, тоже выигравшая побѣду на олимпійскихъ играхъ. Павзанiй говоритъ, что особенно Македонянки отличались на ристалищахъ; но приводитъ изъ нихъ одну только Беллестихе. Сюда же надобно отнести Берянку, супругу египетскаго царя Птолемея.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЕССАРАБСКОЙ ОБЛАСТИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Мы уже говорили, что въ Бессараби, болѣе четверти всего пространства области занято лугами. Это само собою уже предполагаетъ большое развитіе скотоводства. И дѣйствительно, послѣ хлѣбопашества, оно составляетъ главнѣйшую отрасль таковой сельской промышленности. Жители занимаются имъ не только для внутренняго потребленія и пополненія рабочаго скота, но въ огромныхъ размѣрахъ для откорма и отправки за границу. Въ особенности много идетъ бессарабскаго скота въ Галицію, откуда значительную его часть отправляютъ въ Вену.

Въ тѣхъ мѣстахъ области, гдѣ наиболѣе степей, гдѣ размножающееся народонаселеніе еще не успѣло обратить эти степи въ поля, — тамъ сильнѣе развито скотоводство.

Такимъ-образомъ этой отраслю промышленности преимущественно занимаются въ уѣздахъ: яскомъ, бендерскомъ, кагульскомъ и аккерманскомъ; здѣшнія обширныя степи и луга служатъ превосходными пастбищами.

Бессарабскій рогатый скотъ принадлежитъ къ лучшимъ породамъ; онъ имѣетъ широкую кость, большіе рога, низкія ноги, масть бѣлую или синевато-сѣрую; послѣдняя цѣнится дороже. Хорошо откормленный волъ вѣситъ отъ 16 до 20 пудъ. На

центнеры — вѣсъ, употребляемый въ Австріи, это составитъ около пяти или шести центнеровъ, а за центнеръ платится тамъ около десяти рублей серебромъ. За доставку отъ Новоселицы до Ольмиуца купцы полагаютъ одиннадцать рублей серебромъ на содержаніе одного вола и вычитаютъ около десяти процентовъ на убыль вѣсу въ дорогѣ. Надобно сказать, что главнымъ мѣстомъ торга скотомъ, и въ особенности рогатымъ, служитъ городъ Бѣльцы, гдѣ, на этотъ предметъ, учреждено въ году одиннадцать ярмарокъ, соответствующихъ ярмаркамъ въ галиційскомъ мѣстечкѣ Сагадурахъ. Промышленники, скупая скоть въ Бѣльцахъ откормленный, или для откорму на емашахъ и на брагѣ въ винокурняхъ, отправляютъ его многочисленными гуртами черезъ новоселицкую таможену въ Сагадуры, откуда онъ проводится до Лемберга, Ольмиуца и Вѣны. Почти въ каждомъ мѣстечкѣ Бессарабіи, на еженедѣльные базары, сгоняется скоть изъ окрестныхъ деревень, скупается тамъ внутренними промышленниками и сосредоточивается также болѣею частью въ Бѣльцахъ, гдѣ такимъ образомъ сосредоточивается вся торговля скотомъ. Какъ доказательство сильнаго развитія скотоводства въ Бессарабіи можно привести то обстоятельство, что хотя во время эпидемической болѣзни въ 1844, 1845 и 1846 годахъ и пало тамъ болѣе 50,000 штукъ рогатаго скота, — но это не сдѣлало замѣтнаго колебанія въ торговлѣ.

Кромѣ гуртоваго скота, въ южныхъ уѣздахъ учреждено много боенъ рогатаго скота и овецъ: сало, кожа и шерсть, кромѣ внутренняго потребленія, съ избыткомъ вывозятся за границу.

На разведеніе крупнаго скота обращаютъ преимущественно вниманіе въ яскомъ и частью хотинскомъ уѣздахъ.

Чтобы яснѣе можно было видѣть, гдѣ въ Бессарабіи сильнѣе гдѣ слабѣе развито скотоводство, для этого неизмѣннымъ считаемъ показать количество рогатаго скота въ разныхъ уѣздахъ. Безъ всякаго сомнѣнія на безусловную и точную вѣрность этихъ цифръ полагаться невозможно, но они, по крайней мѣрѣ, могутъ показать относительную, въ разныхъ мѣстностяхъ, степень развитія этой важной отрасли промышленности.

III. Рогатаго скота считается:

Въ колонистскомъ вѣдомствѣ 123,500 штукъ.

— яскомъ уѣздѣ 78,400

Въ казенныхъ селеніяхъ	65,450	штукъ.
— сорокскомъ	60,700	—
— кшненевскомъ	54,700	—
— оргѣвскомъ	33,000	—
— нагульскомъ	51,350	—
— хотинскомъ	46,450	—
— бендерскомъ	10,600	—
— станицахъ дунайскихъ казаковъ.	10,500	—
— измаильскомъ градоначальствѣ .	8,000	—
— аккерманскомъ уѣздѣ	7,700	—

Такъ что всего рогатаго скота въ области около 570,000 головъ. Это значитъ около 6 головъ на каждый крестьянскій дворъ; но въ дѣйствительности большая часть хозяевъ потяжные, то есть имѣющіе только по парѣ воловъ, за то много хозяевъ съ огромными стадами.

Лошадей въ Бессарабіи считается до 90,000. Сколько именно въ области конскихъ заводовъ, этого съ точностью опредѣлить нельзя, частью по неимѣнію свѣдѣній, частью и потому, что множество небольшихъ заводовъ часто уничтожаются и снова возникаютъ. Извѣстно, однако же, что лучшіе конскіе заводы находятся въ яескомъ и хотинскомъ уѣздахъ. Заводскія лошади въ Бессарабіи большой породы; онѣ мало расходятся въ край, а отправляются на ярмарки въ подольскую губернію или Молдавію. Господствующая же порода лошадей не высока и не красива; голова большая, ноги толстыя; но эти лошади весьма крѣпкія и добраго нрава; ихъ нужно запрягать въ тягло болѣе нежели лошадей херсонскихъ и малороссійскихъ, но за то они пройдутъ далѣе и менѣе потребуютъ корму. Нынѣ, для улучшенія породы лошадей, учреждены казенныя конюшни жеребцовъ, на основаніи Высочайшаго о томъ положенія, общаго во всѣхъ губерніяхъ. Конюшни учреждены въ Липканахъ, Бѣльцахъ, Кшненевѣ и Аккерманѣ. По свѣдѣніямъ за 1848 годъ о числѣ лошадей въ области, наибольшее число ихъ, также какъ и наибольшее число всего скота — въ колочинскомъ вѣдомствѣ, именно до 36,760 головъ. Другія мѣстности идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ казенныхъ селеніяхъ до	10,000	головъ.
— сорокскомъ уѣздѣ	8,830	—
— кшненевскомъ.	6,820	—

Въ лескомъ	6,610	головъ.
— оргѣвскомъ	6,330	—
— кагульскомъ	3,600	—
— бендерскомъ	3,120	—
— хотинскомъ	2,750	—
— измаильскомъ градоначальствѣ .	2,000	—
— станицахъ дунайскихъ казаковъ.	1,150	—
— аккерманскомъ уѣздѣ	950	—

Въ Бессарабіи разводятся овцы нѣсколькихъ породъ: 1) Простыя, имѣющія длинную, кудрявую толстую шерсть и небольшіе курдюки; этихъ овецъ считается въ области до 722,000 головъ. 2) Такъ называемыя цыганскія. 3) Испанскія, которыхъ шерсть наилучшаго свойства. Всѣхъ вообще тонкорунныхъ овецъ считается въ области до 717,350 головъ. Между овечьими заводами, какъ по количеству головъ, такъ и по качеству шерсти, первое мѣсто принадлежитъ овчарнямъ Стурдзы и наследникамъ Бенкендорфа, находящимся въ бендерскомъ уѣздѣ. Объ относительномъ же количествѣ овецъ въ разныхъ уѣздахъ можно судить по слѣдующей таблицѣ, составленной по свѣдѣніямъ за 1848 годъ:

	Число овецъ:	
	Простыхъ.	Тонкорунныхъ
Въ колонистскомъ вѣдомствѣ	120,525	120,150
— казенныхъ селеніяхъ	132,900	—
— оргѣвскомъ уѣздѣ	82,780	7,070
— аккерманскомъ	6,775	82,240
— бендерскомъ	20,410	58,700
— лескомъ	78,000	4,250
— сорокскомъ	69,300	11,270
— кишиневскомъ	79,300	5,220
— кагульскомъ	56,650	15,400
— измаильскомъ градоначальствѣ .	17,500	1,000
— станціяхъ Дунайскихъ казаковъ	13,400	—

Судя по количеству овецъ, содержащихся въ колоніяхъ, должно полагать, что шерсть составляетъ тамъ одинъ изъ важнѣйшихъ доходовъ. Шерсть вывозится за границу черезъ новосолицкую таможню и чрезъ одесскій портъ.

Свиней въ особенности много держатъ въ колонистскомъ вѣдомствѣ. Кромѣ обыкновенныхъ есть порода лопухидъ, весьма

крушынъ, съ такъ называемыми сережками; отворщенный кабанъ двѣтъ отъ 6 до 10 пудъ сала и мяса.

Ослы въ употребленіи только у Болгаръ.

Вообще можно одѣлать замѣчаніе, что на улучшеніе скотоводства обращено особенное вниманіе у вѣнецкихъ колонистовъ. Производя всѣ полевыя работы лошадьми, они держатъ рогатый скотъ для молочныхъ скоповъ. Молдаване дѣлаютъ изъ овечьяго молока сыръ, называемый брынзю, которымъ они приправляютъ мамазыгу. Лѣса въ Бессарабской области занимаютъ до трехъ сотъ тысячъ десятинъ; изъ нихъ подъ казенными 23,150 десятинъ. Это составляетъ около четырнадцатой части всего пространства области, четвертую часть полей и нѣсколько болѣе четвертой части луговъ.

Важнѣйшее лѣсное пространство въ Бессарабіи находится въ срединѣ области, въ лескомъ, оргѣвскомъ и кишиневскомъ уѣздахъ. Лѣсъ начинается на возвышенности, называемой Мегурою, въ окрестностяхъ Тишкурени и Бахмутъ, и оттуда тянется двумя полосами, по направленію отраслей горъ. Первая полоса шириною болѣе десяти верстъ, направляется къ востоку и идетъ съ одной стороны къ Оргѣю и Криулянамъ, гдѣ соединяется съ лѣсами, лежащими по берегу Днѣстра, а съ другой стороны подходит къ окрестностямъ города Кишинева. Она простирается до 80 верстъ въ длину. Другая полоса, направляясь къ югу, расширяется и занимаетъ пространство до 20 верстъ въ ширину и до 100 въ длину, будучи пересѣкаема только долинами нѣкоторыхъ рѣкъ, какъ-то: Когельника, Ботан и другихъ. Кромѣ того въ хотинскомъ уѣздѣ, на сѣверной границѣ съ австрійскими владѣніями, находится лѣсное пространство, занимающее до 40 верстъ въ длину, и до десяти въ ширину. Страна между Прутомъ и Днѣстромъ отъ мѣстечка Липканъ до деревни Бабино (на Днѣстрѣ) и отъ мѣстечка Фотешты до мѣстечка Атакъ и даже до селенія Бодичевъ покрыта кустарниками и рощами, лежащими одни отъ другихъ въ значительномъ разстояніи; но отъ этой черты до самаго оргѣвскихъ лѣсовъ мѣсто совершенно открыто. Но Днѣстру верельски вновь показываются у городища, близъ мѣстечка Криулякъ и въ окрестностяхъ Старыхъ Дубоссаръ, въ оргѣвскомъ уѣздѣ и потомъ въ Бендерскомъ и аккерманскомъ уѣздахъ. Отъ мѣстечка Кичканъ до деревни Пурнаръ по всей долинѣ

Прута пролегают значительные перелѣски, а отъ кишиневскихъ лѣсовъ отдѣляется полоса и тянется вдоль нагорнаго берега Прута, почти непрерывно до самаго Кагула и Нижняго Троицкаго вала. На островахъ дунайскихъ, Лети, Четалъ и Георгиевскомъ, лѣсъ занимаетъ пространство до 7,800 десятинъ и содержится въ большой неурядности.

Лѣсъ въ Бессарабiи вообще молодой, отъ 15 до 40 лѣтъ, и въ немногихъ только мѣстахъ годенъ на постройки. Самый старый и менѣе попорченый произвольными порубками, встрѣчается въ частныхъ дачахъ близъ города Оргѣя, на всѣхъ низменныхъ мѣстахъ, въ плавняхъ, и въ хотинскомъ уѣздѣ близъ селенiя Рухотина. Господствующая порода деревъ дубъ, но въ сѣщенiи съ нимъ, или отдѣльными куртинами встрѣчается букъ, ясень, кленъ, яльма, а въ хотинскомъ уѣздѣ букъ, грабъ, осина и береза; изъ мягкихъ же породъ тополь, ива и лоза. Хвойныхъ лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ въ Бессарабiи; между кустарничками всего болѣе дубняку и терну.

Въ хозяйственномъ отношенiи лѣса до сихъ поръ недостаточно берегутся. Есть помѣщики, которые еще рубятъ лѣсъ безъ раздѣленiя его на участки; другiе раздѣляютъ порубку лѣса на годъ, принимая двадцатилѣтнiй срокъ. Этого времени достаточно, но только для дровянаго лѣса и для самыхъ неважныхъ построекъ. Со временемъ въ Бессарабiи строевой лѣсъ будетъ только въ казенныхъ лѣсахъ. Опыты разведенiя лѣсовъ производятся отчасти только въ колонiяхъ. Въ лѣсахъ кишиневскомъ и оргѣвскомъ жители занимаются разными лѣсными ремеслами, подѣлкою колесъ, телѣгъ, плуговъ, боронъ, бочекъ и разной посуды, и все это вывозятъ они для продажи съ одной стороны въ Кишиневъ и Бендеры, а съ другой въ Бѣльцы, откуда эти предметы развозятся во всѣмъ степнымъ мѣстамъ области. Телѣга въ Бѣльцахъ и Бендерахъ продается, некованая отъ 4 до 6 рублей серебромъ; кругъ колесъ 2 рубля; бочки, смотря по величинѣ, отъ 5 до 15 рублей серебромъ. Но главный промыселъ въ кишиневскихъ лѣсахъ состоитъ въ жженiи угля и отправленiи его сухимъ путемъ въ Одессу и степныя мѣста области.—Въ глубинѣ лѣса, по причинѣ трудности перевозки, «ура дровъ продается на мѣстѣ по 10 копѣекъ серебромъ, то-есть, по 60 копѣекъ серебромъ сажень. Изъ сажени, если она выжжена съ должной осторожностью, получаютъ

ся пять четвертей угля. За пережженіе платится мастеру и рабочимъ по рублю серебромъ отъ сажени. Полагая за доставку до Одессы по 5 рублей серебромъ съ мангалы,—высокій кошъ, утвержденный на возу, въ который укладывается десять четвертей,—выйдетъ, что возъ угля стоитъ въ Одессѣ съ доставкой 8 руб 20 к. сер., не считая еще всѣхъ другихъ издержекъ, даже убыли угля отъ тренія.

Въ хотинскомъ уѣздѣ не жгутъ угля и даже мало ставятъ дровъ саженими, а продаютъ лѣсъ по частямъ на дрова и по штукамъ на разные подѣлки. На дрова продается прижина отъ 60 копѣекъ до 1 рубля 20 копѣекъ и даже до 1 рубля 80 копѣекъ серебромъ, смотря по качеству лѣса и удобству его перевозки; это значитъ отъ 40 до 150 рублей серебромъ фальча.

Въ Хотинѣ обыкновенно продается теперь сажень дровъ 5 рублей, въ Бѣльцахъ 7 рублей, въ Кишеневѣ 6 рублей, въ Аккерманѣ и Измаилѣ 10 рублей серебромъ. Но цѣна дровъ и лѣсу постепенно возвышается. Дровяной лѣсъ спускается также по Днѣстру и Пруту. Онъ складывается для этого въ особые дровяные сплавы; за сажень дровъ; связываемыхъ прутьями для сплава, платится работнику 30 копѣекъ серебромъ.

Пчеловодство не составляетъ значительной отрасли промышленности въ Бессарабіи.

Шелководствомъ занимаются большею частью въ сорокскомъ и оргѣвскомъ уѣздахъ, въ селеніяхъ по берегу Днѣстра, а также въ аккерманскомъ уѣздѣ и болгарскіе колонисты въ кагульскомъ; но промышленность эта не слясьномъ значительна; тутовые деревья слишкомъ молоды, да и не могутъ, по свойству самаго климата, достигать той величины, которая необходима для корню большаго числа червей. Болгарскіе колонисты, напримѣръ, выдѣлываютъ шелку всего только около 12 пудъ въ годъ, а въ ихъ колоніяхъ считается, по свѣдѣніямъ за 1848 годъ, до 220,640 штукъ тутовыхъ деревьевъ.

Запрная лова и птицеловство въ Бессарабіи также незначительны. Изъ пушистыхъ красныхъ звѣрей здѣсь водятся только волки да лисенцы. Въ отвращеніе зла, наносимаго волками, положено отъ правительства охотнику за каждаго убитаго волка по три рубля серебромъ. Сверхъ того въ бессарабскихъ лѣсахъ водятся олени, лосы и дикіе кабаны. Птицеловствомъ занима-

ются немногіе охотники почти только для собственнаго употребленія.

Рыбная ловля составляет въ Бессарабіи одну изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности. — Главнѣйшія рыбныя ловли производятся на Дунаѣ, по впадоу и на дунайскихъ островахъ. Кроме того ловъ рыбы производится въ значительномъ количествѣ на Днѣстрѣ и днѣстровскомъ лиманѣ.

На Днѣстрѣ ловъ рыбы производится преимущественно для собственнаго употребленія и развоза въ ближайшіе города и мѣстечки; но на лиманѣ онъ составляетъ уже довольно значительный промыселъ. Кроме карася, стерляди и короны, поймаются въ Днѣстрѣ, близъ устья, сомы, осетры и кефаль. Замѣчательнѣйшія ловли устроены на сѣверномъ берегу лимана, близъ мѣстечка Гура-Роша и на косѣ, отдѣляющей лиманъ отъ Буджакскаго озера, или Книбетскаго лимана. Эта коса имѣетъ ширину отъ 40 до 150 сажень и прорѣзана множествомъ канавъ или эрикновъ, устроенныхъ для прохода кефали.

Дунайскія рыбныя ловли находятся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ и отдаются въ оброчное содержаніе, за исключеніемъ небольшого пространства водъ Дуная, принадлежащихъ къ выгонной землѣ городовъ Кишинѣ и Измаила, гдѣ рыбная ловля предоставлена въ пользу этихъ городовъ.

Съ 1842 года, съ поступленіемъ дунайскихъ рыбныхъ ловель къ новому откупщику, сдѣланы въ этой отрасли промышленности во всѣхъ отношеніяхъ возможныя улучшенія: устроены особыя лодки, гораздо превосходнѣйшія прежнихъ; выписаны изъ астраханскихъ рыбныхъ заводовъ мастеровые и рабочіе, построены заведенія для соленія рыбы, приготовленія икры, клею, и прочаго. Въ настоящее время въ чертѣ откупа три рыбныхъ завода: одинъ на островѣ Лети, называемый баларгунскимъ, другой въ Измаилѣ, а третій въ городѣ Кишинѣ; изъ нихъ баларгунскій, по своей обширности и количеству приготовляемыхъ рыбныхъ товаровъ, есть главнѣйшій. На заводахъ имѣется для лова рыбы 35 большихъ, 10 малыхъ и двѣ клеювыя лодки. Кроме того ловъ рыбы производится въ откупныхъ мѣстахъ и вольными промышленниками на собственныхъ ихъ лодкахъ, по предварительному условію съ откупщикомъ. Въ откупныхъ водахъ Дуная и на впадоу ловятся: балуга, осетръ, севрюга, сомъ, кефаль, балангуты, скар-

лещь, севрюга, щука, карась, линь, карась, и другая мелкая рыба, обозначаемая на промыслах общими выраженіемъ *отбой*. Дунайская рыба отличается вкусомъ и цвѣтомъ отъ ловимой въ сѣверныхъ заливахъ, лиманахъ и рѣкахъ; въ этихъ послѣднихъ рыба палая, темнаго цвѣта и принимаетъ запахъ глу. — Въ самомъ большомъ количествѣ попадаются осетръ, сельдь и карась.

Ловъ рыбы начинается съ половины марта и продолжается до половины ноября; обильнѣйшій бываетъ въ мартѣ съ іюня, а въ Дунай, гдѣ весной и лѣтомъ вода отъ тающихъ снѣговъ и дождей болѣею частью высока и мутна, подъ осень. Сельдь ловится только въ мартѣ и апрѣлѣ. Въ это время она выходитъ изъ моря и бываетъ жирна и жирна. Удачный ловъ рыбы много зависитъ также отъ хорошей погоды и направленія дуящихся вѣтровъ: при вѣтрѣ съ моря воды Дуная обильны рыбою; которая, напротивъ того, при береговыхъ вѣтрахъ, удаляется въ море.

Слѣдующая таблица показываетъ количество улова рыбы за 1841, 1842 и 1843 годы:

	Сельди.		Бѣлуги, Севрюги, Осетра.		Сомы.		Карась.		Стерляди.	
	Штука круп.	Мелк.	Пуды.	Пуды.	Пуды.	Пуды.	Пуды.	Пуды.	Пуды.	Пуды.
Въ 1841 г.	78,200		12,617	1,500	70	501	10,170	79		
— 1842 —	27,500	57,000	24,796	2,549	755	1,568	74,875	98	13,021	
— 1843 —	39,875	183,000	23,797	3,177	396	2,221	901,736	82	14,600	
Всего	139,575	240,000	61,210	7,226	1,221	4,090	986,781	259	27,021	

Изъ уловленной рыбы добыто: икры 5,287 пудовъ, въ томъ числѣ бѣлужей 2,450 пудовъ, осетровой 465 и карасевой 2,37 пуда. Вязига 50 пудовъ и рыбьяго клею готовится ежегодно до 500 пудовъ.

Изъ приготовленныхъ, на дунайскихъ рыбныхъ заводахъ, рыбныхъ товаровъ, большая часть закупается на мѣстѣ пріѣзжающими изъ Молдавіи и Австріи торговцами; остальное же количество, за исключеніемъ употребляемаго внутри области, развозится откупщиками на собственный счетъ въ разные города внутреннихъ губерній, какъ-то: Одессу, Бердичевъ, Кіевъ, Врестъ-Литовскъ, Брянскъ, Орелъ, Москву, но болѣе всего въ Молдавію и въ Варшаву, откуда эти товары развозятся уже въ Берлинъ, Кенигсбергъ и Бреславль.

Оборотъ дунайскихъ рыбныхъ заводовъ въ теченіе означенныхъ трехъ лѣтъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: продано на мѣстѣ прибывшихъ изъ Молдавіи и Австріи торговцевъ, и употреблено внутри области разныхъ сортовъ рыбы 248,674 пуд., икры 1,910 пудовъ и сельдей 295,200 штукъ; отослано для продажи въ другія губерніи и Царство Польское рыбы 2,203 пуда, икры 2,192 пуда и сельдей 89,200 штукъ; отослано для продажи за границу рыбы 31,150 пуд. и икры 175 пудовъ. Цѣнность вывезенныхъ въ Варшаву и Молдавію товаровъ простирается до 71,428 руб. сер.

Рыбные товары на мѣстѣ въ заводахъ продаются по слѣдующимъ цѣнамъ: пудъ бѣлуги и осетра отъ 1 руб. 28 коп. до 6 руб. 28 коп., севрюги отъ 25 коп. до 1 руб. 42 коп., сома 85 коп., коропа отъ 42 коп. до 85 коп., щуки отъ 42 до 57 коп., сельди крупной за сотню отъ 2 руб. 28 коп. до 3 руб. 42 коп., мелкой за тысячу отъ 2 руб. 28 коп. до 3 руб. 42 коп., икры за пудъ отъ 11 руб. 42 коп. до 17 руб. 14 коп.; вазиги 11 руб. 42 коп., клею отъ 68 до 114 руб., балыковъ до 8 руб. 57 коп. и жиру до 3 руб. серебромъ.

Доставкой рыбы въ означенныя выше мѣста преимущественно занимаются поселане смежныхъ съ откупомъ казенныхъ селеній Караманета, Карачкова, Нерушоя, Галлештъ и другихъ; только для отправки транспортовъ въ Варшаву и въ особенности съ икрою гуртуются въ Одессѣ ваемныя тройки. За свозъ рыбы въ 1843 году, по счетамъ конторы, завѣдывающей дунайскими рыбными ловлями, уплачено поселанамъ поманутыхъ селеній 4,911 руб. 77 коп. серебромъ, а за доставку икры и рыбы въ Варшаву русскимъ извозчикамъ 2,542 руб. 85 коп. серебромъ. Кромѣ того по мѣрѣ развитія дунайскихъ рыбныхъ ловель уменьшается и доходъ казны отъ продажи соли съ бессарабскихъ соляныхъ озеръ, которой употреблено въ 1843 году на заводы для соленія рыбы, икры и прочаго на сумму 8,891 руб. 62 коп. серебромъ.

Соляные промыслы. Къ числу прочихъ предметовъ промышленности Бессарабіи должно также отнести и добываніе соли въ аккерманскомъ уѣздѣ въ соляныхъ озерахъ, принадлежащихъ государству, и состоящихъ въ вѣдѣніи особаго бессарабскаго солянаго управленія.

Эти озера лежат между устьями рѣкъ Дунай и Днѣстра, въ 40 верстахъ отъ города Аккермана, по западному берегу Чернаго моря, на протяженіи 47 верстѣ. Онѣ отдѣляются отъ моря длинною узкою косою, называемою морскою пересыпью.

Важнѣйшія изъ нихъ суть: Алибей, Шаганы, Бурназское, Гаджа-Ибрагимское, Курудиольское, Карачаусское, Альтинольское. Большой и Малый Сасикъ.

Дѣйствующихъ озеръ въ настоящее время два: Алибейское и Шаганское; они имѣютъ въ окружности первое 38, а второе 30 верстѣ, и какъ садка соли болѣе всего зависятъ отъ недопущенія вторженія въ нихъ прѣсныхъ водъ, то онѣ ограждены со стороны материка и отъ моря надежными плотинами и гатами; для сохраненія же плотины они обнесены на протяженіи болѣе 50 верстѣ окопомъ, по которому на каждыхъ пяти верстахъ расположены кордоны съ объѣздчиками. Недѣйствующія озера имѣютъ въ окружности: Карачаусъ съ Альтинолемъ 18, Бурназское съ Гаджи-Ибрагимскимъ около 18, Курудиольское около 8, Малый Сасикъ около 14, и Большой 70 верстѣ. Всѣ они находятся въ чerty. На Большомъ Сасикѣ осадка соли годъ отъ году улучшается и подаетъ надежду на обильный со временемъ урожай; впрочемъ доселѣ изъ него добытка соли не производилась. Съ дѣйствующихъ озеръ Алибейскаго и Шаганскаго по десятилѣтней сложности получалось ежегодно соли до 4 милліоновъ пудовъ и къ 1845 году оставалось въ запасѣ 14,078,975 пудовъ. Въ теченіе лѣта 1845 года вновь добыто соли 4,438,207 пудовъ; изъ этого числа продано солепромышленниками 2,975,090 пудовъ, отпущено въ аккерманскій запасный магазинъ 361,839 пудовъ, исключено на утечку и усушку 624,939 пудовъ, затѣмъ къ 1 января 1846 года оставалось 14,555,314 пудовъ. Противъ 1844 года отпущено соли болѣе 565,757 пудовъ.

Въ 1845 году, во время выработки изъ озеръ соли; находилось рабочихъ 11,970; промышленниковъ, занимавшихся вывозкою соли 658, въ томъ числѣ собственно бессараскихъ 254; фуръ, прикормленныхъ за солью было 57,000; при нихъ находилось фурманщичество 2,800.

Закупаемая промышленниками соль изъ запасовъ, имѣющихся при озерахъ, преимущественно была вывозима для продажи въ Бессарабскую область и въ губерніи: подольскую, волынскую

и Литву, а также въ Польшу и Малоросію; забиралась же въ американскаго запаснаго магазина соль, которой въ теченіи 1845 года продано 51,000 пудовъ, преимущественно была отгружалась въ городъ Одесу, за исключеніемъ небольшого количества, оставшагося для потребленія на мѣстѣ въ городѣ Амермагъ и его уѣздѣ.

Вообще, бессарабская соль, превосходя бѣлизною крымскую, не будучи легковѣснѣе, преимущественно забирается для продажи во все тѣ мѣста, гдѣ сбытъ соли производится не на мѣстѣ, а на шкуру. Продажная цѣна соли ежегодно утверждается и бываетъ около 27 коп. серебромъ за пудъ, на мѣстѣ.

Бессарабскій соляной промыселъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи земли 82,879 десятинъ, въ томъ числѣ удобной для пастбы скота внутри черты озеръ 20,594, внѣ черты 20,346 и подъ соляными озерами 41,849 десятинъ.

На соляныхъ озерахъ образуется маслянистая грязь съ сильнымъ сѣрымъ запахомъ, которая имѣетъ цѣлительное свойство отъ болѣзней и въ особенности отъ ревматизма, разслабленія нервовъ и назожвыхъ сыпей. Польза употребленія грязей, доказанная въ опытѣ надъ многими больными, обратила на себя вниманіе мѣстнаго начальства солянаго управленія, заботливостью котораго, въ 1848 году, устроенъ при грязяхъ небольшой купальный домикъ о четырехъ комнатахъ съ ваннами, чѣмъ доставлена возможность пользующимся принимать ванны въ теченіе цѣлаго лѣта.

Мануфактурная промышленность въ Бессарабіи только еще развивается. Всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ области считается, по свѣдѣніямъ за 1848 годъ, 297; на нихъ производится на сумму до 540,000 рублей серебромъ. Изъ этихъ фабрикъ и заводовъ замѣчательны находящіяся въ Кишеневѣ фабрики простыхъ шелковыхъ и бумажныхъ издѣлій и платочная, на которой выдѣлываются набивочные платки, употребляемые простымъ народомъ. Салотопенные заводы находятся въ разныхъ мѣстахъ области и доставляютъ одно изъ важнѣйшихъ произведеній мануфактурной промышленности; сала вытапливается въ нихъ на сумму отъ 80 до 100 тысячъ рублей. Винокуренные заводы въ послѣднее время значительно распространились, число ихъ простиралось до 40 и въ нихъ ежегодно выкуривалось болѣе нежели на 400 тысячъ рублей серебромъ водки. Кежевенныхъ заводовъ въ Бессарабіи небольшое

И СЫЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

число; но многие из жителей, особенно в преддѣлѣтровскихъ городахъ и мѣстечкахъ, а также въ оргѣвскомъ и кишиневокомъ уѣздахъ, гдѣ доставка дубовой коры не дорога, занимаются выдѣлкою кожъ самаго простаго сорту въ собственныхъ домахъ. Они же приготавливаютъ и полушубки, которые также какъ и кожи расходятся на мѣстѣ. Чтобы яснѣе судить о степени развитія въ области фабричной и заводской промышленности, представимъ таблицу, въ которой изчислимъ фабрики и заводы, находящіяся въ Бессарабiи, а также мѣру ихъ производства и цѣнность производимыхъ ими товаровъ.

Винокуренныхъ заводовъ въ области 22; они производятъ на сумму до 107,500 рублей серебромъ; изъ нихъ наибольшее число, именно 13, въ хотинскомъ уѣздѣ, производятъ на сумму до 75,000, рублей серебромъ. Кроме того въ оргѣвскомъ уѣздѣ 7 заводовъ, производящихъ на 14,990 рублей и въ кишиневокомъ 2, производящихъ на 18,000 р. сер.

Кирпичныхъ заводовъ 55; они производятъ на сумму до 16,300 рублей серебромъ; изъ нихъ наибольшее число въ кишиневокомъ уѣздѣ, 19, и измаильскомъ градоначальничѣ; первые производятъ на сумму до 1,800 рублей, вторые до 6,800 рублей серебромъ. Кроме того въ хотинскомъ уѣздѣ 3 завода, производящихъ на сумму до 1,500 рублей. Въ яскокомъ 1, производящій на 500 рублей серебромъ. Въ оргѣвскомъ 1, въ бендерскомъ 3, въ аккерманскомъ 3, производящiе на сумму до 1,800 рублей, въ болгарскихъ колонiяхъ 7, производятъ на 3,600 рублей серебромъ.

Пивоваренныхъ заводовъ въ области 5, производящихъ на сумму до 6,650 рублей серебромъ; изъ нихъ 4 въ хотинскомъ уѣздѣ, производятъ на 3,650 рублей и 1 въ измаильскомъ градоначальствѣ, производятъ на 2,950 рублей серебромъ.

Сальныхъ заводовъ 47; они производятъ на сумму до 27,600 руб. сер.; изъ числа этихъ заводовъ 11 въ хотинскомъ уѣздѣ производятъ на сумму до 8,500 рублей, 1 въ яскокомъ производятъ на 1,900 рублей, 1 въ сорокскомъ, 8 въ оргѣвскомъ, 7 въ кишиневокомъ, 1 въ бендерскомъ, 5 въ измаильскомъ-градоначальствѣ и 13 въ болгарскихъ колонiяхъ.

Милыхъ заводовъ 11; они производятъ на сумму до 5,500 рублей; изъ нихъ 5 въ измаильскомъ градоначальствѣ, производятъ на 3,800

руб. сер., 1 въ ясскомъ, 1 въ оргѣвскомъ, 3 въ кишиневскомъ и 2 въ болгарскихъ колоніяхъ.

Кожевенныхъ заводовъ 60; всѣ они незначительны и производятъ только до 4,600 руб. сер.; изъ нихъ 15 въ сорокскомъ уездѣ, 11 въ оргѣвскомъ, 19 въ кишиневскомъ, 15 въ измаильскомъ градоначальствѣ.

Гончарной посуды 7 заводовъ; они производятъ до 950 руб. сер.; изъ числа этихъ заводовъ 1 въ оргѣвскомъ уездѣ, 2 въ кишиневскомъ, и 4 въ измаильскомъ градоначальствѣ.

Бумажныхъ издѣлій 8 фабрикъ; они производятъ на 4,075 руб. сер.; изъ нихъ 1 въ оргѣвскомъ уездѣ и 7 въ кишиневскомъ.

Клееваренный заводъ въ области 1, въ оргѣвскомъ уездѣ, и тотъ производитъ рѣдко болѣе чѣмъ на 100 руб. сер.

Салотопныхъ заводовъ 10; они производятъ на сумму до 80,000 руб. сер.; эти заводы, по цѣнности производства занимаютъ третье мѣсто въ области. Самые значительные салотопные заводы въ кишиневскомъ уездѣ; тамъ ихъ 4 и производятъ на 45,600 руб. сер.; заводъ въ оргѣвскомъ уездѣ производитъ на 3,000 руб. сер.; въ аккерманскомъ уездѣ 3 завода, производятъ на 30,400 руб. сер., въ измаильскомъ уездѣ 2 завода, производятъ всего на 1,000 руб. серебромъ.

Набивныхъ фабрикъ 4; всѣ онѣ находятся въ кишиневскомъ уездѣ и все ихъ производство простирается на сумму 250 руб. сер.

Красильныхъ заводовъ 20; они производятъ до 5,750 руб. сер.; изъ числа ихъ 8 въ кишиневскомъ уездѣ и 12 въ болгарскихъ колоніяхъ.

Шляпныхъ фабрикъ 4; производятъ на сумму до 750 руб. сер.; изъ числа ихъ 1 въ ясскомъ уездѣ и 3 въ кишиневскомъ.

Трубочное заведеніе въ Кишеневѣ производитъ на сумму до 685 руб. сер.

Черепичныхъ заводовъ 23; производятъ на сумму за 5,800 руб. сер.; изъ нихъ 4 завода въ кишиневскомъ уездѣ, 13 въ измаильскомъ градоначальствѣ и 6 въ болгарскихъ колоніяхъ.

Водочный заводъ въ Кишеневѣ производитъ на сумму 120 руб. сер.

Маслобоекъ 5; онѣ въ болгарскихъ колоніяхъ и производятъ на сумму до 600 руб. сер.

Сукноваленъ 11; тоже всё въ болгарскихъ колоніяхъ и производятъ на сумму до 1150 руб. сер.

Изъ этой таблицы видно, что бессарабскія фабрики производятъ не болѣе, какъ нужно для потребленія въ край, что количество продуктовъ ихъ даже недостаточно, и что они перерабатываютъ только собственно туземныя произведенія, получаемыя на мѣстѣ.

Изъ той же таблицы видно, что заводская и фабричная дѣятельность наиболѣе развита въ кишинеvскомъ уѣздѣ, гдѣ 84 завода, производящіе на 82,500 рублей серебромъ; но по цѣнности производства первое мѣсто занимаютъ заводы хотинскаго уѣзда, производящіе слишкoмъ на 88,000 руб. сер. Если же принять въ расчетъ рыбныя заводы, то первое мѣсто по производству будетъ принадлежать изманьскому градоначальству, въ которомъ 64 фабрики и завода.

Въ болгарскихъ колоніяхъ всего 56 заводовъ и фабрикъ, производящихъ на 17,300 руб. сер.; въ орѣвскомъ уѣздѣ 32 фабрики и завода, производящіе на 19,500 руб. сер.; въ сорокскомъ 16, производящихъ всего на 1,240 руб. сер.; въ аккерманскомъ всего 6 заводовъ и цѣнность ихъ производствъ до 32,200 руб. сер., въ яскомъ 4, производящіе на 3,400 руб. сер.; въ бендерскомъ 4, производящіе на 1,050 руб. сер.

Кромѣ фабрикъ и заводовъ къ числу заведеній обрабатывающей промышленности принадлежатъ отчасти и мельницы. Всѣхъ водяныхъ мельницъ въ области 629; наибольшее число ихъ въ орѣвскомъ уѣздѣ, именно 225, потомъ въ сорокскомъ 148; въ кишинеvскомъ 96, въ яскомъ 86, въ хотинскомъ 63, въ болгарскихъ колоніяхъ 24, въ кагульскомъ уѣздѣ 13, въ бендерскомъ и аккерманскомъ 52. Вѣтряныхъ мельницъ въ области до 2,067; наибольшее число въ болгарскихъ колоніяхъ, до 1,150. Кромѣ того земляныхъ мельницъ въ области до 350, изъ числа которыхъ въ аккерманскомъ уѣздѣ 165 и въ болгарскихъ колоніяхъ 132.

Относительно мельницъ должно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе, что ихъ недостаточно въ Бессарабіи, не только для перемола въ муку всего хлѣба, производимаго краемъ, но даже для ежедневнаго потребленія жителей. Удовлетворительныя мельницы находятся только на Прутѣ и Днѣстрѣ, водяныя, и въ болгарскихъ колоніяхъ, вѣтряныя; во всѣхъ другихъ мѣстахъ существуютъ только

малыя мельницы на ручьяхъ, которые лѣтомъ пересыхаютъ, а зимою замерзаютъ, такъ что мельницы могутъ дѣйствовать только въ осеннее и весеннее мѣсяцы, и мелютъ не болѣе двухъ, трехъ четвертей въ сутки. Недостатокъ мельницъ въ особенности ощущателенъ въ хотинскомъ и лесскомъ уѣздахъ, и тѣмъ болѣе, что тамъ нѣтъ постоянного вѣтра, а оттого мало и вѣтряныхъ мельницъ. Пловучіе мельницы на Днѣстрѣ и Прутѣ нѣзятъ также большіе недостатки. По причинѣ безпрестаннаго возмущенія и пониженія воды въ этихъ рѣкахъ, онѣ должны быть устраиваемы не иначе какъ на порогахъ или дубаскахъ, и следовательно пользуются не весьма большою силою дѣйствія, а главное, онѣ останавливаются на всю зиму и на все время, когда идетъ ледъ. Жители внутреннихъ селеній Бессарабій возятъ зерно для перемола за нѣсколько десятковъ верстъ, или употребляютъ ручныя мельницы, небольшіе жернова, изъ которыхъ нижній утверждается на особомъ станкѣ, а верхній приводится въ движеніе посредствомъ веретена и длинной рукоятки, удерживаемой однимъ концемъ въ камень и прикрѣпленной другимъ концемъ къ стѣнѣ. Верхній камень можетъ понижаться или повышаться посредствомъ подставки, сдѣланной внизу станка, на которой стоитъ веретено. На такой ручнѣй мельницѣ можно смолоть въ сутки до пяти пудовъ муки. Ручныя мельницы весьма удобны для кукурузы, не требующей мелкаго смолы.

Въ заключеніе обзора заводской и фабричной дѣятельности Бессарабской области, повторимъ то же, что говорили уже прежде, именно, что дѣйствія обрабатывающая промышленность еще только развивается и сильно нуждается въ капиталахъ и людяхъ, своеобразныхъ двинуть ее сообразно богатству природныхъ средствъ.

ПРОИЗВОДСТВО ДЪЛЪ И РАБОТЪ НА ЖЕЛЪЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Перваго сентября 1850 года ровно двадцать лѣтъ тому, какъ открыта первая желѣзная дорога съ паровымъ движеніемъ. Вся еще помнятъ удивленіе, радость и любопытство, которыми взволновалась Европа при извѣстїи о дѣйствїяхъ этого чуднаго пути сообщенїя. Тогда было только около сорока верстъ желѣзной дороги на всей землѣ. Въ эти двадцать лѣтъ построено въ Европѣ и Америкѣ болѣе тридцати тысячъ верстъ такихъ дорогъ: въ одной Великобританїи, къ 1 января нынѣшняго года, считалось 3,036 миль, или около 4,800 верстъ, открытыхъ и вполнѣ дѣйствующихъ желѣзныхъ дорогъ. По весьма точному исчисленїю доктора Ларднера, со времени открытїя первой желѣзной дороги по 29 декабря 1849 года, столько людей воспользовалось этимъ средствомъ перемѣщенїя, что если бы общее ихъ число отнести къ одному году и къ самому большому нынѣшнему протяженїю желѣзныхъ дорогъ въ Великобританїи, то оказалось бы, что на каждый день года и каждую милю изъ 3,036 миль приходится по 727 человекъ. Значитъ въ одной Великобританїи,

при 28,000,000 народонаселения, въ эти двадцать лѣтъ прошло по желѣзнымъ дорогамъ около 835,000,000 человекъ, число почти равное народонаселению всего земнаго шара. Возьмемъ теперь въ расчетъ, что если бы верста желѣзной дороги среднимъ числомъ стоила только 50,000 рублей серебромъ, то 30,000 верстъ, открытыя въ настоящее время, должны были привести 1,500 миллионовъ рублей серебромъ въ оборотъ на одно учрежденіе совсѣмъ новой статьи промышленности. Надо теперь принять въ соображеніе, что въ тѣхъ земляхъ, гдѣ желѣзныя дороги почти окончены, то-есть, гдѣ главныя линіи открыты на всемъ протяженіи, какъ въ Великобританіи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, нынѣшній проѣздъ пассажировъ по нимъ равняется тройному народонаселенію каждой изъ этихъ земель: такъ, въ Великобританіи проѣзжаетъ теперь въ годъ до 75,000,000 человекъ, въ Бельгіи до 12,000,000, въ Голландіи до 9,000,000, въ Германіи до 80,000,000, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки до 50,000,000. Прибавивъ къ этому еще 50,000,000 пассажировъ на Австрію и Францію, гдѣ главныя линіи еще не вполне отстроены, мы найдемъ, что каждый годъ проѣзжаетъ нынче, около 275,000,000 человекъ по желѣзнымъ дорогамъ. Средняя цѣна проѣзду полторы копейки серебромъ за версту. Средній проѣздъ на одного человека — пятьдесятъ верстъ. Слѣдовательно одна эта статья приводитъ ежегодно въ движеніе около 210,000,000 рублей серебромъ, которые тутъ же раздѣляются между всѣвозможными промышленностями, начиная отъ землекопа до фабриканта шелковыхъ издѣлій. Не нужно другихъ вычетовъ, чтобы оцѣнить необыкновенную пользу желѣзныхъ дорогъ для народнаго благосостоянія государствъ. Послѣ того можно, какимъ образомъ старые города вновь перестроились, новые создались, болота превратились въ пашни, жизнь, довольство и даже роскошь расцвѣли въ прежнихъ мѣстахъ развалинъ и нищеты повсюду, гдѣ желѣзныя дороги устроились въ достаточномъ количествѣ и по благоразумному плану.

Между-тѣмъ желѣзныя дороги почти вездѣ, при началѣ ихъ основанія, встрѣчали сильное сопротивленіе со стороны тѣхъ, которые считаютъ себя за необыкновенныхъ умницъ: да и донынѣ преубѣжденіе противъ нихъ не совсѣмъ искоренилось въ головахъ, склонныхъ предаваться дальновидной глубокомысленности. Любители каналовъ воображаютъ, будто желѣзныя дороги убиваютъ пути воднаго

сообщения, которые стоили столько трудовъ и денегъ Барона. Другіе страшатся за сухопутный извозъ и хлопочутъ о томъ, что многочисленный классъ, промышляющій лошадиною силою, долженъ непременно остаться безъ дыла и безъ хлѣба. Иные наконецъ воображаютъ, будто желѣзныя дороги обираютъ публику и владѣльцы ея обогащаются несметными барышами, съ ущербомъ для другихъ отраслей промышленности. На этотъ послѣдній упрекъ, двадцати-лѣтній опытъ Великобританіи служитъ неопровержимымъ отвѣтомъ: желѣзныя дороги обогащаютъ всѣхъ въ государствѣ, исключая своихъ строителей, акціонеровъ. Мы увидимъ впоследствии, что средний дивидендъ, получаемый тамъ ежегодно отъ капитала, употребленнаго на постройку желѣзныхъ дорогъ, не превышаетъ 3½ процентовъ въ годъ. Между-тѣмъ акціи каналовъ, находящихся возлѣ дорогъ, все-не упали: напротивъ, многія возвысились въ цѣнѣ; самыя невыгодныя, какыя акціи канала Grand Junction, получаютъ 6 процентовъ годоваго дивиденда. Другіе каналы, возлѣ самыхъ дѣятельныхъ желѣзныхъ дорогъ, менчестеръ-ливерпульской и лондоно-менчестерской, и не смотра на усиленное ихъ соперничество:

Оксфордскій	26	процентовъ.
Ковентри	25	—
Олдъ-Бирингемъ	16	—
Трентъ-Мерси	30	—
Герцога Бриджватера	30	—

Въ то же самое время статистика Великобританіи удостовѣряетъ, что въ послѣднее десятилѣтіе число лошадей въ Англіи умножилось значительно: приращеніе простирается до 330,000 головъ и особенно примѣтно въ областяхъ, черезъ которыя пролегаютъ желѣзныя дороги. Стало-быть, извозъ не только не уменьшается отъ присутствія желѣзныхъ дорогъ, но, напротивъ, очень усиливается: всѣ лошади заняты, всѣ извозчики возятъ, только можетъ-быть возить что-нибудь другое. Но почтовый извозъ? но ящики? скажутъ завѣсные возражатели. Ямской извозъ—такой же промыселъ лошадиною силою какъ и всякой другой извозъ. Какая вамъ нужда, что будутъ возить ящики, живущіе по близости желѣзной дороги: лишь бы лошади ихъ были всегда въ работѣ, а это будетъ—это есть вездѣ!

Между противниками желѣзныхъ дорогъ былъ одинъ классъ, назв-

которым много связались, но который один говорил, отчасти, дело: он не отвергал железных дорог, не страшился их, но советовал повременить повсеместным разведением их, дозволить опыту времени не покажет, хороша ли нынешняя первоначальная система паровой езды на железных полосах, не ошиблись ли первые выдумщики, и есть ли других методов, более выгодных; а между-тем умъ человеческий, надвигались они, может-статья выдумаетъ двигателя еще лучше паровъ, потому что изобретательности его нетъ конца. Какъ ни забавно это выжиданіе будущихъ явлений изобретательности въ виду предстоящихъ польвъ, до которыхъ пока-зывать не рѣшаются дотрогиваться, и эта надежда на опыты времени, между-темъ какъ, советуя всемію удерживаться отъ испытанія, делаютъ осуществленіе рѣшительнаго опыта невозможнымъ, но мы увидимъ, что первоначальная система паровозничества была ошибочна: въ своихъ началахъ — не для государствъ — не для публики — а собственно для акціонеровъ. При другомъ распорядкѣ строители железныхъ дорогъ могли бы получать гораздо больше выгоды. Это ничто совершенно доказано, и въ системѣ железнодорожнаго управленія происходитъ въ настоящее время важный кризисъ, послѣднимъ результатомъ котораго будетъ новая польза для публики, потому что умноженіе выгодъ всякаго предпріятія ведетъ къ размноженію числа такихъ предпріятій.

Такое сильное орудіе новѣйшей образованности и благосостоянія человечества, каковы железныя дороги, совершенно заслуживаетъ того, чтобы мы были знакомы съ ними нѣсколько лучше чѣмъ до-сихъ. Волкій, кому случится, готовъ ѣздить по железнымъ дорогамъ: но знаетъ ли кто-нибудь, въ публикѣ, сущность этихъ удивительныхъ учрежденій? постигаетъ ли огромность и многосложность дѣла?

Когда гдѣ-либо открывается первая железная дорога, каждое живое существо съ удивленіемъ и со страхомъ смотритъ на проходящій поездъ: хлѣбонасецъ удерживаетъ дыханіе, лошади бросаются въ сторону, потомъ останавливаются какъ вкопанныя, оборачиваются назадъ, смотря, выпучивъ глаза, на движущееся чудовище и саркаютъ. Но первое впечатлѣніе непродолжительно; черезъ нѣсколько времени и люди и животныя свыкаются съ чудомъ, и когда поездъ пролетаетъ черезъ поля и луга, скотъ, пасущійся до сторонамъ, уже

не подымаешь и головы, чтобы оглянуться на него; пугливая овца бьется его тань же мало какъ вѣтру; даже куропатка, бѣгущая съ своими дѣтенышами по бермамъ выемокъ, не приспѣваетъ къ землѣ, когда прозвѣдъ несется подъ нея. Также и съ людьми. Войдя на станцію желѣзной дороги, вы только говорите: сядоу зубы, кассиръ, куда вы желаете ѣхать, получаете билетъ, садитесь на свое мѣсто, погружаетесь въ свою книгу или газету, и, достигши мѣста назначенія, увязываете, нисколько не заботясь о многосложныхъ учрежденіяхъ, потребныхъ для доставленія вамъ тѣхъ несказанныхъ удобствъ, которыми вы сейчасъ пользовались. Понимать нѣтъ ни одной книги о производствѣ дѣла на желѣзныхъ дорогахъ, и публика не имѣетъ ни какихъ средствъ получить точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Весьма скоро Россія будетъ обладать одной изъ огромнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ въ міръ, сооруженіемъ истинно монументальнымъ, достойнымъ великаго государства и великаго народа. Какъ не познакомиться заранѣе съ тѣмъ, что въ такихъ предпріятіяхъ заслуживаетъ особеннаго интереса? Какъ не узнать, какъ тутъ происходитъ дѣло? какъ не полюбопытствовать на внутреннія подробности устройства? Съ этою целью мы намѣрены представить краткое обзоріе механизма одной изъ значительнѣйшихъ дорогъ Англій, и для большей ясности приведемъ нѣкоторые изъ сценъ, встрѣчающихся на главныхъ станціяхъ, Лондонско-сверозападной дороги.

Подъѣхавъ въ кабриолетъ къ Юстонъ-скверу (Euston-Square) въ Лондонъ, гдѣ находится станція, путешественникъ стараго покроу сначала пріятно пораженъ неизвѣстною прежде взлывностью, съ которою, какъ скоро экипажъ его остановился, носильщикъ, отворивъ дверцу, съ изумительнымъ проворствомъ спѣшитъ выбрать все его вещи. Но скоро онъ убѣждается, что целью этого обязательнаго служителя въ зеленой туго-застегнутой ливреѣ, было—прогнать кабриолетъ отъ подвѣзда, чтобы тѣмъ дать возможность подвигаться цѣлой вереницѣ разнообразныхъ экипажей, — медленно слѣдующихъ за нимъ. Такимъ-образомъ, не успѣвъ нашъ путешественникъ расплатиться съ извозчикомъ, опуститъ ему въ руку два блестящихъ шиллинга, какъ его любимый теплый сюртукъ, зонтикъ, чемоданъ, дорожный мяшокъ, письменный приборъ въ ящикъ изъ русской юфты, съ ватентованнымъ замкомъ, — все пропало, и онъ начинаетъ думать

съ досадою, что тутъ ужъ слинкомъ любезно прислуживаютъ. А какъ онъ издавна ставитъ себѣ за непрѣмное правило никогда не спускать глазъ съ своей поклажи, то у него странно ворочаетъ въ желудкѣ, когда ему учтиво говорятъ, что ему ни подъ какими предлогами не можетъ быть дозволено слѣдовать за ней, но что *она найдетъ ее на площадкѣ*; и въ самомъ дѣлѣ, онъ находитъ ее на указанномъ мѣстѣ, подъ присмотромъ того зеленого служителя, который увезъ ее и который стоитъ и машетъ ему, чтобы онъ приближился.

Отправленіе большого поезда отъ юстонъ-скверской станціи представляетъ такую любопытную картину, что нельзя не остановиться на минуту, чтобы взглянуть на нее.

На большой, крытой площадкѣ, къ которой примыкаютъ другія площадки, получающія вмѣстѣ съ нею свѣтъ сверху, черезъ 8,797 квадратныхъ ярдовъ (полдесятины) блага стекла, собраны и движутся по разнымъ направленіямъ, въ истинно вавилонскомъ безпорядкѣ, люди всавозможныхъ странъ, вѣрованій, языковъ; люди высшихъ и низшихъ сословій и непринлежащіе ни къ какому сословію; дѣти, только что вступающія въ жизнь; старики, доживающіе свой вѣкъ. Одни желаютъ быть замѣченными, другіе, по множеству разныхъ причинъ, хорошихъ и дурныхъ, или даже вовсе безъ причины, стараются только о томъ, какъ бы уйти отъ вниманія любопытныхъ. Нѣкоторые отыскиваютъ друзей, — другіе вдругъ поворачиваютъ назадъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ избѣжать знакомаго.

Въ противоположность свободному, обносившемуся платью, въ которомъ путешествуютъ обыкновенно люди съ спокойной душой и любящіе удобство, встрѣчается иногда молодая чета, одѣтая съ ногъ до головы, — какъ новорожденный младенецъ, въ обнову; она сплзываетъ къ купѣ, — каретъ для трехъ особъ, съ великолѣпными, мягкими и широкими креслами, обитыми бархатомъ, съ зеркалами, столикомъ и прочимъ комфортомъ; — къ дверямъ небрежно привѣшена черная доска, на которой очень кстати напечатано бѣлыми свадебными буквами: «Занято».

Среди этой массы людей множество носильщиковъ несутъ и везутъ во всякъ направленіяхъ, извиваясь между народомъ, поклажу и имущество всевозможныхъ видовъ и размѣровъ. Одинъ несетъ на правомъ плечѣ, увязанный въ рогожи пукъ молодыхъ деревьевъ,

12 или 15 футовъ длины, которыхъ обладатель, только что купившій ихъ для своего сада, слѣдуетъ за ними съ родительскою нѣжностью. Другой носильщикъ, упираясь и идя задомъ, тащитъ изо всѣхъ силъ къ багажному вагону свору лягавыхъ собакъ, которыхъ хвосты прямо расходятся въ видѣ лучей отъ своры, связывающей ихъ головы. Въ то же время множество разнощиковъ газетъ протираются какъ ужи сквозь толпу.

Внутри длинной, повидимому безконечной цѣпи экипажей, ограничивающей площадку, видны разнообразныя лица и головныя уборы пассажировъ, болѣею частью стариковъ, которые съ надлежащею предусмотрительностью уже заняли свои мѣста; а между-тѣмъ какъ большая часть ихъ, разложивъ на козвняхъ газеты, медленно протираютъ очки, нѣкоторые изъ молодыхъ ихъ спутниковъ болтаютъ съ другими зъваками, облокотившимися на каретныя окна, или цѣлуются и машутъ руками, прощаясь съ добрыми друзьями, проводившими ихъ до станціи.

Тутъ часто случаются очень трогательныя и даже драматическія сцены. Такъ однажды въ подобномъ случаѣ, мы слышали, какъ въ углу одного экипажа кто-то изъ пассажировъ замѣтилъ своему сосѣду. — Тутъ навѣрное происходитъ что-нибудь очень трогательное! — Сосѣдъ былъ занятъ разрывываніемъ листовъ своего журнала, и не отвѣчалъ, но намъ удалось видѣть случай, къ которому относились эти слова. — Молодой человекъ, лѣтъ двадцати-двухъ, средняго росту и очень обыкновенной наружности, стоялъ противъ первокласной кареты, въ ту самую минуту какъ свистокъ кондуктора извѣстилъ о немедленномъ отправленіи поезда. При этомъ сигналъ молодой человекъ безъ всякаго театральнаго движенія, безъ всякаго признака притворства повалился назадъ и упалъ на случившійся за нимъ чемоданъ — Двѣ пожилыя дамы тотчасъ бросились къ нему, сперва принялись изо всѣхъ силъ тереть ему своими костлявыми пальцами ладони, отчего пользы было столько же, какъ еслибъ онъ сталъ щекотать подошвы его сапоговъ; — затѣмъ онъ развязали ему галстукъ; но всѣ ихъ нѣжныя попеченія оставались безъ успѣха. Эта минута отъезда ввроятно разлучала его съ чѣмъ-либо или кѣмъ-либо. Отъезда онъ впрочемъ и не видалъ, потому-что одного свистка было достаточно, чтобъ лишить его чувствъ! Какіе обмороки и ры-

даже эта сцена происходила внутри кареты, предоставляя каждому угадывать, кто какъ умзетъ.

Въ другой разъ, пожилая дама сидѣла уже въ каретѣ съ своей прекрасной дочерью, которая, въ ожиданіи или въ страхъ минуты отъезда, пристально смотрѣла сквозь стекло на площадку, гдѣ, среди суетящейся толпы, стоялъ нвкій молодой человекъ съ вертеровскима видома, не спуская глазъ съ рѣченного стекла. Вдругъ онъ вынимаетъ изъ кармана свой желтый билетъ, рѣшительно подходитъ къ этой каретѣ—кондукторъ отворяетъ дверцу—и молодой человекъ быстро впрыгиваетъ въ экипажъ. Дверца затворяется, но въ каретѣ слышенъ шумъ, споръ, гнзвъ—негодование—оправданіе. «Развѣ для васъ мало здѣсь каретъ? кричить пожилая дама. Зачѣмъ вы непременно садитесь въ эту, давъ мнѣ слово не встрѣчаться болѣе съ нами?» Розовый голосокъ дочери вступается за нашего попутчика и, кажется, старается смягчить маменькино сердце. Но оно неумолимо. Мать высовываетъ голову въ форточку и, съ лицомъ разгорѣвшимся отъ досады, велитъ кондуктору отворить карету. Дверца снова открывается. Маменька, первая, выскакиваетъ на площадку и зоветъ дочь съ собою, чтобы пересѣсть въ другой экипажъ. Вдругъ раздается пронзительный свистъ выпускаемаго въ воздухъ пару—знакъ отъезда—дверца мгновенно захлопнулась—кондукторъ быстрѣе кошки взобрался на карету и поздъ двинулся съ мѣста. Мать осталась на площадкѣ. Она кричить: стой! стой;—бѣжить за экипажами—испускаетъ вопли отчаянія—но поздъ мчался все быстрѣе и быстрѣе и почтенная дама, оставленная всеми, уныло садится на скамейку.

Невозможно сказать, какія чувства долженъ возбуждать ежедневно, какъ въ самомъ поздѣ, такъ и на площадкѣ, этотъ отходный свистокъ. Отъ убійцы, укрывающагося отъ строгости правосудія, до бѣднаго отчаяннаго должника, бѣгущаго отъ кредиторовъ; отъ истощеннаго трудомъ перваго лорда казначейства до лѣнивѣйшаго члена комфорта-клуба;—отъ людей всѣхъ званій, стремящихся къ занятіямъ или отдохнуть отъ занятій, до школьника, возвращающагося въ классы или покидающаго школу; и отъ генералъ-губернатора, вѣдущаго съестъ на пароходъ, который долженъ перенести его въ Остъ-Индію, до несчастнаго переселенца, который долженъ отплыть изъ того же порта въ Австралію—свистокъ желзной дороги,

незамѣчательный толпою, долженъ часто и во многихъ сердцахъ пробуждать чувства, которыхъ описать нѣтъ никакой возможности.

Между-тѣмъ, какъ пассажиры спокойно усаживаются по мѣстамъ, на другомъ пути артиллеристы, лошади и пушки такъ же спокойно размѣщаются въ каретахъ, въ конныхъ и багажныхъ вагонахъ, которые потомъ прицѣпляются къ повзду пассажировъ, вовсе не подозревающихъ, какіе военные снаряды сопутствуютъ имъ.

Между-тѣмъ, какъ отправившійся повздъ, какъ корабль вышедшій изъ гавани, постепенно ускоряетъ ходъ, пока не достигнетъ своей наибольшей скорости, дѣловые люди внимательно читаютъ газетныя прибавленія, а люди праздные — театральныя статьи въ своихъ газетахъ, — вдругъ всю эту убѣгающую улицу пассажировъ — мужчинъ, женщинъ, дѣтей — обдаетъ глубокий мракъ, и они видятъ другъ друга только благодаря слабому свѣту незамѣчнаго досель фонаря, который какъ блѣдная луна послѣ блестящаго захода солнца, скромно свѣтится надъ ихъ головами. Въ это время площадка юстонской станціи, за нѣсколько минутъ до того такъ плотно усыпанная народомъ, совершенно пустуетъ. Одинъ дежурный сторожъ ходитъ взадъ и впередъ и каждый шагъ его раздается въ пространствѣ. Продавцы газетъ, измученные до полу-смерти новостями, которыя они передъ тѣмъ выхваляли, лѣниво растягиваются на своихъ скамьяхъ; даже мальчикъ, продающій «Пунчи» почти заснулъ, и ничто не прерываетъ однообразной тишины, кромѣ нѣсколькихъ смотрителей и разсмысленныхъ, которые, какъ кролики, перебѣгающіе изъ одной дыры своей кятки въ другую, выходятъ на площадку изъ однихъ дверей — чтобы торопливо выдти въ другія. Черезъ нѣсколько минутъ однако жъ, громкое вырканіе локомотива предвѣщаетъ приближеніе къ площадке цѣпи пустыхъ экипажей, которые едва успеютъ построиться для слѣдующаго повзда, какъ уже экипажи всякаго роду несутся по многолюднымъ улицамъ, выходящимъ къ Юстонъ-скверу: эта странная картина суеты и спокойствія, толкотни и совершеннаго безлюдья продолжается такимъ-образомъ попеременно каждый день отъ четверти седьмаго часу утра до десяти часовъ вечера въ теченіе всей недѣли, всего мѣсяца, всего года.

Отправивъ отходящій повздъ, вы можете перейти отъ мѣста от-

правления через пять рядов рельсов на которых стоят, как корабли на якорь в гавани, множество экипажей, готовящихся къ отъезду, и взойти на противоположную площадку, чтобы взглянуть на прибытіе приходящаго поезда. Эта площадка несравненно длиннѣе назначенной для отправлений. Это кривая площадь въ 900 футовъ длины, освѣщенная днемъ сверху черезъ бѣлыя стекла, а ночью шестидесятью- семью большими газовыми фонарями, привѣшенными сверху, или прикрепленными къ желѣзнымъ столбамъ, на которыхъ держатся металлическія сѣтко-образныя стропила. — Теперь на этой странной площадкѣ вы едва ли увидите одно живое существо; несмотря на то, по вѣшной сторонѣ во всю длину ея стоятъ нескончаемый рядъ кабриолетовъ, перемѣшанныхъ съ частными экипажами всѣхъ родовъ, гичами, тележками, омнибусами, послѣдніе стоятъ противъ маленькихъ, гадкихъ, черномазыхъ, живыхъ вывѣсокъ, которыя днемъ и ночью твердятъ свое однообразное: «Гольборнъ; — Флигъ-Стритъ и Чипсайдъ; — Оксфордъ-Стритъ; — Риджентъ-стритъ; — Черингъ-кроссъ!» и прочая.

Въ этомъ разношерстномъ рядѣ экипажей, щеголи кучера, высокіе, блѣдые, напудренные лакеи, и чудныя лошади представляютъ разительную противоположность скромному, но гораздо быстрѣйшему средству перемѣщенія — извозничьему кабриолету. Бѣлая часть извозчиковъ въ отлучкѣ; остальные или вѣжатся на лавкахъ, или въ различныхъ положеніяхъ дремлютъ на козлахъ. Лошади ихъ по большей части уже привыкли къ своей должности и согнутыя колѣна и одышка свидѣтельствуютъ ихъ долголѣтнюю службу; онѣ стоятъ въ раздумьи, съ клочкомъ ковра на спинѣ, съ мышкомъ на мордѣ, часто пустымъ, — до-тѣхъ-поръ, пока, по какому-либо случаю, какой-нибудь экипажъ не выѣдетъ изъ-ряду: тогда, не заботясь ни объ отсутствіи своихъ возницъ, ни о шумѣ вокругъ нихъ происходящемъ, онѣ спокойно по-двигаются по краю рва, отдѣляющаго ихъ отъ рельсовъ. Онѣ очень хорошо знаютъ, чего ждутъ, и вовсе не желаютъ трогаться съ мѣста. Въ-самомъ-дѣлѣ это фактъ, извѣстный всѣмъ извозчикамъ, что ихъ лошади неохотно везутъ отъ станціи, а напротивъ всегда спѣшатъ назадъ къ станціи, потому-что тутъ въ ожиданіи съѣздовъ имъ надѣваютъ мышки на морды, или, другими словами, ихъ кор-мятъ.

Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что шестидесять пять избранныхъ

извозчиков имѣютъ свободный входъ на площадку, съ условіемъ вести себя честно и добропорядочно, и имѣютъ исключительное право заниматься извозомъ для желѣзной дороги, которой и имя написано на ихъ кабриолетахъ. Если потребуется большее число, то служитель приводитъ ихъ изъ ряда умоляющихъ извозчиковъ, стоящихъ по ближайшимъ улицамъ. Около каждаго выѣздныхъ воротъ поставленъ человекъ, обязанный записывать въ книгу номеръ каждаго извозчика, взятаго пассажиромъ и мѣсто, куда онъ ѣдетъ; каждый извозчикъ, проѣзжая мимо, долженъ объявить это, и такимъ-образомъ, пассажиру имѣющему причины жаловаться на извозчика, или забывшему какиа-либо вещи въ экипажъ, состоящемъ при станціи, стоитъ только объявить въ какой день и съ какимъ поездомъ онъ прибылъ, и куда былъ отвезенъ, и по этимъ даннымъ имя извозчика будетъ немедленно открыто.

Но вниманіе вдругъ привлекается чѣмъ-то несравненно важнѣе пассажирской поклажи; потому что этотъ неземной стонъ, раздавшійся внутри сигнальной будки, за рядомъ кабриолетовъ и каретъ, требуетъ немедленнаго объясненія.

Множество непредвидѣнныхъ несчастій, могущихъ случаться при проходѣ неожиданнаго или даже ожидаемаго пассажирскаго поезда къ концу лондонско-сѣверозападной желѣзной дороги, побудило принять нѣкоторыя предосторожности.

Какъ скоро пыхтящая труба входящаго поезда покажется изъ Примрозъ-гильскаго туннеля, служитель, поставленный въ этомъ мѣстѣ и котораго вся должность сгущать воздухъ въ гидравлическомъ снарядѣ, которымъ онъ снабженъ для этой цѣли, пускаетъ струю этого воздуха въ однодюймовую желѣзную трубку, и такимъ-образомъ мгновенно производитъ въ маленькой сигнальной будкѣ, находящейся на подъездной площадкѣ юстинъ-скверской станціи, и гдѣ днемъ и ночью есть дежурный сигнальщикъ, то громкое, унылое завыванье, о которомъ мы сейчасъ говорили, и которое продолжается непрерываясь минутъ пять. Какъ скоро раздастся этотъ унылый призывъ, сигнальщикъ выскакиваетъ изъ своей будки, хватаятъ ручку колокола, висящаго у его дверей и двумя короткими, сильными ударами, извѣщаетъ всѣхъ, кому о томъ вѣдать пужно, о прибытіи къ кемденской станціи ожидаемаго поезда. Въ эту минуту любопытно смотрѣть на бѣдныхъ извозничьихъ лошадей, которыя различными

высокими мускулами, понятными для каждого, кто свылся съ лошади, ясно показывают, что онъ отлично понимаютъ происходящее, и что должно за тѣмъ послѣдовать.

Выполнивъ показаннымъ образомъ двулегкихъ и четверолегихъ, зеленый сигнальщикъ беретъ три флага означаютъ опасность (красный), осторожность (зеленый), и безопасность (бѣлый), и идетъ по линіи на нѣсколько сажень, къ мѣсту, откуда онъ ясно видитъ своего собрата сигнальщика, поставленнаго у входа въ юстонскій туннель. Если по этому направленію есть какое-либо затрудненіе, то онъ извѣщаетъ объ этомъ движеніемъ краснаго флага; и только когда бѣлые флаги туннеля и начальника станція на площадкѣ удостовѣрили его, что все обстоитъ благополучно, онъ возвращается въ свою будку, имѣющую весьма важное назначеніе, не смотря на свою скромную наружность; она имѣетъ всего двѣнадцать футовъ въ длину и девять въ ширину. Возвратясь въ нее, онъ передаетъ извѣстіе своимъ воздушно-сгустительнымъ снарядомъ сборщику билетовъ на кемденской станціи, которому настрого запрещено, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, отпускать повѣздъ отъ площадки до полученія дозволенія изъ сигнальной будки юстонской станціи, посредствомъ воздухоудувныхъ трубъ.

Въ послѣдней есть также циферблатъ и стрѣлки гальваническаго телеграфа, которыя однако же въ настоящее время не дѣйствуютъ. Слѣдующій анекдотъ доказываетъ практическую пользу этого удивительнаго изобрѣтенія, обезсмертительнаго имени Кука и Уетстона. Одинъ старый генераль, прїѣхавъ на юстонскую станцію изъ своего имѣнья въ нѣсколькихъ миляхъ за Манчестеромъ, по приглашенію директоровъ Остиндекой Компани, чтобы быть на обѣдъ, который они давали лорду Гардингу, узналъ тутъ, что слѣдовало ему быть въ мундирѣ, и, какъ человекъ привычный къ маршамъ и контрмаршамъ, собирався уже вхатъ назадъ въ Манчестеръ, когда сигнальщикъ совѣтовалъ ему выписать мундиръ по телеграфу. Онъ такъ и сдѣлалъ. Требованіе полетѣло въ Манчестеръ съ обыкновенною скоростью 280,000 миль въ секунду (болѣе двѣнадцати окружностей земнаго шара); согласно приказанію, слуга былъ тотчасъ-же посланъ въ деревню за мундиромъ, который и прїѣхалъ съ нарочнымъ повозкомъ какъ разъ во время къ обѣду. Телеграфическое извѣстіе и посылка человека обошлись не больше какъ въ четыре цѣлковыхъ Google

Минуты через четыре послѣ того, какъ поѣздъ получалъ, посредствомъ воздушной трубы, позволеніе выѣхать съ кемденской станціи, сторожъ, подслушивающій его приближеніе у устья юстонскаго туннеля, какъ глухой прикладываетъ ухо къ слуховой трубкѣ, извѣщаетъ о немъ, выкидывая флагъ: сигнальщикъ на юстонской площадкѣ, тотчасъ хватается опять за ручку и приводитъ колоколь въ сильное движеніе; извожничьи лошади начинаютъ двигать ногами, воднимаютъ свои унылыя головы, наостряютъ уши, и жуютъ удила; ливрейные лакеи поворачиваютъ свои напудренные головы; станціонные служители, выскочивъ съ разныхъ сторонъ, спѣшатъ занять свои мѣста. — Это ожиданіе продолжается секунду или двѣ, пока темный, запыленный поѣздъ не выползетъ какъ змѣя изъ туннеля, извиваясь на полномъ ходу, къ станціи. Поѣздъ даже безъ паровоза могъ бы, одною приобретенною живою силой, дойти по спуску отъ кемденской станціи, со скоростью сорока миль въ часъ, но тормозныя машинки своими тормозами быстро уменьшаютъ ходъ, до того, что служители могутъ на ходу отворять дверцы всехъ вагоновъ, одну за другою.

Пока они исполняютъ эту обязанность, между пассажирами поезда и сидящими въ экипажахъ, ожидающихъ ихъ пріѣзда, пересылается безчисленное множество поцѣлуевъ, руками всехъ цвѣтовъ и размѣровъ. Жена узнаетъ вдругъ мужа, мать детей, сестра милого брата; франты почтительно кланяются великодушнымъ леди, лакеи улыбаются красивымъ землячкамъ, пріѣхавшимъ изъ деревни съ связнымъ масломъ, съ яйцами, цыплятами и ягодами.

Какъ скоро поѣздъ остановился, все бросаются вонъ изъ экипажей; замѣчательно, что какъ съ трудомъ добываются деньги, а спускаются мигомъ, такъ и тутъ: нужно по-крайней-мѣрѣ минутъ двадцать для того, чтобы пассажирамъ успѣть въ поѣздъ, и едва ли потребно столько-же секундъ для его опустынья. Въ самомъ дѣлѣ, не пройдетъ столько времени, какъ почти все экипажи уже пусты.

Когда все высвободилось изъ экипажей, любопытно наблюдать, съ какою расторопностью нумерованные багажные служители, принаровнившіеся къ дѣлу, навикомъ, разбираютъ, что кому нужно, въ этомъ видномъ хаосѣ. Людямъ, спѣвающимъ объѣхать съ родными или съ друзьями, — господамъ и лакеямъ, бѣгущимъ по разнымъ направлениямъ, прямо черезъ площадку, чтобы ланять кабріолетъ или

отыскать свой экипажъ, они не предлагаютъ своихъ услугъ, зная что онъ будетъ лишній. Но какъ скоро они видятъ пассажира, идущаго во всѣ стороны съ озабоченнымъ видомъ, или стоящаго на мѣсть, уставивъ отчаянный взоръ въ потолокъ, они учтиво говорятъ: «Сюда сударь! Здѣсь, сударыня!» и, угадавъ, что кому нужно, прежде чѣмъ ихъ спросятъ, ведутъ каждого куда слѣдуетъ. Поклажа пассажировъ между-тѣмъ быстро выгружается на площадку и переносится въ огромную особенную залу, гдѣ вещи раздаются ихъ хозяевамъ по предъявленіи полученныхъ при выѣздѣ нумерныхъ квитанцій. А моя поклажа? а мой сундукъ? а мой дорожный мѣшокъ? слышатся отсюда заботливые голоса призжихъ, которыхъ отводятъ къ экипажамъ и поспынно усаживаютъ въ кареты, коляски и omnibusы. — Я не уйду безъ моихъ вещей! гдѣ мои вещи? — У васъ есть поклажа, сударь? Извольте показать квитанцію. Вотъ она, номеръ 999. — А вотъ мой номеръ, сударь, номеръ двадцатый, извольте видѣть! Гдѣ вы остановитесь? — Въ трактиръ подъ Тремя Коронами. Очень хорошо, извольте взять. Служитель номеръ двадцатый проворно выхватилъ у васъ изъ рукъ квитанцію и исчезъ въ толпѣ. Ахъ! онъ мошенникъ! мои вещи! мои вещи! кричить въ отчаяніи провинціалъ, съ которымъ въ первый разъ случилась такая обуза, между-тѣмъ какъ экипажъ уже трогается съ мѣста: — Стой! стой!... я хочу высвѣтъ!... мнѣ надо поймать этого негодяя!... Вотъ вамъ и Лондонъ!... Ограбили на первомъ шагу!... разбой!... мои вещи!.. мой сундукъ!.. стой! — Не извольте, сударь, беспокоиться, отвѣчаютъ съ каменной олегмой другіе нумерованные ястреба, которыхъ глаза между тѣмъ летаютъ кругомъ, нища завидѣть въ чьихъ нибудь рукахъ другія подобныя квитанціи. Извольте слѣдовать къ Трѣмъ-Коронамъ; здѣсь все народъ честный; булавка не пропадетъ; ваиа поклажа будетъ доставлена къ вамъ черезъ-часъ; цена одинъ шиллингъ. Другіе, болѣе опытные пассажиры, стараются также удостовѣрить пришедшаго въ азартъ провинціала, что вещи его въ безопасности и что онъ получитъ ихъ черезъ часъ, или еще скорее, исправно и дешево, безъ хлопотъ, безъ толкотни. Онъ все-таки не вѣритъ; но экипажъ уже мчится по мостовой.

Такимъ-образомъ нѣсколько минутъ спустя послѣ окончанія пожатій рукъ и исканія поклажи, всѣ кареты и кабриолеты развѣзались, полосатые omnibusы слѣдовали за ними — даже выгруженныя

лошади въ разноцвѣтныхъ пополахъ уведены; пѣшиходы также исчезли, и на длинной площадкѣ для приходящихъ поездовъ остаются только одинъ или два станціонныхъ служителя, а съ боку собрался новый рядъ ожидающихъ кабриолетовъ и омнибусовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ различное время дня едва проходитъ нѣсколько минутъ, какъ снова по мановенію воздухоудной трубки раздастся колоколъ, возвѣщающій приближеніе другаго поезда съ кемденской станціи.

Въ ясную зимнюю ночь прїездъ поезда къ площадкѣ представляетъ самую занимательную картину.

Въ холодномъ воздухѣ не слышно ни одного звука, кромѣ шипѣнья дежурнаго паровоза, ходящаго, какъ безпокойный духъ, взадъ и впередъ по пяти промежуточнымъ рядамъ рельсовъ, въ ожиданіи перваго отходящаго поезда; ходъ его обозначается извивающимся надъ нимъ столбомъ бѣлаго пару и горящими угольями разной величины, безпрестанно сыпавшимися подъ нимъ. Въ этомъ мракѣ длинные ряды газовыхъ рожковъ, — на юстонъ-скверской станціи ихъ 323, — экономически завернутыхъ такъ, чтобъ только не погасъ огонь, слабо освѣщаютъ сѣрые дакированные кузова ожидающихъ экипажей, мѣдныя дверныя ручки кабриолетовъ, блестящія хомуты, мѣдныя накладки и прочія украшенія на повисшихъ головахъ и неподвижныхъ спинкахъ лошадей; и между-тѣмъ какъ кроваво-красный сигнальный фонарь ярко горитъ у входа въ туннель, чтобы никто не могъ войти вопреки запрещенію, звзды разливаютъ слабый серебристый свѣтъ сквозь длинныя бѣлыя стекла въ крышѣ площадки. Вдругъ раздается — посылитель не знаетъ откуда — таинственное завываніе сгущенного воздуха въ желѣзной трубкѣ и вслѣдъ за нимъ сильный звонъ колокола. Въ тоже мгновеніе всѣ рожки на 900 футовой площадкѣ и надъ нею вспыхиваютъ въ полномъ блескѣ. Кареты, кабриолеты и прочая вдругъ являютъ такъ ясно, какъ бы среди дня, и великолѣпная желѣзная стѣочная работа, поддерживающая стеклянную кровлю, кажется кружевомъ волшебницъ.

Теперь мы сообщимъ нѣкоторыя подробности объ экипажахъ желѣзной дороги, о которыхъ многіе, вѣроятно, никогда не позаботились распросить. Какъ скоро приходящій поездъ приближается къ концу юстонъ-скверской площадки; пока онъ еще на ходу и прежде чѣмъ кондукторы, отлячающіеся по блестящей черной ременной португезъ съ серебряною пряжкой, надѣтою черезъ плечо на зе-

леномъ съ бѣлыми пуговицами мундиръ, успѣли съ своими комачи-
мишъ проворствомъ соскочить съ поезда на площадку, два засало-
шихъ человека въ холщевыхъ курткахъ, съ жестянымъ масленникомъ
въ правой рукѣ, и чѣмъ то, въ родѣ швабры изъ грязной хлопчатой
бумаги подъ мылкою, — бѣгутъ по рельсамъ въ догонку за поез-
домъ; и пока служители бѣгутъ по площадку, держа ручки карет-
ныхъ дверецъ, чтобы пассажиры не скакали изъ нихъ, эти два че-
ловѣка, догнавъ поездъ, проворно стираютъ пыль и потъ съ желѣз-
ныхъ прутьевъ буфера послѣдняго экипажа. Вычистивъ и вытеръ
буферъ до-суха, они вымазываютъ его масломъ; потомъ проползаютъ
подъ открытыми дверцами экипажей и подъ ногами выходящихъ пас-
сажировъ разныхъ возрастовъ, которые не болѣе заботятся о томъ,
чѣмъ эти смазальщики заботятся о нихъ; они спинаютъ къ слѣду-
ющему буферу, и продолжаютъ свою работу съ такою быстротою, что
еще чѣмъ отъѣдетъ послѣдній омнибусъ, все буферы поезда вы-
чищены, смазаны и блестятъ, какъ будто бы только что вышли изъ
мастерской. За этими двумя смазальщиками слѣдуютъ по пятамъ еще
два человека въ зеленыхъ курткахъ, по одному съ каждой стороны
экипажей; въ одной рукѣ у нихъ деревянный коробокъ, наполнен-
ный желѣзнымъ составомъ, состоящимъ изъ сала и пальмоваго масла,
съ другою родъ короткаго тупаго ножа, которымъ они открываютъ
крышки приемниковъ для сала, которымъ смазываются оси, пополня-
ютъ израсходованное количество, и ловкимъ ударомъ закрывъ благо-
вожную камеру, состоящую въ нихъ завѣдываніи, спинаютъ къ слѣду-
ющему салнику; такимъ-образомъ въ одно время буферы вычищены
и оси смазаны по всему поезду. Во время этихъ продѣлокъ подъ
экипажами, двое другихъ работниковъ стараются почти съ такою
же быстротою одинъ внутри кареты, а другой по крышамъ; немед-
ленно по прибытіи поезда на станцію, каретный осмотрищикъ входитъ
въ каждый экипажъ, снимаетъ подушки, потомъ коверъ и броситъ
все въ кучку посреди кареты, внимательно осматриваетъ все углы
подъ сидѣльями; потомъ выходитъ, нагруженный различными забы-
тыми въ экипажахъ вещами, и продолжаетъ обыскъ по всему по-
езду. Мы вскорѣ увидимъ, какое множество различныхъ предметовъ
онъ собираетъ въ этихъ осмотрахъ. Надъ головою осмотрищика на
крышамъ экипажей идетъ его товарищъ, называемый «временщикомъ»,
отъ его обязанность, — по прѣздѣ каждого поезда осмотрѣть, вы-

чистить и смазать овечьимъ копытнымъ масломъ все покладные ремни, которые вслѣдствіе нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ происшедшихъ отъ разрыва ихъ, теперь всегда обложены съ внутренней стороны крѣпкою желѣзною проволокою. Этотъ человекъ долженъ брѣговать все ненадежные ремни, которые немедленно замѣняются новыми.

Какъ скоро эти четыре одновременныя дѣйствія окончены, начальникъ станціи приказываетъ вывести кареты, чтобы освободить путь для слѣдующаго поезда. По этому приказанію дежурный паровозъ бросается изъ своего убѣжища, какъ паукъ изъ гнѣзда и, зацепивъ поездъ сзади, выводитъ его на боковой путь. Впрочемъ обыкновенно поездъ выводятъ посредствомъ нѣсколькихъ незамѣтныхъ поворотныхъ платформъ, на которыхъ онъ стоитъ. Этимъ проеѣзнымъ способомъ экипажи, предварительно разцепленные, выводятся на сторону и разцепляются на пяти путяхъ между подъездной и отъездной площадками въ томъ порядкѣ, какъ они потомъ потребуются. Едва, однажды, экипажи достигли этой гавани, какъ бѣжитъ къ нимъ толпа здоровыхъ работниковъ, въ деревянныхъ башмакахъ и кожаныхъ сапогахъ, выше ихъ костлявыхъ коленъ; у однихъ въ рукахъ швабры, у другихъ куски замши, третьи несутъ на плечахъ коромысла съ двумя ведрами. Изъ трубъ, находящихся съ каждой стороны этихъ пяти путей, немедленно добывается вода, начинается мытье экипажей. Мужья швабры идутъ вверхъ, внизъ, во всѣхъ направленіяхъ по поверхностямъ полудюжины грязныхъ, запыленныхъ экипажей. Надо замѣтить, что работники до того набили себѣ руку по своей части, что болтаютъ съ своими товарищами, и въ то же время съ необыкновенною быстротою продолжаютъ обмывать разнообразныя деревянные рамы оконъ, такъ чисто и аккуратно, какъ будто смотрятъ на свою работу, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, глаза ихъ направлены совсѣмъ въ другую сторону; но они такъ хорошо знаютъ расположеніе дверецъ экипажей, разнообразныя очертанія оконъ, ручки, ступени и прочая, что могли бы мыть карету въ темнотѣ; и очень вѣроятно, что имъ случается иногда исполнять свою работу во снѣ. Имѣеть бытъ нѣкоторымъ изъ благородныхъ читателей неизвѣстно, что между этими судомоими существуютъ тѣже ступени, какія раздѣляютъ другіе классы общества. Первоклассный судомой, ни за что

не согласится обмывать второклассную карету, а второклассный достигает этого звания не прежде, какъ послѣ продолжительной подобной службы при конныхъ и простыхъ багажныхъ вагонахъ.

Когда всѣ пассажирскіе экипажи вымыты и обтерты, одинъ изъ старшихъ мастеровъ экипажнаго заведенія тщательно осматриваетъ ихъ, и тѣ изъ нихъ, которые требуютъ починокъ, отправляетъ въ мастерскія. Остальные экипажи за тѣмъ окончательно посыщаются «обметальщикомъ», который ходитъ въ каждую карету съ суковкой, кускомъ оленьей кожи, метелкой, щеткой, корзинкой для сору; этими снарядами онъ обтираетъ стекла и рамы, чиститъ и обметаетъ синія суковныя сидѣнія, бока и спинки, и когда все это кончено, кареты объявляются готовыми къ отправленію и распределяются по повздамъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ конца площадки для приходившихъ повозовъ, находится контора для потерянныхъ и найденныхъ вещей, называемая «Пропажною конторою», гдѣ складываются всѣ вещи, забытыя пассажирами и принесенныя по приѣздѣ повзда осмотрикомъ. Начальникъ, получивъ вещи, вноситъ въ книгу описаніе каждаго предмета, отмѣчая въ какой день, въ какомъ повздѣ, въ какой каретѣ и къ чьей вещи найдена. Поклажа, на которой выставлено имя хозяина, хранится двое сутокъ въ конторѣ, и если въ теченіе этого времени за нею не явятся, то она отсылается къ хозяину по желѣзной дорогѣ или инымъ способомъ. Если же нѣтъ имени, и никто не является за пропажею, то по прошествіи мѣсяца пакетъ вскрывается, и если при этомъ найдется достаточное указаніе на владѣльца, то онъ извѣщается письмомъ. Если же нѣтъ никакого указанія, то вещи хранятся еще около двухъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ донныя ихъ продавали съ аукціону въ большомъ каретномъ заведеніи служителямъ при желѣзной дорогѣ; — часть выручки обращалась въ капиталъ для вспоможенія лицамъ раненымъ на службѣ при желѣзной дорогѣ, а остальное — въ общественный капиталъ служителей. Найдено, однако же, что большую часть этихъ вещей покупали только немногіе изъ служителей, успѣвшіе скопить капиталецъ, и потому въ послѣднее время положено, впредь все это имущество продавать съ публичнаго торга постороннимъ покупателямъ, не допуская къ торгу служителей желѣзной дороги. Такимъ образомъ, не получая уже ни малѣйшей пользы отъ потерянной не-

шки, они не могут иметь никакого повода скрывать ее от вла-
дальца.

Въ той же конторѣ ведется еще другая книга, подъ названіемъ
«Справочной книги о поклажѣ», въ которую вносятся объявленія о
вотерянныхъ вещахъ; если требуемыя вещи не были найдены осмот-
рщикомъ, то во все пропашныя конторы рассылается запросъ съ по-
дробнымъ описаніемъ вещи; по правиламъ общества всякая поклажа,
выданная на промежуточныхъ станціяхъ, должна быть немедленно
доставляема въ Лондонъ и въ Бирмингемъ.

Но какъ можетъ случиться, что эти распоряженія не выполнены
съ надлежащею точностью, то начальникъ пропашной конторы на
юстонъ-скверской станціи употребляетъ въ такомъ случаѣ послед-
нее средство, пишетъ на 310 станцій, находящихся на 42 линіяхъ
железныхъ дорогъ, чтобы тамъ были сдѣланы справки о потеря-
нной вещи, какъ бы она ни была незначительна. Если и тутъ вещи
нигда не отыщутся, то хозяйина извѣщаютъ письмомъ, что потеря-
ной имъ вещи нѣтъ на железной дорогѣ.

Въ конторѣ, гдѣ ведутся эти книги, всегда выставлено на полкахъ
и во отдѣленіяхъ безчисленное множество вещей, оставленныхъ въ
экипажахъ въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ; на каждой вещи
прыкъ и номеръ, подъ которымъ они записаны въ приходной книгѣ.

Теперь сойдемъ въ обширную и темную, подземную комнату, со
сводами, отопляемую воздухоогрѣвательными желѣзными трубами,
въ которой сложена вся поклажа, потерянная въ теченіе двухъ по-
слѣднихъ годовъ.

Въ этой комнатѣ съ потолка виситъ горизонтальная газовая труб-
ка въ осемь футовъ длины, и когда по концамъ оя зажгутся два
рожка, зрителю представляется изумительный видъ. Гораздо легче
сказать чего тутъ нѣтъ, чѣмъ исчислить все, что хранится въ со-
рока отдѣленій, подобныхъ большимъ закромамъ въ амбарѣ, въ
которыхъ находится потерянная поклажа.

Одно отдѣленіе биткомъ набито мужскими шляпами, другое зон-
тиками и палками всевозможныхъ родовъ. Въ третьемъ, можно по-
думать, что сложены все дамскіе ридикюли въ мірѣ. Сколько тутъ
«флакончиковъ съ духами, сколько маленькихъ выпитыхъ носовыхъ
платковъ, сколько запlesнѣлыхъ лакомствъ, прохладительныхъ напитковъ,
сколько счетовъ, болѣе или менѣе важныхъ записочекъ и разныхъ

крошечныхъ тайтъ! А когда взглянешь на множество красныхъ сапоговъ, красныхъ шалей, красныхъ шотландскихъ плащей, красныхъ шарфовъ, сложенныхъ кипами въ углу, — сирашиваешь себя съ удивленіемъ, какимъ чудомъ Англичанки терпятъ такъ согласнo все вещи этого громогласнаго цвѣту! Въ этомъ ролацковскомъ подвале есть, конечно, бездна дорожныхъ мѣшковъ, ружейныхъ ящичковъ, чемодановъ, шкатулокъ, книгъ, сигарочницъ, и прочая.

Кромѣ провозу товаровъ въ мѣшкахъ, тѣскахъ и ящичкахъ, желѣзныя дороги перевозятъ нынче и мелкія посылки, за ничтожную цѣну, съ доставкою на домъ по адресу. Въ Лондонѣ, впрочемъ, эта доставка ограничивается шестью милями (десятью верстами), отъ Юстонъ-Скверра. Порядокъ производства дѣла по этой части слѣдующій. Главный начальникъ по экспедиціи посылокъ сидитъ въ высокой комнатѣ, съ стеклянными стѣнами, черезъ которыя онъ видитъ все, что происходитъ въ двухъ конторахъ, сообщающихся, одна съ улицю, по которой мѣшкія посылки приносятся, другая съ улицю, по которой онъ отправляются. Въ одной изъ этихъ конторъ весь день увязать посылками, только что прибывшими по желѣзной дорогѣ со всѣхъ концовъ Англїи, Ирландїи и Шотландїи; въ другой, — вещами назначенными къ отправленію во все концы по желѣзной дорогѣ. Днемъ отходящія посылки отправляются въ багажныхъ вагонахъ пассажирскихъ повозовъ, ночью отправляются особенные вагоны, нагруженные посылками и запертые на замокъ. Число посылокъ, отправляемыхъ такимъ-образомъ изъ Лондона и въ Лондонъ, простирается въ годъ до милліона.

Какъ скоро приходятъ пустые вагоны для посылокъ, служитель, который предварительне, съ помощью нѣсколькихъ товарищей, сложивъ все посылки въ кучку, по ихъ мѣсту назначенія, проворно перебираетъ посылку за посылкой и кипу за кипой и провозглашаетъ громкимъ, однообразнымъ голосомъ, на одну ноту, не измѣняющемуся во все продолженіе работы, званіе посылки, станцію, на которую она адресована, имя и фамилію получателя, вѣсъ и такъ далѣе. По мѣрѣ того объявленія, старшій конторщикъ записываетъ посылки, торопливо хватая при каждой перемѣнѣ станцій назначенную для нея книгу. Другой чиновникъ при каждомъ возгласѣ подаетъ служителю ярлыкъ съ означеніемъ платы за пересылку, который тотъ наклеиваетъ на каждую посылку. Для всѣхъ посылокъ, объявленныхъ слу-

жителем *легкими*, то-есть, не превышающими двѣнадцати фунтовъ, *ость* печатные ярлыки съ означеніемъ платы; это дѣлаетъ обманъ невозможнымъ; но для посылокъ большаго вѣсу, или за пересылку, которыхъ часть платы уже внесена, цѣна всегда означается чернилами.

Нельзя не удивляться быстротѣ, съ которою всѣ эти мелкія посылки вносятся въ книгу, взвѣшиваются, оцѣниваются, складываются на ручныя тачки, отвозятся къ надлежащимъ вагонамъ, укладываются, запрягаются и потомъ отправляются по небольшой вѣтви дороги къ главной линіи, гдѣ ихъ ожидаетъ поѣздъ.

Новые экипажи для южнаго отдѣленія лондонско-сѣверо-западной желѣзной дороги, по большаго части, строятся у господина Райти, поставляющаго экипажи и на нѣкоторыя другія дороги въ Англіи и въ Германіи. Собственное заведеніе общества, при юстонъ-скверской станціи, назначенное преимущественно для содержанія въ исправности и починки экипажей, ходящихъ между Лондономъ и Бирмингемомъ, состоитъ изъ большой площади, называемой *полемъ*, крытой кровлею почти изъ однихъ стеколъ; на этой площади расположено не менѣе четырнадцати рядовъ рельсовъ, на которыхъ стоятъ всѣ поврежденныя и запасныя экипажи до исправленія или до востребованія. Къ этой площади примыкають различныя мастерскія, изъ которыхъ наибольшая имѣетъ 260 футовъ въ длину и 132 въ ширину, крыта бѣлымъ стекломъ, освѣщена газомъ и отопляется воздухоогрѣвательными трубами. Въ этомъ зданіи, въ которомъ пахнетъ лакомъ, и въ которомъ вы найдете, въ одномъ углу, людей усердно растирающихъ самыя яркія краски, между-тѣмъ какъ другіе расписываютъ гербы на дверцахъ, находятся экипажи отлично отдѣланные, и также экипажи въ различныхъ степеняхъ починки. Подлѣ этого огромнаго сарая находится кузница, имѣющая семьдесятъ-пять квадратныхъ футовъ, освѣщенная сверху стеклянною кровлею; на серединѣ стоитъ огромная труба, вокругъ которой одновременно дѣйствуютъ четырнадцать горновъ, раздуваемые паровой машиной въ семнадцать силъ; таже машина приводитъ также въ движеніе механизмъ въ двухъ другихъ мастерскихъ.

Какъ скоро паровозъ благополучно привезъ поѣздъ по подъѣму кемденской станціи, цѣпи, соединяющія его съ поѣздомъ, разцѣпляются; онъ переходитъ, съ помощью стрѣльщика, на другой путь,

почти параллельный первому, и между-тѣмъ, какъ отбираютъ билеты, онъ пятится назадъ и шипѣніе его скоро раздастся сзади поезда. Послѣ труднаго и сложнаго перехода съ одного пути на другой, то подвигаясь впередъ, то пятясь, какъ придется, онъ достигаетъ зольника, надъ которымъ и останавливается. Тутъ кочегаръ открываетъ дверцы топки, устроенной такъ, что она выкидываетъ горящее содержаніе своего желудка прямо въ нарочно для того устроенную яму, гдѣ огонь тотчасъ заливается приготовленною холодною водою. Иногда, впрочемъ, прежде чѣмъ она выкидываетъ огонь, машинисту приказывается выпустить паръ для очистки котла, который кромѣ того вымывается разъ въ недѣлю, для очистки отъ осадковъ и накипи; это дѣйствіе всегда записывается въ особую заведенную для того книгу. Выкинувъ огонь, машинистъ собираетъ *колосники*, ведетъ свой паровозъ въ огромный *локомотивный сарай*, нивьющій 400 футовъ въ длину и 90 въ ширину, и обыкновенно наполненный до половины локомотивами; тутъ онъ осматриваетъ его и отмѣчаетъ въ книгѣ какія потребны въ немъ поправки; если же нѣтъ никакой порчи, что случается рѣдко, онъ пишетъ въ книгѣ, что все *исправно*. Потомъ, собравъ фонари, онъ относитъ ихъ въ фонарную, гдѣ ихъ чистятъ особые работники, исключительно этимъ занимающіеся, и самъ же долженъ послѣ зайти за ними. Этимъ на время кончается служба машиниста и его спутника, кочегара; они отправляются по домамъ, или въ общую комнату, гдѣ разведенъ для нихъ огонь и разставлены шкафы, для храненія ихъ платья и деревянныя скамьи, на которыхъ они могутъ сидѣть, спать или размышлять до востребованія ихъ снова на службу.

Обязанности машиниста не только чрезвычайно важны, но требуютъ еще той спокойной, холодной неустрашимости, которая по преимуществу свойственна здоровому климату британскихъ острововъ. Даже днемъ необходимы спокойная голова и холодное сердце, чтобы стоять, — какъ изображеніе на носу корабля — впередъ грузнаго поезда, стремящагося съ страшной силой, быстрее всякой скаковой лошади; но едва ли въ какомъ-либо случаѣ жизни лежитъ на человѣкѣ болыная ответственность, чѣмъ когда въ темную ночь или въ туманную погоду, онъ несется съ такою же быстротою по туннелямъ, по высокимъ насыпямъ, по глубокимъ выемкамъ, гдѣ невозможно усмотрѣть препятствія. И машинистъ не только строго и

никогда безпощадно наказывается за малѣйшую собственную небрежность, но онъ еще долженъ непременно первый пострадать отъ ослѣпленности другихъ, когда случится несчастіе на дорогѣ, по которой онъ только ѣздитъ, но которой исправное содержаніе отъ него не зависитъ. Самая тяжелая для него пытка — это холодъ, особенно зимою, отъ испаренія его мокрой одежды при быстромъ разрываніи воздуха. Въ-самомъ-дѣлѣ, представьте себѣ сѣверо-восточный вихрь съ дождемъ, несущійся по поверхности земли съ обычною своею скоростью, сто верстъ въ часъ, на встрѣчу машинисту лондонско-сѣверо-западной желѣзной дороги, который долженъ не только противустоять ему, но еще пробиваться сквозь него и вопреки ему идти со скоростью шестидесяти-пяти верстъ въ часъ, и вы можете составить понятіе, что такое это единоборство промокшаго машиниста и вѣтра, стремящихся другъ на друга со сложною скоростью ста-шестидесяти верстъ въ часъ.

Когда паровозъ на ходу, машинистъ стоитъ на площадкѣ, въ несколько дюймовъ пространства, а кочегаръ занимаетъ не болѣе мѣста подлѣ него на тендерѣ. Мы испытали это положеніе. Все было такъ жестко, не исключая машины, которая и горяча и жестка, что мы были принуждены стоять одной ногой на паровозъ, другой на тендеръ, а какъ движеніе того и другаго очень различно, намъ казалось, будто каждая нога бѣжала другимъ шагомъ. Машинисты и кочегары провзжаютъ обыкновенно отъ 200 до 250 верстъ въ день, что составляетъ въ годъ около 100,000 верстъ, или трижды окружность земнаго шара по экватору.

Но возвратимся къ паровозу, который мы оставили въ локомотивномъ сараѣ. Какъ скоро машинистъ осмотрѣлъ паровозъ и сдѣлалъ свои отмѣтки въ книгѣ, приходитъ старшій смотритель и осматриваетъ его въ свою очередь; и если найдетъ какую-нибудь неисправность, неотмѣченную въ книгѣ, то доноситъ о небрежности машиниста. Третій осмотръ производится главнымъ инженеромъ при желѣзной дорогѣ, на которомъ лежитъ обязанность ремонта всѣхъ машинъ между Кемденомъ и Трансомъ. Если онъ замѣтитъ неисправность, ускользнувшую отъ вниманія и машиниста и старшаго смотрителя, то бѣда имъ обоимъ!

Пока несколько работниковъ съ ключами и молотками исправляютъ паровозъ, обратимся къ предмету первой важности для желѣз-

ной дороги, именно къ коксу и водѣ. На кемденской станціи есть коксовый заводъ, состоящій изъ восемнадцати печей, по девяти съ каждой стороны, въ которыхъ каменный уголь пережигается въ продолженіе пятидесяти часовъ и даетъ коксу около двухъ третей всего своего количества. Эти печи производятъ въ день около 20 тоннъ коксу; но для одной кемденской станціи потребно въ день до 50 тоннъ, остальные 30 тоннъ привозятся по желѣзной дорогѣ изъ Ньюкасла. Кромѣ небольшого количества, доставляемаго пятидесятью поездами въ Питрборо, весь коксъ, потребный для лондонско-сѣверо-западной дороги, около 112,500 тоннъ въ годъ, по шести рублей серебромъ за тоннъ, привозится съ сѣверныхъ угледомокъ. Нѣсколько времени возникали безпрестанные споры между поставщиками и пріемщиками кокса; первые утверждали, что вагоны съ коксомъ были отправлены немедленно по нагрузкѣ, послѣдніе же жаловались, что отправленіе ихъ замедлялось безъ всякой надобности. Снигирь рѣшилъ споръ; при разгрузкѣ одного вагона тотчасъ по приходѣ его на кемденскую станцію, нашли въ немъ гнездо съ тремя яичками, чѣмъ ясно доказывалось, что вагонъ не былъ отправленъ тотчасъ по нагрузкѣ.

Для снабженія паровозовъ водою, компанія употребила большія издержки, на устройство въ Кемденъ артезианскаго колодца въ 10 футовъ въ діаметръ и въ 140 футовъ глубины. Посредствомъ паровой, водоподъемной машины въ двадцать-семь силъ, вода изъ этого колодца, поднимаемая въ два огромные резервуара, находящіеся въ 100 футахъ надъ поверхностью рельсовъ въ Юстонъ-Скверъ, продолжаетъ всю кемденскую станцію, всю принадлежащую къ ней строенія, всю юстонскую станцію, и даже двѣ гостинницы въ Лондонѣ, Викторію и юстонскую, и хотя всѣ пьющіе ее или брызгающіе ею, всѣ дамы, дѣлающія изъ нея чай, не надвигаются ея чистотѣ и прекрасному вкусу, однако же она до того нездорова для желудка паровозовъ, что компанія принуждена, не смотря на издержки, добывать воду въ другомъ мѣстѣ. Осадокъ огромнаго количества поташу, содержащагося въ водѣ кемденскаго артезианскаго колодца, не только образовывалъ химическимъ образомъ крепкую кору на стыкахъ котловъ, но сверхъ того локомотивы, безъ всякихъ метасуръ, извергали ее чрезъ дымовую трубу вмѣстѣ съ паромъ; неудобство, знакомое всѣмъ машинистамъ, и называемое ими *gal-leysmanie*.

Такъ какъ паровозу потребно много времени для разведенія пару, то для ускоренія этого дѣйствія, на кемденской станціи устроена железная печь. Въ этой печи девять часовъ днемъ, и столько же ночью, безпрестанно нагреваютъ коксъ, и когда онъ накалится, то железными лопатами кладутъ его въ топку паровоза.

Выходя изъ сарая, паровозъ, нагрѣтый раскаленнымъ коксомъ, отправляется на большой поворотный кругъ, имѣющій 40 футовъ въ диаметра, который повертываетъ его на путь, ведущій къ водопроводному крану, гдѣ онъ погмощаетъ сразу около тысячи галлоновъ холодной воды; количество достаточное, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, для тяги возза на 60 верстъ, но въ сырую погоду, когда рельсы скользятъ, и колеса боксуютъ, то-есть, вертятся на мѣстѣ, въслѣдствіе разверзанія по дорогѣ, этого мало для таково разстоянія. Затѣмъ паровозъ идетъ къ коксовому сараю, вмѣстѣ съ нимъ въ 210 футовъ длины и 45 ширины, могущему содержать 1,500 тоннъ, и беретъ свой запасъ коксу, именно одинъ тоннъ. Товарный паровозъ поглощаетъ до 2½ тоннъ.

Затѣмъ машинистъ, оставивъ машину на попеченіе кочегара, отправляется въ контору, гдѣ онъ расписывается въ книгу; это дѣлается затѣмъ, чтобы видѣть, въ совершенно ли онъ трезвомъ видѣ. Потомъ старшій конторщикъ выдаетъ ему часовой журналъ, въ которомъ онъ долженъ записывать на каждой станціи количество времени, употребленное на провздъ. Когда все это исполнено и хронометръ его повзренъ и заведенъ, онъ готовъ къ отправленію.

Въ 1847 году, въ локомотивномъ сараѣ кемденской станціи былъ случай, доказавшій довольно любопытнымъ образомъ исполнскую силу паровозовъ, ежечасно поручаемыхъ этимъ машинистамъ. Только что затопленный паровозъ для пассажирскихъ возздовъ, стоялъ въ этомъ огромномъ зданіи, окруженный множествомъ людей, работавшихъ въ различныхъ мѣстахъ подъ надзоромъ главнаго инспектора. Между-тѣмъ какъ они работали, огонь въ печкѣ разгорѣлся скорѣе чѣмъ предполагали и оживилъ паровозъ, котораго регуляторъ по небрежности былъ открытъ; какъ скоро набралось довольно пару, паровозъ не только двинулся съ мѣста, но и безъ всякаго затрудненія промчалъ чрезъ четырнадцати-дюймовую кирпичную стѣну зданія, къ невописанному ужасу инспектора и рабочихъ, которые только тогда и ждали, что крыша надъ ихъ головами рухнетъ и погребетъ ихъ

подъ собою. Такой же случай былъ вскоре послѣ того съ другимъ паровозомъ, въ которомъ также ручка регулятора соскочила съ мѣста; онъ пробилъ другую часть той же четырнадцати-дюймовой стѣны сарая, также спокойно, какъ хорошо выдрессированная лошадь прошла бы въ ворота. Если такова ненормальная сила паровоза на маломъ ходу и не въ полной силѣ, безъ тендера, то не странно ли подумать, какова она должна быть, когда онъ на всѣхъ парахъ и на всемъ ходу летитъ внизъ по крутому спуску со скоростью 75 или 80 верстъ въ часъ, и сзади толкають его тридцать пассажирскихъ вагоновъ, въсомъ каждый около пяти съ половиною тоннъ. Если бы на пути его могли случиться обыкновенные жилые дома, то по всемъ вѣроятіямъ, весь поѣздъ съ пассажирами, прорѣзалъ бы ихъ, какъ ружейная пуля прорѣзаетъ комъ масла; но невозможно рассчитать или разгадать, что было бы, если бы паровозъ, на всемъ ходу, какимъ-нибудь случаемъ былъ направленъ на массу сплошной скалы, какія случаются при вѣздахъ въ туннели. Одинъ инспекторъ рассказывалъ, что онъ самъ видѣлъ, при несчастномъ случаѣ, происшедшемъ съ товарнымъ поѣздомъ близъ Лофборо, какъ вагоны наѣхали одинъ на другой, такъ что задній взгромоздился на высоту шести сажени надъ рельсами.

На кемденской станціи всегда держатъ подъ парами пять свободныхъ или запасныхъ паровозовъ, готовыхъ идти на подмогу поѣзду, восходящему по подъему, или для подачи помощи въ случаѣ нужды.

Вотъ приблизительная цѣна паровозовъ и тендеровъ, которые покупаются обыкновенно у менчестрскихъ, варингтонскихъ и ливерпульскихъ мастеровъ :

Паровозъ съ 15 дюймовымъ цилиндромъ	12,000	руб. сер.
— — — 16 — — — — —	13,000	— —
— — — 18 — — — — —	16,000	— —

Тендеръ для каждаго паровоза стоить 3,000 руб. сер. Паровозы для товарныхъ поѣздовъ стоятъ еще дороже.

Обязанности отдѣленія, отправляющаго поѣзды съ товарами, что составляетъ главную отрасль движенія на кемденской станціи, можно объяснить въ немногихъ словахъ. Въ теченіе года нынче ходятъ изъ одной кемденской станціи до 200,000 вагоновъ, нагруженныхъ товарами. Въ лѣтописяхъ политической экономіи едва ли встрѣчался бо-

лю разительный примеръ, до какой степени производительныя силы страны, находившіяся въ бездѣйствіи, могутъ быть развиты черезъ уменьшеніе платы за провозъ, чѣмъ дознанный фактъ, что не смотря на огромную массу товаровъ, отправляемую по лондонско-сѣверо-западной дорогѣ, количество, провозимое по большому соединительному каналу, который идетъ рядомъ съ своею могучею соперницею, не только не уменьшилось, какъ предполагали, по открытіи желѣзной дороги въ 1836 году, но еще постоянно увеличивается.

Средній ежегодный итогъ товаровъ, провозившихся по большому соединительному каналу въ послѣдніе три года до открытія лондонско-сѣверо-западной желѣзной дороги въ 1836 году, равнялся 756,894 тоннамъ. Впродолженіе же двѣнадцати лѣтъ послѣ 1836 года, этотъ итогъ достигъ 1,039,333 тоннъ. Съ того времени, то-есть, съ 1848 года, числа эти еще болѣе увеличились.

Кромѣ безчисленнаго множества заведеній, потребныхъ для перевозкн такого количества товаровъ, компанія лондонско-сѣверо-западной дороги принимаетъ на себя сборъ и раздачу этихъ товаровъ по всемъ концамъ Лондона и во всехъ городахъ на линіи, кромѣ Ливерпуля, гдѣ это производится иначе. Число двѣловыхъ писемъ, получаемыхъ по этому отдѣленію управленія, на одной кемденской станціи доходитъ до трехъ сотъ въ день.

Сборъ, нагрузка, разгрузка и раздача части перевозимыхъ товаровъ составляетъ громаднѣйшее предпріятіе. Кромѣ огромныхъ грузовъ въ большихъ тюкахъ, изъ Бирмингема, Вольвергемптона, Шеффилда и другихъ мѣстъ, посылается безчисленное множество небольшихъ посылокъ, къ различнымъ лондонскимъ мелочнымъ торговцамъ, которые безпрестанно выписываютъ по небольшимъ количествамъ посуды, котловъ, ножей и прочая. И если принять во вниманіе, что вся эти мелкія посылки надо принять, нагрузить, отправить, разгрузить въ магазины, потомъ снова нагрузить на рессорные вагоны и развозить почти во все улицы и во все дома Лондона или на все станціи желѣзныхъ дорогъ, куда онѣ адресованы, то очевидно сколько тутъ нужно вниманія, дѣятельности и умѣнія.

Въ первое время по заведеніи желѣзныхъ дорогъ, перевозка товаровъ ночью считалась опасною. Ныче они отправляются изъ Бирмингема въ три четверти осьмага часу вечера, чтобы прибыть на кемденскую станцію въ половинѣ четвертаго ночи. Изъ Лондона от-

правляется въ девять часовъ вечера, въ двѣнадцать, въ четверть и въ три четверти перваго, въ три и въ пять часовъ утра; днемъ не менѣе сорокъ минутъ перваго, въ четверть втораго, въ два, и въ полдень седьмаго. Исправность поѣздовъ доведена до того, что даже бумажныхъ, холщовыхъ и шерстяныхъ товаровъ изъ Манчестера, обыкновенно развозятъ въ Лондонъ, съ такою же правильностью, какъ и бумага. Огромное количество рыбы изъ Биллинггетта, а иногда и до двадцати тоннъ плодовъ, съ ковенгардонскаго рынка, разсылается по всей странѣ съ полудневнымъ поѣздомъ; лондонскіе оптовые торговцы теперь не боятся слишкомъ огромныхъ подвозовъ, потому что весь свой излишекъ они могутъ отправлять по желѣзной дорогѣ въ мануфактурныя округа; — одинъ Манчестеръ поглотитъ почти все, что ни пришлютъ; кроме того огромное количество плодовъ отправляется даже до Глазгова, въ Шотландію. Множество тоннъ говядины въ плетенкахъ, а иногда сотни бычьихъ барановъ, просто обернутыхъ въ холстъ, отправляются изъ деревень на лондонскіе рынки.

Какъ скоро на кемденскую станцію приходятъ товарный поѣздъ, вагоны, не разгружаясь, сдаются на поначеніе инспектора товарной экспедиціи, и перевозятся на лошадаяхъ, по множеству боковыхъ путей, къ назначенному мѣсту, гдѣ они оставляются на открытомъ воздухѣ. Съ этой минуты вся ответственность за сохранность и цѣлость товаровъ и за точную ихъ доставку, обращается на агентовъ, которымъ они адресованы.

Но распоряженію этихъ агентовъ тотчасъ являются извозчики, съ лошадами, переводятъ нагруженные вагоны, съ помощью поворотныхъ платформъ и по лабиринту путей, къ разнымъ складочнымъ магазинамъ, по роду товаровъ; тутъ вагоны тотчасъ разгружаются опытными служителями, и вещи развозятся на рессорныхъ вагонахъ по назначенію.

Въ отдѣленіи отправленія товаровъ, дѣлопроизводство, повидному столь сложное, прекрасно устроено. Рессорные вагоны и тельги общества разсыпаются какъ пчелы за медомъ, по всемъ частямъ столицы, и собираютъ поштучно все огромное количество товаровъ, отправляемое ежедневно изъ Лондона въ мануфактурныя округа, которые въ свою очередь присылаютъ въ столицу почти такое же количество своихъ издѣлій. Нагруженные такимъ-образомъ вагоны или тележки, — общество устроило также при кемденской станціи и водное со-

общеніе, идущее до Реджентскаго канала, — отправляются или прямо въ особенныя складочныя магазны, гдѣ товары нагружаются въ вагоны желѣзной дороги, или въ *общую приемную*. Въ этомъ огромномъ выстѣпанцѣ приходящіе товары складываются по одну сторону, а отходящіе по другую. Въ одной общей приемной, имѣющей 300 футовъ въ длину и 217 въ ширину, для ускоренія нагрузки и разгрузки товаровъ устроено 24 паровыхъ крана, 21 деревянный кранъ, одинъ подвижной кранъ на крышѣ, одинъ паровой воротъ для приведенія вагоновъ по рельсамъ, къ различнымъ мѣстамъ нагрузки, четыре снаряды, для рубки сѣна, которые рубятъ до 200 вязаночъ въ четыре часа и одинъ снарядъ для чистки сѣна. Въ эти снаряды въ одно время приводятся въ движеніе паровою машиною въ шестнадцать силъ, которая сверхъ того накачиваетъ воду изъ артезианскаго колодца въ 380 футовъ глубины для 222 лошадей, въ прилежащихъ конюшняхъ. Каждая изъ этихъ лошадей имѣетъ свое названіе и нумеръ, выжженный на копытахъ. Въ другой приемной также устроено множество крановъ, и большія конюшни для лошадей, работающихъ по двѣнадцати часовъ въ сутки.

Нерѣдко въ два часа времени собирается, привозится на рессорныхъ вагонахъ и отправляется въ мануфактурныя округа товаровъ грузомъ на пятьдесятъ вагоновъ. Во все продолженіе дня, по мѣрѣ того, какъ подъѣзжаютъ рессорные вагоны, ихъ разгружаютъ, и выгруженные товары или остаются на крытой площадкѣ, или складываются около стѣнъ, по отдѣленіямъ, съ надписями: Глазговъ, Бирмингемъ, Минчестръ, Лейстеръ, Ковентри и такъ далѣе. Вы не успѣете надуматься о странной смѣси предметовъ, нагроможденныхъ передъ вами, какъ уже разгружено четырнадцать товарныхъ платформъ, и осемь тележекъ нагружено и отправлено по всему городу.

Дѣятельность въ большихъ приемныхъ, каждый вечеръ отъ семи до десяти часовъ, истинно изумительная. На большой, высокой площадкѣ, загроможденной разнородными товарами, передъ маленькими конторками, въ чемъ-то въ родѣ бесѣдокъ изъ желѣзной проволоки, обвѣшенныхъ газомъ, сидитъ нѣсколько конторщиковъ, къ которымъ служители катятъ со возовъ остоны въ тачкахъ различныя предметы, также что выгруженные изъ рессорныхъ вагоновъ; динца этихъ вагоновъ вьрждается почти вровень съ площадкою. Человѣкъ непривы-

ний едва вѣрять глазамъ, видя, съ какою ловкостью и съ какими проворствомъ возницы этихъ вагоновъ, въѣхавъ на дворъ черезъ большіа ворота, подъѣзжаютъ, поворачиваютъ и увозятъ лошадей. По мѣрѣ того, какъ товары выгружаются на площадку, служитель громко объявляетъ адресъ каждаго тюка, а конторщикъ тотчасъ его записываетъ. Эти накладныя быстро отсылаются на другой конецъ площадки для того, чтобы при немедленной нагрузкѣ на вагоны желѣзной дороги, удостовѣриться, что все принятое съ одной стороны, исправно отправлено съ другой.

Эта картина такъ поражаетъ зрителя, что онъ сначала не успѣваетъ вникнуть въ порядокъ всего дѣлопроизводства. Съ одной стороны площадки толпа проворныхъ служителей катитъ съ рессорныхъ вагоновъ бездну тюковъ къ записывающимъ конторщикамъ, которые обязаны записать весь каждаго тюка и приклеить къ нему печатный ярлыкъ, съ означеніемъ платы за провозъ. Въ то же время другіе служители развозятъ тюки къ вагонамъ желѣзной дороги, которые, какъ скоро они полны, отводятся отъ площадки и немедленно замѣняются пустыми. Одна артель рабочихъ подвозитъ къ записывающему конторщику грузъ на цѣлый вагонъ, китайскаго шелку сырцу, цѣной на 56,000 рублей серебромъ, только что прибывшій, по югозападной желѣзной дорогѣ, изъ Соуттемптона, и отправляемый въ Мекльсфильдъ для выдѣлки; другая артель катитъ бочки русскаго сала, третья суконный товаръ, четвертая шерсть, назначенную въ Глостеръ; одинъ служитель съ трудомъ тащитъ на своей тачкѣ небольшой, но тяжелый грузъ желѣза или свинцу, а другой шутя катитъ оквозъ толпу, огромнѣйшій тюкъ шерсти. Тутъ видите тельжку съ горчицею въ боченкахъ, съ кофею, съ лекарствами, съ боченками водки, съ домашнею утварью, и прочая, и прочая. Васъ оглушаетъ эта суета, бѣготня, шумъ и стукъ дѣйствующихъ паровыхъ и простыхъ крановъ, паровой машины надъ головою, пароваго ворота и другихъ механизмовъ, расположенныхъ на площадкѣ, врізжающихъ, поворачивающихъ и отъезжающихъ тельгъ, около площадки скрытъ тачекъ и гулъ отправляемыхъ, по мѣрѣ нагрузки, вагоновъ. Кроме главной пріемной есть еще девять другихъ, гдѣ днемъ и особенно ночью происходитъ тоже самое въ меньшемъ видѣ. Подлѣ находится докъ для нагрузки на суда желѣза и тяжелыхъ товаровъ, отправляющихся по Темзѣ. Тельжное заведеніе для сбора и развозки товаровъ,

покажется невѣроятнымъ иностранцу, незнакому съ торговою дѣятельностью Англiи.

Въ одномъ изъ этихъ заведенiй въ Лондонѣ находится 234 чело- века прикащиковъ и писцовъ, 538 служителей, 396 лошадей, 164 вагона и телегъ разнаго званiя 57. Въ годъ развезется до 150,000 тоннъ собираемыхъ и столько же тоннъ раздаваемыхъ товаровъ, всего 300,000 тоннъ въ годъ или 850 тоннъ (48,700 пудовъ) въ день.

Какъ скоро вагоны въ прiемныхъ нагружены, накрыты несгораемы- ми и непромокаемыми рогожами, на нихъ означаютъ мѣсто назна- ченiя, и потомъ выводятъ ихъ на открытый воздухъ, ввозятъ на ло- шадахъ на платформу въсовъ, устроенныхъ по теорiи рычаговъ. Ко- гда они взвѣшены, ихъ размѣщаютъ посредствомъ нѣсколькихъ по- воротныхъ платформъ на тринадцати путяхъ, гдѣ изъ нихъ составля- ютъ поезда по назначенiю. Страшно смотрѣть, какъ лошади подво- зятъ вагоны; потому что кромѣ того что рельсы, но и самая мо- стовая чрезвычайно скользки; но какъ вагонъ безъ дышла, то ло- шадь не можетъ остановить напiрающаго на нее груза и должна ид- ти передъ нимъ. Каждую минуту, кажется, что вотъ ее раздавить между напiрающимъ вагономъ и тѣмъ, который стоитъ впереди. Но за минуту до столкновенiя буферовъ, она ловко отскакива- етъ въ сторону и такимъ-образомъ спасается отъ неминуемой гибели. Товарные поезда состоятъ иногда изъ 90 или 100 ваго- новъ, которые, пустые, вѣсятъ до трехъ тоннъ каждый, съ грузомъ же до шести тоннъ. Въ концѣ каждаго поезда находится сторожъ. Число различныхъ товарныхъ вагоновъ на лондонско-сѣверо-западной дорогѣ доходитъ до 6,236.

Чтобы товарный паровозъ не переѣзжалъ по главной, пассажир- ской линiи дороги, устроено огромное круглое зданiе, имѣющее 160 футовъ въ диаметрѣ, освѣщенное сверху стеклами въ девять футовъ длины и въ дюймѣ толщины, и могущее вмѣщать двадцать четыре са- мыхъ большихъ товарныхъ паровоза. Посреди этого кирпичнаго зданiя устроенъ поворотный кругъ, имѣющiй сорокъ футовъ въ диаметрѣ, отъ котораго паровозы расходятся по двадцати четыремъ стойламъ, по- хожимъ въ большомъ видѣ на лошадиныя. Большая часть этихъ па- ровозовъ можетъ тянуть до 600 тоннъ, со скоростью двадцати верстъ въ часъ. Въсѣ каждаго подѣ парами, и съ надлежащимъ запасомъ воды и коксу, около 50 тоннъ. У входа въ зданiе находится яма для

выбрасывания огня по возвращении из путешествия; а между рельсами в стойлах тоже расположены меньшие ямы, для исправления паровоза в случае надобности, снизу. Машинисты этих громадных паровозов, после каждого путешествия осматривают их и записывают нужные починки так точно, какъ дѣлается съ пассажирами, и каждый разъ паровозы тщательно вычищаются.

Недалеко отъ этого круга зданія находится площадка, въ 300 футовъ длины для выгрузки скота. Здѣсь выгружается разомъ до 50 вагоновъ скота, который тотчасъ загоняется въ надежный плетень. Вагоны для товаровъ и крупнаго скота обыкновенно голубаго цвѣта, а для овецъ зеленаго. Приятно видѣть при проездѣ транспорта скота, множество гладкихъ роговъ, блестящихъ глазъ, черныхъ, здоровыхъ носовъ, высовывающихся изъ вагоновъ. При выгрузкѣ скота, не смотря на все предосторожности, случается иногда, что разъяренный валлизонскій или ирландскій быкъ, убѣгаетъ съ площадки, и кидается во все стороны съ дикимъ ревомъ, опустивъ голову и поднявъ хвостъ и приводитъ въ смущеніе зеленыхъ стрѣльчиковъ, служителей, надзорщиковъ, которымъ порученъ осмотръ множества путей, ведущихъ отъ станціи къ главной линіи. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы стараться словить непокорное животное, вдругъ спускается нѣсколько другихъ быковъ; бѣглець тотчасъ пристаётъ къ нимъ, и всѣхъ вмѣстѣ преспокойно загоняютъ въ плетень.

=

V.

КРИТИКА.

=

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ.
Григорія Небольсина. *Санктпетербургъ, 1850. Дѣль части.*

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Еще такъ недавно едва вѣрили въ существованіе статистики какъ науки, еще такъ недавно родилась она на Западѣ; а теперь мы имѣемъ уже удовольствіе наслаждаться плодами ея, взрожденными и на нашей русской почвѣ. Главною причиною къ невѣрію въ самостоятельность статистики, безъ сомнѣнія, послужили слишкомъ обширныя границы, даваемая обыкновенно этой наукѣ учеными; такъ что съ большимъ трудомъ можно было добиться окончательнаго вывода, на которомъ должно опираться зданіе науки. И въ самомъ-дѣлѣ, едва ли какая-нибудь наука нуждается въ такой громадной массѣ матеріаловъ, чтобы вполне выразить свою физиогномію! Мало того, самое распредѣленіе и обработка этихъ матеріаловъ чрезвычайно утомительны. Не смотря на все это, умъ побѣдоносно извлекаетъ идею науки изъ бездны фактовъ и оживляетъ ее.

У насъ узнали о существованіи статистики почти въ то же самое время, какъ эта наука родилась въ Германіи; но до-

смихъ поръ она не пришла еще въ полное, всеобщее сознание; при всемъ томъ, съ начала текущаго столѣтiя обработка статистическихъ матеріаловъ шла чрезвычайно быстро и успѣшно; сгруппировано множество фактовъ, составляющихъ основаніе этой науки, и въ настояще время производятся еще обширныя работы, подготовляющія статистическія данныя.

Еще какихъ-нибудь десять лѣтъ и Россія будетъ имѣть свою статистику, которая ни въ чемъ не уступитъ въ достоверности статистикамъ прочихъ европейскихъ государствъ. Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ всѣ наши министерства привели въ извѣстность множество самыхъ интересныхъ и самыхъ разнообразныхъ фактовъ. Многіе частные люди принялись за разсмотрѣніе и обсужденіе этихъ фактовъ, и на этомъ поприщѣ отличительно предъ всѣми является господинъ Небольсинъ съ своимъ сочиненіемъ.

Господинъ Небольсинъ избралъ самую важную сторону статистики, самую сложную, и, не смотря на утомительность труда, самую блистательную. Внѣшняя торговля, вѣрнѣйшее отраженіе народной дѣятельности, есть вѣстѣ-съ-тѣмъ фокусъ, въ который собирается множество статистическихъ данныхъ. Вѣрное и полное обзореніе внѣшней торговли представляетъ въ то же время самую вѣрную, самую живую картину народной жизни. Въ ней вы видите главныя потребности народа, прихотливое развитіе, умноженіе нуждъ его, характеръ дѣятельности, и на что именно эта дѣятельность направлена, степень умственного и духовнаго развитія націи, отпечатокъ мѣстности, средства и возможность къ уничтоженію всѣхъ недостатковъ, зависящихъ отъ мѣстности и множество другихъ сторонъ частной и общественной жизни. Въ какой мѣрѣ желовѣкъ воспользовался мѣстностью и въ какой мѣрѣ онъ можетъ и долженъ ею воспользоваться; въ какой онъ находится зависимости отъ другихъ и въ какой зависимости эти другіе находятся отъ него. Все это опытный умъ выведетъ изъ множества фактовъ, собранныхъ и по возможности обработанныхъ уже господиномъ Небольсиннымъ въ его сочиненіи.

Трудъ господина Небольсина не можетъ быть предметомъ общедоступной критики; это дѣло спеціальнаго разбора, который изслѣдуетъ, какіе можно было сдѣлать выводы изъ извѣстнаго даннаго количества фактовъ и сколько ихъ сдѣлалъ господинъ Небольсинъ; но такой разборъ не можетъ быть общезаинтересенъ и въ журнальныхъ рамкахъ не можетъ достигнуть своего назначенія. Все, чего можно и должно требовать отъ общей критики — это разбора системъ труда, его цѣли и въполнѣ ли она достигнута; выполнили ли авторъ всѣ требованія науки, преодолѣлъ ли трудности и указалъ ли на вопросы, для разрѣшенія которыхъ должно еще ожидать дальнѣйшихъ изслѣдованій и содѣйствія другихъ наукъ.

Принимая въ соображеніе всѣ эти условія общей критики, должно сказать, что авторъ болѣе или менѣе удовлетворилъ всѣмъ этимъ требованіямъ, за изъятіемъ, можетъ быть, только систематичности самаго труда. Отъ сочиненія, которое предназначается для большинства публики, требуется болѣе общности въ классификаціи предметовъ, чтобы читатель вдругъ могъ видѣть, къ какому выводу должно привести его обзорніе извѣстнаго рода фактовъ. Отъ господина Небольсина, такъ основательно знающаго область своихъ изслѣдованій, мы имѣли бы полное право требовать большаго вниманія къ систематической обработкѣ.

Но, впрочемъ здѣсь бѣда еще не велика и при второмъ изданіи этого весьма полезнаго сочиненія, авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, самъ замѣтитъ этотъ недостатокъ и устранитъ его, тѣмъ болѣе, что теперь уже это такъ легко.

Мы болѣе другихъ имѣемъ право на вниманіе къ труду господина Небольсина, помѣстившаго большую часть его на страницахъ нашего изданія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь многія статьи, напечатанныя въ «Библіотекѣ для чтенія», вошли въ составъ полнаго, стройнаго сочиненія, натурально должны были подвергнуться многимъ измѣненіямъ: нѣкоторыя изъ нихъ являются здѣсь сокращеніемъ, другія распространены и пополнены новыми изслѣдованіями, новыми цифрами.

Это последнее обстоятельство заставляет насъ познакомиться читателей какъ можно основательнѣе съ характеромъ и общими выводами труда господина Небольсина, не смотря на то, что многое, быть можетъ, было уже нами сообщено; но въ настоящемъ случаѣ мы должны повторить известное единственно потому, что здѣсь встрѣчаемъ полное обзорѣе известнаго рода фактовъ.

Въ предисловіи авторъ самъ довольно ясно опредѣляетъ цѣль своего труда, имѣя въ виду «къ облегченію статистическихъ изслѣдованій представить систематическій сводъ «Видовъ Торговли», изобразить, въ сравнительныхъ выводахъ начало, развитіе и современное состояніе разныхъ отраслей внѣшней торговли Россіи, показать ихъ значеніе для внутренней ея промышленности, ихъ связь съ внутренней ея торговлею и съ потребностями государства, изслѣдовать причины развитія или упадка сбыта главнѣйшихъ товаровъ и обстоятельства, которыя имѣютъ вліяніе на современнѣйшій ходъ торговли важнѣйшими предметами нашего отпуска и привоза.»

Господинъ Небольсинъ довольно удачно достигаетъ своей цѣли, какъ это мы постоянно замѣчали въ продолженіе всего его труда. Авторъ нигдѣ не противорѣчитъ своимъ главнымъ положеніямъ, не увлекается постороннимъ, и занимается изслѣдованіемъ каждаго предмета столько, сколько онъ заслуживаетъ по своей важности и по мѣсту, имъ занимаемому въ общей системѣ труда.

Все сочиненіе господина Небольсина состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ разсматриваются предметы первой потребности и ближайшіе къ нимъ — *жизненные припасы*: хлѣбъ, соль, скоть, мясо, коровье масло и сыръ, рыба и икра, напитки, фрукты, пряныя коренья, сахаръ, чай, кофе, табакъ*.

Всѣ эти предметы, которые съ перваго взгляда кажутся намъ такъ обыкновенны, такъ известны, получаютъ въ кни-

* Табакъ причисленъ къ этому отдѣлу, потому что и въ «Видовъ Торговли» отпускъ и привозъ его всегда были показываемы въ отдѣлѣ товаровъ, къ жизненнымъ припасамъ принадлежащихъ.

гъ господина Небольсина необыкновенную заботливость. Онъ подвергаетъ ихъ всевозможнымъ калейдоскопическимъ положеніямъ и измѣненіямъ, въ которыхъ самыя обыкновенныя цвѣтныя стеклушки кажутся драгоценными камнями, расположенными въ различныхъ видахъ и самымъ капризнымъ образомъ.

Второй отдѣлъ посвященъ авторомъ изслѣдованію фабричныхъ матеріаловъ и въ свою очередь подраздѣляется на два отдѣленія. Первое заключаетъ въ себѣ — *прядельные и ткацкіе матеріалы*: ленъ и пеньку, льняную и пеньковую пряжу, шерсть и шерстяную пряжу, хлопчатую бумагу и бумажную пряжу, шелкъ сырецъ и пряденый.

Второе — *фабричные матеріалы и сырые продукты разнаго рода*: сало, сѣмена масличныя и сѣменное масло, лѣсной товаръ, металлы, мягкую рухлядь, кожи сырыя и выдѣланныя, щетину, хвосты и гриву, поташъ, рыбій клей, воскъ, смолу, ворванное сало, масло деревянное, краски и другіе москотильные товары.

Обозрѣвъ предметы, поддерживающіе наше существованіе, господинъ Небольсинъ переходитъ къ предметамъ обуславливающимъ нашу общественную жизнь, и здѣсь выводы его еще краснорѣчивѣе говорятъ о нашемъ быстромъ и постепенномъ развитіи.

Третій отдѣлъ, заключающій издѣлія бумажныя, шерстяныя, шелковыя, льняныя, пеньковыя и металлическія, есть изчадіе первой части втораго отдѣла, отдѣлившееся отъ своей метрополи и получившее самостоятельное существованіе. Это просто самый богатый, самый разнообразный магазинъ разныхъ матеріи.

Четвертый отдѣлъ труда господина Небольсина заключаетъ въ себѣ общій обзоръ отпуски и привоза всѣхъ товаровъ и сравнительные выводы о внѣшней торговлѣ Россіи и главныхъ европейскихъ государствъ.

Источники, изъ которыхъ черпалъ авторъ при составленіи своего сочиненія, указаны имъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ :

«Сводъ статистическихъ данныхъ о внѣшней торговлѣ

покойной за четверть столетія, съ 1822 по 1846 года, исключительно, основанъ, какъ выше упомянуто, на таможенные отчеты, ежегодно издаваемые отъ Департамента Внѣшней Торговли. Другіе источники, кои я пользовался для статистическихъ изслѣдованій, указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту. «Коммерческая Газета», журналы: «Мануфактуръ и Торговли», Министерствъ «Внутреннихъ Дѣлъ» и «Государственныхъ Имуществъ», доставили мнѣ обильный запасъ свѣдѣній о разныхъ отрасляхъ отечественной промышленности и торговли. Сверхъ-того, изустныя объясненія съ опытнымъ негодіантомъ, во многихъ случаяхъ, облегчили мнѣ повѣрку и дополненіе печатныхъ матеріаловъ. Таможенные отчеты о внѣшней торговлѣ, ежегодно издаваемые въ Великобританіи, Франціи, Бельгіи, Австріи, Германскомъ таможенномъ союзѣ и Швеціи, «Коммерческая Статистика» Мак-Грегора (составленная по порученію англійскаго правительства), «Коммерческій-словарь», Мак-Колока (Macculoch's Dictionary of commerce and navigation), Сравнительная статистика промышленности и торговли, Редена (*Vergleichende Handels und Erwerbs-Geographie und Statistik, von Dr. Freiherrn von Reden*) и «Коммерческая Газета», служили главнѣйшими источниками свѣдѣній о сбытѣ русскихъ произведеній въ иностранныхъ земляхъ».

Въ ожиданіи третьей части разсматриваемаго нами сочиненія, въ которомъ авторъ обѣщаетъ намъ представить историческо-статистическій обзоръ главныхъ отраслей морской и сухопутной торговли Россіи, купческаго судоходства въ ея портахъ, коммерческихъ ея сношеній и трактатовъ съ иностранными государствами, — познакоимъ читателей съ первую частью сочиненія господина Небольсина, въ которой онъ насъ подучетъ хлѣбомъ-солью, черкасскою говядиной, чухонскимъ масломъ, швейцарскимъ сыромъ, осетриной и икоркой; потомъ даетъ запитъ порядочную порцію шампанскаго, угощаетъ прекрасными мессинскими фруктами, предлагаетъ самый лучший мокейскій кофе и въ заключеніе ставитъ передъ вами ящикъ самыхъ отборныхъ гаванскихъ сигаръ. Начнемъ съ хлѣба-соли, первыхъ и главныхъ жи-

иногда привозить, которые такъ щедро предлагаются нашимъ авторъ.

Не прежде какъ къ концу восемнадцатаго столѣтїя, по завоеванїи Россїею портовъ на Черномъ морѣ и по основанїи Одессы, начался у насъ вывозъ хлѣба: въ 1786 году отпущено изъ этихъ портовъ 68,731 четверть пшеницы, а въ 1793 году 162,000 четвертей. Пшеница вывозилась также изъ Риги, Архангельска и С. Петербурга, но главною стаяею нашего хлѣбнаго торга была рожь, которая вмѣстѣ съ ячменемъ и овсомъ, отпускалась за море почти исключительно черезъ рижскїй портъ. Вывозъ хлѣба изъ С. Петербурга и Архангельска, до 1762 года, былъ то запрещенъ, то дозволенъ, смотря по состоянїю внутренняго урожая. Наконецъ, въ 1762 г., разрѣшенъ свободный вывозъ хлѣба изъ всѣхъ русскихъ портовъ съ пошлиною вполонну менѣе противъ взимаемой въ Ригѣ, гдѣ эта отрасль торговли утвердилась съ давняго времени. Въ 1771 — 1773 годахъ, среднїй отпускъ хлѣба изъ Россїи составлялъ 870,000 четвертей; неурожай, бывшіе въ разныхъ краяхъ Европы, въ 1770 и 1771 годахъ, заставили иностранцевъ обратиться тогда къ покупке хлѣба въ русскихъ портахъ.

Въ концѣ осемнадцатаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, потребность въ привозѣ хлѣба значительно увеличилась во многихъ странахъ Европы, по случаю неурожаяевъ и войнъ, отвлекавшихъ большое число рукъ отъ земледѣлїя. При такихъ обстоятельствахъ, хлѣбная торговля достигла обширнаго развитїя, хотя непрерывныя войны на европейскомъ материкѣ затрудняли отправку и перевозку такого громоздскаго товара, какъ хлѣбъ. Въ 1793 — 1795 годахъ среднїй отпускъ хлѣба изъ Россїи составлялъ до 400,000 четвертей, а съ 1800 по 1805 годъ, вывозилось среднимъ числомъ 2,218,307 четвертей въ годъ.

Въ послѣдствїи, континентальная система останавливала свободное движенїе хлѣбной торговли, и вообще до возстановленїя общаго мира, политическія и военныя обстоятельства препятствовали умноженїю вывоза хлѣба изъ Россїи: съ 1806 по 1810 годъ среднїй отпускъ составлялъ только

595,953 четв., а съ 1811 по 1815 годъ 549,029 четвертой. Неурожаи во многихъ странахъ западной Европы увеличили потомъ требованія на хлѣбъ въ нашихъ портахъ: съ 1816 по 1820 годъ, отпущено изъ Россіи 13,854,343 четв. зерноваго хлѣба.

Но установленіи общаго мира въ Европѣ, успѣхи хлѣбопашества и воздѣлываніе картофеля повсемѣстно ограничили потребность въ привозѣ хлѣба, хотя расходъ его увеличился отъ приращенія общаго числа жителей и въ особенности городского народонаселенія. Въ то же время почти всѣ европейскія государства стѣснили привозъ иностраннаго хлѣба тарифными постановленіями и стали допускать его на внутреннее продовольствіе только въ неурожайные годы. Россія оставалась постоянною житницею для Европы. Господинъ Небольсинъ весьма удачно изслѣдуетъ причины такихъ разительныхъ колебаній въ заграничномъ сбытѣ нашего хлѣба и между-прочимъ говоритъ, что вывозъ хлѣба то возрасталъ, то уменьшался, смотря по состоянію урожаявъ и по мѣрѣ заграничныхъ требованій.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати-четырехъ лѣтъ, съ 1824 по 1847 годъ, отпускъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи шесть разъ составлялъ по цѣнѣ отъ трехъ до пяти милліоновъ рублей серебромъ, пять разъ отъ пяти до десяти милліоновъ, шесть разъ отъ одиннадцати до пятнадцати милліоновъ, и столько же разъ былъ свыше шестнадцати милліоновъ рублей серебромъ. По двадцати-четырехъ-лѣтней сложности, цѣнность всего отпуска хлѣбныхъ припасовъ, по нашей Европейской торговлѣ, простиралась до 337 милліоновъ рублей серебромъ.

Россія можетъ отпускать хлѣбъ въ извѣстныя только страны при продолжительномъ требованіи, и то изъ наличныхъ запасовъ, заблаговременно свезенныхъ въ ея порты. Дальнее разстояніе ихъ отъ внутреннихъ мѣстъ, недостатокъ удобныхъ во всякое время сообщеній съ ними и остановка въ портахъ, въ зимніе мѣсяцы, лишаютъ Россію способовъ пользоваться заграничнымъ требованіемъ на хлѣбъ въ той мѣрѣ, какъ это бываетъ возможно для другихъ странъ при благо-

притныхъ обстоятельствахъ. Притомъ хлѣбъ, отправлен-
ный изъ Россіи, не всегда подоспѣваетъ на иностранные
рынки въ самое благоприятное время.

Значительнѣйшія колебанія въ отпускѣ хлѣба изъ Россіи
продолжались до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія;
съ 1841 года эта отрасль нашей внѣшней торговли постоян-
но возрастала.

Въ послѣднее десятилѣтіе, Россія ежегодно отпускала
хлѣба на сумму около десяти милліоновъ рублей серебромъ
и болѣе, тогда какъ въ предъидущія четырнадцать лѣтъ,
вывозъ его только шесть разъ превышалъ эту сумму.

Значеніе хлѣба въ нашей отпускной торговлѣ, по непо-
стоянству его вывоза, подвержено большимъ измѣненіямъ:
въ нѣкоторые годы онъ составлялъ не болѣе шести процентовъ, а
въ другіе — до тридцати процентовъ всей цѣнности отпуска
по нашей европейской торговлѣ. Въ тѣ годы, когда бываетъ
чрезвычайное требованіе на хлѣбъ за границу, сбытъ дру-
гихъ нашихъ товаровъ обыкновенно уменьшается.

Въ 1847 году, отпускъ хлѣба былъ вдесятеро болѣе, чѣмъ
въ 1836 году, а вывозъ другихъ товаровъ уменьшился про-
тивъ этого года слишкомъ на милліонъ рублей.

Цѣнность всего отпуска хлѣба, по двадцати-четыре-хъ-
лѣтней сложности, съ 1824 по 1847 годъ включительно, со-
ставляла 336,947,000 руб. серб., въ томъ числѣ:

Пшеницы вывезено	на 233,592,734 руб. сер.
Ржи	59,106,516
Овса	17,050,957
Ячменя	11,760,068
Разнаго	15,636,952

Всего на 336,947,027 руб. сер.

Пшеницы отпущено изъ южной Россіи вдесятеро болѣе,
чѣмъ изъ другихъ мѣстъ совокупно.

Рожь занимаетъ важное мѣсто въ русскомъ земледѣліи,
оттого, что во многихъ губерніяхъ, по качеству почвы и
по вліянію климата, обширныя земли не могутъ произво-
дить другихъ болѣе цѣнныхъ хлѣбовъ, и притомъ эти хлѣ-
ба слишкомъ дороги для замѣна ржи въ народномъ продо-

продукціи. Въ иностранную торговлю рожь отпускается болѣею частью изъ сѣверныхъ портовъ; но вообще заграничный сбытъ ея подверженъ большимъ колебаніямъ. Самое значительное количество ржи отпускается изъ Риги и другихъ острзейскихъ портовъ и по сухопутной границѣ къ прусскимъ портамъ; въ этомъ сбытѣ принимаютъ участіе всѣ острзейскія и западныя губерніи.

До 1846 года, рожь вывозилась изъ южной Россіи рѣдко и въ маломъ количествѣ, но въ оба послѣдніе года, по случаю дороговизны зерноваго хлѣба въ западной Европѣ, усилилось требованіе на рожь и въ южныхъ портахъ, для отпуски въ Бельгію, Голландію, Бременъ и другія мѣста. Въ южной Россіи засѣвають ржи менѣе, нежели на сѣверѣ, потому что климатъ и почва способствуютъ тамъ урожаю пшеницы, составляющей главную статью отпускной торговли, а рожь обращается въ этомъ краѣ преимущественно на внутреннее потребленіе. При цѣнахъ на рожь, существовавшихъ до-сихъ-поръ въ Одессѣ почти неизмѣнно отъ 6 до 7 руб. асс., помѣщики никогда не считали ея статьею дохода, потому что такія цѣны едва покрываютъ издержки воздѣлыванія и доставки ржи.

Ячмень, вывозимый болѣею частью изъ нашихъ острзейскихъ портовъ, отпускается за границу въ небольшомъ количествѣ сравнительно съ другими хлѣбами. Вывозъ изъ Риги и другихъ балтійскихъ портовъ, составлялъ три четверти всего отпуска.

Кукуруза, воздѣлываемая только въ Бессарабіи и новороссійскихъ губерніяхъ, вывозится за границу въ небольшомъ количествѣ.

Горохъ отпускается изъ разныхъ портовъ Россіи, въ маловажныхъ партіяхъ; самый большой отпускъ его въ послѣдніе годы доходилъ отъ 30 до 25,000 четвертей.

Мука, крупа и сухари. Кромѣ незначительнаго вывоза этихъ припасовъ изъ разныхъ портовъ для корабельной провизіи, постоянный отпускъ муки производится изъ Архангельска въ Норвегію, изъ Одессы въ Константинополь и черезъ сухопутную границу въ пограничныя мѣста.

Несколько разъ опыты отправленія русской пшеничной муки въ Англiю и въ Америку, оказывались неудачными, оттого, что она не годится для дальней перевозки моремъ: посланная туда мука превратилась въ крѣпкую массу, прогоркла и окисла. Такая порча происходитъ отъ способа приготовления на русскихъ мельницахъ: пшеницу, нѣсколько высушенную, обыкновенно смачиваютъ предъ размолотъ, чтобы придать ей лучшей видъ.

Ржаная мука, даже при большомъ требованіи на хлѣбъ за границую, до 1847 года никогда не вывозилась изъ Россіи въ значительномъ количествѣ, частью оттого, что не выдерживаетъ морскаго пути, частью по предубѣжденію иностранцевъ, будто хлѣбъ изъ русской ржаной муки составляетъ тяжелую и нездоровую пищу. По необыкновенной пуждѣ въ хлѣбныхъ припасахъ всякаго рода въ 1847 году, возникло требованіе и на ржаную муку; она вывозилась наиболѣе изъ санктпетербургскаго порта въ нѣмецкіе порты и въ Англiю; это былъ первый опытъ отправленія туда большаго количества ржаной муки, которую Англичане стали выпасывать преимущественно для продовольствія Ирландіи, пострадавшей отъ неурожая картофеля. Ржаной муки вывезено изъ санктпетербургскаго порта, въ 1847 году, 771,242 четверти, на 4,627,470 рублей серебр. При крайней дороговизнѣ хлѣба, эта мука покупалась охотно; но какъ отъ неумѣнья обращаться съ нею, — иностранцы не пекутъ и не умѣютъ печь кислаго ржанаго хлѣба, подобнаго русскому, — трудно было ввести ее въ общее употребленіе, то большая часть закупокъ была передана изъ Англiи въ Германію, и послѣ упадка хлѣбныхъ цѣнъ стали употреблять ржаную муку въ кормъ скоту и продавали ее за безцѣнокъ. Первые подвозы ея сбывались также успѣшно въ Пруссію, во время высокихъ цѣнъ на хлѣбные припасы; но на послѣдокъ, количество доставленной туда ржаной муки оказалось слишкомъ великимъ и иначе можно было сбывать ее, какъ съ большимъ убыткомъ; требованіе на эту муку и тамъ уменьшилось отъ непривычки обращаться съ нею. Сверхъ-того иностранцы стали упрекать русскихъ торговцевъ за то, что

многіе грузы этого хлѣба были дурнаго качества и погнѣлись въ пути; но къ оправданію противъ этого наръканія должно замѣтить, что при внезапномъ требованіи на ржаную муку изъ-за границы, въ 1847 году, портовые купцы должны были дѣлать покупки изъ готовыхъ запасовъ муки, которая обыкновенно назначается для внутренняго продовольствія и, по самому способу ея приготовления, не можетъ избѣгать порчи при перевозкѣ моремъ.

Изъ всего количества зерноваго хлѣба, поступившаго въ заграничный отпускъ, три пятыхъ части вывезены изъ воровосійскихъ и сосѣдственныхъ губерній, а двѣ пятыхъ приходятся на разные другіе края Россіи, ближайшіе къ портовымъ мѣстамъ или къ водянымъ сообщеніямъ, по которымъ хлѣбъ сплавляется въ порты.

Значительный привозъ хлѣба въ Россію случается только въ неурожайные годы.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ, беспошлинный ввозъ хлѣба былъ разрѣшенъ съ 1833 по 1835 годъ къ сѣвернымъ и южнымъ портамъ и по сухопутной границѣ, по случаю чрезвычайнаго неурожая во многихъ губерніяхъ; въ 1840 и 1841 году дозволеніе беспошлиннаго привоза хлѣба относилось только къ балтійскимъ портамъ; на 1845 годъ и по 1 августа 1846 года былъ допущенъ беспошлинный привозъ хлѣба во всѣ порты остзейскихъ губерній и въ Нарву, а также по сухопутной границѣ съ Пруссією до 1 сентября 1846 года.

Движеніе портовыхъ цѣнъ на хлѣбъ въ двадцати-пяти-лѣтній періодъ, съ 1822 по 1846 годъ, обнаруживаетъ, что въ новѣйшее время онѣ постепенно возвышались, но въ самомъ возвышеніи ихъ происходили, изъ года въ годъ, чрезвычайныя колебанія.

Однимъ изъ главныхъ препятствій успѣшнѣйшему развитію отпуска хлѣба изъ Россіи — была, до-сихъ-поръ, тарифная система, принятая многими государствами въ отношеніи къ ввозу хлѣбныхъ припасовъ. Въ новѣйшее время, когда иностранныя постановленія болѣе или менѣе измѣнены къ облегченію привоза хлѣба и можно ожидать, что, по при-

иътру Великобританіи, другія государства отмиънять систему перемѣнлихъ пошлинъ, стѣснительныхъ для хлѣбной торговли, — Россія стала встрѣчать, въ заграничномъ сбытѣ хлѣба, возрастающее соперничество тѣхъ странъ, которыя прежде вовсе не имѣли важнаго значенія въ этой торговлѣ.

Весь вывозъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи составлялъ слѣдующія количества :

Въ Великобританію съ Ирландією	2,708,138	четв.
Францію	2,552,344	—
Нидерланды, Германію и другія страны сѣверной Европы	2,932,603	—
Австрійскія владѣнія	492,306	—
Геную и Ливорно	857,615	—
Италію, Ионическіе острова и Грецію	147,036	—
Зундъ и Константинополь, для дальнѣйшаго отправления	1,719,953	—
прочія мѣста	75,256	—
<hr/>		
Итого		11,485,295 четв.

Чрезвычайныя обстоятельства хлѣбной торговли 1847 года способствовали приращенію отпуска хлѣба изъ всѣхъ мѣстъ, которыя были въ состояніи снабжать имъ иностранныя земли. Значительнѣйшія закупки хлѣбныхъ припасовъ всякаго рода для отпуска за море производились не только въ нашихъ портахъ, но и въ Турціи, Египтѣ и Сѣверной Америкѣ. Соперничество этихъ странъ съ Россією въ хлѣбной торговлѣ усилилось тогда тѣмъ болѣе, что по случаю дороговизны на хлѣбъ въ концѣ 1846 и въ началѣ 1847 годовъ и при видахъ на огромный сбытъ его въ западной и южной Европѣ, иностранцы спѣшили скупать хлѣбные припасы въ тѣхъ портахъ, откуда возможно было скорѣе получить подвозы. Такимъ-образомъ, большое количество хлѣба прибыло въ Европу изъ Сѣверной Америки и Леванта, еще до открытія навигаціи въ нашихъ портахъ.

Если бы Россія не встрѣтила сильнаго соперничества Сѣверной Америки и Леванта въ хлѣбной торговлѣ, то вывозъ пшеницы изъ нашихъ портовъ въ 1847 году, можетъ-быть,

увеличился бы вдвое и даже болѣе. Огромные подвозы этого хлѣба изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію и частью во Францію, которая снабжалась пшеницею также изъ Леванта, ограничили потребности въ привозѣ ея изъ Россіи. Это обстоятельство должно было противодѣйствовать значительнѣйшему возвышенію нашихъ биржевыхъ цѣнъ, тѣмъ болѣе, что иностранцы не замедлили скупать пшеницу въ другихъ мѣстахъ, для скорѣйшей доставки ея въ то время, когда невозможно было ожидать подвозовъ изъ нашихъ портовъ.

Въ настоящее время, наступила самая благоприятная пора для открытія заграничнаго сбыта нашей пшеничной муки. Великобританія представляетъ ей обширный, постоянный рынокъ, гдѣ, однако, она должна состязаться съ американскою мукою, которая своею превосходною добротою уже приобрѣла тамъ успѣшный сбытъ. Видя на отпускъ пшеничной муки въ Великобританію можетъ-быть возбуждать у насъ предприимчивость помѣщиковъ и купечества къ устройству мукомольныхъ мельницъ по образцу американскихъ. Польза и важность этой фабрикаціи, самой свойственной нашимъ земледѣльческимъ губерніямъ, уже оцѣнивается просвѣщенными сельскими хозяевами. Одинъ изъ нихъ вѣроятно высказалъ свои «мысли о выгодахъ учрежденія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южной Россіи мукомольныхъ мельницъ, подобныхъ американскимъ.»

Развитіе этой отрасли промышленности можно признать одною изъ существенныхъ потребностей нашей заморской хлѣбной торговли, въ которой пшеница занимаетъ первое мѣсто. Если бы открытъ заморскій сбытъ пшеничной муки за границу изъ губерній, нынѣ отпускающихъ пшеницу въ зернѣ, а также изъ тѣхъ, которыя не могутъ сбывать ее къ портамъ, по затруднительности и дороговизнѣ провоза, то Россія не только могла бы соперничать съ Соединенными Штатами, но со временемъ, вѣроятно, удержала бы за собою перевѣсъ въ этой отрасли торговли: отпускъ пшеничной муки, умножая сбытъ пшеницы, поощрялъ бы къ распространенію ея воздѣлыванія какъ въ Новороссійскомъ

край, гдѣ и нынѣ она производится собственно для вывоза за границу, такъ и вообще во всей пшеничной полосѣ, которая на пространствахъ между 46 и 51° сѣверной широты, изобилуетъ удобнѣйшими землями для производства этого хлѣба. Количество пшеницы, могущей поступать въ заграничный отпускъ изъ этой полосы, еще долго можетъ возрастать независимо отъ удовлетворенія внутреннихъ потребностей, между-тѣмъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ избытокъ пшеницы, несмотря на распространеніе хлѣбопашества, могутъ скорѣе уменьшиться, нежели увеличиться; потому что внутренній расходъ пшеничнаго хлѣба возрастаетъ такъ вмѣстѣ съ успѣхами народнаго довольства и съ быстротою умноженіемъ городского населенія.

Обратимся теперь къ соли, второму главному предмету потребленія :

По изобилію соляныхъ источниковъ и озеръ въ Россіи, она превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ другія европейскія государства; но добываніе въ ней соли не вполне удовлетворяетъ внутреннимъ потребностямъ, единственно по недостатку средствъ къ удобной и дешевой перевозкѣ этого продукта изъ главныхъ соляныхъ запасовъ въ отдаленныя отъ нихъ губерніи. Богатѣйшіе соляные источники и озера находятся въ южной и восточной части европейской Россіи; отсюда продовольствуются солью всѣ внутреннія ея губерніи, а сѣверозападный край снабжается этимъ продуктомъ изъ-за границы.

Годичное потребленіе соли въ Россіи простирается до 34,000,000 пудовъ, въ томъ числѣ собственной 87 проц. и привозной 13 проц. По количеству добываемой въ ней соли, Россія занимаетъ первое мѣсто послѣ Великобританіи. Новѣйшія свѣдѣнія о состояніи солянаго промысла въ Европѣ, показываютъ, что значительнѣйшее количество соли добывается въ Великобританіи, около 40 милліоновъ пудовъ, въ Россіи отъ 25 до 30 милліоновъ, въ Испаніи 24 милліона, во Франціи 22 милліона, въ Австрійской Имперіи 17 милліоновъ, въ Италіи 14 милліоновъ, въ Португаліи 12

милліоннѣвъ, въ Пруссіи 6 милліоннѣвъ жителей. Въ привоѣ иностранной соли нуждаются всѣ государства сѣверо-Востока Европы. Россія также получаетъ ея около 4,509,000 пуд.

Соль добывается въ Россіи болѣею частью изъ казенныхъ источниковъ, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи казны, либо отданныхъ казною въ частное содержаніе. Подъ казеннымъ вѣдѣніемъ, добываніе соли производится: 1) изъ самосадочныхъ озеръ крымскихъ, бессарабскихъ, астраханскихъ, кавказскихъ, сибирскихъ и Элтона, въ саратовской губерніи; 2) на соловаренныхъ заводахъ, ледюхинскомъ въ пермской губерніи, старорусскомъ — въ новгородской, леденгскомъ — въ вологодской, владимирскомъ, кулойскомъ и унскомъ — въ архангельской губерніи и на другихъ соловаренныхъ заведеніяхъ, находящихся въ казенномъ управленіи въ трехъ послѣднихъ губерніяхъ, также въ Сибири, на заводахъ: иркутскомъ, селенгинскомъ, устькутскомъ и троицкомъ; 3) при Илецкой заштатѣ, на рѣкою Ураломъ, въ оренбургской губерніи, гдѣ добывается каменная соль; и 4) на закавказскихъ промыслахъ, изъ бакинскихъ и ширванскихъ соляныхъ озеръ и изъ кульнискихъ и нахичеванскихъ копей каменной соли. Въ земляхъ войска Донскаго и Черноморскаго, добываніе соли изъ тамошнихъ озеръ предоставлено исключительно мѣстнымъ обывателямъ, съ платежемъ незначительнаго акциза въ казну, и потому запрещено продавать и вывозить соль за войсковые предѣлы. — Для продовольствія уральскаго казачьяго войска предоставлены озера Индерское и Грязное, лежащія въ Киргизской степи.

Соляные источники, частнымъ лицамъ принадлежащіе, находятся въ Крыму и въ губерніяхъ пермской, вологодской и архангельской. Владѣльцы имѣютъ право обращать соль на вольную продажу съ платежемъ установленнаго акциза или поставлять ее въ казенные магазины за цѣну, опредѣляемую по взаимнымъ условіямъ съ казною. Изъ этого правила изъемяются только владѣльцы пермскихъ заводовъ, которые обязаны вываривать соль и поставлять ее для казны въ опредѣленномъ количествѣ, но обращая нисколько на

вольную продажу. Содержатели источниковъ, находящихся на казенныхъ земляхъ, также обязаны доставлять соль въ казенные магазины за установленныя цѣны, и въ такомъ только случаѣ, когда казна признаетъ эту соль для себя нужною, или когда сверхъ потребнаго для казны количества окажется остатокъ, владѣльцу дозволяется обращать такую соль на вольную продажу съ платежемъ установленнаго акциза.

Собственною солью, продовольствуются: Сибирь, Кавказскій край, земля донскаго и черноморскаго войска, Бессарабія и губерніи: таврическая, астраханская, саратовская, персикская, отчасти также вологодская, новгородская и архангельская. На вольную продажу и для наполненія соляныхъ магазиновъ въ другихъ губерніяхъ, соль вывозится въ наибольшемъ количествѣ изъ крымскихъ и бессарабскихъ Элтонскаго озера въ саратовской губерніи, и съ озеръ, съ персикскихъ соловаренныхъ заводовъ.

Крымскою озерною солью снабжаются губерніи: таврическая, херсонская, екатеринославская, кіевская, полтавская, харьковская, черниговская, моголевская, курская и орловская. Кременчугъ есть главное складочное мѣсто для соли, отправляемой вверхъ по Днѣпру. На каботажныхъ судахъ перевозится крымская соль изъ Керчи, Бердянска и Евпаторіи въ разные черноморскіе порты, также въ Мариуполь, Ростовъ, Таганрогъ, Анапу и въ Мингрелію.

Бессарабская соль вывозится отъ озеръ на распродажу въ бессарабской области и въ югозападныхъ губерніяхъ: польской, волынской и другихъ, а изъ аккерманскаго запаснаго магазина отправляется большею частью въ Одессу.

Соль, добываемая изъ озера Элтона, въ саратовской губерніи, складывается тамъ въ бугры для отпуска промышленникамъ, и передозится въ магазины: николаевскіе, противъ Камышина, и покровскіе, противъ Саратова. Элтонскую солью снабжаются преимущественно низовыя губерніи; она доставляется также водянымъ путемъ въ нижне-

родскіе и рыбнискіе запасныя магазины, по распоряженіи казны.

Пермская соль перевозится въ магазины мѣстнаго продовольствія пермской, вятской и частью архангельской губерній, а большею частью поступаетъ въ нижегородскіе запасныя магазины, откуда доставляется въ обѣ столицы и въ разныя внутреннія губерніи, по водной коммуникаціи.

По отдаленности сѣверозападныхъ и ближайшихъ къ нимъ губерній отъ главныхъ источниковъ снабженія солью внутренняго произведенія, весь этотъ край продовольствуется иностранною солью, привозъ которой дозволенъ къ бѣломорскимъ и балтійскимъ портамъ и по всей западной границѣ; но въ портахъ черноморскихъ, азовскихъ и дунайскихъ запрещенъ, для охраненія выгодъ крымскаго и бессарабскаго солянаго промысла. Изъятіе изъ этого запрещенія было допущено только на 1840 годъ, по случаю недостаточной садки соли на озерахъ въ южной Россіи.

Россія получаетъ иностранную соль большею частью прямо изъ мѣстъ ея происхожденія, а именно: изъ Великобританіи, Испаніи, Португаліи, Франціи, Италіи, Турціи и Австрійской Галиціи. Соль, доставляемая черезъ сухопутную границу изъ Пруссіи, привозится къ тамошнимъ портамъ наиболѣе изъ Великобританіи. Сверхъ того, небольшое количество соли получается чрезъ Швецію, Норвегію, Дانیю и изъ другихъ мѣстъ.

Сѣверный край Европейской Россіи продовольствуется собственною солью, а иностранная привозится туда въ небольшомъ количествѣ, къ бѣломорскимъ портамъ, преимущественно для соленія рыбы, отъ того, что соль, добываемая на мѣстныхъ варницахъ, не годится на это употребленіе. Съ иностранной соли, привозимой къ бѣломорскимъ портамъ, взималось по тарифу 1822 г. 35 коп. сер., а въ 1835 году пошлина эта уменьшена до 20 коп. сер. съ пуда, наконецъ въ 1847 году, для поощренія бѣломорскихъ рыбныхъ промысловъ, разрѣшенъ въ видѣ опыта на 10 лѣтъ, безпошлинный привозъ иностранной соли во всѣ рыбопромышленныя становища по Мурманскому берегу архангел-

своей губерніи, отъ границъ Норвегіи до устья рѣки Пеноя, съ тѣмъ, чтобы количество этого привоза ограничивалось дѣйствительною потребностью въ немъ для промышленниковъ того края, а съ иностранной соли, привозимой въ другія мѣста архангельской губерніи, положено взимать прежнюю пошлину, то-есть, по 20 коп. сер. съ пуда.

Въ балтійскихъ портахъ иностранная соль обложена различною пошлиною: по тарифу 1822 года взималось въ Санктпетербургѣ 35 коп., а въ прочихъ портахъ 25 коп. сер.; по росписи 11 ноября 1831 г., эта пошлина увеличена на 12½ процентовъ, а по нынѣдѣйствующему тарифу 28 ноября 1841 года взимается: въ Санктпетербургѣ 40 коп., а въ Ригѣ и другихъ остзейскихъ портахъ 29 коп. сер. съ пуда.

Иностранная соль, привозимая въ Санктпетербургъ, поступаетъ здѣсь на мѣстное потребленіе и сбывается отсюда въ губерніяхъ: санктпетербургской, олонекской, новгородской, псковской и тверской. Для отвращенія дороговизны на соль, учреждены въ Санктпетербургѣ и другихъ городахъ упомянутыхъ губерній соляные магазины, наполняемые изъ казенныхъ запасовъ соли, которая продается по установленнымъ цѣнамъ.

Самое большое количество иностранной соли поставляется къ портамъ, лежащимъ при Балтійскомъ морѣ отъ Нарвы до Либавы включительно. Средній привозъ въ первое пятилѣтіе простирался до 2,639,343, а въ послѣднее до 3,418,102 пуда, слѣдовательно увеличился около 30%. Больше половины этого количества соли поступаетъ къ рижскому порту; отсюда она развозится по губерніямъ: лифляндской, курляндской, витебской, виленской, гродненской и далье. Лифляндская губернія продовольствуется солью также черезъ Перновъ и частью черезъ Ревель; въ Аренбургъ она привозится для острова Эзеля. Эстляндская и псковская губерніи получаютъ соль изъ Пернова и Ревеля; сверхъ-того, первая снабжается ею черезъ Гапсаль, а послѣдняя черезъ Нарву, откуда соль сбывается также въ ближайшія мѣста санктпетербургской губерніи. Въ курляндскую и ви-

ленскую губерніи, иностранная соль идетъ чрезъ Либаву и Вандаву.

По западной сухопутной границѣ, соль привозится болышею частью изъ прусскихъ портовъ: Кенигсберга и Мемеля черезъ юрбургскую, полайгенскую и таурогенскую таможи, для отправленія въ губерніи виленскую, гродненскую и минскую.

Изъ Австрійской Галиціи соль доставляется въ маловажномъ количествѣ для пограничныхъ мѣстъ: самый большой привозъ (до 3,000 пудовъ) былъ въ 1840 году по случаю сбавки только на этотъ годъ таможенной пошлины за соль при ввозѣ изъ австрійскихъ владѣній въ бессарабскую область, въ новоселицкую таможду.

Привозъ молдавской соли былъ бы незначителенъ, если бы не послѣдовала на 1840 годъ сбавка пошлины съ молдавской соли, привозимой къ бессарабскимъ таможнямъ: въ 1840—1841 годахъ очищено пошлиною, въ сложности, 313,139 пудовъ, а въ предъидущее трехлѣтіе (1837, 1838 и 1839 годахъ) 219,506 или 73,168 пудовъ въ годъ. Въ послѣднее время (1842—1846 годахъ) привозъ былъ вдвое менѣе предъидущаго. Молдавская (каменная) соль, при таможенной пошлинѣ, превышающей продажную цѣну бессарабской озерной соли, не можетъ соперничать съ нею во внутреннемъ сбытѣ, но покупается преимущественно гуртовщиками для употребленія въ кормъ рогатому скоту. Уменьшеніе прогона скота за границу изъ бессарабской области, по случаю бывшихъ тамъ падежей, въ послѣдніе годы, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ упадка сбыта молдавской соли въ этомъ краѣ.

По азіатской границѣ привозится въ Россію соль русскими промышленниками изъ озеръ, находящихся въ Киргизскихъ степяхъ; она расходуется по сибирской и оренбургской линіямъ и въ сосѣдственномъ краѣ.

Заграничный отпускъ соли изъ Россіи весьма незначителенъ. Въ прежніе годы немаловажное количество соли вывозилось изъ крымскихъ портовъ въ сѣверный край Азіатской Турціи, именно въ Анатолю; но высокая цѣна крым-

ской морской соли, въ сравненіи съ морской солью, добываемою близъ Смирны, и привозимою изъ Италіи, была причиною постепеннаго уменьшенія сбыта крымской соли, такъ, что ея привозъ туда почти совсѣмъ прекратился. Вывозъ соли изъ каспійскихъ портовъ въ Персію также уменьшился, съ тѣхъ-поръ, какъ Трухменцы начали добывать каменную соль на островѣ Челекенѣ и полуостровѣ Даршѣ: таковая соль обходится гораздо дешевле русской и отъ того послѣдняя требуется менѣе.

Россия, удѣляющая въ заграничный отпускъ ничтожную часть изъ добываемаго въ ней количества соли, могла бы усилить вывозъ этого продукта только изъ черноморскихъ портовъ по близости къ нимъ крымскихъ и бессарабскихъ соляныхъ озеръ; но недостатокъ истоковъ для заграничнаго сбыта препятствуетъ развитію этой отрасли торговли въ южной Россіи.

Между продуктами скотоводства, принадлежащими къ жизненнымъ припасамъ, скотъ, назначаемый для убоа, занимаетъ первое мѣсто во внѣшней торговлѣ Россіи: по мѣстовому торгу съ Киргизами пріобрѣтается большое количество скота изъ степей, прилегающихъ къ юго-восточнымъ предѣламъ Имперіи, а черезъ сухопутную западную ея границу сбывается скотъ преимущественно изъ южныхъ губерній. Вообще движеніе торговли бойнымъ скотомъ, на внѣшнихъ границахъ Россіи, простирается до 2,700,000 рублей серебромъ въ годъ. Эта сумма составляетъ среднюю цѣнность отпущеннаго и пригнаннаго скота въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1842 до 1847 года. Скотъ, вымѣниваемый у Киргизовъ, доставляетъ мясо на мѣстное потребленіе, шкуры на выдѣлку овчинъ и сало для заграничнаго отпуска. Ордынскіе бараны покупаются преимущественно на добываніе изъ нихъ сала.

Вымѣнъ ордынскаго скота производится по оренбургской и сибирской линіямъ, въ особыхъ для того устроенныхъ мѣстныхъ дворахъ. Кромѣ скота, распродаваемаго въ пограничномъ краѣ, большія стада прогоняются въ губерніи: ка-

занскую, нижегородскую и симбирскую, и значительное количество барановъ идетъ на убой въ Уральскъ, Троицкъ и Петропавловскъ, для вытопки сала. Изъ этихъ мѣстъ баранье сало свозится въ Казань, Шадринскъ и Екатеринбургъ, для продажи и отправления къ санктпетербургскому порту, а здѣсь оно поступаетъ въ заграничный отпущекъ.

Киргизы вымѣниваютъ на скоть: муку, табакъ, юзь, желѣзо, разныя металлическія издѣлія, бумажныя ткани, сукна, парчи, шелковыя матеріи, позументы, зеркала, пуговицы, бусы, ленты и разныя другія мелочи. Успѣшное развитіе этой торговли доказывается значительнымъ превращеніемъ вымѣна скота въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ.

Значительнѣйшій сбытъ русскаго скота за границу производится изъ богатыхъ скотоводствомъ юго-западныхъ губерній: оттуда прогоняется большею частью рогатый скоть въ австрійскія владѣнія и въ Царство Польское, а мелкій скоть сбывается туда изъ пограничныхъ губерній. Отпускъ рогатаго скота изъ Россіи по европейской торговлѣ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1832 — 1846 года), не представлялъ большихъ измѣненій; по пяти-лѣтнимъ сложностямъ, среднее количество его составляло до 50,000 головъ.

Рогатый скоть, для прогона въ Царство Польское, обыкновенно закупается на ярмаркахъ въ мѣстечкѣ Влодавкѣ, при рѣкѣ Бугѣ (въ брестъ-литовскомъ уѣздѣ, гродненской губерніи), гдѣ бывають въ годъ три ярмарки: ивановская (24 іюня), успенская (3 августа) и покровская (1 октября); гуда пригоняется скоть большею частью изъ губерній: подольской, кievской и херсонской, частью также изъ Бессарабіи. Эта отрасль торговли, важная для нѣкоторыхъ юго-западныхъ губерній, оказывается весьма незначительною, если сравнить ее съ обширною торговлею рогатымъ скотомъ, покупаемымъ на продовольствіе одного Санктпетербурга: по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, среднее число быковъ, проданныхъ на санктпетербургскомъ скотномъ дворѣ, съ 1842 по 1846 годъ, включительно, составляло въ годъ:

Барновъ черкасскихъ	81,459	на	3,461,561	руб сер.
— русскихъ и ливонскихъ	19,725	—	330,450	—
Всего	101,184	на	3,792,011	руб. сер.

Въ то же время, среднее количество рогатаго скота, отпущеннаго изъ Россіи въ иностранныя земли и въ Царство Польское, простиралось до 69,690 головъ на 1,354,545 руб. серебромъ.

Отпускъ мяса изъ Россіи всегда былъ незначительный и въ повѣйшее время даже уменьшился, между-тѣмъ, какъ сбытъ этого продукта изъ другихъ странъ постоянно усиливается. Такое ограниченное развитіе этой отрасли нашей торговли служить доказательствомъ тому, что въ ней не сдѣлано никакихъ улучшеній. Въ Россіи, гдѣ убивается ежегодно огромное количество скота для добыванія сала и кожъ, и гдѣ потребленіе мясной пищи гораздо менѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ Европы, и отъ того мясо цѣнится несравненно дешевле, — этотъ продуктъ могъ бы сдѣлаться значительною статью отпускнуой торговли; но до-сихъ-поръ сбытъ его остается въ ничтожномъ положеніи, отъ того, что у насъ не приготавливаютъ мясо въ томъ видѣ и качествѣ, въ какомъ оно должно быть отправляемо за границу.

Развитіе промышленности масломъ и сыромъ дѣлается возможнымъ только при выгодномъ и постоянномъ сбытѣ молочныхъ скоповъ; въ противномъ случаѣ цѣтъ побужденія къ распространенію и учуженію молочнаго хозяйства. По этой причинѣ оно еще далеко не достигло въ Россіи до той степени совершенства, на которой уже находится во многихъ странахъ Европы. Въ степныхъ губерніяхъ собраніе молочныхъ скоповъ ограничивается вообще домашнимъ потребленіемъ. Въ средней, западной и сѣверной Россіи распространена собственно русская порода скота, необильная молокомъ. Потребность городского населенія въ молочныхъ скопахъ удовлетворяется болѣею частью самими горожана-

ив. Молочный скопъ держатъ крестьяне въ подстольныхъ селеніяхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вологодской, ярославской и тверской губерній, для сбыта молочныхъ скоповъ въ Санктпетербургъ и Москву. Остарисландская порода скота, превосходная для молочныхъ скоповъ, распространилась у молочныхъ меновствова, которые съ успѣхомъ занимаются приготовленіемъ масла в сыра на продажу, имѣя для того особые молочни и вограба.

Въ Россіи иностранный сыръ принадлежитъ къ предметамъ роскоши и привозится въ незначительномъ количествѣ.

Финляндское коровье масло привозится почти исключительно въ Санктпетербургъ. Привозъ его моремъ значительно усилился въ новѣйшее время, по учрежденіи пароходства между Санктпетербургомъ и разными финляндскими портами. Сверхъ-того, большое количество коровьяго масла доставляется въ Санктпетербургъ сухимъ путемъ изъ ближайшихъ мѣстъ Финляндіи. Тамошнее масло вывозится также въ иностранныя земли, преимущественно въ Швецію, отъ 25 до 30,000 пудовъ и въ Любекъ, гдѣ сбытъ его усилился съ недавняго времени: въ 1846 году привезено 3,550 пудовъ, а въ 1847 году 16,270 пудовъ. Русское коровье масло по низкому его качеству, сбывается за границу въ маловажномъ количествѣ и большею частью вывозится изъ нашихъ южныхъ портовъ въ Турцію.

Сбытъ масла коровьяго изъ южныхъ портовъ начался еще въ прошломъ столѣтіи: въ 1793—1795 годахъ средній отпускъ его въ Турцію уже доходилъ до 24,000 пудовъ. Съ-тѣхъ-поръ торговля имъ нисколько не усилилась. Масло коровье, отпускаемое въ Турцію, донныи покупается большею частью не въ ближайшихъ мѣстахъ Новороссійскаго края, а на ирбитской ярмаркѣ, и отсюда отправляется черезъ Пермь на Каму и далѣе по Волгѣ къ дубовской пристани, потомъ перевозится волокомъ на Донъ и по этой рѣкѣ идетъ въ Ростовъ для отпуску за границу прямо отъ этого порта, либо черезъ Таганрогъ. Кроми сибирскаго масла въ бочкахъ, доставляемаго этимъ путемъ, таганрогскіе купцы отправляютъ также въ Турцію коровье

масло въ бурдюкахъ (кожаныхъ мѣшкахъ), которое получается изъ Кавказской области. Сверхъ-того, вывозится и большое количество масла изъ Евпатори, Одессы и другихъ мѣстъ. Въ Турціи оно составляетъ предметъ роскоши, отъ того, что, вмѣсто масла, употребляютъ тамъ свиной жиръ, получаемый изъ Галаца и Браилова. Послѣ турецкой войны 1828—1829 годовъ отпускъ коровьяго масла изъ нашихъ южныхъ портовъ увеличился вдвое (въ 1832—1836 годахъ), но потребление его въ Турціи въ послѣднее время уменьшилось, чему могло быть причиною возвышеніе цѣны (въ 1837—1841 годахъ), и хотя въ послѣдніе годы, съ уменьшеніемъ требованія на масло, цѣны его опять понизились, однако отпускъ уже не усилился до прежней пропорціи.

Вывозъ коровьяго масла изъ прочихъ мѣстъ, то-есть, изъ Архангельска, балтійскихъ портовъ и по сухопутной границѣ, весьма маловаженъ: въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ среднее количество его составляло, по пятилѣтнимъ сложностямъ, отъ 4,500 до 5,000 пудъ въ годъ. Періодъ съ 1837 по 1831 годъ представляетъ исключеніе; по случаю усилившагося тогда вывоза масла изъ Архангельска и балтійскихъ портовъ. Требованіе на этотъ товаръ поддерживалось тамъ только съ 1836 до 1839 годовъ и потомъ опять ослабѣло. Среднія цѣны на масло при отпускѣ его изъ этихъ портовъ, въ послѣднее пятилѣтіе, были гораздо выше, чѣмъ въ предыдущіе періоды, такъ, что разность доходитъ до 65 процентовъ. Такое возвышеніе цѣнности этого товара можетъ-быть зависѣло отъ лучшаго его качества; но сравнивая наши цѣны съ заграничными, нельзя не заключить, что русское масло, по своему достоинству, еще далеко уступаетъ иностранному; оно цѣнится дешево и мало требуется за границу, по низкому его качеству, тогда какъ масло, стоящее вдвое дороже, охотно покупается и, по своей лучшей добротѣ, пользуется значительнымъ сбытомъ. По объявленнымъ цѣнамъ при отпускѣ масла за границу въ 1845 и 1846 годахъ, средняя цѣна въ Архангельскѣ доходила отъ 2 р. до 77 к. до 3 р. 22 к., а въ Санктпетербургѣ отъ 5 р. 50 к. до 5 р. 80 к. сер. за пудъ.

Одно изъ главныхъ условій для развитія въ Россіи отпуска жизненныхъ припасовъ, отъ скотоводства приобретаемыхъ, состоитъ въ приготовленіи этихъ продуктовъ на продажу соответственно требованіямъ иностранныхъ потребителей: эта отрасль нашей внѣшней торговли, въ настоящее время маловажная, можетъ значительно усилиться, когда распространятся у насъ, въ производствѣ соленого мяса и коровьяго масла, тѣ улучшенія, которыя необходимы для заграничнаго сбыта этихъ продуктовъ.

Рыбный товаръ, какъ-то: рыба, икра и рыбій клей, обращается во внѣшней торговлѣ Россіи на сумму до двухъ съ половиною милліоновъ рублей серебромъ; двѣ трети ея составляетъ привозъ, а третья доля приходится на отпускъ. Россія, снабжая иностранныя земли икрою и рыбнымъ клеемъ, отпускаетъ рыбу въ маловажномъ количествѣ и получаетъ этотъ товаръ изъ чужихъ странъ, ежегодно на значительную сумму.

Иностранная рыба привозится большею частью къ сѣверо-западную Россію, къ балтійскимъ портамъ, также по рѣкѣ Нѣману и сухимъ путемъ. Сельди составляютъ, какъ извѣстно, главнѣйшую часть этого привоза.

Въ Ригѣ и другихъ остзейскихъ портахъ, сельди, подобно соли, замѣняютъ наличныя деньги: этимъ товаромъ платятъ за сельскіе продукты, привозимые для заморскаго отпуска. Сельди расходятся изъ этихъ портовъ по остзейскимъ и сосѣдственнымъ съ ними внутреннимъ губерніямъ, а получаемые чрезъ Пруссію сбываются въ западныхъ губерніяхъ. Черезъ Санктпетербургъ иностранныя сельди идутъ въ Москву, на нижегородскую ярмарку и въ разные внутренніе города.

Вообще привозная рыба потребляется преимущественно въ сѣверо-западной Россіи: по пятилѣтней сложности, съ 1842 по 1846 годъ включительно, средній привозъ рыбы въ Ригу и другіе остзейскіе порты и черезъ западную границу по Нѣману и сухимъ путемъ простирался на 1,013,715 рублей, между-тѣмъ, какъ въ савтпетер-

бургскомъ портѣ, откуда снабжаются иностранными товарами объ столицы и большая часть внутреннихъ губерній, привозъ рыбы изъ-за моря былъ на 53% менше, составляя по цѣнѣ только 476,686 рублей серебромъ.

Привозъ рыбы къ южнымъ портамъ Россіи, хотя увеличился въ новѣйшее время, однако до-сихъ-поръ еще весьма маловаженъ. Весь Новороссійскій край и вся Малороссія снабжается рыбою съ азовскихъ, черноморскихъ и дунайскихъ промысловъ и отъ того потребность въ привозѣ этого товара незначительна.

Весь привозъ иностранной рыбы по европейской торговлѣ Россіи (кромѣ бѣломорскихъ портовъ) составлялъ по двадцати-лѣтней сложности съ 1827 по 1846 годъ включительно, не менше 20,893,010 рублей серебромъ.

Въ водахъ, омывающихъ сѣверные берега европейской Россіи, добываются немногія породы рыбъ, изъ числа коихъ нѣкоторыя, по обширному ихъ употребленію, имѣютъ значительный сбытъ. Поморскіе жители занимающіеся рыбною ловлею у Мурманскаго берега имѣютъ тамъ становища при бухтахъ и отсюда выѣзжаютъ въ море на лодкахъ, называемыхъ «шиеками». Рыбный промыселъ начинается въ апрѣлѣ, а въ исходѣ мая, либо въ іюнѣ, отправляютъ чловъ въ Архангельскъ, между-тѣмъ какъ большія ладьи идутъ въ Норвегію для вымѣна тамъ рыбы на хлѣбъ. Если мѣна удачна и грузъ полонъ, то эти ладьи отправляются прямо въ Архангельскъ; въ противномъ случаѣ онѣ заходятъ въ свои становища и здѣсь пополняютъ свой грузъ. Коляне прекращаютъ ловъ рыбы въ началѣ іюля, отъ того, что тогда она попадается въ маломъ количествѣ. Зимой, въ ноябрѣ и декабрѣ, ловятъ треску около острова Кильдина и при устьѣ кольской губы.

Близъ Мурманскаго берега треска и палтусина ловятъ средней величины, а для улова крупной промышленности должны выѣзжать въ открытый Океанъ на разстояніе около 10 до 50 верстъ отъ берега: тамъ попадается треска 1½ пуда, палтусина отъ 5 до 15 пудовъ;

вообще чѣмъ далѣе на сѣверъ и на западъ, тѣмъ крупнѣе и добротнѣе эта рыба, а чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ меньше. Послѣ каждаго улова промышленники отправляются на берегъ для сушенія и соленія рыбы. Сѣвжная треска и палтусина никогда не привозятся въ Архангельскъ лѣтомъ, но невозможности предохранить ее отъ порчи, а зимою доставляютъ эту рыбу мороженою, въ распластанномъ видѣ, отъ чего она теряетъ жиръ, дѣлается сухою и безвкусною. Треску сушатъ весною, когда еще нѣтъ жаровъ и мухъ; распластавъ эту рыбу и вынувъ изъ нея ребровую кость, развѣшиваютъ на жерди для сушки, а голову и вязигу сушатъ отдѣльно. Высушенная треска складывается въ кучи, которыя обыкновенно покрываются досками и придавливаются тяжестями и такимъ образомъ она лежитъ до окончанія промысла. Изъ тресковыхъ молоковъ вытапливаютъ сало, употребляемое въ пищу (сѣжее), либо на ворвань. Для соленія кладутъ распластанную и очищенную треску и палтусину въ кучи, слоями, пересыпая каждый слой солью. Послѣ улова солятъ рыбу грудями, наваливая ея полные амбары, то-есть, вырытыя въ землѣ ямы, которыя замѣняютъ собою рыбныя заводы и бочарную посуду. Рыба въ этихъ ямахъ прѣетъ все лѣто и къ осени укладывается въ мореходныя суда и отправляется въ Архангельскъ.

Такое небрежное, можно сказать варварское, соленіе трески и палтусины въ ямахъ, съ употребленіемъ при томъ слабой и нечистой соли изъ поморскихъ варницъ, совершенно портитъ эту рыбу: въ пересолѣ она дѣлается жгучею, а въ недосолѣ или въ нечистомъ обсолѣ — кислою и горчавою; получая сильный зловонный запахъ, она годится въ пищу только людямъ съ привычнымъ къ ней обоняніемъ. Поэтому не удивительно, что въ сѣвер-

• При отправленіи трески въ Архангельскъ, соленую весенняго улова рыбу моютъ и, перенеся въ судно, кладутъ рядиши, пересыпая каждый солью; отъ этого такая рыба называется «двое-сольною» и бываетъ прѣче одно-сольной, приготовляемой лѣтомъ и осенью.

ношя иравъ Россіи норвежская треска, по своей добротѣ, предпочитается мурманской, и что послѣдняя употребляется только простымъ народомъ, привыкшимъ къ самой грубой пищѣ.

Въ жалкомъ положеніи находятся также и бѣломорскіе сельдяные промыслы; большая часть тамошнихъ сельдей, по неумѣнію готовить ихъ въ прокъ, продается въ мерзломъ видѣ; замороженные сельди, теряя свой отличный вкусъ, сбываются по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ и-то только въ случаѣ продолжительной стужи, а при оттепели отдають ихъ почти даромъ. Что же касается до соленыхъ сельдей, то по дурному качеству ихъ усола, онѣ имѣють незначительный сбытъ, который поддерживается только ихъ дешевизною: почти все количество приготавливаемыхъ въ Бѣломорьѣ соленыхъ сельдей расходуется въ архангельской губерніи и весьма малая часть ихъ сбывается внѣ ея предѣловъ, хотя, по изобилію этой рыбы въ бѣломорскихъ водахъ, тамошніе промышленники, при тщательномъ приготовленіи ея въ прокъ, могли бы снабжать ею сѣверо-западную Россію и внутреннія губерніи.

Сельди, входя въ Бѣломорье изъ Ледовитаго океана, появляются многочисленными стадами обыкновенно въ іюлѣ: преслѣдуемая морскими звѣрями и рыбами, онѣ быстро несутся, сгущая воду и осеребряя ея поверхности; въ это время стаи ихъ тѣнятся и напираются такъ, что образуютъ огромную плотную массу, въ которой можно постоять стоймя шесть. Укрываясь отъ преслѣдованія морскихъ животныхъ, сельди стремятся въ заливы, бухты и рѣки и бросаются на берега въ такомъ множествѣ, что цѣлыя груды ихъ лежатъ на большомъ пространствѣ: здѣсь онѣ спиваются, либо съѣдаются птицами. При изобильномъ уловѣ жители кормятъ домашній скотъ сельдяни.

Бѣломорская сельдь, бѣла, жирна, вкусна и, въ хорошемъ разсолѣ, ни сколько не уступаетъ голландской. Она раздѣляется на три рода: 1) крупная, 2) сельдь, называемая поморцами «галдья» (родъ сардинокъ), и 3) мелкая. Сельди появляются въ іюлѣ у Мурманскаго берега; ихъ добы-

ваютъ тамъ для мѣстнаго продовольствія и для важныя крючковъ на удахъ и переметахъ при ловѣ трески и па-тусины. Въ Бѣлое море сельди заходятъ позже, въ исходѣ августа и въ сентябрѣ; послѣ зимовки, въ апрѣлѣ плывутся, мечутъ икру и оставляютъ бѣломорскіе берега. Въ осеннее время любимѣйшимъ пристанищемъ сельдей служитъ заливъ Сорочкій, въ кемскомъ уѣздѣ: богатый уловъ ихъ простирается отъ 30 до 40,000 возовъ*. Сельдей тамъ не солятъ, а продаютъ мерзлыми торговцамъ, приѣзжающимъ въ сорочкую волость по зимнему пути изъ губерній олонецкой и вологодской. Сельди, ловимыя въ поньгамской губѣ, принадлежатъ къ лучшимъ и самымъ крупнымъ; тысяча штукъ ихъ вѣситъ не менѣе 7 пудовъ. Довлею сельдей занимаются только крестьяне сосѣдственной поньгамской волости, въ которой наберется не болѣе 30 работниковъ, и при такихъ слабыхъ средствахъ уловъ составляетъ въ годъ до 5—6,000 пудовъ, тогда какъ можно бы добывать въ этомъ мѣстѣ ежегодно до 100,000 пудовъ. Поньгамскіе крестьяне не умѣютъ ни солить, ни коптить ихъ, а продавать мерзлыми не могутъ по отдаленности этой деревни отъ населенныхъ мѣстъ. Въ онежской губѣ, близъ Покровскаго селенія, ловится въ годъ до 15,000 пудовъ сельдей, которыя расходятся въ сосѣдственномъ краѣ и всегда продаются мерзлыми. Въ устьяхъ Двины и прилегающихъ къ нимъ урочищахъ, то-есть, въ улской губѣ, у Мудьюжскихъ острововъ и на Зимнемъ берегу, ловится большое количество сельдей, которыя всѣ, за исключеніемъ малой части копченыхъ, продаются мерзлыми и по такой дешевой цѣнѣ, что въ обильный уловъ многіе изъ тамошнихъ жителей откармливаютъ ими свиней. — Во всемъ Кандалажскомъ заливѣ, на разстояніи 400 верстъ въ окружности, сельди водятся въ несмѣтномъ множествѣ; но ловлю ихъ занимаются только крестьяне, населяющіе и

* Ловинная тамъ сельдь называется у поморцевъ «галдыя»; въ началѣ улова она вѣситъ $2\frac{1}{2}$, а послѣ 2 и $1\frac{1}{2}$ пуда въ тысячѣ штукъ. Весь сорочкинъ сельдей состоитъ изъ 15,000 штукъ.

надный берегъ, а по восточному берегу жители малолюдныхъ селеній Умбы и Варзуги, пользуясь богатыми семговыми и зевринными промыслами, не имѣютъ досуга для сельдяной ловли. Сельдей добываютъ у западнаго берега весною и осенью; въ періодъ плодотворенія весною онѣ бывають сухи и тощи и по настоящему въ эту пору не слѣдовало бы ихъ ловить; но въ Канда-лажскомъ заливѣ ловятъ ихъ тогда несравненно болѣе, чѣмъ осенью. Это объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: послѣ прекращенія навигаціи по Бѣлому морю между прибрежными селеніями и Архангельскомъ, то-есть, въ концѣ сентября и въ октябрь, кандалажскимъ рыбакамъ пришлось бы продавать сельдей на слѣдующій годъ; но какъ они не умѣютъ солить эту рыбу въ прокъ, то по необходимости должны довольствоваться только весеннимъ уловомъ, для продажи сельдей въ свѣжепросольномъ видѣ, пока онѣ не совсѣмъ протухли и еще годятся въ пищу. Въ навигацію 1844 года изъ Кандалажскаго залива привезено въ Архангельскъ болѣе 70,000 пудовъ такихъ сельдей; но это количество далеко не подходитъ къ тому, которое можетъ быть добываемо въ этомъ мѣстѣ.

Скудные средства тамошнихъ рыбаковъ ограничивають сельдяной промыселъ наличнымъ запасомъ соли и боченковъ; при изобильномъ уловѣ огромныя кучи наловленной рыбы остаются въ добычу птицамъ, отъ того только, что рыбаки не имѣютъ достаточныхъ способовъ на заготовленіе соли и боченковъ для соленія сельдей. Они портятъ свой промыселъ небрежностью и неопытностью въ посолѣ: груды наловленныхъ сельдей валяются на берегу и прѣютъ, пока досужіе рыбаки примутся укладывать ихъ въ бочки и пересыпать, съ крайнею экономією, дурною солью; отъ того полугнилыя сельди расходятся только между простымъ народомъ и продаются не дороже 30 к. сер. за боченокъ, вмѣщающій въ себѣ 1 пудъ 10 фунтовъ, тогда какъ издержки на соль, на приготовленіе боченка и на фрахтъ до Архангельска, составляютъ до 15 к.; слѣдовательно, хозяева получаютъ за труды, на ремонтъ сна-

стей и прочее, только 15 к. сер. съ боченка, а часто вырѣзка ихъ бываетъ гораздо меньше. Сельди, ловимыя въ урочищахъ Соловецкаго монастыря, продаются впятеро дороже кандаджскихъ, хотя и въ монастырскомъ соленіи нѣтъ особеннаго искусства; но по-крайней-мѣрѣ есть опрятность и нѣкоторое стараніе. Большое количество этихъ сельдей потребляется въ пищу на мѣстѣ, а въ Архангельскъ привозятъ не болѣе 5,000 пудовъ.

Улучшеніе соленія сельдей въ Бѣломорскомъ краѣ, конечно, увеличило бы ихъ сбытъ съ значительною выгодною для промышленниковъ, и тогда сельдяной промыселъ распространился бы даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ понынѣ еще не существуетъ*. Но для усиленнаго развитія рыбной промышленности на сѣверныхъ водахъ Россіи, собственныя средства Бѣломорскихъ жителей не могутъ быть достаточными; на это требуется значительный капиталъ, безъ котораго не помогутъ никакія внушенія крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что Бѣломорье служитъ доннынѣ пристанищемъ древняго невѣжественнаго раскола, готоваго противаться самымъ благимъ нововведеніямъ.

Кромѣ введенія правильнаго соленія рыбы, не менѣе существенную потребность для развитія рыбной промышленности въ Бѣломорскомъ краѣ составляетъ перевозка этого товара на собственныхъ мореходныхъ судахъ: иначе нѣтъ возможности доставлять рыбу изъ Бѣломорья въ Санктпетербургъ и другіе балтійскіе порты, гдѣ она должна имѣть главнѣйшій сбытъ. Сухопутная доставка обошлась бы по-крайней-мѣрѣ въ 1 руб. сер. съ пуда, тогда какъ перевозка моремъ, на своихъ корабляхъ, могла бы стоить вдесятеро дешевле. Такимъ-образомъ этотъ богатый источникъ промышленности, могущій облагодѣтельствовать весь сѣверный край Россіи развитіемъ тамошнихъ рыбныхъ промысловъ, способствовалъ бы въ то же время распростра-

* Давришъ, на восточномъ берегу Кандаджскаго залива, и въ Кам-
ной, 1766.

нію тамъ судостроенія и мореходства, открывая новое поприще для нашего купеческаго флота.

Перейдемъ теперь къ сельдяной промышленности на югъ Россіи.

Нѣсколько лѣтъ тому, правительство обратило дѣятельное вниманіе на улучшеніе сельдяной промышленности въ Новороссійскомъ краѣ: въ 1833 году, по распоряженію министра финансовъ графа Канкринна, былъ выписанъ изъ Голландіи опытный мастеръ соленія сельдей, Николай Вей; ему поручено было осмотрѣть качество черноморскихъ сельдей и мѣстный способъ соленія ихъ и показать промышленникамъ лучшее средство приготовления этой рыбы. Вей отозвался, что наши черноморскія сельди не уступаютъ голландскимъ и что употребляемый крымскими промышленниками способъ соленія ихъ совершенно не годится. Осмотрѣвъ различныя соли въ Бессарабіи, онъ нашелъ ихъ не вездѣ удобными для соленія сельдей; по мнѣнію его лучшая соль добывается въ Чокракскаго озера, близъ Керчи: для опыта, онъ послалъ въ Керчи, по голландскому способу, тысячу сельдей, которыя оказались отличнаго качества; это было поводомъ къ начертанію правилъ для поощренія соленія сельдей. На основаніи этихъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ въ 1835 году, положено ежегодно составлять изъ шести керченскихъ гражданъ, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, общество для соленія сельдей по голландскому способу, съ тѣмъ, чтобы это общество наблюдало за ловлею и приготовленіемъ сельдей, опредѣляло ихъ качества и представляло потомъ мѣстному начальству о назначеніи отличившимся, въ награду, медали или похвальнаго листа. Въ 1836 году были выписаны изъ Англіи по сношенію министра финансовъ съ новороссійскимъ и бессарабскимъ генераль-губернаторомъ, два корнваллійскіе рыболова, для ловли и соленія водящейся у черноморскихъ береговъ породы сельдей, называемыхъ «пьяльчардсами». По наблюденіямъ, сдѣланнымъ этими мастерами въ 1836, 1837 и 1838 годахъ, они нашли, что для

устройства сельдяного промысла, окрестности Керчи представляют выгоднѣйшіе пункты, изъ которыхъ особенно замѣчательны: Камышь-Бурунь, Рыбачій островъ и Ениколь, гдѣ сельди попадаются сотнями тысячъ.

Большое количество черноморской и азовской рыбы, за удовлетвореніемъ мѣстной потребности, сбывается въ Новороссійскомъ краѣ, Малороссіи и югозападныхъ губерніяхъ; сверхъ-того рыба, съ тѣхъ же промысловъ, вывозится за границу моремъ въ Грецію, а сухимъ путемъ: въ Молдавію, Австрійскую Галицію и Царство Польское. Для развитія заграничнаго отпуска соленой рыбы, правительство предоставило разныя льготы составившемуся въ 1838 году керченскому товариществу на паяхъ, съ капиталомъ 800,000 р. асс., но объ успѣхѣ этого предпріятія съ-тѣхъ-поръ ничего не было сообщено къ общему свѣдѣнію. По отчетамъ о вывозѣ рыбы изъ нашихъ южныхъ портовъ видно только, что эта отрасль торговли, хотя усилилась въ новѣйшее время, однако все еще очень маловажна. Страны, омываемыя Средиземнымъ моремъ, потребляющія значительное количество рыбы, могли бы снабжаться ею изъ нашихъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, съ которыми онѣ находятся въ близкихъ сношеніяхъ; но нельзя ожидать успѣшнаго ея сбыта за границу, пока не распространятся въ Новороссійскомъ краѣ соленье рыбы по улучшеннымъ способамъ.

По европейской торговлѣ Россіи отпускъ рыбы составлялъ, въ десятилѣтней сложности, слѣдующія среднія суммы:

а) Съ черноморскихъ и азовскихъ промысловъ:	Въ 1837 — 36 г.	Въ 1837 — 46 г.
Моремъ	на 7,548 р.	10,054 руб. сероб.
Сухимъ путемъ	» 25,057	45,486
Въ Царство Польское	» 8,713	14,486
Итого	» 41,318	70,026
б) Съ другихъ промысловъ	2,723	2,038
Всего вообще	на 44,041	72,069 руб. сероб.

Кромѣ значительнаго рыболовства у нашихъ каспійскихъ береговъ, рыбныя ловли въ южной части, на персидскихъ водахъ, и около восточнаго, тухменскаго, берега, доставляютъ большое количество рыбы. По изобилію ея въ этомъ краѣ, она приобрѣтается очень дешево и промышленники часто выдаютъ пойманную рыбу въ море, вынувъ изъ нея икру, вязигу и клей. Должно замѣтить, что мусульманамъ шиитской секты законъ позволяетъ ѣсть только чешуйную рыбу, то-есть, лосося, кутума, сазана и леща; всѣ другія рыбы, ловимыя у персидскихъ береговъ, могутъ по этому поводу сбытъ исключительно въ Россіи. Персіане не только не ѣдятъ безчешуйной рыбы, но считаютъ даже за грѣхъ къ ней прикасаться; слѣдовательно персидскія воды, на конхъ ловится также большое количество краевой рыбы, преимущественно осетровъ, никогда не могутъ оставаться исключительно въ рукахъ туземцевъ: на тамошнихъ промыслахъ употребляются русскіе работники и самыя воды берутся на откупъ русскими промышленниками. Рыбу солить тамъ бакинскою солью, которая обходится дешевле астраханской, но, по своей нечистотѣ, портитъ рыбный товаръ. Порча его еще увеличивается отъ сильныхъ жаровъ на южномъ берегу Каспійскаго моря, и отъ дальнаго провоза въ Гиланы до Астрахани.

Въ послѣднее десятилѣтіе, привозъ рыбы и икры съ персидскихъ и тухменскихъ береговъ въ Астрахань составлялъ, по пятилѣтнимъ сложностямъ, слѣдующія среднія суммы:

	Въ 1837 — 41 г.	Въ 1842 — 46 г.
Рыбы	на 80,019 руб.	78,659 руб. сер.
Икры	12,304 пуд.	12,913 пуд.
	на 45,477 руб.	47,127 руб. сер.
<hr/>		
Всего на	125,496 руб.	на 125,786 руб. сер.

И такъ, въ оба пятилѣтія, средній привозъ былъ почти одинаковъ.

Икра вывозится изъ Россіи, двухъ родовъ: черная (осетровая, бѣлужья и прочая) и красная (судачья); первую

снабжаютъ преимущественно каспійскіе промыслы, а послѣдняя получается съ азовскихъ и дунайскихъ; та и другая отпускается наиболѣе изъ нашихъ южныхъ портовъ. Таганрогскіе Греки и нахичеванскіе Армяне покупаютъ черную икру въ Астрахани, откуда она доставляется обыкновенно по Волгѣ и Дону, къ Ростову, для оправленія въ Таганрогъ и частью въ Одессу. Эта икра требуется въ Грецію, Турцію, Италію и другія мѣста и цѣнится почти вдвоедороже красной икры, продаваемой наиболѣе въ Левантѣ, гдѣ употребляютъ ее въ пищу вареною. Въ Таганрогѣ, главнѣйшемъ портѣ для отпуска икры, вывозъ и цѣны ея были слѣдующія:

Въ 1846 году, черной икры 17,337 пудовъ отъ 9 руб. до 11 руб. 43 коп.; красной икры 8,988 пудовъ отъ 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 71 коп.

Сравняя отпускъ нашихъ рыбныхъ продуктовъ съ привозомъ иностранной рыбы, въ тоже пятилѣтіе, составившимъ по цѣнѣ 1,497.768 руб. сер., находимъ, что въ этой отрасли торговли, привозъ превышаетъ отпускъ на 60 процентовъ. Столь значительная потребность въ иностранной рыбѣ, преимущественно въ сельдяхъ, могла бы уменьшиться съ развитіемъ бѣломорскаго сельдянаго промысла, къ обогащенію всего сѣвернаго края Россіи; но недостатокъ просвѣщенной предприимчивости и капиталовъ еще препятствуетъ тамъ усовершенствованію этой промышленности. По той же причинѣ сбытъ нашей рыбы въ иностранныхъ земляхъ остается маловажнымъ и одна только необходимая тамъ потребность въ икрѣ и рыбьемъ клѣѣ заставляетъ иностранцевъ покупать эти продукты въ Россіи. Должно замѣтить однако, что потребление ихъ за границею стѣсняется постояннымъ возвышеніемъ цѣнъ на икру и рыбій клѣй каспійскихъ промысловъ, откуда до-сихъ-поръ эти товары доставляются въ значительнѣйшемъ количествѣ. Для поддержанія этой отрасли торговли, желательно, чтобы усилилось рыболовство у персидскихъ береговъ Каспійскаго моря: изобильный ловъ тамъ рыбы, изъ которой добываются икра и рыбій клѣй, можетъ отвратить ихъ дороговизну и увеличить

средства напей торговли къ заграничному сбыту этихъ продуктовъ.

Виноградныя вина: французскія, испанскія, португальскія и прочія, привозятся въ Россію, частью прямо изъ мѣстъ ихъ происхожденія, частью черезъ Англию (испанскія и португальскія), черезъ Голландію (рейнвейнтъ), черезъ Любекъ (разныя вина) и черезъ Пруссію, откуда доставляются наиболѣе по рѣкѣ Нѣману. Средній привозъ виноградныхъ винъ (за исключеніемъ шампанскаго) составлялъ, по пятилѣтнимъ сложностиамъ, слѣдующія количества:

	Въ 1827—31	1832—36	1837—41	1842—46	годовъ.
<i>Винъ въ бочкахъ:</i>					
Изъ Франціи	13,805	13,367	14,718	11,282	оке.
— Испанія и Португаліи	5,674	6,106	6,872	7,491	—
— прочіихъ мѣстъ	4,038	6,875	7,058	3,691	—
Всего:	23,517	26,338	28,648	22,464	оке.

Въ томъ числѣ:

Черезъ Санктпетербургъ.	16,392	18,029	18,997	14,655	—
— Ригу	3,926	4,266	3,343	3,521	—
— другіе балтійскіе порты	325	366	427	1,328	—
— Архангельскъ	396	292	341	377	—
— южныя порты	1,515	2,432	4,942	2,304	—
— границу съ Пруссіею	965	933	598	281	—
Итого:	23,517	26,538	28,648	22,464	оке.

Винъ въ бутылкахъ:

Изъ Франціи	85,591	90,154	84,944	87,615	бут.
— прочіихъ мѣстъ	16,820	25,733	17,702	17,837	—
Всего:	102,411	115,887	102,646	105,452	бут.

Въ томъ числѣ: въ

	1827—31	1832—36	1837—41	1842—46	г.
Черезъ Санктпетербургъ.	75,244	102,076	84,993	88,302	бут.
— прочія мѣста	27,167	13,811	17,651	17,150	—
Итого:	102,411	115,877	102,646	105,452	бут.

Потребленіе иностранныхъ винъ до 1842 года, возрасло въ уменьшавшейся пропорціи: съ 1827—1831 года на 1832—1836 года, оно увеличилось на 15%, съ 1832—1836 года по 1837—1841 годъ на 6₂, а въ 1842—46 годъ, было уже на 18. меньше, чѣмъ въ 1837—1841 годахъ и почти равнялось среднему привозу въ 1827—1831 годахъ.

Столь неблагоприятное положеніе торговли иностранными винами, слѣдуетъ приписать съ одной стороны значительному возвышенію таможенной пошланны, ограничившей употребленіе ихъ потребленія, а съ другой — усилившемуся сбыту винъ внутренней выдѣлки. Добываніе вина въ Крыму простиралось за пятнадцать лѣтъ не свыше 500,000 ведръ, а нынѣ, въ хорошій годъ, получается втрое болѣе. Бессарабія производитъ отъ 2 до 3 милліоновъ ведръ вина низкаго достоинства, которое расходуется большею частью на мѣстное потребленіе, а лучшее продаютъ въ Бердичевѣ, Києвѣ и другихъ мѣстахъ, подъ названіемъ молдавскаго. Въ Закавказскомъ краѣ добывается около 4 милліоновъ ведръ и половину этого количества составляютъ кахетинскія вина; внутри Россіи они мало извѣстны, а изъ кавказскихъ винъ сбываются тамъ преимущественно кизлярскія, большая часть которыхъ перегоняется въ водку, извѣстную въ торговлѣ подъ названіемъ «кизлярской». Въ кизлярскомъ округѣ добывается, въ хорошіе годы, до 1,200,000 ведръ. Значительная часть тамошняго вина, отъ 150 до 200 тысячъ ведръ, продается на нижегородской ярмаркѣ моздокскими и тифлисскими Армянами. Оно всегда привозится молодое (чихирь), потому что на мѣстѣ его добыванія нѣтъ хорошо устроенныхъ погребовъ, въ которыхъ вино могло бы сохраняться. Московскіе и въ особенности ярославскіе виноторговцы скупаютъ привозимый на ярмарку чихирь и поддѣлываютъ изъ него вина, подходящія къ иностраннымъ. Всѣ дешевые сорта такъ называемыхъ: мадеры, сотерна, жульена и тому подобныя, продаваемые изъ погребовъ во внутреннихъ городахъ, бывають приготовлены изъ кизлярскаго чихиря, покушаемаго на нижегородской ярмаркѣ. Тѣ же производители скупаютъ здѣсь кизлярскую водку, которой привозит-

ся ежегодно около 6,000 до 10,000 ведръ ; она отправляется также прямо изъ Кладара въ Курскъ, Тамбовъ, Воронежъ, Казань и на ярмарку. Изъ донскихъ винъ, тѣ, которыя слабѣе и болѣею частью красныя, доставляются на продажу въ бочкахъ въ Москву, Харьковъ, Курскъ, Кадугу, Тулу, Воронежъ и Саратовъ, а въ бутылкахъ продаются шипучія вина въ большомъ количествѣ, подъ названіями: пдушамскаго, цымлянскаго, горскаго, розоваго и прочихъ. Такихъ винъ готовится ежегодно болѣе милліона бутылокъ, одними главными промышленниками, которые отправляютъ ихъ на продажу въ Санктпетербургъ, Москву, Харьковъ, Елисаветградъ, Таганрогъ, Саратовъ, Симбирскъ, Казань и на ярмарки : нижегородскую, коренную, роменскую, и другія. Донскіе казаки доставляютъ въ Нижній-Новгородъ преимущественно молодое вино (чихирь), для продажи виноторговцамъ, которые выдѣлываютъ изъ него шипучее вино: оно слываетъ подъ названіемъ цымлянскаго, хотя далеко уступаетъ ему въ добротѣ. По разливкѣ донскаго вина въ бутылки и полубутылки, часть его отправляется изъ Нижняго въ Рыбинскъ и Ярославль, остальное же раскупается многочисленными посѣтителями ярмарки и виноторговцами изъ разныхъ городовъ. На нижегородской ярмаркѣ продается донскаго вина ежегодно до 175,000 бутылокъ, а изъ этого количества, третья доля употребляется на мѣстѣ. Крымскія вина сбываются болѣею частью на украинскихъ ярмаркахъ, а на нижегородскую привозятся въ незначительномъ количествѣ и покупаются здѣсь виноторговцами, которые продаютъ ихъ изъ своихъ погребовъ за настоящее шампанское, или бордо-муссе. Закупка винъ въ Крыму производится торговцами изъ Харькова, Бердянска, Херсона и Кіева. Лучшія крымскія вина съ южнаго берега передѣлываются въ Россіи и подъ разными названіями продаются за французскія, а вина качинскія, бельбекскія, алминскія и судакскія, низшаго достоинства, сбываются подъ названіемъ крымскихъ.

Распространеніе сбыта винъ внутренней выдѣлки не могло не подѣйствовать на торговлю иностранными винами на

нижегородской ярмаркѣ, гдѣ продаютъ ихъ ежегодно на 500—600,000 рублей серебромъ городовымъ виноторговцамъ и наиболѣе въ восточныя и юговосточныя губерніи, а также и въ Сибирь.

Въ потребленіи иностранныхъ винъ, Россія далеко отстала отъ прочихъ государствъ: въ Бельгіи расходъ винограднаго вина почти вдесятеро болѣе, въ Великобританіи — почти вшестеро, а въ Швеціи — вдвое; но какъ въ этихъ трехъ государствахъ употребляется исключительно привозное вино, а въ Россіи расходуется, сверхъ-того, большое количество винъ внутренней выдѣлки, то для ближайшаго съ нею сравненія, нужно обратиться къ австрійской имперіи и германскому таможенному союзу, гдѣ собственное винодѣліе весьма обширно и доставляетъ вина не только для внутреннего потребленія, но и для отпуска: въ германскомъ таможенномъ союзѣ, иностранныхъ винъ употребляется втрое болѣе, нежели въ Россіи, а въ австрійской имперіи впятеро болѣе.

Виноградная водка и ромъ обложены въ Россіи пошлиною и запрещенъ съ 1822 года привозъ вина и спирта хлѣбныхъ, также ликеровъ, наливокъ, настоекъ, киршвассера, шрома, меда и пива.

Вывозъ изъ Россіи винъ и водокъ за исключеніемъ хлѣбнаго вина, незначителенъ: въ 1842 — 1846 годахъ, по пятилѣтней сложности, отпущено ихъ на 17,553 рубля, то-есть, только на 3,510 рублей серебромъ въ годъ.

Хлѣбное вино вывозится за границу большею частью изъ остзейскихъ губерній, въ которыхъ существуетъ свободное винокурение и взимается акцизъ только съ вина, продаваемого въ городахъ.

Хлѣбное вино вывозится изъ разныхъ портовъ почти исключительно въ Данію и Любекъ. Требованіе на него стало тамъ уменьшаться съ-тѣхъ-поръ, какъ увеличился вывозъ картофельнаго спирта и вина изъ Штетина: въ 1832 году отпущено изъ этого порта только 36,000 ведеръ, въ 1836 году 65,000, въ 1841 году 560,000, въ 1842 году 635,000 ведеръ; въ 1845—1846 годахъ, по случаю дороговизны хлѣба

и картофеля, вывозъ уменьшился до 200—300,000 вадеръ. Картофельное вино и спиртъ сбываются отсюда не только въ ближайшія мѣста: Данію, Любекъ, Бременъ и Гамбургъ; но даже въ Америку и Африку.

Фрукты Россія получаетъ большею частью изъ южной Европы: апельсины, лимоны, померанцы, миндаль, орѣхи и другія изъ Италіи; Испанія и Португалія снабжаютъ насъ тѣми же фруктами и сверхъ-того, преимущественно изъ Малаги (въ Испаніи) доставляются изюмъ и виноградъ; изъ Франціи привозятся груши, черносливъ, миндаль, каперсы, оливки, орѣхи и другія; разные сухіе фрукты: изюмъ, коринка, вишнія ягоды, рожки, орѣхи и другія въ большомъ количествѣ доставляются изъ Турціи и Греціи. Яблоки и бергамоты привозятся изъ Пруссіи, Любека и Даніи. Средній привозъ фруктовъ, по пятилѣтнимъ сложностямъ, распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Въ 1842 — 1846 годахъ.	
Изъ Турціи и Греціи.	на 861,658 рублей серебромъ.
— Италіи.	828,227 — —
— Испаніи и Португаліи.	224,980 — —
— Франціи.	321,511 — —
— Германіи, Даніи и проч.	250,539 — —
Всего на 2,486,915 рублей серебромъ.	

По азіатской торговлѣ нашей, фрукты, привозимые изъ Бухаріи, Хивы и другихъ странъ Средней Азіи, обложены незначительною пошлиною въ 20 и 30 копѣекъ серебромъ съ пуда, а съ привозимыхъ изъ Персіи, взимается пяти-процентная пошлина съ объявленной цѣны.

Самый значительный привозъ фруктовъ по европейской и азіатской торговлѣ Россіи, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, былъ въ 1846 и 1847 годахъ.

Пряные коренья привозятся въ Россію большею частью изъ Англіи и доставляются наиболѣе въ Санктпетербургъ. Съ 1832 года, привозъ пряностей къ этому порту сталъ

увеличилось, а въ послѣднее время былъ уже на 7²/₁₀ мѣсячъ прежде. Въ Одессѣ эта отрасль привозной торговли постоянно возрастала подѣ вліаніемъ порто-франко: средній привозъ въ послѣднее время увеличился на 170²/₁₀ противъ прежняго. Должно замѣтить, что «Виды Торговли» показываютъ привозъ пряностей въ Одессу, объявляемыхъ на потребление въ порто-франко, и следовательно оплачиваемыхъ только $\frac{1}{10}$ долею тарифной пошлины въ помянутомъ городѣ. Порто-франко, доставляя возможность сбывать пряности выгоднѣйшимъ образомъ чрезъ Одессу, благоприятствовало умноженію ихъ привоза къ этому порту такъ, что многія внутреннія мѣста, получавшія прежде перецъ и другіе пряные коренья черезъ Санктпетербургъ, стали снабжаться ими чрезъ Одессу. Вліаніе одесскаго порто-франко не могло не дѣйствовать на привозъ пряностей къ рижскому порту, откуда онѣ сбываются въ ближайшія остзейскія и сосѣдственныя западныя губерніи. Постоянное умноженіе привоза этого товара въ Ригу, остановилось, впрочемъ, послѣ возвышенія пошлины по тарифу 28 ноября 1841 года. Что касается до ввоза ихъ черезъ другіе порты и по сухопутной границѣ, то пропорція его, послѣ нѣкотораго приращенія въ 1832 - 1836 годахъ, уменьшилась въ 1837—1841 годахъ, а въ 1842—1846 годахъ почти равнялась привозу 1827—1831 годамъ.

Въ потребленіи пряностей Россія далеко отстала отъ другихъ государствъ.

Въ потребленіи сахара Россія занимаетъ почти послѣднее мѣсто по пропорціи его на каждого жителя. Въ Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ эта пропорція въ двадцать разъ болѣе, въ Голландіи и Бельгіи — въ восемь, во Франціи — въ семь разъ, въ германскомъ таможенномъ союзѣ, Испаніи и Португаліи вчетверо, — въ Швеціи, Норвегіи и Даніи почти втрое, въ австрійской имперіи — вдвое болѣе, нежели въ Россіи.

Потребленіе сахара въ Россіи, несмотря на его дороговизну, значительно распространилось отъ того, что оно возрастало вмѣстѣ съ успѣхами довольства и образованности въ томъ

двасотъ, который составляетъ зажиточнѣйшую часть народонаселенія.

Россія, не имѣя владѣній въ тропическихъ странахъ и не будучи связана колониальною системою, никогда не стѣснена привозъ сахара особыми тарифными мѣрами, какія введены въ европейскихъ государствахъ, основанныхъ колоніи въ другихъ частяхъ свѣта. Сахаръ всегда допускался въ Россію къ привозу изъ всѣхъ странъ, безъ различія его происхожденія.

До сихъ-поръ выдѣлка бѣлаго сахара производится въ значительнѣйшемъ количествѣ только на островѣ Кубѣ, съ котораго получается извѣстный въ торговлѣ гаванскій сахаръ. Бразилія доставляетъ небольшую пропорцію сахара этого сорта, который, впрочемъ, добротою ниже гаванскаго. Такимъ-образомъ, наши рафинадные заводы, ограничиваясь исключительнымъ употребленіемъ бѣлаго сахара сырца, подвергнувшись, въ отношеніи къ его привозу, зависимости отъ острова Кубы, тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, снабжаемыхъ колониальнымъ сахаромъ, рафинадные заводы употребляютъ преимущественно желтые и красные сахарные пески, которые привозятся изъ разныхъ антильскихъ острововъ, Бразиліи, Явы, Остъ-Индіи и другихъ мѣстъ. Выгодный и вѣрный сбытъ бѣлаго сахара въ Россію поощрилъ кубскихъ плантаторовъ къ умноженію выдѣлки пробѣленныхъ песковъ, и доставилъ возможность поддерживать высокія цѣны на этотъ сортъ, тѣмъ болѣе, что островъ Куба постоянно былъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго Россія могла получать потребную ей пропорцію сахара этого сорта.

Изъ Россіи вывозится небольшое количество рафинированнаго сахара почти исключительно въ Среднюю Азію. Приращенію сбыта этого товара въ нашей азіатской торговлѣ препятствуетъ его дороговизна, происходящая частію отъ провозныхъ расходовъ.

Количество сахара, удѣляемаго Россіею въ заграничный отпускъ, составляя ничтожную часть ея сахарнаго производства, не имѣетъ вліянія на успѣхи этой фабрикаціи: она

поддерживается внутреннимъ сбытомъ продукта, расходу котораго, несмотря на дорогоризну его, возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ народнаго богатства и благосостоянія. Удешевленіе сахара, конечно, могло бы значительно расширить кругъ его потребленія. Развитіе свекло-сахарнаго производства, въ новѣйшее время, умѣрило цѣну на сахаръ во внутреннихъ губерніяхъ противъ стоимости его съ доставкою туда изъ Санктпетербурга; но этимъ и ограничивается для потребителей польза отъ соперничества между свекловичнымъ и колоніальнымъ сахаромъ.

Мѣншой торгъ между русскими купцами и Китайцами составляетъ нынѣ одну изъ важнѣйшихъ отраслей внѣшней торговли Россіи. Развитіе этого торга началось съ семнадцатаго столѣтія и значительно усилилось съ приращеніемъ вымѣна чаевъ. Изъ русскихъ произведеній мягкая рухлядь была, первоначально, главною статьею отпуски въ Китай, а изъ мануфактурныхъ товаровъ промѣнивались преимущественно иностранныя сукна. По прекращеніи транзита прусскихъ суконъ въ 1822 году, ихъ мѣсто заступили польскія, и до тридцатыхъ годовъ, промѣнъ этихъ суконъ быстро возрасталъ. Устраненіе соимѣстничества ихъ съ русскими сукнами въ кяхтинской торговлѣ поощряло сбытъ послѣднихъ до такой степени, что нынѣ онѣ занимаютъ первое мѣсто между товарами, промѣниваемыми Китайцамъ. Кромѣ суконъ отпускаются въ Китай и другія издѣлія русскихъ фабрикъ, какъ-то: изъ шерстяныхъ, преимущественно драдедамъ, меринось; изъ бумажныхъ, вельвереты или плисы, нанка; льняныя: чешуйца, тикъ, холстъ; кожаныя: юфть, козлы и сафьянъ и частію металлическія издѣлія. Всѣ эти товары промѣниваются почти исключительно на чай. Возрастающій привозъ его въ Россію изъ Китая доставляетъ значительный сбытъ произведеніямъ нашей фабричной и заводской промышленности и поддерживаетъ отпущку сибирской мягкой рухляди, которая все еще требуется туда въ большомъ количествѣ и принадлежитъ къ главнѣйшимъ статьямъ нашей торговли съ Китаемъ. Сверхъ-того отправляются туда черезъ Кяхту нѣкоторые транзитные

товары: мягкая рухлядь, камлоты, кораллы (называемые моржанъ) и другіе. Изъ китайскихъ произведеній, кромѣ чая, сбываются въ Россіи весьма немногіе предметы: значительный вымѣнъ китайки, которая нѣкогда была у насъ въ большомъ употребленіи, давно уже прекратился, а поддерживается только привозъ нѣкоторыхъ шелковыхъ и бумажныхъ издѣлій, сахара-леденца, шелка и другихъ предметовъ въ маловажныхъ количествахъ.

По объявленнымъ цѣнамъ, привезено чаевъ и другихъ товаровъ изъ Китая съ 1841 по 1846 годъ, въ сложности, круглымъ числомъ, на 40,000,000 руб. сер., въ томъ числѣ одного чая слишкомъ на 38,000,000, а прочихъ товаровъ только на 2,000,000. И такъ, цѣнность чаевъ составляла 95 процентовъ всего привоза.

Чайная торговля на нижегородской ярмаркѣ имѣетъ важное значеніе для ярмарочной торговли вообще. Не смотря на поднятіе ярмарочныхъ флаговъ, по привозѣ всѣхъ товаровъ, не смотря на съѣздъ всего купечества, ярмарочная торговля не считается начавшеюся въ коммерческомъ смыслѣ, до тѣхъ-поръ, пока не состоится продажа чаевъ изъ первыхъ рукъ. До того времени, не устанавливаются цѣны на всѣ вообще предметы ярмарочной торговли и не опредѣляютъ условій о срокахъ денежныхъ расчетовъ за товары. Въ первыхъ числахъ августа, все вниманіе купечества бываетъ устремлено на китайскіе ряды, гдѣ главные оптовые торговцы рѣшаютъ вопросъ о чаѣ: отъ ихъ рѣшенія на счетъ цѣнъ и условій о платежѣ денегъ нерѣдко зависитъ участь ярмарки. Купцы, торгующіе въ Кяхтѣ, получивъ деньги за чай, тотчасъ покупаютъ сукна, вельвереты, мѣха и другіе товары, отпускаемые въ Китай; также запасаются разными мануфактурными издѣліями, винами, сахаромъ и прочимъ для Сибири. Отъ того, на ярмаркѣ вдругъ разливаются деньги, цѣны устанавливаются на всѣ товары и торговля принимаетъ правильный, постоянный ходъ. Если по какому-нибудь несчастливому обстоятельству, чай не успѣли бы въ Нижній-Новгородъ къ сроку, или по какой-нибудь причинѣ чай не были бы проданы на ярмаркѣ, то вся торговля въ

ней могла бы очень потерпѣть. Привозъ чая на Нижегородскую ярмарку, съ умноженіемъ вышша нтъ съ Кяхты, значительно увеличился въ послѣдніе годы. Изъ чая, купленныхъ оптовыми торговцами на Нижегородской ярмаркѣ, часть продается здѣсь, городовымъ покупателямъ и все нераспроданное количество отправляется въ Москву, куда также доставляютъ чай прямо изъ Кяхты. Москва есть средоточіе внутренней чайной торговли: отсюда рассылаютъ чай на ростовскую коренную и другія главнѣйшія ярмарки, и въ разные внутренніе города, равно какъ въ Санктпетербургъ, гдѣ находятся кладовыя московскихъ главныхъ торговцевъ, для продажи чая въ магазины.

Изъ товаровъ, поступающихъ въ промѣтъ на чай, мануфактурныя издѣлія русскихъ фабрикъ, преимущественно сукна и вельвереты, пользуются значительнѣйшимъ сбытомъ. Чѣмъ дешевле будутъ обходиться кяхтинскому торговцу промѣниваемые товары, тѣмъ сходнѣе придется ему вымѣненные на нихъ чай. Слѣдовательно, пониженіе цѣнъ чая, на этомъ основаніи, можетъ произойти преимущественно отъ удешевленія нашихъ издѣлій, сбываемыхъ въ Китай, — удешевленія возможнаго, съ выгодой для фабрикантовъ, только при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашей мануфактурной промышленности, и зависящаго наиболѣе отъ уменьшенія издержекъ въ фабричномъ производствѣ.

Потребленіе чая на европейскомъ материкѣ вообще весьма маловажно: въ Германіи употребляется преимущественно кофе, а не чай; во Франціи, Испаніи, Португаліи, Италіи и южной Германіи, расходъ чая очень незначителенъ; въ сѣверной и средней полосахъ западной Европы, употребленіе его распространилось болѣе, нежели въ южной. Значительнѣйшее количество чая расходуется до-сихъ-поръ только въ трехъ государствахъ: Великобританіи, Соединенныхъ Штатахъ и Россіи. Въ 1845 году вывезено изъ Кантона и другихъ китайскихъ портовъ 2,450,000 пудовъ черныхъ и зеленыхъ чая, въ томъ числѣ на корабляхъ: англійскихъ 1,833,000 пудовъ, американскихъ — 500,000 и разныхъ европейскихъ

вацій — 112,000 пудовъ. Если къ этимъ 112,000 пудамъ присоединить вывозъ чая изъ Англіи до 110,000 пудовъ, и Соединенныхъ Штатовъ около 100,000 пудовъ въ годъ, то все количество каптонскихъ чаевъ, сбываемыхъ внѣ этихъ двухъ государствъ составитъ круглымъ числомъ только 320,000 пудовъ, что почти равняется годовому привозу байховыхъ и кирпичныхъ чаевъ въ Россію.

Употребленіе табаку въ Россіи стало распространяться съ семнадцатаго столѣтія, и съ-тѣхъ-поръ значительно размножились табачныя плантаціи въ Малороссіи, гдѣ разведеніе табаку водворилось еще въ то время, когда эта страна завѣсла отъ Польши; съ учрежденіемъ нѣмецкихъ колоній въ саратовской губерніи табаководство распространилось и въ этомъ краѣ, а въ новѣйшее время оно водворилось и въ другихъ мѣстахъ средней и южной Россіи, преимущественно въ губерніяхъ: харьковской, орловской, рязанской, воронежской и въ новороссійскомъ краѣ; табакъ воздѣлываютъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири: въ закавказскихъ провинціяхъ, климатъ весьма благопріятствуетъ разведенію этого продукта; но до-сихъ-поръ табачныя плантаціи тамъ маловажны и не удовлетворяютъ даже мѣстной потребности.

Количество табаку, производимаго нынѣ въ Малороссіи, составляетъ ежегодно около 2,000,000 пудовъ, въ томъ числѣ въ одной черниговской губерніи вывозится отъ 800,000 до 1,000,000 пудовъ. Тамъ воздѣлываютъ преимущественно табакъ низкаго сорту, извѣстный въ торговлѣ подъ названіемъ рубанки или махорки (амерсфортскаго), бакуна или тютюна, шнураваго, бунтиковаго (похожаго на турецкій), папушнаго, каммергерскаго и другихъ. Низкіе сорты малороссійскаго табаку произошли большею частью изъ смѣси разныхъ табаковъ и отъ неправильной ихъ обработки. Они идутъ на приготовленіе нюхальнаго и курительнаго табаку низшихъ разборовъ. Рубанка или махорка отправляется въ Санктпетербургъ, Москву, Одессу, Херсонъ, Николаевъ, Крымъ, на Донъ, въ Царство Польское и въ западныя гу-

бернн, а изъ Москвы развозится по великороссійскимъ губерніямъ и черезъ ирбитскую ярмарку — по Сибири. Бакунъ лучшій идетъ въ Ригу, для отпуска за границу, а худшій сбывается по остзейскимъ и западнымъ губерніямъ, въ Царствѣ Польскомъ и Новороссійскомъ краѣ. Американскіе сорты малороссійскаго табаку доставляются только въ Санкт-петербургъ и Москву, на приготовленіе хорошихъ курительныхъ табаковъ.

За Малороссією, по количеству табачнаго производства, слѣдуетъ саратовская губернія, гдѣ табакъ разводится исключительно около Волги, въ нѣмецкихъ колоніяхъ и въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ селеніяхъ. Тамъ собирается ежегодно до 500,000 пудовъ такъ называемаго нѣмецкаго, русскаго и калмыцкаго табаку. Нѣмецкій, сверхъ мѣстнаго потребленія, покупается большею частью въ Сибирь; калмыцкій сбывается Калмыкамъ и Киргизамъ и отправляется для мѣноваго торга, на оренбургскую линію; американскій же и отчасти лучшій нѣмецкій обрабатываются на мѣстныхъ фабрикахъ, но главнѣйшій сбытъ саратовскаго-американскаго табаку производится въ Москву и Санктпетербургъ.

Въ настоящее время Россія производитъ слишкомъ три милліона пудовъ табаку*, изъ которыхъ главная масса принадлежитъ къ самымъ низкимъ сортамъ, удовлетворяющимъ вкусу простаго класса потребителей, а также инородцевъ, обитающихъ въ астраханской губерніи, въ Сибири, на Курильскихъ и Алеутскихъ островахъ. Эти низкіе сорта табаку продаются на мѣстѣ ихъ производства, отъ 40 до 80 к., а иногда до 1—1½ р. сер. за пудъ. Разведеніе высокихъ сортовъ ограничивалось, до новѣйшаго времени, немногими опытами, которые, по своей незначительности, не могли возбудить постояннаго требованія. Высшіе сорта табаку, получаемые отъ выписныхъ сѣмянъ, продаются, смотря по добротѣ, отъ 2 до 5 р. и отъ 10 до 15 рублей за пудъ. Съ распространеніемъ производства этихъ сортовъ, поощряемаго

* См. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1849 года № 6.

дѣятельными мѣрами правительства и обществъ сельскаго хозяйства, можетъ, со временемъ, уменьшиться потребность въ привозѣ иностраннаго табаку, но нельзя ожидать, чтобы онъ могъ быть когда-либо совершенно замѣненъ русскимъ: различіе въ климатическихъ условіяхъ и въ способахъ обработки табаку имѣетъ большое вліяніе на его качества, и отъ того сорты табаковъ, производимыхъ въ Россіи, никакъ не могутъ сравниться въ достоинствѣ съ американскими. Это обстоятельство не препятствуетъ, впрочемъ, успѣхамъ потребления русскаго табаку: по своей дешевизнѣ, онъ пользуется, несмотря на низкое его качество, обширѣйшимъ сбытомъ внутри государства, въ сравненіи съ иностраннымъ табакомъ, и, по временамъ, вывозится за границу въ немаловажномъ количествѣ.

Отпускъ табаку въ иностранныя земли, въ первыя времена, былъ почти одинаковъ; въ 1832—1836 г. и въ 1837—1841 г. среднее количество его было на 25 процентовъ болѣе, чѣмъ въ 1827—1831 г., а въ послѣдній періодъ уменьшилось на 34 процента; за то, въ теченіе этого же пятилѣтія значительно увеличился вывозъ въ Царство Польское. Сбытъ табаку въ Финляндію представляетъ постоянное приращеніе: въ 1842—1846 г. отпушено туда на 85 процентовъ болѣе, чѣмъ въ 1827—1831 годахъ.

Средній отпускъ въ иностранныя земли, въ Царство Польское и Финляндію, составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1832—1836 г.	88,858 пуд.
— 1837—1841	91,490 —
— 1842—1846	116,322 —

Отпускъ табаку по европейской торговлѣ, въ оба первые періода, по количеству и цѣнности, былъ почти одинаковъ, а въ послѣдній періодъ уменьшился на 42 процента. Средняя цѣнность его въ 1842—1846 г. доходила до 2 р. сер. за пудъ, а 1837—1841 г. была не свыше 1 р. 60 к.

Русскій табакъ требуется въ сѣверную Европу, по деше-

визнѣ его, и вывозится въ наибольшемъ количествѣ, при недостаткѣ запасовъ американскаго табаку низкихъ сортовъ. Съ давняго времени Рига производитъ торгъ украинскимъ табакомъ, доставляемымъ къ этому порту для заграничнаго отпуска. Въ 1837—1841 г. изъ 42,690 пудовъ, составлявшихъ средній отпускъ табаку по нашей европейской торговлѣ, 40,929 пудовъ вывезено за границу черезъ рижскій портъ. Въ 1842—1846 г. отпущено изъ Риги 21,220 пудовъ, а изъ прочихъ мѣстъ только 3,396 пудовъ.

Вывозъ табаку по азіатской торговлѣ (преимущественно въ Среднюю Азію) весьма незначителенъ и въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1832—1846 г.) нисколько не увеличился.

По низкому качеству русскаго табаку, отпускаемаго въ Европу, употребленіе тамъ этого продукта весьма ограничено и нельзя ожидать, чтобы оно могло распространиться при возрастающемъ расходѣ американскихъ табаковъ.

Россія получаетъ иностраннаго табаку, ежегодно, на $1\frac{1}{2}$ до 2 милліоновъ рублей серебромъ.

Иностранннй табакъ доставляется преимущественно къ Санктпетербургскому порту, для обработки на мѣстныхъ фабрикахъ и для отправленія въ Москву, гдѣ табачныя фабрики весьма размножились въ новѣйшее время. Привозъ табаку къ Санктпетербургскому порту, постоянно возрастающій, увеличился въ послѣднее пятилѣтіе, противъ перваго періода, на 126 процентовъ и составлялъ до 70 процентовъ всего привоза въ Россію по европейской ея торговлѣ.

Въ Одессу привозится болѣею частью турецкій табакъ на потребленіе въ ближайшихъ мѣстахъ и для отправки въ обѣ столицы. Сбытъ этого табаку остается почти въ одинаковомъ положеніи.

Американскій табакъ доставляется въ Россію прямо изъ Америки въ ничтожномъ количествѣ, и болѣею частью доставляется черезъ Бременъ, Гамбургъ и Любекъ: привозъ изъ этихъ мѣстъ увеличился на 122 процента, и въ послѣд-

ній періодъ составлялъ три четверти всего количества табаку, привезеннаго въ Россію по европейской ея торговлѣ.

Возрастающее употребленіе американскаго табаку ограничиваетъ сбытъ турецкаго; оттого привозъ табаку изъ Европейской Турціи незначителенъ и не представлялъ приращенія въ новѣйшее время.

Табакъ, доставленный по азіатской границѣ, получается изъ Персіи и Азіатской Турціи и расходится преимущественно въ Закавказскомъ краѣ; привозъ его туда значительно увеличился въ 1842—1846 годахъ въ сравненіи съ предъидущими періодами.

Въ общей сложности, средній привозъ табаку въ Россію, по европейской ея торговлѣ, представлялъ постоянное приращеніе: во второй періодъ привезено на 39, въ третій—на 46, а въ послѣдній—на 85 процентовъ болѣе, чѣмъ въ первый.—Въ то же время значительно увеличился ввозъ табаку по азіатской торговлѣ: въ первый періодъ онъ составлялъ только $2\frac{1}{2}$ процента, а въ послѣдній уже доходилъ до 11 процентовъ всего привоза.

Несмотря на чрезвычайное умноженіе расхода иностраннаго табаку въ Россіи, онъ составляетъ еще весьма мало-важную часть во внутреннемъ потребленіи этого продукта. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ Россія производитъ не менѣе трехъ милліоновъ пудовъ табаку, которые, за исключеніемъ 100,000 пудовъ, отпускаемыхъ въ Царство Польское, Финляндію и за границу, расходятся внутри государства, а изъ иностранныхъ земель привозится табаку среднимъ числомъ (1842—1846 годовъ) около 130,000 пудовъ въ годъ. Фабрики, снабжающія приготовленнымъ табакомъ, находятся въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Ригѣ и въ немногихъ другихъ мѣстахъ; на этихъ фабрикахъ обрабатывается болѣею частью привозный табакъ, для потребителей средняго и высшаго класса, а изъ русскаго табаку употребляются на фабричную обработку только лучшіе, дорогіе сорта.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ здѣсь статистическихъ выво-

довъ, добытыхъ господиномъ Небольшинымъ, нельзя усомниться въ важности его труда и не сознаться, что авторъ оказалъ необыкновенную услугу отечественной статистикѣ, и что труды его должны занять первое мѣсто въ числѣ всѣхъ новѣйшихъ изысканій въ области этой науки, произведенныхъ въ нашемъ отечествѣ.

=

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ,
Григорія Небольсина. *Санктпетербургъ, 1850. Двѣ части.*

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Намъ остается бросить бѣглый взглядъ на вторую часть прекраснаго труда господина Небольсина, посвященную авторомъ изслѣдованію фабричныхъ матеріаловъ. Можетъ-ли быть что нибудь безграничнѣ этой общей категоріи! Безъ сомнѣнія здѣсь необходимъ самый логическій, самый стройный распорядокъ матеріаловъ, иначе можно совершенно потеряться и не знать за что ухватиться; тѣмъ болѣе, что вы окружены самыми неизящными предметами, которые спорятъ между собою о мѣстничествѣ во внѣшнемъ отпуску вашей торговли. Какъ бы то ни было, но первенство осталось за пеньковою, львяною и шерстяною пряжею, какъ предметами самыми классическими, извѣстными уже отдаленной древности. Послѣ нихъ выходитъ на сцену самый гремячій изъ современныхъ предметовъ — это хлопчатая бумага, и только третье мѣсто предоставлено знаменитымъ лондонскимъ шелкамъ, которые казалось бы, судя съ обще-

ственной точки зрѣніи, едва ли не первый предметъ въ образованномъ свѣтѣ.

Потомъ корыстолюбивая промышленность послѣ этихъ трехъ знаменитостей виѣшной торговли является съ своимъ доходнымъ, хотя самымъ не эстетическимъ предметомъ, именно *саломъ*. Вамъ сейчасъ приходятъ на мысль отвратительныя текуція сальныя свѣчи, которыя по причинѣ большаго ходу стеариновыхъ свѣчей, теперь изъ рукъ вонъ. Затѣмъ вашей фантазіи представляется старое сало, употребляемое на смазку колесъ, машинъ, и такъ далѣе. Послѣ сала таже корыстолюбивая промышленность ставитъ передъ вами на второмъ планѣ постное масло — все такія пламенные вещества!

Послѣ этого ваше поэтическое воображеніе отдыхаетъ на цѣлыхъ билліонахъ саженой самыхъ лучшихъ березовыхъ дровъ. Что можетъ быть поэтичнѣе, видѣть передъ собою огромный, туго набитый дровяной дворъ! и въ особенности если этотъ дровяной дворъ въ Петербургѣ и принадлежитъ вамъ....

Но, чтобы возвысить ваше чувство и оторвать ваше воображеніе на нѣкоторое время отъ пеньки, пакли, сыра, сала, постнаго масла и дровъ, авторъ схватываетъ рога изобилія, и передъ вами являются цѣлыя кучи благороднѣйшихъ металловъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть благороднѣе металловъ или денегъ, и чѣмъ скорѣе обогороживаются люди, если не металлами, то-есть, деньгами. Не понятно только намъ, отчего металлы, такой благородный предметъ, не занялъ перваго мѣста въ началѣ второй книгѣ господина Небольсина, а слоняются себѣ между дровами и заячьими шкурками, въ большомъ количествѣ отпускаемыми на лейпцигскую ярмарку; но впрочемъ, дѣло объясняется весьма натурально. Никто теперь не кладетъ благородныхъ металловъ, то-есть, денегъ, на видномъ мѣстѣ, а прячетъ ихъ, другой разъ, куда нибудь для того только, чтобы тотъ, кому представится надобность искать ихъ, никакъ не могъ подозрѣвать, чтобы они были именно въ такомъ-то неожиданномъ мѣстѣ. Однажды намъ раз-

сказывали, что одинъ богатый человѣкъ, всегда имѣвшій у себя на дому до 30,000 рублей серебромъ, разумѣется билетами, уходя изъ дому клалъ ихъ въ старыи шкафъ, заваленный ненужною оберточною бумагою; но случилось на грѣхъ, что искатель забавныхъ приключеній попалъ именно на билеты, представители благородныхъ металловъ, и далъ имъ у себя мѣсто гораздо прличнѣе. Онъ постоянно носилъ ихъ возлѣ своего сердца, въ прекрасно-изящномъ бумажникѣ, сѣмой послѣдней моды.

Но увы! вкусъ нашъ опять оскорбленъ самымъ не разборчивымъ распорядкомъ фабричныхъ предметовъ. Вы видите передъ собою на одной полкѣ: собольи мѣха, сырые воловые шкуры съ душкомъ, свиную щетину — самое непристойное общество для знатныхъ сибирскихъ соболей; да и какъ это должно быть оскорбительно для честолюбія послѣднихъ... Конечно, сортировщикъ на все это имѣетъ свои резоны; но во всякомъ случаѣ такое самоуправство его непростительно.

Вы обращаете свои взоры въ другую сторону и глаза ваши пресыщаются цѣлыми кучами поташу, рыбьяго клею, воску.... Вы намъ скажете, зачѣмъ же все это такъ близко поставлено къ металламъ? Отвѣчаемъ на это: вѣроятно потому, что, по малѣйшему мановенію жезла нашихъ первой гильдіи купцовъ, все это въ минуту превращается тоже въ металлы, то-есть, деньги.

Однакожъ не одинъ рыбій клей и воскъ можно обратить въ самыя блестящія гивеи. Смола и ворванское масло тоже съ большимъ успѣхомъ превращаются въ наполеондоры, гивеи, Фридрихслоры, и въ разныя возможные олицетворенія монетъ.

Теперь намъ предстоитъ только отвѣдать самое свѣжее прованское масло, самые отборные оливки; и то в другое безподобны!

По какому случаю вмѣстѣ съ прованскимъ масломъ и оливками предлагаютъ вамъ гумми-гуту, сандалъ, крапъ, кошениль — не понимаемъ, и придумать не можемъ повода къ

сближенію этихъ предметовъ. Впрочемъ, это дѣло купеческое; а у купцовъ свои *gas* и *pefas*.

Затѣмъ просимъ у читателей терпѣнія не болѣе какъ на одинъ отдѣлъ, то-есть, на какихъ нибудь сто страницъ. Мы займемъ васъ не грубыми матеріалами фабричными и заводскими, нѣтъ; въ воздаяніе за наше долгое терпѣніе, авторъ открываетъ намъ самыя прелестныя европейскія магазины бумажныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ, пеньковыхъ и металлическихъ издѣлій. Вамъ предстоитъ только выбирать любое — все это ваше неотъемлемое, за все это платите вы ежегодно несмѣтныя суммы, и потому, разумѣется, имѣете полное право знать сколько же наконецъ обходятся вамъ всѣ газы, бархаты, грогранны, атласы и тому подобное, всѣ дорогія шелковыя и бархатныя дамскія платья, пеньковыя брюки, браслеты и канделабры! Вамъ, кажется, дѣлается дурно, при взглядѣ на итоги. Вы такъ много заплатили монетъ, Французамъ, Англичѣнамъ, и аккуратнымъ Нѣмцамъ.... но увь, къ несчастію, я вамъ не могу помочь ничѣмъ, не могу подать нюхательнаго спирту. У господина Небольсина есть всѣ возможныя издѣлія, но вовсе нѣтъ аптекарскихъ издѣлій. Впрочемъ не мѣшало бы намъ знать, сколько Россія получила заграничныхъ аптекарскихъ издѣлій съ 1822 по 1850 годъ. Мы не находимъ также въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, сколько обходятся Россіи ежегодно книжныя заграничныя издѣлія.

Въ заключеніе авторъ представляетъ общую статистику кармановъ, главнѣйшихъ нашихъ и европейскихъ купцовъ, жалующихъ къ намъ съ первой навигаціей до самой глубокой осени, показываетъ по какимъ законамъ монеты переходятъ изъ кармановъ англійскихъ въ карманы русскихъ купцовъ и обратно. Словомъ, у него міровая мѣняльня, въ которой происходятъ самыя любопытныя сцены!

И такъ, вторая часть труда господина Небольсина откомендовалась вамъ, благосклонные читатели, какъ знала лучше; теперь приступимъ къ коммерческому разглагольствію и купеческимъ сдѣлкамъ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ западная Европа вступила въ дѣятельныя торговыя сношенія съ Россією, пенька и ленъ сдѣлались главными статьями нашей внѣшней торговли. Эти продукты нигдѣ не воздѣлываются въ такомъ обширномъ видѣ и не обходятся такъ дешево, какъ въ Россіи.

Вывозъ шерсти, этого важнаго продукта сельскаго хозяйства, получилъ настоящее развитіе въ Россіи отъ распространенія улучшеннаго овцеводства въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ упадокъ цѣнъ на хлѣбъ заставилъ помышлять о способахъ къ поддержанію сельскихъ доходовъ не однимъ хлѣбопашествомъ. Мериновыя овцы появились у насъ на югѣ не прежде, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и размножились въ послѣднія двадцать пять лѣтъ до такой степени, что нынѣ, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, уже насчитываютъ отъ 8 до 10 милліоновъ овецъ улучшенной породы, съ которыхъ собирается не менѣе 800,000 пудовъ шерсти.

Съ чрезвычайнымъ и быстрымъ умноженіемъ этого матеріала, обнаружилась потребность открыть ему сбытъ за границею, тѣмъ болѣе, что внутреннія фабрики, не смотря на значительное приращеніе ихъ производства, не въ состояніи переработывать все количество шерсти, собираемой въ Россіи. Выгодныя цѣны русской шерсти вскорѣ обратили на нее вниманіе иностранцевъ, и въ короткое время ея вывозъ значительно усилился.

Въ 1800 — 1814 году отпускалось шерсти среднимъ числомъ около 20,000 пуд., въ 1814 — 1824 году еще только до 36,000 пуд., а съ-тѣхъ-поръ отпускъ ея, постоянно возрастая, увеличился наконецъ свыше 500,000 пуд. Такимъ-образомъ, не болѣе, какъ въ теченіе двадцати лѣтъ, Россія приобрѣла по количеству отпуска этого матеріала, важное значеніе въ европейской торговлѣ.

Въ иностранныя земли вывозится шерсть наиболѣе изъ Одессы и другихъ южныхъ портовъ, также изъ Санктпетербурга и черезъ сухопутную границу. — Отпущено: Digitized by Google

	Въ 1884—88	1889—93	1914—16	т.
Черезъ Санктпетербургъ . . .	55,127	67,015	114,973	пуд.
» друг. балтійск. порты . .	1,840	2,486	1,161	»
» Одессу	99,154	122,223	213,245	»
» друг. черноморскіе и азов- скіе порты	103,570	123,218	147,940	»
» сухопутную границу . .	55,559	123,596	147,606	»
» прочія мѣста	1,474	3,055	3,810	»
Итого . . .	312,724	447,653	708,855	пуд.

По приблизительному исчисленію, въ Россіи, — за исключе-
ніемъ выдѣлки крестьянскихъ суконъ, — расходится простой
шерсти до 300,000 пуд., цѣною на 1,300,000 руб., на сол-
датскія сукна, и такое же количество улучшенной шерсти,
стоющей до 4,000,000 руб., на прочія ткани; слѣдова-
тельно, суконная фабрикація употребляетъ всего вообще до
600,000 пуд. шерсти, на сумму до 5,300,000 руб. сер. Та-
кимъ образомъ, внутренній расходъ шерсти оказывается
весьма ограниченнымъ, въ сравненіи съ ея отпускомъ, ко-
торый въ 1844 году уже доходилъ до 840,000 пуд., на 9
млн. руб. сер.

Изъ всѣхъ отраслей мануфактурной промышленности,
распространившихся въ Россіи въ послѣднее двадцатилѣ-
тіе подъ вліяніемъ охранительнаго тарифа, самые разитель-
ные успѣхи представляетъ фабрикація бумажныхъ издѣлій:
она обращаетъ нынѣ до 700,000 пуд. хлопки въ пряжу, де-
реработываетъ въ ткани до 900,000 пуд. бумажной пряжи
и отпускаетъ за границу бумажныхъ тканей на два милліона
руб. сер., тогда какъ около двадцати лѣтъ тому, расходъ
бумажной пряжи на ткани былъ вчетверо менѣе. Несмотря
на такое быстрое и значительное приращеніе русской бу-
мажной фабрикаціи, она еще далеко отстоитъ отъ той сте-
пени обширности и совершенства, которой достигла эта про-
мышленность въ главныхъ мануфактурныхъ государствахъ.
Нельзя, однако, не принять въ соображеніе, что въ то время,
когда она только начала усиливаться въ Россіи, другія госу-

дательства уже давно опередила ее въ производствѣ бумажныхъ издѣлій. Развѣтїе этой фабрикаціи сдѣлалось возможнымъ только при покровительствѣ тарифа, оградившаго ее отъ иностраннаго совѣстничества. Тарифъ 1822 года положилъ прочное основаніе ея успѣхамъ; съ тѣхъ-поръ выработка бумажныхъ товаровъ въ полномъ ея объемѣ (то-есть, пряденіе, ткачество и набивка) стала постепенно возрастать и нынѣ уже доставляетъ бумажныхъ издѣлій на 40 милліоновъ руб. сер.

Наши бумагопрядильныя мануфактуры вырабатываютъ наиболѣе средніе номера пряжи, отъ 20-го до 40-го, которые употребляются на нитки и на обыкновенные ниткали; высшіе номера производятся на мелкихъ заведеніяхъ и частью изъ азіатской хлопкн. Русскіе фабриканты занимаютъся выдѣлкою преимущественно утковой пряжи, находя въ томъ особенную выгоду, потому что эта пряжа прядется скорѣе и легче, нежели основная (ватеръ), приготовленіе которой производится успѣшно только на лучшихъ английскихъ машинахъ: притомъ утокъ даже низкаго достоинства можетъ найти употребленіе и покупателей, тогда какъ основная пряжа, если она не хороша, вовсе не годится на тканье. Съ нѣкотораго времени принялся за выдѣлку пряжи межеумка (medio) на английскій манеръ, то-есть, основы, выпряденной не на ватерныхъ станкахъ, а на мюляхъ, съ помощію которыхъ, измѣняя нѣсколько обыкновенный ходъ пряденія, сообщаютъ пряжѣ крученіе, достаточное до того, что она во многихъ тканяхъ можетъ быть употреблена на основу, въ замѣнъ настоящей ватерной (основной).

Шелковая фабрикація, подъ покровительствомъ тарифа, водворилась въ Россіи уже въ прошломъ столѣтїи, и съ тѣхъ-поръ сдѣлала значительные успѣхи. О степени ея развѣтїя, въ новѣйшее время, нельзя судить по одному только привозу иностранныхъ шелковъ: потребность въ этомъ матеріалѣ удовлетворяется нынѣ кавказскимъ шелкомъ, употребляемымъ на выдѣлку простыхъ шелковыхъ и полушелковыхъ издѣлій, которая, въ прежніе годы, вырабатыва-

лись изъ привознаго шелку. Расходъ кавказскихъ шелковъ на московскихъ фабрикахъ простирался въ 1832 году до 14,000 пуд., около 1840 года до 17,000 пуд., а въ 1845 году вывозилось ихъ въ Россію уже слѣшкомъ 20,000 пудовъ.

Изъ Россіи вывозятся за границу по европейской торговлѣ шелковыя охлопья, употребляемыя на выдѣлку платковъ и другихъ надѣлій, смѣшанныхъ съ шерстью, а по азиатской торговлѣ — кавказскій шелкъ сырецъ сбывается въ пограничныя турецкія и персидскія владѣнія.

Съ начала нынѣшняго столѣтія сало присоединилось къ главнымъ статьямъ нашего отпуска и въ новѣйшее время заняло между ними первое мѣсто. Въ этой отрасли отпускной торговли, Россія имѣетъ перевѣсъ надъ всѣми другими странами, по своимъ хозяйственнымъ способамъ къ производству огромнаго количества сала. Извѣстно, что по мѣрѣ того, какъ народонаселеніе увеличивается, скотъ становится дороже и слѣдовательно цѣна сала возвышается; это испытываютъ многолюдныя страны западной Европы, гдѣ мясо стало дороже хлѣба и гдѣ пастбищныя земли цѣнятся выше пахатныхъ. Притомъ во многихъ государствахъ тарифныя постановленія, ограничивающія привозъ иностраннаго хлѣба, поощряютъ къ хлѣбопашеству для обезпеченія внутренняго продовольствія. По этой причинѣ тамъ находятъ выгоднѣе производить хлѣбъ, и только съ помощью плодотворной системы земледѣлія имѣютъ возможность содержать много скота, для добыванія отъ него мяса и другихъ продуктовъ на собственныя потребности. Въ Россіи, особенно на югѣ, видимъ противоположное явленіе; хлѣбъ тамъ дешевъ и скотъ цѣнится очень низко; земли въ пропорціи къ народонаселенію весьма достаточно; употребленіе мяса умеренно, и выгоднѣе производить сало, какъ продуктъ, который по вѣсу вдвасятеро дороже хлѣба; отъ того даже цѣлыя скотинны вывариваются на салотопенныхъ заводахъ. Въ южной Россіи, по недостатку рукъ, обширныя пространства остаются невоздѣланными и многія земли не

принесли бы дохода, если бы не служили пастбищами для скота. Большое количество его убивается тамъ ежегодно для добыванія сала; но это не причиняетъ никакого ущерба земледѣлю: на убой идетъ большею частью скотъ старый, неспособный для плуга; на салотопни поступаетъ также множество скота, употребляемаго для перевозки тяжестей, который дѣлается отъ того негоднымъ. Такимъ-образомъ, торговля саломъ приноситъ тамошней промышленности существенную пользу и скотоводство еще долго будетъ однимъ изъ главныхъ источниковъ богатства этого края.

Изъ всѣхъ нашихъ отпускныхъ товаровъ, сало представляетъ значительнѣйшее приращеніе по заграничному сбыту, если сравнить вынѣшній вывозъ съ количествомъ, какое отпускалось въ прошломъ столѣтіи.

Отпускъ льнянаго и коноплянаго сѣмени сталъ возрастать съ половины прошлаго столѣтія и значительно увеличился въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ.

Льняное сѣмя для заграничнаго отпуска покупается во многихъ губерніяхъ: оно идетъ къ Санктпетербургу съ низовыхъ пристаней: моршанской, промзинской, лысковской, саратовской, тамбовской, симбирской, нижегородской, казанской, вятской и костромской, частью съ верхневолжскихъ пристаней; изъ губерній: смоленской и тверской, равно какъ съ холмской пристани, изъ псковской губерніи. Часть льнянаго сѣмени изъ костромской, а болѣе изъ вятской губерніи доставляется къ Архангельску, куда также сплавляютъ его изъ вологодской. Псковское и лифляндское льняное сѣмя отправляется за море также черезъ Ригу и частью черезъ Перновъ. Сверхъ того, оно привозится къ рижскому порту изъ губерній: смоленской, витебской и виленской. Курляндская и отчасти виленская губерніи доставляютъ льняное сѣмя къ Либавѣ и Виндавѣ. По рѣкамъ, впадающимъ въ Нѣманъ, сплавляютъ его къ прусскимъ портамъ и отправляютъ также черезъ сухопутную границу, изъ губерній: виленской, гродненской, минской и другихъ. Къ Одессѣ оно доставляется изъ подольской, волынской, кiev-

ской, персояской, а частью изъ сибирянославской губерній. Впрочемъ, изъ послѣдней отправляютъ его на море шиболѣ черезъ Таганрогъ и Мариуполь, отчасти и черезъ Бердянскъ, куда оно привозится также изъ ближайшихъ мѣстъ таурической губерніи. Въ Ростовѣ на Дону доставляется льняное сѣмя изъ кавказской области, а съ этой пристани оно идетъ ббольшею частью въ Таганрогъ и Керчь для погрузки въ корабли, отходящіе за границу.

Конопляное сѣмя вывозится въ иностранныя земли почти исключительно чрезъ рижскій портъ. Оно доставляется изъ губерній: витебской, смоленской, орловской и тульской, съ пристаней : ббльской, поръчской и другихъ, куда подвозятъ его сухимъ путемъ для сплава по Двинѣ въ Ригу.

Льняное сѣмя принадлежитъ въ Россіи къ числу отпускныхъ товаровъ, приносящихъ казнѣ немаловажный доходъ отъ таможенной пошлины, которая составляетъ 25 коп. сер. съ четверти въ портовыхъ таможенныхъ и 15 коп. сер. при отпускѣ сухимъ путемъ. Въ 1844 году, когда отпущено изъ портовъ 1,161,346 четв., а черезъ сухопутную границу 81,000 четв., пошлинный сборъ съ этой статьи простирался до 300,000 руб. сер. Съ коноплянаго сѣмени платится таможенной пошлины 15 коп. съ четверти при отпускѣ моремъ, и 12 коп. сер. при отпускѣ сухимъ путемъ. По малому вывозу этого сѣмени, пошлинный сборъ съ него составляетъ незначительную сумму. Суръпное сѣмя отпускается беспошлинно.

Вывозъ лѣснаго товара, усилившійся въ исходѣ прошлаго столѣтія до суммы въ полтора милліона руб., съ-тѣхъ-поръ, отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ, находился въ упадкѣ болѣе двадцати-пяти лѣтъ. Вскорѣ послѣ запрещенія въ 1798 году отпуска лѣса изъ казенныхъ дачъ для продажи за границу, пошлина съ вывозимыхъ лѣсныхъ товаровъ была возвышена вдвое, указомъ отъ 1 марта 1800 года. Эти мѣры нѣсколько ограничили отпускъ, такъ что средняя сумма его съ 1800 по 1805 годъ составляла не свыше 1,250,000 руб. сер.;

потомъ война съ Французами въ предѣлахъ Пруссіи, разрывъ съ Англіею въ 1802 году и, наконецъ, война 1812 года привели лѣсной торгъ въ совершенное разстройство. По восстановленіи общаго мира, отпускъ лѣсныхъ товаровъ за границу опять началъ увеличиваться: съ 1814 по 1819 годъ, средняя сумма его простиралась до 1,320,000 руб. сер. Въ 1818 году былъ установленъ въ пользу водяныхъ сообщений на десять лѣтъ особый сборъ съ лѣсовъ, сплавляемыхъ по рѣкамъ и каналамъ. Этотъ сборъ въ 1823 году отмѣненъ и въ тоже время издана роспись пошлинъ съ лѣснаго товара, которою во многихъ статьяхъ уменьшены пошлины, и опредѣлены, для взиманія ихъ, соотвѣтственные торговымъ обычаямъ, мѣры длины и толщины разныхъ лѣсныхъ товаровъ.

Металлическое производство въ Россіи, по добыванію обыкновенныхъ металловъ, не находится въ такомъ благопріятномъ положеніи, какъ въ Великобританіи. Желѣзныя руды разсѣяны болѣе или менѣе изобильно во многихъ краяхъ Имперіи; но значительная разработка этихъ рудъ производится только въ обильныхъ лѣсомъ мѣстахъ и можетъ поддерживаться единственно хозяйственнымъ употребленіемъ заводскихъ лѣсовъ, къ отвращенію дороговизны топлива. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ находятся рудники, недостатокъ лѣса, для разработки ихъ, нельзя замѣнить у насъ другимъ горючимъ матеріаломъ, какъ это сдѣлано въ Великобританіи, гдѣ съ истребленіемъ лѣсовъ дрова замѣнены каменнымъ углемъ, образующимъ неистощимые пласты, по близости рудныхъ мѣсторожденій. Напротивъ того, въ Россіи необходимость сбереженія лѣсовъ ограничиваетъ способы къ развитію металлическаго производства. Желѣзо и мѣдь добываются въ значительномъ количествѣ только на уральскихъ заводахъ; свинецъ, олово и ртуть получаютъ изъ-за границы, а цинкъ доставляется наиболѣе изъ Царства Польскаго. Провозъ разныхъ металловъ, не въ дѣлѣ, постепенно возрастаетъ въ Россіи вмѣстѣ съ успѣхами ея промышленности.

ности: въ 1824—1828 году, по пятилѣтней сложности, онъ простирался на 1,031,115 руб. въ годъ, а въ 1842—1846 году на 3,583,579 руб. сер.

Въ Россіи, значительнѣйшая разработка желѣзныхъ рудъ производится въ трехъ полосахъ: сѣверовосточной, сѣверной и центральной; въ первой находятся заводы уральскаго хребта, въ губерніяхъ: пермской, оренбургской и вятской, гдѣ добывается желѣзо въ наибольшемъ количествѣ для внутренняго сбыта и для заграничнаго отпуска; ко второй полосѣ принадлежатъ заводы, устроенные въ губерніяхъ: вологодской, новгородской, олонецкой и въ Финляндіи, а къ третьей—заводы подмосковныхъ губерній: владимірской, нижегородской, тамбовской, рязанской, калужской, тульской и орловской. При такомъ распредѣленіи желѣзнаго производства, многіе края Россіи, по отдаленности своей отъ главныхъ центровъ добыванія желѣза и по недостатку удобныхъ съ ними сообщеній, весьма нуждаются въ этомъ металлѣ. Въ Сибири и въ большей части европейской Россіи, отъ Перми до Санктпетербурга, Одессы и Астрахани, употребляется уральское желѣзо, которое, по своей отличной добротѣ, требуется и въ иностранныя земли; желѣзо и чугуны съ заводовъ, находящихся въ центральной Россіи, сбываются большою частью только въ сосѣдственныхъ губерніяхъ, на выдѣлку разныхъ издѣлій, которыя расходятся по всему государству. Въ остзейскія губерніи и въ Санктпетербургъ желѣзо и чугуны привозятся водою изъ Финляндіи. Пограничныя съ царствомъ польскимъ западныя губерніи получаютъ оттуда желѣзо сухимъ путемъ.

Вывозъ мѣди изъ Россіи сдѣлался значительнымъ только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, а до-тѣхъ-поръ былъ весьма маловаженъ и долгое время оставался запрещеннымъ, для удовлетворенія потребностей монетнаго двора, на выдѣлку мѣдной монеты. Средній отпускъ мѣди составлялъ въ 1767—1769 году 6,434 пуд., въ 1800—1806 году

2,268 пуд., а въ 1807—1818 году 43,500 пудовъ. Казна, находясь выгоднымъ, по существовавшимъ цѣнамъ на мѣдь, сплавить мѣдную монету стараго чекана въ штыки, для обращенія на продажу въ заграничный отпускъ, приступила къ сплавкѣ и продажѣ такой мѣди съ 1817 года; съ-тѣхъ-поръ, по 1821 годъ включительно, было продано отъ казны переплавленной мѣди вмѣстѣ съ заводскою 574,450 пудовъ. Эта мѣра способствовала чрезвычайному умноженію вывоза мѣди; въ 1819 году отпущено 117,596 пуд., въ 1820 году 320,200, въ 1821 году 335,089, въ 1823 году 379,630 пудовъ.

По европейской торговлѣ нашей самое большое количество мягкой рухляди и заячьихъ шкуръ отправляется къ лейпцигскимъ ярмаркамъ: цѣнность вывезенныхъ туда пушныхъ товаровъ составляла около 80 процентовъ изъ суммы всего отпуска ихъ въ Европу; остальная же доля отпущена мимо этихъ ярмарокъ въ разныя европейскія государства. Въ нашей азіатской торговлѣ сбытъ мягкой рухляди въ Китай составлялъ почти такую же пропорцію, до какой простирается отпускъ пушныхъ товаровъ изъ Россіи на лейпцигскія ярмарки по европейской ея торговлѣ. Цѣнность мягкой рухляди, промѣненной Китайцамъ въ Кяхтѣ, доходила до 87 процентовъ изъ суммы всего отпуска ихъ въ Азію, а въ общей цѣнности пушныхъ товаровъ всякаго рода, отпущенныхъ изъ Россіи въ 1841—1846 году, вывозъ ихъ въ Китай составлялъ слишкомъ 50 процентовъ или половину всей суммы отпуска.

Главный вывозъ невыдѣланныхъ кожъ бываетъ черезъ Санктпетербургъ, куда онѣ доставляются изъ губерній: московской, тульской, калужской, курской, воронежской и другихъ. Въ Ригу привозятся кожи изъ бѣлорусскихъ губерній, равно какъ изъ лифляндской, курляндской и виленской; изъ двухъ послѣднихъ этотъ товаръ идетъ также къ либавскому порту. Черезъ сухопутную границу отправляютъ кожи, скупаемыя въ сосѣдственномъ краѣ, въ губерніяхъ:

вѣленской, гродненской, вольнской, кievской, подольской и Бессарабiи. Къ одесскому порту онѣ свозятся изъ ближайшихъ мѣстъ вышеупомянутыхъ губерній, также изъ херсонской и частью изъ екатеринославской, гдѣ покунають ихъ и для отправки къ азовскимъ портамъ. Изъ Крыма отпускаются кожи черезъ Евпаторiю, Феодосiю, Керчь и Бердянскъ. Въ Ростовѣ-на Дону онѣ доставляются изъ Земли черноморскаго войска и кавказской области, для вывоза за границу.

Вывозъ русскаго поташа въ другiя европейскiя государства незначителенъ, по ограниченной потребности тамъ въ этомъ продуктѣ. Въ Швецию и Норвегию, онѣ почти вовсе не требуется, потому что въ этихъ странахъ употребляется собственный поташъ; таможенной пошлины съ иностраннаго поташа взимается въ Норвегiи 4 руб. 26 коп. сер., а въ Швеции 1 руб. 73 коп. сер. съ берковца. Поташъ вывозится изъ Россiи въ Данiю, гдѣ онѣ разрѣшенъ къ привозу безъ пошлины, отъ того, что въ этой безлѣсной странѣ вовсе не занимаются поташнымъ производствомъ. Въ прежнiе годы, нѣкоторое количество поташа вывозилось изъ западнаго края Россiи въ австрiйскiя владѣнiя, но этотъ сбытъ, въ новѣйшее время, почти совсѣмъ прекратился, отъ размноженiя поташныхъ заводовъ въ Галиции и Венгрии. Въ южной Европѣ, русскiй поташъ никогда не сбывался въ большомъ количествѣ, потому что съ давняго времени замѣняютъ его тамъ содою, добываемою изъ морской соли и соляныхъ травъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италiи добывается травяной поташъ, вывозимый наиболѣе во Францiю. Привозъ этого продукта въ неаполитанскомъ и сардинскомъ королевствахъ стѣсненъ тарифомъ: пошлина составляетъ около 11 руб. сер. съ берковца. Въ Испанiи взимается съ поташа 20 процентовъ съ цѣны. Въ Португалiи, онѣ обложенъ пошлиною около 3 руб. сер. съ берковца.

По изобилiю рыбъ, изъ которыхъ добывается клей, Каспiйское море есть главнѣйшiй источникъ снабженiя этимъ

продуктомъ. Эти рыбы ловятся у морскихъ береговъ, также въ устьяхъ рѣкъ Волги, Урала и Куры; добычаіе клея производится на тамошнихъ рыболовныхъ заведеніяхъ. Лучшимъ почитается севрюжій клей; за нимъ слѣдуетъ осетровый и наконецъ бѣлужій; ниже этихъ сортовъ — сомовій и сазаній. Рыбій клей съ каспійскихъ промысловъ отправляется изъ Астрахани большою частью въ Москву и Санктпетербургъ, и здѣсь покупается въ значительномъ количествѣ, для заграничнаго отпуска.

Вывозъ воска изъ Россіи, постоянно возраставшій до повѣйшаго времени, сталъ уменьшаться съ нѣкоторыхъ поръ отъ возвышенія у насъ цѣнъ на этотъ продуктъ, при упадкѣ пчеловодства, и отъ усилившагося соперничества другихъ странъ, откуда воскъ доставляется въ Европу по сходнѣйшимъ цѣнамъ. Эта отрасль сельскаго хозяйства въ Россіи, по невѣжеству и безпечности пчеловодовъ, примѣтно упадаетъ отъ ежегоднаго истребленія большаго количества пчелъ при собираніи сотовъ, и если хозяева не озаботятся о поддержаніи и улучшеніи пчеловодства, то со временемъ, можетъ-быть, едва будетъ собираемо достаточно воска для внутренняго расхода. Слѣдствіемъ упадка этой промышленности было возвышеніе цѣнъ на воскъ въ Россіи, побудившее иностранцевъ обратиться къ покупкѣ его въ другихъ странахъ.

Смола, вывозимая изъ Россіи почти исключительно черезъ архангельскій портъ, съ давняго времени принадлежитъ къ главнымъ статьямъ тамошней торговли. Она доставляется къ этому порту изъ губерній архангельской и вологодской и бываетъ двухъ родовъ: *жидкая* или собственно смола и *вываренная* изъ нея пустая смола или *пекъ*.

Сбытъ смолы очень непостояненъ: иногда ея отпускъ увеличивался свыше 90,000 бочекъ; но обыкновенно простирается отъ 50 до 70,000 бочекъ. Она отправляется изъ Архангельска большою частью въ Англію и въ Голландію, а

малыми партіями въ Гамбургъ, Бременъ и въ порты Средиземнаго моря.

Ворванное сало (ворвань) звѣриное (то-есть, отъ морскихъ звѣрей) или рыбье, поступаетъ въ заграничный отпускъ изъ Россіи, наиболѣе черезъ Архангельскъ, промышленное на Шпицбергенѣ, Новой Земль и въ разныхъ мѣстахъ Бѣлаго моря, частью также вывозится, по временамъ и въ небольшомъ количествѣ, чрезъ Санктпетербургъ, куда доставляется изъ Астрахани съ каспійскихъ рыбныхъ промысловъ. Уже въ прошедшемъ столѣтїи, отпускалось изъ Россіи ворванное сало почти исключительно черезъ архангельскій портъ: въ 1767—1796 году отпущено, среднимъ числомъ, 52,713 пудовъ, а въ 1793—1795 году 43,918 пудовъ; но съ-тѣхъ-портъ эта отрасль внѣшней торговли не сдѣлала никакихъ успѣховъ и нынѣшній отпускъ ворваннаго сала едва равняется съ тогдашнимъ.

Привозъ деревяннаго масла раздѣляется между Санктпетербургомъ, Одессою и Таганрогомъ и болѣею частью направляется изъ этихъ портовъ въ Москву и на нижегородскую ярмарку.

Масло деревянное составляетъ немаловажную статью таможеннаго дохода въ Россіи: пошлинный сборъ съ него доходитъ до 800,000 руб. сер. въ годъ. По тарифамъ 1816, 1819 и 1822 годовъ взималась съ деревяннаго масла одинаковая пошлина: 1 руб. 25 коп. съ 12½ процентовъ надбавочнаго сбора; по нынѣ дѣйствующему тарифу 1841 года, пошлина составляетъ 1 руб. 85 коп. сер. съ пуда масла въ бочкахъ, а съ привозимаго въ сосудахъ платится 4 руб. сер. съ пуда.

По большому употребленію бумажныхъ издѣлій низшаго и средняго разбора, производство ихъ достигло обширнаго развитія въ Москвѣ и ея губерніи, въ городѣ Шуѣ съ его уѣздомъ, равно какъ въ суздальскомъ и александровскомъ уѣздахъ во владимірской и въ кинешемскомъ уѣздѣ въ ко-

стронной губерній. Выработка бумажныхъ издѣлій всякаго рода въ Москвѣ и ея губерніи простирается, по приближительнымъ оцѣнкамъ на $1\frac{1}{2}$ милліоновъ руб. сер. На такую же сумму приготавлиются бумажныя издѣлія въ упомянутыхъ мѣстахъ владимірской и костромской губерній, судя по количеству употребляемой тамъ бумажной пряжи. За этими губерніями, слѣдуютъ, въ бумаготкацкомъ производствѣ, казанская, ярославская, часть рязанской и калужской, и Санктпетербургъ, который отличается преимущественно своими набивными заведениями.

Послѣ Москвы, ни одинъ изъ городовъ Россіи не имѣетъ такой обширной фабрикаціи бумажныхъ издѣлій, какъ Шуя; здѣсь приводятся въ дѣйствіе около 12,000 становъ и вырабатываютъ на нихъ ежегодно до 300,000 кусковъ суроваго миткала на 1,500,000 руб. сер.; ситцевъ ручныхъ и машинныхъ выдѣлываютъ до 130,000 кусковъ, на сумму около 900,000 руб. сер. Издѣлія шуйскихъ фабрикантовъ продаются въ Москвѣ и на ярмаркахъ: нижегородской и ирбитской, также въ Шуѣ и въ сосѣдней слободѣ Холуйской, гдѣ, по четыре раза въ году, бываютъ большіе торговые съезды.

Между бумажными издѣліями, вырабатываемыми въ Россіи, одни принадлежатъ къ роду простыхъ тканей, какъ-то: миткали, нанки, китайки, холстинки и вообще обыкновенная бумажная цестрядь, а другія, какъ издѣлія, болѣе изысканныя, требуютъ особой отделки, содѣйствія искусственныхъ ткачей и болѣе усовершенствованныхъ ткацкихъ орудій. Къ послѣднему разряду принадлежатъ кисеи, простыя и узорчатыя, холстинки тонкія, плісы, узорчатые платки, наконецъ всякія подражанія новѣйшимъ моднымъ матеріаломъ, приготавливаемымъ собственно изъ шерсти и шелка съ примѣсью бумаги. Известно, что только ткани втораго разряда вырабатываются въ особо устроенныхъ заведенияхъ по городамъ. Напротивъ того, выдѣлка простыхъ бумажныхъ тканей принадлежитъ къ крестьянскимъ рукодѣліямъ; она распространилась наиболѣе въ губерніяхъ: московской, владимірской, калужской, костромской и ярославской. Тамош-

нѣ крестьяне занимаются ткачествомъ въ свободное отъ хозяйственныхъ работъ время, и какъ задѣльная плата доставляетъ имъ избыточный доходъ, то они могутъ довольствоваться самымъ умѣреннымъ вознагражденіемъ. Это обстоятельство объясняетъ причину удивительной дешевизны ткачества простыхъ бумажныхъ тканей. Эта отрасль сельской руководѣльной промышленности приобрѣла большую обширность при участіи многихъ купцовъ-капиталистовъ, которые закупаютъ бумажную пряжу, снуютъ ее въ своихъ заведеніяхъ и отъ себя отпускаютъ ее прямо ткачамъ, либо неснованную передаютъ мастерамъ, которые, занимаясь однимъ только снованіемъ и раздачею пряжи по деревнямъ, служатъ посредниками между капиталистомъ и ткачемъ. Въ числѣ этихъ фабрикантовъ-купцовъ по бумаготкацкому производству есть многіе, на счетъ которыхъ ежегодно изготовляется такимъ способомъ отъ 100 до 200,000 кусковъ ткацкаго. Эти ткани суровьемъ (то-есть, не бѣленые), поступаютъ на ситцевыя фабрики, гдѣ бѣлятся и набиваются, болѣею частью на счетъ тѣхъ же фабрикантовъ.

Къ важнѣйшимъ произведеніямъ по бумаготкачеству принадлежатъ у насъ, въ нынѣшнее время, полубархаты и плисы. Производство первыхъ довольно просто и потому оно надлежащимъ образомъ упрочилось въ Россіи. Напротивъ того, выдѣлка плиса (вельверета) гораздо труднѣе: кромѣ содѣйствія искусныхъ красильщиковъ и нѣкоторыхъ механическихъ приборовъ для просушки и отдѣлки, эта фабрикація требуетъ въ особенности опытныхъ ткачей; отъ того плисовые ткачи получаютъ значительную задѣльную плату. Это обстоятельство уже заставило нѣкоторыхъ нашихъ фабрикантовъ ввести ткань плисовъ на машинныхъ станкахъ. Распространенію производства плисовъ много способствовалъ открывшійся имъ сбытъ въ Китай, куда прежде это издѣліе доставлялось только изъ Англіи. Въ короткое время, оно сдѣлалось одною изъ главнѣйшихъ статей нашей кяхтинской торговли; промѣтъ его, на Кяхтѣ, Китайцамъ, увеличился до 3 милл. аршинъ. Нынѣ все количество выдѣливаемыхъ въ Россіи плисовъ доходитъ отъ 4 до 5 милліоновъ аршинъ.

Успѣхи шерстяной фабрикаціи въ Россіи значительно уменьшили потребность въ привозѣ сукна; весь расходъ иностранныхъ и польскихъ суконъ высшаго разбора составляетъ вынѣ не болѣе 350,000 аршинъ, тогда какъ внутреннія суконныя фабрики производятъ до 9 милліоновъ арш.; пятая доля этого количества идетъ въ Азію, остальное же расходится внутри государства. Число потребителей фабричныхъ суконъ (за исключеніемъ солдатскихъ), вѣроятно не болѣе 1½ мил., считая помѣщиковъ, военные и гражданскіе чины, духовенство, купцовъ, иностранцевъ, дворовыхъ людей и малую часть мѣщанъ, преимущественно въ столицахъ и большихъ городахъ, ибо все городское населеніе мужскаго пола не превышаетъ 2,800,000; на каждого потребителя едва ли можно считать болѣе пяти аршинъ сукна. Слѣдовательно, количество сукна, для 1½ милліона человѣкъ, составитъ 7,500,000 арш., въ томъ числѣ иностранныхъ и польскихъ суконъ до 350,000 арш., или только 4½ процента. Изъ русскихъ фабричныхъ суконъ, самый большой сбытъ имѣютъ сукна цѣною отъ 80 коп. до 2 руб. 50 коп. сер. за аршинъ; весьма немногія фабрики производятъ товаръ дороже 4 руб. сер. за аршинъ.

Сбытъ русскихъ суконъ, приготовляемыхъ для Китая, распространился наиболѣе въ сѣверной части этого государства. Сверхъ того, они продаются даже на югѣ, въ Кантонѣ, и весьма успѣшно соперничаютъ съ англійскими и нѣмецкими въ другихъ китайскихъ портахъ, открытыхъ нынѣ для европейской торговли; на сѣверѣ, въ Шангхаѣ, Су-Чу, Шіен-Цингѣ, русскія сукна въ общемъ употребленіи и предпочитаютъ другимъ иностранцамъ. Коммерческое отдѣленіе французскаго посольства въ Китаѣ, занимаясь изслѣдованіями мѣстныхъ торговыхъ обстоятельствъ въ 1844—1845 году, обратило особенное вниманіе на сбытъ русскихъ суконъ въ китайскихъ портахъ: наши межеридкія сукна продавались тогда въ Кантонѣ: синія и темносинія около 2 руб. 66 коп., а черныя, экарлатовыя и зеленыя около 2 руб. 40 коп. сер. за аршинъ; въ Шангхаѣ можно было купить синее сукно по 2 руб. 70 коп. и 2 руб. 80 коп.,

а черное по 2 руб. 14 коп. сер. за аршинъ; въ Шан-Но русское сукно обыкновенно продается отрезками, приспособленными къ разнымъ предметамъ одежды. На ярмаркѣ въ Су-Чу оно обошлось купцамъ около 41 рубля 50 коп. сер. за половинку, а въ розницу приобретено членами Французскаго посольства по 2 руб. 8 коп. сер. за аршинъ.

Шелковая промышленность въ Россіи, достигнувъ нынѣшней степени развитія, подѣ покровительствомъ тарифа, еще нуждается въ охранительныхъ пошлинахъ: иначе нашимъ фабрикамъ трудно было бы выдерживать соревнованіе съ тѣхъ государствъ, которыя далеко опередили Россію въ этой отрасли мануфактурной промышленности. Охранительный тарифъ у насъ, конечно, необходимъ для шелковой фабрикаціи, нежели напримѣръ во Франціи, которая отпускаетъ собственныхъ шелковыхъ издѣлій на 45 — 50 милліоновъ руб. сер., и не смотря на то, нѣкоторые товары этого рода вовсе запрещены тамъ къ привозу, а дозволенные обложены пошлинами, которыя, смотря по качеству издѣлія, доходятъ отъ 60 коп. до 6 руб. 75 коп. сер. съ фунта. Великобританія, гдѣ привозъ шелковыхъ издѣлій былъ запрещенъ уже въ исходѣ семнадцатаго столѣтія, рѣшилась отмѣнить это постановленіе не прежде какъ въ 1826 году и допустила привозъ ихъ съ пошлиною отъ 20 до 40 процентовъ съ цѣны, когда вывозъ собственныхъ издѣлій уже простирался слишкомъ на 2½ милліона руб. сер.; нынѣ она отпускаетъ ихъ на 4 — 5½ милліоновъ руб. сер. и получаетъ отъ индскихъ шелковыхъ издѣлій на половину этой суммы. Въ австрійской имперіи, привозъ шелковыхъ товаровъ дозволяется не иначе, какъ по особымъ лиценціямъ, съ пошлиною около 4 руб. 90 коп. сер. съ фунта; отпущенныхъ собственныхъ издѣлій составляетъ по цѣнѣ около милліона руб. сер. Въ германскомъ таможенномъ союзѣ, при значительномъ развитіи шелковой фабрикаціи, особенно въ прусскихъ владѣніяхъ, вывозъ таможенныхъ издѣлій простирается почти на 14 милліоновъ руб. сер. Иностранные шелковые товары всякаго рода обложены тамъ довольно нѣ-

всего поштатное (до 80 мил. сер. съ учетом), при которой ихъ сумма доходныхъ до 6 милліоновъ руб. сер.

Россія, отпуская за границу льна и пеньки ежегодно на 15 милліоновъ руб. сер., уступаетъ мануфактурнымъ государствамъ первенство во внѣшней торговлѣ льняными и пеньковыми издѣліями высшаго качества, а сама сбываетъ въ иностранныя земля только грубыя ткани атого рода; ежегодный вывозъ ихъ простирается на сумму около двухъ милліоновъ руб. сер. Для Россіи, изобилующей льномъ и пенькою, такой отпускъ весьма незначителенъ, въ сравненіи съ обширнымъ сбытомъ иностранныхъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей: Великобританія отпускаетъ ихъ на 25 милліоновъ руб. сер., Германскій таможенный союзъ на 18½ милліоновъ, Бельгія на 7½ милліоновъ, Франція на 6¾ милліоновъ, Австрійская имперія на 4 милліона руб. сер. — Напротивъ того, въ заграничномъ сбытѣ пеньковыхъ веревокъ и канатовъ, Россія занимаетъ первое мѣсто между европейскими государствами: обыкновенный вывозъ ихъ изъ Великобританіи доходитъ до 200,000 пудовъ, изъ Франціи до 40,000 пудовъ, изъ австрійской имперіи не свыше 20,000 пудовъ, тогда какъ изъ нашихъ портовъ вывозится ежегодно около 300,000 пудовъ.

Выдѣлка металлическихъ издѣлій въ Россіи раздѣляется на фабричную и ремесленную. Громоздскіе товары приготавливаются исключительно на большихъ казенныхъ и частныхъ заводахъ, изъ которыхъ иные производятъ также мелкія издѣлія, напримѣръ ножевые товары, инструменты разнаго рода и тому подобное. Ремесленная промышленность по этой части сосредоточивается въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Тулѣ, Павловѣ и Воржѣ. Совокупное производство тамошнихъ заведеній, въ коихъ вырабатываются разныя металлическія издѣлія, составляетъ значительную сумму, судя по общему ихъ сбыту внутри государства. Эти заведенія, исключая весьма немногихъ, работаютъ вообще несовершенными способами, на скорую руку; мастера-хозяева ихъ не имѣютъ средствъ для развитія своего производства и руко-

водствуются однимъ только навыкомъ, заботясь наиболѣе о скорѣйшей выручкѣ денегъ за свой товаръ. Ихъ издѣлія продаются вообще довольно сходно, но въ добротѣ матеріала, въ прочности и въ отдѣлкѣ далеко уступаютъ иностраннымъ.

Въ Россію привозятся изъ иностранныхъ земель: косы и серпы, ножевые товары и разныя другія металлическія издѣлія, также машины, ремесленные инструменты, часы и часовые приборы.

Состояніе отпускной и привозной торговли Россіи (1842 — 1846 года.)

1. Товаровъ, къ жизненнымъ припасамъ принадлежащихъ.

	Отпускъ.	Привозъ.
Хлѣба	на 16,968, 524	236,627 р. сер.
Сарачинскаго пшена	—	256,856
Напитковъ :		
вины виноградныхъ	—	5,035,753
вина хлѣбнаго	8,126	—
водокъ и винъ	3,510	—
водки франц. и рома	—	277,588
портера	—	298,244
Приностей	90,118	368,269
Соли	3,863	2,212,530
Икры	228,826	47,447
Рыбы	61,271	1,829,858
Устрицъ	—	23,453
Мяса	47,130	—
Масла коровьяго	128,433	—
Сыра	—	186,017
Медя и патоки	21,964	—
Уксуса	—	4,095
Сока разнаго	—	23,284
Сахара въ головкахъ и леденца	51,265	654,750
Фруктовъ	3,374	2,486,915
Кофе	—	1,146,211
Чая	1,555	6,372,573
Какао	—	35,797
Тобаку	59,723	2,001,652
Аптекарскихъ матеріаловъ	190,509	929,6 6
Разныхъ жизнен. припасовъ	119,002	394,433

Итого 18,596,282 24,781,954 р. сер.

II. Товаровъ, къ руководъліямъ и фабрикамъ служащихъ :

	Отпускъ.	Привозъ.
а) Ткацкихъ матеріаловъ :		
Льна и льняной пакли	на 9,732,434	— р. сер.
» пряжи	116 950	—
Пеньки и пеньковой пакли	6,576,402	—
» пряжи	18,380	—
Шерсти овечьей	6,386,536	60,167
» разной	84,355	—
Пуши козьей	155,282	13,113
Шерстяной пряжи	—	1,036,601
Бунаги хлопчатой	68,796	3,137,940
Бунажи. пряжи	4,667	8,390,791
Шелка сырца	185,932	534,204
» пряденаго	—	2,641,446
б) Фабричныхъ матеріаловъ и сырыхъ продуктовъ разнаго рода :		
Сахара сырца	—	7,999,008
Сапа свѣчнаго и мыльнаго	11,499,317	—
» ворван. и жира рыбаго	132,315	—
Сѣмена льнянаго	7,730,014	—
» коноплянаго	561,567	—
» разнаго	165,175	—
Масла коноплянаго и льнян	270,844	—
» деревяннаго	—	2,337,874
Дѣснаго товара	2,938,604	—
Патама	611,490	—
Металловъ не въ дѣлѣ :		
мѣди	894,593	—
железа	962,766	—
разнаго	47,146	1,079,859
золота и серебра пряденаго	29,519	—
Щетки	1,806,332	—
Гривъ конскихъ	131,301	—
Хвостовъ	178,960	—
Клея рыбаго	603,755	—
» разнаго	6,356	19,080
Кожа: юфти	978,248	—
» разныхъ выдѣланныхъ	349,970	} 216,827
» невыдѣланныхъ	1,265,002	
Шкураъ заячьихъ	236,809	

	Отпускъ.	Привозъ.
Красокъ	75,195	5,053,038
Москательныхъ товаровъ	57,473	1,137,306
Своиы	197,631	—
Воска	385,555	—
Перьевъ и пуха	362,274	—
Роговъ и копытъ	45,824	—
Кости разной	114,112	—
» черепаховой, слоновой и китовыхъ усовъ	—	82,261
Дерева пробочнаго не въ дѣлѣ	—	56,724
» разнаго	—	309,568
Каменнаго угля	—	646,568
Мыла	—	11,616
Камня жерноваго и точильнаго	—	24,821
Ворсовыхъ шпшекъ	—	145,057
Подводки зеркальной	—	6,685
Янтара и перланутра	—	15,996
Бисера и стекларуса	—	42,218
Часоваго прибора	—	24,068
Инструментовъ для ремеслъ и фаб- рикъ	—	403,786
Машинъ	—	868,281
Разныхъ предметовъ	304,598	174,126
Итого	56,271,160	56,511,761 р. сср.

III. Товаровъ обработанныхъ съ разницы цѣды мѣста:

Бумажныхъ издѣлій на транзитъ	2,108,371 1,299	3,762,096 —
Шерстяныхъ издѣлій транзитъ	2,090,813 54,642	2,248,156 —
Шелковыхъ	71,171	3,659,169
Льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій	2,109,161	339,216
Веревковъ и канатовъ	728,914	—
Металлическихъ издѣлій	500,692	} 1,123,112
Золотыхъ и серебряныхъ	108,126	
Кожевенныхъ	11,339	154,146
Блондъ, кружевъ и тюля	—	374,547
Данскихъ уборовъ	—	26,800

	Отпускъ.	Привозъ.
Платья и бѣлья	36,911	—
Бумаги писчей, рисовальной и проч.	27,111	128,252
Инструментовъ музыкальных . . .	2,055	70,013
математическихъ, физиче- скихъ и хирургическихъ.	—	53,299
Мыла	13,857	41,254
Свѣчъ салныхъ	65,516	—
" восковыхъ	11,355	—
Посуды фаянсовой	32,900	41,118
" прочей	—	38,709
Зеркала и стеклоъ зеркал . . . на	25,854	—
Сундуковъ и погребцовъ	32,894	—
Деревянныхъ надѣлій	19,017	—
Карандашей	—	53,272
Корковыхъ пробокъ и втулокъ . .	—	83,281
Струнъ	—	9,020
Часовъ	—	432,490
Шляпъ соломен. и стружк.	—	185,430
Воды благовонной	—	43,842
Разныхъ надѣлій	14,476	51,294
Итого	8,913,550	13,590,327 р. сер.
транзит.	55,941	—

IV. Разныхъ товаровъ:

Скота разнаго на	941,502	1,019,140 р. сер.
Лошадей	222,557	75,903
Верблюдовъ	10,173	—
Мягкой рухляди	2,231,084	1,501,069
транзит.	220,588	—
Коралловъ и коральковъ	5,080	135,722 р. сер.
транзит.	54,861	—
Жемчуга	63,627	230,831
Бусъ стеклянныхъ	2,806	—
Камня драгоценнаго	90,762	1,212,152
" разнаго	15,187	139,654
Кирпича и черепицы	—	38,369
Грецкой губы	—	16,468
Книгъ, ландшартъ и плашовъ . . .	32,537	399,680
Картинъ и эстамповъ	18,796	88,004
Перловъ вѣсннхъ	245,265	—

Птиць живыхъ	—	10,395
Экипажей	3,165	—
Рогожъ и кулей рогожныхъ	186,228	—
Прочихъ товаровъ	138,865	103,935
Итого	4,175,588	4,969,998 р. сер.
транзитъ	275,495	—
Всего вообще	87,680,823	79,853,978 р. сер.
транзитъ	351,435	—
	88,032,258	

Въ томъ числѣ:

I. По европейской торговлѣ.

1) По Бѣлому морю:

Черезъ Архангельскъ	на 3,699,676	343,833 р. сер.
» другіе порты	72,501	44,006
	3,772,177	387,839

2) По Балтійскому морю:

Черезъ Санктпетербургъ	30,618,801	43,077,986
» Ригу	12,909,576	4,194,190
» другіе порты	2,680,136	5,789,169
	46,228,513	53,061,345

3) По Черному и Азовскимъ морямъ:

Черезъ Одессу	14,027,686	5,007,581
» Таганрогъ	2,406,985	1,420,014
» другіе порты	5,602,131	324,537
	22,036,802	6,752,132

4) Черезъ западную сухопутную границу

	6,218,879	6,366,529
Всего	78,256,371	66,567,845 р. сер.

II. По азіатской торговлѣ:

1) По Каспійскому морю:

	Отпускъ.	Привозъ.
Черезъ Астрахань	388,760	451,207 р. сер.
» другіе порты	186,297	642,440
	575,057	1,093,647

	Отпускъ.	Привозъ.
2) По Червону морю, черезъ Закавказскіе порты	191,087	313,540
3) Черезъ Закавказскую сухопутную границу	433,594	2,784,829
4) Черезъ Оренбургскую и Сибирскую линіи	2,505,280	2,823,239
5) Черезъ Кяхту	6,270,879	6,270,879
Итого	9,775,887	13,286,134 р. сер.

Привозъ и вывозъ золота и серебра въ слиткахъ и въ иностранной монетѣ всегда былъ дозволенъ въ Россіи безъ пошлинъ; но вывозъ русской золотой и серебряной монеты оставался запрещеннымъ до 1830 года. Отмѣненіе этой запретительной мѣры возбудило опасенія, что отъ свободнаго вывоза нашей звонкой монеты можетъ, наконецъ, произойти недостатокъ звонкихъ денегъ въ государствѣ. Приверженцы меркантильной системы, послѣ двадцатилѣтняго опыта, могутъ признать эти опасенія напрасными; ввозъ драгоценныхъ металловъ въ Россію почти постоянно превышаетъ ихъ вывозъ, и отчасти замѣняетъ въ нашемъ торговомъ балансѣ, прежній значительный привозъ обработанныхъ товаровъ.

По двадцатипятилѣтней сложности, съ 1842 по 1848 годъ включительно, отпущено и привезено черезъ портовые и сухопутныя таможи европейской Россіи:

	Отпускъ.	Привозъ.
Товаровъ	на 1,723,108,400	1,409,785,800 р. сер.
Золота и серебра въ слиткахъ и монетѣ	67,509,900	200,773,700
Итого	1,790,618,300	1,610,459,500 р. сер.

Перевѣсъ отпуска: 180,158,800 руб. сер.

Въ теченіе того же времени, золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ черезъ азіатскія таможи привезено на 3,856,500 руб., а вывезено на 31,634,600 руб.

Въ общей сложности, привозъ драгоценныхъ металловъ превышалъ ихъ отпускъ на 105 миллионъ руб. сер.

Россія, по своему географическому положенію, по огра-

ниченному еще развитію въ ней внутренней промышленности, потребленія и торговли, по недостатку удобнѣйшихъ путей сообщенія, — уступаетъ многимъ странамъ Европы первенство во внѣшней торговлѣ. Изъ приблизительныхъ данныхъ, собранныхъ извѣстнымъ статистикомъ Реденомъ оказывается, что весь торговый оборотъ по привозу и отпуску товаровъ въ Европѣ, простирается ежегодно на 3,000 миллионовъ руб. сер., въ томъ числѣ приходится на долю: Великобританіи 37 процентовъ, Франціи — около 13 процентовъ, германскаго таможеннаго союза 9 процентовъ, Бельгій и Голландіи 6 процентовъ, Россіи, Австрійской имперіи и Италіи — по 5 процентовъ, Гамбурга 4 процента, — Швеціи и Норвегіи 2 процента, Португаліи — 1 процентъ, Испаніи — 1 процентъ, Давіи — 1 процентъ.

Таможенные пошлины составляютъ въ Россіи одну изъ главныхъ отраслей государственнаго дохода. По введеніи охранительнаго тарифа съ 1822 года, постепенное преобразование и улучшение таможенной части много способствовало приращенію пошлинныхъ сборовъ, ограничивъ контрабанду, и тѣмъ доставило возможность увеличить тарифныя пошлины. Таможеннаго дохода, — за исключеніемъ сборовъ, отчисляемыхъ въ пользу разныхъ городовъ и обращаемыхъ въ другія вѣдѣштва, — поступило:

	Средняя сумма	
Съ 1814—1821 годъ	10,969,300 р. сер.	въ годъ.
1822—1831 »	15,665,900	»
1832—1841 »	24,216,500	»
1842—1845 »	30,374,500	»
1846—1848 »	29,574,700	»

Всего сказано уже слишкомъ достаточно, чтобы читатели этого изданія могли основательно судить о неотъемлемомъ достоинствѣ прекраснаго труда господина Небольсина.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

АВГУСТЪ, 1850.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Графъ Радецкій, и его походы въ Италию въ 1848 и 1849 годахъ. Сочиненіе П. Лебедева, генеральнаго штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора. Съ портретомъ и двумя картами. Санктпетербургъ, 1850 (въ-8., стр. 400).

Два послѣдніе года останутся памятными въ исторіи: послѣ неожиданнаго и страшнаго потрясенія всей западной и средней Европы, блистательныя кампаніи двухъ геніальныхъ полководцевъ, Радецкаго и Паскевича, оживили надежду, дѣятельность и твердость духа въ уstraшенныхъ друзьяхъ общественнаго порядку и спокойствія, и рѣшили то обратное движеніе къ началамъ монархическимъ, къ вѣчнымъ законамъ естественнаго гражданскаго быту, которое теперь замѣчается повсюду. Дѣло общества правильнаго, сообразнаго съ положеніями природы, спасено ими отъ грозы сумасбродныхъ теорій и отъ буйства кровожадныхъ и корыстолюбивыхъ демагоговъ разнаго разбору.

Положеніе перваго изъ двухъ великихъ полководцевъ было са-

мое неблагоприятное, можно сказать — отчаянное, и онъ долженъ былъ въ умѣ своемъ, въ твердости и рѣшительности характера, найти, не только побѣду, но и самые существенныя средства къ побѣдѣ. Съ арміей, вовсе неприготовленной къ бою и значительно разстроенной духомъ мятежа, съ крѣпостями пришедшими въ ветхость, безъ арсеналовъ, безъ жизненныхъ припасовъ, безъ денегъ, среди кипучаго народнаго возстанія на-мѣстѣ, среди давленія извнѣ всей взволнованной Италіи, имѣя противъ себя значительную и прекрасную армію самаго воинственнаго государства на Полуостровѣ, Радецкій, въ ту самую минуту, когда онъ стягивалъ свои силы и собирался по предписаніямъ изъ Вѣны отступить черезъ Тироль въ собственную Австрію для усмиренія столицы, вилить путь прегражденнымъ войсками Сардиніи и ополченіями революціонной Италіи, сосредоточиваетъ свои отряды, заставляетъ непріятеля истратить силы на безцѣльныя предпріятія, истощаетъ первый пылъ противниковъ продолжительностью и неопредѣленностью борьбы и, потомъ, перейдя къ наступленію, въ двѣ недѣли одерживаетъ рядъ побѣдъ, которыми Ломбардія очищена отъ врага и Миланъ возвращенъ законной власти.

Столь необыкновенныя по своимъ результатамъ дѣйствія досихъ поръ не объяснены съ надлежащею полнотою и послѣдовательностью. Австрійскіе офицеры издали только бѣглыя извѣстія о кампаніяхъ 1848 и 1849 годовъ; иностранцы, служившіе въ той и другой арміи, смотрятъ на событія, каждый съ своей личной точки зрѣнія и, вообще, болѣе говорятъ о себѣ и о войскахъ, къ которымъ они принадлежали, чѣмъ о противникѣ. Въ числѣ всѣхъ этихъ книжекъ и брошюръ отличается нѣкоторою важностью сочиненіе прусскаго генерала Виллизена, который нашелъ рѣдкій случай видѣть вблизи арміи и дѣла обѣихъ сторонъ; но и Виллизенъ не имѣлъ въ виду писать полную исторію кампаніи 1848 года, а только избиралъ изъ ряду событій тѣ факты, которые подтверждали его любимую теорію стратегіи, изложенную въ одномъ изъ прежнихъ сочиненій этого генерала.

Одинъ изъ ученѣйшихъ нашихъ офицеровъ, господинъ полковникъ Лебедевъ, будучи убѣжденъ, что только русскому военному писателю данъ завидный удѣлъ говорить объ этихъ событіяхъ съ полнымъ безпристрастіемъ и искать въ нихъ чисто пользы науки, рѣшился принять на себя такой многосложный трудъ, и доставилъ ей превосходное твореніе, которое составляетъ предметъ настоящаго обзоренія. Кромѣ изданныхъ книгъ и брошюръ, онъ долженъ былъ просмотрѣть всѣ лучшія повременныя изданія

свести и сообразить самыя разнородныя показанія, согласить безчисленныя противорѣчія, очистить и вывести истину изъ этого хаоса страстей, легкомыслія и народныхъ самохвальствъ. Господинъ Лебедевъ исполнялъ это трудное предпріятіе съ отличною критикою, съ вѣрнымъ вистѣвкомъ истины, съ пріимчивою логическою ясностью и въ разборѣ фактовъ и въ ихъ изложеніи. Книгу свою онъ писалъ для ученыхъ военныхъ читателей, и долженъ былъ разсыпать въ ней множество техническихъ подробностей, которыми публика мало увлекается; но, несмотря на это, счастливая послѣдовательность въ развитіи происшествій, и пріятный слогъ, дѣлають повѣствованіе пріступнымъ для каждого. Твореніе господина Лебедева снабжено хорошими картами и планами, для объясненія сраженій и для справокъ при чтеніи разсказовъ о движеніяхъ. Въ приложеніяхъ помѣщены извѣстія о прежней жизни фельдмаршала Радецкаго, извѣстія объ осадѣ Венеціи, выписки изъ дневника Ацеліо, вѣдомости о состояніи армій, примѣчательнѣйшіе приказы, прокламаціи, и другія статьи.

Послѣ прекраснаго изложенія начала смуть въ Италіи и первыхъ событій ломбардо-венеціанскаго возстанія, авторъ обозрѣваетъ состояніе двухъ враждебныхъ армій, встрѣтившихся у озера Гарды. Первый взрывъ мятежа въ Ломбардіи совершенно разстроилъ военныя силы Радецкаго, которыя вѣское министерство скудно поддерживало или, точнѣе, оставляло въ забвеніи. «Я долженъ признаться, писалъ фельдмаршалъ, что обстоятельства побѣдили меня какъ генерала. На-время я считаю себя побѣжденнымъ. Но мы соберемъ, устроимъ, пополнимъ наши ряды, опустошенные измѣною, и посчитаемся съ непріятелемъ, когда будемъ знать по-крайней-мѣрѣ, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ.»

Сардинская армія, напротивъ, славилась въ Европѣ своей выправкою и наружнымъ благоустройствомъ. Въ храбрости Піемонтцевъ и Савойцевъ, болѣею частью жителей горъ, привычныхъ къ опасностямъ и трудамъ, никто не сомнѣвался. Но авторъ замѣчаетъ, что прекрасное устройство этой арміи было только кажущимся. Войска эти годились болѣе для парадовъ чѣмъ для войны. Они состояли изъ неопытныхъ солдатъ и еще болѣе неопытныхъ, хотя и ученыхъ начальниковъ. Предводитель ихъ, король Карлъ-Альбертъ, видѣлъ войну только издали, находясь въ рядахъ французскихъ войскъ, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго при осадѣ Трокадеро, въ Испаніи, около Кадикса, въ 1823 году; генералы его были еще менѣе свѣдущіе въ дѣлѣ, и даже

сами говорили передъ палатами, что тридцати-пяти-лѣтній иеръ не способствовалъ къ развитію ихъ военныхъ дарованій; однако въ ряду этихъ генераловъ, довольно отдѣлялись командиры корпусовъ, генералы Бава и Сонна, также герцоги Савойскій и Генуэзскій, и начальникъ главнаго штаба арміи графъ Саласко: первый служилъ съ отличіемъ еще подъ знаменами Наполеона, обладалъ храбростію и хладнокровіемъ на полѣ сраженія, заслужилъ своею справедливостію и безпристрастіемъ уваженіе и любовь своихъ подчиненныхъ, хотя вообще мало понималъ высшую часть военнаго искусства, соображенія стратегическія.

Что касается до генерала Сонны, то и онъ началъ службу подъ знаменами Наполеона и даже получилъ изъ рукъ императора крестъ почетнаго легіона; впоследствии, будучи губернаторомъ въ Генуѣ и начальствуя тамъ же дивизіею, онъ заслужилъ особенное расположеніе и подчиненныхъ и жителей; но, насчетъ военныхъ способностей, онъ скорѣе имѣлъ храбрость солдата чѣмъ хладнокровіе и распорядительность генерала.

Начальникъ резервнаго корпуса герцогъ Савойскій, и начальникъ всей артиллеріи герцогъ Генуэзскій, отличались тщательнымъ военнымъ образованіемъ, доступностію, мужествомъ и были едва ли не героями этой кампаніи со стороны Сардинцевъ.

Назначеніе графа Саласко начальникомъ штаба было сдѣлано во вниманіе къ его обширнымъ теоретическимъ свѣдѣніямъ, опытности въ воженіи войскъ и, главное, къ его знанію края, речительствомъ чего служило его сочиненіе: «*Les Alpes considérées au point de vue militaire*». Графъ Саласко не оправдалъ общихъ ожиданій при вступленіи въ Ломбардію; онъ не озаботился снабдить армію картами страны, и слѣдствіемъ этого были престранныя ошибки: такъ напримѣръ, полагали, что позиція при Сало находится на берегахъ озера Идро!

Войска, несмотря на частые смотры, производившіяся вблизи Турина, не были привычны къ маневрамъ и продолжительнымъ движеніямъ, и, главное, были истощены и слабосильны; части интендантская, медицинская и генеральный штабъ, находились въ весьма дурномъ состояніи. Уже видѣли мы начальника главнаго штаба; но еще хуже былъ начальникъ интендантской части, полковникъ графъ Аппіани. Въ доказательство его нераспорядительности авторъ приводитъ слѣдующій фактъ: по договору 26 марта, Ломбардія обязалась доставлять продовольствіе для піемонтской арміи, раздача же его производилась королевскими комиссарами, и по условію нужно было выставить для каждого

солдата 28 унцій хлѣба, 9 унцій мяса, 9 унцій рису, пол-унціи сала, пол-унціи соли и пол-бутылки вина; но солдаты постоянно нуждались въ необходимѣйшей пищѣ, а между тѣмъ, по отчетамъ временнаго ломбардскаго правительства, выходило, что на каждого изъ нихъ получали двойную порцію. Да какъ все подвозы дѣлались на счетъ страны, то они производились весьма медленно, и мясо, большею частью, доставлялось въ испорченномъ видѣ. Какой беспорядокъ, если въ особенности припомнить, что большая часть кампаніи 1848 года прошла въ маневрахъ и передвиженіяхъ около Пескьеры и Гойто, этого «вѣчнаго Гойто», какъ называли его Итальянцы!

Объ устройствѣ медицинскон части, Піемонтцы не имѣли ни малѣйшаго понятія; послѣ перваго дѣла при Минчю, они не знали что дѣлать съ больными и ранеными; очевидецъ, піемонтскій офицеръ Ферреро, рассказываетъ, что 8-го мая онъ посѣтилъ одинъ изъ госпиталей, въ которомъ лежали больные его роты: огромное число больныхъ и раненыхъ валялись на полу тѣсной, душной и темной комнаты; вмѣсто постелей и тюфяковъ дали имъ жиденькіе пучки соломы; еще жалче была часть перевязочная; въ арміи почти вовсе не было бинтовъ, корпів и бѣлья. Ферреро видѣлъ, въ сраженіи при Кроче-Біанка, капрала, у котораго ядро оторвало руку; бѣднякъ исходилъ кровью, а между тѣмъ не было фельдшера, чтобы подать ему необходимую помощь. Подъ Вероною офицеры отдавали свои носовые платки для компрессовъ; и вездѣ подобные беспорядки происходили послѣдствіемъ чистой непредусмотрительности и неопытности. Число медиковъ оказалось вовсе недостаточнымъ; фельдшеровъ же состояло при каждомъ медикѣ не болѣе двухъ.

Экипажи для раненыхъ были необыкновенно тѣсны и малочисленны.

Послѣ всего этого, смѣло можно повторить слова Ферреро: «Какую же увѣренность и энергію долженъ имѣть солдатъ на полѣ сраженія, когда онъ знаетъ, что, пораженный штыкомъ или пулею, онъ не найдетъ необходимой и скорой помощи!...»

Сраженіе при Гойто, которое признаетъ несомнѣнною побѣдою Сардинцевъ, и, судя безпристрастно о гербѣ своемъ, приписываетъ неудачу австрійской арміи ошибочнымъ распоряженіямъ самаго Радецкаго. Австрійцы однако жъ надѣялись на другой день снова помѣряться силами съ непріателемъ, который, съ своей стороны, собралъ на правомъ берегу Минчю сорокъ тысячъ при осьмидесяти орудіяхъ; но 31, послѣ полудня, хлынулъ проливной

дождь, продолжавшійся непрерывно четыре дня; рѣки По и Минчио выступили изъ береговъ; всѣ дороги, проходящія на этомъ пространствѣ, сдѣлались рѣшительно непроходимы, не только для артиллеріи и кавалеріи, но даже для пѣхоты. Осужденный такимъ образомъ на бездѣйствіе, фельдмаршалъ ограничился высылкою летучихъ отрядовъ по направленію Маркаріо, Азоло, Кастель-Гоффредо и Гвидицоло. Отряды эти увѣдомили его о сосредоточеніи значительныхъ силъ непріятеля на правомъ берегу Минчио; имъ удалось также узнать, что сардинская армія превышаетъ австрійскую едва-ли не цѣлою третью и занимаетъ весьма выгодную позицію на высотахъ Вольты, выдвинувъ передовые отряды въ Гойто, Черлууго, Черетто и Гвидицоло. Второго іюня прибылъ въ австрійскую главную квартиру непріятельскій парламентеръ съ извѣстіемъ о сдачѣ Пескьеры и передалъ Радецкому рапортъ тамошняго коменданта, подтверждавшій это. Генералъ Ратъ доносилъ о своемъ отступленіи въ Риву; въ довершеніе всего, 3 іюня, получено извѣстіе объ удаленіи императора въ Тироль и о возстаніи, происшедшемъ 26 мая въ Вѣнѣ. Вѣсть о сдачѣ Пескьеры и новомъ возмушеніи въ столицѣ государства мгновенно измѣнила планъ дѣйствій фельдмаршала, исполненіе котораго только на время было остановлено неблагоприятною погодою: съ паденіемъ Пескьеры утратилась главная цѣль наступленія къ верховьямъ Минчио. Если бы крѣпость еще держалась, то, можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ, фельдмаршалъ по-пытался бы освободить ее и вступить въ сраженіе, несмотря на превосходныя силы непріятеля и выгоды занимаемой имъ позиціи; но теперь подобное дѣйствіе было бы только бесполезнымъ упрямствомъ. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ, австрійская армія не только не могла надѣяться на подкрѣпленіе, но, быть-можетъ, ей необходимо было оставить Италію и спѣшить для защиты престола, родины и общественнаго порядку.

Взвѣсивъ все это, Радецкій не поколебался. Понимая, какое страшное значеніе въ судьбѣ Австріи могла имѣть неудача предполагаемаго боя у Вольты, гдѣ численность и выгоды мѣстности давали непріятелю надежду на полный успѣхъ, и вида необходимость приблизиться къ предѣламъ бѣдствующаго отечества, Радецкій принесть его спокойствію новую жертву. Предоставивъ непріятелю торжествовать побѣду при Гойто и тратить порохъ на салютаціонныя выстрѣлы, маститый фельдмаршалъ рѣшился обратиться противъ Венеціанской Области, неожиданно овладѣть Виченцею, какъ пунктомъ лежавшимъ на прямомъ со-

общеніи Вероны съ Тиродемъ, и совершенно обезпечивъ себя съ этой стороны, выждать, чѣмъ кончатся вѣнскія смуты, и тогда уже перейти къ наступленію. Сосредоточеніе сардинской арміи на правомъ берегу Минчіо и полная увѣренность ея предводителя въ томъ, что Радецкій постарается загладить неудачу при Гойто новымъ сраженіемъ, много облегчили для австрійскаго главнокомандующаго исполненіе этихъ предначертаній.

Вырвавъ Виченцу изъ рукъ инсургентовъ, Радецкій снова поспѣшилъ къ Веронѣ. Онъ рассчитывалъ, что сардинскій король, пользуясь движеніемъ Австрійцевъ къ Виченцѣ, не оставитъ случая напасть на такой важный пунктъ каковъ Верона. Генералъ Виллизенъ осуждаетъ этотъ походъ къ востоку, по венеціанской дорогѣ, на Виченцу, какъ бесполезный и несвоевременный: гораздо выгоднѣе было-бы Радецкому направить всѣ свои силы на Куртатоне, нѣсколько къ югу, на пунктъ Сардинцевъ съ Тосканцами, шедшими къ нимъ на помощь, и, овладѣвъ этимъ пунктомъ, совершенно отрѣзать тосканскую дивизию и потомъ уже довершить ихъ пораженіе. Однако, возвращеніе австрійскаго резервнаго корпуса къ Веронѣ было искуснымъ стратегическимъ дѣйствіемъ, потому что оно маскировало движеніе къ крѣпости Леньяго и, приведя непріятели въ совершенное заблужденіе, много облегчило послѣдующія дѣйствія фельдмаршала.

Но что же дѣлали Сардинцы въ продолженіе этого времени, послѣ дѣла при Гойто? Въмѣсто того чтобы, пользуясь выгодами своего стратегическаго положенія, замѣчаетъ генералъ Виллизенъ, и полковникъ Лебедевъ находятъ это замѣчаніе воицѣ основательнымъ, вмѣсто того чтобы занимать линію нижняго Минчіо, дѣйствовать соединенными силами противъ подкрѣпленій, слѣдовавшихъ къ Радецкому изъ Австріи и, занявъ главнѣйшіе города Венеціанской Области, постоянно угрожать тылу Австрійцевъ, разбивая подходившіе къ нимъ отряды, когда ломбардскіе инсургенты производили набѣги на единственное сообщеніе австрійской арміи съ Тиродемъ; вмѣсто такихъ простыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, Карлъ Альбертъ разбросалъ свои войска и началъ ими дѣйствовать безъ малѣйшаго плана. Сардинцы занялись осадой ничтожной крѣпостцы Пескьеры и употребили одну часть своихъ силъ для производства осады, а другую для ея прикрытія, и съ этою цѣлю все пространство отъ Риволи, черезъ Сантаджертину, Сомма-Кампанью и Гойто, до Куртатоне и Монтанаро, было прикрыто окопами. Но развѣ числительное превосходство и выгоды упрежденія въ дѣйствіяхъ не были лучшими средствами для удержанія

главной австрийской армии въ оборонительномъ положеніи? Когда же, въ концѣ мая, австрийская армія предприняла свой фланговый маршъ къ Мантуѣ, то что помѣшало Сардинцамъ сначала обезпечить Австрийцевъ рѣшительною атакою съ фланга и тѣмъ приобрести возможность, подъ прикрытіемъ этого бокового отряда, стаяуть войска къ Гойто и Куртатоне, куда во всякомъ случаѣ Сардинцы могли направить находившуюся за Минчио резервную дивизию? Ничего этого не было сдѣлано; а между-тѣмъ подобная рѣшительность много облегчила успѣхъ дѣйствій Радецкого. Столько же неопредѣленны были ихъ дѣйствія у Гойто: ограничившись обороною, они не воспользовались неудачею австрийскихъ атакующихъ колоннъ и не перешли во-время къ наступленію, и, главное, необыкновенно дорожа обладаніемъ Пескьеро, они не собрали у Гойто всей армии. Какой контрастъ съ дѣйствіями Бонапарте въ 1796 году, во время перваго наступленія Австрийцевъ для освобожденія Мантуи! Одинъ оставляетъ далеко подвинутую впередъ осаду Мантуи, жертвуетъ своею осадною артиллеріею и, соединивъ всѣ свои войска, разбиваетъ по частямъ Австрийцевъ; а Карлъ-Альбертъ, обративъ все свое вниманіе на Пескьеру, упускаетъ случай разбить непріятельскую армию и отбросить ее къ среднему По. Когда австрийская армія предприняла движеніе къ Адидже и Веронѣ, то Сардинцамъ должно было итти фланговымъ маршемъ черезъ Ровербеллу къ Кастельбельфорте и препятствовать Радецкому возстановить сообщеніе съ Вероною. Они и этого не догадались.

Дальнѣйшія дѣйствія Сардинцевъ отличаются такою-же неопредѣленностью; они нападаютъ на одну бригаду за Гардскимъ озеромъ и, овладѣвъ ривольскимъ плато, остаются въ бездѣйствіи, хотя еще 7 го іюня имъ было извѣстно о движеніи Радецкого на Виченцу. Когда дѣло было окончено побѣдоносно для Австрийцевъ, Карлъ-Альбертъ дѣлаетъ попытку перейти черезъ Адидже или взять Верону; но та и другая, какъ несвоевременныя, остаются безъ успѣху и только увеличиваютъ торжество противника. Все это даетъ право автору повторить съ Виллизеномъ, что Сардинцы вездѣ показали свое полное незнаніе во всемъ, что касается до высшихъ военныхъ соображеній. Дѣйствія Дурандо отличались болѣею энергіею и искусствомъ: въ самомъ началѣ онъ просилъ у короля сардинскаго позволенія итти со всѣми силами во Фриуль и тамъ, на рѣкѣ Пиавѣ, дѣйствовать противъ подходившихъ къ Радецкому подкрѣпленій; но вмѣсто-того онъ былъ, безъ всякой цѣли, направленъ на Говерноло и Остилию. Получивъ цѣло-

еще приказаніе идти къ Піавѣ, Дурандо съѣдидъ къ этой рѣкѣ, принуждаетъ Пугенга произвести обходное движеніе на Бассано и Фельтре; но дѣятельное сопротивленіе городовъ, увѣрившихъ Дурандо въ своей храбрости, уничтожило всё его предположенія.

Въ это время вступилъ въ Венеціанскую Область Феррари съ римскою милиціею; здѣсь же находились войска Антондья и Ла-Марморы; но всё они дѣйствовали раздѣльно, потому что не было главнокомандующаго. Это было причиною разбитія Феррари при Корнудо; но и тутъ дѣятельность Дурандо не позволила австрійскому генералу воспользоваться своею побѣдою: двинувшись сначала къ Падуѣ, Дурандо прикрылъ низовья Бренты, а потомъ успѣлъ во-время предупредить Пугенга въ Виченцѣ и отбить двукратное нападеніе на городъ. Столько же искусна и упорна была его оборона Виченцы 10-го іюня. Но такъ называемые италіанскіе патріоты осыпали его клеветами и оскорбленіями, именно за эту храбрую оборону, обвиняя Дурандо въ томъ, что онъ остался въ Виченцѣ, не отступилъ изъ города при первомъ извѣстіи о приближеніи Австрійцевъ и, такимъ образомъ, осудилъ впоследствии свои войска на трехмѣсячное бездѣйствіе. Можно себя представить, что заговорили бы они же, если бы Дурандо очистилъ Виченцу безъ боя! Таковы бываютъ всегда, говоритъ авторъ, сужденія суетной, самолюбивой толпы, и горько раскается тотъ, кто, подобно Дурандо, принесетъ въ жертву ея прихотямъ свою старинную извѣстность и неоспоримыя военныя дарованія.

Радецкій, въ некоторое время оставаясь въ бездѣйствіи, занимался устройствомъ своей арміи. Піемонтцы продолжали удерживать ривольскую позицію и, пропустивъ случай отрѣзать австрійскую армію отъ Вероны во время ея наступленія на Куртагоно, рѣшились наконецъ осадить Мантую. Такимъ образомъ, они раздѣлили свои войска, и, стянувъ большую часть ихъ къ правому флангу, облегчили успѣхъ наступленій графа Турна внизъ по долинѣ рѣки Адидже.

Поздняя рѣшимость взять Мантую произошла отъ того, что король сардинскій предполагалъ осадить эту крѣпость войсками своихъ союзниковъ, Тосканцевъ, Ломбардцевъ, Римлянъ и Неаполитанцевъ: это и дало бы ему возможность двинуть всю свою армію на Верону и Леньяго, какъ совѣтовалъ генералъ Бава; но слача Дурандо въ Виченцѣ и Цукки въ Пальмановѣ, оставленіе большей частью Римлянъ и Тосканцевъ рядовъ арміи и отозваніе неаполитанскихъ войскъ королемъ ихъ, уничтожили предположенія Карла Альберта. Въ настоящее время, осада Мантуи, снабжен-

ной уже весьма необходимымъ и защищаемой сильнымъ гарнизономъ, представляла слишкомъ большія затрудненія и потерю времени, тогда какъ взятіе ея не обѣщало значительныхъ выгодъ Сардинцамъ.

Желая воспользоваться разбросаннымъ размѣщеніемъ сардинскихъ войскъ, фельдмаршалъ началъ наконецъ наступательныя дѣйствія и послалъ корпуса свои къ рѣкѣ Минчіо, къ Куртаноне и Мантуѣ. Онъ надѣялся этимъ отвлечь главные силы непріятеля въ ту сторону и имѣть возможность прорвать центръ его растянутаго позиціи у Соны и Соммакампани. Сардинцы въ самомъ дѣлѣ пришли въ движеніе. Тутъ пошли попеременно для обѣихъ сторонъ мелкіе успѣхи и мелкія неудачи. Несмотря на всѣ ученыя объясненія этихъ запутанныхъ дѣйствій, кажется, что поверхность Австрійцевъ надъ сардинскими отрядами на чертѣ Соны и Соммакампани и побѣда Сардинцевъ надъ австрійскимъ корпусомъ Зембшина были болѣе дѣломъ непредвидѣнныхъ случаевъ чѣмъ слѣдствіемъ какихъ-нибудь соображеній. Войска обѣихъ армій двигались безъ яснаго плана, даже безъ свѣдѣній о противникѣ, попадали не туда, гдѣ слѣдовало, встрѣчались нечаянно, и дрались безъ дѣли. Наконецъ Сардинцы, ободренные послѣднимъ успѣхомъ, рѣшились на важное наступательное движеніе, сами не зная для чего, и король съ фельдмаршаломъ встрѣтились около Кустоццы, Валеджіо, Ворретто и Соммакампани. Любопытно, что до этого времени обѣ стороны повторительно натыкались на главные силы противника, думая всегда имѣть дѣло съ однимъ изъ его корпусовъ. Эта встрѣча, столь неблагополучная для Итальянцевъ, была названа ихъ органами *infamia di Custoza*: они сознаются, что дрались какъ зайцы; фельдмаршалъ, напротивъ, утверждаетъ, что они дрались какъ львы, и что онъ «никогда не видывалъ арміи, которая бы сражалась съ большимъ упорствомъ». Обѣ стороны, вѣроятно, преувеличиваютъ, тѣмъ болѣе что обѣ имѣли равный интересъ преувеличивать. Авторъ признаетъ самъ, что никакое мужество войскъ не могло бы выкупить стравныхъ распоряженій сардинскихъ предводителей. Герцогъ Савойскій долженъ былъ взять Валеджіо и открыть сообщеніе съ корпусомъ де-Сонны, а герцогъ Генуэзскій отъ Соммакампани идти на Саліонцо. Первый дѣйствительно атаковалъ Валеджіо съ аосткою бригадою, но, встрѣтивъ тамъ сильное сопротивленіе, отошелъ назадъ, и, соединившись съ однимъ гвардейскимъ полкомъ, устремился на Фенилетто и началъ тѣснить бригаду Клама. Въ эту минуту герцогъ Савойскій донесъ о сильномъ насту-

пленин неприятеля на Монте Годіо, а герцогъ Генуэзскій о нападеніи на Соммакампанью, нападеніи, угрожавшемъ его флангу и тылу. Оба герцога просили подкрѣпленій, но надѣялись удержаться на позиціяхъ. Король ждалъ начала атаки де-Сонны на Борgetto. Въ резервѣ оставалась только бригада королевы; всѣ же остальные войска сражались на протяженіи отъ Соммакампаньи до Валеджіо, противъ неприятеля, къ которому безпрестанно подходили подкрѣпленія.

Въ четыре часа принцы донесли о необходимости начать отступление. Взоры всѣхъ были обращены на Валеджіо: еще надѣялись, что де-Сонна успѣетъ отвлечь туда силы Австрійцевъ и поправить дѣло. Въ эту минуту прайбыло отъ де-Сонны донесеніе, что онъ не можетъ начать атаки на Борgetto ранѣе шести часовъ вечера. Тогда сардинскія войска, не имѣя болѣе возможности удерживать атаки Австрійцевъ, начали отступать и стягиваться къ Виллафранкѣ. Аостская бригада, при которой находился король, пыталась было остановиться на лугахъ у Прабианы, но подоспѣвшая австрійская артиллерія заставила ее отступить къ Виллафранкѣ, куда скопились всѣ войска и загроздили городъ обозами дотога, что защита сдѣлалась совершенно невозможною.

Весь ходъ боя при Кустоцѣ, по мнѣнію автора, показываетъ величайшее неискусство и вершительность предводителей сардинской арміи. Король разбросалъ свои силы отъ Соммакампаньи до Валеджіо, не оставивъ даже резерва, и основалъ весь успѣхъ на дѣйствіяхъ втораго своего корпуса, тогда какъ мнительный де-Сонна не только не пошелъ на Борgetto, но даже отступилъ отъ Вольты къ Гойто, отговариваясь изнуреніемъ войскъ и приказаніемъ оставить Вольту, будто-бы сообщеннымъ ему въ запискѣ полковника генеральнаго штаба Коссато. Ни генералы Бава и Саласко, ни самъ Коссато, ничего не знали объ этой загадочной запискѣ.

Лучшимъ доказательствомъ военнаго ребячества сардинскихъ начальниковъ служитъ ихъ офіціальное донесеніе объ этомъ сраженіи. Зная ходъ дѣла и распоряженія Радецкаго, сосредоточившаго въ Валеджіо и позади этого города большую часть своихъ силъ, и оставившаго за рѣкою только три баталіона, нельзя не улыбнуться, читая ихъ неосновательныя соображенія о томъ, какъ можно было бы избѣгнуть неудачи. Такое глубокомысліе подавало не много надежды на будущее. Для исправленія своихъ

ошибокъ, необходимо прежде понимать ихъ, а Италияцы вовсе не допичали.

Добѣда при Кустодіѣ была началомъ ряда торжествъ для австрійскаго дружія. Сардинцы думали удержаться за рѣкой Оліо, но не было возможности. Войска ихъ упали духомъ. Ломбардскіе патриоты, страшные герои на словахъ, разбѣжались первые. Отступленіе, одно изъ самыхъ бѣдственныхъ, переговоры о перемиріи, и преслѣдованіе, по-видимому не очень жаркое, продолжались до самаго Милана.

Второго августа авангардъ двухъ австрійскихъ корпусовъ имѣлъ стычку съ сардинскимъ арріергардомъ у Базіако, недалеко отъ Лоди. Мѣстность, пересѣченная тѣснинами, и выгодное положеніе, давали Италиянцамъ надежду на успѣхъ, но войска ихъ рѣшительно не хотѣли сражаться. Вотъ какъ описываетъ сраженіе при Базіако самъ генералъ Бава : « Около пяти часовъ по полудни « послышался пушечный выстрѣлъ впереди Лоди. Я съѣхъ на ло- « шадь, поспѣшно поѣхалъ туда вмѣстѣ съ моимъ штабомъ, и на « дорогѣ, недалеко отъ города, встрѣтилъ отступающую бригаду. « Остановивъ ее, я началъ занимать войсками близлежащія строе- « нія; но во время этихъ распоряженій нѣсколько солдатъ бро- « сился бѣжать назадъ; я послалъ за ними въ догонку кавале- « рійскій отрядъ, приказавъ непременно возвратитъ бѣглецовъ « назадъ. Едва отрядъ ихъ настигнулъ, какъ всѣ они бросились « на землю, увѣряя, что не могутъ идти далѣе по причинѣ уста- « лости и голоду. Тщетно офицеры моего штаба истощали всѣ « убѣжденія : несчастные предпочитали лучше быть растоптан- « ными лошадьми, нежели возвратиться назадъ.

« Въ продолженіе всей моей военной службы я никогда не выды- « валъ подобнаго стыда : бѣглецы готовы были переносить все « безропотно, даже подвергались опасности лишиться жизни, съ « тѣмъ только чтобы не сражаться. Неповиновеніе превосходило « всякое вѣроятіе. Это служить доказательствомъ, что составъ « войскъ изъ отцевъ семействъ и домовладѣльцевъ—весьма дурная « военная система.

« Вторая бригада также не хотѣла идти впередъ, но, къ сча- « стію, непріятель дѣйствовалъ слабо и вовсе ее не преслѣдо- « валъ; одно это позволило третьей и четвертой дивизіямъ безо- « пасно пройти дефилей при Лоди.»

Піемонтская армія, прибывъ 3-го августа къ Милану, расположилась полукружіемъ, въ верстѣ разстоянія впереди города, за-

пшымъ пространствѣ отъ дороги изъ Милана въ Бергамо до Павійскаго Канала.

Растягивая войска свои впереди города и подвергая опасности свой единственный путь отступленія, находившійся на правомъ флангѣ, Карлъ Альбертъ надѣялся на помощь жителей Милана и хотѣлъ до конца сдержать данное имъ слово.

Австрійскія войска быстро наступали, и здѣсь произошло послѣднее сраженіе кампаніи 1848 года. Сардинцы сражались хорошо; особенно савойская бригада оказала отличное мужество и дралась до поздняго вечера. Во все время сраженія шелъ проливной дождь, раскаты грома смѣшивались съ гуломъ орудій. Къ вечеру зажжены были нѣкоторые дома городскихъ предмѣстій, изъ опасенія, чтобы ихъ не заняли Австрійцы. Тшетво во время боя Сардинцы ожидали къ себѣ подкрѣпленій изъ города: миланская молодежь, которая кричала недавно, что хочетъ погибнуть за свободу и погребсти себя подъ развалинами роднаго города, пропала безъ вѣсти съ своимъ богатырствомъ; какихъ-нибудь двадцать человекъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ подобно театральнымъ героямъ, вышли изъ Римскихъ Воротъ, закричали: *Morte ai Barbari!* и дали тягу. Вотъ вся помощь, которую оказалъ храбрый городъ своимъ защитникамъ. Втеченіе всего дня король находился тамъ, гдѣ было болѣе опасности, и, казалось, искалъ смерти; изъ его свиты двое убиты, подъ тремя переранили лошадей, но онъ остался невредимъ, какъ-бы для того чтобы на другой день быть свидѣтелемъ самой черной неблагодарности или самаго заслуженнаго возмездія за свою неблагородную политику.

«Рѣшимость короля защищать городъ» говоритъ Бава, котораго авторъ признаетъ храбрѣйшимъ и едва ли не способѣйшимъ изъ всѣхъ начальниковъ сардинской арміи, «несмотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, была дѣломъ великимъ и благороднымъ. Всѣ раздѣляли это убѣжденіе и съ нетерпѣніемъ спѣшили къ городу, надѣясь присоединить къ арміи своихъ надежныхъ друзей, Союзниковъ; надежныхъ потому, что всѣ съ удовольствіемъ вспоминали дружескій приемъ, оказанный намъ Ломбардцами, и обѣщанія жителей Милана пожертвовать всѣмъ для общаго дѣла, переносить всевозможныя лишенія и подвергаться всѣмъ опасностямъ. Но какъ мало дѣйствительность соотвѣтствовала ожиданіямъ! Казалось, все прошлое было забыто: жители встрѣтили насъ съ печальными и испуганными лицами; вмѣсто ожидаемаго продовольствія мы едва успѣли до-

« стать себѣ самое необходимое, такъ что многіе полки оставались безъ пищи втеченіе цѣлыхъ сутокъ.

« Эта непріятная встрѣча поразила насъ. Всѣ надежды исчезли и страхъ снова овладѣлъ сердцами нашихъ солдатъ.

« Цѣлый день тщетно прождали мы работниковъ, которые должны были укрѣпить нашу передовую линію; столь же напрасны были ожиданія прибытія миланскихъ инженеровъ, обѣщавшихъ намъ свое содѣйствіе.

« Ночь прошла спокойно. Король ночевалъ въ гостиницѣ у Римскихъ Воротъ.

« Четвертаго, на разсвѣтѣ, я сѣлъ на лошадь и съ генераломъ Пассалакквою осмотрѣлъ пространство между Гамбалойто и Каза-Роцца. Благодаря усердію полковника Ансальди, постъ при Каза-Роцкѣ былъ приведенъ въ хорошее оборонительное положеніе. Оттуда я поѣхалъ къ Тичинскимъ Воротамъ съ тѣмъ чтобы, по возвращеніи въ городъ, осмотрѣть расположеніе нашего лѣваго фланга.

« Было десять часовъ, когда я вѣзжалъ въ городъ, и въ эту минуту послышались ружейные выстрѣлы со стороны Гамбалойто. Я бросился въ первую попавшуюся карету и поскакалъ туда; но какъ дѣло происходило только между нашими и австрійскими егерями и не было видно, ни непріятельской артиллеріи, ни колоннъ, то, считая это за рекогносцировку, я отдалъ необходимыя приказанія и возвратился въ квартиру короля.

« Едва успѣлъ я прибыть туда, какъ вновь послышалась ружейная пальба и пушечные выстрѣлы: это побудило меня вскочить на лошадь и снова скакать къ Гамбалойто. На дорогѣ я встрѣтилъ войска, отступавшія изъ Ка-Біанки, и тутъ же узналъ, что непріятель отнялъ у насъ семь орудій, взялъ съ бою Маперато и Кастаньедо, обошелъ войска, тамъ находившіяся, и захватилъ ихъ артиллерію. Я схватилъ одинъ гвардейскій баталіонъ съ двумя орудіями и расположилъ его у Ка-Біанки: орудія наши открыли пальбу, но имъ живо отвѣчала непріятельская артиллерія.

« Въ это время на мѣсто сраженія прибылъ король съ своею свитой; непріятель обратилъ на него огонь свой; скоро три лошади въ королевской свитѣ были убиты. Я просилъ короля не подвергаться безъ нужды опасности, и онъ съ трудомъ согласился на мою просьбу.

« Къ тремъ часамъ по полудни непріятелю удалось пробиться до Римскихъ Воротъ. Встрѣченныя здѣсь баррикады, защища-

« мыя артиллерію, приостановили его наступленіе; всё улицы, « ведущія къ центру города, были хорошо прикрыты и упорно « защищаемы; часть нашего войска съ артиллерію заняла город- « скіе валы. Бой длился почти цѣлую ночь на пространствѣ ме- « жду воротами Бигентина и Тоза. Король во все время оставался « на мѣстѣ сраженія, а главная его квартира была переведена « изъ гостиницы въ палацъ Грешпи.

« Я также стоялъ въ огнѣ до глубокой ночи, занимаясь распо- « ложеніемъ остальныхъ войскъ по городскимъ валамъ, и преду- « предилъ городское начальство, что, въ случаѣ опасности, зажгу « нѣкоторые дома. Въ это время я получилъ приказаніе немедлен- « но явиться къ королю, и, спѣша къ нему, былъ изумленъ дѣя- « тельностью жителей и перемѣною, происшедшею въ обращеніи « ихъ съ нашими войсками. Миланцы устроивали множество бар- « рикадъ, привозили солдатамъ пищу и водку, сушили ихъ платье, « ободряли ихъ. Видя все это, невольно подумалъ я: зачѣмъ они « не обошлись такъ съ нами днемъ ранѣе?... радушный пріемъ « ободрилъ бы наши войска, заставилъ бы ихъ показать чудеса « храбрости и, быть-можетъ, побудилъ бы непріятеля раскаяться « въ своей смѣлости!...

« Во палацѣ, по приказанію его величества, былъ собранъ во- « енный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ генераловъ, чтобы рѣшить « что нужно дѣлать въ тѣхъ крайнихъ обстоятельствахъ, въ ко- « торыхъ мы находились. Здѣсь узнали, мы объ отступленіи глав- « наго парка за Но. Оставалась одна надежда притянуть его къ « Милаву черезъ Павію; но это могло исполниться только въ случаѣ « крайней оплошности непріятеля, и, главное, для этого нужно бы- « ло продолжительное время; а зарядовъ и натроновъ при арміи « почти не было, кромѣ тѣхъ, которые оставались въ солдатскихъ « сумкахъ. Въ городѣ можно было найти немного пороху; но тамъ « не было сварядовъ; съѣстныхъ припасовъ оставалось лишь на « нѣсколько дней, а денегъ въ полковыхъ кассахъ было всего « двадцать тысячъ франковъ. Правда, представлялась возможность « сдѣлать заемъ въ нѣсколько милліоновъ и собрать припасы изъ « окрестностей, но все это было ничтожно въ сравненіи съ по- « требностями арміи.

« Въ такихъ обстоятельствахъ дальнѣйшее сопротивленіе пе- « рріятелю было невозможно. Упорствовать—значило играть судь- « бою и будущностью Италіи, и потому военный совѣтъ рѣшилъ « войти въ переговоры съ Радецкимъ, сдать ему городъ и отсту- « пить за Тессино, если только фельдмаршалъ возьметъ на свою

« ответственность обещать безопасность жителям Милана и не-
« прикосновенности их собственности.

« Одинъ изъ генераловъ былъ тотчасъ отправленъ къ Радецко-
« му въ Санъ-Донато. Фельдмаршалъ объявилъ, что не имѣетъ
« полномочія въ политическомъ отношеніи, но отвѣчаетъ за дѣ-
« лопильню своего войска и обещаетъ имѣть особое попеченіе о
« сардинскихъ больвухъ и раненыхъ.

« На слѣдующій день, 5-го августа, король снова собралъ воен-
« ный совѣтъ и сообщилъ ему отвѣтъ Радецкого. Всѣ нашли от-
« вѣтъ этотъ честнымъ и выгоднымъ и сообщили о томъ город-
« скимъ цехамъ, національной гвардіи и магистрату.

« Въ то же время были собраны въ палацѣ Гресси ломбард-
« скіе депутаты и здѣсь, по порученію короля, я и еще другой
« генералъ объявили имъ, что, къ крайнему прискорбію своему,
« король долженъ ихъ оставить, но обещаетъ все возможное со-
« дѣйствіе піемонтскаго правительства къ смятенію участи лом-
« бардскихъ выходцевъ. По видимому, всѣ покорались этому рѣше-
« нію: Изъ числа присутствовавшихъ, только двое молодыхъ лю-
« дей начали сильно роптать на заключенный договоръ. Напрасно
« имъ выставляли причины, побуждавшія короля къ отступленію;
« упорствуя въ своемъ ослѣпленіи, они считали доставку продо-
« вольствія для войскъ дѣломъ легкимъ; еще легче казалось имъ
« достать денегъ: но это была мечта, мечта жалкая и грустная.

« Условія договора были перечитаны нѣсколько разъ; всѣ на-
« чали успоковаться; но молодые упрямцы не переставали го-
« ворить объ измѣнѣ, и обратились къ народу, говоря, что Сар-
« динцы заняли Миланъ только длятого чтобы сдать его италь-
« ятелю.

« Страшный, яростный кликъ о мщеніи мгновенно огласилъ
« улицы. Жизнь короля была въ опасности. Я упрямилъ монарха
« сѣсть въ среду его арміи. Король согласился и примолвилъ:—
« Хорошо, мы скоро отправимся.—Черезъ полчаса дѣйствительно
« раздались генераль-маршъ, но вѣсть съ тѣмъ поднялся страш-
« ный шумъ на дворѣ и подъ окнами дворца; чернь опрокинула
« проѣзжавшія кареты и устроила баррикады, чтобы король не
« могъ уѣхать.

« Я вышелъ на балконъ, чтобы узнать причину шума: буйная
« толпа встрѣтила меня всѣми возможными ругательствами и
« угрозами; изъ смѣшанныхъ криковъ я могъ только понять, что
« мнѣ грозятъ смертью. Едва я успѣлъ войти въ комнату, какъ
« здѣсь ждало меня новое, страшное зрѣлище: ко мнѣ прибли-

« зявся какой-то свирѣпый мужина; выкатившіеся глаза его вы-
« ражали непримиримую злобу. Онъ началъ упрекать меня въ
« несчастіи, постигшемъ городъ и его семейство. Тщетно я и мои
« приближенные старались успокоить его: онъ кричалъ все гром-
« че и громче, какъ-бы желая передать стоявшему подъ окнами
« народу свою безумную ярость. Это дѣйствительно и случилось:
« отовсюду слышалось слово — измѣна! — повторяемое тысячу
« десятковыхъ голосовъ. Положеніе наше становилось съ минуты
« на минуту невыносимѣе. Мы были одни; баррикады отрѣзыва-
« ли насъ отъ арміи; умертвить насъ было такъ легко, что, от-
«кровенно сказать, жизнь моя не подвергалась такой опасности
« во все продолженіе моего военного поприща.

« Между тѣмъ къ королю явилась городская депутація. Она
« была принята необыкновенно ласково. Король спросилъ: что
« вамъ нужно? — Войну или смерть было отвѣтомъ: а если ваше
« величество не согласитесь на наши требованія, то знайте, что
« ваша жизнь въ опасности; нѣтъ силы, которая бы въ эту ми-
« нуту могла бороться съ яростью народа. »

« Съ минутою король былъ пораженъ такою дерзостью, но по-
« томъ съ благосклонною важностью сказалъ депутаціи, что не
« замедлитъ дать ей отвѣтъ.

« Когда генералы вошли къ королю, онъ произнесъ: « Они не-
« премѣнно хотятъ войны! » Я отвѣтилъ на это: — Пожалуй, пусть
« будетъ война, но только не междуособная, а противъ Австрій-
« цевъ. — Всѣ присутствовавшіе были того же мнѣнія, и король
« приказалъ мнѣ объявить народу о томъ, что онъ перемѣнилъ
« свое рѣшеніе и будетъ защищаться.

« Исполненіе этого порученія стояло мнѣ большихъ усилій,
« потому что шумъ и беспорядокъ достигли высшей степени.
« Кое-какъ удалось мнѣ перекричать толпу; и едва новое коро-
«левское рѣшеніе сдѣлалось извѣстнымъ, какъ все успокоилось,
« но не надолго: за первую уступкою появились новыя требова-
« нія; хотѣли, чтобы король сообщилъ свое рѣшеніе въ прокла-
« маціи. Народъ, вида ненаказанность, безумствовалъ.

« Пользуясь минутою спокойствія, я хотѣлъ выйти изъ пала-
« ца, но эта попытка была безуспѣшна: меня осыпали бранью,
« начали толкать, и принудили вернуться въ палату. Тогда я
« обратился къ одному изъ возмутителей и просилъ его провести
« меня черезъ бѣснующуюся толпу, потому что мое присутствие
« между войсками необходимо для принятія средствъ къ новому

« сопротивленію. Такимъ образомъ мнѣ удалось наконецъ про-
 « биться сквозь толпу; но вѣкторые, зная куда и зачѣмъ я иду,
 « обвиняли меня въ измѣнѣ; остальные вторили имъ, осыпая
 « меня громкими ругательствами.

« Я взошелъ на лошадь и, въ сопровожденіи двухъ Мантуан-
 « цевъ, нѣсколькихъ ломбардскихъ офицеровъ и моихъ адъютан-
 « товъ, прискакалъ въ лагерь. По прибытіи туда, я послалъ орди-
 « нарца съ приказаніемъ, чтобы артиллерійскіе парки вытянулись
 « на дорогу къ Буффалорѣ. Солдаты наши были раздражены про-
 « тивъ Миланцевъ, требовали своего короля, хотѣли идти въ го-
 « родъ къ нему на выручку. Большихъ трудовъ стоило мнѣ ути-
 « шить ихъ справедливое негодованіе. Я говорилъ, что несправд-
 « ливыя дѣйствія противъ Милана не согласны съ волею короля, что
 « жители города, вѣроятно, скоро раскаются въ своей несправед-
 « ливости противъ того, кто принялъ на себя все бремя и все
 « опасности войны.

« Наконецъ удалось мнѣ возстановить порядокъ и послушаніе;
 « тогда я убѣдилъ герцога Савойскаго и другихъ генераловъ въ
 « необходимости принять мѣры къ оборонѣ на случай, еслибы не-
 « пріятель, пользуясь нашими безпорядками, перешелъ къ насту-
 « пленію; но 5-го все было спокойно.

« Посылавные мною къ королю офицеры были прогнаны
 « назадъ чернью. Мнѣ удалось только узнать, что герцогъ Гему-
 « ззскій, вознамѣрившійся дѣлить съ своимъ родителемъ опасно-
 « сти, былъ оскорбленъ и содержался въ плѣну вмѣстѣ съ ко-
 « родемъ.

« Съ нетерпѣніемъ ждалъ я вечера, все еще надѣясь, что мя-
 « тежники успокоятся и возвратятъ свободу королю и принцу;
 « наконецъ около десяти часовъ вечера получилъ черезъ молодого
 « Ломбардца Манцони извѣстіе о королѣ: онъ еще былъ въ плѣ-
 « ну, и мятежъ пылалъ съ тою же силою.

« Всякое дальнѣйшее замедленіе только увеличивало опасность.
 « Я сѣлъ на лошадь и, въ сопровожденіи Манцони, офицера ге-
 « неральнаго штаба графа Мацци, и пяти драгунъ, успѣлъ про-
 « браться черезъ баррикады къ палацу Бельджойозо; отсюда я
 « поскакалъ въ лагерь у Восточныхъ Воротъ принять мѣры къ
 « освобожденію короля. Улицы были пересѣчены баррикадами,
 « которыя останавливали насъ на каждомъ шагу. Я уже пере-
 « брался черезъ многія, какъ вдругъ раздались шаги, и я уви-
 « дѣлъ короля и герцога; за ними шли ихъ освободители: гвар-
 « дейскій батальонъ и рота стрѣлковъ. Утомленіе короля было

такъ велико, что онъ долженъ былъ на некоторое время остановиться для отдыха въ своей квартирѣ и потомъ уже отправиться въ лагерь.

Пятаго августа заключенъ договоръ съ фельдмаршаломъ Радецкимъ. Войско наше очистило Миланъ и отступило къ Тессино; только одинъ баталіонъ оставался у Римскихъ Воротъ для передачи ихъ неприятелю.

Шестаго, въ два часа утра, король оставилъ коллегіумъ Кальки и, подъ прикрытіемъ войскъ, освобожденныхъ его накануне изъ палаца Грешини, направился по улицѣ Сподья къ Барселлинскимъ Воротамъ. Неистовые крики, угрозы и требованія удержать короля въ городѣ, ружейные выстрѣлы и звонъ набата, сопровождали его на пути. Ужасавшій мракъ ночи освѣщался только пламенемъ пожара. Презрительная неблагодарность и ожесточеніе жителей возмущали сердца. Но этого было не довольно: ворота Барселлинскія были завалены; кругъ, составленный толпою около короля болѣе и болѣе сближался, и нужно было приняться за рѣшимость. Нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій разсѣяли толпу, и король былъ спасенъ..... Армія на слѣдующій день отступила черезъ Мадженту и Аббатграссо, и перешла границу, которую, двадцать недѣль назадъ, она перешла съ такою надеждою и увѣренностью.»

Мы не станемъ говорить о кампаніи слѣдующаго года, кончившейся блистательною побѣдою фельдмаршала Радецкаго при Новарѣ и обреченіемъ Карла-Альберта себя добровольному изгнанію, въ которомъ стыдъ и угрызения совѣсти скоро прекратили жизнь, слѣвавшуюся ему несосною послѣ покровительства столькимъ вѣроломствамъ, послѣ причиненія такихъ бѣдствій своему отечеству и всей Италіи. Со стороны Сардинцевъ это, попрежнему — рядъ непостижимыхъ ошибокъ въ соображеніяхъ и распоряженіяхъ. Съ противной стороны, если, въ первый походъ свой, маститый фельдмаршалъ болѣе выказалъ неустрашимость духа, твердость воли и умъ обильный средствами среди самыхъ тягостныхъ обстоятельствъ, если та кампанія была для него скорѣе школою въ полководствѣ чѣмъ поприщемъ, открытымъ опытности въ побѣдѣ, то въ походъ 1849 года онъ являлъ гений, истинно стратегическій, быстрымъ уразумѣніемъ ошибочныхъ дѣйствій неприятеля, искусствомъ пользоваться ими, и ловкостью въ нанесеніи вѣрнаго и рѣшительнаго удара. Подробное и прекрасное изложеніе этихъ превосходныхъ военныхъ дѣйствій читатели найдутъ въ книгѣ господина полковника Лебедева. Извлеченіе это, слишкомъ

недостаточное, но въ которомъ болѣею частью сохранены слова автора, достаточно показывающа, какъ книга любовника, и съ какою ясностью, съ какими безпристрастіемъ представляны въ ней для памяти русскихъ омицеровъ событія и дѣйствія, доставившія первое торжество правому дѣлу, которое вскорѣ потомъ Россія приняла подъ свое великодушное и могущественное покровительство.

СПЕРМАТОРЕЯ. *Въ двухъ частяхъ, съ тремя таблицами. Сочиненіе X. Иновоса, старшаго ординатора Обуховской Градской Больницы. (С. П.-бургъ, 1850, въ-12., стр. 834).*

Книга прекрасная. Мы когда-нибудь напишемъ, для общей пользы, разборъ ея по-латыни.

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

Стихотворенія Дѣвицы Е. С***. (Кіевъ, 1850). — На кіевскомъ Парнасѣ, который прежде назывался Лысою-Горою, сіяютъ нерѣдко чудныя поэтическія явленія. Мѣстные критики не умѣютъ отдать имъ справедливости. Въ числѣ такихъ явленій особенно примѣчательны «Стихотворенія Дѣвицы Е. С***», къ поэту, къ виртуозу, къ собачкѣ, къ счастью, къ новому году, къ нюхательному табаку, словомъ ко всему, что искони воспевадается на Парнасѣ съ лирою Аполлона. Кіевскіе критики самопроизвольно разбрали ихъ. Кіевскіе критики поступали противъ всѣхъ законовъ вѣжливости, и подлежатъ строгому наказанію. Наказаніемъ имъ будетъ служить огромный усѣхъ, который, ко стыду ихъ, «Стихотворенія Дѣвицы Е. С***» пашутся въ Петербургѣ, гдѣ ихъ читаютъ на-расхватъ. Особенно два сльдующія стихотворенія возбуждаютъ въ здѣшней столицѣ всеобщій восторгъ:

КЪ НЮХАТЕЛЬНОМУ ТАБАКУ.

«Нюхательный табакъ
Америка растение
Вошелъ въ употребленье
Американскій чудакъ

Сперва поселился
 Въ носсахъ пожилыхъ;
 Потомъ водворился
 Въ носсахъ молодыхъ.
 Чтобы живительному табаку
 Пристать къ безжизненному старуху.
 Не портить носовъ
 Красивыхъ, прямыхъ;
 Не парать платковъ
 Тонкихъ, носовыхъ:
 Но настоящиі калдахъ
 Не вухательный табакъ!»

КЪ СОБАЧЬ ВОНГАТУ.

«Тебя, собака вѣрная!
 Рука питаетъ щедрая.
 О съ тобою человѣкъ иной
 Появлялся бы своей судьбой.

На мягкой ты постели спишь
 И сладкій кусаешь пирога.
 Въ теплѣ, суши всегда сидишь,
 И грязью не марашь нога.

Но ты за властелина
 Свою грудью стоишь.
 Имѣнье господина
 Такъ неусыпно хранишь.

Когда незванный гость
 Внезапно входитъ въ домъ,
 Бросаешь ты свою кость,
 Сердито машешь хвостомъ.

Глаза твои ужасны
 Злой яростью блестятъ.
 И челюсти столь страшны
 Пѣной бѣшенства кипятъ.

Пугаешь ты своихъ ртомъ;
 Дахватишь и зубомъ.
 И сильный, дерзкій воръ
 Такъ и скачетъ чрезъ заборъ.»

РАВНЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ.

— Любители старинныхъ историческихъ книгъ съ удовольствіемъ узнаютъ объ открытіи для публики богатого въ этомъ родѣ кладу, изъ котораго могутъ они пополнить свои библіотеки рѣдкими сочиненіями. Императорская Публичная Библіотека отдѣлила и предназначаетъ къ продажѣ свои многочисленные дублеты, которыхъ каталогъ начала она печатать для удобства библіофиловъ. На первый случай издавъ онъ *Каталогъ дублетовъ по Отдѣленію книгъ историческихъ на иностранныхъ языкахъ*, какъ самому важному въ кругу книжной старины. Здѣсь замѣчаются цѣлые ряды Герберштейновъ, Калубковъ, Длугошей, Кромеровъ, Гроновіевъ, Моррери, Гроціевъ, Яблонскихъ, Яблоновскихъ, Охсоновъ, Меурсіевъ, Гейнхенціевъ, Поссевинновъ, Патюцкихъ, Оларіевъ, Липсіевъ, Фабриціевъ, Джанжей, Дитмаровъ, Целларіевъ, Тевнотовъ, всего что можетъ составить счастье археолога, изслѣдователя исторіи, библіомана. Очень мало между этими дублетами, которыхъ каталогъ по Отдѣленію историческому представляетъ болѣе шести тысячъ номеровъ на разныхъ языкахъ, встрѣчается изданій позднѣе половины послѣдняго столѣтія: всѣ прочія звѣнія принадлежатъ къ предъидущему времени, особенно къ шестнадцатому и семнадцатому столѣтіямъ. На эти богатства Императорской публичной библіотеки мы обратимъ особенное вниманіе читателей въ особенной статьѣ, а пока замѣтимъ, что между ними есть множество драгоценностей для изслѣдователей отечественной старины.

=

СЕНТЯБРЬ, 1850.

НОВЫЯ КНИГИ.

О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго.
Историческое изслѣдованіе Виталія Шулгина. (Кіевъ, 1850, въ 8-д.).

При современномъ взглядѣ на исторію, авторъ считаетъ необходимымъ изслѣдовать, сколько въ ея дѣла вмѣшивались женщины съ начала дѣль до нашего времени, для того, чтобы отнынѣ впредь исторія была полная, вѣрная и всесторонняя. Женщина, говоритъ онъ, какъ она ни унижена, всегда сохраняетъ власть надъ мужчинами.... дѣйствуетъ же она на человека своимъ особеннымъ образомъ, который вполне соответствуетъ ея женственной природѣ. Но кто понимаетъ женственность женщины? Рѣшительно, никто. Напрасно мужчина, опираясь на свою силу, стремился отнять у женщины значеніе ея въ жизни человека: есть какой-то вѣчный законъ, который авторъ называетъ силою исторіи, и который всегда уничтожалъ усилія человека, стремившагося подчинить женственность мужственности. Следовательно, по его мнѣнію, послѣ вопросовъ, поднятыхъ въ исторіи животрепещущею дѣятельностью, вопросъ о женщинахъ — одинъ изъ самыхъ важныхъ, и онъ рѣшается разобрать его всесторонно. Для вѣрнѣшаго раскрытія истины, господинъ Шулгинъ хочетъ разсматривать женщинъ субъективно, что значить: въ отношеніи къ самому себѣ — сколько я понимаю это слово — и сколько оно понятно между словами безъ смыслу и безъ цѣли.

У писателей, которые творятъ философію о женщинахъ, принято за правило — сперва все перемѣшать, все перепутать, и потомъ, въ этой мутной водѣ, удить заключенія, самыя вкусныя для философовъ

Т. Сп. — Отд. VI.

женственности. Господинъ Шульгинъ считаетъ за нужное следовать во всей строгости нкъ испытанной методѣ. Вся несообразности, которыя повторяли они одинъ за другимъ, повторяютъ и онъ за ними, для порядку. Они торжественно воспеваютъ нынѣшнее такъ называемое свободное положеніе женщины въ образованныхъ кругахъ европейскаго общества, полагая, что все въ Европѣ женщины точно также свободны и счастливы какъ княгини, графини, дворянки и гражданки, танцующія на балахъ и веселящіяся въ маскарадахъ, и господинъ Шульгинъ поетъ намъ ту же пѣсню. Для нихъ, Алены составляютъ одинъ страшный гинекей, и въ Римѣ надъ женщинами *тяготѣтъ вѣчная опека*, и для нашего автора во всей силѣ существуютъ тамъ тѣже самые ужасы. Они кричатъ, что *Востокъ унижилъ женщину до вещи, закрылъ лицо ея покрываломъ, замуровалъ ее въ гаремъ, окружилъ ея смухами*, и господинъ Шульгинъ идетъ на тѣ же безчеловѣчія, причисляя къ Востоку и древній Египетъ, гдѣ женщины ходили безъ покрывалъ, носили парики, пудрились, и участвовали во всѣхъ пирахъ наравнѣ рядомъ съ мужчинами, точно также какъ нынче въ Парижѣ. Они воображаютъ, будто въ *древнемъ обществѣ, восточномъ и классическомъ*, особенно замѣчательно *пристрастіе къ жизни публичной*, тогда такъ отличительная черта *новѣйшаго общества*—*перевѣсъ жизни домашней, семейной*, и господинъ Шульгинъ вѣрить этому вмѣстѣ съ ними. Позвольте, господа: о какой женщинѣ и какой *женственности* изволите вы разсуждать? Если вопросъ *поднять у васъ* исключительно о женщинахъ богатаго сословія, чрезвычайно малочисленнаго и подверженнаго вліянію прихотей, причудъ, модъ, такъ это дѣло другое. Но если вы говорите о всѣхъ женщинахъ вообще, то я утверждаю и могу доказать, что положеніе женщины, внѣ богатыхъ сословій въ цѣломъ мѣрѣ одинаково: у простаго народа, во всѣхъ пяти частяхъ вселенной, женщины одинаково свободны, одинаково стѣснены, одинаково счастливы, или несчастны, если вамъ угодно. Чтѣ вы изволите вопить такъ сердито противъ гинекеевъ, а по-русски теремовъ, если обожаете жизнь домашнюю, семейную? Теремъ, — убѣжища этой жизни. Нигдѣ состояніе людей не бываетъ и не можетъ быть такое домашнее, такое чисто семейное, какъ въ тихомъ непреступномъ пріютѣ хорошаго, комфортабельнаго терема, который, не забудьте — достояніе одного только богатаго человека. Да и тутъ все

зависитъ отъ господствующаго или моднаго контрибю принадежно-стижъ женской стыдливости. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы не шутите, утверждая, будто-бы у Древнихъ, у которыхъ правила этой стыдливости отличались несравненно болѣею строгостью чѣмъ у насъ нынѣшнихъ, не было настоящей семейной жизни?... и будто-бы мы женщины и мужчины, бѣгая взапуски весь бѣлый день и большую часть ночи по визитамъ, прогулкамъ, магазинамъ, объѣдамъ, театрамъ, концертамъ, вечерамъ, баламъ, клубамъ, живя вѣчно въ гостяхъ или для гостей, ускользая въ заднюю дверь отъ безпрестанныхъ посѣщеній, не зная обыкновенно сами, что дѣлаютъ наши дѣти и домочадны, что происходитъ въ нашихъ домахъ, всегда открытыхъ всякому, прозрачныхъ какъ стаканъ, убранныхъ до самаго темнаго уголка такъ, чтобы они служили болѣе для показу чужимъ чѣмъ для своего удобства, болѣе для глазъ публики чѣмъ для нуждъ нашего семейства, будто-бы мы не ведемъ жизни совершенно публичной, такой публичной, какой Древніе и въ сотой доль не знали? Одна наши трактиры, кофейные дома, библіотеки для чтенія, клубы, дилижансы, желѣзныя дороги, въдесятеро стоять празднованія Аѳинянъ и Римлянъ по агорамъ, форумамъ и портикамъ. Мы, несмотря на наши климаты, которые суровостью своей насильно располагаютъ къ сладостямъ домашняго быту, несравненно менѣе сидимъ у себя дома, нежели какъ сжижали эти южные люди, которыхъ потомки, при совершенно другихъ правительственныхъ формахъ, точно такъ же какъ и они любятъ проводить время на открытомъ воздухѣ. Незбѣжное слѣдствіе южныхъ климатовъ вы приписываете какимъ-то политическимъ причинамъ, а не хотите взять въ соображеніе того, что, благодаря газетамъ и бюрократическому характеру новѣйшей образованности, каждый изъ насъ и занимается публичными дѣлами, и знаетъ объ нихъ, болѣе всѣхъ Сократовъ и Катоновъ древности. Мы-то, мы, о! великіе философы *женственности*, нашей образованностью и ея деньгами, бездоннымъ источникомъ причудъ, обречены, и мужчины и женщины, на жизнь въ полномъ смыслѣ слова публичную — мы-то едва знаемъ, и мужчины и женщины, что такое жизнь *домашняя и семейная*, которая въ полной силѣ процвѣтала въ гинекеяхъ и теремахъ людей, кажущихся вамъ грубыми, безчеловѣчными. Востокъ-де заперъ женщинъ въ гаремы, завѣсивъ ихъ лица покрывалами, приставляя къ нимъ свнуховъ? Но еще въ шестнадцатомъ

векъ, въ Парижъ, тамъ, гдѣ философию независимости величаво выстуло отсюда ривалити новейшей женской свободы, самими женщинами являлось въ городѣ не иначе какъ въ покрывалѣ или, точнее, въ черныя волосистыя ситы, которыя позволяли все видеть изнутри, закрывая вволю лицо съ наружи, и которыя должны въ употребленіи у дамъ египетскихъ. Развѣ покрывало отнимаетъ у женщины малѣйшую частичку свободы? Оно препятствуетъ только мужчинамъ надоедать женщинъ неуместными волелитетвомъ. Такого была тогда мода въ благовоспитанномъ и достаточномъ классѣ; индская стыдливость такъ понимала свою безопасность, и покрывала, совершенно восточныя, были въ общій милосту у женщинъ, кадыкъ нынче блантатъ своимъ лицомъ на самое большое разстояніе. Да развѣ эти самыя женщины и въ наше время совершенно отказались отъ покрывала, воали, инстинктивного одѣянія женской головы? На Востоку, въ Тибетъ, въ Классъ, гдѣ женщины еще свободнѣе чѣмъ въ Парижѣ или Берлинѣ, гдѣ онѣ управляютъ возмъ хозяйствомъ, содержать трактиры, сидятъ въ лавкахъ, бывають въ мужскихъ обществахъ, и вовсе не смываютъ строгость своихъ правъ, все лучше воспитанныя дамы являются въ публикѣ съ лицомъ непременно выначаннымъ китайскою тушью или сажею — для хорошаго тону — изъ кокетливаго приличія, — чтобы не омуцать цѣломудрія многочисленныхъ Ламъ этой земли. Чернила служатъ имъ вывѣскою красоты и молодости: старыя и некрасивыя не прибѣгаютъ къ этому буддическому приличію. Глубина моей личной философіи не достаточна для открытія связи между покрываломъ и благосостояніемъ женщины. Для меня покрывало напротивъ — священный зававѣзъ *женственности*, царственной мантія достоинства слабаго и нѣжнаго пола. Обнаруживать или прятать нѣкоторыя части тѣла, въ каждомъ обществѣ — принадлежность господствующаго между женщинами понятія о существѣ стыдливости: въ одной землѣ считаютъ за безчестіе показать ноги, въ другой — руки, въ третьей — уши, въ иныхъ все лицо. Евровейка, свободная женщина по превосходству, которая на балахъ открываетъ грудь до крайнихъ предѣловъ возможности, сочла бы за величайшее безстыдство сдѣлать то же самое дома или въ небольшомъ дружескомъ кругу. Театральная танцовка ни за что въ свѣтъ не явится у себя на вечеръ въ невероятныхъ еврорваніяхъ балетнаго костюма. Все это, следовательно, зависитъ отъ понятій о приличіяхъ, понятій, создаваемыхъ и поддерживаемыхъ самимъ

изъ собственными, а не оторванными мужскими ногами не выкажут дилемма, а на эту *самую* землю, такъ мудро названнаго *своею исторіею*. Если въ древности и въ средніе вѣка женщины жили въ теремахъ, какъ теперь живутъ въ Китаѣ, если онѣ заперты въ гаремы, то еще, въ тѣ же теремы, на мусульманскомъ Востока, на то — нѣтъ добрая воля; такое у нихъ пошлѣе о египтянскихъ. Простыниши оно не какому-нибудь случаю и не захотѣ онѣ сидѣть въ теремахъ или гаремахъ, никакая въ онѣхъ сила, ни даже сила исторіи, не удержитъ ихъ тамъ, въ этихъ неприступныхъ оградахъ ихъ счастья. А пока сами онѣ не захотятъ, мужчины не болѣе сильны принудить ихъ къ затворничеству какъ и публичной жизни. Вспомните, что полтора-ста лѣтъ тому, несмотря на дву-вѣковой приливъ понятій и правозъ сосѣдней Польши, несмотря на ослабленіе старинныхъ русскихъ обычаевъ и готовность людей и дѣлъ къ коренной перемѣнѣ въ формахъ общества, благородныя русскія боярыни ни какъ не хотѣли оставить свои теремы: значить, онѣ были счастливы въ теремахъ. Все могущество турецкаго султана, во вѣль котораго Турки-мужчины надѣли желтымъ французскія перчатки, не въ состояніи раскрыть желѣзныхъ дверей мусульманскихъ гаремовъ, пока женщины не велятъ сами мужьямъ своимъ выписать для нихъ изъ Парижа, вивствѣ съ перчатками отъ маею Пандо, бальныя платья отъ мадамъ Бодранъ. Потому что у великаго мадминистра и у пяти, шести его вольможъ, есть свнухи, такъ изъ этого философы *женственности* замѣчаютъ, что Востокъ, жестокий Востокъ, окружилъ всѣхъ женщинъ свнухами! Между-тѣмъ, когда восточныя женщины рѣшатся промѣнять свое мусульманское счастье на счастье парижское и принять пышный титулъ свободныхъ женщинъ, свнухи навѣрное будутъ отпущены ими послѣдце — потому что это — признакъ ихъ званности, самая дорогая и самая рѣдкая статья роскоши, которою любятъ опружаться женская добродѣтель, изъ тиеславія. Куда какъ полезно было бы философамъ *женственности*, которые *поднимаютъ вопросы животрепещущей дѣятельности*, изучитъ людей вообще прежде, чѣмъ разсуждать о женщинахъ? На свнѣ, кажуцонся имъ такыя простыя и удобопонятныя, есть гораздо болѣе тайны, нежели какъ предполагаютъ эти философы.

Я оставляю въ поковъ *жизнью олову*, которая-де *многомала* у Римлянъ надъ женщиною. Каждому известно, что римское законодательство осталось и остается донынѣ основаніемъ всѣхъ новѣйшихъ евро-

воинскій законеній о женщинахъ въ гражданскіихъ отношеніяхъ. Точка такая не означалъ ослѣдствія по писанному закону надъ Французскою, кака я тѣготала надъ Римлянкою.

Предметъ, избранный господиномъ Шульгиннымъ для «историческаго изслѣдованія», состояніе женщины въ Россіи до Петра Великаго, могъ бы доставить случай къ очень любопытной книгѣ: но я боюсь, судя по этому первому «выпуску» женственности, что онъ доставитъ только предлогъ къ пошлему субъективному разглагольствію. Авторъ начинается сдѣлака и свысока: съ *Амазонки* и со *Славянки*.

Что касается до *Славянки*, то я, признаться, не могу представить себя такой женщины, потому что *народа Славянъ* не знаю, видѣвъ объ немъ не читалъ, ни отъ кого изъ вѣрныхъ людей, ни въ исторіи, ни внѣ ея, не слыхивалъ. Я знаю только *племя славянское*, раздѣленное на множество народовъ, которыхъ родины, вѣры, обычаи, законы, занятія, образы жизни и мыслей, всегда, при глазахъ исторіи были такъ разнообразны, такъ различны, что въ скудномъ умѣ своемъ я никакъ не потрафлю составить себѣ типъ абсолютнаго Славяннина, или идеальной Славянки. Мнѣ не безъизвѣстно, что многіе умные люди, у насъ и за границую, или за границую и у насъ, дошли созерцаніемъ до этого чуднаго типа, но, для такихъ отвлеченностей, надо быть ужаснымъ славянскимъ философомъ.

На счетъ *Амазонокъ*, которыхъ существованію въ древнія времена совершенно вѣрить намъ ученый авторъ въ своемъ историческомъ изслѣдованіи женщины и женственности, я осмѣлюсь доложить, что и я имъ вѣрю: да и какъ не вѣрить, когда это было сѣверное сіяніе! Амазонка — существо такое же достовѣрное какъ и Ирида, олицетворенная радуга. Кромѣ господина Шульгина и меня, Амазонкамъ вѣрятъ еще и другіе ученые, особенно Бухарцы и Персіяне: но увѣренію этихъ отличныхъ историческихъ изслѣдователей, которые у насъ торгуютъ халатами, *Гамазинъ*, Амазонки, водятся донны въ Средней Азій, у таинственныхъ верховцевъ Аму-дарьи, гдѣ никто не бывалъ. Противъ такихъ авторитетовъ, какъ, прошу, утверждать или доказывать дѣло, почти уже не требующее нынче доказыванія, что повѣсть объ Амазонкахъ произошла отъ мнѣологической идеи Свѣра о Валькюрияхъ, или райскихъ героиняхъ Одиновцовъ, объ этихъ избранныхъ *двахъ*, *valkyrie*, которыя сражались съ избранными *мужьями*, *valquir*, въ чертогахъ избранныхъ, *Valhalla*, и которыхъ по-

тѣхнѣхъ битвы на небѣ изображалась свѣтлою игрою северныхъ силнѣй? Зачѣмъ и упоминать, что древнѣя преданія Оддиновъ помѣщали землю Валькюрій въ нынѣшнихъ олоонецкой и архангельской губерніяхъ, въ странѣ северныхъ силнѣй, гдѣ ни кто нежилъ, и что это — подлинная земля баснословныхъ Амазонокъ, о которыхъ легковѣрная древность любила рассказывать такія мыльные вещи. Если бы мы съ господиномъ Шульгинымъ были ориенталистами, то можетъ-быть открылся бы чудное обстоятельство — что и слово *hamazim* есть только простой переводъ слова *valkyrie*, *избранная или райская дѣва* — изъ чего онъ конечно заключилъ бы еще скорѣе и вѣрнѣе моего, что басня объ Амазонкахъ очевидно пришла къ Грекамъ черезъ посредство народовъ перскаго племени, населявшихъ Малую Азію и Кавказскую страну. *Скьольдъ-ло*, *Жены-Щиты* норманскихъ сагъ, я увѣренъ, признаны были бы имъ естественнымъ видоизмѣненіемъ той же почтенной повѣсти. Но онъ Славянинъ, и ориенталистомъ быть не захочетъ. Для его системы, для славы и блеску женственности, ему нужны настоящія Амазонки.

Въ этомъ первомъ выпускѣ исторической философіи женственности, онъ еще не дошелъ до исторіи — до настоящаго предмета своего изслѣдованія — до состоянія женщины на Руси во времена, предшествовавшія осемнадцатому столѣтію, или вѣку Петра Великаго, и, для почину, потышается гипотезами о Славянкахъ, Амазонкахъ и женственности вообще. Разумѣется, что по первому выпуску не должно судить о второмъ и третьемъ, но очень позволительно пожелать имъ болѣе дѣла и болѣе исторіи.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

1. КАРТА ЗВѢЗДНАГО НЕБА.—2. ОБЪЯСНЕНІЯ КАРТЫ ЗВѢЗДНАГО НЕБА, *приспособленной къ общенародному понятію и одобренной Военно-топографическимъ Дѣломъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Составилъ* Гр. Раевскій. *Изданіе второе.* (Спб., 1850). — Карта эта предназначена къ употребленію тѣхъ, которые, не учась астрономіи, желали бы узнать названіе, виды и положеніе на небѣ главнѣйшихъ созвздій. Посредствомъ изготовленнаго авторомъ *Кружка*, который прикладывается къ картѣ, они могутъ отыскивать на

известных перюдичеи времени прокошечены иаждого созвездія чертъ иу черту и высоту его надъ горизонтомъ, подъ волимъ широтами владѣннго русскаго царства.

РАСЧЕТЫ ЗЕМЛЕМѢРЕНІЯ.

— Лѣтъ двадцать тому, господинъ Перцовъ, бухгалтеръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ издавъ подъ названіемъ «*Расчеленія о металлахъ по горной части*», собранію таблицъ, показывающихъ количества чистаго золота и серебра въ литатурныхъ мѣсахъ отъ одного фунта до двухъ сотъ пудъ и отъ самой низкой до самой высокой пребы; количества почилныя слѣдующихъ съ золота вѣсъ вѣсовъ, добываемаго въ различныхъ притскахъ; сравненіе иностранныхъ вѣсовъ съ русскаими; вычисленіе процентовъ на доставленныя капиталы; платежи и взысканія по вробирнымъ палаткамъ, и такъ далѣе. Книга его была въ употребленіи и въ казенныхъ мѣстахъ и у частныхъ лицъ. Но какъ въ двадцать лѣтъ и законы и прокошечество по горной части значительно измѣнились, то господинъ Перцовъ, передѣлавъ и пополнявъ таблицы свои согласно съ нынѣшнимъ положеніемъ того и другаго, издавъ ихъ вновь подъ тѣмъ же заглавіемъ.

— Господинъ Трико издавъ въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ «*Nouvelles leçons de littérature française et de poésie*», обширное собраніе расположенныхъ по предметамъ выписокъ изъ французскихъ и нѣвѣйшихъ французскихъ прозаиковъ и поэтовъ. По показанію заглавнаго листа, книга эта принята къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ Ея Величества и министерства народнаго просвѣщенія. Мы полагаемъ, что и въ домашнемъ воспитаніи родители и наставники могутъ, не только съ удобствомъ, но и съ большою пользою, прибѣгать къ ней какъ къ обильному и разнообразному сборнику лучшихъ отрывковъ французской словесности для чтенія съ дѣтми и для упражненій въ переводѣ.

VII.

С М Ъ С Ь.

ПОГОВОЗЪ, МАШИНА ДЛЯ ЖЕЛЪЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪЗМЪНЪ ПАРОВОЗОВЪ. Изобрѣтеніе пзды пшыкомъ. Преобразованія въ управленіи англійскими желѣзными дорогами до такой степени нынче въ ходу, что, при доказанной уже пользѣ и необходимости введенія малыхъ, но частыхъ поѣздовъ и небольшихъ паровозовъ на мѣсто поѣздовъ рѣдкихъ, но огромныхъ и паровозовъ необыкновенной силы и тяжести, дѣло идетъ теперь не болѣе и не менѣе какъ о чистой отставкѣ парамъ и уничтоженіи паровозовъ. Опытъ мудрѣе всѣхъ теорій. Опытности желѣзныхъ дорогъ исполняется сегодня (перваго сентября) ровно двадцать лѣтъ, и результатъ этого продолженія времени даетъ право утверждать, что первые изобрѣтатели правилъ для ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ совершенно ошиблись въ своихъ расчетахъ. По желѣзнымъ дорогамъ въ Великобританіи проѣзжаетъ теперь въ годъ до 60,000,000 пассажировъ, для которыхъ ходитъ не менѣе 100,000 поѣздовъ. Слѣдовательно, каждый поѣздъ, среднимъ числомъ, везетъ только 60 человекъ. Между-тѣмъ, при сильныхъ и тяжелыхъ англійскихъ паровозахъ издержка на каждый поѣздъ такова, какъ-будто двигалъ онъ 700 или 800 пассажировъ. На самыхъ главныхъ, самыхъ цвѣтущихъ желѣзныхъ дорогахъ Англій, если сравнить число пассажировъ съ числомъ поѣздовъ, на каждый поѣздъ приходится не болѣе 100 человекъ, которые, по 3¼ пуда на человека,

вѣсятъ всё вмѣстѣ 350 пудъ. Значитъ положить еще 350 пудовъ на вѣсъ экипажа, для самой многолюдной ѣзды и для самой важной желѣзной дороги, совершенно достаточны, при частыхъ поѣздахъ, машины имѣющія силу тащить только 700 пудъ вѣсу. Но 700 пудъ, это — кто бы подумалъ, при видѣ пылѣвшихъ страшныхъ поѣздовъ! — сила одной лошадки. Маленькая лошадь можетъ тащить 700 пудъ вѣсу по желѣзнымъ рельсамъ. Изъ чего же хлопотали въ Англии, заводя на рельсахъ паровыя машины, которыя, съ тендеромъ, вѣсятъ не менѣе 20, 25 и 30,000 пудъ? Тридцать тысячъ пудъ вѣсу, чтобы двигать семь-сотъ пудъ!... явный перазсчетъ!

На короткихъ линіяхъ, возлѣ большихъ городовъ, ѣзда бываетъ самая сильная и во многихъ случаяхъ доходитъ, среднимъ числомъ, до 200 человекъ на поѣздъ. На нашей царско-сельской желѣзной дорогѣ при среднемъ числѣ одиннадцати поѣздовъ въ сутки или при 4,000 поѣздовъ въ годъ, бывали въ хорошіе годы до 700,000 пассажировъ: среднимъ числомъ въ сутки проѣзжали до 1,000 человекъ и каждый поѣздъ возилъ 175 сѣдоковъ. Если бы эта желѣзная дорога, какъ всѣ важныя линіи, имѣла двѣ пары рельсовъ и поѣзды отходили бы черезъ каждыя полчаса или 16 разъ въ день туда и 16 разъ обратно, то 32 поѣзда, воза по 60 человекъ, перевезли бы въ день ровно такое же число людей, а при маленькихъ машинахъ, способныхъ тащить 100 человекъ, могли бы перевезти въ день 3,200 человекъ. Въ экстренные дни число поѣздовъ могло быть увеличено до 40 и до 50, такъ что они были бы достаточны для 4,000 и 5,000 пассажировъ. Около Лондона, на короткихъ линіяхъ поѣзды ходятъ черезъ каждыя четверть часа, и даже черезъ каждыя десять минутъ; число ихъ доходитъ въ день до 200. Съ машинами такой ограниченной силы, въ сутки могутъ проѣхать 20,000 человекъ. Надо замѣтить, что легкіе поѣзды при длинномъ экипажѣ — самые безопасныя для устройства ѣзды; кромѣ того заведеніе ихъ обходится втрое дешевле и издержки на ѣзду уменьшаются до половины.

На основаніи этого разсчета, выведеннаго изъ чистой практики, Адамсъ дѣлаетъ вывѣче въ Англии маленькія паровыя машины, которыя везутъ 120 человекъ со скоростью 60 верстъ въ часъ и уже введены въ употребленіе на двухъ значительныхъ линіяхъ. Поѣздъ состоитъ изъ легкаго, но длиннаго паровоза и двухъ вагоновъ, изъ которыхъ одинъ до половины занятъ тендеромъ, или магазиномъ для угля и воды.

Но преобразованія не останавливаются на этомъ коренномъ измѣненіи первоначальной системы. Въ журналѣ *The Builder*. (Зодчій) пишутъ, что одинъ инженеръ, по имени Пассерано, пиемонтскій уроженецъ, получилъ въ Англіи привилегію на изобрѣтенный имъ *ноговозъ* — потому что *паровозомъ* этой машины назвать нельзя: она дѣйствуетъ безъ паровъ и приводится въ движеніе *ногами*, — и что этотъ ноговозъ или ноговратъ, *pedirrotator*, можетъ везти шестьдесятъ человекъ *со скоростью ста верстъ въ часъ*. Въ вагонѣ устроены наклонный кругъ, или ходъ со ступенями, *pedivella*, по которому ходятъ лошади шагомъ и который заставляютъ онѣ вращаться упоромъ ногъ своихъ и своею тяжестью. На этотъ кругъ навинуть ремень, соединяющій его съ осью главныхъ или, какъ называютъ въ паровозахъ, *двигательныхъ* колесъ. Вотъ все устройство: оно не сложнѣе токарскаго станка. Компания желѣзной дороги *South-Western* заказала у господина Пассерано известное число такихъ ноговозовъ, которые намѣрена она употребить, на первый случай, на боковыхъ линіяхъ. Только компания требуетъ ноговозовъ съ меньшею скоростью, а съ болѣею силою, именно такихъ, которые бы могли везти сто человекъ съ скоростью шестидесяти верстъ въ часъ.

Разумѣется, что вмѣсто лошадей, ничто не мѣшаетъ на наклонный кругъ поставить людей — двадцать — тридцать человекъ — сколько помѣстится. Да и зачѣмъ далеко везать! пассажиры «третьяго класса», то есть, третьихъ мѣсть, охотно ставятъ на кругъ. Не нужно даже держать работниковъ, кормить ихъ, платить имъ жалованье. Заплатите бездѣлицу пассажирамъ третьяго класса: они в очень рады будутъ случаю походить во время ѣзды, для общей пользы. Вотъ радикальное преобразованіе! Бѣда пѣшкомъ изобрѣтена. Сеньоръ Клементе Пассерано льститъ себя мыслию, что благодарное человечество воздвигнетъ ему статую величественнѣе Стивенсоновой, какъ изобрѣтателю такихъ желѣзныхъ дорогъ, которые не только не берутъ денегъ съ пассажировъ, но еще платятъ сѣдокамъ за удовольствіе путешествовать по нимъ.

Незнакомые съ положеніями механики сочтутъ за невѣроятное, чтобы лошади, идучи *шагомъ*, не впереди, а внутри экипажа, могли заставить его двигаться съ быстротою ста верстъ въ часъ. Но если наклонный кругъ въ вагонѣ, по которому ходятъ лошади, имѣетъ пять аршинъ въ поперечникъ, или 15 аршинъ съ краю, а ось большихъ двигательныхъ колесъ $\frac{1}{2}$ аршина въ окружности, ободы же этихъ колесъ 10 аршинъ пути при каждомъ

поворотѣ оси, — колеса должны быть прикрѣплены къ оси, которая вертится вмѣстѣ съ ними, какъ въ паровозахъ, — и если наклонный кругъ сообщенъ съ осью ремнемъ, шнуромъ или канатомъ, хорошо на нее навернутымъ, то при каждомъ поворотѣ наклоннаго круга ось повернется 30 разъ, а двигательныя колеса пройдутъ по рельсамъ 300 аршинъ, или 400 сажень. Лошадь, идущая шагомъ, проходитъ версту въ десять минутъ, или 50 сажень въ минуту. Какъ наклонный кругъ вѣдетъ окружность, то есть, ходьбы въ каждый оборотъ свой пятнадцать аршинъ, или пять сажень, то въ одну минуту лошади повернутъ его 10 разъ и въ то же время ось двигательныхъ колесъ повернется 300 разъ, а колеса сдѣлаютъ пути 3,000 аршинъ или 4,000 сажень, то-есть, 2 версты въ минуту, или 120 версты въ часъ. Быстроэта, при легкости экипажа, не только совершенно законна въ механическомъ отношеніи, но и безопасна въ употребленіи, потому что движеніе поѣзду не усиливается «приобрѣтенною скоростью», или раскатомъ тяжести. Шнуръ, навернутый на ось, не позволяетъ раскатываться. Движеніе, по этому, ровное; остановить его очень легко, удержавъ наклонный кругъ задвижкою, и даже столкновенія не опасны, потому что поѣздъ, состоящій, вмѣстѣ съ машиною, изъ одного только экипажа, довольно длиннаго, не выскакиваетъ изъ рельсовъ и не представляетъ толчку значительнаго сопротивленія. Если только лошади своей тяжестью и умомъ ногъ преодолеваютъ давленіе вагона на рельсы и треніе всего механизма и сдвинутъ наклонный кругъ съ мѣста, такъ вагонъ пойдетъ непременно со скоростью, сообразною съ радиусами наклоннаго круга, оси и двигательныхъ колесъ. Въ нелучшемъ случаѣ соединяются здѣсь мускулярная сила ногъ съ тяжестью тѣловища животныхъ и, вѣроятно, для умноженія этой действующей тяжести, изобрѣтатель накладываетъ еще на лошадей какой-нибудь грузъ. Если экипажъ съ сѣдоками вѣситъ не болѣе 500 пудъ, то сила двухъ прилично нагруженныхъ лошадей можетъ быть очень достаточною для ѣзды съ необычайною скоростью по рельсамъ, которые, подъ такую ничтожную тяжесть, сохраняютъ совершенную горизонтальность, не станутъ гнуться въ срединѣ и не будутъ выходить по концамъ изъ снаевъ, отъ чего ѣздоки по желѣзнымъ дорогамъ при нынѣшнихъ непомерно большихъ паровозахъ ощущаютъ безпрестанную тряску, нередко переходящую въ весьма неприятыя толчки.

итоминица жано левона. Работы надъ гробницею Наполеона въ Домъ Инвалидовъ, отложенныя на некоторое время, снова начались съ большою дѣятельностью.

Безъ сомнѣнія каждому интересно будетъ прочесть программу этихъ удивительныхъ работъ.

Желая заманить деревенскій балдахинъ, сдѣланный въ 1809 году по рисункамъ Тренса, архитекторъ нашелъ средство опустить его въ склепъ, нисколько не вѣртя купола; онъ только воздвигнулъ новый балдахинъ выше прежняго осемью ступенями и получалъ черезъ это необходимую высоту. Главный алтарь, стоявшій прежде внизу этого балдахина, онъ перенесъ въ церковь противъ церковной трапезы и на этомъ мѣстѣ открылъ дверь, ведущую въ склепъ и украшенную двумя фигурами, представляющими силу гражданскую и военную и держащими въ рукахъ императорскіе знаки. Надъ дверью на мраморной доскѣ написано желаніе, которымъ начинается завѣщаніе Наполеона, писанное на островъ Святой Елены, желаніе, исполненное:

«Я желаю, чтобы прахъ мой лежалъ на берегахъ Сены среди французскаго народа, такъ много мною любимаго».

Стѣны входа, ведущаго въ склепъ, обложены бѣлымъ мраморомъ, внизу его находятся два барельефа: одинъ представляетъ гробницу Наполеона на островъ Святой Елены, другой Францію, принимающую смертныя останки своего императора. Четыре погребальныхъ бронзовыхъ канделябра украшаютъ это преддверіе, ведущее въ склепъ, посреди котораго стоитъ саркофагъ, заключающій останки великаго чловѣка. Этотъ саркофагъ высѣченъ изъ финляндскаго краснаго ачичнаго мрамора, имѣетъ четыре метра длины и два метра ширины; онъ состоитъ изъ трехъ члѣнныхъ кусковъ: крышки, корпуса и подножія. Полъ изъ богатой мозаики, на подобіе флорентинской, представляющей лавровый вѣнокъ, находится у подножія этого саркофага.

Двадцать статуй, представляющихъ победы съ аллегорическими знаками въ рукахъ, созерцающія смертныя останки великаго полководца, окружаютъ саркофагъ.

Стѣны портика украшены десятью барельефами, изображающими дѣянія, прославившія царствованіе законодателя.

Этотъ портикъ ведетъ наконецъ въ подземную комнату. Въ ней

положена аустерлицкая шага. Сорокъ знаменъ, и значки, носимыя Наполеономъ, положены на жертвенникъ у ногъ статуи Бонапарта, представленнаго стоящимъ въ императорской мантии; все это окружено богатою рышеткой, черезъ которую, при свѣтѣ лампы, можно видѣть драгоценные заложы, тутъ заключающіеся.

По принятому плану, саркофагъ, стоящій на срединѣ подъ куполомъ, имѣетъ видъ величественный и простой, потому что окруженъ всеми военными и гражданскими почестями, прославленными царствованиемъ Наполеона.

Двадцать лампъ будутъ повѣшены подъ портикомъ, но зажгены будутъ только во дни поминовенія, то-есть, въ день его ангела; въ день смерти и перенесенія въ Домъ Инваллидовъ, когда будетъ совершаться въ память его божественная служба.

Входъ въ Вобанскій дворъ будетъ раздѣленъ крестообразно, и во украсится статуями товарищей его по оружію, сносившихъ славу Наполеона. Погребальныя украшенія располагаютъ посетителя гробницы Наполеона къ благоговѣйному чувству, давая входу видъ *sans reproche*.

ТЕРЕЗА МИЛАНОЛЛО. Между милыми талантами, появившимися въ последнее время въ музыкальномъ искусствѣ, замѣчательны сестры Миланолло, объѣзжавшія Европу съ скрипкой въ рукѣ. Одной было только десять лѣтъ, другая была немножко старше. Младшая, Марія, казалась талантливѣе; преждевременный умъ какъ электрическая искра блистала въ ея голубыхъ и чистыхъ глазахъ, но душа ея, слишкомъ сильная для ея слабой оболочки, скоро улѣтѣла въ лучезарныя области. Старшей, Терезъ, пережившей глубокую горестъ жестокой потери, должно быть теперь двадцать два года. Она родилась въ Самилано, піемонтскомъ городкѣ, гдѣ отецъ ея былъ фабрикантомъ шелковыхъ прядильнъ. Трехъ лѣтъ отъ роду, присутствуя при исполненіи обѣдинъ съ полнымъ оркестромъ, ребенокъ былъ поразително скрипичнымъ соло, вставленнымъ туда, какъ это дѣлается въ Италіи. Съ-тѣхъ-поръ она не давала родителямъ покою пока они не позволили ей учиться музыкѣ. Сначала ей дали лучшаго учителя въ Самилано, потомъ примѣтивъ возрастающіе утѣхи дѣвочки, отецъ отвезъ ее въ Туринъ, брать уроки у перваго королевскаго скрипача. Ей было тогда шесть лѣтъ. Тереза Миланолло играла для публики

въ первый разъ въ большомъ марсельскомъ театрѣ, потомъ приѣхала въ 1837 году въ Парижъ, гдѣ давалъ ей совѣты известный скрипачъ. Усиѣхъ Терезы пробудили музыкальный инстинктъ сестры ея Маріи, которая также захотѣла учиться на скрипкѣ. Тереза была ея учительницей и передала съ материнскою заботливостью знаніе, приобретенное оъ трудомъ. Сестры любили другъ друга какъ птички, сидѣнія на одной и той же вѣткѣ, поютъ и перекликаются другъ съ другомъ. Модуляціи старшей отдавались въ сердца младшей и заставляли его звучать. Такъ пробѣгали они по свѣту, трудясь, распѣвая, собирая цвѣты и вѣйки по дорогѣ. Послѣ смерти юной Маріи, Тереза оставалась долго неутѣшной и не хотѣла дотрогиваться до инструмента, напоминавшаго ей грустную потерю. Тереза Миланола истинный талантъ. Она обладаетъ почти всеми качествами виртуозки перваго разряда, энергіей безъ преувеличенія, граціей безъ жеманства. Смычокъ ея твердъ и мягокъ. Онъ отдѣляется отъ струны, безъ крикливости, съ звукомъ полнымъ, чистымъ *pastoso*. Трудности, за которыя она берется, никогда не превышаютъ ея способностей; она выбираетъ піесы сообразно силъ своего исполненія — великое доказательство вкуса и здраваго смысла, которые не всегда встрѣчаются у артистовъ. Скрипка для Терезы Миланола не инструментъ, не причудливая игрушка, а другъ, послушная истолковательница чувствъ, волнующихъ артистку и звучныхъ порывовъ, пробѣгающихъ по ея возможному воображенію. Она *поетъ*, а не *играетъ*, и особенно нравится въ ней то, что она не употребляетъ ни неприятныхъ усилій, ни кривляній. Одни глаза измѣняютъ ея волненію.

ОХОТА ЗА СЕРНАМИ. Этой опасной охотой занимаются многіе жители горъ окружающихъ долину Шамуни. Когда знаешь, какъ эта охота происходитъ, то удивляешься, почему этотъ родъ жизни, вмѣстѣ столь трудный и опасный, имѣетъ неясннмую прелесть для привыкшихъ къ нему.

Охотникъ выходитъ обыкновенно ночью, чтобы на разсвѣтъ быть уже на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ пасутся серны до прихода стада. Лишь только онъ увидитъ мѣсто, гдѣ надѣется найти ихъ, онъ осматриваетъ его въ зрительную трубку. Если же тамъ не находятъ ихъ, то взбирается выше; если же увидитъ, старается подойти ближе вдоль рытвинъ или скрываясь за утесами,

хладнокровно прицѣливается и редко даетъ промахъ. Когда онъ подстрѣлитъ серну, то бѣжитъ къ своей добычѣ и подрывиваетъ ей поджилки; потомъ осматриваетъ дорогу, по которой долженъ возвратиться въ свою деревню; если путь труденъ, онъ одрастъ кожу съ животнаго и беретъ ее съ собою; въ случаѣ же если дорога хоть немного возможна, вваливается серну на плеча, и несетъ домой, часто черезъ пропасти и на огромномъ разстоянн. Онъ кормитъ себя и свою семью ея мясомъ, которое очень вкусно, особенно когда животное еще молодое, а кожу сунуть на продажу.

Часто случается, что осторожное животное, увидавъ охотника, въ величайшемъ быстротомъ скрывается въ ледникахъ, въ снѣгахъ, въ самыхъ крутыхъ утесахъ. Особенно трудно приблизиться къ нимъ, когда они находятся вмѣстѣ: тогда одна изъ сернь, пока другія иссутся, стоитъ на сторожѣ на самомъ высокомъ утесѣ, съ котораго видны все дороги, ведущія на пастбище. И лишь только часовой замѣтитъ какую-нибудь опасность, испускаетъ родъ свиста, и тотчасъ все серны бѣгутъ къ нему, чтобы самимъ судить о родѣ и предметѣ опасности. Если онъ увидятъ, что это хищный зверь или охотникъ, тогда опытнѣйшія изъ нихъ принимаютъ надъ остальными начальство и все обращаются въ бѣгство въ неприступныя мѣста.

Тогда-то настаетъ трудъ для охотника; тогда-то, увлеченный своею страстью, онъ пренебрегаетъ и забываетъ великую опасность: проходить по снѣгамъ, не думая о пропастяхъ, которыя подъ ними могутъ скрываться, идетъ по самымъ опаснымъ тропинкамъ, переходитъ съ утеса на утесъ, не помышляя какъ надобно будетъ съ нихъ слезать; часто ночь застигаетъ его среди этихъ преслѣдованій, но это не удерживаетъ его, онъ надеется, что темнота остановитъ сернь и что онъ можетъ встрѣтить ихъ на другой день. Такимъ-образомъ онъ проводитъ ночь не подъ деревьями, ни въ пещерѣ, устланной землемъ, но на краю утеса, часто на обломкахъ его, гдѣ нельзя найти никакого убжища. Тамъ онъ вынимаетъ изъ своего мешка немного сыръ и кусокъ овсянаго хлѣба, составляющій обыкновенную его пищу; хлѣбъ такой сухой и твердый, что онъ принужденъ разламывать его между двумя камнями или разрубить топоромъ, который беретъ съ собою, чтобы прорубать дорогу между льдомъ. Онъ возмалъ заетъ свой утѣренный ужинъ, кладетъ камень подъ голову и засыпаетъ, размышляя, куда могли бы убѣжать ~~хищники~~, которые онъ

преследуют. Вскоре пробужденный сознательно утра, онъ встаетъ одиошальной оръ колоды, измеренной глазами пронзаети, которыми движется перейти, чтобы насчитать ссертъ, выливать немного воды, которую всегда носить съ собою въ небольшомъ количестве, взваливать мѣшокъ на плечи и смѣло идти на новые опасности. Такимъ-образомъ охотники проводятъ несколько дней сразу въ подобномъ одиночестве, и въ продолженіе этого времени къ семейству изъ особенностей несчастныхъ жены находится въ ужасномъ безпокойствѣ; она не идетъ даже спать, боясь чтобы мужья не появились нѣтъ во снѣ: тамъ думаютъ, что человекъ, погибшій между льдами или на льдомъ-шбудь неизвѣстнымъ утосъ, является ночью особъ, дорвой его сердцу, извѣстить, гдѣ находится его тѣло и просить отдать ему послѣдній христіанскій долгъ.

вѣсти изъ вандосъ-айрена. Въ областяхъ Аргентинскаго Союза, какъ во всей южной Америкѣ, народонаселеніе разделяется на два различныхъ класса: городъ и деревню. Жители городовъ, происходящіе отъ испанскихъ колонистовъ, перемѣнились съ иностранцами до того, что уже не походятъ на Испанцевъ. Жители деревень, напротивъ, сохраняютъ первобытшій отпечатокъ. До генерала Росаса, который особенно старался слить въ одно обѣ породы, укротить полудикій характеръ второй, это рѣзкое раздѣленіе двухъ кастъ, было главною причиною многочисленныхъ распрей, опустошавшихъ страну. Смѣшеніе было трудно, и теперь еще не совсѣмъ полно, однако легко узнается въ бѣносъ-айренской провинціи, особенно въ частяхъ, освоенныхъ съ городомъ.

Обитатель деревни, называемый гаучо, существо особенное, которому подобнаго нѣтъ ни въ пустыняхъ Азии, ни въ степяхъ Америки. Области Аргентинскаго Союза почти можно назвать необитаемыми, потому что на пространствѣ, равномъ пространству всей Франціи, едва считается осемь-сотъ тысячъ жителей. Въ долинахъ, находящихся въ этихъ провинціяхъ, городовъ нѣтъ, а только *эстансіо* (мызы), одинокія, среди огромныхъ пустынь. *Эстансіеро* живетъ одинъ, безъ меланій, безъ промышленности, безъ земледѣлія. Единственное занятіе его помѣчать и бить, когда наступитъ время, скотъ, его единственное богатство. Гаучо живетъ только мясомъ и водою; употребленіе хлѣба, сырыхъ яицъ, овецъ, ягндовъ, ему неиз-

вѣстно. Одежду свою онъ грубо выкраиваетъ изъ воловьей кожи, или прядетъ изъ бараньей шерсти; нѣсколько колеетъ и трехъ бычьихъ кожъ довольно ему для постройки убажища, когда онъ останавливается въ какомъ-нибудь мѣстѣ; потому что обыкновенно онъ спитъ на воздухѣ, завернувшись въ свое пучко. Его простое, но страшное оружіе, состоитъ изъ *ласоболасъ*, — широкаго ножа, заткнутаго за поясъ. Гаучо остается по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, во видѣ человеческого лица, скитаясь среди безчисленныхъ стадъ, покрывающихъ долины. Когда имъ овладѣваетъ голодъ, онъ верхомъ на лошади, бросается за быкомъ, накидываетъ арканъ, зарывываетъ его въ трепещущаго еще мяса вырываетъ любимый кусокъ, рѣдко принимая трудъ изжарить его, довольствуясь тѣмъ, что размягчаетъ его нѣсколько времени подъ сѣдломъ лошади. Легко понять, какъ эта одинокая и нелюдимая жизнь разрушаетъ у гаучо всякое общественное чувство и какую глубокую ненависть долженъ онъ питать къ обитателямъ городовъ, которые умѣютъ наслаждаться благосостояніемъ образованности и извлекать пользу изъ его тяжкаго ремесла.

Сколько гаучо удалялся отъ всѣхъ успѣховъ образованности, столько житель городовъ приближался къ нимъ съ жадностью. У горожанъ, благодаря дѣятельности торговли, находишь не только европейскій комфортъ, но еще и знаніе, вкусъ, моды, почти можно сказать европейскій духъ.

Поле въ провинціи Бэносъ-Айрешъ совершенно обнажено, его покрываетъ густая трава, орошаютъ многочисленные ручьи, извищящіяся въ лугахъ, мѣстность плоская, земля необыкновенно плодородная, но еще не тронута; едва въ окрестностяхъ города найдется нѣсколько садовъ.

Городъ Бэносъ-Айрешъ построенъ по однообразному плану и разбитъ на прямые четверугольники. Дома въ одинъ этажъ, всѣ выкрашены бѣлой краской и съ виду очень чисты и щеголеваты. Городъ очень населенъ теперь, жителей болѣе ста тысячъ, кажется въ цвѣтущемъ состояніи; торговля огромная, въ прошломъ году триста европейскихъ кораблей сложили туда грузъ свой.

Росасъ представитель деревенской партіи; онъ увѣряетъ, что происходитъ отъ благородной и старинной испанской фамиліи, которая прежде, во время покоренія края, эмигрировала въ эту часть Америки, и что его зовутъ Хуанъ-Мануэль, Ортисъ де-Росасъ; въ

но то, что онъ владелъ значительной эстансію, изъ которой своимъ умомъ и строгостью умѣлъ сдѣлать образцовое заведеніе, когда разразилась первая междоусобная война. Росась былъ одаренъ отъ природы всеми превосходствами, которыя могли возвысить его между гаучо, его товарищами. Ни одинъ житель долины не умѣлъ такъ укрощать дикую лошадь, управляя такъ ловко *ласомъ* и *боласомъ*, никто съ такимъ проворствомъ не обращался съ ножомъ, никто не бросался такъ хладнокровно и презрительно среди опасностей, и не выпутывался изъ нихъ счастливейше. Этихъ физическихъ качествъ было бы достаточно, чтобы поставить его въ первомъ ряду между полу-дикарями. Росась умѣлъ присоединить къ нимъ достоинства высокаго ума и познанія необыкновенныя, въ странѣ, отдаленной отъ центра просвѣщенія. Сначала его произвели офицеромъ въ милицію и скоро сдѣлали окружнымъ комендантомъ; черезъ нѣсколько времени онъ заставилъ объявить себя губернаторомъ.

Теперь Росасу отъ пятидесяти-осьми до шестидесяти лѣтъ; говорятъ, что онъ страдаетъ подагрой и разными другими недугами, но по наружности этого не видно; росту онъ высокаго, черты правильны и выражаютъ твердость; глаза живы и проницательны. Когда онъ разговариваетъ съ иностранцами, благородство осанки, важность движеній, изысканность въ выраженіяхъ, могутъ заставить думать, что онъ постоянно жилъ въ обществѣ людей съ высокими познаніями; иногда онъ старается, хотя безуспѣшно, выказывать добродушіе, но знаетъ, что это ему не удастся и употребляетъ это средство только съ людьми, которыхъ считаетъ ниже себя въ умственномъ отношеніи. Когда же онъ находится съ гаучо, своими прежними товарищами, тонъ его и манеры измѣняются: тогда уже онъ человѣкъ не учтивый и образованный, не дѣловой и не ученый, а укротитель быковъ и лошадей, охотникъ за тиграми, обитатель *плимпасовъ*; слова его становятся грубы и непристойны, движенія принимаютъ выраженіе, известное только въ пустыяхъ.

Изъ того, что мы сказали о Росасѣ, можно понять, какъ онъ хитеръ; прибавьте къ этому упорный и рышительный характеръ, волю неотступающую ни передъ какою необходимостью, высокое умственное превосходство надъ всеми окружающими, и вы поймете также безграничное могущество, до котораго достигъ этотъ человѣкъ.

Росась трудолюбивъ неизменно, днемъ спитъ, а ночи проводитъ

въ кабинетъ. Только въ четыре часа поноудимъ выходить изъ своей комнаты. Лѣтомъ, когда онъ въ деревнѣ, можно видѣть, какъ онъ гуляетъ отъ четырехъ часовъ до шести, въ саду, открытомъ для всѣхъ или играетъ съ огромной тигрицей, которая рычитъ на всѣхъ, а услышавъ звукъ его голоса, дрожитъ и смиренно ложится. Въ шесть часовъ онъ закусываетъ немного, потомъ садится за работу и обѣдаетъ съ двумя шутами, въ странной одеждѣ, которые стараются разсѣять его своими островами, играми, иногда дракой. Говорили, что Росасъ окруженъ стражей, — ни чуть не бывало. Домъ его красивый и обширный, всегда съ открытыми дверями, стоитъ на большой дороге. Часто трудно встретить слугу, чтобы велѣть доложить о себѣ, въ его кабинетъ или въ его спальню также легко попасть, какъ и въ дворъ, на который выходятъ эти комнаты; у главныхъ воротъ вѣтъ ни часового, ни сторожа.

Послѣ Росаса главную роль во всемъ союзѣ играетъ дочь его Мануэлига. Положеніе, которое эта женщина умѣла себѣ приобрести, единственно, какъ и положеніе отца ея, хотя относительно далеко не такъ важно, потому что въ государственныхъ дѣлахъ съ ней не совѣтуются; однако во всѣхъ дѣлахъ второстепенной важности, она пользуется свободой дѣйствовать и правомъ говорить, ей только одной предоставленными. Мануэлига, такъ сказать, помощникъ статсъ-секретаря, заведывающаго большою правительственной частью.

У ней свои секретари, своя канцелярія, своя корреспонденція; она умѣетъ находить время для множества важныхъ работъ, не пренебрегая общественными отношеніями, которыя налагаютъ на нее умъ и природная любезность. Во многихъ сочиненіяхъ, эту женщину представили вакханкой, которая безпрестанно возбуждаетъ отца къ насилию и предается непрерывнымъ оргіямъ; нѣтъ ничего несправедливее; не нужно коротко знать Мануэлига, довольно видѣть ее въсколко минутъ, чтобы убѣдиться въ лживости такихъ разсказовъ. Мануэлига дочь Росаса: ей предстояло побѣдить много предубѣждений, разрушить страшную ненависть, однако ее любятъ и уважаютъ въ цѣлой странѣ; это, кажется лучшей отвѣтъ на клеветы. И какъ можетъ быть иначе? Если кто смягчаетъ строгость Росаса, если кто проситъ и получаетъ милости, заставляетъ оказывать правосудіе, то это Мануэлига, всегда и одна только Мануэлига. Она единственная надежда

несчастныхъ, притворенныхъ, немущихъ, и эта надежда рѣдко обманывается.

Мануэлига высока ростомъ и очень стройна. Говорять, что ей тридцать четыре года, но на видъ не болѣе двадцати-осми. Черты ея правильны, въ испанскомъ родѣ, то-есть, рѣзко обрисованы. Большіе черные глаза показываютъ большую силу воли, но въ рѣшительныхъ взглядахъ есть выраженіе доброты и необыкновенной кротости. Волосы черные, какъ смоль, выказываютъ матовую бѣлизну кожи. Вся ея наружность дышетъ граціей и изяществомъ, которыя встрѣчаются только у испанскихъ женщинъ, умѣющихъ соединять съ прелестью красоты небрежность, легкость въ манерахъ, неизвѣстныя женщинамъ другихъ странъ.

Мануэлига обладаетъ въ высшей степени умѣемъ принимать. Ни одна Парижанка не исполняетъ лучше роль хозяйки, она очень весела, но веселость ея хорошаго тому знатной дамы; она говоритъ по-французски, по-английски и по-итальянски, какъ на родномъ языкѣ, и какой бы оборотъ не принялъ разговоръ, будь онъ важный, нустой и легкомысленный, она находитъ средство блеснуть правдивыми замѣчаніями или остроумными шутками. Мануэлига любитъ, и не бывъ тамъ никогда, знаетъ Францію и французское общество. Если удивляются, что она говоритъ о Парижѣ какъ-будто тамъ родилась, она отвѣчаетъ, что одна изъ ея прабабушекъ съ материнской стороны была Француженка и что нельзя же ей не знать своей стороны. Мануэлига питаетъ къ отцу глубокую любовь и безграничную преданность.

Аргентинское общество довольно привлекательно. Мужчины образованы и приятной наружности, женщины красоты замѣчательной и если есть недостатокъ въ образованіи, то онъ, какъ въ Испанки, одарены приятнымъ умомъ и граціей. Въ нарядахъ выказываютъ изумительную роскошь, можно даже сказать, что онѣ опережаютъ парижскія моды, которыя у нихъ еще болѣе кратковременны чѣмъ на мѣстѣ. Ничто не можетъ сравниться съ роскошною пышностью оперы. Въ день представленія, ослѣпленный взоръ примѣчаетъ только обширный амфитѣатръ, сіяющій золотомъ, шелкомъ, тюлемъ, кружевами, которые выказываютъ бѣлыя плечи, черные волосы и придаютъ прелесть изящества богатствамъ природы.

АРТИСТЪ ВЪ КАЛИФОРНІИ. Пріѣхавъ въ Санъ-Франсиско, нишеть къ редактору одной газеты Генрихъ Герцъ, я нашелъ тамъ столько друзей, Американцевъ, Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ, что тотчасъ же былъ совершенно *at home*. Только эти друзья по большей части, преобразовались. Тѣхъ, которыхъ я привыкъ видѣть въ Нью-Йоркѣ, проводящихъ жизнь въ усладительномъ *fat piéte*, продаютъ нынче платье, башмаки, мелочные товары и прочія такого же реду статьи. Другіе, которые при моемъ отъѣздѣ пытались отличиться въ званіи адвоката или пѣвцовъ, стали *аукціонистами* и очень хорошо исполняютъ свою новую должность; вообще зарабатываютъ много денегъ. Я видѣлъ какъ парижскіе львы продаютъ дичь, застрѣленную ими, по неслыханнымъ цѣнамъ, хотя дичь здѣсь находится въ изобиліи, видѣлъ какъ живописцы посвящаютъ кисть свою на малеваніе вывсокъ и берутъ *унцію* (осемьдесятъ франковъ) *за каждую букву*: видѣлъ какъ настоящіе джентльмены вызывались переносить мои фортепіано и получали отъ меня, различными суммами, до трехъ-сотъ долларовъ за эту услугу. Словомъ, видѣлъ столько необыкновенныхъ вещей, что не смѣю сообщать ихъ, подъ опасеніемъ обвиненія въ преувеличеніи; но все внесено въ журналъ мой и вы найдете тамъ подробности прейнтересныя. Теперь скажу вамъ только, что я очень радъ, что рѣшился сдѣлать это путешествіе. Я посвятилъ страну прелюбопытную, нашелъ тамъ друзей, которые обошлись со мною какъ нельзя лучше, далъ двѣнадцать концертовъ, которыхъ успѣхъ далеко превзошелъ мои надежды и сверхъ-того могъ оцѣнить несомнѣвную дѣятельность и предпримчивый духъ Американцевъ. Никакой другой народъ въ мірѣ не успѣлъ бы сдѣлать изъ Калифорніи то, чѣмъ она сдѣлалась въ ихъ рукахъ почти въ одинъ годъ. Я очень удивился, найдя здѣсь знатоковъ, восторженныхъ любителей музыки, я бы могъ вообразить себѣ, что я въ Нью-Йоркѣ или въ Новомъ-Орлеанѣ. Вотъ маленькое приключеніе, случившееся со мною; оно въ этомъ отношеніи довольно примѣчательно. Наканунъ моего отъѣзда, меня просили дать концертъ въ городкѣ Беничіа. Все было приготовлено и я нашелъ по пріѣздѣ залу, набитую толпой, не доставало только одной вещи, и самой главной — фортепіано. Я спросилъ, нѣтъ ли у кого въ городѣ этого инструмента. Мнѣ отвѣчали, что есть, но не нашлось людей перенести его. Публика между тѣмъ начинала терять терпѣніе, я взошелъ на эстраду и изъяснилъ неожиданную неспрїятность. Только-

то! слышалось со всехъ сторонъ, пойдѣмъ, принесемъ сами фортепiano! И въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ явился инструментъ, принесенный дилетантами.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО. Молодой Парижанинъ, поэтъ Дюбоа, не имавшій излишества ни въ умѣ ни въ деньгахъ, истощилъ всѣ источники своего поэтического жару, не получивъ ни малѣйшаго знака благосклонности. Наконецъ онъ окончилъ рядъ своихъ посланій одою, посвященною принцессѣ Полинѣ, любимой сестрѣ Наполеона. Въ поэтическомъ бреду, онъ къ похваламъ принцессѣ примышалъ совѣты Марсу, проникнутыя мечтою всеобщаго мира. Великія дѣла часто врозьстекаютъ отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ; одна изъ горничныхъ принцессы была дальней родственницей поэта. Она искусно избрала благоприятную минуту, чтобъ представить посланіе ея высочеству, которая прочла только рифмы Pauline и divine, находившіяся въ каждой строфѣ, и обвѣщала свое покровительство автору такихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей.

— Но гдѣ же онъ?

— Въ передней, отвѣчала услужливая родственница.

— Пусть войдетъ, сказала принцесса.

Нашъ поэтъ тотчасъ-же былъ введенъ въ благоуханный будоаръ Полинны.

— Что я могу сдѣлать для васъ? спросила воспитанная принцесса, послѣ обычныхъ изъявленій благодарности.

— Я прошу покровительства вашего высочества для полученія небольшой должности, по какой бы то ни было части государственнаго управленія.

— Въ такомъ случаѣ, хотите служить у Фуше?

Поэтъ отвѣчалъ, что будетъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Прелестная Полина тотчасъ-же сѣла за письменный столъ, и написала къ его свѣтлости герцогу Отрантскому о мосьѣ Дюбоа, какъ о превосходномъ чловѣкѣ, способномъ на все, и въ которомъ она принимаетъ живѣйшее участіе. Часъ спустя, ея protégé столъ у дверей раздавателя милостей, но не бывъ знакомъ, ни рекомендованъ Швейцарамъ, разумется не могъ добраться до министерской передней и долженъ былъ оставить свой патентъ въ рукахъ людей, совершенно равнодушныхъ, и дѣйствительно онъ былъ брошенъ въ кор-

зину, со всеми другими занесками того дня, потому обильно и переходившими въ печь, находящуюся въ передней. Однако жъ, когда Фуше вечеромъ возвратился изъ совѣта министровъ и ему ихъ подали, онъ тотчасъ замѣтилъ, что на одной изъ нихъ былъ гербъ императорскаго дома, поспѣшно распечаталъ ее, прочелъ сначала до конца, и въ ту же минуту приказалъ, чтобы четыре жандарма были готовы сопровождать его карету на другой день въ десять часовъ утра. Въ этотъ никто не сомнѣвался, что онъ долженъ возвратиться въ Сентъ-Клу, для сообщенія какого нибудь вѣрно важнаго дѣла; каково же было всеобщее удивленіе, когда услышали, что его свѣтлость отдѣлъ приказаніе сопровождать его въ мало извѣстную улицу квартала Halle. Тамъ-то помѣщался нашъ любимый мюзъ, въ тотомъ этажѣ было его воздушное жилище. Тутъ не было ни привратника, ни даже номера при входѣ; надобно было у булочника того дома осведомиться о мѣстѣ жительства нѣкоего писателя мосѣ Дюбоа.

— Здѣсь живетъ какой-то бѣднякъ на чердакѣ, называющійся этимъ именемъ, отвѣчала булочница. Не знаю, точно ли онъ писарь, но онъ мнѣ долженъ за два ерька.

И тотчасъ же вышедъ изъ лавки, она позвала его изъ всѣхъ силъ. Бѣдный поэтъ, высунувъ голову изъ слуховаго окошка и приметя на улицѣ карету и жандармовъ, не сомнѣвался болѣе, что вѣроятно не понравились выходы его, на счетъ общаго мира, и что теперь арестуютъ его и заключатъ въ Бисетръ, гдѣ онъ будетъ имѣть время раскаться въ своей смѣлости. Въ отчаяніи, повинувшись своему страху, онъ счелъ благоразумнѣйшимъ спрятаться подъ кровать. Фуше, не получая отвѣта, рывиися вскарабкаться въ шестой этажъ. Надо имѣть талантъ Бомарше и Лесажа, или обладать комизмомъ Потье, чтобы описать оригинальную сцену. Фуше успокоиваетъ его, вытаскиваетъ изъ нечаяннаго убѣжища, не смотря на утренній, небрежный нарядъ поэта, усаживаетъ его возлѣ себя въ карету, везетъ въ домъ министерства и приглашаетъ завтракать съ собою.

— Чѣмъ вы желаете быть? мосѣ Дюбоа, сказалъ ему герцогъ въ небольшомъ промежуткѣ между блюдомъ котлетъ à la saubise, пожираемыхъ голоднымъ поэтомъ и рагу изъ куропатокъ, отъ котораго плава его не могли оторваться, — что я могу для васъ сдѣлать?

— Все, что будетъ угодно вашей свѣтлости; и равне буду благодаренъ за благодѣяніе.

— Ну, такъ хотѣте отъправиться на островъ Эльбу? Я могу сдѣлать васъ генералъ-комиссаромъ полиціи.

— Я поѣду на край свѣта, чтобы сдѣлать удобное вашей свѣтлости, отвѣчалъ поэтъ, считая за сонъ все случившееся съ нимъ въ продолженіе часа.

— Я подпишу назначеніе и вы отправитесь завтра. Пріѣхавши въ Порто-Феррайо, вы найдете тамъ инструкціи. Между-тѣмъ примите что въ счетъ вашего жалованья.

И тутъ же вложилъ ему въ руку свертокъ золота. Сборы поэта были не долги: онъ все могъ бы уложить въ табакерку. Дюбоа взялъ мѣсто въ дилижансѣ, и вотъ нашъ герой какъ будто бредя на яву, вхалъ какъ Санхо на свой островъ, и скоро прибылъ къ мѣсту своего назначенія. Въ это же время представлялись два соискателя для подрядовъ добыванія желѣзной руды, въ значительномъ количествѣ находящейся на островъ Эльбъ. Новоприбывшій, казался, пользовался большимъ довѣріемъ въ Парижъ: видя его облаченнымъ важною должностію въ администраціи острова, каждый изъ соперниковъ старался воспользоваться его благосклонностію. Одинъ предложилъ часть въ своемъ предпріятіи за его покровительство. Новѣй начальникъ, видя колесо своей фортуны повернувшимся въ его сторону, не отказался. Общала, подписывалъ все, чего желали; безъ сомнѣнія случаю было угодно, что откупъ достался его товарищу и принесъ ему большія выгоды; сынъ Аполлона, мало понимающій въ добываніи желѣзной руды, производящейся не на Парнасъ, продалъ свою часть за триста тысячъ франковъ, и обратилъ ихъ въ ломбардные билеты государственнаго банка, не подвергающіеся никакой опасности.

Послѣ этого Фуше встрѣтилъ въ первый разъ при тюльрійскомъ дворѣ принцессу Полину, бывшую въ отсутствіи на водахъ баньберскихъ.

— Ваше высочество, надвюсь, довольны помыщеніемъ своего protégé? спросилъ у нея министръ.

— Какого protégé, герцогъ, я не понимаю васъ.

— Но, ваше высочество, мосье Дюбоа.

— Дюбоа?... Я не знаю никого изъ этой фамиліи.

— Ваше высочество не помните о письмѣ, написанномъ вами три мѣсяца тому, въ которомъ вы поручаете мнѣ самымъ настоятельнымъ образомъ москѣ Дюбоа, сочинителя, въ которомъ вы принимали живѣйшее участіе.

— Ахъ! Боже мой, еказала смѣясь принцесса, теперь я вспомнила, герцогъ: это бѣдный поэтъ, родственникъ моей горничной, посвятившій мнѣ свою оду. Что онъ, канцелярскимъ чиновникомъ въ какой-нибудь канцеляріи?

Раздосадованный министр, взбѣшенный, что остался въ дуракахъ, остерегался сказать, что онъ произвелъ его въ важные чиновники, но добрые друзья при дворѣ узнали о томъ и постарались повсюду разгласить.

Самъ Бонапарте забавлялся, подсмѣиваясь надъ министромъ, у котораго были привычки, совсѣмъ не забавныя, какъ это всѣмъ известно. Никто не усумнится, что приказъ увольненія отъ должности былъ такъ же скоро исполненъ какъ и приказъ о помѣщеніи его.

Нашъ поэтъ ниспалъ съ своего важнаго мѣста какъ Санхо съ губернаторства на своемъ островѣ.

Но триста тысячъ франковъ были уже отсчитаны, банковые билеты взяты и, по возвращеніи въ Парижъ, онъ въ мирѣ могъ продолжать свои бесѣды съ музами и не имѣлъ недостатка въ охотникахъ до чужихъ обздовъ, восхищавшихся его стихами и раздѣлявшихъ его трапезы, за которыя щедро расплачивались желѣзные рудокопники острова Эльбы.

НЕ ВСЯКАЯ РЕПУТАЦІЯ СПРАВЕДЛИВА. Согласитесь, милая Фа-ни, что подобное намѣреніе не можетъ-быть серьезно.

— Ошибаетесь, оно совершенно серьезно, мой милый Теодоръ.

— Неужели вы желаете, чтобы я затворилъ двери гостеприимства върному другу, который, по приглашенію вашего брата и изъ привязанности ко мнѣ, пріѣхалъ изъ-за пятьдесятъ шести миль. Подумайте же объ этомъ, сдѣлайте милость; Гедеонъ пріѣдетъ сегодня же.

— Вы знаете очень хорошо, что братъ не счелъ за нужное сказать мнѣ объ этомъ приглашеніи. Я можетъ-быть, отсвѣтвала бы ему.

— А для чего?

— Для того, чтобы неимѣть нужды просить его выпроводить учти-

вѣщнымъ и поспѣвающимъ образомъ вашего неизбежнаго друга, москѣ Гедсона Бикетта.

— Вамъ неудобно даже оправдать вани прихоти, Фанни?

— А вамъ неудобно быть разборчивѣе въ своихъ выраженіяхъ?

И оба собесѣдника въ молчаніи продолжали прогулку въ небольшомъ паркѣ, по излучистымъ аллеямъ котораго ходили въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Первый изъ нихъ былъ молодой человекъ, съ прекрасными манерами, нѣсколько изысканной наружности, съ немножко надмѣннымъ голосомъ; ему можно было дать отъ двадцати осьми до тридцати лѣтъ и лицо его было довольно пріятное. Женщина, которую онъ называлъ дружескимъ именемъ Фанни, была нѣсколькими годами моложе его и имѣла нѣсколько физическихъ преимуществъ передъ нимъ: то-есть, она заслуживала двойной титулъ молодой и хорошенькой женщины. Онъ не былъ женатъ, она была вдова.

Онъ промоталъ половину своего родоваго состоянія, потому что не женился.

Она удвоила свое приданое бракомъ съ человекомъ, весьма уважаемымъ, смерть котораго въ непродолжительномъ времени разорвала этотъ союзъ. Невозможно было найти партію болѣе пріятную. По этому москѣ Теодоръ рѣшился ухаживать за прелестною вдовушкою. Съ своей стороны, она довольно благосклонно принимала исканія молодаго человека, чтобы отнять надежду у многочисленныхъ обожателей, которыми была окружена. Время свадьбы, по случаю которой въ продолженіе цѣлой недѣли волновалось нѣсколько гостинныхъ, назначено было въ концѣ осени, и въ свѣтъ это дѣло считалось уже рѣшеннымъ. Вниманіе и любопытство вскорѣ нашли себѣ новую пищу. Москѣ Дежнѣ, братъ Фанни, сохранилъ въ окрестностяхъ Ретеля наследственное имѣніе, куда всякій годъ съѣзжалось все семейство проводить послѣдніе лѣтніе мѣсяцы. Друзья и знакомые находили здѣсь самое любезное гостепримство. Въ то время года, когда весь Парижъ, разумѣется Парижъ аристократическій, богатый, изящный, разъѣзжается по Франціи и за-границу, замокъ москѣ Дежнѣ служилъ пристанью, куда чаще всего направлялись золотыя волны нѣкоторыхъ эмигрантовъ и останавливались здѣсь на долгое время. Вотъ здѣсь-то мы встрѣчаемъ нашихъ нареченныхъ. Легкое облако, казалось, помрачило небо привязанности, по обыкновенію довольно спокой-

нее. Фанни подумалась, Теодоръ искалъ средствъ къ приращенію, которое обезпечило бы за нимъ победу.

— Милая Фанни, сказалъ онъ леденящимъ голосомъ: отъ огорченіемъ вижу, какъ вы дурно истолковали мою мысль, или по-крайней-мѣрѣ я выразилъ ее словами, о которыхъ теперь сильно сожалею и отъ всего сердца отказываюсь отъ нихъ.

— Объяснитесь сделайте милость. Я вамъ ясно делаю вопросъ: хотите вы или нѣтъ, пожертвовать мнѣ москѣ Гедсономъ Бикеттомъ?

— Вы очень хорошо знаете, что я пожертвовалъ бы вамъ цѣлымъ свѣтомъ, но....

— Свѣтомъ мнѣ, а мною вамъому другу Я оказываю вамъ мнѣмъ.

— Вы по собственному произволу перевернули ее самыми злыми образомъ; чтобы пресѣчь все противорѣчія, я обязываюсь не только уважать ваши желанія, одобрять, и поддерживать ихъ, но даже не опираться противъ нихъ. Съ зажмуренными глазами я принимаю все предубѣжденія, которые, кажется, вы питаете противъ бѣднаго Гедсона.

— А, наконецъ я найду васъ такимъ, какимъ вы любите представляться въ моихъ глазахъ. Я ничего болѣе не желаю.

— Вѣрю.

— Развѣ я взыскательна?

Теодоръ поцѣловалъ только ручку Фанни и продолжалъ:

— Теперь, когда мы такъ хорошо и великодушно выгнали Гедсона, не будетъ большою нескромностью, если я спрошу у васъ причину ненависти, безжалостно питаемой къ нему?

— Вы не отгадываете?

— Кажется, вы никогда не встречали его?

— Это правда.

— По истинѣ, я не могу понять, въ чемъ вы можете обвинять его?

— А его репутація?

— Его репутація?

— Да. Развѣ онъ не изъ числа тѣхъ мужчинъ, у которыхъ сердце и умъ чужды всякой разборчивости? Развѣ новый Донъ-Жуанъ не сдѣлалъ изъ любви ненасытимое честолюбіе? Признаюсь вамъ, Теодоръ, я за васъ боюсь довѣренности и можетъ-быть совѣтовъ добродѣтельного друга.

Улыбка проскользнула по губамъ Теодора.

— Вы, конечно, не знаете, сказалъ онъ помолчавъ, что позавчера глазамъ другихъ, значить смотрять въ увеличительное стекло. Къ тому же, не смотря на свою репутацію, справедлива она или нѣтъ, Гедеонъ хорошо принятъ въ лучшихъ обществахъ, и здѣсь даже у него найдутся старинные друзья, не менѣе достойные уваженія. Я увѣренъ, что если бы вы согласились посмотреть на него безъ предубѣжденія, вы бы скоро сдѣлались его другомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не нѣтъ чюла женить, любосодыль снскожде-
нїемъ ебодрающнхъ все.

— Вы увлеклись бы невидомому прелестью...

— Нѣтъ, говорю вамъ.

— Хотите, я скажу вамъ свою мысль?

— Я ничего такъ не уважаю, какъ откровенность; говорите.

— Вы бѣтите Гедеона.

— Я не скрываю этого; я боюсь вліянія, которое онъ могъ бы имѣть на васъ.

— Вы не отдасте себѣ должной справедливости и любви, внушаемая вами, такъ сильна, что можетъ противоборствовать возмѣ покусенїямъ. Нѣтъ! Не за меня бѣтите вы, но за себя.

— За себя?

— Такое чувство умилительно и доказываетъ вамъ важную привязанность.

— Я? я боюсь Гедеона Бикетта? вы шутите.

— Зачѣмъ вы отвергаете это?

— Потому что это не правда.

— Еслибъ всѣ женщины были также благоразумны, счастье любезныхъ и спокойствіе мужей было бы упрочено на вѣки и поколѣніе Донъ-Жуановъ и Гедеоновъ скоро бы исчезло.

— Вы не врите мнѣ.

— Еслибъ я и обманывался, позвольте мнѣ гордиться доказательствомъ любви, такой внимательной и лестной.

— Ну такъ вамъ нечего долго гордиться, потому что я рѣшилась идти на опасность, существующую въ вашемъ воображеніи; теперь я весьма сердечно хочу, чтобы прїахалъ вамъ опасный другъ. Сейчас же иду просить брата, чтобы онъ упросилъ его остаться съ нами.

— Но теперь я умоляю васъ, напротивъ...

— Оставьте меня. Вы, кажется, нарочно хотите сегодня привести меня въ отчаяніе.

Фанни ушла, не слушая представленій Теодора.

Теодоръ, оставшись одинъ, сдѣлалъ очаровательный пируэтъ и преобразовалъ съ довольнымъ видомъ :

— Много ли нужно для того, чтобъ провести женщину? Никогда еще Гедеонъ не былъ мнѣ такъ полезенъ, какъ сегодня.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ этого разговора, молодой человекъ въ дорожномъ плащѣ позвонилъ у рѣшетки замка. Теодоръ, привлеченный звономъ колокольчика, бросился въ объятія новопривѣзжаго. Нужно ли говорить, что то былъ мосьё Гедеонъ Бикеттъ?

Мосьё Дежнѣ съ важливостью проводилъ своего гостя въ назначенную комнату. Слуга, несшій различные узлы, переданные ему ящичкомъ, хотѣлъ избавить Гедеона отъ большого ящика, который онъ несъ съ чрезвычайными предосторожностями, но тотъ не захотѣлъ отдать ящика. На вопросъ, что въ немъ заключалось, онъ отвѣчалъ декламиду:

— Плоды внимательныхъ изысканій, безконечныхъ трудовъ, словомъ самое великозвѣнное собраніе насѣкомыхъ, какое только можно видѣть. Въ продолженіе пяти лѣтъ я увеличиваю его съ каждымъ днемъ и надвусь окончить здѣсь. Единственная коллекція, можетъ-быть, заключающая въ себѣ *кошениль*, и три тарантула самой большой породы. Единственная еще....

Теодоръ, желавшій остаться на одинъ съ другомъ, прервалъ его приглашеніемъ поправить безпорядокъ дорожняго туалета, и молодые люди остались наединѣ. Гедеонъ тотчасъ же погрузился въ широкія кресла, скрестилъ руки на груди и вытянулъ ноги, безъ сомнѣнія, чтобы удобнѣе любоваться мухами, начертившими потолка въ фантастическими линіями.

— Я ждалъ тебя съ большимъ нетерпѣніемъ, мой милый Гедеонъ, сказалъ Теодоръ, зажигая сигару.

— Ну, вотъ я и здѣсь!

— Что новаго въ Парижѣ?

— Первый, полученный журналъ, гораздо лучше меня уведомилъ тебя объ этомъ; я не выходилъ изъ дому двѣ недѣли, до самой минуты какъ сѣлъ въ карету.

— Ахъ, ты вечный лѣнтяй!

— Гедеонъ на этотъ упрекъ отвѣчалъ вздохомъ, полнымъ само-
довольства.

— Развѣ тебѣ нечего передать мнѣ? спросилъ Теодоръ.

— Я получилъ два письма, и привезъ ихъ.

— Отдай же ихъ, мучитель!... Ну, поднимись же!

— Самъ ты мучитель, отвѣчалъ Гедеонъ, не трогаясь съ мѣста.
Они на днѣ моего чемодана, ты легко ихъ найдешь.

Теодоръ поспѣшилъ открыть чемоданъ и принялся рыться между
бѣльемъ.

— Ты не могъ положить письма въ свой портфель? продолжалъ
Теодоръ.

— Какъ бы не такъ, буду я возиться съ портфелемъ, ужъ лучше
не взять ли съ собою сумку почтальона? Съ меня довольно ящичка
съ наскочными.

— Э, воскликнулъ Теодоръ, нашедши наконецъ оба письма; вотъ
именно записка отъ мадамъ Сенваль; а другая отъ малютки
Гортензій, очень хорошихъ невѣсть.

Гедеонъ, послѣ минутнаго молчанія, отвѣчалъ :

— Другъ мой, всякое снисхожденіе должно однакоже имѣть гра-
ницы. Вотъ уже несть мѣсяцевъ какъ я согласился покрывать сво-
имъ именемъ всѣ твои успѣхи... преданность моя стоила мнѣ четы-
рехъ сотъ двадцати шести часовъ, тридцати семи минутъ сна.

— Я понимаю, чѣмъ обязанъ тебѣ; но развѣ ты не хочешь ви-
дѣть меня женатымъ?

— Я? я не вижу въ этомъ никакой пользы для себя.

— Зная твою дружбу, я полагаю, что ты не отвергаешь брака,
котораго я такъ пламенно желаю.

— Если это такъ, то конечно да.

— Такъ слушай же: я долженъ бы лишиться самыхъ законныхъ
надеждъ, потерять плоды постоянныхъ усилій, еслибъ Фанни считала
меня способнымъ къ малѣйшимъ грѣшкамъ.

— Откажитесь же отъ нихъ совершенно.

— Непременно, какъ только она будетъ моею женою. Я ожидаю
отъ тебя только немножко терпѣнія и доброй воли. Говоря такимъ
образомъ, Теодоръ глазами пробѣжалъ письма.

— Возьми, Гедеонъ, сказалъ онъ, прочти; ты увидишь, сколько
ума у этой малютки Гортензій и какъ много обнаруживается сер-

дочной нежности у милой, кроткой мадамъ Сенваль. Ни въ одной женщинѣ ты не найдешь столько увлеченія, любви, чувствительности, и....

— Потине; ты ничего не оставишь своей обожаемой вдовѣ?

— Фанинъ вѣкъ прелестнѣе, вѣкъ....

— Вѣкъъ новѣе. Я понимаю, какъ ужасно для тебя встрѣтить милую и прекрасную женщину, не попытавшись соединить число съ воспоминаемъ этой встрѣчи. Это все равно, еслибъ мнѣ было запрещено прибавить новое нашивкомъ къ моей коллекци.

— Сравненіе мило! Но чего же можно ожидать отъ философа, въ отношеніи любезности.

— Философъ.... о еслибъ это было такъ! Но нѣтъ! я человекъ самый страстный.

Теодоръ не могъ удержаться отъ громкаго смѣху.

Гедеонъ продолжалъ, ни мало не смѣшавшись:

— Въ любви у тебя душа Француза, у меня сердце Турка. Во Франціи, любовь утоляется шампанскимъ или сидромъ. точно также она волнуется, сверкаетъ, кипитъ, это огненный вихрь, потокъ, стремящійся съ шумомъ. Въ Турціи любовь — сонъ, восторгъ, сладкое упоеніе; это капля опиума, изъ котораго солнце сдѣлало жемчужину. Изъ надменнаго властелина она дѣлаетъ покорнаго невольника; ей нужна тайна и безмолвіе, она просыпается на ложѣ изъ розъ, и засыпаетъ среди благоуханій.

Тутъ слуга прервалъ разговоръ, докладывая, что ихъ ждутъ, чтобы садиться за столъ.

— Негодный лѣнтяй! сказалъ Теодоръ, ты еще и не думаешь заняться своимъ туалетомъ.

— Не беда: только пыль стряхнуть.

— Что ты? Сегодня послѣ обѣда танцуютъ.

— Еслибъ я зналъ, я пріѣхалъ бы завтра.

— Завтра у насъ концертъ.

— Ну, такъ я долженъ бы подождать до будущей недѣли.

— Каждый день въ цѣлой недѣли или балъ или концертъ.

— Такъ у васъ отдыхъ только въ воскресенье!

— По воскресеньямъ мы играемъ комедіи. Но куда ни шло, я буду твоимъ камердинеромъ. Скорѣе, чернѣй фракъ, бѣльи лететь.... Поворачивайся же.

— Когда я и повернусь, это не дастъ мнѣ ни фрака, ни жилета. Со мною нѣтъ никакого платья, кромѣ сюртука яблочнаго цвѣта и двое тиковыхъ панталонъ.

— Несчастный!... Что ты будешь дѣлать?

— Увѣду.

— О нѣтъ, умоляю тебя. Мы скажемъ, что ты потерялъ свой чемоданъ, тебя извинять.

Только что Гедеонъ показался въ общество, соединившемся въ замкѣ мосье Дежнѣ, дамы, казалось, тотчасъ испытали какое-то разочарованіе. Круглое и румяное лицо молодого человѣка, его полная, тучная фигура, короткія и толстыя руки, наконецъ походка не много тяжелая, безъ сомнѣнія совершенно разрушали портретъ, созданный ихъ воображеніемъ. Толстый Донъ-Жуанъ! съ раздутыми щеками Ловласъ! какое противорѣчіе. И ко всему этому сюртукъ яблочнаго цвѣта! Первое впечатлѣніе было невыгодно нашему герою. Однако жъ, предубѣжденіе нечувствительно взяло верхъ, вскорѣ начали находить, что видъ небрежности и скуки, сопровождающій каждое движеніе Гедеона, совершенно ему приличествовалъ. На его свѣжесть смотрѣли, какъ на чудный даръ, тайну котораго натура и искусство до-сихъ-поръ сохранили въ неизвѣстности. Дородность признали величественностью и убѣдились, что сюртукъ яблочнаго цвѣта — фантазія свѣтскаго человѣка, устанавлиющаго правила вкуса, иногда даже этикета. Всякой другой на его мѣстѣ былъ бы втайнѣ осужденъ, Гедеонъ, напротивъ, увѣнчался торжествомъ, но торжествомъ, котораго онъ, конечно, нисколько не искалъ и даже не подозревалъ.

Двое или трое щеголей почти устыдились своихъ фраковъ и обещали себѣ не показываться иначе, какъ въ сюртукъ яблочнаго цвѣта. Женщины, даже не кокетки, не прочь отъ того, чтобъ нравиться.

И такъ, Гедеонъ неминуемо долженъ былъ сдѣлаться цѣлью нѣкоторыхъ честолюбій, въ сущности очень добросовѣстныхъ, безъ всякаго сомнѣнія долженъ выдержать огонь кокетства, не менѣе опаснаго.

Въ особеннети одна особа, казалось, употребляла все усилія, чтобы не упасть нашего героя; незамѣтное предпочтеніе, взгляды, бросаемыя украдкой, пріятное измѣненіе голоса, были щедро расте-

часмы молодому человеку, никогда не испытанному подобнаго праздника, а его сердце, упоенное такимъ сладостнымъ вниманіемъ, поддавалось хитро сплетеннымъ нападеніямъ и обманамъ. Увы! подъ бархатною ручкою, такъ его ласкавннею, другой почувствовалъ бы можетъ-быть острые когти. «Рука женщины, кончатъ лапка», сказалъ не знаю какой-то необразованный и грубый «мало-соф». Виновница всѣхъ этихъ любезностей была Фанни. Раздосадованная сомнѣніемъ въ ея мужество, хорошенькая вдова рѣшилась сама вызваться на опасность. Она не удовольствовалась оставаться въ оборонительномъ положеніи, нѣтъ! Она сдѣлала рѣшительное нападеніе; во что бы ни стало, ей нужна была блистательная побѣда. «Не хочеть ли она, чтобы я приревновалъ ее къ Бикетту?» думалъ Теодоръ. И онъ мысленно съ самодовольствіемъ улыбался: «Пожалуй, изъ угожденія, я притворюсь безпокойнымъ. Къ несчастію для Фанни, желавшей оставаться одной противъ своего противника, она встрѣтила въ состязаніи соперницъ, оживленныхъ намѣреніями менѣе враждебными. Тогда она почувствовала безпокойство, дѣлающее большую честь скромности молодой женщины; она боялась, что Гедеонъ не подниметь раздушенной перчатки, брошенной ею. Тогда не будетъ борьбы, а для Фанни борьба была побѣдою столь пламенно желанною, прибавимъ, что тутъ было еще мщеніе. Гедеонъ не оказывалъ никому предпочтенія; онъ улыбался всѣмъ дамамъ, раздѣлялъ свою лѣтнюю любезность на равныя части; наконецъ онъ въ самомъ-дѣлѣ принялъ роль султана, принимая благосклонность какъ дань, и всѣ знаки досады съ наивѣличайшимъ равнодушіемъ. Никто, исключая Теодора, не сомнѣвался, чтобы подобное необыкновенное обращеніе не скрывало въ себѣ какого-нибудь опаснаго расчета и неизбежной западни. Ни одна изъ нашихъ амазонокъ не подумала отступать. Первые стрѣлы уже притупились не достигши еще цѣли, но многія изъ нихъ рассчитывали на разговоръ во время танцевъ, надѣясь тогда воспользоваться на свободу оружіями, которыми обладаетъ всякая хорошенькая женщина.

Но они рассчитывали, не зная Гедеона.

А онъ, лишь только услышалъ первый аккордъ оркестра, извинился усталостью отъ дороги и ушелъ въ свою комнату. Молодой человекъ, убѣжденный, что онъ грезилъ на яву, отправился молить у себя продолженія самаго чуднаго сновидѣнія, какое только онъ когда-ни-

будь видалъ. Мы не беремся изобразить дѣйствіе, какое произвело его удаленіе, ни пересказать тысячу толковъ произшедшихъ въслѣдствіе этого : у Фанни сдѣлался мигрень и она отказалась отъ танцевъ ; ея соперницы или, лучше сказать, ея союзницы вальсировали въ четыре и пять темповъ.

Теодоръ былъ въ восхищеніи и его любезность и възливость безъ труда заставляли бы забыть отсутствіе всякаго, только не Бикетта. Но воспоминаніе о новомъ Ришлѣ было свѣжо въ женскѣй памяти. Какой страстный романъ начертывало оно въ эту минуту, при свѣтѣ двухъ розовыхъ восковыхъ свѣчъ ? Подъ какими благоуханными небесами летала эта мысль на газовыхъ крыльяхъ ? Какимъ вѣнкомъ окружала она это чело, усталое подъ тяжестью розъ ? Сонъ Гедеона продолжался и въ слѣдующіе дни. Тогда онъ твердо увѣрился, что былъ перенесенъ въ преддверіе Магометова рая. Прихоть случая неожиданно вручила ему скипетръ моды, скипетръ такъ оспариваемый и съ такимъ трудомъ приобретаемый. Онъ очень часто получалъ записки (мы говоримъ только судя по адресамъ), различныя посланія мелкими почерками, съ таинственными печатями, съ непроницаемою оберткою, словомъ посланія, на которыхъ рука женщины оставляетъ благоуханіе и которыя онъ ни прикомъ не распечатывалъ.

Гедеона очень искусно спрашивали, бранили, насмѣхались, уязвляли, искушали, все по поводу этой корреспонденціи. Но онъ оставался безстрастнымъ, какъ Горациевъ человекъ, не переставалъ получать записки и скрывать ихъ отъ любопытства слуги, никогда не находившемъ ни малѣйшаго слѣда пепла, ни малѣйшаго клочка бумаги въ комнатѣ молодаго человека ; а между-тѣмъ въ комнатѣ его никогда ничего не запиралось и не было потаеннаго уголка, который бы могъ укрыться отъ зоркихъ глазъ служителей. На нашего героя пало подозрѣніе, что онъ изъ скромности глоталъ таинственныя записки. Время утверждало это мнѣніе и принято было за достовѣрное, что Гедеонъ истреблялъ до двѣнадцати записокъ въ недѣлю. Подобное предположеніе дѣлало честь его сердцу и желудку.

Самыя ужасныя кокетки, и даже Фанни, начинали съ досадою сознаваться, что онъ былъ побужденъ воспоминаніями и думалъ отмстить за себя, увы ! очень не справедливо ! пренебреженіемъ и отдаленіемъ, какъ вдругъ нѣкоторыя изъ злоумышленныхъ сдѣлались

предметами похвѣній, предупредительности и любезности неукротимаго. Одна находила восхитительный букетъ въ своей рабочей корзинѣ, другая открывала на листочкѣ своего альбома стихи, въ которыхъ ее сравнивали съ розой или съ соловьемъ, — натурально она находила стихи превосходными, — а иная замѣчала между музыкальными тетрадами романсъ, желаемый на кануны. Человѣкъ, окружавшій ихъ такою внимательностью, изъ каждой деликатности, хотѣлъ первый подать имъ примѣръ скрытности. Но честолюбіе было единственно возбуждено въ нихъ, чтобы не одержать верхъ надъ благородностью.

— Душечка, спрашивала одна съ гордою улыбкою, но знаете ли вы, кому я обязана прелестнымъ букетомъ, положеннымъ въ мою корзину?

— Нѣтъ, не знаю.

— Странно. Не говорите объ этомъ, прошу васъ никому, это можетъ наконецъ компрометировать. И она тоже потеряла каждой пріятельницѣ.

— Я не знаю ни одного поэта между нами, говорила другая, а между-тѣмъ увѣряю васъ, что самъ Аполлонъ обитаетъ въ зданіи замка.

— Вы встрѣтили его, узнали?

— Нѣтъ; но онъ обогатилъ мой альбомъ драгоценнымъ аэрографомъ.

— О! покажите намъ его твореніе....

— Никакъ не могу; Аполлонъ льститъ, онъ вдумалъ вдохновляться моею ничтожною красотою.

И по вѣтренности, альбомъ былъ забытъ на самомъ видномъ мѣстѣ гостиной. Наконецъ послѣдняя съ усердіемъ и большимъ шумомъ разучивала романсъ, предложенный ей неизвестнымъ поклонникомъ, она не прежде оставила фортепiano, пока не вызвала вопроса:

— Чтò это вы поете?

Самый новый романсъ, «La lano»; но умоляю васъ, не говорите объ этомъ никому.

— Мнѣ кажется я слышала, что вы очень желали имѣть его.

— Да, конечно; но я не могу вспомнить объ этомъ безъ замѣчательства.

— А почему?

— Потому, что мои желанія дѣлаются, кажется, приказаніями и таинственная рука свѣтитъ исполнять ихъ. Да, да, я виновата въ томъ, что желала имѣть этотъ романсъ, вперёдъ не осмѣлюсь объяснить ни одного желанія. Пожалуйста, перестанемъ говорить объ этомъ.

— Пожалуй!

— Право не знаю, кому принисать столь нѣжное вниманіе?

— Можетъ быть здѣсь можно подозрѣвать....

— Оставьте.... оставьте.... О комъ вы хотите сказать?

— О мосѣ Гедеонъ.

— Предположеніе, для меня слишкомъ лестное, и конечно вы ошибаетесь.

— Впрочемъ, вы должны знать болѣе меня.

— Нѣтъ, клянусь. Я припоминаю теперь нѣсколько случаевъ, подтверждающихъ ваше мнѣніе.

— Я въ восхищеніи, что утвердила ваши сомнѣнія.

— Ахъ какъ вы злы, не смотря на весь вашъ умъ, а я совсѣмъ съумасшедшая съ своими мечтами.

Имя Гедеона было слово, которымъ каждый отвѣчалъ на эти загадки; и въ ту самую минуту, когда онъ чувствовалъ, что сонъ его приближается къ окончанію и смиренно думалъ уже снова приняться за свою заброшенную коллекцію, вдругъ онъ замѣтилъ, что его капризное общество отъ него въ восторгъ. Онъ въ другой разъ забылъ свои коллекціи.

Женское честолюбіе проснулось; ненависть Фанни была тѣмъ неумолимѣе, что прекрасная вдова не получила ни букета, ни стиховъ, ни романа. Три женщины могли теперь надвѣяться приковать къ себѣ льва, наконецъ возставшаго, а она не была въ числѣ ихъ. Ее, гордую амазонку, даже не удостоили помѣстить въ число триумвирата, изъ котораго она должна была выйти жертвою или побѣдительницей. Хроника замка не закрывала теперь ни глазъ, ни ушей. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, она тщетно бодрствовала, наблюдала, расправляла, когда мосѣ Дежнѣ предложилъ гостямъ небольшую прогулку за нѣсколько миль. Предложеніе было одобрено и отложено до завтрашняго дня. Въ предположеніи было посѣтить многія мѣста, куда не могли проехать кареты; по этому случаю лѣзвивый Гедеонъ объявилъ, что докторъ запретилъ ему слишкомъ продолжительное

движеніе. Онъ просилъ и получалъ позволеніе остаться въ замкѣ. Теодоръ также спышалъ отправиться въ Ретель, чтобы повидаться съ почтеннымъ родственникомъ, провзжавшимъ черезъ этотъ городъ. Онъ былъ тоже исключенъ изъ списка гулявшихъ. Докторское предписаніе Гедеону казалось не много ложнымъ, да и почтенный родственникъ Теодора что-то казался сомнительнаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ, обимъ молодымъ людямъ предоставили свободу заботиться о своемъ здоровьи и предаваться увлеченіямъ сердца, смотря по желанію. На другой день, когда почти все уже ушли въ экипажи, одна изъ самыхъ любезныхъ дамъ, та самая вдохновенница стиховъ, приписанныхъ богу Паряса, вдругъ неожиданно почувствовала сильное головокруженіе и безвременные обмороки. Укусъ, эфиръ, холодная вода, все было бесполезно; одно спокойствіе могло унять нервическое волненіе, дѣйствіе котораго ни чуть не ослабило нѣжныя розы на щекахъ прелестной больной.

— Кузина останется со мною.

— Нѣтъ, милая Юлія, я никакъ не оставлю васъ, отвѣчала Фанни съ какимъ-то змвиннымъ измѣненіемъ въ голосъ: увѣряютъ, что эта болѣзнь часто также скоро проходитъ, какъ и приходитъ... Я очень боюсь этой болѣзни и буду очень рада узнать, какъ долго она бываетъ, а также и слѣдствія ея.

Послѣ непродолжительнаго спора, Фанни одержала верхъ и съ обими родственницами возвратилась въ замокъ.

— Надобно послать за докторомъ мосьѣ Гедеона, сказалъ одинъ пасмъшникъ.

Остальное общество, такимъ-образомъ уменьшившееся, отправилось въ путь.

Въ продолженіе этого времени, Фанни сдержала свое обѣщаніе, то есть, постоянно находилась возлѣ Юлія, а Юлія, вмѣсто благодарности за такую преданность, все болѣе и болѣе выказывала раздраженіе и нетерпѣливость. Невривескіе припадки угрожали сдѣлаться опасными и истинными. Фанни нисколько не вѣрила этимъ припадкамъ: она инстинктивно понимала, что ея присутствіе было единственною причиною раздраженія и находила удовольствіе продолжать терзанія своей милой пріятельницы. Читательницы наши отгадали уже: молодая вдова мстила за пренебреженіе Гедеона, суровая Фанни ревновала, ввроятно только изъ досады, изъ самолюбія, изъ ненависти.

Но мы нисколько и не споримъ; дѣло въ томъ, что Фанни ревновала, вотъ важный фактъ, доказательство котораго мы хотимъ отыскать и представить, въ томъ предположеніи, что ревность есть сложное чувство. Но Фанни наконецъ сжалилась надъ Юліей, она предложила ей немного уснуть, спустила большіе занавѣсы на окнахъ и оставила обѣихъ кузинъ поверять свои тайны или утѣшать другъ друга въ маленькихъ горестяхъ.

Только что она вышла, Юлія вскочила съ кушетки, на которой расточали ей столько противныхъ попеченій, и стала ходить по комнатѣ очень твердыми шагами.

— Я никогда не могла бы подумать, чтобы Фанни была способна къ такой злости и лицемерію, говорила она, безъ жалости разрывая кружева своего батистоваго платка.

До-сихъ-поръ, сказала кузина, я ничего еще не знаю, кромѣ того, что ты захотѣла остаться дома, да и меня удержала съ собою.

— Какъ видишь, мой планъ до-сихъ-поръ мнѣ очень удался.

Жюльета еще скорѣе заходила вокругъ комнаты, а кузина ея, послѣ минутнаго молчанія, начала снова:

— Я не думаю, чтобы одно желаніе топтать коверъ, произвело у тебя головокруженіе и обмороки.

— Отвори этотъ ящичекъ, вотъ ключъ отъ него.

— Отворила; не объ этомъ ли письмъ идетъ дѣло, которое я вижу здѣсь?

— Да, милая Софья; прочти эту записку:

Записка была слѣдующаго содержанія:

«Вы побѣдили. Тщетно уваженіе и страхъ разгнѣвать васъ боролись противъ любви, какую ни одна еще женщина до васъ не могла внушить мнѣ. Объ одной милости умоляю только, чтобы вы безъ гнѣва выслушали признаніе въ безнадежной страсти. Если уста ваши произнесутъ приговоръ этому жестокому чувству, можетъ-быть, снова я найду покой и счастье.

«Оставаясь завтра въ замкѣ, вы теряете случай къ удовольствію, но за то найдете средство исполнить доброе дѣло.

«Нужно ли назвать себя? Нѣтъ, несчастье носить печать на челѣ «своемъ, а вы имѣете душу слишкомъ чувствительную, чтобы не замѣтить, что она уже отмѣтила самаго несчастнаго изъ вашихъ обожателей».

— Вотъ обожатель, прибавила Софья, складывая письмо, требующій противнаго тому, чего другіе домогаются съ жаромъ.

— Потому-то я думаю поступить иначе, чего бы я не сдѣлала въ другомъ случаѣ.

— То-есть, пожалеть его.

— Непременно, чтобы позабавиться, или излечить этого бѣдника, потому что это такъ легко. Къ тому же, твое присутствіе предохранить меня отъ злословія или даже отъ клеветы.

— Мосье Геденъ, кажется мнѣ, находится въ добромъ здоровьѣ, не смотря на то, что пишетъ.

— Такъ ты думаешь, что онъ писалъ эту записку?

— Разумѣется.

— Я тоже думаю.... О! я никогда не прощу Фанни ея ревность; потому что мы теперь не можемъ выйти.

— Если намъ нельзя выходить, по-крайней-мѣрѣ я думаю, намъ незапрещено принимать друзей нашихъ; а мы имѣемъ причину надѣяться на посвященіе. *Непрямьно придуть* узнать о твоёмъ здоровьѣ.

Возвратимся къ Фанни. Молодая вдова удалась съ намъ рѣшимъ открыть, что подозрѣнія ея могли быть основательны. Конечно, Фанни не стала бы подслушивать у дверей, ни смотреть въ замочную скважину, ни выслушивать донесеніе слуги, но она ничего дурнаго не видала въ томъ, чтобы въ своей комнатѣ сѣсть у окна и оставаться тамъ такъ долго, сколько бы ей вздумалось. Откровенно сказать, мы не дѣлаемъ ей упрека и не думаемъ, чтобы и читатель былъ къ ней строже. Къ тому же видъ изъ окна открывался во всю сторону. Однимъ взглядомъ можно было обозрѣть весь паркъ, аллею, ведущую къ замку и дворъ, усыпанный пескомъ, куда выходилъ главный подъездъ. По этому обсерваторія была на самомъ выгодномъ мѣстѣ. Едва наша любопытная вдова успѣла сѣсть, какъ между деревьями парка замѣтила особу, казалось, ожидавшую или подстерегавшую кого-нибудь изъ жителей замка. Широкая, соломенная шляпа скрывала черты незнакомца. Впрочемъ, шляпа эта скорѣе могла измѣнить нежели сохранить его инкогнито. Дѣйствительно, изъ всѣхъ мужчинъ, одинъ только Геденъ носилъ соломенную шляпу. Сколько могло позволить разстояніе, Фанни узнала покрой одежды молодого человека выбиравшаго всегда самый широкій и спокойный. Очевидное свидѣ-

тельство утвердило самый простой логический расчетъ. Бюджетъ остался въ замкѣ для здоровья, Юлія не могла увѣхать по болѣзни, изъ этого слѣдуетъ заключеніе: оба больные хотѣли невидаться.

Это было ясно, понятно.

Но дѣло сдѣлалось совсѣмъ непонятно, при появленіи новаго лица вдругъ показавшагося у подъезда.

На немъ былъ пальто яблочнаго цвѣта и широкая соломенная шляпа; подъ лѣвою рукою четверугольный ящикъ, а въ правой онъ держалъ свѣтку для ловли бабочекъ. Ни одинъ смертный не походилъ столько на Гедеона, какъ эта особа. Фанни думала, что это дѣйствіе шипража, если другъ Теодора не имѣлъ дара умножаться, невозможно было полагать, чтобы онъ въ одно и тоже время прогуливался на концѣ парка и сходилъ по ступенькамъ крыльца. Только миражъ или гитъ, послѣдній Гедеонъ былъ настоящий. Дѣйствительно, солнце сіяло во всемъ великолѣпнѣ, а благоразумный молодой человекъ протянулъ руку, поднималъ носъ, чтобы посоветоваться съ небомъ о времени. Движеніе это заставило его примѣтить то, чего онъ никакъ уже не ожидалъ видѣть, онъ примѣтилъ Фанни, смотрѣвшую на него съ удивленіемъ.

Изумленіе Гедеона равнялось почти удивленію Фанни. Она, казалось, окаменѣла, онъ обезумѣлъ: въ этомъ положеніи они оставались въ продолженіе доброй минуты.

Первый наконецъ опомнился и пробормоталъ :

— Намъ измѣнили! какъ то мы изъ этого выпутаемся ?

Онъ съ пріятностью поклонился сестрѣ мосье Дежнѣ. Она пригласила его жестомъ подойти. Гедеонъ повиновался. Замѣтно было, что онъ старался преодолѣть тяжелую мысль. Но его открытому и простодушному лицу, трудно было надѣть какую нибудь маску.

Фанни съ своей стороны покорилась движенію, въ которомъ не могла ясно отдать себѣ отчету. Съ трудомъ она продолжала невѣроятное смущеніе, въ первый разъ и такъ ощутительно причиняемое ей присутствіемъ Гедеона.

— Не правда ли, вы очень удивились, мосье Гедеонъ, находя меня въ замкѣ? сказала она, стараясь подъ улыбкою скрыть свое смущеніе.

— Вы можете прибавить еще, что удовольствіе и честь, предлагаемая мнѣ въ эту минуту, кажутся мнѣ еще.... удивительные.

— Боже мой! я вамъ все объяснила бы, еслибъ не боялась лишить васъ пріятной прогулки.

— О! я согласился бы не перемѣнять мѣста въ продолженіе цѣлаго года, чтобъ только одинъ часъ имѣть счастье говорить съ вами.

— Вы надѣетесь отдѣлаться отъ бѣды пустымъ комплиментомъ.

— Я надѣюсь только, что вы позволите мнѣ принять не за шутку ваше милое приглашеніе.

И Гедеонъ, напередъ уставишій отъ одной мысли таскаться по полямъ, положилъ свой ящикъ и сѣтку, которою ловилъ бабочекъ, на столикъ подъ зеркаломъ, потомъ опустился въ превосходныя кресла. Фанни немного поздно поняла, что подобное свиданіе наединѣ можетъ подать поводъ къ злымъ толкамъ. Она сама попала въ западню; совсѣмъ тѣмъ видѣла не безъ тайнаго удовольствія, какъ легкомысленно и беззаботно молодой человекъ жертвовалъ драгоценными минутами свиданія, на которое согласилась гордая Юлія. Другъ Теодора испустилъ глубокій вздохъ, чѣмъ обыкновенно обозначалось у него сознаніе величайшаго удовольствія и сказалъ:

— Я считалъ бы себя слишкомъ счастливымъ, еслибъ вы удостоили меня своей довѣренности.

— Въ ней ничего нѣтъ, чтобы лично касалось меня и я ничего не скажу вамъ, чего бы вы не знали. Мы уже хотѣли вѣзть, когда Жульета вдругъ почувствовала головокруженіе и обморокъ, заставившіе ее возвратиться въ свою комнату.

Взглядъ Фанни, казалось, насквозь проникъ Гедеона. Въ немъ не выразилось ни малѣйшаго движенія и онъ съ неподражаемымъ добродушіемъ отвѣчалъ:

— Женщины часто подвергаются подобнымъ припадкамъ

— Вдова наша, еще разъ обманутая, прибавила нѣсколько съ колкостью:

— Ваши замчанія на счетъ этого предмета очень остроумны. Я не хотѣла оставить Юлію въ такомъ состояніи, но когда я замѣтила, что мои попеченія бесполезны, можетъ-быть даже неприяты, я сочла обязанностью предоставить ея выздоровленіе попеченію друга, болѣе счастливаго и искуснаго, чѣмъ я.

Нѣсколько минутъ молчанія послѣдовало за этими словами. «Онъ ищетъ приличное средство оставить меня и отправиться къ Юліи», думала Фанни.

«Я непременно долженъ приволочнуться сегодня за прелестною вдовою, чтобы спасти Теодора, сказалъ про себя Гедеонъ».

Казалось, что сестра Дежнѣ была осуждена обманываться во всемъ. Дѣйствительно, противъ своего ожиданія, она увидала, что молодой человекъ углубился еще на нѣсколько дюймовъ въ кресла, на которыхъ онъ съ гордою возсѣдалъ.

— Достоинство пріобрѣтается двумя способами: поступать лучше другихъ или не такъ какъ другіе. Первый способъ заключаетъ различныя качества души и мы обязаны ему знаменитыми людьми: законодателями, героями, артистами или поэтами; этотъ способъ обладаетъ еще сердечными добродѣтелями, каковы: честность, преданность, любовь къ отечеству. Второй производитъ оригиналовъ. Понятно, что приложивъ слово достоинство къ оригинальности, мы придаемъ этому значенію оттенокъ, которымъ часто снабжаютъ его въ разговорѣ. Всѣ поймутъ, когда мы скажемъ, что Гедеонъ имѣлъ достоинство быть оригиналомъ, не походя ни на кого. Онъ такъ изящно умѣлъ умножать свою нѣгу, разнообразить сладости ея, съ такимъ неизмѣннымъ чувствомъ счастья вкушалъ отраду *far niente*, что поневолю начинали завидовать его блаженству, тайну котораго до него никто еще не постигъ. Можно бы сказать, что Гедеонъ изобрѣлъ нѣгу, такъ онъ сдѣлалъ ее привлекательною, сообщительною. Голосъ молодаго человека извлекалъ только мягкіе, бархатные, ласкающіе звуки; каждое движеніе его какъ-то округлялось, каждая поза выражала мягкость. Безъ сомнѣнія, Фанни не могла защититься отъ вліянія, которое нащлвнтяй окончательно пріобрѣлъ надъ нею, потому что два часа пролетѣли незамѣтно. Разсуждали о любви, о бракѣ, нестоимыхъ и столь занимательныхъ предметахъ для нѣкотораго возраста. И странная вещь! Фанни незамѣтно забыла свою вражду противъ Гедеона. Разговоръ, можетъбыть, долго еще бы продолжался, еслибъ кто-то не постучался въ дверь.

— Ахъ Боже мой, сказала Фанни вставая, что теперь могутъ подумать? А вы еще и дверь затворили когда вошли сюда.

Клянусь вамъ, я сдѣлалъ это безъ всякаго дурнаго намѣренія, отвѣчалъ Гедеонъ.

— Я не обвиняю васъ, но этимъ случаемъ могутъ воспользоваться, чтобы жестоко отомстить мнѣ.

— Снова послышался стукъ.

— Взойдите же... чего вы ждете? воскликнула Фанни.

Юлія и кузина ея показались на порогъ у двери.

— О! какъ мнѣ досадно на себя, сказала Юлія, дѣлая видъ, что хочетъ удалиться. Я никогда не была нескромною. Умоляю васъ, простите меня.

Голосъ молодой женщины имѣлъ въ себѣ что-то язвительное, какъ жало эхидны.

— Мнѣ не въ чемъ прощать васъ, продолжала Фанни, все болѣе и болѣе приходя въ смущеніе. Я вамъ очень рада и вы доставили бы мнѣ истинное удовольствіе, еслибъ приняли поранѣе.

Разговоръ продолжался нѣсколько минутъ въ этомъ сладко-кислому тонѣ. Потомъ Гедеонъ простился съ дамами, которыя тоже немедленно разошлись, съ ненавистью въ сердца. Безвиный виновникъ маленькаго скандала печально входилъ въ свою комнату, когда почувствовалъ, что къ его плечу притронулись.

— А! мой милой Теодоръ, ты хорошо сдѣлалъ, что вздумалъ переодѣться.

— Почему?

— Потому, что твоя обожаемая вдова могла бы тебя примѣтить изъ окна.

— Развѣ она не ушла съ братомъ?

— Нѣтъ. Поди-ка, возьми свое платье, и возьми мнѣ мое. Ты кажется не доволенъ, а между-тѣмъ твой старшій родственникъ былъ очень аккуратенъ, не правда ли?

— Я никого не видалъ.

— Никого... никого?

— Въ продолженіе трехъ часовъ, я смотрѣлъ на всѣ окна замка, обгягалъ весь паркъ; и никакого знака присутствія моей безчеловѣчной красавицы. Моя записка, на которую я употребилъ столько искусства, вѣрно была принята не слишкомъ благосклонно.

— Однако жъ она произвела нѣкоторое дѣйствіе.

— Чтѣ ты говоришь?

— Этому впечатлѣнію я приписываю головныя боли и обмороки, которые вдругъ помѣшали отъѣзду Юліи. И я готовъ держать закладъ одну изъ моихъ коллекцій, что ты имѣлъ вліяніе на выздоровленіе ея. Скажи мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ ты употребилъ все время,

когда я употреблялъ все усилія, чтобъ воспрепятствовать твоей милостивой Фанни выйти изъ комнаты?

— Повторяю тебѣ: ожидалъ, приходилъ въ отчаяніе, проклиналъ Юлію, и думалъ....

— О будущей супругѣ, которой измѣлены предвѣрительно.

— Нѣтъ, я думалъ о прелестной Агатѣ.

— Для которой ты выписывалъ изъ Парижа новые романы?

— Да. Она такъ мнѣ поправилась вчера между всеми здѣшними вдовами и дѣвками, что я готовъ, наконецъ, для нее забыть двухъ вдовъ, и Фанни и Юлію, не смотря на ихъ богатство, и просить руки прелестней Агаты.

Въ подобныхъ разговорахъ двое молодыхъ людей провели время, до обѣда и этотъ день окончился безъ всякаго особеннаго случая.

Страхъ Фанни по случаю ея бесѣды наединѣ съ Гедеономъ къ несчастію былъ слишкомъ основателенъ. Приключеніе было разглашено подъ прикрытіемъ Юліи со многими прибавленіями, придававшими дѣлу новую важность. Немногимъ примѣрнымъ друзьямъ, старавшимся принять защиту Фанни, торжественно противопоставляли ужасную репутацію Гедеона; тѣмъ, которые напоминали неукоризненное имя дѣвушки и жены, которымъ пользовалась всегда сестра мосье Дежнѣ, отвѣчали жестокими словами:

«Ея прошедшее уже кончилось, а будущее еще не начиналось. Теодоръ, мечты котораго никто не хотѣлъ разрушать, ничего не понималъ въ поздравленіяхъ нѣсколько ироническихъ, расточаемыхъ ему на счетъ приближавшейся свадьбы. Гедеонъ сдѣлался целью эпиграммъ Юліи, Агаты и другихъ дамъ. Все стрѣлы онъ выносилъ съ твердостью невиннаго чловѣка. Онъ думалъ довольно часто о Фанни. Фанни почти не выходила изъ комнаты, гдѣ могла сердиться и плакать безъ свидѣтелей. Она гораздо меньше думала о Теодорѣ. Мосье Дежнѣ былъ превосходный чловѣкъ, счастье баловало его съ самой колыбели, воспитаніе дало ему доскъ свѣтскаго образованія. Онъ умѣлъ войти въ гостинную, выбрать тамъ мѣсто, и удалиться съ достоинствомъ; онъ превосходно игралъ въ вистъ, дѣлалъ видъ, что слушаетъ музыку Россини и Мейербера и аплодировалъ, когда видѣлъ что другіе аплодировали. Къ этимъ качествамъ онъ присовокуплялъ еще собственное личное достоинство. Мосье

Дежнѣ умѣлъ растолковывать загадки и отгадывать шарады. Цѣлый мѣсяцъ онъ отъискивалъ изъясненіе слѣдующей загадки :

— Нѣкто получаетъ восемь или десять писемъ въ недѣлю ; онъ отвѣчаетъ рѣзкими числамъ записокъ. Этотъ человекъ никогда не распечатываетъ ни одного изъ полученныхъ писемъ , и не употребляетъ для отвѣтовъ ни капли чернилъ , ни листка бумаги : Какое же средство употребляетъ онъ ? Человекъ—загадка былъ Гедеонъ Бикеттъ.

Изысканія мосьѣ Дежнѣ были наконецъ увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Онъ открылъ , что Теодоръ читалъ миленькія записочки , о которыхъ мы говорили выше , и что будущій супругъ Фанни истратилъ цѣлую дѣсь бумагу и опорожнилъ цѣлую бутылку чернилъ. Послѣ этого открытія , мосьѣ Дежнѣ считалъ Христофора Колумба , открывшаго только Америку , считалъ его , этого отважнаго мореплавателя , за бѣднаго искателя приключеній и съ гордостью открылъ эту новость Фанни. Въ тотъ же день , она подсмѣивалась надъ Гедеономъ , надъ его поэтическими вдохновеніями , она безъ сомнѣнія намекала о стихахъ , написанныхъ въ альбомѣ незнакомою рукою , но Гедеонъ поклялся молодой женщинѣ , что онъ въ жизни не сочинялъ двухъ рифмъ , развѣ только играя въ сорбиллон , да и тутъ съ такимъ трудомъ подбираетъ рифмы , что не разъ ему случалось откупаться фантами. Клятва молодого человека , открытіе брата , все это вдругъ озарило свѣтомъ Фанни : Теодоръ прятался за Гедеона , Гедеонъ былъ тоже для Теодора , что тѣнь для тѣла. Мосьѣ Дюванноа не имѣлъ даже благородства быть искреннимъ въ своихъ проступкахъ ; молодая женщина могла бы тогда простить , употребивъ старанія обратить его къ лучшимъ чувствованіямъ. Онъ не только измѣнилъ ей , но насмѣхался надъ нею. Невѣрность жениха огорчила бы ее , лицемеріе его унижало молодую женщину. Она не ревновала , но была оскорблена. Фанни имѣла сердце слишкомъ возвышенное , чтобы вызывать или принимать объясненія. Она чувствовала , что молчаніе соответствуетъ презрѣнію , тогда какъ сожалѣніе и досада изъясняются шумной гласности и выказываются въ упрекахъ. Она удовольствовалась только тѣмъ , что просила мосьѣ Дежнѣ дать почувствовать господину Дюванноа , тайно , безъ всякой огласки , что съ этихъ—поръ онъ уже лишній. Она ничего не говорила о Гедеононѣ.

Два дня спустя Теодоръ укладывалъ свои вещи въ чемоданъ. Гедонъ смотрѣлъ, какъ увязывали его вещи.

— Такъ тебя тоже выгоняютъ, мой бѣдный другъ? сказалъ Теодоръ.

— Мосѣ Дежнѣ не перестаетъ оказывать мнѣ самое любезное расположеніе и сестра его наконецъ показываетъ мнѣ нѣкоторую пріязнь, но я считаю за долгъ раздѣлить твою участь и тоже оставляю замокъ.

— О! я скоро возвращусь; между тѣмъ я надѣюсь, заставитъ желать и ожидать меня.

— Ты думаешь, что прекрасная вдова забудетъ твои оскорбленія?

— Э! другъ мой, она можетъ-быть, проститъ меня прежде чѣмъ я уйду. Видишь ли, я думаю, безъ хвастовства, что она очень влюблена въ меня.

— Согласенъ; я не хочу противорѣчить тебѣ въ этомъ случаѣ. Но развѣ ты не можешь, не обижая Фанни, отыскать другую женщину и кротче, и снисходительнѣе и сговорчивѣе? Съ тѣхъ-поръ какъ ты призналъ виновникомъ всѣхъ этихъ любезностей, плодами которыхъ на минуту я воспользовался, самыя прелестныя дамы оспариваютъ твое сердце.

— Да, но одна обладаетъ пріятностью, другая умомъ, третья богатствомъ; и чтобъ найти равную Фанни, надобно жениться на всѣхъ трехъ, потому что сестра Мосѣ Дежнѣ соединяетъ въ себѣ всѣ эти качества: умъ, добродѣтель, богатство и красоту.

— Кому ты говоришь это?

— Что?

— Прибавь еще другъ мой, что она любитъ спокойствіе. Теперь, всматриваясь въ тебя, мой другъ, попристальнѣе, я вижу ясно, что ты самой пустой и вѣтренный человѣкъ.

Гедонъ всталъ и посмотрѣвъ на часы сказалъ:

— Черезъ часъ мы ѣдемъ. Я не прощался еще съ моими хозяевами, и хочу исполнить эту печальную обязанность.

Гедонъ нашелъ Фанни въ слезахъ. Онъ не смѣлъ спрашивать о причинѣ этой печали; къ тому же она предупредила вопросъ.

— Знаете ли, о чемъ говорятъ потихоньку, и даже у меня за спиной, спросила она?

— Только ложь и клевета не осмѣливаются говорить громко и прямо.

— Да, да, уверяютъ, что мосьё Дюванноа, узнавшій о нашихъ сношеніяхъ, отказался отъ руки моей.

— О нашихъ сношеніяхъ.... за то, что мы провели насднѣ два часа.... случайно.... и я причиною....

— Не вы, а ваша репутація. И еще прибавляютъ, что ваша совесть возмущалась, и вы оставляете замокъ, чтобы предоставить меня собственнымъ угрызеніямъ.

— Я оставляю замокъ, это правда....

-- Вы здете!....

— Необходимо.... и все узнаютъ для чего.... клянусь вамъ.... Васъ обижаютъ.... меня подозреваютъ.... О! вы поступили слишкомъ дерзкато въ отношеніи насъ.... вы бы должны отвѣчать, что самъ я уважаю, то потому только, что вы прогнали насъ и что мы совершенно заслуживали того.

— Васъ прогнали! Вы ошибаетесь, мосьё Гедеонъ; ваше присутствіе всегда дѣлало намъ честь и.... удовольствіе, и отъездъ мосьё Теодора вполне удовлетворяетъ меня за оскорбленіе.

— Нужды нѣтъ! Черезъ часъ, отъ меня все узнаютъ, что я не презираю, но уважаю васъ! Да, истинно.

— Остановитесь... вы хотите усилить клевету.

— Боже мой! что же я долженъ сдѣлать, чтобы сдернуть маску съ подобнаго вѣроломства! клеветы!

— Но... остаться!....

Два мѣсяца спустя, Гедеонъ женился на Фанни.

Достопочтенные родственники поздравляли его съ богатымъ приданымъ, а молодые кузены съ красотою новобрачной.

ДРАМА ИЗЪ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ. Двое молодыхъ людей выходили изъ дому, въ аллею Принцевъ. Было около пяти часовъ утра; только что разсвѣтало; это происходило въ началъ сентября 1834 года.

— Какая жалкая ночь, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей, вынимая сигару изъ кармана и приближаясь къ товарищу, курившему въ молчаніи и смотрѣвшему какъ прекрасная гнѣдая лошадь, запряженная въ щегольской кабриолетъ, нетерпѣливо била копытомъ.

— Развѣ ты проигралъ, Сень-Годенъ? спросилъ курившій сигару.

— Ни проигралъ, ни выигралъ; самая ничтожная игра! отвѣчалъ Сень-Годенъ.

— Не такъ ничтожная, какъ ты думаешь, возразилъ курившій, всяка золотомъ, наполнявшимъ карманы его жилета. Я выигралъ тысячу лудрововъ у хозяина, и онъ честно расплатился со мною.

— Еще хуже! находясь въ обществѣ такихъ людей какъ ты, я никогда не отъищу своей драмы, перебилъ его Сень-Годенъ.

Въ ту минуту часы въ ближней церкви пробили полчаса; курившій молодой человекъ поставилъ ногу на подножку кабриолета и обернувшись къ товарищу, сказалъ улыбаясь: Ахъ! да, ты все продолжаешь искать драмы; но кстати, какъ ты возвратишься въ Парижъ?

— Разумѣется въ кабриолетъ, любезный виконтъ, отвѣчалъ Сень-Годенъ.

— Да, если бы я туда эхалъ, отвѣчалъ виконтъ, садясь въ экипажъ.

— Не въ Англию же ты эдешь теперь, по обязанности твоего званія секретаря посольства, прибавилъ Сень-Годенъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ виконтъ, взявъ въ руки возжи, ни въ Парижъ, ни въ Англию.

— Но куда же?

— Это моя тайна, возразилъ виконтъ, ударивъ лошадь хлыстомъ.

Виконтъ расхохотался и не могъ удержаться, чтобы не бросить насмѣшливаго взгляда на коротенькую, неуклюжую фигуру своего собесѣдника.

Сень-Годенъ былъ изъ породы мелкихъ мужичковъ, что приводило его въ отчаяніе, и какъ всѣ недовольные своимъ ростомъ, онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы не остаться незамѣченнымъ между людьми, которыхъ Богъ одарилъ станомъ нѣсколькими вершиками выше его. И потому, когда онъ шелъ, то всегда стучалъ ногою или каблуками и на улицы и на лащенномъ паркеть въ гостиныхъ. Онъ говорилъ громко, и чтобы казаться выше, до того вытягивалъ шею, что можно было иногда думать, будто голова его наткнута на колы. Пока Сень-Годенъ еще не растолстѣлъ, онъ довольно терпѣливо сносилъ свой маленькій ростъ.

— Я малъ, но строенъ, говорилъ онъ себѣ въ утѣшеніе. Но, увы! къ тридцати годамъ онъ растолстѣлъ, плечи его приняли округлость,

фигура и вся особа его послѣдовали тому же примѣру и придали ему видъ кубаря или волчка.

— Ты смѣешься, а я угадалъ куда ты здѣсь, сказалъ онъ молодому виконту, который ждалъ, пока слуга его затыгивалъ двойную узду лошади. Но я прощаю тебѣ все успѣхи, исключая одного.

— Ба! какого? спросилъ виконтъ.

— Надъ герцогинею де-Рандонъ.

Виконтъ вздрогнулъ, но скрылъ свой трепеть.

— Ахъ! да, ты на нее серднишься, сказалъ онъ; мнѣ рассказы-вали, будто ты вздумалъ за нею ухаживать, безпрестанно напавъ ей прелестный романсъ Альфреда-де-Мюссе.

И виконтъ запѣлъ въ полголоса.

Avez-vous vu, dans Barcelonne,
Une Andalouse au teint bruni.

— И на что говорятъ, она отвѣчала, пародією:

1.

Dans Paris, cité sans pareille,
Connaissez-vous mon amoureux?
C'est une petite merveille,
Le chapeau percé sur l'oreille,
Le lorgnon fiché dans les yeux.

Сказавъ это, виконтъ сильно ударилъ по лошади хлыстомъ, и ускакалъ, оставивъ Сенъ-Годена оцѣпенѣваго отъ такой неожиданной насмѣшки и въ особенности отъ романса; онъ думалъ, что эта тайна известна только герцогинѣ, да ему.

Слѣдя взоромъ за кабриолетомъ виконта д'Азѣ, захвативъ по дорогѣ въ Булонскій лѣсъ, Сенъ-Годень, спустя минуту, отправился въ противоположную сторону съ видомъ чловѣка, принявшаго твердое намѣреніе и оставивъ свою сигару; онъ допѣлъ, продолжая свой путь, окончаніе пѣсни, которой только первой куплетъ пропѣлъ виконтъ:

2.

A mon balcon souvent penchée,
En voyant passer ce vainqueur,

Je l'ai suivi de la pensée,
Pâle et la poitrine oppressée,
En mettant la main sur mon cœur.

3.

Il est à moi, moi seule au monde,
À moi ces yeux, ce front, cet air;
À moi cette perruque blonde,
Et cette taille courte et ronde
Qu'insonde un paletot bleu clair.

4.

À moi cette botte vernie;
Et cette paire de gants blancs,
Jusqu'à cette mine endormie,
Quand il me dit, ma chère amie,
Je vous adore assurément.

5.

Qu'il est beau ! surtout le dimanche,
Quand monté sur son cheval noir,
Le poing fièrement sur la hanche,
Le corps en avant, il se penche,
Il se penche pour mieux vous voir.

6.

Il se plaît à la promenade,
Depuis le matin jusqu'au soir,
D'un air languissant et maussade.
À plonger ses yeux sous l'arcade
D'un chapeau rose, gris ou noir.

7.

Ah que je fus mal inspirée
De le regarder en dessous;
Quand il fumait à sa croisée,
Secouant la cendre embrasée
De son cigare de cinq sous.

Стукъ извощичьей кареты прервалъ его пѣніе; любопытство или
можетъ-быть желаніе воспользоваться каретою, если она не занята,

заставило его заглянуть въ нее, но едва только онъ протянулъ голову, какъ съ живостью отскочилъ, воскликнувъ въ полголоса:

— Чортъ возьми, вотъ чудо! хорошецкая герцогиня де-Рандонъ съ Коломбою, своею горничною; куда здуть онъ такъ рано въ земной каретъ?

Карета проехала мимо, а Сень-Годенъ продолжалъ свою дорогу, почесывая ухо, съ видомъ человека размышляющаго или разрывающаго задачу. Не успѣлъ онъ сдѣлать ста шаговъ, какъ новый стукъ экипажа вывелъ его изъ задумчивости; то была щегольская коляска, Сень-Годенъ тотчасъ же узналъ гербъ герцога де-Рандона и самого герцога, который высунувъ голову и устремивъ глаза впередъ, какъ будто старался уловить исчезающую тѣнь.

— Наконецъ драма въ моихъ рукахъ, сказалъ Сень-Годенъ, возвращаясь назадъ, и стараясь пышкомъ догнать коляску, которую вели двѣ славныхъ лошади, сильно погоняемыя кучеромъ.

Становилось все темнѣе и темнѣе, Сень-Годенъ могъ еще видѣть если не коляску, то по-крайней-мѣрѣ облака пыли, которыя она оставляла за собою; но вскорѣ и коляска и пыль, и нашъ искатель драматическихъ приключеній, считалъ уже свои труды и немного усиленную ходьбу напрасными, когда, подходя къ дворямъ сада, онъ увидалъ остановившуюся коляску герцога и самого герцога, который выйдя изъ экипажа, изъ всѣхъ силъ сталъ стучать въ ворота домика одного изъ сторожей Булонскаго лѣсу.

— Развѣ здѣсь всѣ вымерли, кричалъ герцогъ, до такой степени ослѣпленный гнѣвомъ, что не видадъ даже слуховаго окна, открытаго надъ его головою, и не слыжалъ голоса женщины, отвѣчавшей ему:

— Кто вы, кого вамъ надо, чего вы хотите?

— Отвори рѣшетку! закричалъ лакей герцога.

— Рѣшетку! повторила женщина, развѣ такъ рано прогуливаются?

Герцогъ хотѣлъ уже прикрикнуть на нее, но вдругъ увидавъ Сень-Годена возлѣ себя, онъ тотчасъ измѣнилъ голосъ; любезная, хотя принужденная улыбка явилась на его дрожащихъ губахъ, и представивъ слугѣ вступить въ переговоры съ женою сторожа, онъ обратился къ пришедшему:

— А! здравствуйте, Сень-Годенъ! сказалъ онъ, самъ не понимая, что говорилъ; что это вы такъ рано сегодня выпили?

— Все не такъ рано какъ вы, герцогъ, потому что я иду съ

виллы графа Губерта, которая въ двухъ шагахъ отсюда, а Варенская улица гораздо дальше.

— Такъ вы прогуливаетесь? сказалъ герцогъ, кусая губы.

— Пышкомъ, какъ видите, отвѣчалъ Сень-Годень; а вы, герцогъ?

— Я прогуливался въ коляскѣ какъ видите, Сень-Годень, возвращая герцогъ; а куда вы идете? прибавилъ онъ запинаясь.

Сень-Годень, казалось, смутился; потомъ, вдругъ оправившись, отвѣчалъ:

— Я шелъ завтракать къ виконту д'Азё.

— Такъ вы не по той дорогѣ идете, замѣтилъ герцогъ; онъ живетъ такъ же какъ и я, въ Варенской улицѣ.

— Но у него есть также домъ въ Отейль, отвѣчалъ Сень-Годень.

— А! воскликнулъ герцогъ, какъ будто лучъ свѣта внезапно озарилъ его; потомъ самымъ пріятливымъ и любезнымъ образомъ взявъ подъ руку Сень-Годена, и помогая ему взойти въ коляску, прибавилъ: взойдите, мой милый, правда, я ъду не въ эту сторону и мнѣ надобно сверотить немного съ дороги, но я считаю за счастье, что могу довести васъ къ виконту.

Сказавъ это, герцогъ сѣлъ возлѣ Сень-Годена, сдѣлавъ знакъ кучеру и проѣхавъ въ отворенныя ворота; коляска скрылась въ густыхъ аллеяхъ Булонскаго лѣсу, ведущихъ въ хорошенькую деревеньку Отейль. Виконтъ д'Азё правился съ перваго взгляда; ростъ его былъ выше средняго, и вся наружность отличалась необыкновенною пріятностью; онъ никогда не страдалъ, и потому прекрасныя черты лица, высокій лобъ, освѣщенный чудными свѣтлорусыми волосами, и вся его наружность носила отпечатокъ той счастливой веселой увлекательной беззаботности, которая показывала человека только что вступающаго въ жизнь, какъ будто бы въ поле, покрытое цвѣтами, гдѣ стояло только нагнуться, чтобы срывать ихъ.

Отецъ его, богатый помѣщикъ, провелъ одну половину жизни на охотѣ, а другую на войнѣ; отъ охоты онъ получалъ ревматизмъ, приковавшій его къ кресламъ. Удалившись въ свое помѣстье д'Азё, въ Овернь, онъ предоставилъ своей женѣ, еще молодой и прекрасной женщинѣ, воспитать единственнаго сына въ Парижѣ, и ввести его въ свѣтъ. Воспитаніе молодаго виконта было поручено профессору, но его отпустили, когда ученику исполнилось семнадцать лѣтъ; графиня съ сыномъ разсудили, что въ эти года воспитаніе кончено

или должно быть кончено. Настоящая же причина была та, что графиня имѣя нужду въ кавалерѣ, чтобы развѣзжать утромъ по магазинамъ, потомъ дѣлать визиты, вечеромъ же провожать ее въ общество, избрала своего сына; по росту онъ уже сформировался, и верхняя губа его слегка опушилась пробивавшимися усами; все это льстило ея материнскому самолюбію, и общало ей въ немъ прелестнаго кавалера. Освободившись отъ своего наставника, молодой виконтъ осматривался вокругъ, и даже превзошелъ легкомысленнымъ поведеніемъ своимъ всѣхъ модныхъ молодыхъ людей; онъ ложился и вставалъ поздно, курилъ безчисленное множество всевозможныхъ сигаръ, пачкалъ множество бѣлыхъ перчатокъ, и ограничивался чтеніемъ «*Chagivari* и *Corsaire Satan*». На последнемъ балѣ въ 1834 году онъ вскружилъ голову герцогини де-Рандонъ; въ то время ему было двадцать четыре года и онъ былъ въ цвѣтѣ красоты самой аристократической. Увы! герцогиня была женщина не вѣтреная или кокетка, но она была чрезвычайно легкомыслена, простодушна и въ душѣ живо сохранила воспоминаніе. Помѣстье д'Азѣ было смежно съ помѣстьемъ де-Рандонъ. Эльвида де Рандонъ трехъ лѣтъ лишилась отца и матери и была взврена попеченіямъ двухъ дядей: старшій былъ кардиналъ, младшій секретарь посольства въ Римѣ.

Маленькая Эльвида была такое очаровательное и граціозное дитя, что ею восхищались всѣ сосѣди и особенно графиня д'Азѣ; по просьбѣ ея, гувернантка Эльвиды водила свою воспитанницу въ замокъ д'Азѣ, гдѣ она проводила цѣлые дни, играя съ маленькимъ Альфредомъ, который былъ старше ея тремя годами. Скоро эти прелестные дѣти чрезвычайно подружились; сперва они называли другъ друга братомъ и сестрою, потомъ мужемъ и женою; тутъ наступила для нихъ разлука; Эльвида достигла одиннадцатилѣтняго возраста и ее помѣстили въ монастырь; а Альфредъ повхалъ съ матерью въ Парижъ, чтобы докончить тамъ свое воспитаніе. Когда молодые люди увидѣлись снова, Эльвида была уже три года замужемъ; она вышла за своего дядю, герцога де-Рандона, который получилъ разрѣшеніе на этотъ бракъ отъ папы; и два года уже какъ она была матерью прелестной малютки; по воспоминанію своихъ дѣтскихъ лѣтъ, она дала ей имя Антоанеты, потому что Антоній было одно изъ именъ ея бывшаго муженька. Они встрѣтились на придворномъ балѣ; съ перваго взгляда Эльвида узнала прежняго товарища дѣтскихъ игръ; что ка-

сается до него, то не слыхавъ, какъ при входѣ о ней доложили, онъ пригласилъ ее танцовать, потому только, что она была одною изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ на балѣ, и танцуя, тихонько жаль ей руку, все по той же причинѣ. Она жила въ Рандонъ и сама кормила грудью своего ребенка, когда герцогъ былъ вызванъ въ Парижъ, куда привезъ и жену.

Возвратимся къ нашимъ молодымъ людямъ; пожатіе руки прекраснаго виконта дошло прямо до сердца молодой герцогини и въ душѣ Эльвиды пробудились все чистыя, невинныя впечатлѣнія дѣтства, ея взоръ отвѣчалъ на взоръ виконта.

— Такъ вы меня не забыли? сказала она между двумя фигурами.

— Забытъ! я никогда васъ не забуду, отвѣчалъ д'Азѣ на удачу; ничего не понимая изъ словъ своей дамы.

— Знали ли вы, что я уже замужемъ?

— Замужемъ, за кѣмъ? спросилъ д'Азѣ, еще болѣе удивленный.

— За герцогомъ де-Рандономъ, за моимъ дядею.

Виконтъ хотѣлъ воскликнуть, когда новая фигура кадрили разлучила его съ дамой; танцуя, онъ размышлялъ объ этой загадкѣ, когда одно слово, сказанное герцогомъ де-Рандономъ, подошедшимъ къ жемъ при окончаніи кадрили, разрѣшило ее.

— Пойдемъ, Эльвида, сказалъ онъ, пора ѣхать домой.

— Эльвида! повторилъ виконтъ, смотря вслѣдъ за удалявшеюся молодою женщиною, опирающуюся на руку мужа: она очень хороша.... не мѣшало бы вскружить ей голову. •

Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ объ уже упомянутыхъ особахъ. Сень-Годенъ, сынъ богатаго аптекаря изъ Кемперъ-Корантена, пріѣхалъ въ Парижъ изучать право. Отецъ помѣстилъ его у нотариуса, и надо сказать правду, онъ гораздо болѣе занимался удовольствіями, нежели учениемъ; слава Скриба свела его съ ума, и онъ цѣлые дни проводилъ въ томъ, что сочинялъ хорошенькіе водевильчики, которымъ не суждено было явиться въ свѣтъ. Потомъ онъ вздумалъ обезсмертить себя драмою, драмою изъ семейной жизни. Эту-то драму онъ отыскивалъ повсюду на гуляньяхъ, на балахъ, въ театрахъ, даже за стеклами модныхъ магазиновъ. Къ несчастью, потому ли что онъ былъ плохой наблюдатель, или потому что обращалъ свои наблюденія на людей честной патуры, только эта драма не давалась ему. При началѣ нашего разказа, Сень-Годенъ, имѣвшій десять

тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, оставленнаго ему отцемъ антекаремъ, отправился на вечеръ или, лучше сказать, на ночь, на дачу стараго холостяка графа Губерта, страстнаго любителя ландскенета, въ надеждѣ, что въ жару страстей, возбужденныхъ игрою, онъ отыщеть наконецъ драму, такъ давно желанную. Надобно признаться, когда герцогъ де-Рандовъ посадилъ Сень-Годена въ свою коляску и приказалъ кучеру вѣхать въ Отейль, нашъ будущій драматургъ задрожалъ при мысли, что наконецъ нашелъ то, чего такъ давно искалъ напрасно.

Вотвратимся нѣсколько назадъ. У виконта д'Азѣ былъ прелестный загородный домъ въ Отейль; туда-то онъ отправился, разставившись съ Сень-Годеномъ. Приѣхавъ, онъ тотчасъ приказалъ слугѣ отправиться въ Парижъ и приготовить все къ отъезду; въ три часа онъ долженъ былъ вѣхать въ качествѣ секретаря посольства, съ посланникомъ, въ Англiю. Когда слуга отправился, онъ вынулъ изъ кармана ключъ, отперъ двери своего дома, вошелъ въ сѣни, украшенные мраморными колоннами, прошелъ чрезъ восхитительную столовую и вошелъ въ гостиную, меблированную со всею роскошью вѣка Людовика - Четырнадцатаго. Виконтъ потомъ возвратился на крыльцо, и не выпуская изъ зубовъ сигары, между двумя струями дыма, прошепталъ:

— Лишь бы Эльвида не опоздала; но не успѣвъ окончить этого монолога, онъ услышалъ отдаленный стукъ кареты, и выбѣжалъ на встрѣчу въ то время, какъ экипажъ остановился. Недожидаясь, чтобы кучеръ сошелъ съ козелъ, виконтъ отворилъ двери, высадилъ герцогиню, дрожащую отъ волненiя, и взявъ Эльvidу подъ руку, повелъ ее въ домъ.

— О! я поступаю дурно, и очень дурно, говорила трепещущая Эльвида, падая въ изнеможенiи, блѣдная, уничтоженная, на подушки дивана. Боже мой! развѣ мы не могли видѣться иначе, у вашей матери, или у меня?

— Невозможно, милая Эльвида, отвѣчалъ виконтъ: — мужъ твой ревнивъ, какъ бенгальскiй тигръ; онъ не спускаетъ съ тебя глазъ и куда бы ты не вѣхала, кто бы тебя не спрашивалъ о здоровьѣ, всегда онъ отвѣчаетъ за тебя: «Хорошо, вы какъ»? А намъ такъ много нужно сказать другъ другу! Я оставилъ тебя одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, худымъ, блѣднымъ и нахожу девятнадцатилѣтней женщиной, во всемъ

блескъ красоты. Скажи мнѣ, милая Эльвида, въ продолженіи этогого долгаго промежутка, думала ли ты обо мнѣ?

— Доказательство тому, отвѣчала Эльвида голосомъ, изменившимся отъ волненія, что я здѣсь. Ты не знаешь, ты не можешь знать все, что я перечувствовала съ-тѣхъ-поръ, какъ получила твоё письмо, до какихъ обмановъ я должна была унизиться, чтобы наконецъ вырваться къ тебѣ? Мужъ мой былъ подле меня, кода Коломба принесла твою записку: должно быть я очень покраснѣла и потому очень поблѣднѣла, потому что герцогъ, обыкновенно очень мало обращающій вниманія на мое здоровье, спросилъ, что со мною? — Ничего, отвѣчала я, поспѣшно положивъ записку въ карманъ.

— Что ты тамъ прячешь? спросилъ мужъ мой, протягивая ко мнѣ руку такъ близко, что почти касался моей руки; къ счастью въ моемъ карманѣ было нѣсколько писемъ: я поспѣшно бросила твою записку, схватила первую попавшуюся и подала моему мужу. Это было приглашеніе на завтрашній обѣдъ. Повѣрилъ ли онъ или нѣтъ, я не знаю, но онъ бросилъ на меня странный взглядъ. Я тотчасъ же встала и подъ предлогомъ, что дочь моя закричала, бросилась изъ гостиной, заперлась въ своей комнатѣ и тамъ прочла твою записку.

— Ты изорвала, сожгла ее, неправда ли, Эльвида?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? сказала простоудивно Эльвида; мужъ мой никогда не читаетъ моихъ писемъ, по-крайней-мѣрѣ я никогда не видала, чтобы онъ читалъ. О! что со мною сдѣлалось, когда я узнала что ты увѣжаешь на десять лѣтъ можетъ-быть? Ты умолялъ меня прѣхать сюда, утромъ, на коленяхъ ты умолялъ меня, обѣщая ждать три дня и три ночи. Что сказать тебѣ, милый другъ? не смотря на всю невозможность исполненія, я дала согласіе и не ложилась спать для того, чтобы не опоздать. Надобно поблагодарить Коломбу; она все предвидѣла, сообразила, все устроила. Я хотѣла приказать запречь карету, но она растолковала мнѣ, какъ неблагоразумно отдавать въ руки людей эту тайну; она одѣла меня въ одинаковое съ собою платье; по ея приказанію наемная карета ждала насъ въ двадцати шагахъ отъ отели въ Бургонской улицѣ, и когда при выходѣ изъ отели, мы велѣли дворнику отворить, онъ съ удивленіемъ спросилъ, кто съ нею и куда она идетъ? Она колеблясь отвѣчала: — Одна моя пріятельница запоздала вчера и переночевала у меня. а какъ она боится, что госпожа ея будетъ сердиться, то я

и хочу проводить ее прежде нежели займется въ домъ ея отсутствіе.

Виконтъ внималъ простодушному разсказу почти съ раскалніемъ въ сердцѣ. Она была такъ чиста и невинна, что онъ сожалѣлъ, затѣмъ принудилъ ее къ тайному свиданію.

Вдругъ раздался суровый голосъ.

Молодые люди посившино вскочили. Герцогъ де-Рандонъ стоялъ передъ ними; а сзади, скрывался Сень-Годенъ. Изумленный въ первую только минуту, виконтъ д'Азѣ скоро возвратился къ обычной уврѣнности.

— Вы оскорблены, герцогъ; я готовъ удовлетворить васъ, сказалъ онъ.

— Вы оскорбили меня, вы же готовы удовлетворить! повторялъ герцогъ съ горькою улыбкою. Человѣкъ какъ тать подкрадывается къ вамъ, покидаетъ вашу жену, разрушаетъ ваше счастье, спокойствіе цѣлой жизни, безславитъ ваше доброе имя, и думаетъ что все загладилъ, сказавъ оскорбленному мужу: я готовъ удовлетворить васъ. И если мужъ не такъ искусенъ, ему въ добавокъ пускаютъ пулю въ лобъ. Удовлетвореніе хуже оскорбленія, прибавилъ герцогъ громко и отрывисто.

Виконтъ молчалъ. Герцогиня же, казалось, была во снѣ и какъ будто сгнанный кошмаръ давилъ ея сердце и лишилъ членны способности движенія. При послѣднихъ словахъ своего мужа, она два раза провела рукою по глазамъ, какъ бы желая убѣдиться, что это не сонъ, и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ герцогу.

Герцогъ посмотрѣлъ на нее съ холоднымъ презрѣніемъ.

— И вы рывились! сказалъ онъ ей.

Виконтъ съ живостью прервалъ его.

— Герцогиня де-Рандонъ права, милостивый государь.

— Здѣсь нѣтъ герцогини де-Рандонъ, прервалъ герцогъ въ свою очередь; здѣсь только возлюбленная виконта д'Азѣ.

— Неправда! неправда! закричала герцогиня, ладая на колѣни и подымая къ мужу умоляющія руки.

Съ минуту герцогъ смотрѣлъ на нее въ молчаніи, потомъ началъ ледянымъ голосомъ:

— Здѣсь женщина, неумѣвшая заставить уважать себя, женщина, къ которой мужчина осмѣлился написать подобную записку.

Онъ бросилъ къ ногамъ письмо виконта д'Азѣ.

— Здѣсь женщина, не утрачившаяся върить честь своего мужа нескромности служанки. Здѣсь мать, покинувшая колыбель своего ребенка, чтобы свидѣть на свиданіе. Здѣсь жена, оставившая домъ, мужа, для того чтобы бѣжать къ своему возлюбленному, и вы еще смѣете говорить что эта женщина, эта мать, эта супруга, герцогиня де-Рандонъ! Посмотрите же на нее, Сень-Годенъ, прибавилъ герцогъ, принуждая своего спутника стать противъ герцогини, и скажите, похожа ли эта женщина, стоящая на колыняхъ, унижающаяся, дурно одѣтая, похожа ли она на благородную, цѣломудренную, изящную герцогиню де-Рандонъ, которую вы впрямую встречали иногда въ обществахъ, опирающуюся на руку благороднаго человека, своего мужа?

— Поцадите! о, поцадите меня, умоляла Эльвида, преклоняя голову къ землѣ.

— Герцогъ, сказалъ виконтъ, котораго легкомысліе замѣнялось самымъ тягостнымъ волненіемъ, даю вамъ честное слово, что ваша жена можетъ возвратиться въ домъ вашъ, что только я виновенъ одинъ во всемъ.

— Все что вы говорите чрезвычайно мило, виконтъ, холодно отвѣчалъ герцогъ, но женщина, покинувшая супружескій кровъ, не войдетъ болѣе къ нему. Да, вы должны дать мнѣ удовольствіе, и я ожидаю его отъ васъ. Вы умѣли искусною лестию завлечь эту женщину сюда, оставьте же ее у себя. Говорятъ, черезъ пять часовъ вы должны отправиться въ Шотландію, возьмите ее съ собою; герцогиня де-Рандонъ умерла. Герцогъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, но выходя прочь, онъ еще остановился, и обернувшись назадъ, сказалъ, обращаясь къ молодому человѣку, котораго все краснорѣчіе исчезло:

— Виконтъ, я не все еще покончилъ съ вами: прошу васъ, подождите меня здѣсь одинъ только часъ.

И онъ вышелъ, уводя съ собою Сень-Годена.

— Эльвида стояла на колыняхъ, со сложенными руками, въ умоляющемъ положеніи. Она, казалось, была поражена, уничтожена; можно было подумать, что она превратилась въ статую. Что касается до виконта, когда первая минута оцѣпенѣнія прошла, онъ быстро сталъ ходить по маленькой гестинной, бормоча ексвоъ зубы:

— Чортъ возьми! чортъ возьми! чортъ возьми!

Это движеніе, эти слова электрическимъ ударомъ подѣйствовали на

герцогиню, все еще стоявшую на коленяхъ. Она приподняла голову, разжала руки, приложила ихъ ко лбу, откинула густые темнокантановые локоны, покрывавшіе ея лицо. Устремивъ глаза, полные слезъ на виконта, она сказала просто и печально :

— Альфредъ !

Виконтъ подошелъ къ ней , взявъ ее за руку, поднявъ , посадилъ на диванъ, и опять сталъ ходить по комнатѣ, сказавъ :

— Ударъ шпагою былъ бы для меня въ тысячу разъ легче.

Страшная тоска, глубокое отчаяніе, раздражающая печаль, выразилась на лицѣ молодой женщины. Герцогиня не переставала плакать, и имя, произносимое ею, было уже не имя мужа и не имя виконта, но имя дочери ея Антоанеты; этотъ таинственный вопль души матери имѣлъ въ себѣ столько потрясающаго и священнаго, что виконтъ понималъ невозможность утѣнить словами такую глубокую печаль. Онъ замолкъ ; и это долгое молчаніе было прервано только стукомъ кареты, которая проехала по песчаной аллеѣ и остановилась у подъезда загороднаго дома. Странный стукъ ящиковъ, картоновъ, чемодановъ, сбрасываемыхъ на землю , возбудилъ вниманіе виконта ; онъ хотѣлъ уже встать, чтобы узнать о причинѣ этого шума, какъ дверь въ гостиную отворилась и молодая дѣвушка появилась на порогъ. Эта прелестная дѣвушка, высокая, стройная, съ темнорусыми волосами, какъ у ея госпожи, но съ живымъ блестящимъ взглядомъ, походила на гризетку ; маленькій, чрезвычайно кокетливый чепчикъ обрамлялъ ея свѣжее личико, показывалъ мѣсто, занимаемое ею въ домѣ герцогини де-Рандонъ ; выраженіе лица ея обнаруживало любопытство, насмѣшливость, смѣшанныя однако съ уваженіемъ.

— Вотъ вещи вашей свѣтлости, сказала она.

— Коломба, гдѣ дочь моя? проснулась ли она? спрашивала ли меня? воскликнула герцогиня, бросаясь на встрѣчу горничной.

— Я не видала ее, ваша свѣтлость, отвѣчала Коломба. Я оставалась въ каретѣ, какъ вамъ извѣстно, гдѣ бы до-сихъ-поръ еще дождалась, если бы герцогъ пріѣхавъ сюда, не приказалъ мнѣ тотчасъ же возвратиться въ отель, уложить всѣ вещи вашей свѣтлости, потому что ваша свѣтлость изволите отправляться въ дальній путь ; я повиновалась, герцогъ пріѣхалъ домой, когда я увязывала послѣдній чемоданъ и приказалъ уложить всѣ вещи въ карету, которую я забыла отпустить и отвезти къ вамъ.

— Не приказалъ ли онъ чего-нибудь передать мнѣ? спросилъ виконтъ.

— Герцогъ сказалъ только, что просить васъ подождать его.

— Коломба, сказала герцогиня, взявъ за руки горничную, я не хочу увязать, не выдавъ и не обнявъ моей дочери; выдумай средство, какъ бы я могла войти въ отель, такъ, чтобы меня никто не видалъ; говорю тебѣ, я хочу еще разъ поцѣловать мою Антоанету.

— Я не знаю, какъ сказать вашей свѣтлости, отвѣчала Коломба съ принужденнымъ и смущеннымъ видомъ, но укладывая съ Мартыномъ вещи въ карету, я слышала, какъ герцогъ приказывалъ запретъ дорожную карету; потомъ взявъ на руки мадамозель Антоанету, вышелъ, не сказавъ ни слова.

— Ея уже вѣтъ въ отелѣ! закричала раздрающимъ голосомъ герцогиня.

Въ это мгновеніе другая карета остановилась предъ подъездомъ, и минутою спустя, человекъ въ ливрѣе герцога де-Рандона, взыбливо попросилъ виконта выйти въ другую комнату. Виконтъ всталъ и вышелъ. Эльвида хотѣла также послѣдовать за нимъ, но мысль встрѣтиться въ другой разъ лицомъ къ лицу съ мужемъ, остановила ее. Она стояла возлѣ передней и прислонилась къ стѣнѣ между портьерою и дверью, откуда могла видѣть все, что происходило въ смежныхъ комнатахъ и даже въ аллеѣ, ведущей къ подъезду; она умирала, но стояла неподвижно. Въ то мгновеніе, когда виконтъ вошелъ въ другую комнату, слуга развернулъ огромный черный плащъ и накинулъ ему на голову.

— Извините, господинъ виконтъ, сказалъ лакей, при поспѣшномъ движеніи виконта д'Азѣ сбросить плащъ; это единственное удовлетвореніе, котораго требуетъ отъ васъ герцогъ; а теперь позвольте вести васъ.

Виконтъ повиновался машинально. Эльвида, слѣдившая за нимъ взоромъ, видѣла, какъ они прошли объ комнаты, которыя вели къ подъезду, сошли съ крыльца, у котораго стоялъ запряженный дорожный экипажъ, отворили дверцы и посадили туда виконта; въ это время остальные слуги въ ливрѣе герцога помогали Коломбѣ укладывать въ дорожную карету чемоданы и коробки герцогини.

Эльвида ничего не понимала, что происходило, машинально слѣдила глазами за виконтомъ, слугами и за всеми приготовленіями къ

дорогу, когда подошла къ ней Коломба съ утренняго плащаго въ одной рукѣ и сърой пуховой шляпой въ другой.

— Коломба, сказала герцогиня, выходи изъ-за кэртюры и приближайся къ горничной, что значитъ....

Ни слова не отвѣчая, Коломба надѣла на нее шляпу, вынулъ плащъ, взяла подъ руку и повела къ крыльцу. Въ жизни бываютъ минуты такія непредвиданныя, такія странныя, несчастія до того ужасныя, что вступая на эту крутую, опасную и скользкую покатость, некрѣпко отутинься на дѣв пропасты, даже не подумавши ухватиться за кустарники или острые камни, попадающіеся на дорогѣ. Тоже самое было съ герцогиней; она чувствовала, что стремится къ гибели и шла съ равнодушіемъ отчаянія или горячки: она славовала за Коломбою веровскими, но послѣдними шагами; такъ онѣ подошли къ крыльцу, и когда Коломба указала движеньемъ руки на отверсненную дождававшую дорожную карету, молодая женщина, бросилась въ нее, какъ-будто въ глубокую пропасть, съ послѣднимъ воплемъ прости, дочь моя, прости моя Антоншета!

Виконтъ, покрытый плащомъ, сидѣлъ неподвижно. Феррейторъ вполсилы уже на лошадей и хлопалъ бичомъ, подавая знакъ къ отъезду, какъ вдругъ кто-то закричалъ: Стой! карета не трогалась съ мѣста, и герцогиня, бросивъ испуганный взоръ около кареты, увидала своего мужа, по правую руку его кронку Сень-Годена, а по лѣвую толстаго господина въ черномъ платьѣ, въ трехцвѣтномъ шарфѣ, и еще много людей, также одѣтыхъ въ черное, стоявшихъ позади герцога.

— Господа, сказалъ онъ, эта женщина, моя жена; беру васъ вѣдѣть, что она ѡжигаетъ съ человекомъ, который такъ скрываетъ свое лицо, что мы не можемъ узнать его, теперь удалитесь, здѣсь намъ нечего болѣе дѣлать.

Послѣ этихъ словъ герцогъ ушелъ, а съ нимъ вмѣстѣ судья, люди, одѣтые въ черное платье и слуги герцога, и скоро въ аллѣ осталась только карета съ двумя нечаянными бѣглецами-путешественниками, феррейторъ на лошади, кучеръ на козлахъ и Коломба, стоявшая у подъязда.

Четыре года уже прошло со времени разсказаннаго нами происшествія; маленькій человѣчекъ замѣчательной тучности задумчиво

шелъ по теченію Темзы, любясь по временамъ величественными ко- раблями, стоявшими на якорѣ въ гавани, или небольшими судами на парусахъ, развозившими пассажировъ по разнымъ направленіямъ рѣ- ки къ живописнымъ берегамъ ея, прекрасною и густою зеленью ко- торыхъ можно было любоваться издали.

— Я наблюдалъ въ парижскія гостиницы, объѣхалъ всю Италію, блуждалъ въ лагунахъ Венеціи и до-сихъ-поръ не могъ отыскать ни одной драмы, бормоталъ нашъ тучный путникъ, въ которомъ уже по одной этой фразѣ можно узнать Изидора Сень-Годена, — былъ однажды случай, я уже думалъ, что нашелъ мою драму, все шло какъ нельзя лучше, и дѣйствующія лица были сполна. Но вдругъ все пошло на выворотъ. Мужъ вздумалъ оказывать великодушіе, и ви- новные отправились черезъ-чуръ прозачески въ чудесной каретѣ, и бьюсь объ закладъ, что даже карманы кареты были наполнены хо- лодною дичью и бордоскимъ виномъ. Несчастіе, сущее несчастіе. Наконецъ сегодня утромъ, я пріѣхалъ въ Лондонъ и тотчасъ же от- правился въ посольство повидаться съ виконтомъ д'Азѣ, но онъ ушелъ на целый день; а дорого бы я далъ, чтобы узнать, что стало съ хорошенькою герцогинею де-Рандонъ; но знаетъ ли что-нибудь о ней д'Азѣ? Въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ вѣрно за- былъ даже ея имя.

Начинало смеркаться; это было въ сентябрѣ, когда вечера ста- новятся короткіе — но прекрасные и свѣтлые. Сень-Годенъ остано- вился на этомъ мѣствѣ своего монолога, когда стройная женщина, легкими шагами проскользнувъ мимо его, сошла къ пристани, прыгнула въ лодку и позвала лодочника, сидѣвшаго на песчаномъ берегу, до того занятого разговоромъ съ товарищемъ, что онъ и не замѣтилъ, какъ лодка его была занята. Сень-Годенъ затрепеталъ. Та была благородная и гордая осанка герцогини де-Рандонъ, ея прелестный гибкій станъ, даже тотъ же очаровательный голосъ. По- раженный, смущенный этою встрѣчею, онъ былъ въ нервынности, не послѣдовать ли за нею въ лодку; но пока онъ размышлялъ, ло- дочникъ, позванный въ другой разъ, бросился къ своему мѣсту, и лодка скользила уже по водамъ Темзы. Сень-Годенъ, можетъ-быть, рѣшился бы отправиться вслѣдъ за своею соотечественницею, когда кто-то дружески положилъ ему руку на плечо, и очень знакомый голосъ провнесъ:

— Изидоръ Сень-Годенъ !

Изидоръ быстро обернулся, но не вдругъ узналъ виконта д'Азэ. Дѣйствительно это ужъ не былъ юноша легкомысленный, веселый, беззаботный, съ свѣтлорусыми волосами, осыпанными личико блое и розовое какъ у молоденькой дѣвушки. Это былъ важный и серьезный человекъ ; озабоченный и покрытый преждевременными морщинами, лобъ его носилъ отпечатокъ печальныхъ и глубокихъ думъ.

— Какъ ты похуздѣлъ, виконтъ , невольно воскликнулъ Сень-Годенъ.

— Тебѣ я не могу того же сказать, отвѣчалъ важно и почти не шутя секретарь посольства, взявъ подъ руку прежняго товарища, но зачѣмъ такъ внимательно ты смотрѣлъ на Темзу ?

— О ! милый мой, я смотрѣлъ на женщину и готовъ биться объ закладъ, что это герцогиня де-Рандонъ.

— Ты хочешь сказать прежняя герцогиня де-Рандонъ, сказалъ виконтъ, по челу котораго пробѣжала тягостная дума, хотя въ то же время губы старались улыбнуться; теперь она мадамъ д'Азэ.

— А.... ты женился! сказалъ, запинаясь Изидоръ.

— Ты отгадалъ... отвѣчалъ виконтъ, глубоко вздохнувъ и нахмуривъ брови.

— Вѣроятно, послѣ смерти герцога де-Рандона, случившейся въ прошломъ году ?

— Да. До этого же времени я былъ, по дѣламъ посольства, въ Шотландіи, а она вела уединенную жизнь въ Лондонѣ, скрываясь въ отдаленныхъ частяхъ города такъ осторожно, что я не могъ отыскать ея скромнаго убѣжища. Если тебѣ нечего дѣлать, пойдемъ со мною, мы будемъ обѣдать вмѣстѣ съ нею.

Сень-Годенъ охотно согласился, наши молодые люди взяли лодку и черезъ полчаса вышли на берегъ около прелестной маленькой дачи. Заплативъ лодочнику и отославъ лодку, друзья въ молчаніи пошли по узенькой тропинкѣ, которая привела ихъ въ большой садъ, среди котораго возвышался простой павильонъ ; чистыя струи ручейка орошали садъ и разливали пріятную свѣжесть ; рѣдкіе превосходные цвѣты показывали искусную и опытную руку заботящагося объ нихъ. Подходя къ дому, наши путники увидали хозяйку, вышедшую къ нимъ на встрѣчу. Увы ! леремьна, происшедшая въ герцогиню была еще замѣтнѣе , еще печальнѣе , нежели въ виконтѣ ;

это было все то же восхитительное созданіе, котораго очаровательный чинъ встречается только между Парижанками, та же чудная грація въ движеніяхъ, та же величественная, благородная осанка, исполненная достоинства, но свѣжесть молодости исчезла, глубокія впадины на блѣдыхъ щекахъ, служили очевиднымъ доказательствомъ, что блѣдая женщина долго и много проливала слезъ, блескъ прекрасныхъ черныхъ глазъ потускъ подъ покровомъ грустныхъ сожалѣній; двадцати-трехъ-лѣтняя женщина казалось была уже лѣтъ тридцати.

Увидавъ Сенъ-Годена, Эльвида вспыхнула; но оправившись отъ смущенія, она сказала ему, взглянувъ на виконта.

— Мы очень рады видѣть васъ у себя, мосьё Сенъ-Годенъ.

Сенъ-Годенъ поклонился, а виконтъ почтительно поцѣловалъ руку молодой женщины, и тихо положивъ ее подъ руку Сенъ-Годена, сказалъ съ принужденной веселостью:

— Пока до обѣда, покажи Сенъ-Годену нашу дачу, милая Эльвида. Я же долженъ написать нѣсколько писемъ во Францію.

— Во Францію! прошептала Эльвида, съ такою горестью, что сердце Сенъ-Годена сжалось, и онъ инстинктивно понялъ, что эта молодая женщина желаетъ поговорить съ нимъ о своей родинѣ, и что виконтъ удался только для того, чтобы оставить ихъ на свободѣ, но Сенъ-Годенъ не подумалъ о робости госпожи д'Азё; напрасно ждалъ онъ ея вопросовъ, она молчала, такъ что наконецъ подвергаясь опасности оскорбить ее, онъ первый рѣшился заговорить.

— Не угодно ли вамъ о чемъ-нибудь спросить меня?

Эльвида испустила вопль, оканчивавшійся именемъ Антоанеты; потомъ потоки слезъ оросили лицо блѣдой матери.

Не показавъ вида, что замѣчаетъ эти слезы, Сенъ-Годенъ отвѣчалъ:

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что родственница герцога де-Рандона настоятельницаю монастыря ордена Визитации въ Парижѣ; дочь ваша поручена попеченіямъ этой достопочтенной женщины.

— Знаетъ ли она?... сказала Эльвида, не смѣя докончить вопроса.

— Она ничего не знаетъ, отвѣчалъ Сенъ-Годенъ, понимая, что желала знать госпожа д'Азё; потомъ съ удивительнымъ тактомъ угадывая все, что было жестокаго въ предположеніяхъ несчастной, онъ прибавилъ:

Сцена, единственная вещь герцога де-Гамальтона перед отъездомъ, была нечто иное какъ комедія; онъ хотѣлъ напутать васъ для того, чтобы вы не возвращались къ нему; хотѣлъ только въ случаѣ, если бы приняла вамъ такая фантазія, предложить право на разводъ, однако не употребилъ судебной формы. Тотчасъ послѣ этой сцены онъ ушелъ, и отъѣздъ его послѣдовалъ такъ скоро послѣ вашего, что въ свѣтъ неогляди, что вы уехали вмѣстѣ. Но передъ отъездомъ онъ поручилъ дочь свою попеченіямъ родственницы; пробывъ около шести мѣсяцевъ въ отсутствіи, онъ возвратился въ трауръ, и приказалъ надѣть трауръ дочери и людямъ.

Такъ меня считаютъ мертвою; Антонета думаетъ, что я умерла, воскликнула Эльвида, обливаясь слезами. Дѣйствительно, прибавила она, отирая слезы, пускай лучше считаетъ она меня мертвою, нежели преступною.

Сень-Годенъ молчалъ, онъ уважалъ скорбь матери. Раздался звонокъ къ обѣду и они вмѣстѣ вошли въ домъ.

Если наружность дома имѣла простой видъ, то внутренность ни мало не соответствовала ей, повсюду виднѣлся комфортъ, и каждая комната была меблирована съ величайшею роскошью и изысканностью. Вся прислуга состояла изъ одной служанки, старой, безобразной. Впрочемъ она была превосходная кухарка и опрятна какъ настоящая Фламандка. Обѣдъ прошелъ въ молчаніи, не смотря на все стараніе Сень-Годена оживить его; въ концѣ обѣда виконтъ сказалъ женѣ:

— Я принялъ за васъ приглашеніе на балъ, который даетъ леди Гамальтонъ черезъ три дня.

— Вы знаете, Альфредъ, что меня ни сколько не занимаютъ балы, отвѣчала Эльвида довольно сухо.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ виконтъ еще холоднѣе, но ваше печальное, почти страдающее лицо, самое здоровье ваше требуетъ разсвѣтля. И притомъ я хотѣлъ бы, чтобы вы были на этомъ балѣ.

— Вы хотите, чтобы ваша супруга вѣхала къ леди Гамальтонъ? спросилъ Сень-Годенъ въ чрезвычайномъ удивленіи.

— Да, сказалъ виконтъ, дѣлая Сень-Годену незамѣтный знакъ молчать; да, друзья урочаютъ меня, что я дожду Эльвиду въ заперти, притомъ же леди Гамальтонъ просила меня привести ее.

— Я повѣду, съ покорностью сказала Эльвида, опустивъ глаза.

Но возвратимся назадъ :

Намъ известно уже, какъ герцогиня и Коломба отправились къ Альфреду, но мы еще не сказали, какимъ образомъ герцогъ узналъ объ отъѣздѣ жены. Окна его комнаты выходили на дворъ. Онъ всю ночь трудился надъ сочиненіемъ о французскомъ флотѣ, которое требовалъ отъ него министръ. Въ тишинѣ ранняго утра, можно было различить малѣйшій шорохъ, и герцогъ, услышавъ голоса около коморки привратника, машинально подошелъ къ окну, приподнял сторы, и увидалъ двухъ женщинъ: въ одной онъ тотчасъ же узналъ Коломбу; въ чертахъ же другой нашелъ смутное сходство съ герцогинею; онъ опустил сторы, и въ полной увѣренности, что жена его спитъ, распологалась также предаться покою; но для того ли, чтобы совершенно убѣдиться, что все видѣнное имъ была мечта, или можетъ быть, чтобы сказать герцогинѣ о ночномъ выходѣ ея горничной, только онъ пошелъ въ комнату жены; тамъ все было въ беспорядкѣ: платье разбросано на мебели. Герцогъ бросилъ быстрый взглядъ на постель: она не была даже смята. Жестокое, страшное подозрѣніе пронзило его сердце. Въ тоже время, какъ будто невидимая сила хотѣла оправдать его подозрѣнія, небольшая распечатанная записка, дурно сложенная, небрежно брошенная на коверъ, поразила его взоръ; онъ поднялъ ее, прочелъ и не имѣлъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ бѣгства жены. Преодолевъ пожирившую его печаль, онъ позвалъ своихъ людей, приказалъ запретъ коляску; мы остальное знаемъ.

Когда карета быстро увлекла Эльвиду далеко отъ мужа, дочери, изъ Парижа, она была такъ поражена, что, казалось, потеряла рассудокъ; она не въ состояніи была размысливать, думать, или чувствовать, вся предалась безпредѣльной и раздражающей печали. Первые слова Альфреда вывели ее изъ этой, такъ сказать, летаргіи — и какъ скоро и не ожиданно она разочаровалась въ немъ. Молодая женщина увидала, что товарищъ ея путешествія старался сколько возможно покойнѣе помѣститься въ каретѣ; старательно осматривалъ ее и сталъ разговаривать такъ равнодушно, какъ будто это была самая обыкновенная повозка, какъ будто они вѣхали для собственнаго удовольствія и увы! какъ будто этотъ человекъ не похизчалъ мать у дочери, уважаемую женщину у общества. Это былъ уже

слишкомъ жестокий ударъ. Эльвида лишилась чувствъ и въ безсознѣи упала на подушки кареты.

Когда она стараніями виконта пришла въ себя, онъ холодно сказалъ ей :

— Если вы любите меня, то должны быть довольны случаемъ соединившимъ насъ; если же вы меня не любите, то не надо было призывать къ другу вашего дѣтства.

Это разсужденіе было справедливо; герцогиня, понявъ ее, глотала слезы. Въ тотъ же день она нашла случай незамѣтно оставить виконта, и кой-какъ добралась до Лондона. Но извѣстно уже, что женщина никогда безнаказанно не разрываетъ узъ, привязывающихъ ее къ обществу и семейству: самая страстная любовь, самая безпредѣльная преданность возлюбленнаго, не можетъ вознаградить того, что теряешь. Четыре года Эльвида, съ своимъ открытымъ и благороднымъ характеромъ, должна была жить въ непрерывномъ притворствѣ. Это было выше силъ молодой, прекрасной женщины, которой едва минуло двадцать два года; она просила у Бога только одной смерти.

Надо, однако, отдать справедливость виконту; видя себя единственнымъ покровителемъ этой несчастной молодой женщины, и совершенно сознавая, что одинъ онъ причиною ея несчастья, что только одинъ онъ и могъ погубить ее, онъ былъ къ ней ласковъ и внимателенъ, употреблялъ все средства, чтобы помирить ее съ настоящимъ положеніемъ. Эльвида была ему за это очень признательна, но не обманывала себя на счетъ чувствъ виконта; это была уже не любовь, и какая любовь могла бы когда-нибудь вознаградить ее за всѣ страданія.

Сенъ-Годенъ первый посѣтилъ убѣжище Эльвиды, и былъ, можетъ-быть, невольною причиною, что Альфредъ требовалъ отъ своей подруги, явиться на балу леди Гамильтонъ. Онъ боялся насмѣшекъ своего соотечественника надъ ревностью, которой не чувствовалъ. Вечеромъ, въ день бала, двое друзей пріѣхали за Эльвидою, которая была одѣта по бальному, но легко было замѣтить, что свѣжесть ея щекъ была не натуральна; подъ искусственнымъ румянцемъ, она скрыла блѣдность и болѣзненный цвѣтъ лица; не смотря на то, она была такъ хороша, такъ хороша, что оба друга были поражены удивленіемъ.

— Милый другъ, оказалъ ей Альфредъ, сегодня вечеромъ пріемъ

въ посольствѣ и я не могу взать съ тобою къ леди Гамильтонъ. Сень-Годенъ поведетъ съ тобою; но успокойся, я найду средство ускользнуть, приду за тобою, и самъ отвезу тебя домой. Эльвида ничего не отвѣчала, она принесла ему въ жертву всю свою жизнь, что же значило пожертвовать однимъ вечеромъ? Когда наступило время взать, она съѣла въ карету съ Сень-Годеномъ и они отправились въ отель леди Гамильтонъ. Уже такъ давно Эльвида не взидала на балы, что звуки музыки, поразившіе ея слухъ, когда она шла по парадной лѣстницѣ, вриятно потрясли все ее существо. Однако, когда она вошла въ большую залу, имя мадамъ д'Азѣ, громко возвѣстившее ея появленіе, заставило ее вдругъ возвратиться къ прежнему существованію; слезы омрачили ея глаза, но поспѣшно отеревъ ихъ и стараясь улыбнуться, она пошла впередъ, на встрѣчу къ хозяйкѣ дома. Въ то мгновеніе, когда поклонившись онъ подняли глаза, обѣ вдругъ вскрикнули:

— Герцогиня!

— Коломба!

При имени Коломба, такъ внезапно произнесенномъ въ гостиной, женщина, такъ названная, гордо подняла голову и съ видомъ достоинства, чрезвычайно искусно разыгранымъ, отвѣчала:

— Леди Гамильтонъ, герцогиня, потому она прибавила громко, нисколько не заботясь о томъ, что ее могли слышать.

— Но какъ это случилось, что виконтъ просилъ у меня билета на имя мадамъ де-Сень-Альфредъ, а герцогиня де-Рандонъ явилась вмѣсто ея?

Несчастливая Эльвида поблѣднѣла, такъ страшно поблѣднѣла, что Сень-Годенъ, боясь, чтобы она не упала безъ чувствъ среди танцующихъ и окружавшей толпы, увелъ ее въ смежную, небольшую комнату, гдѣ еще никого не было. Онъ посадилъ ее на диванъ, леди Гамильтонъ послѣдовала за ними, поспѣшно подала флаконъ со спиртомъ прежней своей госпожѣ; потомъ когда она хотѣла возобновить прежніе распросы, Сень-Годенъ сказалъ ей въ полголоса:

Прежняя герцогиня де Рандонъ вышла замужъ за виконта д'Азѣ де Сень-Альфредъ.

— Безславіе! прошептала Эльвида въ полголоса.

При этихъ словахъ, принятыхъ прежде бывшею Коломбою совозмъ въ другомъ смыслѣ, она отвѣчала:

— Но я замужемъ, я обвенчана, и конечно не могла бы съ лордомъ Гамильтонемъ, если бы онъ не далъ мнѣ званія своей сукрути; вы можете это видѣть по особамъ, находящимся у меня, все это самыя знатныя люди, все замужнія и все съ своими мужьями.

Сень-Годенъ видя, что люди Гамильтонъ заняла слишкомъ далеко, взял ее подъ руку и съ любезностью сказалъ :

— Пойдемте, милая леди, гости ваши ждутъ васъ; виконтеса д'Азе желаетъ остаться одна на минуту.

Точно, герцогиня желала остаться одна, не для того чтобы оправиться отъ своего смущенія, но чтобы найти средство убѣжать изъ дома, гдѣ она была покрыта стыдомъ безъ всякой пощады. Когда она почувствовала столько силъ, чтобы идти, она встала, незаметно проскользнула между скамейками, стоявшими въ большой гостиной, дошла до дверей, прошла переднюю, и хотѣла уже сойти съ лѣстницы съ открытою головою и обнаженными плечами, не чувствуя холоду, уже ее охватившаго, но слуга виконта д'Азе бросился за нею, накинулъ на нее плащъ, воскликнувъ :

— Вамъ угодно уже взать?

— Мнѣ дурно, очень дурно, отвѣчала Эльвида; карета здѣсь?

— Здѣсь. Виконтъ отдалъ ее въ ваше распоряженіе, самъ же онъ прїѣдетъ на балъ въ каретѣ одного изъ своихъ друзей, состоящаго при посольствѣ.

Эльвида возвратилась домой въ положеніи, которое невозможно описать. Когда служанка раздѣла ее, она отослала ее спать, сама же надѣвъ спальный капотъ и будучи не въ состояніи спать, стала ходить по своей коннать. Около полуночи, услыжавъ шумъ въ комнатѣ виконта д'Азе, она думала, что онъ возвратился и отворила дверь коридора, который велъ въ комнату виконта; сперва она никого не видала, но черезъ минуту рассмотрѣла опромнаго ангорскаго кота, такъ скоро вспрыгнувшаго на письменный столъ, что чернильница была опрокинута и бумаги сброшены на полъ; герцогиня поставила чернильницу на мѣсто, подняла бумаги, положила на столъ и печально взглянувъ на одну изъ нихъ, прочла свое имя. Тотчасъ же, безъ всякой тайной мысли, она взяла бумагу, унесла ее къ себѣ въ комнату, села въ кресла, облокотилась на столъ, на которомъ стояла свѣча и прочла слѣдующее :

«Милая матушка!»

«Я уже вамъ сказалъ, что мнѣ очень тяжело огорчить васъ, но прежде всего я обязанъ былъ исполнить долгъ чести, я женился на герцогинѣ; это значить, что я долженъ былъ отказаться отъ Матильды. Вы меня спрашиваете, люблю ли я эту женщину? Нѣтъ матушка, я ее не люблю и, что еще болѣе, я никогда не любилъ ее. Она упала какъ камень на дорогъ моей жизни, но этотъ камень я не могу столкнуть ногою, чтобы бѣжать къ счастью, потому что я былъ бы безчестнымъ человѣкомъ. Мое легкомысліе погубило Эльвиду, лишило ее уваженія и счастья, и дало ей право требовать отъ меня всевозможныхъ жертвъ. Бѣдный цвѣтокъ, сломанный мною! Я вижу какъ она вянетъ и гаснетъ предъ моими глазами; но она не замѣчаетъ переменны на моемъ лицѣ; я умираю отъ того, что ее убиваетъ . . .

На этомъ мѣстѣ письма остановилась Эльвида, такъ сказать, однимъ взглядомъ пробѣжала эти строки. Она оставалась нѣсколько минутъ подавленная силою горести. Онъ не любитъ ее; онъ никогда не любилъ ее! Пока она перечитывала эти слова, онъ огненными буквами врѣзывался въ ее сердце; это былъ послѣдній ударъ, поразившій ее, но она не плакала, не падала въ обморокъ; безмѣрность отчаянія придавала ей силу, она встала блѣдная, но спокойная; твердыми шагами пошла въ комнату виконта, положила письмо, взяла перо, и написала на этомъ же письмѣ:

Будьте счастливы, вы никогда не услышите обо мнѣ; она написала: «Эльвида»; потомъ возвратившись въ свою комнату, открыла письменный столъ, взяла все находившееся тамъ золото, до двухъ тысячъ лундоровъ; положила ящичекъ съ драгоценными вещами въ свой карманъ; потомъ надвѣла шляпу, накинула шаль и тихо сѣхла по лѣстницѣ въ садъ; дверь была затворена только на задвижку, потому что всякую минуту ожидали возвращенія виконта, и потому она безъ особенныхъ усилій отворила ее. Проходя садъ, она сорвала на пути махровую розу и съ наслажденіемъ вдыхала ее благоуханіе, какъ будто имѣла всю любовь, которую думала, что виконтъ имѣетъ къ ней; потомъ спрятавъ ее на груди, дошла до рышетки и пошла къ берегу Темзы; она приказала подать лодку, и бросилась въ нее въ ту самую минуту, когда карета виконта возвращалась на дачу; она узнала лошадей, слугъ, экипажъ; она видѣла,

какъ Альфредъ, высунувъ голову въ двери, закричалъ кучеру: Скорѣе, скорѣе.

— Благодарю, о! благодарю, сказала она въ полголоса, ставъ на колѣни въ лодкѣ; онъ не любитъ меня, но онъ добръ и великодушенъ, у него благородное сердце, и я могу любить его всею любовью, которой онъ не имѣетъ ко мнѣ.

Лодка удалялась отъ берега, и Эльвида слышала стукъ рѣшетки, затворявшейся за каретою виконта.

— Все кончено, сказала она и уже не поддерживаемая лихорадкомъ отчаянія, управлявшаго ею при всѣхъ приготовленіяхъ къ отъезду, упала на дно лодки и долго оставалась такъ, какъ будто лишившись чувствъ.

Спустя мѣсяцъ, послѣ разсказаннаго нами происшествія, женщина вся въ черномъ, совершенно закрытая чернымъ шерстянымъ покрываломъ, постучалась въ ворота монастыря Визитаціи, въ Парижѣ. Эта женщина желала видѣть настоятельницу и ее тотчасъ ввели въ небольшую приемную, стѣны которой были выбѣлены глиною и вмѣсто всякаго украшенія поставлено большое деревянное распятіе и два соломенныхъ стула. Когда монахиня, сопровождавшая ее, вышла изъ комнаты, она оставалась нѣсколько минутъ стоя, ожидая что кто-нибудь пригласитъ ее сѣсть, но глубокое молчаніе, царствовавшее въ комнатѣ, заставило посѣнительницу взглянуть два или три раза на двойную рѣшетку изъ чернаго дерева, которая задергивалась двойнымъ чернымъ занавѣсомъ, и не замѣтивъ никого за этимъ занавѣсомъ, она обратила взоръ на Распятіе и упавъ передъ нимъ на колѣни, воскликнула:

— О Спаситель мой! Спаситель! умилосердись надо мною.

Потомъ снова погрузилась въ глубокое размышленіе; кроткій и умиленный голосъ привелъ ее въ себя; она увидала за занавѣсомъ рѣшетки неясный образъ монахини. Бѣдная женщина на колѣнахъ приползла отъ распятія къ рѣшеткѣ, и воскликнула:

— Добрая матушка, однѣ ли мы?

— Однѣ съ Богомъ, всевидящимъ, который судитъ насъ и прощаетъ искреннему раскаянію, дочь моя, кротко отвѣчала монахиня.

Никто никогда не узналъ, о чемъ говорили эти женщины; разговоръ ихъ продолжался около двухъ часовъ. Послѣ чего настоятельница дала приказаніе отворить двери, сама вышла на встрѣчу новопришед-

шей, проводила ее въ келью, и объявила своимъ монахинямъ, что отъ Бога послана новая сестра; что сестра Магдалина не произнесетъ объята, но подчинится всемъ суровымъ правиламъ монастыря, и подобно имъ, посвящаетъ себя на воспитаніе молодыхъ дѣвицъ, которыхъ родители отдаютъ въ монастырь.

Дѣйствительно, - на другой день вступленія своего въ монастырь, сестра Магдалина вступила въ классы. Это была еще молодая женщина, но нельзя было навѣрное опредѣлить ея возраста, такими глубокими морщинами покрыла печаль ея благородный лобъ, ея прелестное грустное лице. Ея кроткій голосъ, невыразимая прелесть, разлитая во всей ея особѣ, скоро привлекли къ ней сердца всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ; каждая старалась прочесть въ ея прекрасныхъ черныхъ глазахъ, постоянно опущенныхъ внизъ, на губахъ, никогда не улыбающихся, какая печаль могла омрачить это прекрасное созданіе; и другъ передъ другомъ старались развлекать ее.

Одно было необъяснимо въ новой монахинѣ: надобно предполагать, что она очень любитъ дѣтей, потому что добровольно посвятила себя ихъ воститанію, и однако никогда никому изъ нихъ она не говорила дружескаго слова, никогда никого не приласкала; можно было подумать, что она даже боялась смотреть на нихъ. Случившееся однажды обстоятельство, повидимому очень простое, выказало, какъ называли, странность характера сестры Магдалины. Кельи сестеръ никогда не запираются, у нихъ нѣтъ ни тайнъ ни сокровищъ, онѣ не боятся, что ихъ обокрадутъ. Однажды, говорю я, во время часовъ отдохновенія, раздавая страшный вопль въ кельѣ сестры Магдалины; всѣ туда бросились; монахини, воспитанницы, даже начальница; прибѣжавшія впередъ, увидали сестру Магдалину, стоящую съ разстроеннымъ лицомъ, блуждающими глазами, и съ превосходною махровою розою въ рукахъ.

— Кто положилъ эту розу на мѣсто моей засохшей? сказала она дрожащимъ голосомъ, спрашивая взорами всѣхъ окружавшихъ ее.

— Я, сказалъ тоненькій сладкій голосокъ, и тотчасъ же маленькая воспитательная дѣвочка пяти или шести лѣтъ, ангельской красоты, вышла на средину кельи.

— Ты! ты! воскликнула ужаснувшись монахиня. О! небесное правосудіе! прибавила она, закрывая лицо руками.

— Добрая сестра, сказалъ ребенокъ, если ты любишь засохшія
Т. III. — Отд. VII.

розы, то должна еще болѣе любить связія; для этого—то я и хотѣла сдѣлать тебѣ нечаянное удовольствіе.

Но какъ монахиня все продолжала стоять съ закрытымъ лицомъ, ничего не отвѣчая, дитя, сложивъ ручки, сказала:

— О сестра Магдалина! прошу тебя, прости меня, если я тебя огорчила.

— Сестра Магдалина, сказала нѣсколько сурово настоятельница, никто здѣсь не можетъ понять печали вашей о засохшей розѣ, я приказываю вамъ простить Антоанетъ де-Рандонъ, поблагодарить ее за цвѣтокъ принесенный ею, и поцѣловать ее.

Какъ бы повинувшись приказанію настоятельница, но движимая болѣе сильнымъ чувствомъ, сестра Магдалина упала на колѣна передъ малюткою, прижала ее къ сердцу и покрыла ее прелестное личико поцѣлуями и слезами; малютка въ восторгъ отирала ихъ.

— Вы должны любить меня, сестра Магдалина, сказала она; вы должны любить меня болѣе, чѣмъ другихъ; у всѣхъ дѣвицъ есть маменьки, только у меня нѣтъ.

— Твоя мать! твоя мать!... сказала сестра Магдалина. Замѣтно было, что она хотѣла говорить, но не смѣла.

— Говорятъ, что она умерла! прибавило простодушно дитя, но я не вѣрю.

— А почему ты не вѣришь, Антоанета? спросила настоятельница.

— По всему матушка, отвѣчала Антоанета. Если бы маменька умерла, то надъ ея могилою стоялъ бы памятникъ, и меня возили бы хоть одинъ разъ въ годъ на ея могилу и—позволяли бы мнѣ положить на нее одинъ изъ тѣхъ вѣнковъ, которыя я плету въ день поминовенія усопшихъ. Если бы маменька умерла, объ ней говорили бы у насъ въ домѣ, и старые слуги не заставляли бы меня молчать всякій разъ, какъ я произнесу ея имя. Если бы маменька умерла, ее портретъ не былъ бы заброшенъ на чердакъ, а висѣлъ бы на первомъ мѣстѣ въ гостиной, и всякій день я могла бы на колѣнахъ просить ея благословенія, не знаю, что отъ меня скрываютъ, но я вижу очень хорошо, что скрываютъ.

Всѣ слушали простодушный разговоръ маленькой Антоанеты, но смѣя прервать его. Лицо же Магдалины при каждомъ словѣ малютки все болѣе и болѣе склонялось на грудь; но вдругъ раздался звукъ

колокола, возвѣщающаго время занятій, все отправилось къ своимъ обязанностямъ, и маленькая сцена этимъ и кончилась.

Такъ прошло два года, а въ монастырь время совсѣмъ не то что въ свѣтъ; все дни походятъ одинъ на другой. Въ этой однообразной жизни, важнымъ происшествіемъ считалось поступленіе или выпускъ пансіонерки. Около этого времени, самая старшая и старинная изъ пансіонерокъ монастыря Визитокъ, Матильда де-Сюржеръ, объявила своимъ подругамъ, что она оставляетъ монастырь и выходитъ замужъ.

— За кого? спросила одна изъ подругъ.

— За виконта д'Азё, отвѣчала Матильда.

— Это однако удивительно, возразила одна изъ пансіонерокъ; я слышала, какъ рассказывали у маменьки, что виконтъ хочетъ жениться на какой-то Англичанкѣ.

— Вамъ говорили вздоръ, холодно отвѣчала Матильда, нашъ бракъ рѣшенъ еще съ дѣтства; виконтъ д'Азё оставался очень долго въ Англии, и потому только, что былъ секретаремъ посольства; тамъ онъ женился, потерялъ свою жену, и вотъ ужъ недѣля, какъ онъ возвратился; первый визитъ его былъ къ маменькѣ, первое слово о нашемъ бракѣ.

— Я видѣла виконта д'Азё въ воскресенье въ церкви святаго Юмы Аквинскаго, возразила первая пансіонерка; папенька, показывая его моему дядѣ, сказалъ: вотъ виконтъ д'Азё, возвратившійся изъ Англии. Я посмотрѣла на него, онъ не множко старъ для тебя.

— Вы все таковы, mesdames, возразила Матильда; вамъ виконтъ кажется старъ потому, что у него не женоподобное личико, розовое и бѣлое какъ у откормленнаго деревенщины. Виконту всего двадцать осемь лѣтъ, и мнѣ именно нравится въ немъ суровое выраженіе лица и степенный видъ.

Шумъ, послышавшійся въ ближней аллее сада, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, привлекъ вниманіе взрослыхъ пансіонерокъ.

— Что случилось? спрашивали онѣ у бѣжавшей монахини.

— Великое несчастіе, милья дѣти, отвѣчала монахиня. Сестра Магдалина умираетъ. Въ то время, какъ вы тутъ разговаривали, она подняла руку, чтобы сорвать сливу для маленькой Рандонъ. Вѣроятно она употребила на то слишкомъ большое усиліе, потому что жила въ груди порвалась, и у ней открылась кровь горломъ. Ее от-

несли въ келью и послали за докторомъ; все сестры молчали объ ней, совѣтуя и вамъ также помолиться.

Когда монахиня перестала говорить, веселый детский шумъ пансіонерокъ превратился въ мрачное, почти торжественное молчаніе. Медленными шагами все отправились въ церковь. Докторъ сказалъ, что сестра Магдалина остается жить только нѣсколько часовъ, и стали читать отходную. Это случилось въ субботу, когда воспитанницы распускаются домой, и всякую минуту то слуги, то родители прѣзжали за пансіонерками. Оставались еще двѣ или три, когда умирающая, пришедъ въ себя, спросила имена оставшихся пансіонерокъ. Между ними находилась еще Антоанета де-Рандонъ.

— Добрая матушка, сказала сестра Магдалина настоятельница, которая не оставляла ее и молилась у изголовья ея постели, позвольте мнѣ сказать одно слово дѣвицѣ де-Рандонъ.

— Дочь моя, ты знаешь наши условія, отвѣчала настоятельница; самая смерть не можетъ разрыгнуть тебя отъ клятвы.

— Я сдержу ее, матушка, отвѣчала умирающая; умоляю васъ позвольте мнѣ только взглянуть на этого ребенка.

По знаку, данному настоящицею, Антоанету привели въ келью сестры Магдалины. Умирающая взяла небольшой сафьянный ящичекъ, стоявшій на полочкѣ подлѣ Мадонны и отдала его Антоанетѣ.

— Дитя мое, сказала она, завтра, во время завтрака, отдай этотъ ящичекъ твоему дядѣ. Теперь, дитя мое, обними меня, и ступай; послѣднія минуты мои должны быть посвящены Богу.

Хотя Антоанета была еще очень мала, ей было всего восемь лѣтъ, но она уехала изъ монастыря въ глубокой задумчивости.

— Завтра, за завтракомъ, говорила она, почему же не сейчасъ? и притомъ какъ же дяденька отворить этотъ ящичекъ? Сестра Магдалина забыла мнѣ дать ключикъ:

Еслибы герцогъ де-Рандонъ былъ въ это время дома, мы не ругаемся зато, что Антоанета можетъ быть тотчасъ отдала бы ему ларчикъ; но малютка увидала дядю только за завтракомъ, и потому могла верно исполнить порученіе.

Герцогъ де-Рандонъ взялъ ящичекъ изъ рукъ своей маленькой племянницы, подавилъ ружину, ящичекъ отворился.

Онъ былъ наполненъ брилліантами и различными драгоценными вещами, посреди же лежалъ не большой женскій портретъ.

— Кто тебя далъ это? кто далъ тебя эта? воскликнула герцогъ на себя.

— Въ монастырь, сестра Магдалина.

Антоанета не могла ничего болѣе сказать, потому что дядя ея былъ уже далеко. Изъ всѣхъ вещей, находившихся въ ящикѣ, она взяла только портретъ.

Не потребовавъ даже кареты, герцогъ быстро прѣбжалъ прѣдѣла, отдавая гостиную отъ двора, вышелъ изъ дому и скоро бѣжалъ тамъ гдѣ былъ въ монастырь Визитокъ. Прежде нежели рѣшился позвонить въ монастырь, онъ остановился, сильное волненіе овладѣло имъ, такъ что всѣ проходившіе смотрѣли на него съ удивленіемъ. Наконецъ онъ позвонилъ; дверь открылась, онъ бросился въ приемную, которую мы уже знаемъ. Настоятельница въ то же время явилась за рѣшеткою.

— Гдѣ Эльвида — сестра Магдалина? спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Сестра Магдалина умерла, отвѣчала монахиня перекрестившись; миръ и покой ея праху.

Спустя нѣсколько времени, Антоанета не сомнѣвалась уже въ смерти своей матери, потому что большой портретъ появился въ гостиной и дядя водилъ ее въ первое воскресенье каждаго мѣсяца молиться на могилу Эльвиды.

Не знаемъ, отыскалъ ли наконецъ Семъ-Годенъ свою драму.

сюжетъ для водевиля. Въ прошлое воскресенье мы были на прелестной дачѣ у молодой, прекрасной, любезной и остроумной дамы; — одно изъ этихъ преимуществъ часто кружитъ намъ головы; можно понять, какъ мы были счастливы въ сообществѣ соединенія всѣхъ этихъ совершенствъ.

Гостей было много, какъ обыкновенно у хозяйки, которая даетъ добрые совѣты и превосходные обѣды. Умные и глупые находили тамъ свои выгоды. Въ числѣ гостей былъ старый канитанъ, ужь право не знаю какого полку, известный тамъ, — быть-можетъ это клевета, — что торговалъ всѣ продававшіяся и не продававшіяся дачи, единственно для того, чтобы его пригласили позавтракать или пообѣдать, смотря по времени, когда онъ являлся. А какъ онъ былъ, что называется человѣкомъ порядочнымъ и любезнымъ разсказчикомъ,

то его принимали сначала какъ покупателя, потомъ приглашали какъ гостя. Въ этотъ день его удержали обѣдать; — онъ случайно пришелъ, когда уже супъ стоялъ на столѣ. Чтобы вознаградить себя за его посѣщеніе, наша прелестная хозяйка начала подсмѣиваться надъ нимъ; капитанъ отшучивался. Но какъ преимущество не всегда было на его сторонѣ, то для того, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ употребилъ хитрость, которая всегда ему удавалась; она состояла въ томъ, чтобы прекратить насмѣйки, обративъ разговоръ на другой предметъ, посредствомъ разказа, которымъ онъ былъ обязанъ своему воображенію и памяти — того только и хотѣла наша хозяйка. Мы слушали съ вниманіемъ свѣжій анекдотъ, настоящій парижскій, исполненный живаго интереса, развязка котораго тронула насъ до слезъ. Вотъ онъ: пусть капитанъ самъ разкажетъ его.

— Вы знаете, сударыня, что я остался холостякомъ, но если у меня нѣтъ прямыхъ наследниковъ, то зато есть негодяй племянникъ, который считаетъ меня такимъ дядею, съ которымъ можно обходиться безъ церемоніи. На этихъ дняхъ, мальчикъ изъ трактира явился ко мнѣ со счетомъ, котораго итогъ составлялъ довольно значительную сумму.

— Оставь мнѣ счетъ, сказалъ я, сегодня непременно повидеюсь съ твоимъ хозяиномъ.

Спустя нѣсколько часовъ, въ прекрасный день, я сидѣлъ передъ приборомъ изящной чистоты.

— Вамъ угодно заказать обѣдъ по картѣ или по установленной цѣнѣ? спросилъ меня мой утренній посѣтитель.

— А какая опредѣленная цѣна?

— По два франка съ человека.

— Закажи по опредѣленной цѣнѣ.

Не бывъ Лукулломъ, ни Гримо де-ла-Риньи — я не презираю наслажденіемъ обѣда, и рѣшился остановиться на супъ, если онъ не слишкомъ вкусенъ. Но я былъ чрезвычайно приятно удивленъ, и убралъ съ порядочнымъ аппетитомъ три вкусныхъ блюда, за которыми слѣдовала кисть винограда, сорванная, безъ сомнѣнія, въ виноградникахъ Томери или Фонтенебло, такъ онъ былъ золотистъ, сладокъ и соченъ. Виноградъ въ июль! После кофе я захотѣлъ поговорить съ хозяиномъ, который повелъ меня въ свой кабинетъ.

— Любезнѣйшій, сказалъ я ему послѣ обыкновеннаго привѣтствія; мы

скоро разоритесь, если не будете считать кредитъ величайшимъ зломъ или бездонною пропастью.

— Можеть-быть я и ошибаюсь, но увѣрю васъ, что я согласенъ лучше десять разъ быть обманутымъ, нежели отказать первому голодному бѣдняку, у котораго нѣтъ денегъ.

— Такое чувство доказываетъ, что у васъ доброе сердце, но сердце часто заставляетъ дѣлать глупости. Какимъ-образомъ, напримѣръ, могли вы поверить въ долгъ на триста франковъ этому втренинику, Леопольду Дюрану?

— Онъ такой веселый собесѣдникъ и къ тому же я зналъ, что онъ имѣетъ честь принадлежать къ вашему семейству.

Что было отвѣчать на это? оставалось только вынуть свой кошелекъ, заплатить и отправиться. Что я и сдѣлалъ безъ всякихъ объясненій. Когда я выходилъ изъ кабинета ресторатора, то столкнулся съ высокою, краснощекою дѣвушкою, съ живыми глазами, розовыми губами, жемчужными зубами, съ великолѣпно развитыми формами, ставъ которой поддерживался сильными ногами. Эта красивая женщина держала на крѣпкихъ рукахъ крошечное созданіе, нѣжное и слабое; оно улыбалось во снѣ, и на ротикъ его видѣлось еще молоко.

— Этотъ маленькій ангелъ, вѣроятно ваше дитя? сказалъ я хозяину.

— О нѣтъ....

— Ну такъ вашей племянницы или можеть-быть родственницы?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Если это не будетъ нескромностью....

— Нѣсколько. Ребенокъ, котораго вы видите, посланъ намъ слушаемъ.

— Объясните мнѣ....

— Это очень просто и легко сдѣлать. Недѣля тому назадъ, молодая дама, изящно одѣтая и благородной наружности, потребовала обѣдъ въ особенную комнату. Черезъ часъ она вышла, чтобы заплатить за обѣдъ. Я замѣтилъ, что губы ея были блѣдны, глаза томны и лицо разстроено. Она, казалось, едва держалась на ногахъ и удерживала рыданія.

Я предложилъ ей послать за каретою, она отказалась и вышла знатаясь, бросивъ на меня долгій горестный взглядъ, заставившій меня затрепетать. Черезъ нѣсколько минутъ мальчикъ пошелъ снять приборъ и нашелъ на скатерти....

- Правднее небо! Что такое?
- Маленькую спящую дѣвочку.
- И никакого слѣда, никакой примѣты?
- Только локонъ свѣтло русыхъ волосъ, половина золотого кольца, и на клочкѣ бумаги, омоченной слезами, написаны дрожащею рукою три слова: *Сжальтесь надъ нею.*
- Вотъ страшное приключеніе! На что же вы рѣшились?
- Не забывать о бѣдной матери и дать кормилицу ея дитяти.
- Вы поступили благородно. И когда-нибудь *будетъ вознаграждены* за ваше человеколюбіе.
- Я не желаю никакого вознагражденія. Пусть *будетъ она* благодарна и трудолюбива. Черезъ пятнадцать лѣтъ, если вамъ только понравится моя кухня по определенной цѣнѣ, моя маленькая Ашція, улыбаясь *будетъ* принимать отъ васъ деньги за обѣдъ.
- Я согласенъ съ предсказаніемъ и охотно прощаю моему владѣннику, вѣтренность котораго доставила мнѣ случай познакомиться съ вами. До скораго свиданія.
- Клянусь, долго я не позабуду младенца ангела, посланнаго Провидѣніемъ въ попечительныя объятія ресторатора, котораго кухня также хороша какъ и сердце.
- Вотъ мой анекдотъ, мнѣ кажется онъ представляетъ два предмета для разсужденія: первый о капитанѣ, который подъ предлогомъ покупки дачъ, умѣетъ заставить пригласить себя къ обѣду, тамъ, гдѣ столъ хорошъ и общество пріятное; второй о найденышѣ.

КНИГИ ПО УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской

Библиотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петъльа, № 3.)

TRICOT. Nouvelles leçons de littérature française et de morale, ouvrage adopté pour les établissements du ministère de l'Instruction Publique et les établissements de Demoiselles placés sous la protection de SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE. 2e édition. St.-Petersbourg 1850. 1 vol. gr. in-8.

1 rbl. 50 c

ЕЩЕ ОДНА НОВАЯ ПЛАНЕТА. Солнечная система быстро населяется съ нѣкотораго времени. Одинъ господинъ Гиндъ (Hind), съ частной обсерваторіи въ Лондонѣ, умножилъ ее тремя новыми планетными шарами втеченіе четырехъ лѣтъ. Первая его планета названа *Иридою*; вторая *Флорою*, третью, найденную 1 (13) сентября нынѣшняго года, предлагаетъ онъ назвать *Викторіей*. Какъ и двѣ первыя, эта новая планета принадлежитъ къ числу ультра-зодіакальныхъ. Въ день открытія она занимала на небѣ мѣсто подѣ 23° 44' 45" прямаго восхожденія и 14° 6' 42" сѣвернаго склоненія.

Извѣстно, что, по Кеплерову закону планетныхъ разстояній, въ огромномъ промежуткѣ между Марсомъ и Юпитеромъ должна бы находиться большая планета, которой однако жъ тамъ не оказывается. Пустота эта, вмѣсто одной большой планеты, занята кучею маленькихъ планетъ, величиной не превосходящихъ нашей луны, очень близкихъ другъ къ другу, и текущихъ внѣ полосы зодіака, обыкновеннаго пути большихъ планетъ. Число ихъ, вѣроятно, очень значительное, донынѣ въ точности не извѣстно и въ спискахъ нашихъ постепенно умножается по мѣрѣ открытій. Теперь уже мы знаемъ ихъ двѣнадцать.

Церера, открыта въ 1801 году астрономомъ Пиацца.	
Паллада	1802 Ольберсомъ.
Юнона	1804 Гардинггомъ.
Веста	1807 Ольберсомъ.
Астреа	1845 Генке.
Геба	1847 Генке.

Ирида	1847	Гиндомъ.
Флора	1847	Гиндомъ.
Метисъ	1848	Гремомъ.
Гягя (Hugeia)	1849	Гаспарисомъ.
Партенопа	1850	Гаспарисомъ.
Викторія	1850	Гиндомъ.

Присоединивъ къ нимъ осемь большихъ планетъ (Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ, Нептунъ), общее число донынѣ извѣстныхъ планетъ солнечной системы составляетъ ровно 20.

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗІЯ. Что такое поэзія? На этотъ вопросъ, столь простой по паружности, легче отвѣчать на четырехъ страницахъ, чѣмъ въ четырехъ строчкахъ. Поэзія вещь до того сложная и въ то же время до того тонкая и нежная, что она ускользаетъ по своей неосязаемости, даже изъ подъ ножа анализа и отъ всей алхиміи опредѣлений. Она пахнетъ какъ весеннее благоуханіе, сіяетъ какъ свѣтъ, но не опредѣляется положительно; никто не пытался изъяснить запахъ фіалокъ или лучъ солнца, играющій сквозь зелень листьевъ. Однако мы попробуемъ не опредѣлить поэзію, а изъяснить по своему, какъ мы ее понимаемъ.

Разумъ человѣческій, приходя въ соприкосновеніе съ предметами вѣшняго міра посредствомъ чувствъ, задумалъ идеи; сначала тѣ, которыя психологи называютъ врожденными, то-есть, такія, которыхъ нельзя не имѣть, потомъ посредствомъ другой способности, именно воображенія, прибавилъ къ нимъ другія идеи, не врожденные, а только къ тѣмъ принадлежащія. Поэзія одна изъ большихъ рѣкъ, истекающихъ изъ этого обильнаго и никогда неизсякаемаго источника, — идей. Человѣкъ, передъ дѣлами творенія, почувствовалъ въ себѣ что-то неопредѣленное, но величественное, которое бросило его за предѣлы дѣйствительнаго міра, чтобы погрузить трепещущаго отъ волненія въ міръ, существовавшій только въ его мысли и его мыслями, міръ идеальный. Поэзія началась съ этой минуты; она такъ стара какъ свѣтъ. Собственно поэзія — ощущеніе или скорѣе внутреннее волненіе, которое заставляетъ насъ испытывать дѣйствительность, усматриваемую сквозь призму воображенія. Вотъ изъясненіе поэзіи вообще, той, которую хотѣлось бы намъ назвать поэзіей идеальной. Если же теперь перенести ее изъ области чистой идеи въ область дѣйстви-

тельности, передать это внутреннее волненіе со всеми его оттенками, красками, мерцаніями, на человѣческой языкъ, это будетъ дѣломъ писанной поэзіи, которую опредѣлить можно такъ: выраженіе волненія, которое заставляетъ насъ испытывать дѣйствительность, усматриваемую сквозь призму воображенія; потому что поэзіи нѣтъ, когда ее не чувствуешь.

Всѣ мы когда-нибудь испытывали это волненіе, всѣхъ насъ освѣщала этотъ божественный лучъ, всѣ мы имѣли это свѣтозарное видѣніе идеала, которое составляетъ поэзію: Мы были тогда поэтами, но только для насъ самихъ. Если же видѣніе въ насъ повторилось, если оно стало нашимъ обыкновеннымъ и, почти можно сказать, природнымъ образомъ мыслей, тогда таинственная сила заставляла насъ излить рѣчью то внутреннее видѣніе, которое въ насъ случилось, и мы пытались теорить поэзію для другихъ, то-есть, поэзію писанную. Но тутъ-то начинается затрудненіе, тутъ является камень преткновенія, о который разбивается столько юныхъ отвагъ. Потому что мы почувствовали въ себѣ эту неопредѣленную мечтательность, которая нападаетъ на насъ по выходѣ изъ юношества; мы сказали себѣ, что мы поэты и принимаемся храбро подбирать рѣшмы; схватываемъ идею обѣими руками, чтобы втиснуть ее насильно въ форму стиха и пока занимаемся этой трудной работой, лучъ, освѣтившій насъ на мгновеніе, уже потемнѣлъ и поэзія навсегда опустила свои бѣлые крылышки. Поэтъ, стало быть, тотъ, кто одаренъ постоянной способностью видѣть дѣйствительность сквозь сіяніе идеала, то-есть, одаренъ воображеніемъ, творческимъ даромъ по превосходству, откуда произошло и слово *poësis*, данное Греками тому, что имъ казалось верховнымъ произведеніемъ мастерства.

Вообразимъ же поэта, одареннаго въ высшей степени даромъ творчества; мозгъ его огромное жерло, въ которомъ клокочутъ идеи; тутъ начинается необъятное дѣло передачи идеала и введенія его въ форму, такъ, чтобы онъ ни сколько не потерялъ ни своего блеску, ни силы, ни граціи. Поэтъ не можетъ бросать голыхъ идей на помостъ литературы; если въ другихъ родахъ едва пристойная одежда достаточна для идеи, въ поэзіи этого не довольно. Поэзія, по своей природѣ, знатная барыня, и требуетъ обхожденія по саву, хочетъ быть одѣтою во всю пышность слога, любитъ игрушки, тонко изваянныя, не прочь отъ того, чтобы поблистать радужными отблесками жемчугу и молніями ал-

мазу на голову; она стоитъ всего красиваго. Одежда идея называется слогомъ: въ поэзіи къ слогу еще прибавляется особенная форма; родъ мантии, въ которой поэзія особенно любитъ рисоваться. Съ внутреннимъ сознаніемъ собственнаго своего достоинства, поэзія сказала сама себѣ, что идеямъ, которыя выходили или должны были выходить изъ области обыкновеннаго, изъ черты дѣлъ положительныхъ, необходима оболочка, которая бы выказала и возвѣстила издали превосходство содержанія. Отсюда стопосложеніе и ритмъ, которые мы находимъ у всѣхъ народовъ міра, неизмѣнно связанными съ поэзіей и составляющими такъ сказать одно тѣло съ нею. Совсѣмъ не такъ какъ утверждаютъ нѣкоторые: первоначальный ритмъ нигдѣ и никогда не былъ болѣе или менѣе громкозвучной прозой; вездѣ при началѣ образованности и литературѣ, мы видимъ, какъ поэзія подчиняется механизму стопосложенія, чрезвычайно сложному. У скандинавской поэзіи были такія же трудныя и мелочныя ритмы, какъ у нашихъ соетовъ, рондо и акростиховъ, у ней было тридцать шесть родовъ стихотвореній. Известно какъ Греки и Римляне были богаты въ этомъ родѣ. Можетъ-быть скажутъ, что въ первобытныя времена, то, что называли поэмой, отличалось отъ прозы только стопосложеніемъ, это несправедливо: то, что дошло до насъ, опровергаетъ это мнѣніе. Стопосложеніе и ритмъ двѣ необыкновенныя и неизбѣжныя принадлежности всякой поэзіи, которая хочетъ точно заслужить это имя. Не надо обманываться, какъ нѣкоторые предубѣжденные умы, которые видятъ въ стопосложеніи только помѣху и затрудненіе; ритмъ состоитъ не въ одномъ только распредѣленіи словъ, представляющимъ известное созвучіе, болѣе или менѣе мелодическое; онъ въ тоже время сильное пособіе, верховное возбуждательное средство. Ритмъ, — рѣзвый конь, который мчитъ васъ черезъ широкій оврагъ, преградившій вамъ путь и уносить вашу мысль въ горніе пути, куда за нею не поспѣетъ мелкая рысь прозаизма. Въмѣсто того, чтобы смотреть на ритмъ какъ на помѣху, мы смотримъ на него какъ на сильную подмогу для поэта; почти можно сказать на необходимость. И такъ, сколько мы расположены предоставить полную и безграничную свободу пылкимъ фантазіямъ воображенія, столько думаемъ, что поэтъ долженъ быть строгъ и остороженъ относительно всего, что касается ритма, пусть онъ бросаетъ мысль въ невѣдомыя пространства, но пусть сожметъ ее въ строгія границы ритма полнозвучнаго и съ

сильнымъ удареніемъ, и по своему свойству она выиграетъ въ точности, въ граціи, въ величіи.

Одни заботились о ритмѣ до страсти, другіе оказывали къ нему пренебреженіе, доходившее до натяжки. Они украсились своей нерадивостью.

Можетъ-быть мы ошибаемся, но намъ кажется, что поэзія проистекаетъ изъ трехъ великихъ источниковъ: страсти, чувства и ума, откуда, для поэта, если онъ хочетъ достойно звучать этими тремя могучими струнами, происходитъ необходимость быть сильнымъ сердцемъ, душою и головою. Если въ немъ не течетъ кровь благородная и горячая, то напрасно будетъ онъ силиться выказывать страсть, отъ которой бухнуть жилы и трепещетъ грудь, потому что страсть въ крови и тамъ, гдѣ крови больше, такъ въ сердцѣ, тамъ чувствуешь ее сильнѣе. Поэтъ долженъ чувствовать и выражать страсти сердцемъ, а если у него сердце остается холодно, напрасно ломать себя голову, онъ не заговоритъ языкомъ страсти.

Тоже самое бываетъ съ тѣмъ, что принадлежитъ чисто къ областямъ души и касается въ человѣкѣ самаго возвышеннаго, то-есть, чувства. Если душа у него не способна чувствовать и отражать всѣ вибраціи сантиментальной гаммы, отъ самой нѣжной до самой пронзающей ноты, до какой только можетъ достигнуть вопль души, борющейся подъ гнетомъ отчаянія, опять-таки поэтъ будетъ не совершеннымъ поэтомъ. Въ дѣлѣ поэзіи остроуміе играетъ тоже не маловажную роль; конечно, оно не всегда должно въ ней проявляться, со всѣмъ тѣмъ его-то обязанность управлять драгоценнымъ качествомъ, своимъ вкусомъ, порывами и сердца и души, оно-то сплодотворяетъ ихъ выраженіемъ, облакаетъ всей пышностью формы. Кроме этого у него еще есть ясная и особенная роль. Когда въ безмолвіи сердца и души поэтъ не хочетъ волновать страсти, ни трогать чувства, остроуміе можетъ извлекать изъ себя самаго гармоніи, которыя хотя менѣе сильны, обладаютъ однако же нотами блестящими и даже иногда исполненными величія. Но поспѣшимъ сказать, если остроуміе въ поэзіи нужно, то нужно умеренно, потому что оно по сущности своей стремится всѣмъ завладѣвать: не удержите его, оно всюду проберется и вытѣснитъ и страсть и чувство. Однако остроуміемъ можно достигнуть этого, чтобы увѣрить толпу недалновидныхъ читателей, будто говорятъ сердце и душа, когда

на дѣль говорить голова. Это будетъ только ловкая штука, которой мы не совѣтуемъ никому: позвольте намъ употребить въ этомъ случаѣ нѣсколько пошлое сравненіе: это все-равно, если бы кто хотѣлъ вмѣсто скрипки играть на кларнетъ. Истиннымъ поэтомъ можетъ назваться тотъ, у кого въ великолѣпномъ аккордѣ согласно звучать, какъ три гармоническія ноты, душа, сердце и остроуміе. Это дивное согласіе между силами страсти, чувства и ума, доведенными до самой высокой степени восторженности, какой только они могутъ достигнуть, называется гениемъ, котораго никакое въ мірѣ остроуміе не въ состоянн замѣнить.

Часто удивляются, что такіе-то писатели съ огромнымъ талантомъ никогда не писали *стиховъ*. Это изъясняется само собою: у нѣкоторыхъ людей умъ, развитый безъ мѣры, не соответствуетъ остальнымъ способностямъ. Сердце и душа у нихъ стоятъ ниже остроумія и вотъ почему они только умные и талантливые писатели, а отнюдь не поэты. У нихъ нѣтъ этого внутренняго и благороднаго жару, который необходимъ для поэзіи, это только умные люди и больше ничего, и чтобы выразить всю нашу мысль, мы скажемъ: не можетъ-быть, чтобы поэтъ, истинно достойный этого имени, не былъ благороднымъ и честнымъ человекомъ, а напротивъ нерѣдко умный человекъ — негодяй. Поэтъ можетъ ошибаться, но мы думаемъ, что онъ не способенъ умышленно обманывать. Эту мысль, которая сдѣлалась почти пословицей, высказалъ простой острякъ, англійскій поэтъ Драйденъ — но вовсе не Талерапъ, какъ уверяютъ Французы: «Даръ слова данъ человеку на то, чтобы скрывать свою мысль». Этимъ мы не дѣлаемъ чернаго доносу на остроуміе, но достоверные факты заставляютъ сознаться, что одно остроуміе за исключеніемъ всякой другой умственной или душевной способности будетъ только пагубнымъ даромъ и для того, кто одаренъ имъ и для другихъ. Остроуміе рѣдко довольствуется проказничаніемъ, оно часто хитро и даже злобно, качества, мало свойственныя яснымъ величіямъ и возвышенной важности поэзіи. Давно сказано: «Великія мысли истекаютъ изъ сердца», а поэзіи непременно нужны великія мысли, чтобы не превратиться въ простую игру остроумія. Теперь мы постараемся припомнить въ нѣсколькихъ словахъ нѣкоторыя идеи, вложенныя въ этомъ разсужденіи. Во-первыхъ, мы признали, что поэзія есть ощущеніе, производимое возбужденіемъ, принимающимъ дѣйствительность, за

точку исхода, откуда вывели мы, что поэзія есть, когда ее не чувствуешь, потому что это первое условіе ея существованія. Потомъ перейдя отъ чистой поэзіи къ поэзіи писанной, мы постарались изъяснить механизмы формы и растолковать причины необходимости ея и важность, такъ часто выпускаемую изъ виду. Старались возстановить ритмъ, показать его происхожденіе, столь же древнее, какъ поэзія и доказали не только пользу ритма, но и необходимость его. Оттуда, перейдя къ источникамъ поэзіи, мы изучали ихъ въ отношеніи къ поэзии и къ поэту, котораго хотѣли видѣть сильнымъ душою, сердцемъ и головой. Чтобы чувствовать сладостныя, могущественныя и даже страшныя ощущенія поэзіи, чтобы она брызнула изъ своего таинственнаго облака алмазнымъ дождемъ, чтобы явилась въ золотомъ сіяніи во всемъ великолѣпнн слугу и всеми очарованіями формы, едва достаточно всехъ чудныхъ качествъ, которыми Богъ надѣлилъ чловѣка. И древніе смотрѣли на поэтовъ, можетъ-быть очень справедливо, какъ на избранныхъ людей, которыхъ озарилъ болѣе другихъ яркій лучъ божественнаго разума.

ОНОРЕ ДЕ-БАЛЬЗАКЪ. Всѣмъ читателямъ уже конечно извѣстно, что Бальзакъ умеръ. Многія сочиненія его были помѣщены въ этомъ журналѣ и каждому, безъ сомнѣнія, будетъ любопытно узнать главнѣйшія подробности жизни этого примѣчательнаго писателя.

Оноре де-Бальзакъ родился въ Турѣ, двадцатаго мая 1799 года и умеръ на пятьдесятъ-первомъ году отъ рожденія. Онъ учился превосходно въ Вандомскомъ коллегіумѣ. Отецъ его былъ секретаремъ при большомъ совѣтѣ въ царствованіе Людовика-Пятнадцатаго и происходилъ отъ обширнаго роду Бальзаковъ д'Антрагъ.

Извѣстно, что прежде чѣмъ прославился подъ этой исторической фамиліей, Оноре де-Бальзакъ писалъ подъ различными псевдонимами. Началъ онъ множествомъ забытыхъ романовъ, которые сначала издавалъ подъ именемъ своего сотрудника Сентъ-Альма, потомъ подъ именами *лорда Руна* и *Вилергеле*. Это продолжалось до 1830 года; въ тоже время Бальзакъ управлялъ типографіей. Онъ вскорѣ имѣлъ несчастіе подвергнуться несостоятельности, исключительно посвятилъ себя литературѣ и написалъ въ 1831 году, подъ именемъ, которое послѣ такъ прославилъ, повѣсть, подъ заглавіемъ «*l'Enfant maudit*», напечатанную въ «*Revue de Paris*».

Съ того-то времени начались этотъ огромный трудъ, это плодотворное поприще, которые въ продолженіе двадцати лѣтъ, и особенно въ послѣдніе десять, привлекли вниманіе всей Европы къ произведеніямъ этого даровитаго разума. Съ того дня, какъ Бальзакъ началъ трудиться надъ задуманнымъ имъ громаднымъ созданіемъ, жизнь его сдѣлалась нѣкоторымъ родомъ исключеніемъ въ литературной жизни. Первыми произведеніями своего плодотворнаго пера онъ началъ благородно уплачивать долги своей торговой неудачи, и честность его была такова, что онъ старался уплатить вполнѣ долги, которые по сдѣлкѣ съ кредиторами, слѣдовало удовлетворить только въ известной части. Послѣ этого онъ вздумалъ устроить себѣ жилище и прикупалъ по немногу землю въ окрестностяхъ Сентъ-Клау. Фантазія его придумала много издержекъ, не оправдываемыхъ удобствомъ этого помѣстья, которое въ послѣдствіи превратилось въ родъ нумернаго трактира, известнаго подъ именемъ Pavillon-Balzac. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ трудился неутомимый писатель и однако далеко не выручалъ заслуженной суммы, потому что огромная продажа сочиненій его за границей принесла выгоду только бельгійскимъ и другимъ контрафакторамъ. Очень искусный вычислитель и совершенный знатокъ во всѣхъ кинжныхъ и типографскихъ дѣлахъ, Бальзакъ очень справедливо негодуя на безприбыльность своего труда, выдумалъ было разные обороты, отъ которыхъ ожидалъ милліоновъ. И странное дѣло! этотъ глубокомысленный, занимательный, поучительный, замысловатый писатель, мало находился въ частныхъ бібліотекахъ и вотъ причина ограниченной продажи его сочиненій, читавшихся почти только въ публичныхъ бібліотекахъ. Это очевидно происходило отъ его системы — писать романы съ полною компанією дѣйствующихъ лицъ, обществомъ, волостью, имъ созданной и составлявшей родъ *ревизской сказки* душъ въ полтораста. Въ самомъ дѣлѣ, каждое сочиненіе знаменитаго физиолога было простымъ эпизодомъ изъ цѣлаго, еще неполнаго, и читатели какъ-будто ждали дополненія, чтобы купить это цѣлое, гдѣ должны были кончиться карьеры и жизни героевъ.

Вотъ кстати любопытная подробность, безпримѣрная въ литературѣ. У Бальзака была метрическая книга дѣйствующихъ лицъ, гдѣ онъ записывалъ ихъ рожденіе, браки, смерть, мѣсто жительства, по-

веденіе, подвиги и дѣянія, и гдѣ даже будущая судьба ихъ была заранее отмѣчена.

Крѣпкаго сложенія, съ неутомимымъ умомъ, Бальзакъ трудился и день и ночь, питаясь только кофеемъ.

Характера былъ онъ нѣсколько страннаго, человекъ эксцентрическій въ приемахъ, а наружностью почти буффонъ, любилъ говорить, и когда одушевлялся, говорилъ чудесно. Услугъ оказывалъ онъ мало и никогда ихъ не просилъ. Однако онъ вывелъ и покровительствовалъ Шарля де-Бернара, милаго писателя, который опередилъ его къ могилѣ. Бальзакъ не занимался политикой, не имѣлъ ни малѣйшаго честолюбія, хотѣлъ быть только литераторомъ.

Въ 1835 году, онъ посвятилъ «Серафиту» одной благородной дамѣ, госпожѣ «Ханской», урожденной графинѣ Ржевуской. Онъ долго переписывался съ этой дамой прежде чѣмъ узналъ ее лично. Огромное очарованіе, которое такой писатель могъ имѣть на женское воображеніе, положило начало этихъ сношеній. Въ первый разъ Бальзакъ увидѣлъ Ханскую, въ 1840 году, во время путешествія въ Лозанну. Послѣ эта дама овдовѣла и недавно Бальзакъ женился на ней въ Бердичевѣ. Возвратившись во Францію, онъ поселился съ женой въ кварталъ Божонъ, въ Елисейскихъ Поляхъ, въ прелестномъ отелѣ, изъ котораго сдѣлалъ настоящій музей. При чтенія его романовъ уже видны его отличный вкусъ по части искусства, его коллекторская ученость, высокое чувство къ прекрасному. Въ этомъ жилищѣ, которое онъ приготовлялъ уже давно, собираясь жениться, и гдѣ оставалась его мать во время его отсутствія, онъ собралъ всѣ рѣдкости, всѣ произведенія искусства, которыя только могли ему доставить разборчивость вкуса и богатство. Это жилище можно почти назвать дворцомъ и онъ хотѣлъ открыть свои гостиныя избранному кружку литераторовъ, ученыхъ и художниковъ. Литературный Парижъ не успѣлъ познакомиться съ мадамъ де-Бальзакъ, которая со времени своего пріѣзду принуждена была исправлять должность смотрительницы за больнымъ. Но тѣ, которые ее знаютъ, могутъ засвидѣтельствовать объ ея умѣ, пріятномъ дарѣ слова, начитанности, особенно въ мистическомъ родѣ, удивительномъ талантѣ писать прелестныя записки, который Листъ называлъ: *le don suprême des billets*, а так же и о томъ, что объемомъ талии она не уступаетъ своему знаменитому супругу, что возрастъ ея по самому умѣренному счету при-

надлежитъ именно къ тѣмъ, которые покойникъ такъ любилъ прославлять, и что, судя по слѣдамъ, въ не Бальзаковомъ возрастѣ, она была примѣчательно хороша собою. У Бальзака осталась замужняя сестра и старуха мать.

На похоронахъ его было все, что есть во Франціи самаго знаменитаго въ литературу, наукахъ и искусствахъ, и при отпѣваніи присутствовало болѣе двухъ тысячъ чловѣкъ. Погребли Бальзака на кладбищѣ Père la Chaise, между Фредерикомъ Сулье и Казимиромъ де-Лавинномъ. Баронъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и Викторъ Гюго держали кисти погребальнаго покрыва.

Образцовыми произведеніями Бальзака считаются «Евгенія Грандэ», «Искъ философскаго камня», четыре первые тома «Сценъ частной жизни», первый томъ «Лили въ долину», «Старикъ Горіо», «Исторія бѣдныхъ родственниковъ». Можно упомянуть еще о «Модестъ Миньонъ», прелестномъ твореньищѣ, изящномъ какъ цвѣтокъ.

Бальзакъ былъ описателемъ нравовъ нынѣшняго времени и самымъ проникательнымъ. Онъ считалъ общество девятнадцатаго столѣтія своею собственностью и сдѣлался его штатнымъ живописцемъ. Своими тонкими и полными граціи наблюденіями, онъ приобрѣлъ любовь аристократическаго общества, которую доставила ему «Тридцатилѣтняя женщина», «Женщина покинутая» и «Гренадерша». Бальзакъ выдумалъ тридцатилѣтнихъ женщинъ, ихъ до него не было. Прежде женщина въ тридцать лѣтъ уже считала себя увядшею, Бальзакъ доказалъ все преимущества, превосходства и совершенства этого возраста. Послѣ женщины многое ему простили, за то, что онъ такъ хорошо ихъ угадалъ. Вліяніе сочиненій Бальзака на нѣкоторыхъ людей, и даже на нѣкоторыя земли, было огромно, невѣроятно. Меблировали комнаты, одѣвались, причесывались, любили, цѣловали, все по его описаніямъ. Кто не помнитъ въ Петербургѣ знаменитаго парикмахера Геліо, который почиталъ себя за художника и поэта? Геліо говорилъ о своемъ искусствѣ философскими терминами и презиралъ прозу, будучи уврѣнъ, что чловѣкъ съ его капиллярнымъ гениемъ, долженъ мыслить и выражаться не иначе какъ стихами. Одинъ нашъ знакомый, зайдя къ нему съ тѣмъ, чтобы велѣть стричь себя волосы, увидалъ на столикѣ открытый томъ сочиненій Бальзака. — Какъ! моему Геліо! сказалъ онъ: вы — такой поэтъ, а читаете книги въ прозу? — Это такъ, ничего, Бальзакъ, отвѣчалъ великій парикма-

херь съ презирающею важностью: *Я читаю Бальзака только для прически.* Je lis Balzac uniquement pour la coiffure. Cet auteur est essentiellement perruquier; il est né perruquier. *Этотъ авторъ — парикмахерь въ душѣ, онъ родился парикмахеромъ.* — «Какъ вы родились поэтомъ, не правда ли?» — Именно! вы прекрасно сказали! Какъ у меня стихи, у него точно также прическа: само собою выливается изъ души!

Въ Венеціи, въ 1842 году, составилось общество, въ которомъ каждый взялъ на себя роль изъ воображаемаго міра великаго романиста. Роли эти были розданы судя по наружности, тову, лицу, привычкамъ каждаго и всего любопытнѣе то, что цѣлую зиму члены этого общества говорили и дѣйствовали сообразно той литературной одеждѣ, въ которую нарядились. Была тутъ красавица, представлявшая герцогиню де-Монфриньезъ, съ точностью, которая бы очень польстила автору, были Растиньяки, Вандшессы, мадамъ де-Ланже, герцогъ де-Ленонкуръ и деже Гобсекъ.

Познація Бальзака по многимъ статьямъ, которыя до него считали невозможными къ передачѣ въ литературной формѣ, были изумительны. Исторія банкротства Цезаря Биротто останется образцовой исторіей дѣловаго производства ябедничества, какой не сочинить ни одному ябеднику, и удивительнѣе всего то, что онъ умѣлъ сдѣлать это чрезвычайно занимательнымъ. Тоже можно сказать о множествѣ эпизодовъ, ученыхъ и ремесленныхъ, которыми усыяны еіо книги. Онъ выдавалъ себя за физиолога и въ самомъ дѣлѣ зналъ физиологію, хотя не съ такой точностью какъ воображалъ, но физическая натура, его собственная и другихъ, играетъ большую роль и безпрестанно выказывается въ его нравственныхъ описаніяхъ. У Бальзака было тѣло атлета и жаръ художника, страстнаго къ славы. Это чувство возвышеннаго честолюбія заставляло его добывать изъ своей сильной и плодородной организаціи, всѣ средства и всѣ произведенія, которыя въ ней заключались. Слогъ его былъ чрезвычайно изысканный, вымученный, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и даже очень часто, удивительно вѣжнѣй и тонкій, мерцающій какъ двуличевые гроденали. Слогъ этотъ не рѣдко утомлялъ, но порой производилъ настоящее обаяніе.

Можно упрекнуть Бальзака въ томъ, что многое отлично наблюдая, онъ также и выдумалъ многое. Никто искуснѣе его не преслѣдуетъ

дивнаго сплетенія тончайшихъ жилокъ въ сердце чловѣка, но часто настоящее сплетеніе иногда оканчивается, а Бальзакъ все еще видитъ жилки и продолжаетъ мечтательное изслѣдованіе. У него было притязаніе на глубокую ученость, но онъ обладалъ даромъ, который лучше учености, именно какимъ-то ясновидѣніемъ физиологическимъ. Какъ онъ хорошо умѣлъ схватывать и перенимать идеи! Приходилъ бывало къ вамъ, бесѣдовалъ, казался весь занятый своимъ сочиненіемъ, повидимому васъ не слушалъ, а между тѣмъ, умѣлъ извлечь изъ вашего разговора и затвердить все, что ему было нужно узнать, уходилъ и потомъ изумлялъ васъ чудеснымъ описаніемъ того предмета.

Критикъ онъ не приписывалъ никакой цѣны. Къ извѣстности пробился онъ на зло критики и, въ самомъ дѣлѣ, съ пылкостью его никакое наставленіе не могло управиться. Со всемъ тѣмъ, умное, искреннее, правдивое руководство было бы ему очень полезно, потому что эта кипучая натура проматывала себя неблагоразумно.

Въ романъ разсматриваются три вещи: характеры, дѣйствіе, слогъ. Характеры Бальзакъ постановивляетъ превосходно, умѣетъ ихъ одушевлять, мастеръ выпукло и чисто ихъ отдѣлывать. Дѣйствіе часто у него слабо, часто сбивается съ пути и впадаетъ въ натяжки. Слогъ у него свой — нельзя сказать неподражаемый, но навѣрное безпримѣрный въ литературѣ.

Лабрюйеръ сказалъ, что для всякой мысли есть только одно хорошее выраженіе и что надо найти его. Бальзакъ вѣрно не зналъ этого. Выраженія его живы, безпокойны, причудливы, никогда не опредѣлительны. Издатели его это знаютъ; печатая свои сочиненія, онъ передѣлывалъ всѣ корректуры и часто очень неудачно. Одному автору, печатавшему свое сочиненіе у одного издателя съ Бальзакомъ, попалось на глаза нѣсколько страницъ, которыя творецъ «Евгенія Грандъ» уничтожилъ въ корректурныхъ листахъ, и замѣнилъ ихъ новыми строками. Авторъ, о которомъ мы говоримъ, любопытствовалъ прочесть оба текста и изумился, до какой степени то, что хотѣлъ уничтожить Бальзакъ, было выше того, что онъ написалъ послѣ. Онъ взялъ на себя удержать первый текстъ, который и былъ напечатанъ. Дѣло шло о самой превосходной вещи, написанной Бальзакомъ, о смерти матери Евгенія Грандѣ.

Бальзакъ оставилъ много романовъ и театральныхъ пьесъ въ рукописи. Надѣются, что опытная и дружеская рука выдастъ ихъ въ

свѣтъ какъ самую краснорѣчивую надгробную рѣчь надъ именемъ гениальнаго романиста.

БОКАПАРТЕ И СИНАЙСКІЙ МОНАСТЫРЬ. Караванъ нашъ, пишетъ одинъ путешественникъ, коснувшись Синайскаго полуострова, вдругъ принявъ воинственный видъ. Арабалахъ шелъ передовымъ во сто пятидесяти шагахъ впереди насъ, а Бешара находился въ такомъ же разстояніи позади, для того, чтобы его рассказы и пѣсни не могли никого развлекать. Такимъ образомъ мы прошли почти цѣлую милю, какъ вдругъ Арабалахъ останоился, устремивъ на югъ свое копье, показалъ намъ двѣ черныя точки явившіяся на горизонтѣ. Тулебъ приказалъ двумъ Арабамъ присоединиться къ Арабалаху и идти съ нимъ впередъ. Повелѣніе это тотчасъ-же было исполнено въ молчаніи; едва присоединились они къ своимъ товарищамъ, какъ тотчасъ-же поскакали и исчезли позади нѣсколькихъ пальмовыхъ деревьевъ видѣвшихся отъ насъ на лѣво, точно зеленый островъ. Однако мы остановились и на всякій случай приготовили наше оружіе, когда Тулебъ, испустивъ крикъ, поскакалъ; наши дромадеры, увлеченные примѣромъ, во весь духъ поскакали за нимъ и, подѣхавъ къ пальмовымъ деревьямъ, позади которыхъ замѣтили двѣ черныя точки, въ нѣсколько минутъ обратившіяся во всадниковъ, мы не знали, вдемъ ли мы къ друзьямъ или къ врагамъ.

Но вѣроятно это были друзья, потому-что Тулебъ совершенно пересталъ обращать на нихъ вниманіе и, подѣхавъ къ небольшому оазису, къ которому поскакалъ съ такою быстротою, соскочилъ съ своего верблюда. Арабалахъ появился съ своимъ товарищемъ; за нимъ слѣдовали два человека, одѣтые въ черное платье; это были иноки съ Синайскаго горы. Тулебъ издали узналъ ихъ по одеждѣ.

Иноки сошли съ своихъ верблюдовъ и сѣли подлѣ насъ: въ пустынѣ всѣ или друзья или враги; дѣлать по поламъ палатку, хлѣбъ и рясъ или развѣиваются нѣсколькими ударами копыя, карабина и пистолета. Новоприбывшіе не имѣли никакихъ враждебныхъ намѣреній; мы же, узнавъ, что они изъ монастыря, куда мы вѣхали, сочли встрѣчу ихъ хорошимъ предзнаменованіемъ; они привѣтствовали насъ по-латынѣ, мы отвѣчали имъ какъ могли. Тайлоръ предложилъ имъ раздѣлить нашъ обѣдъ; они согласились и мы сѣли въ тѣни пальмовыхъ деревъ на влажномъ пескѣ и скоро находились въ томъ со-

стоянія спокойствія и счастія, котораго не испытывали съ отъезда нашего изъ Каира.

Это былъ часъ сердечныхъ излияній; мы воспользовались имъ и просили нашихъ гостей объяснить обстоятельство, казавшееся намъ непонятнымъ: какимъ образомъ двое только людей, безъ конвоя, безъ оружія, безъ защиты, изъ богатаго монастыря, подвергались въ пустынь быть убитыми, ограбленными или заплатить выкупъ первымъ встрѣтившимся Арабамъ? Тогда старшій изъ нихъ снялъ съ груди своей мѣшечекъ, богато вышитый и висѣвшій какъ нарамникъ, открылъ его, и подалъ намъ бумагу въ немъ находившуюся: это былъ фирманъ, подписанный Бонапарте.

Эта подпись среди пустыни, въ мѣстахъ, гдѣ имя человека, возвеличенное еще воспоминаніями о его побѣдахъ, уваженіе, съ которымъ Тулебъ всталъ и приблизился, произносилъ: *Bonobardo, Bonobardo!* любопытство Арабовъ, въ одинъ мигъ составившихъ около насъ такой тѣсный кругъ, сколько имъ уваженіе дозволяло, все способствовало, чтобы придать этой сценѣ характеръ, полный занимательности, въ особенности для Французовъ. Тогда мы спросили у стараго инока, какимъ образомъ этотъ фирманъ находился въ его рукахъ, и вотъ что онъ разсказалъ намъ:

«Синайскій монастырь, находящійся между двумя рукавами Чермнаго моря, стоитъ на южной оконечности полуострова, въ разстояніи десяти дней отъ Суэза и двѣнадцати отъ Каира, по своему положенію находился въ совершенной зависимости отъ этихъ двухъ городовъ, которыхъ градоначальники исповѣдая религію, противоположную религіи иноковъ, были вообще мало расположены оказывать имъ защиту противъ грабительства городскихъ Мамлюковъ и хищничества пустынныхъ Арабовъ. Принужденные получать жизненные припасы изъ Аравіи, Греціи и Египта, потому что хлѣбъ, который они ѣдятъ, собирается въ Хію, шерсть, изъ которой они ткуть свои платья, получается изъ Пелопонеза, кофе, который они пьютъ, спѣетъ въ Моккъ, отъ этого произошло, что со времени возмущенія беевъ и владычества Мамлюковъ, они наложили огромную пошлину на всѣ съѣстные припасы, получаемые иноками изъ Александріи, Діеды или Суэза; но это не ограничивалось одною пошлиною: нужно было платить Арабамъ за перевозъ и за конвой, что не мѣшало однако же иногда какому-нибудь сосѣднему племени, болѣе многочисленному или храб-

рому, останавливать караванъ. Монастырь терялъ не только свои съ-
стные припасы, но и некоторыхъ изъ своихъ иноковъ, которые, по-
павшись въ плѣнь, могли быть возвращены только за огромный вы-
купъ. Поэтому жизнь храбрыхъ иноковъ стала продолжительною борь-
бою противъ первыхъ потребностей жизни. Еще болѣе: Бедуны, какъ
туча хищныхъ птицъ, безпрестанно кружились около монастыря, го-
товые ворваться въ него при малѣйшей неосторожности иноковъ и
похищая людей и скоть, удалявшихся отъ стѣнъ. Несчастье добрыхъ
иноковъ достигло высочайшей степени, когда однажды они узнали
отъ самихъ Арабовъ, что одинъ человекъ пришелъ съ запада, съ
могуществомъ. Они рѣшились идти къ этому человеку и про-
сить его покровительства. Въ свѣдѣніе чего собрались иноки,
избрали двухъ депутатовъ, условились съ начальникомъ племени,
чтобы сопровождать и защищать ихъ, пока они встрѣтятъ того, кого
искали, и оба депутата отправились въ путь, унося съ собою послѣд-
нюю надежду оставшихся въ монастырь. Десять дней они шли
по берегамъ Чермнаго моря, прибыли въ Суэзъ и увидѣли не зна-
комый развѣвающійся флагъ. Они спросили, гдѣ находился султанъ
Французовъ, имъ отвѣчали, что въ Канръ; потому-что въ осемь-
надцать дней онъ покорилъ Египеть. Они продолжали путь че-
резъ пустыню, прошли Коккатанъ и прибыли въ городъ д'Эль-Та-
лаунъ. Старинные враги ихъ, Мамлюки, были стерты съ лица земли;
Мурадъ-Бей, разбитый при пирамидахъ, бѣжалъ въ Верхній Египеть;
Ибрагимъ, побѣжденный при Эль-Аришъ, углубился въ Сирію и флагъ,
подобныйъ тому, который они уже видѣли въ Суэзъ, развѣвался на
минаретахъ Канра. Они вошли въ городъ, въ которомъ было все тихо
и спокойно, и подошедъ къ площади д'Эль-Рекиръ, объявили желаніе
говорить съ султаномъ. Имъ указали занимаемый имъ домъ. Они
вошли туда. Адъютантъ провелъ ихъ въ садъ и ввелъ въ палатку,
гдѣ обыкновенно находился Бонапарте, когда наступающій вечеръ
позволялъ ему оставить внутреннія комнаты, освѣжаемыя днемъ сквоз-
нымъ вѣтромъ и фонтанами.

Бонапарте сидѣлъ за столомъ; передъ нимъ лежала развернутая
карта Египта, подлѣ стояли Кафарели, Фурье и переводчикъ. Де-
путаты стали говорить съ нимъ по-итальянски и объяснили цѣль
своего прибытія.

Бонапарте улыбнулся; слава его проникла въ Азію и черезъ Йемень

предшествовала ему въ Индію. Онъ не зналъ еще о могуществѣ своего имени; два бѣдные инока прошли сто миль пустынею, чтобы дать ему на это доказательство. Онъ пригласилъ ихъ съѣсть и когда имъ подавали кофе, онъ диктовалъ переводчику фирманъ, тотъ самый, который намъ показывали иноки, охранявшій ихъ въ путешествіяхъ и обозы съ ихъ съвѣтными припасами въ пустынь и городахъ.

Съ того времени иноковъ не смѣли беспокоить: когда же французскій флотъ обратно возвратился по Нилу и Средиземному морю, Турки снова приобрѣли свое могущество, Мамлюки овладѣли городами, Арабы пустынею; но ни Турки, ни Мамлюки, ни Арабы не смѣли нарушить фирмана, даннаго ихъ непріателемъ; даже еще въ настоящее время, синайскіе монахи, пользуясь уваженіемъ племенъ, ихъ окружающихъ, могутъ одни и безъ конвоя проходить пустыни подъ охраненіемъ магической подписи Бонапарте.

АЛХИМИКЪ ДЮБОА. Четырнадцатаго іюля 1636 года, нѣсколько высокихъ особъ собралось въ одной изъ залъ Лувра; тревожное безпокойство изображалось на всѣхъ лицахъ, и ежеминутно, при малѣйшемъ шумѣ, взоры всѣхъ обращались къ потайному входу, скрытому обоями. Мѣрные шаги часовыхъ раздавались у главнаго входа; была стража удвоена, и отданъ строжайшій приказъ, чтобы никто не ввускать съ этой стороны.

— Преподобный отецъ, сказалъ голосъ нервнительный и слегка заикавшійся, придетъ ли наконецъ этотъ человекъ?

— Черезъ нѣсколько минутъ, государь, аббатъ Блондъ представитъ его вашему величеству.

— Какъ его зовутъ?

— Жанъ де-Мальи, владѣтель Малии и Дюбоа.

— Откуда онъ?

— Изъ Куломіе. Впрочемъ онъ очень скрытенъ на счетъ первыхъ лѣтъ своей жизни, долго путешествовалъ по Востоку и оттуда-то вывезъ драгоценную тайну, которую хочетъ поднести вашему величеству.

— Что вы думаете объ этомъ, кардиналъ? продолжалъ тотъ же голосъ, обращаясь къ человеку въ красной одеждѣ, стоявшему подлѣ

кресель, въ которыхъ сидѣла женщина еще прекрасная, хотя уже не первой молодости.

— Мнѣ рассказывали объ немъ чудеса, государь; я жду и надеюсь. Если знанія этого человѣка такъ обширны, какъ говорятъ, то могущество вашего величества не будетъ имѣть предѣловъ.

— Но къ этой тайнѣ не присоединяется ли еще другой, сказала дама сидѣвшая въ креслахъ, подлѣ которыхъ особа въ красной одеждѣ. Не нашелъ ли онъ какого-нибудь средства противъ.... старости?...

— Ваше величество менѣ нежели кто другой имѣете нужду въ подобномъ открытїи. Впрочемъ я нахожусь въ совершенномъ невѣдѣнїи а счетъ этого предмета; во всемъ, что мнѣ было открыто, я не хотѣлъ ничего болѣе видѣть, кромѣ пользы государству.

— Однѣ коже никогда не старѣться!...

— Коп о, это очень не дурно; но ваше величество такъ далеко отъ времени, котораго опасаетесь, что позволите намъ прежде всего заняться предметами, крайне необходимыми.

— И наши опустѣвшіе сундуки наполнятся золотомъ! воскликнула особа, первая начавшая разговоръ.

— Эта помощь явится намъ очень кстати, отвѣчалъ кардиналъ, потому что, какъ говоритъ ваше величество, наши сундуки пусты, и великія опасности угрожаютъ намъ.

— Посмотрите-ка, преподобный отецъ, идетъ ли онъ наконецъ.

Пора уже сказать, кто такіе были собесѣдники, представленныя нами. Первый, къ которому относились слова *государь* и *величества*, былъ король, сынъ великаго человѣка и отецъ великаго короля. То былъ Людовикъ-Тринадцатый, робкій, потому что привыкъ всегда согласоваться съ волей великимъ министромъ; онъ отличался въ домашней жизни нервнительностью и сухостью сердца и ума; очень замѣтное занканіе еще болѣе увеличивало его робость, обратившуюся въ мрачное и угрюмое расположеніе дуа. Людовикъ-Тринадцатый сидѣлъ тутъ, въ луврской залѣ, ожидая важнаго событія съ какимъ-то лихорадочнымъ безпокойствомъ, въ ожиданїи человѣка, который въ его глазахъ могъ обратитъ прѣстые металлы въ чистое золото, что была новость, избавлявшая его отъ обычной скуки.

Недѣль короля сидѣла прекрасная королева Анна Австрійская.

Анна Австрійская тогда еще не имѣла дѣтей, только спустя два года и послѣ двадцати-трехъ лѣтняго супружества, она родила принца, известнаго потомъ подѣ именемъ Людовика-Четырнадцатаго и получившаго по случаю своего необыкновеннаго и благовременнаго рожденія, прозваніе *Богомъ данный*. Анна Австрійская очень мало обращала вниманія на предстоявшее важное дѣло.

Особа въ красной одеждѣ, безпрестанно наклонявшаяся, чтобы шептать на ухо королевы, была знаменитое лицо того времени, кардиналъ Ришліе, предѣ пронизательными взорами котораго робко оускались рясницы Людовика-Тринадцатаго.

Тотъ, кто по повелѣнію короля оставилъ залу, былъ капуцинъ; Ришліе называлъ его своею правою рукою.

Въ залѣ находилось еще нѣсколько разсыянныхъ группъ: позади королевы фрейлины, среди которыхъ отличалась граціозная мадамъ-азель де Гооръ; далѣе же управляющіе финансами, призванные для того, чтобы видѣть какъ потечетъ новый источникъ богатства.

Вдругъ раздался шумъ шаговъ со стороны потайнаго входа, разговоры внезапно прекратились, всѣ сердца забились отъ ожиданія. Вышитая портьера приподнялась и вошелъ отецъ Іосифъ, за которымъ слѣдовала другая духовная особа и человекъ простой наружности, въ грубой одеждѣ, но въ лицѣ котораго отражались умъ и хитрость. Это былъ Дюбоа, алхимикъ, человекъ, стоявшій выше всѣхъ радостей этого міра, человекъ, который пренебрегая богатствомъ, хотѣлъ обогатить всю Францію. Дюбоа почтительно поклонился королю и королевы, потомъ кардиналу и ожидалъ, чтобы съ нимъ заговорили.

— Готовы ли вы, сказалъ наконецъ кардиналъ, исполнить ваши общанія?

— Готовъ.

— Что вамъ нужно?

— Печь, тигель и нѣсколько ружейныхъ пуль; кромѣ того, какъ я не хочу, чтобы меня подозрѣвали въ обманѣ, а напротивъ хочу всѣхъ убѣдить въ истинѣ, то желаю, чтобы возлѣ меня поставленъ былъ человекъ, который наблюдалъ бы малѣйшія мои движенія.

— Все, что требовалъ алхимикъ, было ему доставлено, и по повелѣнію короля одинъ изъ тѣлохранителей, по имени Сентъ-Амуръ

назначенъ наблюдать за операціею, не теряя ни на одну минуту изъ виду шарлатана.

Дюбоа развелъ огонь въ горнѣ и поставилъ тигель; когда огонь разгорѣлся, онъ бросилъ въ него пули одна за другою; потомъ взявъ изъ мѣшечка, висѣвшаго у него на шеѣ, щепоть бѣлаго порошка, бросилъ его на растопившійся уже свинецъ, потомъ покрылъ все золою, и удалился, чтобы выждать время, пока брошенный порошокъ произведетъ свое дѣйствіе.

Таинственная работа въ высшей степени завладѣла вниманіемъ благородныхъ зрителей. Не отрывая глазъ отъ тигеля, Людовикъ Тринадцатый, казалось, хотѣлъ проникнуть сквозь его частыя перегородки; королева съ любопытствомъ разсматривала неподвижныя и холодныя черты алхимика; кардиналъ мечталъ о великихъ проектахъ, которые могъ привести въ исполненіе, если бы ему дали груды золота; однако наклонившись къ отцу Іосифу, онъ сказалъ ему:

— Не обмануты ли мы какимъ-нибудь шарлатаномъ? Но алхимикъ усмыхалъ и торжествующимъ взоромъ остановилъ отвѣтъ, бившій уже на губахъ капуцина.

Черезъ нѣсколько минутъ Дюбоа обратившись къ королю, попросилъ, чтобы онъ самъ сдулъ мѣхомъ золу. Людовикъ Тринадцатый, оушевяемый живѣйшимъ любопытствомъ, бросился къ горну и принялся за дѣло съ такою поспѣшностію и силою, что королева и всѣ присутствующіе были засыпаны пепломъ. Наконецъ появилось столь желанное золото: слитокъ драгоцѣннаго металла лежалъ на тигелѣ. Восторгъ былъ всеобщій; въ глазахъ изумленныхъ зрителей, алхимикъ выросъ на два фута, на него смотрѣли съ почтительнымъ ужасомъ.

Опытъ былъ повторенъ съ новымъ успѣхомъ. Тогда Людовикъ не въ силахъ болѣе удерживаться, въ упоеніи восторга обнялъ Дюбоа, тотчасъ же пожаловалъ его кавалеромъ и президентомъ государственнаго казначейства, и даровалъ ему то, что по мнѣнію его было знакомъ величайшей благосклонности — право охотиться на всѣхъ королевскихъ земляхъ. Всѣ содѣйствовавшіе великому дѣлу тоже были присуждены къ наградамъ; Сентъ-Амуръ получилъ въ награжденіе восемь тысячъ ливровъ; аббатъ Блюдо званіе государственнаго совѣтника, а отецъ Іосифъ обзачаніе кардинальской шапки.

Дюбоа съ высококомърною скромностію наслаждался своимъ торжествомъ, и горделиво преклонился предъ королевскими щедротами,

чтомъ вдругъ поблѣднѣлъ и зашатался. Чья-то рука крѣпко схватилъ его руку и шипящій голосъ Ришлѣ раздавался надъ его ухомъ: «Всюкую подалью вы должны доставлять въ казну шесть-сотъ-тысячь ливровъ».

Теперь перенесемся изъ Лувра въ Бастилію; тамъ мы еще разъ встрѣтимъ нашего алхимика передъ горномъ и тигелемъ. Тутъ были зрителями два совѣтника парижскаго парламента, секретарь, тюремщикъ и палачи. Чтобы добыть шесть-сотъ-тысячь ливровъ, требуемыхъ кардиналомъ-министромъ, Дюбоа сначала потребовалъ и получилъ оторочку, потомъ другую; когда же роковой срокъ наступилъ и ничего не было произведено, онъ былъ арестованъ, отведенъ въ Моисеенскій замокъ, и наконецъ переведенъ въ Бастилію, гдѣ и была составлена коммиссія, долженствовавшая судить его. Принужденный пыткой, онъ признался во всѣхъ преступленіяхъ, въ воровствѣ, въ плутовствѣ, въ обрѣзываніи монеты и прочая. Онъ разказалъ всю свою жизнь.

Настоящее имя его было Ноэль Никаръ; онъ былъ сынъ бѣднаго цирюльника въ Куломбѣ, и сначала готовился идти по слѣдамъ своего отца; но вскорѣ перемѣнивъ намѣреніе, вступилъ въ услуженіе къ вѣкоому Дюфѣ, который взялъ его съ собою на Востокъ. Въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ своего путешествія, онъ съ жаромъ предавался изученію тайныхъ наукъ. По возвращеніи въ Парижъ, много лѣтъ провелъ онъ въ праздности и самой преступной жизни, потому что удалился въ Германію, гдѣ принялъ въру лютеранскую. Наконецъ спустя семь или осемь лѣтъ онъ опять возвратился во Францію, отрекся отъ своей новой религіи и женился на дочери тюремнаго помощника, Суссаннѣ Леклеръ, и принялъ имя Жана де Мальи, владѣльца Мальи и Дюбоа.

Въ теченіе всей своей безпокойной жизни, исполненной тревоженій, Дюбоа, или върнѣе Никаръ, не переставалъ заниматься алхиміею. Думая наконецъ, что имѣеть довольно, если не познаній, то по-крайней-мѣрѣ хитрости и ловкости, чтобы обманывать другихъ, онъ старался употребить ихъ въ дѣло въ высшемъ классѣ общества. Фортуна, осыпавъ его сперва милостями, привела потомъ къ гибели.

Франція тогда страдала подъ гнетомъ жестокихъ налоговъ, а Ришлѣ истощилъ уже воз средства.

Дюбоа познакомился съ аббатомъ Блондо, который представилъ

его отцу Іосифу, какъ человека, могущаго оказать величайшія услуги государству, а отецъ Іосифъ поспѣшилъ доложить кардиналу Ришелье. Легко вѣрится тому, чего хочется. Ришелье повзрѣлъ чудеснымъ талантамъ алхимика, и рѣшилъ, чтобы онъ произвелъ опытъ въ присутствіи короля, королевы, отца Іосифа, аббата Блонда, главныхъ управителей казначейства и прочихъ. Мы это уже видали на дѣлѣ.

Въ Бастиліи, Дюбоа уже не какъ алхимикъ, гордый и торжествующій въ Лувръ; его члены изломаны истязаніями пытки; онъ съ трудомъ держится на ногахъ, смертная блѣдность покрываетъ его лицо; по его унылому взору легко догадаться, что на тигель, въ которомъ кипитъ свинецъ, онъ ищетъ уже не золота, а лишняго часу жизни.

Кардиналъ не удовольствовался признаніями осужденнаго; гордость его не позволяла ему сознаться, что онъ былъ обманутъ шарлатаномъ, и что золото, найденное на тигель въ Лувръ, было украдкою скрыто во время производства опыта. Сверхъ обвиненій, уже тяготившихъ надъ главою Дюбоа, онъ прибавилъ обвиненіе въ чародѣйствѣ, которое влекло за собой сожженіе на костръ.

Двадцать пятаго Іюня 1637 года, костеръ былъ приготовленъ на Гревской площади и безчисленная толпа ожидала чародѣя. Въ Бастиліи, горнище еще былъ полонъ огня, а палачъ ждалъ послѣдней искры, чтобы завладѣть своею жертвою. Побѣжденный наконецъ, Дюбоа умеръ; онъ признался во всѣхъ своихъ обманахъ и подписалъ это на форменномъ показаніи. Спустя часъ, телѣга, сопровождаемая воицѣйскою стражею, съ трудомъ провѣжала между густыми толпами народа и вскорѣ Дюбоа испустилъ послѣдній вздохъ среди пламени.

Бланка. Ни кому такъ хорошо не шло это имя, — такъ пишеть одна французская писательница въ одной французской газетѣ — какъ восхитительной дѣвушкѣ, которой простую исторію я хочу вамъ рассказать. Бланкъ было двѣнадцать лѣтъ, когда мы съ ней разстались; отецъ ея овдовѣвъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, помѣстилъ дочь у сестеръ монастыря Святаго Духа; она была высока и стройна; ея хорошенькая головка словно прекрасная лилія, граціозно качалась на прелестной шейкѣ. Недавно я опять увидѣлась съ нею, это все тотъ-же цвѣтокъ, чистый и прелестный, только немного болѣе распутившійся. Бланкъ теперь двадцать лѣтъ.

Окрестности Монморанси наполнены таинственными убажницами.

Ѣ которыхъ не киваютъ понятія любителей объдовъ на травъ; — нѣтъ нужна избитая дорога; знакомая тропинка, трава уже помятая и открытій видъ передъ глазами; но человекъ любящій уединенію, или несчастливецъ ищущъ проселочной дороги, тѣни еще никогда не укрывавшей веселаго прохожаго, моху, къ которому еще никогда не прикасалась нога веселой и безпечной молодежи. Не знаю сама, тишина ли уединенія или печаль привели меня недавно на расхваленную мною дорогу, дѣло въ томъ, что я шла наудачу по невозвратной землѣ, отдаленной изгородью, гдѣ дикая роза цвѣла безпрепятственно подлѣ благоуханнаго боярышника и повилика. Эта дорога, за безчисленными извилинами которой не видно было конца, могла бы привести васъ на край свѣта, такъ что вы сами не заметили бы этого, до того тамъ хорошо, до того привольно; сердце и разумъ наслаждаются такимъ спокойствіемъ, что даже не чувствуешь того маинивнаго движенія, которое подвигаетъ насъ впередъ, а живешь мечтою и этимъ неизлечимымъ чувствомъ, которое доказываетъ превосходство души надъ матеріальными ощущеніями.

Можетъ-быть я долго еще была бы погружена въ сладостное забвеніе бѣдствій этого міра, и лежа подлѣ кустарничкомъ съ восхищеніемъ прислушивалась бы къ пѣнію соловья, если бы мелодическіе звуки человческаго голоса, издали достигшіе до меня, не отвлекли меня отъ моихъ мыслей и не напомнили, что есть нѣчто подлѣ солнцемъ кромѣ зеленой аллеи и безумныхъ мечтаній!

Голосъ этотъ поразилъ меня тѣмъ болѣе, что сама не знаю почему, напомнилъ онъ прошедшее, слишкомъ отдаленное отъ моихъ воспоминаній, почти изгладившихся: голосъ этотъ былъ мнѣ знакомъ.... я слышала его.... но гдѣ? когда? въ какое время? въ какомъ мѣстѣ? Я не могла этого сказать и терялась въ предположеніяхъ. Прервавъ свои размышленія, я встала, ускорила шаги и скоро очутилась передъ небольшимъ отверстіемъ у забора, въ которое виднѣлся прелестной домикъ въ англійскомъ вкусѣ. Зеленныя рѣшетчатыя ставни его сливались съ тѣжною зеленью жасмина, покрывавшаго стѣны. Изъ за густой зелени тополей, возвышавшихся позади веселенькаго домика, сквозили послѣдніе лучи заходящаго солнца, которое исчезая позлащало весь ландшафтъ. Клумбы, наполненныя цвѣтами, отдѣляли домъ отъ тропинки; простой деревянный палисадъ служилъ вмѣсто входа; движимаая любопытствомъ я толкнула дверь....

она отворилась; едва я переступила порогъ, какъ радостный крикъ раздался внутри дома; восхитительное свиданіе показалось на верку лѣстницы; промелькнуло по ступенямъ маленькими ножками и унало въ мои объятія: это была Бланка. Голосъ, привлекавшій меня — былъ ея голосъ. Сквозь затворенныя рѣшетчатые ставни, она узнала своего стариннаго друга.

Это печальное свиданіе обрадовало насъ обѣихъ. Несмотря на то, что было уже поздно, Бланка хотѣла удержать меня хоть на нѣсколько минутъ и повела къ дому; мы вошли въ маленькую гостинную, убранную съ изящнымъ вкусомъ и простотою. Все показывало здѣсь любознательныя привычки хозяйки, музыкальный инструментъ, малбретъ, и пальцы свидѣтельствовали, что Бланка посвящала работѣ и искусствамъ часы, которыми другія часто жертвуютъ праздности и удовольствію. Я ничего не знала въ ней, кромѣ ея сердца, которое казалось мнѣ также не измѣнилось какъ и ея красота. Я заговорила объ ея отцѣ, — по глазамъ ея, наполненнымъ слезами, я узнала, что бѣдное дитя осталось сиротою.

— Съ кѣмъ вы живете здѣсь, Бланка? спросила я.

— Я замужемъ, робко отвѣчала она.

— Замужемъ! А какъ зовутъ счастливица, умвшаго понравиться вамъ?

Бланка смутилась.... — Де-Марсакъ, отвѣчала она въ полголоса.

— Я не знала, что у него есть сынъ....

Блѣдное, матовое лице Бланки покрылось живѣйшимъ румянцемъ.

— Но, сказала она улыбаясь, я вышла за него самого....

— Какъ! за де-Марсака? стараго друга вашего батюшки?

— Да.

Я пожалѣла, что выразила мое удивленіе и съ нѣжностью жавъ руки молодой женщины, сказала:

— Но, милая Бланка, вы олицетворяете всѣ совершенства, даже самое рѣдкое въ нашемъ возрастѣ: благородіе.

— Мнѣ такъ часто говорили, что только одно оно даетъ счастье, сказала Бланка съ нѣкоторою грустью.

— Расскажите мнѣ исторію этого страннаго брака.

Мы сѣли на небольшомъ диванѣ, стоявшемъ противъ двери, отворенной въ садъ; это было въ тотъ очаровательный часъ, когда день уже прошелъ, а ночь еще не наступила, сладостный часъ дозврен-

восты, част, снисходительнѣе любезнѣе. Самый вѣтерокъ дѣлалъ изъ меня знающую разъ и гонимую; никто не нарушалъ молчанія, кроме младшяго тѣлеснаго, повторяющаго лютя, тѣло колобенинаго, казался гармонически вторымъ голосу милой разсказчицы.

Бланица начала :

Вы знали нѣжную любовь моего отца къ матери; и потому, легко повѣрите, что онъ никогда не могъ утѣниться въ ея потерю, не могъ превозмочь своей печали, и съ каждымъ его посещеніемъ, я видѣла, что онъ становился все печальнѣе и грустнѣе. Здоровье его разстроилось до такой степени, что доктора, опасаясь за жизнь его, совѣтовали ему перемѣнить воздухъ и мѣсто; надвѣялись, что путешествіе послужитъ ему разсѣяніемъ; но существуетъ ли разсѣянiе для сердца, пораженнаго безграничнымъ несчастіемъ! Отецъ мой возвратился изъ Италии еще болѣе въ разстроеномъ здоровьи; нежели былъ при отъѣздѣ. Въ это время онъ взялъ меня къ себѣ, мнѣ было тогда осемнадцать лѣтъ. Отецъ мой чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ Парижу и его шуму и движенію; мы жили въ хорошенкомъ домицкѣ въ Пасси въ концѣ деревни, у Булонскаго лѣсу. Отъ немногихъ посвѣтителей, иногда приходившихъ къ намъ, мы узнавали о новостяхъ свѣта, изъ котораго, по видимому, навсегда удалились. Одинъ только вѣрный другъ, любезный и остроумный утѣшитель, каждый день являлся въ нашъ маленькій замокъ. Я бы могла не говорить вамъ, что этотъ другъ былъ де-Марсакъ; безъ сомнѣнія вы это угадали сами.

Теперь, когда я его жена, и когда привычка видѣть его должна бы ослабить то дальнее воспоминаніе, я не могу безъ умиленія вспомнить продолжительное постоянство нѣжной заботливости, деликатную внимательность, которыми онъ окружалъ моего бѣднаго отца; всегда въ одинаковомъ расположеніи духа, снося своенравіе большаго, неподавая виду, что замѣчаетъ его капризы; улыбаясь, когда ему было весело, печалась, когда онъ страдалъ, ободряя, утѣшая меня, помогая мнѣ совѣтами и попеченіями. Прекрасная душа его, сердце столь нѣжное, никогда не измѣнялось въ продолженіе осемнадцати мѣсяцевъ тяжкаго испытанія, которымъ подвергла меня жестокая болѣзнь моего отца.

Но кончина моего добраго отца быстро приближалась; доктора не ругались за его жизнь; это было въ концѣ осени; съ послѣдними лѣтними дождями должна была исчезнуть моя послѣдняя надежда.

Видя приближающуюся смерть, отецъ мой удержалъ ко мнѣ привязанность; можно было думать, что онъ хотѣлъ спасти въ короткое время, оставшееся ему жить, всю любовь достаточную для долгой жизни. Больше всего онъ заботился о моей будущности; мысль оставить меня одну среди чужихъ, повергала его въ глубокое отчаяніе. Когда же я хотѣла разувѣрить его, удалять мрачныя мысли, когда старалась моими ласками успокоить его взволнованный умъ, когда увѣряла его, что онъ еще долго будетъ жить, блѣдный отецъ мой исхудалыми руками закрывалъ свое блѣдное лицо и я видѣла какъ слезы текли по его пальцамъ.

— Бланка, говорилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, я былъ дурной отецъ; прости меня, пренебрегъ моими обязанностями.... для тебя я долженъ былъ жить.... мать твоя скоро потребуетъ отъ меня отчету въ твоемъ счастьи!

Эти трогательныя сцены, часто возобновлявшіяся, еще болѣе истощили силы больного и мы приближались, увы! еще скорѣе чѣмъ думали къ минутѣ, когда каждый протекшій день былъ приобретіемъ, вырваннымъ у смерти. Въ продолженіе этого горестнаго времени, однажды утромъ войдя къ моему отцу, я была поражена ясностью его взгляда и спокойствіемъ, разлившимся по его лицу; я думала, что онъ спасенъ и повинуюсь только первому движенію радости, бросилась къ его постели и покрыва поцѣлуями его голову.

— Батюшка! батюшка! воскликнула я, Господь услышалъ мои молитвы.... онъ возвратилъ вамъ жизнь.

— Или покой, дитя мое, что можетъ-быть даже лучше.

Я не понимала ничего изъ его словъ.

— Бланка, началъ онъ серьезнымъ голосомъ, заставивъ меня стать на колѣна подлѣ себя; умереть съ твердостью есть послѣдній примѣръ, который честный человекъ можетъ подать міру; хочешь ли ты помочь мнѣ исполнить его?

Столько было торжественности въ этомъ вопросѣ, что объята почтительнымъ ужасомъ, я смотрѣла на моего отца, не имѣя силъ отвѣчать.

— Возлюбленная дочь моя, единственное дитя мое, никогда не опорочившая меня на этой землѣ, помоги мнѣ оставить ее съ покорностью и надеждою христіанна.

— Произнеся эти слова, голосъ отца отдавался умоляющимъ. Внѣсто ужаса я почувствовала самое сладостное умиленіе.

— Жизнь моя принадлежитъ вамъ, отвѣчала я съ восторженностью, приказывайте, батюшка, чего желаете отъ вашей дочери?

Портфель лежалъ у ногъ моего отца. Онъ взялъ его, вынулъ письмо, отдалъ мнѣ и сжалъ мои руки съ небольшою силою, еще оставшеюся у него.

— Поклянись смотреть какъ на выраженіе моей послѣдней воли, послѣдняго желанія моего сердца, на просьбу, которая содержится въ этомъ письмѣ, сказалъ онъ.

Все, что въ родительской любви можетъ заключаться неизъяснимою нежностью и святыхъ желаній, блистало въ эту торжественную минуту на лицѣ моего отца. Мысль о сопротивленіи даже не приходила мнѣ въ голову.

— Клянусь памятью моей матери повиноваться вамъ безусловно, воскликнула я, тронутая до глубины души.

— Благодарю тебя, Боже, благодарю, прошепталъ отецъ мой; теперь да будетъ воля твоя.... смерть мнѣ будетъ сладка.

Вечеромъ того же дня, отецъ мой, благословивъ меня, умеръ безъ страданія. Мое имя было послѣднее слово, произнесенное его устами. Какъ много обязана я дружбѣ де-Марсакъ въ эти ужасныя минуты! Его искренняя, неутомимая, дѣятельная привязанность, избавила меня отъ всехъ ужасовъ, обыкновенно слѣдующихъ за смертью тѣхъ, кто намъ дорогъ, и я могла спокойно погрузиться въ мою горестъ и сожалѣнія. Позволивъ мнѣ провести въ молитвѣ подлѣ тѣла моего отца первую ночь, послѣ его смерти, де-Марсакъ, опасаясь, чтобы столько потрясеній не имѣли важнаго вліянія на мое здоровье, потребовалъ, чтобы я отправилась въ Парижъ, гдѣ одно дружеское семейство ожидало меня.

Тамъ-то успокоивъ сердце, разбитое горестью и умъ, наполненный мрачными мыслями, я прочла письмо, врученное мнѣ отцомъ моимъ.

Бланка прервала свой разсказъ, встала, открыла письменный столъ, стоявшій недалеко отъ нее, и вынувъ оттуда небольшой ящичекъ черного дерева, сказала :

— Вотъ мое сокровище и тайна моего счастья, и взявъ изъ ящичка письмо, которое судя по его наружности, часто было въ утробѣ бленин, подала его мнѣ.

— Прочитайте, сказала она, и вы увидите, что одно благоразуміе управляло мною.

Письмо было подписано : кавалеръ де-Марсакъ. Вотъ оно :

«Милая Бланка, на колынахъ долженъ бы я вымолить прощеніе у васъ, самой прекраснѣйшей и благоразумнѣйшей изъ женщинъ за безумную мысль, которая въ эту минуту управляетъ вашимъ старымъ и вѣрнымъ другомъ; и однако же Бланка, чтобы получить прощеніе въ этой дерзости, въ этомъ безуміи, старый другъ вашъ скажетъ только одно слово : — Бланка, я исполняю волю вашего отца.

«Да, дитя мое, отецъ вашъ хочетъ, отецъ вашъ требуетъ, чтобы я просилъ васъ.... быть моею женою ! Если бы я не зналъ васъ, если бы я не зналъ, что никогда чувство оскорбительной насмѣшки не можетъ родиться въ прекрасной душѣ вашей, надъ тѣми, кого вы любите и уважаете, я прервалъ бы это письмо при мысли объ улыбкѣ, которая, можетъ-быть, въ эту минуту пробѣгаетъ по вашимъ непорочнымъ устамъ ; но молодая дѣвушка, къ которой я обращаюсь не легкомысленна, не тщеславна, и эта улыбка, если она существуетъ, выражаетъ болѣе доброты нежели коварства, болѣе сожаленія нежели насмѣшки.... При томъ же эта молодая дѣвушка скажетъ, что человекъ, котораго она всегда уважала и почитала, человекъ, въ которомъ она никогда не видала ни слабости, ни своеправія, могъ только почерпнуть въ своемъ сердцѣ желаніе, выполнить до конца обязанности дружбы и силу подвергнуться отказу.

«Да, мое дитя, для дружбы, которой посвятилъ большую часть моей жизни, я рѣшаюсь, если вы только не отвергнете мою просьбу, на самый отважный поступокъ для благороднаго человека, — презрѣть насмѣшки, которымъ иногда подвергается въ свѣтѣ старикъ, женившійся на молодой женщинѣ. Но можетъ ли быть что-нибудь смѣльное когда совѣсть спокойна ? что значитъ мнѣніе свѣта, когда обязанность и просьба умирающаго исполнены ? Это такъ же противоположно какъ шумъ и тишина, миръ и война ? А по моему мнѣнію ничего не можетъ-быть лучше какъ миръ и тишина ?

«Вотъ о чемъ вы также должны подумать, Бланка, потому что вы также должны посоветоваться съ своею совѣстью въ важномъ вопросѣ, предоставленномъ на сужденіе вашей неопытности. Когда совѣсть вамъ скажетъ, что вы должны дѣлать и чему слѣдовать, когда она вамъ скажетъ до какой степени можетъ простираться жертва

дочери въ отношеніи того, кому она обязана жизнью, тогда, мой юный другъ, посоветуйтесь съ вашимъ сердцемъ, и посмотрите, найдетъ ли оно въ моемъ сочувствіи, нежности и утѣшеніи!

«Зная васъ, я обращаюсь къ чувствамъ вашего сердца, Бланка; чтобы передать вамъ желанія вашего отца, не говорю мон, потому что я никогда не смѣлъ объ этомъ думать; стараюсь побудить ваше отвращеніе соединить судьбу вашу съ моею, я только могу показать мою безграничную преданность. Не стану говорить вамъ объ опасности ввѣрить попеченіе о вашемъ счастьи какому-нибудь молодому втренику, влюбленному въ ваши прелести, страстному къ вашей красотѣ, который, какъ вся подобныя ему, станетъ пренебрегать этими самыми прелестями, этою самою красотою, когда будетъ обладать ими; нѣтъ, молодость лучше нежели о ней говорить и только взыскательные и мрачные умы губятъ ее безвозвратно; я не стану осуждать молодость, Бланка, потому что самъ бы желалъ теперь присоединить ее къ моему богатству и имени.

«И такъ, милая Бланка, я слишкомъ далекъ отъ гордой надежды вамъ нравиться, какъ могло бы это быть въ то время, когда волосы мои были черные и блестящіе глаза живые и одушевленные, когда сердце сильно билось и по жиламъ протекала горячая кровь, я только скажу вамъ, милая дочь друга, котораго я такъ любилъ, что мои сѣдые волосы разольютъ уваженіе на вашу юность, что мои глаза не будутъ слабы, когда надобно будетъ бодрствовать надъ вашимъ счастьемъ, и сердце мое забьется согласно съ вашимъ каждый разъ, когда вы потребуете отъ него помощи; всѣмъ вашимъ огорченіямъ оно предложитъ утѣшеніе; печальное вашими печальми, веселое вашею радостью, на этомъ бѣдномъ сердцѣ будутъ отражаться всѣ ваши чувства, всѣ ваши желанія; все, что холодъ возраста помѣшаетъ ему понять, ваша молодость внушитъ ему; вы всегда найдете въ немъ отголосокъ вашихъ мыслей, оно всегда будетъ готово повторить слово, произнесенное вами; и будетъ говорить только вашимъ языкомъ, милая Бланка; Богъ далъ своему творенію только два періода въ жизни: силу и слабость; первая помогаетъ ему дѣлать все великое и прекрасное, заставляетъ предпринимать подвиги, удивляющіе свѣтъ, это блистательное время славы, пылкой и страстной любви; вторая подруга колыбели и путеводительница къ могилѣ; болѣе скромная, она не требуетъ ни похвалъ, ни вѣнца, ей нужно только

немного привязанности, чтобы поддержать свои колеблющиеся шаги, немного солнца, чтобы согреть свои немощные члены. Дети и старикъ не могутъ жить безъ преданности; и потому какою благодарностью мы готовы заплатить тѣмъ, кто насъ любитъ. Скажите, милая Бланка, не принадлежитъ ли вамъ вся моя нѣжность и не почувствуете ли вы гордой радости, что украсите мои послѣдніе годы?

«Не бойтесь, я не такъ угрюмъ и ревнивъ, чтобы скрыть свое сокровище, заставить гаснуть въ уединеніи пламенный умъ вашъ, вѣтъ! я слишкомъ увѣренъ въ васъ, я хочу, чтобы васъ всѣ знали, хочу, чтобы вездѣ вы были царицею праздниковъ, какъ самая прекрасная и добродѣтельная изъ женщинъ!

«Когда на минуту я забываю, милая Бланка, сколько преградъ насъ разделяютъ и не думаю о всякъхъ достойныхъ уваженія причинахъ, которыя могутъ заставить васъ отвергнуть мое предложеніе, тогда мною овладѣваетъ восхитительное чувство, котораго сила меня пугаетъ; я думаю, что можетъ-быть приближается день, когда я вамъ дамъ право требовать у меня отчета во всякой не совсемъ счастливой минутѣ вашей жизни. Ахъ! милая Бланка! заранѣе умоляю васъ, простите мнѣ всѣ огорченія, которыя испытываете; ваше счастье будетъ цѣлью моей жизни. Я употребляю для этого все стараніе, которое только можетъ имѣть художникъ, полагающій всѣ надежды свои на произведеніе, отъ котораго зависитъ вся слава его жизни. Любить васъ, покровительствовать, удивляться вамъ, угадывать ваши желанія, предоставить свободу вашимъ привычкамъ, вотъ въ чемъ будетъ состоять мое счастье. Вы же, милая Бланка, вознаградите меня: хотя небольшою частью сладостной любви, любите меня. Не имейте тайнъ отъ вашего стараго друга; мнѣ не чужды всѣ ощущенія, испытываемыя въ жизни; если въ продолженіе той жизни, которую мы должны пройти вмѣстѣ, посторонній голосъ заставитъ васъ затрепетать, придите съ полною довѣренностью вѣзти въ мою грудь преходящее чувство, которое можетъ-быть, не смотря на всю мою нѣжность, я не буду умѣть возбудить въ васъ; истинная любовь вразумитъ всѣ горести, мысль вѣренная другу успокоивается, а сердце оживно, когда есть другое сердце, на которое оно можетъ положиться.

«Прощай Бланка, прощай прекрасная лилія, рожденіе которой я видѣлъ, ты — цвѣтокъ, приносящій надежду.»

— Я понимаю, что вы не любите, сказала я мадамъ де-Марсакъ, окончивъ чтеніе.... и это письмо....

— Исполнило все, что обещало, воскликнула Бланка, прерывая меня, я счастливейшая изъ женщинъ !

Вилла Паста. Весною 1833 года, синьора Паста удалилась въ свою прелестную виллу отдохнуть отъ театральныя устѣховъ и трудовъ. Знаменитой пѣвицъ былъ тогда тридцать-осьмой годъ. Волненія и заботы, неразлучныя съ жизнью артистки, не очень измѣнили чистый очеркъ ея лица, прозрачность взгляда, грацію меланхолической улыбки. Станъ ея, хотя небольшой и развитый преждевременной полнотою, представлялъ однако взору гармоническія линіи греческихъ статуй; особенно же рука ея сохранила близку и нежность молодости.

Освободившись отъ условнаго величія, требуемаго ея ролими, Паста становилась доброй женщиной въ полномъ смыслѣ этого слова, безцеремонной, веселой, даже хохотуней. Она немножко хромала, но объ этомъ природномъ недостаткѣ, который на театрѣ искусно скрывала, она въ свѣтъ не заботилась. Видя ее вблизи спокойной, скромной, трудно было бы угадать знаменитую актрису и пѣвицу, если бы искра, пламя, молнія не мелькали иногда во взглядѣ великой артистки, когда ей случалось давать урокъ пѣнія племянницъ, которую она воспитала и нежно любила.

Благородные посѣтители, между которыми находилось нѣсколько отраслей знаменитыхъ ломбардскихъ фамилій, толпились въ богатыхъ гостиныхъ и на благоуханныхъ террасахъ ея виллы. Принимая ихъ съ дружескою непринужденностью, синьора Паста наложила на нихъ однако два условія. Первое обязывало не стѣсняться никакими церемоніями, второе запрещало, подъ опасеніемъ немилости и даже временнаго изгнанія, всякій прямой или косвенный намекъ на музыку или театръ. Кромѣ этихъ предосторожностей, которыя обезпечивали ея независимость и охраняли отъ неудобствъ славнаго имени, синьора Паста приняла благоразумную привычку допускать къ себѣ своихъ гостей только два раза въ недѣлю, во вторникъ и въ пятницу.

Солнце пышно освѣщало свѣжее весеннее утро; знаменитая пѣвица уже ранехонько бѣгала по полямъ съ своей племянницей, смѣясь и расписывая какъ два беззаботные ребенка. Раскрасившись отъ удоволь-

отвѣта и усталости, онъ устались наконецъ подъ деревьями, возвышающимися надъ крестомъ изъ мшистыхъ камней, на перекресткѣ Санта-Марія, на дорогѣ, ведущей изъ Милана къ виллѣ Паста. Онъ сидѣли тутъ около десяти минутъ, отдыхая и связывая букетъ изъ цвѣтовъ, которые набрали дорогой, какъ вдругъ Пепита, вскочивъ съ живостью, уронила цвѣты и вскричала комически жалобнымъ тономъ :

— Тетушка! тетюшка! мы должны быть въ Миланѣ въ шесть часовъ; а теперь по-крайней-мѣрѣ два! А еще надо одѣваться! одѣвать! какъ я несчастна!

— Да, да, я общала синьоръ Торреджіани быть у ней непременно сегодня на вечеръ, отвѣчала синьора Паста, улыбаясь комическому отчаянію миленькой Пепиты.

Не успѣла наша пѣвица произнести эти слова, какъ уже племянница ея бѣжала съ проворствомъ лани, выпущенной на волю, не заботясь, шла ли за нею подруга или нѣтъ. Но на перекресткѣ вдругъ она наткнулась на всадника, котораго лошадь уже занесла свои переднія ноги надъ головой дѣвушки; при крикѣ ужаса синьоры Пасты, лошадь, сдержанная сильною рукою, отпрянула назадъ и повалилась на земь съ сѣдокомъ.

Другой крикъ ужаса отвѣчалъ первому; онъ вырвался изъ коляски, находившейся за сто шаговъ отъ этого мѣста и высокій молодой человекъ, блѣлый и блѣдный, спрыгнулъ съ экипажа и стремглавъ бросился къ упавшему всаднику. Тотъ приподнялся, и успокоивъ товарища улыбкой, поспышалъ на помощь дѣвушкѣ, лежавшей безъ чувствъ на рукахъ тетки.

Все это произошло мене чѣмъ въ десять секундъ и какъ иногда бываетъ среди безпорядку и смятенія, случилось, что обѣ женщины и оба мужчины очутились все четверо въ коляскѣ, взавшей на удачу и ни тѣ ни другіе не размѣнялись еще своими фамиліями. Наконецъ черезъ нѣсколько минутъ общаго безмолвія, молодой всадникъ, который отдалъ лошадь лакею и сидѣлъ напротивъ незнакомкѣ, сказалъ звучнымъ голосомъ и самымъ чистымъ тосканскимъ нарѣчіемъ:

— Куда прикажете васъ отвезти?

— За двѣ мили отсюда, въ виллу Паста, на берегъ озера. Извините, что я васъ беспокою этой просьбой, но этотъ бѣдный ребенокъ такъ слабъ....

При имени Пасты оба незнакомца нѣмко поклонились и младш

вскричалъ съ истинно ужаснымъ шепотомъ, съ энтузиазмомъ, который озвѣтилъ его черные глаза необыкновеннымъ огнемъ :

— Эта встрѣча, которая чуть было не сдѣлалась для насъ страшнымъ несчастіемъ, доставила намъ величайшую честь, мы съ братомъ всегда сохранимъ объ ней воспоминаніе. Въ каждомъ итальянскомъ городѣ заключаются сокровища, которыми онъ съ гордостью показываетъ иностранцамъ : Миланъ на берегу озера Маджоре обладаетъ виллой, въ которой заключается самый высокій драматическій талантъ Італіи.

Синьора Паста поклонилась въ свою очередь и отвѣчала прѣстѣмъ и благосклоннымъ тономъ, отнимавшимъ у ея словъ тотъ остатокъ досады, который бы захотѣла въ нихъ найти :

Знаменитости театральныя, по прихоти публики вытѣсняють одна другую. Вчера прославляли Пасту, сегодня Маллибранъ, завтра....

— Все-таки бы Пасту, еслибы она этого захотѣла! вскричалъ съ жаромъ молодой человѣкъ. Впрочемъ, синьора, хотя мы съ братомъ два дикаря, два американца, у насъ достаетъ столько толку, чтобы не хвалить и не унижать въ вашемъ присутствіи талантъ и имя Маллибранъ.

Улыбка удовольствія скользнула по граціознымъ губамъ Пасты и разговоръ мало-по-малу принялъ тонъ пріятныхъ пустяковъ, которые между новыми знакомыми устанавливаетъ скоро откровенность и дружелюбіе. Пенита почувствовала влеченіе къ младшему изъ братьевъ. Она находила въ его лицѣ и приемахъ неизъяснимую смѣсь силы и граціи, которыя придавали всей наружности отпечатокъ странной оригинальности. Это блѣдное, неправильное безбородое лицо, походило бы на лицо ребенка, не будь игры фizioноміи и блеску взора; мужская сила, напряженіе нервныхъ фибръ, казались ошибкою природы въ этомъ слабомъ и исхудаломъ тѣлѣ. Зачѣмъ, распоряжась волею старшаго брата, этотъ молодой человѣкъ, въ некоторыхъ минуты какъ-будто искалъ его охраны? Пенита ничего тутъ не понимала, но глаза незнакомца заставляли невольно опускаться ея взоры и обвивали ее сильно магнетической оцѣтью.

Подъѣхали къ открытой рѣшеткѣ; коляска покатилась тихо по восточной аллѣе и, проѣхавъ по извилистымъ англійскаго сада, сквозь которыя виднѣлась серебристая скатерть озера, остановилась передъ домомъ, живописно расположенномъ на возвышеніи.

— Это ублажище сибарита Горация, вскричал, младший братъ, проворно выпрыгнувъ изъ коляски и подавая руку королевицѣ Пепитѣ. Музыка, которая здѣсь слышится, стоитъ гармоническихъ пѣсень поэта.

Молодой человекъ вошелъ въ гостиную, безъ церемоніи взявъ руку давушки, между-тѣмъ какъ братъ его, все холодный и осторожный, церемоніально подалъ пѣвицу. Едва двери раскрылись передъ нимъ, молодой шалунишка бросился туда съ вѣтростью школьника, быстро переходя отъ изумленія передъ картиной Веронезе до мелочнаго вниманія къ вышиванію по канвѣ. Пепита ничего не понимала въ этой подвижности характера, въ которой было что-то легкомысленное и причудливое, а сеньору Пасту это очень забавляло и она не хотѣла принимать никакихъ извиненій отъ старшаго брата, важнаго и серьезнаго какъ Менторъ.

Незнакомцамъ подали закуску; сначала они отказались подъ предлогомъ, что ихъ ждутъ въ Миланѣ и что имъ едва остается время посѣтить въ городѣ.

— Мы съ племянницей тоже должны провести вечеръ въ Миланѣ, сказала Паста, и не скрою отъ васъ, что мы надеялись на вашу услужливость....

— Вы сдѣлаете намъ величайшую честь....

— Отъ этой чести вы будете имѣть неурядицъ участвовать въ умеренномъ обѣдѣ сельскихъ жителей. Прогулка придала намъ аппетитъ, позвольте намъ собраться съ силами для предстоящей поѣздки.

Весело съели за столъ, но тетка и племянница едва дотрогивались губами до холодной говядины и пирожнаго, а Американцы или какъ четверо Англичанъ. По окончаніи обѣда сеньора Паста попросила у своихъ гостей позволенія переодѣться, чтобы не испугать, сказала она очень мило, этихъ добрыхъ Миланцевъ, которые когда-то имѣли слабость находить ее недурною!

— Вотъ, прибавила она, вводя ихъ въ гостиную, альбомы, рисунки....

— И фортепиано, на которомъ играла Паста, перебить съ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ восторгомъ, молодой островитянинъ. Норма или Дездемона позволяютъ ли мнѣ прикоснуться къ ея инструменту?

— Юный другъ мой, Дездемона уже теперь не помнитъ арій, которъ: когда-то пѣла, она послушаетъ васъ съ удовольствіемъ, если вы ей напомните ихъ.

Хозяйки одѣвались цѣлый часъ. Пригвожденный къ фортепіано причудами своей импровизаціи, незнакомецъ не приметилъ этого. Только одинъ товарищъ его казался безпокойнымъ, то допрашивая струнку, подвигавшуюся на стали, то солнце, спускавшееся по горизонту. Уже около пяти минутъ Пепита съ теткой воротились въ гостиную и стали неподвижно, не смѣя ни вѣрить ушамъ, ни отдать себѣ отчетъ въ томъ, что слышали: въ могучей и высокой *кодль*, артистъ — это непременно былъ артистъ — соединилъ словно вдохновенные образы, трогательныя, страстныя, драматическія мелодіи, на которыя Паста наложила печать своего могучаго таланта. Въ мысли пѣвиста очевидно было намѣреніе создать хвалу великой артисткѣ единственнымъ способомъ, приличествовавшимъ ея славу. Паста поняла такъ скоро и такъ хорошо истинное и деликатное почитаніе, которое преклонялось передъ нею въ собственномъ ея домѣ, что обильныя и сладостныя слезы потекли по ея щекамъ. Потомъ, какъ-бы повинувшись безмолвной и неотступной просьбѣ, она смѣнила свой голосъ, заглушаемый рыданіями, съ нотами фортепіано, которыя зазвучали первыми тактами *Costa Diva*.

При этихъ звукахъ, молодой Американецъ приподнялъ голову и перебирая пальцами арпеджіи аккомпаньемента, устремилъ пронзительный взоръ на лицо Пасты, столь величественной въ своей пластической красотѣ. Но или волненіе захватило ей духъ или постоянная молнія этого сверкающаго взгляду помѣшала ея генію всплывать и заблестать, хрипѣвіе умирающаго сжало ея горло невдомымъ волненіемъ и рука аккомпанирующаго одна окончила возваніе *Нормы къ цѣломудренной богини!*

— Уже шесть часовъ, сказалъ холодно высокій молодой человекъ; даже загнавъ л снадей, мы рискуемъ пріѣхать очень поздно въ Миланъ.

Этотъ спокойный и протяжный голосъ пробудилъ трехъ другихъ особъ. Запряженныя и взнузданныя лошади нетерпѣливо топали на дворъ. Синьора Паста, Пепита и старшій незнакомецъ сѣли въ коляску, а младшій братъ проворно вспрыгнувъ на своего коня; то галопируя у дверей экипажа, то, несясь во весь опоръ впередъ, съ

глазами сверкавшими во мракъ, съ развѣвающимися волосами, онъ мелькалъ на горизонтѣ какъ слѣдуетъ Араба, склонившагося на шею своего коня.

Уже поздно ночью коляска и всадникъ остановились передъ палаткою Торреджіани, синьора Паста и Пепита поблагодарили незнакомецъ и располагались переступить порогъ, какъ вдругъ знаменитая пѣвица почувствовала, что младшій братъ поднесъ къ губамъ ея руку, покрывая ее поцѣлуями и слезами.

— Синьора, сказалъ онъ поднимая на нее глаза, сіяшіе лихорадочнымъ блескомъ, въ минуту разставанія окажите мнѣ послѣднюю милость! Отдайте мнѣ эту перчатку, которую испортилъ мой нескромный энтузіазмъ. На вашей рукѣ ея не станетъ и на одинъ балъ, но на моей груди, смоченная моими слезами, на шнурокъ, доставимся мнѣ послѣ моей матери, она продолжится столько же какъ моя жизнь!

— Но кто же вы? вскричала Паста. Ваше присутствіе меня смущаетъ, взоръ очаровываетъ, кто же вы, непостижимый человекъ?

— Узнаете изъ этого *сувенира*, отвѣчалъ онъ, подавая пѣвицѣ черную бархатную книжечку, застегивавшуюся золотымъ аграфомъ и убѣгая съ своимъ товарищемъ, поспѣшно спрятавъ перчатку на груди.

На аграфѣ было вырѣзано готическими буквами: *Марія Малибранъ*.

ПЕРСТЕНЬ. Можетъ-быть вамъ, милостивыя государыни, интересно будетъ узнать происхожденіе этихъ прелестныхъ вещицъ, которыя вы носите съ такою граціей, и которыя такъ хорошо къ вамъ идутъ. Мы начнемъ съ перстня, а тамъ когда-нибудь доберемся и до всего другаго.

Обычай носить перстень одинъ изъ самыхъ древнихъ. Перстню приписываютъ честь мифологическаго происхожденія. Говорятъ, что Прометей отсоветовалъ Юпитеру ухаживать за Фетидой, потому что сынъ, родившійся отъ этого союза, завладеетъ бы трономъ отца. Юпитерь, въ благодарность за такой советъ, позволилъ Геркулесу освободить советчика. Но не желая измѣнить своей клятвѣ, приказалъ, чтобы Прометей носилъ на пальцѣ желѣзный перстень, къ которому велѣлъ прикрѣпить кусокъ камня, чтобы можно было сказать,

не солгавши, что Прометей прикованъ, а Юпитеръ взрѣвъ своей клят-
въ. Позволяя себѣ сомнѣваться въ такомъ происхожденіи, мы можемъ
только утвердительно сказать, что Халдейцы, Египтяне и Карен пер-
вые изъ народовъ носили перстни. Персіане увѣряютъ, что Гимнидъ,
одинъ изъ царей ихъ, ввелъ это обыкновеніе, и что Греки и Римляне
узнали его гораздо позже. Скорусъ, зять Силлы, первый явился въ
Римъ съ перстнемъ на пальцѣ.

Потомъ мода и роскошь позаботились распространить этотъ обы-
чай и скоро на пальцахъ каждой благородной особы заблистали
перстни. Ихъ носили на мизинцѣ лѣвой руки; тотъ палецъ, что на-
зывается безымяннымъ, назначался для кольца, о которомъ мы
поговоримъ въ другой разъ.

ШЕЛКОВЫЕ ЧУЛКИ. Думали ли вы когда-нибудь, — мы все обра-
щаемся къ нашимъ читательницамъ, — думали ли, вы, mesdames, обу-
ваясь въ прозрачную ткань, сквозь которую виднѣется тонкость ва-
шей ножки и розовая бѣлизна кожицы, что ваши прабабушки, не
менѣе васъ тоненькія и розовенькія, принуждены были закрывать
свои цѣжныя ножки въ грубый сукоцный чулокъ, который безобра-
зятъ самую красивую ножку.

Королева Берта, мать Карла-Великаго, которую прозвали *Бертой
съ большой ногой*, должна была часто проклинать свой толстый чу-
локъ, по милости котораго природный ея недостатокъ становился
еще замѣтнѣе.

А Агнеса Сорель, эта царица красоты, эта изящная женщина, для
которой малѣйшая подробность въ нарядѣ была важнымъ дѣломъ,
эта щеголиха пятнадцатаго столѣтія, которой такъ хотѣлось выка-
зывать все свои наружныя преимущества, Агнеса Сорель должна
была носить чулки, которыя не захотѣла бы надѣть нынѣшняя тор-
говка!

Спустя столѣтіе другая щеголиха, Диана де-Поатіе, герцогиня де-
Валантинао, одѣваясь однажды утромъ, жаловалась на толщину сво-
ихъ чулокъ, сшитыхъ изъ шелковой матеріи.

— Можетъ ли быть, говорила она своей горничной, чтобы до-сихъ-
поръ не выдумали чего нибудь лучше этой гадкой обуви? Посмотри,
какъ это безобразитъ мою ногу, Люція!... а вчера у королевы, я
замѣтила, что нога герцогини д'Эпернонъ вдругъ сдѣлалась тоньше.

Что это за чужие, Люция? Мне показалось, будто чулки у ней вовсе не такие как моя. Верно выдумали что-нибудь новое.... И я этого не знаю, а, Диана де-Повуа! Не я должна открыть эту тайну.... чтобы эта д'Эпернонь не воображала, что будто у ней одной тонкая и нежная нога....

В эту минуту Генрих-Второй вошелъ въ комнату прелестной герцогини, которая жила во дворцѣ какъ италіе-дама. Едва взглянула она на него, какъ тотчасъ же вскрикнула :

— Что я вижу?.... государь!.... вамъ также известна тайна?.... у ва съ новые чулки?....

Въ самомъ дѣлѣ Генрихъ-Второй былъ обутъ въ шелковые чулки, которые, выказываясь изъ подъ панталонъ, обрисовывали ея красивую ногу.

— Видите ли, прелестная герцогиня, что я такъ же хорошо обутъ какъ герцогиня д'Эпернонь.

— Какъ, государь, вы замѣтили?....

— Я замѣтилъ, герцогиня, направленіе вашихъ глазъ, вчера, у королевы; послѣдовалъ за ними и они привели меня прямо къ герцогинѣ д'Эпернонь, и я увидѣлъ то, что огорчало васъ.

— Что жъ далѣе государь?....

— Далѣе то, что я открылъ тайну и вотъ она....

Диана съ живостью приблизилась къ королю.

— О! говорите, государь, говорите!

— Кто-то изобрѣлъ станокъ, для тканья чулокъ съ петлями, гораздо легче нашихъ чулокъ изъ шелковой матеріи. Не знаю, къ какой націи принадлежитъ изобрѣтатель, могу только вамъ сказать, что станокъ выдѣлалъ до-сихъ-поръ три пары чулокъ, которыхъ продавецъ находится въ Парижѣ; изъ этихъ трехъ паръ, у герцогини д'Эпернонь первая, у меня вторая....

Можете себѣ представить, какъ обрадовалась Диана; тотчасъ же она послала къ мастеру и нарядилась въ драгоценное изобрѣтеніе.... и вотъ происхождение шелковыхъ чулокъ.

Но долге еще эта обувь употреблялась только въ царскихъ фамиліяхъ. Марія Медіца поднесла Филиппу-Второму одну пару, за которую заплатили на всю золотомъ. На свадьбѣ Генриха Наварр-скаго съ Маргаритой, дочерью Генриха-Третьяго, только король Карлъ-Десятый да новобреченны были въ шелковыхъ чулкахъ. Ген-

рихъ же Четвертый такъ мало заботился о своемъ туалетѣ, что долго не следовалъ этой модѣ. Уже впоследствии, когда женился на Маріи Медичи и когда шелковые чулки вошли во всеобщее употребленіе, онъ сталъ ихъ носить.

Теперь шелковые чулки въ такомъ ходу, что навѣрно съ трудомъ поверять, какъ дурно приходилось ножкамъ нашихъ прабабушекъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Въ Парижѣ на театрѣ Комической Оперы давались двѣ новыя пьесы. Одна изъ нихъ носитъ названіе «Talisman»; либретто въ одномъ дѣйствіи, написано господами Варенъ и Шокаръ (Varin et Choquant), а партитура написана господиномъ Юссъ (Josse).

Варенъ и Шокаръ, авторы многихъ очень занимательныхъ водевилей, составили для композитора довольно музыкальную рамку. «Талисманъ», не играя словами, не заключаетъ въ себя ничего чудеснаго. Все очарованіе этого талисмана, который есть больше ничего, какъ простая трубка, состоитъ въ назначеніи, данномъ ему его обладателемъ. Обладатель же этотъ — старый африканскій солдатъ; умирая онъ завѣщаетъ свою трубку одному изъ своихъ молодыхъ товарищей, что и даетъ послѣднему право жениться на молодой Франсинѣ, дочери стараго сержанта. Франсина живетъ во Франціи на фермѣ сестры своей и уже влюблена въ господина Раймонда, военнаго, готоваго получить полную отставку. Является другой военный, Іерихо, цусарскій трубачъ, пользующійся также полною отставкой и обладающій трубкою. Ему сначала отказываютъ въ мѣстѣ работника на фермѣ и въ рукѣ сестры Франсины, но когда узнаютъ, что въ его рукахъ находится трубка — истолкователь послѣдней воли стараго солдата, его начинаютъ угощать и подбивать.

Франсина и Раймондъ приходятъ въ отчаяніе; но вотъ они узнаютъ отъ Іерихо, — эта смѣшная фамилія какъ нельзя лучше идетъ къ экстра-трубачу, — что онъ хотя и обладатель трубки-талисмана, благодаря которой его такъ хорошо принялъ, но что онъ выигралъ ее въ карты у капрала Биду, настоящаго наследника стараго сержанта; Биду, женившись на маркизантшѣ своего полка, не заблагоразсудилъ возвратиться во Францію, чтобы воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему завѣщаніемъ его стараго товарища. Такова окончательная рамка

этого небольшого либретто, веселаго, живаго, легкаго и музыкальнаго и дѣло оканчивается двумя свадьбами.

Эти контрасты сельскихъ и военныхъ нравовъ, комизма и чувства внушили композитору музыку, хорошо написанную, хорошо составленную, но мало отличающуюся увлекательностью, живостью и наконецъ оригинальностью; довольно сослаться хотя на одинъ примѣръ: арія «*Pipe jolie! que'le est donc ta magie*», довольно хорошо пропѣтая впрочемъ Шарль-Понинаромъ, какъ нельзя лучше исполненнымъ роль Терихо; эта арія невольно напоминаетъ намъ куплеты, полные мелодической легкости о курительной трубкѣ, изъ «*Petit papetot*», и сравненіе больше говоритъ въ пользу стаго мелодиста нежели новаго.

Замѣчательно еще прекрасное тріо, гдѣ выступаетъ оркестръ въ живописномъ рисункѣ. Оно оканчивается хорошо разсчитаннымъ для голоса въ квартетомъ; это самая основная часть произведенія. Двѣца Декроа съ обыкновенною ей прелестью поетъ хорошенкѣе куплеты. Хороши также куплеты, при началѣ пьесы, которыя двѣца Лемерсье поетъ съ особеннымъ искусствомъ. Небольшой отрывокъ легкой мелодіи: «*Toujours léger d'argent, en chantant je chemine*» чрезвычайно нравится всѣмъ, можетъ быть, по сходству своему съ интродукцію «*Robert le Diable*». За тѣмъ слѣдуетъ наскоро написанный дуэтъ фермерши и мессира Терихо, а потомъ хорошо составленная увертюра на прекрасный мотивъ. Вотъ содержаніе партитуры Юсса. Мы желаемъ, чтобы его музыка перешла въ потомство, какъ его имя, которое обезсмертилъ Мольеръ, однимъ размахомъ своего генія или одною чертою комизма.

Вторая пьеса, представленная на томъ же театрѣ, была комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «*Giralda ou la nouvelle Pysché*», слова Скриба; партитура А. Адана. Эта пьеса имѣла необыкновенный успѣхъ, Галевн написалъ объ ней въ «*Constitutionnel*» громкую статью. Известно, что Аданъ музыкальный редакторъ этого журнала, онъ не могъ самъ разбирать свое собственное сочиненіе, поэтому Галевн воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отплатить своему собрату, за все такъ часто расточаемые имъ громкія похвалы ему.

Въ «*Satibogien*», французскомъ журналѣ, издаваемомъ въ Сант-Франсиско помѣщено другое приключеніе съ Герцогомъ, о которомъ

онъ самъ не упоминаеть, и въ которомъ много комическаго, кон оно и могло бы обратиться въ трагическое.

«Съ каждымъ днемъ, вѣнеть «California», городъ представляется какъ декорациа на театрѣ. Это безпрерывная сагасмагорія, и кто, проспавъ нѣсколько дней въ своей квартирѣ, выйдетъ на улицу, то можетъ вообразить, что домъ его переманилъ свое мѣсто. И притомъ, изъ ничего удивительнаго въ этомъ, потому что при землетрясеніяхъ, которыми мы наслаждаемся, можно ожидать, что въ одно утро мы проснемся среди нашего рейда. Госводинъ Герцъ, знаменитый артистъ, известный вамъ, едва не сдѣлался жертвою одного изъ этихъ землетрясеній, въ первую ночь своего прибытія. Внезапно пробужденный трескомъ и колебаніемъ дома, гдѣ онъ жилъ, Герцъ вскочилъ въ окно и принужденъ былъ злбнуть, въ саванномъ легкомъ одѣяніи, и три часа дожидаться наступленія дня. Растрескавшійся и разсвѣвшійся, какъ нерезрѣлое гранатовое яблоко, домъ, держится теперь только съ помощью кривыхъ подпорокъ.»

Все это еще болѣе увеличитъ блестящій успѣхъ артиста. Письмо, изъ котораго мы извлекли большую часть подробностей, написано 9 мая на пароходѣ «Панама.» Генри Герцъ отправился теперь въ Мадридъ, чтобы дать нѣсколько концертовъ въ Мексикѣ и потомъ достигнуть Южной Америки; кажется, онъ рѣшился совершить путешествіе вокругъ всего свѣта.

Въ Лондонѣ никогда музыка Галевн не была въ такой модѣ какъ теперь; сочиненія его играютъ на двухъ театрахъ и вездѣ успѣхъ его изумителенъ. На театрѣ Ея Величества безпрерывно идутъ представленія «Tempesta», этой превосходной драмы Шекспира, переложенной Скрибомъ для оперы. Успѣхъ этого произведенія также великъ, какъ и въ первое ея представленіе; публика въ восторгѣ отъ нея. Но представленія «Буря» едва не прекратились въ этотъ сезонъ по случаю отъезда Карлотты Гризи, которой окончивался ангажементъ; теперь она снова приглашена на одинъ мѣсяцъ и оперу эту продолжаютъ давать. Кромѣ этого произведенія Галевн, для разнообразія репертуара, давались и другія піесы на этомъ театрѣ. Госпожа Зонтагъ была главною роль изъ «Дочери втораго полка», этомъ триумфѣ Жюли Линдъ. Появленіе госпожи Мартинесъ, — Черной Малибранъ, не произвело большаго эффекта: здѣсь не понимаютъ, за что она заслужила такое честолюбивое пражвеніе. Гардинъ дебютировалъ въ «Сариски» —

Бедина, выходя съ госпожою Фредоники и съ госпожею Пароди; Молодаго тенора встрѣтили какъ любимаго артиста, котораго боялись потерять, и знали, что голосъ его еще болѣе украсился подъ холоднымъ небомъ Россіи. Госпожа Зенга въ пѣла «Domino-Notte» — Оберъ, переведенное на итальянскій языкъ.

Знаменитая Паста вышла изъ своего уединенія и снова явилась на сценѣ. Давали «Tempesta», и потому госпожа Паста, вмѣстѣ съ госпожею Пароди, пѣла отрывки, изъ оперы нѣкогда составлявшей торжество ея, изъ «Анны Болень». Голосъ у нея почти совсѣмъ пропалъ, но были минуты, когда она находила всю свою прежнюю силу и могущество и тогда публика приходила отъ нея въ энтузіазмъ.

На Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ также, какъ мы уже сказали, восхищаетъ Галеви; его «Жидовка» можетъ поспорить въ успѣхъ съ его же «Tempesta». Нельзя представить болѣе блестящаго собранія артистовъ, полныхъ таланта, долженствовавшихъ участвовать въ представленіи этой оперы. Госпожѣ Виардо дана была роль Рахили (Rachel), Маріо — Елеазара, Тамберлику — Леопольда, Массолю-Руджіеро, дѣвицъ Вера—Евдоксія и Формесу—кардинала Броньи (Brogni). Но почти вся труппа, исключая Виардо, вдругъ захворала. Не смотря на то афиша не была измѣнена и представленіе назначено. Формесь, хотя очень страдавшій, пѣлъ роль кардинала. Массоль началъ роль Руджіеро, но ее докончилъ Ромми. Что же касается до Маріо, то онъ совсѣмъ не являлся; но нашелся одинъ французскій пѣвецъ, Маральти, припомнившій роль Елеазара и согласившійся пропѣть ее на своемъ отечественномъ языкѣ. Каково, я думаю, было удивленіе госпожи Виардо, когда пріѣхавъ вечеромъ въ театръ, она замѣтила, что ей перемѣнили отца? Но не менѣе того она пропѣла и сыграла прекрасную роль Рахили, какъ великая и удивительная артистка. Какъ всегда, она была величественна и увлекательна, и публика была въ восторгъ и вызывала ее нѣсколько разъ. Формесь прекрасенъ въ роли кардинала, Маральти выказалъ свою память и силу и заслужилъ одобренія въ браво и вызовахъ. Партитура этой пьесы произвела на англійскую публику глубокое впечатлѣніе. Знаменитыя фразы, какъ напримѣръ: O! ma fille chérie, изъ перваго акта и финаль изъ третьяго, привели въ восторгъ всю залу.

Постановка на сцену оперы замечательна. Коста, въ качествѣ ор-

костра, какъ представитель отуотствующаго композитора, былъ названъ публикою.

Ко второму представленію «Жидовки» Маріо уже выздоровѣлъ и чувствовалъ себя въ состояніи изъять роль Клеазара. Но странна ли судьба Маріо, этого итальянскаго пѣвца, воспитаннаго для сцены французской, на которой онъ сдѣлалъ первый шагъ, и которую оставилъ для сцены итальянской, но стеченіе обстоятельствъ и потребность въка возвращаютъ его можетъ-быть и противъ собственнаго желанія къ роду музыки и драмы, отъ которой онъ хотѣлъ отречься навсегда? Съ каждымъ новымъ представленіемъ Маріо дѣлаетъ новые успѣхи, и болѣе и болѣе овладѣваетъ своей ролью Жида. Про Віард¹⁾ и говорить нечего, ей остается только оставаться воспитательной. Тамберликъ и дѣвица Вера также содѣйствуютъ успѣху этой оперы.

Одинъ лондонскій журналъ рассказываетъ, что въ день великаго праздника, давнаго директоромъ театра, Лумлеемъ, въ честь «Бури» Галеви, Непальскій посланникъ пожелалъ быть представленнымъ Карлоттѣ Гризи, танецъ которой приводилъ его въ восторгъ въ театрѣ. Желаніе его было услышано; но увидя танцовщицу, индѣйскій принцъ сдѣлалъ замѣчаніе, буквальный переводъ котораго былъ тотъ, что онъ ея не узвалъ, *потому что она была одита*.

Кѣльское общество пѣвца хочетъ отправиться въ Лондонъ, во время тамошней промышленной выставки и дать тамъ три концерта; изъ сбора одна часть пойдетъ въ пользу лондонскаго госпиталя, а другая присоединится къ суммѣ, назначенной для окончанія Кѣльскаго собора.

Университетъ города Іенны опредѣлялъ поднести Мейерберу почетный дипломъ (Ehrendip'om) на доктора музыки. Для поднесенія избрана была депутація изъ пяти профессоровъ, въ главѣ которыхъ стоялъ Карлъ Шнелль. Дипломъ отдѣланъ великолѣпно. Онъ напечатанъ на прекрасномъ пергаментѣ золотыми буквами и украшенъ миниатюрною живописью; онъ вложенъ былъ въ футляръ изъ краснаго сафьяна, украшенный гербомъ университетскимъ и слѣдующею латинскою надписью: »Jacobo Meyerbeer, musicæ arti in Borussia præfecto «primario, operibus eximiis et elegantis simis non modo in patria, sed etiam apud exteras gentes celeberrimo, etc., etc., honoris causa.»

Нидерландское общество поощренія музыкальнаго искусства да-

дало свое пятое великое торжество, продолжавшееся трое суток. Въ первый день, посвященный на состязаніе хоральныхъ обществъ мужскихъ голосовъ, амстердамское общество получило первый призъ; два другія общества, роттердамскія, получили второй и третій. Во второй день эти же самыя общества, соединясь вмѣстѣ и образуя цѣлое, болѣе нежели въ четыреста голосовъ, исполняли сочиненія духовной музыки Вебера, Крейцера, Клейна, Фанъ-Брее и «*Hymne aux artistes*» — Мендельсона. Во второй части этого застѣванія, соединенные хоры, образуя одинаковое число голосовъ, пропѣли съ аккомпаньементомъ органа мотетъ Іогана-Себастіана Баха, гимнъ Вергюльста, псаломъ Спора (Sporng), псаломъ для осьми голосовъ Мендельсона. Хорами дирижировалъ Фанъ-Брее. Превосходные артисты заставляли потомъ удивляться достоинству органа, одного изъ первыхъ въ Европѣ, исполняя произведенія I.-С. Баха, Гессе и другихъ. Третій день назначенъ былъ для «Иліи» — Мендельсона. Вся, сколько есть въ Голландіи любителей и артистовъ, тѣснились въ обширной залѣ и доказывали восторгъ свой непрерывными *bravo*. Видъ города въ праздничномъ одѣяніи и его великолѣпныя окрестности, освѣщенные яркими лучами солнца, присоединялись къ очарованію образцовыхъ произведеній искусства, чтобы вмѣстѣ произвести истинно симпатическій эффектъ. Это послѣднее празднество придаетъ новый блескъ обществу, которое уже лѣтъ съ двадцать отличается какъ одно изъ самыхъ полезныхъ учреждений къ распространенію музыки.

Въ Веймарѣ, 25 августа происходило празднество въ честь Гердера, одного изъ самыхъ знаменитыхъ веймарскихъ поэтовъ. Это число предшествуетъ только тремя днями 28, дню рожденія «Гёте, такъ блестяще отпразднованному по всей Германіи въ 1849 году, и которое Веймаръ рѣшился еще разъ отпраздновать. Составлена была великолѣпная программа этихъ двухъ празднествъ, гдѣ особенно отличались музыкальныя исполненія подъ дирижерствомъ Листа. Вечеромъ 24 августа былъ представленъ на театрѣ «Освобожденный Прометей.» — Гердера. Первые драматическіе артисты этой сцены декламировали роли. Листъ сочинилъ хоры и увертюру, исполненную совершенно новымъ образомъ. Декорации и постановка на сцену, подѣ распоряженіемъ господина Преллера, отличнаго и сроднившагося съ формами и потребностями древняго искусства, живописца, были великолѣпны. Произведеніе это оканчивается хоромъ девяти музъ, группа которыхъ

огражденный множествомъ другихъ музыкальныхъ лицъ, представлялъ картину, полную сценическаго эффекта. Наканунъ 28 числа дано было первое представленіе новой оперы Рихарда Вагнера, подъ заглавіемъ «Lohengrin». Это было нѣмъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ рыцарей въ цѣлѣ рыцарскихъ романовъ. Театральное управленіе не пожалѣло издержекъ, чтобы только дать этому произведенію всевозможное величавіе; костюмовка на сцену, декорации, костюмы, все это удивительно и точно изучено было по памятникамъ того времени. Музыкой въ оперѣ дирижировалъ Листъ. На эти праздники пріѣхало множество знаменитыхъ иностранцевъ. Большая часть членовъ Гетовскаго комитета въ Берлинѣ, явилась сюда по приглашенію. Прелестный прологъ для «Lohengrin» написанъ [былъ Дингельстадомъ (Dingelstadt), знаменитымъ шуттардскимъ поэтомъ, присутствовавшимъ на этихъ праздникахъ].

Берлинское общество артистовъ-музыкантовъ, определяло воздвигнуть надгробный монументъ въ память умершаго придворнаго капельмейстера Николаи. Тоже общество назначило отъ себя компанію для составленія кассы вспоможенія. По приказанію короля, берлинскій соборный хоръ (Dom-Chor) исполнилъ въ Friedens Kirche различные мѣсы церковной музыки; изъ нихъ особенно замѣчательны: знаменитая «Stansibus» — Лотти, мотетъ — Грелля, сочиненіе нашего Боргьянскаго, принадлежащее къ Православной Церкви; «Impregressia» Палестрины и знаменитѣе «Miserere» — Аллегри.

Въ Берлинѣ недавно явилась новая пѣвица, госпожа Эбеллингъ, ученица Віардо, и подаетъ, говорятъ, большія надежды.

Въ Лейпцигѣ давали новую оперу въ четырехъ дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ: «Geneviève», — Роберта Шуманна. Это сочиненіе, о которомъ такъ много кричали сначала, кажется не удовлетворило ожиданію публики: это просто концертная музыка безъ всякой драматической силы. Советамъ другой успѣхъ будетъ имѣть опера Николаи, «Виндзорскія кумушки», се теперь разучиваютъ и представленія начнутся по окончаніи осенней ярмарки. И тогда на время отдохнетъ опера «Пророкъ» отъ своей долгой и блестящей карьеры. Теперь въ Лейпцигѣ идетъ вопросъ о томъ, чтобы образовать общество любителей и артистовъ для того, чтобы оно сдѣлало новое и полное изданіе твореній Себастьяна Баха.

Давида Вагнеръ, о которой мы упомянули въ прошедшей статьѣ, что

она замѣнила на время Виардо въ роли «Fides», въ Берлинѣ, прибыла теперь въ Вьну. Успѣхъ оперы «Пророкъ» здѣсь необыкновенный; всѣ билеты, за пять представлений впередъ, уже разобраны.

Въ концѣ юня Женни-Линдъ оставила Стокгольмъ. Она отправилась на пароходъ Gauthiod въ Любекъ. Передъ отъездомъ она отослала сборъ отъ своихъ шести концертовъ, 15,000 талеровъ, въ кассу пеннои вдовамъ и сиротамъ артистовъ. Кроме того, она отправила къ президенту стокгольмскаго общества воздержанія сумму въ 1,000 рейхсталеровъ, чтобы раздать ее въ награду тѣмъ, кто болѣе всѣхъ воздерживался отъ крѣпкихъ напитковъ. Изъ Любека, Женни-Линдъ отправилась въ Баденъ, куда прибылъ Вивье. Здѣсь они давали вмѣстѣ концертъ; и въ этотъ день не было ни игръ, ни баловъ, ни прогулокъ; всѣ обыкновенные удовольствія уступили мѣсто одному, — слышать двухъ знаменитыхъ артистовъ. Вивье вскорѣ потомъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ онъ долженъ былъ играть въ Ливерпулѣ.

В. ДАНКЕ.

=

КНИГИ ПО УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петраля, № 3.)

NOUVELLES LEÇONS

DE LITTÉRATURE FRANÇAISE ET DE MORALE

OU RECUEIL EN PROSE ET EN VERS

des plus beaux morceaux de la littérature française, ancienne et moderne, avec des notes explicatives et critiques. — Ouvrage adapté pour les Établissements du Ministère de l'Instruction publique et les Établissements de Demoiselles placés sous la protection de SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE.

PAR J. THIBOT.

St.-Petersbourg. 2e édition. Un volume in-8. — Prix 1 rbl. 50 cop. d'argent.

Il sera accordé des avantages aux personnes qui en prendront 50 exemplaires et au-dessus.

ABELINCOURT (Vte. d'). Les Hautes de la mort, histoire contemporaine.

Bruxelles 1850. 1 vol. in-18.

70 c.

AUDOUIN. Atlas de l'histoire des demoiselles. Paris. 1 vol. in-4 oblong.

Paris 1850.

6 rbls

- BATAILLE ET JULLIEN.** Traité des machines à vapeur. Paris 1847-49. 2 vols. et atlas in-4. 22 rbls.
- BERTHET.** Antonia; roman historique. Bruxelles 1850. 2 vols. in-18. 1 rbl. 40 c.
- BOUCHEPORN.** Études sur l'histoire de la terre et sur les causes des révolutions de sa surface. Paris 1844. 1 vol. in-8. 2 rbls. 15 c.
- BOUCHUT.** Traité des signes de la mort. Paris 1849. 1 vol. in-12. 1 rbl. 10 c.
- COLLIN.** Recherches expérimentales sur les glissements spontanés des terrains argileux. Paris 1846. 1 vol. et atlas in-4. 5 rbls. 15 c.
- COURTOIS-GÉRARD.** Manuel pratique du jardinage, 3e édition. Paris 1849. 1 vol. in-12. 1 rbl. 10 c.
- DERAY.** Hygiène du mariage, 2e édition. Paris 1850. 1 vol. in-12. 80 c.
- DELMIEU.** Le Rhin, histoire du fleuve depuis sa source jusqu'à son embouchure. Bruxelles 1850. 1 vol. in 12, avec gravures. 1 rbl. 50 c.
- DUMAS.** La femme au collier de velours. Bruxelles 1850. 1 vol in-18. 70 c.
- ÉTUDE** partielle du commerce d'exportation de la Chine. Paris 1848. 1 vol. gr. in-8. 3 rbls.
- FERRY.** Description de la nouvelle Californie. Paris 1850. 1 vol. in-12, avec cartes et vues. 1 rbl.
- GOETHE.** Le Faust; traduction complète et revue par H. Blaze, précédée d'un essai sur Goethe, par le même. Paris 1847. 1 vol. gr. in-8, avec gravures. 3 rbls. 50 c.
- GROS.** Quelques notes sur la photographie sur plaques métalliques. Paris 1850. 1 vol. in-8. 1 rbl.
- GUÉRIN.** Veillées du vieux matelot. Paris. 1 vol. gr. in-8, avec gravures. 2 rbls. 50 c.
- HERVEY-SAINT-DENYS (Baron d').** Recherches sur l'agriculture et l'horticulture des Chinois. Paris 1850. 1 vol. in-4. 2 rbls.
- JOBERT.** Traité de la chirurgie plastique. Paris 1849. 2 vols. in-8 et atlas in-fol. 16 rbls.
- LACROIX ET SERÉ.** Histoire de l'orfèvrerie - joaillerie. Paris 1850. 1 vol. gr. in-8. 3 rbls.
- LEDOUX.** Théorie de l'extinction des incendies. Paris 1850. 1 vol. in 12. 1 rbl. 15 c.
- LESUEUR.** Chronologie des rois d'Égypte. Paris 1848. 1 vol. in-4. 10 rbls.
- LEVY.** Traité d'hygiène publique et privée. 2e édition. Paris 1850. 2 vols. in-8. 4 rbls. 75 c.
- LIEBIG.** Chimie, appliquée à la physiologie végétale et à l'agriculture; traduit par Gerhardt. 2e édition. Paris 1844. 1 vol. in-8. 2 rbls. 50 c.

JUL 16 1937

